

HANDBOUND
AT THE

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1903 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ Н. Дубров

PG
2013
A65
L.73

СОДЕРЖАНИЕ.

СТРАН.

- Л. Н. Майковъ.** Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Александренко..... № 1. XIII и 1—344
- Тринадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1899 года. Отчетъ и рецензій I—V. № 2. II и 1—159
- Отчетъ о первомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ присужденіи премій митрополита Макарія..... № 3. 1—102
- С. М. Кульбакинъ.** Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика сважендзкаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ № 4. VIII и 1—224
- Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Выпускъ VIII..... № 5. IV и 1—246
-

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ LXXIII, № 1.

Л. Н. Майковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ КН. А. Д. КАНТЕМИРА.

СЪ ВВЕДЕНИЕМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ

ПРОФ. В. Н. Александренко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1903 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинг.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переписка кн. А. Д. Кантемира въ иностранныхъ и русскихъ архивахъ.

Въ ноябрѣ 1888 года Л. Н. Майковъ узнавъ о моемъ намѣреніи совершить поѣздку въ Англію для дальнѣйшихъ занятій въ архивахъ Лондона обратился ко мнѣ съ просьбою навести справки въ Оксфордѣ, дѣйствительно ли существуютъ тамъ письма кн. Кантемира, какъ на это указывала небольшая замѣтка, появившаяся въ Моск. Вѣд. 1878 г. (въ № 258)¹⁾. Леонидъ Николаевичъ интересовался тогда не столько дипломатической дѣятельностью кн. Кантемира, сколько главнымъ образомъ частной его жизнью, заграничной средой и обстановкой перваго русскаго сатирика, его научными и литературными связями. Л. Н. стремился къ отысканію новыхъ данныхъ, болѣе освѣщающихъ личность кн. Кантемира, какъ «человѣка замѣчательно образованнаго²⁾ по своему времени». Такова была основная идея, руководившая нами при изученіи и изданіи этой переписки кн. Кантемира. Остановимся на ея составѣ. Въ Оксфордѣ въ Бодлеевой библіотекѣ, въ отдѣленіи

¹⁾ Замѣтка очевидно составлена на основаніи свѣдѣній обнародованныхъ въ журналѣ The Athenaeum отъ 25 мая 1878 № 2639. Подробнѣе см. мое письмо изъ Лондона къ Л. Н. (бывш. тогда редакторомъ Жур. М. Н. Пр.) въ Жур. Мин. Нар. Просв. авг. сент. 1889.

²⁾ Пис. Л. Н. изъ Петербурга отъ 24 іюля 1839 г.

рукописей, когда то пожертвованныхъ Роулинсономъ, найдены письма кн. Кантемира къ его другу Замбони. Въ Лондонскомъ¹⁾ Госуд. Архивѣ (Public Record office) хранится его официальная переписка (ноты, записки, письма) съ англійскими министрами по поводу текущихъ вопросовъ внѣшней политики. Но особенно богатъ отдѣлъ писемъ и бумагъ кн. Кантемира въ Московскомъ²⁾ Архивѣ мин. ин. дѣлъ. Въ немъ хранятся: 1) рескрипты, грамоты, которыя посылались къ кн. Кантемиру сначала въ Лондонъ (1732 — 1738), затѣмъ въ Парижъ (1738 — 1744) его отечественнымъ правительствомъ; 2) официальныя донесенія кн. Кантемира къ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ и въ коллегію мин. д. (разныхъ родовъ реляцій и письма); 3) отпуски таковыхъ, важныя, между прочимъ, для установленія особенностей языка, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ записывались кн. Кантемиромъ собственноручно, тогда какъ реляціи (особенно важнѣйшія) посылались шифрованными, и затѣмъ расшифрованныя переписывались чиновниками иностранной коллегіи; 4) отпуски писемъ и подлинныя письма кн. Кантемира къ русскимъ дипломатическимъ представителямъ, аккредитованнымъ при иностранныхъ дворахъ; 5) отпуски писемъ къ частнымъ лицамъ; 6) письма разныхъ лицъ къ князю Кантемиру (въ отд. Лондонской и Парижской миссіи)³⁾. Данныя, извлеченныя нами изъ названныхъ архивовъ, напечатаны на стр. 1 — 210, съ 211 и до 291 идутъ письма, доставленныя Леониду Николаевичу другими лицами, но редакція текста какъ тѣхъ, такъ и другихъ уста-

¹⁾ Въ Лондонскомъ Гос. арх. и въ Парижскомъ Архивѣ мин. ин. д. хранятся его кредитивныя грамоты. Въ Архивѣ Бастиліи (Bibl. de l'arsenal № 10287 и 10288) нами были отысканы и списаны копии донесеній агентовъ тайной полиціи, наблюдавшихъ иногда за кн. Кантемиромъ, но къ сожалѣнію послѣ смерти Л. Н. еще не удалось отыскать этихъ копій. О нихъ см. Жур. Юр. Общ. при С.-Пет. Унив. 1896 янв. стр. 47 — 48; Рус. дипл. агенты въ Лондонѣ, т. I, стр. 368 — 372.

²⁾ Нѣсколько копій было списано въ С.-Петербургскомъ Госуд. Архивѣ (письма къ Бирону, Лестоку и др.) и въ Арх. Акад. Наукъ.

³⁾ Въ Библіотекѣ Моск. же Архива м. и. д. находятся списки частью извѣстныхъ и нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ сочиненій кн. А. Д. Кантемира и его отца кн. Димитрія Кантемира.

новлена лично Леонидомъ Николаевичемъ послѣ тщательнаго и продолжительнаго ихъ изученія.

Трудолюбивый и талантливый изслѣдователь хотѣлъ еще присоединить къ этому изданію свои примѣчанія и введеніе, но многосложныя занятія и другіе литературные труды отвлекли его вниманіе въ сторону, и смерть унесла его въ могилу, прежде чѣмъ удалось ему осуществить свое намѣреніе.

В. Александренко.

ВВЕДЕНІЕ.

Дипломатическая служба кн. А. Д. Кантемира въ Лондонѣ и Парижѣ.

Въ концѣ 1731 года возобновлены были дипломатическія сношенія Россіи съ Англіей¹⁾ и русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ былъ аккредитованъ сынъ бывшаго молдавскаго господаря князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ. Это былъ молодой еще человѣкъ (род. 8 сентября 1708 года), но уже съ раннихъ лѣтъ обращавшій на себя вниманіе своими способностями и своими познаніями. Первоначальное воспитаніе кн. Кантемиръ получилъ въ домѣ своего отца кн. Дмитрія Кантемира, избравшаго наставниками для своихъ дѣтей своего секретаря Ильинскаго и православнаго монаха Кондонди, дальнѣйшее же свое образованіе князь Антиохъ закончилъ въ Петербургѣ подъ руководствомъ нашихъ первыхъ академиковъ²⁾. Давно уже кн. Кантемиръ стремился въ Европу³⁾ и только теперь состоявшееся назначеніе (дек. 24, 1731) переносило его изъ Москвы въ Лондонъ, этотъ центръ европейской учености въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ теченіе своего пребыванія въ Англіи (1732 — 1738) кн. Кантемиръ является прежде всего официальнымъ представите-

¹⁾ Подробности см. въ моемъ введеніи къ Реляціямъ кн. А. Д. Кантемира. Москва 1892, стр. III — VII.

²⁾ Байера, Бернулли, Бильфингера, Х. Гросса и Мейера. Пекарскій, Ист. Ак. н. т. II, стр. 15; Мат. для ист. Ак. н. т. IV, 442 — 443; VI, 61; Байеръ, Исторія о жизни и дѣлахъ кн. Константина Кантемира (Москва 1783) стр. 333 — 334.

³⁾ См. его челобитную императору Петру Великому отъ 24 мая 1724; и указъ кол. ин. д. 8 сентября 1729, коимъ опредѣлено было взять въ коллегію кн. А. Кантемира и отправить его «для наукъ» въ иностранныя государства и сперва во Францію къ гр. А. Г. Головкину. (Изъ арх. Лонд. мис. т. г.).

лемъ внѣшней политики и интересовъ отечественнаго правительства. Онъ настаивалъ на признаніи Англіей императорскаго титула, стремился, хотя и тщетно, къ заключенію политическаго союза, и добился все таки отправленія со стороны Англіи посла въ Петербургъ (лорда Форбеса)¹⁾, и удаленія изъ Константинополя²⁾ интриговавшаго тамъ противъ Россіи англійскаго посла лорда Кинуля. Послѣ заключенія торговаго трактата³⁾ (2 дек. 1734 года) кн. Кантемиръ первый изъ русскихъ дипломатическихъ представителей высказалъ мысль объ учрежденіи русскаго консульства въ Лондонѣ и рекомендовалъ на этотъ постъ русскому правительству своего друга Замбони, съ которымъ поддерживалъ оживленную переписку. Не всѣ, однако, виды русскаго правительства соотвѣтствовали личнымъ взглядамъ и симпатіямъ князя Кантемира. Инструкція (п. 13) предписывала князю Кантемиру поддерживать дружественныя сношенія съ представителями Австріи и Пруссіи, но съ ними у него не сложилось близкихъ отношеній, не завязалъ онъ связей и съ англійскими лордами, какъ это было впоследствии съ гр. С. Р. Воронцовымъ. Съ дѣтства враждавшійся среди первыхъ сановниковъ русской имперіи, видѣвшій въ домѣ отца своего иностранныхъ принцевъ и дипломатовъ—кн. Кантемиръ никогда не тяготѣлъ къ сильнымъ міра сего⁴⁾ и потому и въ Лондонѣ онъ сблизился съ второстепенными членами дипломатическаго корпуса, людьми мало замѣтными по своему положенію, но интересовавшимися вопросами науки, литературы и искусства. Преимущественно это были итальянцы⁵⁾ (Замбони, Пучи, Озоріо

1) О немъ въ реляціяхъ т. I, стр. 42, 146; въ Москов. Арх. м. ин. д. англ. д. 1733 св. 36 № 11; Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 76.

2) См. прим. 17 къ письму отъ 18 мая 1735 (№ 34).

3) Мартенсъ, Собр. трактатовъ т. IX стр. 73—90.

4) Пис. къ Монконсель стр. 29, 1737 стр. 83: *j'ai appris par expérience qu'il vaut mieux d'être moins poli avec les gros seigneurs. Ne les chercher pas quand on n'en a pas besoin, est le meilleur moyen de s'en faire rechercher.*

5) По словамъ Байера кн. Кантемиръ отличался «пріятнымъ обхожденіемъ» (стр. 338), что привлекало къ нему людей даже мало его знавшихъ. Упоминаемый интимный кружокъ его знакомыхъ состоялъ изъ 7 лицъ (*nous sommes sept confrères*, стр. 108).

и др.), и въ ихъ средѣ князь Кантемиръ проводилъ часы своего досуга, подъ ихъ вліяніемъ онъ изучилъ новѣйшіе языки, познакомился съ сочиненіями Аріосто, Тассо, Альгаротти, Ролли и съ переводами классиковъ на итальянскій языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принимается за изученіе англійской литературы (произведеній Локка, Мильтона, Попа и Рочестера), а работами Свифта интересуется до послѣднихъ дней жизни. Не смотря на кратковременное пребываніе въ чужой странѣ, на кн. Кантемира, какъ и на его великихъ современниковъ (Бюффона, Вольтера, Монтескье), Англія имѣла большое культурно-воспитательное вліяніе. Эта страна поражала его свободою своихъ правовъ¹⁾, блескомъ своей цивилизаціи, тѣмъ почетнымъ положеніемъ, какое приобрѣли себѣ тамъ люди науки и литературы. Подъ вліяніемъ Англии и у русскаго сатирика крѣпнеть вѣра въ науку, и въ ея обновляющее дѣйствіе на русское общество. Воспитанный реформой Петра Великаго, онъ благоговѣнно чтитъ память Преобразователя²⁾ Россіи, желаетъ распространенія просвѣщенія въ своемъ отечествѣ путемъ культурнаго общенія съ западомъ и въ теченіе многихъ лѣтъ (какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ) является дѣятельнымъ посредникомъ между западно-европейскими и русскими учеными.

Въ эпоху кн. Кантемира политическій строй Англіи въ особенности обращалъ на себя вниманіе выдающихся мыслителей Европы. Имъ восторгался Вольтеръ, предъ нимъ преклонялся и гений Монтескье. Въ отличіе отъ этихъ философовъ кн. Кантемиръ не углублялся въ изученіе государственныхъ учрежденій Англии; лучи его математическаго ума направлялись въ другую сторону — на внутренній міръ человѣка, а не на анализъ его отношеній къ обществу и государству. Только впоследствии во Франціи, когда онъ ближе познакомился съ исторіей этой страны, и ея режимомъ — сравненіе напрашивалось само собой и особен-

1) Пис. 9 янв. 1733, стр. 95.

2) Янв. 21, 1737 къ м. Монконсель, стр. 71—72.

лемъ виѣшней политики и интересовъ отечественнаго правительства. Онъ настаивалъ на признаніи Англіей императорскаго титула, стремился, хотя и тщетно, къ заключенію политическаго союза, и добился все таки отпращиванія со стороны Англіи посла въ Петербургъ (лорда Форбеса)¹⁾, и удаленія изъ Константинополя²⁾ пнтриговавшаго тамъ противъ Россіи англійскаго посла лорда Кинуля. Послѣ заключенія торговаго трактата³⁾ (2 дек. 1734 года) кн. Кантемиръ первый изъ русскихъ дипломатическихъ представителей высказалъ мысль объ учрежденіи русскаго консульства въ Лондонѣ и рекомендовалъ на этотъ постъ русскому правительству своего друга Замбони, съ которымъ поддерживалъ оживленную переписку. Не всѣ, однако, виды русскаго правительства соотвѣтствовали личнымъ взглядамъ и симпатіямъ князя Кантемира. Инструкція (п. 13) предписывала князю Кантемиру поддерживать дружественныя сношенія съ представителями Австріи и Пруссіи, но съ ними у него не сложилось близкихъ отношеній, не завязалъ онъ связей и съ англійскими лордами, какъ это было впоследствии съ гр. С. Р. Воронцовымъ. Съ дѣтства враждавшійся среди первыхъ сановниковъ русской имперіи, видѣвшій въ домѣ отца своего иностранныхъ принцевъ и дипломатовъ—кн. Кантемиръ никогда не тяготѣлъ къ сильнымъ міра сего⁴⁾ и потому и въ Лондонѣ онъ сблизился съ второстепенными членами дипломатическаго корпуса, людьми мало замѣтными по своему положенію, но интересовавшимися вопросами науки, литературы и искусства. Преимущественно это были итальянцы⁵⁾ (Замбони, Пучи, Озоріо

1) О немъ въ реляціяхъ т. I, стр. 42, 146; въ Москов. Арх. м. ин. д. англ. д. 1733 св. 36 № 11; Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 76.

2) См. прим. 17 къ письму отъ 18 мая 1735 (№ 34).

3) Мартенсъ, Собр. трактатовъ т. IX стр. 73 — 90.

4) Пис. къ Монконсаль стр. 29, 1737 стр. 83: *j'ai appris par expérience qu'il vaut mieux d'être moins poli avec les gros seigneurs. Ne les chercher pas quand on n'en a pas besoin, est le meilleur moyen de s'en faire rechercher.*

5) По словамъ Байера кн. Кантемиръ отличался «пріятнымъ обхожденіемъ» (стр. 338), что привлекало къ нему людей даже мало его знавшихъ. Упоминаемый интимный кружокъ его знакомыхъ состоялъ изъ 7 лицъ (*nous sommes sept confrères*, стр. 108).

и др.), и въ ихъ средѣ князь Кантемиръ проводилъ часы своего досуга, подъ ихъ вліяніемъ онъ изучилъ новѣйшіе языки, познакомился съ сочиненіями Аріосто, Тассо, Альгаротти, Ролли и съ переводами классиковъ на итальянскій языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принимается за изученіе англійской литературы (произведеній Локка, Мильтона, Попа и Рочестера), а работами Свифта интересуется до послѣднихъ дней жизни. Не смотря на кратковременное пребываніе въ чужой странѣ, на кн. Кантемира, какъ и на его великихъ современниковъ (Бюффона, Вольтера, Монтескье), Англія имѣла большое культурно-воспитательное вліяніе. Эта страна поражала его свободою своихъ нравовъ¹⁾, блескомъ своей цивилизаціи, тѣмъ почетнымъ положеніемъ, какое приобрѣли себѣ тамъ люди науки и литературы. Подъ вліяніемъ Англіи и у русскаго сатирика крѣпнеть вѣра въ науку, и въ ея обновляющее дѣйствіе на русское общество. Воспитанный реформой Петра Великаго, онъ благоговѣнно чтитъ память Преобразователя²⁾ Россіи, желаетъ распространенія просвѣщенія въ своемъ отечествѣ путемъ культурнаго общенія съ западомъ и въ теченіе многихъ лѣтъ (какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ) является дѣятельнымъ посредникомъ между западно-европейскими и русскими учеными.

Въ эпоху кн. Кантемира политическій строй Англіи въ особенности обращалъ на себя вниманіе выдающихся мыслителей Европы. Имъ восторгался Вольтеръ, предъ нимъ преклонялся и гений Монтескье. Въ отличіе отъ этихъ философовъ кн. Кантемиръ не углублялся въ изученіе государственныхъ учрежденій Англіи; лучи его математическаго ума направлялись въ другую сторону — на внутренній міръ человѣка, а не на анализъ его отношеній къ обществу и государству. Только впоследствии во Франціи, когда онъ ближе познакомился съ исторіей этой страны, и ея режимомъ — сравненіе напрашивалось само собой и особен-

¹⁾ Пис. 9 янв. 1733, стр. 95.

²⁾ Янв. 21, 1737 къ м. Монконсель, стр. 71—72.

ности государственнаго строя Англіи выросли передъ нимъ въ всемъ ихъ величіи. Апрѣля 18, 1738 года князь Кантемиръ былъ пожалованъ званіемъ камергера и велѣно было ему ѣхать въ характерѣ полномочнаго министра¹⁾ къ французскому двору. 2/13 сентября князь Кантемиръ выѣхалъ изъ Лондона и 8/19 прибылъ въ Парижъ, съ которымъ познакомился еще въ 1736 году²⁾. Служба при новомъ дворѣ представляла непреодолимая затрудненія. Кн. Кантемиру приходилось отстаивать политику Россіи, враждебно дѣйствовавшей по отношенію къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ (Швеціи, Польшѣ и Турціи), тогда какъ эти державы своей солидарностью³⁾ составляли восточный оплотъ⁴⁾ Франціи, были ея исконными союзниками въ борьбѣ съ традиціоннымъ врагомъ Франціи — Австріей, съ которой Россія же заключила оборонительный и наступательный союзъ (6 авг. 1726 г.). «Ваше Величество (писалъ князь Кантемиръ въ іюль 1740 года) легко судить изволить, что отъ здѣшняго двора никакой пользы себѣ ожидать не можетъ», и таковъ основной тонъ его донесеній изъ Парижа. Съ своей стороны и французское правительство не было расположено къ князю Кантемиру. Король и королева выказывали ему холодность, Флери и Амело относились къ нему съ недовѣріемъ, его считали англоманомъ и въ то время когда Шетарди усиленно интриговалъ въ Петербургѣ — за княземъ

1) Въ Англіи въ званіе полномочнаго министра кн. К — ъ возведенъ былъ рескриптомъ 17 іюля 1733 года. Кредитивныя грамоты кн. К — у на званіе полномочнаго министра (апр. 18, 1738), чрезвычайнаго посла (дек. 11, 1738) и снова полномочнаго министра (сентября 24, 1742) хранятся въ Париж. Арх. м. и. д. Russie № 30, 31 и 41. Выписка объ опредѣленіи кн. Кантемира въ Парижъ д. фр. въ Моск. Арх. м. и. д. 1738 св. 43; инструкція въ Пам. нов. рус. ист. т. III (СП. 1873) 119 — 126, реляціи 127 — 255 и у Стоюнина, Кн. А. Кантемиръ въ Парижѣ, Вѣстн. Евр. 1880 авг. и сент.

2) Кн. Кантемиръ прибылъ въ Парижъ 6/17 августа 1736 г. и 5 сентября вернулся опять въ Англію. Во время этой поѣздки кн. Кантемиръ познакомился съ докторомъ Жандромъ и маркизой Монконсель.

3) 19 іюля 1740 года, благодаря Вильневу, былъ заключенъ въ Константинополѣ союзъ между Турціей и Швеціей.

4) Barrière de l'Est; о немъ у Rambaud, Rec. des Instructions, Russie. Paris 1890, XXI — XXXIX.

Кантемиромъ (осенью 1741 года) тайно наблюдали въ Парижѣ¹⁾ и даже хотѣли его удаленія изъ Франціи²⁾. Какъ и въ Англии, въ Парижѣ общество кн. Кантемира ограничивалось небольшимъ числомъ друзей, преимущественно ученыхъ. Въ Парижѣ кн. Кантемиръ сблизился съ извѣстнымъ въ свое время математикомъ — философомъ, другомъ Фридриха Великаго, Мопертюи, и черезъ посредство кн. Кантемира Мопертюи былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Петербурской Академіи Наукъ. Во Франціи кн. Кантемиръ завязалъ сношенія съ Вольтеромъ и ученымъ аббатомъ Гваско, другомъ Монтескье, написавшимъ впоследствии его біографію³⁾, но все же привязаться къ этой

1) Данныя тайнаго надзора за кн. Кантемиромъ, хранящіяся въ Архивѣ Бастиліи (Bibl. de l'Arsenal № 10287 и 10288) такъ рисуютъ жизнь кн. Кантемира въ Парижѣ: князь вставалъ довольно рано и иногда въ 10 часовъ утра уже уходилъ изъ дому; обѣдалъ около 3 часовъ, около 10 часовъ ложился спать. По свойственной ему осторожности прислугу бралъ къ себѣ въ домъ надежную, по рекомендаціи, что затрудняло наблюденіе за нимъ. Иногда выходилъ изъ дому съ книгою и гулялъ въ саду Тюльери, но бывали дни (дов. отъ 9 сентября и 13 октября 1741), когда князь цѣлый день не выходилъ со двора и только вечеромъ уѣзжалъ въ театръ. По улицамъ ходилъ такъ быстро, что агентъ не успѣвалъ слѣдовать за нимъ (дон. 3 дек.: il a pris la rue du Bacq et allant trop vite on l'a perdu de vue).

2) Амело къ Шетарди янв. 21, 1742: je ne dois point vous laisser ignorer que de tous les ministrs étrangers qui sont ici il n'y a point, qui soit si anglais et si autrichien que le prince de Cantemir. Согласно депешѣ и Шетарди къ Амело (отъ 24 февр. 1742. Сб. И. Р. И. О. т. 86, стр. 86) онъ хотѣлъ поднять вопросъ объ отозваніи кн. Кантемира, но не рѣшался, зная, что ему покровительствуетъ кн. А. М. Черкасскій.

3) Въ русской литературѣ, благодаря В. Я. Стоюниву, и до сихъ поръ существуетъ заблужденіе, будто бы біографію кн. Кантемира написалъ аббатъ Венути. См. Сочиненія кн. Кантемира С. Петербургъ 1867 т. I вв. стр. XVI; Вѣст. Евр. 1867 мартъ стр. 227; И. И. Шимко, Нов. данныя къ біогр. кн. Кантемира, С.-П. 1891, стр. 19, 146 и др. Между тѣмъ во французской литературѣ Дасье (M. Dacier) въ своей *Eloge de M. l'abbé de Guasco* (*Hist. de l'Academie des Inscr. et. V.-L. t. 45 p. 186—195*) прямо говоритъ: son premier essai en Français fut la traduction des Satyres Russes du Prince Cantemir, Ambassadeur de Russie à la cour de France, également recommandable comme Ministre et comme homme de lettres et dont il est devenu l'ami. Il ne publia cette traduction que plusieurs années après la mort du Prince dont il écrivit alors la vie qu'il a mise à la tête des Satyres. Точно такъ же Бантышъ-Каменскій (Слов. достопам. людей, ч. III, 33, Москва 1836), митрополитъ Евгеній (Слов. рус. свѣт. писателей т. I, 269—271, Москва

странѣ онь не могъ, — она не удовлетворила его духовнымъ запросамъ. Повидимому и въ самомъ характерѣ кн. Кантемира совершилась перемѣна послѣ переѣзда изъ Англіи. Попавъ въ городъ, гдѣ удовольствія представлялись на каждомъ шагу, гдѣ дворъ былъ особенно блестящъ — кн. Кантемиръ тяготится свѣтской жизнью, и живетъ почти отшельникомъ. Положительныя науки здѣсь менѣе его интересуютъ, его главный интересъ со средоточивается на вопросахъ философіи, этики, и въ особенности религіи.

Не смотря на свою воздержную, скромную жизнь, въ 1740 году кн. Кантемиръ сталъ ощущать болѣзненные припадки въ желудкѣ и почкахъ. Въ 1741 году онь пользовался Ахенскими источниками, лѣтомъ 1743 — Пломбьерскимъ, но и отъ послѣднихъ здоровье его не улучшалось. Въ прошеніи на Высочайшее имя (отъ 5/16 января 1744) кн. Кантемиръ писалъ къ Императрицѣ: «всеняжайше пменемъ Божіимъ и со слезами в. и в. прошу, чтобъ всемплоствѣйше мнѣ пожаловали позволеніе ѣхать прямо въ Италію и великодушное денежное награжденіе указать на ту поѣздку». Вечеромъ 6 февраля, когда прошеніе кн. Кантемира было доложено Императрицѣ вице-канцлеромъ гр. А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, нерасположеннымъ къ кн. Кантемиру¹⁾ — Императрица выразила свое удвленіе по поводу ходатайства Кантемира о пособіи. Ему ставили въ упрекъ, что онь жалуется на свою нужду, получая, будучи полномочнымъ министромъ, 15 тыс. р. въ годъ, но при этомъ забывали, что его предшественникъ гр. А. Г. Головкинъ получалъ 48 тысячъ р. Въ отвѣтномъ рескриптѣ отъ 14 февраля²⁾, въ которомъ сказала злоба вице-канцлера — кн. Кантемиру разрѣшено было отправиться въ Италію на 4 мѣсяца, но безъ пособія и лишь съ правомъ получать причитающееся ему за эти мѣсяцы содержаніе.

1845), въ Англіи Musgrave въ надписи, сдѣланной имъ 23 іюля 1790 г. на экземплярѣ сатиры кн. Кантемира (*Satyres du Prince Cantemir à Londres MDCCCL*), единогласно свидѣтельствуютъ, что біографъ русскаго сатирика — аббатъ Гваско.

1) Арх. кн. Воронцова, кн. I, стр. 356—405; VI, 30—33.

2) Моск. Арх. м. и. д. фр. д. 1744 св. 69.

Князь Кантемиръ не успѣлъ воспользоваться даннымъ разрѣшеніемъ и когда рескриптъ былъ полученъ въ Парижѣ — онъ уже думалъ о скорой разлукѣ съ этимъ міромъ. Подобно Свифту онъ составилъ передъ смертью свое духовное завѣщаніе, 10/21 марта подписалъ его собственноручно¹⁾, а 23 марта (2 апрѣля) около часу по полудни завѣщаніе прочитано было ему въ переводѣ на французскомъ языкѣ нотаріусами Пултиеромъ и Жирольтомъ, каковое онъ также скрѣпилъ своею подписью. Марта 31 въ субботу на святой педѣлѣ Кантемиръ почувствовалъ приближающуюся свою кончину и «призывая имя Божіе крестнымъ знаменіемъ, скончался». Воспитанный въ греческой семьѣ Кантемиръ умеръ вѣрнымъ сыномъ своей церкви вопреки надеждамъ, когда то дельяннымъ Жюбе, и увѣщаніямъ аббата Гваско, постигшаго слабыя стороны религіозныхъ вѣрованій своего друга.

Письмомъ отъ 11 апрѣля (31 марта) Гроссъ²⁾ сообщилъ официально французскому правительству о смерти русскаго полномочнаго министра, а на другой день (1/12 апрѣля) послалъ и въ Россію реляцію къ Высочайшему двору съ извѣщеніемъ о кончинѣ его дипломатическаго представителя. Въ отвѣтномъ письмѣ на нотификацію Гросса французскій министръ иностранныхъ дѣлъ — Амело въ обычныхъ терминахъ выражалъ свое соболѣзнованіе. По словамъ Гросса онъ «много распространялся въ похвалахъ покойнаго князя, только какъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, такъ и при свиданіи ни словомъ не отозвался со стороны

1) Написанное на рус. яз. завѣщаніе хранится въ Москов. Арх. м. и. д. фр. д. 1744 св. 69; на франц. за подписью Girault и Poultier. *ibid.* св. 68.

2) Письмо Гросса и отвѣтъ къ нему Амело напечатаны въ нашей брошюрѣ Къ біографіи кн. Кантемира. Варшава 1896, стр. 5, прим. 2 и стр. 6 прим. 1. Тамъ же приведена опись его официальныхъ и частныхъ бумагъ (§ 3), рукописей и книгъ, оставшихся въ его бібліотекѣ (847 названій, стр. 15 — 46). О другихъ бумагахъ покойнаго князя см. Арх. князя Воронцова по росписи (Москва 1897) стр. 143 в. v.; и у И. И. Шимко, Новыя данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира стр. 8 и слѣд. (указаны неизвѣстные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ Моск. Арх. мин. юстиціи въ 15 св.).

странѣ оны не могъ, — она не удовлетворила его духовнымъ запросамъ. Повидямому и въ самомъ характерѣ кн. Кантемира совершилась перемѣна послѣ переѣзда изъ Англіи. Попавъ въ городъ, гдѣ удовольствія представлялись на каждомъ шагу, гдѣ дворъ былъ особенно блестящъ — кн. Кантемиръ тяготится свѣтской жизнью, и живетъ почти отшельникомъ. Положительныя науки здѣсь менѣе его интересуютъ, его главный интересъ сосредоточивается на вопросахъ философіи, этики, и въ особенности религіи.

Не смотря на свою воздержную, скромную жизнь, въ 1740 году кн. Кантемиръ сталъ ощущать болѣзненные признаки въ желудкѣ и почкахъ. Въ 1741 году оны пользовался Ахенскими источниками, лѣтомъ 1743 — Пломбьерскими, но и отъ послѣднихъ здоровье его не улучшалось. Въ прошеніи на Высочайшее имя (отъ 5/16 января 1744) кн. Кантемиръ писалъ къ Императрицѣ: «всемижайше именовемъ Божиимъ и со слезами в. и в. прошу, чтобъ всемилостивѣйше мнѣ пожаловали позволеніе ѣхать прямо въ Италію и великодушное денежное награжденіе указать на ту поѣздку». Вечеромъ 6 февраля, когда прошеніе кн. Кантемира было доложено Императрицѣ вице-канцлеромъ гр. А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, нерасположеннымъ къ кн. Кантемиру¹⁾ — Императрица выразила свое удивленіе по поводу ходатайства Кантемира о пособіи. Ему ставили въ упрекъ, что оны жалуется на свою нужду, получая, будучи полномочнымъ министромъ, 15 тыс. р. въ годъ, но при этомъ забывали, что его предшественникъ гр. А. Г. Головкинъ получалъ 48 тысячъ р. Въ отвѣтномъ рескриптѣ отъ 14 февраля²⁾, въ которомъ сказала злора вице-канцлера — кн. Кантемиру разрѣшено было отправиться въ Италію на 4 мѣсяца, но безъ пособія и лишь съ правомъ получать причитающееся ему за эти мѣсяцы содержаніе.

1845), въ Англіи Musgrave въ надписи, сдѣланной имъ 23 іюля 1790 г. на экземплярѣ сатиры кн. Кантемира (*Satyres du Prince Cantemir à Londres MDCCCL*), единогласно свидѣтельствуютъ, что біографъ русскаго сатирика — аббатъ Гваско.

1) Арх. кн. Воронцова, кн. I, стр. 356—405; VI, 30—33.

2) Моск. Арх. м. и. д. фр. д. 1744 св. 69.

Князь Кантемиръ не успѣлъ воспользоваться даннымъ разрѣшеніемъ и когда рескриптъ былъ полученъ въ Парижѣ — онъ уже думалъ о скорой разлукѣ съ этимъ міромъ. Подобно Свифту онъ составилъ передъ смертью свое духовное завѣщаніе, 10/21 марта подписалъ его собственноручно¹⁾, а 23 марта (2 апрѣля) около часу по полудни завѣщаніе прочитано было ему въ переводѣ на французскомъ языкѣ нотаріусами Пултиеромъ и Жирольтомъ, каковое онъ также скрѣпилъ своею подписью. Марта 31 въ субботу на святой недѣлѣ Кантемиръ почувствовалъ приближающуюся свою кончину и «призывая имя Божіе крестнымъ знаменіемъ, скончался». Воспитанный въ греческой семьѣ Кантемиръ умеръ вѣрнымъ сыномъ своей церкви вопреки надеждамъ, когда то дельяннымъ Жюбе, и увѣщаніямъ аббата Гваско, постигшаго слабыя стороны религіозныхъ вѣрованій своего друга.

Письмомъ отъ 11 апрѣля (31 марта) Гроссъ²⁾ сообщилъ официально французскому правительству о смерти русскаго полномочнаго министра, а на другой день (1/12 апрѣля) послалъ и въ Россію реляцію къ Высочайшему двору съ извѣщеніемъ о кончинѣ его дипломатическаго представителя. Въ отвѣтномъ письмѣ на нотификацію Гросса французскій министръ иностранныхъ дѣлъ — Амело въ обычныхъ терминахъ выражалъ свое соболѣзнованіе. По словамъ Гросса онъ «много распространялся въ похвалахъ покойнаго князя, только какъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, такъ и при свиданіи ни словомъ не отозвался со стороны

1) Написанное на рус. яз. завѣщаніе хранится въ Москов. Арх. м. и. д. фр. д. 1744 св. 69; на франц. за подписью Girault и Poulitier. *ibid.* св. 68.

2) Письмо Гросса и отвѣтъ къ нему Амело напечатаны въ нашей брошюрѣ Къ біографіи кн. Кантемира. Варшава 1896, стр. 5, прим. 2 и стр. 6 прим. 1. Тамъ же приведена опись его официальныхъ и частныхъ бумагъ (§ 3), рукописей и книгъ, оставшихся въ его бібліотекѣ (847 названій, стр. 15 — 46). О другихъ бумагахъ покойнаго князя см. Арх. князя Воронцова по росписи (Москва 1897) стр. 143 в. v.; и у И. И. Шимко, Новыя данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира стр. 8 и слѣд. (указаны неизвѣстные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ Моск. Арх. мин. юстиціи въ 15 св.).

королевской и король ни разу не прислалъ кого либо навѣстить князя Кантемира во время болѣзни». Даже и тогда, когда смерть закрыла глаза навѣки кн. Кантемиру, французское правительство не могло подавить своего къ нему нерасположенія. Въ депешѣ къ Шетарди въ Петербургъ отъ 13 апрѣля того же 1744 года Амело настаивалъ, чтобы Шетарди обратилъ особенное вниманіе на выборъ преемника кн. Кантемиру, ибо послѣдній, какъ англоманъ, постоянно стремился поддерживать въ Россіи непріязнь къ Франціи¹⁾. Не такъ отнеслось къ смерти представителя Россіи французское общество. «Ваше Величество (писалъ Гроссъ въ своей реляціи отъ 1/12 апрѣля) подлинно въ немъ изволили потерять вѣрнаго раба и весьма искуснаго и ученаго министра. Здѣсь такимъ всѣ вообще его почитали.... въ городѣ и при дворѣ сожалеютъ о его преждевременной смерти». По просьбѣ герцогини Эгійонъ²⁾, глубоко чтившей память русскаго сатирика и дипломата, аббатъ Гваско взялся за составленіе біографіи покойнаго князя. Это былъ первый литературный трудъ ученаго итальянца, вышедшій на французскомъ языкѣ, но не во Франціи, въ странѣ, которую особенно любилъ Гваско, а въ Лондонѣ, гдѣ князь Кантемиръ провель, можетъ быть, лучшіе дни своей жизни, и пользовался литературной извѣстностью. Въ 1746 году, когда Гваско хотѣлъ издать сатиры кн. Кантемира въ Парижѣ и просилъ по этому поводу совѣта у Монтескье, послѣдній ему отвѣтилъ, что для сатиры

1) Пар. Арх. м. и. д. Russie № 44 f. 300: Il (т. е. кн. Кантемиръ) est plus à regretter pour la douceur de son caractère et les qualités de l'esprit que par rapport à son amitié pour nous, car *il étoit plus Anglois* que s'il fut né à Londres et il n'a jamais cherché qu'à donner en Russie les plus mauvaises impressions contre la France.

2) D'Aiguillon урожд. Anne Charlotte de Crussol Florenzac, вышла замужъ авг. 12, 1718 за герцога d'Эгійонъ (Arm. Louis de Wignerod, marquis de Richelieu duc d'Aiguillon р. 1683 ум. 1750). Ей, вѣроятно, посвящены кн. Кантемиромъ 11 писемъ «О природѣ и человекѣ» (Сочиненія, т. II, 21 — 96). *Lettres familières de M. Le President de Montesquieu à Florence 1767, p. 63, note: Elle (т. е. герцогиня Эгійонъ) étoit fort liée avec le prince de Cantemir et que c'est à sa requisition que l'on avait fait la traduction française de ses Satyres.*

легко найти издателя, и онѣ будутъ имѣть сбытъ, чего нельзя сказать объ ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя плохо расходятся въ публикѣ¹⁾. Вашъ другъ умеръ, писалъ Монтескье, но я «утѣшаю себя тѣмъ, что авторъ еще живеть».

В. Александренко.

¹⁾ Lettres familières de M. le President de Montesquieu à Florence 1767, p. 43. Вслѣдствіе указанныхъ соображеній Гваско издалъ біографію и сатиры кн. Кантемира двумя изданіями въ 1749 и 1750 году.

Переписка князя А. Д. Кантемира.

1732.

1. — Января 10-го. С.-Петербургъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. Ю. Юрьеву.

Государь мой Иванъ Юрьевичъ! На третій день по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, то-есть, 9 числа сего мѣсяца, получилъ я отъ г. Синявча посланный ко мнѣ изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи прибавокъ къ моей инструкціи, также и указъ къ господину агенту Эртману объ отдачѣ студента Спѣшнева. Того для васъ, моего государя, чрезъ первую почту увѣдомить не преминулъ, а въ государственную коллегію чрезъ реляцію изъ Данцига о томъ же всеподданнѣйше донести не оставлю. Впрочемъ препоручая себя благопріятству вашему, пребываю вамъ, государю моему, покорный и готовѣйшій слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

2. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Сіятеельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! Вчерашняго числа прибывъ въ Лондонъ, въ первую должность я себѣ починаю чрезъ сіе письмо покорно благодарить сіятельству вашему за всю показанную ко мнѣ вашего сіятельства милость. Памяти обязательствъ, которыя я вамъ имѣю, николи изъ ума моего стертясь не возмогутъ, и для того если я сіятельство ваше сими

малыми строками отвлекаю на малъ часъ отъ всякихъ дѣлъ, въ которыхъ неусынно сіятельство ваше упражняется къ пользѣ нашего отечества, надѣюся получить отъ вашего великодушія милостиваго извиненія, потому что лучше желаю зваться скучливымъ, нежели неблагодарнымъ. Обстоятельства тѣ изъ день въ день умножаться будутъ, если сіятельство ваше соизволитъ (что я всепокорно прошу) продолжить мнѣ свою протекцію и благопріятство, и если укажете мнѣ въ чемъ вамъ по возможности моей служить, что я всеохотно отправлять потщуся. Что же здѣшнихъ дѣлъ касается, не могу теперь сіятельству вашему представить въ извѣстіе, для того что еще ни съ кѣмъ не видался за неисправленіемъ моего экипажа, а надѣюся, что въ предбудущій понедѣльникъ буду требовать свою у короля аудіенцію и потомъ не премину свою должность исправлять по силамъ ума моего, которія желалъ бы чтобъ соотвѣтствовали волѣ сердца моего. Одно теперь донести имѣю сіятельству вашему, что здѣсь заподлинно говорятъ, что король къ концу мая мѣсяца поѣдетъ въ Ганноверъ, и для того смѣлость приѣмлю всепокорно просить сіятельство ваше, если мнѣ указано будетъ за его величествомъ слѣдовать, чтобъ на мой проѣздъ нескучное опредѣлить иждивеніе, понеже, какъ вашему сіятельству извѣстно, такія дорѣги (а наипаче съ характеромъ и которые носятъ по милости своихъ государей честнаго рожденія имя) весьма дорѣги стаповятся, и въ томъ благонадеженъ полагаюся на ваше милостивое разсужденіе. При семъ смѣлость приѣмлю рекомендовать сіятельству вашему дѣло мое въ кабинетѣ о дачѣ деревень, уже намъ имяннымъ указомъ пожалованныхъ; извѣстно вашему сіятельству, сколь справедлива въ томъ претензія паша, и что только несчастіе моей фамиліи тому препятствуетъ, которое однакожь все исправиться можетъ заступленіемъ сіятельства вашего. И за симъ, препоручая себя неотмѣнной вашего сіятельства милости, остаюся вашего сіятельства и пр.

3. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу I. Э. Бирону.

Сіяте́льнѣйшій графъ, милостивый государь мой! Если бы и должности моей не было, обязательство одно, которое я имѣю сіятельству вашему, довольно можетъ извинить мою смѣлость, что тружу васъ письмомъ симъ. Благодаренія, которыя я, живучи въ Москвѣ, ощутилъ отъ великодушія сіятельства вашего, понуждаютъ меня явить себя благодарнымъ, а чинъ, который ходатайствомъ вашимъ имѣю, побуждаетъ извѣстить сіятельство ваше о моемъ прибытіи въ Лондонъ вчерашняго числа. Одно и другое чрезъ сіи малыя строки чиню, прося сіятельство ваше, чтобъ впредь въ моемъ отдаленіи не былъ оставленъ въ вашей высокой милости, которая всегда нескончаема будетъ изъ памяти моея, и понеже отслужить силъ мнѣ недостаетъ, не престану Бога молить за ваше благополучное здравіе. При семъ смѣлость приѣмлю просить сіятельство ваше, если меня угодна въ чемъ признаете къ услугамъ вашимъ, приказать мнѣ, а я вседушно стараться буду исправить приказъ вашъ и за велико щастье почту себѣ, чтобъ могъ хотя тѣмъ показать свое благодарство. Уповаю къ тому, что сіятельство ваше не запомните просьбы моея о дѣлѣ моемъ, которое въ кабинетѣ не вершено осталось, и для того о томъ ничего не упоминаю, но препоручаю себя во всемъ вашего сіятельства высокой милости. Съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный и нижайшій слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

(Гос. архивъ, разр. XI, № 277).

4. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину.

Сіяте́льнѣйшій графъ, милостивый государь мой! Вчерашняго числа прибылъ я сюда благополучно и тотчасъ въ первую должность себѣ поставилъ чрезъ сіе благодарить сіятельству вашему за всю показанную ко мнѣ при проѣздѣ моемъ въ Гагъ милость и благопріятство и впредь продолжить всепокорно прошу,

представляя здѣсь мои во всемъ услуги, если удостоить меня приказомъ вашимъ изволите.

При семъ доношу сіятельству вашему, что по прїѣздѣ моемъ, слѣдуя благоразсудительнымъ совѣтомъ вашимъ, былъ я у графа Кинскаго, и между прочимъ разговоромъ (о которомъ пространнѣе вамъ извѣщу въ предбудущую почту) сказалъ онъ мнѣ, что король самъ о присылкѣ знатнаго министра къ нашему двору такими словами отказался: «Я де удивляюсь, что дворъ россійскій требуетъ у меня присылку знатнаго министра, когда самъ никакого къ тому повода дать не хочетъ. Я для показанія моей склонности къ возобновленію дружбы съ Россією и чтобъ слѣдовать намѣреніямъ императора, сдѣлалъ разъ и послалъ первый къ русскому двору министра, кой резонъ потому русской дворъ имѣеть, чтобъ я еще и въ другорядъ первый же послалъ знатнѣйшаго министра. Правда, что русской дворъ взаимно ко мнѣ посылаетъ министра, да онъ равного характера съ присланнымъ отъ меня министромъ. Если императрица желаетъ отъ меня знатнѣйшаго министра, то пусть она напервы присылкою своею мнѣ малое благодѣяніе покажетъ, какъ я учинилъ сначала присылкою резидента». Таково разсужденіе королевское о первомъ почти пунктѣ моей инструкціи; однакожъ, о томъ я еще къ двору своему ничего не пишу, пока самъ тотъ отвѣтъ не получу, а наипаче, что графъ Кинскій не какъ министръ, но какъ другъ, то мнѣ представилъ, обѣщаяся еще вмѣстѣ со мною о томъ постараться; между тѣмъ я съ того худыя аугуріи приѣмлю въ моихъ дѣлахъ и добрыя къ вашему покою, такъ что пріятна и непріятна мнѣ вѣдомость сія. Прочее все отлагая до предбудущаго понедѣльника, остаюся вашего сіятельства и пр.

P. S. Отъѣздъ королевской въ Гановерь къ концу маія мѣсяца заподлинно здѣсь имѣется, и какъ мнѣ сказывалъ графъ Кинскій, министры чужестранные почти все слѣдовать дворъ будутъ, и о томъ я сегодня въ коллегію пишу, требуя указу, какъ мнѣ о томъ поступить.

5. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу П. И. Ягужинскому.

Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государьмой! При благодареніи сіятельству вашему за всю вашу ко мнѣ милость, такъ въ Москвѣ, какъ и въ Берлинѣ показанную, доношу сіятельству вашему, что вчерашняго числа (то есть, марта 30-го) прибылъ я сюды благополучно и вскорѣ намѣренъ требовать свою у короля аудіенцію, которую, какъ получу и въ препорученныя мнѣ дѣла вступлю, не оставлю по данной мнѣ инструкции о теченіи здѣшнихъ дѣлъ сообщать сіятельству вашему извѣстіе, уповаю отъ благопріятства вашего, что вы не оставите взаимно снабдевать меня благоразсудительными совѣтами вашими чрезъ пріятнѣйшую мнѣ вашу корреспонденцію. Впрочемъ препоручая себя вашей высокой милости, прошу, если въ чемъ меня къ услугамъ вашимъ угодна признаете, приказывать какъ существу вашего сіятельства и пр.

6. — Апрѣля 25-го. Лондонъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Милостивый государь мой! Почтеннѣйшее вашей свѣтлости писаніе отъ 31-го марта изъ Лондона получилъ я на послѣдней почтѣ исправно, изъ котораго съ особливимъ удовольствіемъ усмотрѣлъ о счастливомъ вашемъ прибытіи въ Англію, которымъ покорно поздравляю, и надѣюсь вскорѣ получить отъ васъ обстоятельное извѣстіе о тамошнемъ вамъ учиненномъ приѣмѣ.

Я не могу по имѣющей моей къ вашей свѣтлости вѣрной преданности оставить вамъ донести, коимъ образомъ имѣется здѣсь извѣстіе, что при нѣкоторомъ случаѣ въ Берлинѣ будто происходили нѣкакіе поступки, которые нные осуждать причину имѣли, а именно при столѣ королевскомъ. И для того васъ, милостиваго государя моего, прошу привыкать къ тамошнему деликатному обхожденію и тщиться ко всякимъ осторожнымъ честнымъ поступкамъ, какъ я отъ васъ всегда ожидать причину

имѣлъ. Сіе мое доброжелательное представленіе надѣюсь, что изволите принять за знакъ вѣрной моей къ вамъ дружбы и усерднаго намѣренія, яко жъ я неотмѣнно есть и со всякимъ почтеніемъ пребуду вашей свѣтлости всепокорный слуга А. Остерманъ.

Которая вамъ отъ его сіятельства графа Александра Гавриловича Головкина дана комиссія о провѣдованіи объ аглинскихъ искусныхъ морскихъ командирахъ, оную я вашей свѣтлости наилучше рекомендую, понеже ея императорскому величеству то весьма угодно и потребно.

7.—Мая 4-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Г. И. Головкину.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! По должности своей покорно доношу вашему сіятельству, что 30-го числа прошедшаго мѣсяца прибылъ я въ Лондонъ благополучно и однакожъ по сіе число у короля аудіенціи не получилъ за причинами, которыя въ реляціи моей въ коллегію пространно показаны. По обязательствамъ же, которыя я имѣю сіятельству вашему, всенижайше благодарствуя за показанныя ко мнѣ въ Москвѣ и при отъѣздѣ моемъ благодѣянія, прося сіятельство ваше, чтобъ и впредь содержать меня въ высокой своей милости и не оставить меня въ моихъ нуждахъ, что благонадежно уповаю отъ великодушія вашего сіятельства и въ той надеждѣ, препоручая себя вашей протекціи, остаюся и пр.

8.—Мая 16-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Предъ недавнимъ временемъ въ нѣкоторой аглинской печатной газетѣ, называемой «Evening Post», отъ 6-го апрѣля нынѣшняго года, экстрактъ изъ одного секретнаго изъ Берлина письма съ зловымышленною и весьма предосудительною вѣдомостію о нѣкоторой чрезъ господъ графовъ фонъ-Левенвольдовъ и Ягужинского въ Берлинѣ будто веденной негоціаціи внесенъ, при чемъ и противъ здѣшняго министерства и всего государства непристойныя

и прöderзостныя экспрессіи употреблены. Я не могъ оставить къ вашей свѣтлости о томъ писать, чтобъ вы по важности дѣла всякимъ возможнымъ образомъ, хотя въ потребномъ случаѣ и денежнымъ поживеніемъ стараться изволили у автора помянутой газеты подлинно вывѣдать, откуда онъ такую ложную вѣдомость взялъ, съ крѣпкимъ увѣщеваніемъ, чтобъ онъ впредь отъ разглашенія такихъ предосудительныхъ о здѣшнемъ дворѣ и государствѣ вымышленій удерживался. Также ваша свѣтлость безъ того по содержанію своей инструкціи всегда прилежно смотрѣть и пререгать будете, дабы никакія фальшивыя до насъ касающіяся вѣдомости въ газетахъ печатаны не были, и ежели какія явятся, тѣ немедленно публично же надлежащимъ образомъ опровержены были, и потому жъ опроверженіе помянутого фальшиво вымышленного экстракта въ той же газетѣ «Evening Post» напечатано быть можетъ. Вашей свѣтлости пріятное писаніе я впротчемъ исправно получилъ и съ особливою охотою всякимъ элучаемъ пользоваться буду свою къ услугамъ вашимъ истинную готовность, сколько отъ меня зависитъ, по вашему желанію вамъ дѣйствительно показывать. Только не знаю, можно ли будетъ какъ скоро оное дѣло исходатайствовать, и для успѣванія въ томъ, по моему мнѣнію, потребно будетъ, чтобъ ваша свѣтлость при своей присылаемой реляціи прошеніе о томъ учинили. Я свое стараніе по возможности прилагать не премину и со всякою истинною навсегда пребываю, и пр.

9.—Мая 16-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу К.-Г. Левенвольде въ Варшаву.

J'ai reçu hier avec beaucoup de plaisir et de satisfaction la lettre dont il vous a plu m'honorer le 10-me de may. Vous m'obligez trop pour ne vous en rendre grâce (comme je le fais) par la première occasion, et je prends la liberté de vous prier que si je puis vous être utile en quelque chose dans le pays où je me trouve, de vouloir bien me donner par vos ordres l'occasion à vous témoigner l'estime que je fais de votre personne et de votre

amitié. Quant à la nouvelle dont vous avez la bonté de me faire part, en vérité, elle n'est que trop importante si elle est véritable. Il y a quatre raisons qui m'obligent à la croire fausse. Premièrement, l'Angleterre depuis quatre années a toujours fort souhaité et cherché par tous les moyens possibles le renouvellement de l'ancienne amitié entre elle et la Russie; ce qu'elle n'aurait pas fait, si elle avait voulu diminuer les forces de notre souveraine, puisque selon toutes raisons on a quelque droit de nuire à son ennemi, et il n'est que trop honteux de trahir un ami. En second lieu, la cour d'Angleterre prépare, selon mes représentations, une ambassade pour la notre: on n'attend pour cela que la réponse de notre cour touchant le jour de la nomination de deux ministres, puisque l'impératrice, nôtre souveraine, doit répondre à l'ambassade anglaise par une des siennes. En troisième lieu, l'Angleterre, comme vous savez, monsieur, est en alliance avec l'empereur Romain, et elle en a grand besoin principalement à présent que l'Espagne arme de toutes parts sans qu'on puisse pénétrer contre qui, quoique on s'en doute fort que ce soit contre l'Afrique, comme on le débite. Il se peut bien que Gibraltar et Port-Mahon soient le but de l'esquadre espagnole, et en ce cas-là le secours de l'empereur est bien nécessaire à l'Angleterre. Or, l'empereur est le plus intime de nos alliés, et la cour d'Angleterre est bien informée de nos traités défensifs. En quatrième lieu, le commerce de la Russie est trop avantageux à la nation anglaise pour qu'elle puisse le négliger pour de vaines espérances. Si même le roi souhaitait de nous faire quelque mal, je crois que le parlement s'y opposerait, sachant que cette affaire demande de grandes dépenses et ne leur portera jamais aucun profit, puisque nous sommes bien éloignés pour qu'on puisse faire des conquêtes, et ils ne sont pas d'humeur d'enrichir une autre puissance à leurs dépens. Voilà, monsieur, les raisons qui me font croire qu'il n'y a rien à craindre pour nous de la cour où je me trouve, et j'espère que vous trouverez ces raisons assez fortes pour en pouvoir douter. Cependant, monsieur, je vous suis infiniment

obligé de l'intérêt que vous prenez à mes négociations et je ne manquerai point de faire usage de vos conseils, en m'informant au plus juste des intentions de cette cour, et j'aurai l'honneur de vous en faire rapport le plutôt qu'il me sera possible. Pour la paix de Perse notre cour m'a déjà informé et j'eus l'honneur de la notifier au roi il y a quelques semaines. J'en suis bien aise que la Porte Ottomane est tranquille envers nous à ce que vous avez la bonté de me marquer.

Quant aux nouvelles d'ici, la principale est qu'on est fort inquiété dans la ville de l'armement d'Espagne, et, à ce qu'on dit, le parlement ne se conclura avant que d'avoir reçu une sûre nouvelle du départ de la flotte espagnole, quoique le secrétaire d'état (duc de Neufcastel) assurât il y a quelques jours que l'Angleterre n'en doit rien craindre. Le départ du roi pour Hanovre est très certain, mais le jour n'en est pas fixé, et cela dépend de la clôture du parlement. On a beaucoup parlé ici d'un mariage entre le prince de Galles et la princesse royale de Danemark, et d'un autre entre le prince d'Orange (qui est actuellement en Hollande) et la princesse royale, mais cela demande confirmation. La France, la Hollande et la cour d'ici (à ce que l'envoyé de Prusse m'a dit) font leur possible pour exclure son roi de l'héritage des deux duchés de Juliers et de Berg, ce qui pourra avoir de mauvaises suites.

Du reste, monsieur, en obéissant à vos ordres j'écris la présente en français et je ferai la même chose pour l'avenir, votre correspondance m'étant très chère; mais je vous prie d'excuser les fautes, puisque je ne suis pas fort dans cette langue, et principalement dans une si longue lettre que celle-ci, laquelle néanmoins je n'eusse pas pu faire plus courte, voulant soumettre à votre jugement mes raisonnements sur l'affaire en question et vous [faire] savoir tout ce qui se fait de plus important dans cette capitale. Vous m'obligerez beaucoup, monsieur, de m'en donner part à ce qui se fait chez vous, aussi bien que de vos nouvelles, et de vouloir bien être assuré que j'ai l'honneur, etc.

10. — Іюня 2-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину.

Доношу сіятельству вашему, что вчерашняго числа король, бывъ въ парламентѣ, заключилъ оной и при заключеніи объявилъ, что послѣ себя оставляетъ здѣсь королеву управительницею до своего изъ Гановера возвращенія, куда его величество имѣетъ утрешняго числа по полудни отсюда путь свой воспріять.

Оригинальное письмо короля Карла Второго съ актомъ парламентскимъ, которое мнѣ отъ вашего сіятельства вручено, отдалъ я нынѣшняго числа миледи Делаваръ, которая ѣдетъ къ вамъ въ Гагу, о полученіи котораго покорно прошу сіятельство ваше милостиво приказать меня увѣдомить, а при семъ благодарствую вашему сіятельству и госпожѣ графинѣ за рекомендацію къ оной миледи, которая, такъ какъ и самъ милордъ, весьма благопріятно меня приняли, и весьма сожалѣлъ бы, что отсюда отѣзжаютъ, если бъ не вѣдалъ, что и вашему сіятельству пріѣздъ ихъ будетъ пріятенъ. За симъ препоручая себя и пр.

Р. S. Вѣдая, что ваше сіятельство съ г. Браклеромъ корреспонденція не имѣете, чрезъ сіе вамъ доношу, что письмомъ его превосходительства отъ 27-го маія увѣдомленъ я, что 26-го числа того жъ мѣсяца старательствомъ его г. Браклера и его цесарскаго министра Секендорфа заключенъ между императорскимъ величествомъ Римскимъ, нашей всеимпостивѣйшей государыней и королемъ Датскимъ трактатъ вѣчной дружбы и алліанціи. Партикулярнитеты того трактата мнѣ г. Врангеръ не сообщилъ, но отъ датскаго здѣсь посланника слыша, что онымъ трактатомъ поставлена взаимная гварантія, то есть, цесарю въ его наслѣдствѣ, намъ въ завоеванныхъ провинціяхъ, а Датскому королю владѣнія дукатства Слезвійскаго по заплатѣ дюку Голштинскому одного милліона талеровъ, и потому уже о семъ послѣднемъ дѣлѣ я при семъ дворѣ ничего болѣе предлагать не имѣю. А при томъ симъ новымъ нашему двору авантажемъ васъ, моего государя, поздравляю.

11. — Юня 9-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Почтениѣйшее вашего сіятельства писаніе отъ 16 маія сего числа исправно я получилъ, за которое сіятельству вашему всепокорно благодарствую, признавая за знакъ неотмѣнной вашей къ себѣ высокой млости благоразсудительное увѣщаніе и отеческое наставленіе, которыми оно исполнено. На оное вашему сіятельству въ отвѣтъ всепокорно доношу, что по вашему приказу не оставлю съ крайнимъ стараніемъ вывѣдать о письмѣ берлинскомъ и, освѣдомився о издателѣ листа подъ титуломъ «Evening Post», всѣ способы возможные употребляю для сего и для пресѣченія впредь такихъ вѣдомостей, столь нашему высочайшему двору предосудительныхъ.

Сего жъ часу послалъ я оный листъ сыскать, понеже оный доселѣ не видалъ, чтò ваше сіятельство удивляти не должно, потому что, кромѣ того, что онъ изданъ пять дней по моемъ сюда приѣздѣ (въ которое такъ краткое время я о немъ вѣдать не могъ), трудно знать все то, чтò въ семь городѣ повседневно печатается. Ко мнѣ чтò день приносятъ пять листовъ, а еще столько жъ, какъ слышу, другихъ, чтò дневно выходитъ, кромѣ безчисленныхъ печатныхъ писемъ и брошюръ, которыя мнѣ одному высматривать не возможно, наипаче что весьма мало поаглички разумѣю и человѣка къ тому способнаго при себѣ не имѣю. Однакожъ, по силѣ и по возможности стану искать способъ, чтобъ хотя о артикулахъ, предосудительно двора нашего касающихся, впредь лучше былъ я увѣдомленъ, понеже уже указъ вашего сіятельства имѣю таковыя вѣдомости опровергать, чтò доселѣ я чинить не смѣлъ, не имѣя о томъ никакого приказа. Да и то, сіятельнѣйшій графъ, (прошу прощенія смѣлости моей) дерзаю сказать, что не весьма легко то будетъ учинить можно, и не знаю, будетъ ли гораздо полезно, потому что здѣшній народъ воленъ, и нравомъ своимъ убѣждаются болѣе о томъ говорить, чтò говорить запрещено. Сіе только для извѣстія пишу сіятельству вашему, впрот-

чемъ вашей волѣ повиноваться не оставлю. Затѣмъ прошу ваше сіятельство продолжать мнѣ вашего сіятельства неотмѣнную милость и пр.

12. — Іюня 20-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

По приказу вашего сіятельства старался я вывѣдать о авторѣ берлинскаго письма, напечатаннаго въ «Evening Post» отъ 6-го апрѣля, и за тѣмъ призывалъ я къ себѣ той газеты издателя и спрашивалъ его о томъ письмѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что письмо то онъ напечаталъ съ другой печатной газеты, что подлинно то такъ есть, понеже то письмо находится въ «Daily Post Boy» отъ 5-го апрѣля, и потому я уже не медлилъ издать въ печать въ той же «Evening Post» отъ 17-го іюня той вѣдомости опроверженіе, которое какъ могъ осторожниѣ написалъ, не вѣдая намѣренія вашего сіятельства, къ чему то опроверженіе болѣе клонить имѣю, а между тѣмъ стараюсь отъ издателя «Daily Post Boy» вывѣдать о авторѣ, а издателю «Evening» почти съ угроженіемъ заказалъ, чтобъ впредь такихъ вѣдомостей въ народъ издавать не дерзалъ, и онъ въ томъ остороженъ впредь быть обѣщался. А я если что со временемъ о семъ вывѣдаю, вашему сіятельству донести не оставлю. При семъ доношу вашему сіятельству, что о морскихъ командирахъ я, прилежниѣ вывѣдавъ, слышу, что адмиралъ Норрисъ (которой съ аглинскою эскадрою былъ подъ Кропштатомъ въ 1715 году) гораздо въ немилости у двора, а потому надѣюся, что онъ наипаче намъ будетъ удобенъ, нежели Барклея: перво для того, что Барклея милордъ, кавалеръ жаретьеры, боленъ всегда подагрою и гораздо богать . . .¹⁾; а другое, что Норрисъ, не великого будучи достоинства и богатства, если не для жалованья, то для генерала-адмирала имени Англію оставить, можетъ быть, не пожалѣеть. Впрочемъ смѣлость приѣмлю вашему сіятельству представить, что если мы его въ нашу службу подговаривать станемъ, то по-

1) Не разобрано.

длинно ожидать надлежитъ законные выговоры отъ здѣшняго двора, и имѣетъ то быть королю весьма противно, понеже и флотъ нашъ не желаютъ здѣсь видѣть въ добромъ состояніи, и благотворить тому, которой королю не нравенъ, его величество себѣ въ обиду поставитъ. За симъ препоручаю себя и пр.

12. — Юля 11-го. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

По приказу вашего сіятельства старался я вывѣдать о авторѣ берлинскаго письма (о которомъ уже и прежде вашему сіятельству доносили), напечатаннаго въ «Evening Post», но токмо никакими мѣрами не могъ отъ издателя оныхъ вѣдомостей того оригинальнаго письма получить видѣть, которой отговаривается, представляя, что онъ не знаетъ, гдѣ подѣлъ то письмо, только помнить, что оно было безъ подписанія имени, отъ кого писано, а принудить его къ тому, чтобъ оно показалъ, никакъ не возможно. При семъ покорнѣйше прошу ваше сіятельство милостивѣйше приказать меня увѣдомить, учинена ли въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ какая ни есть резолюція на посланныя отсюда при моей реляціи отъ 18-го апрѣля подъ № 7 двѣ челобитныя Андрея Третьякова да Ивана Афонасьева, которые, по вся дни ко мнѣ приходя, скучаютъ и плачутся, что отъ скудости голодною смертію помираютъ и желаютъ вѣдать, будетъ ли имъ какое ни есть императорское милосердіе, или отказано будетъ, и пр.

13. — Августа 29-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину.

Милостивое вашего сіятельства писаніе отъ 15-го августа я получилъ въ надлежащее время и за оное вашему сіятельству всепокорно благодарствую. Что жъ на оное до сихъ поръ отвѣтъ отложилъ, прощенія прошу, понеже не имѣлъ чего достойнаго доносить вашему сіятельству. Нынѣ же дюкъ Нюкастль матерію мнѣ далъ, которая мнѣ, яко нашему двору не весьма авантажна, — непріятна; пріятно же, что по вашему желанію

пресѣчетъ вашему сіятельству путь въ Англію. Нетрудно ваше сіятельство догадаться можетъ, что онъ, господинъ дюкъ, именовъ королевскимъ мнѣ представилъ, что его величество мнѣ по представленіямъ нашего двора министровъ и нѣкоторыхъ придворныхъ (какъ о томъ королевскому величеству доносилъ г. Рондо, его при дворѣ резидентъ) намѣренія по возвращеніи своемъ въ Англію отправить къ ея императорскому величеству министра въ характерѣ чрезвычайнаго посланника, и что подобнаго отъ ея императорскаго величества ожидать имѣетъ, на что и я съ нимъ согласился по присланному ко мнѣ ея императорскаго величества указу, что причину мнѣ подаетъ покорно проситъ сіятельство ваше, чтобъ изволили воспринять трудъ милостиво меня рекомендовать у вашего батюшки, чтобъ прислаіемъ другаго въ томъ посланническомъ характерѣ не оставить меня въ позорѣ здѣшнему двору. Признаю, что ни по заслугамъ, ни по моему искусству такого скорого возвышенія требовать я бы не могъ, но вашему сіятельству довольно извѣстно, что, нося имя честной фамиліи, и вѣчно быть резидентомъ знакъ есть у европейскихъ дворовъ или великаго гнѣва, или великаго недостойнства, и потому я уповаю, что вашего сіятельства милостивымъ заступленіемъ хотя то мнѣ исходатайствовано будетъ, чтобъ меня въ то жъ время отъ здѣшняго двора отозвать, когда другой въ высшемъ характерѣ присланъ будетъ, о чемъ повторно покорно прошу ваше сіятельство, пребывая и пр.

14. — Сентября 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу І. Э. Бироу.

По приѣздѣ моемъ въ Лондонъ имѣлъ я честь чрезъ покорнѣйшее мое письмо низжайше благодаритъ вашему высокографскому сіятельству за всю такъ при пребываніи моемъ въ Москвѣ, какъ и при отправленіи моемъ къ здѣшнему двору показанную ко мнѣ вашего высокографскаго сіятельства милость, а потомъ, вѣдая, что ваше сіятельство и безъ меня довольно докупки имѣетъ,

намѣрлся было не трудить васъ моими письмами; но понеже нынѣ почти соглашеносъ между ея императорскимъ величествомъ и его величествомъ аглицкимъ, чтобъ отъ одного къ другому двору взаимные отправлены были министры въ характерѣ чрезвычайнаго посланника, смѣлость приѣмлю притекать къ сіятельству вашему и просить вашего высокографскаго сіятельства милостиваго заступленія, чтобъ я въ оный посланнической характеръ былъ удостоенъ.

Вашему высокографскому сіятельству извѣстно, что я никакой помощи ни откуда не имѣю, и что чинъ, въ которомъ теперь нахожусь, вашего сіятельства милостию получилъ; для того надѣюсь, что и теперь покорное мое прошеніе ваше сіятельство не презреть, но воспріять трудъ прилежное обо мнѣ у ея императорскаго величества приложить заступленіе, а ея императорскаго величества монаршее великодушіе довольно есть наградить всѣ мои недостатки и недостойнства, понеже я самъ признаю, что, кромѣ моей вѣрности и ревности во всемъ томъ, что службы ея императорскаго величества касается, никакихъ иныхъ заслугъ не имѣю. Впрочемъ на вашего сіятельства высокую милость благонадеженъ неотмѣнно пребываю, и пр.

(Госуд. архивъ, разр. XI, № 277).

15. — Декабря 9-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

При продолжающихся съ стороны аглицкаго двора затрудненіяхъ въ отправленіи сюды министра перваго ранга я не могу обойтись съ вашимъ сіятельствомъ о семъ дѣлѣ партикулярно изъясниться и свое о томъ мнѣніе вамъ сообщить. Такія нечаянныя затрудненія къ особливому здѣсь удивленію толь навящую причину подавать имѣютъ, понеже въ началѣ возобновленной между обоими дворами негодіаціи аглицкой собственной охотою къ такому взаимнаго посольства отправленію въ разсужденіи и для успѣшествованія вознамѣреннаго чрезъ то совершеннаго доброй дружбы возстановленія себя весьма готова представляя.

И хотя безъ сумнѣнія, что пребывающей здѣсь резидентъ Рондо своими тамошнему двору учиненными неосновательными отсюда доношеніями и представленіями къ такимъ нынѣшнимъ замедленіямъ и трудностямъ наивящую и единую, яко же вашему сіятельству то отъ статского секретаря прямо объявлено, причину подавалъ въ такомъ чаятельно намѣреніи, чтобъ, при соизволеніи тогда назначеніи чрезвычайнаго посланника вмѣсто посла, онъ самъ такимъ характеромъ удостоенъ быть и свое счастье тѣмъ вяще производить могъ, — то однакоже мы весьма обнадежены, что ваше сіятельство въ томъ примѣру г. Рондо слѣдовать не будете толь наименьше, понеже такой поступокъ ваше сіятельство сами по зрѣлому своему разумѣнію признавать изволите, при первомъ своего министерства началѣ вамъ и генеральной вашей до нынѣ заслуженной апробаціи не токмо весьма неполезной былъ бы, но и ваше сіятельство изъ послѣдняго къ вамъ отправленнаго рескрипта усмотря, что и безъ того и безъ вашего о томъ исканія ея императорское величество о особѣ вашего сіятельства всеплостивѣйшее разсужденіе имѣть соизволила, сколько главнѣйшіе интересы по обстоятельствамъ дѣлъ того допускать могутъ. И для того ваше сіятельство уповательно не оставили по содержанію помянутого послѣдняго рескрипта всѣ потребныя представленія и внушенія тамошнему министерству для склоненія онаго къ нашимъ въ томъ намѣреніямъ учинить и къ тому прибавить можете, что особа резидента Рондо здѣсь весьма пріятна, и онъ, хотя бѣ другой какой министръ сюда присланъ былъ, и при ономъ въ нынѣшнемъ своемъ характерѣ здѣсь остаться можетъ. А ежели бѣ аглицкой дворъ въ своемъ о отправленіи сюда мплорда Форбаса намѣреніи неотмѣнно пребывать похотѣлъ, то не безпотребно будетъ, чтобъ оной министръ для всякаго случая достаточными инструкціями для ближайшаго между обоими дворами къ общему обоимъ сторонъ благу и пользѣ соединенія снабденъ былъ.

Я все сіе партикулярно и по особливой къ вамъ истинной преданности къ вашему сіятельству писать честь имѣю, и для

того прошу о томъ партикулярное, сколько потребно и прилично будетъ, употребленіе учинить и по пристойномъ, куда прямое тамошняго министерства намѣреніе клонится, соудированіи мнѣ о томъ сообщить, и пр.

1733.

17. — Января 9-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю Н. Ю. Трубецкому.

Государь мой князь Никита Юрьевичъ! Съ повинною къ вамъ прихожу, что на пріятное ваше письмо отъ 2-го декабря двѣ почты спустя отвѣтствую; толко подлинно не я — тому причина, и естли бы изволили виднть толстые пакеты, чрезъ тѣ двѣ почты отъ меня въ коллегію отправленные, могли бы увѣриться, что къ друзьямъ своимъ писать я время не имѣю, и како бы не пропустить благодарить вамъ, государю моему, (какъ теперь дѣйствительно дѣлаю) на поздравленіе ваше съ новымъ мнѣ характеромъ, чѣмъ тѣмъ больше обязанъ, что ваши прилежныя старательства немало къ повышенію моему служили, что всегда помнить имѣя, лишныя оставляю комплименты и о письмахъ моихъ къ оберъ-камергеру не упоминаю, понеже уже теперь они неважны, а что таковы — весьма я сожалѣю, понеже не могъ услуги свои пріятны учинить отправленіемъ отсюда посла, и потому и я житье свое продлить имѣю здѣсь, гдѣ отъ скуки пропадаю, оставляя великой денежной расходъ и безпрестанную отъ тяжести воздуха глазную болѣзнь, которая и теперь самому мнѣ къ вамъ писать не допущаетъ. Сколько же поскрипту вашего письма касается, мнѣ весьма удивительно, что мое письмо не изволили подробно растолковать, понеже я въ немъ не писалъ къ вамъ, что вы желаете моего къ вамъ возвращенія, но представлялъ только, что я того чрезмѣрно желаю и прошу, чтобы о томъ старательство приложили, а чтобъ вы моего добра не искали, такое незаконное сумнѣніе и на умъ николи мнѣ не всхо-

дипло, пошеже знаю, сколь вы меня любите и сколь твердо удостовѣрены, что я есмь и всегда буду, и пр.

18.—Февраля 24-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Je suis bien fâché que je dois importuner votre excellence par une lettre qui ne contienne que des plaintes; mais ayant l'honneur de servir l'impératrice, ma souveraine, en qualité de son ministre auprès du roi, il ne m'est pas permis de passer sous silence le tort qu'on vient de faire au caractère que je porte. Pour entrer plutôt en matière, j'ai l'honneur de faire savoir à votre excellence qu'un de mes domestiques, nommé Jean Elton, anglois de nation, vient d'être arrêté par les shérifs de Middlesex contre l'immunité et privilèges dont selon le droit des gens doivent [jouir] les ministres étrangers, leurs domestiques et tout ce qui leur appartient. Je ne sais pas la raison qui leur inspira la hardiesse d'une telle procédure; mais je sais qu'ils ont vu mon passeport entre les mains du dit Elton et que moi-même je leur ai fait savoir qu'il m'appartienne, sans qu'ils aient accordé la liberté au prisonnier. De sorte que je prie très instamment votre excellence non seulement d'ordonner que mon domestique fût relâché, mais d'avoir la bonté de faire en sorte que le tort qu'on vient de me faire dans sa personne ne reste pas impuni. Je suis avec toute l'estime imaginable, milord, de votre excellence [le] très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir. Ce 24 février 1733.

(Лонд. госуд. арх. Publ. rec. off. St. pap. For. Varia, № 220, f. 50).

19.—Около 1-го марта.—Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Comme depuis mon arrivée à Londres je n'ai pas envoyé à votre excellence la liste de mes domestiques, je prens la liberté de la joindre à la présente, en priant votre excellence d'en faire l'usage qu'il plaira à votre excellence. Je suis avec

toute la considération imaginable, milord, de votre excellence très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir.

Liste de domestiques du soussigné ministre de sa majesté impériale de toutes les Russies: Onuphrius Spechneff — commis de la secrétairerie impériale des affaires étrangères; l'abbé Génaadius, le prêtre Bartholoméus Cassano — chapelains; André Trétia-koff — gentilhomme russe; Jean Mouraczowski — valet de chambre; William Brawn — interprète pour la langue anglaise.

Antiochus prince de Cantemir.

(Ловд. госуд. арх. Publ. rec. off. St. par. For. Varia, № 220, f. 50).

20. — Марта 30-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. А. Вешнякову.

Два ваши, государя моего, почтенныя письма, одно отъ 13 января, а другое отъ 10 февраля, я здѣсь всякое въ свое время исправно получилъ, за которыя хотя вамъ, государю моему, покорно и благодарствую, однако не могу сказать, чтобъ содержаніе ихъ мнѣ было пріятно, понеже въ одномъ усмотрѣлъ я, что Иванъ Ивановичъ недомогаетъ, а въ другомъ, что вы своимъ счастьемъ довольны быть причину не имѣете; и объ одномъ, и о другомъ немало сожалею, обоихъ состоянію желая переменны, напаче жъ вашей, понеже, какъ я думаю, мыслимъ безпокойство гораздо тяжелѣйшая болѣзнь, нежели болѣзнь тѣла. Я и самъ признаю, что найденная въ Пандоровой коробкѣ вещьца (которую терпѣніемъ или надеждою называютъ) — весьма слабое лѣкарство вашему недовольству, но не имѣя иного, лучше то употреблять, пока будетъ и на вашей улицѣ праздникъ, котораго вамъ скоро дождаться отъ сердца желаю.

Новинъ отсюда ничего болѣе не имѣю, кромѣ тѣхъ, которыя вы изволите усмотрѣть въ письмѣ моемъ къ Ивану Ивановичу, которое вамъ представитъ причину, для которой умедлилъ я вамъ, государю моему, отвѣтствовать (будучи принужденъ ваше письмо включать въ тѣ, которыя къ его благородію посылаю, чтобъ со-

хранно дойти къ вамъ могли), чего ради уповаю, что вы мнѣ вину ту оставите и всегда меня почитать имѣете за вашего, и пр.

21.—Мая 3-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Depuis que j'ai eu l'honneur d'envoyer à votre excellence la liste de mes domestiques, le nombre s'en est augmenté de deux autres de ma nation, qui viennent de ma cour, et d'un anglois que j'ai pris à mon service. Je prends la liberté d'envoyer à votre excellence leurs noms, la priant d'en faire l'usage qu'il plaira à votre excellence et d'être persuadée que je suis avec toute l'estimation imaginable, milord, de votre excellence [le] très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir. Le 3 mai 1733.

Iwan Iwanowicz Ljuwisoff, Paulus Isakoff—deux gentilshommes russiens; John Fridérik Lampe — valet de chambre.

A. prince de Cantemir.

(Лонд. госуд. архивъ: Publ. rec. off. St. par. For. Varia, v. 220, ff. 73—75).

22. — Мая 21-го. Константинополь. — А. А. Вешняковъ князю А. Д. Кантемиру.

Милостивой государь мой князь Антиохъ Дмитриевичъ! Всепокорнѣйше благодарствую, милостивой государь мой, за милостивое ваше напоминовеніе въ письмѣ вашемъ къ господину резиденту отъ 2-го февраля, такожде и за всепочтеннѣйшее писаніе ко мнѣ отъ 30-го марта, которое я здѣсь имѣлъ честь получить 30-го апрѣля въ цѣлости и съ приложенною цифрою. Безъ всякаго похлѣбства, милостивой государь мой, могу сказать, что наиблагосклоннѣйшая ваша ко мнѣ милость, которую изъ всего сего усмотряю, есть наилучшее мое утѣшеніе въ безщастіяхъ моихъ, о которыхъ не упоминаю, ибо во всемъ положился на волю Божию. Зѣло намъ удивительно, что г. Ланчинской скучаетъ вашими пакетами, понеже платежъ не изъ его кошны, нынѣшній же нашъ адресать въ Гагу къ сіятельству графу Александру Гавриловичю.

Съ нетерпѣливостію буду ожидать знаковъ вашей ко мнѣ милости присылкою стиховъ, я же съ радостію бы прислалъ переводъ первыя вашей сатиры, но имянно, милостивой государь мой, время не допустило переписать, однакожь съ доброю оказіею, повинуясь повелѣнію вашему, я исполнить не премину. Весьма великая есть въ томъ моя продерзость, que j'ai osé défigurer un si bel ouvrage, car vous ne devez pas vous attendre, mon cher prince, qu'à une très mauvaise prose, faite à la hate n'ayant pas pu désobeir à de très fortes sollicitations des personnes auxquelles j'ai beaucoup d'obligations. О новыхъ книгахъ въ Англіи довольно усмотряю изъ агленскихъ газетъ по посольскому жалованію. О происходящихъ здѣсь дѣлахъ приѣмлю смѣлость сослаться на письмо г-на резидента. Ожидаемъ, что учинится у Османъ-паши съ Тахмасъ-Кули-ханомъ; то отмѣнитъ весьма систему здѣшняго состоянія; здѣсь же по сіе число все тихо, мору еще нѣтъ, а такъ ли пребудетъ и то, и другое — гораздо поручиться не возможно. Толко едино знаю, что никто болѣе есть со всевозможнѣйшимъ почтеніемъ и благодарностію, какъ имѣю честь быть, милостивой государь мой, вашъ всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Алексѣй Вѣшняковъ.

23. — (Мартъ-апрѣль). Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ архіепископу Теофану Прокоповичу.

Преосвященный владыко! Вручитель сего — NN, французъ, рожденный въ религіи католической римской, потомъ ученцомъ былъ въ іезуитскомъ орденѣ, за нѣсколькими лѣтами воспріялъ вѣру протестантскую, надѣяся въ сеі больше правды найти, нежели въ прежней; но нынѣ, какъ онъ мнѣ самъ сказалъ, усмотрѣлъ, что какъ отцовскимъ объ немъ расположеніемъ, такъ и своимъ выборомъ нимало совѣсть его не удовольствована, напротивъ же, что по прилежномъ испытаніи совершенно удостовѣрился, что въ одномъ греческомъ исповѣданіи можетъ сыскать свое спасеніе, и для того намѣрился ѣхать въ Россію и тамо святѣйшаго синода всепокорнѣйше просить, чтобъ къ нашей

церкви соединенъ былъ. Оное свое намѣреніе за благо изобрѣлъ онъ мнѣ сообщить прежде своего отъѣзду и притомъ просилъ меня, чтобъ я его рекомендовалъ, гдѣ за прилично покажется. Случай сей съ охотою я въ пользу себѣ употребить желая, смѣлость приѣмлю всепокорно просить ваше преосвященство, чтобъ его признать добрымъ и ученымъ человѣкомъ, котораго никакой интересъ повому своему намѣренію не побудилъ, и всякое возможное подать ему вспоможеніе, чѣмъ ваше преосвященство меня по премію обяжетъ. Впрочемъ, испрося вашего преосвященства нынѣ весьма почтительнаго благословенія, неотмѣнно пребываю, и пр.

24. — Ноября 3-го. С.-Петербургъ. — Архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельныйшіи графъ Антиохъ Дмитріевичъ! Получилъ я письмо ваше сего 1733 года мѣсяца іюня въ первыхъ числахъ, въ которомъ сіятельство ваше изволишь извѣщать о г. Михаилѣ Малярдѣ, родомъ французининѣ, а давномъ уже обывателѣ англичанскомъ, прежде папезского, а потомъ реформатского исповѣданія, что онъ желаетъ принять исповѣданіе Восточной церкви и для того въ царствующій С.-Петербургъ воспріять путь свой, и дабы я въ томъ его желаніи подалъ ему надлежащую помощь, отъ моего смиренія требуете. Благопочтеннѣйше отвѣтствую симъ вашему сіятельству, что какъ вельми меня сія отъ васъ вѣдомость обрадовала, такъ и немалое ощутилъ я на себѣ ко услуженію г-ну Малярду въ такъ добромъ его о душѣ своей промыслѣ одолженіе, наипаче, когда и отъ самой ея императорскаго величества государыни нашей всемилостивѣйшей, яко о томъ извѣстной, къ надлежащему въ томъ дѣйствию объявлено мнѣ повелѣніе. И скоро имѣлъ я съ упоминаемымъ господиномъ Малярдомъ свиданіе, такожъ словесные и письменные разговоры. Но какъ разговоры оныя, такъ и другія нѣкія обстоятельства, подали намъ вину неспѣшно и неторопно въ семъ поступать, чтобъ въ чаяніи смоквей и гроздей не возимѣть рѣпія и тернія,

о чемъ послѣ, если нужда будетъ, вашему сіятельству ясно повѣстивъ не оставлю. Того ради ея императорское величество именной свой указъ повелѣла моему смиренію вамъ объявить о слѣдующемъ: испытать прилежно, только же со всякимъ секрета храненіемъ, коего права и состоянія оной г. Малярдъ и въ какомъ чину тамо былъ и въ какомъ оцѣненіи и почитаніи, и не обязанъ ли долгами или вѣнами, и коего во многихъ тамо исповѣданіяхъ толку, и не претендентовой ли факціи; или другой какой тамошнему или нашему отечеству противной, и знаемъ ли онъ архимандриту Геннадію и іерею Кассану, и они вѣдаютъ ли о его намѣреніи и какъ давно. И по силѣ такожде ея императорскаго величества именного указу потщися сіятельство ваше провѣдать, да опасно и искусно, будто бы не нарочно, спрашивая, наипаче вышеименованнаго архимандрита и Кассана попа, обрѣтаются ли въ живыхъ и гдѣ нынѣ четыре или пять епископы, которые въ прошлыхъ годѣхъ до преставленія блаженныя и высокодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, какъ съ восточными патріархи, такъ и съ нашимъ російскимъ синодомъ о соединеніи вѣры трактовали; и кто они по именамъ, и которой партіи или факціи и закона, и подлинно ли они епископы, и которыхъ мѣсть именно, и знали ль они сего Малярда, и съ которого времени и въ чемъ? И если и другія какія обстоятельства къ нужному сему нашему любопытству сіятельство ваше усмотришь, вся тщательно испытавъ, благоволи къ намъ ясно и пространно отписать, чего благонадежиѣ ожидая, пребываю сіятельства вашего доброжелательный богомолецъ и слуга смиренный Теофанъ архіепископъ Новгородскій.

25.—Декабря 21-го. Лондонъ.— Князь А. Д. Кантемиръ архіепископу Теофану Прокоповичу.

Преосвященнѣйшій владыко! Къ прочимъ обязательствамъ, которыя я имѣю къ вашему преосвященству, не малое вы изволили присовокупить почтеннымъ письмомъ вашимъ отъ 3-го ноября, которое я съ должнымъ респектомъ получилъ въ свое время

исправно. Ваше преосвященство отставить мнѣ изволить, что я умедлилъ на оное отвѣтствовать; нужно было прилежно увѣдомиться о томъ, что ваше преосвященство пмяннымъ ея императорскаго величества указомъ повелѣтъ мнѣ изволили, и то столь труднѣе было, что господинъ Мальярдъ, такъ архимандриту Генадію, какъ и попу Касану, за нѣсколько только дней передъ своимъ отъѣздомъ знакомъ сталъ, и потому нельзя было провѣдать о его состояніи, не будучи извѣстны особы, съ которыми онъ болѣе сожителство имѣлъ. На послѣдокъ я провѣдалъ, что: 1-е) оный Мальярдъ есть одинъ изъ французовъ, которые изъ отечества за утѣсненіе въ своей религіи убѣжали, которыхъ обыкновенно называютъ François réfugiés; 2-е) что по приѣздѣ его въ Лондонъ назначенъ онъ былъ къ одной здѣшней парохіи министромъ, получая пропитаніе изъ суммы, означенной отъ королевы Анны на дачу чужестраннымъ убогимъ протестантамъ; 3-е) что директоры суммы оной, учия ему, какъ многимъ другимъ, обиду въ раздѣленіи надлежащихъ имъ денегъ, сей Мальярдъ писалъ противъ нихъ и въ печать издалъ книжицу, за которую, непріатели его будучи сильнѣе, потерялъ мѣсто и пропитаніе, для чего принужденъ былъ здѣсь хлѣбъ свой доставать, уча французскому языку. Что же онъ не претендентовой партіи, то явно изъ изданныхъ отъ него книгъ, которыя дедикованы вынѣшней королевской фамиліи; а какой секты онъ былъ въ здѣшней религіи, того вѣдать не можно; долговъ же здѣсь никакихъ не оставилъ, и пороку на него никто не сказываетъ. Сколько же касается епископовъ, которые трактовали о соединеніи вѣры, оныя безсумнительно суть претендентовой партіи, и изъ такихъ, которыхъ здѣсь поп jугаге называютъ, то есть, которые нынѣшнему королю въ вѣрности не присягаютъ, претендента за истиннаго короля почитая. И хотя такимъ умѣренныя здѣшніе законы позволяютъ въ тишинѣ жить безъ всякаго утѣсненія, однакоже ни въ какіе чины, такъ гражданскіе, какъ и церковные, употреблены быть не могутъ, и потому и оныя епископы никакой епархіи не имѣютъ и въ парламентѣ, какъ прочіе епископы, не

засѣдаютъ; имена же ихъ неизвѣстны, но заподлинно надѣюся, что въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ имена ихъ и представленіе подробнѣе имѣется. Сіе по вашего преосвященства приказу пространно описавъ, смѣлость приѣмлю съ моей стороны вашему преосвященству донести, что вышеупомянутой Мальярдъ если подлинно желаетъ приобщенъ быть къ нашей церкви, то оное здѣсь шмало въ противность принято не будетъ, каковой бы онъ партіи ни былъ, понеже доброе согласіе между ея императорскимъ и королевскимъ величествомъ и маловажность чело- вѣка никакого подозрѣнія оставить не могутъ; а если онъ какія о соединеніи церкви представленія чинитъ, то оныя за хв- мерическія почитать должно, потому что здѣсь меньше всего о религіи думаютъ. Впрочемъ за вашего преосвященства къ нему Мальярду показанную милость покорно благодарствую и, неспрося вашего благословенія, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего преосвященства всепокорнѣйшій и всепослушной слуга и сынъ князь Антиохъ Кантемиръ.

1734.

26.—Мая 6/14-го. С.-Петербургъ. — Христіанъ Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Madame la comtesse Matvéeff m'a envoyé cette lettre, étant en peine par rapport à son fils, dont elle n'a reçu aucune lettre depuis deux mois. Peut-être que votre altesse aura la bonté de la consoler et de lui procurer des nouvelles désirées. Pour moi, je souhaite de tout mon coeur que votre altesse jouisse toujours d'une santé parfaite et me garde tant soit peu de part dans son cher souvenir. On a célébré à la cour d'ici la semaine passée l'anniversaire du couronnement de sa majesté, et le jeune comte Biron, fils cadet de son excellence le grand chambellan, a eu l'honneur de chanter, pendant que sa majesté dinoit en public, l'arie, que j'ai l'honneur de vous envoyer ici. Il s'en acquittoit avec tant de bonne grâce, qu'il mérita beaucoup d'approbation.

Milord Forbes avait l'honneur, le 24 avril (5 mai), de souper avec sa majesté et les principaux ministres de la cour. Deux jours auparavant il avoit rendu à sa majesté la lettre de notification du mariage accompli de leurs altesses royales le prince et la princesse d'Orange. A présent il est invité tous les jours à de grands repas de congé, puisqu'il se prépare de partir au premier jour, ayant eu son audience de congé le 2 (13) de mai sans cérémonies particulières. Monsieur Rondeau restera donc seul ici et aura soin des affaires de la cour d'Angleterre. Notre académie a fait traduire et imprimer un livre contenant l'histoire du Japon. C'est le premier livre russe que nous avons de cette façon. La carte générale de Russie que monsieur Ivan Kirilof y a fait graver, est achevée. Elle a été présentée à sa majesté l'impératrice la semaine passée. On n'en peut pas encore avoir de telles cartes illuminées; autrement je vous en aurais envoyé un exemplaire avec son excellence milord Forbes, qui m'a honoré de sa bienveillance et de son amitié pendant qu'il était ici. Je tâcherai pourtant de profiter d'une autre occasion pour vous l'envoyer, quoique, pour dire la vérité, je préfère la carte générale de Russie de monsieur Strahlenberg beaucoup à celle-ci, puisqu'elle est plus pleine. Cependant quand celle de monsieur de l'Isle sera achevée, elle sera sans doute plus parfaite que toutes les deux.

Je suis persuadé que vous agréerez, mon prince, la liberté que je prens de vous écrire de l'ancienne confiance sans y changer rien, jusqu'à ce que vous me l'ordonniez. Que le bon Dieu vous donne tous les succès dans vos négociations; c'est ce que souhaite, monseigneur, de votre altesse le plus humble et très obéissant serviteur Chr. Fr. Gross.

St. Pétersbourg. Le 6 / 14 mai 1734.

27. — Ноября 5-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Э.-І. Бирону.

Ревность моя къ прославленію имени нашей всемощвѣйшей государыни, которой долженствую все, что ни имѣю, осмѣлила

меня издать здѣсь въ печать приложенный при семъ портретъ ея императорскаго величества. Народъ аглицкой, слыша ея императорскаго величества героическіе поступки, жадно припялъ случай, чтобъ видѣть изображеніе слабое такой монархини, и понеже мнѣ кажется, что художнику удалось подобіе высочайшаго лица, смѣлость приѣмлю одинъ экземпляръ къ вашему сіятельству прислать съ покорнѣйшимъ прошеніемъ, чтобъ оной ея императорскому величеству соизволили поднести, яко малѣйшій знакъ моего рабскаго почтенія. Если оный будетъ угоденъ, прошу мнѣ извѣстіе милостивое учинить, чтобъ чрезъ предбудущую весну на корабляхъ прислалъ столько листовъ, сколько вашему сіятельству будетъ угодно. И самъ не отчеваяся продолженія вашей ко мнѣ прежней милости, съ прежнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

(Госуд. арх., разр. XI, № 277).

1735.

28. — Февраля 18-го. Лондонъ. Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Comme le porteur de la présente, monsieur Jean Thomas, cy-devant capitaine d'artillerie au service de sa majesté britannique, est actuellement à mon service comme mon maître de mathématiques, je prie très humblement votre excellence de le faire enrégistrer dans la liste de mes autres domestiques. Je suis avec toute l'estime imaginable, milord, de votre excellence très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Le 18 février 1735.

(Лонд. госуд. арх.: Publ. rec. off. St. pap. For. Varia, vol. 221, f. 11).

29. — Марта 1-го. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Votre amour pour les sciences, aussi bien que les devoirs de la charge dont il a plu à sa majesté impériale de me revêtir, en me confiant la direction de l'académie des sciences de

Saint-Pétersbourg, m'autorisent à vous écrire cette lettre au sujet d'un instrument de mathématiques, qui, suivant la description que l'on m'en a faite, mériterait bien d'être examiné à fond par cette académie. C'est milord Isla, l'un des 16 pairs d'Écosse, qui possède cet ouvrage fait par Jonathan Sisson (at the corner of Beaufort buildings in the Strand, London). Un de nos professeurs, qui est venu de Londres et qui a eu l'honneur de vous y voir, m'a assuré, monsieur, que les savants du premier ordre admirent vos lumières et qu'ils sont charmés de s'entretenir avec vous. Il m'a dit aussi que par rapport à l'instrument en question, plus l'invention en est curieuse, moins elle peut être échappée à votre connaissance. Sur ce pied-là j'espère, monsieur, que bien loin de prendre en mauvaise part le sujet, sur lequel je vous écris, vous serez bien aise de me donner l'éclaircissement que je demande, et je suis pleinement persuadé que connaissant les soins et les dépenses extraordinaires que notre auguste souveraine employe avec tant de gloire pour l'avancement des sciences, vous n'oublierez nulle occasion de tout votre pouvoir [de servir] les gracieuses intentions de sa majesté impériale. J'ai l'honneur d'être avec un attachement inviolable etc.

(Арх. копф. Имп. Ав. Н., Ausgehende Briefe 1734, 1735).

30. — Марта 5-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Э.-І. Бирону.

Къ многимъ вашего сіятельства ко мнѣ благодѣяніямъ за не-
малое причитаю учиненную мнѣ честь чрезъ письмо ваше отъ
25-го генваря. Оное столь благосклонно и столь милостивые сен-
тименты содержать, что я никакими словами благодарство свое
вашему сіятельству изъяснить не силенъ, и за тѣмъ самымъ обя-
зательство мое будетъ непрестанно. Оное ваше сіятельство изъ
дня въ день умножитъ продолженіемъ вашей ко мнѣ милости, о
которой всепокорно прошу, понеже свыше всего оную почитаю.
Ваше сіятельство позволить мнѣ при семъ докучить о моей
нуждѣ, которая собою смѣлость мою или, лучше сказать, продер-

зость мою предъ вашимъ сіятельствомъ извинить. При отправленіи моемъ къ здѣшнему двору опредѣлено мнѣ было 3000 р. въ годъ, въ которомъ окладѣ жилъ я здѣсь полтора года. Карактеръ, мнѣ данной, требовалъ отъ меня, чтобъ я не хуже моихъ товарищей себя содержалъ, почему обязанъ былъ малую серебрянную посуду сдѣлать, убрать домъ, держать карету; все то сколько дорого—вашему сіятельству, безъ сумнѣнія, извѣстно, и для того удивительно не будетъ, что я нахожусь въ долгу 500 фунтовъ стерлинговъ, которые учинять около 2500 р. Я уже три челобитныя послалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о оплатѣ оного моего долгу, но никакой резолюціи получить не могъ. Чего ради всепокорно прошу ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ сію милость отъ ея императорскаго величества. Я признаю, что того не заслужилъ, но великодушіе ея императорскаго величества надежду мнѣ даетъ, что такая малая сумма вашего сіятельства рекомендаціи не будетъ отказана. Могъ бы я пространно изъяснить вашему сіятельству, что мой долгъ былъ необходимо нуженъ, но не смѣю трудить ваше сіятельство многословіемъ; для того ссылаюся на мои прошенія, посланныя въ коллегію; засвидѣтельствую при семъ, что за сіе вашего сіятельства благодѣянія вѣчно останусь обязанъ, непремѣнно пребывая съ крайнимъ почтеніемъ, и пр.

(Госуд. арх., разр. XI, № 277).

31. — Мая 3-го. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Vous répondez avec tant de bonté et d'exactitude à la demande que j'avois pris la liberté de vous faire, et vous accompagnez d'expressions si favorables à mon égard la félicitation que vous me faites sur ma nouvelle charge, que j'ai toute raison de m'en louer et de vous protester que je serai toujours fort attentif à vous témoigner, combien je suis redevable à votre affection. Je me conforme entièrement à l'avis que vous me donnez touchant l'instrument en question et crois qu'il vaut mieux ache-

ter celui que l'on vend 25 livres sterling et d'en examiner l'utilité, que de payer sur-le-champ deux cens livres pour l'autre, sans être assuré qu'il réponde tout-à-fait à l'attente de l'académie; vous trouverez pour cet effet ci-joint un billet de 25 livres sterling, que je vous prie, monsieur, de vouloir bien faire rendre au mécanicien. Je souhaiterois que cet instrument fût envoyé ici à la première occasion; l'académie jugera peut-être à propos d'en faire usage dans l'expédition de Kamtschatka pour laquelle on a, par ordre exprès de sa majesté impériale, engagé un second astronome, qui, comme j'espère, viendra bientôt ici pour recevoir ses instructions. Il y a cependant un article de votre lettre qui me fait de la peine, les circonstances présentes de notre académie ne me permettant pas d'y engager le savant françois que vous me recommandez; mais comme dans le collège de l'admirauté on a établi une espèce d'académie pour apprendre aux jeunes gens destinés à la marine l'art de navigation et que l'on y enseigne pour cette effet les principes des mathématiques, je pense, monsieur, que si le mathématicien françois trouve un tel emploi à sa bienséance, il pourroit s'adresser à monsieur le comte Gollowin et qu'un mot de recommandation de votre part lui seroit d'un grand secours en cette occasion. Je suis avec la plus parfaite estime, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur Korff.

A St.-Pétersbourg. Ce 3 mai 1735.

(Арх. конф. Имп. Ав. Н., Ausgeh. Briefe 1734, 1735, вк. № 19).

32. — Мая 6-го. С.-Петербургу. — Графъ Э.-І. Биронъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь! Вашего сіятельства пріятное мнѣ письмо я получилъ, за которое и за сообщенное въ немъ о вашихъ обращеніяхъ въдомостей покорно благодарствую. Напротивъ чего и я о здѣшнемъ доношу, что ея императорское величество за помощію Божіею въ вождѣлнномъ своемъ здравіи пребываетъ благополучно и сей день изволила перейти въ Лѣтній

дворецъ. При томъ я нынѣ вашему сіятельству ко увѣдомленію новинъ никакихъ не пиѣю; токмо изъ Персіи прошлаго марта отъ 17-го вѣдомость получена, что городъ Генжа персіянами еще не взятъ, и Тахмасъ-Кули-ханъ штурмомъ брать его не намѣренъ, но хочетъ такъ выморить, о чемъ подлинно слышно, что уже и тогда терпѣли они великій голодъ, а нынѣ уповательно и вяще, чрезъ чтò думать надобно, что онъ его понынѣ помянутыми способами конечно досталъ, поуже турецкаго войска нѣсколько было къ нему въ разстояніи трехъ дней до него ходу на помощь приближалось. Однакожъ какъ Тахмасъ-Кули-ханъ противъ ихъ часть своего войска выслалъ, то они, не дожидаясь ихъ, по увѣдомленіи ретировались назадъ къ Эривану. Почему видно, что турки безсильны. Чтò же происходитъ въ Польшѣ, о томъ уповаю, что вашему сіятельству саксонскій министръ обо всемъ извѣстіе сообщить. Впрочемъ я, желая вашему сіятельству всякого благополучія, остаюсь всегда вашего сіятельства послушнымъ и доброжелательнымъ слугою Е. J. G. Viron.

33. — Мая 17-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Ньюкастлю.

Milord duc! Votre excellence sans doute sera informée que j'ai eu la gracieuse permission du roy d'engager deux officiers de sa marine au service de l'impératrice, ma souveraine. En conséquence je suis convenu avec monsieur le capitaine Mathews qu'il iroit à Saint-Pétersbourg pour y régler en personne ses conditions. Mais comme on lui a dit qu'il ne pouvoit prendre le service étranger sans une permission du roy par écrit, il en avoit supplié milord Harintong, qui partit sans la lui avoir obtenue. Je supplie donc votre excellence d'en supplier de ma part la reine, et je ne doute pas que sa majesté n'aura point de difficulté de la lui accorder. Mon homme a ordre d'attendre les ordres de votre excellence, dont je suis avec toute l'estime imaginable, milord duc, très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Londres. Le 17 de may 1735.

(British Museum, рукописи лорда Ньюкастля).

34. — Мая 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ
статсъ-секретарю лорду Ньюкастлю.

Milord duc! Je manquerois à mon devoir, si je ne remerciois très humblement votre excellence de l'honneur qu'elle me fit bien par sa lettre et par la communication de l'ordre du roy envoyé à milord Kinoul. J'ai expédié celui-ci à ma cour, laquelle y trouvera une nouvelle preuve de la sincère amitié du roy envers l'impératrice ma souveraine. J'ose même assurer votre excellence d'avance que sa majesté impériale en témoignera au roy sa reconnaissance et sera toujours prête à rendre de nouveaux bons offices à sa majesté britannique. Je suis avec toute l'estime et considération imaginable, milord duc, de votre excellence [le] très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Londres. 1735 le 18 de may.

(Лонд. госуд. арх. Publ. Rec. Off. St. Par. For. Russia, 1735, № 27).

35. — Юля 12-го. Петергофъ. — Графъ Э.-І. Бронъ
князю А. Д. Кантемиру.

Вашего сіятельства два письма изъ Лондона, ко мнѣ писанныя, я получилъ, за которыя, а въ первомъ сообщенное извѣстіе о тамошнихъ состояніяхъ вашему сіятельству благодарствую. Что же о зеленомъ алмазѣ изволили ко мнѣ писать, и я ся императорскому величеству докладывалъ, но токмо ея велчество оный покупать не изволилъ. Впрочемъ здѣсь во всемъ обстоитъ благополучно, и притомъ я остаюсь, и пр.

36.—Юля 12-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Отправленъ къ вашему сіятельству изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ для письма и обученія иностранныхъ языковъ бывшій при мнѣ сенатской канцеляристъ Иванъ Несвитаевъ, которой и самъ того желалъ, а понеже онъ, будучи при мнѣ, въ дѣлахъ поступалъ порядочно и такъ велъ себя честно, что я имѣю причину его рекомендовать вашему сіятельству, и покорию прошу, чтобъ онъ содержанъ былъ въ милостивой протекціи вашего

сіятельства, въ чемъ не сумнѣваюсь. Прочее прошу содержать меня, яко емь всегда вашего сіятельства нижайшій слуга князь Алексѣй Черкасской.

37. — Августа 26-го. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Чрезъ присланнаго ко мнѣ канцеляриста Ивана Несвитаева я имѣлъ честь получить вашего сіятельства милостивое письмо отъ 12-го іюля, за которое всепокорнѣйше вашему сіятельству благодарствую, удостовѣряя ваше сіятельство, что хотя по его Несвитаева поступкамъ я имѣю причину во всемъ возможномъ служить, однакожь наипаче къ тому нахожусь обязанъ вашего сіятельства рекомендаціею, которая у меня всегда будетъ въ великой важности. Онъ же Несвитаевъ объявилъ мнѣ вашего сіятельства совѣтъ въ томъ, что касается до моихъ реляцій, и какъ изъ сего признаваю вашу неотмѣнную ко мнѣ благосклонность, такъ не оставляю съ покорнѣйшимъ благодареніемъ онымъ пользоваться, да и впредь прошу ваше сіятельство, когда время позволить, исправлять мои недостатки, чѣмъ болѣе всего ваше сіятельство обязать меня изволить. Напоследокъ покорно ваше сіятельство прошу продолжать мнѣ свою милость и повелѣвать мнѣ смѣло во всемъ томъ, гдѣ я къ услугамъ вашего сіятельства гожду, и затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

38. — Сентября 13-го. — Герцогъ Э.-І. Биронъ князю А. Д. Кантемиру.

Вашего сіятельства письмо я изъ Лондона получилъ и за оное покорно благодарствую, а притомъ приложенную вашу челобитвную отдалъ я въ кабинетъ. И что до меня надлежитъ, въ томъ извольте мнѣ вѣрить, что я съ радостію по объявленіямъ мнѣ вашимъ угождать и служить вашему сіятельству готовъ. Отсель нынѣ вѣдомостей никакихъ сообщить вамъ не имѣю, и изъ Персіи ничего примѣтнаго не пишу. Здѣсь за помощію Божіею обстоить во всемъ благополучно, и притомъ остаюсь, и пр.

39. — Октября 14-го. С.-Петербургъ. — Баронъ I. - А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

J'ai reçu l'instrument astronomique universel que vous avez eu la bonté de m'envoyer, et j'ai fait le payement suivant votre ordre. Cet instrument a été fort approuvé par nos académiciens, et le sieur Bruckaer, mécanicien de l'académie, s'est chargé d'en faire un pareil, mais beaucoup plus grand, à quoi il est présentement occupé. L'affection particulière que vous avez si souvent témoignée à l'académie, me fait prendre la liberté de vous adresser le diplôme, par lequel monsieur Sloane est déclaré membre de l'académie des sciences de Pétersbourg.

Le capitaine Elton, anglois, qui a eu l'honneur de vous voir, monsieur, à Londres, est allé auprès monsieur Kyriloff à Ufa, où l'on a trouvé quantité de minéraux, des marbres de différentes sortes et une espèce de porphyre, pendant qu'on a découvert en Sibérie de veines très riches de jaspe, dont on fait état de tirer des morceaux d'une grosseur toute extraordinaire, de sorte que la nature même semble ouvrir ses trésors jusque dans les provinces les plus reculées de notre auguste impératrice pour contribuer à la gloire de son règne et à la prospérité de ses sujets. Je suis avec un attachement inviolable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Korff.

A St.-Pétersbourg. Ce 14 octobre 1735.

(Арх. конф. Имп. Ав. Н., Ausgeh. Briefe 1734, 1735, кн. № 19).

40. — Октября 28-го. С.-Петербургъ. — Баронъ I. - А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! J'ai trouvé dans les Nouvelles littéraires de Leipzig du 20 octobre 1735 l'article ci-joint, qui m'a paru important par rapport à l'usage d'une machine qui doit être connue en Angleterre. Comme notre académie des sciences est fort attentive à ces sortes d'inventions et que nous avons ici un mécanicien très habile et capable de travailler à un tel ouvrage sur une description bien détaillée qu'on lui en pourroit donner, je vous

prie, monsieur, de vouloir bien nous la procurer. J'aurois de la peine, monsieur, à vous importuner si souvent par des prières de cette nature, si les devoirs de ma charge ne m'y obligeoient, et si je ne me confiois entièrement aux assurances réitérées que vous avez données de votre affection à l'académie. Je vous proteste, monsieur, qu'elle sera toujours prête à vous donner des preuves de son respect et que personne au monde ne peut être avec une estime plus parfaite que moi, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Korff.

A St.-Pétersbourg le 28 octobre 1735.

P. S. Je n'ai pas perdu de vue le mathématicien françois, que vous me recommandâtes, monsieur, il y a quelque temps, et dans l'attente où je suis que notre auguste imperatrice augmentera dans peu d'une somme considérable le revenu de l'académie, je pense d'engager ce mathématicien à l'observatoire pour aider monsieur de l'Isle dans les observations et dans les calculs astronomiques.

(Арх. копф. Имп. Ак. Н., Ausgehende Briefe 1734, 1735, № 19).

41. — Декабря 4-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ
Замбони.

Monsieur! Je suis mortifié d'être obligé à différer notre dîner de demain jusqu'à jeudi, puisque demain je suis invité chez monsieur le baron de Loss, avec la même compagnie, qui étoit chez moi. Je n'aurois pas manqué de lui faire mes excuses, si je ne lui avois pas promis, il y a une semaine, de venir chez lui. Faites donc, je vous prie, mes excuses auprès de vous et de vos amis. Je suis, avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Le mardi le 7 décembre 1735.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 549).

42. — С.-Петербургъ. — Графъ Левенвольде князю А. Д. Кантемпру.

Monsieur! Il y a longtems que j'aurois eu l'honneur de vous donner de mes nouvelles, si la réponse que j'attendois d'Italie au sujet de monsieur Araya fut venue plustôt; elle m'est parvenue à la fin la poste dernière, mais malheureusement pas telle que je la souhaitois; il n'y a pas eu moyen absolument de se défaire honnêtement de ce monsieur; comme son contract était signé, il a cru que sa réputation en souffriroit, s'il se relâchoit sur la parole qu'on lui avoit donnée, et la chose est sans remède; j'en ai un véritable chagrin parce que cela m'oblige à ne pouvoir plus présentement à monsieur Porpora; je vous prie, mon cher prince, de le lui faire savoir d'une manière gracieuse et honneste et en lui faisant mes compliments de l'assurer que je ne l'oublierai point, dès que j'en aurai une occasion favorable. Vous savez bien, mon cher prince, ce que je vous ai remarqué à son sujet dans ma dernière; j'espère que je serai plus heureux avec monsieur Arigoni et que je recevrai dans peu de vos nouvelles à son sujet; je me flatte qu'elles seront favorables par la raison que c'est vous, monsieur, qui ménagez cette affaire. Indépendamment de cela soyez persuadé, je vous prie, qu'on ne peut rien ajouter à la parfaite estime et considération avec lesquelles j'ai l'honneur d'être, etc.

P. S. A vos heures perdues honorez moi de temps en temps, mon cher prince, de quelques nouvelles du pays où vous êtes, sans préjudice pourtant de qui que ce soit; vous m'obligerez sensiblement, mon cher prince. Votre très humble et très obéissant serviteur comte Löwenwold.

43. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемпръ Замбони.

Monsieur le chevalier Ozorio et moi, nous soupons mercredi prochain chez mademoiselle Bertoldi, laquelle m'a imposé de vous prier de vouloir bien être de la partie. Si vous acceptez l'invitation, j'espère avoir l'honneur de vous voir ce même mercredi après dîner pour aller ensemble à la répétition de l'opéra. Je suis

avec beaucoup d'estime, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Ce lundi 1735.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 548).

44. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! L'ambassadeur n'est point coupable de sa commission. Mademoiselle Bertoldi ayant eu l'honneur de vous écrire deux lettres sans avoir obtenu celui de votre réponse, m'a prié de m'intéresser auprès de vous pour avoir le compte de onze billets que vous avez eus. J'espère, monsieur, que vous voudrez bien lui renvoyer lesdits billets en cas qu'ils n'aient pas été donnés, ou l'argent dont elle a besoin. Je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 557).

1736.

45. — Января 6-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Сіяте́льнѣйшій графъ, пре́милостивый госуда́рь мой! По полу́ченіи вашего сіяте́льства ми́лостиваго письма́ отъ 9-го де́кабря я на друго́й де́нь нарочно бы́лъ у французскаго ми́нистра г. Шави́ньи и, сколько могъ прилежно, ему́ извѣстна́ о извѣстной кни́гѣ Лётръ Моско́витъ, сколь она́ предосудительна́ такъ ми́нистерству, какъ и всему́ народу́ россі́йскому, и что онъ, Шави́ньи, попре́мному́ мевя́ обяже́тъ, если́ позво́литъ отвѣсать къ́ двору́ своему́, чтобъ печа́тникъ то́й кни́ги бы́лъ сыска́нъ и наказа́нъ, также́ кни́ги конфискованы́ и че́резъ пала́ча сожжены́ бы́ли, и́ буде́

авторъ ея во Франціи, то и съ нимъ такъ, какъ и съ книжникомъ, поступить, которымъ поступкомъ угодность покажетъ двору нашему и взаимное оказательство дружбы его французское высокопревосходительство ожидать имѣеть. Наипаче же министры французскіе партикулярно въ томъ ваше сіятельство обяжутъ, понеже большая часть поношеній въ той книги васъ и другихъ чужестранныхъ касаются, какъ онъ, Шавиньи, усмотрѣтъ могъ изъ книги, которую я при томъ ему далъ.

На то онъ съ обыкновеннымъ ему учтивствомъ меня наикрѣпчайше обнадежилъ, что если печатниково имя не подложное и та книга печатана въ Парижѣ, то онъ заранѣе можетъ меня удостовѣрить, что у его двора по моему требованію точно поступлено будетъ, какъ съ книгою, такъ и съ издателемъ, понеже де его государь никогда не позволитъ, чтобъ такія пасквили печатаны были противъ столь знатнаго народа и двора, еслибы и продолжалось еще прежнее несогласіе, а теперь при наступленіи мира еще меньше тому поводъ подать причину имѣеть. Къ тому онъ прибавилъ, что ваше сіятельство заслужилъ себѣ во всемъ свѣтѣ такую высокую репутацію, что такіе и подобные плуты, каковъ есть авторъ книги, хотя не могутъ ее опорочить, однакожъ г. кардиналъ особливо затѣмъ сатисфакцію должную дать не преминетъ, и онъ, Шавиньи, счастливымъ бы себя почелъ бы, еслибы своимъ старательствомъ о семъ дѣлѣ могъ удостовѣрить ваше сіятельство о особливомъ своемъ къ вамъ почтеніи.

Разговоръ нашъ съ нимъ продолжился потомъ чрезъ долгое время, въ которомъ я ему далъ знать о освобожденіи г. Монтія, и въ немъ усмотрѣлъ немалую склонность видѣть два наши двора приведены въ прежнее доброе согласіе; но понеже о семъ пространнѣе въ моей покорнѣйшей реляціи доношу при семъ, о томъ повторнымъ описаніемъ трудить ваше сіятельство оставляю. По семъ первомъ поступкѣ съ г. Шавиньемъ я не оставилъ чрезъ здѣшнихъ книжниковъ увѣдомиться о прямомъ мѣстѣ изданія вышеупомянутой книги, и сколько они мнѣ могли дать знать, книга эта ко всѣмъ сюда пришла изъ Голландіи отъ книж-

ника, называемаго Дебордъ, котораго чають они быть издателемъ ея. Я уже прѣискалъ способъ, чтобъ о томъ основательнѣе удостовѣриться, а между тѣмъ не оставлю о томъ просить и его сѣятельство графа Александра Гавриловича, которому, кажется, потребно бы было, чтобъ ваше сѣятельство своимъ письмомъ о томъ подтвердили, чѣмъ ко мнѣ писать изволили; впротчемъ опроверженіе на оную книгу я уже писать началъ, пользуясь приложеннымъ при вашего сѣятельства письмѣмъ экстрактомъ, и могу ваше сѣятельство покорно удостовѣрить, что николи охотиѣ за перо не принимался, какъ при семъ случаѣ, имѣя защищать и отечество, и вашего сѣятельства изрядное поведеніе, отъ котораго дворъ нашъ при всемъ свѣтѣ заслужилъ себѣ крайнюю репутацию. Будучи весьма легко опровергать такія несостоятельныя лжи, которыми книга та наполнена, и имѣя всю правость съ своей стороны, надѣюсь, что мой трудъ не будетъ безплоденъ, въ чемъ ваше сѣятельство дутчшею будетъ судья, когда оное опроверженіе позволите увидѣть. Сочинено оно будетъ подъ образомъ писемъ и составитъ хорошую книжку, чего ради не скоро можетъ быть издана, напаче что глаза мои многого прилежанія не позволяютъ. Одинъ только пунктъ для меня столько деликатенъ, что я безъ указа ничего объ немъ говорить не смѣю, а касается онъ наслѣдства къ російскому престолу, чего ради на оное требую отъ вашего сѣятельства милостиваго изъясненія, и для того прилагаю при семъ ту часть книги, въ которой объ немъ упоминается, и за симъ, препоручая себя вашего сѣятельства милости, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сѣятельства всепокорно послушной слуга Князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Лондона. Генваря 6-го 1736 года.

P. S. По заключеніи сего получилъ я высочайшій ея и вашего сѣятельства рескриптъ отъ 13-го декабря, которымъ повелѣно мнѣ, изъ той книги выписавъ, прислать насажи, для которыхъ опроверженія требуются нужныя изъясненія; и понеже за позднимъ временемъ на оный рескриптъ нынѣ отвѣтствовать не успѣлъ, а въ той книгѣ пѣтъ ни одной страницы, въ которой бы

не было достойнаго опроверженія, чего ради прилагаю вашему сіятельству для образца другую часть, покорно донося, что, кажется, пужно вашему сіятельству и всю книгу пмѣть, о чемъ буду просить графа Александра Гавриловича, чтобъ оную переслалъ къ вашему сіятельству чрезъ тележную почту.

46. — Февраля 24-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу Э.-І. Бирону.

Сіятельвѣйшій графъ, премилостивый государь мой! За милостивое вашего сіятельства письмо отъ 26-го генваря и за благоклонное поздравленіе новымъ годомъ покорно вашему сіятельству благодарствую; не меньше же обязанна себя признаю общаніями въ продолженіи вашей ко мнѣ милости, которую я съ своей стороны заслужить непрестанно стараться буду. Впрочемъ пмѣю вашему сіятельству отсюду пріятную вѣдомость допестъ, а имянно, что на свхъ дняхъ здѣсь чрезъ Францію извѣстіе получено о акцентаціи прелиминарій отъ двухъ французскихъ союзниковъ. О Сардинскомъ дворѣ уже давно было извѣстно, что мало въ томъ затрудненія чпшилъ, какъ я самъ видѣлъ въ учипенной того двора отповѣди на резолюцію Статовъ Генеральныхъ; но опасно было, чтобъ Гишпанской не продлилъ заключенія генерального мира, которая опасность уже теперь минулась, и здѣсь не сумнѣваются, что вскорѣ формальной мирной трактатъ въ Гагѣ будетъ подписанъ. Оной больше всѣхъ чести пмѣеть принести нашей всемилостивѣйшей государынѣ, которая одна пзъ всѣхъ воюющихъ державъ свое намѣреніе славно въ дѣйство произвела. Сему здѣсь столько удостовѣрены, что во всемъ народѣ, и наипаче въ парламентѣ, обѣ партіи согласуются въ похвалахъ ея императорскаго величества.

Я сожалью, что прежь сего о сей важной негоціаціи вашему сіятельству доносить не былъ въ состояніи, понеже дѣло требовало чрезмѣрнаго секрету, а я не пмѣлъ цыфри для переписки съ вашимъ сіятельствомъ, чего ради уповаю, что ваше сіятельство не изволитъ то поставить мнѣ въ несправность моей

должности, будучи удостовѣренъ, что я неотмѣнно есмь съ крайнимъ почтеніемъ, и пр.

Февраля 24 вторникъ 1736.

47. — Апрѣля 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Уже слишкомъ годъ, какъ мои покорнѣйшія два прошенія о долгахъ моихъ и о прибавкѣ жалованья лежатъ въ кабинетѣ безъ резолюціи. Я оной бы еще терпѣливо ожидалъ, если бы не чувствовалъ повсядневно новыя безпокойства отъ недостатку (которыя соединенно къ прочимъ несчастливымъ мнѣ случаемъ отнимаютъ мнѣ тишину ума, которая всего нужнѣе въ должности, въ которой я нахожусь), — для чего еще смѣлость приѣмлю ваше сіятельство всепокорно просить, чтобъ милостиво объ оныхъ моихъ прошеніяхъ припомануть и заступитъ обо мнѣ у ея императорскаго величества, которой правость и великодушіе столько извѣстно, что однимъ вашего сіятельства милостивымъ словомъ я благонадеженъ получить желаемую резолюцію, наипаче что требованія мои пебезразсудны и правильны. Отъ вашего сіятельства я вѣчно буду обязанъ и, ожидая вашего сіятельства милостивого отвѣту хотя бъ для того, чтобъ болѣе вамъ не докучать, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

1-го апрѣля.

48. — Апрѣля 10-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Pétersbourg. Le 10/21 avril.

Les gracieuses assurances que votre altesse a daigné de me donner non seulement touchant la continuation de sa bienveillance précieuse, mais aussi touchant la protection qu'elle veut bien accorder à mon frère cadet, me sont de nouvelles marques de sa généreuse bonté, dont je suis sensiblement touché et pénétré de la plus respectueuse reconnaissance. Suivant la très gracieuse intention de votre altesse, je n'ai pas manqué de supplier son excellence le comte d'Osternann en faveur de mon frère. Et son excellence

a eu la grâce de répondre, que l'affaire n'aura point de difficulté, et si votre altesse n'a eu aucun secrétaire jusqu'ici payé par le collège des affaires étrangères, qu'il ne faudra qu'une petite requête de la part de votre altesse pour ce collège-là, portant que votre altesse a choisi un tel pour secrétaire et qu'elle prie de lui accorder la pension qu'on donne aux autres secrétaires, qui sont auprès de ministres russiens dans des cours étrangères. Sur ces gracieuses promesses, dont j'ai averti mon frère, il va se ranger sous la protection de votre altesse et tâchera de mériter sa bienveillance par toutes les qualités d'un fidèle serviteur. J'espère pour le moins, que son application et son assiduité lui attireront la généreuse indulgence de votre altesse sur ce qui lui manque peut-être d'un autre côté, n'ayant pas encore vu le grand monde. Que le bon Dieu accomplisse les vœux que je fais depuis tant d'années sur la prospérité de votre altesse. Personne n'y peut prendre part plus sincèrement que celui qui sera durant sa vie avec une parfaite vénération, etc.

49. — Апрель 10-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Après la gracieuse permission que votre altesse a bien voulu accorder à mon frère cadet de venir se ranger sous sa protection et ses gracieux soins, j'ai l'honneur de le présenter par ses humbles lignes, en suppliant votre altesse de le recevoir au nombre de ses fidèles serviteurs. J'espère qu'il tâchera de mériter cette qualité par un zèle et une application particulière d'exécuter les ordres de votre altesse et par un attachement respectueux et inviolable, dont il sait que je fais profession aussi, étant avec une parfaite vénération, monseigneur, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur Chr. Fr. Gross.

Pétersbourg. Le 10/21 avril 1736.

50. — Апрель 27-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Милостивое вашего сиятельства письмо отъ 27 марта я имѣлъ

честь получить исправно, на которое всепокорно вашему сиятельству доношу, что по силѣ отправленного ко мнѣ рескрипта я не премину съ государственною коммерцъ-коллегіею впредь отписываться о опредѣленіи консуля при здѣшнемъ городѣ, что, какъ ваше сиятельство изволитъ изрядно примѣчать, для распространенія російскаго торгу не мало нужно. Впрочемъ же я вашему сиятельству крайне обязанъ останусь, если рекомендованная отъ меня персона господина Замбонія вашего сиятельства милостивымъ старательствомъ къ тому консульскому дѣлу будетъ опредѣлена, понеже вѣдаю въ немъ нужное къ той должности искусство и доброе обхожденіе, которое немалой же важности.

А что касается до его жалованья, смотря по дороговизнѣ здѣшняго мѣста кажется, что на 2000 руб. не гораздо широко можно здѣсь жить, понеже на одну карету, которая консулу за пространствомъ города необходимо нужна, потребно 600 р., да за дворъ по меньшей мѣрѣ 300 руб., такъ что изъ 2000 одна половина остается на пропитаніе и прочія нужнѣйшія издержки. Однакожь, со всемъ тѣмъ я о суммѣ того жалованья имѣю ожидать резолюціи изъ государственной коммерцъ-коллегии, которая если соизволитъ, чтобъ обрѣтаемому здѣсь консулу питаться съ продажи товаровъ (какъ кажется, ваше сиятельство въ своемъ письмѣ чаеть, что прочіе наши консулы чинили), то не сомнѣваюсь, что г. Замбоніи тѣмъ столь больше можетъ довольствоваться, что гораздо болѣе 2000 руб. съ однихъ коммисіей платится дѣйствительно и здѣшнимъ купцамъ, которые продаютъ казенные товары, — только нужно бы милостивѣйше разсудить, если тѣхъ товаровъ въ посылкѣ консулу не будетъ, то откуда ему имѣть свое пропитаніе.

Все вышесказанное оставляя на обыкновенное вашего сиятельства проицательство, съ крайнимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю, и пр.

Апрѣля 27 1736.

51. — Мая 4-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Я многократно въ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ всеподаниѣйше просилъ о порядочномъ переведеніи моего жалованья, но по несчастію до сихъ поръ никакой милостивой резолюціи въ томъ не принято, и уже нѣсколько по мѣсяцу, или хотя два, вексели поздають, но и по прошествіи всей трети еще жалованья своего получить не могу. И понеже отъ недостатку денегъ все принужденъ покупать дороже на кредитъ и къ тому жъ не сумнѣваюсь, что о семъ замедленіи господамъ министрамъ не извѣстно, смѣлость приѣмлю всепокорно ваше сіятельство просить, чтобъ указали не оставлять меня въ забвеніи, наипаче что обрѣтаюсь въ такомъ городѣ, гдѣ и на готовыя деньги все дорого, — чѣмъ ваше сіятельство къ протчимъ новое мнѣ обязательство приложить изволите. При чемъ такожь на мплость вашего сіятельства уповаю, что не изволите совѣмъ забыть мое покорнѣйшее прошеніе къ ея императорскому величеству о оплатѣ моихъ долговъ, которыхъ сумма будучи весьма мала смотря по дороговизнѣ здѣшняго мѣста, и по великодушію ея императорскаго величества я твердо надѣюсь, что при первомъ вашего сіятельства милостивомъ представленіи ея величества и милостивая резолюція воспо слѣдовала бы, которую немедленно ожидая, съ крайнимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю, и пр.

Мая въ 4 день.

P. S. *Секретнѣйше.* Въ сегодняшней моей покорной реляціи я неприлично быть чаялъ упомянуть о прямой причинѣ королевскаго отъѣзда въ ГанOVERь, но для любопытства ея императорскаго величества и вашего сіятельства партикулярно доношу, что его величество (какъ здѣсь обще слухъ носится) въ прошлогодской поѣздкѣ влюбился въ одну ганOVERскую госпожу, отъ которой слышию, что и сынъ уже родился, и та самая его величество въ отсутствіи отъ себя покойна не оставляетъ, для чего королева и здѣшніе министры никакимъ образомъ его величество отъ вынѣшней поѣздки удержать не могли, хотя такіа чинимыя

его величества отлученія народу здѣшнему гораздо неприяты. Сіе покорно прошу въ глубочайшемъ секретѣ содержать, понеже если бы вѣдали, что я о семъ доносилъ, довольно бы мнѣ было для впаденія въ немилость королевскую, хотя всѣ здѣсь о томъ почти публично говорятъ.

52. — Мая 27-го. Штутгартъ. — Г.-Б. Бильфингеръ князю А. Д. Кантемиру.

Celsissimo principi Cantemirio, augustae Russorum imperatricis apud Anglos oratori, salutem et obsequia Georgius Bernhard Bilfinger.

Nihil miraberis, celsissime princeps, quod Grossium, egregium juvenem, ad te contendentem, ob ingenuam indolem, ob eruditionem variam, ob diligentiam et fidem tibi commendare institui. Nolui deesse ipsi mihi cum locus erat testificandi cultum erga te meum et refricandi memoriam ejus temporis, quo benevolentiam in me tuam coram licuit experiri. Auguror, quantum ex mora Londinensi incrementum accesserit illis studiis, quae olim non gustasti solum, sed penitus et velociter hausisti. Neque enim te totum occupare possunt, quae alios opprimunt, rerum gerendarum negotia, etiam gravissima. Mihi scientias nunc quidem nullas datur attingere, si ab architectura militari discesseris, quae delicias facit serenissimi principis mei, et in qua me progressus fecisse aliquos puto, postquam novas muniendi formas ab antiquis omnibus diversas diversisque omnino principiis superstructas, aliquo etiam numero inveni. Partem earum in scheda praesentibus addita generatim enuntiavi. Methodos explicari ipsas princeps vetuit. Utinam Russorum bono liceret utilia extruere, ut intelligeretur posse dimidia sumtuum parte duplo meliora, quam fieri solent, munimenta condi. Habeo, quae centenis rublorum millibus possent perfieri castella; quibus defendendis milites sufficerent mille, adhiberi vero bis, ter et quater mille possent; habeo quae bis, ter et quater centenis millibus rublorum construi munimenta possent: quibusque in expugnandis quatuor aut quinque

menses non sufficerent, modo defensionis totidem mille homines, necessariis rebus instructi, adhiberentur. Sed nolo plura, dum nescio, an at haec talia placeat a gravioribus studiis tuis descendere. Suffecerit plane, si non ingratum fuerit tibi, princeps celsissime, quod renovare mei memoriam, testari veterem erga te cultum et perennem inserviendi rebus ruthenicis animum iterum significare sustinui.

In Stuttgardio d. 27 maji 1736.

53. — Апрельъ. С.-Петербургъ. — Архимандритъ Варлаамъ князю А. Д. Кантемиру.

Высокоблагородный и превосходительный господинъ, господинъ полномощный министръ, князь Антиохъ Дмитріевичъ, государь мой! При семъ случаѣ особливую мою смѣлость до вашего превосходительства дерзновенно употребляю, еже бы по благодушію ко мнѣ вашему въ чемъ возможно сіи письмовручители, поѣхавшіе въ Лондонъ російскіе купцы, жители Переяславля Залѣскаго, Артемей Павловъ сынъ Новоселовъ и Афонасей Яковлевъ сынъ Шебонинъ, оставлены не были, чего ради симъ оныхъ вашему превосходительству рекомандую и, благонадежно на сіе милостиваго вашего отвѣта ожидаю, при повсегдашнихъ моихъ до Всемогущаго молитвахъ пребываю съ достолюбіишимъ моимъ респектомъ ея всепресвѣтлаго императорскаго величества духовникъ, вашего превосходительства доброжелательный, Свято-Троицкой Сергіевой лавры архимандритъ Варлаамъ.

54. — Іюня 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ архимандриту Варлааму.

Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ, милостивый государь мой! Вашего преподобія благосклонное письмо чрезъ російскихъ купцовъ Ивана Новоселова и Афанасія Шебонина я имѣлъ честь получить исправно, и по оному я онымъ купцамъ всевозможныя услуги показать не оставлю. Должность ея императорскаго величества министра при здѣшнемъ дворѣ меня къ тому обязуетъ, а я безъ того вашего преподобія рекомендація такой для меня

важности, что не премпуюсь для одного вашего удовольствия пмѣ во всѣхъ нуждахъ вспомогать, дабы могъ вашему преподобію при семъ первомъ случаѣ показать мое крайнее почтеніе къ вашей достойнѣйшей особѣ. Я немало хвалю, что оныя кунцы сюда ѣхать отважились, и желательно бы было, чтобъ многіе за ними слѣдовали; только чтобъ то можно было быть учинено къ ихъ прибыліи, нужно бы пмѣть здѣсь російскаго консула, чтобъ онъ могъ ихъ на прямую дорогу наставить. Впрочемъ я прошу ваше преподобіе, если впредь къ такимъ вашимъ услугамъ гожуся, дерзновенно мнѣ приказывайте, понеже я всегда усердно стараться буду заслужить ваше благопріятство, съ отмѣннымъ почтеніемъ пребывая и пр.

Іюня 1-го дня 1736.

55. — Іюня 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Гроссу.

Болѣзнь глазъ моихъ понуждаетъ меня употреблять чужую руку, отвѣтствуя на почтенныя ваши два письма, оба отъ 21 апрѣля, изъ которыхъ одно вручено мнѣ чрезъ брата вашего, которой прибылъ сюда въ добромъ здоровьѣ. Приѣздъ его сколько мнѣ пріятенъ, столько меня удивилъ, что не съ такимъ порядкомъ присланъ, какъ я ожидалъ. Въ прежнихъ моихъ я пмѣлъ честь къ вамъ, государю моему, писать, что дворъ нашъ обыкши давать намъ своихъ людей для письма, мнѣ безъ указу въ дѣлахъ употреблять чужаго человѣка не можно, и для того, когда вы мнѣ свое намѣреніе о братѣ вашемъ объявилъ, я васъ просилъ, чтобъ чрезъ графа Андрея Ивановича исходатайствовать объ немъ ко мнѣ указъ съ опредѣленіемъ жалованья изъ коллегіи, и какъ изъ отвѣтнаго на то вашего письма я усмотрѣлъ, вы по моему требованію его сіятельству говорили и въ немъ нашли склонность къ удовольствию вашему. По всему тому я думалъ, что изволите дожидать совершеннаго исполненія его сіятельства милостивыхъ обѣщаній и потомъ отправить своего брата, или по крайней мѣрѣ пмѣли бы требовать отъ меня дальняго изъясне-

ніа. Если бъ то такъ было учинено, я бы имѣлъ честь вамъ донести, что мнѣ такого прошенія послать не можно, о какомъ его сіятельство совѣтовалъ, понеже ко мнѣ изъ оной коллегіи для русскаго письма человѣкъ опредѣленъ, какъ его сіятельству не можетъ быть неизвѣстно, и чаю, что по два опредѣлять мало у насъ въ обычаѣ. Со всѣмъ тѣмъ, понеже братъ вашъ уже здѣсь, я не оставлю возможныхъ услуги ему показать до полученія отвѣту вашего. На сіе мое письмо, которымъ особливо имѣю вамъ, государю моему, донести, что безъ часто помянутого указа ни онъ мнѣ для облегченія въ дѣлахъ, ни я ему для обыкновенія въ оныхъ полезны быть не можемъ, а безъ того не вижу, для чего бы ему здѣсь свое время тратить, гдѣ ничего новаго выучиться не можетъ, кромѣ того, что городъ здѣшній чрезмѣрно дорогъ для такихъ, которые должны изъ своего кармана тратить. И на вышеписанное ожидая вашего приказа, остаюсь съ должнымъ почтеніемъ, и пр.

Іюня 18 1736 г.

56. — Іюля 8-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ барону П. П. Шафирову.

Вашего превосходительства почтеннѣйшее письмо отъ 6 апрѣля я имѣлъ честь получить исправно, изъ котораго усмотрѣлъ, что по разсмотрѣніи моей реляціи отъ 22 апрѣля прошлаго году государственная комерцъ-коллегія соизволила ея императорскому величеству для опредѣленія въ здѣшній городъ въ консули представить особливыхъ кандидатовъ, кромѣ показанной въ той моей реляціи персоны, и понеже я какъ ту мою реляцію учинилъ по требованію государственной комерцъ-коллегіи, такъ и нынѣ все то произведеніе оставляю въ ея же волю, имѣя только при семъ вашему превосходительству донести, что потребна въ такой чинъ для здѣшняго города персона не изъ природныхъ англичанъ, понеже отъ такого никогда приращенія ея императорскаго величества интересамъ ожидать не можно, и пр.

Іюля 8 дня 1736.

57. — Юля 18-го. С.-Петербургъ. — Ив. Ильинскій князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь Антиохъ Дмитріевичъ, милостивѣйшій мой государь! Умедленію моему отвѣтствіемъ на милостивѣйшія свѣтлости вашей писанія никакова не могу найти извиненія, кромѣ того, что мы нынѣ работою по домамъ, а наипаче тридневною по вся недѣли и по утру и по полудни въ Академіи броднею весьма отягощены: работа состоитъ въ переводахъ розданныхъ намъ російскихъ старинныхъ лѣтописцевъ на латинской языкъ, а бродня въ уставленныхъ конференціяхъ, гдѣ всякъ свой русскою переводъ читаетъ, а прочіе всѣ обще для лучшей чистоты разсуждать и исправлять должны, и потому малѣйшее насъ число собраніемъ нарѣчено.

О полученіи изъ пакетъ-гауза вещей въ цѣлости надѣюся, что его свѣтлость князь Сергѣй Дмитріевичъ давно уже увѣдомилъ свѣтлость вашу. Въ доплату за собакъ денегъ его свѣтлость князь Константинъ Дмитріевичъ не отрицается, только я не смѣю докучать, понеже великое и безпокойное принужденіе отъ полиціи происходитъ о достройкѣ каменнаго двора, чтобъ и по задней линіи двойныя апартаменты построены были, и внутри двора чтобы ничего деревяннаго не было.

Требуемая свѣтlostью вашею книги я отъ г. Шумахера на щотъ получилъ и для отсылки вручилъ здѣшнему купцу Вульфсу; онъ обѣщался на первомъ кораблѣ отправить къ корреспонденту своему г. Голдену. Въ зачетъ оныхъ книгъ отдалъ я господину Шумахеру 13 портретовъ по 60 к., также и 25 шеленговъ за математическіе инструменты обѣщаль онъ въ щотъ принять. Атласъ Ивана Кирилова, который нынѣ на Уфѣ въ рангѣ бригадира, еще долго — сказывалъ мнѣ Шумахеръ—свѣта не увидитъ. Г. Хрипуновъ сказалъ, что книга его умерла, попавши въ нѣкоторыя руки, и въ чьи—того не объявилъ. О двухъ свѣтлости вашей книгахъ Исторіи Россійской его свѣтлость князь Константинъ Дмитріевичъ сказалъ, что оставлены въ Москвѣ и съ

прочими вещами въ сундукахъ запечатаны, которыя безъ ихъ прибытія Камарашу вынуть не можно, и пр.

18 іюля 1736.

58. — Августа 10-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 16-го дня прошедшаго іюля я получилъ и какъ за оное, такъ и за прежде полученныя, вашему сіятельству благодарствую съ прошеніемъ не принимать нескорое на оныя мое отвѣтствіе къ пренебреженію, но за многодѣліемъ къ немѣнію довольного времени, и чрезъ сіе во отвѣтствіе на послѣднее вашего сіятельства письмо покорно доношу: для тамошней во всемъ дороговизны о прибавкѣ жалованья обрѣтаемому при вашемъ сіятельствѣ канцеляристу Ивану Несвѣтаеву стараться буду и надѣюсь, что прибавка учинена будетъ; такожь не изволите ль при семъ же писать о прибавкѣ своего жалованья противу вашего сіятельства карактеру министровъ, обрѣтающихся при другихъ дворахъ, что, сподѣваюсь, не будетъ отказано; а я для прозведенія въ дѣйство вашего сіятельства желанія услужить по всей моей возможности потщусь, чтобъ я могъ за щастіе почитать службу мою вамъ дѣйствиительно оказать, съ которымъ желаніемъ всегда буду вашего сіятельства и проч.

Изъ Петербурга 10 августа.

59. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je suis extrêmement fâché que je n'ai pas eu l'honneur de vous voir hier chez moi. J'en étois justement sorti à ce qu'on m'a dit à mon retour à la maison. J'accepterois volontiers le dîner de M. d'Acosta; mais la présence de Bussy qui m'est agréable dans toute autre compagnie, me fait soupçonner quelque chose pour ne vous rien promettre avant d'avoir l'honneur de vous voir ce soir ou après dîner, si vous voulez passer chez moi, ou que vous me permettez de passer chez vous. Je suis

avec toute l'estime et considération imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, 576).

60. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! L'eclaircissement que M. d'Acosta m'a envoyé, n'est pas suffisant; cependant pour ne point perdre de temps, je l'envoie et vous aurez le paquet avant les deux heures. Je vous prie, monsieur, de faire savoir à M. d'Acosta que je souhaiterois le voir demain entre 1 et 2 après midi. Je ne resterai pas ce soir à la maison dont je suis fâché, ne pouvant pas profiter de votre compagnie. Je suis, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 569).

61. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je me suis levé aujourd'hui avec un commencement de fluxion sur les yeux, accompagnée d'une douleur aux paupières assez sensible. Comme celle-ci est un nouveau phénomène, je m'attends à une ophthalmie considérable, de sorte qu'il me sera impossible d'être demain en ville sans m'exposer à rester pendant un mois enfermé dans ma maison. Je vous supplie donc d'avertir M. d'Acosta, afin qu'il ne m'attende point. Ils pourront cependant tenir leur compagnie sans moi, ou la différer jusqu'à lundi; mais plutôt [il faut] le prévenir, car M. d'Acosta est déjà instruit de mes sentiments, et je n'attends que leur résolution finale. Je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 561).

62. — Августа 18/29-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je vous dois mille remerciements de votre lettre du . . . que je n'ai reçue que fort tard, parce qu'on ne savoit pas à la poste ma demeure. La bouteille de lunel m'a été aussi rendue ponctuellement, et avec elle j'ai repris mes espérances de pouvoir au moins faire quelques promenades par la ville. Depuis que j'y suis arrivé, j'étois toujours fort mal tant de la maladie des yeux, qui étoit des plus rudes, que d'une fièvre accompagnée de douleur de gorge, ce qui m'a empêché de faire plus tôt mon devoir envers vous. A l'heure qu'il est, grâce à Dieu, je me porte assez bien, mais je me divertis fort mal, et à cause de cela, de samedi en huit, je me mets en voyage pour Londres. Je suis peu satisfait du médecin de ce pays, comme du pays même. Le seul profit que je tire de mon voyage est de m'avoir détrompé de la grande idée que j'avois de cette ville et de ses habitants. Je vous supplie, monsieur, de vous informer auprès de M. Azevedo de la personne qui nous a vendu les tabatières de Pinelby, et de m'en acheter quatre: deux aussi grandes que celle de monsieur l'envoyé, et les deux petites; après les avoir achetées, vous aurez la bonté de me les faire expédier le plus tôt possible, afin qu'elles me trouvent à Paris, où je resterai tout au plus tard jusqu'au 8 septembre n. st. Milord Harrington pourra bien me faire cette grâce par le courrier de M. Walgraf; en cas que cela ne se puisse pas faire avec temps limité, ne vous donnez pas la peine de les acheter. Je suis avec toute l'estime possible, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Mes compliments à monsieur le chevalier Ozorio, à M. Azevedo, à M. Gastaldi et à Roli; n'oubliez pas notre Pucci. Milord Walgraf m'a dit, qu'il faudroit donner les tabatières à l'office de monsieur le duc de Newcastle à M. Prevetot pour les expédier par le premier courrier; vous aurez aussi la bonté de

prendre chez M. Dutemps un cure-dent de chagrin et or, qui s'ouvre en tirant le ressort par en bas.

Paris 1736 le 29/18 août.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 551).

63. — Сентября 10-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Сколь вашего сіятельства пятилѣтнее молчаніе съ чрезмѣрнымъ сожалѣніемъ терпѣлъ, опасаяся, чтобъ оно не было слѣдствіемъ какого моего предъ вашимъ сіятельствомъ проступку, столь къ крайнему себѣ удовольствію изъ милостиваго вашего сіятельства письма отъ 10-го августа я имѣлъ честь усмотрѣть, что я еще у вашего сіятельства не забытъ, и по прежнему изволите содержать меня въ своей милости. Одно то довольно было, чтобъ меня оставить въ всегдашнемъ обязательствѣ непрестанно стараться оную милость заслужить и показать мое къ вашему сіятельству особенное почтеніе.

Но ваше сіятельство, сверхъ того, новое и великое обязательство мнѣ налагаете, внушая просить о прибавкѣ моего жалованья, по которому благосклонному вашего сіятельства приказу я на прошедшей почтѣ отправилъ мое рабское прошеніе къ ея императорскому величеству въ надеждѣ, что не только ваше сіятельство сами оно въ дѣйство производить намѣрены, но и другимъ собою къ тому образецъ дать изволите, о чемъ всепокорно прошу, имѣя вѣчно помнить вашего сіятельства благодѣяніе, за каково признаваю и все то, что ваше сіятельство по моей рекомендаціи въ пользу г. Несвѣтаева учинить изволили. А впротчемъ я, вѣдая многолѣіе вашего сіятельства и не требуя частыхъ писемъ, чего бы и требовать было продерзостно, но довольствуюся, чтобъ мои непротивно пріняты были и ваше сіятельство меня всегда почитали таковымъ, какимъ есмь съ крайнимъ почтеніемъ вашего сіятельства, и пр.

Сентября 10 1736 года.

64. — Сентября 23-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ д-ру Жандрону.

Monsieur! Les obligations que je vous dois ne me permettent pas de commencer la présente que par mille et mille remerciements en vous assurant que je serais charmé, si vous vouliez bien me donner l'occasion pour vous témoigner ma reconnaissance. Vous pouvez être persuadé, monsieur, qu'il n'y a chose au monde que je ne fisse pas pour exécuter vos ordres, si vous vouliez m'employer en quelque chose et alors même je ne croirai pas avoir assez fait en égard aux honnêtetés et politesses que j'ai reçues pendant mon séjour à Paris. Je suis arrivé ici le 5-me de ce mois, après un voyage assez heureux, — je dis assez heureux, puisque la fluxion de mes yeux diminoit en chemin, faisant ce que je ne pouvois attribuer qu'à la force de vos remèdes; mais en entrant dans la ville, les affaires changèrent, et je me trouve à l'heure qu'il est avec les yeux enflammés, de boutons s'étant formés sur tous les deux, qui me font un peu de douleur. Les paupières sont aussi fort rouges en dedans, mais pas gonflées, et le matin quoique les yeux ne soient pas trop collés, ils ne laissent pas d'être pleins de matière, qui apparemment est fort salée, car elle me donne de cuissons. J'attribue ce changement au mouvement du voyage, qui agit dans le repos. Cependant je continue me servir ponctuellement de la pommade et de l'eau que vous m'avez données, bien persuadé qu'avec le temps j'en tirerai toute l'utilité désirée. Je n'ai pas encore l'autre eau avec la poudre, puisque par malheur il n'y a point eu assez de pluie après mon arrivée. De même je n'ai pas pu avoir encore de l'esquine, les droguistes d'ici ne sachant pas ce que c'est; j'espère cependant dans peu de jours d'avoir et de la pluie et de l'esquine, et par conséquent de me servir encore de ces deux autres remèdes. En attendant je vous supplie de me continuer vos conseils sur ma conduite, dont je vous serai obligé toute ma vie, et d'être persuadé que je suis avec toute l'estime imaginable etc.

Сентября 1736 г.

65. — Сентября 25-го. Берлинъ. — М. Петровъ князю А. Д. Кантемиру.

За многія всегда оказуемая миѣ вашей свѣтлости особливья милости не могу не принять смѣлость числить себя межъ вѣрныхъ вашей свѣтлости услужниковъ; слѣдовательно, всенижайше поздравляю счастливымъ изъ Франціи возвратомъ и отъ сердца желаю вашей свѣтлости самопожелаемого высокаго здравія и благоденствія. За отсутствіемъ отсюда королевскаго дому, которой нынѣ въ Вустергаузенѣ находится, здѣсь вѣдомостями такъ бесплодно, что я съ сею почтою ничего достойнаго къ извѣстію вашей свѣтлости пайти не могу, кромѣ того, что предъ нѣсколькими днями рапелированъ отсюда голландской министръ генералъ Гинкель, а на его мѣсто еще никто не прибылъ. На сихъ дняхъ такожъ получилъ рапель датской министръ генералъ Преторіусъ. Сего послѣдняго рапель—думаютъ—изъ того произошло, что здѣшній дворъ предъ нѣсколькими мѣсяцами послалъ въ Копенгагенъ своего министра графа Шверина, которой въ тотъ чинъ прямо изъ лейтенанта произведенъ, а другіе чаютъ для того, что понеже здѣсь немного ему негоцировать, то и одинъ секретарь исправить можетъ. Равнымъ образомъ и французской министръ г. Шетарди рапель вскорѣ ожидаетъ, будучи обнадеженъ о своемъ за показанныя прележности свои въ фаворъ короля Станислава во Франціи произвожденіи.

Чаю, вашей свѣтлости извѣстно, коимъ образомъ отъ стороны ганOVERской сысканъ предъ недавнимъ временемъ случай здѣшнему двору за показанныя разныя тому обиды въ репрессалию. Нѣсколько солдатъ дезертировало отъ ганOVERцевъ въ одинъ городъ здѣшній и тамо съ офицеромъ прусскимъ капитулировали, но ганOVERцы, пришедъ къ тому городку съ 200, взяли своихъ людей силою назадъ. Сіе не производитъ здѣсь никакого движенія, но молчатъ и якобы о томъ не извѣстно было. Я, милостивый государь, пріянялъ резолюцію проситься въ Россію, дабы тамо къ дѣламъ опредѣленъ быть могъ, о чемъ уже и командиръ мой реляціею своею просилъ; причины къ тому: пер-

вая — кончина отца моего и сиротство сестръ моихъ; вторая — что я съ 300 рублями прожить здѣсь не могу; третья — что хотя бы я здѣсь и сто лѣтъ прожилъ, о произвожденіи не надежно. И тако ожидаю моего рапеля. Между тѣмъ пріемлю смѣлость вашу свѣтлость всенижайше просить показать мнѣ высокую милость и меня рекомендаціями къ его сіятельству графу Андрею Ивановичу и къ его свѣтлости князю Алексѣю Михайловичу, такожь и къ преосвященному архіепископу Новгородскому милостивѣйше удостоить, дабы я того наилучше въ пользу мою амплон сыскать могъ. И ежели я сего достоинъ явлюсь, то желаю, дабы таковыя рекомендаціи мнѣ нынѣ пересланы были; буде же, сверхъ выше-помянутыхъ особъ, ваша свѣтлость за полезное въ пользу мою къ кому другимъ подобныя тому о мнѣ рекомендаціи пожаловать изволите, то я наипаче одолженнымъ быть причину имѣю. За такую же высокую милость не премину доколѣ живѣ съ глубочайшимъ респектомъ вашей свѣтлости и пр.

P. S. Его превосходительство мой господинъ командиръ вашей свѣтлости писаніе со вчерашнею почтою (писанное изъ Лондона) получилъ исправно, но сіе я партикулярно отъ себя доношу.

25 сентября.

66. — Сентября 30-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

C'est moi au contraire qui aurois perdu, si j'avais prolongé mon séjour à Paris, et votre amour-propre n'auroit pas été sacrifié, car le vrai mérite ne diminue jamais, et plus on pratique les personnes de votre qualité, plus on est persuadé que nous leur devons toute notre estime. J'espère, madame, que vous en serez convaincue de cette vérité en arrivant à Londres, où je me flatte vous voir arriver bientôt avec m. de Monconseil, car on dit ici qu'il doit être nommé ambassadeur auprès de Sa Majesté Britannique. Il n'y a personne au monde à qui cela puisse faire plus de plaisir qu'à moi, et je vous conjure, madame, de m'en donner quelque éclaircissement, bien persuadée que si la nouvelle

exige du secret, je n'en ferai usage que pour moi seul et votre pauvre Bononini avec laquelle il ne se passe pas un jour que nous ne causions sur votre sujet, en disant toutes les belles choses que vous méritez. J'ai appris d'elle qu'elle vous devoit envoyer quelque chose dont vous l'avez chargée, et qu'elle attende m. Farinelli pour lui en procurer les moyens auprès du duc Newcastle. Permettez-moi, madame, de vous faire mes plaintes à cette occasion de ce que vous ne voulez pas vous servir de moi lorsqu'il s'agit de vous rendre quelque petit service, car j'en suis extrêmement mortifié puisqu'il n'y a personne au monde qui soit avec plus de respect etc.

P. S. Mes très humbles compliments à madame de Cursée et mesdemoiselles vos soeurs. Le remède de M. Gendron agit fort lentement, mais je commence en sentir un peu de bon effet, quoique je ne sois pas encore en état de faire usage de mes yeux en écrivant. Ainsi il faudra bien s'y tenir pour quelque temps. Cependant cela ne m'empêche pas de vous remercier très humblement de l'offre obligeant que vous me faites des remèdes de votre docteur, dont je ne manquerai pas de profiter, lorsque m. Gendron sera au bout de son latin. Notre Orphée n'est pas encore arrivé, quoique j'aie reçu votre lettre, et Dieu sait où il est.

Le 30 septembre 1736.

67. — Октября 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Я чаю, ваше сиятельство не надѣялся при семъ найти традку стиховъ, понеже ни должность моя, ни состояніе, которое не больно веселое, не позволяло упражняться въ такой забавѣ. Но ея императорскаго величества послѣднія благополучныя дѣйства противу непріятелей христіанства и моихъ партикулярныхъ понудили къ перу мои руки и заставили дѣлать то, чего 5 лѣтъ не дѣлалъ. Можетъ быть, тѣ самыя дѣла подали мнѣ удобность имѣть въ спѣхъ стихахъ удачу, понеже, если мнѣ о своихъ позволено говорить, чаю, что изъ всѣхъ моихъ сіи луч-

шіе. Для того я бы хотѣлъ, чтобъ они чрезъ ваше сіятельство въ люди вышли; не много отъ того ожидаю, кромѣ чтобъ для кого писаны, и въ нихъ усмотрѣть позволили ревность мою къ распространенію ея величества славы. Однакоже, буде вашему сіятельству оное покажетца не кстати, то прочетши можно бросить. Не то жъ говорю о отправленной по вашего сіятельства приказу челобитной, которую прочетши, для меня весьма бѣ худо было бы бросить. Потому уповаю, что ваше сіятельство оную забыть не позволитъ такъ, какъ меня сущаго съ крайнимъ почтеніемъ вашего сіятельства и проч.

Изъ Лондона. 1-го октября 1736.

68. — Октября 1-го. Парижъ. — Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Je me réjouis que vous soyez heureusement arrivé à Londres. Soyez bien rassuré sur l'état de vos yeux. Je vous ai promis d'éteindre ce qui les indispose, et je tiendrai ma parole. Il faut ici agir lentement; il est question d'absorber un ancien levain de petite-vérole, levain qui a été longtemps assoupi, et qui s'est réveillé en causant à vos paupières des boutons inflammatoires. Commencez par observer ce que je vous ai prescrit, et lorsqu'il sera temps de fortifier les paupières, je vous écrirai ce qu'il conviendra de faire. Je suis étonné que les droguistes de Londres ne connaissent pas l'esquine, ce mot français leur est apparemment inconnu, mais il est aisé de les mettre au fait: nous l'appelons ici esquine une racine qui vient de la Chine, et originellement elle en porta le nom, les latins la nomment china; il en vient aussi de l'Amérique, mais l'orientale est meilleure. Les médecins appellent quelquefois le quinquina, kina, mais il ne faut pas s'y méprendre; le quinquina est l'écorce d'un arbre, et l'esquine connue sous le nom de china est une racine. Monsieur votre médecin mettra au fait votre droguiste. Donnez-moi de temps en temps des nouvelles de l'état de vos yeux, et je répondrai avec exactitude. Ne différez pas de faire en plein ce que je

vous ai prescrit. Je suis avec un très profond respect, monseigneur, votre très humble et très obéissant serviteur Gendron, docteur en médecine.

Ce 1-er octobre 1736.

69. — Октября 12/23-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

La gracieuse recommandation que votre altesse a daigné de faire en faveur de mon frère et dont elle m'a bien voulu avertir par sa dernière lettre du 14/25 septembre, a produit l'effet désiré et l'ordre impérial a déjà été expédié et envoyé l'ordinaire dernier à ce qu'on m'assure ici. Je viens donc faire mes très humbles actions de grâces à votre altesse et je reconnaitrai toujours avec une parfaite vénération les généreux soins, que votre altesse a bien voulu prendre de mon frère. Je l'estime heureux de se pouvoir former sous les gracieux auspices de votre altesse et de travailler sous ses ordres. J'espère qu'il donnera la juste satisfaction à votre altesse de témoigner sans cesse sa respectueuse reconnaissance par une exactitude et une application infatigable et qu'il se conservera par là cette précieuse bienveillance qui est la source de son bonheur. Pour moi, je compterai toujours entre les heureux moments de ma vie, où j'ai eu autrefois l'honneur d'admirer de près les éminentes qualités de votre altesse, et je continuerai sans cesse d'adresser mes vœux ardents à la Bonté divine, qu'Elle comble votre altesse de toutes les prospérités. Personne n'y peut prendre part avec une vénération plus sincère, que je fais effectivement, etc.

Pétersbourg. Le 12/23 octobre.

70. — Октября 19-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ М. Петрову.

Два почтенныя ваши письма отъ 25-го сентября и 2-го октября я имѣлъ честь получить исправно, въ которыхъ за сообщенныя новизны благодарствую. По желанію вашему рекомендательныя письма къ гг. кабинетъ-министрамъ прислать къ вамъ не пре-

мину, когда указъ о возвращеніи своемъ получите; нынѣ же я не посылаю, затѣмъ что могутъ у васъ долго пролежать, а послѣ съ старымъ числами не пригоже ихъ подать, понеже не извѣстно, коль скоро указъ о возвращеніи вашемъ пришлютъ, будучи извѣстно, что всѣ дѣла не такъ скоро дѣлаются, какъ обѣщаются; и для того, какъ скоро указъ получить изволите, прошу меня увѣдомить, по чему я немедленно тѣ письма къ вамъ перешлю, крайне сожалья, что смерть покойнаго архіерея Теофана чаемую вамъ пользу и мое съ нимъ знакомство пресѣкла. Засимъ съ должнымъ почтеніемъ и пр.

Октября 19 1736.

71. — Октября 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемпръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Mylord! Comme j'ai appris que quelques-uns abusent de mon nom afin de se soustraire aux poursuites de leurs créanciers, en disant qu'ils sont mes domestiques, je prends la liberté d'en voyer à votre excellence la liste de tous ceux qui sont actuellement à mon service et qui demeurent dans ma maison, ne doutant point, que votre excellence fera en sorte que mon nom ne puisse pas faire tort aux créanciers qui épargnent à mon égard de personnes qui ne m'appartiennent pas. Je suis etc.

Londres. 1736 octobre 21.

72. — Октября 22-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемпръ маркизѣ Монконсель.

Pour vous obéir je commence par vous dire sans compliments que je suis extrêmement fâché de ce que la nouvelle de votre ambassade n'est pas vraie. Je me flattois déjà que nous allions, nous autres étrangers, trouver un asile contre l'éternel ennui de cette ville, et moi en particulier je me croyois fort heureux de pouvoir vous témoigner par une longue suite d'années l'estime que je fais de votre personne. Mais comme j'apprends par vous-même que vous n'avez jamais songé à cette ambassade, je sup-

pose qu'elle n'est pas de votre goût, et je me contenterai de jouir de votre aimable conversation au moins pour quelques semaines.

Vous ne vous trompez pas, madame, en croyant que mes courriers ne passent pas par Paris. J'en envoie rarement en Hollande et jamais en France, où, comme vous le savez, peut-être ne leur sera-t-il pas permis de voir même le jardin de la cour. Cependant cela n'empêche pas que je ne puisse vous envoyer vos parements de plumes par le canal du duc Newcastle. Aussi le ferai-je avec plaisir, d'abord qu'ils seront prêts. J'ai déjà trouvé l'homme, qui a vendu à milady Hardy ceux que vous avez, et je l'ai envoyé à madame Bononcini. Le titre de votre tragédie m'a paru fort drôle, et si les françois étoient aussi peu amateurs de la Sainte-Écriture que sont messieurs les anglois, je crois que l'auteur de la pièce n'auroit pas moins de besoin que le héros de sa pièce. Il est sûr, madame, que le sujet n'est pas convenable au théâtre, et que c'est une nouveauté que de faire parler aux filles de la comédie le langage de Jésus-Christ. Je suis fâché que je ne puis pas vous rendre ma lettre intéressante par quelque nouvelle du pays, car nous sommes ici de gens tout-à-fait morts, personne de vous autres, gens de continent, ne voulant pas depuis quelques temps avoir affaire avec des insulaires. Ainsi j'attendrai de vous, et la plus agréable me sera celle qui m'annoncera votre bon état de santé, puisque je suis toujours sans compliments, madame, etc.

Le 22 octobre 1736.

73. — Конецъ октябръ. Парижъ. — Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

La lettre que vous me faites l'honneur de m'écrire en date du 23 septembre n'est venu jusqu'à moi que le 5-me novembre; ce retard est venu pour ne l'avoir point adressé à Paris, et pour avoir mis à Auteville au lieu d'Autevil: on l'a envoyée à Abbeville en Picardie, d'où étant revenu, on l'a ouverte à la poste et l'on a reconnu qu'elle étoit pour moi. Pour obvier une semblable

méprise voici mon adresse de la maison où je vais demeurer l'hiver, et où j'irai vers Noël: à monsieur etc. rue Garancière près Saint-Sulpice, à Paris.

Je compte de vous envoyer incessamment de quoi fortifier vos yeux. J'ai différé à le faire pour donner le temps aux remèdes que vous avez, de pénétrer profondément dans les petites glandes des paupières, où résidoit un levain qui causait vos inflammations; l'on ne sauroit trop l'éteindre.

Je suis honteux de toutes les peines que vous vous êtes données pour la pendule que j'ai pris la liberté de vous demander. Je ne doute point qu'elle ne soit excellente, et d'avance je vous en fais mes remerciements. Je suis avec un très profond respect etc.

74. — Ноября 13-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Вручитель сего г. Петровъ, отъѣзжая изъ Берлина въ Россію, просилъ меня письмомъ своимъ, чтобъ я рекомендовалъ его въ милостивую протекцію вашего сіятельства. Онъ Петровъ былъ тамо при ея императорскаго величества министръ нѣсколько лѣтъ, и изъ корреспонденціи его я примѣтилъ, что онъ молодецъ добраго состоянія. Я не сумнѣваюсь, что онъ будетъ угоденъ въ службѣ ея императорскаго величества чрезъ свое въ чужихъ краяхъ обученіе. А понеже по возвращеніи своемъ въ отечество принужденъ онъ искать вновь своего счастья, которое не отъ кого какъ только отъ вашего сіятельства ему завсигъ, того ради приѣмлю смѣлость покорно ваше сіятельство просить, дабы изволили принять его въ свою милостивую протекцію и по справедливости удовольствовать его опредѣленіемъ ему какого мѣста для пропитанія, чтобъ какъ онъ не тужилъ напрасною потереею времени въ чужихъ краяхъ, такъ и другіе, взирая на то, охотнѣе въ науки вникали, которымъ ваше сіятельство есть первой протекторъ въ нашемъ отечествѣ; особливо же я за крайнее счастье себѣ сочту, что ваше сіятельство не презритъ сію мою покорнѣйшую объ немъ рекомендацію и изволитъ меня

признавать такимъ, какъ я есмь всегда съ крайнимъ почтениемъ
вашего сіятельства и пр.

Ноября 13 1736 г.

75. — Ноября 29-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Канте-
миръ маркизъ Монконсель.

Vous avez raison de dire que vous m'excédez en écrivant, car me voilà réduit à la douce nécessité de répondre à deux de vos obligeantes lettres. Cependant je ne vous accorde pas que vous ne faites que m'écrire, puisque je voudrois recevoir tous les jours de vos lettres non seulement pour pouvoir vous parler tous les jours, mais pour apprendre tous les jours à coucher les miennes. N'allez pas, s'il vous plaît, me gronder encore que je fais des compliments, ceci est une pure et simple vérité. Vous écrivez si bien, que je ne sais pas comment me prendre pour vous répondre, et votre modestie veut que je retranche de mes lettres le peu de termes que je sais pour vous exprimer l'estime particulière que je fais de votre personne. Mais il vaut mieux que je sois ignorant que désobéissant: ainsi j'ai l'honneur de vous dire simplement que l'arménien dont vous me parlez dans votre seconde lettre, a été chez moi, que nous avons causé avec lui et que cette semaine-ci j'en parlerai au duc de Newcastle, et j'en écrirai même à ma cour pour lui procurer une place convenable ici, ou chez nous. Si les deux chemins me manquent, j'en serai au désespoir, et j'espère que vous ne m'en donnerez pas la faute, puisque vous me l'avez recommandé. La conséquence peut-être ne vous paraîtra pas juste, mais vous m'avez défendu des compliments. J'enrage, madame, que je ne puis pas non plus vous fournir de nouvelles de ce pays pour vous détourner de la morale et de la mélancolie. M. Patinho mourut; on en a appris ici la nouvelle, on n'en a pas été fâché dans l'espérance que ses successeurs à la place du ministre seront moins doubles, et voilà tout, — on n'en parle plus. Vous devez savoir mieux que Vienne et Madrid ont fini leur querelle. L'armée russe et la turque se sont retirées dans leurs

quartiers d'hiver, et la médiation des puissances médiatrices va son train ordinaire. De quoi voulez-vous donc qu'on parle? Je puis bien vous dire que M. Hendel a déjà commencé à donner ses opéras et que peu de monde y va. L'autre théâtre s'ouvrira mardi prochain, et j'ai peur qu'il sera peu fréquenté, car il n'y a que Farinelli qui vaut la peine d'être entendu. Comme vous voyez, madame, cela se ressemble aux deux pièces de m. Voltaire. Cet auteur-là m'a paru dans la plupart de ses ouvrages un homme, qui se pique d'écrire sur les matières qu'il n'entend pas. Son Histoire de Charles XII est un roman au lieu d'une histoire, et ses Lettres sur les Anglois sont des discours qu'il a entendus aux cafés de Londres. Je lui conseillerois d'écrire des satires et des épigrammes, mais qu'il n'y entre point de la philosophie.

Mes yeux vont toujours de même, c'est-à-dire un jour bien, un jour mal. Cependant les fluxions ne sont ni si violentes, ni de si longue durée. Plût à Dieu qu'ils fussent entièrement rétablis pour pouvoir les employer en vous écrivant jusqu'à ce que j'aurai la satisfaction de vous voir dans notre île, car pour moi, je doute fort que je puisse jamais revenir à Paris. Il est vrai que les temps changent, mais avec le temps mes affaires seront changées aussi, et peut-être que je serai hors de chemin, lorsqu'on songera à envoyer quelqu'un chez vous. Je souhaiterois bien être mauvais prophète, car j'estime trop votre compagnie pour ne point aimer le séjour de Paris.

Le 29 novembre 1736.

76. — Декабря 7-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. И. Неплюеву.

Государь мой Иванъ Ивановичъ! Хотя я до нынѣ не знаю, однако изъ послѣдняго присланнаго ко мнѣ по дѣлу мачихи моеѣ указа усмотрѣлъ, что ваше превосходительство присутствуетъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ чѣмъ васъ, государя моего, покорнѣйше поздравляю. Въ слѣдствіе вышесказаннаго указу покорнѣйшее мое доношеніе — не сумнѣваюся —

что рукъ вашихъ не минуеть, въ которомъ изволите усмотрѣть, что я не въ состоянїи иного писать, какъ только что въ немъ есть, и для того смѣлость прїемлю васъ, государя моего, покорно просить не оставить меня въ томъ дѣлѣ своимъ спомоществованїемъ не только по случаю присутствїя вашего въ государственной коллегїи, но и по особливой ко мнѣ милости, которую чрезъ нѣсколько лѣтъ чувствую. Объ ономъ дѣлѣ хотя вкратцѣ вамъ, государю моему, здѣсь имѣю изъяснить: 1) что отецъ нашъ въ завѣщанїи ничего мачихѣ не опредѣлилъ, и послѣ того никакого приказного опредѣленїя о дачѣ ей четвертой части не было; 2) отеческими деревнями владѣли мы по данному указу изъ сената, что за насильное владѣнїе почитать, кажется, не должно; 3) что послѣ во всѣхъ деревняхъ наслѣдникомъ учиненъ большой нашъ братъ князь Константинъ, и тако, что тѣ деревни, бывъ вообще за нами, когда я былъ еще малолѣтнїй и не зная тогда, какъ надлежало имъ пользоваться, зависѣли они подъ управленїемъ большого брата, которому послѣ и вовсе отданы по наслѣднымъ пунктамъ, и посему не знаю, за что бъ я втянуть въ платежъ того иску; 4) что, не призывая къ суду и не испрашивая ничего, обвинили заочно, что уже за неслыханное дѣло почестъ можно, и что естлибъ и по формѣ суда то дѣло было рѣшено, не вѣдая, какимъ образомъ оно производилось, не могу признать, долженъ ли былъ я быть обвиненъ, или нѣтъ, и пр.

Декабря 7 1736 г.

77. — Декабря 21-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскїй князю А. Д. Кантемиру.

Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо, отправленное изъ Лондона, исправно получилъ, за которое нижайше благодарствую. Приложенная прїтомъ похвальная пѣснь, трудами вашего сіятельства сочиненная, «О ученыхъ людѣхъ» заслуживаетъ себѣ довольную похвалу; мнѣ только видится два слова перемѣнить надлежитъ, что я и учиню, сыскавъ къ тому искусного человѣка, и за тѣмъ многимъ не казалъ, а какъ переправлю, пришло къ

вашему сіятельству, почему сами изволите уразумѣть, для чего перемѣнено. Покорно прошу не принять за противно, что я не часто пишу, понеже какъ ваше сіятельство, такъ и я, за множествомъ [дѣлъ], мало находимъ свободного времени, и для того я не заблагодарасудилъ, не имѣя достойной матеріи, пустыми complimentами вашему сіятельству докучать. Вашего сіятельства нижайшій слуга Алексѣй Черкасской.

О прибавкѣ жалованья, хотя несумнѣнное чаяніе было, однакоже воспрепятствовало тому дѣло брата вашего съ мачихою вашею, по которому вы всѣ обвинены и на вашу персону положено иску 21,000 слишкомъ, кромѣ того, что впредь прибавится, да съ того иску пошлины. Однакоже, во извѣстіе ваше доношу, что мачиха съ вашей персоны и съ князя Сергѣя ничего брать не намѣрена, а говоритъ, что ежели де онъ отпишетъ ко мнѣ да пришлетъ какую галантерею, то на томъ де у насъ и сдѣлка будетъ, и крѣпость, какую де хочеть, дамъ.

Того ради не соизволите ли отписать къ ней въ почтительныхъ и благопріятныхъ терминахъ и притомъ прислать ей изъ галантерей какую-нибудь ефимковъ десятка два или три, а паче такую, какая къ уборамъ женскимъ прилична, или шитыхъ, или тканыхъ, что только бѣ курьезно и новомодно было. Дай Боже, чтобъ сія тягость съ васъ благополучно сошла, а о снятіи пошлины въ покорныхъ терминахъ изволите черезъ письмо просить оберъ-камергера и притомъ напомануть прошеніемъ о прибавкѣ жалованья. Сія прошу изодрать.

Изъ Петербурга. Декабря 21.

78. — Декабря 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Бильфингеру.

Spectatissime atque doctissime domine consiliarie intime! Semester jam abiit ex quo tuae, una cum munere historiae quod adjungere placuit literario non mediocri gaudio meo, ad me sunt perlatae. Neque tamen habes, quod me accuses vel veterani vel neglecti officii, pertinaci enim oculorum morbo affigebam, ut tuas

primum accepi, nec eodem aliquot menses post liberatus Lutetias Parisiorum concessi, sperans fore ut aëre mutato experientissimi ejusdem medici consiliis insuper adjutus tandem convalescerem. Ac necdum plene spei respondit eventus. Nullus hinc dubito quin facile mihi fidem sic adhibiturus asserenti moleste prorsus me ipsum hoc tulisse silentium, neque minus grave nunc ferre illud auxilium. Malo tamen hac ratione meo satisfacere officio, quam videri illi deesse vel diutius responsionem ad litteras etiamsi quod commodum rebus sese ita habentibus accidit mora non adeo impatientes differre. Gratias ergo, quas habeo, hac tibi, vir doctissime, ago maximas, qui amorem erga me tuum istis significare per quam benevolentiam voluisti sisque velim certus, quod, quo jucundius nihil mihi accidere potuit, eo magis tui memoriam tum renovaverim eoque studiosius in posterum culturus sim. Quod si tibi non ingratum erit profecto, persuasissimus sis precor, gratisimum mihi facies, si tuorum aliquid interdum ad me mittere licuerit semperque me experieris tibi addictissimum.

21 December 1736 — 1 Januar 1737.

1737.

79. — Января 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Вашего сіятельства милостивое письмо отъ 21-го декабря я сегодня имѣлъ честь получить исправно, по которому я не премину чрезъ первую оказію къ г. Шавиньнѣ благосклонной вашего сіятельства ему комплиментъ сообщить и притомъ и о прочемъ вашего сіятельства письма содержаніи съ должною предосторожностію дать знать, столь наипаче употребляя генеральныя термины и всегда разговоръ свой яко партикулярной производя, понеже усмотрѣваю, что онъ на мое послѣднее письмо до сихъ поръ не отвѣтствуетъ. По прибытіи же сюда французскаго посла,

котораго къ апрѣлю дожидають, безъ сумнѣнія, частые случаи подадутся мнѣ съ большимъ споспѣшествованіемъ негоціацію о возстановленіи дружбы съ его дворомъ на словахъ производить, о чемъ всемъ вашему сіятельству подробно въ свое время доносить не премину. Между тѣмъ смѣю всепокорнѣйше донести, что изъ Парижа о извѣстныхъ фузеяхъ ко мнѣ пишутъ, что двѣ первыя буде уже не отправлены, то скоро отправятся, а о имени Локателіевой полюбовницы и ея деревень отповѣди получить не могъ: знатно опасаются о томъ писать; но еще впредь повторю свои о томъ домогательства, и засямъ препоручая себя въ милость вашего сіятельства, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

Генваря 18 1737.

80. — Января 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Я никогда не сумнѣваюся о вашего сіятельства ко мнѣ особливо милости, а наипаче о томъ удостовѣренъ чрезъ высококлонное ваше письмо отъ 21-го декабря, за которое всепокорнѣйшее приношу благодареніе, признавая, что усердное вашего сіятельства радѣніе въ моихъ дѣлахъ я никогда заслужить не буду въ состояніи. Въ отвѣтъ же на оное нпжайше доношу, что исправленіе не только двухъ словъ, но хотя бъ и двухсотъ въ пѣсни моей «О взятіи Азова» (въ вашемъ письмѣ написано «О ученыхъ людяхъ», зная то прошибкою писца) себѣ въ обязательство приму, вѣдая, что исправлена будетъ въ лучшее и тѣмъ достойнѣе покажется тому, для кого писана; а все мое въ ней намѣреніе есть показать, что ревность моя не заключена въ однихъ должности моей рубежахъ. Что же касается мачихинова дѣла, то по вашего сіятельства милостивому совѣту при семъ прилагаю къ ней письмо учтивое и такое, которое бы мнѣ вредить не могло, если бы она прежнее мнѣніе отмѣнила. Но притомъ покорно прошу ваше сіятельство, если что въ немъ вамъ покажется исправить и переписать по вашего сіятельства разсужденію на приложенномъ же бѣломъ листу за моею рукою.

И буде ваше сіятельство сами вручить не пожелаете, о чемъ однако покорно прошу, то соизволите отдать оное брату моему князю Сергѣю, которому я пишу, чтобъ онъ мячпху обнадежилъ, что не только въ 20 или 30 ефимковъ, но и большей суммы галантерею къ ней на первомъ кораблѣ пришло, понеже теперь того учинить не можно. Ваше сіятельство еще нижайше прошу ее къ тому склонить, чтобъ и брата моего князь Матвѣя отъ сего нечаяннаго нападенія свободить, понеже и онъ не богатѣе меня. А дѣло сіе, мнѣ кажется, не можетъ препятствовать прибавкѣ моего жалованья, понеже сіе зависить отъ правосудія и великодушія ея императорскаго величества, а другое дѣло — приказное, и обидно бы было, чтобъ для того, что положено на меня 7000 р., въ то время удержать другія двѣ, которыя отъ моего жалованья, какъ полномочнаго министра, не знаю для чего отщиплены; однако все то оставляю на высокое вашего сіятельства разсужденіе, обнадеженъ будучи о вашей къ себѣ милости, о которой продолженія прося, съ особливѣйшимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

Генваря 18 1737 г.

P. S. Къ оберъ-камергеру сего дни пишу.

81. — Января. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ княгинѣ А. И. Кантемиръ.

Милостивая государыня моя матушка княгиня Настасія Ивановна! Черезъ сообщенной мнѣ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ промеморіаль изъ юстиць-коллегіи усмотрѣлъ я, что по вашей свѣтлости челобитной положено на меня и на двухъ моихъ братьевъ кадетовъ 21 тысячи рублей подъ титуломъ за насильное владѣніе надлежащей [вамъ] четвертой части отца нашего деревень, — которая нечаянная вѣдомость не столько меня опечалила за тягостію положенной на насъ суммы, какъ за тѣмъ, что изъ такого процесу явно, что ваша свѣтлость какой гнѣвъ на меня имѣетъ. Если бъ судьи наши, указамъ послѣдую, соизволили хотя однимъ словомъ мнѣ о вашемъ прошеніи повѣстить,

я бы, оставляя всякіе другіе способы на сторону, искалъ бы своею сыновнею покорностію вамъ доказать, что я и два мои брата кадеты такого съ вашей стороны гнѣва недостойны, понеже, кромѣ того, что, будучи лишены наслѣдства послѣ отца, весьма тяжело намъ платить за тѣ доходы, которые въ малолѣтствѣ нашемъ, какъ вамъ извѣстно, Камарашъ разыгралъ, къ тому жъ особливое почтеніе наше къ вашей свѣтлости заслужило любовь, а не гнѣвъ вашъ. Еслибъ мнѣ не извѣстно было доброе ваше сердце, въ немаломъ бы сумнѣніи находился, какъ мнѣ изъ сей напасти высвободиться, которая вѣдаю, что противно вашему желанію случилась. Понеже буде мнѣ платити положенной искъ, то надлежитъ мнѣ въ конецъ разориться, всѣ мои деревни не стоя половины положенной суммы, а буде противъ приговору спорить, то имѣю прогнѣвить вашу свѣтлость, что еще крайняго убожества тяжелѣе. Для того всепокорно прошу вашу свѣтлость изъ сего труднаго случая меня освободить, употребляя матернюю должность ко мнѣ и къ двумъ моимъ братьямъ кадетамъ, которые никакую причину къ недовольству вамъ не подали, — которое вашей свѣтлости благодареніе мнѣ будетъ въ вѣчное обязательство, и благодарство свое на словахъ и на дѣлѣ покажу по своей силѣ, непремѣнно пребывая съ особливѣйшимъ высокопочитаніемъ, и пр.

82. — Января 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Je ne sais pas, madame, si je dois vous donner les raisons de ce que je n'ai pas plus tôt répondu à votre lettre du 25 décembre, ou vous en demander pardon: je ferai plus tôt ceci qu'à vous rendre mes raisons pour des excuses. Il me sera pourtant permis de vous dire que chaque second jour de poste je me suis repenti de n'avoir pas rempli mon devoir à votre égard, et lorsqu'il l'est, je crains que vous ne m'en châtiez pas en imitant, mais vous vous piquez de n'être pas à la mode en fait de penser, et j'espère que vous ne serez pas non plus en fait de vengeance. J'étois bien fâché d'apprendre que vous ne vous portiez pas bien de ces hor-

ribles affaires qui accompagnent ordinairement les personnes dans l'état où vous vous trouvez, mais au lieu de vous plaindre, je vous blâme (s'il m'est permis de le dire) de vous avoir abandonnée à la mélancolie. Est-il possible, madame, qu'avec tant d'esprit vous puissiez vous mettre en tête de penser qu'il vous puisse déranger votre tranquillité? Les personnes de bon sens, comme vous êtes, savent profiter du présent sans se soucier de ce qu'il peut arriver à l'avenir, c'est-à-dire après avoir pris les précautions de n'être pas eux-mêmes la cause de leur malheur. Je crois vous dire beaucoup de choses; mais vous n'avez pas besoin d'apprendre de moi; il suffit que vous rentriez en vous-même pour passer gaiement vos jours et en faire profiter vos amis. Aussi, madame, j'imiterai m. Voltaire en faisant la profession de maître en philosophie. J'apprends par les nouvelles de Hollande qu'il va nous donner un roman de la philosophie de Newton, comme il a fait de la vie de Charles XII, et un roman qui sera à la capacité de tout le monde, à ce qu'il promet. La philosophie de Newton traitée par m. Voltaire, qui assurément ne fait point d'algèbre rendue à la capacité de tout le monde! Ne riez-vous pas, madame, de cette proposition? Si le pauvre homme a fait voler des armées sans marquer leur chemin et le ressort qui les faisoit agir, jugez par là ce qu'il fera, lorsqu'il voudra expliquer les mouvements des corps célestes! J'ai peur que nous ne soyons pas en sûreté sur la terre. Voilà par exemple un cas, qui vous doit donner une ample matière pour vous récréer de la mélancolie. Je vous l'affirme sur ce seul point, car il est intéressant pour tous les gens armés. A propos de m. Voltaire je vous dois mille remerciements de votre façon de penser sur notre empereur Pierre le Grand. Si les gens morts pouvoient sentir ce que les vivants disent d'eux, et que ce prince vous avoit connue, il auroit été flatté de votre estime, et galant comme il étoit, il auroit su vous faire voir qu'il méritoit votre amitié, aussi bien que vos louanges. Pour nous autres russiens qui avons eu le bonheur d'être une fois ses sujets, nous ne saurions faire moins que d'avoir chère sa mémoire

pour nous avoir tirés d'une honteuse obscurité et mis sur le chemin de la gloire, vers laquelle nous conduisent ses successeurs. Je vous rends mille remerciements de la lettre rendue à m. de Chavigny, dont je n'ai pas encore reçu de réponse; peut-être n'ose-t-il pas la faire (car il ne manque pas de politesse) de peur qu'on ne le taxe d'avoir correspondance avec un moscovite.

Le 21 janvier.

83. — Февраля 3-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ де-Шавиньш.

Je viens de recevoir une lettre de monsieur le comte d'Ostermann, par laquelle son excellence me charge de vous faire de sa part mille remerciements de la bonne opinion que vous avez de sa personne et de vous assurer qu'il est extrêmement flatté de vos témoignages à son égard, comme de ceux d'une personne dont les grands mérites lui sont connus, et qu'il embrassera toutes les occasions pour vous témoigner l'estime qu'il fait de votre personne. Je m'acquitte d'autant plus volontiers de cette commission qu'elle me présente l'occasion de vous faire une petite plainte sur votre long silence. Je ne veux pas croire que vous m'ayez déjà oublié; je l'attribuerai plus tôt à une cause politique. Qui sait, s'il n'est pas encore dangereux pour vous d'entretenir correspondance avec un russe? Mais je ne puis pas non plus me persuader qu'on ait chez vous de telles maximes après toutes les déclarations échangées de la part de nos deux cours; car j'apprends de Vienne que cette dernière formalité est aussi passée, et par conséquent les deux cours se trouvent mutuellement dans la même situation qu'elles étoient avant la guerre. Ainsi, monsieur, je ne puis plus être suspect chez vous, de sorte que je ne me plaindrai que de l'embaras où vous jette, peut-être, votre voyage de Copenhague et qui vous empêche de donner de vos nouvelles à nos amis. Si ce voyage est de votre gré, je me contenterai d'apprendre par madame Monconseil que vous vous portez bien; mais je doute fort que vous puissiez trouver de l'agrément dans cette cour-là autant que vous

auriez trouvé à la nôtre, où le bruit commun vous avez destiné après votre départ de Londres. Mais peut-être cela réussira dorénavant, puisqu'il n'y a point de circonstances qui puissent empêcher le renouvellement d'amitié entre les deux cours; au moins je suis certain que la mienne est de ces sentiments. J'avois oublié dans ma dernière de vous donner compte de ma santé selon que vous aviez ordonné; j'ai donc l'honneur de vous mander, à l'heure qu'il est, que j'étois assez bien de mes yeux tout le mois passé, mais que présentement je suis attaqué d'une nouvelle fluxion, laquelle cependant n'est pas violente. Je dois rendre justice à m. Gendron, dont les remèdes ne laissent que de m'être favorables, quoiqu'ils agissent fort lentement.

Le 3 février.

P. S. M. Farinelli qui médite un voyage de Paris pour l'été prochain, vous assure de ses respects. Je n'ajoute point d'autres nouvelles de ce pays; puisque je sais que vous ne les aimez point, je ne vous en donne pas, en vous assurant que je suis avec l'estime et considération, etc.

84. — Февраля 11-го. С.-Петербургу. — И. Ильинскій князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь Антиохъ Дмитріевичъ, милостивѣйшій мой государь! Милостивѣйшее свѣтлости вашей писаніе, данное прошедшаго генваря 4-го дня сего 1737 года, я съ великимъ желаніемъ получилъ сего февраля 3-го дня и всепокорно за оное благодарствую. Еще прошу извиненна меня имѣть, что не тѣмъ ідиоматомъ отвѣтствую, которымъ вы писать изволили; на силу и по русски теперъ смыслю написать, не токмо по латински, понеже, упадши на льду самымъ затылкомъ, всѣ глуды отбилъ, и хотя оная болѣзнь чрезъ нѣсколько недѣль таилася, однакожъ послѣ такъ отрыгнулася, что вся голова острупѣла, и пришелъ великій жаръ, что я пятеро сутки ничего не ѣлъ, а четверо сутки въ делиріи былъ. И такъ съ 1-го генваря понинѣ изъ горняцы не выхожу, кромѣ того, что съ любпмой моеі квартиры на Васильевъ

островъ перетащился, бѣгая ярости Лезавелиной, о которой революціи надѣюся, что свѣтлость ваша уже извѣстенъ. И по причинѣ такого страха я всѣ письма пожегъ, и такъ не могу вспомнить, которыя книги послалъ къ свѣтлости вашей. Того ради покорно прошу прислать ко мнѣ реэстръ посланнымъ къ свѣтлости вашей книгамъ, чтобъ я могъ знать, которыя еще надлежитъ прислать. Впрочемъ, вручивъ меня прежней высокой свѣтлости вашей милости, до конца жизни моей пребываю свѣтлости вашей милостивѣйшему моему государю всепокорнымъ слугою И. Ильинскій.

1737 февраля 11-го.

85. — Февраля 19-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ де-Шавиньи.

Monsieur l'abbé Le Maire m'a rendu cette semaine la lettre dont vous avez bien voulu m'honorer le 25 janvier, c'est-à-dire fort tard, vu l'impatience que j'ai d'apprendre de vos nouvelles. Elle m'a été d'autant plus agréable que vous m'en faites le plaisir de me donner part que tout a été réglé pour votre personne pour votre contentement. Je souhaite de tout mon coeur que les bienfaits du roi puissent être proportionnés à votre mérite et vos services et que vous puissiez trouver à la cour de Danemark tant d'agrément que vous auriez trouvé en continuant votre voyage un peu plus loin. Si je comprends bien le sens de votre lettre, il me paraît que vous ne désespérez pas à visiter un jour le pays de nord le plus éloigné, où assurément, monsieur, on vous estime particulièrement, comme vous aurez vu dans ma dernière, et je suis sûr que lorsqu'on aura le plaisir de vous connaître personnellement, on sera plus persuadé que mes relations touchant votre personne et vos mérites étoient de vérité incontestable. Je n'ai rien à ajouter davantage sur le reste, puisque par ma dernière j'ai eu l'honneur de vous communiquer mes sentiments amplement et avec toute la sincérité, dont je suis capable. Aussi je me réserve de vous écrire quelque chose de nouveau par la première

occasion que m. Le Maire aura d'envoyer ma lettre par une voie sûre. En attendant je vous supplie de me continuer votre chère amitié et d'être persuadé que je serai toute ma vie avec un vrai attachement et la plus parfaite considération etc.

Le 19 février.

86. — Февраля 19-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je n'ai reçu qu'hier l'honneur de votre obligeante lettre du 19, et je réponds aujourd'hui pour ne pas tomber la seconde fois dans la même faute que vous venez de me pardonner. Pour moi, je ne puis pas me plaindre de votre peu d'exactitude, mais je suis extrêmement mortifié de sa cause, car j'espère que vous êtes persuadée que je prends part à tout ce qui vous regarde, et par conséquent la nouvelle de votre mauvaise santé ne m'est pas indifférente. Je souhaite que par la première occasion vous puissiez m'en mander de meilleures. M. de Chavigny m'a fait la réponse si satisfaisante que je suis fâché contre moi de vous avoir fait des plaintes contre lui. C'étoit la faute de la personne qu'il avoit chargé de sa lettre que je ne l'ai reçue que fort tard. Vous excuserez la liberté que je prends de vous envoyer encore une lettre pour lui, puisque je suppose que les lettres adressées à une dame ne sont pas si souvent décachetées que celles qui vont à un ministre. Pour monsieur le cardinal de Polignac et le prince de Carignan, je les laisse faire tout ce qu'ils veulent: il suffit que je n'aye pas manqué à mon devoir en les remerciant de toutes les politesses que j'ai reçues d'eux pendant mon séjour à Paris. J'ai déjà le livre pour monsieur l'abbé de Selliers que j'aurois envoyé à m. de Maurepas par la poste s'il ne pesoit environ 10 onces, c'est-à-dire s'il n'étoit pas trop pesant; c'est pour cela que je chercherai une occasion de le lui faire tenir par une autre voie, et cela le plus tôt possible. J'y ajouterai un autre livre pour vous, attendant votre décision sur son mérite après que vous l'aurez lu. Cependant je vous assure, madame, que vous ne pourrez pas

me faire plus de plaisir qu'en vous servant de moi non seulement pour des petites bagatelles comme celle-ci, mais dans des commissions même plus importantes, et vous me trouverez toujours fort ponctuel à exécuter vos ordres; et ne vous moquez pas de moi, s'il vous plaît, en me croyant sublime en fait de littérature, car j'en suis fort éloigné dans toute autre chose que dans mon estime pour vous, etc.

Le 19 février.

87. — Февраля 25-го. Лондонъ. Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Не могу довольно изобразить, сколь мнѣ чувствительна была почестъ его сіятельства милостиваго письма отъ 8-го генваря. Чрезъ 5 лѣтъ лишаяся оныхъ, я уже опасаться начиналъ, что совсѣмъ при вашемъ сіятельствѣ забыть, но высокосклонныя желанія, которыми оное письмо сверхъ моихъ заслугъ наполнено, оставляютъ мнѣ надежду о продолженіи его сіятельства ко мнѣ милости, которую всегда стараться стану по возможности заслужить. Впрочемъ съ нетерпѣніемъ ожидаю всемплотивѣйшую ея императорскаго величества резолюцію на мои рабскіи прошенія, понеже нужда моя уже времени не терпитъ, и для того смѣлость приѣмлю еще просить ваше сіятельство, чтобъ своимъ радѣтельнымъ предстательствомъ оную сколь можно поспѣшить, за что особливо буду вашему сіятельству обязанъ, непремѣнно пребывая и проч.

25-го февраля.

88. — Марта 15-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. Ильинскому.

Vir clarissime! Non sine extremo dolore, quae mihi de infelici lapsu domiciliique mutatione nunciare placuit, percipere poteram. Dolores inde tibi excitatos evanuisse interea penitus spero optoque, ut eo feliciter in posterum degas tuasque res agas. Quae in ultimis tui infortunii participibus oravi, eo rediguntur, ut figuras aeri incisas Buxbaumiano operi de plantis annectendas, novos

tum hujus operis, tum Academiae actorum, qui interea temporis forsân prodire, tomos, explicationes denique rerum novarum russicas nondum ligatas a te petierim. Ultimum verò actorum, quem accepi, tomum ad annum 1729 et quartum numero, Buxbaumiani autem operis centuriam quartam mea in supellectile libraria ultimam esse video. Quod si jam commemoratis hisce libris, prima sese tibi (data?) occasione ad me transmittendis, lexicon illud antiquum slavono-russicum sive scriptum, sive ubi commode fieri potest typis impressum adjungere volueris, summo opere persuasus velim me tibi obstringes efficiesque, ut in dies magis contentam magisque quo ipsemet intelligere possis me esse tibi ad dictissimum. A. princeps Cantemir.

Londini. d. 15/26 Martii 1737.

Я пишу по латински для того, что самъ писать не могу, а лучше люблю русское употреблять. Лексиконъ, о которомъ упоминаю, есть тотъ печатный въ Украинѣ, который вы употребляете.

89. — Марта 17-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Vous êtes bien obligeante, madame, de redoubler votre exactitude à répondre à mes lettres, crainte de n'accoucher pas trop tôt; c'est pour la même raison que j'ai différé d'une semaine à répondre à la vôtre du 5 mars. J'avois dessein de prendre mon temps d'une manière que je puisse par la présente vous féliciter sur votre heureuse délivrance et vous souhaiter une parfaite santé, telle que votre état peut exiger. Peut-être que je viens encore trop tôt avec mes compliments, mais j'ai peur que vous ne trouviez mauvais cet empressement et s'il sera fort aisé de relire cette lettre après vos couches, si elle vous parvient avant; je ne saurois que dire, madame, si on n'est pas sûr sous la protection d'une dame et si messieurs de la poste ouvrent toutes vos lettres; je croyois qu'on devoit avoir ou plus de respect pour votre sexe, ou moins de curiosité pour les lettres qui vous sont adressées, car ordinairement les dames ne s'amuseut pas à écrire, ni entendre

parler des affaires d'état, seule cause, qui fait ouvrir les lettres. Ainsi soit que ma lettre à m. Chavigny fût ouverte ou non, il suffit qu'elle lui ait été remise, dont je vous rends mille remerciements. Elle contient quelque chose qui ne peut pas être désagréable à la cour de France, puisque m. de Chauvelin n'y fait pas la principale figure. A propos, madame, vous ne me dites rien de sa chute inattendue, et cependant je suis impatient d'en savoir la cause, si ce n'est pas un crime de la faire savoir. Je voudrais bien vous dire mes sentiments sur ce ministre, mais je sais qu'il étoit de vos amis, et je le respecte par ce seul endroit. Le livre que j'ai pris la liberté de vous envoyer, est un ouvrage de mon père: c'est l'Histoire des empereurs turcs depuis les premiers jours jusqu'à ce siècle, avec des remarques qui donnent une idée du gouvernement, des coutumes et des cérémonies de ce pays. Ainsi, madame, ce n'est pas à moi à décider de son mérite, au contraire vous êtes juge compétente. M. Farinelli passera sans doute à Paris au commencement de juillet, ayant à faire un tour en Espagne: pour moi, quoique je pourrais souhaiter de tout mon coeur, il n'y a point d'apparence que je puisse être du voyage. Je rejette la faute sur m. de Chauvelin par des raisons qui vous sont connues et j'appelle contre lui, puisqu'il m'a réduit de ne pouvoir vous assurer de ma sincère estime et parfaite considération que par écrit.

Le 17 mars.

90. — Марта 24-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Шавинья.

Votre obligeante lettre du 23 mars me sert de nouvelle preuve de votre amitié, puisque vous m'y donnez part du bon succès de vos affaires domestiques et que sur celles, qui regardent nos cours, vous usez à mon égard de toute la confiance que j'ose dire avoir méritée par mon attachement à votre personne. Vous pouvez être persuadé, monsieur, que je n'ai appris qu'avec un sensible plaisir la justice que le roi a rendue à vos mérites, et je souhaite

que je puisse recevoir de vous dorénavant de pareilles nouvelles. Ce sont ces mérites, qui vous ont acquis l'estime de monsieur le comte d'Ostermann, et pas mes recommandations, quoiqu'il soit sûr que je n'ai pas manqué à lui dépeindre votre portrait au naturel, et je n'avois pas besoin de le flatter pour produire ce que l'amitié, qui nous lie ensemble, me faisoit souhaiter. Vous rendez justice à une partie de mérites de son excellence en relevant sa pénétration; mais permettez-moi de vous dire que vous lui faites tort de croire qu'il a méconnu vos intentions. Je n'entreprendrai pas à vous le prouver, car non seulement cela me meneroit trop loin, mais aussi il faudroit pour cela alléguer des principes de fait et de circonstance qui ne sont pas trop agréables. Il vaut mieux, monsieur, passer l'éponge sur tout ce qui s'est passé, sans chercher à décider de quel côté étoit la raison et le tort, puisque les principes ont été si différents qu'il est impossible de s'accorder sur leur bonté. Excepté ces principes, vous avouerez, monsieur, que le moyen, dont l'une et l'autre cour s'est servi pour obtenir son but, étoit rempli de modération. Cette vérité ne demande pas de grands arguments pour être démontrée: on n'a que se souvenir de certains faits pour en être convaincu. Aussi, monsieur, vous voyez que jusques là nous sommes dans une égalité parfaite, et je souhaite que nous le fussions aussi dans les desirs sincères de rétablir une amitié et correspondance, qui devoit être d'autant plus solide que les limites de deux états sont éloignées. J'ai déjà eu l'honneur de vous assurer que ma cour n'en souhaite pas mieux, et je ne doute pas que monsieur le comte d'Ostermann embrasseroit avec plaisir [l'occasion] de se servir de vous comme d'un instrument très propre pour cet ouvrage, si cela étoit convenable. S'il m'est permis de faire une comparaison, deux grandes cours, qui veulent renouer l'amitié, ressemblent beaucoup à deux amants timides, qui s'entre-aiment, souhaitent mutuellement de s'approcher, de se dire mutuellement leurs sentiments, mais la modestie empêche l'un et l'autre à commencer. Pour parvenir à leur but, il faut un accident, une résolution, un cer-

tain je ne sais quoi, qui les laisse agir librement. C'est mon sentiment particulier, dont je parlerai à m. de Bussi en lui expliquant en même temps l'intention amiable de ma cour, et comme je me souviens d'avoir remarqué par votre discours, dans le temps que j'ai été à Paris, que la guerre de turcs étoit, peut-être, une circonstance peu favorable pour le rétablissement de la correspondance entre nos deux cours, je l'ai assuré, et je prends la liberté de vous assurer, monsieur, que ma cour est entrée dans cette guerre seulement pour se faire justice de tant de dommages et injures qu'elle a soufferts de la part de la Porte pendant 30 années consécutives, et pour se procurer une sûreté solide pour l'avenir. Du reste elle n'a point d'idées vastes et de vues ambitieuses, de sorte qu'en obtenant ce qu'elle souhaite et qui est fort raisonnable, elle ne souhaite pas mieux que de finir une guerre qu'elle étoit forcée à entreprendre malgré soi. J'ai l'honneur de vous écrire ceci par ordre de mes supérieurs: je souhaiterois en mon particulier que m. de Bussi pût en dire autant, lorsqu'il me parlera sur de pareilles affaires, car pendant que nous ferons de discours en particulier, notre zèle n'aboutira à rien. Il m'a assuré, monsieur, qu'il n'a pas eu le moindre ordre de sa cour sur cette matière, quoique vous me fassiez l'honneur de me dire dans la vôtre que vous lui en avez écrit plus particulièrement. J'avois dessein de vous envoyer celle-ci par son canal, mais comme monsieur l'abbé Le Maire part aujourd'hui, je crus que je ne pourrois faire mieux que de la lui confier, d'autant plus que j'ai raison de me louer de son attention à mon égard, dont je me crois obligé à vous remercier. Je ne vous en suis pas moins obligé de ce que vous avez fait et parlé à mon égard auprès de monsieur le cardinal; mais j'ai peur, monsieur, que vous ne vous commettiez en lui donnant de trop belles idées de moi et en me procurant de la sorte un honneur que peut-être je ne mérite pas. Je n'ai qu'une seule bonne qualité, qui est indubitable, et c'est celle d'être avec un vrai attachement et toute l'estime imaginable etc.

Le 24 mars.

91. — Апрель. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Н. И. Деллю.

Vir celeberrime atque doctissime! Ne ex diuturnitate silentii mei me defuisse putes officio, cui eo libentius lectis continuo, quae mihi in mandatis dedisti, satisfacere voluissem, quo majori cum delectatione Academiae scientiarum commodis, à tam docto potissimum viro rogatus, inservio. At libertas, nosti, anglicana cogi nusquam vult. Etiam si enim tertia quartaque vice ad Grahamium miserim, rogans, ut me conveniret: tamen id prius, quam paucis abhinc diebus impetrare non poteram. Neque aliud hoc ipso in colloquio quidquam ad ea, quae ex tuis ei proposueram litteris, mihi responderat, nisi quod instrumentis mathematicorum confiendis operam haud amplius navet. Doleo hinc, desideria me tua, eademque omni laude dignissima hac ex parte explere non posse. Quodsi vero fidei ac deligentiae Oisonii, aliàs mechanici, qui exemplum minoris arstronomici cuiusdam instrumenti, pro jussu illustrissimi Academiae scientiarum praesidis, domini de Corff, aliquot abhinc annis confecerat et hunc laborem committere placuerit: de eo saltem ut certio rem me facias, oro, nullusque dubito, quin compellatus artifex honorificum sibi ducturus, suamque ut artem Academia scientiarum approbet, omni studio allaboraturus sit. Interea persuasus sis velim, vir doctissime, Academiae, tuaque privatim mandata me nunquam prompte, ceu jucundissima, fore executurum, meque quavis data occasione demonstraturum tibi deditissimum. A. P. Cantemir.

Ipsis Cal. Apr. MDCCXXXVII.

(Арх. Конференціи Имп. Ак. Н. Einkommende Briefe anno 1736, 1737, вн. № 21; доложено конференціи 25-го апрѣля 1737 г.).

92. — Апрелья 12-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

По послѣднимъ извѣстіямъ о моихъ домашнихъ дѣлахъ я слышу, что магия наша, хотя и сестру, и братьей моихъ обнадежила, что, кромѣ наслѣдника, ни съ кого иску требовать не желаетъ, однакоже мировой челобитной подавать не хочетъ. Я

не могу угадать, откуда въ ней такая отмиѣна учинилась, понеже, какъ вашему сіятельству извѣстно, прежде весьма пнако себя изъясняла и только моего письма ожидала для совершенной раздѣлки. Оное письмо я смѣлость принялъ къ вашему сіятельству давно отправить, о котораго употребленіи не спрашиваю, понеже благонадежно вѣдаю, что ваше сіятельство то учинили, что мнѣ полезиѣ; но покорно ваше сіятельство прошу, чтобъ своимъ заступленіемъ ея мачиху нашу склонить, чтобъ прежнее свое обѣщаніе письменно исполнила, а безъ того ея къ намъ благосклонность не токмо не пользуетъ, но вредить, для того что зависѣтъ безпрестанно отъ ея воли и, можетъ быть, чають претерпѣній намѣренія я за весьма худшее состояніе почитаю, нежели извѣстное убожество; а буде она изволить съ нами поступить великодушно, я ей особливо крайнее и всегдашнее буду имѣть обязательство, такъ, какъ и вашему сіятельству за приложенной въ томъ трудъ. При томъ нижайше прошу не продолжать болѣе доклада моихъ прошеній о долгахъ и прибавкѣ моего жалованья, понеже я крѣпко надѣюсь, что за одно вашего сіятельства милостивое слово ея императорское величество не изволить отказать такъ правильной моей просьбѣ, о чемъ пишу и къ ихъ сіятельствамъ графамъ Бирону и Остерману, и на все оное ожидая вашего сіятельства милостивого отвѣту съ крайнимъ почтеніемъ пребываю и пр.

Апрѣля 12.

93. — Апрѣля 29-го. Лондонъ. — Князь Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Vous me donnez de bien bonnes nouvelles par votre obligeante lettre du 16 avril: je n'en souhaite pas de meilleures de chez vous, puisque il n'y a que votre santé qui m'y intéresse, — si elle est bonne, je suis content, et pour me rendre plus content, il suffit que vous vous portiez de mieux. Je prends pour un effet de votre politesse ce que vous me faites l'honneur de me dire sur mon voyage de Paris, mais moi, je suis réellement fâché à ne pouvoir

pas le faire. Je n'ai nulle négociation avec votre cour; il n'y eut que quelques petits éclaircissements entre M. de Chavigny et moi, et cela même n'aboutira à rien, de sorte que je ne vois aucune espérance pour que je puisse aller en France avec caractère; et pour faire un second voyage pour mon plaisir, il faudroit trouver un bon prétexte et même une raison solide avant que d'en demander la permission de ma cour, et c'est justement ce qui me manque. Du reste, madame, si je ne venois chez vous que pour me divertir, je n'ai que faire de voir le roi et les ministres, car je crois que je puis passer convenablement mon temps sans cet honneur; et en second lieu je ne suis pas d'humeur de demander des choses qui sont tant estimées chez vous. Il est vrai que je manquerois, comme j'ai manqué, un grand honneur en ce qui regarde la personne du roi, mais je m'en consolerais aisément, si vous me continuez vos bonnes grâces et les politesses, dont je me souviendrai toujours. Ainsi, madame, si jamais l'envie me prend de venir à Paris, ou que l'occasion s'en présente, je déclare que je n'y viendrai que pour voir mes amis, et par conséquent il seroit inutile d'employer M. Sorba ou quelques autres. N'allez pas croire, madame, que c'est mécontentement que je m'explique de la sorte, car vous vous tromperez autant que je me suis trompé dans le choix de mon médiateur à Paris. Je ne pense pas à ce qui s'est passé, mais j'ai appris par expérience qu'il vaut mieux d'être moins poli avec les gros seigneurs. Ne les chercher pas quand on n'en a pas besoin, est le meilleur moyen de s'en faire rechercher. Mais voilà assez de politique, il vaut mieux vous parler un peu sur nos opéras. Tous les deux théâtres ont eu peu de succès, quoique celui où Farinelli chante, ait été plus couru. M. Farinelli partira d'ici au commencement de juillet, et par conséquent vous aurez bientôt le plaisir de l'entendre. Ce sera autant de gagné sur la perte que vous faites en renvoyant votre voyage d'Angleterre pour un autre temps. Je vous assure que cette résolution que vous avez prise, fâche beaucoup vos amis et particulièrement moi, qui vous attendois avec impatience dans la

vue de pouvoir vous donner dans ce pays quelques marques de ma reconnaissance et de la parfaite estime que j'ai pour vous, qui ne peut pas finir jamais puisqu'elle est produite par vos mérites.

Le 29 avril.

94. — Мая 7-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ Князю А. Д. Кантемиру.

Милостивый государь мой! Имѣя нужду въ нѣкоторыхъ математическихъ инструментахъ для науки дѣтей моихъ и не могучи положиться въ выборѣ и покупкѣ оныхъ на какого купца въ Англіи, утрудилъ я г. профессора Гросса, чтобъ онъ чрезъ обрѣтающагося при вашей свѣтлости брата его оныя инструменты приказалъ выбрать и купить и, укладвъ бережно, дабы въ пути не повредился, отправить на первомъ отходящемъ кораблѣ съ добрымъ шхиперомъ съ прямымъ адресомъ на имя мое, подписавъ, что суть математическіе инструменты. О вышеписанномъ отъ г. Гросса къ брату его писано въ приложенномъ, при которомъ и подлинная информация съ описаніемъ тѣхъ требуемыхъ инструментовъ находится, и я приѣмлю смѣлость чрезъ сіе вашу свѣтлость всепокорно просить не токмо оному господину Гроссу сію мою комиссію исправить позволить, но и сами милостивое надзираніе имѣть, дабы такіе инструменты выбраны и куплены были противу описанія самыя добрыя, и акуратныя, такъ и крѣпкіе, пбо въ красотѣ, кромѣ излишняго убытку, никакой пользы нѣтъ, и оныя съ надежнымъ шхиперомъ сюда какъ наискорѣе прислать соблаговолить, а что на покупку оныхъ денегъ потребно, о томъ на предбудущей почтѣ господину Голерлигу для платежа за оныя надлежащее вѣрующее письмо пришлется. Взапно я себя представляю ко всякимъ возможнымъ услугамъ и пребываю съ должнымъ почтеніемъ, вашей свѣтлости всепокорный слуга А. Остерманъ.

Изъ Санктпетербурга. Мая 7 дня 1737 году.

95. — Мая 23-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Je suis extrêmement fâché d'apprendre que vous êtes retombée après votre dernière lettre, et d'autant plus que je suppose que les rechutes de ces sortes de maladies sont un peu dangereuses. C'est à cause de cela que je vous supplie de me donner bientôt de vos nouvelles. Je les souhaite bonnes, puisque je m'intéresse sincèrement à votre santé. Notre ami masqué fera une mauvaise fin, s'il continue à se soutenir par des intrigues: il faudroit avoir la fortune enchaînée à son char pour n'en être pas trompé, lorsqu'on veut tromper tout le monde. Je souhaite cependant qu'il continue sa manière d'agir pour venger. Votre Orphée, madame, sera à Paris vers le 15 juillet v. s., il va en Espagne apparemment pour chasser, car il ne fait point d'autre métier. Il y a été invité par des lettres de quelques ambassadeurs et il a ordre d'aller à Madrid et de ne point dire qu'il va par ordre de la cour. Voilà bien des mystères pour si peu de choses. Je crains qu'il n'y ait quelque mauvais dessein contre le pauvre Orphée, car le roi de Naples, son maître, avoit souhaité autrefois de l'entendre, et il lui avoit refusé ce plaisir. La reine d'Espagne (entre nous soit dit) est une italienne. Nous aurons l'hiver prochain Caffariello qui, à ce qu'on dit, est le second rossignol de Naples. Je suis fâché que vous n'avez pas encore reçu les livres, dont je ne puis pas deviner la cause. Non seulement il est sûr que le paquet avoit été rendu à M. de Maurepas, adressé à monsieur l'abbé de Selliers, selon que vous me l'avez ordonné, mais son secretaire a écrit au marchand d'ici par qui je l'avois envoyé, que M. de Maurepas voudroit savoir à qui il en devoit rendre grâces de sorte que je ne saurois conclure autre chose de tout ceci, sinon que M. de Maurepas ait oublié à rendre le paquet à monsieur l'abbé. J'ai déjà fait écrire par le marchand à Paris pour m'informer de la vérité que je ne manquerois pas de vous communiquer. M. O-Brien, dont vous me parlez, est parti pour Pétersbourg il y a quatre jours. Je l'ai engagé en qualité de

contre-amiral pour la flotte de l'impératrice, et je lui ai rendu tous les services possibles par des lettres à mes amis. Cependant vous ne m'en devez pas avoir la moindre obligation, car tout cela étoit fait avant la réception de votre lettre. Ainsi, madame, je vous prie de me donner une autre occasion pour vous témoigner l'estime particulière que je fais de votre personne et par conséquent de vos ordres.

Le 23 mai.

96. — Юня 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ, Гроссу.

Sachant que son excellence monsieur le comte d'Ostermann a trop d'affaires de plus grande importance sur les bras, je n'ose pas le troubler encore une fois sur le sujet des instruments mathématiques, et c'est que je m'adresse à vous, monsieur, vous donnant part du départ de monsieur le capitaine Opi, qui se fut embarqué avec lesdits instruments dès le 16 de ce mois. J'ai reçu en même temps l'avis que le pauvre M. Ilinski, interprète de l'Académie des sciences, avoit été mort que je regrette d'autant plus, qu'il s'est donné souvent la peine d'exécuter mes commissions. Je l'ai chargé encore en dernier lieu de me procurer par le moyen de M. Schumacher les estampes, qui appartiennent au quatrième tome de l'oeuvre de Plantes par M. Vuxbaum. Mais comme la mort l'a empêché de me faire ce plaisir, je vous supplie, monsieur, de vous en charger et de m'envoyer avec eux le 5-me tome des Actes de votre Académie et les autres livres, qui sont publiés chez vous pendant ces six mois passés. Je vous y joins aussi une liste de livres russiens, dont j'ai besoin pour perfectionner le dictionnaire russe et françois que j'ai commencé il y a quelque temps, vous priant de les chercher et d'acheter. Si les livres de M. Ilinski seront vendus, il s'y trouvera une bible russe et un dictionnaire russe et latin, qu'il a ébauché et dont peut-être pourrois-je tirer quelques lumières, en avançant dans mon travail. Je vous prie donc très instamment, en cas que ces

deux livres dussent être vendus, de me les acheter de même que les autres, dont j'ai fait mention, vous assurant non seulement que je ferai rembourser l'argent que vous en payerez, aussitôt que votre compte me sera rendu, mais que je vous montrerai en effet dans tous les cas que j'en garde un reconnaissant souvenir. En attendant il faut que je vous demande encore une faveur, savoir de prendre les deux globes, qui m'appartiennent et qui se trouve dans la maison de feu M. Plinsky, chez vous, afin qu'ils ne se gâtent pas.

Le 21 juin.

97. — Августа 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Vous avez beau dire et je ne serai jamais persuadé que vous ne saurez écrire aussi bien en italien, que vous faites en françois, car j'ai vu de vos lettres italiennes et je vous ai entendu parler, et toujours j'ai rencontré cet esprit juste et brillant, qui vous est naturel; cependant je vous laisse la maîtresse de vous servir de telle langue qu'il vous plaira, pourvu que vous m'écriviez, et que vous fassiez vos lettres un peu plus longues. Ce n'est pas non plus que je les mesure, mais j'y trouve tant de plaisir et tant de choses, dont je puis profiter, qu'elles ne sauroient être trop longues. Je vous en donne l'exemple, puisque ordinairement je remplis toute la feuille, quoiqu'il s'en faut de beaucoup, que mon langage françois, appris parmi les glaces du nord et perfectionné dans les brouillards de Londres, puisse être juste et agréable. A propos de glaces et de brouillards, nous sommes ici, au beau milieu de l'été, en grand besoin d'allumer du feu dans les chambres, et si cela continue, j'ai peur que je ne retombe malade de mes yeux, ce qui m'oblige de me servir encore d'une autre main en vous écrivant pour les épargner de bonne heure. Je n'ai pas encore de nouvelles de M. Rousset; ainsi je ne sais pas combien il est avancé dans la traduction de l'histoire turque, mais je m'imagine qu'il sera bien près de la fin, car il y a plus de 6 mois

qu'il l'a entreprise. Avec tout cela, si quelqu'un autre à Paris en vouloit faire une autre traduction, cela ne pourra pas préjudicier l'édition de Hollande; au moins j'ai remarqué que presque tous les ouvrages, qui sortent à Paris, sont d'abord réimprimés en Hollande. Je viens de recevoir de Constantinople les portraits de deux derniers grands seigneurs, qui manquent dans l'ouvrage, que je ne ferai pas imprimer, si vous m'écrivez, que quelqu'un ait entrepris la traduction de l'histoire chez vous, pour pouvoir embellir son édition avec ses deux estampes nouvelles. J'aurois souhaité lui pouvoir envoyer l'original latin, mais il n'est plus entre mes mains, puisque je l'ai cédé à M. Tindal, qui a fait la traduction anglaise.

L'accommodement entre nos deux cours est déjà fait depuis longtemps à Vienne, comme je viens de l'apprendre, par le traité entre l'empereur et sa majesté impériale, qui a été communiqué ici depuis peu. Aussi il ne manque qu'une ambassade mutuelle pour nous remettre sur l'ancien pied. Je suis persuadé que, si l'on envoie quelqu'un de chez vous. . . . et je serois charmé d'y être destiné pour pouvoir profiter de votre compagnie, que j'estime plus que (toute) chose du monde; mais je n'en suis pas sûr. Du reste, pour toutes nouvelles de ce pays-ci, j'ai à vous mander, que madame la princesse de Galles vient d'accoucher cette nuit d'une fille. Il paraît qu'elle a voulu imiter votre reine; cependant ici on n'en est pas fâché, comme chez vous, car ce n'est que la première.

98. — Августа 9-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ М. Петрову.

Два ваши пріятнѣйшія письма отъ 11-го іюня и 16-го іюля я исправно получилъ, за которыя вамъ усердно благодарствую, какъ и за приложенную при послѣднемъ карту, обязаннымъ себя признавая вашею къ себѣ аттенціею, и какъ во всѣхъ случаяхъ себя къ вашимъ услугамъ готовымъ представляю, такъ надѣюсь, что и впредь сообщеніемъ новъ знѣ, которыя сообщать можно, меня не оставите. При семъ немало сожалѣю о пріключившемся

вамъ чрезъ послѣдній пожаръ несчастія, но понеже такіе случаи безъ попущенія Божія не бывають, и обыкновенно Онъ всѣ дѣла къ нашему добру распоряжаетъ, вы своимъ разсужденіемъ сами безъ моего совѣту утѣшаться должны, тѣмъ наипаче, что несчастье было общее, и что сохранили свое здоровье, которое есть лутшее наше богатство. Бѣдный Несвитаевъ больше сожалѣнія достоинъ, что и того лишился, и то добровольно, понеже съ приѣзду своего посѣщаль здѣшніе вольные дома. Сіе не въ позоръ ему пишу, имѣя причину имъ быть во всемъ довольнымъ, но въ пользу того, которой на его мѣсто сюды будетъ, понеже изъ вашего письма примѣчаю, что онъ вамъ знакомъ, и по знакомству надѣюсь, что вы заранѣе ему присовѣтуете, и опасаяся двухъ худыхъ образцовъ (понеже и Спѣшневъ изъ того зла умеръ), держаться больше воды, чѣмъ вина, которая, хоть отходитъ, животу не вредить.

99. — Сентября 2-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Гроссу.

En vous rendant mille très humbles grâces de peines que vous avez bien voulu vous donner pour la recherche de mes globes et autres papiers, qui avoient été entre les mains de feu monsieur Plinski, je ne saurois vous cacher, que j'en etois étonné d'apprendre qu'on n'en puisse point trouver la moindre trace entre ses effets. Il est sûr, monsieur, qu'il avoit chez lui ces deux globes, et j'en ai quantité de ses lettres, qui en parlent; il est aussi sûr, qu'il avoit entre ses main les originaux de l'Histoire turque de mon père, la traduction russe de cet ouvrage copiée par un certain Demetri, traducteur de l'Ecole mathématique de la marine, avec beaucoup d'autres cahiers de l'écriture de mon père, sans faire mention de ses lettres, dont il y avoit grand nombre. Il avoit aussi un de mes portraits peint en habit militaire et quelques livres, dont le dictionnaire mentionné dans la lettre de M. Tretiakofsky est un. Mais comme il ne faut pas accuser les gens sans une examination préalable, je vous prie, mon-

sieur, de vous informer, si le défunt n'a pas laissé tout ceci dans la maison de mon frère, lorsqu'il la quita. En cas que mon frère ne les ait pas, il faut bien qu'ils soient tombés entre les mains de l'héritier de M. Ilinski, à moins que le diable ne les ait pas emportés. Je serai fâché seulement de perdre les papiers de mon père: pour le reste, on peut toujours en avoir d'autres, de sorte qu'il ne vaut pas la peine d'en faire trop de recherches. Vous me ferez plaisir d'acheter à mon compte cette copie du Dictionnaire, dont il est parlé dans la lettre de M. Tretjakofsky, si le défunt y a ajouté le russe au moins en partie. Mon frère aura l'honneur de vous remettre une caisse de livres, que je vous prie de garder auprès de vous jusqu'à ce que j'en puisse disposer autrement. Je vous en serai obligé en continuant d'être avec une estime particulière.

100. — Сентября 27-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Левенвольде.

J'ai reçu ponctuellement par les mains de monsieur Dingly la gracieuse lettre de votre excellence du 6 d'août avec une autre de monsieur Araja pour monseigneur le prince de Galles et un livre de musique pour son altesse royale. Je dois mille remerciemens à votre excellence de l'attention qu'elle a bien voulu avoir en mon égard, de se souvenir de ma prière, que je lui avois faite pour me communiquer quelque chose de la façon dudit monsieur Araja, et je serois charmé de pourvoir rendre compte à votre excellence qu'en obeissance à ses ordres j'ai d'abord présenté l'opéra à monseigneur le prince; mais malheureusement cette commission me vient dans un fort mauvais temps. Votre excellence aura sans doute appris, que le roi vient de chasser son fils de sa maison et qu'on m'a prié de la part de sa majesté, aussi bien que tous les ministres étrangers, d'éviter à faire la cour à son altesse royale. Ainsi je ne saurois voir le prince, moins encore lui parler en faveur de M. Araja, et je crois qu'il faudroit cela pour obtenir le but qu'il se propose, qui sans doute est une gratification. Je ne saurois non plus faire tenir à son altesse le livre

par quelque autre moyen, pour ne me point attirer la disgrâce du roi, à qui peut-être cette attention de ma part pour le prince ne pourroit pas plaire. Je ne sais pas même, s'il me convient de présenter à son altesse royale un livre de la part du maître de chapelle; je passe bien sur ce dernier article, s'agissant de faire siripla à votre excellence, mais je ne puis passer sur les autres sans m'attirer des affaires de la part de ma cour et de celle-ci. Ainsi j'espère que votre excellence, aussi juste qu'elle est, n'attribuera pas à mon peu de bonne volonté ce qui n'est causé que par le pur accident et circonstances du temps, et qu'elle me permettra avant d'exécuter ses ordres, de sonder les secrétaires d'état, si la cour ne prendroit pas mal que j'envoie le livre sus mentionné à monseigneur le prince. Si j'en reçois une réponse favorable, je le ferai avec beaucoup de plaisir; mais si je remarque qu'on ne veut pas me répondre, je retiendrai auprès de moi le livre, et j'en donnerai part à votre excellence, pour qu'elle eût la bonté de m'éclaircir sur ce que j'en dois faire. En attendant je prends la liberté de supplier votre excellence à relire ma lettre, dans laquelle je l'avois priée de m'envoyer un opéra de M. Araja. Elle y trouvera que c'étoit la reine qui m'en avoit chargé, et je laisse juger à votre excellence, si sa majesté n'aura bonne raison de mécontentement en apprenant qu'on l'a envoyé à son fils. Du reste j'ai l'honneur d'être etc.

101.— 8-го Октября. С.-Петербургъ. — Хр.-Фр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur, suivant les ordres que j'ai eu l'honneur de recevoir dernièrement de votre altesse, j'ai tâché d'obtenir le dictionnaire marqué par les entremises de m. Schuhmacher, qui a promis par le billet joint ici, qu'il y emploiera ses soins. Cependant je rens très humblement grâces à votre altesse de la compassion qu'elle a bien voulu témoigner sur l'état de ma faible santé. Je prie Dieu très ardemment, qu'il accorde à votre altesse une santé ferme et stable avec toutes les prospérités possibles.

J'ai l'honneur d'ajouter ici mes très respectueux remerciemens de la bonté que votre altesse a daigné d'avoir, en m'envoyant par mon frère le Carmen de Michel Mattaire. La latinité y est excellente, et les pensées sont assez bien choisies.

Le grand dessin touchant la géographie que m. de l'Isle a publié dernièrement, est examiné et aura peut-être lieu et le succès désiré, quand il sera approuvé par le sénat. On s'attend journellement de cette approbation, l'affaire étant soutenue et protégée par le sénateur prince Yusupov.

Je supplie votre altesse de continuer l'honneur de sa bienveillance à mon frère, aussi bien qu'à moi, qui serai toute ma vie avec un attachement très respectueux, monseigneur, de votre altesse le très humble obéissant serviteur Christoffle Frédéric Gross.

Pétersbourg, le 8/19 octobre 1737.

102. — Октябрь. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ К. Фарпнелли.

J'ai été charmé d'apprendre par vos deux dernières lettres (que monsieur l'abbé Paretti m'avoit fait remettre) votre belle fortune, et comme je connais votre mérite aussi bien dans votre profession que dans votre conduite, je suis persuadé qu'elle continuera en augmentant. Vos vrais amis ont appris cette nouvelle avec le même sentiment que moi; il y en a d'autres, qui enragent et qui critiquent, comme vous le soupçonnez. Il est vrai, qu'on a fort mal excusé la nécessité, où vous vous trouvez, de rompre un contrat formel; mais après tout 6000 pistoles de présent et 1500 de pension est un trop bon avocat pour ne pas faire comprendre à tous les gens sensés, que vous aviez bonne raison de rester à Madrid. Je me dédis de tout ce que vous avez écrit auparavant, puisque alors on m'avoit donné toute autre idée de la cour que vous servez, et je crois présentement, que vous ne perdez rien, en perdant 650 livres sterling que les directeurs vous doivent. Il ne faut pas attendre d'en être payé;

au moins milord Delaware m'a dit lui-même, que les directeurs n'en ont pas l'intention. Je suis d'opinion qu'ils ont tort, mais cela ne fait rien à l'affaire, car ordinairement ici on se soucie fort peu de ce qu'en dira-t-on. Vous excuserez, si je vous écris en françois, car je ne me porte pas trop bien pour vous écrire de ma main. Continuez-moi votre amitié et soyez persuadé, que je serai toujours, etc.

103. — 29-го октября. С.-Петербургъ. — Герцогъ I.-Э. Биронъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятељнѣйшій князь, высокопочтеннѣйшій государь мой! Я вашего сіятельства разныя письма и послѣднее отъ 4-го сего мѣсяца исправно получилъ, а что по сіе время отвѣтомъ уклонилъ, тому причиною многія другія дѣла, которыя мнѣ мало времени даютъ на всѣ партикулярныя письма такъ аккуратно отвѣтствовать. Что жъ вы изволите просить о заступленіи моемъ у ея императорскаго величества въ дѣлѣ вашемъ съ мачихою, то могу вамъ вѣрно объявить, что хотя подлинного знанія о томъ не имѣю, и въ такихъ дѣлахъ всегда индифферентно поступаю, однакожь сколько до меня доходило, всякія услуги въ пользу вашу показать истинно старался, какъ братъ вашъ, князь Константинъ, самъ засвидѣтельствовать можетъ. Нынѣ оный процессъ, какъ вы сама извѣстны, по указу ея императорскаго величества и по здѣшнимъ правамъ уже вершенъ, и мачиха братьямъ вашимъ для уплаты иску своего отсрочила, а чтобъ изъ онаго еще что уступила, того отнюдь учинить не хочетъ, развѣ только склониться можетъ для общаго вашего исправленія оный срокъ еще на нѣсколько времени продолжить. Впрочемъ, старшій братъ вашъ, который нынѣ здѣсь обрѣтается, у ея императорскаго величества милосердія всенижайше просить можетъ, токмо и повинѣ никакого прошенія отъ него не было, а князь Константинъ хотя и при арміи, однако позволеніе имѣть могъ для исправленія нуждъ своихъ, какъ и протчіе, въ домъ на время отпущенъ быть. Что касается до прибавки жалованья, о томъ довошу, что всѣ наши

при другихъ дворахъ обрѣтающіеся министры равное съ вами имѣютъ, токмо недавно въ Польшѣ господину фонъ-Кейзерлингу и въ Швеціи господину Бестужеву каждому по 2000 прибавлено, для того, что въ такихъ республикахъ живутъ, гдѣ противъ другихъ дворовъ для частыхъ трактованіевъ и протчихъ обстоятельствъ весьма болѣе расходу имѣть принуждены; однако, ежели господа кабинетъ-министры, какъ вы упоминаете изволите, сами за справедливо признаютъ, чтобъ вамъ жалованья прибавить, то могутъ о томъ ея императорскому величеству представить. Я съ своей стороны всякого вамъ аванажу желаю и при всѣхъ случаяхъ дѣйствительно доказать не премину, съ какою консидераціею имѣю честь быть вашего сіятельства охотный слуга
E. Johann G. Biron.

С.-Петербургъ. 29-го октября 1737 г.

104. — 8-го ноября. С.-Петербургъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Левенвольде.

En conséquence de ce que j'ai eu l'honneur d'écrire à votre excellence dans ma lettre du 28 septembre, j'ai sondé en divers endroits, s'il n'y avoit point de moyen de faire parvenir l'opéra de m. Araja ès mains de son altesse royale le prince de Galles. Mais trouvant encore, à mon regret, que l'affaire n'est pas faisable dans cette situation des affaires, j'ai cru d'en devoir donner part à votre excellence, en la suppliant de me faire savoir ce qu'il faudra faire avec le dit livre de m. Araja. En attendant j'ai l'honneur d'être etc.

Le 8 novembre.

1738.

105. — 9-го января. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Je ne doute pas, madame, que monsieur l'abbé Paretti sera bien reçu de vous, et assurément je vous en aurai toute l'obligation; mais par ce que j'apprends par votre lettre, il ne pourra pas être de votre goût, aussi je me repens bien de vous avoir écrit de lui. Il est parti d'ici dans l'intention de publier partout le caractère de la nation, et comme vous n'en voulez pas entendre rien de contraire à vos préventions sur ce sujet, il ne saura pas vous plaire. Pour moi, madame, comme j'estime extrêmement vos bonnes grâces, je vous promets de ne parler de messieurs les anglais qu'avec respect. Aussi n'ai-je pas raison de me plaindre d'eux: ils ne m'ont pas fait beaucoup de politesses, mais je n'en ai non plus souffert des incivilités. Ils me laissent vivre à ma fantaisie, et je fais la même chose à leur égard. Vos amis, et qui sont aussi les miens, font l'exception de la règle, puisque ils excellent sur les autres de la nation aussi bien dans le savoir-vivre, que dans l'art de gouvernement. Il est sûr, que je serois bien fâché de les voir déplacés, mais il y a toute apparence, qu'ils ne le seront pas au moins pour longtems. Vous avez raison de croire, que j'ai rougi toutes les fois que vous me nommez madame Brown; mais que voulez-vous que je fasse, si je ne puis pas dorénavant vous dire certaines vérités, contre lesquelles vous êtes prévenue? Il faut aimer les amis avec leurs défauts. La marquise de Don Carlos a surpris tout le monde, et je n'en vois l'autre raison, sinon que tout le monde ne s'y attendoit pas, car du reste il me paraît, qu'il est fort bien assorti, et comme j'ai eu l'honneur de vous mander, la cour de Vienne et celle de Madrid y trouveront leur compte. A propos de Madrid, il y a sept se-

maines qu'on ne reçoit point de lettres de notre Orphée. Les gazettiers le disent tantôt malade, tantôt mort, ce qui me met en peine de sa santé. Si vous en avez quelques nouvelles, je vous prie de me les communiquer pour consoler une douzaine de dames, qui sont aux abois, ne sachant pas ce qu'elles doivent en croire. Nos opéras sans lui vont assez mal, nonobstant le mérite de Caffarielli. Sa figure et sa voix fait tort à son art pour ceux de l'audience, qui ne sont pas grands connaisseurs de la musique: il leur faut une grande taille et une voix forte, et ils ne se soucient point des finesses du chant.

M. le cardinal de Polignac aura déjà reçu ma lettre que je confesse avoir envoyée un peu tard, ayant eu ces jours passés quelques affaires qui ont occupé tout mon temps. Mes compliments à madame de Cursée et madame la comtesse de Polignac, et à mademoiselle votre soeur. Je vous prie de les remercier de ma part de leur obligeant souvenir, et d'être persuadées que mon estime pour vous augmente de jour en jour.

Le 9 janvier 1738.

P.-S. Comme je ne sais pas l'adresse de m. de Bussi, vous m'excuserez la liberté que je prends à vous envoyer une lettre pour lui. Je vous serai infiniment obligé, si vous la lui faites rendre en mains propres.

106. — Января 17-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ княгинѣ А. И. Кантемиръ.

Государыня моя матушка княгиня Настасія! На два мои покорнѣйшія письма не получая вашей свѣтлости отвѣту, причину имѣю сумнѣваться, что оными вамъ докучаю, но начатіе сего года и пріятная мнѣ вѣдомость о наступающемъ вашемъ бракѣ съ его свѣтлостью княземъ Гессенъ-Гомбургскимъ извиняетъ смѣлость сего третьяго моего письма, желая лучше быть докучливымъ, чѣмъ пренебречь мою должность. Оная отъ меня требуетъ, чтобъ вашу свѣтлость сими обѣими случаями покорно поздравить и желать намѣреннаго вашего предвоспріятія щастли-

вое совершеніе, и такъ въ теченіи сего года, какъ и въ слѣдующихъ многихъ, всякое благополучіе къ моему и добрыхъ слугъ и пріятелей вашихъ удовольствію, благословляя васъ Всевышній желаемымъ потомствомъ и нужною взаимною супругомъ любовью. При семъ еще смѣлость приѣмлю свѣтлость вашу покорно просить о нашемъ несчастливомъ дѣлѣ, чтобъ прекратить все наше безпокойство подачою мирового прошенія, которое благодѣяніе ваша свѣтлость многожды великодушно обѣщать изволили. Мое особое всегдашнее къ вашей свѣтлости сыновное послушаніе и почтеніе отчасти того заслужило, а что къ тому недостаетъ—нынѣшней веселый случай долженъ бы наградить, чтобъ мое сорадованіе въ вашемъ торжествѣ было совершенно. Братъ мой князь Матѳей еще особливо и пространнѣе о томъ вашу свѣтлость просить будетъ, уповая, что такъ его, какъ и мои прозбы безплодны оставить не изволите, напаче, что вамъ самымъ извѣстно, что для уплаты вашего иску за пошлиною такъ мало останется, что почти никакой пользы вашей свѣтлости принести не можетъ наша крайняя утрата. Впрочемъ ожидая милостиваго на то отвѣту, съ должнымъ высокопочтаніемъ пребываю и пр.

107. — Января 17-го. Лондонъ.— Князь А. Д. Кантемиръ М. Петрову.

За пріятное ваше письмо отъ 17 декабря и приложенныя при немъ отъ брата и сестры, также и за прибавокъ пословицъ, покорно благодарствую, прося включенный пакетъ ему, брату моему, вручить, не задержавъ и буде въ чемъ можно ему спомоществовать напаче для приказнаго дѣла, которому онъ не весьма обыкновенъ; дѣла его общія со мною, и не только письмами своими стараюсь, но и вамъ за ваши труды буду премного обязанъ, всегда пребывая и пр.

108. — Января 21-го. Парижъ. — Аббатъ Паретти князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! On est parfaitement bien reçu, monsieur, lorsqu'on se présente de votre part. Madame de Monconseil m'a comblé

d'honnêtetés la première fois, et m'a présenté à ses parens la seconde; je m'attends à la troisième d'être convié à quelque quadrille et de ruiner vos qualités et les miennes par l'honnête refus que j'en ferai. Elle a tous les agrémens possibles, des grâces autour des lèvres et une gaieté ravissante dans les yeux. Elle désire fort que vous reveniez ici, et je compte que ses regards pourroient par sympathie fortifier et éclaircir votre vue beaucoup mieux, que les récipés de Gendron, sans qu'il vous en coutât des pendules. Cette ville est charmante, mais on y joue encore plus qu'on ne faisoit de mon vieux tems. Ne voulant pas jouer, je n'en jouis point, je vois rarement les dames et je fréquente beaucoup les ministres étrangers, dont plusieurs sont mes anciens amis. On a eu ces jours passés occasion de parler de vous sur ce que les bons offices paraissent être métamorphosés en médiation, même à l'égard des puissances maritimes. On a dit que vous ne vous fieriez pas tant aux négociations, qu'à la valeur de votre infanterie, pour redoubler à la prochaine campagne la gloire de la dernière.

Monsieur et madame Sorba vous font leurs complimens respectueux. Je vous prie de faire les miens à m. le baron de Wasner, à milord d'Harington et à m. Gastaldi. Ma santé commence à se rétablir, et j'espère que me mitonnant deux mois ici, je serai au printems en état de suivre mon chemin. Si vous avez quelque chose à m'ordonner durant le séjour, je vous obéirai de bon coeur. Comme je prends des remèdes le matin, je n'ai pas encore été à Versailles de crainte de les interrompre, outre que l'air y est à cette saison plus mauvais qu'à l'ordinaire; ainsi je n'ai pas vu m. de Bussi. On mande d'Espagne, que le duc de Lina a été fait ambassadeur du sire auprès du roi des Deux Siciles, et qu'on a donné la toison à m. le cardinal de Fuenclara et le titre de marquis à m. de la Guadia, secrétaire d'état. On ne parle plus de Farinelli, de façon que je le compte entièrement rétabli. J'ai l'honneur d'être avec respect, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. Pareti.

Paris, le 21 janvier 1738.

109. — Января 24-го. С.-Петербургъ. — М. Петровъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! По приложеніи двухъ писемъ и донесеніи, что вчера принца Гессенъ-Гомбургскаго совершилась свадьба, при которомъ вѣнчаніи: сбѣ императорскія государыни принцессы, ея свѣтлость герцогиня и весь гофштатъ, а въ вечеру, во время бала, ея императорское величество всемилостивѣйше, такожъ и его свѣтлость герцогъ, присутствовать изволили. Всенижайше благодарствую за два вашей свѣтлости милостивыя писаніи, изъ которыхъ первое отъ 23-го, а другое отъ 30-го декабря писанныя. И понеже приложенныя при нихъ вѣрно розданы, то всепокорнѣйше во отвѣтъ толко благодарствую о пѣнахъ требуемыхъ мною вещей, изъ которыхъ буде што понадобится, впредь восприму смѣлость васъ, милостиваго государя, утруждать; нынѣ же, яко и всегда, со глубочайшимъ респектомъ имѣю честь пребыть, monseigneur, вашей свѣтлости всенижайшій и покорнѣйшій слуга М. Петровъ.

Р. S. О музыкантѣ съ первую почтою донести не премину. Вѣдомости печатныя послѣ писемныхъ посылаютца, для того што въ писемныхъ за скоростію иногда случаетца неисправность, а нѣмецкія — для того, дабы у вашей свѣтлости время въ переводѣ не утратилось, но чтобъ ихъ толь наискоряя во употребленіе ввести; однакоже, по желанію свѣтлости вашей, гдѣ надлежитъ представленіе, о томъ учиню. Камергеръ Минихъ сговорилъ женитца на Фрейленъ Менгденъ, камеръ - юнкеръ Чернышовъ на Фрейленъ Ушаковой, а полковникъ Петръ Ив. Стрѣшневъ, графа Андрея Ивановича шуринъ, на Фрейленъ Яковлевой, надчерницъ генерала Матюшкина; Эйхлеръ (которому письмо вѣрно отдано) женился на покойного Полубоярова женѣ.

С.-Петербургъ. Дня 24 января 1738.

(Отвѣчено 3 марта).

110.—Января 26-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.

Vous êtes bien poli d'attribuer à ma lettre ce qui n'est dû qu'à vos mérites. Madame Monconseil les a bien connus, à ce qu'elle me marque par ses lettres, dans lesquelles elle me dit mille belles choses de vous. Ainsi je ne crois pas que votre honnête refus d'une partie de quadrille puisse détruire vos belles qualités et les miennes. On sait faire meilleur usage de vous, que de vous faire jouer. Je suis cependant flatté de voir que je vous ai fait une connaissance, qui vous plaît et à qui vous plaisez aussi. Si vous voulez faire bien votre cour à madame, dites, s'il vous plaît, beaucoup de bien de la nation anglaise, dont elle a une haute idée. Je ne lui donne pas tort, car elle ne l'a pas vue de près, quoiqu'elle ait souvent eu l'intention de venir une fois à Londres. Je ferais bien volontiers un tour à Paris en cas que le roi allât à Hanovre, mais je ne sais pas encore, si ce voyage de sa majesté aura lieu. Monsieur et madame Sorba m'obligent infiniment par leur souvenir: je vous prie de les assurer de mon estime et de porter à madame en particulier mes plaintes de ce qu'elle ne vous a fait faire que des compliments. La métamorphose des bons offices arriva à l'improviste d'abord après votre départ, la cour de France en étant la première cause: cependant on n'a pas depuis des nouvelles sur les suites de cette affaire, ce qui ne laisse pas de donner un peu d'inquiétude aux intéressés. Nos dames ici sont tout à fait tranquilles à l'égard de l'état de Farinelli, puisqu'on a reçu depuis peu des lettres, par lesquelles on apprend qu'il se porte bien. Il y a longtems qu'il ne m'écrit plus, et c'est une mauvaise marque pour lui, car j'en conclus qu'il n'a pas eu de nouveaux présents. Si vous voyez m. de Bussi, je vous prie de lui faire mes compliments, et je souhaite de tout mon coeur, que vous le croyiez le plus tôt, après avoir tiré tout le profit que vous attendiez de vos remèdes. Si jamais j'aurai besoin de quelque chose à Paris, je profiterai de la permission que vous me donnez de m'adresser à vous, et j'espère aussi que vous ne m'épargnerez pas, me trou-

vant capable à vous rendre dans ce pays quelque service, me faisant l'honneur d'être persuadé que je suis avec une parfaite estime et considération, monsieur, etc.

P. S. L'ouverture du parlement se fait mardi. Le prince de Galles y assistera. La harangue du roi n'est qu'un compliment, de sorte que je ne puis vous dire sur cette matière rien qui mérite votre attention.

Le 26 janvier 1738.

111.—Февраля 11-го. Парижъ.—Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! J'ai reçu aujourd'hui la pendule que vous avez eu la bonté de m'envoyer, le même jour que votre dernière est venue jusqu'à moi, apprenant votre inquiétude. J'envoyai chez m. de Sorba pour savoir de qui il comptoit de recevoir cet envoi; il fit réponse qu'il croyoit la pendule confisquée et peut-être vendue après la confiscation. Je fus alarmé de cette nouvelle, et heureusement monsieur Amelot, ministre des affaires étrangères, me vint voir le même jour; je lui raconte le fait, et il me promet d'écrire sans retard à Dieppe et d'envoyer un passeport; il l'a fait, et par ses soins la pendule est arrivée chez m. de Sorba, d'où je l'ai retirée. Je ne sais, monseigneur, de quels termes me servir pour vous en marquer ma reconnaissance: cet ouvrage est parfait à tous égards. L'horloger, qui est venu chez moi pour mettre la pendule en état de faire ses mouvements, a dit avec sincérité qu'il falloit se mettre à genoux pour admirer l'excellence de l'ouvrier, — c'est tout dire. L'expression me manque pour vous témoigner à quel point je suis redevable à votre générosité: tout ce que je puis faire est de vous assurer, que vous n'avez pas obligé un ingrat et que toute ma vie je serai disposé à vous donner des marques de mon fidèle attachement. Il se répand ici un bruit que bientôt vous viendrez en France en qualité d'ambassadeur plénipotentiaire: si cette nouvelle est vraie, je m'en réjouis; je terminerai aisément ce qu'il convient de faire pour l'entière gué-

raison de vos yeux. Si la nouvelle n'est pas véritable, je vous enverrai ce que je vous ai promis; il ne faudra en faire usage que vers le mois de mai, où tout ce qui s'est concentré pendant l'hiver, se met en mouvement: ce n'est pas sans raison que j'ai différé si longtemps à fortifier les parties.... de vos yeux. J'ai voulu auparavant éteindre profondément certains levains, qui indisposoient vos paupières et qui souvent causoient inflammations aux globes des yeux. Je suis avec un très profond respect, mONSEIGNEUR, votre très humble et très obeissant serviteur Gendron.

Ce 11-e février 1738.

112. — Марта 16-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.

J'ai été charmé d'apprendre par votre obligeante lettre du 14, que votre santé est assez bonne pour pouvoir vous trouver à des soupers en compagnie de belles dames, entre lesquelles vous avez raison de trouver tant de belles qualités à madame Monconseil. Elle mérite votre estime, comme celle de tout le monde, d'autant plus qu'elle me dit dans toutes ses lettres mille belles choses de vous. Dans sa dernière elle fait l'éloge de votre pitié pour la pauvre famille de m. Sorba, dont je regrette extrêmement la perte. C'étoit un vrai honnête homme et bon ami, tant que j'ai pu l'éprouver pendant mon petit séjour à Paris. L'impatience, avec laquelle on m'y attend, me flatte beaucoup, mais je ne saurais pas pourtant avancer mon départ d'ici, puisque je n'ai encore aucun ordre seulement de m'y préparer. J'ai vu aussi des lettres de Constantinople qui viennent par la voie de Vienne, dans lesquelles on marque les grands préparatifs de guerre qu'on y fait, sans qu'on y parle du tout des négociations pour la paix. Je crois qu'il faut attribuer cette hauteur des infidèles aux conseils du mufti, qui en sera à la fin récompensé par une jolie corde de soie, ne pouvant pas douter que la campagne ne finira pas sans la perte tout au moins de la ville de Bender, si le bon Dieu ne s'avise de faire des miracles en faveur de ses ennemis, car jusqu'à cette

heure ils manquent d'armée, de généraux, de ministres et d'argent, choses cependant fort nécessaires pour s'opposer à un ennemi victorieux. Je plains le pauvre marquis Monti, qui n'a pas pu jouir longtems du fruit des services signalés qu'il avoit rendus à sa cour, mais je n'aurois pas voulu que cet accident lui fût arrivé avant le siège de Dantzig, sans qu'il soit besoin de vous en dire la raison. Aujourd'hui c'est un grand jour pour la chambre basse, car, comme j'ai eu l'honneur de vous dire, on y examinera pour la première fois la requête des marchands contre les Espagnols. Si ces messieurs-ci ne changent point de résolution à ne plus visiter les vaisseaux anglais en pleine mer, comme ils prétendent de le faire, il est indubitable, à ce que j'apprends par les ministres et leurs amis, que la guerre entre les deux nations ne tardera pas à éclater. On fera cependant tout son possible pour la prévenir, en quoi je loue fort la prudence du ministre anglais. J'ai fait vos compliments à milord Harrington; il vous remercie et m'a chargé de vous faire les siens. Du reste, j'ai l'honneur d'être avec une parfaite estime, etc.

P. S. Faites lire, s'il vous plaît, à madame Monconseil l'article sur les Espagnols.

Le 16 mars 1738.

113. — Мартъ. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ В. Н. Татищеву.

Милостивый государь мой Василій Никитичъ! Не могу довольно изобразить, съ какимъ удовольствиемъ я получилъ пріятное письмо ваше изъ Самары, писанное въ сентябрѣ прошлаго году безъ означенія дня. Давно я почтительныхъ вашихъ писемъ лишаяся, по своей къ вамъ дружбѣ и почтенію безпокойно ожидалъ вѣдомости о вашемъ состояніи, наипаче что по отъѣздѣ вашемъ въ Сибирь никакой слухъ ни откуду отъ васъ ко мнѣ не доходитъ. Ея императорское величество не могла лучшую особу для своихъ интересовъ выбрать на мѣсто господина совѣтника Кирилова, и та ея величества резолюція мнѣ тѣмъ полезнѣе, что надѣюсь

впредь отъ васъ письма почаще, имѣя съ охотою съ своею стороны продолжать прежнюю нашу корреспонденцію. О требуемыхъ отъ васъ часахъ я по сию пору ни отъ кого ничего не слыхалъ, и понеже не вѣдаю, къ кому господинъ Томсъ о томъ сюды писалъ, не могу никакой услуги вамъ въ семь показать; къ тому жъ, будутъ ли часы къ вамъ отпавлены, теперь въ Самарѣ васъ застать не могутъ. Для чего прошу впередъ мнѣ другой случай подать, гдѣ бы я вашимъ услугамъ себя употребить могъ. Буде вамъ возможно сестрѣ моей въ Москву прислать фунтовъ съ 10 лучшего зеленаго чаю, принявъ отъ нея надобныя на то деньги, я попремного вамъ обязанъ буду, непремѣнно пребывая съ крайнимъ почтеніемъ и пр.

Марта 1738 г.

114. — Апрѣля 13-го. Парижъ. — Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! J'ai selon vos ordres fait remettre à madame de Monconseil l'eau que vous me demandez; elle m'a fait dire qu'elle auroit soin de vous faire tenir le petit paquet le plus tôt qu'il lui seroit possible. Vous ne me dites rien sur l'usage que je vous ai conseillé de continuer de l'eau d'esquine; si vous l'avez discontinué vous avez fait une faute, et si vous en prenez toujours je m'en rejouis, elle vous fera à tous egards de bons effects. Vers le mois de jūin je vous enverrai l'eau pour fortifier vos yeux; je ne me suis pas pressé de vous l'envoyer plus tôt, pour plus de sûreté; elle vous fera beaucoup de bien. La santé de monseigneur le cardinal ministre n'est pas encore bien solidement rétablie: son grand age fait toujours craindre, la viellesse est elle-même une maladie. Je suis avec un très profond respect, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Gendron.

Ce 13-me avril 1738.

115. — Мая 25-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Je vous rends, madame, mille très humbles grâces de la peine que vous vous êtes donnée à exécuter mes commissions tant à l'égard de monsieur le cardinal de Polignac, que du livre dont je vous avois demandé trois exemplaires. Je vous prie, madame, d'assurer son éminence, que je suis fort sensible à ces marques de sa bonté pour moi, et que j'attendrai avec impatience de voir un jour son ouvrage achevé: maudits soient les procès, qui occupent si mal son temps, car autant que j'ai pu apprendre, «Anti-Lucrétius» est un ouvrage aussi savant et aussi agréable que le livre, dont il fait la critique. Pour les trois exemplaires de «La Statique des végétaux», vous aurez la bonté de les envoyer à Calais, à m. Caffieri, directeur des postes, pour les adresser à monsieur le chevalier Osorio, envoyé du roi de Sardaigne à Londres, et excusez s'il vous plait, si je suis trop importun. Vous avez raison de me gronder de m'être donné à plaisir une fluxion sur les yeux: cependant je vois, que le manger maigre n'en est pas toujours la cause, puisque actuellement j'en ai une, quoique j'aie fait toujours gras après Pâques. Il vaut mieux attribuer ces accès des fluxions au retour de la belle saison, qui met le sang en mouvement. Tout ce qui est de plus consolant dans mon mal, c'est qu'il ne dure que deux ou trois jours, au lieu qu'autrefois une fluxion m'enfermoit dans la chambre pour deux ou trois mois. Avant de finir cet article, permettez-moi de faire réflexion, que selon vos sentiments il ne faut rien faire que par deux raisons, c'est-à-dire pour l'utilité et pour les plaisirs. Croyez-vous, madame, que les hommes, qui puissent toujours agir pour ces principes... Pour moi, je suis d'opinion, que la plupart de nos actions sont un coup de hasard: autrement il n'y auroit jamais d'inconvénient dans la vie. Cette dame, qui s'applique à la philosophie de Newton, assurément n'agit pas ni pour l'utile, ni pour l'agréable, puisque je la vois ordinairement fort ennuyée. Elle n'est pas prise ici pour une prophétesse tant comme dans son pays: son exemple cependant

ne tire pas à conséquence pour vous, et il ne faut pas vous faire voyager pour vous donner de l'esprit; il faut faire voyager les autres pour en jouir dans votre conversation. J'envie monsieur l'abbé Paretti, qui apparemment ne manque pas de venir vous faire sa cour tous les jours. S'il n'est pas encore parti, je vous prie de lui faire mes compliments. Pour toutes nouvelles de ce pays-ci j'ai à vous mander, que le parlement a fini samedi passé avec une harangue du roi, qui fit voir beaucoup de disposition d'accomoder les différens avec la cour d'Espagne à l'amiable; et que madame la princesse de Galles a accouché hier, à cinq heures du matin, d'un prince, qui est venu au monde auparavant dans son huitième mois; aussi ne se porte-t-il pas fort bien, de sorte qu'on le baptisa d'abord après sa naissance sans cérémonie, etc.

Le 25 mai.

116. — Юля 6-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ I.-Д. Шумахеру.

J'apprends par une lettre de m. Gross, que vous avez déjà reçu le manuscrit de la traduction du discours de m. de Fontenelle sur la pluralité des mondes, et que vous avez dessein de le faire imprimer avec changement du titre. Comme je ne doute pas, que vous en ayez, monsieur, de très bonnes raisons, j'ai tâché à les deviner, et j'en rencontre deux. L'une est pour ôter tout mécontentement aux gens bigots ou trop scrupuleux, et l'autre pour faciliter la vente du livre. Si c'est la première qui vous fait souhaiter le changement du titre en question (quoiqu'on ait déjà un ouvrage pareil de m. Huygens, imprimé en russe par ordre de Pierre le Grand), on pourroit faire le titre de la sorte:

Разговоры астрономическіе, въ которыхъ той науки нужнѣйшія знанія кратко и разумительно къ общества понятію изъяснены чрезъ господина Фонтеелля etc.

Si c'est la seconde, je crois qu'on pourroit laisser le titre que l'auteur a donné à son ouvrage, en y ajoutant un court détail de ce qu'il contient, comme il suit:

Разговоры о множествѣ міровъ, въ которыхъ той науки нужнѣйшія знанія etc.

Voilà mon sentiment sur ce sujet, dont cependant vous ferez tel usage, qu'il vous plaira, et je vous prie d'être persuadé que je suis fort sensible pour les peines que vous avez bien voulu vous donner dans cette affaire. Si je vous puis être utile en quelque chose dans ce pays-ci, vous pouvez disposer de moi, monsieur, comme d'une personne qui est avec toute l'estime imaginable, monsieur, etc.

Le 6 juillet 1738.

117. — Юля 6-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.

Vous avez raison d'appeler la main de madame Monconseil belle et sa plume angélique; mais vous n'avez pas besoin de lui donner tant d'avantage sur la vôtre pour faire des reproches à mon silence. Ils auroient été en toute façon fort justes, et je ne puis nullement excuser ma faute, si vous ne me permettez pas de l'attribuer à votre dernière lettre, par laquelle vous mandiez votre prochain départ. Mon estime pour vous assurément n'a en rien diminué, et je lis et relis vos lettres avec le même plaisir, de sorte que je serois bien fâché de n'en pas recevoir assez souvent. Pour éviter une pareille perte je vous promets, monsieur, beaucoup plus d'exactitude pour l'avenir, espérant que vous aurez oublié le passé. Je ne doute nullement que madame de Monconseil vous souhaiteroit pour longtemps à Paris; et elle me l'a même confirmé, m'ayant vraiment remercié plus d'une fois de lui avoir procuré votre connaissance. Jugez par là, monsieur, si les réflexions que vous faites sur l'usage, auquel elle voudroit vous employer, ne soient pas un pur effet de votre modestie. Je ne saurois vous rien dire sur mon voyage que ce que je vous avois déjà mandé, c'est-à-dire que la nouvelle en a été prématurée et qu'elle l'est encore. Il ne faut pas cependant chercher la cause de ce délai dans l'affaire, dont vous avez eu la bonté de me faire

communication par votre dernière. Il est impossible que le bruit qui court à Paris sur ce sujet, soit vrai. L'action seroit trop noire, et celui à qui on voudroit l'attribuer, n'en est pas capable: de sorte que, monsieur, je ne ferai aucun usage de votre nouvelle, tandis que ce n'est qu'un bruit. Cependant je ne vous suis pas moins obligé de la communication, y remarquant une attention toute particulière que vous avez pour moi. Je serai charmé d'avoir une occasion pour vous en marquer ma reconnaissance et vous donner des preuves de mon amitié.

J'exécute ponctuellement votre conseil en tâchant de me porter bien, et toutes les fois que je suis avec nos amis communs, nous nous souvenons de vous. Nous l'avons fait encore hier, monsieur le chevalier Fitzgerald nous ayant fait vos compliments, et nous avons bu votre santé à la table de notre club, qui va le mieux du monde. Je crois sans vanité que c'est la seule coterie à Londres, où en mangeant bien, on est gai, on se traite en vrais amis. Quel dommage que vous ne faites pas le huitième, car nous sommes sept confrères. Les affaires ici sont aussi peu de choses que chez vous. Beaucoup de bruit et peu de faits: vous n'avez pas besoin que je vous en dise davantage. Faites s'il vous plait mes compliments à madame de Monconseil, à qui je ne répons pas, vu la maladie de son père, dont je suis fort fâché, m'imaginant la douleur dans laquelle elle se trouve. Si elle me loue et me prône continuellement, elle a une trop bonne opinion de moi, et c'est parce qu'elle ne m'a pas vu qu'une douzaine de fois: je serai cependant bien fâché que vous l'en détrompiez. Il est bon quelquefois à profiter des fautes d'autres, particulièrement lorsque nous ne ferions à personne les commettre. Mais peut-être c'en est une de faire ma lettre trop longue, c'est pourquoi je la finirai en vous réitérant les assurances de ma parfaite estime et de mon vrai attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être, etc.

Le 6 juillet 1738.

118. — Юля 10-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

J'étois extrêmement touché d'apprendre par votre dernière le mauvais état de monsieur votre père, qui assurément vous doit être fort sensible. À cause de cela j'ai différé de vous faire plus tôt la réponse, sachant que dans une pareille situation on ne peut pas s'amuser à lire les lettres de ses amis. Je suppose qu'à l'heure qu'il est tout le danger est passé, et que vous avez rattrapé votre tranquillité, au moins je le souhaite de tout mon coeur. Je vous rends mille grâces de bons avis, que vous m'avez donnés sur la manière de faire passer les bijoux en question, en passant par Calais, et quoique vous n'avez pas pu obtenir un passeport, comme je l'ai souhaité, je ne vous ai pas moins d'obligation pour la bonne volonté. Du reste messieurs les ambassadeurs résidents à la cour de France ont souvent demandé de pareils passeports, sans qu'ils aient été taxés de vilenie, et en dernier lieu m. Sorba le défunt a fait entrer de la sorte une pendule, que j'avois envoyée à m. Gendron. Si j'étois à leur place, je voudrois faire distinction entre faire plaisir à une dame et diminuer le trésor du roi pour gagner quelques sols. Et je crois, que c'étoit justement le cas pour faire la distinction. Comme tout ces messieurs qui s'y trouvent actuellement, sont d'une probité et d'un désintéressement indubitables, on ne sauroit avoir la moindre mauvaise pensée; mais ordinairement, ceux qui sont scrupuleux de passer une puce, avalent sans difficulté un éléphant. L'auteur que je vous cite, est la vérité même, ainsi il n'y a pas moyen de ne lui pas prêter foi. À la fin j'ai reçu les étoffes que vous avez eu la bonté de m'envoyer, et que je trouve, comme je m'y attendois, trop belles pour le prix; et je vous en réitère encore mes remerciements. Pour les coiffes, on les a portées à milady Harvey, qui n'a pas eu ses fichus, car tel a été le bon plaisir de m. Naquet qui a décacheté les boîtes et le paquet même, et en a fait mille quiproquos, qu'il n'a pas pu encore résoudre. Il n'arrivera pas de même avec les livres adressés à m. Coffien, puisque monsieur le chevalier Osorio m'a dit qu'ils étoient déjà

expédiés de Calais, et que peut-être ils sont déjà à la douane. J'espère pourtant que vous me ferez la faveur de me mander leur prix pour pouvoir en être payée. À propos de livres, il en a paru un nouveau d'un gentilhomme vénitien, m. Algarotti, sur le système de Newton et particulièrement sur son optique: il est écrit sur le même plan et presque en style semblable que celui de la «Pluralité des mondes». Je l'ai lu ces jours passés avec beaucoup de plaisir. Il traite fort bien sa matière, et il n'est pas moins clair que badin, de sorte que si vous voulez devenir Newtonienne à peu de frais, vous le serez à la seconde lecture de ce livre, sans cependant faire grand cas du langage qui n'est pas toujours italien. On me dit que l'auteur est à Paris. Je le connais particulièrement: il est d'une conversation fort enjouée, sans affectation, et il a beaucoup d'esprit et même du savoir, de sorte qu'il mérite votre amitié. M. l'abbé Paretti vous en pourra aussi donner des nouvelles, à qui j'ai écrit dernièrement pour vous excuser mon silence, etc.

Le 10 juillet.

119. — Августа 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Je ne doute nullement, madame, que la perte que vous venez de faire, vous ait été bien sensible, et c'est pour cela que je ne veux pas en faire plus mention que pour vous prier de ne vous laisser point accabler par la tristesse. Elle est bien dangereuse dans l'état où vous vous trouvez, et j'espère que de celui vous pouvez tirer les remèdes pour la chasser. Si vous avez perdu un père, peut-être avez-vous gagné un fils, et à bien prendre la chose, ce qu'on a gagné vaut bien ce qu'on a perdu. Monsieur votre père méritoit votre estime et votre amour, mais il avoit vécu son temps, et monsieur votre fils ou la fille doit vivre pour faire honneur à ses parents. Ce sont au moins mes souhaits; ils ne peuvent manquer d'être accomplis si le nouveau-né veut profiter de vos leçons. Si ma lettre arrive après vos couches, je prends la liberté de vous en

féliciter, et je vous prie d'être persuadée, que je prends part à tous les heureux événements de votre vie. J'espère de vous en donner des preuves pendant mon séjour à Paris, où je me flatte de jouir souvent de votre aimable compagnie. Mon départ ne pourra tarder que tout au plus dix jours. Je prends mon congé du roi, à ce que je crois, demain, ayant été déjà informé en formes par m. de Cambis, que m. de Vaugrenan avoit été nommé de la part de votre cour. Elle souhaite bien lui donner le caractère d'ambassadeur, mais je ne suis plus en état de le prendre sans nouvel ordre. Peut-être en recevrai-je après mon arrivée à Paris, mais ce ne sont aussi que des conjectures, comme les vôtres. À propos d'ambassadeur, je fais tous les recherches possibles pour trouver la chienne que vous demandez. J'en ai parlé aux deux plus grands connaisseurs de chiens, m. Churchill et m. le duc de Grafton, qui en entretiennent des . . . et qui connaissent tous les chiens de Londres, et tous les deux m'ont assuré, qu'il n'y a pas telle chose qu'une chienne noire de la race de Charles II avec des taches de feu. Monsieur le duc m'a promis de me donner une noir et blanc, et s'il tient parole, je l'apporterai avec moi. On m'a dit, qu'il y a des chiens faits comme vous les voulez pour la couleur, mais ils sont trop grands, et ne sont que des bâtards de la race de Charles, qui peut-être ne sont pas encore légitimés. En tout cas j'en apporterai encore un de ceux-ci, et qui sait, si un beau jour de ces deux chiens on n'en puisse pas faire un . . . , comme vous le voulez. Je prendrai des précautions que l'un fût mâle et l'autre femelle, et encore plus pour qu'on ne me manque de parole, et cela autant qu'il est possible pour le peu de jours qu'il me reste; mais en tout cas, si je pars sans les chiens, vous pouvez être persuadée, madame, que ce n'est pas par manque d'attention pour vos ordres. Tous les paquets qu'on m'apportera pour vous, je ne manquerai pas ou de les porter avec moi, ou de les envoyer avec mes bagages selon leur volume, car il faut savoir que je ne porte avec moi qu'un coffre et deux domestiques. Je suis fâché au reste que vous ne m'avez donné qu'une seule commission. N'y a-t-il

qu'un chien que vous pourriez me demander de Londres, c'est-à-dire, de la ville d'où les dames françaises tirent beaucoup de belles choses, que je ne connais pas et qu'elles pourroient fort bien trouver à Paris? Cela est d'autant plus impardonnable en vous, qui aimez furieusement cette nation, etc.

18 août.

120. — Сентября 21-го. Лондонъ. — А. Мозалевскій князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Извѣстенъ будучи чрезъ письмо господина Гросса о благополучномъ вашей свѣтлости прибытіи въ Парижъ, покорнѣйше тѣмъ вашу свѣтлость поздравить смѣлость приѣмлю, прося, чтобъ ежели повелѣно будетъ, и меня отсюды взять не умедля, чего уже я и ожидаю. Приказъ вашей свѣтлости къ покупкѣ бумаги мною исполненъ будетъ, о чемъ я господину Амикоію говорилъ, и онъ на то деньги дать обѣщался. Отъ него жъ, господина Амикоія, я получилъ вчерась 10 гиней для уплаты займодавцамъ, которымъ я былъ долженъ, въ чемъ онъ, господинъ Амикоій, никакого затрудненія не учинилъ, имѣя де на тѣ данныя мнѣ 10 гиней приказъ отъ вашей свѣтлости, за которой всепокорнѣйше вашей свѣтлости благодарить долженствую, прося о продолженіи вашихъ высокихъ милостей, которыми я вѣчно обязанъ буду пребывать, monseigneur, вашей свѣтлости всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга Александръ Мозалевскій.

Изъ Лондона. Сентября 21 дня 1738.

P. S. Іустинъ уже до 6-й главы 9-й книги переписанъ.

121. — Сентябрь. Парижъ — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Озоріо.

Après un voyage de six jours et un passage de mer de dix heures avec un vent ridiculement favorable, j'arrivai à la fin dans le centre des plaisirs. Je n'en trouve pas cependant et je suis sûr de n'en point trouver de longtemps après la perte que je viens de

faire. C'en est une des plus sensibles pour moi que d'être éloigné de mes bons amis. Vous en êtes à la tête, et j'ose me flatter que j'ai mérité votre amitié par mon estime et attachement pour vous, qui durera toute ma vie. Comme la poste part dans ce pays-ci de bonne heure et que je me lève à mon ordinaire fort tard, il ne faut pas vous attendre à une longue lettre, et pour d'autres raisons il ne faut pas vous attendre à beaucoup de compliments de ma part. Vous n'avez qu'à m'employer en tout, où vous me croirez capable à vous rendre quelque service, si vous voulez m'éprouver. Je vous prie de faire mes compliments à monsieur et madame de Cambis, aussi bien qu'à nos confrères du club et particulièrement à notre aimable associé baron de Loss. Je les accablerai par la prochaine poste d'une grêle de lettres, en imitant, mais avec plus de raison, l'espagnol que vous connaissez; pour le présent il m'est impossible de m'acquitter de ce devoir, d'autant plus que mes yeux se portent assez mal et que j'ai la tête pleine de Fontainebleau, d'Issy, des ministres, des annonces et pareilles choses, qui sont diablement embarrassantes. J'en serai quitte dans peu de jours et alors je me donnerai l'honneur de vous écrire plus et vous réitérer par la suite les assurances de la parfaite considération, avec laquelle, etc.

122. — Октября 5-го. Лондонъ. — А. Мозалевскій князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Милостивое ваша свѣтлости письмо отъ 27-го сентября я имѣлъ честь получить исправно. При должномъ за оное благодареніи всепокорнѣйше доношу, что Іустинъ до того мѣста, по которое исправленъ, переписанъ, какъ, безъ сумнѣнія, ваша свѣтлость о томъ уже извѣстны отъ господина Гросса, котораго я однимъ письмомъ просилъ, чтобъ вашей свѣтлости о томъ донесъ. Я бы господина Амикони здѣсь не трудилъ о взятыхъ мною отъ него извѣстныхъ 10 гинеяхъ, не писавъ перво о томъ къ вашей свѣтлости, но онъ, господинъ Амикони, по отбѣздѣ вашему сказалъ, что о томъ отъ вашей свѣтлости приказъ

имѣлъ, и «ежели бѣ вамъ нужда въ нихъ, оныя всегда готовы, когда потребуете». Я оныя взялъ и тѣмъ часть моего долгу заплатилъ и выкупилъ мои пряжки и шпагу серебряныя, чтобъ болѣе интересу на нихъ не наростало. Ежели мнѣ впредь самая крайняя нужда въ деньгахъ случится, ни отъ кого не требовавъ ихъ, перво вашу свѣтлость о томъ всепокорнѣйше просить буду. За мпловное обѣщаніе о увѣдомленіи меня, ежели о мнѣ указъ получится, съ крайнимъ благодареніемъ остаюся, monseigneur, вашей свѣтлости всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга Александръ Мозалевскій.

Октября 5 дня 1738.

123. — Октября 12-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Vous serez peut-être surprise, madame, que je vous ai parlé dans ma dernière de m. Cavarielli, sans faire réponse à votre lettre dont vous me l'avez chargé, cependant il n'y a pas de ma faute. D'abord, après son arrivée, il partit, sans se laisser voir, pour la campagne d'où il ne revint que la semaine passée. Je l'ai entendu deux fois chanter, et je trouve qu'il chante parfaitement bien pour le peu de voix qu'il a; mes oreilles sont aussi gâtées pour quelque chose de meilleur. Cependant, madame, comme il me vient recommandé de votre part, je lui trouve toutes les perfections du monde, et je tâcherai à lui procurer tous les services qui dépendront de moi, pour vous donner une preuve de l'estime particulière que je fais de vos ordres. Notre Orphée me mande par sa dernière qu'il a eu de magnifiques présents du prince et de la princesse d'Asturie et des autres infants, et que tout ce qu'il a eu jusqu'à cette heure à la cour d'Espagne, monte à plus de six mille pistoles de ce pays: c'est une belle fortune, qui fait enrager vos amis les anglais, qui ne peuvent pas comprendre qu'il y ait hors d'Angleterre un pays où on puisse tant dépenser pour le chant. Quelques-unes de mes amies ont souhaité que je leur fasse venir de Paris deux robes à la française (qu'on appelle ordinairement sacs, ou

«adriennes») d'étoffe de France; comme je connais votre goût parfait dans toutes choses, je prends la liberté de vous supplier de vouloir bien vous charger de cette commission. Les personnes sont deux brunes et souhaitent avoir des fonds aussi bruns avec de grandes fleurs. Il importe peu si les étoffes seront de la mode de cette année ou de l'année passée, pourvu qu'elles soient médiocrement belles et qu'elles ne passent pas huit louis d'or la pièce, c'est-à-dire les deux robes seize louis d'or sans la façon; c'est à peu près la somme qu'elles veulent dépenser, mais il n'y aura pas de mal, s'il est nécessaire d'y ajouter un ou deux louis de plus. Après que les robes seront faites selon la mesure ci-jointe, vous aurez la bonté de les remettre à m. de Bussi, qui part aujourd'hui pour la France. Il aura soin de me les envoyer avec quelques autres petits effets, dont je l'ai prié, et de vous rembourser votre argent. Excusez de grâce, madame, les troubles que je vous donne; votre bonté pour moi m'a rendu peut-être aussi impertinent qu'attaché à vous etc.

Le 12 octobre.

124. — Октября 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Азеведо.

Vos intentions, monsieur, sont fort bonnes, et ce que vous faites, est bon aussi, nonobstant ce que vous dites par modestie dans votre obligeante lettre du 12. Je l'ai reçue avec beaucoup de plaisir, comme je recevrai toutes celles dont vous me voudrez honorer dorénavant. Il suffit qu'elle me donne des preuves de votre amitié, et je vous épargnerai volontiers tous les compliments. Un *je vous aime* qui part du coeur, vaut mieux que toutes les protestations, où il entre des *je suis mortifié, je suis au désespoir, je suis sensible* et ces autres grands mots qui font une période à perte haleine et ne disent rien. Vous avez raison, monsieur, de craindre la destruction de notre *club*, car voici m. de Loss qui va nous dire adieu. J'en suis fâché pour vous et pour moi; vous y perdez une aimable compagnie et un amusement des plus sublimes,

et moi, je perdrai peut-être tous les éloges que monsieur le chevalier Osorio me promettoit. Il n'y a qu'un expédient qui puisse nous sauver à tous deux ce chagrin, c'est de vous rendre, tant que vous êtes du club, ici à Paris. Votre cher papa en seroit charmé, pour qui j'ai toute la vénération qu'il mérite. Nous nous voyons ordinairement deux fois par semaine, car il loge extrêmement loin. Je laisse à lui à vous donner des nouvelles du pays, quoiqu'il n'y en ait pas beaucoup à donner. Ce n'en seroit pas une pour vous que j'ai l'honneur d'être avec une parfaite estime et un vrai attachement, etc.

Le 14 octobre 1738.

125. — Октябръ 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амикони.

Oggi ho ricevuto una sua de' 28 e per l'ordinario antecedente una altra senza data, e con ambe le accuse delle carte. La ringrazio infinitamente della pena, che Lei si è data nella spedizione di quei plichi voluminosi, e spero che avrà la bontà di continuar a farlo fin che quella bestia di maestro di posta d'Amsterdam si persuaderà, che io sia arrivato a Parigi. Per la lettera di cambio, che Lei ha nelle sue mani, mi faccia piacere di mandarmela mutata per Parigi, siccome Lei promette, se non a Lei stesso bisogna del suo denaro. Forse intanto arrivera il maestro di ceremonie e si ricorderà, che è più già d'un mese passato che io manco di Londra, e che per conseguenza potrebbe una volta risolversi a portargli il dovutomi regalo o almeno dir chiaramente, che non ho ad aspettar nulla. Come quel signore è inglese, non sarebbe male di fargli far rissovenirne, perchè ordinariamente ha cattiva memoria. Il signor Gastaldi sarebbe un bon mezzo, a cui prego di far i miei complimenti, e se vuole caricarsene, lo dovrebbe far d'una maniera, che discorso venga da sua parte. Del resto io sempre son l'istesso, etc.

126. — Октября 17-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Je n'ai eu l'honneur de recevoir votre obligeante lettre du 15 qu'au départ de la dernière poste, ce qui m'a empêché d'y faire alors la réponse. Vous trouverez ici une incluse pour milady Brown que je vous supplie de lui faire tenir, en m'excusant si je deviens trop importun; j'espère qu'elle est déjà arrivée à Paris, et que vous voudrez bien m'obliger à lui faire mes compliments, aussi bien qu'à monsieur le chevalier. Je ne doute pas non plus que vous aurez trouvé madame à votre goût, au moins elle a su plaire à tous les esprits raffinés comme le vôtre. Ce n'est pas par prévention que je vous trouve toutes ces belles qualités, mais j'en suis persuadé par ce que j'ai vu, par ce que j'ai entendu et par ce que je remarque dans vos lettres, de sorte que la bonne opinion que j'ai de vous, est fondée sur une certitude presque mathématique. Il est assez plaisant que dans le même temps que je vous mande des nouvelles de notre Orphée, je reçois de vous les mêmes par une lettre qui arrive dans le même temp que la mienne part. Ce qui fait voir qu'il a grand soin de ne point négliger ses amis. M. Cavarielli est bien au-dessous de lui, cependant ne laisse pas d'avoir son mérite, et je ne doute pas qu'il plaira dans ce pays-ci. Permettez-moi, madame, de vous réitérer mes prières à l'égard des étoffes, dont j'ai eu l'honneur de vous parler dans ma dernière. J'oubliai de vous dire alors qu'elles doivent être de soie simplement et de celles qu'on fabrique à Lyon, et qu'il ne faudroit pas manquer, s'il vous plait, l'occasion que m. Bussi a de les envoyer ici, car autrement on ne sauroit les faire entrer à Londres; ces sortes de marchandises étant de contrebande, sont comme la flat-terie entre les amis et les honnêtes gens. Aussi j'en suis bien éloigné, en me donnant l'honneur de vous assurer que je vous estime infiniment, etc.

Le 17 octobre.

127. — Конецъ Октября. Лондонъ. — Дж. Амикопи князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Mi trovo onorato d'un foglio di vostra eccellenza, chè mi ha consolato per la notizia del felice suo arrivo in Parigi, e spero che la riscaldazione degl'occhi assieme con la sua antica flussione sarà guarita dal famoso m. Gendron, suo medico, ed allora che sarà libera da tale incomodo, non avrà ricordi, che la trattenga di trovarsi a qualche veglia, dove son tali conversazioni, pel essere che gli sarà più grato il soggiorno di Parigi. Mi rallegro della signora Bononcini, che lo studio della pittura gli abbia così ben giovato per poter rigiovanirsi stessa. Due lettere c'includo, benchè me ne sieno capitate tre, perchè una di quelle, chè era un gran plico con soprascritta russiana, il suo giovinetto segretario mi disse, che non era di vostra eccellenza, ma del suo prete, perciò io la lasciai. Giuseppe e don Ciccio umiliano i loro rispetti a vostra eccellenza; quest'ultimo non è ancora ben rimesso, ma però gli comincia a venire l'appetito, ed io resto con il più umile ossequio di vostra eccellenza umilissimo, obbligatissimo, obbedientissimo servitore Giacomo Amiconi.

128. — Ноября 3-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

On me rendit dimanche passé deux de vos obligeantes lettres, datées du 31 octobre et 5 novembre, dans lesquelles j'ai remarqué la continuation de vos bontés pour moi et cette attention pour vos amis qui n'est pas commune. Aussi je vous assure, madame, que j'en suis bien sensible et que je ne trouve pas de termes assez forts pour expliquer ma reconnaissance et mon estime. Je ne doute pas que les étoffes seront de bon goût, il suffit que vous les ayez achetées, et ce n'est pas un compliment. M. Bussi, à ce que j'espère, sera de retour jusqu'à cette heure et vous en aura remboursé l'argent. Nos opéras ont commencé samedi passé, et m. Caffarielli a été généralement applaudi, de sorte que vous avez, madame, un peu tort de le croire peu de chose: quoiqu'il

ne puisse pas être comparé à notre Orphée pour l'étendue et la force de la voix, il ne laisse pas d'avoir beaucoup de goût et un certain brillant dans son chant qui plaît. Je serai flatté de pouvoir vous gâter le goût, comme a fait Farinelli, mais j'ai peur que vous ne le dites pas sérieusement, car je n'ai point d'autre mérite que d'avoir été si heureux de connaître les vôtres et en faire le cas qu'il faut. Madame Brown assurément est une aimable personne, et plus vous la pratiquerez, plus vous la trouverez telle: sans cela je n'aurois pas pris la liberté de vous écrire. Lorsque vous lui parlerez de Caffarielli, dites-en, s'il vous plaît, beaucoup de bien, car il est son favori. Je suis bien fâché de n'avoir pas de nouvelles à vous donner pour rendre ma lettre plus agréable. Nous sommes ici dans une telle inaction qu'on ne sait presque point de quoi parler: ainsi si vous ne me donnez pas de matières à écrire, j'ai peur que je serai obligé de faire mes lettres plus laconiques que les vôtres. Peut-être ne seront-elles pas pires pour cela et ne vous feront pas moins connaître mon vrai attachement et mon estime, etc.

Le 3 novembre.

129. — Ноября 9-го. Лондонъ. — Дж. Амикоппи князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Jeri ho ricevuto il stimatissimo foglio di vostra eccellenza; non mancai di subito far ricercare, con l'aiuto anche del suo segretario, sì del cocchiere, come anche della moglie di Giencis, ma sin' ad ora non abbiamo trovato nè l'uno, ne l'altra, ma a' momenti, spero, compariranno alla luce, e non posterirò d'obbedirla in tutto, e la prego di continuarmi l'onore de' suoi comandi senza darsi pena di rimettermi denaro di così picciole cose, perchè già spero, che non sarà così lontano il mio passaggio per Parigi, nè la mia fiamma avrà forza d'impedire la già stabilita risoluzione. La qui inclusa lista è l'istessa ch' era sopra la cassetta dei libri, e mi pare che quelli signori dell' accademia abbondano di generosità, perchè credo che la valuta dei libri sia

maggiore delle stampe, però vostra eccellenza crederà, se vi è qualche libro appartenente a vostra eccellenza o pure se qualche d'uno che sia a suo piacere, che tutto è a suo comando, e con il solito rispetto sono di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo, obbligatissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 9 novembre 1738.

130. — Ноября 11-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Я не сумнѣваюсь, что ваше сіятельство, кромѣ моихъ реляцій, уже изъ Вѣны увѣдомленъ о отправляемой тамо мирной негоціаціи между французскимъ и цесарскимъ дворомъ, которая имѣетъ быть въ совершенство приведена при генеральномъ конгрессѣ. Вашего сіятельства ко мнѣ высокосклонная милость обнадеживаетъ меня открыть вашему сіятельству, что если оной конгрессъ державъ будетъ во Франціи, то я охотно бы желалъ быть включенъ въ числѣ министровъ съ стороны ея императорскаго величества не только для того, что всякому пріятно различные народы видѣть, но и за тѣмъ, что при такихъ генеральныхъ негоціаціяхъ и подъ такимъ искуснымъ министромъ, каковъ есть графъ Александръ Гавриловичъ (о которомъ не сумнѣваюсь, что первымъ посломъ будетъ отправленъ), могу себя учинить полезнѣйшимъ въ службѣ ея императорскаго величества. Для того всепокорно прошу ваше сіятельство, когда время прійдетъ къ назначенію министровъ на конгрессъ, милостиво обо мнѣ припомнить, если не сами собою, чего вѣдаю, что вы дѣлать не любите, то хотя черезъ оберъ-камергера или черезъ графа Андрея Ивановича Остермана. Ваше сіятельство рекомендацію свою можетъ тѣмъ подтвердить, что я о допущеніи министровъ ея императорскаго величества къ конгрессу трудился съ добрымъ успѣхомъ, что, за близостію французскаго двора, безъ многихъ помѣшательствъ до назначеннаго мѣста ѣхать могу, что посольскій характеръ можно сберечь, поспеже я и пынѣшнимъ доволенъ, и что графу Александру Гавриловичу пріятно

будеть имѣть подчиненнаго товарища, въ которомъ случаѣ и дѣла согласнѣе производить можно, понеже равенство обыкновенно зависть рождаетъ. Все сіе тогда прошу въ дѣйство производить, когда ваше сіятельство изволить усмотрѣть, что намѣрены отправляемымъ къ конгрессу министрамъ хорошее жалованье опредѣлить, которое въ такихъ случаяхъ всего нужнѣе, а безъ того ваше сіятельство не меньше меня обяжетъ не токмо обо мнѣ не упоминать, но напротиву, если бы, кромѣ чаянія, собою назначить меня хотѣли, отъ того отговаривать. Впрочемъ покорнѣйше прошу извинить, что я дерзнулъ о семъ ваше сіятельство утруждать и почтить меня милостивымъ отвѣтомъ, которой хотя въ трехъ словахъ заключить, и засимъ и пр.

Ноября 11-го.

131. — Ноября 17-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Je suis bien sensible, madame, à la marque d'amitié que vous avez bien voulu me donner, en me faisant communiquer par madame Bononcini l'agréable nouvelle de noces de mademoiselle votre soeur. J'y prends toute la part, dont est capable un de vos meilleurs amis. Je m'en réjouis avec vous et je vous en félicite de tout mon cœur. Il est sûr, madame, que vous n'aurez pas pu faire une meilleure alliance, puisque vous allez avoir pour parent le plus savant honnête homme de la France. Je parle de monseigneur le cardinal de Polignac, à qui j'ai tant d'obligations. Je vous prie de l'assurer de mes respects. Comme vous ne nommez pas dans votre lettre laquelle de vos deux soeurs va se marier, je laisse à vous, madame, de faire là-dessus mes compliments à celle, qui doit les avoir: comme j'estime toutes les deux également, il m'est indifférent à qui ils toucheront. N'oubliez, s'il vous plaît, aussi madame de Cursée.

En échange de vos bonnes nouvelles je ne puis vous donner que des mauvaises. Nous sommes ici à la veille d'un grand deuil, puisque la reine, qui tomba malade il y a huit jours d'une des-

cente de boyaux, est abandonnée de tous les médecins. Ils sont au bout de son latin, ne sachant plus quel remède employer, puisque sa majesté rejette tout ce qu'elle prend. Ainsi il ne reste d'autre espérance, sinon que la nature fasse quelque changement par soi-même. Si sa majesté vient à mourir, le roi, le ministère et tout le royaume fera une grande perte, car assurément elle étoit une grande princesse, douée de toutes les qualités convenables à une reine et à une honnête femme. Nous autres les étrangers perdons aussi beaucoup, puisqu'elle nous a honorés des attentions particulières et qu'elle servoit d'exemple aux nationaux à user des civilités envers nous autres. Monsieur et madame Brown, à qui je vous prie de faire mes compliments, seront bien fâchés de cette nouvelle par rapport à leur bon ami. Si m. Bussi est déjà à Paris, je souhaiterois qu'il suspendît à me faire faire l'habit; mais s'il l'a déjà fait, il n'a qu'à me l'envoyer. Faites lui aussi, je vous prie, mes compliments. J'oubliai de vous dire dans ma dernière que je vous avois expédiée par un courrier de milord Waldgrave un paquet avec je ne sais quoi là-dedans. C'est un marchand anglois que je ne sais pas nommer, qui me l'a apporté: il m'a dit que vous lui aviez ordonné de me le remettre pour vous l'expédier. J'espère que vous l'avez déjà reçu et que vous voudrez bien m'honorer souvent de vos ordres dans des commissions de plus grande importance. Vous me ferez un plaisir sensible, en me donnant l'occasion de vous montrer réellement combien je vous estime, etc.

Le 17 novembre.

132. — Ноября 28-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амикоппи.

Carissimo! Gli affanni della corte m'hanno impedito a rispondere più tosto alle stimatissime sue dei 2 e 9 di novembre e ringraziarla della pena che Lei s'è data per riscuoter e trammettermi il denaro del regale. Ne ho ricevuto la lettera di cambio dei 175 lire sterlini 8 scellini 6 soldi, e secondo la valuta in mo-

neta di Francia 3988—15. Per l'altra di 300 franchi le la rimando indietro, pregandola di farmi per l'avvenire più giustizia e d'esser persuaso che Lei dandomi qui commissioni non ha bisogno di rimettermi subito il denaro, tanto più, che io ho agito altrimenti con Lei e che l'intero pagamento dei bigliettini della lotteria non si fa ch'а capo d'un'anno, come già gli ho scritto. Fin' adesso non ho pagato per Lei che trenta franchi, avendo comprato un sol bigliettino secondo la sua prima lettera; subito che 'l secondo tiro sarà finito e chè dovrà farsi li 26 di questo mese, st. nov., comprerò ancor l'altre e nutrirò tutti due fin' alla fine della lotteria. Intanto, se Lei passa per Parigi, faremo i conti. Vorrei farli presto non per altra ragione che per rivederla in questa città, senza però pregiudizio d'un terzo. Lei ha bel dire, le fiamme scuotano e quando han fatto il suo effetto, la macchia resta. Mi rallegro infinitamente, che Lei sia contento dei libri. Ne ho esaminato la lista con il conto, chè mandassimo da Londra all' Accademia e l'ho trovato giustissimo; onde tutti i libri gli appartengono. Vorrei poterla servire in occasione più importante per dimostrarli la mia stima, con laquale mi dico...

Le 28 novembre 1738.

133. — Ноябрь. С.-Петербургъ. — Баронъ I.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! L'Académie des sciences de St.-Pétersbourg ayant jugé à propos de recevoir m. de Maupertuis en qualité d'académicien honoraire, et monsieur le général de Keith qui part après-demain pour Paris, s'étant bien voulu charger du diplôme expédié pour cet effet, j'ai l'honneur de vous l'adresser, monsieur, dans l'opinion où je suis que ce témoignage que l'Académie rend au mérite de m. Maupertuis, lui sera infiniment plus cher, lorsqu'il le recevra de vos mains, et que vous ne refuserez pas à l'Académie la grâce qu'elle vous demande en cette occasion après tant de bontés, dont elle vous est déjà redevable. Je suis avec un

attachement respectueux, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur de Korf.

Concordat cum originali. Tiedemann.

(Арх. Имп. Акад. Н.; ausgeh. Briefe 1738—1739, № 27).

134. — Декабря 1-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Ma maladie m'a empêché, madame, de répondre plus tôt à vos deux obligeantes lettres du 25 et 30 du passé: elle m'a tourmenté pendant quinze jours, et je n'en suis pas encore tout-à-fait quitte. C'étoit d'abord une fièvre, ensuite un mal de gorge et de mâchoire, et enfin le médecin s'est aperçu que je ferai une nouvelle dent: cependant je ne la vois pas encore, et la douleur, quoique médiocre, ne cesse point. Si elle vient, me voilà retombé dans l'enfance à l'âge de vingt-huit ans. Il seroit à souhaiter qu'on puisse rajeunir de temps en temps, car la jeunesse assurément est un grand prix. Mais revenons à vos lettres. Je suis bien surpris que la mienne pour monsieur le cardinal de Polignac ne lui soit pas parvenue; si c'est par la malice des gens de la poste, ils sont impardonnables, comme je l'aurois été, si j'avois manqué à mon retour de Paris à lui donner une marque de ma reconnaissance pour toutes les politesses, dont il m'a comblé. Je me donnerai l'honneur de lui écrire par l'ordinaire prochain. En attendant, si vous le voyez, faites lui, je vous prie, mes compliments. J'ai envoyé la lettre pour m. O'Brien; je rendis la vôtre à m. Caffarielli, qui ne cesse pas de se louer de vos bontés. Je ne puis pas lui pardonner de vous avoir parlé à me faire des remerciements. Je plains milady Brown de n'avoir pas pu profiter de ma recommandation; mais ne vous étonnez pas, madame, de sa conduite, car peut-être c'est le mois, dans lequel elle pense à l'anglaise. Je n'ai aucune nouvelle de m. Bussi, ni de ses étoffes; cependant je ne vous suis pas moins obligé des soins que vous avez pris d'exécuter si bien et si vite ma commission, et j'espère que vous avez eu la bonté de l'avertir à ne me point faire l'habit, s'il

ne l'avoit déjà fait: il seroit tout-à-fait hors de propos à l'heure que la reine est morte. Après tant d'importunités de ma part, pouvez-vous, madame, en conscience faire des excuses pour m'avoir chargé à vous envoyer un paquet? Madame Bononcini m'a fait votre message, et je n'ai pas manqué là-dessus à mon devoir; cependant je répéterai volontiers mes félicitations sur le mariage de mademoiselle votre soeur, en vous assurant que j'en ai appris la nouvelle avec beaucoup de plaisir, et je souhaite sincèrement que vous puissiez trouver pour l'autre un aussi bon parti. Faites, s'il vous plaît, à toutes les deux mes compliments, aussi bien qu'à madame de Cursée, etc.

Le 1 décembre.

135. — Декабря 4-го. Лондонъ. — Дж. Амикони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Incluso nel stimatissimo foglio di vostra eccellenza ho anco ricevuto il biglietto delle trecento lire, che debbono servire per la lotteria, come la supplicai, a chè già mi favorisce di metterci. Con tanta gentilezza m'accusa nella puntualità dell' esporto per esser cosa chè debbe anco per termine un' anno; ma non lascia però, che io abbia qualche timore, che vostra eccellenza avesse preso qualche cosa a male. La prego però con la solita sua bontà di credere, sono ignoranza i miei mancamenti, e non d'altra causa. Faccio ogni possibile per presto terminare le mie cose per esser pronto alla prima stagione; mi disturbano i giorni così corti ed oscuri, che guai a me, se non fosse il lume del mio bel fuoco. . . Non altro che a protestargli il mio dovuto rispetto come il più umile di vostra eccellenza obbligatissimo, obbedientissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra, le 4 decembre 1738.

136. — Декабря 19-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

En conséquence de vos ordres je ne manquerai pas, madame, de vous mander le train, que prendront les affaires après la mort

de la reine: jusqu'à cette heure elle n'y a apporté aucun changement, et vos amis sont aussi puissants qu'ils étoient. . . Il y a beaucoup qui augurent mal pour eux, et peut-être y en a-t-il qui se préparent à occuper leurs places. Cependant j'apprends que le roi est de sentiment à ne faire aucun changement dans le ministère. Je le souhaite de tout mon coeur, car je sais que le présent est composé de gens de bien et d'esprit, et je ne sais pas par qui ils pourroient être remplacés. M. de Bussi ne m'a rien écrit, mais le marchand qui lui devoit payer l'argent pour ma commission, m'a averti que m. Bussi n'en ait tiré qu'une petite somme, puisqu'il n'avoit plus intention de me faire faire l'habit à cause du deuil survenu. Ainsi je n'ai qu'à vous remercier de la peine que vous vous êtes donnée à lui écrire. Je ne veux plus vous parler de madame Brown, car je rougis pour elle: si c'est la première anglaise que vous avez manquée, c'est la première et la dernière que j'aurai recommandée. Il est sûr qu'elle n'a pas eu assez de pénétration pour vous connaître, autrement elle auroit cherché à être toujours avec vous, au moins tel est mon sentiment qui vient de la parfaite estime que j'aurai pour vous toute ma vie.

Le 19 décembre.

137. — Декабря 24-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Каптемиръ Дж. Амькони.

La ringrazio infinitamente del suo stimatissimo foglio dei 4 dicembre e della lettera del mio prete chè Lei m'ha fatto rimettere. Non v'era niente ch'io possa prender a male, non avvenia spedito il biglietto di 390 lire, ma credetti non esser giusto accettato senza aver fatto il pagamento de' suoi bulletini per la lotteria; vengo di comprare uno secondo col numero . . . e che servirà per il terzo tiro della detta lotteria. Il suo primo offrì bianco, come il mio: ma ci resta la speranza per tre altri tiri. Questa però non mi lusinga tanto, come quella di presto vederla in questa città, e se'l suo bel fuoco serve a illuminar i suoi quadri,

servirà ancor più per approssimar la primavera. Lei sà bene, che 'l caldo e' l lume produce effetti del fuoco; non so però, se un tal fuoco non si goda più senza lume. La Bartoldi la riverisce da Bologna e desidera, che Lei spinga un poco il suo amico a Venezia di spedirle la sua roba. Ambasciador non resta pena (?), tanto più che son sinceramente suo, etc.

24-го декабря 1738.

138. — Декабря 30-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Передъ нѣкоторымъ временемъ получилъ я черезъ господина молодого графа Минниха, ея императорскаго величества дѣйствительнаго камергера, письмо и притомъ печатную книгу отъ г. Мопертюпсъ, на которое при семъ отвѣтъ для вашего извѣстія за отворчетою печатью прилагаю и вашу свѣтлость покорно прошу пожаловать ему оной вручить и при томъ его по содержанію онаго надлежаще снабдежить, что хотя я между учеными себя и не почитаю, однакоже трудъ его мнѣ весьма пріятенъ, и что ему въ поспѣшествованіе искусства его по возможности моей вспомошествовать всегда буду.

При семъ случаѣ вашу свѣтлость наступающимъ новымъ годомъ всеусердно поздравляю и отъ всего сердца желаю да даритъ всемогущій Богъ вашей свѣтлости не токмо сей наступающій годъ, но и впредь многія таковыя новыя лѣта благополучно и радостно препровождать; Впрочемъ же наивсегда съ должнымъ почтеніемъ пребываю и пр.

С.-Петербургъ. 30-го декабря.

1739.

139. — Февраля 9-го. Лондонъ. — Дж. Замбони князю А. Д. Кантемиру.

Illustrissimo ed eccellentissimo signore, signore principe! Le lettere inutili, quali sono le mie, riescono sempre incomode, ma

molto più ancora, se le persone cui s'indirizzano, si trovino som-
mamente occupate, come dei esserlo stata vostra eccellenza
finòra a cotesta corte: adesso però ch'io la suppongo sì affatto
tranquilla, libera almeno dalla inevitabil pesta delle visite minis-
teriali e da molti altri imbarazzi, cui è forza, che per alcun
tempo succomba chiunque muta paese, ho creduto mio debito il
non differir maggiormente a rassegnarle il mio inviolabile osse-
quio, ed protestarle con questa, che ben lungi dallo scordarmi
fin ch'io viva delle molte obbligazioni ch'io le debbo, ambirò
sempre, ch'Ella mi faccia nascer qualche occasione di poter
mostrarlene la mia gratitudine e riconoscenza. Degnisi dunque
l'eccellenza vostra d'aggiunger questo ancora agl' altri favori per
l'addietro compartitimi, onorandomi d'alcun suo comandamento;
nè le paja un paradosso, ch'io mi lusinghi di poter servirla as-
sente, quando sendo Ella presente ne sono stato del tutto inca-
pace, poichè l'esperienza ne fa giornalmente vedere il contrario,
e quanto prima spero che in me ancora debbasi ciò verificare.
Dopo queste mie sinceri espressioni, vorrei pur dare a vostra
eccellenza qualche nuova, e non dir bugie: or vediamo se potrà
riuscirmi. Le dirò dunque, che in materia di divertimenti le cose
non possono andar peggio di quello che vadansi, non essendovi
che due miserabili assemblee, alle quali non intervengo mai per
cagione delle due dame, chè le tengono, fra le quali e lo scrit-
tore regna uno per altro gentile antipatia. Quanto poi agli spet-
tacoli pubblici, non può dirsi quanto male si stia: opere non ve
ne sono, ma bensì alcuni oratorii e concerti, gli uni e gl'altri
dell' ultimo pessimo gusto. I poveri commedianti francesi già
Ella udì con quanta benevolenza furono accolti in questo paese,
essendosi in tale occasione mostrati gl'Inglese altrettanto de-
terminati contro questo piccolo squadron volante, quanto par
che siano poco volonterosi d'entrare in dispute con cotesto
ministero e molto meno ancora con «des armées du roy». Restanvi per verità i due teatri inglesi, ma da alcun tempo in
quà tante risse vi seguono e così spesso, che non può andarvisi

senza correr qualche rischio di uscirne con la testa rotta; pur quello di Drury Lane è sempre pieno, e M. Beard, divenuto genero di cotesto ambasciator britannico, continuando di cantarvi anco dopo d'aver sposato la figlia di sua eccellenza, fa nascere a molti la curiosità di andarvi. O, tempora! o, mores! oh, liberty and property! o che bel mondo! Ma parliamo d'altro. Giunsero finalmente le cotanto aspettate e desiderate ratificazioni di Spagna, e parmi che giovedì passato, 4 del corrente, se ne facesse lo scambio in casa di milord Harrington: sopra qual piede poi siasi precisamente convenuto fra le due corone, nè io nè altri di qui possiamo per anco informare vostra eccellenza, poichè so che Fitzgerald non vuol parlarne, e molto meno ancora questo ministero; essendomi solamente stato riferito, che il cavaliere Walpole per liberarsi dalle ricerche stategli fatte in tal proposito da certo mercante, gli aveva risposto che le ratificazioni erano venute di Spagna, quali per appunto qui si aspettavano; e da tal replica Macchiavellica mi sembra che niente possa inferirsi. Gl'antirussiani, che non son pochi, asseriscono, che la passata campagna ha notabilmente indebolite le forze dell' imperatrice di Lei padrona; certo è che le perdite degl' Imperiali in Ungheria non possono mascherarsi, e Dio voglia (quando intanto non si faccia la pace), che le cose non vadano di male in peggio l'estate ventura, benchè mi abbia seriamente detto il barone Vasner, ch'egli aveva gran' ragione di promettersi, che ben presto si sarebbe il suo padrone gloriosamente liberato dalle presenti angustie: secondo i pubblici avvisi, perchè dovendo sua maestà cesarea continuar la guerra, ella potrà aprir la campagna con un fiorito e numeroso esercito; ma io ho osservato, che regolarmente l'armate imperiali son forti l'inverno e deboli l'estate. E quando mai giungerà qui il di Lei successore? io avrei scommesso ch' e' sarebbe arrivato avanti le ratificazioni di Spagna, ed avrei perduto. Mi resta a soggiungere a vostra eccellenza, che Carlo si trova in Inghilterra cercando impiego e protezione; quantunque egli non siasi lasciato da me vedere, e che forse non sia per venirgli simil

voglia, ho creduto ben fare con darle tal notizia. Spero, che gli occhi di vostra eccellenza abbian ricevuto considerabil giovamento dalla mutazione del clima. E per fine, col pregarle ogni più desiderabil contentezza nel nuovo anno già principiato ed in molti avvenire mi rassegnò col più sincero ossequio di vostr' eccellenza umilissimo ed obbligatissimo servitore G. Giacomo Zamboni.

Londra. 9 februario 1739.

140. — Февраля 20-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амьконп.

Le rendo mille grazie del compitissimo suo complimento sul mio nuovo grado; come ancora per l'avviso datomi toccante quel briccone del mio già maestro di casa. Da questo esempio vedo, che quando simile gente hanno fatto una volta la scorza sul viso, vanno per tutto senza temervi di arrossire nè d'impallidire. Ma spero, che non vi uccirà a gettar (gabbar?) altri che me, e avendo già saputo che ha pigliato la strada d'Olanda, ho preso le necessarie missive per impedirgli a far il suo mestiere. La Sornis non andrà certamente a Londra: lo so da lei stessa, ch'ho sentito avantieri cantar in un concerto, e cantar com' un angelo. Sento bene la pena, nella quale si trova Lei e gli altri amatori della musica vedendo quell' orribil decadenza della professione in Londra. Mi son sempre immaginato, che la sola musica di Haendel non può dilettrar le orecchie, e che la presenza della Francesina è buona per gli occhi. Dubito, che la Lucchesina sola possa metter il concerto di Pescetti in voga, perchè ordinariamente una sola voce alla terza sera stanca quei, chè non prendono parte alla persona, chè canta. Eccettuo da questa regola Farinelli, il quale credo non stancherebbe mai. Oggi ne ricevo una lettera, nella quale mi scrive che Lei avrebbe ricevuto un' altra per me e che mi ha spedito un' poco di cioccolata in una cassa indirizzata al duca di Leeds; onde la supplico di domandar al detto signor duca, se gli è già capitata, ed in questo caso ricever cioccolata e mandarmela con prima opportuna occasione a

mio indirizzo, perche possa ritirarla dalle dogane. La prego ancora di comprar e spedirmi a mio conto: 1) 18 verghe (intendo di Francia) di stagno secondo il pezzo qui incluso: 2) un paio di calzoni di seta fatta a maglia del color del droghetto; 3) tutte le aperture di Haendel stampate in sette parti, e 4) i nuovi concerti per l'organo dell' istesso Haendel. Scusi la libertà che mi prendo a dargli questa commissione, e mi creda che in ogni occasione cercherò a testificarli la mia gratitudine, continuando ecc.

Le 20 février.

141. — Марта 4-го. Лондонъ.— Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Замбони.

Monsieur! Il n'y a point d'occupation, qui puisse rendre moins sensible le plaisir que j'ai de recevoir de vos nouvelles, et je vous rends mille grâces de celles qu'il vous a plu me mander par votre obligeante lettre du 9 février. J'y remarque avec reconnaissance la même attention de votre part et la même amitié dont vous m'avez honoré pendant mon séjour à Londres. Si j'étois bien fort en éloquence, je pourrois vous prouver que mon estime et mon attachement pour vous est toujours le même; mais je me réfère de le faire par des faits, si vous voulez bien me donner l'occasion. Vous auriez tort de m'épargner, lorsqu'il s'agira de vous rendre service, et vous me dispenserez d'étendre cet article davantage, afin qu'il ne puisse pas d'aucune façon paraître un compliment. J'en ferois à la France, si je vous disois, monsieur, que je me porte mieux depuis que j'ai quitté les îles Britanniques. D'abord j'ai souffert une infinité de fluxions des yeux, et en même temps des hémorrhoides non pareilles (mot fort joli pour faire la rime au soleil). À l'heure qu'il est, mes yeux vont passablement bien, mais l'humeur se jette dans la gorge et presque dans tout le corps, ce qui me donne une espèce de rhumatisme, lequel ne m'oblige pas cependant de garder la chambre. Vous avez raison de ne point fréquenter les deux assemblées, et j'y trouve de l'amour-propre à vous le dire, car les deux dames

qui les tiennent, sont, comme vous savez, mon antipathie. Si vous manquez de plaisir, je n'en goûte pas beaucoup; je l'ai dit aux autres, et je vous le répète, monsieur, qu'il faut jouer toujours et se bien porter pour veiller, si l'on veut s'amuser à Paris. La réponse du chevalier Walpole est admirable, et qui plus est, elle se trouve véridique; mais avec tout cela on doute fort que la nation anglaise soit contente de la convention. Comme celle-ci donnera assez de matière à porter à messieurs les anglois, j'espère qu'ils laisseront en repos notre armée ruinée, laquelle est rentrée dans les quartiers d'hiver forte de soixante-dix mille hommes, sans y avoir perdu un seul chariot, ni une seule bête, à ce que m'a dit un capitaine du régiment de Saxe qui en revient. Je ne saurois vous dire rien de celle de l'empereur, puisque vous avez sur les lieux m. le baron de Wasner, à qui je vous prie de faire mes compliments et mes plaintes sur ce qu'il m'a abandonné.

Je vous suis bien obligé de l'avis touchant Carlo, car cela m'a donné lieu de prendre les mesures nécessaires pour qu'il ne puisse friponner le comte Golofkin, et son successeur, lequel, à ce que je crois, marche comme une tortue. Vous serez étonné d'apprendre, que Goursaud, ci-devant maître d'hôtel du chevalier Osorio, vient de me jouer le même tour que les deux autres. Par bonheur il ne m'a servi qu'un mois, de sorte que le dommage n'est pas si grand. Je ne sais pas quel chemin il a pris; mais s'il vient à Londres, je vous prie d'en avertir nos amis pour qu'ils s'en gardent. Quoiqu'il soit déjà trop tard, je ne puis finir sans vous remercier de votre compliment sur la nouvelle année, et vous la souhaiter à mon tour pleine de toutes sortes de prospérités, souhait très sincère de celui, qui a l'honneur d'être, avec toute l'estime et toute la considération imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris, ce 4 mars 1739.

142. — Марта 13-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Толь часто отъ вашей свѣтлости засвидѣтельствованная ко мнѣ благосклонность подаетъ мнѣ смѣлость васъ затрудить нѣкою коммисією, въ которой нынѣ, кромѣ вашей свѣтлости, мнѣ никто вспомоши не можетъ. Оная состоитъ въ томъ: переваяя я на себя по прошенію нѣкоторой дамы, которой я ни въ чемъ отказать не могу, изъ Франціи для нея выписать и поставить сюда въ Петербургъ прежде 10-го числа предбудущаго мая по старому штилю два богатые штофы, самые новомодные, одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ, такіе, какіе тамошнія придворныя знатнѣйшія дамы носятъ и употребляютъ, на два дамскія придворныя платья. Оная дама *brunette*, о чемъ для того допощу, понеже потому обыкновенно тѣ цвѣты выбираются, которые *brunett'*амъ вяще пристали.

О цѣнѣ тѣхъ штофовъ не упоминаю, ибо оная отдана въ мою волю, а я оную взаимно передаю въ соизволеніе вашей свѣтлости, ибо онымъ штофамъ, хотя и не надлежитъ быть изъ самыхъ богатѣйшихъ, однакоже желается, чтобъ были неубогіе, казистые и самоновомодные, но при томъ безъ дикихъ смѣшныхъ или очень арлекинскихъ фигуръ или лицъ, ибо оная дама къ такимъ дикимъ фигурамъ склонности не имѣетъ и хотя богатое и казистое платье любить, однакоже, чтобъ при томъ чинно и постоянно было.

Время коротко и дальнѣйшей корреспонденціи о семъ дѣлѣ не допускаетъ, и не хотя у той дамы въ неустойкѣ быть, всепокорно вашу свѣтлость прошу меня изъ сего обязательства выручить и мнѣ повѣрить, что я то себѣ въ особенное благодѣяніе причту и при всѣхъ случаяхъ по крайней моей возможности за оное дѣйствительно отслужить стараніе имѣть буду, пребывая съ должнымъ почтеніемъ и пр.

С.-Петербургъ, 13-го марта.

143. — Марта 26-го. Лондонъ. — Дж. Замбони князю А. Д. Кантемпру.

Illustrissimo ed eccellentissimo signore, signore ed principe! Ho ricevuto con estremo giubilo la lettera di vostra eccellenza, segnata il 4 del corrente, piena di mille espressioni altrettanto graziose, quanto da me poco o niente meritate. Le ascrivo tutte alla di lei natural gentilezza, alla quale ed alla favorevol propensione, chè tuttavia l'eccellenza vostra verso di me conserva, si accerti pure che dal canto mio procurerò di corrispondere in tutte le occasioni chè mi si presenteranno di dover servirla.

M'è stato di somma consolazione l'udire, che finalmente l'imperatrice, sua signora, le abbia conferito il carattere di suo ambasciatore straordinario appresso il rè clarissimo, mediante il quale avanzamento (di cui quanto più posso con vostra eccellenza mi rallegro) la sua maestà ha ad un tempo istesso degnamente premiato il di lei singular merito e fatto cosa gratissima a tutti quegli, chè sinceramente s'interessano in ciò chè riguarda la di lei persona. Parliamo adesso non già di Carlo rè delle due Sicilie, ma di Carlo rè, aliàs king, a lei notissimo: questo sventurato (come accennai a vostra eccellenza) vive non so dove in Inghilterra e, per muovere a compassione coloro chè il conoscono, cerca di far comprendere, che le disgrazie sopravvenutegli e chè l'hanno ridotte ad una estrema miseria, non sono state da lui meritate per alcuna ribalderia, ed a quest' effetto mi ha ultimamente scritto una lettera, chè qui acclusa trasmetto a vostra eccellenza, laquale dovendo, dopo Dio, saper meglio che altri come veramente si stia la faccenda, letta che avra la sua apologia, potrà suggerirmi come vuol' ch'io mi regoli per servirla, assicurandola che mi v'impiegherò di buon cuore, e ch'io bramerei, che in una o in altra forma questo scandolo restasse già sopito.

In matiera di pubblici divertiminti le cose continuano ad andar di male in peggio. Ognuno è stracco degli oratorj di Händel, ed una Pastorale stata messa in musica dal Pescetti e

rappresentata per la prima volta nel teatro di Covent Garden sabato passato è riuscita abominevole, non già in riguardo alla composizione, chè è generalmente approvata, ma rispetto ai cantori, chè sono insoffribili, e vostr' eccellenza può facilmente argumentarlo da questo, che fra le donne è considerata la prima mistress Young e fra gl'uomini il Rocchetti, accompagnato poi da due musici tedeschi. Ora è qui quinto il Carestini, e sopra questo insigne campione si formano gran' disegni, adoprandosi vigorosamente alcune dame non solo la sottoscrizione dell' opera per l'anno venturo, ma tentando ancora di effettuar qualcosa pel resto della presente stagione. Col tempo (per parlar seriamente di cosa ridicola) verremo in chiaro dell' evento di questi progetti, ma io per me ne ho poco buona opinione, tanto più che i tempi correnti non sono molto favorevoli alle negoziazioni e convenzioni. Quest' ultima parola mi fa sovvenire della celebre convenzione fra l'Inghilterra e la Spagna, chè ai giorni passati ha dato tanto che fare alle due camere di questo parlamento; ma poichè io non pongo in dubbio, che intorno ad essa da più d'uno sarà stata particolarmente informata vostra eccellenza, mi dispenserò pertanto dallo scriverle cos' alcuna in tal proposito, ratificandole solamente, che resterò molto ingannato, se mai avverrà che questo negozio sortisca una felice fine. Il signor ambasciator di Francia s'incamminerà fra pochi giorni alla volta di Parigi per ricever l'ordine statogli conferito dal rè suo padrone, in servizio del quale s'egli è così ben riuscito fino adesso a questa corte, che non potremo noi da lui prometterci, ritornato ch'egli ci sarà pieno di spirito santo? Il nuovo ministro di Polonia m. d'Utrotera, giunto ad Hannover, e quivi si aspetta fra due settimane; ma del successore di vostra eccellenza non c'è peranco nuova alcuna; anzi evvi chi ha detto, che qualchedunaltro potrebbe riv venire in sua vice, venga in buonora chi si vuole, io avrò sempre piacere di veder qui un bravo ministro russo, e non mancherò di darmegli a conoscere per quello chè in ogni occasione sono realmente stato rispetto all' eccellenza vostra, benchè (per dir

vero) non con tutto quel buon successo, ch'è avrei saputo desiderare. Trattanto ch'io spero d'udir nuove migliori di quelle che vostra eccellenza mi ha date intorno alla di lei salute, la supplico di voler conservarmi l'onore della di lei pregiatissima grazia, e di credermi, con pienezza d'ossequio, di vostra eccellenza umilissimo ed obbligatissimo servitore G. Giacomo Zamboni.

Londra. A 26 marzo 1739.

144. — Марта 13-го. Замокъ Спрей. — Ф. М. Вольтеръ князю А. Д. Кантемпру.

Monseigneur! J'ai à votre altesse bien des obligations. Elle daigne me faire connaître plus d'une vérité dont j'étois assez mal informé, et elle m'instruit d'une manière pleine de bonté qui vaut bien autant que la vérité même. Je lis actuellement «l'Histoire Ottomane» de feu mr. le prince Cantemir, votre père, que j'aurai l'honneur de vous renvoyer incessamment, et dont je ne puis trop remercier votre altesse. Vous me pardonnerez, s'il vous plaît, d'avoir été trompé sur votre origine. La multiplicité des talents de mr. le prince votre père et des vôtres m'avait fait penser que vous deviez descendre des anciens Grecs, et je vous aurois soupçonné de la race des Périclès plus tôt que de celle de Tamerlan. Quoi qu'il en soit, ayant toujours fait profession de rendre hommage au mérite personnel plus qu'à la naissance, je prends la liberté de vous envoyer la copie de ce que j'insère sur votre illustre père dans mon «Histoire de Charles XII», qu'on réimprime actuellement, et je ne l'enverrai en Hollande que quand j'aurai appris d'un de vos secrétaires que vous m'en donnez la permission.

Je trouve dans «l'Histoire Ottomane», écrite par le prince Démétrius Cantemir, ce que je vois avec douleur dans toutes les histoires: elles sont les annales des crimes du genre humain. Je vous avoue surtout que le gouvernement turec me paraît absurde et affreux. Je félicite votre maison d'avoir quitté ces barbares en faveur de Pierre le Grand qui cherchoit au moins à extirper

la barbarie, et j'espère que ceux de votre sang qui sont en Moscovie, serviront à y faire fleurir les arts que toute votre maison semble cultiver. Vous n'avez pas peu contribué sans doute à introduire la politesse qui s'établit chez ces peuples, et vous leur avez fait plus de bien que vous n'en avez reçu. Ne seroit-ce pas trop abuser de vos bontés, monseigneur, que d'oser prendre la liberté de vous faire quelques questions sur ce vaste empire qui joue actuellement un si beau rôle dans l'Europe, et dont vous augmentez la gloire parmi nous?

On me mande que la Russie est trente fois moins peuplée qu'elle ne l'étoit il y a sept ou huit cents ans. On m'écrit qu'il n'y a qu'environ cinq cent mille gentilshommes, dix millions d'hommes payant la taille, en comptant les femmes et les enfants, environ cent cinquante mille ecclésiastiques; et c'est en ce dernier point que la Russie diffère de bien d'autres pays de l'Europe, où il y a plus de prêtres que de nobles. On m'assure que les cosaques de l'Ukraine, du Don etc. ne montent, avec leurs familles, qu'à huit cent mille âmes, et qu'enfin il n'y a pas plus de quatorze millions d'habitants dans ces vastes pays soumis à l'autocratrice. Cette dépopulation me paraît étrange; car enfin je ne vois pas que les Russes aient été plus détruits par la guerre que les François, les Allemands, les Anglois, et je vois que la France seule a environ dix-neuf millions d'habitants. Cette disproportion est étonnante. Un médecin m'a écrit que cette disette de l'espèce humaine devoit être attribuée à la vérole qui y fait plus de ravages qu'ailleurs, et que le scorbut rend incurable. En ce cas, les habitants de la terre sont bien malheureux. Faut-il que la Russie soit dépeuplée, parce qu'un Génois s'avisait de découvrir l'Amérique il y a deux cents ans?

J'entends dire d'ailleurs que toutes les grandes idées du czar Pierre sont suivies par le présent gouvernement. Comme, parmi ses projets, celui de montrer de la bonté aux étrangers étoit un des principaux, je me flatte, monseigneur, que vous l'imiterez, et que vous pardonneriez toutes ces questions qu'un

étranger ose vous adresser. Il y a peu de princes auxquels on demande de pareilles grâces, et vous êtes du très petit nombre de ceux qui peuvent instruire les autres hommes.

Je suis avec un profond respect, monseigneur, de votre altesse le très-humble et le très-obéissant serviteur, Voltaire.

A Cirey, en Champagne, ce 13 mars 1739.

Напечатано въ Bulletin du Bibliophile.

145. — Мартъ. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Ф. М. Вольтеру.

Monsieur! Puisque vous connaissez ma race, vous me permettrez que j'observe la simplicité du pays d'où je tire mon origine. Elle m'est encore par cette raison ici avantageuse, car je ne suis pas trop éloquent en fait de compliments, et ordinairement je me borne à remercier en deux mots, mais avec sincérité, des obligations que je reçois. J'en use de même, monsieur, avec vous par la présente en vous assurant que je suis très sensible aux attentions que vous témoignez à la mémoire de mon père. Si j'avois eu l'avantage de vous connaître plus tôt, j'aurois pris la liberté de vous avertir à ne vous point laisser guider par des mémoires, qui n'étoient pas trop véridiques sur son sujet. En conséquence de la permission que vous me donnez, je fais de petites remarques sur votre addition à «l'Histoire de Charles XII». Mon père avoit reçu du grand-seigneur deux diplômes (dont j'ai encore à Pétersbourg les originaux) pour les principautés de Moldavie et Valachie, mais il n'est jamais entré en possession de cette dernière, ayant été obligé de se sauver avec l'empereur Pierre le Grand après le traité de 1711. Les notes que mon père inventa pour la musique turque sont plustôt ressemblantes aux grecques qu'à celles dont on se sert en France. J'ai à Moscou un livre entier de pièces de musique écrites en de pareilles notes et composées par mon père, mais par malheur je ne suis pas capable d'en donner la clef. Les Russes mêmes avant l'introduction des notes italiennes se servirent d'autres marques

pour la musique, et il y en a encore des gens qui savent chanter sur ces sortes de notes. Je serois charmé de pouvoir vous donner aussi les éclaircissements que vous me demandez par des questions de votre lettre. Mais, monsieur, il y a sept ans que je manque de mon pays, d'où je sortis à l'âge de 22 ans, ayant servi auparavant dans les troupes. Ainsi je n'avois pas alors beaucoup de curiosité pour des recherches qui ne convenoient ni à mon âge, ni à mon métier. Cependant je vous dirai mes conjectures. Il est impossible que la Russie ait été plus peuplée il y a sept cents ans qu'elle n'est à cette heure, car elle étoit alors composée de différents petits royaumes fort sujets aux incursions des étrangers, et après comment feroit-on le nombre des peuples d'alors, puisqu'on n'en avoit jamais fait le dénombrement jusqu'à 1720? Selon ce dénombrement, qui a été fait par ordre de Pierre le Grand, le nombre de seuls paysans mâles monte à peu près à sept millions. Il faut croire indubitablement que quelques gentilshommes n'ont pas avoué le juste nombre de leurs sujets pour les soustraire à la capitation. Supposons donc encore un million de paysans, qui n'ont pas été enregistrés. Tous les bourgeois de toute les villes n'y sont pas compris, et je ne doute pas que ceux-ci ne puissent monter à trois millions. Ordinairement dans tous les pays du monde il y a plus de femmes que d'hommes, aussi les habitants russes devroient monter à plus de vingt millions, et ce n'est pas beaucoup par rapport à la grande étendue du terrain qu'ils occupent. Je ne saurois vous dire le nombre des Cosaques et Calmucs, mais il faut qu'il soit assez grand, puisqu'ils peuvent fournir fort aisément deux cents mille hommes pour la guerre. Il ne faut pas oublier aussi les nations qui habitent la Sibérie, dont votre correspondant ne fait pas mention. Le nombre des gentilshommes me paraît chargé aussi, aussi bien que celui des ecclésiastiques: je sais qu'avant la mort de Pierre le Grand on comptait soixante-dix mille religieux. Après tout ce que j'ai eu l'honneur de vous dire, monsieur, je ne saurois discuter, si c'est le scorbut ou la vérole qui diminue chez nous le

peuple, et j'ai peur que votre médecin n'ait cherché les causes d'un effet, dont il n'étoit pas trop sûr, — malheur, qui arrive assez souvent aux philosophes. Si je puis dorénavant vous être utile en quelque chose, vous pouvez disposer de moi franchement en m'épargnant toutes sortes de compliments; à cette condition je serai charmé de la continuation de votre correspondance pour vous réitérer surtout les assurances de mon estime, avec laquelle etc.

146. — Апрелья 2-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! L'abbé Axendio et le père Omère qui auront l'honneur de remettre la présente à votre excellence, sont des religieux grecs du couvent de Sainte Marine dans l'isle de Chios. Ce monastère ayant infiniment souffert des persécutions des turcs et étant accablé de tant d'impôts qu'il se voit menacé d'une ruine totale, a envoyé les deux pères susmentionnés pour aller chercher dans les pays chrétiens de quoi subvenir à ses besoins pressans. L'uniformité de la religion me fait prendre la liberté de recommander ces pauvres gens à la pitié de votre excellence et de vous supplier de vouloir bien leur accorder votre protection. Votre excellence en obligera très sensiblement celui qui a l'honneur d'être avec toute l'estime et toute la considération imaginable, milord, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur А. prince Cantemir.

A Paris. Ce 2 avril 1739.

(Лонд. Госуд. арх.: Publ. rec. off. St. par. For. Varia, № 222, f. 240).

147. — Апрелья 2-го. Лондонъ. — Дж. Амкони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Prendo la libertà di supplicar vostra eccellenza di far capitar la qui inclusa ai Farinelli; gli porto quest' incomodo non avendo maniera più sicura. Le voci che qui in Londra si spargono che l'anno venturo vi posse esser la guerra, fanno

che, consigliato dagli amici a persuader Farinelli a render gli suoi sbocchi, perchè potrebbe perder molto non lo facendo, io gli scrivo acciò mandi una procura per poterli rendere, e perchè vorrei che sicura gli capitasse la lettera, non la metto alla posta di Londra. Grazie a Dio ci sarò lontano, facciano la guerra, o facciano a' pugni nel parlamento, sarò in loco che non sarò sturbato d'alcuno tumulto; voglio con la mia andata e con il privar gl' inghlesi della mia presenza castigargli (così dice il grand'uomo... Rolli), ed io ci andrò per mia quiete dopo aver bacciate le mani a vostra eccellenza, come con tutto il rispetto mi protesto di vostra eccellenza obbedientissimo, obbligatissimo, onorantissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 2 aprile 1739.

148. — Апрелья 19-го. Замокъ Спрей. — Ф. М. Вольтеръ князю А. Д. Кантемпру.

Monseigneur! J'apprends avec chagrin que l'édition des Ledet est déjà faite. Je leur ordonne de faire un carton concernant ce qui regarde votre illustre père; mais les ordres des auteurs ne sont pas plus exécutés par les libraires que ceux du divan ne le sont par les Arabes voleurs. J'ai écrit, et je vais écrire encore; mais je ne réponds pas de l'autorité de mon divan. J'ai l'honneur de renvoyer à Votre Altesse «d'Histoire Ottomane» qu'elle a bien voulu me prêter, et c'est avec regret que je la rends. J'y ai appris beaucoup de choses. J'en apprendrois encore davantage dans votre conversation; car je sais que vous êtes *doctus sermones cujuscumque linguae et cujuscumque artis*.

Je renvoie «d'Histoire Ottomane» par le carrosse public de Bar-sur-Aube qui part mercredi prochain, 22 du mois; le paquet est à votre adresse, à votre hôtel, et les registres du bureau public en sont chargés à Bar-sur-Aube. Si on ne le porte pas chez vous, monseigneur, vous pouvez envoyer vos ordres au bureau de Paris.

J'ai plus d'une raison de me plaindre de la précipitation de

mes libraires. Ils s'empresent de servir des fruits qui ne sont pas mûrs; mais, de quelque mauvais goût qu'ils soient, j'aurai l'honneur, monseigneur, de vous les présenter dès que je pourrai en avoir. Je sais que vous faites (naître?) sous vos mains les fruits et les fleurs de tous les climats; les langues modernes et les anciennes, la philosophie et la poésie vous sont également familières; votre esprit est comme l'empire de votre autocratrice, qui s'étend sur des climats opposés et qui tient la moitié d'un cercle de notre globe. Parmi les Français qui connaissent votre mérite, il n'y en point, monseigneur, qui soit avec plus de respect que je suis votre très-humble et très-obéissant serviteur Voltaire.

A Cirey. Ce 19 avril 1739.

Напечатано въ Bulletin du Bibliophile.

149. — Мая 1-го. С.-Петербургъ. — Баронъ I.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Je commence par féliciter votre excellence sur l'éminente dignité que l'Impératrice vient de lui conférer. Sa Majesté dont on a toujours admiré la sagesse dans le choix qu'Elle a su faire de ses ministres, ne pouvoit donner une preuve plus éclatante de la confiance qu'Elle met en votre excellence qu'en vous chargeant, monsieur, d'une négociation si importante. A l'égard de m. Maupertuis je suis très porté à lui accorder une pension de la part de l'Académie des sciences, mais les dépenses en étant déjà excessives, j'espère qu'il prendra patience jusqu'à ce qu'il plaise à Sa Majesté Impériale d'en augmenter les revenus, ce qui se fera (comme j'ai tout lieu de croire) dans peu de temps. L'estime que votre excellence témoigne pour le mérite de m. Maupertuis, lui est extrêmement avantageuse, et je vous prie, monsieur, d'être persuadé que j'aurai pour cet académicien tous les égards possibles dans les occasions qui se présenteront de lui rendre service en ce pays. J'ai rendu le paquet adressé à m. Gerber à m. l'archiatre qui le lui a déjà envoyé à Moscou. Je suis avec

beaucoup de respect, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur de Korff.

A St.-Pétersbourg le 1-er mai 1739.

(Арх. конференціи Имп. Ак. Н.; Ausgehende Briefe 1738, 1739, № 27).

150. — Мая 1-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гольдбахъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Ayant reçu de m. de Korff, chambellan de sa majesté impériale et président de l'Académie des sciences, la permission de joindre cette lettre à celle qu'il écrit aujourd'hui à votre altesse, j'ai l'honneur de la féliciter sur le nouveau caractère dont elle vient d'être revêtue. J'avois appris de temps en temps avec admiration les services signalés que votre altesse a rendus à cet empire; mais comme ce dernier événement surtout répond aux vœux que je fais depuis longtemps pour la prospérité de votre altesse, je la supplie très humblement d'être persuadée qu'il n'y a personne au monde qui en ait une plus grande joie, ni qui soit avec un plus profond respect que moi, monseigneur, de votre altesse les très-humble et très-obéissant serviteur Goldbach.

A St.-Pétersbourg. Le 1-er mai 1739.

151. — Мая 1-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Ayant reçu de m. de Korff, chambellan de Sa Majesté Impériale et président de l'Académie des sciences, la permission de joindre cette lettre à celle qu'il écrit aujourd'hui à votre altesse, j'ai l'honneur de la féliciter sur le nouveau caractère dont elle vient d'être revêtue. J'avois appris de tems en tems avec admiration les services signalés que votre altesse a rendus à cet empire, mais comme ce dernier événement surtout répond aux vœux que je fais depuis longtemps pour la prospérité de votre altesse, je la supplie très humblement d'être persuadée qu'il n'y a personne au monde qui en ait une plus grande joye, ni qui soit avec un plus profond respect que moi, etc.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н.; Ausgehende Briefe 1738, 1739, № 27).

152. — Мая 12-го. Лондонъ. — Дж. Амикони князю А. Д. Кантемиру.

La cioccolata, il droghetto ed altre cose commessemi da vostra eccellenza la settimana passata spedii directè a m. Dusersé a Calais accompagnate da una lettera, dicendogli essere cose appartenenti a vostra eccellenza. Ma come io credo, che quelli cupidi volessino interesse, credo che sarà obbligato prendere le sue misure e poi scrivere a Calais. Il biglietto della cioccolata pagato al familiare del duca di Leeds è di cinque lire e quasi undici scellini; non ce lo mando, perchè l'istesso familiare mi disse, che vi sarà ancora qualche scellino a pagarvi, ma che per allora non sapeva quanto fosse, però non l'ho più veduto a chiudermi il suddetto di scellini. Oggi è stato da me il suo segretario pregandomi scrivere a vostra eccellenza, avvisandola che lui è in bisogno di denaro. Io non ardisco dargli alcuna somma senza il comando di vostra eccellenza; perciò se si compiace avvisarmi, che in tutto mi sarà sommo onore obbedirla. Ho già cominciato a far le casse ed alla fine di questa settimana una parte la spedirò con una nave, che parte per Venezia. L'opera del signor Pescetti è andata in scena sabato passato, ed ha fatto quattrocento lire con un applauso universale, e si spera un continuo buon esito. Reso il mio dovuto rispetto, di vostra eccellenza vostro obbediente obbedientissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 12 maggio 1739.

153. — Мая 26-го. Лондонъ. — Дж. Амикони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Nell' ultima lettera, che mi fece l'onore vostra eccellenza, trovai l'inclusa del grande e lungo signore Farinelli. Ma era molto vano il timore che si perdesse la lettera con il supposto, che vi fosse qualche lettera di cambio, perchè non ce n'era alcuna, anzi non sono che commissioni, che sono già tre ordinarij continui che sempre mi replica l'istesso. La troppa fortuna lo fa sempre più capriccioso; ma lasciamolo nella sua for-

tuna, perchè veramente lo merita. Ho avuto lettera dal mio amico di Venezia, che la signora Bertoldi ha avuto la sua roba, ma con molta fatica e spesa, e s'io non gli mandava di nuovo il nome del capitano, non l'avrebbe saputo trovare per causa ò trascuraggine del già noto Lucera, ed in oltre a questo ha passato pericolo di perderla, perche non anno fatto l'indirizzo a Venezia per Bologna, ma solo per Venezia, onde essendo andata la roba alla dogana, se il mio amico non si fosse maneggiato con quelli nobili, chè sono a sostenersi alla dogana, chè hanno dell'amicizia per lui, la signora Bertoldi sarebbe stata molto malcontenta, e con tutto ciò vi sono stati gran disturbi. Adesso toccherà a me gli disturbi della dogana, poiche in questa settimana con una nave, che partirà a dirittura per Venezia, mando la maggior parte della mia roba e sei bestie, ma però non scimie, gatti, nè pappagalli, solo la mia antica serva, ch'è pur il ritratto di Seneca svenato, e cinque cani. La signora Posterla e gl'altri virtuosissimi, non credo che vengano più a Londra per esservi ammalato qualcheduno de' loro animali, simbolo della profanazione musicale, — eccò Londra priva di così bella sorte. Sto sempre aspettando gli libri dal signor Gastaldi, e sono con il mio dovuto rispetto di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo, obbligatissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 26 maggio 1739.

154. — Мая 28-го. Лондонъ. — Дж. Амикопп князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! L'ordinario passato scrissi a vostra eccellenza che in tre settimane vorrei partire di Londra, e se aveva qualche cosa a comandarmi; ma scordai dimandarli a chi dovessi consegnar la cassetta che prima di partire mi diede in custodia; se per caso Lei non avesse qui in Londra persona a chi volesse fidarsi, io gli propongo il signor Scharpen, ch'io gli faccio fede esser l'uomo della più intera probità e sicurezza, che si potrebbe fidarsegli qual si sia tesoro. Però vostra eccellenza ha da coman-

dare; avrei piacere che mi faceste l'onore, al più presto che sarà il suo comodo, della risposta, perchè s'io posso spicciarmi, vorrei partire prima delle tre settimane, perchè dovrei andar in Germania, in vece d'Italia, avendo qualche cosa, ch'è mi preme, tanto in Baviera, quanto in Augusta, ma poi di là volendo andar in Italia conviene fare la quarantena, e quello mi dà un poco di fastidio; però quando sarò a Parigi, risolverò come le femmine sempre per il peggio. Spero presto aver l'onore di baciarle le mani e resto con il mio dovuto rispetto di vostra eccellenza umilissimo, obbligatissimo vostro servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 28 maggio 1739.

155. — Мая 29-го. Лондонъ. — Дж. Амиконн князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Nell' ordinario passato ho scritto a vostra eccellenza d'aver spedito le cose comandatemi, che sono: una di cioccolata di in circa quaranta lire: maglia di Francia di droghetto ed un paio di calzoni de seta del colore del droghetto, e l'overture e sonate di Haendel. Dette ho mandate a Calais al m. Duverzé già cognito a vostra eccellenza, e quello attendeva da vostra eccellenza le lettere per la deliberazione. Oggi ho contato il denaro al suo segretario, quale dice, che gli pare molto tedioso un soggiorno così ozioso in Londra; però è molto volegnato d'obbedire a chi gli comanda e veramente mi pare una ragazza, se non bella molto savia. Pregandola della continuazione della sua grazia, mi protesto con tutto l'ossequio di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo, obbligatissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 29 maggio 1739.

156. — Юня 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Хр. Гольдбаху.

Vous me faites beaucoup d'honneur par votre obligeante lettre du 1 mai et par la félicitation que vous m'y faites sur mon

nouveau caractère. Je vous en rends mille grâces, monsieur, et vous supplie de vouloir bien me donner des occasions pour vous pouvoir témoigner en effet combien je suis sensible à toutes vos politesses. Toutes les fois que vous me trouverez bon à quelque chose ici, vous pouvez compter, monsieur, que j'exécuterai vos ordres avec beaucoup de plaisir. En attendant, faites moi celui de croire que j'ai etc.

Ce 14 juin 1739.

157. — Июнь. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амкони.

Con l'ultimo ordinario ho ricevuto la stimatissima sua dei 28 maggio troppo tardi per potere far subito la risposta. Onde oggi prendo la libertà di pregarla a rimettere la cassa colle carte al mio segretario Mosolefsky, e in caso che esso non avesse luogo, il signor Maspen mi obbligherà a guardarla appresso di sè fino al arrivo del nostro ministro, il quale, come vedo, cammina con piedi di piombo. Quanto ho desiderato prima che Lei appresse il suo viaggio, tanto mi dispiace adesso, che Lei va arrivare a Parigi nel tempo che io mi troverò a Compiègne. Parto per quel luogo oggi con intenzione di starci almeno trè settimane. Non fò il viaggio di buona volontà, ma costretto dall' obbligo della mia carica, onde non potrò partirme, nè per trovarla a Parigi, come desidererei. Per questo spero, che Lei passerà per Compiègne, essendo in strada sua, per darmi il piacere d'abbracciarla. Avremo ancor d'acquistare i conti, il suo denaro essendo punto a Parigi. Mi dicono, che la duchessina sia passata per Parigi senza avvisarmi. Per questo tengo ancora una lettera per essa, non sapendo dove indirizzarla. Non avendo altro da dirgli, resto sempre suo etc.

158. — Августа 25-го. Модена. — Г-жа Пуччи князю А. Д. Кантемиру.

Signor principe! Il di Lei merito, le grazie da Lei ricevute e il desiderio mostratomi di sapere mie nuove e ricevere mie

lettere, sono ragioni tutte che me costringono a darle parte del mio felice arrivo qui, seguito già qualche giorno. La stanchezza e lunghezza del viaggio, unitamente agli molti affari avuti, mi hanno impedito di darle prima questo nuovo testimonio della mia inalterabile, vera e sincera stima; ma benchè non del tutto riposata ancora, nè quieta, ho voluto farlo adesso. A Troyes, a Lione, a Marseille e a Genova ci siamo alquanto divertiti, e qui non si lascia di passare in buona e numerosa compagnia il tempo. La Serma è stata ed è da tutti veduta con ottimo cuore, a chè Lei corrisponde molto bene. Fra non molto conto passare nel Friuli, là dove mi darò il grande piacere di vedere la più gran parte de' miei più congiunti parenti e amici, particolarmente gli cari e stimati miei genitori, co'quali e con la sorella mia, che aspetto qui da Firenze, andrò a vederne alcuni a Verona, onde volendo Lei graziarmi di risposta, la potrà indirizzare come qui sotto mi prenderò la libertà di segnarle, e tutto dove sarò, avrò luogo di parlare, come sino a qui ho fatto, della degna sua persona, di ricordarmela, di desiderare di rivederla e ricevere suoi comandi. Pregola . . . de' miei complimenti à monsieur e mademoiselle Sorba, al signor Lomelini e à M. Sorba, e darmi le loro nuove, ma più di tutte le sue, chè intanto con piena stima sono sua verissima obbligatissima serva vera la cantatrice di Valvasone madame Pucci.

Del di dentro delle lettere comincio subito, potere continuare a lasciare co' miei veri provi e miei complimenti, e credo debbasi così fare, e che da Lei sarà approvato, altrimenti quel corteggio, ch'io desidero che non finisca sèco, contando, però che Lei lo aggredisca, finirebbe ben presto.

Modena. 25 agosto 1739.

159.—Сентября 8-го. С.-Петербургъ.—Баронъ А. И. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Je prends la liberté de joindre aux livres que j'ai l'honneur d'offrir à votre excellence de la part de l'Académie de

Saint-Pétersbourg, les paquets destinés à la Bibliothèque du roi et à messieurs Fontenelle, Réaumur, Mairan et Maupertuis. Je prie votre excellence d'être persuadée que je n'oublierai point ce dernier à la première occasion que j'aurai de lui rendre service en ce país, et je suis avec beaucoup de respect, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur de Korff.

A St.-Pétersbourg, le 8 septembre 1739.

160. — Октябръ 6-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Озорю.

Vous avez tort d'excuser la construction de votre lettre; je n'en ai jamais reçu de plus joliment tournée et de plus obligeante, et je ne souhaite pas mieux que de pouvoir dire des «freddure» d'une manière aussi élégante que vous faites. Continuez, s'il vous plaît, de me donner de pareilles marques de votre amitié et laissez votre coeur conduire votre plume, étant persuadé que vous ne saurez rien dire que de poli et d'obligeant. Vous n'employerez pas mal à propos votre temps en l'employant pour une personne qui vous estime et vous honore comme je le fais et comme je ferai toute ma vie. N'allez pas croire, monsieur, que je vous fais des compliments pour que vous me procuriez l'éloge dans notre aimable société, proposée dernièrement en pleine assemblée: nonobstant les accusations impertinentes des marchands anglais, je ne suis point du tout intéressé. Mes soins à cultiver votre amitié n'ont d'autre but que de la pouvoir mériter. Si après tout cela vous voulez absolument me conserver une partie de mon bonheur passé, en faisant répéter mon nom dans notre club, je ne saurois nier que cela doit flatter mon ambition: il est doux, monsieur, d'avoir joui de l'amitié d'une compagnie si aimable et de savoir que la distance des lieux n'a point changé leurs sentiments; aussi ma reconnaissance n'est pas moins forte que le plaisir que j'en ressens. Vous allez perdre, à ce que j'entends par la lettre de m. Azevedo, un de nos aimables membres, et qui

plus est, un membre coi fiocchi: je parle de monsieur le baron de Loos et de madame qui méritent, l'un et l'autre, l'estime de tous ceux qui ont eu le bonheur de les converser. Je crains même qu'il ne passera pas longtemps sans que vous en manque quelqu'un autre, de sorte que peu à peu notre assemblée se réduira à un très petit nombre, à moins que vous ne fissiez de nouvelles recrues pour conserver le nom de la société. Je vous en charge de pleine autorité, comme législateur; autrement je perdrais mes éloges et vous ne sauriez accomplir votre promesse. Si j'avois trouvé ici des gens aussi raisonnables que ceux, que j'ai laissés à Londres, j'aurois institué peut-être une nouvelle loge, pas de freemasons, mais de clubistes, pour me renouveler un plaisir que je regrette infiniment jusqu'à cette heure. Monsieur, je passe ici fort mal mon temps. La ville est presque déserte, et parmi ceux qui restent ici, je n'ai pas beaucoup de connaissances, excepté quelques ministres étrangers que je rencontre deux fois par semaine chez m. d'Acunho. Tous ces messieurs m'ont comblé de politesses, mais m. de Solare a excédé tous les autres comme à son ordinaire. Nonobstant son caractère d'ambassadeur qui fait gonfler quelques-uns, il a été le premier à me voir, sans attendre de ma part ni annonce, ni visite; c'est le premier aussi qui m'a donné à dîner; c'est celui qui se charge de mes lettres pour madame Bertoldi, à qui j'ai envoyé la vôtre. Je dirois qu'il n'y eût personne qui sache mieux obliger, si je n'avois pas l'avantage de vous connaître. Je trouve une chose à redire dans votre lettre, c'est-à-dire que vous appelez sorciers des gens qui ne le sont nullement; je vous assure, monsieur, que j'étois bien scandalisé d'entendre les discours qu'on tient ici sur leur compte, et j'ai fait tout mon possible pour adoucir les traits grossiers dont on a dépeint leur portrait. Après tout ils sont de bonnes gens, et il faut se contenter à faire pour le salut de leur âme la prière que Jésus-Christ faisoit en croix: Pater, remitte ipsis, quia nesciunt quod faciunt. Voilà, monsieur, ce qui s'appelle une freddura parfaite, pour laquelle il faut deux pots de bière. Monsieur le cardi-

nal a été extrêmement malade pour trois jours seulement, il en revint avec tant de facilité qu'il paraît avoir pris un ascendant sur la mort. Il se porte à l'heure qu'il est fort bien, mais pas tant que je le souhaiterois, car il est obligé à se nourrir seulement de potages, et dès qu'il mange de la viande, le dénouement survient. On croit que son éminence viendra après-demain à Issy pour se tenir un peu plus tranquille. C'est la seule nouvelle que je puis vous mander, et si j'en avois d'autres, je vous les épargnerois pour ne rendre pas ma lettre trop ennuyante par sa longueur; je ne la saurois finir mieux qu'en vous réitérant les assurances de ma considération et du vrai attachement avec lequel etc. Faites, s'il vous plaît, mes compliments à nos confrères, aussi bien qu'à M. Те . . .

Le 6 octobre 1739.

161. — Октябръ 22-го. Парижъ. — Аббатъ Гуаско князю А. Д. Кантемиру.

Eccellentissimo Principe! Impaziente non tanto di ragguagliare a vostra eccellenza le grazie e gli onori, che i miei frati, mercè della di Lei possentissima protezione, hanno dalla sua augustissima imperatrice ricevuti, quanto di testificarne all' eccellenza vostra la loro e mia giusta umile riconoscenza, ardisco di prevenir il tempo del di Lei ritorno in città, qual m'avviso potere ancora essere ritardato, per l'adempimento di tale mio stretto dovere. Ma siccome tali e tanti sono i benefizj ricevuti superiori oltremodo a quanto avrebbero essi miei frati ardito promettersi, così sono tali parimente i sentimenti di nostra riconoscenza, che sorpassano di gran lunga le espressioni, delle quali potrei valermi per protestarli a vostra eccellenza. Oltre l'impiego a cui hanno ambo avuto l'onore d'essere destinati nel corpo degli ingegneri, hanno avuto il massimo tra gli onori, ciò è di bacciare le mani a sua maestà imperiale per la protezione di sua altezza il signor duca di Curlanda. Hanno essi dimandato di andare all'annata, ma qualche generale de loro corpo ha amato meglio

d'averli sotto degli suoi ordini, e sono stati di poi destinati per visitare alcune piazze verso la Svezia. Confidando ora che l'eccellenza vostra si degnerà di continovare l'onore di sua protezione verso de' miei frati, della quale provan già essi si bei effetti, mi fo ardito a supplicarla per parte loro d'una lettera di raccomandazione, per sua altezza il signor principe de Hesse-Hamburg, gran mastro d'artiglieria, essendo cosi consigliati di procurarsela, spero che vostra eccellenza vorrà accordarci questo favore con eguale cortesia e grandezza d'anima, con cui ci ha onorati dei altri.

Vostra eccellenza mi avea fatto l'onore di dirmi, che ora la balla di libri, che ci manderanno d'Italia, fosse considerabile, avrebbe ella addimandato un passaporto. L'aumento della Storia del Salmon ingrossandola d'assai, merita che Ella lo chiedga, tanto più che allora si risparmiando formalità della Camera sindacale e molti indugi; su questa fidanza mi sono preso l'ardimento di scrivere al mio corrispondente di mettere nella mentovata balla tre libri per me, i quali non si lascierebbero agevolmente passare, se questa fosse soggetta a visita. Anche per questa ragione la supplica a far sì, che s'eviti ogni formalità per mezzo del passaporto. Questa grazia aggiunta all' altre infinite, di cui Ella m'ha di già onorato, farà sì che, con animo sempre egualmente riconoscente ed ossequioso, vivia di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo ed obbligatissimo servitore Guasco 3-o.

Parigi. Ai 22 ottobre 1739.

162.—Ноября 3-го—14-го. С.-Петербургъ.—Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Suivant les ordres dont il a plù à votre excellence de m'honorer, je n'ai pas voulu manquer de faire rapport de la situation présente de son altesse sérénissime le prince de Hesse-Rheinfels. Son altesse sérénissime est arrivé ici il y a six semaines et a été présentée par le duc de Courlande à sa majesté l'impératrice, qui l'a reçue avec beaucoup de grâce et de distinc-

tion. Depuis ce temps-là son altesse sérénissime a assisté régulièrement aux assemblées à la cour et joue ordinairement à l'hombre avec son altesse impériale la princesse Anne, duchesse de Brunswic, et a eu aussi sa place auprès d'elle à table pendant les fêtes qui étoient dernièrement à la cour à l'occasion des noces du baron de Keyserling et du baron de Taube avec deux dames d'honneur de sa majesté impériale. D'ailleurs son altesse sérénissime est pour la plupart en compagnie chez le marquis de Botta, ministre de sa majesté l'empereur, et fait des préparatifs à présent pour partir en Ukraïne. Ayant eu le choix d'un régiment de cavalerie ou d'infanterie, son altesse sérénissime a préféré le premier, et se rendra en peu de temps, à ce qu'on dit, aux endroits où ce régiment est en quartier d'hiver. J'aurai l'honneur de marquer le jour du départ de son altesse sérénissime, et je suis cependant avec toutes sortes de respect, monsieur, de votre excellence le plus humble et très-obéissant serviteur Christoffle-Frédéric Gross.

Pétersbourg, le 3/14 novembre 1739.

163. — Ноября 24-го. С.-Петербургу. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Votre excellence s'est intéressée si favorablement en tout ce qui lui a été proposé de la part de notre Académie des sciences, que je ne crois pas vous importuner, monsieur, si j'ose encore avoir recours à votre bonté dans une affaire qui touche de près un de nos plus habiles académiciens. M. Euler ayant envoyé le 14 juillet, v. st., à Paris un mémoire sur le flux et le reflux de la mer, sujet proposé par l'Académie royale des sciences pour l'an 1740 (comme votre excellence le verra par l'attestation ci-jointe), et ayant attendu longtemps en vain le récépisse de m. Fontenelle, secrétaire perpétuel de l'Académie, il lui adressa une seconde lettre datée du 2 octobre pour apprendre de lui, si le mémoire en question étoit arrivé à Paris. La réponse qu'il en reçut, l'assura que son mémoire n'y étoit pas parvenu et

qu'il seroit même inutile d'en envoyer une copie après le terme prescrit du 1 septembre, les pièces qui peuvent entrer en lice pour le prix étant déjà délivrées aux commissaires. Si l'auteur de la dissertation dont il s'agit, n'y avoit travaillé avec un soin extraordinaire pour développer par des calculs aussi difficiles qu'ingénieux le sujet qu'il traite, et que je ne fusse informé de bonne part, que parmi toutes celles qui sont déjà entre les mains des commissaires, il n'y en aura guère qui lui puissent disputer le prix, je me soucierois peu d'une affaire de cette nature et je ne prendrois pas certainement la liberté d'en écrire à votre excellence. Mais je ne puis me dispenser de prendre part à l'inquiétude d'un homme de mérite qui par un cas purement fortuit se voit déchu de ses espérances après avoir même scrupuleusement satisfait aux règles qui lui étoient prescrites, et votre excellence a des sentiments trop généreux pour refuser son secours à m. Euler qui se trouve aujourd'hui dans ces circonstances. J'ai l'honneur d'adresser pour cet effet à votre excellence la copie ci-jointe du mémoire en question, persuadé comme je suis, que l'Académie royale des sciences voudra bien recevoir, en considération de ce que je viens de dire, cette pièce comme arrivée avant le 1 septembre, et en cas que l'Académie ne voulût pas se relâcher sur ce point, je pense que la dissertation de m. Euler pourroit néanmoins faire fortune, s'il arrivoit que l'Académie, non contente des mémoires qui lui ont été présentés jusqu'ici, proposât encore la même question pour le prix de l'an 1742. Mais quel que puisse être le succès du dit mémoire, l'Académie des sciences de Pétersbourg, après tant de preuves qu'elle a reçues de l'affection particulière de votre excellence, profitera de toutes les occasions qui se présenteront de vous persuader, monsieur, de son attachement inviolable pour votre personne, et je suis avec beaucoup de respect, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur de Korff.

P. S. Le port de ce paquet sera incessamment rendu ici à celui qui aura ordre de votre excellence de le recevoir de Korff.

A son excellence monsieur le prince de Cantemir, à Paris.

(Арх. конф. Имп. Ак. Н.; Ausgehende Briefe 1738, 1739, № 27).

164.—Декабря 12-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу.

Je vous dois mille remerciements des éclaircissements que vous avez bien voulu me donner par votre obligeante lettre du 14 novembre touchant monsieur le prince de Hesse-Rheinfels. Ils serviront à tranquilliser sa soeur qui en étoit en peine. Vous m'obligerez tout autant par me continuer ces nouvelles. Monsieur votre frère m'a montré une feuille de ma traduction de «La Pluralité des mondes», imprimée à Pétersbourg, et comme vous marquez ici que m. Schumacher vous a promis d'en continuer l'impression, je suppose qu'elle ne tardera point d'être achevée. C'est pour cela que je prends la liberté de vous prier de me faire tenir par l'occassion la plus commode et la plus prompte au moins deux exemplaires dont je veux faire présent d'un à l'auteur. J'ai remarqué qu'il s'est glissé une faute assez considérable au commencement de la cinquième soirée où je fais de Phédre un homme au lieu d'une femme. Aussi je vous prie de communiquer à m. Schumacher la feuille ci-jointe, par laquelle je corrige cette faute. J'espère que s'il y en a d'autres, on aura soin à y remédier. Je vous prie aussi de faire agréer à l'Académie que cette traduction paraisse sous son nom en marque de ma reconnaissance envers elle, et je joins pour cela une petite dédicace. J'ai achevé la traduction des Epîtres d'Horace dont je vous enverrai une copie par m. le général Keith, qui compte de partir à la fin du janvier. Les remarques sur les dites «Lettres» suivront peut-être de près. Si je vous puis être utile dans ce pays-ci, vous prie de ne me point épargner, car je suis sincèrement avec tout respect possible, etc.

Le 12 dec. 1739.

165. — Декабря 17-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. П. Волынскому.

При наступленіи нового году должность моя требуетъ къ вашему превосходительству оказать свое преданство усерднымъ желаніемъ, чтобъ Всевышній даровалъ вамъ оного и многихъ слѣдующихъ теченіе, благополучно сохраняя васъ въ совершенномъ здравіи. Ту свою должность тѣмъ охотнѣе исполняю, что случай мнѣ подаетъ покорно вашему превосходительству благодарствовать за показанную ко мнѣ и братьямъ моимъ милость въ дѣлѣ положенныхъ по дѣлу нашему съ мачихою пошлинныхъ денегъ, которое свое къ вамъ обязательство всегда будетъ мнѣ чувствительно. При томъ смѣлость приѣмлю вашему превосходительству напомнить о моемъ къ ея императорскому величеству разномъ прошеніи въ томъ, что касается или вѣрющаго писма, или пересылки какой-либо доволной суммы для оплаты уборовъ моего дома, которые я въ отсутствіе съ ея императорскаго величества позволенія закупилъ, и которымъ платежу срокъ настаетъ. За сіе новое вашего превосходительства благодѣяніе мое къ вамъ благодарство присно быть имѣетъ и непрестанно съ отмѣннымъ почтеніемъ пребуду, и пр.

166. — Парижъ. Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Пуччи.

Si j'étois aussi bon poète que vous, je vous remercirois en vers de votre joli sonnet sur le Dictionnaire de Crusca que vous avez eu la bonté de m'envoyer par la main de monsieur l'abbé Franchini. Je l'ai prié de s'en charger poétiquement, et moi je fais actuellement mon devoir en prose. Je suis fort sensible à l'attention que vous avez pour moi et à la continuation de votre amitié: et l'estime que j'en ai toujours faite, n'a point changé dans un pays où les modes changent à tout bout de champ. Lorsque le Dictionnaire sera arrivé, je tâcherai d'en choisir la plus belle phrase pour vous assurer en bon italien de la sincérité de mes sentiments à votre égard et de vous prier à vous souvenir

quelquefois de moi. En attendant permettez moi de me souscrire en français tel que je suis avec une considération particulière, etc.

1740.

167. — Января 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Вальполю.

Je sens bien que vu les mérites, la naissances et le rang de m. le général Keith, qui aura l'honneur de présenter celle-ci à votre excellence, il n'a pas besoin d'aucun moyen pour être accueilli et distingué d'un ministre aussi éclairé que vous. Mais il a voulu absolument que je l'accompagne d'une lettre, et j'ai embrassé avec plaisir l'occasion pour vous réitérer les assurances de ma reconnaissance de toutes les marques d'amitié que vous m'avez données pendant mon séjour en Angleterre. Il s'y rend pour faire sa cour à sa majesté Britannique et pour y solliciter cette affaire qui a été recommandée à sa majesté par l'impératrice, ma souveraine. Je suis sûr qu'une personne qui a mérité une pareille recommandation, ne sauroit manquer d'être bien accueillie par votre excellence et appuyée dans ses justes prétentions. Je supplie seulement votre excellence de vouloir l'honorer de votre amitié dont sûrement il est aussi digne que personne le peut être, et en cela votre excellence obligera sensiblement celui qui etc.

Le 14 janvier 1740.

168. — Января 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Эйхлеру.

J'apprends avec un sensible plaisir la grâce que l'impératrice, notre gracieuse souveraine, vient de vous faire, en vous nommant secrétaire de son cabinet. Je me persuade de plus en plus que le mérite fait son chemin. Permettez-moi, monsieur, de

vous en féliciter de tout mon coeur et de vous souhaiter dans ce nouveau poste toutes sortes de contentement. Je vous réitère en même temps les offres de mes services en cas que je puisse vous être utile à quelque chose, en vous priant d'être persuadé de mon estime et de mon attachement, etc.

Le 14 janvier 1740.

169. — Марта 27-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

Je viens d'apprendre que sa majesté impériale, notre gracieuse souveraine, vous a donné une nouvelle marque de son estime en vous conférant l'ordre de saint Alexandre. Quoique je n'aie pas l'honneur d'être connu de vous, cependant j'espère, monsieur, que vous voudrez bien permettre que j'aie celui de vous féliciter de tout mon coeur. Votre mérite qui s'est attiré l'approbation de sa majesté, l'éloge que le . . . en fait, me font souhaiter l'avantage de votre amitié; ainsi je me flatte que vous ne trouvez pas étrange que je saisisse cette occasion pour vous la demander. Je tâcherai de mon côté de la mériter par la promptitude avec laquelle j'exécuterai les ordres dont vous voudrez m'honorer, aussi bien que par la parfaite estime et considération avec laquelle je serai toute ma vie, etc.

Le 27 mars 1740.

170. — Апрельъ. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Ф. Альгаротти.

J'ai reçu à son temps deux obligeantes lettres, et on m'a remis depuis trois exemplaires de votre livre. Je vous rends mille grâces de celui que vous m'avez destiné. J'en ai donné l'autre à m. Galli qui dans l'absence de monsieur l'abbé Franchini est chargé des affaires de Toscane, pour le faire tenir à ce dernier. A l'égard du troisième je compte de l'envoyer à Saint-Pétersbourg la semaine qui vient par le moyen d'un marchand arménien qui y va. Je ne manquerai pas de vous communiquer à son

temps quel effet il produira à ma cour. En attendant j'ai l'honneur etc.

171. — Мая 1-го—12-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу.

Comme vous avez autrefois souhaité avoir mes ouvrages poétiques, je viens de vous les envoyer par le sieur Scheriman, marchand arménien, qui est parti d'ici pour Pétersbourg. Si mesieurs de l'Académie jugent à propos de faire imprimer la traduction des Epîtres d'Horace, ils en sont les maîtres. Je suis actuellement à achever les remarques sur ces Epîtres, ne vous en ayant pu donner que celles sur les dix premières. Cependant je ne doute nullement que le reste ne puisse venir à temps, vu la lenteur, avec laquelle je vois que ces sortes d'ouvrages s'impriment. Pour ce qui est de satires et de mes autres poésies, elles ne serviront que pour votre amusement, car je ne veux pas qu'elles se publient sans un ordre exprès de sa majesté. En cas que monsieur le comte d'Osterman veuille bien obtenir cet ordre, je consentirois avec plaisir à leur impression, mais pas autrement. Je vous suis bien obligé, monsieur, de ce que vous m'avez voulu communiquer la vie de feu archevêque de Nowgorod que vous venez de me communiquer. Vous verrez dans les remarques sur la troisième satire l'endroit où je voudrois que cette vie fût inserée, aussi bien que la liste des ouvrages que vous avez la bonté de me promettre. Ainsi je vous prie, monsieur, d'avoir soin que cette insertion se fasse. Au reste je suis sans cesse avec la plus parfaite estime et considération, etc.

Le 12/1 mai 1740.

172. — Мая 19-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу I.-Э. Бирону.

На сихъ дняхъ я вѣдомость получилъ, что напоследокъ въ кабинетѣ ея императорскаго величества имѣетъ принята быть резолюція о опредѣленіи мнѣ годоваго жалованья по 15.000 р.

въ годъ. Тою суммою никакимъ образомъ къ славі ея императорскаго величества мнѣ прожить не можно, и понеже неизбежно въ долги впасть имѣю, я для предупрежденія такого несходства послалъ къ его свѣтлости князю Алексѣю Михайловичу прошеніе для ея императорскаго величества и подробной счетъ моего ординарнаго необходимаго расходу, изъ которыхъ основательство моихъ резоновъ столь ясно усмотрѣть можно, что я удержуся утруждать обстоятельнымъ описаніемъ вашу высокосвѣтлость, къ которому прибѣгаю въ сей моей крайней нуждѣ, какъ къ своему одному въ чужестранствѣ и сиротствѣ защитнику. Объ одномъ только всенижайше прошу вашу высокосвѣтлость, чтобъ ту мою челобитную ея императорскому величеству изволили представить, или хотя милостивымъ словомъ при докладѣ оной отъ кабинетныхъ министровъ подкрѣпить, или же господамъ министрамъ оную рекомендовать. За ваше благодѣяніе Всевышній Богъ вамъ воздастъ, который нарочно одарилъ вашу свѣтлость добротою сердца и властію, чтобъ могли мнѣ подобныя имѣть себѣ покровителя въ нуждахъ. Я весь животь свой въ службу ея императорскаго величества посвятилъ; потому все то готовъ исполнять съ веселіемъ и съ ревностію, что отъ ея величества мнѣ будетъ предписано, но должность моя требуетъ ея императорскому величеству изъяснить, что славі ея не согласно, чтобъ я здѣсь жилъ хуже сардинскаго посла, что однакожь случиться имѣетъ, если мнѣ опредѣлено будетъ меньше 24.000 р. въ годъ. Для того уповаю, что доuku моего письма ваша свѣтлость милостиво извинитъ и меня своей помочи не лишитъ, за которую буду вѣчно вашей высокосвѣтлости обязанъ, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ вашей высокосвѣтлости и пр.

Изъ Парижа, 1740 мая 19.

(Госуд. арх., разр. XI, № 277).

173. — Юля 7-го. Замокъ Шарлоттенбургъ. — Графъ Ф. Альгаротти князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Prima di partire per la Russia e per la Germania, vostra eccellenza mi permetterà di ringraziarla di quanto s'è degnata fare per me. Jeri il signor Sheriman, a cui vostra eccellenza ha consegnato il mio libro, ha passato qui per mostrar al rè uno de' più bei diamanti che abbiavi, e mi ha detto con quanta premura vostra eccellenza gli abbia raccomandato cotesto affare. Io sarei glorioso, che sua maestà imperiale non isdegnerà quello che la venerazione e l'ammirazione m'hanno dettato, e son sicuro, che la bontà di vostra eccellenza per me farà valere cotesta bagatella. Se vostra eccellenza sarà sorpresa di ricever da me una lettera da Charlottenburg, io non sono meno io stesso sorpreso di scrivergli. Il rè, a cui aveva fatto la corte l'anno scorso, essendo principe reale, e a cui era piaciuto di scrivermi di tempo in tempo da Inghilterra, si sovvenne della esistenza mia ai primi giorni del suo felice regno e mi invitò alla sua corte per via d'uno obbligo letterario, — eccomi adunque in Charlottenburg, donde io parto questa stessa mattina con sua maestà per la Russia. Non posso dire a vostra eccellenza quanta grazia e quanta bontà abbia avuto per me sua maestà e quanto ei sappia l'arte di regnare sopra i cuori. Felice me, se vostra eccellenza mi fa trovar grazia appresso di sua maestà imperiale, a cui rededicherò i miei versi dai confini della Prussia e dalle rive del Baltico. Ho l'onore di dirmi col più profondo rispetto di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo di Lei Algarotti.

I miei rispetti a M. Lomellini.

Di Charlottenbourg, di 7 Luglio 1740.

174. — Юля 21-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Изъ пшсьма братнева я увѣдомленъ, какъ милостиво изволили принять покорное мое прошеніе, касающееся опредѣленія моего жалованья на здѣшнее пребываніе, и что съ моимъ прошеніемъ

къ ея императорскому величеству учинено. Потому остается мнѣ нижайше ваше сіятельство просить о продолженіи вашей помочи въ семъ дѣлѣ, навпаче о прилежномъ рекомендованіи онаго ево сіятельству графу Андрею Ивановичу, которому сего дни о томъ же пишу. Не меньше ваше сіятельство милость показать изволить, указавъ, чтобъ чрезъ такъ долгое время переводомъ ко мнѣ денегъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ не медлили, понеже въ нихъ крайнюю нужду теперь имѣю, и уже не только, сколь можно, отъ банкиера занималъ, но и опасаяся, чтобъ кредитъ своей не потерялъ. Оба сіи дѣла отъ вашего сіятельства и графа Андрея Ивановича однихъ завясятъ, и такъ отъ ихъ ко мнѣ высокосклонности, какъ и правости моихъ требованей надежду, мнѣ подають, что прошенія мои при васъ не будутъ презрѣны. Благодареніе вашего сіятельства особливо меня обяжетъ и непременно съ крайнимъ почтеніемъ пребуду, и пр.

21-го іюля 1740.

175. — Іюля 24-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Ф. Альгаротти.

Votre départ pour Berlin j'ai appris avec un grand plaisir par une lettre de Londres, mais j'en ai eu un plus grand d'apprendre votre arrivée dans cette ville par celle que vous avez pris la bonté de m'écrire le 7 de ce mois. Je vous en félicite de tout mon coeur, étant persuadé que votre mérite se fera jour de plus en plus auprès d'un prince qui s'y connaît si bien. Je serois charmé, si je pouvois contribuer quelque chose à votre satisfaction. Votre livre est sans doute déjà arrivé à Pétersbourg. Lorsque j'aurai quelque nouvelle, je ne manquerai pas de vous en faire part. En attendant, je vous prie de me continuer votre amitié et d'être persuadé que je suis avec la plus parfaite estime, etc.

Le 24 juillet 1740.

176. — Октября 9-го. Парижъ.—Князь А. Д. Каптемиръ барону I.-А. Корфу.

J'ai vu avec une satisfaction particulière votre nomination pour la cour de Danemark par la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire avant votre départ de Pétersbourg. J'ai différé à y répondre, en attendant que j'apprenne votre arrivée à Copenhague. A l'heure qu'il est, voyant par les nouvelles publiques que vous avez déjà eu votre audience du roi, je ne veux pas tarder davantage de m'acquitter de ce devoir en vous félicitant de votre nouveau poste et en vous suppliant de me vouloir toujours continuer votre amitié. Je vous prie en même temps de m'honorer de votre correspondance, laquelle je tâcherai de cultiver de mon mieux. Pour en faire le commencement j'ai l'honneur de vous mander des affaires d'ici que les escadres françaises étant sorti en mer avec l'intention d'empêcher les Anglois d'attaquer les possessions espagnoles en Amérique, on ne doute plus que la rupture entre la France et l'Angleterre ne s'ensuive bientôt. La première a déjà pris toutes les mesures convenables pour cet effet, ayant fait réparer les fortifications sur ses côtes et faisant actuellement construire (équiper) cinq nouveaux vaisseaux de guerre. On vient aussi d'apprendre qu'elle a envoyé sept bataillons à Dunkerque pour y renforcer la garnison et qu'elle fait construire quelques batteries. Cependant on n'a pas encore pris aucune résolution sur l'augmentation des troupes de terre. Au reste, monsieur, j'avois déjà expédié pour Saint-Pétersbourg les livres que vous m'aviez demandés, et il m'étoit impossible de les faire arrêter en chemin. Ainsi j'en achèterai d'autres exemplaires et je vous les enverrai à Copenhague par la première occasion. En attendant la réception de votre lettre etc.

Le 9 octobre 1740.

177. — Ноября 13-го. Парижъ.— Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du avec l'inclose que j'ai alors fait remettre en mains propres à monsieur l'ambassadeur de Portugal pour l'expédier à son adresse. Ce service est de trop petite conséquence pour que j'en veuille faire une preuve de mon obéissance à vos ordres et de l'estime que je fais de votre amitié. J'espère, monsieur, que vous me procurerez d'autres occasions pour vous en convaincre. En attendant, les belles qualités et votre zèle qui vous ont attiré la confiance de notre très gracieuse souveraine, vous peuvent persuader que je ferai mon possible de mériter votre amitié. Je vous ai prié, monsieur, de me l'accorder par une lettre que j'ai eu l'honneur de vous écrire il y a quelques mois. Du reste, je suis confus de politesses dont l'Académie impériale m'accable par votre bouche. C'est à moi à la remercier d'avoir bien voulu agréer que ma traduction paraisse sous son nom. Je dois ajouter encore des remerciements pour un ballot de livres qu'elle m'a envoyé par le canal du libraire Briasson, et qui ne m'a été remis que la semaine passée. Je m'estimerois fort heureux, si je pouvois lui être utile à quelque chose, et elle pourra disposer de moi librement. C'est de quoi je vous prie, monsieur, de l'assurer et d'être en même temps persuadé de la parfaite estime etc.

Le 13 novembre 1740.

178.— Ноября 25-го. С.-Петербургъ.— Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь мой государь! Изъ полученныхъ мною вашихъ трехъ писемъ, за которыя зѣло благодарствую, я довольно усмотрѣлъ, какую ваше сіятельство отъ недосылки опредѣленной на ваше содержаніе по такому характеру денежной суммы нужду претерпѣваете. И для того я нынѣ приказалъ о тѣхъ не досланныхъ вамъ деньгахъ выписку сочинить и, по оной усмотря и съ кѣмъ надлежитъ разсудя, къ вашей пользѣ воз-

можное стараніе прилагать буду. А отчего такое замедленіе случилось, о томъ сами вы легко дознаться можете, пбо не отъ иного чего, какъ толко отъ приключившихся нынѣшнихъ премѣнъ тѣмъ вашимъ дѣломъ такъ продолжилось. При семъ же я принужденъ ваше сіятельство трудить съ прошеніемъ, чтобъ пожаловали вы—изволили приказать нарочно въ Парижѣ сдѣлать синнихъ лентъ цвѣтомъ и струями по приложенной при семъ пробѣ во всемъ безотмѣнно лутчими мастерами два куска, въ которыхъ бы было въ каждомъ по сороку одному російскихъ аршиновъ, еже учинитъ осьмьдесятъ два аршина, на которое дѣло съ другою почтою и вексель на сто рублей отправленъ будетъ. А впрочемъ я всегда со всякимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства нижайшій и всегдашній слуга князь Алексѣй Черкасской.

Изъ Санктъ-Петербурха. Ноября 25-го дня 1740 года.

179. — Ноября 29-го — декабря 10-го. С.-Петербургъ. — Хр.-Фр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! C'est par les grâcieuses recommandations répétées de votre altesse que mon frère a obtenu à la fin la charge de secrétaire, dont je ne doute point que votre altesse ne reçoive la nouvelle par l'ordinaire. J'ai l'honneur de faire mes très humbles actions de grâces à votre altesse de ses grâcieux soins, par lesquels mon frère a eu l'honneur non seulement de profiter pour s'acquitter de ses fonctions, mais aussi de parvenir à un poste fort honorable et avantageux qui lui peut servir à se perfectionner tous les jours de plus en plus dans les langues, aussi bien que par rapport à d'autres bonnes qualités. Que le Tout-Puissant soit le rémunérateur de tant de bienfaits dont il a plu à votre altesse de combler mon frère et moi depuis tant d'années. Que le ciel conserve non seulement en parfaite santé votre altesse pendant le nouvel an et un grand nombre de suivants, mais qu'il bénisse aussi toujours d'un heureux succès ses négociations pour l'avantage de l'empire de Russie et pour l'accroissement de sa propre gloire. J'espère que mon frère en redoublant son zèle, son

application et sa très humble soumission, ne manquera pas de se rendre digne et de mériter dorénavant la bienveillance précieuse de votre altesse, à laquelle je le recommande très instamment, aussi bien que moi-même qui serai toute ma vie avec un attachement très respectueux et une vraie vénération, monsieur, de votre altesse le très-humble et très-obéissant serviteur Chr. Fr. Gross.

Pétersbourg. Le 29 novembre—10 decembre 1740.

180.—Декабря 15-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

Je suis charmé d'avoir souvent occasion de vous réitérer mes compliments sur vos avancements: plus ils sont fréquents, plus ils me convainquent de votre mérite supérieur. La charge de conseiller privé que sa majesté impériale vient de vous conférer, est la récompense due au même mérite et aux services infatigables que vous rendez à l'état. Je vous en félicite de tout mon coeur et je vous supplie, monsieur, de continuer à m'honorer de votre amitié que je tâcherai de mériter de mon mieux par la prompte obéissance, etc.

Le 15 decembre 1740.

1741.

181.—Февраля 16-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Хр.-Фр. Гроссу.

J'ai différé à répondre à votre obligeante lettre du 10 decembre en attendant le rescript touchant l'avancement de monsieur votre frère. Je ne sais pourquoi je ne l'ai pas encore reçu, et comme il se pourra bien faire qu'il tardera longtemps de venir, je ne puis plus manquer à vous remercier de toutes les attentions que vous avez à mon égard, d'autant plus que je reçois une nouvelle preuve de votre amitié par votre seconde du 14 janvier. Ce que

j'ai fait et ce que j'ai écrit en faveur de monsieur votre frère ne mérite pas tant de remerciements, et si vous en faites grand cas, ce n'est qu'un effet de votre politesse, mais j'embrasserai dorénavant avec plaisir les occasions pour vous témoigner avec combien de sincérité et d'estime j'ai l'honneur, etc.

Le 16 fevrier 1741.

182. — Августа 15-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Сіятељнѣйшій князь милостивый государь мой! Отправленное 10 іюля н. с. отъ вашего сіятельства шитое платье сего 8 числа во всякой исправности и на торжественной день заблаговременно сюда дошло, и какъ дессейнъ, такъ и мастерство шитья отъ многихъ въ немалой похвалѣ здѣсь было, за чтò ваше сіятельство покорнѣйше благодарствую.

Съ немалымъ же порадованіемъ объявляю вашему сіятельству, что въ день рожденія ея императорскаго величества, то есть, 12 сего ваше сіятельство пожалованы въ тайные совѣтники, чѣмъ я ваше сіятельство поздравляю, желая притомъ дабы Всевышній Богъ ваше сіятельство впредь еще и наипаче порадовать милостивно соизволилъ, въ которомъ желаніи я всегда безотмѣнно пребываю вашего сіятельства покорнѣйшій слуга князь Алексѣй Черкасской.

Въ Санктъ-Питербурхѣ. 15 августа 1741 году.

1742.

183. — Февраля 7-го—18-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Милостивый государь мой князь Алексѣй Михайловичъ! Господинъ Обраентъ, которой въ царствованіе высокославныя памяти императора Петра Великаго отъ здѣшняго двора присыланъ былъ за дѣлами, вручилъ мнѣ сей пакетъ съ прошеніемъ, чтобъ

я имѣлъ честь отправить оный къ вашей свѣтлости. Сказаль онъ мнѣ, что въ немъ содержатся письма, касающіяся дѣлъ Россійской имперіи, которыя онъ чаялъ, что ея императорскому величеству будетъ не непріятно имѣть у себя, а что оныя письма точно содержать, мнѣ не объявлялъ. Впрочемъ, покорнѣйше повторяя свое прошеніе о томъ, что въ послѣднемъ моемъ къ вашей свѣтлости изображено, съ должнымъ глубочайшимъ почтеніемъ пребываю вашей свѣтлости всепокорной послушной слуга князь Антиохъ Кантемпръ.

Изъ Парижа. 1742 февраля 18/7.

184. — Февраля 22-го — марта 5-го. Лондонъ. — С. К. Нарышкинъ князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый мой благодѣтель! Я съ радостью видѣлъ въ цыдулкѣ вашей свѣтлости, писанной къ іеромонаху Кассану, что вы изволите полагаться на меня въ покупкѣ книгъ; я потщуся соотвѣтствовать такому доброду обо мнѣ мнѣнію моимъ поступками, которые докажутъ вашей свѣтлости мое старинное преданство.

Только когда господинъ Кассано, показавъ мнѣ вашу цыдулку, сказаль, что де его свѣтлость имѣетъ росписку въ садаточной.... о известной книгѣ, которую де надобно представить при заплатѣ досталныхъ, и о чемъ я къ его свѣтлости написалъ, я, дожидая на сіе вашего отвѣту, отложилъ покупку другихъ книгъ, чтобъ всё прислать въ одной связкѣ.

Смѣтъ ли вашу свѣтлость просить, чтобъ по своей ко мнѣ милости выходить пашпортъ на оставшій мой багажъ, состоящій въ пяти тюкахъ (или бало), а именно 3 наполнены книгами, 4 бѣльемъ и платьемъ старымъ, 5 съ новымъ моимъ кафтаномъ и 4-мя ливерейными; вышеписанной пашпортъ возметъ у господина Мозалевскаго мой банкиръ господинъ Туртонъ Боуръ.

Озори и Гастальди по премногу вашей свѣтлости кланяются; знакомство мое съ ними заводится изрядно, а особливо посланникъ португалской много мнѣ пріятнымъ кажется.

Князь Иванъ Андреевичъ вручилъ мнѣ вашей свѣтлости на росіійскомъ языкѣ вѣдомости парижскія; много бы даль, чтобъ умѣть составлять столь хорошо по русски.

Нынѣ, при семъ приложивъ здѣшнія новизны на французскомъ языкѣ, не имѣя времени перевести на русской, впредь буду каково ни есть посылать вашей свѣтлости на русскомъ языкѣ. Прошу не оставить меня въ своихъ милостивыхъ на росіійскомъ языкѣ письмахъ, которыя мнѣ будутъ служить урокомъ и памятью вашей мнѣ милости, которую прошу мнѣ продолжить нѣжайше и вѣрить о глубокопочтеніи, съ которымъ пребуду навсегда вашей свѣтлости всепослушно покорный слуга Семень Нарышкинъ.

Изъ Лондона. 22-го февраля—5-го марта 1742.

185.—Февраля 25-го. Лондонъ.—Священникъ В. Кассано князю А. Д. Кантепру.

Most noble prince and patron! According to your highness's directions I have purchased l'Algèbre de M. Sunderson by paying half guinea more; Humphred Fluxius in 8°—4 sch., 6 d; Trevingar Elements in 4°—12 sh., and delivered the receipt to his excellency M. Narishkin, who payed me the purchases, which receipt he has inclosed with these to your highness wherein you will find. They are sent by m. Valiant and directed to your highness by the same channel as the last; but for the sixth volume of the Universal History and l'Algèbre de m. Mac Laurin—they are not yet come out complete, but I shall find be careful to procure them as soon as possible. As for the receipt of captain Lewis, I have diligently searched all the books and papers relating to your highness, but cannot find any such, as has likewise his excellency m. Narishkin in my presence all his court papers, but with no better success. I must conclude with returning your highness my most humble thanks for all favours, particularly for the kind recommendation whereby to procure me the friendship of others, of which the uncommon kindness and civility with wich

m. Narishkin received me. I was sensible . . . and I shall endeavour to merit his good will by all the service, that lyes in my power to render him, and remain invoking the blessing of the Mosthigh to conserve and reward your princely virtues, most noble prince and patron. Your highness's most humble and most obliged servant Bartholomeo Cassano.

London, the 25-th february 1742.

186. — Апрельъ. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ I.-Д. Шумахеру.

Un homme de lettres de ce pays voulant donner un recueil de tous les cabinets de l'Europe, m'a fait parler par ses amis de lui procurer la description de celui de sa majesté impériale selon le mémoire ci-joint. Je m'adresse pour cela à vous, la seule personne qui soit en état de remplir le but que l'auteur se propose, en vous priant, monsieur, très instamment de lui accorder la faveur qu'il vous demande pour lui. Ma reconnaissance en sera aussi parfaite que l'estime et l'attachement avec lesquels etc.

187. — Апрельъ. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

J'ai appris avec plaisir par la lettre dont vous m'avez honoré, du 23 fevrier, l'arrivée des livres que j'avois eu l'honneur de vous adresser l'année passée pour la Bibliothèque impériale, et lesquels à ce qu'il me paraît ont été bien longtemps en chemin. Comme l'incluse pour monsieur l'abbé Bignon ne contient que des politesses qui ne sont jamais de trop, je compte, monsieur, de la lui remettre. Au reste je vous supplie de ne me point épargner dans toutes les autres occasions où mes services peuvent être utiles à l'Académie impériale et à vous personnellement, puisqu'il n'y a personne qui soit avec une plus parfaite estime et avec plus d'attachement, etc.

Le 8 avril 1742.

188. — Апрѣля 13-го. С.-Петербургъ.—I.-Д. Шумахеръ князю А. Д. Кантемиру.

Suivant les ordres que votre altesse a eu la bonté de me donner le 25 fevrier, j'ai l'honneur de lui présenter le cahier Q qui manque dans les mémoires de m. de l'Isle, et les deux livres russiens. J'ai cru de ne pas manquer, si je les envoie complets et cousus, pour ôter aux relieurs de Paris l'occasion de faire quelque faute par transposition ou par omission de quelques feuilles. J'espère, monsieur, que les livres qui ont quitté depuis peu la presse, seront rendus à votre altesse avec plus de promptitude, que ne l'ont été ceux du dernier envoi. Je suis avec de profonds respects, etc.

P. S. Je supplie votre altesse très humblement pour l'expédition du paquet adressé à m. Schoepfin. Il contient le diplôme que m. de Brevern lui donne en qualité de président.

A St.-Petersbourg, le 13 avril 1742.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н., исходящія письма 1728—1742 гг., кн. № 16).

189. — Апрѣль. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ I.-Д. Шумахеру.

Le paquet de livres que l'Académie a eu la bonté de m'envoyer par je ne sais pas quel canal, ne me parvint qu'avant-hier. J'y ai trouvé deux exemplaires de ma traduction des Discours sur la pluralité des mondes, le septième volume des Commentaires de l'Académie et la cinquième centurie de M. Buchsbaum et la lettre dont vous m'avez honoré, du 4 fevrier 1740. Quoique j'aie eu déjà l'honneur de vous supplier par une de mes précédentes d'assurer l'Académie de ma reconnaissance pour toutes les marques d'attention dont elle me favorise de temps en temps, j'ai cru, monsieur, ne pouvoir pas trop répéter, combien j'y suis sensible, particulièrement faisant attention aux expressions obligantes dont elle se sert à mon égard dans votre lettre, et à l'accueil favorable qu'elle a fait à ma traduction. L'édition, mon-

sieur, en est magnifique et c'est peut-être par là qu'elle a que mon travail s'est attiré l'approbation du public. Ce n'est pas que je doute du mérite de l'ouvrage, mais je suis éloigné à pouvoir rendre en russe ce que m. de Fontenelle écrit avec tant de grâce dans sa langue. Je sens qu'on pourroit rendre cette traduction meilleure et y corriger quelques fautes légères d'impression, à quoi je songerai dorénavant, bien heureux si je puis être utile en quelque façon à l'Académie et vous prouver en particulier l'estime avec laquelle j'ai l'honneur d'être, etc.

190. — Мая 13-го—24-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

J'ai été extrêmement sensible à l'honneur du souvenir de votre excellence qu'il vous a plu de me témoigner dans votre lettre à m. Nariskin, et si je ne vous en ai pas marqué encore ma reconnaissance, c'étoit pour ne vous pas ennuyer par le nombre de mes lettres. En effet, monsieur, dans le poste où vos mérites vous ont élevé, votre excellence aura assez d'occupation et ne se trouvera que trop environnée d'importuns sans que j'en grossisse le nombre. Mais les lettres de ma soeur m'obligent à franchir les bornes de la discrétion, crainte de mériter le nom d'ingrat à force d'être discret. Elle ne peut pas se louer assez de la bonté dont votre excellence l'honore, et on ne sauroit l'obliger sans que je ressente vivement cette même obligation. Ainsi, monsieur, je vous prie de me permettre de vous en faire mes très humbles remerciements et de vous assurer que ce sera un de mes devoirs essentiels à mériter vos bienfaits. J'ajouterai mes prières de vouloir bien continuer dans la même disposition à son égard et l'aider de votre conseil et de votre autorité dans l'affaire qu'elle sollicite actuellement. Votre excellence sera sans doute informée de quoi il s'agit et par conséquent de la justice de notre demande. Cependant c'est de la seule générosité de sa majesté impériale, notre très gracieuse souveraine, que nous attendons la grâce que nous demandons, et surement nous de-

vous fonder toutes nos espérances sur une princesse qui est la digne fille de Pierre le Grand et de l'impératrice Cathérine, qui ont bien voulu honorer ma maison de leur puissante protection, si même nous n'étions pas convaincus de la magnanimité naturelle de sa majesté impériale qui doit la rendre les délices de ses peuples. Il ne tiendra qu'à votre excellence d'avoir des preuves de mon respectueux attachement avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence etc.

P. S. J'avois supplié sa majesté impériale par le canal de messieurs les ministres, mes principaux, de vouloir bien m'accorder un de ses portraits pour le placer sur mon dais selon l'usage des ambassadeurs, cependant je ne l'ai pas encore reçu. Oserois-je, monsieur, vous prier d'en faire souvenir sa majesté impériale? Il me suffiroit d'avoir le seul visage, car j'en ferois ici le tableau, et n'importe s'il est en grand ou en petit, en mignature ou en émail, pourvu qu'on en puisse tirer ici une copie. Les François meurent d'envie de voir le portrait d'une si belle princesse, et ils n'ont pas tort, car j'ai la même envie.

Paris. Le 13/24 may 1742.

(Госуд. арх., разр. XI, № 281).

191. — Юня 4-го—15-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Monsieur! Les âmes bien nées se font admirer dans les grandes choses comme dans les petites: votre excellence a prouvé cette vérité quant au premier point aux yeux de toute une nation qui vous doit en partie son bonheur présent, et vous me donnez en particulier une démonstration géométrique du second dans la lettre dont il vous a plu m'honorer le 29 d'avril. Je ne sais, monsieur, ce que je dois y admirer, le style ou les sentiments, car l'un et l'autre surpasse mon attente, je vous l'avoue. Je sais bien que les honneurs ne sauroient apporter aucun changement dans le coeur et dans l'esprit des personnes d'un rare mérite, puisque ce mérite est au dessus de toutes les décorations externes qui ne

sont respectables qu'autant que les qualités internes les relèvent. Mais on est accoutumé de voir rarement de pareils phénomènes, et par conséquent ils frappent les esprits comme nouveaux. Ce dont je supplie votre excellence d'être entièrement persuadée, c'est que je suis touché de la plus vive reconnaissance de toutes les marques d'amitié et de bonté dont vous me comblez et dont vous avez comblé ma soeur. Nous n'abuserons sûrement pas, et moi en particulier; je ferois l'impossible pour les mériter au moins par mon attachement inviolable, n'étant pas en état de vous rendre des services essentiels pour vos faveurs. Je profite de vos offices obligeants en vous suppliant d'entretenir dans sa majesté impériale, notre très gracieuse souveraine, la bonne opinion qu'elle a conçue non de mon mérite, car en vérité il est bien mince, mais de ma fidélité et de mon zèle pour son service. Cette opinion est votre enfant: il faut, monsieur, que vous vous en chargiez de l'éducation. N'ayant aucun droit de demander, je ne demande rien pour moi. Sa majesté impériale est juste et généreuse; je profiterai de cette dernière qualité, lorsqu'il lui plaira, mais je dois vous répéter mes très humbles prières à l'égard de ma famille qui est obligée de vivre fort étroitement. Ma soeur aura l'honneur de vous expliquer son affaire plus en détail, et vous trouverez, monsieur, qu'elle ne requiert que l'accomplissement d'une grâce que l'impératrice défunte nous a accordée pour les services de notre père et qui a été toujours remise pendant dix ans, peut-être parce que la Providence a voulu que ce fût la fille de Pierre le Grand qui relevât une famille qui a abandonné ses biens et sa patrie pour les services de ce prince incomparable. Quant à deux messieurs les princes Dolgorouki qui sont auprès de moi depuis quelques semaines je ne saurois m'en louer assez. Ils ont réellement des sentiments, dignes de leur naissance. Je me faisais un plaisir à pouvoir leur être utile, mais je m'y appliquerai d'autant plus depuis qu'ils me viennent recommandés de la part de votre excellence. Puisqu'elle s'intéresse pour eux, je prendrai la liberté d'ajouter que leurs appointe-

ments de quatre cents roubles sont très minces pour ce pays-ci; car à peine peuvent-ils s'en habiller proprement, et on ne peut guère songer à leur en donner de maître; encore bien moins de les produire dans les sociétés où on ne peut pas mettre le pied sans jouer; il faudroit même pour cela avoir un équipage qui coûte extrêmement cher. D'ailleurs ces deux messieurs avec un cavalier livonien et deux messieurs Golovin qui m'ont été envoyés depuis, ont augmenté considérablement ma dépense pour la table et les logements, ainsi que j'étois obligé à demander pour mes relations à la cour non seulement d'augmenter les dits appointements de messieurs les princes Dolgorouki, mais les miens aussi qui ont été calculés pour une maison médiocre et réduits à quinze mille roubles dans le dernier règne, somme très modique à Paris, comme votre excellence le sait bien. Je supplie donc votre excellence de vouloir bien appuyer le rapport de messieurs les ministres sur ces deux articles qui me sont fort essentiels, car je crains les dettes plus que la peste, et il n'est guère possible que je n'en contracte si on n'y remédie pas. Mais il est bien temps de cesser à vous ennuyer, car ma lettre est bien longue; cependant je ne puis pas encore la finir sans y ajouter les assurances les plus sincères de mon attachement respectueux avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Paris, 1742 le 15/4 de juin.

(Госуд. арх., разр. XI, № 281).

192. — Юня 24-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ I.-Д. Шумахеру.

Le courrier de m. de la Chétardie m'a remis votre lettre du 13 avril avec le paquet de livres. Je vous suis infiniment obligé de ceux que vous m'avez envoyés pour moi. J'a fait remettre à messieurs les bibliothécaires ceux qui ont été destinés pour la

bibliothèque de sa majesté. On m'a depuis remis de leur part pour la bibliothèque de sa majesté impériale les volumes suivants de leur catalogue, et messieurs de l'Académie des sciences m'ont pareillement chargé d'envoyer à St.-Pétersbourg les derniers tomes de leurs Mémoires. Je vous les ferai tenir . . . par la première occasion. En attendant, j'ai l'honneur de vous mander, que j'ai déjà donné cours au paquet qui étoit adressé à m. . . . Je vous supplie en même temps d'être persuadé que c'est avec un plaisir sensible que je m'acquitte des commissions de l'Académie impériale et que je serai toujours avec toute la considération possible etc.

Le 24 juin 1742.

193. — Юня 20-го — іюля 1-го. С.-Петербургъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Monsieur! La lettre ci-jointe m'a été remise par un homme de mérite dans son métier et qui a été ci-devant un des plus célèbres acteurs de l'Europe. Il est connu sous le nom de Lélío et il nous a déjà donné des livres de sa façon qui sont généralement estimés par les connaisseurs du théâtre. Il en a un à l'heure qu'il est tout prêt à être publié, intitulé «la Réforme du théâtre», qu'il souhaiteroit dédier à l'impératrice, notre auguste maîtresse, et c'est pour cet effet qu'il prend la liberté de lui écrire la lettre ci-jointe. Je supplie votre excellence de la présenter à sa majesté impériale dans quelque moment de loisir et de vouloir bien me faire savoir si sa majesté agréé que cette dédicace s'imprime. Je vous supplie en même temps, monsieur, de faire tenir à sa majesté impériale l'autre lettre aussi ci-jointe que madame de Launay m'a fait prier de faire parvenir à l'impératrice. Cette dame dit avoir eu l'honneur d'être autrefois auprès de sa majesté impériale et auprès de son altesse impériale madame la duchesse de Holstein. Votre excellence voudra bien me pardonner la peine que je lui cause et me fournir les occasions dans lesquelles je lui saurois faire voir par des effets avec combien d'estime et de

considération j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris le 1 juillet—20 juin 1742.

(Госуд. арх., разр. XI, № 281).

194. — Июля 15-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ I.-Д. Шумахеру.

En conséquence des ordres de l'impératrice, notre auguste souveraine, je célébrai ici le couronnement de sa majesté le 11 de ce mois de la façon que vous verrez par la description ci-jointe. Je vous supplie, monsieur, de vouloir bien la faire traduire et la faire insérer dans les gazettes de Pétersbourg. Vous en obligerez très-sensiblement celui qui est etc.

Le 15 juillet 1742.

195. — Августа 1-го—12-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Votre excellence est sans doute informée que j'avois ordre de donner ici une fête à l'occassion du couronnement de l'impératrice, notre très-gracieuse souveraine; mais elle ne sait pas peut-être que messieurs les ministres m'ont accordé pour cela seulement 3,500 roubles, avec défense de passer cette somme. J'avois pris en effet toutes mes mesures pour leur obéir, mais malgré les précautions que j'ai pu prendre, le nombre de conviés au bal et la durée de ce bal surpassa de beaucoup mon attente, et par conséquent je fus obligé à cinq heures après minuit d'augmenter les provisions de la collation et des rafraîchissements: ce qui a été cause que ma dépense a excédé la somme accordée de 499 roubles 24 sols, comme votre excellence verra par le mémoire ci-joint. Comme je ne suis guère en état de faire cette augmentation de ma bourse sans me gêner extrêmement, d'autant plus que j'ai dépensé près de 1500 roubles en habits pour moi et pour ma livrée dont je ne fais pas mention, et d'ailleurs cette somme est bien modique pour l'épargner à sa majesté impériale,

j'ai pris la liberté de supplier sa majesté impériale par ma relation d'aujourd'hui qu'elle me fasse rembourser ladite somme. Je me suis aussi adressé pour cela à messieurs le grand-chancelier et le vice-chancelier. Mais quoique je compte beaucoup sur leur amitié, je crains que, comme ministres, ils ne veuillent se tenir au premier ordre qu'ils m'avoient donné sur cette fête. C'est pourquoi j'ai recours à votre excellence, la suppliant très humblement de vouloir bien me faire la grâce de représenter toute mes raisons à sa majesté impériale, et je suis sûr de la réussite, puisque je connais la générosité de sa majesté. D'ailleurs il est peut-être juste qu'on accorde quelque chose de plus aux ministres qui se trouvent à la cour de France, où le luxe est au suprême degré et où la noblesse est sans comparaison plus nombreuse que dans toute autre ville. J'aurai une obligation infinie à votre excellence de l'assistance qu'elle m'accordera dans cette affaire, et je tâcherai de la mériter par mon respectueux attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être etc.

A Paris. Ce 12e aout 1742.

(Госуд. архивъ, разр. XI, № 281).

196.—Августа 1-го—12. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятељнѣйшій графъ, премилостивый государь мой! Въ сегодняшней моей покорнѣйшей реляціи ваше сіятельство усмотряетъ, что ревность моя къ охраненію славы ея императорскаго величества при торжествѣ коронаціи понудила меня превзойти опредѣленную на то сумму 3500 р., и хотя по высочайшему указу я ни какого права не имѣю на додачу мною издержанныхъ денегъ требовать, однакоже, полагаяся на ея императорскаго величества великодушіе, смѣлость принялъ о той додачѣ просить толь напаче, что сумма 500 р. не весьма важна, и что сверхъ оной еще 1500 издержалъ, о которой не упоминаю. Ваше сіятельство меня искренно обязать изволите, ежели благоволите милостивымъ при ея императорскомъ величествѣ словомъ то

мое нижайшее прошеніе подкрѣпить; въ томъ случаѣ не сумѣваюсь, что желаемую удачу имѣть буду. О томъ я покорнѣйше прошу ваше сіятельство съ особливимъ высокопочитаніемъ и истиннымъ преданствомъ пребывая вашего сіятельства всепокорной послушной слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, августа 12/1 дня 1742 году.

1743.

197. — Января 13-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. И. Бецкому.

J'envoie aujourd'hui en cour une supplique en faveur d'un gentilhomme français, nommé Bafin, qui m'a servi depuis quatre ans en qualité de page et qui a beaucoup de talent pour le génie. J'ai adressé cette requête à monsieur le feld-maréchal prince Dolgorouki et je l'ai recommandé à son altesse monseigneur le prince de Hesse-Hombourg, comme au grand-maître d'artillerie, afin que par la protection de son altesse ledit gentilhomme puisse obtenir une place d'officier dans le corps des ingénieurs. Comme parmi tant d'autres affaires plus importantes, son altesse pourroit oublier celle-ci, j'ose vous prier, monsieur, de vouloir bien l'en faire souvenir et appuyer ma demande auprès d'elle. Je vous en aurai une obligation parfaite, et je tâcherai en toutes les occasions de vous en donner des preuves de ma reconnaissance, etc.

Le 13 janvier 1743.

198. — Января 13-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Берпулли.

Je vous suis très obligé des compliments que vous me faites sur la nouvelle année. Je vous souhaite à mon tour tout le contentement imaginable. L'estime que j'ai pour une personne d'un mérite si distingué, monsieur, m'engage à y contribuer tout ce

qui dépend de moi. En conséquence je me suis empressé à recommander à m. de Brevern l'affaire de votre pension aussitôt que j'ai su la disgrâce de m. Schumacher, dont j'ai eu la nouvelle il y a plus de cinq semaines. Il seroit cependant bon que vous écriviez vous-même à m. de Brevern comme au président de l'Académie; il est de plus conseiller privé et chevalier de Saint-Alexandre. Monsieur le prince Czerkasky étant mort, il n'est plus possible d'exécuter à son égard ce que je vous avois fait conseiller autrefois par m. Clairaut. Quand vous voudrez m'envoyer votre lettre pour m. de Brevern, je ne manquerai pas de la lui faire parvenir, et je m'emploierai d'ailleurs très volontiers pour tout ce qui vous pourra faire plaisir, étant avec une très parfaite estime, monsieur, etc.

Le 13 janvier 1743.

199. — Января 15-го. Парижъ. — А. К. Нартовъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятедьнѣйшій князь, милостивый государь мой князь Антиохъ Дмитріевичъ! Напечатанныя въ прошломъ 1742 году при здѣшней академіи книги и эстампы какъ для вашего сіятельства и для королевской бібліотеки и академіи наукъ, такъ для гг. Демерана, Реомюра и Мопертуя, посланы къ книгопродавцу Петру Госсу въ Гагу для отправления оныхъ далѣе въ Парижъ, и уповаю, что ваше сіятельство оныя получить уже пзволили.

Хотя королевская французская академія наукъ здѣшней Императорской Академіи меморіи свои сообщить обѣщала, только еще и понинѣ не прислала, чего ради здѣшняя Академія Наукъ благосклоннѣйшаго Парижской академіи о семъ напоминаніи у вашего сіятельства просить. А какъ скоро краткое описаніе кунсткамеры изъ печати выйdetъ, то до вашего сіятельства чрезъ почту безъ умедленія пришется. Я же впрочемъ со вседолжнѣйшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства Андрей Нартовъ.

Изъ С.-Петербурга, генваря 15-го 1743.

200. — Января 20-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Ф. Г. Штрубе-де-Пирмону.

J'ai reçu ces jours passés par le secrétaire de m. de la Chéardie votre livre accompagné de la lettre qu'il vous a plu m'écrire le 6 novembre. Je suis très-sensible à l'attention que vous m'avez voulu marquer dans cette occasion, et je vous en rends mille grâces, vous priant d'être persuadé, monsieur, que je m'emploierai avec bien du plaisir, s'il s'agit de vous rendre service. Si vous souhaitez entrer en commerce de lettres avec les savants de ce pays-ci, vous n'avez qu'à me faire tenir celles pour les faire remettre à leur adresse. Je serois également charmé de seconder vos vues en ce qui regarde votre intention d'être employé auprès de moi. Mais comme la cour m'entretient déjà deux secrétaires, vous sentez bien, monsieur, qu'il seroit indiscret à moi d'en demander un troisième. Au reste je suis avec bien de l'estime, etc.

Le 20 janvier 1743.

201. — Февраля 22-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіяте́льнѣйшій князь, милостивой государь мой князь Антиохъ Дмитріевичъ! Вашей свѣтлости два почтеннѣйшія письма, одно отъ 24-го — 13-го генваря, а другое отъ 7-го генваря (27-го февраля), я имѣлъ удовольствіе получить. Прошу покорно меня извинить, что оныя не прежде какъ нынѣ отвѣтствовать честь имѣю, въ чемъ едино токмо мои суеты причиною суть.

Ваша свѣтлость изволите во оныхъ упоминать о сохраненіи вамъ прежняго посольского жалованья, о позволеніи ѣхать къ минеральнымъ водамъ и о переводѣ вашей свѣтлости денегъ. На оное имѣю честь вашей свѣтлости во отвѣтъ объявить, что еже до сохраненія вашей свѣтлости прежняго посольского жалованья касается, оное изволите точнѣе изъ прежняго моего письма и изъ отправленного рескрипта къ вашей свѣтлости усмотрѣть, коимъ образомъ оное жалованье отъ ея императорскаго вели-

чества вашей свѣтлости и впредь дозволено и продолжительно къ вамъ переводимо быть имѣть. А хотя бы случай позвалъ и безъ посольскаго характеру продолжительно быть, не сумиѣваюся по важнымъ вашимъ заслугамъ за остереженія французскихъ коварствъ и льстей, чтобъ ея императорское величество оное вашей свѣтлости жалованье отмѣнить соизволила. О позволеніи же вашей свѣтлости ѣхать будущей весны къ минеральнымъ водамъ сожалью, что нынѣ никакой резолюціи отъ ея императорскаго величества объявить не въ состояніи, понеже донынѣ еще не могъ улучшить время по многодѣльствію объ ономъ ея величеству доложить; однакожь надѣюсь на будущей почтѣ вашей свѣтлости о томъ что-либо донести. Что же напоследокъ принадлежитъ до надлежащихъ вашей свѣтлости денегъ за прошлые годы, то уже на нѣкоторое число и вексели къ вамъ отправлены, и объ остальныхъ не премину стараніе имѣть, чтобъ оныя, какъ скоро только у насъ въ коллегіи деньги въ пріемѣ будутъ, немедленно и прежде всѣхъ къ вашей свѣтлости переведены были; но истинѣ мы въ такомъ замедленіи никакъ не виноваты; ежели въ коллегію деньги отпустятся, то того жъ часу и вексели на нихъ берутся и отправляются; но иногда случается, что отправленіемъ денегъ къ намъ въ коллегію изъ другихъ мѣстъ долго медлятъ.

Впрочемъ прилагаю при семъ сочиненные изъ реляціи вашей свѣтлости экстракты, каковы оное ея императорскому величеству къ доказательству вашихъ ея императорскому величеству и имперіи важныхъ заслугъ и вящихъ меритъ, какъ и реляціи, читаны были. Ваша свѣтлость изволите пространнѣе изъ отправленнаго къ вамъ за собственною ея величества рукою рескрипта усмотрѣть, къ колкому всеплостивѣйшему удовольствію вѣрныя старанія и предостерегательныя отъ французскихъ льстей доношенія ваши ея императорскимъ величествомъ приняты, и коль прилежно оное вашему сіятельству и впредь толь наипаче подтверждается, понеже можно сказать, что ваша свѣтлость такими предупредительно сюда данными извѣстіями въ завоеваніи

Финляндіи не малое участіе имѣете. Я особливо радуюся тому п ласкаю себя, что ваша свѣтлость по пзвѣстной своей вѣрной непремѣнной ревности къ интересу ея императорскаго величества таковымъ же продолженіемъ вашихъ важныхъ службъ мнѣ п впредь мнѣ случаи подавать будете къ дальнѣйшему засвидѣтельствованію моей преданности къ вашей свѣтлости, п что я истинно всегда съ особливѣйшимъ высокопочтаніемъ пребываю вашей свѣтлости всепокорно послушный слуга графъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

С.-Петербургъ. Февраля 22 1743.

Вашу свѣтлость покорно прошу за противно не принять, что время не допустило какъ своеручно писать, такъ п сіе на бѣло переписать: спѣшилъ, лишь бы могъ должность мою исправить.

202. — Февраля 27-го — марта 10-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову.

Государь мой Андрей Константиновичъ! Изъ почтенного вашего государя моего письма отъ 15 генваря я усмотрѣлъ о продолженіи благосклонности Императорской Академіи Наукъ ко мнѣ въ отправленіи книгъ, которые она выдала въ 1742 году. Покорно васъ прошу засвидѣтельствовать ей мое о томъ чувствительное благодарство. Притомъ же п вамъ особливо не меньше обязаннымъ себя признаю п представляю свои услуги въ здѣшнихъ краяхъ. Какъ скоро оныя книги ко мнѣ дойдутъ, не оставляю вамъ государю моему о томъ дать знать п надлежащія академіи здѣшней членамъ вручить. Сколько жъ принадлежитъ до меморій здѣшней академіи, я въ прошломъ году отправилъ къ г. Шумахеру ящикъ, въ которомъ тѣхъ меморій положено было, сколько упомяну, шесть или восемь томовъ, да сверхъ того третьей п четвертой томъ росписи королевской бібліотеки, которой два прежніе за 2 года напередъ посланы. О томъ я г. Шумахеру сообщилъ письмомъ своимъ отъ 24/13 іюня, на которое понеже отвѣтомъ не почтенъ. Я чаялъ, что они исправно дошли; а теперъ я уже писалъ въ Копенгагенъ къ человѣку, къ кото-

рому былъ ящикъ адресованъ, чтобъ далъ мнѣ извѣстіе, что съ нимъ учинилось. Васъ же, государя моего о томъ прошу, чтобъ меня увѣдомить, какихъ годовъ меморіи Санктъ-Петербургская Академія отъ здѣшней требуетъ, или цѣлый корпусъ оныхъ отсюда ожидаетъ. По тому извѣстію я не премину объ нихъ секретарю академіи припомнить. Впрочемъ съ особляемымъ почтеніемъ пребываю вашъ государя моего покорной слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Февраля 27 (марта 10) 1743.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н.; вход. письма 1740—1743 гг.).

203. — Марта 3-го—14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ барону И. А. Черкасову.

Милостивый государь мой Иванъ Антоновичъ! Хотя я и не памятенъ вашему благородію, однакоже полагаюся на ваше великодушіе и безъ всякихъ моихъ заслугъ смѣлость приему покорнѣйше просить ваше благородіе показать себя благодѣтелемъ мнѣ и братьямъ моимъ въ нуждѣ нашей. Вашему благородію она совершенно извѣстна по челобитной, которую сестра моя рабски подала ея императорскому величеству въ Москвѣ уже тому близъ года, и теперь въ кабинетѣ находится безъ рѣшенія. Дѣло въ ней идетъ о додачѣ намъ деревень въ пополненіе пожалованныхъ намъ въ 1730 году отъ ея императорскаго величества блаженныя памяти Анны Іоанновны, а по письмамъ пріятелей моихъ государыня императрица столь милостиво себя на то наше прошеніе изъяснить изволила, что отъ одного вашего благородія зависитъ доставить намъ непродлительну и всемилостивѣйшую резолюцію. Для того нижайше васъ прошу, чтобъ по той челобитной нашей ея величеству доложить и оную своимъ предстательствомъ подкрѣпить, за что я особливо остануся вамъ вѣчно одолженъ и стану искать случая по крайней своей возможности отслужить. Впрочемъ съ истиннымъ предаствомъ и вы-

сокопочитаніемъ пребываю вашего благородія покорно послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1743 марта 14/3.

(Госуд. архивъ, разр. XI, № 279).

204. — Апрѣля 21-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ В. К. Тредіаковскому.

Je suis extrêmement sensible à votre souvenir dont vous me donnez des preuves par votre lettre du 14 mars. Vous pouvez être persuadé, monsieur, que je saisirai toujours avec bien de l'empressement les occasions où je vous pourrai être utile à quelque chose. Vous m'avez fait un vrai plaisir en m'adressant votre lettre pour m. de la Chétardie à qui je l'ai fait remettre sur le champ. Je suis avec une très parfaite estime, monsieur, etc.

Le 21 avril 1743.

205. — Мая 5-го — 16-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову.

Государь мой Андрей Константиновичъ! Не зная, кто теперь президентомъ Академіи Наукъ, или кому надзираніе оной препоручено, вамъ государю моему доношу, что чрезъ отѣхавшаго третьяго дни отсюда господина Паулсона, лифланца, который сюды прибылъ съ князьями Хованскими, я отправилъ на адресъ Академіи Наукъ два экземпляра книги господина Клеро о фигурѣ земли, да экземпляръ другой книги о поправленіи театровъ. Господинъ Клеро, членъ здѣшней и Лондонской академіи наукъ весьма знатный, радъ бы былъ, ежели бъ книга та могла ему заслужить назначеніе въ члены жъ С.-Петербургской Академіи, какъ то случилось господину Мопертюю, его товарищу. Я совершенно будучи увѣренъ о искусствѣ господина Клеро, самъ о томъ просилъ бы господина президента, ежели бъ имя его мнѣ было знакомо. Но пока на то отъ васъ, государя моего, изъясненія получу (о чемъ покорно прошу), уповаю, что при врученіи книги Клеровой господину президенту соизволите предста-

вить о вышепомянутомъ его Клеро желаніи, въ чемъ по
прежнему обяжете вашего государя моего покорно послушнаго
слугу. Князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Мая 16/5 дня 1743 году.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н.; входящія письма 1740—1743 гг.,
кн. № 31).

206. — Мая 16/27-го. С.-Петербургъ. — В. К. Тредіа-
ковскій князю А. Д. Кантемиру.

Quoique j'importune votre altesse par celle-ci, toutefois j'ai
aimé mieux être importun de la sorte qu'être ingrat à son égard.
En verité, monseigneur, j'ai prétendu seulement par ma première
de n'être point effacé du souvenir de votre altesse, mais j'étois bien
éloigné d'aspirer aucunement à l'honneur de récévoir sa gracieuse
lettre, sachant bien qu'elle a beaucoup d'occupations plus séri-
euses sans prendre garde à me repondre. Et comme il lui a pour-
tant plû de s'abaisser jusqu'à moi, j'ose l'assurer de mon côté
que je lui suis rédevable sans reserve. Heureux si elle me trou-
voit utile à quelque chose pour son service dans ce pays-ci, afin
de lui pouvoir démontrer plutôt par des effets, que par les paro-
les les sentimens les plus empressés et les plus respectueux, avec
lesquels je suis et dois être plus que personne, monseigneur, de
votre altesse le très-humble, très-obeissant et très-obligé servi-
teur B. Trediakoffski.

A Saint-Pétersbourg, le 16/27 de may 1743.

P. S. Qu'il plaise à votre altesse à ordonner de remettre
ci-jointe au sieur Vitynski, étudiant. J'y ai mis exprès le cachet
volant, afin qu'elle puisse voir ce que je lui écris pour le rappel-
ler dans son Ukraïne.

207. — Іюня 27-го — іюля 8-го. Парижъ. — Князь А. Д.
Кантемиръ графу Лестоку.

Je paraîtraî importuner votre excellence, mais je n'ai pas pu
refuser au nonce du pape et à monsieur l'ambassadeur de Portu-

gal de m'intéresser auprès de votre excellence en faveur d'une demoiselle de qualité, nommée Joséphine d'Estupignan, de nation espagnole, fille d'un colonel au service du feu empereur, qui y a perdu la vie. Elle est âgée de 26 à 28 ans, instruite dans l'histoire et la géographie, parlant différentes langues, et souhaite ardemment de trouver un asile dans sa misère dans le service de sa majesté impériale, notre très-gracieuse souveraine, sous tel titre qu'il plairoit à sa majesté. Elle m'écrit elle-même une lettre que je joins, par laquelle elle s'offre même à divertir sa majesté par la musique, dans laquelle elle est habile. Je serai sensiblement obligé à votre excellence de vouloir bien accorder votre protection à cette pauvre dame et d'en intercéder auprès de sa majesté impériale, afin qu'elle puisse obtenir ce qu'elle souhaite et particulièrement quelque petite gratification pour lui faire faire le voyage de Russie. J'attendrai avec impatience l'honneur de votre réponse pour lui en faire une et pour satisfaire les deux ambassadeurs qui s'intéressent vivement pour elle. Au reste j'ai l'honneur d'être avec toute l'estime et toute la considération possible etc.

A Paris. Ce 8 juillet (27 juin) 1743.

Госуд. арх., разд. XI, № 281.

208. — Июля 3-го — 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. И. Бецкому.

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du 20/9 avril, pendant mon séjour à Plombières où j'étois allé prendre les eaux. Je suis infiniment sensible à l'attention que vous me marquez vouloir donner à ma recommandation en faveur de m. Bafin. Je crois que ce jeune homme est actuellement arrivé à Saint-Pétersbourg où il sera en état de profiter de vos offres obligeantes. Je me flatte qu'il tâchera de mériter la continuation de votre bienveillance qui lui sera d'autant plus nécessaire qu'il ne connaît personne dans le pays. Je vous aurai, monsieur, en mon particulier, une obligation parfaite de bontés dont il vous plaira l'honorer, et

je saisisrai avec empressement les occasions où je vous saurois donner des preuves effectives de ma reconnaissance et de l'attachement avec lequel j'ai l'honneur etc.

Le 14/3 juillet 1743.

209. — Юля 21-го — августа 1-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь мой Алексѣй Петровичъ! Послѣдними письмами отъ пріятеля я увѣдомленъ, что нѣкое намѣреніе имѣется о скоромъ моемъ отсюда отзвѣѣ, и хотя я тому не довѣряю въ той надеждѣ, что ваше сіятельство, по своей ко мнѣ отмѣнной милости, не оставили бы меня о томъ предопредительно извѣстнымъ, однакожь въ запасъ нижайше и прилежно прошу ваше сіятельство при удобномъ случаѣ ея императорскому величеству рабскимъ мопмъ именемъ представить: 1) что я совершенно завишу отъ высочайшей ея воли и по оной поступать вездѣ и всегда имѣю, хотя бы и съ бѣдствомъ живота моего; 2) что потому какъ здѣсь въ службѣ ея императорскаго величества охотиѣ бы я желалъ долѣе пробыть для того, что двенадцатилѣтній искусь учинилъ меня можетъ быть способнѣйшимъ въ нынѣшней моей должности, такъ и въ отечество возвратиться къ другому чему по своей должности готовъ; 3) но болѣзнь моя меня въ такое состояніе привела, что ежели не дано будетъ мнѣ время хотя бѣ отчасти исправиться, то подлинно я живъ въ С.-Петербургѣ не доѣду, и ея императорское величество лишится вѣрнаго и ревностнаго раба. Малая поѣздка въ Версаль стоитъ мнѣ всегда на два или три дни многихъ болей во всемъ тѣлѣ, а наипаче въ почкахъ, въ которыхъ буде не камушки, то крупной песокъ таятся и меня мучать безпрестанно. Воды морскія мнѣ весьма мало пользовали, и для того теперь принужденъ еще начать жить однимъ молокомъ до весны; а тогда докторы совѣтуютъ ѣхать въ Эсъ-ла-Шапель къ водамъ же, обѣщавая мнѣ отъ нихъ гораздо лучшую удачу, чѣмъ отъ пломбьерскихъ. На то я намѣренъ былъ просить всемилостивѣйшаго

позволенія, вѣдая матернее ея императорскаго величества къ своимъ подданнымъ соболѣзваніе. Въ той же надеждѣ, ежели впрямь мой отзывъ намѣренъ, нижайше прошу, чтобъ до возврата моего отъ оныхъ водъ меня здѣсь оставить, наипаче ежели мои поступки въ чемъ-либо, кромѣ моего знанія, ея императорскому величеству непріятными не учинились. Зимнее время мнѣ всего тяжчае, такъ что буде бъ я принужденъ былъ въ дальнюю дорогу вступить такую порою, то смерть мнѣ неизбѣжна. Вашего сіятельства милость столь уже при многихъ случаяхъ ко мнѣ оказалась, что я крѣпко полагаюсь на вашу защиту въ семъ намѣреніи, въ которомъ о животѣ моемъ дѣло идетъ. Но буде просьбы мои о моей дестинаціи ничего отмѣнить не могутъ, то покорнѣйше прошу, чтобъ заранѣе меня о томъ милостиво увѣдомить, чтобъ я могъ исправить свои домашнія нужды, оплатить долги свои (благовременнымъ переводомъ надлежащихъ ко мнѣ денегъ по моимъ въ коллегію давно посланнымъ росписямъ) и отпустить домъ свой, за который долженъ я 6 мѣсяцовъ платить по объявленіи отпуска. Особливо же прошу, чтобъ хотя въ двухъ строкахъ меня отвѣтомъ на сіе мое почтить какъ можно скорѣе, чтобъ меня вывести изъ неизвѣстности о своемъ состояніи, которая всего мнѣ тяжчае какъ для домовыхъ моихъ нуждъ, такъ и для предохраненія моего здоровья. За все то я вѣчно остануся одолженъ вашему сіятельству, пребывая съ истиннымъ преданствомъ и высокопочитаніемъ вашего сіятельства всепокорной послушной слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Паряжа. 1743 августа 1 (іюля 21).

210. — Августа 13-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. П. Бестужевъ - Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь мой князь Антиохъ Дмитриевичъ! Я имѣлъ удовольствіе и послѣднія оба вашей свѣтлости почтеннѣйшія письма исправно получить, изъ которыхъ самое послѣднее есть отъ 1 августа (21 іюля). За продолжающимися моими суетами лишаюсь на сіе время моего желанія вашей

свѣтлости на оныя пространно отвѣтствовать и точію сіе по поводу оною самого послѣдняго здѣсь упомянуть имѣю, что о скоромъ будто сюда отзвѣвъ нашемъ я и понынѣ ни отъ кого ни малѣйшаго не слыхалъ, но ваша свѣтлость помянутымъ своимъ письмомъ впервые мнѣ причину подали о томъ сегодня ея императорскому величеству въ пользу вашей свѣтлости и по сямъ письма вашего говорить. Ея величество сама изволила тому только удивляться со всемплоствивѣйшимъ притомъ обнадеживаніемъ, что оное ея величеству никогда и въ умъ не приходило и оною учинить не намѣрена. Я могу увѣрить вашу свѣтлость, что о томъ ни отъ одинаго изъ друзей въ разговорахъ ничего никогда не примѣтилъ, и Михаила Ларіоновичъ Воронцовъ даже до сего вашей свѣтлости письма столько же мало, какъ я, о томъ помышлять могъ, и надѣюся, что онъ то и въ письмѣ своемъ (которое при семъ послать честь имѣю) вамъ самъ засвидѣтельствовавъ.

Присланное подъ коллежскимъ конвертомъ отъ вашей свѣтлости письмо къ его превосходительству Алексѣю Григорьевичу Разумовскому я еще случая не имѣлъ ему вручить; но уповаю, что когда завтра самъ при дворѣ буду, то оное собственноручно отдать могу, а впрочемъ при всѣхъ случаяхъ всегда готовъ и не премину наисуществительнѣйше доказывать, съ коль нелицемѣрнымъ сердцемъ и правдивою преданностію есмь вашей свѣтлости всеподслухивый слуга графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Санктъ-Петербурха. Августа 13-го дня 1743.

211. — Августа 8-го — сентября 28. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову.

Государь мой Андрей Константиновичъ! Въ письмѣ вашего благородія отъ 15 генваря вы пзволили мнѣ дать знать о отиравленія нѣкихъ книгъ для меня и для здѣшнихъ академиковъ. По-неже мнѣ не извѣстно, кому оная связка адресована, не знаю, гдѣ ихъ отыскать. Для того покорно прошу меня увѣдомить, къ кому они посланы въ Голандію или индѣ. Между тѣми, которые

я прежде сего изъ Академіи получилъ, недостають нѣкоторыя листы, какъ изъ приложенной цыдулки явствуетъ. Покорно прошу тѣ листы при первомъ случаѣ ко мнѣ переслать, чтобъ тѣ книги дополнить.

Комментаріевъ академскихъ я имѣю восемь первыхъ волюмовъ, потому ежели девятый, десятый и слѣдующіе изъ печати уже вышли, прошу оныя мнѣ прислать на большой александрійской бумагѣ безъ переплету и приказать, чтобъ осторожно были собраны, дабы въ нихъ не случился какой недостатокъ, также пожеловать прислать на большой же бумагѣ Эйлерову «Механику», которую изъ Академіи никогда не получалъ.

Всѣ тѣ книги, и ежели другая какая посылка имѣется, извольте отдать французскому купцу, называемому Наварру, отъ котораго французской корабль прямо сюды отправляется. За все то я особливо вамъ буду обязанъ къ взаимнымъ услугамъ, пребывая неотмѣнно вашъ, государя моего, и пр.

Изъ Парижа. Сентября 8 (августа 28) дня 1743 году.

(Арх. конференціи Имп. Академіи Наукъ; входящ. письма 1740—1743 гг.).

212. — Сентября 4-го — 15-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятеильнѣйшій графъ, премилостивый государь мой! Ваше сіятельство нанчувствительнѣйше изволили меня обязать мпlostивымъ своимъ письмомъ отъ 13 августа, которое въ сей часъ получаю, успокоивъ тѣмъ мою тревогу по пронесшемуся слуху о моемъ скоромъ отсюду отзывѣ, который не знаю откуда и къ мпннстрамъ здѣшнимъ дошолъ было. Я изъ того признаваю особливою вашего сіятельства ко мнѣ милость, которую заслужить всемѣрно стараться стану. Мое здоровье подлинно столь плохое, что дальняя поѣздка была бы мнѣ пагубна. Впрочемъ смѣлость пріемлю при семъ еще приложить второе мое всеподданнѣйшее доношеніе къ ея императорскому величеству, касающееся препорученной мнѣ отъ ея величества комиссіи о ово-

щахъ, изъ которой одинъ ящикъ я уже третьяго дни отправилъ по тележной почтѣ, а прочіе слѣдовать будутъ.

И за симъ, покорно прося о продолженіи вашей милости, съ крайнемъ почтеніемъ и истиннымъ преданствомъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Сентября 15/4 дня 1743 году.

213. — Ноября 18-го. С.-Петербургъ. — А. К. Нартовъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь, милостивой государь мой князь Антиохъ Дмитриевичъ! Вашего сіятельства почтенинѣе писаніе отъ 3-го числа сего мѣсяца исправно получить честь имѣлъ. По содержанію онаго и во исполненіе желанія вашего сіятельства каталоги академическимъ книгамъ при семъ прилагаю, и ежели вашему сіятельству что изъ сихъ каталоговъ поправится, о томъ прошу особливою нотиціею миѣ объявить съ благосклоннымъ показаніемъ, черезъ кого и съ какимъ способомъ при нынѣшнемъ зимнемъ пути ваше сіятельство книги и прочее къ себѣ прислать и у кого здѣсь за оныя деньги принять приказать изволите, понеже указами правительствующаго сената подтверждено, дабы Академіи ничего и никуда безъ денегъ не отпускать. И угодно ли вашему сіятельству будетъ, чтобъ книги зимою послать, или ко вскрытію воды будущаго года весною съ первымъ кораблемъ къ себѣ отправить прикажете. По приказу вашего сіятельства недостающіе къ центуріямъ листы приписываютъ, а приписавъ какъ оныя, такъ и двѣ вашего сіятельства переводу книги «О множествѣ міровъ», съ прочими къ вашему сіятельству отправить не премину. Присланная изъ Франціи книга блаженныя памяти родителя вашего сіятельства, содержащая въ себѣ описаніе Оттоманской имперіи на французскомъ языкѣ, чрезъ здѣшняго профессора Делиля въ Академіи Наукъ получена, за которую вашему сіятельству при посылкѣ книгъ коментаріями здѣшняго академическаго изданія услужить потщуся, пребывая со

вседолжномъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорный слуга Андрей Нартовъ.

Изъ С.-Петербурга. Ноября 18 1743.

214. — Ноября 19-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. П. Бестужевъ - Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь милостивый государь мой князь Антиохъ Дмитриевичъ! Изъ благосклоннѣйшаго вашего отъ 13/24 прошедшаго усмотрѣть имѣлъ честь желаніе вашей свѣтлости о скорой присылкѣ вамъ денегъ по вашимъ росписямъ, упоминая, что нужды вамъ изъ дня въ день прибавляются, и уже лишаетесь всякаго кредита у банкира, къ тому дѣло приходитъ, что не знаете чѣмъ и пытаться. О чемъ сердечно соболѣзновавъ, яко вѣрный вашъ слуга, токмо тѣмъ себя утѣшаю, что ваша свѣтлость не противъ ихъ сіятельствъ полномочныхъ и чрезвычайныхъ пословъ, покойныхъ князя Куракина, князя Долгорукова и нынѣ графа Головкина по десяти тысячъ рублей и ниже по сложениіи посольскаго характера по шести тысячъ, но по пятнадцати тысячъ рублей получаютъ продолжаете, а инако ежели по нынѣшнему вашему характеру (какъ то при всѣхъ дворѣхъ обыкновенно есть министрамъ втораго ордена жалованье съ умаленіемъ дается, равнымъ образомъ и въ бытность здѣсь маркиза Шетардіа отъ двора его поступлено съ нимъ было) по девяти тысячъ рублей меньше бы получали, можетъ быть, чтобъ вы и болѣе нужду претерпѣли, и толь паче ежели бы по представленію иностранныхъ дѣлъ коллегіи ея императорское величество всѣхъ при иностранныхъ дворѣхъ министровъ онаго всевысочайшею милостію удостоить не соизволила, чтобъ у оныхъ не вычитывать, какъ для прошедшей шведской войны у генералитета и министровъ здѣсь за нынѣшней годъ пятая часть жалованья вычтена и тако надлежало было у вашей свѣтлости за нынѣшней годъ вычестъ три тысячи рублей. А что ваша свѣтлость изволятъ скучать и сѣтовать, что не вдругъ къ вамъ деньги переводятся, и требуетъ, чтобъ по меньшей мѣрѣ десять тысячъ руб-

левъ вдругъ къ вамъ было переведено, и достальныя за тѣмъ слѣдовали, чтобъ не прійти тамо въ крайнюю остуду и отъ того въ отчаяніе,—о невозможности точнаго исполненія онаго вашего требованія я сердечно сожалью, ибо первая тому причина, что не всегда въ коллегіи вдругъ деньги бываютъ, а вторая тому причина, хотя бы въ коллегіи иногда вдругъ довольное число денегъ (какъ то рѣдко случается) и было, то вексельной курсъ пренятствуетъ, а именно всѣмъ иностраннымъ министрамъ за рубль доплачивается по пятидесяти штиверовъ голандскихъ, а когда вексельной здѣсь курсъ (какъ то и часто здѣсь бываетъ) состоитъ по сороку по четыре штиверовъ за рубль, то императорская казна у одного вашего жалованья, считая по двѣнадцати процентовъ, съ двѣ тысячи рублей убытку претерпитъ. Ежели же вашей свѣтлости да угодно, чтобъ жалованье къ вамъ присылать такъ, какъ курсъ состоитъ, не доплачивая за рубль по пятидесяти штиверовъ, то коллегія, сохраняя всевысочайшій интересъ, въ угодность вамъ то учинитъ, что прежде всѣхъ другихъ нашихъ при иностранныхъ дворѣхъ министровъ деньги къ вамъ переводить будетъ. А что позволите упоминать, что банкиръ вашъ доукою почасту въ стыдъ васъ приводитъ, и предвидите, что самимъ ея императорскаго величества дѣламъ безъ сумнѣнія остановка приключится, что если бы крайняя нужда потребовала курьера отправить, вы того учинитъ не въ состояніи,—я о томъ весьма соболѣзную, что ваша свѣтлость противъ прочихъ при иностранныхъ дворѣхъ министровъ нашихъ въ кредитѣ вашемъ неудачливы, ибо еще никто изъ нихъ не жаловался, чтобъ печѣмъ было курьера отправить; да я и самъ, будучи съ двѣнадцать лѣтъ резидентомъ и получая токмо по три тысячи рублей на годъ, всегда толкно кредита имѣлъ, чтобъ курьера отправить.

По семъ, ко исполненію вашей свѣтлости всякихъ благоугодностей къ повелѣніямъ вашимъ себя предавъ, съ особливимъ высокопочитаніемъ пребываю вашей свѣтлости всепокорно-послушный слуга графъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Санктъ-Петербурха. Ноября 19 дня 1743 году.

215. — Декабря 1-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву - Рюмину.

Не имѣя ничего новаго доносить ни о дѣлахъ ея императорскаго величества, ни о здѣшнихъ, сегодня не посылаю ни реляціи, ни листа вѣдомостей; но при семъ смѣлость принялъ приложить письмо къ его превосходительству Михаилу Ларионовичу Воронцову, которое покорно прошу приказать вѣрно и безъ отлагательства ему вручить, понеже въ немъ включенъ счетъ послѣдней препорученной мнѣ отъ ея императорскаго величества комиссіи, — васъ же покорнѣйше прошу, чтобъ неотлагательный платежъ того счета мнѣ псходатайствовать, какъ я чаю, изъ кабинета, понеже ея императорское величество изволила всемилостивѣйше мнѣ приказать къ себѣ самой тотъ счетъ прислать. Можетъ быть, что въ томъ буду счастливѣе, чѣмъ въ оплатѣ моихъ чрезвычайныхъ расходовъ и за наемъ двора, о которыхъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ милостивѣйшей резолюціи черезъ четыре года испросить еще не могъ, и отчего претерпѣваю крайнюю нужду. Для того уповаю, что ваше сіятельство и о томъ изволитъ милостиво припомнить, за что останусь вашему сіятельству по премногу (благодаренъ), съ крайнимъ почтеніемъ пребывая, и пр.

Le 1 dec.

216. — Декабрь. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ священнику В. Кассано.

Mon révérend père! Ma maladie m'a empêché de répondre à vos deux dernières lettres. Je m'en acquitte à l'heure qu'il est, en vous remerciant des peines que vous vous êtes données pour l'achat des livres dont je vous avois prié. J'ai examiné le catalogue des auteurs anglais que vous m'avez envoyé; comme je n'y ai trouvé de bon que les livres mathématiques et que j'ai déjà ces derniers, je me réserve à vous faire tenir une autre liste de livres anglais que je voudrois avoir quand je serai rétabli. En attendant, je dois remarquer que la septième et huitième partie

du «Système de la philosophie nouvelle» par Rowning a déjà paru; vous pourrez en avoir des nouvelles au café de Sloughler (?) in St. Martins Lane et vous me ferez plaisir d'acheter ces deux parties et de me les faire expédier. Je vous prie d'être persuadé que je profiterai de toutes les occasions où je vous pourrai être utile à quelque chose, afin de vous convaincre de plus en plus que je suis sincèrement, etc.

217. — Декабря 26-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Разумовскому.

Премилостивый государь Алексѣй Григорьевичъ! Приближаяся новой годъ, должность моя требуетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ то исполняю, желая вашему превосходительству въ теченіи онаго и многихъ слѣдующихъ совершеннаго здравія и всякого пожеланнаго благополучія къ особливой моей радости. При томъ же покорнѣйше прошу о продолженіи вашей ко мнѣ милости, которую заслужить непремѣнно стараться стану, совершенно помня тѣ благодаренія, которыми ваше превосходительство до сихъ поръ меня обязали. На ту жь вашего превосходительства милость полагаюсь, что по прибытіи въ Москву изволите милостиво припомнить такъ о моихъ партикулярныхъ, какъ и сестры моей покорныхъ прошеніяхъ, и при наступающихъ торжествахъ своимъ благосклоннѣйшимъ заступленіемъ псходатайствовать всемплоствѣйшую ея императорскаго величества резолюцію, за чтѣ я вѣчно и чувствительно вашему превосходительству буду обязанъ, пребывая съ истиннымъ высокопочтеніемъ и пр.

Le 26 décembre 1743.

218. — Декабря 26-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Плохое состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ исполнить мою должность пространнѣйшихъ покорнымъ отвѣтомъ на почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 19-го ноября. Но не могу преминуть принести вашему сіятельству нижайшее свое благодареніе за переведенную малую сумму денегъ при вы-

сочайшемъ публичномъ рескриптѣ отъ 15-го поября (который я вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ имѣлъ честь получить исправно), напаче жъ за содержимыя въ ономъ почтеннѣйшемъ письмѣ благосклоннѣйшія обнадеживанія о продолжающейся ко мнѣ вашего сіятельства милости и готовности вашей во всемъ возможномъ обязывать. На тѣ милостивыя обнадеживанія полагаюсь, надѣюсь, что напоследокъ ваше сіятельство изволитъ принять въ милостивое разсужденіе нужды, въ которыхъ отъ недостатку денегъ нахожусь. Оной недостатокъ по тѣхъ поръ продолжаться будетъ, пока не будутъ мнѣ оплачены четырехъ лѣтъ чрезвычайные расходы, о которыхъ, а не моемъ жалованіи, докучаю. Ваше сіятельство изволитъ милостиво признать, что такая важная сумма меня неотмѣнно должна принудить въ долги важные, на оплату которыхъ тотчасъ употребляю всѣ полученные вексели, и слѣдовательно, всегда пахожусь въ безденежномъ состояніи. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство позволить мнѣ примѣчать, что неосновательно вамъ донесено о убавкѣ Шетардіева жалованья, когда онъ характеръ посольской сложилъ, и о даваемомъ здѣсь жалованіи графу Александру Гавриловичу Головкину, понеже что его сіятельство никогда меньше 36 т. рублей въ годъ, здѣсь будучи, не получалъ, и такъ его сіятельства, какъ князя Долгорукого и Куракина, состояніе предъ мовимъ весьма отмѣнно, понеже они всѣ были собою богаты, и слѣдовательно, своимъ недостатокъ жалованья дополняли. Потому жъ и кредитъ свой лучше при банкиерахъ утвердить могли, имѣя кредитивы изъ своихъ домовъ. Я не сумнѣваюсь, что въ томъ самомъ разсужденіи блаженныя памяти государыня императрица Анна Ивановна, въ Лондонъ меня отправляя, особлявымъ жалованьемъ почитать изволила, понеже я тамъ не меньше 10 т. рублей получалъ, включая выдаваемые мнѣ отъ аглицкаго 2000 р., и при опредѣленіи меня здѣсь въ послы не только изволила мнѣ удержать по 15 т. рублей, но сверхъ того указала за наемъ двора моего платить и повелѣла было на ея величества счетъ сдѣлать себѣ серебряную посуду (о которой впредь никакъ

просить стану). Подлинно заслуги мои такой отъны не заслуживали, ино ея величество разсуждала о моихъ недостаткахъ и о своей славѣ. Безъ сумнѣнія, что для тѣхъ же причинъ, когда при сложеніи посольскаго характера мое жалованіе было сбавлено, ваше сіятельство благосклонно изволили употребить свое милостивое заступленіе, и воспослѣдовала ея императорскаго величества милостивѣйшая резолюція, которую милость я гораздо помню и знаю, сколько тѣмъ одолженъ. Потому я уповаю, что ваше сіятельство не соизволить миѣ присовѣтовать, чтобъ въ переводѣ денегъ я потерялъ по 12 процентовъ, тотъ уронъ будучи гораздо сносиѣ казніѣ ея императорскаго величества и сходиѣ съ ея всезнатнымъ великодушіемъ. Но предъизберу впродъ вашему сіятельству не столько являться докучнымъ въ той благонадежности, что ваше сіятельство, когда вамъ будетъ возможно, и безъ просьбы моей милость свою миѣ оказать не упуститъ.

Впрочемъ, нималѣйшаго чего отъ здѣшнихъ дѣлъ къ все-нижайшему доношенію не имѣя, обыкновеннаго листа не посылаю, довольствуясь при семъ всепокорнѣйше приложить титулы другихъ 5 королевскихъ указовъ, которые вчера въ . . .

И затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю и пр.

Le 26 decembre 1743.

219. — Декабря 27-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. Н. Бестужевъ-Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь государь мой милостивой князь Антиохъ Дмитріевичъ! Вашей свѣтлости благосклонное писаніе отъ 1-го 12-го сего текущаго декабря мѣсяца я исправно получилъ. Отъ сердца сожалею, что здоровье вашей свѣтлости не весьма лутчее есть, и яко за благоволимое вашей свѣтлости миѣ пожеланіе къ настоящимъ торжествамъ вамъ весьма обязанъ, тако и съ моей стороны вашей свѣтлости, сверхъ всѣхъ благъ, особливо искренне желаю, дабы съ симъ возобновленіемъ лѣта и ваше здравіе всесовершенно возобновилось, яко я въ ономъ, такъ и во

всемъ томъ, еже до васъ касается, истинное участіе приѣмлю. На такомъ основаніи ваша свѣтлость можете удостовѣрены быть, что я себѣ всякимъ удовольствіемъ поставлять буду въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ ся свѣтлость сестрица ваша мнѣ говорила, елико возможныя мои услуги вашей свѣтлости оказывать. А между тѣмъ по всѣмъ обстоятельствамъ уповательно, что отъѣздъ ея императорскаго величества въ Москву еще на мѣсяць и болѣе продлиться можетъ, по сіе не мѣшаетъ мнѣ пользоваться всѣми удобоказующимися случаями для показанія рачительнаго моего тщанія ко угожденію вашей свѣтлости. Что же касается до пересылки денегъ, то извольте ваша свѣтлость обнадежены быть, что безъ замедленія къ вашей свѣтлости переводятся, какъ скоро оныя въ коллегію иностранныхъ дѣлъ изъ статсъ-канторы присылаемы бывають. По семъ пребываю съ особливымъ почтеніемъ вашей свѣтлости всепокорный слуга графъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ С.-Петербурха. Декабря 27 дня 1743.

220. — Декабря 29-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю Н. Ю. Трубецкому.

Хотя ваше сіятельство ничего мнѣ не должны, однакожь по своей древней любви благосклонно извиняетесь, когда меня чрезъ долгое время забываете; а со всѣмъ тѣмъ то случается чаще, чѣмъ бы я желать могъ. Уже около двухъ мѣсяцевъ я пріятнымъ вашимъ письмомъ не почтенъ, однакожь не чаю, чтобъ то возбраняло мнѣ исполнить мою должность при наступленіи новаго году. Ваше сіятельство сумнѣваться не можетъ, что я по вся дни и всечасно желаю вамъ и вашимъ долготѣνιαго здравія и всякаго благополучія, о которомъ моемъ желаніи при началѣ года ваше сіятельство усердно удостовѣряю и покорно прошу продолжать мнѣ вашу драгоценную дружбу и мною вездѣ и во всемъ смѣло къ услугамъ вашимъ распоряжать, твердо поставляя, что каковъ былъ, таковъ вѣчно буду, и пр.

1744.

221. Января 12-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемпръ графу Лестоку.

Profitant de la gracieuse permission que votre excellence m'a donnée, je recours à elle dans mes nouveaux besoins. Il s'agit de la conservation de ma vie. La longue maladie m'a mis dans un péril évident de la perdre, et mes forces diminuent journellement. Depuis quatre ans j'ai consulté tous les médecins de Paris, et j'ai employé les remèdes qu'ils m'avoient ordonnés sans succès. A la fin en ayant assemblé dernièrement les cinq meilleurs de cette ville, ils sont convenus qu'ils ne sauroient me promettre aucun secours de leur art, et ils m'ont conseillé pour dernière réserve beaucoup de régime et voyages pour me dissiper. Dans cette extrémité j'ai pris la liberté d'envoyer à sa majesté impériale mon très-humble mémoire (dont copie ci-jointe), en la suppliant de me permettre très-gracieusement de m'absenter de cette cour au commencement du printemps pendant six semaines, et de me faire un tour en Angleterre tant à cause des eaux minérales qui s'y trouvent que de l'habileté des médecins de Londres. Je préférerois cependant le voyage d'Italie, puisque l'air y est meilleur et qu'à Naples on trouve toute sorte de secours de la nature; mais comme pour ce voyage il me faudroit au moins quatre mois et somme plus considérable, je n'ai pas osé le demander à sa majesté impériale. Votre excellence verra tout ceci plus au long par la copie ci-jointe, et à laquelle je me rapporte en suppliant votre excellence d'appuyer auprès de sa majesté impériale mon très-humble mémoire et de me procurer la très gracieuse résolution de sa majesté. Ce sera une nouvelle obligation que j'aurai à votre excellence, et qui m'obligera à une reconnaissance éternelle. J'ai l'honneur, etc.

Le 12 janvier 1744.

222. — Января 5-го — 16-го. Парижъ. — Князь А. Д. Каптемпъ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятелыѣйшій графъ премилостивый государь мой! Полагаясь на вашего сіятельства вызнанную высокую милость, симъ вторичнымъ моимъ письмомъ смѣлость пріемлю покорнѣйше докучать, чтобъ нижайше вашему сіятельству донести, что я сегодня отважился отправить къ ея императорскому величеству второе мое рабское прошеніе, которымъ уже всеподданнѣйше именно прошу позволеніе объ отъѣздѣ въ Италію. Къ тому меня побудили послѣдовавшія послѣ первой челобитной разсужденія всѣхъ здѣшнихъ докторовъ, которые мнѣ доказали, что поѣздка въ Лондонъ не только никакой пользы мнѣ принести не можетъ, но напротивъ за густымъ и худымъ тамошнимъ воздухомъ (въ которомъ я семь лѣтъ глазами болѣлъ) и остатки моего дряхлаго здоровья могутъ совсѣмъ изнуриться и къ прочимъ болѣзнямъ присокупить чахотку, которая тамъ весьма обыкновенна. Для того нижайше и сколь могу прилежнѣе ваше сіятельство прошу, чтобъ буде когда намѣрены были чувствительно мнѣ оказать свою милость, то оно учинить при нынѣшнемъ случаѣ, который мнѣ столь важенъ, сколь важно человѣку сохраненіе живота своего, и приложить свое великодушное заступленіе при ея императорскомъ величествѣ, чтобы изъ обыкновенного своего милосердія и соболѣзнованія соизволила мнѣ пожаловать позволеніе на ту поѣздку въ Италію, отъ которой ожидаю подлинно возстановленія своего здоровья, и чтобъ притомъ ея императорское величество по своему великодушію соизволила подать мнѣ способъ пользоваться тою высочайшею императорскою милостью, присокупляя денежную сумму, какова ея императорскому величеству будетъ угодна, понеже я истинно въ двѣнадцать лѣтъ министерства ни одной копѣйки еще накопить не могъ, и долги чуть ли не превосходятъ мое имѣніе. За такое вашего сіятельства чувствительное благодѣяніе я вѣчно буду вамъ одолженъ, а сколько силы позволятъ, отслужить стараться стану. Напослѣдокъ я и о томъ покорнѣйше прошу, чтобъ ея императорскаго вели-

чества всемілостивѣйшій указъ исходатайствовать прежде конца наступающаго марта, понеже начало весны къ вступленію въ такую дорогу мнѣ бы было гораздо полезнѣе. И затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорной послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парника. Генваря $16\frac{1}{5}$ -го дня 1744 году.

223. — Января 19-го. Лондонъ. — В. Кассано Князю А. Д. Кантемиру.

Most noble and illustrious prince! I have received your highness's obliging letter of the 6-th of january and have the honour to acquaint your highness: 1-st, that the «History of America», containing six volumes in - 8°, is translated from the spanish of Herrera; 2-d, that the «History of Asia and of the East Indies», being part of Salmons works containing 32 volumes in octavo, cannot be had in separate sheets, unless by chance some broken sheets may be met with in public sales which I am making inquiry after. But I am informed, that there is at this time a new edition of that work printing with additions in numbers; 3-dly, that Butlers «Hudibras» and Rochester's works in octavo are very scarce and hard to be found, but are to be had in duodecimos, and the price is for both 5 sh. and 3 p.; 4-thly, that the price of the two volumes in sheets of «Jerusalem Liberata» is two guineas. But I beg your highness will let me know whether I may advance more than a guinea, should I find it at a sale, for I am informed I cann't have it at so low a price, and likewise if I should purchase Butlers «Hudibras» and Rochesters works in duodecimos, if I cannot meet with them in octavo. There is now to be sold the famous Harleian Library, the catalogues only of which contains four volumes and are sold for 5 sh. each. The seventh volume of the «Universal History» will not be published before next month, by which time I beg your highness will let me know your pleasure here-upon and what other commands your highness has, that I may accomplish them. My constant prayers

and good wishes allway attend your highness, and I remain, most noble and illustrious prince, your highness's most humble and most obliged servant Bartholomew Cassano.

London. The 19 january 1744.

224. — Января 22-го — февраля 2-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю Н. Ю. Трубецкому.

Третьяго дня я съ особливою своею радостію вновь увѣрился въ продолженіи вашего сіятельства ко мнѣ истинной дружеской милости благосклоннымъ вашимъ письмомъ отъ 29-го декабря. За то, сколь могу, покорнѣйше и прплежнѣйше вамъ благодарствую, ожидая и впредь столь же пріятныя вѣсти. Мои къ вашему сіятельству склонности, вамъ давно уже знакомыя, вѣчно не отмѣнятся, о чемъ однажды за все прошу ваше сіятельство быть удостовѣреннымъ. Причина, за которою чужою рукою пишу, есть плачевное состояніе моего здоровья, которое съ трудомъ и сказывать сіе письмо мнѣ позволяетъ. Уже близъ двухъ мѣсяцовъ въ ночи мучитъ меня жаръ, кашель и потъ, а днемъ рѣзь въ желудкѣ и въ кишкахъ, какъ скоро кусокъ другой къ пропитавію проглочу. Всѣ здѣшніе доктора разными способами попытались мнѣ способить, но всѣ больше еще повредили. Потому наослѣдокъ приговорили, что спасеніе мое зависить отъ приличной діеты и отъ какой-либо пріятной поѣздки для перемѣны воздуха. Для того я дней съ десять тому назадъ отправилъ къ ея императорскому величеству всеподданнѣйшее прошеніе, чтобъ всемилостивѣйше позволила мнѣ съѣздить въ Италію мѣсяца на четыре, понеже тамошній воздухъ одинъ можетъ мнѣ возставить здоровіе, не упомняая разные способы, которые въ Неаполѣ натура представляетъ, также и движеніе дороги, и воздержаніе отъ дѣлъ. То мое рабское прошеніе такимъ образомъ составлено, что гораздо бы мнѣ удивительно, еслибъ не побудило къ соболѣзнованію милосердное сердце ея императорскаго величества, отъ которой, сверхъ помянутого позволенія, еще всенижайше прошу какую денежную подмогу на ту поѣздку, понеже я

въ двѣнадцать лѣтъ ни одной копѣйки скопить не могъ. Препроводилъ я то свое прошеніе письмомъ къ ихъ превосходительствамъ г. Лестоку, г. Разумовскому, г. Воронцову и для пристойности не мпноваль и г. вице-канцлера, также и къ г. Стуммеру и къ маркизу Шетардію, на которого къ себѣ дружбу я много полагаюсь, понеже предъ отъѣздомъ своимъ по меньшей мѣрѣ оную обѣщаль. Къ вашему сіятельству послѣдному теперь присылаю, какъ къ надежнѣйшему своему пріятелю, прося не только съ прочими благодѣтелями присоветовать свое мпlostивое прилежное старательство, чтобъ рабское мое прошеніе было удачно, но къ тому жъ и всѣмъ по часту о томъ напоминать, ихъ побуждать, если всемплоствѣйшая резолюція воспослѣдуетъ, отправленіе указа послѣшать, и однимъ словомъ, буде смѣтъ сказать, отъ васъ стряпчего домогательства прошу и ожидаю, ободренъ старою вашею любовію. Сіе дѣло мнѣ столь важно, сколь важно человѣку сохраненіе своего живота, понеже ежели по несчастію прошеніе мое было бы отказано, то отчаяніе прибавя, жестокость болѣзни къ апрѣлю мѣсяцу, можетъ быть, на тотъ свѣтъ меня отошлетъ. На томъ разсужденіи прошу ваше сіятельство умѣрять свои труды и домогательства, за которые и Богъ вамъ воздастъ, и я вѣчно останусь напачувствительно одолженъ. Прошу извиненія, что симъ кончаю, понеже силы распространять не позволяютъ. За смъ съ крайнимъ почтеніемъ и съ истиннымъ преданствомъ остаюсь и пр.

Изъ Парижа, 22-го января — 2-го февраля 1744 г.

225. — Февраля 2-го — 13-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемпръ князю Н. Ю. Трубецкому.

За мпlostивое ваше увѣдомленіе въ любезномъ письмѣ отъ 7-го генваря вашему сіятельству всепокорнѣйше благодарствую. Въ немъ я еще вновь узналъ напаче вашу истинную дружбу. Я самъ, не видѣвъ чрезъ пять лѣтъ ни одного доброго дня въ Парижѣ, и всѣ зимы бывши мнѣ пагубны, а сія уже и сказать не можно, до чего меня довела, намѣренъ былъ просить о моемъ

отзывѣ, по то по возвращеніи моемъ изъ Италіи, понеже въ пы-
пѣшнемъ моемъ состояніи никакимъ образомъ мыслить не можно,
чтобъ я въ животѣ доѣхалъ до С.-Петербурга. Для того именемъ
Божіимъ васъ прошу, чтобъ никакой способъ не оставитъ пред-
упредить безвременной мой отзывъ въ Россію, и чтобъ напротиву
по моимъ послѣднимъ прошеніямъ позволено было мнѣ съѣздить
въ Италію для возстановленія своего здоровья, безъ котораго ни
здѣсь, ни въ отечествѣ къ службѣ ея императорскаго величества
удобенъ быть не могу. Ея императорскому величеству имѣетъ
быть индифферентно, ежели я шесть мѣсяцевъ ранѣе или позднѣе
въ отечество возвращуся, а мнѣ буде то время не будетъ дозво-
лено для лѣченія, дѣло гораздо дорого станетъ, понеже подлинно
на дорогѣ сдохну. А ея императорскаго величества милосердіе
мнѣ столь извѣстно, что не могу чаять, чтобъ меня къ тому по-
нудитъ соизволила. Не распространяю больше, понеже вы видите
довольно, сколь для меня важно, чтобъ мнѣ дано было время
оправиться, и я знаю, сколь вы сами участіе примете сохранить
животъ вашего пріятели, которой вѣчно не забудетъ ваше благо-
дѣяніе, пребывая неотмѣнно и пр.

Изъ Парижа, 2-го—13-го февраля 1744 г.

226.—Марта 15-го. Лондонъ. В. Кассано князю А. Д.
Кантемиру.

Most noble and illustrious prince! I have received your high-
ness's letter of the 9-th instant and went immediatly to mr. Va-
liant to inquire by what way and to whom he had sent your
highness Swift's works and Rowning's «Philosophy», and he informs
me, he sent them to m. Carpantier, merchant in Calais. I had the
honour the 27-th of february to answer your highness's letter,
which I suppose has miscarried in the following articles (viz.),
that I should cease from purchasing any more books except the
7-th volume of the «Universal history», which is now yet come
out; and for the exorbitant price is for the 7-th and 8-th parts
which accomplish the whole work, and the (same) is sent. Henry

Stephen's his «Greek Thesaurus» in-folio was never printed in England. The collection of voyages, 4 volumes in-quarto, will be this twelve months before it is finished, and it will be some time before the first volume comes out. I have purchased the four volumes your highness has now sent for of Horatius, Virgilius, Terentius, Juvenal and Persius, and have delivered them to his excellency prince Scherbatow, who has taken the charge to convey them to count Golowkin at Holland in order to be sent to your highness, and shall continue with pleasure to execute all the commands your highness, and shall continue with pleasure to execute all the commands your highness honours me with, who am, most noble and illustrious prince, your highness's most humble and most obliged servant Bartholomew Cassano.

London, the 15-th March 1744.

Swift's works 11 vol in 8° L. 1 — 7 — 0

Rowning's Philosophy 7-th and 8-th vol. 0 — 3 — 0

The four classics. 0 — 13 — 0

L. 2 — 3 sh. 0

Письма безъ точной даты ¹⁾.

227. — Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемпръ Замбони.

1) La quantité de rhubarbe ne doit pas passer les 1,000 pouds. 2) Toute la . . . doit être nette et parfaite selon le brack usité. 3) Le dernier prix: 119 écus le poud, la douane franco. 4) On payera l'argent six mois après la reçue (sic) de la marchandise qu'il recevra quand il lui plaira et par telle quantité qu'il trouvera à propos. 5) Dans deux années de temps après la conclusion du contrat on ne fera pas sortir de tout l'empire pas un brin de rhubarbe. 6) Le collège de comnerce n'a présentement d'autre rhubarbe que les 1,000 pouds susmentionnés.

¹⁾ Точно опредѣлить время написанія этихъ городскихъ записокъ не возможно; несомнѣнно только, что онѣ относятся ко времени пребыванія Кантемпра въ Лондонѣ (съ марта 1732 года по сентябрь 1738).

7) S'il se trouve que le collègue a disposé de quelque quantité de rhubarbe qu'il soit après la conclusion du contrat, le contrat sera nul et le marchand ne sera pas obligé de payer la partie qu'il aura entre les mains.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 575).

228. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Le prince Cantemir est prêt de faire un contrat avec m. Thornton, en protestant que s'il ne plait pas au collègue de commerce, le contrat sera nul. Les conditions en doivent être: 1-re) que m. Thornton aura 1,000 pouds tout au plus de bonne rhubarbe etc.; 2-de) qu'il payera 115 roubles par poud en six mois de temps après la marchandise délivrée; 3-e) qu'il ne payera point de douane pour l'exportation; 4-e) qu'il fera le paiement en lingots ou dollars à St.-Pétersbourg; 5-e) l'argent sera compté à 19 copecs le zolotnik.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 573).

229. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je vous suis infiniment obligé de la peine que vous vous donnez pour l'affaire de la rhubarbe; je n'en suis pas moins obligé à m. Studly, et je crois que l'escompte de onze pour cent sera agréé par le collègue de commerce. M. Thornton est alarmé mal à propos par la nouvelle de son correspondant, car la rhubarbe n'est pas encore vendue à m. Lokwood, et par conséquent, notre contrat avec lui, Thornton, est bon, y ayant été stipulé tout ce qu'il falloit pour la sûreté de deux ans qu'il demande. Je n'ai point de rhubarbe à vendre, ni le collègue non plus pour l'année courante. J'attends l'honneur de votre compagnie demain au diner, et je suis avec beaucoup d'estime et de tout mon coeur, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 559).

230. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Demain à dix heures je suis appointé chez milord Harrington, d'où je ne puis pas deviner à quelle heure je sortirai, de sorte que, jeudi étant ma journée de cour, il est impossible de voir notre ami avant midi. Après diner, depuis quatre jusqu'à six, je l'attendrai tout exprès: aujourd'hui je ne sors pas jusqu'après-dîner. Je vous suis infiniment obligé du trouble que vous vous donnez dans cette affaire, et d'avoir été hier chez moi. J'étois dans le voisinage à faire visite à une malade. Je suis avec toute la considération imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 555).

231. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! J'aurai l'honneur de vous attendre jusqu'à midi; en attendant, je vous supplie de m'envoyer ce Milanais qui a servi l'ambassadeur d'Espagne, et d'être persuadé que je suis avec toute l'estime possible, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Samedi matin.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 563).

232. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Vous devinez juste: on m'a demandé l'«Histoire de...»; c'est à cause de cela que je vous la renvoie, mais je veux l'avoir. Je vous enverrai ce soir les livres à Droquer et je verrai avec plaisir la Bible. Bien des remerciements pour la lettre de m. Menetti; je passerai dans une heure chez vous pour vous assurer que je suis avec beaucoup d'estime, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 565).

233. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Vous m'obligez beaucoup, monsieur, en me promettant la distinction; j'en aurai besoin demain, ainsi il n'y a rien qui presse. Quant aux tableaux, je suis bien fâché que je ne saurois vous obéir manque d'argent: j'attends tous les jours le retour d'une lettre de change que j'ai envoyée à Amsterdam; d'abord que je l'aurai, je ne manquerai point de faire le plaisir au propriétaire de ces tableaux, mais sans retenir les tableaux. Je suis, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 567).

234. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Vous m'avez obligé en me procurant la connaissance de m. Arrigoni; mais moi, en faisant l'accord avec lui, je n'avois pas examiné d'autres raisons, qui m'obligent à présent de vous prier de lui faire savoir que par les maximes d'amitié je ne puis pas l'avoir pour mon maître; cependant il peut être assuré de ma part que je serai toujours bien aise, quand il voudra me faire le plaisir de venir chez moi. Vous entendez bien, monsieur, ce que je veux dire par les *maximes d'amitié*, de manière qu'il n'est pas nécessaire de vous ennuyer par l'explication, et peut-être que m. Arrigoni la devinera lui-même, de manière que je finirai en vous assurant que je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 571).

235. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Je vous remercie infiniment pour m'avoir donné le plaisir de voir les pièces de m. Haendel, et je vous les renvoie sitôt, parce que c'est de la plus sublime algèbre pour ma tête peu musicale

(une composition de la manière de Salviati), qui n'aime pas voir devant elle des choses qu'elle ne peut pas comprendre.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 572).

236.—Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! J'espère, que vous me ferez demain le plaisir de venir manger la soupe chez moi avec m. Caniorci. En attendant, vous aurez la bonté de l'avertir, que j'ai un valet à lui donner, qui entend l'allemand, l'anglais et le russe et qui cherche place; s'il a accepté, qu'il me fasse savoir demain, lorsqu'il viendra chez moi. Je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers vol. IX, f. 574).

237.—Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Mon cher monsieur! Je vous aurois envoyé avec plaisir mon maître-d'hôtel, mais par malheur il est allé en ville; je vous l'enverrai dès qu'il en reviendra. Je suis fâché d'apprendre que vous êtes encore mal, et j'espère entendre bientôt de meilleures nouvelles. La part que je prends à votre maladie, est une conséquence de mon amitié et de mon estime pour vous; je souhaiterois cependant que vous vous portiez bien et que vous me donniez d'autres occasions pour vous témoigner mon attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Si vous voyez du monde, je me donnerai l'honneur de passer chez vous demain.

(Бодлеева библиотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 577).

Письма князя А. Д. Кантемира князю И. А. Щербатову¹⁾.

1739.

238. — Сентября 11-го—22-го. Парижъ.

Mon prince! Comme je suppose que votre altesse sera déjà arrivé à Londres, j'ai crû de mon devoir à vous en faire mon compliment et vous souhaiter toute sorte de succès dans votre nouvel emploi. Sa majesté impériale n'auroit pas pû choisir une personne plus zelée pour son service, plus propre pour la cour, où vous arrivez, et dont le voisinage puisse me faire plus de plaisir. Je me flatte que j'auroi une occasion favorable de jouir par votre correspondance de l'amitié dont vous m'avez honoré autrefois, et laquelle je tâcheroi de mériter de mon mieux. Je diffère à vous parler des affaires jusqu'à ce que j'auroi appris votre arrivée, d'autant plus que je seroi obligé de me servir des chiffres, dont j'ai laissé la clef entre les mains de monsieur Mosaleffsky; mais je ne saurois manquer à vous donner part de l'agréable nouvelle que nous reçumes avant hier de la défaite des Turcs près de Chozim et de la prise de la ville dont la garnison se rendit prisonniers de guerre. Ce fut le 29 d'août, que monsieur Munich attaqua les ennemis dans leur retranchements, et le second jour il prit la ville.

Si votre altesse a ordre de m'envoyer monsieur Mosaleffsky, comme on me l'a fait espérer, et qu'il n'ait pas de quoi faire son voyage, je vous prie de lui fournir le nécessaire sur mon compte, en quoi vous m'obligerez sensiblement. Au reste j'ai l'honneur d'être avec tout l'estime et considération imaginable, monsieur, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 22/11 septembre 1739.

Помѣта князя Щербатова: «Получено и отвѣтствовано в. с. 18 сентября».

1) Писанное въ подлинникахъ шифромъ печатается въ ковычкахъ.

239. — Сентября 12-го—23-го. Парижъ.

Mon prince! La personne qui aura l'honneur de remettre à votre altesse la présente, est le sieur Bucquet, apothicaire. C'est un très honnête homme, qui a servi monsieur le comte de Montijo pendant son séjour à Londres à la grande satisfaction de cet ambassadeur. Je souhaite de tout mon cœur que votre altesse jouisse dans cette ville d'une santé aussi parfaite qu'elle se puisse entièrement passer du ministère des apothicaires; cependant, en cas qu'elle en ait besoin, je la supplie de donner la préférence au dit sieur Bucquet, qui vous servira aussi bien que qui que ce soit. J'en auroi à votre altesse une obligation très particulière, continuant d'être avec toute l'estime et toute la considération imaginable, mon prince, de votre altesse le très humble et très obeissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 23/12 septembre 1739.

240. — Октября 9-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевич! Вашего сіятельства два почтениѣйшія письма отъ 10-го сентября чрезъ ученика Мозалевскаго и другое отъ 18-го того же я получилъ исправно, въ которыхъ столь лестные знаки продолжаемой ко мнѣ вашей благосклонности нахожу, что не могу довольно возблагодарствовать. Покорно прошу ваше сіятельство и впредь почитать меня своею дружбою, которую я по возможности стараться стану заслужить.

Вышеупомянутый ученикъ Мозалевскій прибылъ сюда 6-го сего и при письмѣ вашемъ вручилъ мнѣ ключъ цифирный, который впредь употреблять не оставлю. Нынѣ объ здѣшнихъ дѣлѣхъ мало что примѣтного доносить имѣю, понеже всѣ, кажется, стоятъ въ невзвѣстномъ состояніи, пока нынѣшняя въ Европѣ ферментация что-нибудь наружу выведетъ. Съ нетерпѣніемъ здѣсь смотрятъ, въ какой путь пойдетъ война аглицкая съ испанцами, которая до сѣхъ поръ больше на робячу игру походитъ. Буде станетъ серіознѣе, и агличане учинять какое напа-

деніе на области пшпанскія въ Америкѣ, по всему видимому, здѣшній дворъ участіе въ ней приметъ, и по общему мнѣнію, чинимыя въ Тулонѣ и въ Брестѣ морскія вооруженія (которыя произведуть флотъ 26 кораблей, кромѣ недавно изъ Балтики возвратившейся извѣстной эскадры) къ тому намѣренію чинятся. Слышно, что и сухопутное войско скоро будетъ прибавлено, но еще о томъ указы не выданы.

Въ Юлій-и-Бергскомъ дѣлѣ ничего проникнуть не можно, что и самого палатинскаго министра беспокоитъ, которому ничего объ ономъ не сообщаютъ, хотя по частымъ и долгимъ конференціямъ министра прусскаго съ здѣшними судить не трудно, что та негоціація скрыто производится. Трактата голландскаго заключеніе изъ дня въ день отлагаютъ, «тѣмъ болѣе маня голландскому послу, чѣмъ въ намѣреніи оной когда къ концу привести. Съ шведской стороны не сумнѣваюсь, что какія-либо внушенія здѣсь чинились, но нечаянное заключеніе мира межъ цесарскимъ, нашпмъ и турецкимъ дворомъ (котораго дефинитивной трактатъ подписанъ осмо-го-на-десять сентября), уповаю, отмѣну въ томъ принесетъ». Того нашего мира обстоятельства еще намъ подробно не извѣстны; только отъ кардинала мнѣ сообщено, что основаніемъ онаго положенъ трактатъ 1700 году, и что городъ Азовъ имѣетъ быть разоренъ и опустошенъ, съ позволеніемъ построить, такъ намъ, какъ туркамъ, крѣпости всякому на своихъ границахъ. Подлинно невѣрные николи себѣ не могли ожидать столь авантажныя кондиціи, каковы безразсудная поспѣшность Нейбергова имъ доставила. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Октября 9-го дня 1739.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 7 / 18 октября; отвѣтствовано 8 / 19 того же въ Лондонѣ».

241. — Октября 25-го — ноября 6-го. Фонтенбло.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Высокоблагосклонное вашего сіятельства письмо отъ 8-го—19-го октября ко мнѣ

дошло исправно, за которое покорнѣйше благодарствую. Отвѣтомъ я поумедлилъ, не находя ничего къ извѣстію вашему достойнаго отъ здѣшнихъ дѣлъ, а о постороннихъ, безъ сумнѣнія, изъ своихъ мѣстъ вы увѣдомлены. Между прочими изъ оныхъ нашъ съ турками миръ примѣчанія достоинъ, котораго кондиціи при семь прилагаю экстрактомъ. Нечаянно оный приключился для нашихъ сосѣдовъ, которые, какъ думаю, много дивятся, что онъ чрезъ французскаго посла посиѣщенъ и къ концу приведенъ. Здѣсь всѣмъ то обстоятельство не понятно кажется. Каково ни есть, нашъ дворъ оный миръ во всемъ аппробуетъ, возвращая сверхъ того добровольно Молдавію всю и Хотимъ. Теперь ожидаемъ видѣть, въ какову по такомъ приключеніи дорогу вступить шведской народъ; буде военную предызберетъ, чаю, что въ малое время покается, ибо его одного силы слабы, а въ нынѣшнихъ околпчностяхъ здѣшней помочи ожидать трудно могутъ; а коли наипаче, что объявленіе войны съ аглицкой стороны заставитъ здѣшнихъ думать объ мѣрахъ, которыми бы предупредить той націи дальные прогрессы. Время лучше откроетъ прямое кардинальское намѣреніе, которое по сию пору угадать трудно во всѣхъ почти дѣлахъ. Видно только, что въ безпокойствѣ здѣшніе министры часто въ совѣтѣ межъ собою, а наружу ничего не выходитъ. То жь могу сказать въ томъ, что касается Юлія-п-Берга: Негоціація та или остановилася, или такова, что въ люди показать стыдно, ибо и самому палатинскому министру о прогрессахъ здѣшняго министерства съ прусскимъ дворомъ ничего не извѣстно и ничего не сообщается. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ непремѣнно пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь А. Кантемиръ.

Изъ Фонтенеблю. 1739 ноября 6-го п. st.

Article 1. On oubliera de part et d'autre le passé, s'il y aura à l'avenir entre les deux parties contractantes une sincère amitié et une paix perpétuelle.

Article 2. Les limites des deux empires resteront selon les

traités antérieurs et particulièrement selon ce qui sera déterminé dans une convention à faire en conséquence de ce traité.

Article 3. La forteresse d'Asoff sera démolie; son territoire selon les limites établis par le traité de 1700 restera desert et servira de barrière aux deux empires. On batira en echange deux forteresses, la Russie en deça de l'isle Czercaskoy vers Azow, et la Porte sur le confins du Couban vers Azow. La situation de ces deux forteresses sera déterminée par les commissaires qu'on nommera de part et d'autre. Taganrock ne sera jamais rétabli, et la Russie ne formera point de flotte dans la mer de Sahaz ou sur la mer Noire.

Article 4. Le reglement de limites est laissé à la discussion des commissaires à nommer pour cet effet, mais il doit être achevé en six mois de temps après l'échange des ratifications.

Article 5. Les nations sujetes aux deux empires ne se feront point de tort réciproquement, et si elles le font, elles seront punies et obligées de restituer ce qui auroit été enlevé.

Article 6. Les deux Cabardes resteront indépendantes. Chacun en pourra prendre des otages et chatier leur insolences.

Article 7. Les prisonniers et esclaves de part et d'autre seront rendûs sans rançon et sans exception.

Article 8. On ne donnera point d'asyle aux transfuges et aux traîtres.

Article 9. Les sujets des deux empires jouiront d'un commerce libre dans les états réciproques: cependant les Russes ne pourront le faire dans la mer Noire que sur des vaisseaux turcs.

Article 10. Les pelérins russes auront la permission de visiter les Lieux Saints à Jerusalem.

Article 11. On conviendra incessamment et amicalement sur ce qui regarde le titre impérial, que sa majesté de toutes les Russies demande.

Article 12. L'impératrice pourra tenir auprès de la Porte tel ministre et en tel caractère qu'elle trouvera à propos.

Article 13. Les deux parties contractantes s'enverront réci-

proquement des ambassades extraordinaires avec présents conve-
nables.

Article 14. Les ratifications seront échangées en trois mois. Tous les traités antécédents seront abolis. Après la ratification le roi très chrétien accordera sa garantie.

Помѣта князя Щербатова: «Получено въ Лондонѣ 31 8-bre—11 9-bre;
отвѣтствовано 1/2 9-bre».

242. — Ноября 14-го—25-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Переѣздъ мой изъ Фонтенбло сюды и множество письма не допустило меня въ свое время вашему сіятельству благодарствовать за два пріятнѣйшія ваши письма отъ 25-го октября и 1-го ноября. Содержаиємъ оныхъ по премногу вашему сіятельству я обязанъ. Нового чтò взаимно доносить я не имѣю, понеже отъ Виленева по заключеніи извѣстной конвенціи писемъ здѣсь не получали. Какова та конвенція и не есть, и самой трактатъ, ея императорское величество все апробуетъ, чтобъ показать здѣшнему двору аттенцію къ его медиации и имѣть свободныя руки для сосѣдей. Сіи, какъ вашему сіятельству извѣстно, и послѣ полученія вѣдомости о нашемъ мирѣ войска свои въ Финляндію отправили, и потому я указъ имѣлъ при кардиналѣ еще повторить свои представленіи, дабы при обнадеживаніи о мпролюбныхъ ея императорского величества намѣреніяхъ пристойными совѣтами Швецкой дворъ успокоить. Господинъ кардиналь по тому говорилъ здѣсь графу Тессину и швецкому мпнистру Флемингу, которые обѣщались влѣдствіе писать въ Стокгольмъ. «Еслибъ можно на кардинальскія обнадеживанія полагаться, то мы не имѣемъ ничего съ швецкой стороны опасаться. Вы сами усмотрѣтъ изволите, что нынѣшнія обстоятельства то подтверждать кажутся, и буде здѣшней дворъ въ аглицкую войну вступить, какъ со временемъ принужденъ будетъ вступить, не знаю, какую пользу ожидать себѣ можетъ изъ начатія войны, которую Швеція свести не въ состояніи. То меня понуждаетъ чаять, что въ имѣвшихся въ свѣхъ

днѣхъ частыхъ конференціяхъ межъ Тессинномъ и кардиналомъ принимаются мѣры для помянутой аглицкой войны». Буде что впредь лучше открытъ будетъ можно, не премину вашему сіятельству донести. Между тѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь А. Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 25-го—14-го дня 1739 году.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 18/29 ноября; отвѣтствовано 19/30 въ Лондонѣ».

243. — Декабря 4-го—15-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 19-го—30-го ноября я получилъ во свое время исправно, но въ ожиданіи чего ни есть нового и къ извѣстію вашему достойного отвѣтъ до сего дни отложилъ, а сего дни я имѣлъ честь получить другое ваше отъ 26-го ноября. За оба вашему сіятельству покорно благодарствую, какъ и за сообщеніе происхожденій при вашемъ дворѣ. Адресъ парламентской весьма примѣтенъ и таковъ, что, по видимому, надолго всякому примиренію способъ пресѣченъ, понеже какъ нечаятельно, чтобъ его аглицкое величество предписанное въ томъ адресѣ преступилъ, такъ мало надежды, чтобъ испанской дворъ склонился безъ крайней нужды на означенныя въ немъ прелиминаріи. Потому я чаю, что оный адресъ здѣсь не понравился, пбо кардиналъ, видя, съ одной стороны, тягость войны, а съ другой—невозможность въ оную не вступить, буде агличане въ Америкѣ будутъ чрезмѣрно удачливы, охотно бы учинился примирителемъ. До сѣхъ поръ еще усмотрѣть не можно, какая на послѣдокъ будетъ его резолюція, и по видимому, она отъ дѣйствъ адмирала Вернона зависятъ. Нашъ миръ съ турками отъ ея императорскаго величества совсѣмъ ратификованъ; но по отъѣздѣ Вилленомъ изъ Ниссы не имѣю здѣсь отъ него никакаго извѣстія; не знаемъ что съ турецкой стороны чинится въ томъ, что насъ касается. Что до цесарскаго трактата принадлежитъ, еще весьма

мало исполненіе онаго воспослѣдствовало, и для того цесарскіе министры рекламовали французскую гварантію, почему отсюду къ Вилленеву указъ посланъ, чтобъ крайне старался склонить Порту къ исполненію артикуловъ трактата. По дѣйству, которое его домогательства произведутъ, узнать будетъ можно, надеженъ ли нашъ миръ, или нѣтъ. Каково ни есть, слухъ онаго въ Швеціи горячности къ войнѣ убавилъ, и здѣсь уже тамошнимъ проектамъ мало аттенціи даютъ, такъ что шведы отчасти недовольны.

Гишпанской посоль хотя отсюду отозвавъ, еще не подыметя до прибытія его наслѣдника. Общее мнѣніе тотъ отзывъ приписуетъ кардинальскому прошенію, понеже господинъ Де-ла-Мина негораздо ему былъ пріятель, а онъ сказываетъ, что самъ объ отзывѣ просилъ, въ обиду себѣ чая, что не повышенъ въ grand d'Espagne. О Юлійи-и-Бергскомъ дѣлѣ ни слова не слышать, какъ бы въ воду потонуло. Отъ короля Прусского присланный сюды его каммердинеръ Миллеръ, какъ мнѣ заподлинно сказано, пріѣхалъ покупать ковры и картины печатныя.

По вашего сіятельства приказу не премину къ вамъ съ первымъ куріеромъ отпривить придворный календарь на наступающій годъ, которымъ ваше сіятельство отъ сердца моего поздравляю, желая въ немъ и въ многихъ предбудущихъ теченіи вамъ всякаго благополучія, и съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря 15-го—4-го дня 1739.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 12/23 декабря; отвѣтствовано 24 декабря—4 генваря 1740 году въ Лондонѣ».

244. — Декабря 23-го — января 3-го 1740. Парижъ.

Monsieur! On a reçu ici il y a quelques jours le manifeste du roi de Prusse. Il a paru à tout le monde bien nouveau et

extraordinaire, et ce sont les expressions mêmes de monseigneur le cardinal. Son eminence, comme les autres ministres françois, desapprouve hautement la demarche que cette pièce tâche de justifier. Mais selon les apparences on se tiendra là, jusqu'on n'est guère d'humeur de prendre les armes en faveur de la maison d'Autriche. Aussi les assurances et protestations qu'on avoit faites d'abord sont beaucoup ralenties, et si on parle de la garantie de la sanction pragmatique, ce n'est que pour prouver qu'il y a des cas, où on n'est pas obligé à s'y tenir. On est dans les mêmes dispositions par rapport aux prétentions de la Bavière et de l'Espagne, c'est-à-dire, que selon les apparences on laissera les mains libres aux prétendants. Le ministre de Bavière vient de recevoir un manifeste de la cour, dont il n'a paru qu'une partie en françois, par laquelle il tâche de prouver que par l'expression du testament de Ferdinand I «*ehrliche Leibeserben*» on ne doit entendre que les heritiers mâles. Toute les lettres d'Espagne confirment le dessein d'envoyer 30 mille hommes en Italie. La reine, selon ces mêmes lettres, voudroit se passer du roi de Sardaigne, parce que son amitié couteroit trop cher. En ce cas là on sera obligé de faire transporter les troupes par mer. L'ambassadeur d'Espagne s'est assez expliqué que le roi son maître, nonobstant ses droits sur tout l'heritage de l'empereur, se contenteroit des provinces d'Italie. Tout ceci prepare un grand orage, dont la France apparemment souhaiteroit être spectatrice. Nous en venons d'être persuadés par la réponse peu satisfaisante qu'on a donnée au prince Lichtenstein sur sa demande en forme touchant le secours actuel contre les troupes prussiennes. Monsieur de Belle-Isle qui a été nommé ambassadeur pour le congrès de Francfort n'a pas encore fixé le temps de son départ. Du reste on n'arme ici que par mer.

Je ne saurois finir cette lettre sans souhaiter à votre excellence toutes sortes de prospérités dans l'année que nous venons de commencer, en lui réitérant les assurances du parfaite estime et du vrai attachement avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

monsieur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 3 janvier nouveau style 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 11 января—31 декабря 1740; отвѣтствовано 8/19 генваря въ Лондонѣ».

1740.

245. — Января 19-го—30-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вашего сіятельства почтенное письмо отъ 31-го декабря я получилъ во свое время исправно; но застало оно меня въ многихъ суетахъ, понеже на сихъ дняхъ перевозился въ новый свой домъ, и для того отвѣтомъ на оное поумедлилъ, въ чемъ покорно прошу меня извинить; а вчерась дошло ко мнѣ другое ваше отъ 10-го генваря. Содержаніемъ обѣихъ я по премногу вашему сіятельству обязанъ, уповая, что и впредь благосклонно о происхожденіяхъ при вашемъ дворѣ меня безызвѣстно оставить не изволите, а я съ своей стороны большую исправность впредь обѣщаю.

«Въ послѣднемъ почтениѣйшемъ вашемъ именованіе господина Фивча ко двору нашему примѣтно, о которомъ изъ Лондона ко мнѣ пишутъ, что и посольской карактеръ съ собою везеть, хотя его отправленіе послѣ смотря Рондова есть сродное слѣдство, и потому все дѣло собою просто. Однакожь не сумнѣваюсь, что здѣсь о томъ будутъ много толковать, понеже народный слухъ подалъ здѣшнимъ подозрѣніе, что межъ аглицкимъ и нашимъ дворомъ какой-либо союзъ согласуется. О томъ же и министры ко мнѣ отзывались. Съ одной стороны, то ихъ подозрѣніе можетъ препятствовать имъ съ истинною радѣть о спокоеніи шведскихъ возмущеній и въ совершеніи мира турецкаго, а съ другой—чаю, тѣмъ полезно, что въ насъ прилежнѣе искать станутъ. Съ тѣхъ поръ, что уже французской посоль къ двору нашему прибылъ, усмотрѣть будетъ не трудно, на которую сторону больше тянуть станутъ». То безсумнительно, что война

аглицкая мѣнѣиство здѣшнее безпокоить, и охотно предупредить желаютъ всякое великобританскихъ силъ приращеніе. Впрочемъ, въ сухопутномъ войскѣ никакой прибавки не чинятъ, а кораблей въ Тулонѣ, въ Брестѣ и въ Рошфортѣ отъ 70 до 40 пушекъ вооружаютъ около тридцати. Но въ томъ вооруженіи немного спѣшатъ, не смотря на вооруженіе голландское, которое маловажно показалось. Отправленіе новой аглицкой эскадры въ Америку больше импрессиі учинило, но до полученія вѣдомостей оттуду о какихъ-либо аглицкихъ важныхъ прогрессахъ я не чаю, что здѣсь резолюцію какую примутъ.

«На сихъ дняхъ отсюда для сѣверныхъ краевъ около трехъ милліоновъ ливровъ французскихъ переведено, и какъ мнѣ сказано, часть изъ оныхъ переслана чрезъ Лондонъ и Амстердамъ. Ваше сіятельство и особливо меня обяжетъ, и двору нашему удобное дѣло учинить, провѣдавъ истину сего послѣдняго обстоятельства, ея императорскому величеству прямо о томъ донести, о чемъ я ваше сіятельство покорно прошу. Со всѣмъ тѣмъ отправленіемъ денегъ я не могу примѣтить, чтобъ здѣсь въ шведскіе проекты вступить намѣреніе имѣли, и повседневно написальнѣе и меня удостовѣряютъ», что марки Вилленевъ усердно старается при Портѣ въ довершеніи мирнаго дѣла. Но отъ того посла послѣ 26-го ноября здѣсь писемъ не получали, и о отправленіи султанской ратификаціи на нашъ трактатъ еще извѣстія не имѣемъ.

Отъ здѣшнихъ вѣдомостей только къ любопытству вашему достойнаго нахожу, что дюкъ де-Бурбонъ третьяго дня скончался. Сыну его король пожаловалъ чинъ оберъ-гофмейстера и обѣщаніе Бургундской губерніи, когда прійдетъ въ возрастъ 18-ти лѣтъ; а между тѣмъ въ ту губернію назначенъ обрѣтаемый въ Римѣ посоль дюкъ Сентъ-Егньянь.

Календарь отъ меня къ вашему сіятельству отправленъ, которая малая услуга недостойна столь учтивого благодаренія, каковымъ ваше сіятельство меня обязуетъ. Уповаю, что впредь изволите мнѣ подать случаи, чтобъ я могъ въ чемъ важнѣйшемъ

оказать свое крайнее почтеніе и истинное преданство, съ которыми пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 30-го—19-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 27 генваря; отвѣтствовано 31 генваря въ Лондонѣ».

246. — Февраля 1-го—11-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вчерась я получилъ письмо отъ господинъ Ланчинского, въ которомъ мнѣ даетъ знать о дѣйствительной размѣнѣ ратификацій нашей съ султанскою. Она размѣна учинена въ Константинополѣ 17-го—28-го декабря съ подобными во всемъ церемоніями, какъ его римско-кесарского величества размѣна жь ратификацій недавно учинена. Сія вѣдомость будучи весьма важна, и не зная, прямо ли вашему сіятельству объ оной изъ Вьены донесено, я должности своей чаялъ безъ замедленія о томъ вамъ сообщить. А впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего новаго къ извѣстію вашего сіятельства достойного теперь не имѣя, прекращаю сіе, съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Февраля 1-го—12-го дня 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 6/17 февраля; отвѣтствовано 7/18 того же въ Лондонѣ».

247. — Февраля 23-го — марта 5-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вашего сіятельства три почтенныя письма отъ 31-го генваря, отъ 7-го и 12-го февраля я во свое время получилъ исправно и за оныя, какъ и за сообщенное въ нихъ, покорнѣйше благодарствую, наипаче жь за приложенный трудъ въ извѣдываніи вѣдомости о пересылкѣ денегъ чрезъ Лондонъ. Стыжуся, что такъ долго отвѣтомъ на первое умедлилъ, и хотя здѣшнее безпорядочное житіе больше, чѣмъ моя склонность, въ томъ виновна, однакожь покорно въ томъ прошу прощенія.

«Сколько касается вашего сїятельства разсужденїи о безвѣнности отправленїа господина Финча къ двору нашему, оныя весьма благоразсудны, но нынѣшнія обстоятельства таковы, что всѣ аглицкія дѣла здѣшнему двору подозрительны быть имѣютъ, наипаче когда всѣ со всѣхъ сторонъ вѣдомости, правда, ложно, но непрестанно подтверждаютъ, что онъ ѣдетъ къ двору нашему для подписи союзного трактата. Для отнятія сего сумнительства много здѣсь по указу домогался, безъ удачи».

Деньги въ Гамбургъ подлинно отправлены, и тутъ сумма не превосходитъ ли три милліона. А на сихъ дняхъ резолюція принята издавно приготавливаемыхъ вооружить 12 кораблей въ Брестѣ да 6 въ Тулонѣ, для которыхъ уже и офицеры именованы, и особливо надъ брестскою эскадрою главнымъ командиромъ назначенъ графъ Рокфейль. По общему мнѣнію, тому вооруженію аглицкая война поводомъ; и понеже не можно чаять, чтобъ здѣшніе въ оной участіе принять хотѣли прежде, нежели агличане какую важную удачу получаютъ въ Америкѣ, статься можетъ, что помянутыя двѣ эскадры не поспѣшатъ въ море выступить, хотя дней въ 15 готовы быть могутъ. «Предвидѣть не могу, чтобъ взъ тѣхъ кораблей часть была для Балтики опредѣлена, но совсѣмъ тѣмъ то невозможнымъ не почитаю, разсуждая древнее согласіе здѣшняго двора съ шведскимъ, что французская партїа въ тамошнемъ министерствѣ для сохраненїа своего требуетъ, чтобъ чѣмъ ни есть надежды безпокойныхъ людей возобновить и воскресить тѣ сердца, которыя заключенїемъ нашего мира съ Портою подавлены». Тотъ миръ уже къ совершенному окончанію приведенъ, и посоль турецкой къ нашему двору назначенъ.

На мѣсто умершаго графа Камбиса здѣсь человекъ прискипываютъ, но я чаю, что въ томъ сдѣлать не стануть, ожидая видѣть, въ какой путь дѣла пойдутъ. Отъ Гессенъ-Кассельскаго двора подлинно давно сюды прибылъ нѣкто баронъ Асбургъ. Карактера онъ никакого не имѣетъ и хотя къ королю акредитованъ, по здѣшнему обыкновенію у его величества аудїенціи не имѣлъ. Съ кардиналомъ и съ статскимъ секретаремъ весьма рѣдко ви-

дается, «и какъ тѣ французскіе министры съ удивленіемъ удостовѣряютъ, до сѣхъ поръ ни о какомъ дѣлѣ рта не отворяля. Большая часть чужестранныхъ министровъ не меньше здѣсь, чѣмъ у васъ, любопытны знать его комиссію, но по сию пору ничего подлиннаго провѣдать не могли; основательнѣйшее мнѣніе есть то, что онъ присланъ наблюдать за графомъ Тессинномъ и за принцами Цвейбрюкенскими, изъ которыхъ одного помянутый графъ чуть ли къ шведскому наслѣдству не собитъ». О всемъ вышеписанномъ отъ меня во свое время къ двору всеподданнѣйше донесено; а ваше сіятельство покорно прошу послѣднее мое разсужденіе держать про себя одного. Впрочемъ, и здѣсь мы слышали о отправленныхъ въ Гишпанію французскихъ деньгахъ, и ту вѣдомость за подлинну и почестъ можно. За симъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа февраля 23-го — марта 5-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Отвѣтствовано 17/28 марта».

248. — Апрѣля 1-го — 22-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вашему сіятельству покорно благодарствую за ваше письмо отъ 17-го марта и за сообщеніе вѣдомости о взятіи агличанами Портобелла. Она вѣдомость негораздо здѣшнимъ понравилась, только въ поступкахъ французскаго министерства никакакой премѣны не приключилось, понеже крѣпости того города разорены. А чаятельно, что ежели агличане другіе важные авантажи въ Америкѣ получаютъ и тамошними испанскими провинціями обладать похотятъ, французы въ недѣйствіи далѣе пребывать не могутъ. Впрочемъ, господинъ Бюсси имѣетъ въ Лондонъ прибыть для отправленія тамо дѣлъ здѣшняго двора, пока на мѣсто умершаго Камблеса другой посолъ назначенъ будетъ. Онъ теперь болень, а какъ скоро выздоровѣетъ, отсюда подымется. За симъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго теперь не имѣя, прекращаю сіе,

съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Апрѣля 12-го — 1-го 1740.

P. S. Приложенное при семъ письмо покорно прошу отдать господину генералу Кейту, ежели его превосходительство еще въ Лондонѣ обрѣтается.

P. S. 2. Господинъ Бюсси, какъ въ сей часъ слышу, отсюда третьяго дни отѣхалъ, почему вдругъ съ письмомъ моимъ въ Лондонъ прѣбыть можетъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 9-го апрѣля; отвѣтствовано 14-го того жъ въ Лондонѣ».

249. — Мая 13-го—24-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 25-го апрѣля я имѣлъ честь получить исправно. При покорнѣйшемъ моемъ благодареніи за сообщенное въ немъ взаимно имѣю донести, что о заключеніи союза межъ Швеціею и Портою обстоятельно уже здѣсь извѣстно. А какую пользу отъ него Шведской дворъ себѣ ожидаетъ, разумѣть трудно. «Легче усмотрѣть, что здѣшній тѣмъ чаеъ насъ содержать въ тревогѣ и потому удерживать отъ соединенія съ агличанами; такъ для того намѣренія, какъ и для раздѣленія агличкихъ силъ, вооружается эскадра въ Тулонѣ и въ Брестѣ, ибо всѣхъ благоразсудныхъ людей мнѣніе есть, что оныя въ море не выстуиятъ: мнѣніе, основанное на томъ, что выходъ тѣхъ эскадръ если безпокойство агличанамъ подастъ, то можетъ быть поводомъ къ разрыву съ ними, къ чему кардиналъ склоненъ не кажется, пока не усмотритъ надежный случай получить важный авантажъ, и что, съ другой стороны, не видно, какую пользу Швеція или чрезъ нея Франція отъ сѣверной войны въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ получить можетъ, наипаче когда Швеція имѣеть оную производить съ сильнымъ непріателемъ и отъ союзника важной помочи ожидать не можетъ».

Понеже ваше сіятельство желали обстоятельнаго извѣстія о

брестской эскадрѣ, прилагаю при семъ надежную табель. Еслибъ вооруженіемъ поспѣшали, около половины іюня та эскадра могла бѣ въ путь свой отправиться. Имѣющій оную комендовать марки д'Антинъ еще отсюда не собирается.

«Между тѣмъ министры шведскіе продолжаютъ довольнобѣ прежняго казаться, хотя не видно, чтобъ въ своей негодіи какого поваго прогрессу учинили. Никто здѣсь понять не можетъ нечаянный его Аглннскаго величества отъѣздъ въ Ганноверъ; обстояательства нынѣшнія казались, не позволять такую штуку».

Впрочемъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго теперъ не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Мая 24-го — 13-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 19/30 мая; отвѣтствовано того же числа въ Лондонѣ».

Роспись кораблей, вооружаемыхъ въ Брестѣ.

Имена кораблей.	Пушки.	Тонно.	Магрозы.	Морскіе солдаты.	Командиры.
Дофинъ Рояль	76	1500	650	120	Вицъ-адмиралъ Антинъ
Ле Сюпербъ	76	1500	650	120	шефъ д'эскадръ { Рокфейль
Ле Бурбонъ	76	1500	650	120	
Ожидается изъ Ротсфорта Ле Жюстъ	72	1400	620	100	{ Рошамбо.
Ле Лисъ	72	1400	620	100	Феркуръ Бартъ Барель Немондъ Десну Д'Эпине Д'Авугуръ Л'Этандуеръ Фульссъ Дегутеръ Монпипо Д'Эстурналь Коломбъ Перриеръ
Ле Флюеронъ	64	950	500	75	
Л'Ашилъ	64	950	500	75	
Л'Елизабетъ	64	950	500	75	
Ле Сень-Луи	64	950	500	75	
Л' Ардантъ	64	950	500	75	
Ле Контантъ	60	900	420	65	
Ле Меркюръ	60	900	420	65	
Ле Тритонъ	60	900	420	65	
Ла Глоаръ	46	550	300	45	
Фрегаты {	Л'Аргонотъ	46	550	300	45
	Ла Парфетъ	46	550	300	45
	Л'Амазонъ	36	450	240	36
Л'Астръ	30	412	220	30	

3	of	76 guns	1500 tons	650 sailors	120 marins
2	»	72 »	1400 »	620 »	100 »
5	»	64 »	950 »	500 »	75 »
3	»	60 »	900 »	420 »	65 »
3	»	46 »	550 »	300 »	45 »
1	»	36 »	450 »	240 »	36 »
1	»	30 »	412 »	220 »	30 »

Schips	18	1076 guns	sailors	8310	1331
			marins	1331	
				9641	

250. — Июня 18-го—29-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Я забылъ всепокорно ваше сіятельство увѣдомить, что маркизь Антинъ напослѣдокъ отъѣхалъ отсюда въ Брестъ. Онъ, безъ сумнѣнія, уже туды прибылъ, хотя о движеніяхъ эскадры ничего еще не слышно. Между тѣмъ продолжается здѣсь общее мнѣніе, что она изъ того порта не выйдетъ, и что Франція не поспѣшитъ принимать участіе въ нынѣшней войнѣ. По меньшей мѣрѣ англичскіе прогрессы въ Америкѣ до сѣхъ поръ столь важны не были, чтобъ сей дворъ принужденъ былъ свое недѣйствіе оставить. Теперь нетерпѣливо здѣсь ожидаютъ извѣстія о намѣреніяхъ и предвоспріятіяхъ флота подъ командою адмирала Норриса, о чемъ и я ваше сіятельство покорно прошу, съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 29-го — 18-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 24 іюля — 4 августа; отвѣствовано того же числа въ Лондонѣ».

251. — Августа 8-го—19-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Милостивое вашего сіятельства письмо отъ 24-го іюля я имѣлъ честь получить исправно, и за сообщенное въ немъ вашему сіятельству покорно благодарствуя, взаимно имѣю донести, что ласкательства Прусскому двору по вся дни здѣсь прибавляются, и что господинъ

Бово назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ для учиненія новому королю комплемента. Кажется, что кардинальскія два главныя намѣренія теперь суть Прусской дворъ къ себѣ привлечь и столько жь Генеральныхъ склонить къ объявленію неутралитета. Между тѣмъ господинъ Де-Ла-Маркъ въ Мадридѣ старается заключить трактатъ коммерціи, и для подкрѣпленія его подвиговъ, кромѣ другихъ резонновъ, кажется, учинены здѣшнія вооруженія, которыя однакожь, по видимому, сямъ годомъ употреблены не будутъ. Только 3 корабля, изъ Брестскаго порта на приморіе выступивъ, тамо остановились, и нѣкоторыя изъ Бреста на сихъ дняхъ полученныя письма даютъ знать, что четыре корабля имѣли отгуду подняться и идти, по мнѣнію тамошнихъ офицеровъ, въ Лисбонъ. Турецкія наши дѣла еще не кончились, а напаче споры между цесаремъ и Портою еще далеки отъ окончанія. Сколько до насъ принадлежитъ, еще обѣцано указъ Вилленеву подтвердить о исходатайствованіи свободы нашихъ плѣнниковъ. Впрочемъ ничего другого къ извѣстію вашему достойнаго не имѣя, съ крайномъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 19-го—8-го дня 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 13/24 августа; отвѣтствовано 14/25 того же въ Лондонѣ».

252. — Сентября 2-го—13-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! На благосклонное вашего сіятельства письмо отъ 14-го августа я отвѣтствовать по сую пору отложилъ, ожидая, чтобъ въ состояніи былъ вашему сіятельству что ни есть подлиннаго донести о движеніи здѣшнихъ эскадръ и о намѣреніи министерства въ употребленіи оныхъ. Разсужденія о томъ, какъ и получаемыя изъ Бреста и изъ Тулона вѣдомости, изъ дня въ день были отмѣнныя, и только на сихъ дняхъ напоследокъ здѣсь подлинное извѣстіе получили, что брестская эскадра, состоящая въ 15-ти корабляхъ (кромѣ тѣхъ трехъ кораблей, которые прежь сего уже отгуду отѣхали), въ

море выступила 2-го сего, а тулонская, въ 12-ти корабляхъ, 25-го августа, — первая подъ командою вѣщъ-адмирала Аптина, а вторая подъ командою контръ-адмирала Рошлоръ. Уже не всякого сумнѣнія, что обѣ тѣ эскадры идутъ въ Америку, и къ тому можно прибавить, что хотя не имѣютъ намѣреніе прямо противъ агличанъ войну объявить, однакожь отпращены испанцамъ помогать, если агличане испанскія области атакуютъ. Я слышу, что министры здѣшніе опасаются, чтобъ тулонская эскадра въ дорогѣ не была перенята, понеже многіе чаютъ, что по выходѣ сихъ эскадръ агличане войну объявятъ. Буде вслѣдствіе сего къ извѣстію вашего сіятельства что-либо дойдетъ, покорно прошу мнѣ благосклонно сообщить. Должно ожидать, что впродъ важнѣйшія происхожденія подадутъ мнѣ случай чаще ваше сіятельство моими письмами удостовѣрять о истинномъ моемъ преданствѣ, съ которымъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Сентября 13-го — 2-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 7/18 сентября; отвѣтствовано 18/29 того же въ Лондонѣ».

253. — Ноября 4-го—15-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вѣдомость о цесарской кончивъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ вдругъ въ Фонтенебло застала, всѣ равнобѣрно желая усмотрѣть намѣреніе министерства при такомъ нечаянномъ несчастливомъ приключеніи. Господинъ кардиналъ мнѣ самому собою объявилъ, что его королевское величество свято исполнитъ всѣ свои обязательства, въ которыя вступилъ съ его цесарскимъ величествомъ послѣднимъ своимъ трактатомъ, и увѣрялъ, что въ семъ случаѣ его величество окажетъ свою добрую вѣру, а онъ, кардиналъ, свою благодарность къ покойному цесарю, которого де милость къ себѣ вѣчно не забудетъ. Отвѣтчикомъ себя при томъ ставилъ въ томъ, что ежелибъ Порта нынѣшнимъ несчастіемъ пользоваться бы хотѣла, его величество свою гварантію совершенно исполнитъ;

таковыя изъясненія почти всѣмъ чужестраннымъ министрамъ отъ него учинены, показывая надежду, что дѣло тихо обойдется, и наслѣдница цесарская останется при покойномъ владѣніи. О достоинствѣ цесарскомъ кардиналъ ничего не общаетъ, какъ никакого о томъ обязательства не имѣетъ. «Не трудно угадать, что электору Баварскому надежда къ тому подана будетъ. Како ни сильны тѣ кардинальскія обѣщанія, прежніе примѣры должны Вѣнскому двору совѣтовать быть въ предосторожности».

Господинъ Вплленевъ послѣдними своими доношеніями наши дѣла при Портѣ почти совсѣмъ окончаны сказываетъ; а отъ нашего двора ко мнѣ пишутъ противное. Для того я еще имѣю противъ подтвердительные указы къ помянутому послу.

Морскія вооруженія здѣсь съ горячію продолжаются, а впрочемъ, по отбѣздѣ здѣшнихъ эскадръ ничего новаго здѣсь не происходило сколько касается аглицкой войны, кромѣ того, что приложенный при семь манифестъ обнародовали. За симъ, ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 15-го — 4-го 1740.

При заключеніи сего получаю еще злѣйшую вѣдомость, чѣмъ та, которою письмо начато. Богъ насъ наказуетъ и чуть ли съ нами не на всю ли Европу руку свою отягчаетъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 10/21 ноября; отвѣтствовано 20 o-bre—1 IX-bre въ Лондонѣ».

254. — Ноября 25-го — декабря 6-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ сей часъ имѣю честь получить почтенное вашего сіятельства письмо отъ 1-го сего, съ приленною при немъ рѣчью королевскою и съ адресомъ вышней каморы, за чтò вашему сіятельству по премногу обязанъ. А на письмо жь ваше отъ 30-го октябрю отвѣтомъ своимъ умедлилъ за суетами и многодѣліемъ и строеніемъ траура по ея императорскому величеству блаженныя памяти и

за полученіемъ потомъ у короля аудіенціи. О Семенѣ же Кирилловичѣ Нарышкинѣ, который здѣсь обрѣтается и который здѣсь пробудеть до полученія на свое прошеніе резолюціи, чтобъ ему здѣсь остаться, я подобный вашему указъ отъ двора получилъ, на который пространно отвѣтствовалъ.

Въ дѣлахъ никакой отмѣны при дворѣ здѣшнемъ нѣтъ. Король и кардиналъ продолжаютъ увѣрять, что свято исполнять гварантію на прагматику цесарскую, и потому весьма довольны являлись по полученіи вѣдомости, что электора Баварскаго претензіи духовною Фердинанда Перваго опровержены. Меня также обнадежили, что кончина ея императорскаго величества высокославныя памяти въ настоящемъ добромъ согласіи между двумя дворами никакой отмѣны не приключить. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства все покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 26-го—декабря 6-го дня 1740 года.

Ваше сіятельство, я чаю, уже увѣдомлялъ, что 17-го ноября изъ Бреста отпавились въ Америку другіе 6 кораблей французскихъ; объ отбѣхавшихъ прежь сего подъ командою вице-адмирала Антина извѣстіе здѣсь получено, что къ острову Сень-Домингу прибыли гораздо погодою повреждены. Рѣчь королевская немного здѣсь понравится и удивить, чтобы столько отважности съ той стороны не ожидало: королевскому величеству не малу пользу принесеть. Всѣ глаза пялятъ оборочены къ Прусскому двору, никто не могучи понять, къ какому намѣренію войско прусское въ движеніи. По примѣчаемымъ здѣсь обстоятельствамъ поковникъ Камасъ въ негоціаціи своей не былъ удачливъ, отъ чего должно судить, что предложеніи его были необыкновенныя; инако дворъ здѣшній удовольствовать его бы не приминулъ, кто бъ ни былъ въ томъ угожденіи убытчиномъ. Недостатокъ хлѣба провинціи здѣшнія утѣсняетъ, и аглицкая война безпокоитъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 3/14 декабря; отвѣтствовано 29 X-бре—9 генваря въ Лондонѣ».

1741.

255. — 2-го—13-го генваря 1741. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Отъ здѣшнихъ повизнѣ имѣю честь вашему сіятельству донести, что баронъ Васнеръ, королевы Венгерской полномочный министръ, имѣлъ 10-го новаго стilia у короля и у его фамилии аудіенцію въ томъ характерѣ и объявилъ о кончинѣ императорской, какъ и о восшествіи ея величества на престоль. Потому признаніе ея величества уже воспослѣдствовало, и вчерась черное платье вздѣто. Его величество между прочими учтивыми словами въ отвѣтъ оному министру приказалъ королеву накрѣпко обнадежить, что онъ вѣрно исполнитъ всѣ свои обязательства, имѣющіяся съ покойнымъ цесаремъ. Со всѣмъ тѣмъ, по всѣмъ оказательствамъ судить должно, что Франція въ пользу ея величества войну не начнетъ и склоннѣе оставить претендентамъ свободныя руки.

Поступки прусскіе послѣ полученной вѣдомости о собираніи другихъ 50.000 войска здѣсь не столько индифферентны кажутся. Весь свѣтъ однимъ голосомъ тѣ поступки дезапробуетъ. Манифестъ баварскій еще наружу не вышелъ, но появилось письмо печатное въ пользу электорскихъ претензей, по которому всѣ здѣшніе авокаты судятъ, что ежели бы тяжба та имѣла производиться въ здѣшнемъ парламентѣ, то электоръ былъ бы осуженъ.

Изъ Ишпаніи подтверждается о тамошней склонности къ отправленію войска въ Италію, а здѣсь сказываютъ: проѣздъ тому войску сквозъ Францію отказанъ, чему однакожь я негораздо довѣряю. Впрочемъ съ особливимъ почитаніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь, Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 13-го — 2-го дня 1741 года.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 8/19 генваря; отвѣтствовано того же въ Лондонѣ».

256. — Января 2-го—13-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Я изготовилъ было для вашего сіятельства приложенное при семъ другое свое письмо, когда ко мнѣ принесено съ почты почтенишѣйшее ваше отъ 29-го — 9-го декабря, которое меня особливо обрадовало, что въ немъ при письмѣ князя Алексѣя Михайловича нашлись два алмазные камня, которые я потерянными чаялъ, понеже надлежащее его свѣтлости къ вамъ письмо тою же ошибкою ко мнѣ прислано. Оное при семъ къ вашему сіятельству посылаю, и понеже пзъ него усматрѣваю, что помянутые камни должно въ Лондонѣ брилльянтовать, назадъ къ вамъ возвращаю въ такомъ же состояніи, какъ оныя ко мнѣ прислать изволили. А кусокъ голубой ленты я получалъ при томъ къ вашему сіятельству надлежащемъ письмѣ. О всемъ томъ я не премину завтра къ князю Алексѣю Михайловичу писать; а между тѣмъ съ истиннымъ преданствомъ и высокопочитаніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 13-го—2-го дня 1741 году.

Я особливо вашему сіятельству обязанъ за благосклонное поздравленіе новымъ годомъ и взаимно съ истиннѣйшимъ усердіемъ въ теченія онаго и многихъ слѣдующихъ желаю вамъ всякаго благополучія въ совершенномъ здравіи.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 8/9 генваря; отвѣтствовано того же въ Лондонѣ».

257. — Января 16-го—27-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! При благодареніи моемъ за письмо вашего сіятельства отъ 8-го генваря и за увѣдомленіе о исправномъ полученіи алмазовъ должности моей нахожу на оное донестъ, что испанскія письма подтверждаютъ не только намѣреніе тамошнее о отправленіи войска въ Италію, но что королева Испанская являетъ многую склонность къ примиренію съ агличанами, и что уже въ самомъ дѣлѣ негоціація производится. Кардиналь сію послѣднюю вѣдомость невѣроятною

почитаеть, хотя отчасти сумнѣвается, что могла бѣ та негоціація производиться чрезъ письма между бывшимъ прежь сего въ Лондонѣ пшпанскимъ министромъ Фицджералдомъ и кавалеромъ Валполомъ. Буде чтò впредь обстоятельнѣйшаго о семъ дѣлѣ у васъ провѣдать будетъ можно, уповаю, что ваше сіятельство о томъ ко двору донестъ не преминете и меня безызвѣстнымъ не оставите. Между тѣмъ, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 27-го—16-го дня 1741 году.

Покорно прошу ваше сіятельство мнѣ дать знать, чтò дѣлаеть графъ Обреинъ, и каково его требованіи приняты. Здѣсь люди тихи по прежнему и обѣщаніи свои сберець хотѣли бѣ и за ружье приняты не склонны.

Господинъ Гасталди совсѣмъ меня забылъ; прошу ему припомнить объ очкахъ, и буде онъ ихъ еще не купилъ, то прошу, чтобъ ваше сіятельство тотъ трудъ приложить изволили. Оныя очки должны быть работы скарлатовой, четыре пары вложены въ два футрала такіе, въ какихъ прежніе мнѣ прислалъ; но тѣ пробныя очки были не сходны глазамъ, для которыхъ выписаны; для того сіи, о которыхъ теперъ прошу, имѣютъ быть таковы, чтобъ гораздо увеличали вещь подлежащую. Можно четыре тѣ пары сдѣлать по степенямъ одну другой больше увеличающую. Когда очки поспѣютъ, надѣюсь, господинъ Бюсси случай сыщеть ко мнѣ ихъ отправить, которому поклонъ отдаю. За все же деньги вашему сіятельству съ благодареніемъ возвращу по первому вашему письму. Пребываю готовымъ къ взаимнымъ услугамъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 21 генваря — 1 февраля, отвѣтствовано 22/2 того же въ Лондонѣ».

258. — Января 23-го—февраля 3-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! «Ваше сіятельство изволили усмотрѣть въ высочайшемъ рескриптѣ отъ девятаго декабря, съ котораго ко мнѣ прислана копія, о намѣреніяхъ его

императорскаго величества по дѣлу предвоспріятія прусскаго. Вслѣдствіе оногo я при здѣшнемъ дворѣ объ оныхъ намѣреніяхъ учинилъ слегка сообщеніе, сколько по здѣшнимъ обстоятельствамъ было прилично, наипаче въ томъ виду, чтобъ отнять всякую причину къ жалобамъ, которыя были бы неизбѣжны, ежелибъ ему такой знакъ дружбы его императорскаго величества не оказать, чѣмъ въ надеждѣ склонить его къ пріятію общихъ мѣръ. То его императорскаго величества намѣреніе министерство здѣшнее анпробовать казалось, понеже въ самомъ дѣлѣ охотно здѣсь видѣть желали уменьшеніе силъ короля Прусскаго чужими руками. А о здѣшнихъ намѣреніяхъ ни кардиналь, ни Амелотъ никакого изъясненія не подали, отводя рѣчь къ другому дѣлу, сколь ни часто я домогательства свои о томъ повторялъ. Тотъ мой съ ними разговоръ еще наипаче меня въ томъ мнѣніи утвердилъ, что Вѣнскій дворъ дѣйствительно и помочи отсюда ожидать не долженъ, и потому тѣ державы, которыя намѣрены противъ его Прусскаго величества предвоспріятныя мѣры принимать, не должны жъ ни мало себѣ льстить пмѣть сообщникомъ себѣ здѣшній дворъ. И то всякую надежду претерпитъ, ежели кардиналь своими радѣтельными совѣтами Испанскій, Неапольскій и Баварскій дворы отъ намѣренныхъ предвоспріятій удержать стараться станетъ, какъ еще съ присягами обѣщанія свои повторилъ барону Васнеру. Я о семъ не хотѣлъ преминуть вашему сіятельству донести, дабы васъ привести въ состояніе пресѣкать всякія отлагательства двора, при которомъ находитесь, ежелибъ оный, ожидая что-либо отъ здѣшняго, въ резолюціяхъ своихъ медлить хотѣлъ. Уповаю же, что и ваше сіятельство соблаговолитъ мнѣ сообщить о томъ, чтѣ у васъ по сему дѣлу произойдетъ».

Въ дѣлахъ здѣшнихъ по отпускѣ моего послѣдняго никакой отмѣны не примѣчаю. Взятіе французскаго корабля аглицкимъ близъ Жамайки пріято здѣсь съ смиреніемъ, и понеже оный корабль учтиво возвращенъ, сколько я изъ кардинальскихъ словъ примѣтилъ, оное дѣло забытію предается. Впрочемъ непре-

мѣнно съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Февраля 3-го—генваря 23-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 29 генваря—9 февраля; отвѣтствовано 2/13 февраля въ Лондонѣ».

259. — Января 27-го—февраля 7-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Понеже въ предыдущихъ моихъ, а напаче въ послѣднемъ, я имѣлъ честь вашему сіятельству донести о состояніи здѣшнихъ дѣлъ, на оныя о томъ ссылаюсь при покорномъ благодареніи за благосклонное ваше отъ 22-го генваря.

Впрочемъ я особливо вашему сіятельству обязанъ буду, если соизволите или сами, или чрезъ господина Гасталдія, купя помянутые въ моемъ послѣднемъ очки, сколь можно скорѣе ко мнѣ переслать. Присланные прежь сего отъ него, господина Гасталдія, четыре пары я отъ маркиза де-Тессе во свое время получилъ и тогда жъ его о томъ увѣдомилъ; но, по несчастію, тѣ очки для той особы, для которой выписаны, чрезмѣрно молоды, и потому желаетъ другіе, которые бы больше увеличали вещь подлежащую. Въ надеждѣ вашей ко мнѣ милости я смѣлость приѣмлю ваше сіятельство о семъ утруждать, повторяя представленіе моихъ услугъ, буде въ чемъ годны вамъ быть могутъ, и затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 27-го—февраля 7-го дня 1741 году.

P. S. Господинъ Гасталди сюды писалъ, будто Бюсси учинилъ декларацію, что его Французское величество, намѣренъ будучи остаться нейтральнымъ, не можетъ отказать испанскому войску проѣздъ сквозь Францію. Ту вѣдомость министры здѣшніе совсѣмъ опровергаютъ, какъ я и самъ изъ устъ Амелотовыхъ сегодня слышалъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 1/12 февраля; отвѣтствовано 2/13 того же въ Лондонѣ».

260. — Марта 27-го—апрѣля 8-го. Парижъ.

Копія съ реляціи моеи отъ 8-го апрѣля новаго стилиа 1741 году.

По полученіи высочайшихъ вашего императорского величества секретныхъ рескриптовъ подъ №№ 7-мъ и 8-мъ отъ 28-го февраля, учия пристойное сообщеніе барону Васнеру, я не преминулъ третьяго дни, будучи въ Версали, исполнить по онымъ при кардиналѣ и Амелотѣ.

Съ обоими я разговоръ свой началъ сообщеніемъ по силѣ высочайшаго указа подъ № 8-мъ о заключенномъ межъ вашимъ императорскимъ величествомъ и королемъ Прусскимъ оборонительномъ союзѣ и о размѣнѣ ратификацій, учиненной 10-го марта по новому стилю, изъяснивъ имъ при томъ, что, какъ я уже давно имѣлъ честь имъ говорить, тотъ союзъ, будучи просто оборонительный, никому третьему предосудительнымъ быть не можетъ и прежнія вашего императорскаго величества обязательства съ другими державами не уничтоживаеъ.

Отъ сего послѣдняго поводъ мнѣ подался представить, что ваше императорское величество столь непремѣнно пребываетъ въ намѣреніи своемъ исполнить свято принятыя обязательства гварантіею санкціи прагматической, что милостивѣйше мнѣ повелѣли его Французскому величеству чрезъ нихъ предложить, что ваше императорское величество готовы съ его величествомъ вступить въ соглашеніе о принятіи общихъ мѣръ для исполненія той гварантіи; что ваше императорское величество столь охотиѣе свое намѣреніе его величеству открываетъ, что изъ всѣхъ моихъ доношеній изволили усмотрѣть его Французское величество въ подобныхъ королевѣ Венгерской и къ сохраненію европейской тишины полезныхъ сентиментахъ, и что двѣ столь сильныя державы прилагая общія мѣры, взаимно облегчается помянутое исполненіе гварантіи.

Противъ того Амелотъ только отвѣтствовалъ, что донесетъ обо всемъ королю и дастъ мнѣ впредь знать о его величества резолюціи, а кардиналъ, не обождавъ еще конца моихъ словъ и

безъ всякаго предыдущаго комплемента, который долженъ казался вашего императорскаго величества откровенному и учтивому поступку, какъ бы съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что король не можетъ и не долженъ никакія мѣры принимать къ поправленію худого состоянія королевы Венгерской; что ему удивительно, что требуется отъ его величества въ пользу королевину военная помощь и другіе поступки, къ которымъ его величество не обязанъ; что такую тягость должны сносить тѣ державы, которыя обязательство гварантіи на себя переняли, а его де Французское величество санкцію прагматическую не гварантировалъ: «Nous ne sommes pas garants de la Sanction Pragmatique» суть самыя точныя кардинальскія слова; что и впрочемъ Франція хотя съ англичанами войну не объявила, однакожъ не въ такой дружбѣ находится, чтобъ принимать общія съ тѣмъ народомъ мѣры въ пользу королевы Венгерской.

Ваше императорское величество легко изволить судить, въ какое удивленіе меня привела такая неожиданная и дикая рѣчь, противъ которой я учтиво и безъ всякаго огорченія ему, кардиналу, представилъ, что не чаю, чтобъ онъ позабылъ, что между королемъ и покойнымъ императоромъ заключенъ союзный трактатъ, которымъ его Французское величество такъ за полученныя отъ императора аванжажи въ пользу всего Бурбонскаго дому, какъ особливо за приращеніе Французской державы цѣлымъ Лоренскимъ княженіемъ, изволивъ себя обязать въ напислытѣйшихъ терминахъ къ гварантированію санкціи прагматической; что тотъ трактатъ столь свѣжъ, что, по самымъ его кардинальскимъ словамъ, еще не высохъ; что онъ, кардиналъ, также забыть не можетъ учиненныя словесно и писменно обнадеживанія отъ его Французскаго величества, отъ него, кардинала, и отъ прочихъ королевскихъ министровъ, такъ министрамъ Вьенскаго двора, какъ и всѣмъ обрѣтаемымъ здѣсь другияхъ державъ, о святомъ и совершенномъ исполненіи тѣхъ обязательствъ, которыя обнадеживаніи немало вашему императорскому величеству поводомъ служили къ пріятію своихъ резолюцій; что по всему

тому я не знаю, какъ нынѣшній его кардинальскій отвѣтъ согласить и съ какимъ лицомъ объ ономъ вашему императорскому величеству доносить.

Противъ того кардиналь мнѣ сказалъ, что правда, король заключилъ съ покойнымъ императоромъ помянутый трактатъ, но оный де къ совершенству не приведенъ, понеже покойный императоръ не только обѣщанную имперскую ратификацію по сю пору не доставилъ, но и искалъ самъ оную удержать, заставя виртембергскаго посланника учинить при съѣздѣ Ратисбонскомъ оппозицію на выдачу той ратификаціи, пока въ трактатъ не будутъ включены Виртембергскаго дому не знамо какія претензіи; что потому трактатъ не будучи въ совершенство приведенъ, его Французское величество къ исполненію оного не обязанъ; что впрочемъ по учиненнымъ отъ его величества и отъ него, кардинала, обнадеживаніямъ Вьенскому двору послѣ кончины цесарской свято исполняется, и никто не будетъ въ состояніи доказать, что съ стороны здѣшней противно тѣмъ обнадеживаніямъ поступлено.

Я на то господину кардиналу предложилъ, что, не вступаясь въ то, что принадлежитъ до ратификаціи имперской, понеже какъ оное дѣло моего двора не касается, такъ мало я извѣстенъ, что въ томъ дѣлѣ происходило, но буде смѣтъ сказать, я не вижу, въ какомъ бы намѣреніи и къ какой пользѣ своей покойный императоръ похотѣлъ нарочно ратификацію остановить; что для того я чаю, что замедленіе въ выдачѣ оной было безвинное; что съ большею поспѣшностію въ томъ съ стороны его императорского величества не поступлено, понеже столь скорую себѣ смерть предвидѣть не могъ; меньше же чаять, чтобъ недостатокъ той ратификаціи свободжалъ его Французское величество отъ принятыхъ торжественно съ его императорскимъ величествомъ обязательствъ; что въ самомъ дѣлѣ трактатъ вьенской главнѣйше заключенъ межъ императоромъ и королемъ Французскимъ, и имперіумъ только какъ посторонняя держава присоединена; что король Французскій гварантировалъ санкцію прагматическую, которая не до имперіи, но до партикулярныхъ императоровыхъ

областей принадлежить; что сколько партикулярно его императорскаго величества касается, трактатъ въ совершенство приведенъ взаимными ратификаціями, и что то столь петинно, что по оному его Французское величество княжествомъ Лоренскимъ владѣеть.

Объекціи сіи будучи такого основательства, что ничего къ опроверженію ихъ резонабельно привести не можно, господинъ кардиналъ такіе сумятные и несостоятельныя резоны противъ нихъ употребилъ, что стыдно объ оныхъ и упоминать. «Мы не вѣдаемъ», говорилъ онъ, — «какимъ образомъ дѣло уступки княжества Лоренскаго межъ покойнымъ императоромъ и его зятемъ соглашено, но только знаемъ, что съ самого того времени, какъ вьенскій трактатъ заключенъ, герцогъ Лоренскій ни словомъ къ королю не отзывался, такъ что объ немъ ни слуху, ни вѣсти здѣсь не имѣлось, не упомывая, что его императорское величество связалъ послѣ заключенія трактата съ Французскимъ дворомъ тѣсное согласіе съ Аглицкимъ, противъ котораго однакожь Франція де никакихъ жалобъ не производитъ. Всѣ прочія мои слова безъ отвѣта оставилъ, вдругъ перескочилъ на послѣднюю войну Турецкую, распространяя ни къ стати, ни къ дѣлу жалобами противъ покойнаго цесаря въ томъ, что его императорское величество предложенную отъ кардинала медиацию для примиренія съ Портою въ началѣ отказалъ, что въ теченіи производимой негоціации чрезъ маркиза Вилленева на того посла и на Францію подозрѣніе имѣлъ, и что несогласными поступками своими старался на Францію слагать вину продолженія войны.

Я и то безъ приличнаго отвѣта не оставилъ, много еще прибавивъ, что къ напоминовенію обѣщаній и обязательствъ здѣшнихъ служить могло, но все то безъ всякой пользы, для чего и излишно бы было пространнѣйшимъ описаніемъ моихъ словъ ваше императорское величество утруждать; кардинальскія же я, правду сказать, всѣ и изобразить не могъ, столь онѣ были безпутны и безъ всякаго основанія.

Ваше императорское величество и изъ описанныхъ уже до-

волью матерій пмѣть судить о его намѣреніи, которое я никогда не чаялъ, чтобъ съ столькою безстыдностію открыть похотѣлъ. До сѣхъ поръ, какъ я, такъ и господинъ Васнеръ и другіе всѣ здѣсь чужестранные мннстры по обстоятельствамъ здѣшнихъ дѣлъ догадывались, что къ благоугожденію королевѣ Венгерской дворъ здѣшній немного склоненъ; но когда кардиналъ, уже отложивъ всякой стыдъ, прямо выговорилъ, что король санкцію праматическую не гварантировалъ, никакого сумнѣнія уже не остается, что всѣми способами вредить ея величеству намѣрены. Квеотія потому о томъ только идетъ, чтобъ знать когда и какимъ образомъ свою злую склонность въ дѣйство произвести намѣрены.

О томъ мы съ многою прилежностію долго разсуждали съ барономъ Васнеромъ (которому я подробно все происшедшее межъ мною и кардиналомъ сообщилъ), и уважая все происшедшее здѣсь по кончинѣ цесарской, всѣ мннстровъ здѣшнихъ слова, всѣ поступки французскіе при другихъ дворѣхъ, внутреннее здѣшнее состояніе, и однимъ словомъ, всѣ околнчности, изъ которыхъ какое-либо заключеніе производить можно, мы признаемъ, что можно поставить:

1-е) что Французскій дворъ дѣйствительную войну противъ королевы Венгерской не объявитъ;

2-е) что союзникамъ ея величества, которые ей помочи подадутъ противъ короля Прусскаго, препятствовать не будетъ;

3-е) что довольствоваться станетъ теперь подъ рукою приумножать разгласіе между тѣми союзниками, и главнѣйше между принцами имперскими, чтобъ имперіумъ привести въ сумятицу и зажечь въ немъ междуусобную войну, дабы между тѣмъ великаго князя Тосканскаго отъ короны имперской отдалить;

4-е) а когда то раздѣленіе и междуусобная война въ дѣйство произведена будетъ, и прочія державы войною найдутся истомлены, ввести свое войско въ имперіумъ и подъ претекстомъ защищенія принцовъ, которые сторону французскую держутъ, пользоваться обстоятельствами для приобрѣтенія новыхъ областей

и для исполненія дальнѣйшихъ своихъ видовъ, которымъ трудно рубежъ предвидѣть.

Оное наше мнѣніе на томъ основано: 1) что теперь еще Франція не приуготовлена къ генеральной войнѣ, которой напротиву причину имѣеть оказаться, не упоминая настоящую тягость аглицкой войны; 2) что недостатокъ хлѣба и болѣзни, которыя еще въ провинціяхъ здѣшнихъ продолжаются, не дозволяютъ помышлять о такихъ важныхъ приуготовленіяхъ, каковы потребны бы были, ежелибъ Франція теперь похотѣла войну въ имперіи начать; 3) что гораздо ей полезнѣе, чтобъ прочія державы своимъ истощеніемъ въ слабость привели короля Прусскаго, который можетъ учиниться Франціи опаснымъ и, усиляся новыми приобрѣтеніями, сопротивляться ея дальнимъ видамъ; 4) что еслибъ теперь тѣ свои дальные виды въ дѣйство производить хотѣла Франція, не только поспѣшить соединеніе прочихъ державъ противъ себя, но можетъ быть, и самого Прусскаго короля понудить съ королевою Венгерскою примириться, чтобъ помышлять объ общемъ всея Европы опаствѣ; 5) что предвидится, что избраніе императорское подастъ поводъ къ великимъ смущеніямъ въ имперіи; 6) что ежели удастся богемскій голосъ выключить, можно будетъ оставшіеся восемь электорскихъ голосовъ на равныя двѣ доли раздѣлить и, можетъ быть, вдругъ двухъ императоровъ выбрать; 7) что тогда неизбежно будетъ междуусобная въ имперіи война, которою имперіумъ истощено будучи, Франція малымъ числомъ войска будетъ въ состояніи самовластно законы предписывать и по своему желанію области свои распространить, столь наипаче, что между тѣмъ королева Венгерская, подобнымъ образомъ истощена будучи нападеніемъ ишпацкимъ, баварскимъ и прусскимъ, не будетъ въ состояніи ни прицамъ имперскимъ помогать, ни свои области защищать, наипаче же принуждена будетъ оставить Фландрію и Люксембургъ, которые двору здѣшнему къ сердцу лежатъ.

Для того въ самомъ дѣлѣ дворъ здѣшній теперь весь свой помысль къ дѣлу избранія императорскаго обращаетъ, и въ томъ

намѣреніи ко всѣмъ электорскимъ дворамъ не только особливые французскіе министры посланы, но и графъ Белль заѣхалъ имѣть прежде съѣзду Франкфортскаго. Для того притворяется великая миролюбная склонность и никакимъ военнымъ приуготовленіямъ мѣры здѣсь не берутся, чтобъ тѣмъ наипаче засыпши всѣ тѣ державы, которыя къ сохраненію нынѣшняго европейскаго система и равновѣсія интересованы.

Ваше императорское величество потому изволите своимъ сроднымъ пронщательствомъ разсудить, должно ли тѣ намѣреніи французскія остановить благовременнымъ предупрежденіемъ, или тогда о поправленіи дѣлъ помышлять, когда уже Франція усилився, способу къ тому не останется.

Морскія державы, какъ ваше императорское величество всемилостивѣйше примѣчаютъ изволите, всѣхъ больше причину имѣютъ опасаться слѣдствій прогрессовъ прусскихъ, но и больше еще имъ опасна быть должна отмѣна всего система европейскаго, и для того удивительно кажется, что въ принятіи своихъ резолюцій оныя державы столь долго медлятъ, — хотя собою явно, что буде есть какой способъ для отвращенія Франція отъ своихъ дальновидныхъ намѣреній, оный наипаче въ томъ состоитъ, чтобъ не допустить раздѣленіе областей Австрійскаго дому и чтобъ тѣснѣйшимъ соединеніемъ межъ собою, какъ и дѣйствительными приуготовленіями къ войнѣ показать, что имѣются того система защитники, готовы сопротивляться опроверженію онаго.

Оныя державы забыть не могутъ, что Франція въ послѣднюю съ цесаремъ войну для того столь легко войско свое въ Италію послала, что оную вѣдала быть всякой защиты обнадежену, отъ котораго примѣру, кажется, заключить бы можно, что если Франція теперь увидитъ дѣйствительное соединеніе войскъ высочайшихъ союзниковъ королевы Венгерской, не столь легко къ произведенію своихъ намѣреній отважится, какъ когда оныя державы покойно ей все поле оставляютъ.

Впрочемъ по силѣ высочайшаго вашего императорского ве-

личества указу я потребное вчерась господину Понятовскому внушилъ, къ тому клоия тѣ внушеніи, чтобъ могъ выразумѣть, что продолжающееся отъ него здѣсь сопротивленіе противъ голоса богемскаго и соправительства можетъ отъ недостожелательныхъ признано быть поступкомъ, противнымъ гварантіи санкціи прагматической, и слѣдовательно, самымъ намѣреніямъ его Польскаго величества, между которымъ и Виенскимъ дворомъ съ присоединеніемъ его императорскаго величества дѣйствительно соглашенось о принятіи мѣръ къ защитѣ той санкціи прагматической. Господинъ Понятовскій противъ того меня удостовѣрилъ, что противъ голоса богемскаго и соправительства никакого предложенія при министерствѣ здѣшнемъ не чинилъ, вѣдая де, что онаго дѣла рѣшеніе не должно зависеть отъ здѣшняго двора, а когда съ кардиналомъ или съ Амелотомъ объ немъ и говорилъ, то чинено въ простомъ партикулярномъ разговорѣ для удовольствованія ихъ любопытства, а не въ другомъ какомъ намѣреніи; что впрочемъ онъ въ оппозиціи продолжать принужденъ, пока получить отъ короля своего государя противный указъ; что сколько до сѣхъ поръ о сентиментахъ его Польскаго величества ему извѣстно, за подлинно вѣдаетъ, что его Польское величество въ исполненіи принятой на себя гварантіи истинно всѣ возможные способы употребить склоненъ, и что давно ему дано знать, что его величество въ томъ согласно поступать намѣренъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ, для чего въ Дрезденѣ давно ожидаютъ отвѣта отъ двора вашего; что онъ самъ признаваетъ, что самымъ его Польскаго величества интересамъ весьма полезно, чтобъ не допустить раздѣленіе Австрійскихъ областей и для того держаться въ тѣснѣйшемъ согласіи съ вашимъ императорскимъ величествомъ и съ прочими благонамѣренными державами, и что для того охотно бы желалъ слышать, чтобъ сысканъ былъ способъ къ прекращенію спора межъ его дворомъ и Виенскимъ.

Сколь слова тѣ ни красивы; баронъ Васнеръ сумѣваться начинаетъ, что господинъ Понятовскій самъ поводъ подастъ къ продолженію разгласія межъ королемъ Польскимъ и королевою

Венгерскою, и что такъ здѣшнія къ тому клонящіяся внушенія при дворѣ своемъ подкрѣпляетъ, какъ и своими поступками Франціи ищетъ подать инфлуенцію въ такомъ дѣлѣ, ей чужестранномъ, каково есть дѣло голоса богемскаго и соправительства, и что, можетъ быть, онъ больше всѣхъ королю Польскому подалъ желаніе искать себѣ корону имперскую. Баронъ Васнеръ на томъ сіе свое мнѣніе основываетъ, что Понятовскій, издревле шведамъ и французамъ преданъ будучи, мало попеченія имѣть можетъ о интересахъ королевы Венгерской, навпаче же когда оныя связаны съ вашими.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя я то Васнерово мнѣніе не подтверждаю, вижу однакожь, что онъ, Понятовскій, имѣетъ хотя рѣдкія, но долгія съ кардиналомъ свиданія, что недавно презентовалъ ему меморіаль противъ часто помянутаго соправительства и голоса богемскаго, которые поступки показываютъ, что не простой разговоръ для удовольствованія любопытства производитъ; тогда, съ другой стороны, баронъ Васнеръ и мнѣ показалъ, и министерству здѣшнему третьяго дни сообщилъ меморіаль саксонскаго министерства, данный въ Дрезденѣ графу Вратиславу и учиненный отъ Вьенскаго двора на то отвѣтъ, въ которыхъ обоихъ листахъ видно, что въ дѣлѣ голоса богемскаго и соправительства тѣ два двора къ соглашенію приходятъ, понеже король Польскій только уже требуетъ на письмѣ благонадежность, что переносъ голоса и соправительства не будутъ санкціи прагматической предосудительны, которое требованіе королева Венгерская такимъ способомъ исполнить обѣщаетъ, каково его Польскому величеству явится угоднѣе.

Къ тому жъ и самое здѣшнее министерство не сумнѣвается, что сопротивленіе короля Польскаго въ тѣхъ двухъ дѣлахъ буде уже не пресѣклось, долго уже тянуться не можетъ, какъ они и изъ того заключаютъ, что графъ Паппенгеймъ получилъ указъ отвести кварталы въ Франкфортѣ посламъ королевы Венгерской, которой вѣдомости Амелотъ получилъ подтвержденіе.

Каково то ни будь, я еще нижайше повторить долженъ, что

подвиги короля Польскаго при здѣшнемъ дворѣ ему ни мало не полезны, понеже, по всему видимому, за безсумнительно постав- лять можно, что дворъ здѣшній намѣренъ всѣми способами до- ставить корону имперскую электору Баварскому, понеже по его слабости и древнему преданству Франція чрезъ него сама импе- ріемъ владѣть станетъ.

Мы здѣсь ни малѣйшаго виду не усматриваемъ, чтобъ король Ишпанскій или самъ король Французскій себя самихъ въ канди- даты къ престолу императорскому хотѣли представить, какъ то изображено въ приложенномъ листу при высочайшемъ вашемъ рескриптѣ. Министерству здѣшнему, чаю, не трудно предвидѣть всѣ затрудненія, которыя въ такомъ дѣлѣ встрѣтитъ имѣеть; а графъ Монтихо, сколько можно было провѣдать, только въ томъ, чѣмъ касается избранія императорскаго, объявилъ, что онъ указъ имѣеть супротивляться допуску голоса богемскаго, и во время своего здѣсь пребыванія онъ больше всего о томъ домогался, чтобъ здѣшній дворъ сиомоществовалъ королю Ишпанскому къ пріобрѣтенію нѣсколькихъ провинцій въ Италіи, подвластныхъ королевѣ Венгерской, или по меньшей мѣрѣ, чтобъ достать по- зволеніе о проѣздѣ ишпанскаго войска сквозь Францію. Въ томъ, по общему мнѣнію, состояла его коммисія при здѣшнемъ дворѣ; буде чтѣ другое ему препоручено для конгрессу Франкфортскаго, время тамъ откроетъ.

О помянутомъ проѣздѣ, какъ я уже часто всенпжайше доно- сплъ, здѣсь ничего не извѣстно: дозволенъ ли, или отказанъ. Правда, что сумнѣнія о томъ быть не могло бѣ, еслбѣ трактаты при здѣшнемъ дворѣ были какой важности, но кардинальскія вышеописанныя слова ту надежду опровергають, и сверхъ того, пока въ Ишпаніи никакаго о транспортныхъ судахъ пріуготов- ленія не чивятся, я чаю, что всегда того проѣзда войскъ ишпан- скихъ сквозь Францію опасаться должно. О намѣреніяхъ же Сардинскаго двора мы здѣсь ничего не вѣдаемъ; только примѣ- чаются частыя свиданія сардинскаго посла съ ишпанскимъ и ба- варскимъ министромъ.

Прежде окончанія сей матеріи я еще и о томъ долженъ все-
низжайше донести, что на сихъ дняхъ знатная здѣшняя особа,
которой имя мнѣ не объявлено, бывъ у барона Веспера, долгимъ
разговоромъ ему описалъ худое нынѣшнее состояніе дѣлъ коро-
левы Венгерской и злѣйшія еще впродъ слѣдствіи, малую на-
дежду, которую ея величество полагать можетъ на своихъ союз-
никовъ, и отъ всего того заключилъ, что не остается ея вели-
честву для освобожденія себя отъ такого состоянія другого спо-
собу, развѣ согласиться съ королемъ Французскимъ, сакрifiкуя
Парму и Пьяченцу королевѣ Испанской, а къ удовольствію всего
французскаго народа одинъ Люксембургъ, котораго Французскій
дворъ не владѣніе требовать будетъ, но только разореніе его
крѣпостей. Та особа не признавалась имѣть комиссію чинить
такія предложенія, но многожды барону Весперу подтвердила,
что, по вся дни будучи при дворѣ, могъ высмотрѣть, что таково
есть генеральное желаніе министерства и всей почти здѣшной
націи; и къ тому жъ столь часто предложеніемъ онымъ въ раз-
говорѣ своемъ возвращался и всѣми способами оное резонабель-
нымъ показать старался, что барону правильное подозрѣніе пода-
лось, что онъ не собою въ тотъ разговоръ съ нимъ вступилъ.
Часто помунутый баронъ на тѣ внушенія отвѣтствовалъ, что
разореніе крѣпостей люксембургскихъ и уступка всея Фландріи
ничѣмъ межъ собою не разнятся, понеже безъ Люксембурга ни-
какого сообщенія межъ Фландрією и прочими областями коро-
левы Венгерской не останется; да хотя бъ и того несходства не
было, онъ не знаетъ, съ какимъ основаніемъ королева Венгер-
ская можетъ полагаться на новыи трактатъ съ Французскимъ
дворомъ, когда недавно заключенный съ императоромъ ея отцемъ
не исполняется.

Сіе все мнѣ отъ самого барона Веспера сообщено, и по чест-
ному его характеру не могу чаять, чтобъ онъ то отъ себя вы-
думалъ для поспѣшенія помочи своей государынѣ отъ высочай-
шихъ ея союзниковъ, для чего я такъ сію статью моею покор-
нѣйшей реляціи, какъ и все вышесписанное, сообщу вашего им-

ператорскаго величества мнштрамъ въ Гагѣ и въ Лондонѣ, да и впредь по силѣ высочайшаго указу не оставлю имъ дать знать о всемъ томъ, что къ побужденію морскихъ державъ въ принятіи конечной резолюціи служить можетъ. И проч.

Помѣта князя Щербатова: «Получено въ Лондонѣ 6 апрѣля 1741 году при письмѣ графа Александра Гавриловича Головкина изъ Гаги отъ 3 сего апрѣля».

261. — Марта 31-го. Парижъ.

Милостивый государь мой Иванъ Андреевичъ! Покорнѣйше вашему сіятельству благодарствую за два милостивыя ваши письма отъ 13-го февраля и 20-го марта, прося извиненія, что на первое отвѣтомъ замедлилъ, не имѣя ничего важнаго къ доношенію. «О прибавкѣ сухопутнаго здѣшняго войска здѣсь давно слухъ посятся, но никакого указу къ тому не выдано. Со всѣмъ тѣмъ можетъ статья, что оная прибавка со временемъ воспослѣдуетъ, хотя и не усмотрѣваю какого намѣренія для начатія сухопутной войны. Напротивъ, сумнѣваться не можно, что дворъ здѣшній подъ рукою королевѣ Венгерской сколько можно вредить не преминетъ. Опасаюсь, что на послѣдокъ проѣздъ испанскому войску сквозъ Францію будетъ позволенъ. Главнѣйшее теперь здѣшнее усильство хлопится, чтобы употребить всѣ возможные способы для отдаленія великаго князя Тосканскаго отъ короны имперской, и сколько можно, межъ принцами имперскими несогласіи приумножать. Являемое съ стороны двухъ морскихъ державъ медленіе въ принятіи потребныхъ мѣръ въ пользу Вѣнскаго двора здѣсь, какъ сами разсудить изволите, гораздо пріятно, и ежелибъ за подлинно вѣдали, что оно основано на опаствѣ съ стороны французской, не оставили бъ никакъ подозрительства приумножить».

Марки д' Ангишъ, какъ мнѣ здѣсь за подлинно сказано, скоро сюды съ французскими эскадрами возвратятся, которыя за моровою язвою и другими болѣзнями въ весьма худомъ состояніи. Соединенія тѣхъ эскадръ съ испанскою не было, и

галіоны, за которыми оный маркизь отправленъ, изъ Америки подняться не посмѣл.

Понятовскій подалъ здѣсь меморіаль противъ сопровительства п голоса богемскаго, хотя изъ Вьены подтверждають, что соглашеніе того скоро къ счастливому концу идетъ. Графъ Тессинъ отправляетъ жену свою въ Стокгольмъ и самъ за нею отъѣхать собирается. Сардинскій дворъ готовитъ министра къ Саксонскому, и сказываютъ, что заключенъ будетъ бракъ межъ курпринцомъ Саксонскимъ и принцессою Сардинскою.

Впрочемъ, покорнѣйше благодарствую за покупку очковъ, которые нетерпѣливо ожидаю. Выданныя на то отъ вашего сіятельства деньги изволите принять отъ священника Варооломея, къ которому отъ меня пересланы, и при томъ благосклонно примѣтить, чтобъ отъ него, священника, сполна заплачены были малые мои долги, оставшіеся въ Лондонѣ, до сорока-три фунта девять шеллинговъ, которые также къ нему отъ меня переведены. На послѣдокъ же покорно прошу, чтобъ приложенный вексель на 3.000 рублей приказать отдать къ акцептаціи и акцептованный мнѣ возвратить, представляя мои услуги во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оныя вашему сіятельству явятся удобныя, и пребывая неотмѣнно съ крайнимъ почтеніемъ вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Марта 31-го дня 1741.

P. S. Уже съ двѣ недѣли тому я отправилъ къ господину Гасталдію консультацію моего доктора къ господину Миду, на которую отвѣта не получаю. Буде не въ трудъ вашему сіятельству, прошу провѣдать, что съ тою консультаціею учено.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 29 марта—9 апрѣля; отвѣтствовано 30/10 того же въ Лондонѣ».

262. Апрѣля 14-го—25-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Особливо вашему сіятельству благодарствую за два милостивыя ваши письма отъ

30-го марта и отъ апрѣля, изъ которыхъ я при первомъ вексель обратно, а при последнемъ очки получилъ исправно, покорно прося ваше сіятельство почтить меня своимъ приказомъ для показанія вамъ моихъ взаимныхъ услугъ.

Ваше сіятельство уже изволили усмотрѣть изъ копій реляціи моей, отправленной къ графу Александру Гавриловичу Головкину (которую я его просилъ вашему сіятельству сообщить), намѣренія и состояніе здѣшнихъ дѣлъ. Въ слѣдствіе къ оной имѣю покорно вашему сіятельству донести, что получена здѣсь вѣдомость, что въ Швеціи секретарю аглицкому пріѣздъ ко двору запрещенъ, для того что представлялъ съ стороны своего государя субсидіи. То дѣло со временемъ важнымъ учиниться можетъ, и чуть ли не къ нашей пользѣ, если войнолюбнымъ въ Швеціи людямъ удастся тишину сѣверную разорвать. Здѣсь оно министерству, сколько поступка аглицкаго секретаря касается, было отчасти досадно, и съ прибавками внушено чужестраннымъ министрамъ, для раздранія сердецъ противъ агличанъ, противъ которыхъ здѣшнее озлобленіе, кажется, изъ дня въ день пріумножается, хотя отозвали изъ Америки маркиза д'Антина съ своимъ флотомъ. Изъ оного шесть кораблей подъ командою командора Рошелора дѣйствительно вступили въ портъ Тулонскій 13-го сего, а прочіе съ маркизомъ д'Антиномъ приближились къ Бресту.

Такое въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ того флота возвращеніе поводъ подаетъ судить, что оный употребленъ будетъ для прикрытія испанскаго транспорту въ Италію, ибо, кажется, что король Сардинскій сухопутную испанскому войску дорогу дозволить не намѣренъ. Для того жъ, по письмамъ изъ Испаніи, съ горячію тамъ пріуготовляютъ транспортныя суда. «Отъ сего позволите усмотрѣть, что намѣренія здѣшнія предъ прежнимъ въ томъ не отмѣнили, чтобъ буде не прямо, то постороннимъ образомъ искать ущерба аустрійскихъ силъ, и того только Вьенскій дворъ отсюду надѣяться можетъ, что дѣйствительно Франція войною на него не нападетъ и королю Прусскому помочи не по-

дасть». Продолжаются между тѣмъ невозможныя домогательства для пріобрѣтенія короны имперской электору Баварскому, для чего графъ Беллиль дѣйствительно въ Дрезденѣ находится; «буде выключеніемъ голоса богемскаго удастся зажечь междуусобную войну въ имперіи, чуть ли Франція участія въ ней не приметъ для добычи себѣ по меньшей мѣрѣ крѣпости Люксембургской».

До сѣхъ поръ въ сухопутномъ здѣшнемъ войскѣ прибавки еще не учтено, но въ готовности имѣютъ съѣстного припасу для 80 тысячъ войска на шесть мѣсяцевъ. Въ портахъ корабли чинить и строить продолжаютъ. «Со всѣмъ тѣмъ Швеціи дворъ напрасно всюду денегъ или помочь ожидать станеть». За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Апрѣля 25-го—14-го дня 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 22 апрѣля—3 мая; отвѣтствовано 30/11 того же».

263. — Апрѣля 22-го—мая 3-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Покорнѣйше вашему сіятельству благодарствую за благосклоннѣйшія два письма ваши отъ 13-го и 20-го апрѣля, при которыхъ я получилъ исправно экземпляры съ рѣчи королевской къ парламенту и съ ихъ адресовъ. Оная Великобританскаго двора резолюція, которой, какъ безсумнительно вашему сіятельству уже извѣстно, слѣдовала подобная въ Голландіи, много общему благу при нынѣшнихъ обстоятельствахъ пользоваться имѣеть. «Въ самомъ дѣлѣ дальновидныя здѣшнія намѣренія буде можно остановить или умалить — то много къ тому способу имѣть, развѣ чтобъ благонамѣренныя къ европейской тишинѣ державы тѣснѣйшимъ союзомъ межъ собою и потребнымъ пріуготовленіемъ, а въ нужномъ случаѣ и самимъ дѣйствомъ оказали, что не столь легкое дѣло быть имѣеть опроверженіе Аустрійскаго дому. Каковы жь тѣ здѣшніе виды, ваше сіятельство усмотрите въ копіи моеи покорнѣйшей реляціи, которая радуюсь, что къ вамъ исправно дошла; объ нихъ не рас-

пространяюсь тѣмъ наипаче, что ничего новаго о томъ доносить не могу». Впрочемъ голландскій посолъ предъ отъѣздомъ кардинальскимъ въ Марли далъ ему знать, что Статы Генеральныя резолюцію приняли употребить при королѣ Прусскомъ свои добрыя офіціи для примиренія его величества съ королевою Венгерскою, и буде ихъ въ томъ радѣтельство будетъ безплодно, исполнить имѣющіяся обязательства съ Вьенскимъ дворомъ, при чемъ внушилъ: не позволить ли и онъ, кардиналь, къ тому жъ концу и свои добрыя офіціи при Прусскомъ дворѣ употребить. Кардиналь похвалилъ Статовъ Генеральныхъ резолюцію, ничего не отвѣтствуя на то, что касается здѣшнихъ добрыхъ офіцій. «Безъ пророческаго духа предвидѣть можно, что намѣреніе здѣшнее не къ тому клонится, чтобъ уменьшить число непріятелей королевы Венгерской, какъ, чаю доказываетъ графъ Белиль своею поѣздкою къ всѣмъ электорскимъ дворамъ; а теперь онъ, отъѣхавъ изъ Дрездена, имѣетъ находиться въ Бреславѣ.

Сколько до прочихъ здѣшнихъ дѣлъ касается, покорно ссылаюсь на послѣднее мое письмо отъ 23-го апрѣля, въ пополненіе котораго служилъ Газета Парижская подъ № 17-мъ, въ которой изволите усмотрѣть обстоятельства ошибки межъ шестью аглицкими и четырьмя французскими караблями. Объ оной по сію пору министерство здѣшнее ни жалобъ, ни разсужденій не производитъ. Теперь всѣ бывшіе къ Америкѣ французскіе корабли уже въ здѣшнихъ портахъ, кромѣ двухъ, которые, сказываютъ, въ Сентъ-Домингѣ оставлены, и ожидаемъ видѣть, каково сіе происхожденіе при Испанскомъ дворѣ принято будетъ. Командующій ими марки д'Антинъ 25-го н. ст. въ Брестѣ умеръ. Къ сухопутному войску еще прибавки не учинено. За симъ, съ крайнимъ почтеніемъ остаюся вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа апрѣля 22-го—мая 3-го дня 1741 году.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 26 апрѣля—7 мая; отвѣтствовано 30/11 того же».

264. — Мая 19-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ отсутствіи моемъ у водъ Пломбьерскихъ дошли сюда исправно вашего сіятельства два почтешійшія письма отъ 30-го апрѣля и 7-го мая, за которыя особливо благодарствую. По приложеннымъ при второмъ запякамъ я испанскому послу рекомендовалъ дѣло арестованнаго корабля Делицы, вручивъ ему обстоятельную меморію, которую также и здѣшнему статскому секретарю сообщилъ, чтобъ при томъ и французскія добрыя офиціи были употреблены. Съ обѣихъ сторонъ я о радѣтельномъ приложеніи труда къ нашему удовольствію обнадеженъ. Какія тому впредь будутъ слѣдствіи, не премину такъ вашему сіятелству, какъ и къ высочайшему двору прямо отъ себя донести.

«Между тѣмъ пужно чаю ваше сіятельство покорнѣйше увѣдомить, что девятаго-на-десять мая по новому стилю указъ полученъ въ Брестѣ вооружать десять военныхъ кораблей да одну фрегату со всякимъ посиѣшеніемъ, и понеже слухъ идетъ, что оная эскадра вооружается для Балтики, я имѣлъ о томъ съ министрами здѣшними изъясненіе, по которому довольно миѣ дали знать, что такое намѣреніе имѣютъ, ежели отъ Аглицкаго двора эскадра въ Балтику будетъ послана. Подробности сего дѣла, которое собою важно, я вашему сіятельству пространно сообщу чрезъ копію реляціи своей, которую завтра съ куріеромъ отправляю, и которая къ вамъ дойдетъ чрезъ графа Александра Гавриловича, а до того ваше сіятелство соизволить сею вѣдомостію употребленіе учинить, смотря по инструкціямъ отъ двора. Министерство аглицкое то доподлинно поставлять должно, что одинъ способъ препятствованія французской эскадры есть, чтобъ зранѣе аглицкая была въ готовности и здѣшней свѣнѣе».

Отъ прочихъ здѣшнихъ дѣлъ примѣтною къ пзвѣстію вашего сіятельства нахожу учиненную прибавку къ здѣшней пѣхотѣ по 10 человекъ въ роту, которое учинить около 30 тысячъ во всемъ здѣшнемъ войскѣ. Сказываютъ, что послѣдовать будетъ и прибавка къ конницѣ, и что войсковъ собраны будутъ 30 тысячъ

милліціи. Затѣмъ, ссылая о прочемъ на вышепомянутую мою реляцію, прекращаю сіе, съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Мая 30—19-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 24 мая — 4 іюня; отвѣтствовано 1/12 іюня».

265. — 1-го іюня. Парижъ.

Конія съ реляціи моеї отъ 21-го мая — 1-го іюня 1741.

Изъ приложенной при семъ копіи съ письма изъ Бреста отъ 22-го мая, писаннаго отъ морского офицера къ моему здѣсь пріятелю, ваше императорское величество изволить всемплостивѣйше усмотрѣть, что 19-го того жъ указъ тамо полученъ о вооруженіи со всякою поспѣшностію девяти военныхъ кораблей п одной фрегаты, п что оная эскадра имѣеть идти въ Балтику. Тотъ слухъ п здѣсь изъ дня въ день подтверждается; не хотѣлъ я далѣе отлагать требованіе изъясненія о томъ отъ здѣшнихъ министровъ. Потому я четвертаго дни нарочно ѣздилъ къ господину кардиналу въ Исси, п представя ему о помянутомъ слухѣ, просилъ его, чтобъ изволилъ мнѣ приказать, чтѣ о томъ доносить вашему императорскому величеству, удостовѣряя при томъ, что я оному слуху вѣру подать никакимъ образомъ не могу, понеже пзвѣстно мнѣ будучи миролюбное его кардинальское намѣреніе, не могу чаять, чтобъ соизволилъ такимъ неблаговременнымъ отправленіемъ французской эскадры еще напаче возбудить нынѣшняго швецкаго министерства склонность къ началію войны противъ вашего императорскаго величества, столь напаче, что такой поступокъ былъ бы мало согласенъ имѣющемуся доброму согласію межъ вашимъ величествомъ п королемъ Французскимъ, какъ онъ, господинъ кардиналь, самъ признать долженъ.

Противъ того онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что правда, указъ отправленъ въ Брестъ для вооруженія девяти кораблей да одной

фрегаты, но до сѣхъ поръ никакой резолюціи не принято, къ чему оную эскадру употребить, и отъ меня желаетъ, чтобъ ваше императорское величество надежно удостовѣрились, что оная эскадра въ Балтику отправлена не будетъ, ежели: 1-е) король Дацкій обиадежитъ, что при началіи войны въ сѣверѣ сохранить отъ прочихъ вѣдшихъ державъ нейтралитетъ Балтическаго моря, и 2-е) ежели агличане въ то море свою эскадру не пошлютъ; что и въ противномъ случаѣ онъ, кардиналъ, еще сказать не можетъ, помянутая французская эскадра будетъ ли аглицкой слѣдовать, но оставляетъ о томъ резолюцію принять, когда случай воспослѣдуетъ; что впрочемъ его королевское величество никакого намѣренія не имѣетъ принять хотя малѣйшее участіе въ войнѣ межъ Швеціею и Россіею, ежели оная случится; что онъ, кардиналъ, особливо сожалѣетъ, видя такую горячность съ стороны швецкой, и совѣстно засвидѣтельствовать можетъ, что его совѣты при министерствѣ швецкомъ всѣ клонились къ сохраненію тишины, и что о ихъ поступкахъ столь мало извѣстень, что и по сю пору не знаетъ и о числѣ ихъ военныхъ кораблей.

Противъ того я господину кардиналу предложилъ, что двѣ помянутыя кондиціи, на которыхъ неотправленіе французской эскадры обѣщать пзволить, ваше императорское величество никакимъ образомъ принять не можетъ для того, что такъ Дацкій, какъ и Аглицкій дворъ имѣютъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ обязательства союзическія, и потому ни одинъ, ни другой въ нейтралитѣ остаться не долженъ, когда съ швецкой стороны учинится на ваши области нападеніе, а такое нападеніе съ ихъ стороны подлинно воспослѣдуетъ, ибо ваше императорское величество твердое намѣреніе приняли оружіе свое обнажать, пока швецкія военныя дѣйствія къ тому васъ не понудятъ, и для того терпѣливо и теперь спосите всѣ являемыя съ ихъ стороны раздраженія, которыя пзъ дня въ день безъ всякаго поводу приумножаются; слѣдовательно, такъ Дацкій, какъ и Аглицкій дворъ необходимо обязаны будутъ придти въ помощь вашу, ежели ваше императорское величество отъ нихъ то по-

требуетъ. До сѣхъ поръ я не вѣдаю, будетъ ли имѣть въ томъ ваше императорское величество нужду, понеже Богъ далъ вамъ довольныя силы для пренятствованія дальнихъ видовъ вашихъ непріятелей, и въ пограничныхъ областяхъ вашихъ такія сухопутныя и морскія пріуготовленія учпены, что надѣяетесь свободно отвратить непріятельское нападеніе; но ежели ваше императорское величество отъ Аглицкаго двора потребовалъ по ново-заключенному трактату надлежащую морскую помощь, я оставляю на его кардинальское праводушное разсужденіе, можетъ ли его королевское величество праведно той аглицкой помощи сопротивляться, не имѣя съ россійской стороны никакого поводу къ такому ей одной предосудительному поступку,—пбо онъ самъ со мною изволить признать, что, препятствуя вашимъ союзникамъ подавать вамъ надлежащую помощь, не имѣ, по вашему императорскому величеству тѣмъ вредъ принесетъ, равно какъ отъ войны сѣверной больше тишина всей Европы и отчасти интересы королевы Венгерской, чѣмъ ваши, претерпѣть имѣютъ.

На то кардиналь отвался, что онъ уже напомянулъ о истинномъ здѣшнемъ намѣреніи не принимать участія въ войнѣ межъ Швеціею и Россіею, и какъ подлинно никакой причины къ жалобамъ противъ Россійскаго двора здѣсь не имѣютъ, такъ охотно доброе согласіе съ нимъ содержать будутъ; но что высокомысліе аглицкое нестерпимо становится, и онъ безъ осужденія отъ всего свѣта не можетъ позволить Аглицкому двору вступаться въ дѣла всей Европы, размножать свой суперіоритетъ и искать вездѣ самовластно властвовать, для чего не знаетъ, не будетъ ли принужденъ сопротивляться ихъ предпріятіямъ въ сѣверѣ; что можно бы всякое несходство мпновать, остановя отправленіе аглицкой эскадры въ Балтику, столь напаче, что ваше императорское величество имѣетъ свои морскія силы, и что швецкій народъ подлинно не въ состояніи вамъ сопротивляться; что впрочемъ я самъ вѣдаю, что въ послѣдней межъ Франціею и цесаремъ войнѣ россійское войско прслано его императорскому ве-

личеству въ помощь; но однакожь затѣмъ межъ Французскимъ и Россійскимъ дворомъ, еслибъ польскія дѣла не вмѣшались, разрывъ бы не воспослѣдствовалъ.

Я ему противъ того предложилъ, что сколько касается до поступковъ аглицкихъ, на которые онъ нарекать изволить, оное дѣло мнѣ не принадлежитъ, и потому я ничего о томъ разсуждать не могу; равномѣрно, не вступаясь въ изслѣдованіе, какіе противъ того должны быть подвиги французскіе, и онъ самъ изволилъ примѣтить, что я о вооруженіяхъ здѣшнихъ нкогда ни словомъ не отзывался, когда оныя не касались интересовъ вашего императорскаго величества. Да и теперь я не говорю о такихъ движеніяхъ аглицкихъ, которыя не имѣютъ сношеніе съ интересами вашими, но представляю на его кардинальское разсужденіе, можетъ ли онъ правильно препятствовать приходящую къ вашему императорскому величеству помощь, отъ кого бы она ни была прислана; что отправленная отъ ея императорскаго величества блаженныя памяти покойному цесарю въ послѣдней войнѣ гораздо разнится съ нынѣшнимъ случаемъ, ежели онъ изволитъ или дѣйствительно Шведскому двору спомоществовать, или союзникамъ вашимъ препятствовать вамъ въ помощь приходить; ибо 1-е) межъ Россією и покойнымъ императоромъ имѣлся давній оборонительный союзъ, а я вѣдаю, что онъ и самъ похулилъ бы поступокъ Россійскаго двора, ежелибъ обязательства свои не исполнилъ; напротиву, межъ Францією и Швецією никакого подобнаго обязательства не имѣется, по меньшей мѣрѣ какъ отъ него самого мнѣ прежь сего объявлено; и 2-е) въ послѣдней войнѣ съ императоромъ Франція нападеніе учинила, а въ нынѣшней межъ Швецією и Россією, ежели воспослѣдуетъ, подлинно шведы будутъ агресорами, и было бы весьма противно правосудному его кардинальскому нраву требовать, чтобъ Россійскій дворъ не искалъ всѣми способами отвратить противъ непріятели обиду и съ помощію Божією привести его въ такое состояніе, чтобъ впредь не былъ опасенъ. Съ тѣмъ же его правосудіемъ не согласно желать пользу людей безпокойныхъ, которые за своимъ высокомысліемъ

и самые его кардинальскіе миролюбные совѣты презрѣли. На послѣдокъ я заключилъ, что всѣ помянутые мои резоны столь основательны, что я уповаю, что онъ изволитъ подать имъ должную атенцію, полагаясь впрочемъ на его собственное разсужденіе и праводушіе по онимъ принять такую резолюцію, которая съ королевскою честію и съ имѣющимъ между его величествомъ и вашимъ императорскимъ величествомъ добрымъ согласіемъ болѣе сходна; что къ тому время довольное пзволитъ имѣть, понеже, сколько мнѣ извѣстно, по сию пору ваше императорское величество отъ союзниковъ своихъ помочи не требовали, а когда требовать станете, не сумнѣваюсь, что данъ мнѣ будетъ указъ ему о томъ сообщить.

Господинъ кардиналъ еще противъ того сказалъ, что онъ, правда, и самъ теперь не знаетъ, какую резолюцію приметъ, когда случай, о которомъ говоримъ, воспослѣдуетъ; что онъ обязанъ будетъ, ежели благовременно о требованіи помочи аглицкой будетъ увѣдомленъ; что тогда посмотреть, какой поступокъ будетъ приличіе; что впрочемъ я самъ былъ свидѣтелемъ его миролюбной склонности и его подвиговъ въ сохраненіи не только сѣверной, но и всея Европы тишины и съ самимъ предосудженіемъ своей славы, понеже де прочіе народы причтали ему то въ робость; но, по несчастію, всѣ его труды были неудачливы за славолубіемъ аглицкимъ; что однакожь какъ онъ мало суетится о славѣ сего міра, такъ сколь можно долѣ намѣренъ пребывать въ своей прежней склонности, имѣя, когда принужденъ будетъ, оказать, что здѣшняя держава умѣетъ себя защищать. Правда де, онъ признаетъ аглицкій суперіоритетъ на морѣ, но по сухому пути Богъ довольныя силы королю далъ.

Противъ того я еще отвѣтствовалъ похвалами его кардинальскимъ, изъясняя, что ни малаго ущербъ славы его у благо-разсудныхъ людей его миролюбный правъ не принесъ и не принесетъ; что столько разныхъ причинъ и поводовъ къ смущенію европейскому имѣется, что не нужно высокомысліе министровъ для приумноженія оныхъ, и что онъ самъ изволитъ вѣдать, что

отъ него зависить европейскую тишину возставить и сохранить, какъ и Францію въ войну не ввести, понеже ни которая держава, сколько видѣть можно, напрасно Францію атаковать не отважится. Меньше же опасности она имѣеть съ стороны сѣверныхъ державъ, напаче же съ вашей, ибо ваше императорское величество неотмѣнное намѣреніе содержать всѣми возможными способами сохранить себѣ и утвердить дружбу королевскую, къ чему довольные опыты изволили уже подать. На что онъ, господинъ кардиналь, отвѣтствовалъ, что сколько вашего императорскаго величества касается, онъ увѣренъ о вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ столь напаче, что не видитъ никакой причины къ разгласію между двѣмя дворами, но не можетъ то же ожидать отъ прочихъ державъ, изъ которыхъ въ нѣкоихъ явно оказывается злая склонность противъ Франціи.

На другой день я видѣлся съ господиномъ Амелотомъ, которому противъ отпращиванія французской эскадры въ Балтику такія же предложенія учинить не приминуть. Отвѣтъ его былъ подобнаго съ кардинальскимъ состоянію, только что сильнѣе старался увѣрить, что вооруженіе, въ Брестѣ чинимое, по сию пору не касается Балтическаго моря. Впрочемъ онъ также удостовѣрялъ, что его королевское величество не намѣренъ участія принять въ Шведской войнѣ; что для того, какъ прежде министерству шведскому оную отсовѣтовалъ, такъ и теперь признаваетъ, что она неблаговременна и имѣеть быть къ предосужденію шведскому народу, который противъ вашего императорскаго величества стоять не можетъ, прибавя при томъ, что не мало сожалѣеть о приключившейся тяжкой болѣзни графа Сентъ-Северина, которая препятствуетъ ему не только дѣйствовать, но и писать суды, такъ что здѣсь о нынѣшнихъ шведскихъ дѣлахъ, развѣ посторонними письмами, ничего не вѣдаютъ, и что понеже къ нему посылается отзывная грамота, съ прилежностію ищется другая особа на его мѣсто, которая бѣ способна была въ нынѣшнихъ деликатныхъ конъюнктурахъ усмирить тамошнюю военную склонность, ибо онъ согласно со мною признаетъ, что она

война нимало съ французскими интересами не согласуется, для того что Швеція одна оную сносить не въ состояніи, а здѣшнему двору ей спомоществовать не прилично, и потому онъ еще надѣется, что ту войну миновать будетъ можно. Сколько же принадлежитъ до аглицкой эскадры, которая идти бѣ имѣла въ помочь вашу, то трудно Франціи покойно на такіе аглицкіе поступки смотрѣть, и что столь мало къ предосужденію вашему поступать здѣшнее намѣреніе было, что еще и слуху не было о заключеніи союза межъ вашимъ императорскимъ величествомъ и королемъ Аглицкимъ, когда намѣреніе принято о вооруженіи Брестской эскадры; что впрочемъ агличане, вашего требованія и не ожидая, могутъ эскадру свою отправить, и слѣдовательно, она не для однихъ вашихъ интересовъ отправляется.

Противъ сего послѣдняго я стацкаго секретаря просялъ примѣчать, что всякое препятствованіе диверзіи непріятели бываетъ предосудительно тому, въ чью пользу она происходить, что весьма мало причины вѣрить, чтобъ агличане безъ требованія хотѣли эскадру въ Балтику послать, не имѣя тамъ никакого своего интереса, и что я чаю, что и по требованіи не отправили бы, ежелибъ ваше императорское величество были агрессорамъ, понеже послѣдній трактатъ только ихъ къ оборонѣ обязываетъ.

Не вступая въ подробнѣйшее описаніе словъ Амелотовыхъ, понеже какъ теперъ статскіе секретари—люди совсѣмъ подчиненные, такъ кардинальскія рѣчи должны всю важность содержать, а изъ оныхъ ваше императорское величество изволитъ всемплоствивѣйше смотрѣть, куды намѣреніе здѣшнее клонится; я и теперъ увѣренъ, что сколько пріятны и здѣсь сѣверныя смущенія, и столько буде свои интересы, разумью — дѣйствительная шведская война желательна французскому министерству быть не можетъ. И мнѣ кажется, что изъясненія кардинальскія къ тому наипаче служатъ, чтобъ отправленіе аглицкой эскадры остановить; впрочемъ, сколько мои представленія ни сильвы, ни основаны, которыя и кардиналь, и Амелоть приняли весьма изрядно, я не льщу себѣ, чтобъ опыя или другія сильнѣйшія могли отвра-

тить отправленіе здѣшной эскадры, когда къ тому резолюцію примутъ. Одинъ къ тому способъ тотъ, чтобъ агличане свою заранѣе приготовили (здѣшняя поспѣетъ къ половинѣ іюля) и вступленіемъ въ море предупредили, понеже въ такомъ случаѣ, по мнѣнію всѣхъ здѣсь благоразсудныхъ людей, кардиналь французскіе корабли отважить не склонится. Къ тому жъ, можно бѣ Аглицкому двору самому отъ здѣшняго изъясненія требовать, чтобъ однажды за все вѣдать, чего отсюда ожидать должно, и то прибавя, что на проходъ кораблей французскихъ сквозь каналъ Англія безъ того изъясненія покойно смотрѣть не можетъ; сіе я внушилъ того двора обрѣтаемому здѣсь секретарю при сообщеніи всего провшедшаго межъ мною и здѣшними министры, который самъ одного со мною мнѣнія находитея; а къ вашего императорскаго величества министрамъ въ Гагу и въ Лондонъ цѣлую копію сей реляціи посылаю, чтобъ они по полученнымъ уже отъ вашего императорскаго величества инструкціямъ учили ей такое употребленіе, каково заблагоразсудятъ.

Я какъ на прошлой недѣлѣ кардиналу, такъ третьяго дни при самомъ входѣ статскому секретарю формальное объявленіе учинилъ по содержанію высочайшаго вашего рескрипта со всѣми пристойными изъясненіями. Господинъ Амелотъ обѣщалея о томъ королю допестъ, не вступая ни въ какое другое разсужденіе; только любопытно меня спрашивалъ, сколь сильна помощь, о которой въ трактатѣ договоренось, и правда ли, что Саксонскій дворъ въ оный союзъ включенъ, какъ сотрагующая держава. Противъ чего я ему отвѣтствовалъ, что мнѣ обстоятельства трактата еще не сообщены, и въ высочайшемъ вашего императорскаго величества указѣ о Саксонскомъ дворѣ не упоминается.

Что принадлежитъ до здѣшнихъ другихъ дѣлъ, къ войску сухопутному еще другой никакой прибавки не учинено, и впрочемъ, никакія другія мѣры къ сухопутной войнѣ не принимаются. Кромѣ вышеупомянутыхъ десяти брестскихъ кораблей, вооружаются двѣнадцать въ Тулонѣ, какъ въ приложенномъ письмѣ предвидѣно, которые почти всѣ не изъ числа возвратившихся изъ

Амерікп. Сія починають чинити и конопатити, и по данному мнѣ отъ пріятеля пзвѣстію, въ нужномъ случаѣ въ состояніи здѣсь будуть еще и сямъ лѣтомъ въ море вывести около 50 кораблей малыхъ и большыхъ, всѣ включая. Но къ такому вооруженію потребны здѣсь важныя издержки, и надлежало бы выдать немалыя суммы въ самой скорости, чего, по мнѣнію людей, коимъ денежныя здѣшнія дѣла пзвѣстны, учинити не легко, понеже казна королевская необильна.

По тому жъ я еще согласити не могу, какъ склонился кардиналъ къ составленію конвенціи съ Швецикомъ дворомъ для выдачи субсидіевъ, какъ безъ того оный дворъ могъ бы столькую горячность къ войнѣ оказывать. По всѣмъ же банкіерскимъ пзвѣстіямъ, денежнаго переводу въ сѣверъ не было. Графъ Тессинъ однакожъ учащаетъ свои долги свиданія съ министрами, какъ и баварскій министръ. Со всѣмъ тѣмъ здѣсь многіе чають, что баварское войско въ походъ пдти не въ состояніи.

О графѣ Беллѣ мнѣ подтверждено, что онъ Саксонскимъ и Прусскимъ дворомъ не гораздо доволенъ. Сей послѣдній дворъ здѣсь начинаеть становитися подозрительнымъ, понеже со всѣхъ сторонъ вѣдомости приходятъ, что вскорѣ воспослѣдуетъ примиреніе межъ онымъ и Виенскимъ чрезъ посредство Аглицкаго, и тѣмъ вѣдомостямъ столько довѣряють, что и въ отвѣтѣ королевскомъ французскомъ къ Статамъ Генеральнымъ отъ 19-го мая внесены. Еслибъ и другого поводу къ недовольству не было, одно аглицкое медіаторство довольно здѣшній дворъ раздражитъ. Но кромѣ того, пзрядно предвидятъ что, когда тѣ двѣ воюющія державы примирятся, сторона королевы Венгерской столь сильна станеть, что уже гораздо больше услія потребно будетъ для произведенія здѣшнихъ дальновидныхъ намѣреній, которыя всегда на томъ же стоятъ, наипаче ежели высочайшіе ея величества союзники держаться стапуть въ тѣсномъ согласіи и вооруженіи. Такія съ ихъ стороны мѣры, можетъ быть, и совсѣмъ генеральную войну предупредятъ, которой министерство здѣшнее опасается.

Въ Испаніи послѣшается приуготовленіе транспортныхъ судовъ въ Барцелонѣ, хотя уже мало кто здѣсь сумнѣвается, что испанскому войску проѣздъ сквозь Францію не будетъ отказать, ежели можно будетъ привлечь короля Сардинскаго, котораго намѣреніе еще не извѣстно. Между тѣмъ готовится нѣсколько галеръ, которыя вмѣютъ изъ Маіорки въ Барцелону привести посланные въ прошломъ году испанскіе баталіоны.

Liste de vaisseaux qu'on arme à Brest.

<i>Vaisseaux.</i>	<i>Capitaines.</i>	<i>Canons.</i>
Le Superbe	Monsieur de Roquefeuille.	74
Le Neptune	Monsieur de Camilles	74
Le Saint-Philippe.	Monsieur de Gard	74
Le Mars	Monsieur de Perier	66
Le Saint-Michel	Monsieur de Feuilleuse	67
L'Eclalant.	Monsieur de Saite-Claire	67
L'Auguste.	Monsieur de Villeneuve	54
Le Griffon	Monsieur de Mogue mora	54
La Naïade	Monsieur de Contenteuille.	26

Et peut être, dit-on, la Medée qui est de 26 canons.

La somme 556
26

Canons 582

Помѣта князя Щербатова: «Получено 1/12 іюня».

266.—Іюня 1-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вслѣдствіе послѣдняго моего письма я просилъ графа Александра Гавриловича отправить къ вашему сіятельству копію съ сегодняшней моей реляціи. Потому и чаю, что оная вмѣстѣ съ настоящимъ моимъ покорнѣйшимъ писаніемъ къ вамъ дойдетъ. И понеже въ оной все то содержано, что я отсюда вашему сіятельству доносить бы могъ, совершенно на оную ссылаясь, въ ваше разсужденіе предаю, какое употребленіе важными въ пей сообщенными вѣдомостями при тамошнемъ дворѣ учинить изволте. Только ваше сіятельство всепокорно прошу о всемъ томъ, что по помянутымъ вѣдомостямъ тамо жь прозойдетъ, прямо къ двору доносить.

Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1-го іюня—21-го мая 1741.

267.—Іюня 22-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! По надежному данному мнѣ здѣсь извѣстію резолюція здѣсь принята по дальнѣйшей мѣрѣ мѣсяца въ два отправить въ баталью тридцать тысячъ французскаго войска, такъ въ пользу электорскую, какъ для исполненія главнѣйшаго здѣшняго намѣренія, то-есть, отдаленія великаго князя Тосканскаго короны имперской. По сію пору еще ничего не поставлено о способахъ того предпріятія, котораго слѣдствіе будетъ безсумнительно генеральная война, весьма неродная здѣшнимъ интересамъ и скудости въ деньгахъ и въ хлѣбѣ; но проискъ партизановъ испанскихъ и древняя ненависть противъ Аустрійскаго дома знатно всякаго разсужденія сильнѣе. Сею вѣдомостію, которую гораздо подлиннѣе почитать нужно, ваше сіятельство изволите чинить пристойное употребленіе по вашему разсужденію.

«Сколько же нашихъ дѣлъ касается, кардиналъ непрестанно присягами увѣряетъ, что въ шведскихъ движеніяхъ никакого участія не имѣетъ и въ войнѣ не приметъ, а между тѣмъ вооруженіе Брестской эскадры поспѣшается; но еще сумнительно, отправится ли она въ Балтику».

Впрочемъ, сколько принадлежитъ до корабля Делицы, по почтеннѣйшему вашему сіятельства письму отъ 15-го—26-го іюня, которое третьяго дни я имѣлъ честь получить исправно, дѣйствовать не оставляю. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ остаюсь вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 3-го—іюня 22-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 28 іюня — 9 іюля; отвѣтствовано 9/20 іюля».

268.—Іюля 3-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я имѣлъ честь вашему сіятельству донести о принятой здѣсь резолюціи къ отпращиванію 30 тысячъ войска въ Баварію. Послѣ того не только вѣдомость та мнѣ подтверждена отъ пріятелей, но и послѣдовавшими обстоятельствами столько увѣрилась, что уже стала безсумнительна, ибо отъ статскаго секретаря военныхъ дѣлъ послапы циркулярныя письма ко всемъ полковникамъ имѣтъ полки свои комплектны и весь военный приборъ готовымъ къ походу къ 1-му числу наступающаго августа, указъ выданъ о приготовленіи большой артиллеріи въ Алзациі, военнымъ комиссарамъ для собранія хлѣба назначенъ паркъ Монмартель, и въ Лоррену отправлено 200 хлѣбниковъ. Уже и самое министерство тѣхъ приуготовленій не отрекается, но желало бы увѣрить, что оныя только въ предосторожность здѣшнюю чинятся, и что войско только въ лагерь будетъ выведено при Рейнѣ. Совсѣмъ тѣмъ, какъ выше я упомянулъ, о походѣ того войска въ Баварію никто не сумнѣвается, и по всему тому, что къ моему знанію дошло, служить имѣетъ къ подкрѣпленію претензій электора Баварскаго, такъ что первымъ дѣйствомъ будетъ вступленіе въ Богемію.

«Всю ту махину движеть маршалъ де-Белль, который прибылъ сюды осмого сего, и съ того дни непрерывные совѣты держутся въ его присутствіи, въ которыхъ слово идетъ о времени и способахъ къ походу тому войску и къ начатию предвоспріятія; для командированія оного назначены пять генераловъ-лейтенантовъ, хотя еще не объявлены, а надъ всеми помянутый маршалъ, который, сказываютъ, что будетъ изъ Франкфорга письмомъ своимъ дѣйства оныхъ генераловъ учреждать, понеже говорятъ, будто электоръ желалъ, чтобъ не былъ маршалъ съ тѣмъ войскомъ присланъ. Слухъ же поспится, и можетъ быть, не безъ основанія, что статскій секретарь Амелотъ будетъ изъ министерства отставленъ, и на его мѣсто опредѣленъ братъ графа Белля, чѣмъ кредитъ сего маршала паче утвердится къ пе-

малому предосужденію тишины европейской, которая и праву, и высокомыслію его противна.

«Всего того слѣдствія ваше сіятельство собою изрядно предусмотрѣть можетъ, и морскія державы наипаче оныхъ опасаться и благовременно о предупрежденіи оныхъ мѣры принять должны бы были столь наипаче, что отступление агличанъ сподъ Картагены намѣренія здѣшнія ободряетъ.

«Въ Брестѣ приуготовленіе эскадры посиѣшается, и уже, чаю, на рейду введена, но еще по сию пору доподлинно не извѣстно, поѣдетъ ли въ Балтику, или нѣтъ, хотя, смотря по малому къ намъ доброжелательству, перваго больше опасаться должно».

Впрочемъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойного не обрѣтая, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 14-го—3-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 8/19 того же; отвѣтствовано 9/20 іюля».

269. — Іюля 7-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ послѣднемъ моемъ отъ 14-го сего ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что уже намѣреніе здѣшнее о отправленіи войска въ Баварію безсумнительно. Послѣ отпускиа того письма, 13-го сего жь посланы вторичныя циркулярныя письма къ полковникамъ, чтобъ всѣ явились при полкахъ своихъ къ 1-му августа, отъ чего не взяты и тѣ самыя, которыхъ полки, изъ Корсики возвращаяся, находятся въ Антибѣ. «Сіе послѣднее чють ли не показываетъ, что и для Италіи корпусъ французскаго войска будетъ учрежденъ». Однимъ словомъ, офицеры здѣшніе палатки строятъ, лошади и ослось закупаютъ, и шикто уже о скоромъ походѣ войска не сумнѣвается. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 18-го—7-го дня 1741.

Р. S. Нѣкоторыя письма изъ Бреста сказываютъ, что эскадра тамошняя выступила въ море не знамо въ какомъ пути 10-го сего. Но министерство здѣшнее сегодня и меня, и аглицкаго секретаря наисильнѣйше о противномъ увѣряли, такъ что я самъ уже не знаю, чтѣ о томъ дѣлѣ вѣрить, но уповаю, что правда открыться не умедлитъ, и тогда, отправляя къ двору курьера съ тою вѣдомостію, не премину къ вашему сіятельству о томъ сообщить. Между тѣмъ опасаяся, что впрямь той эскадрѣ походъ воспослѣдуетъ. Графъ Белиль завтра отъѣзжаетъ въ Фравк-фортъ, гдѣ недолго пробудетъ, имѣя командовать корпусъ войскъ, отправляемый въ Германію. Отъ пріятеля миѣ сказано, что договоръ съ королемъ Прусскимъ чрезъ него заключенъ на такой кондиціи, что ежели до 1-го августа Франція свое войско введетъ въ Германію, то его Прусское величество совокупно съ нею будетъ продолжать войну противъ королевы Венгерской; въ противномъ случаѣ принужденъ съ ея величествомъ примириться. И для того походъ войска здѣсь поспѣшается. Всѣ сіи вѣдомости ваше сіятельство изволите употребить по своему разсужденію.

Пожѣта князя Щербатова: «Получено 12—23 іюля; отвѣтствовано 27 іюля—7 августа».

270. — Іюля 31-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! При покорнѣйшемъ моемъ благодареніи за почтенное вашего сіятельства письмо отъ 9-го минувшаго іюля, честь имѣю вамъ сообщить приложенную при семъ роспись арміи французской при рѣкѣ Рейнѣ. Ваше сіятельство изволите изъ оной подробно усмотрѣть не только число людей и генералитета, но и время, и мѣста вступленія въ Германію. До сихъ поръ не можно было имѣть подобную роспись о корпусѣ войска подъ командою маршала Мальбоа. Только слышу, что прибавлено будетъ до 60 тысячъ людей, и что пойдетъ чрезъ Ліежъ, Жюмиежъ и Нейсъ въ Дюссельдорфъ, гдѣ будетъ генеральное сборное мѣсто тому войску. А общій слухъ подтверждаетъ, что прямое намѣреніе того войска есть атаковать короля Аглицкаго области въ Германіи.

О походѣ войска въ Италію ничего болѣе не слышно, и также генерально подтверждается, что трактатъ съ Сардинскимъ дворомъ еще не довершенъ. А иные прибавляютъ, что король Сардинскій малой склонности къ тому показываетъ, и говорятъ, будто его величество имѣетъ заключить бракъ съ архидукою, сестрою королевы Венгерской.

Впрочемъ Брестская эскадра непременно стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, и уже за подлинно ноставляютъ, что въ Балтику не поѣдетъ; и въ самомъ дѣлѣ, годовая пора къ такой экспедиціи не способна. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 11-го—іюля 31-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 5-го августа; отвѣтствовано 10-го того же».

Armée du Rhin.

1. *Passage du 15 Aout par le Fort-Louis.*

M-r. de Rhosnivinoîn, brigadier.

Navarre, 4 bat. Beauce, 1 bat. Rhosnivinoîn, 1 bat. Laborier, artillerie, 1 bat.

Mineurs de Tresmet.

Guides de Bruk.

Compagnies franches de dragons. Jacob Gatheau.

Officiers généraux: m-r de Luville, lieutenant-général; m-rs de Ximenes et de Beranger, marechal de logis; De Champigni, major; D'Astier, aide-major; Pierron, vagemestre; Le Fourrier, l'aide.

2. *Passage du 17 Aout par le Fort-Louis.*

M-r. Charost, brigadier.

La Marine, 4 bat. Ponthieux. . . les hussards de Ratsky.

Officiers généraux: m-r D'Aubigné, lieutenant-général; milord Clare, marechal de camp.

3. *Passage du 19 Aout par le Fort-Louis.*

M-r. le prince de Tingry, brigadier.

Touraine, 3 bat. Royal Vaisseau, 3 bat. Pons, 2 escadr.

Officiers généraux: De la Farre, lieutenant-général; le duc de Luxembourg et m-r de Mirepoix, marechaux de camp; le s-r Tournier, aide-major.

4. *Passage du 19 Aout par Lauterbourg.*

M-r le comte de Saxe et de Ratsky lieutenants-généraux; Le chevalier d'Estrées et d'Apeler, marechaux de camp.

Cavalerie.

Royal, 3 escadr.
 du Roi, 3 escadr.
 Carabiniers, 10 escadr.
 La Reine, 10 escadr.
 Du Romin

Dragons.

Mestre de Camp, 4 escadr.
 Dauphin, 4 escadr.
 Cinquante hommes de Royal *Artillerie.*
Mineurs de Rochefort.
Ouvriers de Chevrour.

Compagnies franches: Infanterie. Pauly. Bock. La Haye. Du Chemin. De Baye et de Montmore, aide-marechaux de logis. Major-general de la cavalerie.

5. *Passage du 21 Aout par le Fort-Louis.*

M-r d'Armandières, brigadier.

Anjou, 2 bat. Rochechouart, 1 bat. Alsace, 3 bat. *Ouvriers* du Brocard. *Cavalerie*, Levy, 2 escadr.

Officiers généraux: de Curzon, lieutenant-general; duc de Boufflers et de Marceaux, marechaux de camp; intendant m-r de Sechel (dans l'artillerie, de Brocard).

6. *Passage du 21 Aout par Lauterbourg.*

Cavalerie: Colonel-général, 3 escadr. Royal Allemand — 3 escadr. Orleans — 3 escadr. Penthièvre — 3 escadr. Royal Dragons — 2 escadr. D'Ermonville — 4 escadrons.

Compagnies franches: Hussards. *Infanterie:* Jacob. Gatheau. La Harze.

Officiers généraux: de Segur, lieutenant-général; Du Cheval et Berechiny, marechaux de camp. De Merples, aide-major-general.

7. *Passage de 22 Sep'tembre par le Fort-Louis.*

M-r Souvré, brigadier.

Infanterie.

Rohan 3 bat.
 Squvré 2 bat.
 Berri 1 bat.

Cavalerie.

Mestre de Camp général 3 escadr.
 Clermont Tonnerre 3 escadr.
 Andleu 2 escadr.
 Fleury 2 escadr.
 Fouquet 2 escadr.
 Royal Dragons 4 escadr.

Officiers généraux: De Gassion, De Polestron, Clermont-Tonnerre et du Cailla, lieutenants-généraux.

Valcour et la Gervaisois, marechaux de camp, Le c. Touquet, marechal de logis de la cavalerie. De la Tour, aide-major.

8. *Passage du 24 Septembre par Landau.*

M-r. de Tersé, brigadier.

Infanterie.

Piemont 4 bat.
 La Reine 2 bat.
 Du Roi 4 bat.
 Royal Barrère 2 bat.

Cavalerie.

Sabran 3 escadr.
 Chabrilan 3
 Egmont 3
 Grammont 3

Marsoi Artillerie	1 bat.	Brisac	2 escadr.
		Heudicour	2
		Fiennes	2
		Asfeld	5

Dragons.

Beaufremont 4 escadr.
S-te. Mesme 4 escadr.

Compagnies franches de dragons: Maudre, Saiset-Ceny, Romberg, Godenou.
Total: 44 bataillons. 12 compagnies franches infanterie. 30085 hommes infanterie. 100 escadrons. 6 compagnies franches de dragons. 10190 hommes cavalerie, dont 960 à pied.

En tout: 40.275 hommes.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 5-го августа 1741 году».

271. — Августа 7-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! На почтеннѣйшія вашего сіятельства два письма отъ 7-го и 10-го сего мѣсяца въ отвѣтъ всепокорно доношу, что «король Прусскій, какъ здѣсь слышно, хотя и заключилъ какой-либо договоръ съ электоромъ Баварскимъ, однакожь прямо съ здѣшнимъ дворомъ ни въ какія точныя обязательства вступить не похочеть, довольствуясь обѣщать свое споспѣшествованіе, когда французское войско дѣйствительно въ Германію вступитъ. Со всѣмъ тѣмъ віенскія письма показываютъ еще нечаянное его величества примиреніе съ королевою Венгерскою, для котораго довершенія аглицкій министръ Робинсонъ поѣхалъ въ Силесію съ такимъ ультиматомъ, который, по мнѣнію его величества короля Прусскаго, принятъ быть имѣеть. Но ежели оное примиреніе не состоится, и буде Статы Генеральныя предложенный имъ нейтралитетъ примутъ, то правда, опасаться должно, чтобъ худое состояніе королевы Венгерской и чаяніе поправленія въ ономъ не предали ея величества въ французскія руки, а до сѣхъ поръ къ тому здѣсь я слѣда не вижу.

«Негоціація здѣшняя съ Сардинскимъ дворомъ, по всѣмъ получаемымъ извѣстіямъ, разорвалась; напротивъ, слухъ идетъ, что межъ тѣмъ дворомъ и Аглицкимъ другая съ надеждою желательнаго исхода производится, о чемъ покорно прошу ваше сіятельство ближе меня увѣдомить». Впрочемъ, испанскій по-

соль еще не получилъ отвѣта отъ своего двора по дѣлу корабля Дѣвицы Катарины, а послѣднею почтою вновь о томъ писалъ въ Мадритъ, какъ третьяго дни меня увѣрилъ. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 18-го—7-го дня 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 12/23 августа; отвѣтствовано 17/28 сентября».

272. — Сентября 4-го. Парижъ.

Государь мой Иванъ Андреевичъ! Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 21-го августа я имѣлъ честь получить исправно и за оное покорно вашему сіятельству благодарствую, отсюда взаимно имѣя донести, что на сихъ дняхъ мы получили здѣсь извѣстіе изъ Бреста, что къ прежнимъ 10-ти линейнымъ кораблямъ, которые въ той радѣ лежатъ, выведено еще 8 подобныхъ, и что три фрегата отѣхали отсюда, но не извѣстно куды и съ какимъ намѣреніемъ. Обще чаютъ, что они отплыли въ Америку. Миѣ министры повторили обнадеживаніи, что они не для Балтики учреждены. «Я больше полагаюсь на позднюю годовую пору, чѣмъ на ихъ обнадежаніи».

Слухъ между тѣмъ подтвердился, что возобновлена кондиція субсидіевъ межъ здѣшнимъ дворомъ и Шведскимъ, и что съ извѣстнымъ барономъ Шеферомъ или та конвенція, или же ратификація отправлены, хотя и того министерство здѣшнее отрицается, неотмѣнно увѣряя, что дворъ здѣшній не вступаетъ и не вступитъ съ Шведскимъ дворомъ ни въ какія обязательства къ предосужденію нашего. «Сколь мало должно полагаться на сіи обнадеживаніи, я уже многократно высочайшему двору доносилъ».

Четвертаго дни сюды нечаянно прибылъ Понятовскій, какъ обще чаютъ, довершить союзъ своего государя съ здѣшнимъ дворомъ. Съ одной стороны, голосъ его Польскаго величества для электора Баварскаго заслужитъ здѣшнюю благосклонность,

а съ другой—его величеству собитя большая часть Богеміи, и пошеже, по имѣющимся здѣсь извѣстіямъ, Прусскій король въ Франкфортѣ объявилъ о вступленіи своемъ въ обязательство съ Франціею и съ Баварскимъ электоромъ; обще здѣсь ожидаютъ, что избраніе императорское въ наступающемъ мѣсяцѣ воспослѣдуетъ въ лицѣ онаго электора.

Между тѣмъ стараются страхомъ французскаго оружія поудить королеву Венгерскую безъ войны удовольствоваться всѣхъ претендентовъ, чтобъ потомъ Франція столь свободныя руки имѣла къ начатию войны противъ агличанъ.

Сіе послѣднее намѣреніе безсумнительно министерству здѣшнему приписуютъ, «и въ самомъ дѣлѣ, морскія здѣшнія приуготовленія и приближеніе войскъ французскихъ къ ГанOVERу довольно то жь мнѣніе подтверждаютъ. Слышно, что между прочими дѣйствами положено напасть на агличанъ въ Шотландіи и Ирландіи, и для того непріятно возвращеніе Нориссова въ агличкіе порты».

Изъ Турина на сихъ дняхъ полученъ куріеръ, по котораго прибытіи пронеслось, что оный дворъ возобновилъ негоціацію свою съ здѣшнимъ. Сіе происхожденіе можетъ и испанскую экспедицію въ Италиі послѣшить.

«Что изъ всего того вы изволите усмотрѣть, что все идетъ по желаніямъ здѣшнимъ столь наипаче, что голанскій посоль мнѣ утаить не могъ, что Статы Генеральныя къ нейтралитету клонятся. Тако же здѣшнее самовластіе много важности подаетъ» новымъ баварскимъ манифестамъ, которые отъ министра электорскаго здѣсь третьяго дни розданы. Въ одномъ изъ нихъ формально объявляется война королевѣ Венгерской, посторонно упоминая о французской помочи. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Париза. Сентября 15-го—4-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 10/21 сентября; отвѣствовано 17/28 того же».

273. — Сентября 25-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! По премногу вашему сіятельству благодарствую за почтенное ваше письмо отъ 28-го сентября и за благосклонное въ немъ содержимое поздравленіе. Взаимно васъ, государя моего, поздравляю повышеніемъ вашимъ, усердно вамъ желая всякаго благополучія.

Что же принадлежитъ до неутралитета ГанOVERскаго, кардиналъ и Амелотъ въ прошедшій вторникъ отрицались, что оный поставлень, однакожь признавали, что взаимно о томъ слово дано. Напротиву оба тѣ министра именно подтверждали, что его Аглицкое величество чрезъ отправленнаго отъ себя къ электору Баварскому большого чашника голосъ свой не только на словахъ, но и на письмѣ представилъ. Ежели сіе послѣднее обстоятельство истинно, то и о другомъ сумнѣваться не можно, понеже не вѣроятно, чтобъ его Аглицкое величество свой голосъ обѣщаль безъ всякаго себѣ авантажа. Со всѣмъ тѣмъ аглицкій секретарь и одно, и другое опровергаетъ, а ганноверскій агентъ Гатенбергъ какъ потаенно здѣсь жилъ, такъ потаенно жъ отсюда, какъ сказываютъ, на сихъ дняхъ въ Баварію отѣхаль.

По послѣднимъ изъ Бреста полученнымъ письмамъ, оныя 3 фрегата, о которыхъ я въ прежнихъ своихъ покорнѣйше напоминаль, отплыли къ мысу, называемому де-Лезаръ, и теперь слѣдовали за ними туды жъ 4 корабля изъ той же эскадры. Тулонская буде не поднялась, вскорѣ подняться имѣетъ, и хотя подлинное ея намѣреніе не извѣстно, но однакожь обще чають, что учреждена для Америки, и что Брестская можетъ къ ней присоединиться.

Сколько касается до побѣды, полученной надъ шведами, оною такожде ваше сіятельство усердно поздравляю. Не нужно, чаю, изъяснять, какимъ образомъ оная вѣдомость здѣсь принята, столь наипаче, что я вдругъ съ пею министерству здѣшнему сообщилъ заключенную въ Петербургѣ съ турецкимъ посломъ конвенцію, которою всѣ наши спорныя дѣла съ Портою къ взаимному удовольствию вершены съ признаніемъ императорскаго титла

всемилоствѣйшему нашему государю. Однакожь придворство здѣшнее столь безстыдно, что кардиналь однимъ и другимъ меня свѣтлымъ лицомъ поздравилъ.

«Между тѣмъ я на послѣдокъ увѣдомился, что возобновлена межъ здѣшнимъ дворомъ и Шведскимъ конвенція о субсидіяхъ на одинъ годъ, суммою милліонъ-сто-тысячъ банковыхъ ефимковъ, изъ которыхъ въ банкіерову поѣздку переслано триста тысячъ. Удивительно, откуда тѣ деньги берутся, понеже казна здѣшняя совсѣмъ истощена».

Вирочемъ турецкій посоль прибылъ въ Тулонъ, откуда, по Амелотовымъ словамъ, недѣли въ три еще не подымется. «Его главѣйшая коммиссія состояла на насъ жаловаться и побуждать помощь здѣшнюю въ пользу шведскую, но по видимому, шахъ Надиръ турецкую горячность унялъ». За сямъ съ крайнимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Октября 6-го — сентября 25-го дня 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 30/11 октября; отвѣтствовано 9/20 9-bre».

274. — Октября. 9-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! По почтениѣйшему вашего сіятельства письму отъ 2-го октября я подалъ новую меморію испанскому послу съ копіею съ письма суперкорго Смита, а какой отвѣтъ на оную получу, о томъ во свое время ваше сіятельство увѣдомить не премину.

Между тѣмъ отсюда имѣю донееть, что, по имѣющимся здѣсь вѣдомостямъ, не только король Прусскій заключилъ свой трактатъ съ здѣшнимъ и Баварскимъ дворомъ, но и король Польскій къ тому присталъ чрезъ составленную въ Франкфортѣ конвенцію между Понятовскимъ и графомъ Белилемъ. Съ другой стороны, съ Англицкимъ королемъ, при представленіи его величества голоса въ пользу электора Баварскаго, уже неутралитетъ также поставленъ, по которому оба двора обѣщаютъ свои войска ввести

въ зимнія квартиры, и чаятельно, что уже затѣмъ и голландскій нейтралитетъ недолго замедлитъ. Потому все уже идетъ по здѣшнимъ желаніямъ такъ въ избраніи императорскомъ, какъ и въ раздѣленіи аустрійскихъ областей. Перваго довершеніе здѣсь чаяли въ началѣ наступающаго мѣсяца, и что электоръ Баварскій самъ въ Франкфортъ прибудетъ для принятія короны; но при томъ подлинну вѣдомость здѣсь получили, что маршалъ Белиль стѣзжаетъ оттуду къ войску 24-го сего, который поступокъ я съ желаніемъ того посиѣшенія избранія согласить не могу. А сколько принадлежитъ до раздѣла областей, здѣсь слышно, что опредѣлены Нижняя Силезія королю Прусскому, Верхняя съ Моравією и съ частію Богеміи королю Польскому, электору Баварскому Богеміи другая часть съ Тироломъ и съ Верхнею Аустрією. Италия собитя королю Сардинскому, Спильскому и донъ-Филиппу, а Нидерландовъ, чаю, кардиналъ бережетъ для Франціи. Не безъ основанія мнѣ сообщено, что, кромѣ тѣхъ Нидерландовъ, кардиналъ и Савойю хотѣлъ бы себѣ присвоить чрезъ размѣнъ съ королемъ Сардинскимъ, и для того сей своп требованіи такъ высоко держитъ, что по сю пору королева Испанская оныя дозволить не склонилась.

Эскадра Тулонская поднялась 11-го сего, а намѣреніе ея подлинно не извѣстно. Сказываютъ, что и Брестская за нею будеть слѣдовать и, по видимому, въ Балтику не пойдетъ. Та экспедиція не можетъ касаться развѣ войны аглицкой; по съ другой стороны, слышно, что уже никакія предложенія къ примиренію агличанъ съ испанцами чрезъ Бюссія не безъ нѣкакой удачи представлены. Турецкій посоль, имѣя скоро кончить свою квартанцу, въ началѣ ноября, сюды ѣдучи, изъ Тулона подыметя.

Впрочемъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Октября 20-го—9-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 14/25 октября; отвѣтствовано 9/20 ноября».

275. — Ноября 3-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вчерась я имѣлъ честь отправить въ Гагу къ графу Александру Гавриловичу копию съ реляціи моей отъ 12-го—1-го сего, прося его, чтобъ по прочтеніи ея изволилъ оную сообщить вашему сіятельству. Потому, сколько состоянія дѣлъ здѣшнихъ касается, покорно на оную ссылаюсь. А между тѣмъ должности своей чаю вашему сіятельству донести, что гишпанскій транспортъ поднялся изъ Барцелоны 3-го сего новаго стilia подъ конвоемъ трехъ военныхъ кораблей и 6 галеръ. Сія вѣдомость получена изъ Марсели, Тулона и Сета, куды нѣсколько помянутыхъ транспортныхъ судовъ вѣтромъ выброшено. А по тѣмъ же извѣстіямъ, весь транспортъ состоитъ въ 200 суденъ и 15 тысячъ войска ишпанскаго. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 14-го—3-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 9/20 ноября; отвѣтствовано 16/27 того-же».

276. — Ноября 24-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Два вашего сіятельства почтенныя письма отъ 9-го и 16-го ноября я имѣлъ честь получить исправно, за которыя вашему сіятельству благодарствую. Ваше сіятельство изрядно изволите въ первомъ изъ оныхъ разсуждать «о маломъ къ намъ французскомъ доброжелательствѣ, на которое я никогда не полагался, и потому не трудно вѣрить о тѣхъ проискахъ при Портѣ, о которыхъ упомянуть изволите; и тѣмъ однѣмъ довольствоваться не будутъ, но имовѣрно, что и при Прусскомъ и Польскомъ дворахъ такіе же будутъ французскіе поступки, будучи двѣ здѣшнія главныя намѣренія по опроверженіи Аустрійскаго дома—Англію и Россію ослабить. Произведеніе въ дѣйство того проекта зависить отъ окончанія нынѣшняго въ Богеміи, гдѣ уже дѣла находятся въ

послѣднемъ своемъ кризѣ, понеже городъ осаженъ и Нейпергъ идетъ на помощь. Ежели удастся разбить аустрійское войско, ваше сіятельство удобно судить изволите, что Франція само-властно предпшетъ законъ мира и доставитъ себѣ свободныя руки къ довершенію другихъ своихъ видовъ. При такомъ состояніи дѣлъ не знаю, нынѣшнее аглинское недѣйствіе какого имени заслуживаетъ; то подлинно, что сами французы, которымъ оно полезно, весьма тому удивляются, наипаче послѣ тихой переплавы испанскаго войска въ Италію; но кто сблвзи министровъ тамошнихъ видѣлъ, во всемъ томъ ничего новаго не усматриваетъ; я удивляться стану, ежели новый парламентъ въ ихъ поступкахъ смѣну принесетъ».

Что касается до короля Прусскаго, правда, онъ опровергаетъ слухъ примиренія съ королевою Венгерскою и, приставъ трактату баварскому, ввелъ 10 тысячъ войска въ Богемію; но здѣсь о дѣйствіи того войска ничего не слышимъ. Почему время одно въ состояніи изъяснить столь спорное дѣло. «Не долго уже ожидать должно изъясненія также и прочимъ слѣдствіямъ проектовъ здѣшнихъ, а до того прилично остановить свое разсужденіе». Впрочемъ здѣсь слышно, что донъ-Филиппъ отѣхалъ въ Италію, хотя еще король Сардинскій не вступилъ въ здѣшнее согласіе. «Слышно жъ, что буде еще въ томъ упрямиться станеть, то будетъ учинено нападеніе на Савой. Кардинальское здоровье плохо становится. Ваше сіятельство легко изволите разсудить, сколь Европѣ не нужна бытъ имѣть при нынѣшнихъ обстоятельствахъ его смерть, понеже изъ трехъ кандидатовъ, которые мѣсто его жадаютъ, Шовелина, кардинала Тансина и маршала Белиль, всѣ гораздо ея тишинѣ и благосостоянію опаснѣе. Не знаю, морскія державы не должны ли о такомъ случаѣ имѣть какое-либо предусмотрѣніе».

За спмъ ничево иного къ извѣстію вашего сіятельства достойного теперь не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря 5-го — ноября 24-го 1741.

Я чаю, ваше сіятельство уже вѣдаете, что 26-го ноября городъ Прага и крѣпость взяты французскимъ войскомъ наступомъ, безъ осады и безъ пушечной стрѣлбы.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 30/11 ноября; отвѣтствовано 7/18 декабря».

277. — Декабря 4-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Я должности своей нахожу вашему сіятельству донести, что здѣсь слухъ носится, будто межъ агличанами и испанцами мирная негодіація уже заключена. Правду сказать, тому слуху не вижу подлинныя доводы; но дѣйства аглицкія отчасти основаннымъ показываютъ, понеже не только испанцы покойно въ Италію перебираются, но испанская эскадра, 17 кораблей, изъ Кадикса поднявша, вступила въ Средиземное море, лежала 3 дни на якорѣ въ виду аглицкой при проливѣ Гибралтарскомъ и прибыла безъ всякой препоны 19-го ноября въ Барселону. Ваше сіятельство, будучи на мѣстѣ, можетъ быть, лучше умотритъ, что отъ того заключать должно, и наипаче то открыты могутъ поступки Бюссіеви, который отсюда 8-го сего выѣхалъ.

«Но еслибъ и то примиреніе не состоялось, и агличане какой-либо знакъ своего усердія къ поправленію европейскаго равновѣсія имѣютъ, то я чаю, что уже пора пробудиться, понеже до весны королева Венгерская совсѣмъ истоцаетъ, такъ что отъ нея ничего ожидать будетъ не можно; буде повторенные уроны не принудятъ скоряе ея величество къ миру, то здѣсь для весны къ тому способы готовятся весьма устремительные, какъ о томъ министерству аглицкому извѣстно чрезъ доношеніи ихъ здѣсь обрѣтасмаго секретаря».

Впрочемъ здѣсь слышно, что король Польскій старается остановить избраніе императорское, пока завладѣтъ Моравією, и въ томъ отъ большей части состоитъ коммиссія Понятовскаго. Съ Сардинскимъ дворомъ негодіація еще къ дѣшнимъ видамъ

не приведена. Баронъ Васнеръ, четвертаго дни получа отпускную аудіенцію, къ вамъ отъѣзжаетъ. Къ маршалу Белилю въ Богемію указъ посланъ ѣхать въ Франкфортъ, а на его мѣсто къ войску отправленъ изъ Стразбурха маршалъ де-Броліо, «отъ чего Белилевы пріятели гораздо встревожены, чаютъ въ томъ предзнаменаніе его несчастія». Кромѣ того, ничего къ примѣчанію вашего сіятельства достойного не имѣя, прекращаю сіе, съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Паржа. Декабря 15-го — 4-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 13/24 декабря; отвѣтствовано 1/12 января 1742».

1742.

278. — Января 8-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! За почтенное вашего сіятельства письмо отъ 28-го декабря по премногу вамъ благодарствую, также за благосклонное поздравленіе новымъ годомъ. Взаимно ваше сіятельство такъ онымъ, какъ и благополучнымъ восшествіемъ ея императорскаго величества на родительскій престолъ поздравляю, усердно вамъ желая въ теченіи новаго года и во все царствованіе ея императорскаго величества всякаго пожеланнаго благосостоянія.

Впрочемъ, завтра еще испанскому послу потребное по письму вашего сіятельства представить и требуемый паспортъ исходатайствовать не примѣю; а какой отвѣтъ получу, о томъ впредь вамъ доносить не оставлю.

Между тѣмъ, въ ожиданіи новыхъ инструкцій о дѣлахъ ничего разсуждать не могучи, а отъ здѣшнихъ къ примѣчанію вашего сіятельства достойнаго теперь ничего не обрѣтая, покорно прошу о происшествіяхъ въ англискомъ парламентѣ без-

извѣстна меня не оставитъ, понеже здѣсь слышно, что весьма тамошнія дѣла спутаны, и что министерство въ немаломъ опасствѣ находится, чѣмъ ваше сіятельство гораздо меня обязать изволите. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 19-го—8-го 1742.

P. S. Я принялъ въ аглицкой мостовой лотеріи билетъ подъ № 35 тысячъ 325. Ваше сіятельство весьма меня одолжите, ежели прикажете посмотрѣть въ росписи, выигралъ ли я по оному билету, или потерялъ свои деньги.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 13/24 генваря; отвѣтствовано 1/12 февраля».

279. — Юля 9-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Оба вашего сіятельства писма отъ 14-го іюня и отъ 5-го іюля дошли ко мнѣ исправно. Тотъ часъ по полученіи перваго требовалъ я отъ господина Амелота пашпортъ, какого вы желаете, и онъ тогда мнѣ отвѣтствовалъ, что оный немедленно пришлетъ къ господину Бюссію для врученія вашему сіятельству, такъ что я гадалъ, что то уже въ дѣло прозведено. Но понеже изъ полученнаго сего дни письма вашего усмотрѣваю противное, не премину въ первомъ моемъ съ помянутымъ статскимъ секретаремъ свиданіи ему вновь о томъ напоминать. А между тѣмъ долженъ я вашему сіятельству донести, что оный пашпортъ только вамъ служить имѣетъ въ здѣшнихъ моряхъ, понеже господинъ Амелотъ нарочно мнѣ объявилъ, что не для Балтическаго моря учрежденъ будетъ. Того ради ваше сіятельство не соизволите ли принять другія мѣры и предосторожности для отправленія вашего багажа. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Юля 20-го—9-го дня 1742 году.

P. S. Господина Амелота примѣчаніе, что для Балтическаго

моря французскій паспортъ не служить, собою кажется основано, ибо шведы, отъ которыхъ однихъ предлежатъ опасности, тому паспорту повиноваться не должны. Впрочемъ, къ примѣтству вашему сіятельству служить можетъ, что графъ Тессинъ требовалъ отъ меня паспортъ для безопаснаго отправленія своего экипажа отсюда въ Стокхольмъ; ея императорское величество позволила ему прислать паспортъ за собственною рукою, который я ему и вручила.

Помѣта князя Щербатова: Получено 14/25 іюля».

1743.

280. — Ноября 10-го. Парижъ.

Monsieur! L'incertitude dans laquelle j'étois, où mes lettres pourroient trouver votre altesse, est la cause que je n'ai pas eu l'honneur de repondre plutôt aux vôtres du 15 octobre et du 5 novembre, dont la première étoit accompagnée d'une clef de chiffres. Comme je crois que monsieur Mozalefsky arrivera à Londres aussitôt que votre altesse, je préfère l'occasion de son départ au canal d'Amsterdam que vous m'avez indiqué, pour vous remercier, monsieur, des nouvelles que vous avez eu la bonté de me communiquer, et pour vous féliciter sur votre retour à la cour Britannique, qui me fournit le moyen de renouveler notre correspondance, laquelle je tâcherai toujours de cultiver de mon mieux.

En attendant, monsieur, j'ai l'honneur de vous envoyer la copie du rescript ci-joint, qui regarde monsieur Mozalefsky et au contenu duquel je me rapporte entièrement. Les six années que monsieur Mozalefsky a été auprès de moi, il s'est conduit en sorte que j'ai eu lieu d'en être extrêmement content. Je suis persuadé qu'il ne changera point de façon d'agir auprès de votre altesse. Ainsi je le recommande à votre protection et bienveil-

lance particulière, vous assurant, monsieur, que les faveurs, que vous lui temoignerez, m'obligeront à une reconnaissance parfoite.

Les nouvelles d'ici se reduisent au bruit, que monsieur de Montijo a obtenu de cette cour un secours de 40 bataillons pour l'armée de Don-Philippe, et il est probable que toutes les troupes qui sont sous les ordres de ce prince seront peut-être encore cet hiver transportées en Italie par mer. Dans cette vue on a réitéré les ordres d'équiper tous les vaisseaux qui se trouvent dans les ports de la France, ce qui fera une flotte de 42 vaisseaux, outre ceux qui composent l'escadre espagnole à Toulon. De sorte qu'elle sera plus forte que celle, que les anglois ont dans la Mediterranée et en état d'exécuter le projet susmentionné, si les premiers ne seront pas renforcés. Cependant monsieur le prince Lobkowitz est seul en état de la faire échouer, en agissant avec vigueur contre l'armée de monsieur de Gages. Au reste il paraît par les grands préparatifs que l'on fait ici, que quoiqu'on souhoite la paix, on ne laissera pas de faire le printemps prochain des entreprises d'importance contre les ennemis, si la guerre continue. On croit même que l'on commencera par attaquer les pays bas-autrichiens, et le bruit court que le roi y commandera en personne.

J'ai l'honneur d'être avec toute l'estime et toute la considération imaginable, monsieur, de votre altesse le très humble et très obeissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 21—10 novembre 1743.

Экстрактъ изъ рескрипта отъ 9-го августа 1743 году.
По титулѣ.

Намъ любезновѣрный!

Понеже бывшій при нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикъ англискаго языка въ нынѣшнемъ году умре, слѣдовательно же, въ такомъ переводчикѣ немалая нужда обстоитъ, а обрѣтающійся у васъ при министерской вашей канцеляріи переводчикъ Александръ Мозалевскій, въ бытность свою напредъ

сего при васъ въ Англїи, англицкаго языка, безъ сумнѣнія, обучался, того ради мы вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣтъ восхотѣли, чтобъ вы онаго Мозалевскаго, ежелибъ онъ въ томъ языкѣ иногда довольное къ правленію переводческой должности искусство уже имѣлъ, сюда въ помянутую нашу коллегію отправили, давъ ему на дорожный проѣздъ отъ Парижа сюда до С.-Петербурга 250 рублей.

Ежели же помянутый Мозалевскій въ англискомъ языкѣ еще не довольно искусенъ, такъ что ему потребно будетъ сего языка обучаться, то имѣете вы его, для совершеннаго выученія, отправить въ Англїю къ нашему полномочному министру князю Щербатову, когда вы о прїѣздѣ его туда на мѣсто отозваннаго камергера Нарышкина извѣстіе получите, адресовавъ для того при письмѣ вашемъ его, Мозалевскаго, къ помянутому князю Щербатову для пребыванія при немъ въ канцеляріи и для прилежнаго англискому языку обученія и давъ ему на проѣздъ отъ Парижа до Англїи сто рублей, о чемъ всемъ вы въ свое время въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ доносить не преминете.

Экстрактъ изъ реляціи отъ 12-го—1-го сентября въ отвѣтъ на рескриптъ.

Чрезъ вчерашнюю почту я имѣлъ честь получить исправно высочайшей вашего императорскаго величества рескриптъ подъ № 20 отъ 9-го августа, въ которомъ повелѣно мнѣ обрѣтаемаго при мнѣ переводчика Мозалевскаго отправить или къ двору вашего императорскаго величества, или въ Лондонъ, смотря по его искусству въ англискомъ языкѣ. Онъ, Мозалевскій, отчасти по англиски говоритъ и нарочито, но не совсѣмъ исправно, съ англискаго на русское переводить можетъ, но не тоже съ русскаго на англиское, и совершенно должность переводчика въ томъ языкѣ отправлять не въ состояніи, понеже онъ, только два годы въ Лондонѣ бывъ, довольно къ тому времени не имѣлъ. Для того я, какъ скоро получу отъ князя Ивана Андреевича извѣстіе о его прїбытіи въ Лондонъ, помянутаго Мозалевскаго къ нему от-

правлю, и по силѣ высочайшаго вашего императорскаго величества указа, ему на проѣздъ выдамъ 100 рублей по тогдашнему векселному курсу. Жалованіе его я здѣсь ему на весь настоящій годъ замлачу, понеже уже третія треть началась; и потому всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество, чтобъ оно его жалованье съ прочими детами ко мнѣ было переведено. Князь Антіохъ Кантемиръ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 24-го ноября 1743 году».

281. — Декабря 15-го. Парижъ.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь мой! Три вашего сіятельства почтенныя письма отъ 24-го ноября да 1-го и 5-го декабря я имѣлъ честь получить исправно съ приложеніями. Покорнѣйшее свое благодареніе за сообщенное въ оныхъ я принужденъ былъ отложить такъ за немѣніемъ матеріи, какъ за новымъ и жестокимъ припадкомъ болѣзни моеї. Недостатокъ матеріи еще и до сѣхъ поръ продолжается, и для того только вашему сіятельству донести могу о обнародованіи 16-ти королевскихъ указовъ о наложеніи новыхъ податей на канцелярскихъ здѣшнихъ служителей, на мясо, на фонари здѣшняго города и прочая. Сказываютъ, что и другіе подобныя чрезвычайныя налоги скоро слѣдовать будутъ и впредь умножаться стануть, смотря по нуждѣ въ деньгахъ для произведенія войны, къ продолженію которой всѣ потребныя мѣры принимаются, и приуготовленія морскія наипаче поспѣшаютъ. Министерство само подтверждаетъ, что къ веснѣ выведено будетъ изъ Бреста 19, изъ Рошфорта 4, а изъ Тулона 20, всего 43 военныхъ кораблей: а многіе чають, что къ какому морскому воспріятію и весны дожидаться не намѣрены, хотя еще сею зимою напасть на обрѣтаемую въ Средиземномъ морѣ аглицкую эскадру, прежде чѣмъ будетъ новыми силами изъ Англіи подкрѣплена. Въ самомъ дѣлѣ, слухъ здѣсь гораздо усиливается, что министерство, льстя королю, за благо уже признало начать открытую войну противъ Англіи, поставляя, что тогда арматоры французскіе истребятъ

торгъ аглицкій, и что такой дерзновенный поступокъ двора здѣшняго устрашить голландцевъ.

Вирочемъ, приближаяся новѣй годъ, желаю вашему сіятельству въ теченіи оногo и многихъ слѣдующихъ совершеннаго здравія и всякаго пожелаемаго благополучія. При томъ же покорно прошу о продолженіи вашей ко мнѣ милости и дружбы, которую заслужить стараться стану своимъ всегдашнимъ преданствомъ и истиннымъ почтеніемъ, съ которымъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря 27-го—15-го дня 1743 году.

P. S. Покорно ваше сіятельство прошу отдать приложенное письмо по своему адресу.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 23 декабря—3 генваря 1744 году; отвѣтствовано 29 X-bre».

1744.

282. — Января 6-го. Парижъ.

Сіятельнѣйшій князь милостивый государь мой! Имѣю честь вашему сіятельству отсюда донести о назначеніи принца Контія главнымъ командиромъ назначеннаго войска для Италіи, и что чинимыя морскія здѣшнія приуготовленія со всякою горячностію продолжаются. Сколько жъ до употребленія такъ войска того, какъ и флота принадлежитъ, я отъ надежнаго человѣка вѣдаю, что войско французское въ Италію моремъ перевезено не будетъ, но одно испанское, или весьма малая часть французовъ къ нимъ присовокупится. Слѣдовательно, французы употреблены будутъ для учиненія диверзій въ Савойю, чтобъ тѣмъ короля Сардинскаго принудить держать всегда большое войско въ Піемонтѣ и потому не быть въ состояніи что-либо отдѣлить на помощь аустрійцамъ, обрѣтаемымъ въ Италіи, которые будутъ атакованы старымъ тамошнимъ испанскимъ корпусомъ, но съ переведеннымъ той же

націи войскомъ подъ командою донъ-Филипповою и присоединеніемъ помочи короля Неапольскаго. Ибо флотъ здѣшній (котораго въ оснасткѣ день и ночь работаютъ съ крайнею горячностію) не только служить будетъ къ перевозу ишпанцовъ или къ прикрытію ихъ перевозныхъ судовъ, но къ тому жъ намѣрены онымъ привезть Неаполь въ безопаство отъ нападенія аглицкаго и тѣмъ подать способъ королю Неапольскому наложенными на него угрозами неутрапитеть разорвать. Все то морское дѣйство желаютъ здѣсь начать и произвести прежде, чѣмъ агличане усилятся въ Средиземномъ морѣ.

Другой мой пріятель, который въ самихъ негоціаціяхъ здѣшнихъ участіе имѣетъ, мнѣ далъ знать, что поѣздка Шавиньева въ Франкфортъ и графа Монтихо сюды касались, какъ не трудно было предвидѣть, принятія мѣръ къ наступающей веснѣ. На послѣдокъ чрезъ тѣхъ двухъ министровъ въ Франкфортѣ и здѣсь уставлено: 1-е) что король Французскій держать будетъ свои большія войска на границахъ фландерскихъ и вдоль по рѣкѣ Рена въ Алзаціи на своихъ земляхъ, чтобъ тѣмъ упражнить всю силу непріятельскую; 2-е) что для дѣйствованія въ пользу ишпанскую съ стороны Италіи его Французское величество отправить подъ командою принца Контіа вышенамянутое войско свое, состоящее въ 32 тысячахъ (которое въ самомъ дѣлѣ уже собрано); оное, какъ выше жъ показано въ началѣ, пробудетъ въ Савойи, а буде способный случай подастся, то и въ Италію чрезъ горы пробиться отвѣдаетъ; 3-е) что его Французское величество выдаетъ цесарю для найму себѣ нѣмецкаго войска у князей тамошнихъ 9 милліоновъ шестьсотъ тысячъ ливровъ французскихъ; а король Ишпанскій 4-е) присовокупить къ цесарскому войску восемь тысячъ своей конницы.

Графъ Монтихо, который особливо въ пользу цесарскую сюды негоцировать пріѣхалъ, еще недавно повторилъ свои домогательства, чтобъ обѣщанныя цесарю субсидіи здѣшнія повысить до 12 милліоновъ, на которыя данъ ему письменный отказъ въ такой силѣ, что его Французское величество уже и такъ пе-

ренялъ на себя издержки весьма тяжкія и чуть не свыше своихъ силъ; для того буде его Испанское величество столь особливо щещетъ цесарскую пользу, то пристойно бѣ было, чтобъ его величество съ своей стороны дополнилъ вышепомянутую сумму 12 миллионѡвъ.

Остается знать, войска здѣшнія, которыя къ Фландріи пойдутъ, начнутъ ли наступательную войну, или ожидать оную будутъ. По всему видимому и по рѣчамъ придворныхъ первое кажется вѣроятнѣе, по однакожь то заподлинно подтвердить не могу. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 17-го—6-го генваря 1744 году.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 11/22 генваря; отвѣтствовано 30 генваря—10 февраля».

283. — Февраля 26-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Жестокая моя болѣзнь, которая безпрестанно меня мучитъ, не позволила мнѣ до сѣхъ поръ принести вашему сіятельству свое покорное благодареніе за почтенное ваше письмо отъ 10-го февраля. Да кромѣ того, и не зналъ я, какою дорогою отправить къ вашему сіятельству письмо, понеже съ 26-го минувшаго февраля портъ Калежской запертъ, и такимъ образомъ корреспонденція межъ здѣшнимъ королевствомъ и Англією пресѣчена. Настоящее я смѣлость принялъ адресовать къ его сіятельству графу Александру Гавриловичу. Изъ приложенныхъ при немъ вѣдомостей позволите усмотрѣть нынѣшніе проекты здѣшняго двора. Еще прибавить имѣю, что намѣрены въ поле вывести къ будущей веснѣ три арміи, двѣ сильнѣйшія въ Алзацію и на Моселлу, а третью на границы фландерскія. Многіе же за подлинно подтверждаютъ, что на морѣ поставили здѣсь прямо и голландцевъ атаковать, какъ атаковали агличанъ. Ежелибъ можно чаять, что такой планъ будетъ удачливъ, подавъ внезапно голландцевъ и учинивъ нападеніе въ самыя земли аглицкія, отсѣкли бѣ вдругъ

при корени почти всѣ силы королевы Венгерской и короля Сардинскаго. Впрочемъ, дворъ здѣшній еще не знаетъ подробностей корабельнаго боя, случившагося 22-го февраля, понеже эскадры удалились въ море, и марки де-Куръ куріера сюда не отправилъ. Заспмъ, съ крайнымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Марта 8-го—февраля 26-го 1744.

Extraits de differentes lettres de Paris en date du 16—28 février 1744.

Mylord maréchal d'Ecosse depuis deux mois a été ici dans la maison de l'ambassadeur d'Espagne, mais depuis trois jours il est subitement parti d'ici. Cette circonstance et celle, à ce qu'on m'a dit, qu'il a eu de fréquentes entrevues avec le cardinal de Tencin, font persuader de croire, qu'il est allé pour assister et accomplir le projet de faire invasion sur les terres de la Grande Bretagne, en faveur du fils du pretendant, qui, à ce qu'on débite, s'est fait protestant.

Du 26-me fevrier—8-me mars.

Plusieurs réiterent les assurances, que la France a resolu d'attaquer directement les Hollandois de même que l'Angleterre. On fera au printemps prochain trois camps, dont deux les plus forts seront en Alsace et sur la Moselle, et le troisième sur les frontieres de Flandres.

La cour de Versailles ne sçait pas encore les particularités du combat naval, qui est arrivé le 22-me fevrier, puisque les escadres se sont éloignés des côtes, et que le courier du marquis de Court n'est pas encore arrivé ici.

Экстрактъ изъ вѣдомостей отъ 27-го—16-го февраля 1744 году.

Уже заподлинно извѣстно, что графъ Саксонскій отъѣхалъ въ Дюнкеркъ для припятія команды падъ тамошнимъ транспортнымъ войскомъ. Также вѣдомость получена изъ Кале, что въ виду того порта проѣхали 12 военныхъ кораблей французскихъ,

идучи къ сѣверу, которые, чають опредѣлены для препровожденія того транспорта. А о сынѣ претендентовомъ уже извѣстно, что въ войскѣ донъ-Флипповомъ не находится, такъ что ежели на Брестской эскадрѣ дѣйствительно не амбаркированы, то по меньшей мѣрѣ въ готовности къ тому и въ близости Дюнкерка его почитаютъ.

Милордъ маршалъ Скотландскій, который уже въ послѣднемъ бунтѣ скотландскомъ претендентовой сторонѣ держался и за то изъ отечества своего выгнанъ, около двухъ мѣсяцевъ жилъ здѣсь въ домѣ посла испанскаго, а третьяго дни внезапно отъ сюду поднялся; вышеписанное обстоятельство и частію свиданіи, которыя мнѣ сказано что онъ имѣлъ съ кардиналомъ Танспномъ, заставляють вѣрить, что онъ отѣхалъ для споспѣшествованія и произведенія въ дѣйство проекта о учиненіи нападенія на берегахъ великобританскихъ въ пользу претендентова сына, о которомъ сказываютъ, что учинился протестантомъ.

По всѣмъ разсужденіямъ всего народа и по самымъ словамъ министровъ уже сумнѣваться не можно, что тотъ проектъ нападенія серіозенъ; объ ономъ здѣсь великую радость обще показываютъ и ежедневно повья себѣ полезныя, но ложныя обстоятельства разсѣвають, ибо такъ жестоко уже противъ агличанъ озлоблены, что ни въ чемъ ихъ не менажируютъ.

Экстрактъ изъ вѣдомостей отъ 1-го марта — 19-го февраля.

Сегодня имѣю еще одну гораздо важнѣйшую вѣдомость присовокупить, а именно: 20-го—9-го февраля по новому стилю на послѣдокъ соединенная французская и испанская эскадра, состоящая, какъ сказываютъ, въ 42-хъ корабляхъ, въ которыхъ на силу находятся 26 линейныхъ, вышла изъ Тулонскаго порту и вступила гораздо въ море на раду 22 лл. Вице-адмиралъ Матюсъ всталъ съ якоря и, поднявъ парусы, пошелъ атаковать тѣ эскадры, и французы подвинулись ему на встрѣчу, такъ что бои зачался въ часъ по полудни и продолжался до 6 часовъ. Все

то доносилъ интендентъ тулонскій статскому секретарю Морена чрезъ полученнаго здѣсь куріера въ прошлый четвертокъ въ вечеру, то-есть, 27-го—16-го сего, а куріеръ сверхъ того сказываетъ, что ему на дорогѣ подтверждено, что съ береговъ видѣли пожаръ на морѣ и потомъ усмотрѣли, что къ берегу прибѣты два корабля военныхъ, почти совсѣмъ сожженныхъ, французскіе ли тѣ корабли или аглинскіе, и съ которой стороны авантажъ остался, никто здѣсь сказать не можетъ или не хочетъ. Подозрительство однако весьма основанное подается, что французы въ семь приключеній претерпѣли, паче же первый куріеръ полученъ здѣсь въ прошлый четвертокъ, и что чрезъ цѣлые четыре дни до сегодняшняго другой за нимъ не слѣдуетъ съ обстоятельства. Пріятныя вѣдомости приходятъ на крылахъ, и еслибъ интендентъ тулонскій имѣлъ подобныя двору сообщить, подлинно не упустилъ бы уже двухъ и трехъ куріеровъ отпратить; но совсѣмъ тѣмъ должно еще обождать отъ времени изъясненія.

Между тѣмъ уже явно стало, что Англія съ Франціею въ дѣйствительную войну вступила, и что впредь дѣла европейскія станутъ гораздо серіознѣе и больше спутаны, чѣмъ до сѣхъ поръ были. Да нѣкакимъ образомъ объявленіе войны Англіи съ здѣшной стороны уже учинено еще прежде начинанія дѣйствъ военныхъ. Ибо обрѣтаемый здѣсь секретарь аглинскій, услыша, что претендентовъ сынъ подлинно во Францію прибылъ въ намѣреніи всѣсть на которой-нибудь изъ здѣшнихъ эскадръ для учиненія нападенія на берега великобританскіе, жалобу о томъ принесъ статскому секретарю Амелоту, представляя ему, что тотъ допускъ претендентова сына во Францію противенъ всѣмъ имѣющимся трактатамъ межъ Франціею и Англіею, на чтò статскій секретарь ему отвѣтствовалъ, что понеже король Аглинскій всѣми своими поступками въ прошломъ году явно оказалъ, что не намѣренъ тѣхъ трактатовъ держаться, для того и его Французское величество чаеъ себя освобожденна отъ обязательствъ тѣхъ трактатовъ. Такой отвѣтъ мнѣ кажется формальная декларация войны, только что не на письмѣ, и въ самомъ дѣлѣ аглин-

скій секретарь собирается воротиться въ Англію. Съ другой стороны, проектъ нападенія на берега великобританскіе весьма непонятенъ, и однако жъ здѣсь столь сильную надежду удачи не знаю почему себѣ въ голову вложили, и съ такою горячію оный производятъ, что ни о чемъ другомъ уже не думаютъ. Всѣ приуготовленіи къ такому важному дѣлу, какое есть завоеваніе всей Англіи, состоятъ въ Брестской эскадрѣ 21-го корабля, въ которыхъ числѣ больше малыхъ, чѣмъ большихъ, нагруженныхъ не 40 тысячею фузеями, какъ прежде сказано, но по крайней мѣрѣ пятнадцатую, да въ нѣсколькихъ транспортныхъ судахъ, изготовленныхъ въ Дюнкеркѣ, на которые намѣрены садить около 9 тысячъ людей и въ персонѣ претендентова сына. Тѣми силами чають войти въ Тамисъ, корабли аглинскіе сжечь, сойти на берегъ и короля изъ Англіи выгнать и тотчасъ на его мѣсто поставить помянутаго претендентова сына.

Я не знаю, предуготовили ли себѣ или въ Скотландіи, или въ Ирландіи сильную партію такими негоціаціями; но виду къ тому никакого нѣтъ. Бюсси во свое пребываніе въ Лондонѣ ничего такого не дѣлалъ, а послѣ него другого министра въ Англіи давно уже не было, и милорду маршалу Скотландскому, который въ томъ предпріятіи нужнѣе и важнѣе всѣхъ, только за мѣсяцъ назадъ, чаю, о томъ проектѣ говорить стали. Время одно можетъ открыть слѣдствіи, понеже предугадывать оныя никакимъ образомъ не можно. Весь сей проектъ есть выдумка и дѣло кардинала Танвина, и не трудно было ему въ совѣтѣ королевскомъ апробацію достать, понеже всѣ министры, льстя королю, горячію къ объявленію войны противъ Англіи показываютъ, и всѣ придворные на огонь охотно масло мечуть. Портъ Калежскій запертъ съ 26-го — 15-го февраля, а Дюнкерскій съ 27-го, куды, сказываютъ, эскадра Брестская вся прибыла того жъ самого числа, такъ что впредь не можно будетъ здѣсь письма получать изъ Англіи, развѣ чрезъ Голландію.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 11/22 марта въ Лондонѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Журналъ 1) Академіи Наукъ переводчика Ивана Ильинскаго 2).

Notationes quotidianae.

Повседневныя записки.

1721.

Генваря 22. Князь нашъ опредѣленъ сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ 3).

1) «Записная книжка Ивана Ильинскаго составляетъ рукопись въ 8 д. л., на 72 л., изъ коихъ 3 бѣлые, въ пергаментной обложкѣ съ кожанымъ ремешкомъ для завязыванія. Большая часть книжки занята подлинными замѣтками Ильинскаго за время съ 1721 по 1730 годъ. Записи эти идутъ не всегда въ точномъ хронологическомъ порядкѣ, онѣ соблюденъ только тамъ, гдѣ записи вполне поденныя; если же онѣ имѣютъ отрывочный характеръ, какъ тѣ, которыя относятся къ позднѣйшимъ годамъ означеннаго періода, то онѣ разбросаны безъ соблюденія хронологіи на разныхъ листахъ книжки, гдѣ оставалось бѣлое мѣсто послѣ другого текста. Нѣкоторыя поденныя записи 1722 и 1723 являются въ двухъ видахъ, болѣе подробными и болѣе краткими; это тѣ замѣтки, которыя касаются переводовъ кн. Кантемира». (Собственноручная замѣтка Л. Н. Майкова).

2) Годъ рожденія И. Ильинскаго неизвѣстенъ, извѣстно только, что онъ былъ уроженецъ Ярославской губ., учился въ Московской Духовной Академіи и по окончаніи въ ней курса поступилъ на службу къ бывшему молдавскому господарю кн. Димитрію Кантемиру, въ домъ котораго исполнялъ обязанности секретаря, иногда велъ приходо-расходныя книги и училъ дѣтей князя. Въ 1725 году назначенъ былъ переводчикомъ при Академіи Наукъ и даже успѣлъ снискать себѣ расположеніе академика Шумахера. Извѣстны нѣкоторыя литературныя труды его (Симфонія, Москва 1733 и 1821; переводъ сочиненія кн. Д. Кантемира Система или состояніе Мухамеданской религіи. С. Петербургъ 1722). Умеръ Ильинскій 20 марта 1737. О немъ ср. Рус. біогр. сл. I, 95, и его собственную записку подъ 7 апрѣля 1725 г. Записки Ильинскаго представляютъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Въ нихъ содержатся нѣкоторыя данныя для біографіи какъ Д. Кантемира, такъ и отдѣльныхъ членовъ его семьи; по нимъ можно судить о той средѣ, въ которой вращался съ ранняго дѣтства будущій сатирикъ русскаго общества, кн. А. Д. Кантемиръ. Затѣмъ цѣнны и сообщенія о Петрѣ Великомъ, который любилъ бывать запроста въ гостепріимномъ домѣ князя. Быть можетъ, помня эту близость отношеній своего родителя къ семьѣ Кантемира, и, уважая его память, императрица Елизавета Петровна милостиво относилась впоследствии къ ходатайствамъ какъ князя Антиоха Дмитріевича, такъ и сестры его Маріи Дмитріевны Кантемировой.

3) Вѣроятно указъ былъ словесный, по указу же, хранящемуся въ архивѣ

Іюнь 19. Царское величество благополучно въ Санктпетербурхъ возвратился и съѣздъ былъ у князь-кесаря.

20. Повѣстка была въ сенатъ для уложенья, но не былъ никто.

21. Были въ сенатѣ. Генераль Кантакузинъ у насъ обѣдалъ.

22. Я отъ Камараша¹⁾ писмо получилъ, при которомъ присланъ вексель къ Лукѣ Армянину на 90 рублей.

23. Были въ сенатѣ. Писмо отъ нашей свѣтлѣйшей княгини²⁾, писанное къ князю Ивану Юрьевичю, отослано къ Панину.

24. Именины князь Ивана Юрьевича Трубецкова. Батуринь къ Москвѣ поѣхалъ.

25. Празднество коронованія Царскаго величества.

26. Князь нашъ по повѣсткѣ былъ въ сенатѣ, но за небытностію другихъ скоро домой пріѣхалъ.

27. Торжество Полтавской баталіи. Принцъ Гольштинскій прибылъ....

28. Стольникъ Лупуль пріѣхалъ и мои волки (?) привезъ.

29. Праздновали въ саду послѣ обѣда.

30. «Агапита» окончавъ, князю подаль.

Іюль 1. Вексель Ивану Юрьеву на 59 руб. отданъ.

2. Филипа писать учить началъ.

3. Въ сенатѣ были.

4. Годъ, какъ представилася княжна Смарагда.

5. Въ сенатѣ были.

6. Слушали дѣло крестьянъ съ Лупуломъ прикащикомъ.

7. Въ сенатѣ были.

Прав. Сената, кн. Д. Кантемиръ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники 20 февр. 1721 съ назначеніемъ его членомъ въ Сенатъ. См. также Баранова Арх. Прав. Сената I, № 830.

1) Антиохъ Камарашъ выѣхалъ изъ Молдавіи вмѣстѣ съ господаремъ и былъ его домоправителемъ. О немъ у Байера Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира. Москва 1783, стр. 309, 388; И. И. Шмко, Нов. данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира, С. Петербургъ 1891 стр. 33, прим. 3.

2) Настасія Ивановна Кантемиръ, рожденная кн. Трубецкая, въ первомъ бракѣ за княземъ Д. Кантемиромъ, а во второмъ за ландграфомъ Гессенъ-Гомбургскимъ.

8. Иванъ борода утопился; истрата была.

9. Герцогъ Голштинскій былъ у насъ послѣ полдень.

10. Въ сенатъ не повѣщали.

11. Князь Меншиковъ, заѣхавъ въ вечеру и съ княгинею и съ своячиною, сидѣли у насъ болше часа.

12. Въ сенатѣ были.

13. Вексель Петронеллю на 170 р. отданъ.

14. Въ сенатѣ были.

17. Въ сенатѣ были. Герцогъ Голштинской со всѣми министрами своими у насъ обѣдалъ и танцевалъ довольно и ужиналъ.

18....¹⁾ 19. Въ сенатѣ были, но недолго. Отъ Потемкина объявляли указъ, чтобъ сегодня или въ другіе дни съѣзжались всѣ съ фамиліями своими къ Троицкой пристани для эксерциціи на баржахъ, на верейкахъ, на буярахъ, на яхтахъ, какой знакъ будетъ показанъ пополудни въ часъ, по выставленіи знака.

21. Въ сенатѣ были.

22. Алиплея бивъ за карауль посадили.

25. Кушали у Головкина.

26. Въ сенатѣ были.

27. Празднество о взятѣ 4 шведскихъ фрегатовъ.

30. Поѣхали всѣ господа, кромѣ дамъ, въ Кроншлотъ съ буярнымъ флотомъ предъ полуднемъ.

31. Я переписывалъ всѣхъ каменьщиковъ, было 47 человекъ.

Августъ 1. Писма съ Котлина острова отъ князя къ княгинѣ и княжнѣ получены.

4. Луцулъ столникъ отсюда отправился и съ того двора въ Москву поѣхалъ.

10.... 11. Всѣ господа изъ Кроншлота возвратились.

14. Повѣщали въ сенатъ, но князь нашъ не былъ, понеже недомогалъ.

15. Царское величество и Царяца Государыня слушали здѣсь всеношную и у литургіи были, а кушали у Алсуфьева.

¹⁾ Выпущены замѣтки, неимѣющія особо важнаго значенія.

17. Повѣщали въ сенатѣ, но князь за немочью не былъ. Кервидеру данъ вексель на 260 р.
18. Въ сенатѣ были.
19. Герцогъ съ своими и наши нѣкоторые министры гуляли здѣсь и ужинали для княжьиныхъ именинъ.
20. Рожденіе царевны Натальи Петровны праздновали въ саду.
23. Были въ сенатѣ.
24. Кушали у Шафирова, понеже былъ именинникъ.
25. Были въ сенатѣ.
25. Кушали съ герцокомъ у Прускова резидента.
27. Нашъ князь съ княгинею и съ княжною запросто кушали у Петра Андреевича Толстова на здѣшнемъ дворѣ.
- 28 и 29. Въ сенатѣ были.
31. Въ сенатѣ были и обѣдали у Башевича.
- Сентябрь. 1. Въ сенатѣ были.
4. Въ сенатѣ были. По полудни Царское Величество прибылъ и было объявленіе состоявшагося мира съ прапоромъ бѣлымъ, съ трубами и съ литаврами по всѣмъ улицамъ.
5. Именины царевны Елисаветы Петровны.
6. Въ сенатѣ были.
9. Въ сенатѣ были и князь нашъ кушалъ у герцога.
10. Князь пацу женили со многою церемоніею и кушали въ сенатѣ.
- 11 — 14...; 18.
20. Въ сенатѣ были.
21. *Responsum ad mentem sancti Synodi datum est Archimandrite Ipatski Gabrieli.*
22. Въ сенатѣ были.
24. Въ сенатѣ самъ царское величество и всѣ сенаторы были. Ратификація мира получена. Корабль о 120 пушкахъ заложенъ.
26. Письма отданы Поликалѣ, который сегодня имѣлъ отправиться въ Царьградъ.
28. Въ сенатѣ были. Празднованіе викторіи подъ Лѣснымъ.

29. Въ сенатѣ были. Свадьба Платона Ивановича Мурина.

Октябрь. 3. Поѣхали въ Кроншлотъ буярнымъ флотомъ въ

машкарадномъ платьѣ.

4. Рожденіе княгини Анастасіи Ивановны Кантемировой.

6. Изъ Кроншлота прибыли.

16. Въ сенатѣ были и по утру и по обѣдѣ до 9 часу.

19. Въ сенатѣ были и по утру и по обѣдѣ.

20. Въ сенатѣ были.

22. Празднество о мирѣ съ превеликимъ фейерверкомъ. Ратификація опубликована и Царскому Величеству титулъ Отца Отечества Петра Великаго и Императора Всероссійскаго публично отъ всѣхъ принесенъ въ церкви отъ всего народа. Ратификація по русски и по нѣмецки послана къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому съ порутчикомъ Елагинымъ.

26. Царское величество и господа министры и весь машкарадный монастырь у насъ кушали.

29. По полудни шировали въ сенатѣ всѣ въ машкарадномъ платьѣ.

30. Письмо къ князь Василью Лукичу Долгорукому подъ № 1 отдано кабинетъ-секретарю г. Макарову для отсылки въ Парижъ. Княгиня Марья Юрьевна Долгорукова у насъ ужинала.

Ноябрь 1. Въ сенатѣ были. Павелъ Ивановичъ Ягушинской съ докторомъ Лаврентіемъ Лаврентіевичемъ да съ Татищевымъ пріѣзжали осматривати княгиню и княжну въ правды ли не могутъ, понеже въ воскресеньѣ¹⁾, въ сенатѣ не были.

Генералъ Кантакузинъ у насъ обѣдалъ и 2 ночи почевалъ.

4. Въ сенатѣ были. Писмо къ князь Василью Лукичу подъ № 4 чрезъ кабинетъ послали.

6. И. Величество изволилъ ужинать у насъ съ адмираломъ и съ свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ, а зашли отъ Петра Андреевича.

7. Къ вечеру поѣхали къ Москвѣ.

¹⁾ т. е. 29 октября, первое ноября приходилось тогда въ среду.

10. Въ деревнѣ Березаѣ, которая отстоитъ отъ Москвы 355 верстѣ, княгиня выкинула.

14. Съѣхались съ Императорскимъ Величествомъ въ деревни Чашниковѣ, отстоящей отъ Москвы 40 верстѣ и изволилъ его Величество посѣтити княгиню пашу. Того жъ числа прибыли въ Москву.

18. Рожденіе императорской принцессы Елизаветы Петровны и торжественной Ею Имп. В-а въ Москву входѣ.

24. Алиплей пріѣхалъ съ вѣдомостью, что генераль Кантакузинъ, не доѣзжая Устюжны Желѣзопольской за 70 верстѣ, въ деревнѣ Трухновѣ умеръ 21 дня. Родивонъ съ Алиплеемъ къ князичи посланы.

28. Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ у насъ былъ. Княгиня Ирина Григорьевна Трубецкая съ княжнами пріѣхали и у насъ начпвали.

30. Князь нашъ ужиналъ у генерала князя Ивана Юрьевича Трубецкова; тамъ и начевалъ и съ княгинею.

1722.

Генварь 1. Кушали въ Грановитой палатѣ.

3. Княжны и князичи меншіе пріѣхали.

6. Меншіе князичи въ строю были.

8. Въ сенатѣ были. Болшіе князичи пріѣхали.

9. Съѣздъ былъ на генеральный дворъ.

10 и 11 и 12 тоже. 13 Въ сенатѣ были.

14. Князь нашъ въ сенатѣ не былъ, понеже недомогалъ.

15—25 Въ сіи дни князь нашъ въ сенатѣ и на генеральной дворѣ за болѣзнію не ѣздилъ. Генерала Кантакузина погребали. Князь Петра Михайловича Голицына погребали.

26. Родивонъ женился } Въ сіи дни князь нашъ былъ въ
27. } сенатѣ.

28. Рожденіе цесаревны Анны Петровны и празднество съ фейерверкомъ о мирѣ.

30. Въ машкарадиомъ платѣ сбирался къ свѣтлѣйшему князю, а оттуду поѣхали въ Всесвятское и тамъ начивали.

31. Входъ машкарадной въ Москву.

Февраль 1. Князь нашъ въ команію не ѣздилъ, понеже принемогъ.

3. Имешны цесаревны Анны Петровны.

4. Въ сенатѣ были поутру.

5. Въ сенатѣ были. Имп. Величество былъ же и простился, понеже поѣхалъ на Олонецъ.

7, 8, 9, 12 въ сенатѣ были.

13. Въ сенатѣ были, и компанія у насъ кушала.

14. Въ сенатѣ были, Герцокъ у насъ ужиналъ.

Праздновали день свадьбы.

15, 16. Въ сенатѣ были.

17. Въ сенатѣ были. Ѣздили въ Констанцію.

19, 20, 21, 23, 23. Въ сенатѣ были¹⁾.

26. Въ сенатѣ были. Баталія съ порутчикомъ Алексѣевымъ.

27. Въ сенатѣ были. У насъ ассамблея.

28. Въ сенатѣ были.

Мартъ 1. Въ сенатѣ ѣздили, да не сидѣли.

2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12. Въ сенатѣ были. Кушали²⁾ въ деревнѣ свѣтлѣйшаго князя Меньшикова. Ночью государь приѣхалъ съ Олонца.

13. Въ сенатѣ были.

14. Въ сенатѣ не были.

15. Въ сенатѣ были, и государь самъ былъ. Ассамблея у князя Меньшикова.

18. Кушали у свѣтлѣйшаго князя, а послѣдняя ассамблея у князя — кесаря.

20. Въ сенатѣ были.

21. Въ сенатѣ были. Курьеръ Дмитракій въ Царь-градъ поѣхалъ.

¹⁾ Въ оригиналѣ слова: «въ сенатѣ были» сплошь послѣ каждого числа.

²⁾ т. е. 12 марта.

22. Князь нашъ въ сенатѣ не былъ, понеже причащался.

27. Въ сенатѣ были.

28. Князь нашъ въ сенатѣ не былъ, понеже недомогалъ.

29, 30, 31. Въ Преображенскъ ѣздилъ.

Апрѣль 3. Въ сенатѣ были. Въ вечеру турецкій посоль у насъ былъ; турецкихъ писемъ пакетъ отосланъ къ Гавриилъ Ивановичу съ Ермакомъ.

6. Въ сенатѣ были и Императорское величество.

10. Въ сенатѣ были, и отгуду князь нашъ ѣздилъ въ Преображенскъ; пріѣхалъ отъ Ромадановскаго игуменъ и на ночь уѣхалъ въ Черную Грязь.

11. Въ 8 часу по полуночи приходилъ драгунъ изъ сената и повѣщалъ, что Императорское Величество будетъ, по князь нашъ съ Черной Грязи еще не бывалъ, а пріѣхалъ въ вечеру.

12. Въ сенатѣ были. Императорское Величество съ министрами изволилъ быть въ иностранной коллегіи, потомъ въ сенатѣ долгое время, а князь нашъ не былъ, о чемъ повѣстки не было.

13. Въ сенатѣ были, и Императорское Величество изволилъ быть.

14. Въ сенатѣ были. Князь нашъ и княгиня, и княжна обѣдали у цесарскаго резидента.

16. Въ сенатѣ былъ. Свадьба кн. Никиты Юрьевича Трубецкова.

17, 19. Въ сенатѣ были.

20. Въ сенатѣ были. Князь нашъ поѣхалъ съ дѣтми въ подмосковную.

24. Повѣстки въ сенатъ не было, однакъжъ другіе были; князь нашъ ѣздилъ въ типографію.

25, 26. Въ сенатѣ были по повѣсткѣ.

27. Въ сенатѣ были по повѣсткѣ и самъ Императорское Величество быть изволилъ. Сабурово взять отъ насъ велѣно.

Май 1. Князь нашъ былъ въ сенатѣ безъ повѣстки.

7. Я съ сестрою и съ зятемъ прощался.

11. Князь безъ повѣстки былъ въ сенатѣ, и Импер. Величество изволилъ быть. Изъ сенату выѣхавъ поѣхали въ пивозый походъ.

14. Въ Коломну пріѣхали поутру. Императорское Величество изволилъ прибыть въ вечеру.

27. По утру рано поѣхали Муромъ; въ вечеру проѣхали Павлово, князя Черкаскаго.

28. На вечеръ мы пріѣхали въ Нижній Новгородъ (отъ Москвы водою ичисляють 700 верстъ), а Императорское Величество съ флотомъ изволилъ прибыть 26 числа въ субботу.

30. Праздновали рожденіе Его Имп. Величества, и Его Величество въ вечеру изволилъ въ походъ отправиться.

Іюнь. 1. Мы изъ Нижнева въ путь отправились по утру.

3. По утру рано проѣхали Макарьевъ монастырь (отъ Нижнева 60 в.) противъ него село Лысково царицы Милитинской.

4. По утру проѣхали Васильевъ городъ, въ полдни село Юнга архіерея Нижегородскаго, потомъ Кузьмодемьянскъ.

5. Въ вечеру въ Казань прибыли (отъ Кузьмодемьянска 140 в.).

6. Князь ѣздилъ въ городъ къ Государю. Тогожъ числа въ самую полночь изъ Казани отправились.

9. До свѣту пріѣхали въ Симбирскъ, отъ Казани 180 верстъ.

11. Обѣдали подь селомъ Моркваши, тамъ половина свѣтлѣйшаго Князя Меньшикова, другая розныхъ помѣщиковъ, а именно Чириковыхъ, Ярцовыхъ. Тамъ гора называется Лысая, на оной на камени князь имя свое и годъ высѣкалъ, недоѣзжая до Самары 40 в.

12. На самомъ свѣту Самару проѣхали.

15. Кн. Константинъ Кантакузинъ поутру, а кн. Сербанъ на вечеръ занемогли.

17. Призванъ лѣкаръ второва гранадерскова полку и пуцаль кровь кн. Конст. Кантакузину.

20. Въ Саратовъ прибыли и тогожъ числа отправились.

26. Въ Царицынъ пріѣхали ночью.

Іюль. 4. Въ Астрахань прибыли рано, гдѣ въ кватеру намъ данъ государевъ рыбной дворъ.

5. Имп. Величество съ адмираломъ и съ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ прочими у насъ были въ вечеру.

18. Изъ Астрахани въ походъ отправилися въ вечеру (по полудни 7 1/2 часовъ).

20. По утру проѣхали Учюгъ, Урусловъ, гдѣ вся Волга перегорожена отъ моря за 15 в. Ночевали въ море въѣхавъ. Обсервацию чинилъ князь и явился 45 гр. 20 мин. Сего числа князь нашъ писалъ къ княгинѣ № 1 и послалъ чрезъ Митроху на буерѣ.

24. Съ Императорскимъ Величествомъ и съ адмираломъ съѣхалися за 2 мили до Терекъ, откуда всѣ поѣхали, а мы на мели осталсь.

26. Мы подъ Терки пріѣхали во 2 часу пополудни, а Императорское Величество и адмиралъ пріѣхали 24. Князь нашъ ѣздилъ къ Государю, и отправилися въ походъ въ 2 1/4 часа по полудни. Сего числа писалъ князь письмо къ княгинѣ № 2, отдано кабинетъ-секретарю Макарову.

27. Пріѣхали къ Аграхани рѣкѣ (предъ полуднемъ). Молебствовали о взятѣ 4 фрегатовъ и *нальба* была со всѣхъ судовъ одиножды. Послѣ обѣда всѣхъ господъ купалъ государь на адмиралскомъ суднѣ, спущая съ раппы и трижды всякова погружая.

Августъ 3. Мы въ лагерь съ шнявы переѣхали. Императорское Величество поутру водку у князя нашева кушать, а въ вечеру уживнать изволилъ.

4. Писали въ Москву подъ пакетомъ барона Шафирова, а оной пакетъ посланъ къ свѣтлѣйшей княгинѣ № 4 въ Астрахань; отданъ г. Вольнскому.

5. Войско въ походъ пошло.

6. Князь писалъ къ княгинѣ № 5; отдано въ кабинетъ, принялъ канцеляристъ Иванъ Григорьевъ. Императорское Величество съ министрами въ походъ пойти изволилъ (рано), и тогожъ дня пришли къ рѣкѣ Сулаку и стали въ лагерь; тамъ дана была аудіенція Шафхалскому князю и Мутбегу Черкесскому.

10. Переправилися через Сулакъ въ вечеру.

12. Къ городу Тархову пріѣхали.

13. Императорское Величество съ господами министрами на гору и въ домъ къ Шафхалскому князю ѣздить изволилъ, гдѣ подарено Его Величеству коня съ золотомъ окованнымъ сѣдломъ.

14. Императорское Величество князю нашему лошадь, которая приведена отъ нѣкакого бега, пожаловалъ.

15. Въ лагерѣ совершалася святая литургія и на томъ мѣстѣ здѣланъ каменный курганъ въ вышину сажень на 5, а вокругъ сажень зъ 20; а каменье положи всякъ по одному камню, сколько солдатъ и людей въ обозѣ ни было. Писалъ князь къ княгинѣ № 6, отдано Волынскому. Императорское Величество съ адмираломъ и съ прочими ужиналъ у насъ.

16. Отъ Тархова въ походъ пошли рано.

19....¹⁾ Къ султану Тимшскому дважды писано, чтобъ принять протекцію Его Величества, но онъ не послушалъ.

20. Полонные пытаны.

21. Казнены съ объявленіемъ вины ихъ по турецки.

По утру въ походъ пошли. Послѣ полдень проѣхали колодець горячей воды, что рука не терпитъ. Начевали при рѣкѣ Бугамѣ.

23. Къ Дербенту прибыли рано по утру и остановились, а по полудни шли строемъ черезъ городъ и стали за городомъ въ лагерь.

24. Императорское величество въ городѣ на кварталѣ начевать изволилъ.

25. Мы на квартеру въ городъ пріѣхали.

26. Именны цесаревны Наталіи Петровны.

27. Князь писалъ къ княгинѣ № 7, отдано г. Макарову.

29. Императорское Величество ужинать у насъ изволилъ.

30. Въ походъ къ рѣкѣ Рубасу (которая отъ Дербента въ разстояніи верстъ 10) съ войскомъ пойти изволилъ, а князь нашъ въ Дербентѣ остался.

¹⁾ Разсказывается о стычкѣ съ 5 тыс. Тимшскихъ татаръ, потерпѣвшихъ пораженіе отъ донскихъ казаковъ.

Сентябрь 5. Князь въ лагерь ѣздилъ, понеже пмепинница цесаревна Елисаветъ Петровна. Андреевцы прислали посланныхъ къ Императорскому Величеству, принося свое подданство и прося прощенія. Отъ княгини писмо получено іюля отъ 31. Императорское Величество, здѣлавъ при рѣкѣ Рубасъ транжаментъ, возвратился съ войскомъ къ Дербенту, а въ транжаментѣ оставлено казаковъ 300 человекъ.

6. Князя нашева позвали къ Государю рано. Сегодня обозы отъ Дербента къ Астрахани пошли.

7. Войско въ походъ къ Астрахани пошло. Начевали при рѣчкѣ Деревакъ.

9. Далѣ пошли и почевали при рѣкѣ Бугамѣ.

20. Отъ княгини получены 3 писма августа отъ 19, сентября отъ 2, и отъ 7, отъ князь Ивана Юрьевича одно писмо іюля отъ 17. Отъ Императорскаго Величества принесли бутылку венгерскаго.

21. Адмираль и П. А. Толстой сидѣли у князя часа зъ 2 въ вечеру.

22. Князь писалъ къ княгинѣ № 11, отдано отъютанту кн. Юрія Юрьевича Трубецкова. Аветъ приѣхаль, привезъ отъ княгини 2 писма, августа отъ 12 и 19, да отъ князя Ивана Юрьевича Трубецкова писмо іюня отъ 5, изъ Москвы. Изъ посолской канцелярїи принесли пакетъ, въ которомъ писмо отъ Ермака изъ Царя-града, да писмо отъ Камараша іюня отъ 2.

23. Писмо получено отъ П. П. Шафирова отъ 30 августа; при ономъ писмо отъ французскаго министра Кампредона отъ 1 сентября, да отъ Камараша отъ 14 августа, отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова писма получены отъ 23 и 29 августа.

24. Императорское Величество на часъ былъ у насъ послѣ полдень. Писмо отъ свѣтлѣйшей княгини получено отъ 13 сентября.

25. Князь нашъ къ Императрицѣ ѣздилъ за своею нуждою въ вечеру.

26. Сдѣлавъ при Сулакѣ транжаментъ, далѣ пошли рано.

Отъ Сулака калмыковъ съ 5000 или больше и Донцовъ послали назадъ къ Дербенту. Императорское величество того жъ числа въ транжаментъ къ Аграхани прибыть изволилъ, также и князь нашъ.

27 Sept. accepta e notitia venisse Surky sub fortalium ad Rabas plusquam 10000, sed nostri fortiter se defenderunt et occiderunt ex illis 600 homines atque duo vexilla eripuerunt ab illis multos vulneraverunt.

28. Палба была для праздника викторіи надъ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ. Писма получены отъ Карамаша да отъ кн. Ивана Юрьевича Трубецкова августа отъ 8, отъ Паркалаба, отъ Бакаря. Свѣтлѣйшій князь писалъ къ свѣтлѣйшей княгинѣ, отдано г. Волынскому.

29. Императорское Величество въ походъ къ Астрахани рано пойти изволилъ.

Октябрь 9. По полудни въ Астрахань прибыли. Императорское Величество изволилъ прибыть 4 дня въ четвертокъ. Получили писма отъ Шафирова сентября отъ 26 изъ Царяграда августа отъ 6, а отъ Неплюева августа отъ 22.

11. Палба съ годорода изъ пушекъ была, понеже празднуется Шлютенбургская викторія. Въ вечеру Императорское Величество у князя нашева былъ.

12. Писмо получено отъ князь Ивана Юрьевича Трубецкова августа отъ 27 № сто.

13. Писма послали къ Карамашу и къ князю Ивану Юрьевича Трубецкому № 1 чрезъ кабинетъ.

14. Островки; въ Астрахань прибыли послѣ обѣдни; статской курьеръ Степанъ Шульцовъ подалъ писма отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова октября отъ 5, да отъ Петра Петровича Шафирова октября отъ 4, отъ Камараша сентября отъ 26.

15. Князичи наши болшіе приѣхали ночью.

16. Въ вечеру адмиралъ прибылъ на своемъ гукорѣ и какъ въ шлюпку сѣлъ и поднялъ флагъ, тогда отдали честь изъ города изъ 9 пушекъ.

18. Писмо къ барону П. П. Шафирову, къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ Камарашу, къ Родивону послано отъ кабинета тогожъ синодскова Лаврентья Шитова.

20. Прибыла и тѣлка; между иными вещми ящикъ мой съ писмами, тамъ же было и розаріумъ, въ море опустили.

23. Послано княгинино писмо къ княгинѣ Марьѣ Юрьевнѣ Долгорукой, отъ мене къ Карамашу, къ Мекинину къ Семену Спатару, и отъ князя краткое къ Камарашу.

26. Посланы писма къ князь Ивану Юрьевичу Трубецкому № 2, къ князь Григорію Ѳедоровичу Долгорукому, къ Камарашу, къ Мякинину, къ княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ, къ княгинѣ Иринѣ Ивановнѣ, къ княжпѣ Смарагдѣ черезъ Семена Григорьевича Нарышкина. Императорское Величество въ вечеру у насъ изволилъ бытъ и сидѣть часа съ 3. Изволилъ взять къ переводу «Полидора» и моево переводу «Аганита».

28. Императорское Величество съ иностранными министрами у князя нашева обѣдать и ужинать изволилъ.

Ноябрь 1. Получены писма отъ барона П. П. Шафирова отъ 22 октября; въ вечеру получены писма отъ князя Ивана Юрьевича Трубецкова, сентября отъ 29 безъ №.

3. Петръ Андреевичъ былъ у насъ, и говорили однѣ межъ собою о нѣкакихъ приватныхъ дѣлахъ.

4. Тѣлки отпавилися на море къ порту Зипзили, и Императорское Величество, бывъ на гукорѣ и отпустя ихъ, изволилъ съ адмираломъ и Петромъ Андреевичемъ заѣхать къ намъ въ вечеру, сидѣть часа съ три и совсѣмъ простился.

5. По полудни Императорское Величество со всѣмъ дворомъ своимъ водою къ Москвѣ отправился.

6. Писма къ барону П. П. Шафирову, къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому № 3, къ Родивону, къ архитектору Рострѣлину, къ Камарашу посланы съ человѣкомъ П. П. Шафирова Аонасьемъ Тоболкинымъ. Князю нашему сего утра тяжелѣ стало, и, призвавъ епископа, исповѣдывался. НВ. Запомогъ еще въ походѣ, какъ поѣхалъ изъ Дербента.

Послѣ обѣда повѣстилъ (его) князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой и съ княгинею и адмиралъ.

7. Князь нашъ причащался. Получены письма отъ князь Ивана Юрьевича Трубецкаго безъ N октября отъ 10, отъ барона П. П. Шафирова октября 23, отъ Камараша окт. отъ 20 черезъ сержанта Астраханскаго полку Степана Бочарова.

12. Получено письмо отъ Неплюева изъ Царя-града сентября отъ 27 черезъ капрала Никиту Некрасова, да отъ иностр. коллегіи получено письмо отъ барона П. П. Шафирова ноября отъ 1, при которомъ прислано письмо до Императорскаго Величества.

22. Губернаторъ и Кропотовъ у князя нашева передъ вечеромъ были.

23. Писалъ князь къ Императорскому Величеству; притомъ послано и письмо, присланное отъ барона П. П. Шафирова, при томъ же писалъ и къ Макарову и къ Петру Павловичу о томъ же, а отдано губернатору Артемию Петровичу Вольпскому.

Декабрь 1. Получены письма изъ Царь-града отъ N октября отъ 4, отъ Неплюева октября отъ 7, отъ князь Ив. Юр. Трубецкова два, октября отъ 25 № 3 и 28, отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова три: сентября отъ 3 и октября отъ 20 и 31, отъ Паркалаба ноемврія отъ 7; отъ князя Радула ноября отъ 8 чрезъ сенатскаго курьера В. Родивонова.

3. Послали письма къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ князь Ив. Юр. Трубецкому подъ № 4, къ Камарашу чрезъ тогожъ сенатскаго курьера.

19. Князь нашъ ѣздилъ гулять.

1723.

Январь 1. Князь нашъ всѣхъ людей своихъ денгами жаловалъ.

17. Князь нашъ ѣздилъ дороги отвѣдывать до монастыря, который называется.... въ трехъ верстахъ отъ Астрахани.

27. Поѣхали изъ Астрахани къ Москвѣ, какъ къ вечернямъ почали благовѣстити.

Февраль 8. Приѣхали въ Царицынъ по полудни.

11. Князь соборывался масломъ и по обѣдѣ отправился въ путь изъ Царицына въ 2 часа по полудни.

12. Обѣдали и ночевали въ городкѣ Качалниѣ (33 в.).

13. Обѣдали въ Спротинѣ 28 в. ночевали въ Григорьевскомъ (11 в.).

14. Обѣдали въ Перекопскомъ (21 в.) ночевали въ Клецкахъ (20 в.). Получены письма отъ князь Ив. Юр. Трубецкова, отъ княгини Ирины Григорьевны Трубецкой, отъ Камараша, черезъ вахмистра Ивана Петрова сына Раговскова.

15. Съ нимъ же посланы письма къ адмиралу, а въ его пакетѣ къ Императрицѣ Государынѣ, къ графу Головину, къ Петру Андреевичу Толстому, да въ пакетѣ къ Камарашу — къ князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукову. Вислѣбоковъ посланъ въ Уколово; съ нимъ письмо къ губернатору Воронежскому, къ полковнику Рыбинскому.

19. Въ вечеру прибыли въ Павловское.

25. Изъ Павловска поѣхали; ночевали въ Бѣлогорѣ.

Мартъ 6. Обѣдали и ночевали въ Щиграхъ.

7. Прибыли въ Дайминъ въ полудни (40 в.). Семень Спатаръ письма подаль отъ Камараша февраля отъ 3, отъ Родивона февраля отъ 19, отъ Камараша февр. отъ 24.

9. Приѣхалъ изъ Москвы отъ гвардіи сержантъ Петръ Векентьевъ, привезъ письма отъ Петра Андреевича Толст(аго) февр. отъ 25, отъ Родивона февраля отъ 19, отъ Камараша февраля отъ 24.

10. Капитанъ Сербинъ Василей Булубашъ съ товарищи отпущенъ въ Павловское и писано къ губернатору Воронежскому Петру Васильевичю Измайлову. Въ вечеру приѣхали въ Уколово.

12. Писали къ Миргородскому полковнику, къ князь Ив. Юр. Трубецкому, къ Иваненку, къ Танскому съ Мплескуломъ.

13. Получены письма отъ Камараша февраля отъ 24, отъ Воронежскаго архіерея черезъ Спатарья Ненюла.

15. Писано къ полковнику Чорнышеву о Дмитреѣ Карповѣ да къ Мякинину, съ которыми писмами поѣхалъ Сулжеръ.

16. Писано къ Родивону и чертежи посланы, къ Камарашу, къ Потемкину, къ Петру Андреевичу Толстому, къ княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ Трубецкой.

17. Поѣхали изъ Уколова.

19. Приѣхали въ Дмитревское.

25. Курьеръ Дмитраки, ѣдучи изъ Царя-града, приѣхалъ въ Дмитревское

26. Съ нимъ писано къ Камарашу и къ Жувенету. Въ вечеру изъ Кіева приѣхалъ князь Хилковъ съ письмами отъ князь Ивана Юрьевича Трубецкаго марта отъ 20.

28. Рано посланъ драгунъ Захаръ въ Кіевъ съ письмами къ князь Ивану Юрьевичу Трубецкому. Князь Хилковъ по утру жъ къ Москвѣ отправленъ; письмо съ нимъ къ княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ Трубецкой.

Іюнь 27. Капитанъ Звегинцевъ въ Москву отправленъ; съ нимъ посланы письма къ Толстому, къ Макарову, къ Янкоу, къ Волинскому, къ Камарашу.

29. Ямщикъ изъ Сѣвска привезъ письма въ покетѣ Шагарова отъ князь Ив. Юр. Трубецкова іюня отъ 24, притомъ и цареградскія письма.

Іюль 3. Писали письма къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому съ человѣкомъ ево Иваномъ Карнауховымъ.

5. Поѣхали въ монастырь.

8. Изъ монастыря въ Дмитревское возвратилися.

19. Писалъ въ Москву къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну и къ Камарашу.

23. Писали съ Иваномъ Семеновымъ сыномъ Неплюевымъ къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ Головину, къ Петру Андреевичу Толстому, къ князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукому, къ Павлу Ивановичу Ягушинскому, къ Макарову и къ Родивону.

30. Писали въ Кіевъ къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому съ Лавровымъ.

Августъ 8. Письмо отъ князь Ив. Юр. Трубецкова отъ 5 августа получено чрезъ денщика ево Звегинцева и тогожь числа отвѣтствовано съ тѣмъ же Звегинцовымъ.

14. Посланъ драгунъ Захаръ въ Нѣжинъ; подорожная дана по одну почтовую лошадь.

18. Княгиня Ирина Григорьевна Трубецкая пріѣхала поутру.

21. Князь нашъ скончался по полудня 7 часовъ 20 минутъ. Того онъ вечера посланъ Крюковъ въ Кіевъ.

22. Послано къ Москвѣ и въ С.-Петербургъ съ письмами къ Императрицѣ, къ Макарову, къ князю Василью Лукичу Долгорукому, къ Семену Григорьевичу Нарышкину.

24. Тѣло княжое въ Морево вынесено.

30. Изъ Морева въ Москву повезено, провожать поѣхалъ князь Матвѣй.

31. Мы изъ Дмитреевки поѣхали и жили въ Гнѣздиловѣ до 5 сентября.

Сентябрь 5. Изъ Гнѣздилова къ Москвѣ поѣхали.

20. Въ Черную грязь пріѣхали.

29. Тѣло княжое изъ Черной грязи въ Москву перевезли.

Октябрь 1. Похоронили князя въ вечеру.

1724.

Мая 7 день коронована Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна.

28. Я «Эпиктета» и прошеніе подаль И. Величеству въ домѣ свѣтлѣйшаго князя Меншикова въ Слободѣ понеже весь сенатъ туда съѣздъ имѣлъ.

Іюнь 21. Со всѣми князьями и княжною я въ С.-Петербурхъ поѣхалъ.

Іюль 9. Въ Санктпетербурхъ пріѣхали.

1725.

Генваря въ 28 день въ 6 часу по полуночи Императоръ нашъ Петръ Алексѣевичъ преставился.

Апрѣля 7 дня получилъ указъ, что быть мѣ Академіи Наукъ переводчикомъ; написано тако: «По именному Ея Величества Государыни Императрицы указу велѣно при Академіи Наукъ Ивану Ильинскому быть переводчикомъ и опредѣлить ему жалованья по 180 рублей на годъ, свободную квартиру, дрова и свѣчи, какъ прочимъ обрѣтающимся при Академіи служителямъ, и выдать бы ему жалованья на нынѣшней 1725 годъ на три мѣсяца на априль май и іюнь 45 рублей съ роспискою и на счетъ академической поставить. На подлинномъ подписано: Laurentius Blumen-drost. Санктпетербурхъ 1725 года апрѣля въ 1 день.

1727.

Мая въ 6 день въ 9 часу по полудни императрица Екатерина Алексѣевна преставилася.

Мая 24 князь Константинъ Дмитріевичъ женился.

1730.

Августа 29 дня получилъ за прошлогдскую сентябрскую треть жалованья 60 р., принялъ отъ Паули*).

*) Этой записью дневникъ и окончивается.

Примѣчанія ¹⁾).

1. Письмо янв. 10, 1732, № 1. *И. Ю. Юрьевъ* — оберъ-секретарь коллегіи иностр. дѣлъ, съ нимъ кн. Кантемиръ переписывался еще до своего отъѣзда въ Англію (Сочиненія и пр. кн. Кантемира изд. Ефремова т. II стр. 346, СП. 1868). Антіохъ Дмитріевичъ не забывалъ своего стараго знакомаго и въ Лондонѣ и въ 1737 году, при письмѣ отъ 2 сентября, отправилъ ему изъ Лондона двѣ пары англійскихъ очковъ. За эти... «весьма потребныя и нужныя вещи» высланныя по его просьбѣ Иванъ Юрьевичъ благодарилъ кн. Кантемира въ письмѣ отъ 26 ноября того же года.

Яковъ Синавичъ — переводчикъ при кол. иностр. дѣлъ, служилъ при О. П. Веселовскомъ въ канцеляріи Лондонской миссіи, написалъ интересную записку объ основаніи греческой православной церкви въ Лондонѣ. На его обязанности лежало также составленіе публичныхъ вѣдомостей для отправленія къ русскимъ дипломатическимъ агентамъ за границу. *Эртманъ* или *Эрдманъ* русскій агентъ въ Данцигѣ. Въ упоминаемомъ прибавкѣ къ инструкціи (напечатанъ въ Рел. кн. Кантемира Москва 1892 г. стр. 245) кн. Кантемиру велѣно было захватить въ Данцигъ и взять оттуда съ собою въ Англію «для письма дѣлъ» ученика (или студента) Спѣшнева, который владѣлъ языками латинскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ. Каловалья определено было Спѣшневу

¹⁾ Свѣдѣнія сообщаемыя въ прим. преимущественно основываются на данныхъ извлеченныхъ изъ архивовъ.

300 р. въ годъ. Эрдампъ отпустилъ Спѣшнева и сообщилъ объ этомъ реляціей отъ 11 февраля 1732, въ кой писалъ: «по в. п. в-а указу я помянутого Спѣшнева ему князю (Кантемиру) отдалъ, и помянутой князь ему Спѣшневу 100 р. денегъ на проѣздъ здѣсь отдалъ, а жалованья 150 р. обѣщаль ему пріѣхавъ въ Англію отдать. Помянутой князь намѣренъ 13 сего февраля ѣхать и путь свой продолжить» (Моск. Арх. мин. ин. д. Снош. съ имп. городами Данцигъ 1731 — 32).

2. Апрѣля 25, № 6. Комиссія о морскихъ командирахъ возложена была на кн. Кантемира гр. Ал. Г. Головкинымъ согласно предписанію Остермана см. письмо кн. Кантемира къ Остерману отъ 25 апр. 1732 г. въ Моск. Арх. м. п. д., отправленное черезъ того же Головкина.

3. Мая 16, № 8. Объ отношеніи кн. Кантемира къ періодической печати ср. Рус. дип. аг. въ Лондонѣ т. I, стр. 285 — 287, Реляціи т. I, стр. 221.

4. Мая 16, № 9. *Левенвольдъ* гр. дѣйствительный камергеръ и полномочный министръ въ Варшавѣ. Ibid. стр. 9: excusez les fautes. Ошибки въ фран. письмахъ кн. Кантемира, дѣйствительно, встрѣчаются, хотя въ Лондонѣ кн. Кантемиръ прилежно занимался изученіемъ французскаго языка и занялся даже составленіемъ русско-французскаго словаря, каковой и найденъ былъ въ числѣ его рукописныхъ сочиненій послѣ смерти князя. См. опись библ. кн. Кантемира № 617: Dictionnaire Russe et Francais par Mr. le Prince Cantemir, manus. fol. 3 vol. (въ моей брошюрѣ къ біогр. кн. Кантемира Варшава 1896 стр. 38).

5. Юня 2, № 10. Судьба упоминаемыхъ документовъ неизвѣстна, ибо миледи *Делаваръ* заболѣла лихорадкою и въ Голландію не поѣхала (см. переписку кн. Кантемира съ гр. А. Г. Головкинымъ за 1732 г. въ Моск. арх. м. п. д.). Повидимому вопросъ шелъ о признаніи императорскаго титула русской государыни, и соотвѣтствующія указанія давалъ кн. Кантемиру такой опытный дипломатъ, какимъ былъ графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ.

6. Юня 9: мало по аглицки разумѣю. Англійскій языкъ кн. Кантемиръ сталь изучать въ Англии. Въ отпускахъ писемъ кн. Кантемира, хранящихся въ Моск арх. м. и. д., не встрѣчается писемъ писанныхъ по англійски. Единственное его письмо на англ. яз. помѣчено 1 дек. 1737 года и адресовано къ капитану Сомерсету. Съ англійскими министрами кн. Кантемиръ всегда переписывался по французски.

7. Юня 20, № 12. *Адмиралъ Норрисъ* — John Norris (1660 — 1749), адмиралъ съ 1710 г., въ Балтійское море высланъ былъ въ маѣ 1715 года, якобы для защиты англійской торговли, а на самомъ дѣлѣ, чтобы оказать давленіе на Швецію и принудить ее къ уступкѣ Бремена и Вердена (Stanhope, Hist. of England sab. ed. I, 225). Сношенія якобитовъ съ Карломъ XII заставили Н. возвратиться въ Англию, но лѣтомъ 1716 онъ снова высланъ былъ къ Копенгагену, причемъ соединеннымъ флотомъ Англии, Даніи и Россіи начальствовалъ Петръ Великій, а Норрисъ дѣйствовалъ въ качествѣ вицеадмирала. Въ 1717 г. Норрисъ былъ посланъ въ Петербургъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Въ 1719 онъ снова явился съ англ. флотомъ въ Балтійское море, но уже для угрозы Царю. Корреспонденція Норриса въ 1869 приобрѣтена Британ. музеемъ и составляетъ (AD. MSS. № 28126, 28154, 28155) драгоценное собраніе документовъ (1707 — 1744 г.), среди коихъ встрѣчаются письма Карла III, дожа Carlo Doria, Петра Великаго (юня 22, 1715; юня 7, 1719), Фридриха Вильгельма короля Прусскаго и Ульрики Элеоноры, королевы Шведской. Ср. также Home Off. Admiralty № 50, 51 и Dict. of Nat. Biogr. XLI, 134 — 136.

8. Юля 11, № 12. Въ указанной реляціи кн. Кантемиръ доносилъ, что «*Третьяковъ* посланъ былъ въ Англию отъ блаженной памяти его п. в-а Петра Великаго для обученія пушечнаго дѣла еще въ 1715 г., но понеже за парламентскимъ актомъ, которымъ запрещено такому искусству учить чужестранныхъ, онъ въ ту работу не принятъ и возвратился въ Голландію... Напослѣдокъ повелѣно ему указомъ учиться здѣсь архитектурѣ военной и

гражданской и опредѣлено было ему жалованье, которое потомъ отсѣчено, и затѣмъ онъ пришелъ въ скудость и въ долги впалъ и заключенъ былъ въ тюрьму». «*Афанасьевъ*» по словамъ кн. Кантемира — «былъ посланъ при резидентѣ О. П. Веселовскомъ, отъ службы отсталъ и за недостаткомъ денегъ изъ Англіи, чѣмъ возвратиться, не имѣлъ... По росписи, которую онъ представилъ, нажилъ здѣсь долгу чрезъ десять лѣтъ близъ 240 фунт. (болѣе 1200 р.), которые, если ему въ Россію возвратиться, надлежитъ уплатить, а онъ здѣсь женатъ и находится въ великой скудости, такъ что помираетъ почти голодною смертью и живетъ милостынею». Съ разрѣшенія кол. ин. д. Третьяковъ былъ принятъ на службу въ канцелярію Лондонской миссіи (стр. 19).

9. Декабря 9, № 15. *Pondo* — англ. резидентъ, его донесенія обнародованы въ 66 т. Сб. И. Р. Ист. Общ. С.-П. 1889. О *Г. Форбесъ* (1685 — 1765) см. Реляціи т. I, стр. 42 прим. 45. Въ Россію прибылъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника 8 іюня 1733 г. и оставался въ Петербургѣ до 7 мая 1734. О своемъ пребываніи въ Россіи оставилъ дневникъ хранящійся въ настоящее время въ Лонгфордскомъ графствѣ въ замкѣ Форбесъ у гр. Гренарда.

13. Февраля 24, № 18. *Contre l'immunité et privilèges dont selon le droit des gens doivent (jouir) les ministres étrangers* — разумѣется парламентскій актъ королевы Анны 21 апрѣля 1709 (7 Ап. с. 12). Согласно постановленіямъ этого акта дипломатическіе агенты, аккредитованные при С. Джемскомъ дворѣ, должны были сообщать статсъ-секретарю списка лицъ состоящихъ у нихъ на службѣ (см. слѣд. письмо отъ 1-го марта, стр. 19).

11. Около 1-го марта, № 19. *L'abbé Génadius* — греч. архимандритъ Геннадій, первый настоятель посольской церкви (ум. 3 февр. 1737), съ нимъ прибылъ въ Англію его племянникъ *Варооломей Кассано*. Когда кн. Кантемиръ былъ переведенъ на службу въ Парижъ Кассано (поставленный послѣ Геннадія священникомъ посольской церкви) переписывался съ нимъ и по-

сымалъ Кантемиру новыя сочиненія, выходящія въ Англіи по философіи и литературѣ (см. стр. 195, 196, 202, 205, 206). *William Brawn* — В. Броунъ, своякъ Эрдмана, о которомъ упоминается выше (прим. 1). Кн. Кантемиръ въ письмѣ къ Эрдману отъ 13 іюня 1732 обѣщаль ему включить Броуна въ число служащихъ при миссіи и сообщить его имя англ. статсъ-секретарю. Какъ потомъ оказалось этотъ Броунъ причинилъ не мало хлопотъ кн. Кантемиру своимъ поведеніемъ, разсорился съ отцомъ и попалъ даже въ тюрьму и былъ освобожденъ лишь благодаря ходатайству кн. Кантемира.

12. Марта 30, № 20. *Вешняковъ* Алексѣй Андреевичъ надв. сов. секретарь Константинопольскаго посольства. Русскимъ резидентомъ состоялъ въ Константинополѣ упоминаемый въ письмѣ Иванъ Ивановичъ *Неплюевъ*.

13. Мартъ — апрѣль № 23. Вручитель сего — NN, французъ.... По всей вѣроятности кн. Кантемиръ желалъ скрыть отъ чиновниковъ своей канцеляріи имя Михаила Мильярда, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. *Мильярдъ* прибылъ въ Петербургъ лѣтомъ 1733 года, а къ православной церкви былъ присоединенъ 9 іюня 1734. Феоданъ Прокоповичъ и его время И. Чистовича С.-Петербургъ 1868 стр. 596.

14. Ноября 3 № 24, стр. 23: епископы, которые... о соединенія вѣры трактовали. См. письма къ государю Петру I и къ канцлеру гр. Головкину отъ духовныхъ англійскихъ особъ епископовъ Іеремія Колліера, Архибалда Кампелла и отъ Патриса Пакбаума о желаніи ихъ къ соединенію Англійскія съ Россійскою церковію и вопросы на греч. и лат. яз. оныхъ епископовъ съ отвѣтами на оныя Александрійскаго патріарха Самуила о соединеніи Англійской съ восточною церковію и о учиненіи единой православной и апостольской церкви. Окт. 8, 1718. Моск. Арх. м. и д. англ. д. т. г. св. 12, № 15.

15. Февраля 18, 1735 № 28. *Mon maître de mathématiques...* Еще будучи въ Россіи кн. Кантемиръ съ охотою и успѣхомъ занимался изученіемъ математическихъ наукъ подъ руководствомъ

академика Ф. Х. Мейера (р. 9 окт. 1697 ум. 27 ноября 1729), какъ свидѣтельствуеть объ этомъ лично знавшій князя Кантемира — Бильфингеръ (Пекарскій, Ист. Ак. т. I, стр. 211 — 212). Только что приведенное письмо свидѣтельствуеть, что и въ Лондонѣ кн. Кантемиръ не покидалъ своихъ любимыхъ занятій математикой, къ которымъ такъ склоненъ былъ его холодный и спокойный умъ.

16. Мая 17, № 33. Engager deux officiers de sa marine. Въ теченіе короткаго времени послѣ смерти Петра Великаго русскій флотъ, это созданіе всей жизни Преобразователя, «дита его сердца» — сталъ приходить въ упадокъ (Курсаковъ, Воцареніе Анны Иоанновны стр. 302). Для улучшенія флотскаго дѣла русскимъ посланникамъ въ Голандіи и Англіи изъ коллегіи иностр. дѣлъ не разъ предписывалось пріискивать способныхъ морскихъ капитановъ и приглашать ихъ поступать на русскую службу. Реляціей отъ 4 марта 1735 кн. Кантемиръ сообщилъ въ Петербургъ, что два морскихъ капитана, Метьюсъ и Лестокъ, согласны поступить на службу въ русскій флотъ. Разрѣшеніе было дано и Метьюсъ прибылъ въ С.-Петербургъ 14 августа (донесеніе Рондо Гаррингтону отъ 16 августа (Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 76 стр. 435)). Однако требованія Метьюса (настаивавшаго, чтобы его пріяли вицеадмираломъ) не были пріяты и онъ «по показаніи ему всякихъ учтивостей отсюда (т. е. изъ С.-Петербурга) отъѣхалъ».

17 Мая 18, № 34. Lord Kinoull — шотланецъ по происхожденію, упорно стремившійся въ Константинополь къ ослабленію русскаго вліянія въ Турціи. Объ интригахъ его сообщали въ Петербургъ Неплюевъ и Вишняковъ (Соловьевъ Ист. Россіи т. XX, стр. 78 изд. 1870). Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 76, 403, 405 — 417. По настоянію кн. Кантемира лордъ Кинцунъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ сэръ Э. Фокнеръ см. его депешу изъ Константинополя: E. Fawkenor to his Grace the Duke of Newcastle, April 27, 1736: My lord Kinnoull paid his visit of leave to the Vizier and received his Recredential letter. Publ. Rec. Off. For. Turkey v. 30.

18. Мая 18 № 34. Лорду *Ньюкаслу*... Thomas Pelham Holles duke of Newcastle (1693 — 1768) около 30 лѣтъ былъ статсъ-секретаремъ (1724 — 1754), обладалъ богатствомъ, вліятельными связями среди партіи виговъ и отличался необыкновенной способностью къ труду. Изъ современниковъ лордъ Честерфилдъ порицалъ въ немъ рабскую угодливость волѣ монарха (a servile compliance with the will of his sovereign for the time being, см. его рук. въ Брит. Муз. Stowe Mss: Characters of Queen Caroline, George I and II, Sir Rob. Walpole B. Mus. Pr. VII, № 26). Для всякаго интересующагося дипломатической перепиской XVIII в. обширное собраніе актовъ герцога Ньюкасла является драгоценнымъ источникомъ. Его рукописи составляютъ 307 объемистыхъ тома (AD. MSS. № 32686 — 32993) и нынѣ хранятся въ Британскомъ Музеѣ.

19. Юля 12, № 36 п 37, кн. *А. М. Черкасскій*. Дѣйств. тайный совѣтникъ и кабинетъ-министръ, а съ 10 ноября 1740 г. канцлеръ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (род. 28 септ. 1680 ум. 4 ноября 1742 г.), на дочери котораго Варварѣ Алексѣевнѣ, одной изъ богатѣйшихъ и красавѣйшихъ невѣстъ своего времени, думалъ даже жениться кн. Кантемиръ, но потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе противодѣйствія матери. Этимъ объясняется и «пятилѣтнее молчаніе»¹⁾ кн. А. М. подчпнявашагося по своему мягкому и перфшительному характеру вліянію своей супруги. Отношенія кн. Кантемира къ этой семьѣ, впрочемъ, еще недостаточно выяснены. Терещенко, Оп. обозрѣнія жизни сановниковъ и пр. II, 302; В. Е. Стоюнинъ Введ. къ соч. кн. Кантемира т. I стр. LXXVII — LXXVIII и И. И. Шимко Нов. данныя къ біогр. кн. Кантемира С.-Петербургъ 1891 стр. 78, пр. 80, 98 прим. 1.

20. Декабря 4, № 41. Замбони. Всѣ письма кн. Кантемира къ Замбони извлечены изъ архива Бодлеевой библ. въ Оксфордѣ Гр. отъ 8 окт. 1723 Замбони былъ опредѣленъ въ Лондонѣ агентомъ герцога Гессенъ-Дармштадскаго (Nos Dei gratia Ernestus

¹⁾ Стр. 53.

Ludovicus Largravius Hassiae... nostrum fidelem dilectum Johannem Jacobum Zambonii Londinii agentem nostrum nominaverimus ac constituerimus). По дон. кн. Кантемира въ ком. кол. (Арх. № 299): «Замбони признается всѣми (въ Лондонѣ) за чело-вѣка честнаго, въ купеческихъ дѣлахъ весьма искусенъ, будучи самъ изъ купеческой семьи и ранѣе уже въ теченіе 4 лѣтъ от-правлялъ въ Лондонѣ должность консула покойнаго короля Польскаго» (т. е. Августа II ум. $\frac{21 \text{ Янв.}}{1 \text{ Февр.}}$ 1733 г.) Съ ноября 1739 Замбони былъ аккредитованъ въ званіи резидента¹⁾. Онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ зна-токомъ музыки, живописи (см. пис. къ нему Thom'a и Нарышкина въ Бодл. биб.). Сохранились въ рукоп. нѣкоторые его литератур-ные труды (Cajo Salustio, Della Conjura di Catilina tradotto in Italiano da Gio. Giacomo Zamboni въ Zamb. p. Rawl. 137 v. XX; Parafrasi dell'Egloga prima di Virgilio на ит. яз. Zamb. par. Rawl. 136 v. XIX.) Живя въ Лондонѣ З. поддерживалъ связи съ Италіей и жившими въ Англіи итальянцами, снабжалъ новыми итальянскими книгами своихъ друзей, кн. Кантемира и Слона, зна-менитаго собирателя рукописей и книгъ (M-r Soliani a learned Printer of Modena has sent me by way of Venice three Dozen of Books for you пишетъ онъ Слопу 12 окт. 1730, Brit. Mus. Sl. Ms. 4066 f. 336, 341). Подъ конецъ жизни Замбони потерялъ здоровье, зрѣніе (см. его письма къ Ньюкаслу въ янв. 1753 г.), впасть въ долги и нищету, и все таки не хотѣлъ уѣхать изъ Англіи, ум. 8 апр. 1753 г. О судьбѣ его рукоп. мое пис. изъ Лондона въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1889, сент. 62 — 65. Лоссъ баронъ Іоаннъ Адольфъ (р. 1690 ум. 25 авг. 1759, въ 1741 получилъ графское достоинство), резидентъ саксонскій въ Лондонѣ, отозванъ грам. 2 авг. 1738 г. (Letter of Revocation Лонд. Гос. Арх. Poland R. 1. 1712 — 1775 f. 165), затѣмъ былъ аккредитованъ посланникомъ въ Парижъ. Въ Моск. Арх. м. п. д. въ дѣлахъ

¹⁾ Residentis caractere eum ornare decreverim. Darmstadii 26 Nov. 1739 грам. въ Лонд. Гос. Арх. R. 1. Ger. Prin. 1689 — 1776 f. 141.

Парижской миссіи сохранились письма Лосса изъ Дрездена къ кн. К-у, въ коихъ выражается сожалѣніе по поводу постигшей ихъ разлуки. Лоссъ и его жена высоко цѣнили дружбу кн. Кантемира.

21. № 42 (безъ даты) *Рейтольдъ Левенвольдъ* (см. также прим. 4) графъ, оберъ-гофмаршалъ былъ поклонникъ итальянской музыки и хлопоталъ объ учрежденіи итальянской оперы въ С.-Петербургѣ, что и удалось ему послѣ большихъ хлопотъ, тогда какъ Биронъ и Императрица болѣе благоволили къ нѣмецкому театру и покровительствовали труппѣ нѣмецкихъ комедіантовъ, выписанныхъ изъ Дрездена Линаромъ, саксонскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. П. Араповъ, Лѣтопись рус. театра С.-Петербургу 1861, стр. 40. *Францискъ Арайя* — извѣстный итальянскій композиторъ (род. въ Неаполѣ въ 1700 г.). Первымъ опытомъ его на драматическомъ поприщѣ была опера Береника, представленная въ 1730 г. въ Тосканскомъ театрѣ. Слава его быстро росла и въ слѣдующемъ году въ Римѣ давали его вторую оперу (*Amore regnante*). Въ 1735 году Арайя отправился въ Петербургъ въ качествѣ директора музыки итальянской труппы. Для придворнаго театра въ 1737 г. сочинилъ *Abiasace* — первую итальянскую оперу, разыгранную въ Петербургѣ. Композиторъ Арайя, славный живописецъ Жероламо Боно, и балетмейстеръ Антоній Фоссана справедливо считаются первыми создателями итальянскаго театра въ Россіи и они много содѣйствовали его успѣху (въ особенности при Елизаветѣ Петровнѣ). Въ 1759 г. Арайя вернулся въ Италію и послѣдніе годы жизни прожилъ въ Болоньѣ. (Энцикл. сл. Плюшара т. II, стр. 476). *Porpora* — Николай Порпора — композиторъ и извѣстный учитель пѣнія (род. въ Неаполѣ въ 1687, ум. тамъ же въ 1767), воспитатель знаменитыхъ учениковъ, какъ то Фаринелли, Кафаріелли, Минготти, Габріели, Мольтени и др. Въ 1724 Порпора вмѣстѣ съ Фаринелли пѣлъ въ Вѣнѣ при дворѣ императора Карла VI, въ 1729 отправился въ Лондонъ и здѣсь принялъ въ управленіе вновь основанный итальянскій театръ, конкурировавшій съ Генделемъ. Въ театрѣ Порпоры,

по отзывамъ кн. Кантемира, восхищались почти исключительно однимъ Фаринелли, пѣвцомъ, подобнаго которому Гендель не имѣлъ въ своемъ театрѣ. Нѣкоторый успѣхъ имѣли кантаты Порпоры, но и того нельзя сказать о его операхъ, хотя серьезныхъ и мелодичныхъ, но лишешныхъ оригинальности, къ тому же англичанамъ начинала уже нравиться торжественная, полная силы, совершенно оригинальная музыка Генделя. Въ 1738 Порпора вернулся въ Италію, послѣдніе годы жизни провелъ въ нуждѣ и умеръ въ бѣдности.

22. № 43 (тоже безъ даты). *Le chevalier Ozorio* — «шеваліеръ Озоріо чрезвычайный посланникъ сардинской въ Лондонѣ» (Дневн. зап. кн. Кантемира въ Арх. кн. Воронцова т. II, стр. 554.)

23. № 44. *Mademoiselle Bertoldi* — Бертольди — итальянская пѣвица, жила въ Лондонѣ съ матерью и сестрою, пользовалась вниманіемъ со стороны кн. Кантемира, въ 1738 уѣхала въ Италію. 5/16 окт. 1738 Гастальди писалъ о ней кн. Кантемиру въ Парижъ: *hier j'ai reçu une lettre de Genes de M-r Scalzi avec l'agréable nouvelle que il nostro sig. Bertoldino y était heureusement* (Гастальди былъ защитникомъ Бертольди по просьбѣ кн. Кантемира отъ притѣсненій какого-то лондонскаго ростовщика, или банкира, который хотѣлъ арестовать вещи Бертольди за неплату долговъ). *On me marque en suite qu'elle devait aller à Livorne avec le vaisseau.*

24. Января 6, 1736 № 45: о извѣстной книгѣ Летръ Московитъ, см. Переписку барона М. А. Корфа съ кн. М. А. Оболенскимъ по поводу Московскихъ писемъ обнародованную въ Журп. Мин. Нар. Просв. 1892 г. февр. отд. 2 стр. 428—438.

25. Апрѣля 10, № 48: *mon frère cadet*. Кн. Кантемиръ принялъ на службу брата академика Генриха Ивановича Гросса (р. въ 1713 ум. въ 1765). Этотъ Гроссъ перешелъ вмѣстѣ съ кн. Кантемиромъ въ Парижъ, гдѣ былъ, какъ и въ Лондонѣ, секретаремъ посольства. Послѣ смерти Кантемира былъ аккредитованъ полномочнымъ министромъ сначала въ Парижѣ, затѣмъ въ Гагѣ и наконецъ въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ.

26. Апрель 27, № 50: по силѣ отправленного ко мнѣ рескрипта. Коллегія иностр. дѣлъ рескриптомъ отъ 27 марта того же 1736 г. повелѣла кн. Кантемиру отписываться впредь объ опредѣленіи въ Лондонѣ консула съ коммерцъ-коллегією и отъ нея ожидать резолюціи. Того же содержанія было и упоминаемое письмо гр. Остермана отъ 27 марта.

27. Юля 8, № 56. Шафировъ Петръ Павловичъ, сенаторъ и президентъ коммерцъ-коллегіи (р. въ 1670 ум. въ 1739).

28. № 59 (безъ даты) de *Bussy...* чиновникъ французскаго посольства въ Лондонѣ, а за отъѣздомъ Камби Бюсси исполнялъ его обязанности.

29. Августа 18/29, № 62: Azevedo — резидентъ Португальскаго короля. Гастальди или Гвастальди — секретарь женеваской (какъ его называлъ Кантемиръ), т. е. женеваской миссіи. *Rolli Paul Antoine* — одинъ изъ любимѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ XVIII в., род. въ 1687, учился въ Римѣ словеснымъ наукамъ у извѣстнаго Гравина (*Gravina*). Вмѣстѣ съ лордомъ *Sumbich* пріѣхалъ въ Англію и здѣсь сдѣлался учителемъ принца Уэльскаго, сына Георга II (впослѣдствіи англ. короля Георга III); подъ конецъ жизни снова вернулся въ Римъ и умеръ тамъ въ 1767. Въ 1716 году Ролли издалъ въ Лондонѣ сатиры *Аріосто*, нѣсколько лѣтъ спустя перевелъ стихами *sciolti* и издалъ «Потерянный Рай» Мильтона (*Paradiso Perduto di Milton de Rolli Londra 1735*). Въ библиотекѣ кн. Кантемира были и другія его сочиненія: *Rime* изд. въ Веронѣ 1733, *l'arte rappresentativa de Ricoboni* по сп. библ. №№ 18, 532, 845). Въ бытность кн. Кантемира въ Лондонѣ Ролли кромѣ указанныхъ сочиненій написалъ еще нѣсколько мелодрамъ, какъ то «Орфей» «Эней въ Лаціумѣ» (Лондонъ 1734), «Полифемъ», который былъ представленъ на Лондонской сценѣ (въ театрѣ *Hay-Market*) въ первый разъ 1 февр. 1735 года. Общеніе съ итальянцами развило въ кн. Кантемирѣ любовь къ театру, музыкѣ, пѣнію и побудило его учиться итальянскому языку, который онъ зналъ лучше французскаго. *Rusci* — Пуччи, резидентъ герцога Тосканскаго. Выра-

женіе «нашего Пуччи» указываетъ на тѣ близкія отношенія, какія установились между кн. Кантемиромъ и итальянцами. *M. Walgraf* — англійскій посоль въ Парижѣ *lord Waldegrave*.

Dutemps — прикащикъ какого-то торговаго дома въ Лондонѣ.

30. Сентября 23, № 64. Д-ру *Жандрону*. *Claude Deshayes Gendron* — докторъ медицины и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени (род. около 1663 ум. въ Auteuil 3 сентября 1750) получалъ ученую степень въ Монпелье и былъ придворнымъ докторомъ герцога Орлеанскаго. Посвятивши себя изученію глазныхъ болѣзней *Жандронъ* поселился въ Auteuil близъ Парижа въ домѣ, принадлежавшемъ когда то Буало. По этому поводу Вольтеръ, войдя однажды въ домъ, привѣтствовалъ *Жандрона* и его друзей словами:

C'est bien ici le Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon
Sous le nom de Boileau ces lieux virent Horace
Esculape y parait sous celui de Gendron.

(См. *Nouv. biogr. génér.* t. XIX, p. 864.)

31. Сентября 25 № 65. Французскій министръ Шетарди о немъ *Арх. кн. Воронцова*, т. I, стр. 455 — 628; *Мартенсъ Собраніе трактатовъ*, т. XIII, С.-Петербургъ 1902, стр. 47 — 80; *Сб. И. Р. Ист. Общ.* CV.

32. Сентября 30, № 66. Только что приведеннымъ письмомъ кн. Кантемира открывается неизвѣстная до сихъ поръ его переписка съ г-жею *Монконсель*, интересная въ томъ отношеніи, что въ ней затрогиваются различнаго рода вопросы, касающіеся театра, музыки, литературы и политики, на которые кн. Кантемиръ даетъ самостоятельные, и опредѣленные отвѣты.

Взгляды кн. Кантемира, какъ человѣка высоко образованнаго по своему времени, заслуживаютъ вниманія, и для его біографа составятъ новый и интересный матеріалъ для изученія личности перваго русскаго сатирика. Къ сожалѣнію письма г. *Монконсель*

къ кн. Кантемиру къ намъ не дошли¹⁾ и потому нѣкоторыя мѣста переписки не вполне понятны. О ея личности удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія. Въ началѣ 1738 кн. К. познакомилъ съ М. аббата Парети, своего друга, и вотъ въ какихъ чертахъ характеризуетъ ему М. престарѣлый аббатъ въ письмѣ къ князю отъ 21 февраля 1738: Elle (i. e. Monconseil) a tous les agrements possibles, des grâces autour des lèvres et une gaiete ravissante dans les yeux. Elle desire que vous reveniez ici, et je compte, que ses regards pouvaient par simpatie fortifier et eclaireir votre vue beaucoup mieux que les recettes de Gendron, sans qu'il vous en couta des pendules²⁾. Перейдя на службу въ Парижъ кн. Кантемиръ поддерживалъ знакомство съ Монконсель и черезъ нея узнавалъ разныя политическія новости, но сохранялъ это въ большой тайнѣ. Въ серединѣ 1741 кн. Кантемиръ былъ встревоженъ какими-то слухами, ходившими въ Петербургѣ о г-жѣ Монконсель, и потому счелъ необходимымъ послать на высочайшее имя слѣдующую имъ самимъ шифрованную реляцію: «вѣдомость о резолюціи принятой въ совѣтѣ королевскомъ (вопросъ шелъ о намѣреніи франц. правительства объявить Австріи войну) мнѣ сообщена отъ г-жи Монконсель, жены бригадира и военнаго инспектора маркиза Монконселя. Оная госпожа остраго ума, любопытна и въ дѣлахъ какъ здѣшнихъ, такъ и чужестранныхъ, много искусна. Во время Шовелинова правительства, имѣя съ нимъ тѣсную и почти подозрительную дружбу, обязала себѣ многихъ, такъ канцелярскихъ служителей какъ и господъ здѣшнихъ, между которыми паходится и военныхъ дѣлъ секретарь Бретьоль, которой сверхъ того живетъ въ тѣсномъ согласіи съ ея сестрою. Милордъ Вольграфъ, бывшій аглицкой посоль, много дружбою сея госпожи во время Шовелиново пользовался, также и теперь она переписку нѣкогда имѣетъ съ кавалеромъ Валполемъ, отъ котораго сказываютъ, что и пенсію получала. Я съ нею знакомство свелъ въ первую мою

1) Можно предполагать, что кн. Кантемиръ самъ ихъ уничтожилъ.

2) Въ благодарность за леченіе Кантемиръ подарилъ Жандрону превосходные англійскіе стѣнные часы.

поѣздку во Францію въ 1736 году и съ тѣхъ поръ, сколько можетъ, мнѣ услуживаетъ, но весьмабъ несчастливо ей было, если бѣ было увѣдано, что она мнѣ вѣсти пересказываетъ столь паиначе, что кардиналъ вѣдаетъ ея склонность къ Шовелину. Для того всеподданнѣйше прошу, чтобъ всемилостивѣйше указать поберечь ея имя». Юля 4 (іюня 23) 1741 (Моск. Арх. м. и. д. дѣла фр. 1741 св. 56). *Фаринелли*, Carlo Farinelli — знаменитый итальянскій пѣвецъ — кастратъ (род. 24 янв. 1705 г.), обладалъ замѣчательнымъ сопрано и былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Порпоры. Въ молодости Ф. съ большимъ успѣхомъ давалъ концерты въ Римѣ (1722), Вѣнѣ, Миланѣ, въ 1732 году снова въ Вѣнѣ, гдѣ уже обратилъ на себя вниманіе императора Карла VI. Въ 1734 Ф. прибылъ въ Лондонъ и выступилъ на сценѣ недавно основаннаго театра (подъ именемъ Lincoln's Inn Fields, возлѣ юрид. кол. того же имени), которымъ управлялъ его старый учитель Порпора (ср. прим. 21). Въ началѣ 1737 года Фаринелли уѣхалъ изъ Англій въ Испанію, гдѣ пользовался большимъ вліяніемъ, сдѣлавшись любимцемъ короля Филиппа V, ассигновавшаго ему ежегодную пенсію въ 50 тыс. фр. Фердинандъ VI также покровительствовалъ Фаринелли и только съ восшествіемъ на престолъ Карла III (въ 1759) положеніе Фаринелли измѣнилось и ему пришлось покинуть Испанію. Тогда Фаринелли уѣхалъ въ Италію, построилъ себѣ виллу возлѣ Болоньи и умеръ тамъ 15 іюля 1782 г. Nouv. biogr. Paris 1856, t. XVII, p. 118 — 121.

33. Окт. 19, № 70: смерть покойнаго архіерея *Оеофана*. Петровъ извѣстилъ кн. Кантемира о смерти Оеофана Прокоповича (сентября 8, 1736) въ письмѣ изъ Берлина отъ 2 окт. т. г. Петровъ состоялъ на службѣ при Берлинскомъ посольствѣ, и, желая перейти на службу въ Россію, просилъ у кн. Кантемира рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ. Кн. Кантемиръ исполнилъ просьбу Петрова, а послѣдній со своей стороны по возвращеніи въ Россію поддерживалъ переписку и между прочимъ черезъ него князь Кантемиръ пересылалъ письма къ

своей сестрѣ Маріи Кантемировой (ср. также письмо кн. Кантемира подъ № 74, стр. 62).

34. Ноября 29, № 75. М. Hendel. Георгъ Фридрихъ *Гендель* (род. въ Галле въ 1684 ум. 14 апр. 1759) извѣстный композиторъ XVIII в.; пользовался покровительствомъ ганноверскаго курфирста и затѣмъ анг. короля Георга I, вліятельныхъ лордовъ (Burlington'a, Chandos'a, Rutland'a). Свои оперы онъ давалъ въ театрѣ Hay Market, гдѣ подъ его управленіемъ пѣли Сенезино, Маргарита Дурантасти и Фаустина Бордонн. Благодаря личному характеру Генделя, довольно неуживчивому, его театръ сталъ приходить въ упадокъ (къ концу 1728), и враги, и противники Генделя основали тогда другой оперный театръ, именуемый *Lincolns- Inn-Field*, и пригласили сначала Сенезино, а затѣмъ Порпору въ качествѣ директора театра. Въ этомъ новомъ театрѣ пѣлъ и Фаринелли (прим. 32), котораго кн. Кантемиръ называетъ Орфеемъ въ своей перепискѣ¹⁾. Труды и непріятности разстроили здоровье Генделя и заставили его, впрочемъ на короткое время, уѣхать для леченія въ Ахенъ, откуда вернувшись въ 1736 Гендель началъ управлять большимъ опернымъ театромъ — *Covent Garden* (существующимъ и понынѣ), но какъ видно по письмамъ Кантемира этотъ театръ мало посѣщали. Тогда Гендель, сжившійся уже съ Англіей, началъ писать ораторіи, которыя завоевали ему славу и укрѣпили среди англичанъ вѣру въ его геній. Англичане прозвали Генделя *monarch of choral harmony* (царемъ хоральной музыки), а когда онъ умеръ похоронили его въ національной усыпальницѣ своихъ знаменитостей — въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

35. Декабря 21, № 77. *Бильфингеру*. Георгъ Бильфингеръ (род. въ 1693 ум. Штутгартѣ февр. 18, 1750) философъ, академикъ; въ Россію прибылъ въ 1725 по рекомендаціи Вольфа, съ 1731 проф. въ Тюбингенѣ, а съ 1735 переселился въ Штутгартѣ на родину, гдѣ и умеръ. *All. D. Biogr.* II, 634 — 635; П. Пекарскій, *Ист. И. Акад. Н. I.* 211 — 212.

¹⁾ стр. 114 и др.

36. Января 18, 1737 № 80 пѣсни моей «о взятіи Азова» — къ сожалѣнію это стихотвореніе, по свидѣльству кн. Кантемира одно изъ лучшихъ, не сохранилось.

37. Января 17, 1738 № 106; «о несчастливомъ дѣлѣ», т. е. объ искѣ матери ср. у Шимко назв. соч. стр. 103.

38. Ноября 17, 1738 № 131: le cardinal de Polignac, à qui j'ai tant d'obligations. По возвращеніи въ Лондонъ (въ 1736) кн. Кантемиръ писалъ къ кардиналу Полиньяку: Mon devoir exige de moi que je réitère par la presente lettre mes tres humbles remerciements de toutes les bontés et politesses dont Votre Excellence m'a honoré pendant mon séjour à Paris.

39. Текстъ письма кн. Кантемира къ Вольтеру найденъ нами въ Моск. Арх. м. п. д. въ дѣл. Париж. миссіи, письма же отъ 13 марта и 19 апрѣля Вольтера къ кн. Кантемиру розысканы Л. Н. Майковымъ.

40. Октября 22, 1739 № 161. Аббать Гуаско Октавіанъ, біографъ князя Кантемира, род. въ 1712 году въ Pignerol, извѣстный своей ученостью, членъ разныхъ обществъ (Франц. Акад., Берл. Акад. и Лонд. корол. Общества). Кромѣ сатиръ онъ перевелъ на итал. языкъ Оттоманскую исторію Д. Кантемира, но трудъ остался въ рукописи. У Гваско была сестра Comtesse Bernardi, у которой онъ жилъ подъ конецъ жизни въ Веронѣ и умеръ тамъ 10 марта 1787, переживъ своихъ друзей Кантемира, Жандрона и Монтескье.

41. Мая 5, 1743 № 205. *Монертюю. Maupertuis*, Pierre Louis Moreau философъ и геометръ французскій род. 1698 ум. 1759, учился, какъ и кн. Кантемиръ, у Бернулли. Бантышъ-Каменскій, говоря о предсмертной болѣзни кн. Кантемира замѣчаетъ: «все сіе время (т. е. 6 мѣс.) славный Монертюю ежедневно посѣщалъ друга своего».

42. Января 19, 1744. *Butlers Hudibras*. Самуилъ Бетлеръ (ум. 25 септ. 1680); Гудибрасъ былъ изд. въ 1663 — 64; 1678 (3-я) см. его *Posthumous Works* 1716 (и 1759). *Рочестеръ* Дж. Вильмотъ (1647 — 1680) извѣстенъ своими сатирами.

43. Марта 15, № 226. *Rowning's Philosophy*. Rowning John (1701 — 1771), глав. его сочиненіе *A Compendious System of Natural Philosophy* 4 г. выдержало семь изданій между 1735 — 1772 г.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Азеведо 52, 115, 149, 324 (29).
 Aiguillon Anne XII прим. 2.
 Аюста 50, 51.
 Альгаротти гр. VII, 110, 158, 161.
 Амело IX, XII; 235, 237.
 Амикони 113, 116, 118, 119, 122,
 125, 140, 144, 145, 146.
 Арайя 36, 322 (21).
 Ариосто VII.
 Афанасьевъ 317 (8).
 Байеръ IV прим. 2; VI прим. 5;
 296 прим. 1.
 Бастилія арх. II прим. 1; IX прим. 1.
 Бернуллі 179, 329 (41).
 Бергольди 145, 323 (23).
 Бестужевъ-Рюминъ гр. А. П. 178,
 181—183; 188—190, 191, 193,
 195, 196, 199.
 Бетлеръ 202, 329 (42).
 Бецкій И. И. 179, 187, 188.
 Вильфингеръ 45, 66, 67, 319, 328
 (35).
 Виронъ гер. I. Э. 3, 26, 28, 31, 33,
 40, 93, 94, 159.
 Ботта 153.
 Браклеръ 10.
 Броунъ 19, 318 (11).
 Бюсси 50, 117, 118, 124, 224, 234,
 236, 280, 324 (28).
 Варлаамъ 46, 47.
 Васнеръ бар. 235, 245, 247.
 Вепути IX прим. 3.
 Вешняковъ 19, 20, 21, 318
 (17), 319.
 Витинскій 186.
 Вольтеръ VII, 64, 136—138, 141,
 329 (39), 325.
 Вольтинскій А. П. 156, 305, 307, 309.
 Воронцовъ гр. С. Р. VI.
 Гарригтонъ ст.—секр. 18, 20, 27,
 60, 98, 103, 319.
 Гастальди 52, 98, 145, 236, 249,
 323, 324 (29).
 Гваско IX прим. 3; 151, 152,
 329 (40).
 Гендель 130, 134, 146, 323,
 328 (34).
 Геннадій 19, 317.
 Головкинъ гр. Ал. Гавр. V; 3, 13,
 20, 39, 120, 197, 250, 263,
 315.
 Головкинъ гр. Г. И. 6, 318 (14).
 Гольдбахъ 143, 146.
 Гроссъ Г. XII, 112, 323 (25).
 Гроссъ Хр. IV прим. 2; 25, 41, 42,
 47, 59, 89, 91, 143, 159, 165.
 Деляль 81.
 Долгорукій вк. Вас. Лук. 299, 312.
 Долгорукій вк. Григ. Фед. 308, 310.
 Долгорукая вк. Марья Юр. 308.
 Жандропъ д-ръ VIII прим. 2; 54,
 57, 58, 61, 101, 104, 109, 118,
 325 (30), 329 (40).

- Замбони VI, 35, 37, 43, 50, 51, 127, 131—132, 134, 206—210; его біогр. и сочин. 320—321.
- Ильинскій П. 49, 73, 76, 86; его журналъ 295—313.
- Камби 224, 324 (28).
- Кантемиръ кн. Ап. Пв. 69, 99, 299, 329 (37).
- Кантемиръ Димитрій кн. госп. Молд. 295; сенаторъ ів. п слѣд.; въ походѣ 303, болѣзнь 309, смерть 312.
- Кантемиръ кн. Апт. Дм. его переписка I—III; пребываніе въ Лондонѣ: пріѣздъ 1, 2; жалуется на недостаточность содержанія 29; дороговизну 43, 44, знакомые 108; удивл. его учености 28; переписка I—112; вліяніе Англіи 660. VII—VIII; въ Парижѣ (во время отпуска) 52; на службѣ: назн. VIII—XII; образъ жизни IX прим. 1, произв. въ тайн. сов. 167; языкъ его ред. и вѣдом. 169; болѣзнь, консилиумъ пяти врачей 200, 329 (41); проситъ о поѣздѣ въ Италію 201, 203, 205; смерть въ. XI; біогр. XIII, 329 (40).
- Кассано Вареоломей 19, 169, 195, 205, 249, 317.
- Кейзерлингъ гр. 94, 153.
- Кейтъ 155, 157.
- Кириловъ 26, 49.
- Князь-кесарь (подраз. Федоръ Юрьев. Ромодановскій) 301.
- Корфъ бар. I. А. 27, 29, 35, 123, 142, 143, 148, 163.
- Левенвольдъ гр. 7, 36, 90, 94, 315 (4), 322.
- Лоссъ бар. 321.
- Макаровъ Алексѣй Васил. 299, 305, 311.
- Меньшиковъ кн. 297—299, 301, 311, 312.
- Мозалевскій 112, 147, 212, 281—3.
- Моптескье XII прим. 2; XIII пр. 1; VII; 329 (40).
- Мопертюи IX, 123, 142, 149, 180, 185, 329 (41).
- Нартовъ 180, 183, 190, 192.
- Нарышкинъ С. К. 168, 169, 231.
- Нешлюевъ П. П. 19, 64, 319.
- Несвѣтаевъ 32, 50, 53.
- Норрисъ 12, 316.
- Ньюкаслъ ст.-секр. 31, 61, 320 (18).
- Озorio 108, 112, 149, 323 (22).
- Остерманъ гр. А. Пв. 1, 5, 6, 13, 15, 37, 41, 43, 44, 67, 99, 127, 133.
- Паретти 97, 98, 102, 107, 110.
- Петровъ 55, 59, 62, 88, 97, 99.
- Петръ Великій 139, 173, 296, 299, 303, 307, 313.
- Понятовскій 249, 271, 274.
- Поршора 323.
- Прокоповичъ Ѳ. 21, 22, 23—25; 60; 327 (33).
- Пуччи г-жа 147.
- Пуччи 52, 156, 324 (29).
- Разумовскій гр. А. Г. 196.
- Реомюръ 149, 180.
- Робинсонъ 270.
- Ролли VII, 52, 324 (29).
- Рондо 14, 16, 26, 317.
- Роунингъ 196, 205.
- Рочестеръ 202, 329 (42).
- Свифтъ VII, XI, 206.
- Спявичъ I, 315.
- Спѣшневъ 19, 315.
- Татищевъ В. Н. 103.
- Толстой П. А. 298, 299, 304—310.
- Третьяковъ 19, 316.
- Трубецкая кн. Ир. Гр. 310, 311, 312.
- Трубецкой кн. Пв. Юр. 299, 308, 309, 311.

<p>Фаринелли 57, 92, 98, 114, 119,
130, 323, 327.</p> <p>Фонтепель 149, 153.</p> <p>Форбесъ лордъ VI, 16, 26, 317.</p> <p>Черкасскій вв. А. М. IX прим. 2;
32, 33, 56, 53, 62, 65, 66, 68,
81, 161, 162, 165, 167, 233, 320.</p> <p>Шавиньи 38, 39, 72—74, 78—79, 80.</p> <p>Шафировъ 48, 306, 307, 324 (27).</p> <p>Шетарди XII, 55, 197, 325 (31).</p> <p>Шимко И. И. IX прим. 3; XI прим.
2; 296 прим. 1.</p> | <p>Шумахеръ 79, 86, 171, 175—177,
153, 183, 295.</p> <p>Щербатовъ И. А. письма къ нему
211—291.</p> <p>Эгійонъ см. Aiguillon.</p> <p>Эрдманъ 314.</p> <p>Эйхлеръ 99, 157, 191.</p> <p>Юрьевъ И. Ю. 1, 314.</p> <p>Ягужинскій гр. П. И. 5, 311.</p> |
|--|--|

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАНИЦЫ.

Предисловіе. Переписка кн. А. Д. Кантемира въ иностранныхъ и русскихъ архивахъ	I — III
Введеніе. Дипломатическая служба кн. А. Д. Кантемира въ Лондонѣ (1732 — 1738) и Парижѣ (1738 — 1744)	V — XIII

Переписка кн. А. Д. Кантемира

1732.

№№

1. Января 10. Кн. А. Д. Кантемиръ И. Ю. Юрьеву	1 —
2. Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману .	— 2
3. Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу І. Э. Вирону .	3
4. Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головину .	3 — 4
5. Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ графу П. И. Ягужин- скому	5
6. Апрѣля 25. Граф. И. Остерманъ кн. Кантемиру	5 — 6
7. Мая 4. Кн. А. Д. Кантемиръ графу Г. И. Головкину . .	6
8. Мая 16. Гр. А. И. Остерману кн. Кантемиръ	6 — 7
9. Мая 16. Кн. А. Д. Кантемиръ графу К. Г. Левенвользе .	7 — 9
10. Іюня 2. Кн. А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину . .	10
11. Іюня 9. Кн. А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману .	11
12. Іюня 20. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману . .	12
13. Іюля 11. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману . .	13
14. Августа 29. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. Г. Головкину .	13 — 14
15. Сентября 1. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу І. Э. Вирону .	14 — 15
16. Декабря 9. Гр. А. И. Остерманъ кн. А. Д. Кантемиру .	15 — 16

1733.

17. Января 9. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	17
18. Февраля 24. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону	18

№№	СТРАНИЦЫ.
19. Около 1 марта. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону .	18—19
20. Марта 30. Кн. А. Д. Кантемиръ А. А. Вешнякову . . .	19
21. Мая 3. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону	20
22. Мая 21. А. А. Вешняковъ кн. А. Д. Кантемиру	20—21
23. (Мартъ — апрѣль) Кн. А. Д. Кантемиръ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу	21—22
24. Ноября 3. Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ кн. А. Д. Кантемиру	22—23
25. Декабря 21. Кн. А. Д. Кантемиръ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу	23—15

1734.

26. Мая 6/17. Христіанъ Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру . . .	25—26
27. Ноября 5. Кн. А. Д. Кантемиръ Э. І. Бирону	26—27

1735.

28. Февраля 18. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону .	27
29. Марта 1. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру . .	27—28
30. Марта 5. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу Э. І. Бирону .	28—29
31. Мая 5. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	29—30
32. Мая 6. Гр. Э. І. Биронъ кн. А. Д. Кантемиру	30—31
33. Мая 17. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Ньюкастлю	31
34. Мая 18. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Ньюкастлю	32
35. Юля 12. Гр. Э. І. Биронъ кн. А. Д. Кантемиру	—
36. Юля 12. Кн. А. М. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру .	32—33
37. Августа 26. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. П. Черкас- скому	33
38. Сентября 13. Герцогъ Э. І. Биронъ кн. А. Д. Кантемиру	33
39. Октября 14. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	34
40. Октября 28. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	34—45
41. Декабря 4. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	35
42. (22 марта?) Гр. Левенвольде кн. А. Д. Кантемиру . . .	36
43. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	36
44. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	37

1736.

45. Января 6. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Остерману .	37—39
46. Февраля 24. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу Э. І. Бирону	40
47. Апрѣля 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Остерману .	41
48. Апрѣля 10. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	41—42
49. Апрѣля 10. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	42
50. Апрѣля 27. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Остерману	42—43
51. Мая 4. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Остерману . . .	44—45

№№	СТРАНИЦЫ.
52. Мая 27. Г. Б. Вильфингеръ кн. А. Д. Кантемиру	45
53. Апрельъ. Архимандритъ Варлаамъ кн. А. Д. Кантемиру	46
54. Юня 1. Кн. А. Д. Кантемиръ архимандриту Варлааму	46—47
55. Юня 18. Кн. А. Д. Кантемиръ Гроссу	47
56. Юля 8. Кн. А. Д. Кантемиръ бароцу П. П. Шафирову	48
57. Юня 18. Нв. Ильинскій кн. А. Д. Кантемиру	49
58. Августа 10. Кн. А. И. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	50
59. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	50
60. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	51
61. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	51
62. Августа 18/29. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	52
63. Сентября 10. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкас- скому	53
64. Сентября 23. Кн. А. Д. Кантемиръ доктору Жаңдрону	54
65. Сентября 25. М. Петровъ кн. А. Д. Кантемиру	55—56
66. Сентября 30. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	56—57
67. Октября 1. Кн. А. Д. Кантемиръ А. И. Черкасскому .	57—58
68. Октября 1. Д-ръ Жаңдронъ кн. А. Д. Кантемиру	58
69. Октября 12/23. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	59
70. Октября 19. Кн. А. Д. Кантемиръ М. Петрову	59
71. Октября 21. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гарригтону .	60
72. Октября 22. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	60—61
73. Конецъ октября. Д-ръ Жаңдронъ кн. А. Д. Кантемиру.	61—62
74. Ноября 13. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	62
75. Ноября 29. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	63—64
76. Декабря 7. Кн. А. Д. Кантемиръ И. И. Неплюеву	64—65
77. Декабря 21. Кн. А. И. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	65—66
78. Декабря 21. Кн. А. Д. Кантемиръ Вильфингеру	66—67

1737.

79. Января 18. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману	67—68
80. Января 18. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	68—69
81. Января. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Кантемиръ . .	69—70
82. Января 21. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	70—72
83. Февраля 3. Кн. А. Д. Кантемиръ де-Шавиньи	72—73
84. Февраля 11. И. Ильинскій кн. А. Д. Кантемиру	73—74
85. Февраля 19. Кн. А. Д. Кантемиръ де-Шавиньи	74—75
86. Февраля 19. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	75—76
87. Февраля 25. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	76
88. Марта 15. Кн. А. Д. Кантемиръ И. Ильинскому	76—77
89. Марта 17. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	77—78
90. Марта 24. Кн. А. Д. Кантемиръ Шавиньи	78—79
91. Апрельъ. Кн. А. Д. Кантемиръ Н. I. Дехило	81
92. Апрелья 12. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	81—82
93. Апрелья 29. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	82—83

№№	СТРАНИЦЫ.
94. Мая 7. Гр. А. И. Остерманъ вк. А. Д. Кантемиру . . .	84
95. Мая 23. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель . .	85—86
96. Іюня 21. Кн. А. Д. Кантемиръ Гроссу	86
97. Августа 1. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	87—88
98. Августа 9. Кн. А. Д. Кантемиръ М. Петрову	88—89
99. Сентября 2. Кн. А. Д. Кантемиръ Гроссу	89—90
100. Сентября 27. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Левевольте . .	90—91
101. Октября 8. Хр. Гроссъ вк. А. Д. Кантемиру	91—92
102. Октябрь.... Кн. А. Д. Кантемиръ К. Фаринелли	92—93
103. Октября 29. Герцогъ І. Э. Биронъ кн. А. Д. Кантемиръ	93—94
104. Ноября 8. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Левевольте	94

1738.

105. Января 9. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель .	95—96
106. Января 17. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Кантемиръ	96—97
107. Января 17. Кн. А. Д. Кантемиръ М. Петрову	97
108. Января 21. Аббать Паретти вк. А. Д. Кантемиру	97—98
109. Января 24. М. Петровъ кн. А. Д. Кантемиру	99
110. Января 26. Кн. А. Д. Кантемиръ аббату Паретти	100—101
111. Февраля 11. Д-ръ Жадропъ кн. А. Д. Кантемиру . . .	101—102
112. Марта 16. Кн. А. Д. Кантемиръ аббату Паретти	102—103
113. Мартъ... Кн. А. Д. Кантемиръ В. Н. Татищеву	103—104
114. Апрѣля 13. Д-ръ Жадропъ кн. А. Д. Кантемиру	104
115. Мая 25. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель . .	105—106
116. Іюля 6. Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру	106—107
117. Іюля 6. Кн. А. Д. Кантемиръ аббату Паретти	107—108
118. Іюля 10. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель . .	109—110
119. Августа 18. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	110—111
120. Сентября 21. А. Мозалевскій кн. А. Д. Кантемиру . . .	112
121. Сентября... Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Озоріо	112—113
122. Октября 5. А. Мозалевскій А. Д. Кантемиру	113—114
123. Октября 12. Кн. А. Д. Кантемиру маркизъ Монконсель	114—115
124. Октября 14. Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Азеведо . .	115—116
125. Октября 14. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Амьони	116
126. Октября 17. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	117
127. Конецъ октября. Дж. Амьони кн. А. Д. Кантемиру . .	118
128. Ноября 3. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель .	118—119
129. Ноября 9. Дж. Амьони кн. А. Д. Кантемиру	119—120
130. Ноября 11. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. Д. Черкасскому	120—121
131. Ноября 17. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	121—122
132. Ноября 28. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Амьони	122—123
133. Ноябрь.... Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиръ . .	123
134. Декабря 1. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель	124—125
135. Декабря 4. Дж. Амьони кн. А. Д. Кантемиру	125
136. Декабря 19. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель . .	126

№№		СТРАНИЦЫ.
137.	Декабря 24. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Амикоки	126—127
138.	Декабря 30. Гр. А. П. Остерманъ кн. А. Д. Кантемиру	127

1739.

139.	Февраля 9. Дж. Замбони кн. А. Д. Кантемиру	127—130
140.	Февраля 20. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Амикоки	130—131
141.	Марта 4. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Замбони	131—132
142.	Марта 13. Гр. А. П. Остерманъ кн. А. Д. Кантемиру	133
143.	Марта 26. Дж. Замбони кн. А. Д. Кантемиру	134—136
144.	Марта 13. Ф. М. Вольтеръ кн. А. Д. Кантемиру	136—138
145.	Мартъ... Кн. А. Д. Кантемиръ Ф. М. Вольтеру	138—140
146.	Апрѣля 2. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону	140
147.	Апрѣля 2. Дж. Амикоки кн. А. Д. Кантемиру	140—141
148.	Апрѣля 19. Ф. М. Вольтеръ кн. А. Д. Кантемиру	141—142
149.	Мая 1. Баронъ I. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	142—143
150.	Мая 1. Хр. Гольдбахъ кн. А. Д. Кантемиру	143
151.	Мая 1. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	143
152.	Мая 12. Дж. Амикоки кн. А. Д. Кантемиру	144
153.	Мая 26. Дж. Амикоки кн. А. Д. Кантемиру	144—145
154.	Мая 28. Дж. Амикоки кн. А. Д. Кантемиру	144—146
155.	Мая 29. Дж. Амикоки кн. А. Д. Кантемиру	146
156.	Юня 14. Кн. А. Д. Кантемиръ Хр. Гольдбаху	146—147
157.	Юнь. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Амикоки	147
158.	Августа 25. Г-жа Пуччи кн. А. Д. Кантемиру	147—148
159.	Сентября 8. Баронъ А. I. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	148—149
160.	Октября 6. Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Озоріо	149—151
161.	Октября 22. Аббатъ Гваско кн. А. Д. Кантемиру	151—152
162.	Ноября 3/14. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	152—153
163.	Ноября 24. Баронъ I. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	153—154
164.	Декабря 12. Кн. А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу	155
165.	Декабря 17. Кн. А. Д. Кантемиръ А. П. Волынскому	156
166.	Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Пуччи	156—157

1740.

167.	Января 14. Ан. А. Д. Кантемиръ кавалеру Вальнолю	157
168.	Января 14. Кн. А. Д. Кантемиру Эйхлеру	157—158
169.	Марта 27. Кн. А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну	158
170.	Апрѣль... Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Ф. Альгаротти	158
171.	Мая 1/12. Кн. А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу	159
172.	Мая 19. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу Э. I. Бирону	159—160
173.	Юля 7. Гр. Ф. Альгаротти кн. А. Д. Кантемиру	161
174.	Юля 21. А. Д. Кантемиръ кн. А. П. Черкасскому	161—162
175.	Юля 24. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Ф. Альгаротти	162
176.	Октября 9. Кн. А. Д. Кантемиръ барону I. А. Корфу	163

№№	СТРАНИЦЫ.
177. Ноября 13. Кн. А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну . . .	164
178. Ноября 25. Кн. А. П. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	164—165
179. Ноября 29. Хр. Ф. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	165—166
180. Декабря 15. Кн. А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну . . .	166
1741.	
181. Февраля 16. Кн. А. Д. Кантемиръ Х. Ф. Гроссу	166—167
182. Августа 15. Кн. А. П. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	167
1742.	
183. Февраля 7/18. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. М. Черкас- скому	167—168
184. Февраля 22/марта 5. С. К. Нарышкинъ кн. А. Д. Кан- темиру	168—169
185. Февраля 25. Священникъ В. Кассано кн. А. Д. Кантемиру	169—170
186. Апрельъ... Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру	170
187. Апрельъ... Кн. А. Д. Кантемиръ К. Бреверну	170
188. Апрельъ 13. І. Д. Шумахеръ кн. А. Д. Кантемиру . . .	171
189. Апрельъ... Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру	171—172
190. Мая 13/24. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку	172—173
191. Юня 4/15. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку	173—175
192. Юня 24 Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру	175—176
193. Юня 20/юля 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку . . .	176—177
194. Юля 15. Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру	177
195. Августа 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку	177—178
196. Августа 1/12. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бесту- жеву-Рюмину	178—179
1743.	
197. Января 13. Кн. А. Д. Кантемиръ И. И. Бецкому	179
198. Января 13. Кн. А. Д. Кантемиръ Бернулли	179—180
199. Января 15. А. К. Нартовъ кн. А. Д. Кантемиру	180
200. Января 20. Кн. А. Д. Кантемиръ Ф. Г. Штрубе-де- Пирмоу	181
201. Февраля 22. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	181—183
202. Февраля 27/марта 10. Кн. А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову	183
203. Марта 3/14. Кн. А. Д. Кантемиръ барону Черкасову .	184
204. Апрельъ 21. Кн. А. Д. Кантемиръ В. К. Тредіаковскому	185
205. Мая 5/16. Кн. А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову	185
206. Мая 16/27. В. К. Тредіаковскій кн. А. Д. Кантемиру .	186
207. Юня 27/юля 8. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку . . .	186—187

№№	СТРАНИЦЫ.
208. Июля 3/14. Кн. А. Д. Кантемиръ И. П. Бецкому	187—188
209. Июля 21/августа 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	188—189
210. Августа 13. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	189—190
211. Августа 18/сентября 8. Кн. А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову	190—191
212. Сентября 4/15. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	191—192
213. Ноября 18. А. К. Нартовъ кн. А. Д. Кантемиру	192—193
214. Ноября 19. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	193—194
215. Декабря 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	195
216. Декабрь... Кн. А. Д. Кантемиръ священнику В. Кассано	195—196
217. Декабря 26. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. Г. Разумовскому	196
218. Декабря 26. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	196—198
219. Декабря 27. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	198—199
220. Декабря 29. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	199

1744.

221. Января 12. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку	200
222. Января 5/16. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	201—202
223. Января 29. В. Кассано кн. А. Д. Кантемиру	202—203
224. Января 22/февраля 2. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	203—204
225. Февраля 2/13. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	204—205
226. Марта 15. В. Кассано кн. А. Д. Кантемиру	205—206

Письма безъ точной даты.

227. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	206—207
228. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	207
229. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	207
230. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	208
231. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	208
232. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	208
233. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	209
234. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	209
235. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	209—210

№№	СТРАНЦЫ.
236. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	210
237. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	210

Письма кн. А. Д. Кантемира князю И. А. Щербатову.

1739.

238. Сентября 11/22	211
239. Сентября 12/23	212
240. Октября 9	212—213
241. Октября 25 / ноября 6	213—214
(Приложеніе ст. 1 — 14)	
242. Ноября 14/25	216—217
243. Декабря 2/15	217—218
244. Декабря 23 / января 3, 1740	218—220

1740.

245. Января 19/30	220—222
246. Февраля 1/12	222
247. Февраля 23 / марта 5	222—224
248. Апрѣля 1/12	224—225
249. Мая 13/24	225—227
250. Іюня 18/29	227
251. Августа 8/19	227—228
252. Сентября 2/13	228—229
253. Ноября 4/15	229—230
254. Ноября 25 / декабря 6	230—231

1741.

255. Января 2/13	232
256. Января 2/13	233
257. Января 16/27	233—234
Января 16/27	234
258. Января 23 / февраля 3	234—236
259. Января 27 / февраля	236
260. Марта 27 / апрѣля 8	237—248
261. Марта 31	248—249
262. Апрѣля 14/25	249—251
263. Апрѣля 22 / мая 3	251—252
264. Мая 19	253—254
265. Іюня 1	254—263
266. Того же числа	263
267. Іюня 22	264

№№	СТРАНИЦЫ.
268. Юля 3	265—266
269. Юля 7	266—267
270. Юля 31	267—270
271. Августа 7	270—271
272. Сентября 4	271—272
273. Сентября 25	273—274
274. Октября 9	274—275
275. Ноября 3	276
276. Ноября 24	277—278
277. Декабря 4	278—279

1742.

278. Января 8	279—280
279. Юля 9	280—281

1743.

280. Ноября 10	281—282
281. Декабря 15	284—285

1744.

282. Января 6	285—287
283. Февраля 26	287—288
Экстрактъ изъ вѣдомостей 27/16 февраля	288—289
Экстрактъ изъ вѣдомостей 1 марта/19 февраля	289—291

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Журналь Академіи Наукъ переводчика И. Ильинскаго	295—313
Примѣчанія	314—330
Указатель	331—333

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
25	14 (снизу)	Мая 6 / 14	Мая 6 / 17.
29	10 (снизу)	Мая 3	Мая 5.
36	2 (сверху)	42. С.-Петербургъ	42. Марта 22. С.-Петербургъ.
49	2 (сверху)	Юля	Юня.
81	17 (сверху)	jnsu	jussu.
—	24	сеи	сеи.
190	8 (снизу)	Августа 8 / сентября 28	Августа 28 / сентября 8.
190	11 (снизу)	Графъ А. Н.	Графъ А. П.
220	13 (снизу)	смотри	смерти.
222	8 (сверху)	11-го	12-го.
224	15 (снизу)	22-го	12-го.
241	11 (сверху)	Квеотія	Квестія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ LXXIII, № 2.

ТРИНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1899 года.

Отчетъ и рецензіи I — V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, февраль 1903 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАП.
Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1899 г. Ордин. академикомъ М. И. Сухомлиновымъ	1— 14

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. « <i>К. Головингъ</i> : Русскій романъ и русское общество». — Рецензія К. К. Арсеньева	17— 51
II. «Сочиненія <i>К. К. Случевского</i> . Шесть томовъ. Спб. 1898». — Рецензія Н. А. Котляревскаго	52— 81
III. « <i>О. Н. Чюмина</i> (Михайлова): Стихотворенія (1892—1897 гг.)». — Рецензія Ѳ. Д. Батюшкова	82—144
IV. « <i>П. Я.</i> Стихотворенія. Спб. 1898». — Рецензія П. И. Вейнберга	145—157
V. «У синя моря, путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Спб. 1898. <i>Кн. Д. Голицына (Муравлина)</i> ». — Рецензія Н. Р. Овсянаго	158—159

ТРИНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1899 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ М. И. Сухомятинымъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ настоящемъ году поступило двадцать пять сочиненій. Изъ нихъ пять трудовъ были сняты съ конкурса и затѣмъ возвращены авторамъ, какъ не удовлетворяющіе § 9 Правиль объ означенныхъ преміяхъ, по которому Пушкинскими преміями награждаются только напечатанныя сочиненія. Семь устранины, какъ не удовлетворяющіе существеннымъ требованіямъ конкурса. Два сочиненія были отложены до слѣдующаго присужденія, 1901 года, какъ поступившія послѣ установленнаго Правилами срока, и три — за неполученіемъ къ назначенному сроку о нихъ отзывовъ рецензентовъ — отложены до того же времени. Такимъ образомъ принятыми на соисканіе Пушкинскихъ премій оказалось всего восемь трудовъ. Для разсмотрѣнія означенныхъ сочиненій, а также для обсужденія правъ авторовъ ихъ на награжденіе премією была образована, на основаніи § 11 Правиль, особая Комиссія, въ составъ которой вошли, кромѣ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, и

посторонніе ученые и литераторы, принявшіе на себя по просьбѣ Отдѣленія составленіе критическихъ разборовъ конкурсныхъ трудовъ: Д. В. Аверкіевъ, К. К. Арсеньевъ, О. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Н. А. Котляревскій, Н. Р. Овсяный и П. А. Ровинскій. Къ сожалѣнію, по случаю отъѣзда и по другимъ причинамъ, К. К. Арсеньевъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и П. А. Ровинскій—не могли присутствовать въ засѣданіи Комиссіи. Изъ упомянутаго числа сочиненій Комиссіею было признано большее или меньшее право на полученіе премій лишь за пятью. Вопросъ о правѣ каждаго изъ этихъ сочиненій рѣшался закрытою баллотировкою, въ которой принимали участіе: Его Императорское Высочество Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ, всѣ члены Отдѣленія русскаго языка и словесности и прибывшіе по приглашенію Отдѣленія гг. рецензенты.

Приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ краткіе отзывы о пяти сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

*„Русскій романъ и русское общество“. К. Головина.
(СПБ. 1897 г.).*

Сочиненіе К. Головина: «Русскій романъ и русское общество» — состоитъ изъ четырехъ частей, озаглавленныхъ такимъ образомъ: романтизмъ; сороковые года; эпоха «бури и натиска» и современное затишье. Трудъ г. Головина принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій современной литературы и по выбору предмета, и по мѣткости и независимости сужденій. Какъ содержаніе, такъ и изложеніе книги доказываетъ, что авторъ обладаетъ и полнымъ знаніемъ дѣла и несомнѣннымъ талантомъ. Отзывы г. Головина о русскихъ писателяхъ отличаются и

серьезностью мысли, и своеобразностью и умѣлымъ выборомъ чертъ для яркой характеристикки различныхъ направлений и ихъ представителей. По спорному вопросу о тенденціозности и художественности литературныхъ произведеній онъ высказываетъ слѣдующее: «Наша литература всегда отличалась богатствомъ внутренняго содержанія. Даже въ самыхъ грубыхъ ея произведеніяхъ, даже въ тѣхъ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ протокольнаго матеріализма, чувствуется, хотя бы затасанное, стремленіе къ идеалу. Нашъ романъ гораздо чаще грѣшилъ неряшливостью формы, отсутствіемъ художественной отдѣлки, чѣмъ холоднымъ безучастіемъ къ жизненному горю и бѣдностью идейныхъ мотивовъ. Русскіе беллетристы иногда хвалились своимъ презрѣніемъ къ изяществу, возводили даже неряшливость въ культъ, но равнодушными протоколистами или сибаритами эстетики они не были никогда. Въ этомъ, быть можетъ, ихъ недостатокъ, но въ то же время, ихъ заслуга. Идеалы и симпатіи, за одно съ поколѣніями, смѣняли другъ друга, но даже въ эпоху господства у насъ самаго грубаго реализма наша литература не переставала служить идеальнымъ стремленіямъ, хотя, на словахъ, она, можетъ быть, и открещивалась отъ самаго понятія объ идеалѣ.

И вотъ въ самые послѣдніе годы намѣчается въ ней что-то новое, до сихъ поръ невиданное. Цѣлая группа писателей, не лишенныхъ дарованія и встрѣчающихъ среди публики сочувствіе, какъ бы на зло всему нашему прошлому, силится показать, что содержаніе литературнаго произведенія безразлично и предметъ творчества можетъ быть что угодно. Нѣтъ, по ихъ мнѣнію, никакой надобности одухотворять идеей причудливаго созданія фантазіи или воспроизведенія схваченной на лету жизненной мелочи. Лишь бы ярокъ, и красивъ былъ полученный образъ, — нѣтъ надобности доискиваться его смысла, требовать отъ художника глубокаго захвата жизни или сильной работы ума, а тѣмъ менѣе отзывчивости сердца. Душа его можетъ оставаться совершенно невозмутимою, лишь бы онъ обладалъ способностью па-

блюдать зорко и выпукло рисовать. Мелкая жанровая картина, даже эскизь, не менѣ цѣнны, чѣмъ картина, потрясающая насъ драматизмомъ содержанія. Анекдотъ не менѣ достоинъ интересовать насъ, чѣмъ жизненная драма. И наше разсѣянное, вѣчно торопящееся среди бездѣлья общество потворствуетъ этому новому направленію, повидимому находя удовольствіе въ бѣглыхъ наброскахъ, не тревожащихъ ни ума, ни сердца. Измельчавшему обществу, очевидно, по вкусу и мелкое художество.

Говоря это, я вовсе не хочу выступить защитникомъ тенденціозности. Нѣтъ никакой надобности подмѣнять въ искусствѣ художественное мѣрило инымъ — политическимъ, социальнымъ, или даже нравственнымъ. Нѣтъ надобности уже по той причинѣ, что всякая тенденціозность ради служенія излюбленной цѣли по необходимости исключаетъ всякую иную. Свойство партій—быть нетерпимой; и тенденціозность не только влечетъ за собою подчиненіе искусства ничего не имѣющимъ съ нимъ общаго доктринамъ, но изъ этихъ доктринъ она выбираетъ себѣ одну, непременно только одну, отрицая законность всѣхъ остальныхъ. А кто станетъ судьей между разнородными ученіями? Кто рѣшится признать за любимъ изъ нихъ преимущество безусловной правды? Роль искусства, его самостоятельная, вполнѣ законная роль,— въ томъ лишь, чтобы возсоздавать въ художественномъ образѣ явленія жизни, и притомъ въ одинаковой мѣрѣ жизни виѣшней, бытовой и внутренней, идейной. А если бы кто-нибудь вздумалъ потребовать отъ меня точнаго опредѣленія эпитета «художественный», я бы сказалъ, что тотъ образъ въ дѣйствительности заслуживаетъ этого названія, который совмѣщаетъ въ себѣ два условія—типичность, то есть ширину воспроизводимаго явленія, и красоту формы, въ которую оно выливается. Когда Бѣлинскій возставалъ противъ безсодержательной литературы и хотѣлъ оживить беллетристику, сдѣлавъ изъ нея выразительницу общественнаго миѣнія, его воодушевлялъ чистый идеализмъ сороковыхъ годовъ, стремившійся вызвать среди русскаго общества просвѣтительное движеніе. Но далеко не такимъ было движеніе

шестидесятихъ годовъ. Оно выиграло въ опредѣленности, но зато прикрашивало такими словами, какъ гуманность и прогрессъ, дѣло одной партіи, даже одного класса. Когда искусство проникается тенденціозностью, т. е. становится орудіемъ извѣстной партіи, оно по необходимости заражается всею страстностью, всею односторонностью политической борьбы. Подчиненіе искусства высшимъ началамъ прогресса и правды является задачей недостигаемой. И убѣждаетъ насъ въ этомъ, между прочимъ, одно чрезвычайно характерное явленіе. Тѣ самые писатели, которые всего громче требуютъ, чтобы искусство прониклось тенденціозностью, или, какъ они любятъ выражаться, идейностью, обыкновенно приходятъ въ негодованіе, какъ скоро тотъ же пріемъ пускается въ ходъ беллетристами иного направленія».

Разсматривая литературную дѣятельность графа Л. Н. Толстого въ ея различные періоды, авторъ книги: «Русскій романъ и русское общество» говоритъ: «Геніальные писатели зачастую пріобрѣтаютъ особенную власть надъ умами какъ разъ тогда, когда они ошибаются. Этотъ, съ виду парадоксальный, афоризмъ какъ нельзя лучше подтвердился на графѣ Львѣ Толстомъ».

Пока онъ былъ только величайшимъ художникомъ своего времени, его, правда, окружала слава, но толпа за нимъ не шла.

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что два его знаменитыхъ романа, особенно второй, не были среди русской публики даже оцѣнены по достоинству. Но картина сразу перемѣнилась, какъ скоро Толстой выступилъ въ роли учителя-моралиста, скажу болѣе, — въ качествѣ основателя религіи. Одновременно плѣнять умы и поработать сердца, быть первымъ среди людей своего времени и владѣть ключами вѣчности — это, извѣстное дѣло, самая высокая степень человѣческаго честолюбія. Но я охотно допущу, что Толстого соблазнилъ не блестящій призракъ духовной власти и что онъ совершенно чистосердечно задался мыслью обновить нравственность современниковъ, съ той минуты, какъ ему показалось, что онъ прозрѣлъ насчетъ собственной души. Три разнородныхъ корня философіи Толстого — буддизмъ,

Французскій рационализмъ и народничество, — переплелись между собою такъ крѣпко, что кажутся совершенно объединенными. Они приходятъ другъ къ другу на помощь, пополняя недостатки каждаго.

Критическое разсмотрѣніе книги г. Головина принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія, К. К. Арсеньевъ.

По замѣчанію г. рецензента, нѣкоторыя изъ національных видоизмѣненій романтизма указаны г. Головинымъ весьма мѣтко; но въ отдѣлѣ, посвященномъ эпохѣ «бури и натиска», т. е. шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ, не соблюдена симметрія. Нарушеніе ея г. рецензентъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, что, говоря его словами, «романъ Чернышевскаго: *Что дѣлать*, вовсе не замѣчательный, какъ художественное произведеніе, а какъ profession de foi, представляющій собою только резюме журнальныхъ статей его автора, излагается и разбирается въ нѣсколько разъ подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, *Дворянское инъздо*, *Братья Карамазовы* или *Анна Каренина*. Отъ критика, видящаго преимущественно слабыя стороны движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, нельзя ожидать большого сочувствія къ Салтыкову; тѣмъ болѣе отрадное впечатлѣніе производитъ сравнительное безпристрастіе, съ которымъ говорить о немъ г. Головинъ. Можно, конечно, не соглашаться съ г. Головинымъ, когда онъ сожалеетъ, что весь огромный талантъ Щедрина пошелъ на борьбу со злобою дня, на такой односторонній и узкій видъ творчества, какъ сатира (стр. 272), но хорошо уже и то, что онъ признаетъ Салтыкова, какъ автора сказокъ и какъ создателя *Гудушки*, *Разумова*, *Утробинныхъ*, крупнымъ художникомъ и глубокимъ психологомъ»....

Указавши какъ достоинства, такъ и недостатки разбираемаго труда, почтенный рецензентъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Русскій романъ XIX вѣка, въ особенности если разсматривать его въ связи съ различными фазами общественнаго развитія, такъ близокъ къ намъ, что для исторіи его, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, еще не наступило время. Не-

удивительно, что книга г. Головина посятъ на себѣ ясный отпечатокъ симпатій и антипатій автора; неудивительно и то, что вниманіе его распредѣлено неравномѣрно между различными частями его темы. Ему удалось написать живую картину одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ русской жизни—картину тѣмъ болѣе цѣнную, что до сихъ поръ, въ такомъ объемѣ и въ такихъ предѣлахъ, ее не рисовалъ никто. Это — его безспорная и немалая заслуга».

Комиссія признала трудъ г. Головина заслуживающимъ *половинной преміи* имени А. С. Пушкина.

II.

„Сочиненія“ *К. К. Случевского* (въ 6 томахъ, изд. Маркса, СПБ. 1898 г.).

Рецензія составлена Н. А. Котляревскимъ, весьма подробно разсмотрѣвшимъ какъ поэтическія, такъ и прозаическія произведенія автора и указавшимъ ихъ значеніе въ нашей литературѣ. Опредѣляя существенныя особенности автора какъ поэта и какъ мыслителя, избранный Отдѣленіемъ г. рецензентъ говоритъ: «Сочиненія К. К. Случевского — итогъ поэтического творчества за многіе годы. Имя нашего поэта появилось впервые въ печати въ 50-тыхъ годахъ, въ литературную эпоху, которая теперь отошла уже въ область воспоминаній; это не мѣшаетъ, однако, г-ну Случевскому оставаться до нашихъ дней въ ряду писателей современныхъ, т. е. такихъ, которые живутъ не на проценты нѣкогда пріобрѣтеннаго богатства впечатлѣній, образовъ, чувствъ и мыслей, а стремятся включить въ свое поэтическое міросозерцаніе то новое, что имъ даетъ переживаемая ими минута».

Поэзія г-на Случевскаго прежде всего поражаетъ разнообразіемъ своего содержанія. Въ ней нѣтъ ни повторяющейся переработки нѣкогда сложившихся взглядовъ, ни подновленія старыхъ красокъ и образовъ. Поэтъ даетъ полную, безграничную свободу своей мысли и фантазіи и требуетъ отъ нихъ только, чтобы онѣ въ своемъ полетѣ коснулись возможно большаго количества вопросовъ и сторонъ жизни. Въ итогѣ получаютъ необычайно пестрыя картины, необычайно разнообразныя отзвуки на всѣ впечатлѣнія бытія, и прошлаго, и настоящаго и даже предполагаемаго. Такое стремленіе поэта ко всему въ жизни прислушаться, обо всемъ помечтать и поразмыслить, а главное, обо всемъ сказать свое слово — отражается, конечно, иногда не вполне выгодно на законченности и пластичности его художественныхъ образовъ, на выдержанности и глубинѣ настроенія, — но эти недостатки искупаются однимъ большимъ преимуществомъ: г-нъ Случевскій остается живымъ среди живыхъ людей; для наслажденія его творчествомъ нѣтъ необходимости настраивать себя на извѣстный ладъ, и въ его поэзии найдутъ и родственное, и дорогое люди разныхъ возрастовъ, темпераментовъ и взглядовъ.

Нашъ авторъ можетъ смотрѣть безъ тайнаго сожалѣнія и безъ тайной зависти, какъ его словами, —

Въ работѣ робкой и безмолвной,
 Людскому глазу не видна,
 Жизнь сыплеть всюду горстью полной
 Свои живыя сѣмена!

Кромѣ способности подбирать живыя сѣмена жизни, я долженъ указать съ самаго начала еще на одно достоинство въ творествѣ г-на Случевскаго. Онъ, какъ поэтъ, никогда не жилъ на чужой счетъ.

Г-нъ Случевскій началъ свою дѣятельность въ тѣ годы, когда была еще очень свѣжа память о поэзіи Лермонтова. Его дарованіе крѣпло и развивалось въ сосѣдствѣ съ такими талантами, какъ Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Алексѣй Толстой

и Полонскій. Ни у кого изъ нихъ нашъ писатель не бралъ на прокатъ ни темъ, ни манеры, ни стиха.

Въ поэтическомъ творествѣ нашего автора есть много свободныхъ совпадений съ пѣснями его современниковъ, но тотъ, кто знакомъ со стихотвореніями г-на Случевского, согласится, что никогда такое совпаденіе не падаетъ до степени пѣсни съ чужого голоса и часто можетъ выдержать любое сравненіе.

Въ стихотворной рѣчи нашего автора есть нѣкоторые недостатки частнаго характера; чувствуется, напр., недостатокъ музыкальности, попадаются прозаическія сравненія, необычныя ударенія, проскальзываютъ не у мѣста русскія простонародныя выраженія, которыя сбиваютъ стихотвореніе съ тона.

Гораздо важнѣе другой недостатокъ и онъ относится уже не къ внѣшней, а къ внутренней формѣ творчества г-на Случевского. Въ его поэзіи ощущается иногда недостатокъ силы, силы чувства, мысли, образности, въ особенности замѣтной въ виду серьезности и важности затрогиваемыхъ имъ вопросовъ. Часто не поэтъ владѣетъ темой, а она имъ, и авторъ безсиленъ покорить себѣ читателя.

Поэзія г-на Случевского одинаково далека отъ индифферентнаго эстетизма и отъ слишкомъ на интересъ бьющаго реализма. Нашъ поэтъ сталъ къ жизни не на такое далекое разстояніе, чтобы, оглядываясь кругомъ, не увидать ничего, кромѣ пустого пространства и своей собственной особы, и онъ не сталъ къ ней также настолько близко, чтобы видѣть лишь одну какуюнибудь деталь. У него есть, чему поучиться въ наше время миниатюрныхъ фотографій и туманныхъ пятенъ въ литературѣ.

Комиссія признала Сочиненія К. К. Случевского заслуживающими почетнаго отзыва.

III.

„Стихотворенія“ О. Чюминой. 1892—1897 г. (СПБ. 1897).

Обширный критическій разборъ стихотвореній О. Чюминой составленъ, по просьбѣ Отдѣленія, Ѳ. Д. Батюшковымъ.

Мы должны заявить съ признательностью, что г. рецензентъ отнесся въ высшей степени серьезно къ принятой имъ на себя задачѣ. Выводы его основаны на самомъ тщательномъ сравненіи переводовъ г-жи Чюминой съ ихъ оригиналами, число которыхъ весьма велико. Въ собраніи стихотвореній г-жи Чюминой помѣщены ея переводы изъ Лонгфелло, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Роберта Бёрнса, Гаммерлинга, Теофила Готье, Сюлли Прюдона и т. д. Выборъ и обиліе переводовъ послужили г-ну рецензенту поводомъ къ такому заключенію: «Вообще говоря, если справедливо было замѣчено о поэтахъ, не только съ среднимъ, но и съ крупнымъ дарованіемъ, что они должны придерживаться извѣстной области, которая по преимуществу имъ свойственна, чтобы достигъ успѣшныхъ результатовъ, то настоящее замѣчаніе примѣнимо и къ художественнымъ переводамъ иностранныхъ произведеній. Нельзя *всѣхъ* переводить, и въ этомъ смыслѣ, попытка г-жи Чюминой дать въ переводахъ какъ бы антологию поэтовъ разныхъ націй и разныхъ направленій, въ цѣломъ не привела къ вполне удовлетворительнымъ результатамъ: въ букетѣ отдѣльные цвѣты утратили свою оригинальность; они приняли одноформенный характеръ и внѣшнее разнообразіе темъ оказалось въ ущербъ качественной обработкѣ многихъ изъ произведеній въ отдѣльности. Не смотря, однако, на неровности выполненія, несмотря на предѣльность таланта г-жи Чюминой, у нея есть положительныя качества и нѣчто «свое». Это «свое» не особенно глубоко и, не отличаясь ни новизной, ни особой оригинальностью, тѣмъ не менѣе составляетъ вполне по-

чтенное дарованіе; она владѣеть гладкимъ, ровнымъ стихомъ, — нѣсколько одноформеннымъ, монотоннымъ, но, въ общемъ, правильнымъ — т. е. безъ насилій надъ языкомъ. Ея фраза — въ стилѣ прежнихъ романтиковъ, къ которымъ она близка и по общему настроенію своей поэзіи. Возвышенныя мысли, — но нѣсколько шаблоннаго характера, чувствительность, не чуждая нѣкотораго оттѣнка сентиментальности, удачныя порой сравненія — но слабость образной концепціи, бѣглый стихъ — но нѣкоторая вялость фразы и недостаточная отчетливость выраженія, вотъ, въ общемъ, положительныя и отрицательныя стороны таланта г-жи Чюминой, если принять во вниманіе «свое» и «чужое» въ ея сборникѣ, «чужое», изъ котораго она не разъ пыталась сдѣлать «свое сокровище». Придерживаясь строже границъ своего таланта, она, несомнѣнно, можетъ сдѣлать еще много полезныхъ вкладовъ въ нашу художественную переводную литературу, но и многое изъ даннаго ею въ настоящемъ сборникѣ заслуживаетъ одобренія.... Плавный стихъ, нѣсколько деталей, изящно переданныхъ, и общее настроеніе мечтательно грустное, — вотъ главныя свойства поэзіи г-жи Чюминой. Она не нова — ни по темамъ, ни по формѣ выраженія, но свидѣтельствуешь объ извѣстной сердечной чуткости и отзывчивости. Къ поэтическому чувству г-жи Чюминой можно примѣнить слѣдующую ея же собственную характеристику первой любви:

Не порывомъ страсти, бурнымъ и мятежнымъ,
 Какъ лѣсныя грозы, — было чувство это:
 Отъ него мнѣ вѣтъ чѣмъ-то милымъ, нѣжнымъ,
 Чѣмъ-то гармоничнымъ, какъ мечта поэта».

Комиссія признала Стихотворенія г-жи Чюминой заслуживающими почетнаго отзыва.

IV.

П. Я. „Стихотворенія“ (СПБ. 1898 г.).

Рецензія на эту книгу принадлежит П. И. Вейнбергу. Г-нъ рецензентъ находитъ, что общій колоритъ книги двоякій: скорбный, пессимистическій, и свѣтлый, съ красками оптимизма. Первый преобладающій, опредѣляется словами автора уже въ «посвященіи», что его пѣсни «создавались изъ слезъ и изъ крови сердечной». Но эта скорбь — по крайней мѣрѣ въ большинствѣ стихотвореній, и притомъ самыхъ выдающихся, — не скорбь общая, человѣческая, эта поэзія — не поэзія «міровой скорби» въ общепринятомъ ея значеніи; собственное я автора, стоящее здѣсь на первомъ планѣ, не есть то я лирическаго поэта, которое этотъ послѣдній — какъ дѣлаютъ всѣ великіе поэты этой категоріи — расширяетъ въ я всего человѣчества; скорбь нашего автора, при своей строгой субъективности, при обниманіи ею, по своему содержанию, извѣстнаго круга людей, несущихъ такія же страданія, какія выпали на долю поющаго о нихъ здѣсь поэта, есть скорбь, имѣющая совершенно спеціальныи характеръ, потому что и сами эти страданія, такъ сказать, спеціальныя, которымъ подвержено не все человѣчество, а только опредѣленная часть его, и подвержена не по общимъ міровымъ законамъ, а вслѣдствіе особыхъ, тоже спеціальныхъ обстоятельствъ и причинъ.... То, о чемъ онъ поетъ, пѣлось уже многими и на многіе лады, и нѣкоторыя стихотворенія г. *П. Я.* явно отзываются подражаніемъ — можетъ быть, и неумышленнымъ — Некрасову, или, по крайней мѣрѣ, посятъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія этого поэта. Для того же, чтобы «перепѣвъ» получилъ право гражданства въ художественномъ отношеніи, нужно, чтобы отсутствіе новизны въ содержаніи и тонѣ возмѣщалось оригинальностью, силою, богатствомъ внѣшней формы, т. е. собственно стиха. Въ этомъ

отношеніи работа нашего автора представляетъ немного выдающагося.... Возможно расходиться съ авторомъ въ убѣжденіяхъ, признавать его взгляды несправедливыми въ ихъ широкомъ обобщеніи, но никто не найдетъ въ немъ напускной, искусственной гражданской скорби, никто не станетъ отрицать поэтической искренности его чувствъ.

Комиссія признала «Стихотворенія» г. П. Я. заслуживающими почетнаго отзыва.

V.

„Усня Моря, путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья“ (СПБ. 1898 г.), кн. Д. Голицына (Муравлина).

По просьбѣ Отдѣленія разборъ книги князя Д. Голицына (Муравлина) принялъ на себя Н. Р. Овсяный. Г-нъ рецензентъ прочиталъ Комиссіи слѣдующій отзывъ: «Совершивъ три поѣздки въ Далмацію и Черногорію, князь Д. Голицынъ (Муравлинъ) задался мыслью познакомить русскаго читателя съ этими прекрасными странами дальняго славянскаго юга, вызвать въ немъ желаніе посѣтить ихъ и пробудить сочувствіе къ живущимъ тамъ нашимъ родичамъ. Послѣдствіемъ этого явилась роскошно изданная книга: «У сная моря», снабженная множествомъ прекрасныхъ фототипій.

Книга отличается живымъ и яркимъ изложеніемъ; картины природы и характеристики написаны сочною кистью и даже, мѣстами, производятъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно описаній посѣщенія авторомъ Острожскаго монастыря и нѣкоторыхъ лицъ черногорскаго духовенства, приближающихся, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, къ чисто евангельскимъ типамъ. Словомъ, въ литературномъ отношеніи книга кн. Голицына представляетъ собою талантливое и оригинальное произведеніе.

Но видимое недостаточное знакомство автора съ языкомъ и нравами славянскихъ земель послужило причиною поверхностности его наблюденій. Народа, его нравовъ и обычаевъ мы почти не видимъ въ книгѣ кн. Голицына, и потому у читателя остается ощущение неудовлетворенности. Общая же характеристика Черногоріи грѣшнѣе изобиліемъ розовой краски.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ книга «У синя моря» является пріятнымъ и полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу. Она способна пробудить хорошія и желательныя, съ русской точки зрѣнія, чувства въ читателѣ, особенно же въ подростящемъ поколѣніи. И если вспомнимъ завѣтъ нашего великаго поэта, выраженный въ словахъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,—

то мнѣ кажется, нельзя не признать кн. Голицына, за его сочиненіе «У синя моря», заслуживающимъ поощренія.

Комиссія признала Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья кн. Голицына заслуживающими *почетнаго отзыва*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою признательность за содѣйствіе при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій, постановило выдать по золотой Пушкинской медали гг. рецензентамъ: Д. В. Аверкіеву, К. К. Арсеньеву, Ѳ. Д. Батюшкову, П. И. Вейнбергу, профессору Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ въ Москвѣ А. Н. Веселовскому и Н. А. Котляревскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I — V.

I.

К. Головинъ. Русскій романъ и русское общество.

Задача этой книги выражена довольно ясно въ ея заглавіи. К. Головинъ разсматриваетъ русскій романъ преимущественно какъ отраженіе различныхъ теченій, существовавшихъ и существующихъ въ русскомъ обществѣ. Эта основная точка зрѣнія обуславливаетъ собою предѣлы, за которые рѣдко выходитъ авторъ. Онъ не излагаетъ біографію романистовъ, отчасти, конечно, потому, что предполагаетъ ее общезвѣстною, но отчасти и потому, что его интересуетъ не столько личность писателей, сколько отношеніе ихъ къ главнѣйшимъ факторамъ общественной жизни. Онъ отводитъ мало мѣста эстетической критикѣ не потому, чтобы онъ отрицалъ или умалялъ значеніе формы въ художественномъ творчествѣ¹⁾, но потому, что общій замыселъ его труда выдвигаетъ на первый планъ *содержаніе* беллетристическихъ произведеній. Само собою разумѣется, что недостаткомъ,

1) «Роль искусства»,—говоритъ г. Головинъ, — «въ томъ, чтобы воссоздавать въ художественномъ образѣ явленія жизни... Названія *художественный* заслуживаетъ тотъ образъ, который совмѣщаетъ въ себѣ типичность, т. е. ширину воспроизводимаго явленія, и красоту формы».. «Какъ бы мы ни цѣнили высоту и благородство художественнаго замысла, въ своей оцѣнкѣ произведенія мы все-таки придерживаемся эстетическаго мѣрила и требуемъ, чтобы оно доставляло вамъ художественное удовольствіе» (стр. III—IV, 157).

ошибкой такую постановку работы считать нельзя. Авторъ имѣетъ полное право сосредоточить свое вниманіе на одной сторонѣ избраннаго имъ предмета, въ особенности столь обширнаго и крупнаго, какъ исторія русскаго романа на пространствѣ цѣлаго столѣтія. Подчеркнуть границы, въ которыя заключена книга г. Головина, мнѣ казалось необходимымъ только для того, чтобы установить рамки критическаго ея разбора.

«Наша литература», — читаемъ мы въ предисловіи г. Головина (стр. II), — «всегда отличалась богатствомъ внутренняго содержания... Нашъ романъ гораздо чаще грѣшилъ отсутствіемъ художественной отдѣлки, чѣмъ холоднымъ безучастіемъ къ жизненному горю и бѣдностью идейныхъ мотивовъ». Сочувствуя этой характеристической чертѣ русскаго романа, г. Головинъ считаетъ нужнымъ объяснить, что онъ вовсе не намѣренъ выступать защитникомъ тенденціозности. «Нѣтъ надобности», говоритъ онъ, «подмѣнять въ искусствѣ художественное мѣриломъ — политическимъ, социальнымъ или даже нравственнымъ, нѣтъ надобности уже по той причинѣ, что всякая тенденціозность ради служенія излюбленной цѣли по необходимости исключаетъ всякую иную. Свойство партіи — быть нетерпимой, и тенденціозность не только влечетъ за собою подчиненіе искусства ничего не смѣющимъ съ нимъ общаго доктринамъ, но изъ этихъ доктринъ она выбираетъ себѣ одну, непременно только одну, отрицая законность всѣхъ остальныхъ. А кто станетъ судьей между разнородными ученіями? Кто рѣшится признать за любымъ изъ нихъ преимущество безусловной правды?» (стр. III). Къ этой мысли авторъ возвращается еще не разъ, по разнымъ поводамъ. Разматривая движеніе шестидесятыхъ годовъ, онъ повторяетъ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, осужденіе тенденціозности, какъ начала враждебнаго «единодушному служенію общей идеѣ правды» и вносящаго въ искусство «неразрѣшимое разногласіе нѣсколькихъ противоположныхъ лагерей» (стр. 155). Въ разборѣ «Пошехонской старинны» Салтыкова встрѣчается слѣдующее разсужденіе: «неизбѣжная судьба тенденціозной бел-

летристки заключается въ томъ, что мы не можемъ предъявлять къ ней лишь требованій чисто литературнаго свойства, а вынуждены разсматривать ее съ точки зрѣнія строгой правдивости. И благодаря тому, что правда и справедливость для тенденціозности недоступна, она и заключаетъ въ себѣ неизбѣжное внутреннее противорѣчіе, ставя себѣ задачу, которую выполнить не въ силахъ» (стр. 272). Протестуя противъ *замѣны* художественнаго мѣрила какимъ-либо инымъ, г. Головинъ допускаетъ, однако, *дополненіе* его другими, и притомъ такъ, что на сторонѣ послѣднихъ оказывается господствующее значеніе. «Не безразлично», восклицаетъ онъ, «служить ли талантъ на пользу обществу или только на его потѣху. Нельзя поставить на одинъ уровень удовольствіе, доставляемое намъ виѣшнимъ изяществомъ формы, и то высшее наслажденіе, какое вызываетъ въ насъ художественное произведеніе, глубоко потрясающее душу и сильно возбуждающее мысль. Въ твореніяхъ искусства нельзя отдавать предпочтенія содержанію передъ формой; иначе пришлось бы совершенство техники, умѣнье добиваться виѣшнихъ эффектовъ приравнять по достоинству къ глубинѣ мысли, влиявшей въ художественные образы.... Критика въ своихъ сужденіяхъ вынуждена строго отличать два понятія: право художника такъ или иначе относиться къ задачамъ искусства и сравнительную высоту его пониманія этихъ задачъ. Требовать отъ него глубины мысли, силы чувства, высокаго нравственнаго идеала мы не можемъ; но смотря по тому, въ какой мѣрѣ проявляются у него эти качества, мы отмѣчаемъ для него подобающее мѣсто среди его собратій.... Что наличность идеи въ созданіи искусства и загѣмъ свойство этой идеи возвышаютъ его въ нашихъ глазахъ, это явствуетъ уже изъ превосходства духовной природы человѣка надъ физической.... Изъ двухъ равныхъ по силѣ художественныхъ произведеній развѣ не лучше и не выше будетъ то, которое доставитъ не только наслажденіе, но и пользу?.... Если не можетъ быть и рѣчи про обязательное служеніе литературы нравственнымъ идеаламъ, мы вправѣ отдавать

первое мѣсто тѣмъ изъ ея представителей, которые не только плѣняютъ наше воображеніе, не только занимаютъ нашъ умъ, но и согрѣваютъ наше сердце» (стр. 157—160).

Значеніе тенденціи въ искусствѣ—вопросъ до крайности сложный и спорный. Не входя въ разборъ его по существу, замѣчу только, что между двумя группами аргументовъ, выставленными г. Головинымъ, существуетъ нѣкоторое противорѣчіе. Если цѣнность художественнаго произведенія зависятъ, между прочимъ, отъ «свойства вложенной въ него идеи», если талантъ, приносящій *пользу*, выше того, который доставляетъ только потѣху, если мѣсто художника среди его собратій опредѣляется глубиною его мысли и силою его чувства, то какимъ же образомъ можно ожидать отъ искусства, въ лучшихъ его проявленіяхъ, «единодушнаго служенія общей идеѣ правды»? Какимъ образомъ можно предполагать, что въ сферу искусства не проникнетъ борьба, происходящая въ дѣйствительной жизни? Вѣдь *глубина мысли* неразрывно связана съ ея индивидуальностью, а индивидуальность исключаетъ общность, обыкновенно граничащую съ банальностью. *Сила чувства* обусловливается отчасти силою встрѣчаемаго имъ противодѣйствія и, слѣдовательно, также далеко не всегда совмѣстна съ его общераспространенностью. Гдѣ, притомъ, та «общая идея правды», которой можетъ «единодушно служить искусство?» «Въ области чистаго мышленія», говоритъ г. Головинъ (стр. 155), «спорящіе преклоняются передъ логикою очевидныхъ истинъ; въ области нравственныхъ понятій свойственное всѣмъ людямъ если не тождественное, то по крайней мѣрѣ однородное чувство подсказываетъ рѣшеніе болѣе или менѣе убѣдительное для всѣхъ». Съ первымъ изъ этихъ двухъ положеній нельзя не согласиться, но вѣдь искусство не имѣетъ дѣла ни съ «логикою очевидныхъ истинъ», ни съ «областью чистаго мышленія»; оно непричастно къ единомыслию, достижимому для точной науки. Второе положеніе требуетъ очень большихъ оговорокъ. Между нравственными понятіями мало неизблемыхъ и неизмѣнныхъ: они развиваются, исчезаютъ, возника-

ютъ вновь и возбуждаютъ, сплошь и рядомъ, далеко не однородныя чувства. Что касается до вопросовъ политическихъ и социальныхъ, то невозможность пріискать для нихъ «общее мѣрило», подчинить ихъ «какому-либо безусловному, всѣми признанному началу» признаеть и самъ г. Головинъ. А между тѣмъ, они всегда ставились и разрѣшались въ произведеніяхъ искусства, неотвратимо внося въ его сферу элементъ разномыслія и разногласія. Уже Эсхилъ, въ своихъ «Эвменидахъ», изобразилъ борьбу между старымъ и новымъ, Софокль, въ своей «Антигонѣ — борьбу между формальнымъ и нравственнымъ закономъ; и такая борьба несомнѣнно происходила въ дѣйствительности, окружавшей и вдохновлявшей обоихъ поэтовъ. Еще яснѣе взаимодѣйствіе между жизнью и искусствомъ сказалось въ комедіяхъ Аристофана. Единственное основаніе, во имя котораго г. Головинъ осуждаетъ тенденціозность, падаетъ, такимъ образомъ, само собою. Какъ только въ искусство проникаетъ «глубокая мысль», оно перестаетъ служить орудіемъ «единодушнаго служенія общей идеѣ». Художникъ, если онъ не только мастеръ формы, является человѣкомъ своей эпохи; стоя посреди сталкивающихся ея теченій, онъ не всегда можетъ сохранить между ними осторожный или высокоумѣрный нейтралитетъ. Степень увлеченія его однимъ изъ нихъ зависеть отъ его натуры: мягкій и кроткій, онъ готовъ признать хорошія стороны своихъ противниковъ—страстный и пылкій, онъ «отрицаетъ законность» всѣхъ доктринъ, кромѣ одной, которой онъ предался всѣмъ сердцемъ. Съ особенною настойчивостью г. Головинъ указываетъ на то, что нѣкому стать рѣшителемъ спора между различными тенденціями, нѣкому сказать, на чьей сторонѣ «безусловная правда». Но вѣдь такое рѣшеніе не только невозможно — оно и не нужно. Борьба идетъ между *сторонами*, изъ которыхъ ни одна не претендуетъ на роль *судьи*; приговоръ произносится гораздо позже, не современниками, а потомствомъ, исторіей.

Понятіе о тенденціи и тенденціозности установлено еще не такъ прочно, чтобы можно было оперировать съ нимъ какъ съ

чѣмъ-то общезвѣстнымъ, вполнѣ опредѣленнымъ. Отводя ему видное мѣсто въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ, г. Головинъ не объяснилъ, что именно онъ разумѣетъ подъ словами, допускающими весьма различное толкованіе. Тенденціозно ли, въ его глазахъ, всякое произведеніе, авторъ котораго *хочетъ* сообщить другимъ свое чувство, свое настроеніе, или только то, въ которомъ это желаніе бѣетъ черезъ край, нарушая жизненность образовъ и стройность формы? Другими словами, совмѣстимо ли творчество съ элементомъ сознательности и намѣренности, и если совмѣстимо, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ предѣлахъ? Что анти-художественно: самое стремленіе увлечь, потрясти, убѣдить читателей, или только крайняя его степень, обращающая поэта въ проповѣдника или публициста? Не зависитъ ли здѣсь многое съ одной стороны отъ важности идеи, лежащей въ основаніи тенденціи, съ другой — отъ искренности и глубины увлеченія, съ которымъ она проводится? Когда тенденціозность граничитъ съ дидактичностью, когда не имѣетъ съ нею ничего общаго? Всѣхъ этихъ вопросовъ г. Головинъ не разрѣшаетъ и даже прямо не ставитъ, хотя подходитъ къ нимъ иногда весьма близко. Отсюда противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что, высказываясь противъ тенденціозности и какъ будто исключая ее изъ области искусства, г. Головинъ усматриваетъ ее не только у Достоевскаго, но и въ тѣхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого, которыя составляютъ «высшую точку» нашей беллетристики: въ «Войнѣ и Мирѣ» и «Аниѣ Карениной». Въ одномъ мѣстѣ г. Головинъ называетъ «заднія» или «тенденціонныя» мысли¹⁾ «Войны и мира» «простымъ паростомъ на колоссальномъ здоровомъ тѣлѣ, который можно спясть, какъ мохъ на стволѣ, не повредивъ коры» (стр. 349); въ другомъ мѣстѣ онъ

1) «Тенденціозныя идеи», «тенденціонныя мысли» — термины неудачные, подтверждающіе, какъ мнѣ кажется, что г. Головинъ не пришелъ къ точнымъ выводамъ по вопросу о тенденціи. Идея или мысль, сама по себѣ, не можетъ быть тенденціозной; тенденціознымъ можетъ быть только ее проведеніе или примѣненіе.

указываетъ ясныя слѣды «философско-историческаго ученія» Толстого не только въ вводныхъ разсужденіяхъ, легко отдѣлимыхъ отъ романа, но и въ самомъ ходѣ дѣйствія, въ самихъ дѣйствующихъ лицахъ (стр. 352). Въ «Аннѣ Карениной», по словамъ г. Головина, «тенденціозныя идеи не собраны какъ бы въ отдѣльный пучекъ, а понемногу разлиты по цѣлому роману». Итакъ, романъ можетъ быть насыщенъ, проникнутъ тенденціей и все-таки представлять собою великое художественное произведеніе? Въ «Войнѣ и Мирѣ» — замѣчаетъ г. Головинъ какъ бы въ оправданіе Толстого, — «тенденція не политическаго, а философскаго свойства» (стр. 351). Въ глазахъ г. Головина имѣетъ значеніе, слѣдовательно, не только наличие или отсутствіе тенденціи, но и ея характеръ. Изъ другого разсужденія г. Головина, вызваннаго послѣдними произведеніями Толстого, видно, что онъ придаетъ большую важность и способу проведенія тенденціи. «Если идея», говоритъ онъ, «родилась и выросла внѣ области искусства, какъ результатъ политическаго, релігіознаго или нравственнаго сектантства, и затѣмъ художникъ подыскиваетъ ей въ жизни подтвержденіе, коверкая, въ угоду ей, эту жизнь, сама гениальность лишь въ рѣдкихъ случаяхъ спасаетъ его отъ неизбежнаго послѣдствія — отъ дисгармоніи между сюжетомъ и тенденціей.... Чувствуется, что идея и призванная ее подтвердить фабула выросли не на одной почвѣ и сплестись водино не могутъ. И тогда только гармонія восстанавливается, если автору, сверхъ ожиданія, удалось наткнуться на такой жизненный эпизодъ, въ которомъ мертвая разсудочная идея воскресаетъ, потому что ей служить выразителемъ уже не авторъ только, а сама душа его героевъ» (стр. 451). Въ этихъ словахъ особенно интересно признаніе, что дисгармонія между идеей и фабулой обуславливается «коверканіемъ жизни въ угоду идеѣ». А если такого коверканія нѣтъ, если идея, хотя бы и «выросшая внѣ области искусства», укладывается сама собою въ художественные образы, вполне согласныя съ жизнью? Возможность такого сочетанія допускаетъ и самъ г. Головинъ, но, почему-то, не

иначе, какъ въ зависимости отъ случая. Трудно понять также, почему идея, выросшая въ области искусства, непременно должна быть «мертвая», «разсудочная»? Жизненность идеи, а затѣмъ и вытекающей изъ нея тенденціи, зависятъ не отъ сферы, гдѣ она родилась, а отъ ея глубины и отъ степени проникновенія ею.... Говоря о сочиненіяхъ Короленка, г. Головинъ выдѣляетъ изъ нихъ три разсказа, отличающіеся «боевымъ отношеніемъ къ сюжету», и затѣмъ продолжаетъ: «въ остальныхъ произведеніяхъ Короленко надо тенденціозность вычитывать между строкъ; и конечно, чѣмъ слабѣе она подчеркнута, тѣмъ лучше выходитъ разсказъ» (стр. 420 — 1). И здѣсь, слѣдовательно, г. Головинъ признаетъ невозможность *огульнаго* осужденія тенденціозности. Къ данному случаю критерій, мимоходомъ намѣченный г. Головинымъ, оказывается, впрочемъ, не вполне примѣнимымъ: изъ трехъ «боевыхъ» разсказовъ Короленка по меньшей мѣрѣ одинъ — «Въ дурномъ обществѣ» — несомнѣнно принадлежитъ не къ болѣе слабымъ, а на оборотъ, къ лучшимъ произведеніямъ этого писателя. Самъ г. Головинъ цѣнитъ его очень высоко и видитъ въ немъ только одинъ недостатокъ: «бьющій въ глаза преднамѣренный контрастъ между пошлостью такъ называемыхъ порядочныхъ людей и добродушной безобидностью ватаги, скрывающейся въ развалинахъ панскаго замка». Съ этимъ упрекомъ нельзя согласиться. Въ одномъ изъ «такъ называемыхъ порядочныхъ людей», не принадлежащемъ къ составу «дурнаго общества» — въ судѣ, отцѣ героя разсказа — нѣтъ рѣшительно ничего пошлаго; наоборотъ, это одно изъ самыхъ симпатичныхъ лицъ, созданныхъ Короленкомъ.

Отъ общаго вопроса о тенденціозности въ искусствѣ переходимъ къ самой исторіи русскаго романа, какъ она изложена г. Головинымъ.

Книга г. Головина раздѣляется на четыре части: «Романтизмъ», «Сороковые годы», «Эпоха бури и патиска», и «Современное затишье». Первая часть начинается съ обширной экскурсіи въ область западно-европейской литературы, о которой

авторъ въслѣдствіи говоритъ очень мало. Объясняется это тѣмъ, что иностранныя вліянія играютъ гораздо большую роль въ литературѣ только что возникающей, чѣмъ въ литературѣ созрѣвшей и достигшей высокаго развитія. Такой власти надъ русскими умами, какая, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX вѣка, принадлежала Байрону, не имѣлъ позднѣе ни одинъ западно-европейскій писатель. Говоря о первыхъ порахъ русскаго романа, г. Головинъ не могъ, поэтому, не коснуться байропизма, а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ формъ западно-европейскаго романтизма. Нельзя не замѣтить, однако, что при разборѣ послѣднихъ авторъ вышелъ далеко за предѣлы своей задачи. Французскій и нѣмецкій романтизмъ отразился на русскомъ романѣ весьма слабо. На «Евгенія Онегина» или «Героя нашего времени», не говоря уже о «Мертвыхъ душахъ», произведенія Тика и Брентано, В. Гюго и Альфреда де-Виньи не бросаютъ рѣшительно никакого свѣта. Совершенно безслѣдно для нашей литературы прошла и вся дѣятельность «Молодой Германіи». Изъ французскихъ писателей той же эпохи (т. е. время юльской монархіи) замѣтную роль сыграла у насъ только Ж. Зандъ. Конечно, параллель между нашимъ романомъ и иностраннымъ весьма интересна и помпо вопроса о ихъ взаимодѣйствіи; но такого общаго характера она у г. Головина не имѣетъ, обрываясь на половинѣ столѣтія. Это или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно: слишкомъ рано, если держаться сравнительнаго метода, — слишкомъ поздно, если изслѣдовать только *непосредственную* связь литературныхъ явленій. Изъ иностранныхъ писателей второй половины вѣка г. Головинъ говоритъ съ нѣкоторою подробностью только о Шнильгагенѣ, и притомъ не въ отдѣлѣ, посвященномъ «эпохѣ бури и натиска» — той эпохѣ, когда Шнильгагенъ читался русской публикой не меньше любого русскаго романиста, — а въ отдѣлѣ, посвященномъ романтизму (стр. 37 — 39), какъ объ одномъ изъ его эягоновъ. Чѣмъ былъ у насъ Шнильгагенъ въ шестидесятихъ годахъ, тѣмъ былъ, отчасти, Флоберъ четверть вѣка спустя, — но мы не встрѣчаемъ у г. Головина даже его

имени. Симметрия отдѣльныхъ частей книги является, такимъ образомъ, нарушенною, и ея не возстановляютъ немногія страницы (404—410), отведенныя, въ одной изъ послѣднихъ главъ, Зола, Ибсену и Зудерману.

Разсматриваемая какъ эпизодъ, болѣе или менѣе случайный, характеристика романтизма, данная г. Головиннымъ (стр. 1—39), представляетъ немало любопытнаго и оригинальнаго. Можно, конечно, спорить противъ самыхъ рамокъ, которыя авторъ устанавливаетъ для понятія о романтизмѣ, противъ соединенія въ одно цѣлое такъ называемой нѣмецкой романтической школы съ Шиллеромъ и молодой Германіей, Шатобриана—съ Руссо, Мюссе и Запдомъ; можно отвергать опредѣленіе романтизма, вытекающее изъ произвольнаго обозначенія однимъ терминомъ существенно разнородныхъ элементовъ («романтизмъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ проповѣдью личной свободы»); можно удивляться тому, что вандейскіе повстанцы являются въ глазахъ г. Головина «героями личной свободы», — но нельзя не признать, что нѣкоторыя изъ національныхъ видоизмѣненій романтизма указаны г. Головиннымъ весьма мѣтко. Иногда только онъ приписываетъ романтизму *вообще* такую черту, которая свойственна скорѣе романтизму *даннаго народа*; таково, напримѣръ, равнодушіе къ природѣ, о которомъ можетъ идти рѣчь развѣ по отношенію къ романтизму французскому (и то лишь въ тѣсномъ смыслѣ слова, а не въ томъ чрезмѣрно обширномъ, который даетъ ему г. Головинъ). Очень много парадоксальнаго въ мнѣніяхъ г. Головина объ отдѣльныхъ писателяхъ, относямыхъ имъ къ числу романтиковъ. Ограничусь, во избѣжаніе слишкомъ большихъ отступленій отъ главной темы, указаніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, гдѣ парадоксъ, какъ мнѣ кажется, граничитъ съ ошибкой. Вокругъ Мюссе, по словамъ г. Головина, группировались *второстепенные* писатели Просперъ Мериме и Теофиль Готье (стр. 21); нѣсколько дальше (стр. 23) онъ называетъ ихъ обоихъ послѣдователями Мюссе. Не говоря уже о томъ, что положеніе, занимаемое Мериме и Готье въ французской литературѣ, едва

ли можетъ быть названо второстепеннымъ, ни тотъ, ни другой ни въ чемъ не были послѣдователями Мюссе. Мериме дебютировалъ въ литературѣ пятью годами раньше чѣмъ Мюссе, и ко времени появленія «Contes d'Italie et d'Espagne» былъ уже весьма извѣстнымъ авторомъ «Théâtre de Clara Gazul», «Jacquerie», «Matteo Falcone», «Chronique du temps de Charles IX». Готье, ровесникъ Мюссе, хотя и выступилъ на сцену въ одно время съ нимъ, но какъ пламенный приверженецъ В. Гюго. Ставъ самымъ собою, онъ явился, въ противоположность Мюссе, мастеромъ формы, виртуозомъ стиха и менѣе всего — пѣвцомъ чувства и страсти. Еще болѣе уравновѣшеннымъ, спокойнымъ и холоднымъ остался Мериме, позднѣйшія произведенія котораго, напр. «Colomba», составляютъ прямой контрастъ съ ультра-субъективной поэзіей Мюссе. Третій, по счету г. Головина, «послѣдователь» Мюссе — Октавъ Фелье — можетъ быть названъ, пожалуй, (въ своихъ «Scènes et proverbes»), подражателемъ великаго поэта, но не имѣетъ съ нимъ, въ сущности, ничего общаго, ни по формѣ, не идущей дальше корректности, ни по содержанію, не идущему дальше условной морали. Едва ли можно согласиться и съ тѣмъ, что «послѣднее слово направленія, родоначальникомъ котораго былъ Мюссе, сказано въ современной Франціи ученымъ, сдумавшимъ эпикуреизмъ внести въ самую науку — Эрнестомъ Ренаномъ». Мюссе тяготился своимъ скептицизмомъ, жаждалъ вѣры и страдалъ, чувствуя себя безцельнымъ вѣрить: Ренанъ принадлежалъ къ числу немногихъ счастливыхъ людей и сохранялъ спокойствіе духа даже въ минуты пессимистическаго настроенія, которое не было у него ни постояннымъ, ни глубокимъ.

«Въ Россіи» — говоритъ г. Головинъ (стр. 41) — «не было почвы для той идеализаціи старины, съ которой началъ романтизмъ Запада.... Національной независимости русскимъ не приходилось завоевывать вновь.... Но мы вернулись домой (послѣ взятія Парижа) не завоевателями, а завоеванными духовно, пристыженными за свою отсталость. Немудрено, что мы привезли

въ Россію не весь романтизмъ, а только одну сторону его двойственной натуры, его, такъ сказать, оппозиціонную струю, и что изъ всѣхъ его представителей всего болѣе плѣнилъ наше воображеніе Байронъ». Что въ Россіи была возможная почва для идеализаціи старины—это, немногимъ позже, доказало славянофильство; что въ русскую литературу перешла не одна только «оппозиціонная струя» романтизма—объ этомъ свидѣтельствуетъ поэзія Жуковскаго, ставшаго романтикомъ еще до непосредственнаго соприкосновенія между Россіей и Западной Европой въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Совершенно правильно, за то, замѣчаніе г. Головина, что «наша родная романтика очень скоро отбросила все далекое, все экзотическое, все сверхъестественное, чтобы заняться близкою современною жизнью и сюда перенести конфликтъ между сильною личностью и пошлостью общественной среды» (стр. 43). Контрасты у нашихъ поэтовъ, даже въ пору наибольшаго увлеченія ихъ романтизмомъ, не достигаютъ такихъ «грандіозныхъ размѣровъ», какъ у Байрона. «Байроновскій типъ—говорятъ г. Головинъ,—вылился у Пушкина въ трехъ послѣдовательныхъ формахъ (Кавказскій плѣнникъ и ханъ Гирей, Алеко, Онѣгинъ и Мазена) и ни въ одной изъ нихъ не нашли себѣ мѣста двѣ изъ наиболѣе излюбленныхъ фигуръ Байрона: дикое своеволіе, олицетворенное въ Корсарѣ, и демоническая сила, изображенная въ Манфредѣ и Калиѣ». Самобытность пушкинскихъ типовъ, въ особенности Онѣгина, указана, впрочемъ, еще Бѣлинскимъ, съ которымъ едва ли основательно полемизируетъ г. Головинъ (стр. 46—47). Бѣлинскій вовсе не видѣлъ въ Онѣгинѣ «идеальнаго героя», «родоначальника протестующихъ героевъ, которыми такъ богата стала наша литература впоследствии». Къ Онѣгину, по мнѣнію Бѣлинскаго, вполнѣ примѣнима кличка «добраго малаго»,—а что можетъ быть дальше отъ идеальнаго героя, какъ именно «добрый малый»? вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій называетъ Онѣгина «страдающимъ эгоистомъ»—и въ этомъ терминѣ опять таки нѣтъ ничего похожаго на идеализацію. Правда, Бѣлинскій подчеркива-

еть условія, которыя сдѣлали Онѣгина эгоистомъ,—но подчеркиваетъ ихъ, бѣльшею частью, словами самого поэта, безъ всякихъ натяжекъ и перетолкованій. «Какъ не замѣтили хоть того», — восклицаетъ г. Головинъ, — «что Татьяна, посѣтивъ усадьбу Онѣгина послѣ его отъѣзда и прочитавъ кое-какія изъ его книгъ, была поражена яною небрежно сдѣланной отмѣткой на страницахъ, какъ явнымъ свидѣтельствомъ пустоты любимаго человѣка»? И этотъ упрекъ совершенно несправедливъ. Впечатлѣніе, вынесенное Татьяной изъ кабинета Онѣгина, было «замѣчено» Бѣлинскимъ, цитирующимъ относящееся сюда стихи,—но имъ было замѣчено и то, что ничего опредѣленнаго въ этомъ впечатлѣніи не было, что въ умѣ Татьяны возникли только сомнѣнія, только вопросы, не находившіе отвѣта. Отвѣтъ, который бы могъ выразиться въ простомъ *да* или *нѣтъ*, не даетъ на нихъ и самъ Пушкинъ. Въ различныхъ мѣстахъ его поэмы, какъ въ многогранномъ хрусталѣ, отражаются различныя черты сложнаго типа — и эту сложность какъ нельзя лучше понималъ Бѣлинскій. Формула г. Головина: «Онѣгинъ стоитъ головой выше толпы, но его превосходство надъ нею бесплодно, потому что у него недостаетъ главнаго — любви и способности къ труду», — едва-ли заставитъ забыть объясненіе бездѣтельности Онѣгина, данное Бѣлинскимъ. Полемическая нота слышится и въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя посвящены г. Головиннымъ «Герою нашего времени» (стр. 49—50). «Признаюсь», — говоритъ г. Головинъ, — «я не въ силахъ понять, какимъ образомъ наша критика и въ Лермонтовскихъ герояхъ старалась отыскать протестующихъ либераловъ. Что можетъ быть общаго съ идеалами либерализма у Печорина, исполненнаго аристократическаго самомиѣнія? Протестъ въ немъ, пожалуй, и сказывается, но это протестъ аристократа, которому претитъ все мелкое и пошлое, но который и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы помочь обществу злу или хотя бы утѣшить чужое горе». Кому возражаетъ здѣсь г. Головинъ — я не знаю. Если Бѣлинскому, то въ основаніи спора лежитъ недоразумѣніе: Бѣлинскій никогда, ни

прямо, ни ковенно, не зачислялъ Печорина въ ряды «либераловъ». Онъ видѣлъ только его превосходство надъ окружающею его дѣйствительностью—а отъ такого превосходства только одинъ шагъ до «протеста», признаки котораго усматриваетъ въ Печоринѣ и г. Головинъ. Положимъ, что это протестъ аристократа,—но развѣ аристократизмъ несовмѣстенъ съ либерализмомъ?... Чѣмъ бы, впрочемъ, ни былъ Печоринъ, самъ Лермонтовъ былъ проникнутъ духомъ протеста въ гораздо болѣе степеней, чѣмъ думаетъ г. Головинъ. Лермонтовъ, по словамъ г. Головина (стр. 58), «лишь какъ бы мимоходомъ отдается мрачному озлобленію, охватывающему его какъ порывъ вѣтра въ лѣтнюю грозу, и самое это озлобленіе, болѣе стихійное, чѣмъ сознательное, почти никогда не мѣтитъ въ опредѣленную цѣль. Такія пьесы, какъ «Дума», «На смерть Пушкина», «Люблю я родину, но странною любовью», въ Лермонтовской лирикѣ не многочисленны». Изъ числа трехъ пьесъ, названныхъ г. Головинымъ, *озлобленіемъ* дышитъ только одна—«На смерть Пушкина»; въ остальныхъ другихъ чувствуется настроеніе, не имѣющее ничего общаго со злобой—и притомъ настроеніе отнюдь не мимолетное, не случайное, какъ порывъ вѣтра, а глубокое, пропякающее всю душу поэта. Въ послѣдніе годы жизни Лермонтова оно было въ немъ, повидямому, преобладающимъ или даже господствующимъ, выступая на видъ каждый разъ, когда затрагиваемая имъ тема была скорѣе общаго, чѣмъ личнаго характера («Поэтъ», «Первое Января», «Журналистъ, читатель и писатель», «Гляжу на будущность съ боязнью», «Не смѣйся надъ моею пророческой тоской», «Валерикъ», «Пророкъ»). Неужели недостаточно опредѣленная мысль, выраженная въ первыхъ строкахъ «Родины»? Неужели за отрицательной формою не виднѣется здѣсь совершенно положительное содержаніе, прямо идущее въ разрѣзъ съ тогдашними общепринятыми и даже общеобязательными взглядами? Неужели, выкинувъ въ смыслъ «Родины»—да и другихъ, близкихъ къ ней произведеній,—можно утверждать, что у Лермонтова не было «принципіальнаго антагонизма съ цѣлымъ скла-

домъ современной ему жизни», что «все отрицаніе его сводится къ превосходству центральныхъ фигуръ подъ уровнемъ средь»? Мнѣ кажется, что этого нельзя сказать даже о Пушкинѣ¹⁾, смѣхъ котораго вовсе не всегда бывалъ «веселымъ, оптимистическимъ, *очень похожимъ на зубоскальство*» (стр. 57). Г. Головинъ идетъ, однако, еще дальше: признавая, что иронія Грибоѣдова, въ противоположность ироніи Пушкина и Лермонтова, не безпредметна, онъ все-таки приравниваетъ Чацкаго къ Онѣгину и Печорину, потому что «ни одинъ изъ нихъ не даетъ отвѣта на вопросъ: что дѣлать, и даже не занимается этимъ вопросомъ». «Не смотря на всѣ филиппики Чацкаго противъ Московскаго общества, на вырывающіяся у него мѣткія обличенія, онъ нигдѣ не противопоставляетъ пошлой мысли и мелочнымъ занятіямъ Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчалиныхъ своего опредѣленнаго идеала лучшей жизни. Пробѣгите мысленно всю комедію Грибоѣдова — и, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ въ сценѣ съ Молчалинымъ, да патріотической тирады на счетъ французика изъ Бордо, вы не отыщете ничего, что скольконибудь опредѣляло бы міросозерцаніе Чацкаго». Это невѣрно. Не говоря уже о томъ, что въ комедіи, какъ и въ сатирѣ, задушевная мысль автора всегда просвѣчиваетъ сквозь изображеніе отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности, въ «Горѣ отъ ума» «идеалъ лучшей жизни», посящійся передъ Чацкимъ, намѣченъ и положительными чертами («служить бы радъ — прислуживаться тошно» — «вольнѣе всякій дышетъ и не торопится вписаться въ полкъ шутовъ» — «кто служить дѣлу, а не лицамъ» — «рускай изъ насъ одинъ пайдется врагъ псканій, не требуя ни мѣсть, ни повышенья въ чинъ, въ науки онъ вперить умъ жаждущій познаній, или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ»). Конечно, это — не программа дѣйствій, которой странно было бы

1) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 212) г. Головинъ говоритъ о *постоянно шутовскомъ настроеніи* поэзіи Пушкина!

искать въ комедіи; по сущность того, чего хочетъ Чацкій, обрисовывается въ «Горѣ отъ ума» съ достаточною ясностью. Въ короткихъ словахъ это какъ нельзя лучше выражено И. А. Гончаровымъ (въ знаменитой его статьѣ «Милліонъ терзаній»): *Чацкій стремится отъ рутинны къ свободной жизни.*

Въ одну категорію съ Грибоѣдовымъ, по отсутствію «определеннаго идеала лучшей жизни», г. Головинъ ставитъ Гоголя, но затѣмъ какъ будто бы отказывается отъ этого вывода. «Гоголь», — говоритъ г. Головинъ на стр. 59, — «съ безпощадною, съ гениальною яркостью изобразилъ пошлыя стороны русской жизни; но во имя чего онъ обличаетъ эту пошлость, въ чемъ онъ видитъ спасеніе отъ нея — этого онъ намъ не говоритъ нигдѣ». «Изображая пошлые типы и грязноватую жизнь», — читаемъ мы на стр. 149, — «Гоголь всегда представлялъ ихъ въ видѣ контраста если не съ дѣйствительностью, которая въ Россіи и пошла, и грязна, то съ идеаломъ, съ которымъ онъ не переставалъ поспѣться». Ключа къ разрѣшенію этого противорѣчія г. Головинъ намъ не даетъ. Что въ моментъ созданія «Ревизора» и первой части «Мертвыхъ душъ» Гоголь не обладалъ установившимся положительнымъ идеаломъ — это болѣе чѣмъ вѣроятно; а идеаль, выработанный имъ впоследствии, имѣлъ очень мало общаго съ великими его произведеніями. По мнѣнію г. Головина, «Гоголь былъ писателемъ объективнымъ въ полномъ смыслѣ слова, объективнымъ до того, что, вопреки его увѣренію будто его смѣхъ — тѣже слезы, не только выводимые имъ нравственные уроды не вызываютъ никакого негодованія, но въ его сатиры нигдѣ этимъ уродамъ не противопоставлено лица обладающаго симпатіями автора». Едва ли, однако, личность или отсутствіе симпатичныхъ лицъ можетъ служить критеріемъ субъективности и объективности. Болѣе субъективныхъ писателей, чѣмъ Салтыковъ, найдется немного, — а искать симпатичныхъ лицъ въ «Господахъ Головлевыхъ» было бы трудомъ совершенно напраснымъ. Если Гоголевскіе уроды не вызываютъ негодованія, то вовсе не потому, чтобы авторъ относился къ нимъ равнодушно, а потому

что она всё, въ бѣльшей или меньшей степени, возбуждаютъ *сожалѣніе* и всё сливаются съ средой, ихъ породившей . . . Проводя параллель между «Шинелью» и «Бѣдными людьми», г. Голвинъ говоритъ: «Черты, какими обрисованъ Акакій Акакіевичъ, исключительно вышнія, и благодаря этому его фигура, даже вызывая жалость, никогда не перестаетъ быть комичной. Одинъ вышній проявленія нищеты и забитости, какъ бы грустны они ни были, могутъ вызвать лишь нѣсколько насмѣшливое состраданіе, именно потому, что мы не видимъ, не чувствуемъ воздѣйствія жизненнаго гнета на душу забитаго человѣка, что душа эта относится къ нему совершенно пассивно» (стр. 117). Въ другомъ мѣстѣ таже мысль высказывается въ болѣе общей и рѣзкой формѣ: «у Гоголя нигдѣ не прорывается сочувствіе ни къ матеріальному, ни къ нравственному убожеству. Его смѣшныя или уродливыя фигуры только комичны и состраданія не вызываютъ нигдѣ. Нигдѣ вы не отыщете у Гоголя сочувственной ноты къ его жалкимъ героямъ, старанія найти въ нихъ примиряющую черту. . . . Признаюсь, мнѣ никогда не вѣрилось въ тѣ знаменитыя слезы, которыя будто бы скрываются за его смѣхомъ» (стр. 150). Итакъ, *только* комичны Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ даже на послѣднихъ страницахъ повѣсти, настроеніе которыхъ отразилось такъ ярко въ заключительномъ ея восклицаніи? Только «насмѣшливое состраданіе» внушаетъ къ себѣ герой «Занисокъ сумашедшаго»? Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» не звучитъ «нота сочувствія» къ Аванасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ? Въ сценѣ между Чичиковымъ и Плюшкинымъ нѣтъ указаній на то, что въ глубинѣ самой зачерствѣлой души сохраняется что-то похожее на человѣческое чувство? А слова, сказанныя Акакіемъ Акакіевичемъ въ отвѣтъ на слишкомъ навязчивыя приставанія молодого чиновника («оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете») — это черта чисто «внѣшняя», не выражающая собою «воздѣйствія жизненнаго гнета на душу забитаго человѣка»? . . . Нѣтъ, «Шинель» стала эпохой въ нашей литературѣ именно потому, что она приподняла завѣсу надъ

внутреннимъ міромъ «униженныхъ и оскорбленныхъ». «Невидимыя слезы» Гоголя—не фраза, а поразительно-мѣткая характеристика одной изъ сторонъ его душевной жизни.

По мнѣнію г. Головина, въ нашей литературѣ не произошло, на рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, такого рѣзкаго перелома, какой въ то время совершался въ литературахъ Запада. «Не смотря на то, что новое реалистическое направленіе нигдѣ не выступило съ такою силою, какъ именно у насъ, оно увлекло за собою лишь очень небольшую часть литературы, а въ остальной ея части не вызвало почти никакого отголоска. Случилось это, главнымъ образомъ, потому, что нашъ романтизмъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ двухъ своихъ геніальныхъ представителей — Пушкина и Лермонтова, — былъ съ самаго начала проникнутъ здоровымъ реалистическимъ духомъ и что, не смотря на существованіе у насъ крѣпостного права, высшіе общественные классы, а съ ними вмѣстѣ и литература, стояли гораздо ближе къ народу, чѣмъ на Западѣ. Но была тутъ и другая причина. Сорокалѣтній періодъ отъ начала двадцатыхъ годовъ до конца пятидесятыхъ былъ сплошнымъ дворянскимъ періодомъ въ нашей литературѣ. Не только почти всѣ выдающіеся писатели этой эпохи, но и всѣ выведенные ими типы принадлежали къ дворянской средѣ. За всю эту эпоху общественный строй оставался неизмѣннымъ: одинъ и тотъ же классъ составлялъ подавляющую массу читающей публики и, вслѣдствіе этого, естественно хотѣлъ видѣть и въ литературѣ свое отраженіе» (стр. 51). Находя, вмѣстѣ съ г. Головинымъ, что рѣзкаго перелома въ нашей литературѣ на рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не произошло, признавая, въ существѣ, и правильность объясненія, которое онъ даетъ этому факту, я затруднился бы согласиться лишь съ нѣкоторыми отдѣльными его мыслями (напр. съ мнѣніемъ, что высшіе общественные классы, въ первой половинѣ XIX в., были болѣе близки къ народу въ Россіи, чѣмъ на Западѣ Европы), но не останавливаясь на этихъ частныхъ разногласіяхъ, потому что подробная ихъ мотивировка потребо-

вала бы слишкомъ много времени и мѣста. Отсутствие «перелома» не равносильно, однако, полному сходству между періодами, лежащими по обѣ стороны рубежа. «Литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ», — говорятъ г. Головинъ, — «какъ всякій живой организмъ, постепенно росла и видоизмѣнялась. Главною ея темою оставалось изображеніе крупной личности, лучшаго человѣка, но самый этотъ типъ подвергался внутренней переработкѣ, все далѣе уклоняясь отъ первоначальнаго Байроновскаго героя. Подъ вліяніемъ анализа, лучшей человѣкъ поемному мельчалъ, все болѣе утрачивая свое превосходство надъ общественной средой. И по мѣрѣ того, какъ понижалось идеальное представленіе о лучшемъ человѣкѣ, все сильнѣе занимало литературу изученіе среды, т. е. бытовой стороны жизни» (стр. 55)... «Сильный человѣкъ, котораго не переставали искать люди сороковыхъ годовъ, долженъ былъ въ тоже время стать и лучшимъ человѣкомъ, задача котораго — не осмѣивать общество, а служить ему. Если общество погрязло въ грубости и застоѣ, если оно живетъ на счетъ труда невѣжественной массы, если въ семьѣ господствуетъ деспотизмъ и основаніемъ всему служатъ вѣковыя суевѣрія и вѣковая рутина, то задача лучшаго человѣка должна сводиться къ борьбѣ противъ трехъ главныхъ основаній тогдашняго строя — крѣпостного права, семейнаго гнета и чиновничьей продажности.... Служить родинѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, служить ей даже въ частной жизни, въ семейномъ кругу, считалось тогда не партійнымъ дѣломъ, а задачею всего образованнаго общества. Среди просвѣщенныхъ людей того времени не было разлада на счетъ характера этой задачи, понимавшагося ими, правда, въ нѣсколько неопредѣленной «формѣ»; политическій идеалъ смѣшивался съ нравственнымъ въ одну общую программу (стр. 60). Съ Запада къ намъ приходили въ то время «только идеи, безъ всякаго реального содержанія». Воспринимать ихъ могло только дворянство, какъ единственный образованный классъ; не было противоположныхъ реальныхъ интересовъ, не было, слѣдовательно, и реальной борьбы, и неограниченная смѣ-

лость мысли шла рука объ руку съ полнымъ отсутствіемъ попытокъ примѣненія ея къ дѣйствительности (стр. 56). Робость тогдашняго протеста объясняется не только цензурными стѣсненіями, но и тѣмъ, что передовые писатели эпохи не ощущали страстной ненависти къ дѣйствовавшему строю, съ которымъ они прекрасно мирились; въ обличеніи этого порядка «негодованія не слышно». Исключеніе составляетъ только Некрасовъ, въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ котораго звучитъ непримиримая вражда къ тогдашней семьѣ и крѣпостному быту, — но если у него она могла выразиться не смотря на цензуру, то именно отсюда слѣдуетъ заключить, что ея не было у его сверстниковъ (стр. 55—57).

Въ этой характеристикѣ сороковыхъ годовъ слѣдуетъ различать двѣ части: одну—касающуюся идейнаго содержанія литературы, другую—касающуюся ея темъ и приемовъ. Что идеи, шедшія въ Россію съ Запада и встрѣчавшія въ ней хотя и небольшую, но хорошо подготовленную почву, не отражались непосредственно на фактахъ дѣйствительности, косной, неподвижной и со всѣхъ сторонъ огражденной отъ ви́шнихъ вліяній — это безспорно; но это еще не значить, что онѣ не проникали собою всю душу покоренныхъ ими людей, не вызывали борьбы, не вели къ столкновенію противоположныхъ интересовъ. Кто понялъ и почувствовалъ всю тяжесть крѣпостнаго строя — крѣпостнаго не только въ той средѣ, которая специально отмѣчалась этимъ именемъ,—тотъ не могъ уже мириться съ нимъ, не могъ относиться къ нему равнодушно и спокойно. Стоитъ только припомнить жгучую страницу, посвященную Тургеневымъ (въ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ») общественной атмосферѣ сороковыхъ годовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что не одинъ Некрасовъ горѣлъ негодованіемъ противъ крѣпостнаго права. Силою протеста, сдержаннаго, но глубокаго, нѣкоторые рассказы въ «Запискахъ охотника» не уступаютъ «Родниѣ» Некрасова—самому энергичному изъ стихотвореній, написанныхъ послѣднимъ до половины пятидесятихъ годовъ». Г. Головинъ указываетъ на то, что такихъ

разказовъ темного (забывая отнести къ ихъ числу «Малиновую воду», «Однoдворца Овсянникова», «Петра Петровича Каратаева»). Да, число ихъ невелико, но за то каждый изъ нихъ попадаетъ прямо въ цѣль и производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Такое же выстраданное настроеніе слышится не только въ романѣ Герцена «Кто виноватъ»¹⁾, но и въ юношеской повѣсти Салтыкова («Запутанное дѣло»), въ одномъ изъ раннихъ разказовъ Крестовскаго-псевдонима («Искушеніе»), въ «Антонѣ Горемыкѣ» Григоровича. Подъ ударами, наносимыми безъ шума, безъ боевыхъ кликовъ, колебались и клонились къ унадку традиціи и предразсудки, которымъ все предвѣщало, повидимому, долгое будущее. Противъ интересовъ цѣлаго сословія вооружалось чувство гуманности и справедливости, проникавшее въ среду самихъ заинтересованныхъ. Вопреки г. Головину, я думаю, что *единственной* уздою для этого чувства служили, въ передовой литературѣ сороковыхъ годовъ, внѣшнія стѣсненія. Совершенно вѣрно, за то, подмѣчено г. Головинымъ сравнительное единодушіе въ отрицаніи, свойственное этой литературѣ. Зло, съ которымъ она стояла лицомъ къ лицу, было слишкомъ осязательно, слишкомъ очевидно; оно заграждало всѣ пути впередъ, и съ устраненія его нужно было начать, какое бы ни имѣлось въ виду дальнѣйшее направленіе. Союзъ, обусловленный общностью врага, не могъ быть продолжителенъ, — но пока не измѣнились условія, его вызывавшія, онъ служилъ для литературы источникомъ великой силы. Минута, когда онъ пересталъ быть возможнымъ — на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ — была одною изъ самыхъ критическихъ въ нашей общественной жизни.

Правъ ли г. Головинъ, находя, что главной, руководящей темой литературы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ было изо-

1) Герцена г. Головинъ называетъ *единственнымъ*, въ теченіе сороковыхъ годовъ, «представителемъ той дѣятельной и непримиримой борьбы, къ которой тѣсно взывалъ Бѣлинскій» (стр. 67). Не отразилось ли на этомъ мнѣніи представленіе о Герценѣ, составленное на основаніи его позднѣйшей дѣятельности?

браженіе крупной личности, сильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшаго человѣка? Правъ ли онъ, утверждая, что вся литература того времени «представляетъ собою какъ бы сплошную попытку отвѣтить на вопросъ: что дѣлать» (стр. 61)? Чтобы судить объ этомъ, нужно ознакомиться съ отвѣтами на вопросъ, какъ они формулированы у г. Головина. Такихъ отвѣтовъ, по его мнѣнію, было два: «лучшій человѣкъ долженъ быть носителемъ европейскаго просвѣщенія и оправдывать свое духовное превосходство на словахъ и въ жизни» — «лучшій человѣкъ долженъ прежде всего отбросить пустую сантиментальность и стать человѣкомъ дѣла или попросту дѣловитости». Типичнымъ представителемъ перваго отвѣта г. Головинъ считаетъ Тургенева, особенно въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя посвящены изображенію такъ называемыхъ лишнихъ людей («Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», «Дневникъ лишняго человѣка», «Яковъ Пасынковъ», «Затишье», «Переписка», «Фаустъ», «Рудинъ», «Ася», «Дворянское гнѣздо»). Что «лишний» человѣкъ можетъ быть, въ тоже время, и лучшимъ — это г. Головинъ объясняетъ такъ: «нужды нѣтъ, что герои сороковыхъ годовъ не только подвиговъ не совершаютъ, но сплошь и рядомъ оказываются неудачниками и подвергаютъ себя насмѣшкамъ. Даже въ этой припущенной роли они не перестаютъ быть фигурами заслуживающими симпатіи, не перестаютъ быть идеалистами, хотя идеала своего бѣльшею частью не достигаютъ (стр. 62).... Роковая неудача превращаетъ въ мишуру и дѣятельность ихъ, и счастье. И замѣчательно, что судьба эта постигаетъ лучшихъ людей, наиболѣе честныхъ и умныхъ.... Тургеневъ рисуетъ предъ нами то забавные, то печальные контрасты, давая намъ понять, что героямъ его не хватаетъ силы на открытую борьбу, но что они неспособны принизиться до уровня того счастья, которое тогдашнему среднему люду было по плечу» (стр. 80 — 81).... Возможно ли допустить, однако, опредѣленіе «лучшаго человѣка» однимъ отрицательными чертами? Гдѣ же остается тогда то «духовное превосходство», которое онъ долженъ «оправдать не только на сло-

вахъ, но и въ жизни»? И неужели, ставя вопросъ: «что дѣлать», Тургеневъ хотѣлъ и могъ дать на него только одинъ отвѣтъ: «покоряться неотвратимой неудачѣ»? Развѣнчивая своихъ героевъ, Тургеневъ, по мнѣнію г. Головина, признавалъ этимъ самымъ «неспособность передового общественнаго класса къ дѣятельной борьбѣ, къ проведенію въ жизнь тѣхъ принциповъ, которымъ онъ служилъ на словахъ». Приписавъ Тургеневу такой взглядъ, г. Головинъ начинаетъ усердно опровергать его. «Надо глядѣть черезъ очень сильное увеличительное стекло», — восклицаетъ онъ, — «чтобы въ нѣкоторыхъ Тургеневскихъ повѣстяхъ (напр. «Лишнемъ человѣкѣ», «Яковъ Пасынковѣ», «Фаустѣ») усмотрѣть что-либо похожее на общественную борьбу, даже на крупный общественный типъ.... Развѣ такіе люди, какъ Василій Васильевичъ («Гамлетъ Щигровскаго уѣзда»), характеризуютъ собою цѣлый классъ, цѣлое поколѣніе»? Конечно—не характеризуютъ; но г. Головинъ полемизируетъ здѣсь не съ Тургеневымъ, а съ своими собственными догадками. Вывести изъ ряда типовъ неспособность цѣлаго общественнаго класса къ борьбѣ, къ активной дѣятельности можно только тогда, когда, во-первыхъ, эти типы исчерпываютъ собою боевую силу даннаго класса, во-вторыхъ — когда они поставлены въ условія, вызывающія на борьбу. У Тургенева мы не видимъ ни того, ни другого. Изъ тѣхъ дѣйствующихъ его лицъ, которыя произвольно соединены г. Головинымъ въ однородную, будто бы, группу (нѣсколько позже имъ же самимъ расчленяемую на ея составныя части), Чулкатуринъ, Яковъ Пасынковъ, Веретьевъ, герой «Перешагни» и «Фауста» вовсе не могутъ служить типичными представителями своего времени и своей среды. Значеніе «Дневника лишняго человѣка»—чисто психологическое; Чулкатурины возможны вездѣ и всегда, «лишніе люди» — явленіе всемірное и вѣчное, пзмѣняющееся только въ своихъ формахъ. Столь же вѣчно и самоотреченіе, олицетворенное въ «Яковъ Пасынковѣ» (котораго, какъ и Веретьева, какъ и героя «Фауста», едва-ли можно относить къ категоріи «лишнихъ людей», въ спеціальному,

Тургеневскомъ смыслѣ этого слова). Если изъ нерѣшительности, выказанной героемъ «Ася» въ одномъ изъ эпизодовъ его личной жизни, и можно, пожалуй, выводить его неспособность играть дѣятельную роль въ другой, болѣе широкой сферѣ, то ничего подобнаго нельзя сказать о героѣ «Фауста». Миѣ кажется, что въ произведеніяхъ, написанныхъ до конца пятидесятихъ годовъ, Тургеневъ вовсе не задавался ни желаніемъ найти и изобразить «лучшаго человѣка», ни желаніемъ дать отвѣтъ на вопросъ: «что дѣлать». Опредѣливъ этими двумя стремленіями содержаніе литературы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, г. Головинъ задался мыслью отыскать ихъ, между прочимъ, и у Тургенева — и построилъ искусственную схему, заключающую въ себѣ самой всѣ данныя для ея опроверженія... Не подходятъ подъ схему г. Головина даже «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо», которые, безспорно, не чужды общественный характеръ. Слишкомъ очевидно, что Рудинъ въ глазахъ Тургенева, отнюдь не «лучшій человѣкъ» эпохи; отвѣта на вопросъ: *что дѣлать*, онъ не можетъ дать уже потому, что самъ только «все собирается что-нибудь сдѣлать». Г. Головинъ совершенно правильно называетъ его представителемъ сравнительно небольшой группы — «представителемъ умственного, а не сердечнаго увлеченія, ораторскаго таланта безъ настоящей теплоты, энтузіазма безъ смѣлости» (стр. 86). Ошибается онъ только въ томъ, что считаетъ Рудина человѣкомъ «совершенно бесполезнымъ»: не такова мысль Тургенева, не таково окончательное впечатлѣніе, производимое романомъ. Что касается до «совершенно новаго отвѣта», даннаго Тургеневымъ, будто бы, въ лицѣ Лаврецкаго, то г. Головинъ не указываетъ опредѣленно сущность этого отвѣта — да едва ли это и возможно. Судьба Лаврецкаго слишкомъ тѣсно связана съ особенностями его натуры и обстоятельствами его жизни, чтобы можно было выводить изъ нея какое-либо общее заключеніе. Лаврецкій, какъ и Рудинъ — удивительно живое лицо, вставленное въ превосходно исполненную рамку русской жизни: и этого вполне достаточно, чтобы упредить за «Дворянскимъ

гнѣздомъ» неувыдаемую славу. Разсматривая его съ предвзятой точки зрѣнія, г. Головинъ недостаточно отгѣнилъ его внутреннюю прелесть: онъ упомянулъ о Лизѣ только мимоходомъ и ничего не сказалъ о такихъ фигурахъ какъ Леммъ, Варвара Павловна, Марѳа Тимоѣевна.

Второй отвѣтъ на вопросъ: *что дѣлать* — отвѣтъ, предпринимающій «стать человѣкомъ дѣла или попросту дѣловитости», — г. Головинъ находитъ у Писемскаго и въ особенности у Гончарова, противопоставляющаго пустому мечтателю Александру Адуеву и байбаку Обломову «положительныя фигуры» Петра Ивановича и Штольца. «Новый рецептъ для всероссійскаго прогресса» сводится такимъ образомъ къ «проповѣди разумнаго и приличнаго эгоизма» (стр. 95). «Свой идеаль трезваго дѣловаго человѣка», — читаемъ мы дальше, — «Гончаровъ могъ, къ сожалѣнію, воплотить лишь въ фигурѣ чиновника-дѣльца, жизненная задача котораго сводится къ достиженію крупнаго состоянія и генеральскаго чина.... Художественное чутье не позволило Гончарову снабдить своего героя такими качествами, которыя могли бы удовлетворить сердце молодой женщины — и въ концѣ романа онъ даетъ намъ понять, что бѣдной женѣ Петра Ивановича не совсѣмъ-то сладко приходилось отъ его дѣловитости. Но и этотъ упрекъ по адресу своего любимца Гончаровъ дѣлаетъ только мимоходомъ, доставляя ему полное торжество надъ племянникомъ, т. е. въ сущности надъ увлекающимся молодымъ поколѣніемъ». Какъ бы ни толковалъ, впоследствии, самъ Гончаровъ значеніе своихъ романовъ, «художественное чутье» внушило ему нѣчто иное, чѣмъ думаетъ г. Головинъ. Торжество Петра Ивановича въ сущности вовсе не полное. Если его дѣловитость тяжелымъ гнетомъ легла на его жену, то это отразилось и на его собственномъ счастьѣ. Въ послѣдней сценѣ съ женой (изд. 1883 г. ч. II, стр. 204—212) онъ является передъ нами проиягравшимъ житейскую партію: чтобы оживить жену, онъ готовъ отказаться и отъ «карьеръ», и отъ «фортуны — по чувствуешь, что поздно. Далеко не привлекателенъ, въ концѣ романа,

и племянникъ, шествующій по стопамъ дядюшки — и читатель готовъ вздохнуть, вмѣстѣ съ Лизаветой Александровной, о прежнемъ Александрѣ. Слова Александра о томъ, какъ приняла его предложеніе невѣста (стр. 213 — 14), заставляютъ ожидать и для него судьбы Петра Ивановича, т. е. разочарованія въ цѣли, когда она, повидямому, вполне достигнута. «Отвѣтъ», вытекающій изъ «Обыкновенной исторіи», далеко не совпадаетъ, такимъ образомъ, съ формулою, выводимою изъ нея г. Головинымъ. Такой же тонкій, но ясный намекъ на недостаточность одной «дѣловитости» мы находимъ и въ «Обломовѣ»: это — смутная, но тяжелая тревога, овладѣвающая Ольгой среди счастья, даннаго ей Штольцемъ (ч. 4, стр. 114 — 124)... Какъ бы то ни было, второй «отвѣтъ», отысканный г. Головинымъ, гораздо реальнѣе перваго: нѣчто подобное, хотя и не совсѣмъ то, несомнѣнно хотѣлъ сказать Гончаровъ.

До сихъ поръ я шелъ за г. Головинымъ шагъ за шагомъ, отмѣчая почти все, что у него есть выдающагося или особенно спорнаго. Теперь, когда приведенныя мною цитаты даютъ достаточный матеріалъ для ознакомленія съ манерою автора, я могу измѣнить систему и свести замѣчанія, которыя мнѣ еще остается сдѣлать, къ немногимъ, наиболѣе важнымъ пунктамъ. Отдѣлъ книги, посвященный «эпохѣ бури и натиска», — т. е. шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ, — построенъ авторомъ иначе, чѣмъ всѣ остальные. Очень много мѣста отведено здѣсь тогдашней критикѣ, между тѣмъ какъ о критикѣ сороковыхъ годовъ, т. е. о Бѣлинскомъ, г. Головинъ говоритъ только мимоходомъ. Объясняетъ онъ это тѣмъ, что «изъ поколѣнія шестидесятихъ годовъ вышло три очень талантливыхъ публициста и ни одного крупнаго дарованія въ области беллетристики, вслѣдствіе чего и міросозерцаніе эпохи выразилось гораздо полнѣе въ критикѣ, нежели въ романѣ» (стр. 165). Это не лишено основанія: тѣмъ не менѣе пятьдесятъ страницъ, отведенныхъ Чернышевскому, Добролюбову и Писареву, нарушаютъ симметрію исторіи русскаго романа. Нарушается она и тѣмъ, что романъ Черны-

шевскаго: «Что дѣлать», вовсе не замѣчательный какъ художественное произведеніе, а какъ profession de foi представляющей собою только резюме журнальныхъ статей его автора, излагается и разбирается въ нѣсколько разъ подробнѣе, чѣмъ на примѣръ «Дворянское гнѣздо», «Братья Карамазовы» или «Анна Каренина». Изображая мало симпатичную ему эпоху, г. Головинъ, очевидно, хотеть быть объективнымъ и безпристрастнымъ. Иногда это ему удается, иногда — нѣтъ. «Когда герои сороковыхъ годовъ» — говоритъ онъ, — «являлись въ роли демократовъ, они въ сущности заботились не о себѣ и потому естественнымъ образомъ относились къ своей задачѣ довольно вяло. Для разночинца-шестидесятника, напротивъ, открыть себѣ широкую дорогу на равныхъ правахъ съ передовымъ сословіемъ было жизненнымъ вопросомъ. Шестидесятники старались pro domo sua, а потому, опять-таки вполне естественно, старались очень усердно» (стр. 150 — 151)... «Движеніе шестидесятыхъ годовъ прикрашивало такими словами, какъ гуманность и прогрессъ, дѣло одной партіи, даже одного класса» (стр. 154)... «Толкуя о равноправности и горячо сочувствуя простому люду на словахъ, шестидесятники русскому народу не дали ничего. Все, что принесла ему эпоха реформъ — освобожденіе отъ крѣпостного права, надѣленіе землей, гласный судъ, земское представительство — совершилось помимо ихъ, стараніями тѣхъ людей, которыхъ они осыпали сарказмами. А сами они хлопотали и боролись не за народное дѣло, а за интересы разночинца, того ничтожнаго по численности беспочвеннаго класса, который паразитомъ выросъ на могучемъ деревѣ русской жизни и, покрывая его своими жадными побѣгами, увѣрялъ себя и другихъ, что въ немъ, въ этомъ паразитѣ, вся сила русской земли» (стр. 201). Сдѣлали ли шестидесятники что-нибудь для Россіи, и если не сдѣлали или сдѣлали мало, то почему именно, — объ этомъ я здѣсь, конечно, говорить не буду. Нарушающимъ безпристрастіе историка я считаю не самое разрѣшеніе вопроса, предлагаемое г. Головинымъ, — всякій воленъ цѣнить по своему явленія общественной жизни, — а настроеніе,

заставляющее его приписать мотивы людей эпохи «бури и натиска», приписывать имъ дѣятельность *pro domo sua*, сводить широкое движеніе къ аппетитамъ «ничтожнаго по численности и беспочвеннаго класса». Можно доказывать, что шестидесятники не понимали интересовъ народа,—но нельзя утверждать, что они о нихъ не заботились и не хлопотали. Самъ г. Головинъ признаетъ, что шестидесятники имѣли въ виду нравственный складъ болѣе, по ихъ мнѣнію, высокій, чѣмъ тотъ, который они отрицали (стр. 188); онъ называетъ Добролюбова идеалистомъ до мозга костей (стр. 190), идеалистомъ чистѣйшей воды (стр. 193). Оставаясь логичнымъ, и онъ, слѣдовательно, не долженъ былъ бы сомнѣваться въ искренности стремленій, составляющихъ отличительную черту шестидесятыхъ годовъ. Къ этимъ стремленіямъ могли примѣшаться чуждые имъ низменные элементы, — но не ихъ имѣеть въ виду г. Головинъ: онъ говоритъ о шестидесятникахъ *вообще*, основываясь на характеристикѣ вождей движенія. Вотъ еще одно доказательство его пристрастія: онъ недоумѣваетъ, почему «влеченія природы» въ Сторешниковѣ¹⁾ и вообще въ богатой, празднои молодежи принимаютъ, въ глазахъ Чернышевскаго, какой-то предосудительный характеръ, между тѣмъ какъ они вполне законны, когда имъ слѣдуютъ люди подобные Кирсанову и Лопухову (стр. 185)? Для такого недоумѣнія не было бы мѣста, если бы г. Головинъ припомнилъ, что Сторешникова тянуло къ Вѣрѣ Павловнѣ именно и только «плотское вожделѣніе», для котораго безразлично, раздѣляется ли оно другою стороною, а чувство Лопухова и Кирсанова было, во-первыхъ, взаимное, во-вторыхъ—основанное не на одномъ только «влеченіи природы». Къ той же самой мысли, съ меньшимъ еще правомъ, г. Головинъ возвращается при разборѣ «Мѣщанскаго счастья», Помяловскаго. «Тотъ же самый поступокъ», — восклицаетъ онъ, — «тоже безсердечіе по отношенію къ любимой женщинѣ клеймится

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ: «Что дѣлать» — богатый домовладѣлецъ, имѣющій «виды» на Вѣру Павловну, но возбуждающій въ ней «гадливую ненависть».

какъ грубое удовлетвореніе чувственнаго влеченія, когда виновникъ принадлежитъ къ разряду людей, несимпатичныхъ автору, и, на оборотъ, извиняется вполне, коль скоро онъ представитель передовой среды. Безсердечный развратъ, праздное эпикурейство становятся тогда законнымъ проявленіемъ умственного превосходства, которому все позволено, какъ будто передовой образъ мысли создаетъ въ новомъ обществѣ новый привилегированный классъ» (стр. 225). Все это говорится въ томъ предположеніи, что Молотовъ «влюбляетъ въ себя» Леночку, которая «отдается ему» и затѣмъ «съ геройскою покорностью смиряется передъ неожиданнымъ ударомъ холодной рѣшимости молодого человѣка ее бросить». Между тѣмъ, стоитъ только заглянуть въ «Мѣщанское счастье», чтобы увидѣть совершенно другую картину: не Молотовъ влюбляетъ въ себя Леночку, а она кидается ему на шею; въ отношеніяхъ между ними Молотовъ «былъ болѣе страдательнымъ лицомъ»; когда они въ первый разъ поцѣловались, Леночка сказала ему: «люби меня, хоть не навсегда, хоть немного»; кромѣ поцѣлуевъ, ничего между ними не было¹⁾, и Молотовъ поспѣшилъ удалиться — не съ «холодной рѣшимостью», а съ хорошимъ, добрымъ чувствомъ, — какъ только убѣдился, что не можетъ любить Леночку. Для негодующихъ обвиненій г. Головина не оказывается никакихъ фактическихъ данныхъ: писатели шестидесятихъ годовъ вовсе не проповѣдывали теорію двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ.

Если въ характеристикѣ шестидесятихъ годовъ г. Головинъ не свободенъ отъ предвзятой мысли, отъ предубѣжденія противъ «эпохи бури и натиска», то характеристика «современнаго затишья» грѣшитъ односторонностью, весьма понятною, впрочемъ, когда предметомъ наблюденій становится настоящая минута. Въ замѣчаніяхъ г. Головина много вѣрнаго, но они не

1) «У насъ не мало встрѣчается такихъ женщинъ, какъ Леночка», — читаемъ мы на предпоследней страницѣ «Мѣщанскаго счастья», — «многіе увлекаются ихъ щеками, щечки цѣлуютъ, и хорошо, если останавливаются только на томъ, на чемъ остановился Молотовъ».

обнимаютъ всего предмета. «Среднему читателю» — говорить г. Головинъ — «приходится теперь болѣе по вкусу та группа беллетристовъ, главною характеристическою чертою которыхъ служитъ нравственное и даже идейное безразличіе. Если-бы кто-нибудь постарался изъ произведеній ихъ вывести формулу того литературнаго исповѣданія, котораго они придерживаются, ему пришлось бы выразить ее приблизительно такъ: все что даетъ жизнь, одинаково достойно изображенія. Нѣтъ крупныхъ и мелкихъ явленій или, вѣрнѣе, все одинаково мелко.... Можно, не обинуясь, сказать, что направленіе, о которомъ здѣсь говорится, создано не писателями, а публикой, что мелкое, поверхностное творчество вызвано нетребовательностью спроса, что самъ читатель, словомъ, развратилъ литературу.... У писателей (новѣйшихъ) мысль очевидно есть; она искрится подчасъ, но какой-то холодный вѣтеръ ее тушитъ немедленно — губительный вѣтеръ общественнаго равнодушія» (стр. 452 — 453). «Спросъ вызываетъ предложеніе» таковы заключительныя слова книги; «мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература». Что между современными беллетристами не мало такихъ, къ которымъ примѣнима вышеприведенная оцѣнка — это безспорно¹⁾; но едва-ли ихъ сдѣлать тѣмъ, что они есть, «губительный вѣтеръ общественнаго равнодушія». Современное русское общество, разсматриваемое какъ цѣлое, отнюдь не охладѣло къ «идейной» литературѣ. Доказательствомъ этому служить не только страстный интересъ, возбуждаемый каждымъ новымъ произведеніемъ Льва Толстого, но и небывалый успѣхъ стихотвореній Надсона, расходящихся ежегодно во многихъ тысячахъ экземпляровъ, неувядающая популярность Гаршина и Короленка, радостное ожиданіе, возбуждаемое каждымъ новымъ тенденціознымъ талантомъ (напр. М. Горькимъ). Правда, читающая пуб-

1) Большою несправедливостью кажется мнѣ отвесеніе къ этой категоріи г. Чехова, и я очень сожалѣю, что рамки моей работы не позволяютъ мнѣ объяснить подробно причины несогласія моего, по этому вопросу, съ г. Головинымъ.

лика теперь несравненно многочисленнѣе и пестрѣе, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ; но не отъ новыхъ ея слоевъ, требующихъ грубой или пряной пищи, зависитъ общій тонъ литературы. Для этихъ слоевъ существуютъ свои писатели, которымъ г. Головинъ, какъ и слѣдовало ожидать, не отвелъ мѣста въ своей книгѣ. Какъ бы быстро ни росла читающая толпа, ей не под силу опредѣлить направленіе художественнаго творчества и извести его до «уровня посредственности», до «идеала умѣренности и аккуратности».

Изъ великихъ русскихъ романистовъ XIX вѣка наименѣе справедливую оцѣнку въ книгѣ г. Головина нашелъ Тургеневъ. Отступая отъ своего обычнаго правила — говорить только о произведеніяхъ, а не о писателяхъ, — авторъ обвиняетъ Тургенева въ «кокетничаньѣ» съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, въ «явномъ ухаживаньѣ за передовою молодежью», въ «неискренности», въ «готовности на большія уступки ради сохраненія популярности», въ «лицемѣрныхъ симпатіяхъ къ радикаламъ» (стр. 284, 286, 294, 306). Онъ видитъ въ фигурѣ Инсарова проницательное отношеніе не только къ самому герою, но и къ шестидесятникамъ (стр. 289), забывая, что въ моментъ появленія «Наканунъ» (1860) еще не успѣлъ сложиться типъ новыхъ людей, характеристичный для новаго десятилѣтія. Онъ находитъ, «скрытую насмѣшку» даже въ образѣ Елены, потому что «разлетѣлись въ дымъ» всѣ подвиги Инсарова, — а Елена «отдала ему то, чѣмъ не жертвуетъ ни одна изъ Тургеневскихъ дѣвушекъ» (а Лиза въ «Дневникѣ лишняго человѣка», а Зинаида въ «Первой любви?»). Но вѣдь Инсарова остановила только смерть, передъ которою безсильна самая могучая воля... «Дымъ», по словамъ г. Головина, былъ «отместкою» Тургенева за всѣ непріятности, которыя причинили ему «Отцы и Дѣти». Этотъ романъ соединяетъ въ себѣ «глубокій психологическій анализъ женской натуры съ необыкновенно поверхностнымъ и фельетоннымъ изображеніемъ общественнаго быта» — изображеніемъ, которое можетъ служить «образчикомъ неудачнаго, хотя и ядовитаго писк-

вля» (стр. 297). Тирады Потугина «свидѣтельствуяють только о томъ, что,ряду съ большимъ свѣтомъ и съ радикалами, Тургеневъ хотѣлъ наговорить непріятностей и славянофиламъ» (стр. 300)... Тему «Нови» Тургеневъ «разработалъ очень мелко». Неждановъ «жалокъ и смѣшонъ до послѣдней степени; не искупаетъ этого и послѣдняя совершенная имъ нелѣпость — безпричинное (?) самоубійство». Маріанна — самая неудачная изъ всѣхъ женскихъ фигуръ Тургенева; Соломинъ — «Китайская тѣнь, единственная живая струна которой сводится къ чему-то очень похожему на кулачество»¹⁾; не менѣе фальшивы Сипягинъ и Коломейцевъ (стр. 302—304)... Самый серьезный упрекъ, дѣлаемый Тургеневу г. Головинимъ, заключается въ томъ, что въ «Дымѣ» онъ выставилъ «въ уродливомъ видѣ» русскихъ эмигрантовъ, въ «Нови» — «не захватилъ во всей его глубинѣ общественнаго движенія семидесятыхъ годовъ». Этотъ упрекъ былъ бы справедливъ, если бы Тургеневъ задался цѣлью дать *исчерпывающую* картину того или другаго общественнаго явленія — и вмѣсто того изобразилъ бы только одну его сторону. Подобной цѣли мы не видимъ ни въ «Дымѣ», ни въ «Нови». Вопросъ сводится, затѣмъ, къ тому, вѣрны ли отдѣльные образы, созданные Тургеневымъ. Кто хорошо помнитъ такъ называемый Нечаевскій процессъ, тотъ едва-ли станетъ отрицать, что въ немъ выступали и Неждановы, и Маркеловы, и Маріанны — а Тургеневъ изображаетъ именно тотъ фазисъ революціонной агитаціи, который совпадаетъ, по времени, съ Нечаевскимъ процессомъ. «Ни сторонники хожденія въ народъ», — говоритъ г. Головинъ, — «ни въ особенности ихъ преемники террористы не такъ пусты, дряблы и ничтожны, какъ Неждановъ и Маркеловъ». Авторъ упускаетъ изъ виду, что о террористахъ не было еще и рѣчи не только въ 1868 г., къ которому отнесено дѣйствіе «Нови», но и въ 1877 г., когда «Новь» появилась въ печати; самое хож-

1) Этимъ рѣзкимъ приговоромъ нельзя не противопоставить тонкія характеристики Маріанны и Соломина, данныя проф. Овсяннико-Куликовскимъ въ его «Этюдахъ о творчествѣ И. С. Тургенева».

деніе въ народъ выяснилось вполнѣ лишь въ процессахъ пятидесяти и ста девяносто трехъ, которые слушались оба *послѣ* выхода «Нови».

Несвободенъ отъ пристрастія и взглядъ г. Головина на Крестовскаго псевдонима (Хвощинскую-Заіончковскую). Объясняется это, быть можетъ, отчасти тѣмъ, что авторъ разсматриваетъ эту писательницу въ ряду малосимпатичныхъ ему беллетристовъ шестидесятыхъ годовъ. Конечно, г. Головину хорошо извѣстно, что дѣятельность Хвощинской началась въ пятидесятыхъ годахъ (точнѣе—въ концѣ сороковыхъ); но, оторвавъ раннія ея произведенія отъ почвы, ихъ возростившей, онъ упустилъ изъ виду ихъ главную заслугу. Въ то время, когда начинала писать Хвощинская, протестъ противъ семейнаго гнета не успѣлъ еще сдѣлаться общимъ мѣстомъ—и ни у кого онъ не былъ доведенъ до такой поразительной силы, какъ именно у Хвощинской.... Отдавая справедливость «Большой Медвѣдицѣ», г. Головинъ видитъ въ ней взглядъ писательницы на по-реформенную Россію; героя романа, Верховскаго, онъ называетъ представителемъ эпохи реформъ, отразившейся на немъ только расположеніемъ къ либеральному краснбайству. Это—явное недоразумѣніе: дѣйствіе «Большой Медвѣдицы» происходитъ во время Восточной войны, въ до-реформенной Россіи.... Послѣднія произведенія Хвощинской до такой степени возмущаютъ г. Головина, что ему видится въ нихъ то «нелѣпая клевета», то вліяніе «сторонниковъ чернаго передѣла». Возводя отдѣльныя фигуры на степень сознательныхъ обобщеній, онъ утверждаетъ, что отреченіе отъ терроризма равносильно, въ глазахъ Хвощинской, мѣщанской сухости или шпионству—для мужчинъ, продажному разврату—для женщинъ (стр. 248). Такое настроеніе исключаетъ возможность спокойнаго отношенія къ писательницѣ, занимающей, во всякомъ случаѣ, очень видное мѣсто въ нашей беллетристикѣ... Отъ критика, видящаго преимущественно слабыя стороны движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, нельзя ожидать большого сочувствія къ Салтыкову; тѣмъ болѣе

отрадное впечатлѣніе производитъ сравнительное безпристрастіе, съ которымъ говорить о немъ г. Головинъ. Можно, конечно, не соглашаться съ г. Головинымъ, когда онъ сожалеетъ, что «весь огромный талантъ Щедрина пошелъ на борьбу со злобою дня, на такой односторонній и узкій видъ творчества, какъ сатира» (стр. 272); но хорошо уже и то, что онъ признаетъ Салтыкова, какъ автора сказокъ и какъ создателя *Иудушки*, *Разумова*, *Утробныхъ*, «крупнымъ художникомъ и глубокимъ психологомъ»... Безпристрастнымъ, говоря вообще, г. Головинъ остается и въ своихъ отзывахъ о романистахъ, враждебныхъ «бурѣ и натиску» — *Писемскомъ*, *Маркевичѣ*, *Всеволодѣ Крестовскомъ*, *Клюшниковѣ*, *Авѣенкѣ*, *Лѣсковѣ* (какъ авторѣ «*Некуда*» и «*На ножахъ*»). Онъ справедливъ и по отношенію къ писателю, котораго наша критика, въ большинствѣ случаевъ, или обходитъ молчаніемъ, или цѣнитъ слишкомъ низко — по отношенію къ г. *Боборыкину*. Большею задушевностью отличаются отзывы его о *Гаршинѣ* и *Короленкѣ*; напрасно только онъ называетъ послѣдняго — правда, мимоходомъ (стр. 332), — подражателемъ *Достоевскаго*... Надъ всеми остальными частями книги возвышаются главы о *Достоевскомъ* и *Л. Толстомъ*. И здѣсь, конечно — особенно въ разборѣ послѣднихъ произведеній *Толстого* — можно найти много спорнаго, но характеристика обоихъ великихъ романистовъ написана съ большою любовью, съ большимъ искусствомъ, и возбуждаетъ живой интересъ даже послѣ всей массы этюдовъ, посвященныхъ «*Войнѣ* и *Міру*» и «*Аннѣ Карениной*», «*Преступленію и наказанію*», «*Вѣсамъ*» и «*Братьямъ Карамазовымъ*».

Русскій романъ XIX вѣка, въ особености если разсматривать его въ связи съ различными фазисами общественнаго развитія, такъ близокъ къ намъ, что для исторіи его, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, еще не наступило время. Неудивительно, что книга г. Головина носитъ на себѣ ясный отпеча-

токъ симпатій и антипатій автора; неудивительно и то, что вниманіе его распредѣлено неравномѣрно между различными частями его темы. Ему удалось написать живую картину одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ русской жизни—картину тѣмъ болѣе цѣнную, что до сихъ поръ, въ такомъ объемѣ и въ такихъ предѣлахъ, ее не рисовалъ никто. Это — его безспорная и немалая заслуга.

К. Арсеньевъ.

II.

Сочиненія К. К. Случевскаго. Шестъ томовъ. С.-Петербургъ.
1898.

Сочиненія К. Случевскаго — итогъ поэтическаго творчества за многіе годы. Имя нашего поэта появилось впервые въ печати въ 50-хъ годахъ, въ литературную эпоху, которая теперь отошла уже въ область воспоминаній; это не мѣшаетъ, однако, г-ну Случевскому оставаться до нашихъ дней въ ряду писателей современныхъ, т. е. такихъ, которые живутъ не на проценты нѣкогда пріобрѣтеннаго богатства впечатлѣній, образовъ, чувствъ и мыслей, а стремятся включить въ свое поэтическое міросозерцаніе все новое, что имъ попадается въ жизни.

Поэзія г-на Случевскаго прежде всего поражаетъ разнообразіемъ своего содержанія. Въ ней нѣтъ ни повторяющейся переработки нѣкогда сложившихся взглядовъ, ни подновленія старыхъ красокъ и образовъ. Поэтъ даетъ полную безграничную свободу своей мысли и фантазіи и требуетъ отъ нихъ только, чтобы онѣ въ своемъ полетѣ коснулись возможно большаго количества вопросовъ и сторонъ жизни. Въ итогѣ получаютъ необычайно пестрыя картины, необычайно разнообразныя отзвуки на все впечатлѣнія бытія, и прошлаго, и настоящаго и даже предполагаемаго. Такое необузданное стремленіе поэта ко всему въ жизни прислушаться, обо всемъ помечтать и поразмыслить, а главное, обо всемъ сказать свое слово — отражается, конечно, иногда не

выполнѣ выгодно на законченности и пластичности его художественныхъ образовъ, на выдержанности и глубинѣ настроенія — но эти недостатки искупаются однимъ большимъ преимуществомъ: г-нъ Случевскій остается живымъ среди живыхъ людей; для наслажденія его творчествомъ нѣтъ необходимости настраивать себя на извѣстный ладъ и въ его поэзіи найдуть, и родственное, и дорогое люди разныхъ возрастовъ, темпераментовъ и взглядовъ.

Самъ авторъ любитъ, впрочемъ, часто говорить о старости своихъ лѣтъ и своего вдохновенія. Надежды его, какъ онъ признается «завѣшаны», мечты «задвинуты», силы скрылись, «глубокий слой золы лежитъ» на его сердцѣ, «въ душѣ виднѣются лишь остовы надеждъ» и «свѣтильникъ тлѣющей коптитъ и дымится». Если вѣрить ему, то онъ членъ «отступающей рати»: кого онъ любилъ, тѣ ушли въ забвеніе, чужіе люди растутъ кругомъ и ему приходится «воровать завядшіе цвѣты у прошедшаго». Много такихъ печальныхъ словъ говоритъ г-нъ Случевскій, но несправедливость ихъ (несправедливость, а не неискренность) доказывается его же творчествомъ, въ которомъ нѣтъ ни старческой усталости, ни воровства у прошедшаго, ни засохшихъ цвѣтовъ. Нашъ авторъ можетъ смотрѣть безъ тайнаго сожалѣнія и безъ тайной зависти, какъ, говоря его словами, —

Въ работѣ робкой и безмолвной,
 Людскому глазу не видна,
 Жизнь сыплетъ всюду горстью полной
 Свои живыя сѣмена!

Кромѣ способности подбирать живыя сѣмена жизни, я долженъ указать съ самаго начала еще на одно достоинство въ творествѣ г-на Случевского. Онъ, какъ поэтъ, никогда не жилъ на чужой счетъ.

Г-нъ Случевскій началъ свою дѣятельность въ тѣ годы, когда была еще очень свѣжа память о поэзіи Лермонтова. Его дарованіе крѣпло и развивалось въ сосѣдствѣ съ такими та-

лантами, какъ Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Алексѣй Толстой и Полонскій. Ни у кого изъ нихъ нашъ писатель не бралъ однако на прокатъ ни темъ, ни манеры, ни стиха.

При его любви давать своей фантазіи полный свободный просторъ, г-нъ Случевскій неоднократно касался темъ, которыя были такъ блистательно разработаны его современниками. Онъ любилъ аллегорически мечтательный міръ романтики и, какъ Лермонтовъ, примѣшивалъ къ этимъ неуловимымъ ощущеніямъ жизни дозу сарказма и разочарованной ироніи; онъ останавливался на великой борьбѣ угасавшаго язычества съ христіанствомъ и вмѣстѣ съ Майковымъ реставрировалъ памятники античной древности и христіанскихъ катакомбъ; онъ касался иногда тѣхъ граціозныхъ, очень тонкихъ чувствъ и настроеній, того интимнаго міра сердечныхъ волненій, почти недоступнаго для передачи словомъ, который составляетъ лучшее украшеніе поэзіи Фета и Полонскаго; онъ любилъ русскую былинную и сказочную старину и его патріотическое чувство часто наряжалось въ разные историческіе и фантастическіе костюмы, которыми А. Толстой такъ умѣлъ разнообразить свою національную пѣсню; наконецъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ г-нъ Случевскій воспѣвалъ народную жизнь, народное горе и, тщательно оберегая свою поэзію отъ всякихъ «гражданскихъ» мотивовъ, онъ высоко цѣнилъ мотивъ народный, заимствуя у него иногда даже внѣшнюю форму и самый складъ рѣчи. Однимъ словомъ, въ поэтическомъ творествѣ нашего автора есть много свободныхъ совпаденій съ пѣснями его современниковъ, но тотъ, кто знакомъ со стихотвореніями г-на Случевскаго, согласится, что никогда такое совпаденіе не бываетъ пѣсню съ чужаго голоса.

Оригинальность г-на Случевскаго какъ поэта не исчерпывается однако этой способностью самостоятельно развивать темы, которыя съ виртуозностью разыграны другими поэтами. Есть область, гдѣ онъ полный хозяинъ.

Это—область обобщающей и рефлектирующей мысли, которая, одѣтая во всевозможные поэтическіе наряды, произноситъ

свой судъ и надъ міромъ внѣшнихъ явленій, и надъ внутреннимъ міромъ психическихъ движеній человѣка.

Передъ нами поэтъ, у котораго мыслительная способность дѣйствуетъ чаще всѣхъ прочихъ, который отъ тревоги мысли почти никогда не свободенъ. Г-нъ Случевскій въ большинствѣ своихъ произведеній мыслитель; его интересуется въ жизни не столько само явленіе, служащее предметомъ художественнаго воплощенія, сколько смыслъ этого факта, его оцѣнка съ общихъ точекъ зрѣнія и всего чаще съ точки зрѣнія этической. Вотъ почему въ своихъ повѣстяхъ онъ иногда сразу прерываетъ разсказъ, чтобы начать разсуждать по поводу разсказаннаго и любить вставлять въ свои лирическія стихотворенія сентенціи общаго характера.

Что касается самой мысли, которая господствуетъ въ творчествѣ нашего писателя, то нужно прежде всего отмѣтить, что она въ немъ уживается съ извѣстнаго рода мистическимъ чувствомъ и сама получаетъ иногда мистическій оттѣнокъ.

«Alles vergänglichliche ist nur ein Gleichniß» могъ бы поставить г-нъ Случевскій эпиграфомъ ко многимъ изъ своихъ сочиненій. Жизнь для него въ большинствѣ случаевъ — символъ, красивый и полный этического смысла, символъ чего-то таинственнаго, что кроется за всѣмъ этимъ разнообразіемъ чередующихся событій. Отвѣта на вопросъ, что именно за этой видимостью кроется, и какъ относится зримое къ незримому, мы, конечно, не потребуемъ отъ поэта. Для него достаточно, что онъ ощущаетъ въ жизни нѣчто не разгаданное, нѣчто такое, чего нельзя «увидать, доказать или измѣрить»... Это ощущеніе неуловимаго настраиваетъ его поэтически, помогаетъ его мысли, будитъ въ немъ эстетическое чувство и поддерживаетъ нравственное....

Въ первомъ же стихотвореніи, которымъ открывается собраніе его сочиненій, нашъ авторъ говоритъ о связи видимаго міра съ міромъ «яныхъ судебъ и силъ». На этотъ горній міръ намекаетъ намъ прежде всего сила нашей мысли, которая отъ вѣка создана Богомъ, не знаетъ никакихъ оковъ и преградъ, одарена

мощью нетлѣнія, воплощаетъ Божью мысль и вершитъ вѣчныя дѣла (Т. I «Думы». «Неуловимое»). Такой же силой одарены и наши чувства; они также не рабы законовъ тяготѣнія, у нихъ свои законы —

Имъ власть дана, чтобъ имъ во слѣдъ пробилисъ

Иныхъ началъ живучія струи.

(Т. I, «Думы». «Въ лабораторіи»).

Эта мысль, эта мечта, это чувство, которымъ не дано, конечно, разгадать великой тайны міра, но которымъ позволено въ ихъ смѣломъ полетѣ коснуться иногда грани, отдѣляющей таинственное отъ видимаго, возникаютъ—кто скажетъ какъ и откуда? Иногда изъ какой-нибудь мелочи, изъ какого-нибудь вздора, всеѣмъ изъ ничего родится невзначай едва замѣтный обликъ и рвется самъ къ добру и красотѣ; нетлѣнный духъ запалаетъ неожиданно свой святой огонь и, отрѣшонъ отъ тлѣнія, паритъ свободно, царственно высоко, не зная ни граней, ни препонъ (Т. I «Пѣсни изъ углака» XLII). И напрасно мы думаемъ, что мы сами творцы этого міра, сотканнаго изъ нашихъ мыслей, видѣній и порывовъ души; не мы владѣемъ имъ, а онъ нами. Въ земномъ твореніи, говоритъ нашъ авторъ, есть незримые облики, вносящіе цѣлый обманчивый міръ въ этотъ міръ дѣйствительности. Нежданно негаданно прозрѣваются духомъ эти незримые облики и они ведутъ насъ къ подвигамъ и къ преступленію, они заставляютъ все основы нашей жизни колебаться, какъ тростникъ, и подъ ихъ давленіемъ въ человѣкѣ пробуждается воля и онъ на что нибудь рѣшается. Міръ несуществующій присутствуетъ въ этомъ рѣшеніи и если мы вдумаемся въ эту тайну, то поймемъ, насколько мы невмѣняемы. (Т. I, «Думы». «Невмѣняемость»).

Такое вѣяніе таинственнаго, которое насъ окружаетъ въ здѣшнемъ мірѣ, поэтъ даетъ чувствовать своему читателю очень часто. Во многихъ его стихотвореніяхъ и повѣстяхъ — передъ нами люди живутъ и дѣйствуютъ и даже заняты какъ будто самыми прозаическими дѣлами, но все эти картины подернуты

какой-то дымкой, которая говоритъ объ иной неуловимой таинственной атмосферѣ, облегающей всю нашу жизнь и приближающей ее къ сновидѣнію.

Если нашъ міръ связанъ такъ тѣсно съ инымъ невѣдомымъ міромъ, если мечта и чувство служатъ связью между этими мірами и неожиданно возникаютъ въ насъ, если міръ населенъ едва замѣтными обликами, которые направляютъ нашу волю и если мы такъ невмѣняемы въ движеніяхъ нашей души и въ нашихъ поступкахъ, то естественно, что намъ почти невозможно отдать себѣ ясный отчетъ въ психическихъ движеніяхъ, и нашихъ собственныхъ, и ближняго. Въ поэмахъ и повѣстяхъ, гдѣ г-нъ Случевскій проводитъ всѣ эти взгляды, онъ дѣйствительно оставляетъ многое недоговореннымъ въ мотивировкѣ поступковъ и душевныхъ движеній своихъ героевъ.

Для этихъ разсказовъ нашъ авторъ пользуется иногда готовой канвой какого нибудь народнаго преданія или историческаго факта, иногда самъ создаетъ тему.

Мнѣ кажется, что повѣсти, написанныя на готовую тему удались г-ну Случевскому лучше, чѣмъ задуманные имъ самимъ. Такіе разсказы, какъ «Нынѣ отпускаещи» (Т. V) «Наслѣдница» (Т. V) и въ особенности «Призракъ» (Т. III), я поставилъ бы на первое мѣсто среди однородныхъ произведеній. Первые два разсказа — простыя легенды съ религіозно-мистической развязкой; послѣдній — историческій разсказъ изъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I-го. Темой этого разсказа (замѣчу, одного изъ лучшихъ произведеній автора) служитъ сердечная исторія одной обманутой дѣвушки, которую судьба случайно сталкиваетъ съ императоромъ. Изъ интимныхъ разговоровъ съ нимъ она почерпаетъ первый намекъ на возможность пріобрѣсти вновь покой измученнаго, разочарованнаго сердца и, дѣйствительно, но уже у гроба императора, совершается это чудо возрожденія уставшей, повидимому истлѣвшей души къ новой жизни. Какъ это совершается — это тайна; и задача г-на Случевскаго заключалась въ томъ, чтобы дать намъ почувствовать совершившееся таинство.

Онъ это и сдѣлалъ. Характерна и типична въ разсказѣ фигура самого императора. Онъ представленъ не въ императорскомъ традиціонномъ великолѣпіи, а въ сердечной бесѣдѣ и притомъ уже явнымъ и убѣжденнымъ адептомъ мистики. Отсылаю читателя къ той части поэмы, гдѣ царь говоритъ своей собесѣдницѣ длинную рѣчь, полную мистическаго смысла, рѣчь, въ которой онъ силится изложить ей въ общихъ чертахъ свое туманное міровоззрѣніе. Нигдѣ быть можетъ, г-ну Случевскому не удавалось такъ близко подойти къ міру имъ столь любимыхъ неясныхъ чаяній.

Разсказы съ такимъ же мистическимъ настроеніемъ, но задуманные самимъ авторомъ, грѣшатъ нѣкоторой натянутостью въ ихъ построеніи, отражающейя вредно не столько на выраженіи самаго мистическаго чувства, сколько вообще на художественной цѣльности произведенія. На такія повѣсти какъ «Полусказка» (Т. V), «Дымный человѣкъ» (Т. IV), «Случай» (Т. V) указывать нечего, это — простые анекдоты довольно занятно разсказанные. Но напр. повѣсть «Өеклуша» (Т. V), въ которой къ простому разсказу изъ чухонской жизни — наивному и психологически вѣрному — примѣшана зачѣмъ-то цѣлая исторія миграціи таинственной «вавилонской» души и поэма «Три женщины» (Т. III), гдѣ опять таки въ очень тонкій и правдивый разсказъ влетена кака-то нервно разстроенная сонambuла — показываютъ намъ, что когда авторъ предоставленъ всецѣло самому себѣ, онъ, угождая своей любви къ таинственному, иногда привлекаетъ этотъ элементъ насильно — втискиваетъ его въ разсказъ, который въ этомъ не нуждался.

Наиболѣе цѣльная попытка доказать необходимое присутствіе мистическаго въ жизни дана въ романѣ «Профессоръ безсмертія» (Т. IV). Это уже настоящій трактатъ, посвященный доказательству излюбленнаго тезиса. Фабула очень проста. Медикъ позитивистъ занятъ доказательствомъ безсмертія души. Онъ убѣжденъ въ этомъ безсмертіи и хочетъ построить свою теорію на строго логическихъ выводахъ, основанныхъ на безспорныхъ неопровержимыхъ фактахъ. Онъ не допускаетъ никакой метафи-

зика въ этихъ доказательствахъ и пишетъ длинное весьма хитроумное философское разсужденіе, которое должно убѣдить читателя, что вѣра въ безсмертіе души не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы опытному знанію. Профессоръ повидимому вполне спокоенъ и доволенъ въ обладаніи такой философіей. Въ ней не находится только мѣста для таинственнаго и напр. религія съ ея внутреннимъ содержаніемъ и тѣмъ болѣе съ ея обрядовой стороною никакъ не укладывается въ рамки этого ученія. Профессоръ чувствуетъ иногда неловкость такого противорѣчія. Но оно его не очень заботитъ, пока жизнь его течетъ нормально и спокойно. Но вотъ надъ его головою неожиданно разражается несчастье: случайно на прогулкѣ тонетъ его жена. Спокойствіе его духа и его философія поставлены на пробу и они этого испытанія не выдерживаютъ. Въ проповѣдникѣ разумнаго безсмертія происходитъ крутой переломъ — онъ становится вѣрующимъ, безсмертіе души получаетъ для него иной болѣе уловимый смыслъ, онъ перестаетъ смотрѣть на религію и религіозный обрядъ исключительно съ эстетической точки зрѣнія, какъ смотрѣлъ раньше; между нимъ и покойницею устанавливается очень тѣсная связь и новый миръ нисходитъ на его душу — миръ гораздо болѣе полный, чѣмъ тотъ, который былъ нарушенъ. Мистическое начало въ жизни для него теперь не только понятно и допустимо — оно имъ создано и прочувствовано; и это сознаніе дополнило и закруглило его міросозерцаніе. вмѣсто того, чтобы въ его позитивномъ умѣ поставить все вверхъ дномъ, такой притокъ вѣры и таинственныхъ чувствъ только прибавилъ этому уму силы.

Смыслъ романа ясенъ. Это — опять указаніе на неизбежность въ жизни цѣлага ряда необъяснимыхъ чувствъ, которыя нельзя фальсифицировать при помощи хотя бы очень умныхъ и глубокихъ размышленій. Авторъ хотѣлъ какъ будто сказать, что пролить свѣтъ разума на таинственное и этимъ обнажить его — значитъ совершить надъ нимъ насиліе, за которое рано или поздно придется поплатиться.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній («Пѣсни изъ уголка» LVII) г-нъ Случевскій говоритъ о томъ спокойствіи, о той святой тишинѣ и ясномъ не тревожномъ свѣтѣ, которые даны человѣку въ его мышленіи, и противопоставляетъ этому спокойствію острую боль чувства. Я долженъ замѣтить, однако, что къ мысли точной и безстрастной, огражденной отъ обмановъ и отъ искушенія мечтой, нашъ авторъ относится въ общемъ не совсѣмъ дружелюбно. Онъ очень часто жалуется на перевѣсъ въ нашемъ вѣкѣ именно разсудка надъ чувствомъ. Онъ видитъ въ этомъ торжествѣ сознанія опасность для дорогаго ему міра грезъ, чаяній и заманчивыхъ надеждъ. «Возьми, говоритъ онъ, обращай къ невѣдомой силѣ, у меня всю увѣренность знанія, всю ношу убитыхъ страстей, возьми обдуманность словъ и дѣяній, возьми все, въ чемъ не знаю сомнѣнья, разувѣрь, обмани меня въ моей правдѣ — только верни мнѣ увлеченіе минувшихъ годовъ, зоревые огни надеждъ, дай мнѣ ими разукрасить обыденный строй жизни» (Т. I Лирическія). Отъ успѣха сознанія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, (Т. I Лирическія, «Послѣдняя слеза») и отъ холода и правды умозрѣній стынетъ чувство, гибнетъ волшебство мечты и благодать сердца. И такихъ признаній не мало.

Поклонникъ обманщицы мечты, нашъ поэтъ избѣгаетъ изображать людей уравновѣшенныхъ, жрецовъ этого пугала—резвой и точной мысли. Почти всѣ имъ набросанные и вырисованные типы — люди, находящіеся подъ властью «благодати сердца», мечтатели, сентиментальныя и романтическія натуры, фантазеры, люди «ищущіе», идеалисты всевозможныхъ оттѣнковъ. Всѣми ими правятъ чувства, о которыхъ нашъ авторъ сказалъ такъ поэтично:

Въ сердцѣ человѣческомъ
 Есть обѣтованныя
 Тропочки закрытыя,
 Вовсе безымянныя!
 Подъ вѣтвями темными
 Издавна проложены,

Безъ пути протоптаны,
 Безъ толку размножены. . .
 И по нимъ то крадутся
 По глубокой темени,
 Чувства непонятныя
 Безъ роду, безъ племени...
 Чувства безымянныя,
 Сироты бездомныя,
 Робкія, пугливыя,
 Иногда нескромныя. . .

Кто пожелаетъ убѣдиться, какъ г-нъ Случевскій умѣетъ выслѣживать такія пугливыя чувства, пусть кромѣ большихъ повѣстей (какъ напр. «Виртуозы», «Голубой платокъ») прочтетъ такіе рассказы какъ напр. «Новый Дулькамара» (Т. IV), «Завянетъ-ли» (Т. V), «Что людямъ иногда кажется» (Т. V), «Изъ чужаго дневника» (Т. V), «Два тура вальса» (Т. VI), «Воспоминаніе» (Т. V), «Амазонки» (Т. V), «Любовь сокола» (Т. IV). Въ формѣ аллегорической сказки, исторической картинки, бытоваго разсказа или анекдота въ этихъ повѣстяхъ высказана съ большей или меньшей ясностью одна основная мысль, —мысль о томъ, какое сложное явленіе представляетъ изъ себя душа человѣка, какъ много въ ней неожиданнаго, необъяснимаго, страннаго и какъ правъ бываетъ человѣкъ, когда удивляется самъ своему поступку или чувству.

Особенно сильный подъемъ таинственныхъ и возвышенныхъ чувствъ пробуждаетъ въ нашемъ поэтѣ, какъ и слѣдовало ожидать, красота, воплощенная въ природѣ и въ искусствѣ. Культъ красоты одинъ изъ самыхъ важныхъ символовъ его вѣры. Она, эта «нетлѣнная, вѣчная красота» служитъ лучшимъ украшеніемъ нашего міра и созерцаніе ея смягчаетъ чувство скорби и боли, неизбежно вызываемыя въ насъ всякимъ раздумьемъ:

Нашъ умъ порой, что поле послѣ боя,
 Когда раздастся ясный звукъ отбоя:

Уходятъ сомкнутые убылью ряды,
 Повсюду видятся кровавые слѣды,
 Въ травѣ помятой лезвія мелькають,
 Здѣсь груды мертвыхъ, эти умирають,
 Идетъ прислушиваясь къ звукамъ, санитаръ,
 Даетъ священникъ людямъ отпущенья—
 Слоятся дымъ послѣдняго каждаго...
 А птичка Божія, являя цѣнный даръ,
 Чудесный даръ живаго пѣснопѣнья,
 Присѣвъ на острый штыкъ, омоченный въ крови,
 Поетъ, счастливая, о мирѣ и любви...

Красота безсмертна, она, «одна въ сонмѣ мертвыхъ живая», пережила всѣхъ боговъ въ мирѣ. Здѣсь на землѣ, «вѣчно прису- щая и все-таки неуловимая», она обрѣла вновь свою юность (Т. II, «Мертвые боги»). Служитель ея одаренъ даромъ прозрѣ- нія; ему какъ пророку—мудрецу дано провидѣть всю тщету и суету внѣшняго блеска міра, дана способность угадывать тра- гическій смыслъ бытія (Т. I «Кароагенъ»); ему дана также власть по своему, въ угоду своимъ цѣлямъ, изображать жизнь нной, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ; и такое его насиліе надъ времен- ной правдой искупается благодѣяніями той красоты, которую онъ далъ людямъ лицезрѣть и чувствовать (Т. V «Фаустъ въ новомъ пересказѣ»).

Въ свое время, въ концѣ 60-ыхъ годовъ нашъ авторъ ломалъ за эту красоту копья въ цѣломъ рядѣ критическихъ статей, направ- ленныхъ противъ Писарева и Чернышевскаго. Онъ былъ тогда очень рѣзкимъ полемистомъ. Но въ своемъ творчествѣ онъ никогда не допускалъ никакого полемическаго задора и кады кра- сотѣ никого не задѣвалъ кадиломъ; онъ только восхищался и славословилъ.

Оригинальности и силы, однако, въ этихъ лирическихъ во- сторгахъ нѣтъ.

Большій интересъ представляютъ тѣ изъ его повѣстей, въ

которыхъ дѣйствующими лицами являются служители этой красоты—художники. Къ числу такихъ относятся «На мѣсто», «Художественныя убійства», «Удивительное приключеніе», «Мечты и выстрѣлы», «Обликъ», «Форнарина» (Т. V). Стройность плана, занимательность и романтическій колоритъ составляютъ ихъ неотъемлемое достоинство.

Отмѣчу, что въ двухъ изъ нихъ («Обликъ» и «Художественныя убійства») нашъ авторъ коснулся одного очень важнаго и глубокаго вопроса, мимо котораго проскользнулъ, какъ-бы боясь или не желая вникнуть въ него глубже. Это—вопросъ о возможномъ сочетаніи великаго таланта и служенія высокой красотѣ съ самымъ беспощаднымъ эгоизмомъ, вопросъ о связи красоты и зла, которая, дѣйствительно, иногда можетъ быть подмѣчена въ душѣ художника. Тотъ, кто слѣдилъ за развитіемъ эстетическихъ взглядовъ въ послѣднее время, требующихъ полной свободы для художника и примѣшивающихъ къ понятію о такой свободѣ — мысль о полномъ освобожденіи отъ всякихъ принятыхъ нравственныхъ обязательствъ — тотъ оцѣнитъ весь интересъ и важность темы, затронутой въ данномъ случаѣ г-номъ Случевскимъ. Къ сожалѣнію нашъ авторъ именно только затронулъ эту тему и то очень небрежно. Онъ имѣлъ очевидно на то свои причины. Не замѣтить такой темы, не углубиться въ нее онъ не могъ при его широкомъ литературномъ образованіи и при его умѣннѣ бытіи современнымъ.

Для того, кто вѣрнитъ въ тѣснѣйшую связь добра и красоты, (а нашъ авторъ, повидимому, глубоко убѣжденъ въ этой связи) фактъ не рѣдкаго сочетанія въ одномъ лицѣ высоко развитаго эстетическаго чувства съ полнымъ индифферентизмомъ въ нравственныхъ вопросахъ — представляетъ не малое затрудненіе для психологическаго объясненія. Нашъ авторъ, конечно, много думалъ надъ этой аномаліей и даже для самого себя былъ однажды готовъ допустить возможность чистаго эстетическаго воззрѣнія на міръ безъ всякой примѣси нравственнаго элемента. Такъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ лирическихъ стихотвореній (Т. I

Думы. «Заря во всю ночь») онъ, подводя итогъ своей жизни, говоритъ:

Бой съ призраками конченъ. Жизнь полна.
 Въ ней было все: ошибки и паденья,
 И чадъ страстей и обаянье сна,
 И слезы горькія больнаго вдохновенья,
 И жертвы, жертвы... На могилахъ ихъ
 Смириться развѣ? — но смириться больно
 И жалко мнѣ себя и жалко снлъ былыхъ...
 Не бросить-ли все, все, сказавъ всему: довольно!
 И успокоившись по торному пути,
 Склонивши голову почтительно пройти?
 А тамъ? — А тамъ смотрѣть съ умѣньемъ знатока,
 Смотрѣть художникомъ на вѣрность исполненья,
 Какъ истязаются, какъ гибнутъ поколѣнья, —
 Какъ жить имъ хочется, какъ бѣднымъ смерть тяжка, —
 И поощрять дѣтей въ возможности успѣха
 Тяжелой хрипотой надтреснутаго смѣха!

Нельзя не согласиться, что въ этихъ словахъ слышенъ вовсе не голосъ торжествующаго человѣка, который наконецъ открылъ успокоительную для себя истину, а скорѣе недовѣрчивый вопросъ, поставленный самому себѣ: способенъ ли я дѣйствительно на такое холодное, хотя и умиротворяющее созерцаніе?

Мы можемъ отвѣтить за самого автора, что смотрѣть художникомъ онъ умѣетъ, но что всегда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ моралистъ съ очень опредѣленнымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ. Сознавая въ себѣ такого моралиста съ гуманной программой нашъ авторъ быть можетъ и поспѣшилъ обойти вопросъ, который ставилъ его какъ служителя красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ нравственную личность въ нѣсколько затруднительное положеніе.

Этическіе взгляды нашего писателя проступаютъ въ его сочиненіяхъ опредѣленно и ясно.

«Человѣкъ можетъ помириться съ чѣмъ угодно, все простить и всегда улыбаться лишь при одномъ условіи, если онъ усвоитъ себѣ самую безразличную философію, которая выражается словами: «все можетъ быть». Но чтобы увѣровать въ такую философію необходимо допустить полный произволъ, полное отсутствіе всякихъ законовъ и въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ нравственномъ. Но горе тому, кто подобное допуститъ; онъ долженъ погибнуть, такъ какъ допустилъ невозможное, такъ какъ не захотѣлъ признать, что въ мірѣ есть установленный порядокъ, который заставляетъ человѣка отказаться отъ безразличнаго ничего не объясняющаго и ничего не требующаго взгляда на жизнь». Такую мысль высказываетъ нашъ авторъ въ одномъ символическомъ, очень туманно написанномъ разсказѣ, который имъ озаглавленъ: «Господинъ можетъ-быть» (Т. V).

Самъ г. Случевскій такой безразличной философіи не придерживается и, имѣя опредѣленный взглядъ на нравственный порядокъ, царствующій въ мірѣ, бываетъ, конечно, нерѣдко очень пессимистично настроенъ.

Нѣтъ нужды повторять здѣсь вслѣдъ за нашимъ авторомъ всѣхъ печальныхъ мыслей, на которыя его наводятъ неизбежныя горести всякаго существованія, и несчастія, въ которыхъ виновато нравственное несовершенство человѣка. Такихъ мыслей много, онѣ давно стали общимъ мѣстомъ и въ устахъ г. Случевского не приобрѣли ни новизны, ни интереса. Отмѣчу только одно стихотвореніе, которое меня поразило своей оригинальной прозіей:

Я задумался и — одинокъ остался;
 Полюбилъ и — жизнь великой степью стала;
 Дружбу я узналъ и — пламя степь спалило;
 Плакалъ я и — василиски нарождались.
 Сталь молиться я — пошли по степи тѣни;
 Сталь надѣяться и — свѣтъ небесъ погаснулъ;

Проклятъ я — застыло сердце въ страхѣ;
 Я заснулъ — но не нашель во снѣ покоя. . .
 Усомнился я — заря зажглась на небѣ,
 Звучный ключъ пробился гдѣ то животворный,
 И по степи, неподвижной и алкавшей,
 Поросль новая въ цвѣтахъ зазеленѣла.

Относительно болѣе сильной достигаетъ г. Случевскій въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ не о своихъ скорбныхъ чувствахъ, а гдѣ онъ разсуждаетъ вообще на тему о томъ, что такое зло. Такая попытка изобразить силу злого начала въ жизни дана, напр., въ его стихотвореніи «Мефистофель» [Т. I]. Мефистофель нашего поэта не мелкій бѣсъ и не духъ сомнѣнія, оздоравливающей нашу жизнь своимъ всеокушающимъ анализомъ. Онъ представитель вѣчнаго отвлеченнаго начала зла, безсмертнаго, присущаго во всемъ мірозданіи. У всѣхъ на глазахъ Мефистофель создаетъ свой міръ, онъ жжетъ добродѣтелю, молится преступленіемъ, убиваетъ своимъ поцѣлуемъ, онъ раздробляетъ свою великую душу и торжествуетъ. («Мефистофель въ пространствахъ»). Онъ издѣвается надъ добромъ, съ ироніей привѣтствуетъ его появленіе въ мірѣ, какъ необходимое условіе его собственнаго бытія и дѣятельности («На прогулкѣ»). Онъ радуется когда ему удастся чѣмъ либо развратить человѣка и пробудить въ немъ злыя инстинкты («Преступникъ»). Онъ къ тому же художникъ: есть цвѣтокъ имъ созданный и въ этомъ поэтическомъ цвѣткѣ заключены всѣ чары смерти и вся прелесть зла («Цвѣтокъ сотворенный Мефистофелемъ»). Власть Мефистофеля простирается надъ всѣми людьми и только одни идиоты спасены отъ него нищенствомъ своего духа («Соборный сторожъ»).

То, что въ этихъ стихахъ представлено въ нѣсколько развязной формѣ выражено съ подобающей строгостью въ фантастической драмѣ «Элоа» (Т. II).

Г. Случевскій взялъ старый сюжетъ и отбѣнилъ въ немъ преимущественно мрачную сторону. Подъ его перомъ эта легенда

не столько печальныйъ разсказъ о любви мрачнаго духа къ свѣтлому ангелу и о гибели этого ангела въ сѣтяхъ обольстителя, сколько доказательство закоренѣлости зла вообще и его невоспріимчивости даже къ самымъ слабымъ добрымъ аффектамъ. Сатана г. Случевского — убѣжденный дуалистъ; онъ въ длинномъ глубокомысленномъ монологѣ излагаетъ свое ученіе о неразрывномъ союзѣ добра и зла въ мірѣ. Онъ считаетъ себя равнымъ Богу, второй равнозначущей потенціей. Но не такимъ считаетъ его Элоа, которая надѣется подчинить его прежней небесной іерархіи. Такой возвратъ сатаны на небо возможенъ при одномъ условіи — если его полюбитъ бессмертная. Эта бессмертная дѣйствительно его любитъ, но конечно небесной, духовной любовью. Иной она любить не можетъ. Сатана требуетъ однако отъ ангела плотской любви, на которую Элоа отвѣтить не въ силахъ. Безполая жрица оказывается сатанѣ ненужной и онъ остается по прежнему одинокимъ, удваиваетъ свою злобу и раздражается ею со страшной силой надъ міромъ.

Слишкомъ чувственный мотивъ, отгнанный г. Случевскимъ въ его поэмѣ, придалъ легендѣ нѣсколько своеобразный аллегорическій смыслъ. Зло не только восторжествовало, но даже въ моментъ встрѣчи съ ангеломъ любви не стало хоть на мгновение чище. Оно осталось такимъ, какимъ оно было — и только для смягченія слишкомъ мрачнаго колорита авторъ спасъ Элоа изъ рукъ ея соблазнителя и обѣ потенціи, и добрая, и злая не сдѣлали другъ къ другу ни шага.

Такая увѣренность автора въ силѣ злаго начала находитъ себѣ однако поправку въ его христіанской вѣрѣ. Христосъ стоитъ для него въ центрѣ всего міра; Онъ проникаетъ собою все, даже то, что повидимому меньше всего можетъ согласоваться съ Его святостью и любовью (Т. I. «Пѣсни изъ уголка» XXX). Христосъ прійдетъ, какъ Онъ приходилъ и какъ теперь приходитъ къ каждому изъ насъ въ жизни. Г. Случевскій нерѣдко описываетъ такія пришествія. Говоритъ ли онъ о какомъ нибудь частномъ случаѣ въ обыденной жизни, когда сила вѣры во Христа переро-

ждаетъ человѣка (см. напр. относящіяся сюда страницы романа «Виртуозы», а также рассказы «Воскресеніе» (Т. V), «Выстрѣлъ» (Т. V) или онъ рисуесть великій историческій моментъ торжества христіанства (какъ напр. въ серіи рассказовъ, озаглавленныхъ «Въ великіе дни» (Т. V), онъ очень искрененъ и простъ въ своемъ рассказѣ. Повѣсть «Въ великіе дни», въ которой пересказана исторія Христова Воскресенія, по выдержанности настроенія и по стилистическому выполнению одно изъ лучшихъ произведеній нашего автора.

Какъ бы велика ни была сила зла, но этимъ сила добра не умалена.

Надо, чтобъ тьма опустилась. Какая? Не все ли равно?
 Тьма ли могилы, тьма времени? — Только бы стало темно...
 И проступаютъ тогда разгораясь въ коронахъ лучей,
 Ярко на диво неожиданно прозрѣвшихъ очей,
 Цѣлыя сферы красотъ безконечно живыхъ,
 Что бы безмолвно свѣтитъ въ ночь дѣяній людскихъ...

Такъ сквозь темное царство зла свѣтятъ въ мірѣ и лучи
 добраго свѣта.

Зло не фантастика, не миѳъ, не отвлеченность!
 Добро не звукъ пустой, не призракъ, не мечта!
 Все древле-бывшее, вся наша современность
 Полна ихъ битвами и кровью залита.
 Ни взвѣсить на вѣсахъ, ни сдѣлать измѣренья
 Добра и зла нельзя, на то нѣтъ средствъ и силъ.
 Забавно прибѣгать къ чертамъ изображенья...
 Зачѣмъ тутъ видимость, зачѣмъ тутъ воплощенья,
 Явленья демоновъ, гдѣ медленно, гдѣ вдругъ,
 Когда въ природѣ всей смыслъ каждаго движенья —
 Явленье зла, страданье, боль, испугъ...
 И даже чистыхъ думъ чистѣйшіе порывы
 Порой отравой зла на смерть поражены,

И кажутся добры, привѣтливы, красивы
 Всѣ ухищренія, всѣ козни сатаны.
 Какъ свѣта лучъ, какъ мысль, какъ тяготѣнье,
 Какъ холодъ и тепло, какъ жизнь цвѣтка, какъ звукъ —
 Зло несомѣнно есть. Свидѣтель — все творенье! . .
 Мѣняются годá, мечты, народы, лица,
 Но вся земная жизнь, всѣ, всѣ ея судьбы —
 Одна, единая, мельчайшая частица
 Борьбы добра и зла и слѣдствій той борьбы.

Но и въ этой жизни столь безпомощной даетъ себя чувствовать иногда какая то таинственная сила, необъяснимая Немезида, карающая все преступное. О такой Немезидѣ говоритъ нашъ авторъ, напр., въ своей романтической драмѣ «Землетрясеніе» (Т. II), гдѣ жертвой карающей судьбы становится какой-то довольно фантастическій отъявленный злодѣй, жизнь котораго полна всевозможныхъ преступленій и который наконецъ гибнетъ, засыпанный землей въ могилѣ погубленной имъ женщины.

Идея возмездія повторена и въ нѣкоторыхъ другихъ повѣстяхъ г. Случевского какъ напр. «Въ скудельницѣ» (Т. V), «Сосунъ» (Т. IV) и «Мой Дядя» (Т. V).

Ни пессимизмъ нашего автора, ни неизбѣжное разочарованіе, ни сознаніе всей силы и глубины вкоренившагося зла въ людяхъ, не отнимаютъ у него возможности радоваться мельчайшему факту, въ которомъ доброе начало даетъ себя чувствовать. Онъ самъ говоритъ:

Не трогаеть меня: ни блескъ обычный дня,
 Ни слезы неудачъ, ни шумъ успѣховъ разныхъ —
 Равно мнѣ чуждые — не трогаютъ меня!
 Но если предъ лицомъ обмановъ безобразныхъ
 Вдругъ честность верхъ возьметъ, осплить доброта,
 И рухнуть козни зла въ ихъ нападеньи дружномъ,
 Или себя въ конецъ измасть суета,

Обманутся мечты лукавства и въ ненужномъ
 Слѣпомъ стремленіи насиліе надорветъ
 Свою увѣренность — мнѣ кажется, что гдѣ-то
 Изъ неизвѣстнаго и чуждаго намъ свѣта,
 Какой-то голосъ пѣсню мнѣ поетъ. . .
 И пѣснѣ той во слѣдъ глядишь духовнымъ окомъ
 Въ невѣдомую даль невѣдомой страны,
 Гдѣ воздыханій нѣтъ о близкомъ, о далекомъ,
 Въ которой все добры, все искренно честны —
 И вѣрится тогда, что можно, безъ сомнѣнья,
 И въ этой жизни, здѣсь, хоть въ блескѣ отраженья
 Хоть только въ чаяньи — найти на краткій срокъ
 Забвенья тихаго завѣтный уголокъ.

Весьма важную роль въ этическомъ міросозерцаніи нашего автора играетъ чувство прощенія. Г. Случевскій часто настаиваетъ на этомъ чувствѣ, рассуждая правильно, что тотъ, кто приглядѣлся къ жизни, кто для многихъ своихъ чувствъ желалъ бы прощенія, тотъ пойметъ какъ всегда и вездѣ необходимо прощать другихъ (Т. I «Думы», стр. 9). То же говоритъ онъ и въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ стихотвореній (Т. I «Пѣсни изъ уголка» I):

Я домъ воздвигъ въ странѣ бездомной,
 Рѣшилъ задачу всехъ задачъ, —
 Пускай ко мнѣ, въ мой уголъ скромный,
 Идутъ и жертва и палачъ. . .
 Я вижу, знаю, постигаю,
 Что все должны быть прощены. . .

О необходимости прощенія въ жизни говоритъ нашъ авторъ часто и въ своихъ повѣстяхъ и поемахъ. Женщина, мстящая за оскорбленіе всехъ своихъ святыхъ чувствъ, осуждена именно за то, что она мстила (Ересіархъ Т. III). Униженный и обиженный труженикъ, уже мертвый, останавливаетъ своего мстителя и какъ бы прощаетъ обидчика (Т. IV «Трещина»).

Обманутый мужъ прощаетъ женѣ и бросается на розыски ея незаконнаго сына (Т. III «Ларчикъ»). Даже для вины Робеспьера находится смягчающее обстоятельство (Т. I «Голова Робеспьера») и наконецъ одно изъ лучшихъ стихотвореній г. Случевского: «Послѣ казни въ Женевѣ» (Т. II) —

Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло...
 Я видѣлъ казнь: багровый эшафотъ
 Давилъ, какъ будто бы, сбѣжавшійся народъ,
 И солнце ярко на топоръ сіяло.
 Казнили. Голова отпрянула, какъ мячъ!
 Стеръ полотенцемъ кровь съ обѣихъ рукъ палачъ,
 И красный эшафотъ поснѣжно разобрали,
 И увезли и площадь поливали.
 Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло...
 Мнѣ снилось: я лежалъ на страшномъ колесѣ,
 Меня коробило, меня на части рвало,
 И мышцы лопались, ломались кости всѣ...
 И я вытягивался въ пыткѣ небывалой
 И ставъ звенящую, чувствительной струной,—
 Къ какой то схимницѣ больной и исхудалой,
 На балалайку вдругъ попалъ едва живой!
 Старуха страшная меня облюбовала
 И нервнымъ пальцемъ дергала меня,
 «Коль славенъ нашъ Господь», тоскливо напѣвала,
 И я ей вторилъ жалобно звеня!.. —

развѣ оно не есть жалоба на отсутствіе этого прощенія въ мірѣ, жалоба, пропитанная насквозь безощадной ироніей надъ мнимой человѣческой справедливостью?

При такомъ морализирующемъ направленіи въ своемъ творчествѣ г. Случевскій, конечно, долженъ былъ неоднократно являться въ роли сатирика и обличителя. Въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ повѣстей и романовъ, онъ дѣйствительно указываетъ

на многія нравственныя аномаліи въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. «Весь интеллигентъ начинаетъ виртуозничать», говоритъ нашъ авторъ въ одномъ мѣстѣ («Виртуозы») и въ поясненіе этой мысли онъ пишетъ два большихъ романа, въ которыхъ указываетъ на уклоненіе этого интеллигента отъ общепризнанныхъ правилъ честности, порядочности и нравственности. Романы озаглавлены: «Виртуозы» и «Застрѣльщики» (Т. VI). Сюжетъ одного взять изъ дворянскаго и военнаго быта, сюжетъ второго изъ жизни промышленниковъ. Это самыя крупныя по размѣрамъ произведенія г. Случевского, но я не отнесу ихъ къ лучшимъ. Они рассказаны занимательно, читаются, за исключеніемъ разсужденій, съ интересомъ, въ нихъ есть иронія и злость, много нѣжныхъ, задушевныхъ сценъ, написанныхъ во славу торжествующей добродѣтели, но я сказалъ бы, что ихъ дѣйствующія лица лишены той типичности высшаго порядка, которая придаетъ созданному образу полную художественную правдивость и жизненность. Типы либо мало характерны, обыденны, либо недостаточно ярко очерчены; въ общемъ картина жизни мало рельефная, не говоря уже о томъ, что общественный смыслъ этой сатиры не новъ и незначителенъ.

Къ числу такихъ же очерковъ и набросковъ, въ которыхъ обнаружена виртуозность современнаго интеллигента относятся и рассказы «Око за око» (Т. IV), «Кто лгалъ?», «Приглядитесь къ ней», «Безъ хозяйки» (Т. V). Во всѣхъ этихъ очеркахъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, что и въ большихъ романахъ.

Мнѣ кажется вообще, что область сатиры и въ особенности юмора не та сфера, въ которой нашъ авторъ чувствуетъ себя вполне дома. Пусть читатель обратитъ вниманіе на такіе рассказы, какъ напр. «Идолъ», «Грамматическая сказка», «Два сидоровыхъ», «Ищутъ клоуновъ», «Человѣкъ и картонъ» въ IV-мъ томѣ или пусть онъ перелистуетъ сборникъ стихотвореній, озаглавленный «Изъ дневника односторонняго человѣка» (Т. I), онъ убѣдится, насколько у нашего автора веселый и шутливый

или саркастическій взглядъ на жизнь уступаетъ серьезному взгляду. Присущая г. Случевскому способность всегда смотрѣть на жизнь съ высоты не позволяетъ или мѣшаетъ ему уловить тѣ тонкія комическія стороны, которыя такъ цѣнны для сатирика и юмориста. Юмористъ и сатирикъ пользуются такими сторонами, чтобы отгѣнить весь ихъ глубокій и серьезный смыслъ. Г. Случевскій съ самаго начала погруженъ въ созерцаніе этого глубокаго смысла и взглядъ его только скользитъ по комическому и пошлomu.

* * *

Если гдѣ нашъ авторъ всего болѣе поэтъ, такъ это въ своихъ описаніяхъ природы и въ картинахъ изъ простонароднаго быта. И жизнь природы, и жизнь народа для него двѣ области, въ которыхъ онъ находитъ удовлетвореніе для самыхъ дорогихъ ему чувствъ: въ природѣ такъ много красоты, а въ народной душѣ такъ много не сразу понятаго, гуманнаго и религіознаго.

Въ стихотвореніяхъ г. Случевского много описаній природы. Основной тонъ, въ которомъ эти картинки и пейзажи выдержаны, очень ровный и спокойный. Вездѣ чувствуется, что природа для него великая утѣшительница, какой она была для многихъ, болѣвшихъ разными сложными вопросами жизни и духа. Гдѣ меньше культуры и гдѣ больше непосредственности, гдѣ меньше чувствуется колебанія людскаго ума и сердца и гдѣ во всей красѣ выступаетъ великая тайна творенья, тамъ дышется какъ то легче.

Покой и тишина убаюкиваютъ мысль и подсказываютъ человѣку музыкальныя и спокойныя строфы. Весь просторъ, вся ширь природы принадлежитъ человѣку, умѣй онъ только сжитья съ ней и взглянуть на нее глазами простаго созерцателя (Т. I, «Пѣсни изъ уголка» LXIV). Природа вездѣ полна красоты во всѣ времена года и во всякомъ нарядѣ, начиная отъ блестящихъ красокъ юга и кончая сѣвернымъ сумракомъ, и днемъ, и ночью.

У г. Случевского нѣтъ любимыхъ пейзажей, кото-

рые бы онъ вырисовывалъ, повинуюсь какому нибудь одному настроенію. Можно сказать, что не пейзажъ зависитъ отъ его настроенія — какъ это не рѣдко бываетъ у субъективныхъ поэтовъ, а наоборотъ въ самомъ поэтѣ пейзажъ возбуждаетъ разнородныя настроенія. Вотъ почему его картины природы такъ разнообразны. Такими онѣ являются въ его стихотвореніяхъ озаглавленныхъ «Изъ природы», «Черноземная полоса» (Т. I), «Въ пути» (Т. II), «Пѣсни изъ уголка» (Т. I). Изображаетъ ли онъ деревню во время народной страды или просто какой нибудь дачный пейзажъ, или далекіе пустынные берега Сѣверной Двины, Заонежья, «гдѣ только стоить телеграфной проволоки напоминаетъ о людскихъ страданіяхъ», изображаетъ ли онъ величавый покой Волги съ ея пѣснями, или горные ледники — вездѣ онъ простъ и искренивъ и даже стихъ его, въ общемъ нѣсколько тяжелый, становится легкимъ и гармоничнымъ. Авторъ умѣетъ какъ-то заслонить себя пейзажемъ, и въ этомъ, мнѣ кажется, тайна того поэтического впечатлѣнія, какое производятъ его описанія. Я въ особенности отгѣню его «Мурманскіе отголоски» (Т. I) — рядъ картинъ сѣверной природы, которыя, помимо указанныхъ достоинствъ, представляютъ изъ себя новое оригинальное явленіе въ нашей литературѣ. Наконецъ, я остановлю главнымъ образомъ вниманіе читателя на тѣхъ страницахъ поэмы «Въ снѣгахъ» (Т. III), гдѣ дано описаніе зимней ночи и наступленія весны. Рѣдко приходится читать описаніе болѣе богатое поэтическими отгѣнками.

Въ силу тѣхъ же психическихъ мотивовъ, которые побуждаютъ г. Случевского такъ любить природу, онъ, интеллигентный аристократъ, любитъ бытъ простонародья.

* * *

Нашъ писатель — патріотъ и даже слегка съ славянофильскимъ отгѣнкомъ (см. напр. стихотворенія: «Два царя» и «Корона Патріарха Никона», Т. II). Но не этотъ патріотизмъ — замѣчу, очень умѣренный, далекій отъ всякихъ военныхъ трубъ, угрозъ

и самоиѣнья — заставляетъ его такъ часто говорить о народѣ и искать въ его жизни разрѣшенія многихъ сомнѣній. Нравственно религіозный взглядъ народа на жизнь — вотъ что поднимаетъ въ его глазахъ простонародную жизнь на такую высоту. Нашего автора всего болѣе интересуютъ сложныя психологическія задачи, рѣшаемыя такъ просто народнымъ умомъ и сердцемъ. Можно думать, что онъ иногда нарочно подбираетъ такія задачи и драматическія ситуаціи, чтобы въ сосѣдствѣ съ ними проиграли аналогичныя имъ положенія, взятые изъ жизни интеллигентныхъ классовъ. Но такой преднамѣренности у него нѣтъ, до того искренно, правдиво и непринужденно разработаны имъ эти мотивы изъ народной жизни.

«У народной массы есть яркое, удивительно простое очертаніе основныхъ хорошихъ инстинктовъ», говоритъ г-нъ Случевскій въ одномъ изъ своихъ романовъ, и онъ выслѣживаетъ эти хорошіе инстинкты при всевозможныхъ случаяхъ. Такихъ случаевъ представляется не мало — и въ бытѣ рабочаго люда на фабрикѣ (см. въ романѣ «Застрѣльщики» описаніе волненія, во время котораго масса обнаруживаетъ тонкое чувство справедливости и мѣры) и въ бытѣ духовенства (см. стихотвореніе «Дьячокъ», Т. II, въ особенности поэмѣ «Попъ Елисей», Т. III) — эту трогательную повѣсть о любви одного священника къ деревенской львицѣ, повѣсть, оканчивающуюся опять-таки очень характерной картиной народнаго движенія) и наконецъ въ бытѣ крестьянскомъ въ тѣспомъ смыслѣ этого слова.

Въ «Мурманскихъ очеркахъ» (Т. IV) и въ поэмѣ «Въ снѣгахъ» (Т. III) г. Случевскій всего подробнѣе останавливается на этомъ бытѣ. Онъ рисуетъ типы почти совсѣмъ не разработанные въ нашей литературѣ — типы дальняго сѣвера, т. е. края, наиболѣе отдаленнаго отъ всякой цивилизаціи. И «Мурманскіе очерки» и въ особенности поэма «Въ снѣгахъ» принадлежатъ къ лучшему, что создано г. Случевскимъ. Главное достоинство этихъ народныхъ рассказовъ — ихъ необычайная безыскусственность, при очень тонкомъ психологическомъ анализѣ душевныхъ

движеній, а также мѣстный колоритъ—выдержанный, художественно подсмотрѣнный и воссозданный. Возьмемъ напр. такіе «Мурманскіе рассказы» какъ «Черная буря» или «Безымень» — рассказы собственно говоря безъ опредѣленнаго содержанія простые наброски—какъ они реальны и какъ въ нихъ схвачены въ немногихъ словахъ народная физіономія и міросозерцаніе!

Еще болѣе колоритнымъ повѣствователемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искуснымъ психологомъ является нашъ авторъ въ рассказахъ «Передъ закрытыми глазами» и «Моленье вѣтру» — въ этихъ двухъ сѣверныхъ любовныхъ идилліяхъ, въ которыхъ нѣжность и тонкость чувства дѣйствующихъ лицъ такъ рельефно выступаютъ на сумрачномъ дикомъ фонѣ сѣвернаго быта и природы. Такой контрастъ холодной, почти безчувственной, обстановки и грубаго внѣшняго облика дѣйствующаго лица съ его глубокимъ и тонкимъ чувствомъ проведенъ и въ поэмѣ «Въ снѣгахъ» — въ этой эпопее съ религіознымъ оттѣнкомъ, въ которой авторъ рисуетъ такъ правдиво, съ одной стороны пробужденіе перваго луча пытливой мысли и нравственнаго сознанія въ совершенно некультурномъ человѣкѣ, а съ другой страшную силу воли и крѣпость этого нравственнаго чувства въ сердцѣ простой необразованной женщины, которая живетъ одной только мыслью объ искупленіи, своего быть можетъ невольнаго, грѣха.

При такомъ взглядѣ на народную жизнь, какъ на соковыщницу примѣровъ истинно религіознаго и нравственнаго отношенія человѣка къ себѣ, міру и ближнему, неудивительно, что нашъ авторъ говоритъ съ торжественнымъ радостнымъ чувствомъ о днѣ 19-го февраля и о связанной съ этимъ днемъ великой исторической эпохѣ.

Въ очень характерной повѣсти въ стихахъ, озаглавленной «Бывшій князь» (Т. III) г. Случевскій касается двухъ основныхъ моментовъ въ исторіи сближенія нашей интеллигенціи съ народомъ. Это единственная поэма, въ которой нашъ авторъ имѣетъ дѣло съ широкой общественной темой. Его герой интеллигентъ княжескаго рода. Свидѣтель и участникъ движенія

60-тыхъ годовъ, онъ былъ захваченъ политической волной того времени, подпалъ подъ власть «непровѣренныхъ идей», потерялъ въ этомъ волненіи все для себя дорогое и наконецъ отъ надвигавшейся грозы бѣжалъ за-границу. Разочаровавшись въ Западѣ, въ особенности въ показной сторонѣ его либерализма, увидавъ, какъ этотъ либеральный строй «сосетъ работника», князь, по совѣту одного развѣнчаннаго и опростившагося короля, съ которымъ его судьба столкнула, возвращается въ Россію, къ плугу, къ пашиѣ, отказывается отъ своего княжескаго титула, покупаетъ себѣ маленькое имѣнье, обрабатываетъ землю, осушаетъ болота, однимъ словомъ уходитъ въ народъ, но не съ цѣлью его учить, а для того, чтобы у него поучиться наукѣ жизни.

Я не стану разбирать вопроса, на сколько типиченъ этотъ князь — свидѣтель и участникъ двухъ такихъ знаменательныхъ моментовъ въ нашей жизни какъ эпоха реформъ и годы хожденія въ народъ. Быть можетъ, г. Случевскій и не имѣлъ въ виду рисовать такого исчерпывающаго типа, а взялъ простой и частный случай. Въ поэмѣ важенъ не главный дѣйствующій герой, а оцѣнка той обстановки, въ которой ему приходится дѣйствовать. Важна оцѣнка и характеристика 60-ыхъ годовъ, «великой эры народнаго обновленія», о которой г. Случевскій говоритъ въ своей поэмѣ такъ тепло и возвышенно; важно, что въ изображеніи власти «непровѣренныхъ идей» нашъ авторъ соблюдъ художественную мѣру, и что въ концѣ концовъ онъ увидалъ разгадку жизни (для своего героя, конечно) въ идеалѣ простой трудовой жизни, скромной и безвѣстной, какой живетъ наша народная масса. Согласимся ли мы съ этимъ рѣшеніемъ, да и согласенъ ли съ нимъ вполне самъ авторъ — это вопросъ иной. Я хотѣлъ только указать на то, какъ часто онъ — цивилизованный человѣкъ — готовъ преклониться передъ простымъ народнымъ умомъ и сердцемъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ запасъ мыслей, чувствъ и настроеній въ творествѣ г. Случевского. Этотъ запасъ, какъ видимъ, богатъ и разнообразенъ и не одинъ изъ современныхъ поэтовъ не можетъ поспорить съ нашимъ авторомъ въ обиліи развиваемыхъ имъ темъ и мотивовъ. Такое разнообразіе содержанія требовало для себя и соотвѣтственнаго богатства формы. Конечно, если только судить по разнообразію видовъ и размѣровъ этой формы, то она не оставляетъ желать ничего лучшаго. Начиная отъ пѣсни въ народномъ стилѣ, кончая аллегорической драмой въ стихахъ, начиная отъ мелкаго живо рассказаннаго анекдота до длиннаго романа — всѣ виды стихотворной и прозаической рѣчи использованы нашимъ авторомъ и часто съ большимъ успѣхомъ (слабѣ всего по формѣ его драматическіе этюды, см. напр. «Бунтъ» и «Землетрясеніе» (Т. II). Но въ общемъ на этой формѣ, и прозаической, и стихотворной нѣтъ печати, которая выдѣляла бы г. Случевского, какъ мастера слова, изъ ряду другихъ нашихъ крупныхъ писателей. Кромѣ того, въ стихотворной рѣчи нашего автора есть нѣкоторые недочеты частнаго характера; чувствуется, напр., недостатокъ музыкальности, попадаются прозаическія сравненія, необычныя ударенія, проскальзываютъ не у мѣста русскія простонародныя выраженія, которыя сбиваютъ стихотвореніе съ тона. Я не буду приводить примѣровъ и мнѣ повѣрятъ, что въ шести томахъ любого автора такихъ ошибокъ можно найти не мало.

Гораздо важнѣе другой недостатокъ и онъ относится уже не къ внѣшней, а къ внутренней формѣ творчества г. Случевского. Въ его поэзіи ощущается иногда недостатокъ силы, силы чувства, мысли, образности, въ особенности замѣтный въ виду серьезности и важности затрагиваемыхъ имъ вопросовъ. Часто не поэтъ владѣетъ темой, а она имъ, и авторъ безсиленъ покорить себѣ читателя.

Впрочемъ о поэтѣ должно судить по произведеніямъ, говорящимъ о той высотѣ, на которую онъ способенъ подняться, а не

по тѣмъ, которые указываютъ, что съ этой высоты онъ способенъ и спуститься. Если, придерживаясь этого правила, судить о поэзіи г. Случевского, то прійдется указать на цѣлый длинный рядъ произведеній, и художественныхъ, и сильныхъ. Къ числу такихъ я отнесъ бы большую часть «Думъ» (Т. III), «Не трогаютъ меня», «Мнѣ», «Въ деревнѣ», «Шли путемъ невѣдомымъ» (Т. I, «Лирическія»), «Мурманскіе отголоски» (Т. I). Многія «Пѣсни изъ уголка» (Т. I), «Статуя», «Мемфискій жрецъ», «Въ пути», «Послѣ казни въ Женевѣ» (Т. II), «Призракъ», «Въ снѣгахъ», «Попъ Елисей» (Т. III) и Мурманскіе очерки (Т. V) и др.

Повторю вкратцѣ все сказанное.

Поэтъ старшаго поколѣнія, г. Случевскій сохранилъ и до нашего времени свѣжесть творчества. Это творчество, богатое самыми разнообразными мыслями, чувствами и настроеніями, не утрачиваетъ живого интереса, въ виду широты своего поэтического кругозора, а также въ виду того, что нашъ поэтъ не столько присматривается къ деталямъ жизни, сколько судить о ней съ общихъ точекъ зрѣнія. Онъ всего чаще поэтъ мысли; въ явленіяхъ внѣшней жизни или внутренняго психическаго міра онъ стремится вычитать общій смыслъ и разнообразіемъ изображаемыхъ положеній и картинъ указываетъ на все богатство этого смысла, недопускающаго односторонняго толкованія. Поэтъ съ явнымъ тяготѣніемъ къ міру таинственнаго, эстетикъ и моралистъ съ опредѣленной нравственной программой, г. Случевскій умѣетъ объединить въ своемъ творествѣ всѣ эти различныя точки зрѣнія на жизнь, не принося ни одной изъ нихъ въ жертву другой.

Наибольшую цѣнность имѣютъ тѣ изъ произведеній нашего автора, въ которыхъ онъ является, если можно такъ выразиться, — лирикомъ мысли (см. напр. его «Думы») и затѣмъ имъ противоположныя, въ которыхъ онъ не размышляя отдается безхитроственному эстетическому созерцанію природы и простыхъ

бытовыхъ картинъ изъ жизни простонародной. Цѣнность первыхъ измѣряется ихъ оригинальностью, цѣнность другихъ — ихъ искренностью и жизненной правдивостью.

Все это богатое содержаніе облечено г. Случевскимъ въ очень разнообразную поэтическую форму, которая по внутреннему своему достоинству, если и не всегда соответствуетъ важности и глубинѣ затронутаго вопроса, то не рѣдко достигаетъ дѣйствительно высокой степени художественности.

Послѣ того, какъ старики-художники, носители традицій 40-ыхъ и 60-тыхъ годовъ, сошли со сцены, наши писатели за весьма немногими исключениями пошли по двумъ дорогамъ. Съ одной стороны мы видимъ, какъ наша изящная словесность, отклоняясь отъ обобщающаго художественнаго взгляда на жизнь, пропитывается насквозь житейской мелочью, создаетъ не типы, а фотографируетъ положенія; съ другой стороны мы видимъ, какъ въ погонѣ за «новыми» высшими взглядами, разыскивая «новую» красоту и подчиняя ей одной все остальное, наша литература все больше и больше становится чуждой жизни: художникъ начинаетъ чувствовать себя совершенно одинокимъ и лишнимъ среди окружающаго и тѣ, къ кому художникъ обращается, никакъ не могутъ понять, чего именно ему хочется, зачѣмъ онъ существуетъ, онъ, который, повидимому, такъ преисполненъ всякаго презрѣнія къ людямъ, а на дѣлѣ такъ чувствителенъ къ успѣху. Съ одной стороны художникъ изображаетъ деталь жизни безъ всякой связи съ общей ея сущностью, съ другой онъ стремится изображать лишь мимолетныя личныя эстетическія эмоціи, смотря на жизнь уже не съ высоты, а свысока.

Поставленная среди этихъ направленій, поэзія г. Случевского получаетъ особое значеніе. Она показываетъ, какъ, сохраняя тонкое эстетическое чувство и способность цѣнить въ жизни не одну лишь ея видимую и временную стойкость, можно остаться

не только созерцателемъ мимолетныхъ явленій, но и судьей ихъ, т. е. ихъ участникомъ.

Поэзія г. Случевского одинаково далека отъ индифферентнаго эстетизма и отъ слишкомъ на интересъ бьющаго реализма. Нашъ поэтъ сталъ къ жизни не на такое далекое разстояніе, чтобы, оглядываясь кругомъ, не увидеть ничего, кромѣ пустаго пространства и своей собственной особы, и онъ не сталъ къ ней также на столько близко, чтобы видѣть лишь одну какую-нибудь деталь. У него есть чему поучиться въ наше время миниатюрныхъ фотографій и туманныхъ пятенъ въ литературѣ.

Я думаю, что Второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ поступитъ справедливо, если увѣнчаетъ поэзію г. Случевского полной пушкинской преміей.

Н. Котляревскій.

III.

О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворенія (1892—1897 гг.).

Сборникъ стихотвореній г-жи Чюминой распадается на двѣ неравныя части: — оригинальныя стихотворенія составляютъ едва треть сборника, большая часть котораго посвящена переводамъ изъ иностранныхъ поэтовъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи не всѣ изъ переводовъ представляются дѣйствительно переводами: зачастую это лишь болѣе или менѣе самостоятельныя переложенія на мотивы, заимствованныя отъ иностранныхъ поэтовъ, переложенія или какъ бы пересказы «своими словами», при чемъ достоинства и недостатки оригинальныхъ произведеній автора выступаютъ довольно рельефно и въ переводахъ, придавая имъ особую окраску. Иногда г-жа Чюмина такъ вольно переводитъ, что представляется даже затруднительнымъ признать тотъ или другой оригинальный текстъ, который могъ служить ей источникомъ у указываемаго ею поэта. И обратно, въ отдѣлѣ оригинальныхъ стихотвореній — экзотическіе мотивы весьма часты, то въ заглавіяхъ (*Traumbilder*, *Serenade d'automne*, *Humoresque* и т. п.), то въ содержаніи (Провансальскіе мотивы: менестрель, *Châtelaine*, Провансальская баллада, Испанская поэма (Три любви), Поэма XVIII вѣка (Осенніе листья); Въ старомъ замкѣ и проч.). Получается какъ бы особый жанръ русско-ино-

странныхъ произведеній, т. е. русскихъ по обработкѣ, иностранныхъ по сюжетамъ, по основному мотиву, отчасти по романтическому настроенію, которое въ нихъ рѣшительно преобладаетъ. «Но понятнѣй рѣчь было — всѣхъ на свѣтѣ голосовъ», — выразилась г-жа Чюмина въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, а «былое», прошлое, какъ извѣстно, всегда нѣсколько романтично. Авторъ весьма удачно обозначилъ одинъ изъ отдѣловъ первой части сборника «Миніатюры». Это заглавіе опредѣляетъ и характеръ таланта г-жи Чюминой, таланта не яркаго, но симпатичнаго въ своей предѣльности, всего удачнѣе справляющагося съ небольшими картинками лирико-повѣствовательнаго характера, въ которыхъ не требуется сильнаго рельефа, смѣлаго размаха, чеканной фразы: плавный стихъ, нѣсколько деталей, изящно переданныхъ, и общее настроеніе, мечтательно грустное, — вотъ главныя свойства поэзіи г-жи Чюминой. Эта поэзія не нова — ни по темамъ, ни по формѣ выраженія, но свидѣтельствуетъ объ извѣстной сердечной чуткости и отзывчивости. Къ поэтическому чувству г-жи Чюминой можно примѣнить слѣдующую ея же собственную характеристику первой любви:

Не порывомъ страсти, бурнымъ и мятежнымъ,
 Какъ лѣсныя грозы, — было чувство это:
 Отъ него мнѣ вѣетъ чѣмъ-то милымъ, нѣжнымъ,
 Чѣмъ-то гармоничнымъ, какъ мечта поэта.

И отъ стихотвореній автора тоже вѣетъ «чѣмъ то милымъ, нѣжнымъ, чѣмъ-то гармоничнымъ» — и все это очень не дурно въ извѣстныхъ предѣлахъ. Когда же авторъ настраиваетъ свою лиру въ высокому тонѣ, то образы нѣсколько расплываются, въ выраженіяхъ досадливая недосказанность, которая приводитъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, напримѣръ, въ первомъ же стихотвореніи, «На стражѣ», съ котораго открывается сборникъ, непонятно кого и что собственно имѣлъ въ виду авторъ въ первой вопросительной строкѣ, и какой общій выводъ пьесы:

Сказать прости всѣмъ обольщеньямъ жизни,
 Гдѣ злоствуемъ и боремся, и лжемъ,
 Найти пріютъ въ невѣдомой отчизнѣ
 За рубежомъ?

Итакъ смерть или добровольное изгнаніе. Слѣдующая строфа не разъясняетъ первой, съ которой не вяжется и заключеніе:

Но души есть, гдѣ истина все та-же,
 Гдѣ тотъ-же свѣтъ божественной любви,—
 И если вы, стоящіе на стражѣ,
 Погасите свѣтильники свои,
 И если вы бѣжите съ поля брани, —
 Кто въ сумеркахъ, сгустившихся кругомъ,
 Укажетъ намъ невѣдомыя грани,
 Различье межъ добромъ и зломъ?
 Кто воскреситъ забытые восторги
 Возвышенно прекрасныя мечты,
 И отъ толпы, бушующей на торгѣ —
 Насъ приведетъ къ святынѣ красоты?

Послѣдняя строфа:

Пусть небеса удушливы и мрачны;
 Чѣмъ гуще тьма — тѣмъ путнику нужнѣй
 Сіяющій во тьмѣ огонь маячный,
 Отраднѣй свѣтъ сторожевыхъ огней. —

Замѣтимъ прежде всего во второй строфѣ неудачное выраженіе: «души, гдѣ истина все та-же»: во-первыхъ, — *идь* уже и въ первой строфѣ врядъ-ли умѣстно примѣнено по отношенію къ жизни, какъ понятія отвлеченнаго, а не обозначенія мѣста; нарѣчіе мѣста не подходитъ и къ слову «душа», хотя бы не въ отвлеченномъ, а въ конкретномъ смыслѣ, вмѣсто, люди. Не принято говорить:

человѣкъ, гдѣ... вм. въ которомъ...; во 2-хъ, истина «все та-же» представляется какой-то двусмыслицей, — ибо не бываетъ перемѣнныхъ истинъ. Въ 3-хъ, выраженіе — «вы, стоящіе на стражѣ» грамматически относится къ «душамъ» и получается некрасивое сочетаніе — «души, стоящія на стражѣ». Но, за отграниченіемъ этихъ шероховатостей, вся пьеса представилась бы понятнѣй, если выпустить совсѣмъ первую строфу. Иначе, какой общій выводъ? Задаеть вопросъ кто-то, очевидно, не причисляющій себя къ «стоящимъ на стражѣ» такъ какъ онъ оговаривается — «но души есть»... и далѣ «насъ приведетъ»... И если авторъ приходитъ къ заключенію, что только «стоящіе на стражѣ» не имѣютъ права сказать «прости всѣмъ обольщеньямъ жизни», то остальнымъ это какъ бы разрѣшается. Выводъ этотъ можетъ показаться неожиданнымъ и для автора, который врядъ-ли имѣлъ его въ виду, но мы придерживаемся непосредственного смысла, обусловленнаго неясностью выраженій, а можетъ-быть и нѣкоторой непроясненностью самаго замысла. Между тѣмъ, смыслъ въ пьесѣ, конечно, есть: минутное уныніе автора, собравшагося погасить свой свѣтильникъ, заставляетъ его возникнуть въ общій строй жизни; о себѣ онъ тотчасъ забываетъ, лишь бы его уныніе не охватило тѣхъ, которые намъ свѣтятъ во тьмѣ «огнемъ маячнымъ». Къ нимъ авторъ и обращается какъ-бы съ призывомъ — «бодрствовать» самимъ и вести другихъ за собой; — но вѣдь обо всемъ этомъ приходится догадываться, наперекоръ прямому выводу, подающему поводъ, какъ мы видѣли, къ двусмысленному толкованію. Это произведеніе не изъ удачныхъ по формѣ; какъ увидимъ ниже, тотъ же недостатокъ неясныхъ очертаній, смѣшенія образовъ, которые авторъ недостаточно отчетливо *видитъ*, обнаруживается въ переводахъ, ослабляя тѣмъ впечатлѣніе подлинника.

Въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ онъ проявляется не разъ. Напримѣръ, во второмъ изъ Traumbilder — «Наканунѣ увяданія» — картина осени, какъ то отождествленной то съ самой природой, то съ ея уборомъ, даетъ весьма смутный образъ:

Цвѣтущій лугъ ужъ дважды скошенъ
 И обмелѣла глубь озеръ,
 Но такъ сіяющъ и роскошенъ
 Природы царственный уборъ;
 Такъ ослѣпительны въ немъ краски
 Такая жизни полнота,
 Такая прелесть тихой ласки
 Въ ея улыбкѣ разлита.

Рѣчь шла объ уборѣ («въ немъ»), но неожиданно съ нимъ ото-
 жествлена сама природа («въ ея улыбкѣ») и въ заключеніи
 остается лишь образъ послѣдней — «какъ будто смерти дуно-
 венья надъ нею не было и нѣтъ». Конечно нѣтъ и быть не мо-
 жетъ. Мы допускаемъ образныя, или антропоморфическія выра-
 женія — «природа спитъ, улыбается, дремлетъ» и т. п., — но
 «смерть природы» это слишкомъ далеко зайти; природа вѣчна, и
 на нашъ взглядъ умѣстнѣе было бы остановиться на гибели ея
 «царственного убора»; а главное, что образъ двоятся, мы не мо-
 жемъ уловить его.

Въ другихъ случаяхъ тотъ-же авторъ достигаетъ лучшихъ
 результатовъ и сравненія попадаются весьма удачныя, именно въ
 описаньяхъ природы:

Напр. I. Въ блѣдной лазури осенняго солнца сіянье —
 Словно улыбка на мертвомъ прекрасномъ лицѣ.

II. Поникнувъ уныло вѣтвями — шумитъ растревоженный
 боръ,
 Осенними плачетъ слезами — Небесъ омраченныхъ
 просторъ.
 Какъ сумракъ и смерть неизбѣжны — Струятся они
 сквозь туманъ,
 Какъ старость они безнадежны, — Печальны, какъ
 счастья обманъ.

Отмѣтимъ еще въ «Осеннихъ мелодіяхъ»:

Земля въ разцвѣтѣ силъ и пышной красоты,
И только кое-гдѣ своею желтизною,
Какъ преждевременной, печальной сѣдиною —
Смущаютъ взоръ поблекшіе листы.

Это нѣсколько напоминаетъ поэзію и — Тютчева, и Баратынскаго, но во всякомъ случаѣ красиво и не безъ задушевности. Но сравненія вообще, говоря, легче чѣмъ образное мышленіе. Въ отдѣлѣ «Откликовъ» помѣщено стихотвореніе, которое до извѣстной степени характеризуетъ эту неясность образнаго мышленія, вслѣдствіе котораго и приводимыя сравненія у нашего автора какъ бы лишены доказательности:

Если снѣжныя вершины	Если думы и волненія
Озаритъ весенній лучъ,	Въ сердцѣ зрѣютъ, какъ зерно,
Разорвавъ снѣговъ плотины,	Имъ излиться въ пѣснопѣнья
Хлынуть съ силою въ долины	Суждено.

Воды съ кручь.

Въ первой строфѣ — «весенній лучъ» провозвѣстникъ освобожденія природы. Во второй ему приравнивается: мысль—зерно, которое, созрѣвъ, дастъ ростокъ. Это понятно. Но третья и четвертая строфы логически не вытекаютъ изъ первыхъ двухъ:

Если, плѣнь снося суровый,	И когда нигдѣ просвѣта
На цѣпи орелъ живетъ, —	Не видать, и мракъ глубоокъ —
Онъ когда-нибудь оковы	Можетъ быть пророчить это,
Разорветъ.	Что желанный мигъ разсвѣта
	Недалекъ.

Если орелъ живетъ на цѣпи, то отсюда не явствуетъ, что онъ разорветъ оковы, и когда мракъ глубоокъ — самъ по себѣ онъ не является показателемъ близкаго разсвѣта. Во всякомъ случаѣ тутъ получается несоотвѣтствіе параллелизма, т. е. «цѣпи» па-

раллельны «весеннему лучу», а «мракъ» — «мысли». Образность настроенія, служащаго содержаніемъ этого стихотворенія, лишена отчетливости и чтобы добиться смысла, нужно бы перефразировать совершенно иначе двѣ послѣднія строфы. Кстати по поводу орла, въ другомъ стихотвореніи (Орель, стр. 92), авторъ самъ указываетъ, что, когда «цѣпи приковали» орла—ему врядъ ли удастся разорвать оковы:

И тщетно могучія силы
 Въ борьбѣ недостойной губя,
 Ты видишь во мракѣ могилы
 Желанный исходъ для себя.

Конечно, настроеніе поэта подвержено колебаніямъ: сегодня ему покажется, что если орель сидитъ на цѣпи, то значитъ онъ разорветъ цѣпь, а завтра наоборотъ, но въ такомъ случаѣ предпочтительнѣе, прибѣгая къ сравненіямъ, придерживаться реальныхъ чертъ, т. е. въ первомъ случаѣ — или внести подробность въ pendant къ «лучу», или оговорку, хотя-де орель и на цѣпи, но *можетъ быть* онъ освободится, какъ въ послѣдней строфѣ, гдѣ вставное «можетъ быть» спасаетъ недоказательность пророческаго мрака.

Непонятно намъ и стихотвореніе «Утренняя звѣзда» (стр. 17): глядя на утреннюю звѣзду, поэтъ уносится мыслью туда, «гдѣ мерцаетъ, блѣднѣя съ разсвѣтомъ, одинокому та-же звѣзда». Затѣмъ, печаль о быломъ «безъ возврата», и заключеніе:

Не сіянія блѣдныхъ лучей
 Одинокой звѣзды предразсвѣтной —
 Вдохновеньемъ согрѣтыхъ рѣчей
 Жаждетъ сердце во мглѣ непривѣтной
 Этихъ первыхъ холодныхъ лучей.

Все это какъ-то не связано: кто-то «одинокій», смотрящій на ту-же звѣзду, что и поэтъ; былое, отошедшее невозвратно «въ туманную даль»; и жажда вдохновенныхъ рѣчей взамѣнъ пред-

разсвѣтныхъ лучей. Настроеніе смутно и передано въ смутномъ образѣ. Врядъ-ли чье сердце жаждетъ «сіянія блѣдныхъ лучей», ради нихъ самихъ, и посему ихъ замѣна — рѣчами, согрѣтыми вдохновеньемъ, — представляется нѣсколько неожиданной.

Вполнѣ признавая, что лирическое чувство можетъ передаваться порой въ неясныхъ, смутныхъ образахъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что у поэта съ сильнымъ образнымъ мышленіемъ недосказанность въ большинствѣ случаевъ представляется лишь кажущейся: отдѣльные штрихи, черточки могутъ быть соединены и представить цѣльный, даже пластичный образъ, если захотѣть подвергнуть провѣркѣ подразумеваемое. Это подразумеваемое, недосказанное можетъ оказаться и «выше словъ», т. е. непередаваемымъ словами, но во всякомъ случаѣ, даже при накопленіи и чередованіи образовъ, должна быть наблюдаема въ нихъ внутренняя или иносказательная логичность. Мы увидимъ при разборѣ переводовъ г-жи Чюминой, что именно недостаточная вдумчивость въ сущность и очертанія того или другого образа, созданнаго поэтомъ, является главнымъ недостаткомъ передачи ихъ съ иностраннаго на родной языкъ. За всѣмъ тѣмъ, и въ отдѣлѣ самостоятельныхъ произведеній есть удачныя стихотворенія, чисто лирическія — (напримѣръ, «У моря» I; изъ зимняго альбома, 4 и др.) или вышеуказанныя лирико-эпическія небольшія поэмы (напр. «Осенніе листья»). Но такъ какъ, въ общемъ, — темы поэзіи г-жи Чюминой не особенно новы и не очень оригинальны, общій характеръ ихъ вышеуказанъ, то мы перейдемъ къ рассмотрѣнію ея переводовъ, представляющихъ и наиболѣе значительную часть сборника, по объему. Два слова сперва по поводу языка въ стихотвореніяхъ автора: въ общемъ языкъ ея правильный, ясный, не вызывающій особыхъ замѣчаній. Но авторъ кое-гдѣ допускаетъ небольшія погрѣшности противъ принятыхъ согласованій словъ въ предложеніи. Мы уже отмѣтили неправильное употребленіе *идь* по отношенію къ отвлеченнымъ понятіямъ и одушевленнымъ предметамъ. Некрасиво и слѣдующее сочетаніе съ что:

Слышу звукъ рѣчей миѣ милыхъ,
 Можетъ-быть невозвратимыхъ
 Но что я забыть не въ силахъ.

Не лучше-ли было бы просто сказать: но забыть *ихъ* я не въ силахъ. Предлогъ «межъ» авторъ употребляетъ съ двумя падежами: «межъ вѣтвей», но «межъ травою», «межъ зеленою» и т. д. Признаться, это употребленіе «межъ» съ собирательнымъ именемъ въ творительномъ падежѣ, — вмѣстѣ средь, среди, въ, — намъ не особенно нравится. Чувствуется нѣкоторое насиливаніе языка, ибо если допускать выраженія «межъ травою», то этимъ какъ бы уполномочивается сказать «межъ водою», «межъ зеленою» и т. д., и невольно ожидаешь за «травою» указанія — «межъ нею» и чѣмъ другимъ? — Условное «когда-бъ» съ прошедшимъ временемъ въ придаточномъ предложеніи требуетъ тоже условнаго наклоненія въ главномъ. Врядъ-ли удобно сказать:

Но когда-бъ себя дѣяньемъ — *запятналъ* онъ недостойнымъ,
 Отъ него съ негодоваьемъ — *отвернуся* я спокойнымъ.

Правильнѣе: Если-жъ онъ себя... *запятнаетъ*... отвернуся и т. д. (или — «отвернулся-бъ» послѣ «когда-бъ... запятналъ»). Мы отмѣчаемъ эти мелочи потому-что другихъ, болѣе существенныхъ нарушеній правильности языка въ угоду стиха не замѣтили и, стало быть, въ общемъ авторъ выказалъ умѣнье обращаться съ стихотворной формой, которой можно поставить въ упрекъ лишь нѣкоторое однообразіе и одноформенность пріемовъ поэтической техники.

Отдѣлъ переводовъ, какъ указано, наиболѣе значительный въ книгѣ. Г-жа Чюмина задалася довольно смѣлой цѣлью — какъ-бы сплести вѣнокъ изъ избранныхъ стихотвореній разныхъ авторовъ — англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальян-

скихъ и даже венгерскихъ поэтовъ, разныхъ школъ и направле- ній, объединенныхъ лишь личнымъ выборомъ переводчика. Въ выборѣ — сказывается или должна была сказаться его индивидуальность. Но многое, повидимому, попало и случайно. Впрочемъ, на вопросѣ о выборѣ считаемъ неумѣстнымъ останавливаться; не будемъ требовать и исполнѣ точной, дословной передачи оригиналовъ; но удалось-ли переводчицѣ сохранить за каждымъ изъ избранныхъ ею поэтовъ — его особый характеръ, дать почувствовать его стиль, его индивидуальность, воспроизвести не букву, а общій смыслъ и образность его языка. Мы сразу должны замѣтить, что для этого у таланта г-жи Чюминой не хватило гибкости. Лучше удалась ей два, три поэта, которые ей больше сродни: — небольшая поэма изъ Альфреда де Виньи, нѣкоторыя стихотворенія Виктора Гюго, Тениссона, поэма Жака Рамо, нѣкоторыя вещи Ришпэна, отчасти Коппэ и др.; неудачно большинство изъ переводовъ произведеній Лонгфелло, Теофиля Готье, Леконтъ-де-Лиля и даже Сюлли-Прюдома и др. Ближайшее разсмотрѣніе переводовъ en regard съ оригинальными текстами выяснитъ намъ достоинства и недостатки выполненія во всякомъ случаѣ весьма не легкой задачи, принятой на себя г-жею Чюминой.

Въ отдѣлѣ переводовъ «изъ иностранныхъ поэтовъ», на первомъ мѣстѣ г-жа Чюмина поставила Тениссона, къ характеру поэзіи котораго быть можетъ всего ближе и талантъ нашей переводчицы. Однако, она оставила въ сторонѣ весь цикл произведеній англійскаго поэта съ сюжетами, заимствованными изъ средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ, за исключеніемъ небольшой баллады о Ланцелотѣ — («Владѣлица Шэллота»), и дала намъ переложеніе болѣе современной поэмы «Замокъ Локсли»; далѣе «Маріанна», нѣсколько балладъ и лирическихъ пьесъ.

«Замокъ Локсли» — наиболѣе цѣльное изъ избранныхъ для перевода произведеній и, хотя и въ нѣсколько вольномъ переложеніи, — общій тонъ, характеръ, настроеніе переданы въ прибли- зительномъ соотвѣтствіи съ оригиналомъ.

Лишь въ началѣ поэмы вышло небольшое недоразумѣніе: содержаніемъ ея служатъ воспоминанія поэта о своей первой любви къ «кузинѣ Эми», которая, однако, впоследствии измѣнила ему, предпочтя болѣе выгодную партію. Ихъ романъ разыгрался именно въ замкѣ Локсли, гдѣ поэтъ провелъ юные годы и теперь, случайно очутившись опять въ тѣхъ же мѣстахъ съ товарищами на охотѣ, онъ проситъ оставить его въ одиноществѣ, чтобы свободно предаться воспоминаньямъ. Сперва рѣчь идетъ о юношескихъ мечтахъ — отвлеченнаго характера: первыя недоразумѣнія передъ величіемъ природы и ея тайнами, увлеченіе наукой и т. д. Сопоставимъ нѣсколько строчекъ англійскаго текста, въ дословномъ переводѣ, съ переводомъ г-жи Чюминой:

Сколько ночей, вотъ изъ того обросшаго плушемъ окна, раньше чѣмъ предаться сну, смотрѣлъ я на созвѣздіе великаго Оріона, медленно склоняющагося на Западъ.	Сколько разъ съ того балкона, въ тишинѣ ночей Я съ созвѣзды Оріона не сводилъ очей.
---	--

Сколько ночей я видѣлъ Плеяду,
поднимающуюся въ мягкомъ
сумракѣ, сіяя, какъ рой свѣт-
ляковъ, нанизанныхъ на се-
ребряномъ шнурѣ.

Здѣсь на этомъ берегу гуляя, питалъ я [свою] возвышен- ную юность (или востор- женную, пылкую — <i>poigi-</i> <i>shing a youth sublime</i>) вол- шебными сказками знанія и длиннымъ опытомъ вѣковъ;	Здѣсь-же съ юношей гуляя у прибрежныхъ скалъ, <i>Увлеченіе наукой съ немъ я про-</i> <i>буждалъ.</i>
--	---

Когда прошлыя столѣтія по- коились за мной словно пло- доносная страна,	Мнѣ казались золотыми прошлые вѣка
---	---------------------------------------

Когда я готовъ былъ уцѣпиться за все настоящее въ силу того, что оно мнѣ сулило,	Въ настоящемъ я страданій не знавалъ пока.
Когда я старался проникнуть въ будущее, насколько это до- ступно человѣческому глазу,	И въ грядущее стараясь взо- ромъ проникать,
Тогда передо мною въ видѣннѣ открывался міръ и всё чу- деса, которыя въ немъ имѣ- ютъ наступить.	Видѣлъ я любовь и братство, міръ и благодать.

Въ русскомъ переводѣ—неизвѣстно откуда взявшійся юноша, въ которомъ поэтъ, самъ юношей, «пробуждалъ увлеченіе наукой» — представляется намъ простымъ недоразумѣніемъ переводчицы. Въ остальномъ, какъ видно, текстъ представляется съ нѣкоторыми сокращеніями (выпущена строфа 2), мѣстами въ вольномъ переложеніи или даже со вставками («любовь, братство и миръ» — личныя комментаріи къ «чудесамъ міра», т. е. къ ожидаемымъ успѣхамъ цивилизаціи); въ общемъ — смыслъ *приблизительно* вѣренъ. Въ виду этой приблизительности считаемъ излишнимъ продолжать сличеніе текста и перевода стихъ за стихомъ. Замѣтимъ лишь, что 'выпущены нѣкоторые афоризмы (напр. — «love is love for evermore»); не совсѣмъ понятно въ переводѣ:

«Но страданье, — говоритъ поэтъ —

Лишь одно воспоминанье счастья прежнихъ лѣтъ».

Въ оригиналѣ: «справду говоритъ поэтъ, что горе, представляющееся вѣнцомъ страданій (т. е. самый сильный, самый мучительный видъ страданій, а не страданье, вообще), есть воспоминаніе о болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ».

Не вполне удачно сокращены слѣдующія двѣ строфы въ оригиналѣ:

«Я былъ бы радъ погибнуть, сраженный на полѣ битвы, когда
рады сомкнуты въ туманѣ, и воздухъ оглашенъ звукомъ трубъ, —

— Но звонъ гинеевъ ослабляетъ ударъ, который наносится чести, и народы лишь глухо ропшутъ, ворча другъ другу въ тылъ (пятки)».

У г-жи Чюминой:

Я въ кровавое сраженіе шель-бы какъ на пиръ,
Но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ.

Хотя далѣе и поставлены точки въ знакъ пропуска, но важно было отмѣтить, что поэтъ не просто сожалеетъ о торжествѣ мира — ибо это сожалѣніе представлялось бы довольно страннымъ, — а именно о томъ «звонѣ гинеевъ», въ силу котораго утрачивается отзывчивость къ вопросамъ чести (*But the jingling of the guinea helps the hurt that Honour feels*).

Пропущена далѣе строфа: когда песимистическое настроеніе охватываетъ поэта и онъ утрачиваетъ прежнюю вѣру: *Slowly comes a hungry people, as a lion creeping nigher* и т. д.

Значительно сокращено окончаніе: отъ стиха «*Weakness to be wroth with weakness*» — выпущено 19 строкъ, причемъ переводчица какъ бы торопилась перейти къ примиряющему выводу:

О, я вижу, что доселѣ въ сердцѣ сохранились
Всѣ стремленія былого и надежды пылъ.

Можетъ быть пропущенныя строфы (общія нападки на женщинъ, автобіографическія воспоминанія поэта о своей жизни на Востокѣ, стремленіе удалиться въ пустыню вдали отъ цивилизованнаго міра, взять женой дикарку и т. д., при этомъ все-же заключеніе: «*Better fifty years of Europe than a cycle of Cathay*») не такъ существенны для общаго смысла поэмы, такъ какъ уже раньше были указаны въ настроеніи поэта минуты унынія, разочарованія и т. д. Тѣмъ не менѣе пьеса въ переводѣ г-жи Чюминой является все-же нѣсколько своеобразно переданной, — близкой подлиннику лишь по общему настроенію, но въ частностяхъ представляющей болѣе или менѣе произвольнымъ переложеніемъ оригинала.

Также съ пропусками передано и стихотвореніе «Маріана», I, «Въ старомъ домѣ» и II, «На югѣ». Содержаніе этого юношескаго произведенія Теннисона не настолько значительно, чтобы настаивать на абсолютной полнотѣ и точности передачи. Томленіе покинутой героини, которая нигдѣ не находитъ себѣ покоя и жаждетъ смерти (Припѣвъ — пожеланіе смерти: *I would that I were dead*) — врядъ-ли удачно замѣненъ въ переводѣ простымъ констатированіемъ факта: «тѣнь могилы — отдохновенье мнѣ сулить». Лишь въ послѣдней строфѣ г-жа Чюмина измѣнила стихъ, — ближе къ оригиналу: «О Боже, если-бъ умереть», — это, можетъ быть, пожалуй, выражено и въ 7 (оригиналъ) и въ 5 (переводъ) строфахъ, безъ особаго ущерба. Изъ такъ называемаго chevilles — въ угоду стиха, отмѣтимъ нѣсколько своеобразное топографическое замѣчаніе: «Пѣтухъ, передъ уходомъ ночи — кричалъ, взлетѣвъ на сѣноваль» (въ оригиналѣ: — «The cock sung out an hour ere light»); причемъ тутъ «сѣноваль», ибо Маріана, запершись въ домѣ, только слышитъ крикъ пѣтуха, отнюдь не соображая, куда онъ могъ залетѣть? Во второй части — «На югѣ», — на знойномъ югѣ, гдѣ-то чуть-что не подъ тропиками, врядъ-ли уместно упомянаніе о жаворонкѣ: «Замолкла жаворонка трель» (*Nor bird would sing nor lamb would bleat*), а бляенье овцы замѣнено «дальною свирѣлью». Впрочемъ это не существенно, ибо, какъ указано, данное стихотвореніе хоть и съ небольшими пропусками, все-же выдержано въ стилѣ оригинала. Весьма удовлетворительно и въ общемъ точнѣе переданы баллады: «Двѣ сестры», «Идуэрдъ Грей» и «Владѣлица Шейлота».

Въ послѣдней пьесѣ — не вполне намъ нравится лишь выраженіе «твердыня Камелота» (вмѣсто — *the many-tower'd Camelot*), которое впрочемъ переводчица далѣе замѣняетъ болѣе близкимъ переводомъ — «башни Камелота». Въ 4-й строфѣ III части (въ оригиналѣ это 5-я строфа) нѣсколько произвольно переименованъ стихъ: *She saw the water-lily bloom* (Она видѣла... лилію), «Сама, какъ лилія, блѣдна», и въ послѣдней части, гдѣ говорится о томъ, что героиня, спустившись съ башни, подошла къ лодкѣ,

на которой начертала слова — «The lady of Shalott», — въ переводѣ: «челнокъ, *идь были* на кормѣ слова», — какъ будто предумотрѣнно заранѣе, что владѣлица Шэллота поплыветъ на этомъ челнокѣ.

Въ балладѣ «Идуэрдъ Грей», въ самомъ началѣ, другой отѣнокъ переданъ вопросу Эми Морландъ, встрѣчающей поэта въ уединенной прогулкѣ. Въ оригиналѣ: «Уже не потеряли-ли вы ваше сердце? Ужъ не женились-ли вы, Идуэрдъ Грей?» Въ переводѣ: «Эми Морландъ... Молвила тихо, глаза предо мной опуская:

— «Что вы не женитесь, Идуэрдъ Грей?
Сердце свое потеряли вы здѣсь безъ возврата». —

Послѣднее заявленіе слишкомъ категорично и непонятно въ устахъ спрашивающей. Впрочемъ эта и вышеназванная баллада «Двѣ сестры» — принадлежатъ къ лучшимъ переводамъ изъ Теннисона. Нѣсколько небольшихъ лирическихъ стихотвореній изъ того же автора не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

Въ передачѣ Лонгфелло — г-жа Чюмина еще свободнѣе относится къ подлинному тексту, чѣмъ по отношенію къ Теннисону. При этомъ, оригинальныя черты сильнаго и сжатаго стиля американскаго поэта, его тонкій юморъ и выразительность — являются ступшеванными и переименованными. Переложенный «своими словами», онъ представляется не въ подлинной окраскѣ, а какъ-бы въ своеобразномъ усвоеніи переводчицы, заимствующей изъ даннаго произведенія лишь основную тему. Вотъ, на примѣръ, нѣсколько строчъ изъ сказочной поэмы (The poet's tale) «Птицы изъ Киллингворта» (въ русскомъ переводѣ «Приговоръ»).

Замѣтимъ напередъ, что г-жа Чюмина, вообще, избѣгаетъ историческихъ аллюзій и собственныхъ именъ, быть можетъ, въ виду ихъ возможной непонятности для русскихъ читателей. Такъ,

въ первой же строфѣ, пропущено ею упоминаніе о саксонскомъ поэтѣ Кэдмонѣ, по поводу пѣвья птицъ: «Those lovely lyrics, written byllis hand, whom Saxon Caedmon calls the Blithe-heart King». Съ такими пропусками еще можно-бы мириться, — хотя желательнo, чтобы они были указаны; но далѣе переводчица словно восполняетъ ихъ вставками отъ себя. — У Лонгфелло наступленіе весны характеризуется нѣсколькими словами: «то было время, когда птицы свивали гнѣзда, распѣвая... Когда на сучкахъ распускались багрянныя почки, — какъ бы знамена авангарда весны, и радостно заструились и запрыгали съ крутизны ручьи» и т. д. Г-жа Чюмина дополняетъ картину:

Когда свѣтлѣй бываетъ тьма ночная,
И ярче блескъ золотоокихъ звѣздъ
Когда весна развертываетъ смѣло,
Какъ рядъ знаменъ, листочки розы бѣлой...

Все это «отъ себя» и образы — въ стилѣ г-жи Чюминой, а не Лонгфелло. — Детальный и съ отгѣнкомъ юмора перечень слѣтающихся птицъ сведенъ въ переводѣ къ нѣсколько огульному и шаблонному упоминанію о соловьѣ:

Когда поетъ съ зарею каватины	Реполовъ и Трясогуска, громко свпща, наполнили всѣ цвѣтущіе сады весельемъ. Воробьи чирикали, словно продолжая гордиться тѣмъ, что и ихъ порода удостоится упоминанія въ Св. Писаніи, а голодные вороны собрались толпой, неустанно горланя свою жалобную мольбу, зная — кому понятенъ ворошій языкъ, и твердили — «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ» —
Въ тѣни вѣтвей зеленыхъ соловей,	
И каркаетъ воронъ голодныхъ стая,	
О пропитанѣ къ небесамъ зывая....	и т. д.

Такъ какъ птицы играютъ важную роль въ этой граціозной и игривой, аллегорической поэмѣ,—рѣчь идетъ объ ихъ предположенномъ истребленіи въ угоду заботамъ о «хлѣбѣ насущномъ», — то врядъ ли удобно было жертвовать ихъ характеристикой, живой и остроумной, въ англійскомъ оригиналѣ: это прелюдія къ дѣйствию. Но въ русскомъ переводѣ не повезло и «истребителямъ» пернатыхъ т. е. жителямъ городка, которые составили приговоръ объ ихъ убіеніи. У Лонгфелло—на митингъ являются разные представители городского управленія; тутъ и помѣщикъ (Squire) выступающій «во всемъ своемъ величіи» изъ своихъ хоромъ—настоящій храмъ, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ, съ колоннами въ желобахъ и красной крышей... Своей важной осанкой и походкой, онъ словно хотѣлъ сказать: «Городъ, въ которомъ есть такіе жители, какъ я, не можетъ ощущать недостатка въ хорошемъ обществѣ». — Далѣе, съ соответствующими болѣе или менѣе юмористическими, порой ѣдкими характеристиками, выступаютъ: пасторъ, учитель, голова (деканъ), фермеры. Все это общество живетъ подъ перомъ Лонгфелло. У г-жи Чюминой характеристика сокращена до minimum'a. Такъ объ Squire'ѣ сказано только:

... помѣщикъ величавый,
Съ надменною осанкой и лицомъ.

Объ учителѣ нѣсколько больше, но сравнимъ съ оригинальнымъ текстомъ, въ точномъ переводѣ:

Здѣсь также былъ идеалистъ -	Изъ Академіи (школы),	которой
	учитель,	колокольня вѣнчала
Поэтъ въ душѣ и юныхъ думъ		знанія, съ его мѣднымъ блескомъ
	властитель,	тщеславія, выступилъ
Привившій имъ ученя сладкій		учитель, лѣнливо поглядывая
	плодъ.	то на облака, то на зеленую

Въ досуга часъ настроивъ робко
лиру,
Онъ воспѣвалъ красавицу Эль-
виру.

траву, весь погруженный въ
глубокую мечту о прекрасной
Альмирѣ, — той, что въ стар-
шемъ классѣ. Она была,
какъ самъ онъ это сообщилъ
въ сонетѣ — «чиста, какъ
вода, и добра, какъ булка»..

Г-жѣ Чюминой, повидимому, не нравится юмористическій тонъ даннаго произведенія Лонгфелло и она вставила тутъ и «юныхъ думъ властитель» и «сладкій плодъ ученія» (это вмѣсто — «the hill of Science with its vane of brass!»); быть можетъ эта новая характеристика школьнаго учителя и очень симпатична, но вѣдь это не Лонгфелло, а г-жи Чюминой. И далѣе въ томъ же родѣ, такъ — что «приговоръ» приходится разсматривать не какъ переводъ «The birds of Killingsworth», а какъ полу-самостоятельное произведеніе на заимствованный мотивъ, но въ измѣненной обработкѣ. Нѣкоторыя мѣста переданы ближе, но даже и въ томъ случаѣ допущены вставки или пропуски, не всегда безупречные. Напримѣръ, въ рѣчи учителя, выступавшаго на защиту птицъ, онъ говоритъ между прочимъ:

Никто изъ васъ не вспоминалъ о Томъ,
Кто создалъ ихъ, кто даромъ пѣснопѣнья
Ихъ одарилъ, въ которомъ лишь въ одномъ
Ихъ думъ и чувствъ — живое выраженье.

Это — тяжело передано и не вполне ясно. Въ англійскомъ текстѣ: «Неужели вы не подумали о томъ, какія это удивительныя созданія? Неужели не вспоминали Того, кто ихъ создалъ, и кто научилъ ихъ тому языку, на которомъ они говорятъ, языку — гдѣ мелодія является единственнымъ выраженіемъ мысли?» — Въ русскомъ переводѣ не сразу догадаешься, что поэтъ имѣетъ въ виду «языкъ безъ словъ». — Далѣе, гнѣзда на вершинахъ деревьевъ Лонгфелло называетъ — промежуточ-

ными станціями на пути къ небу. Г-жа Чюмина, сохраняя это сравненіе, вставляетъ эпитетъ — «невидимый»: — «звеномъ невидимымъ, таинственнымъ, чудеснымъ» межъ «дольнымъ и небеснымъ». Почему невидимымъ? Скорѣе наоборотъ — именно видимымъ, поэтому учитель на нихъ и указываетъ.

Слѣдующая строфа пропущена (*Think...., tis always morning somewhere*), а сравненіе: «опустѣвшія гнѣзда на вѣтвяхъ — словно отрывочныя слова въ пустой головѣ идіота, засѣвшія въ паутинѣ его бредней» — врядъ-ли удачно передано: *«подъ слоємъ паутины — безумія... собою сущая наступившій мракъ...»* — Слѣдующая строфа опять пропущена, а въ дальнѣйшей — сглажены детали, придающія конкретную живость изложенію (*Even the blackest of them all, the crow....* и т. д.); въ заключительной строфѣ оставлено «уваженъе къ жизни», но пропущено о смерти: *Death, which, seeming darkness, is no less — The Self-same light, although aberted hence*). Окончанъе нѣсколько лучше передано, но и въ разсказѣ о томъ, какъ граждане, испугавшись того, что они надѣлали и снѣдаемые со всѣхъ сторонъ насѣкомыми, думали поправить дѣло — отмѣнивъ законъ — «хотя они и знали, что этой отмѣной не воскресятъ мертвыхъ къ жизни»... Они поступили, словно школьники, которые, слишкомъ поздно открывъ свои ошибки въ упражненіяхъ, торопятся смыть губкой предающую ихъ грифельную доску...

Въ русскомъ переводѣ это сведено къ неопредѣленному выраженію:

Но каждый былъ въ смущеніи не маломъ,
Какъ ученикъ, съ дурнымъ пришедшій баломъ.

Такимъ образомъ, сглажены мелкія, но характерныя подробности и разсказъ обезличенъ.

Въ другомъ небольшомъ эпическомъ отрывкѣ — «Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейдэ», переводчица, вначалѣ, вставила въ текстъ свои коментаріи, къ поясненію личности нѣмецкаго минезингера:

... знаменитый *менестрель*,
 Что преслѣдуя святую и возвышенную цѣль,
 Всѣ труды и всѣ усилья, благородный сердца пылъ,
 На служеніе искусству пѣснопѣнья посвятилъ,
 Фогельвейде—гость желанный въ каждомъ замкѣ,
 Чародѣй и т. д. и т. д. (я объ «Вартбургскомъ состязаніи» не забыто).

Ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ и, думается, если-бы Лонгфелло захотѣлъ дать характеристику нѣмецкаго поэта, котораго онъ, очевидно, считалъ слишкомъ извѣстнымъ, чтобы вставлять въ легенду объ его «завѣщаніи» его какъ бы краткую біографію,—то, вѣроятно, сдѣлалъ бы ее иначе.

Изъ Лонгфелло приведены еще три короткія стихотворенія—«Псаломъ жизни», «Стрѣла и пѣсня» и «Suspiria» — переданныя болѣе удачно. Четвертому — «Золотой Закатъ» — мы затрудняемся указать образецъ; кажется это вольное переложеніе сонета — «A summer day by the sea».

Изъ Байрона г-жа Чюмина ограничилась двумя небольшими пѣснями къ Тирсѣ, но почему то напечатанными въ обратномъ порядкѣ, т. е. третья (у Байрона) раньше второй. Въ передачѣ этихъ пьесъ, — (не вызывающихъ какихъ-либо замѣчаній съ точки зрѣнія русскаго текста, если разсматривать его самостоятельно: стихи гладки, плавны), — англійскій оригиналъ все же представляется въ нѣсколько вольномъ переложеніи, сообразно личному настроенію переводчицы.

Напримѣръ «суетная жизнь» (busy life) у нея — «трудный путь»; «сладость борьбы» замѣняетъ выраженіе — «to mingle now with things that never pleased before»; вставлено: «горечь осушить до дна». Пропущено въ слѣдующей строчкѣ: «Дайте вина мнѣ, устройте банкетъ»; безъ этого какъ-то непонятенъ стихъ ex abrupto: «Вокругъ меня — безумный чадъ похмѣлья».

И дальше: «Я буду тѣмъ, кто раздѣлялъ веселье — И кто ни съ кѣмъ печали не дѣлилъ» — слабѣе выражено, чѣмъ у Байрона: «я буду тѣмъ пустымъ и незначащимъ существомъ, которое смѣется со всѣмъ, что смѣется, но ни съ кѣмъ не раздѣляетъ слезъ». Дальше нѣсколько стиховъ удачнѣе, но въ четвертой строфѣ снова неточность, вызывающая нѣкоторое недоразумѣніе. Именно:

Любуясь просторомъ, озареннымъ
Сіяніемъ серебрянныхъ лучей,
Ихъ отблескъ дивный видѣлъ отраженнымъ
Я въ глубинѣ задумчивыхъ очей.
Я созерцалъ, какъ яркій лучъ свѣтила
Лаская ихъ, въ волнахъ эгейскихъ гасъ.
Увы, луна лишь надъ твоей могилой,
Не для тебя всходила въ этотъ часъ!

У Байрона — поэтъ, плывя по Эгейскому морю, вспоминаетъ свою возлюбленную и думаетъ въ полночь: «Вотъ теперь Тирса смотритъ на эту луну. Увы, она свѣтила лишь на ея могилѣ». — У г-жи Чюминой: «я созерцалъ, какъ яркій лучъ свѣтила — лаская *ихъ* въ волнахъ эгейскихъ гасъ». Къ кому относится *ихъ*? Если къ предшествовавшимъ въ текстѣ словамъ (рѣчь шла о задумчивыхъ очахъ Тирсы), то это не вѣрно, ибо Тирсы не было съ поэтомъ во время плаванья, а если къ послѣдующимъ — «эгейскимъ волнамъ», то не вразумительно.

Въ послѣдней строфѣ, г-жа Чюмина заканчиваетъ:

Гдѣ счастью не можетъ быть возврата,
Страданіемъ очищена любовь,
И тотъ, кому утраченное свято,
Живой любви не отдается вновь.

Объ очищеніи любви нѣтъ рѣчи у Байрона: «Время *умьряетъ* любовь, говоритъ онъ, но *не излечиваетъ* отъ нея. Она тѣмъ священнѣе, когда надежда умерла. О, что значать тысяча

живыхъ любвей въ сравненіи съ той, отъ которой не освобождаетъ смерть».

Второе стихотвореніе передано гораздо лучше и свидѣтельствуеъ, что г-жа Чюмина можетъ слѣдовать порой и близкому смыслу текста, успѣшно справляясь съ трудностями перевода.

Изъ Вальтеръ-Скота — приведено нѣсколько небольшихъ пьесъ и балладъ, въ болѣе или менѣе вольномъ переложеніи. Тотъ условно-историческій жанръ «археологической поэзіи», который въ свое время былъ созданъ Вальтеромъ-Скоттомъ, и вдохновлялъ Жуковскаго, тѣсно связанъ съ особенностями стиля: г-жа Чюмина «модернизуетъ» послѣдній и посему ея переложенія пріобрѣтаютъ характеръ самостоятельныхъ произведеній на заимствованныя темы. Вотъ на примѣръ, небольшая пьеса—«Смерть Барда» (у Вальтеръ-Скота: «Послѣднія слова Кадваллона» или «Умирающій Бардъ»).

У г-жи Чюминой:

Въ дословномъ переводѣ:

Прости, край родимый. Безумно	«Динась Имлинъ, сокрушайся,
любя,	пбо близокъ часъ, когда онѣ-
Давно воспѣвалъ я и славилъ	мѣлое эхо замретъ въ лѣси-
тебя.	стой странѣ; не будетъ болѣе
Но часъ наступаетъ,—и рокотъ	Кадваллонъ приходитъ въ вос-
струны	торгъ (неистовствовать) предъ
Въ тиши не сольется съ жур-	милой Тийви и смѣшивать
чаньемъ волны.	свои дикіе звуки съ дикимъ
	рокотомъ волнъ.
Простите, долины, холмы и Весною и осенью, краса (гор-	
лѣса,	дость, слава) твоихъ дубравъ—
Умретъ невоспѣтою ваша краса,	невоспѣтой будетъ цвѣсти,

Погаснуть тѣ взоры, умолкнуть уста,
 Которымъ была дорога красота.

невоспѣтой поблекнетъ, ибо скоро станутъ безжизненными глаза и языкъ, что смотрѣли съ восхищеньемъ; — восхищеньемъ, которое передавалось въ пѣснѣ.

По прежнему гордой отваги Твои сыновья, Динась Имлинъ,
 полны,
 Врага одолѣють отчизны сыны,
 Но кто вдохновенною арфой своей
 Бойцевъ обезсмертитъ, прославить вождей, и т. д. ¹⁾.

могутъ въ своей гордости отпавляться въ походъ и гнать храбрыхъ Саксовцевъ со стороны Пристатина. Но гдѣ арфа, которая дала-бы жизнь ихъ именамъ? Гдѣ пѣвецъ, который прославилъ-бы героевъ? и т. д.

И въ другой пьесѣ—«Боевая пѣсня», представляющей переложение Flora Macivor's Song (изъ «Waverley»),—всѣ собственныя имена выпущены и стихотвореніе на половину сокращено. Не смотря на плавность и, мѣстами, звучность русскихъ стиховъ, мы нѣсколько недоумѣваемъ цѣли такихъ переложеній: пусть стиль Вальтера-Скотта представляется намъ нынѣ условнымъ, ложнымъ, но онъ имѣлъ историческое значеніе, а переложенія мотивовъ его пьесъ въ современной передачѣ г-жи Чюминой врядъ ли кому интересны. Если же ставить цѣлью — знакомство съ содержаніемъ поэзіи Вальтеръ-Скотта, то, казалось бы удобнѣе выбирать болѣе извѣстныя его поэмы, какъ Lay of the last Ministrel, The lady of the Lake и т. д.

Читая отдѣлъ переводовъ изъ Роберта Бернса г-жи Чюминой, невольно удивляешься общему впечатлѣнію, которое они оставляютъ: переведено 15 стихотвореній, и ни въ одномъ изъ нихъ не ощущаешь характерныхъ свойствъ поэзіи народнаго

1) Размѣръ Пушкинской «Черной шали» (Когда легковѣренъ и молодъ я былъ)—едва-ли соответствуетъ характеру и настроенію данной пьесы.

пѣвца Англіи прошлаго вѣка, реформатора стіля, поэта-простодюдина, сильнаго непосредственностью своего дарованія, смѣлостью фамиллярныхъ оборотовъ, страстностью тона и порой весьма рѣзкими переходами отъ серьезнаго, глубокаго чувства къ шуткѣ, къ юмористическому или ѣдко-обличительному замѣчанію, вставленному какъ бы въ скобкахъ. По русски все это сглажено, стерто; обороты закруглены, стихи плавны и какъ-то мечтательно-благодарны. Конечно, не только переводить, но и понимать Бернса крайне трудно, при массѣ вульгаризмовъ и простонародныхъ выраженій, которыя онъ вставляетъ въ текстъ. Его и читать приходится со спеціальнымъ лексикономъ, такъ какъ употребляемыя имъ формы и слова не стали достояніемъ литературнаго языка. Врядъ-ли при переводѣ ихъ легко замѣнить соотвѣтствующими діалектизмами изъ другого языка; пріемъ этотъ, конечно, рискованный, но тѣмъ не менѣе — нужно же было какъ-нибудь дать почувствовать то, что составляетъ отличительныя черты поэзіи автора «Пѣсни нищихъ»? Сравнимъ нѣсколько изъ приведенныхъ пьесъ съ ихъ подлинниками.

Относительно первой — «Видѣніе», — замѣтимъ, что избранный г-жею Чюминой размѣръ — по образцу Лермонтовскаго «Ангела» (только съ женскими рифмами въ первомъ и третьемъ стихѣ), какъ бы увлекъ ее самое къ выводу именно въ духѣ Лермонтова:

И звукъ этихъ пѣсенъ, мнѣ въ сердцѣ запавшихъ,
Остался на вѣки со мной.

Это почти тоже, что у Лермонтова:

И звукъ этихъ пѣсенъ, въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

Такихъ «совпаденій» лучше избѣгать.

У Бернса: «Онъ (т. е. духъ менестреля) пѣлъ съ восторгомъ о прошлыхъ дняхъ, и въ слезахъ оплакивалъ позднѣйшія

времена; но то, что онъ говорилъ — не было шуткой. Я никогда не рискну (повѣдать) это въ своихъ стихахъ («But what he said it was nae play, J winna ventur't in my rhymes»). Конечно, невысказываемое остается «съ нами», или при насъ, и по сему г-жа Чюмина приблизительно вѣрно передала значеніе послѣдняго стиха Бернса, однако въ ея редакціи смыслъ не тотъ: дѣло, вѣдь, не въ звукѣ пѣсенъ, а въ *словахъ*, и выраженіе «остался на вѣки со мной» не передаетъ опасенія поэта рѣшиться повторить другимъ, что онъ слышалъ, въ виду важности этого сообщенія. Предшествующія двѣ строфы переименованы въ переводѣ. Бернсъ, даже и «романтически» настроенный, прерываетъ рассказъ о видѣніи — шуткой: «будь я статуей, говоритъ онъ, или будь я изъ камня — меня и то ошеломилъ бы его (менестреля) вызывающій (или дерзновенный — *daring*) взглядъ; а на шапкѣ его (*his bonnet*) отчетливо запечатлѣнъ былъ священный вѣнокъ — Свободы. И изъ арфы его вырывались надрывающіе звуки, — пожалуй они заставили бы и спящихъ мертвецовъ вострепетать, чтобы слушать; но, увы это была пѣсня печали, какая когда-либо доносилась только до Британскаго духа». У г-жи Чюминой:

Вся мощь вѣковая	родного	Запѣлъ онъ, — такой вдохно-
	народа	венною силой
Свѣтилась въ чертахъ у него,		Была его пѣсня полна,
И явственно лозунгъ священ-		Что мнилось: и взятыхъ на
ный — свобода!		вѣки могилой
Видѣлся на шлемѣ (?) его.		Для жизни разбудить она.

Стиль очевидно иной, и тоже слѣдуетъ замѣтить почти о всѣхъ переводныхъ стихотвореніяхъ изъ Бернса. — Такъ сказать «внутренней» критикѣ, т. е. даже независимо отъ сравненія съ подлинникомъ — подлежитъ пѣсня, названная г-жей Чюминой «Осенній туманъ» (стр. 156): «Повѣяло первымъ дыханьемъ зимъ». Въ пятомъ стихѣ: «Тоскливо поникнулъ *безмиственный*

боръ»; но вѣдь боръ—исключительно хвойный лѣсъ, и стало быть «лиственныхъ» боровъ не бываетъ — ни зимою, ни лѣтомъ. Дальше: «Въ поляхъ, потерявшихъ зеленый уборъ, — Печально брожу я по листьямъ сухимъ» — откуда въ поляхъ листья? Чѣмъ короче описаніе природы, тѣмъ мы по необходимости требовательнѣе въ точности намѣчаемыхъ штриховъ. И, конечно, въ оригиналѣ мы не встрѣтимъ такой небрежности въ картинѣ, выраженной хотя бы и въ общихъ чертахъ:

The forest is leafless, the meadows are brown
And all the gay foppery of summer is flown.

«Дайте мнѣ идти одному, говоритъ поэтъ далѣе, дайте мнѣ предаться въ одиночествѣ думамъ — какъ скоро время протекло, какъ жестоко жребій преслѣдуетъ меня! Какъ долго я жилъ и какъ много я жилъ напрасно! Какъ мало осталось убогихъ мгновеній жизни! Какіе только обляки не износило многовѣковое время въ своемъ движеніи впередъ! Какія только узы не порвала въ моей груди жестокая судьба! Какъ безумно, или еще того хуже — (живемъ мы), пока не достигнемъ своего зенита и (катимся) потомъ внизъ — о, какими разслабленными, загрязненными, измученными... Жить бы не стоило изъ-за того лишь, что намъ жизнь даетъ, но навѣрное, бѣдный человѣкъ, есть нѣчто за нею». У г-жи Чюминой:

Какъ много я прожилъ,	Безпечно мы съ пѣснею (?) въ
тщетно я жилъ,	гору идемъ,
Какъ мало осталось и жизни и	Но грустно плетемся обрат-
силъ,	нымъ путемъ (?).
Какъ все измѣнили истекшіе	Ужель за предѣлами жизни
дни,	земной,
И узы какія порвали они.	Нѣтъ высшаго смысла и жизни
	иной?

Въ другой пьесѣ — названной г-жею Чюминой «Пѣсня» (стр. 160), тонъ изложенія въ русскомъ переводѣ скорѣе под-

ходить, по характеру, куплетамъ для декламациі игриваго содержанія, чѣмъ къ народной пѣснѣ. Правда, въ высшей степени трудно передать этотъ быстрый, страстный темпъ, это брѣо скороговорки англійскаго оригинала, этотъ юморъ «самодовлѣющей» бѣдности, которая ни въ комъ не нуждается, никого не просить и живетъ сама для себя, равнодушная ко всему прочему міру, честная лишь въ своей независимости. И съ внѣшней стороны — эффектное повтореніе черезъ строку, какъ припѣвъ, въ концѣ стиха — *naebodu* (никого, никому, ни съ кѣмъ и т. д. во всѣхъ падежахъ) представляетъ едва преодолимую техническую трудность. Но даже въ вольномъ переложеніи врядъ ли умѣстны именно въ пѣсни бѣдняка, пролетарія, такія выраженія, какъ: не для свѣта — жена моя; съ мечемъ моимъ *стариннымъ* (вм. старымъ); пусть мой голосъ мало значить, и т. п.

J hae a wife o'my ain	Я жену для себя имѣю,	Я женатъ и не для свѣта,
J'll partase wé naebodu,—	и дѣлиться не стану	Для меня жена моя.
J'll tak cuckold frae	<i>ни съ кѣмъ</i> ; я роговъ	За душой одна монета,
nae,	не потерплю, я ихъ	Но ея не занялъ я.
J'll gie cuckold to nae-	и не ставлю <i>никому</i> ;	Въ долгъ ничѣмъ я не
body,—	у меня всего тутъ	сужаю
J hae a penny to spend	одинъ грошъ на рас-	Изъ сосѣдей никого,
There-thanks to nae-	ходъ, да не обязанъ	Да и самъ не занимаю
body,	я имъ <i>никому</i> ; мнѣ	У сосѣда ничего.
J hae naething to lend,	ничего въ долгъ да-	
J'll borrow frae nae-	вать, да я и не беру	
boby и пр.	<i>ни у кого</i> , и т. д.	

Конецъ:

Jf naebodu care forme	Если никто не обраща-	Обо мнѣ никто не пла-
J'll care for naebodu.	етъ на меня внима-	четъ,
	нія, такъ и мнѣ вѣдь	Я не плачу ни о комъ.
	нѣтъ дѣла <i>ни до кого</i> .	

Небольшая баллада «Лордъ Грегори» — пѣснь покинутой дѣвочки — характеризуется у Бернса все тою же непосредственностью и живостью выраженія душевнаго настроенія: «О мра-

чень, мрачень этотъ полуночный часъ, какъ громко завываетъ буря! Несчастнѣйшій путникъ у твоего замка, лордъ Грегори, открой ему дверь. Этотъ путникъ — изгнанъ изъ родного дома, изгнанъ за любовь къ тебѣ. О, имѣй хоть жалость ко мнѣ, если уже не можетъ быть любви. Лордъ Грегори, развѣ ты не помнишь той аллеи на нашей сторонѣ, тамъ въ дорогой Ирландіи, гдѣ впервые я призналась въ любви, которую я долго, долго отвергала? Сколько разъ ты клялся и увѣрялъ, что на вѣки будешь моимъ и мое простое сердце, — оно само было правдиво, — довѣрилось тебѣ» и т. д. Въ переводѣ г-жи Чюминой общій смыслъ переданъ вѣрно, но — въ литературныхъ выраженіяхъ романа, а не въ той непосредственной формѣ, въ какую вылилось горе обманутой дѣвушки у англійскаго поэта.

Бушуетъ буря, ночь Меня отринула семья Ты помнишь тѣнь
 темна За то, что я люблю. густыхъ аллей,
 И у твоей двери Пусть не любима Гдѣ, внявъ твоей
 Я одинока и грустна больше я — молебѣ,
 Стою, лордъ Гре- О жалости молю. Впервые я въ любви
 гори. своей
 Открылася тебѣ? ит. д.

Отмѣтимъ еще въ стихотвореніи — «Въ грозу» (173, у Бернса — *I dream'd I lay where flowers were*) — не вполне быть можетъ подходящее къ Бернсу сравненіе, вставленное переводчицей: «я все-жъ устоялъ я, какъ дубъ подъ грозою, — и грудью встрѣчаю ее». Не «грудью»: Бернсъ не кичился силой, и сравненіе съ дубомъ къ нему не подходитъ. Его изстрадавшееся сердце привыкло къ испытаньямъ и все вынесетъ, хотя бы судьба гнула его, какъ трость. Лишь сердцемъ своимъ онъ и кичится: *I bear a heart shall support me still*.

И въ другомъ стихотвореніи (*A prayer in the prospect of death*) Бернсъ сознается, что онъ часто поддавался страстямъ, которыя увлекали его на ложный путь: онъ не былъ человѣкомъ съ сильной волей, устойчивый и крѣпкій — «какъ дубъ», и самъ

признаеть; что блуждалъ по тѣмъ тропинкамъ жизни, которыхъ долженъ былъ бы избѣгать (If I have wander'd in those paths—Of life I ought to shun). Но въ переводахъ г-жи Чюминой мы не ощущаемъ и того поэта, который съ полнымъ правомъ сказалъ о себѣ, что онъ былъ созданъ «съ дикими и необузданными страстями»: form'd—

With passions wild and strong.

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ — выбранъ одинъ лишь Гаммерлингъ. Нѣсколько небольшихъ его стихотвореній передано довольно удачно. Въ такомъ родѣ — «Ночныя видѣнія» («Чу, вершины ели — Шепчуть въ полуснѣ»); «Орель», «Сила любви», «Звѣзды», «Два облака» и эпическій отрывокъ «Жрецы богини Герты», гдѣ лишь вначалѣ небольшое отступленіе отъ смысла подлинника. Но въ другихъ переведенныхъ пьесахъ Гаммерлинга подлинный текстъ ослабленъ или затемненъ нѣсколько произвольнымъ толкованіемъ представленнаго образа или измѣненіемъ стиля. Вотъ, напримѣръ, пьеса, обозначенная переводчицей — «Звукъ и Слово»; по нѣмецки — «Жаворонки» («Die Lerchen»: «Es ziehen die Wolken — Es wandern die Sterne — Es schweben die Lerchen—In goldiger Ferne» и т. д.).

Основная мысль нѣмецкаго стихотворенія сводится къ поэтическому образу посредничества жаворонковъ между небомъ и землей: залетая въ «золотую высь», жаворонки прислушиваются къ тѣмъ словамъ, которыя распѣваютъ ангелы (die Worte Seraphischen Klang's) и потомъ передаютъ ихъ въ пѣснѣ цвѣтамъ, водѣ, вѣтру. — Цвѣты, волны, вѣтеръ шепчутся о томъ, что узнали отъ жаворонковъ; человѣкъ проходитъ мимо, прислушивается, восторгается и передаетъ въ словѣ небесную пѣсню. У г-жи Чюминой жаворонки — «влекомы *вдохновеніемъ* къ далекимъ небесамъ», что уже представляется нѣкоторымъ отступленіемъ, но далѣе роль жаворонка ступешвана новымъ, вставнымъ образомъ:

Шепнеть волнѣ залива — О томъ же луиный свѣтъ.

Услышитъ ихъ пытливо — Внимающій поэтъ...

Этотъ «лунный свѣтъ» нарушаетъ цѣльность картины, которая въ переводѣ страдаетъ неясностью очертаній. Образъ переначенъ и врядъ ли безмолвный лунный свѣтъ удачно выбранъ посредникомъ въ передачѣ небесной мелодіи; во всякомъ случаѣ нѣмецкій поэтъ имѣлъ въ виду лишь представить поэтическій комментарий къ пѣснѣ жаворонка, а въ русскомъ переводѣ не то.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи — «Псаломъ жизни» (Lebenslied) нѣмецкій оригиналъ значительно сокращенъ: — пропущено по четыре стиха изъ первой и второй строфы и совершенно выпущена послѣдняя строфа. Вслѣдствіе этого пантеистической порывъ автора лишенъ пессимистической заключительной фразы. — Именно, — прославляя радость жизни, Гаммерлингъ все заканчиваетъ пожеланіемъ смерти, т. е. — слившись съ природой, погрузиться въ состояніе небытія (Und vereint in der Schoss zu sinken — Dem noch viel süßeren Tod). Переводчица ограничилась пожеланіемъ — жить общей жизнью съ природой. Эта недосказанность характерна — для индивидуальности нашей поэтессы. Съ другой стороны въ сонетѣ — «Служенье красотѣ», переводчица прибавляетъ отъ себя — добра и красоты («Кто сдѣлался жрецомъ добра и красоты»). Это отождествленіе или слияніе красоты съ добромъ, быть можетъ, и симпатично, но оно принадлежитъ міросозерцанію переводчицы, а не нѣмецкаго поэта, который сложилъ сонетъ именно лишь — im Dienste des Schönen. Общее пантеистическое міросозерцаніе Гаммерлинга выразилось въ другой пѣснѣ, названной «Завѣщаніе» («Vermächtniss»), въ нѣсколько сухой, чисто схематичной формѣ: поэтъ перечисляетъ четыре стихійные элемента — огонь, воздухъ, воду и землю, завѣщая каждому изъ нихъ часть себя, т. е. свой духъ огню, душу — эфиру, сердце — волнамъ, тѣло — землѣ. Изложеніе, какъ указано, суховатое, безъ поэтическихъ прикрасъ, словно катехизисъ:

Ich liebe die *Flamme*
 Das glanzelement,
 Im Wetter leuchten,
 Im Sterngeflimmer.
 Ich liebe den *Aether*
 Den göttlich freien и т. д.

Г-жа Чюмина добавляетъ отъ себя болѣе или менѣе картинные образы, нѣсколько переиначивая смыслъ подлинника.

Напр., въ четвертой строфѣ:

Оригиналъ:

Ich liebe die <i>Welle</i>	Волны люблю я,—въ теченьи своемъ
Die rauschende,	Вѣчно шумливая, вѣчно бѣгущія,
Gehnsüchtig wallende,	Къ каждому берегу ласково льнушія,
Von Land zu Land.	Въ вѣчномъ теченьи своемъ.
Ich liebe die <i>Erde</i>	Землю, гдѣ вѣгъ отрадный покой,
Das heil'ge Grün,	Сердцемъ люблю я. По лугу зеленому
Wo's hold zu wandel'n,	Сладостно взору бродить утомленному,
Und noch süsser zu	Сладостнѣй — вѣчный покой.
ruh'n ist	

Стихъ — «къ каждому берегу *ласково льнушія*» — красивъ, но онъ самостоятеленъ, а въ послѣдней строфѣ вставное «*взору утомленному*» приводитъ къ нѣкоторому недоразумѣнію — кому покой сладостнѣй—взору? Въ общемъ данное стихотвореніе по-русски, быть можетъ, и не дурно само по себѣ, но характеръ оригинала измѣненъ; въ заключительномъ стихѣ — «*Der Leib soll ruh'n*» не вполне удачно замѣнено выраженіе — «покоиться» словомъ «*пестлѣть*» («*Праху пестлѣть суждено*»): здѣсь нужно было сохранить именно «покоиться», такъ какъ рѣчь идетъ объ однородности тѣла съ землею, какъ сердца съ волнами, души съ воздухомъ и т. д.

Французскимъ поэтамъ отведено широкое мѣсто — и крупнымъ и второстепеннымъ. Но между двѣнадцатю французскими авторами, избранныя произведенія которыхъ предложены въ переводѣ г-жи Чюминой, далеко не всѣ удачно переданы. Выше указано было, что къ числу болѣе удовлетворительныхъ переводовъ слѣдуетъ отнести произведенія романтиковъ старой школы. Поэма «Гифъ Самсона» Альфреда де-Вьяня почти не вызываетъ оговорокъ: два, три небольшихъ пропуска и парафразы, съ которыми можно помириться. И двѣ небольшія поэмы Виктора Гюго — изъ его «Légendes des siècles»: *Aymerillot* («Побѣдитель») и «Бѣдные Люди», въ общемъ переданы не дурно. Правда, кое-какія сокращенія допущены и здѣсь, и въ стихѣ — расплывчатость и приподнятость, безъ тѣхъ короткихъ, отрывочныхъ фразъ, которыми Гюго умѣетъ такъ кстати завершить картину, придать ей блеску и выразительности искуснымъ рельефомъ болѣе выдающихся моментовъ. Этихъ «бликовъ» у г-жи Чюминой нѣтъ; образы не рѣдко сокращены или переданы огульными, невыразительными фразами; но общій смыслъ сохраненъ и романтическая приподнятость стиля. Болѣе существенны отклоненія при передачѣ произведеній — Теофиля Готье, Сюлли-Прюдома, Леконтъ-де-Лиля, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обратимся.

Со стилемъ Теофиля Готье — соперничать трудно, и г-жѣ Чюминой этотъ поэтъ менѣе всего удался. Онъ въ переводѣ — обезцвѣченъ, утрачиваетъ силу, мѣткость и живость образа, становится какимъ-то банальнымъ и тусклымъ.

Вотъ, напримѣръ, въ первомъ же изъ переведенныхъ стихотвореній, въ которомъ измѣнено и заглавіе: «Бездна» вм. «Таинственный колодезь» («Le puit mysterieux»), мы встрѣчаемъ слѣдующія отступленія. У г-жи Чюминой:

Въ пестрыхъ узорахъ моихъ сновидѣній

Юноши образъ я видѣлъ однажды:

Онъ надъ колодцемъ, страдая отъ жажды,

Молча склонился, исполненъ томленья.

Первая фраза о «пестрыхъ узорахъ»—шаблонная. У Готье индивидуальное сравненіе, болѣе конкретное и оригинальное: «сквозь рощу фантастическихъ арабесковъ» (*folles arabesques*), начертанныхъ перстомъ Сна (*le doigt du Sommeil*) на «стѣнѣ моихъ ночей» (*au mur de mes nuits*), я увидѣлъ, — подобно тому какъ виднѣется образъ Фортуны на фрескахъ, — юношу, наклонившагося надъ отверстіемъ колодца». — Допустимъ, что дословная передача крайне затруднительна, что русскій языкъ не терпитъ такихъ смѣлыхъ оборотовъ, — какъ — «на стѣнѣ моихъ ночей», — что переводчику надо было прискивать, какъ замѣнить такія выраженія, не поддающіяся дословному переводу, — все же и замѣны должны были представлять изъ себя что-нибудь болѣе яркое, типичное, характерное именно для стиля Т. Готье. Ничего подобнаго нѣтъ въ переводѣ. Далѣе:

Съ тѣмъ, чтобъ вода поднялася до края,
Золото, жемчугъ — бросалъ онъ горстями
Въ темную бездну, напрасно устами
Влагн студеной коснуться желая.

У Готье: онъ бросалъ въ эту черную пастъ, огромными кучами, жемчугъ и брилліанты, рубины и золотыя монеты (*sequins d'or*), чтобы заставить воду подняться до его губъ, и пить. Но и «бичеванная вода» (*le flot flagellé*) все не поднималась». — «*Le flot flagellé*» — одно это выраженіе чего стоитъ, а въ переводѣ вся строфа тусклая. Въ слѣдующей строфѣ — поясненіе образа у Готье болѣе общаго характера: «сколько опрометчивыхъ людей отправляется къ колодцамъ, не запасшись ни веревкой, ни урной, чтобы черпать подземной влаги (*le cristal souterrain*), и хоронять свои сокровища, надѣясь заставить воду разлиться, какъ ворона (въ баснѣ) это дѣлала съ мѣднымъ сосудомъ». И только въ заключительныхъ стихахъ сравненіе примѣнено къ сердцу женщины. Г-жа Чюмпина слила вмѣстѣ содержаніе обѣихъ строфъ и сразу заявляетъ: — «Сколько безумцевъ, чарующе-мрачной — Бездною гордой души привлеченныхъ, — Грезять напрасно о

влагѣ прозрачной» и т. д. И въ концѣ — «золото чувства бросаетъ онъ щедро, — силы души расточая бесплодно».

Характеристика «гордой души, чарующе-мрачной» принадлежитъ переводчицѣ. У Готье коротко сказано — *épris de quelque femme*, и далѣе: «чтобы вызвать влагу божественнаго чувства, кто не бросалъ золото своего сердца въ бездонный колодезь души (женщины), надъ нѣмою бездною *il n'a* склонившись» (*penché stupidement*), — отгѣнокъ, очевидно, совсѣмъ иной, чѣмъ «расточая *бесплодно*». Въ общемъ, какъ указано, вся прелесть въ высшей степени индивидуальнаго стиля Т. Готье, «ароматъ» его поэзіи — исчезаютъ въ переводѣ г-жи Чюминой. Подобное и въ слѣдующемъ стихотвореніи — «Утѣшеніе» (*Consolation*), въ которомъ переводчица тоже измѣнила заглавіе — «На высотѣ», объединивъ съ другимъ произведеніемъ — «Поэтъ и чернь» (*Le poète et la foule*, по-русски безъ заглавія). Напримѣръ, въ переводѣ весьма неяснымъ представляется слѣдующее сравненіе:

Безсмертныхъ замысловъ она (т. е. толпа)

Не постигаетъ, какъ волна

Вершинъ могучихъ и свободныхъ.

У Т. Готье образъ вполне отчетливъ:

La foule est comme l'eau qui fuit les hauts sommets:

Ou le niveau n'est pas, elle ne vient jamais.

«Надъ *уровнемъ* не возвышается она» — это необходимо было сохранить, равно и слѣдующую картину: «не теряй напрасный трудъ въ желаніи угодить толпѣ и не созидай лѣстницы для строптивой мысли (*pour ta pensée ardue*): вѣдь хромому перила не возвратятъ стойкость шага (*une rampe aux boiteux ne rend pas le pied sur*)». Въмѣсто этого у г-жи Чюминой просто сказано:

Не пролагай къ нему (т. е. трудному пути) ступеней,
Не поясняй — напрасный трудъ.

Тамъ, гдѣ парить свободный гений,
Одни избранники пройдутъ.

Это — переложеніе «своими словами», не переводъ. И заключеніе у Готье утрачиваетъ въ переводѣ тотъ смыслъ, который ему придалъ самъ поэтъ:

... Pour que Dieu, dans son oeuvre allant et voyageant,
Comprenne que toujours on fréquente les cimes
Et qu'on monte au sommet des poèmes sublimes.

Стало-быть — Богъ надъ всѣмъ, и если избранники не должны опускаться до толпы, то каждому человѣку и изъ толпы предложено подняться—«на высоту дивныхъ твореній»; ихъ нельзя какъ бы «размѣнять на мелочь», приравнить къ пониманію всѣхъ и каждаго; необходимо напряженіе, личныя усилія, чтобы подняться, и тщетны старанія облегчить стоящимъ внизу подъемъ, пока въ нихъ самихъ не загорится искра стремленія къ совершенству. Эта философская концепція вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ даннаго произведенія Теофиля Готье, проникая созданный имъ образъ. Г-жа Чюмина выпустила указанные три заключительныхъ стиха; осталось лишь упоминаніе объ орлѣ, которому доступна вершина горы: взмахъ крыла —

И достигаетъ онъ желанныхъ,
Снѣгами вѣчными вѣнчанныхъ
И уходящихъ въ небосводъ—
Недосягаемыхъ высотъ.

Но это простое констатированіе общезвѣстнаго факта, что орелъ летаетъ высоко. Въ чемъ смыслъ «утѣшенія» (consolation), какъ названо стихотвореніе авторомъ? Г-жа Чюмина въ него не вдумалась. Она дала лишь внѣшнія очертанія картины, декорацию — безъ внутренняго ея содержанія. — Слѣдующая пьеса — «Поэтъ и чернь», передана нѣсколько ближе, но характерные и важные для смысла эпитеты опять-таки пропущены: «Должна обратилась съ вопросомъ къ *праздной* горѣ» — «à la montagne

oisive—Rien ne vient sur ton front des vents toujours battu!»—
 Чернь молвила поэту, склонившемуся надъ своей задумчивой лп-
 рой: «Мечтатель, на что ты нуженъ (Reveur, à quoi sers tu?)».
 Въ переводѣ:

Долина къ горѣ обратилась съ укоромъ:
 — «Что пользы въ безплодной твоей высотѣ?»
 Глядѣвшему въ небо задумчивымъ взоромъ
 Пѣвцу говорили: «Ты служишь мечтѣ».

Поэтъ и самъ знаетъ, что онъ служитъ мечтѣ, а вопросъ въ томъ — служить ли чему нибудь сама мечта? Эпитетъ «праздной» и упоминаніе «*ton front des vents toujours battu*» чрезвычайно характерны для обрисовки значенія поэта въ глазахъ толпы, не понимающей его обособленія отъ «житейской суеты» и того, что онъ, возвышаясь надъ уровнемъ, какъ бы самъ идетъ на встрѣчу непогодѣ. Врядъ ли удобенъ въ данномъ случаѣ и безличный оборотъ «говорили», вмѣсто обозначенія — толпа или чернь, такъ какъ здѣсь нужно было выдержать противоположеніе — поэта и черни, указаннаго во французскомъ заглавіи. Последняя строфа гораздо блѣднѣе въ переводѣ:

Поэтъ, въ свою очередь, отвѣтилъ Поэтъ же отвѣтилъ: я въ пѣс-
 толпѣ: «Оставьте мой бѣдный няхъ печали
 лобъ склоненнымъ на руку Всю жизнь изливаю и душу
 (т. е. ту позу кажущейся мою.
 праздности, за которую поэтъ Родникъ ихъ обилень и тѣхъ,
 выслушалъ упрекъ). Развѣ изъ кто страдали,
 моихъ нѣдръ, откуда выли- Струею живою я всѣхъ напою.
 вается моя душа, я не заста-
 вилъ биться источникъ, изъ
 котораго пьетъ весь человѣ-
 ческій родъ. (N'ai-je pas de
 mon flanc, d'où mon âme
 s'écoule, Fait jaillir une source,
 où boit le genre humain?).

Дѣло, конечно, не просто въ отступленіяхъ, а въ томъ, что мѣткая и точная фраза Готье принимаетъ въ переводѣ не свойственный французскому поэту отпечатокъ банальности и избыточныхъ общихъ мѣстъ, при нѣкоторой расплывчатости или недосказанности перевода. Такъ, напримѣръ въ стихотвореніи «Честолюбіе»:

У г-жи Чюминой:

Свѣтильникъ истины возжечь
И знать, что пламенная рѣчь
Найдетъ сочувственное эхо,
Все предпринять, достичь всего,
Извѣдать славы торжество
И тайны высшаго успѣха, и т. д.

О комъ рѣчь идетъ? Это пока не ясно, такъ какъ приведенныя стремленія могутъ быть приписаны ораторамъ, проповѣдникамъ, писателямъ, — и въ переводѣ до конца такъ-таки и не названъ тотъ, къ кому обращенъ вопросъ, т. е. поэтъ. У Теофиля Готье съ перваго слова: *Poète, dans les coeurs mettre un écho sonore* и т. д. И выразительный заключительный стихъ первой строфы: *faire luire son nom sur tous ceux qu'on adore* — пропущенъ или переданъ въ совершенно несоответствующей формѣ въ началѣ слѣдующей строфы:

Своя дѣла въ сердцахъ людей
Запечатлѣть;

Здѣсь рѣчь идетъ уже о тщеславіи завоевателя, могущество котораго Готье оригинально характеризуетъ выраженіемъ: *Courir en quatre pas du couchant à l'aurore — Avoir un peuple fait de trente nations*; ничего подобнаго въ смыслѣ яркости и живописности нѣтъ въ переводѣ:

какъ чародѣй,
Какъ властелинъ царить надъ міромъ,
Ему предписывать законъ и т. д.

Все это ужасно ordinarily, а заключительная строфа сонета, столь живая, жизненная въ естественномъ діалогѣ у французскаго автора, передана по-русски огульнымъ выраженіемъ:

Mais qui donc comblera l'abîme И лавры гордые свои
 de ton coeur? За слово истинной любви
 Que veux-tu qu'on y jette, Ты всё отдашь безъ колебанья.
 o poète, o vainqueur?
 — Un mot d'amour tombé d'une
 bouche de femme.

Въ сонетѣ — «L'hirondelle» — въ русскомъ переводѣ первый стихъ невольно рѣжетъ слухъ, точно это «монологъ» изъ шарады или водевиля съ переодѣваніемъ:

Я — ласточка; купаюсь прихотливо
 На волѣ я въ лазурной вышинѣ.

Выходятъ какъ-то наивно, по-дѣтски. Между тѣмъ у Готье сразу дается характеристика настроенія:

Je suis une hirondelle et non une colombe;
 Ma nature me force à voltiger toujours.
 Le nid ou des ramiers s'abritent les amours;
 S'il y fallait couvrir, serait bientôt ma tombe.

Въ концѣ основная мысль измѣнена, или не ясно передана: Mais partout de *l'absent* mon âme se souvient — говорить поэтъ устами ласточки:

Mon amour est constant, si mon aile est légère,
 Et sans craindre l'oubli, la folle passagère
 D'un bout du monde à l'autre au même *coeur* revient

Въ русскомъ переводѣ:

Но все, что я покинула, — мнѣ мило,
 И радостно я изъ шныхъ краевъ
 Опять спѣшу подъ тотъ же самый кровъ.

Гдѣ же: *le même coeur, mon amour est constant, sans craindre l'oubli* и прочія размышленія «folle passagère»? Стиль Готье не дается переводчицѣ, и хотя мы отнюдь не теряемъ изъ виду тѣхъ трудностей, которыя онъ представляетъ для перевода, но все же послѣдній долженъ передать, хоть до нѣкоторой степени, общій тонъ, приемы, хотя бы и въ парафразѣ — часть тѣхъ блѣстокъ, которыми такъ искрится слогъ французскаго поэта. Г-жа Чюмина какъ бы ограничивается указаніемъ, «о чемъ» пишетъ авторъ, не обращая достаточно вниманія на то, «какъ» онъ пишетъ, а между тѣмъ почти весь Готье — въ стилѣ. На ряду съ мѣткостью и выразительностью эпитета и вводныхъ предложеній, у Готье чрезвычайная отчетливость и вѣрность образа. У г-жи Чюминой — зачастую неопредѣленность выраженія заслоняетъ ясность образа. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Прометей», по поводу картины Рибейры, Готье въ нѣсколькихъ фразахъ передаетъ содержаніе данной картины, и тогда его впечатлѣніе и общій выводъ понятны:

Toi, cruel Ribeira, plus dur que Jupiter,
 Tu fais de flanc creux par d'affreuses entailles
 Couler à flots de sang des cascades d'entrailles!
 Et tu chasses le choeur des filles de la mer,
 Et tu laisses hurler, seul dans l'ombre profonde,
 Le sublime voleur de la flamme féconde!

У г-жи Чюминой эти двѣ строфы переданы въ сокращенной формѣ:

Но ты, Рибейра, былъ суровѣе, чѣмъ самъ
 Неумолимый Зевсъ, къ отважному титану,
 Тобою осужденъ одинъ во тьмѣ ночей
 Терзаться муками великій Прометей.

Тутъ нѣтъ характернаго противоположенія — *ombre profonde, flamme féconde*, и содержаніе картины передано непонятно. Врядъ ли удобно (во второй строфѣ) выраженіе «ундины», изъ

другой мнѳологіи, по отношенію къ «морскимъ дѣвамъ», вм. не-реидъ или «морскихъ дѣвъ». Въ другомъ, параллельномъ стихотвореніи изъ «испанскаго альбома» — «Эскуриаль», — по-русски выраженіе: «Тиверія испанскаго твореніе», даетъ поводъ къ недоразумѣнію. Готье, сравнивая Филиппа II, по приказу котораго воздвигнуть былъ монастырь, съ императоромъ Тиверіемъ, правда, назвалъ Филиппа—*le Tibère espagnol (Débauche de granit du Tibère espagnol)*; по-русски не принято такъ выражаться безъ оговорки—того, что былъ..., или слылъ...., а «твореніе» отнюдь не соотвѣтствуетъ выраженію—«*débauche*». Послѣдній стихъ «*Le geant assouré qui rêve éternité*... переданъ: «гиганта..., Заснувшаго своимъ тяжелымъ сномъ».— Вся соль пропала, ибо въ образѣ дремлющаго гиганта, которому грезится «вѣчность», — весь смыслъ описанія грандіозной постройки, претендовавшей на званіе «новаго чуда свѣта» — *posé comme un défi tout près d'une montagne!* Въ переводѣ и этого стиха нѣтъ, и въ данномъ случаѣ строгій размѣръ (секстины) врядъ ли удачно замѣненъ такъ называемымъ вольнымъ стихомъ.

Однородныя замѣчанія приходится дѣлать почти о всѣхъ избранныхъ для перевода стихотвореній Т. Готье. Вотъ, напри-мѣръ, изящныя, игривыя и остроумныя «варіаціи» французскаго поэта на венеціанскій карнавалъ: въ введеніи («*Dans la rue*») изъ восьми строфъ двѣ въ переводѣ опущены, а въ остальныхъ—то же отстраненіе легкихъ, но характерныхъ подробностей, придающихъ французскому оригиналу столько жизни и блеску: «Есть старинный народный напѣвъ, начинается Готье: на всѣхъ скрипкахъ его пропищали, всѣ шарманки прогнусли его, подъ лай разсерженныхъ собакъ. Табакерки «съ музыкой» включили его въ свой репертуаръ; — для чижей онъ сталъ «урочной темой», и моя бабушка ребенкомъ заучила его». Г-жа Чюмина пропускаетъ столь типичную и подходящую къ данной картинѣ подробность—шарманки гнущащей на дворѣ—«*aux abois des chiens en solège*» и замѣчаніе о бабушкѣ, затвердившей вслѣдъ за чижомъ его урокъ, который въ переводѣ отнесенъ не къ «воспитанной»

птицѣ (выраженіе «классическій» — pour les serins il est classique — здѣсь употреблено именно въ значеніи *школьный* и *урочный*, какъ говорятъ — *grammaire classique, édition classique* и т. п., т. е. pour les classes), а къ шарманкѣ; смыслъ не тотъ:

Старинный мотивъ карнавала! Для всѣхъ табакерокъ онъ сразу
 Заграничій нѣтъ ничего. *Классическимъ номеромъ* сталъ,
 Шарманка гнусила, бывало, И чужъ музыкальную фразу
 И скрипка терзала его. Изъ клѣтки своей повторялъ,

и т. д.

Въ шестой (= восьмой) строкѣ, по-русски, не вполне понятно: «онъ (т. е. Паганини), щедро разсыпавъ *по газу* — Своихъ арабесковъ узоръ», — между тѣмъ по-французски сравненіе заграничнаго мотива со обветшалымъ газомъ, на которомъ еще остались слѣды мяшуры (*brodant la gaze fanée — que l'ogrean rougit en core*), выясняется именно изъ эпитетовъ, пропущенныхъ въ переводѣ. Едва ли нужно продолжать разборъ, такъ какъ замѣчанія пришлось бы дѣлать все однороднаго характера: и въ самомъ послѣднемъ стихѣ послѣдней «варіація» (*Clair de lune sentimental*) — «*Que ton charme m'a fait de mal*» — горечь противополoженная очарованію (*charme*), это характерное настроеніе, вызванное въ поэтѣ при звукахъ знакомой мелодіи, обезцвѣчено въ неопредѣленномъ выраженіи:

Какъ все, что давно миновало,
 На память приводишь ты намъ.

Оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе откровенно-вольныя переложенія изъ Готье, которыя уместнѣе было бы перенести въ отдѣлъ «откликновъ», а не переводовъ, еще одно замѣчаніе по поводу передачи граціозной бездѣлушки — «*Fantaisies d'hivers*» (изъ *Emaux et Camées*). Уже начало по-русски не особенно удачно, не только по сравненію съ оригиналомъ, но и само по себѣ:

Съ усмѣшкой невеселой
 На много разныхъ *тѣновъ*

Зима играетъ соло
Въ квартирѣ всѣхъ сезоновъ.

Что значить «соло на много *разныхъ* тоновъ» (принято, къ тому же ставить удареніе иначе: тон^{овъ}?) Это выраженіе намъ не понятно, да оно и не музыкально, и, конечно, не точно. У Готье:

Le nez rouge, la face blême,
Sur son pupitre de glaçons,
L'hivers execute son thème
Dans le quatuor des saisons.

Эта картинка цѣльная, образъ живой и колоритный, не вызывающій недоумѣнія. При всей игривости и остроуміи замѣчаній, Готье никогда не теряетъ изъ виду реальныхъ очертаній образа и всегда его характеристики мѣтки. Такъ, напримѣръ, рисуя дальѣе шутливые «костюмы», въ которые подъ снѣгомъ словно одѣлись статуи, поэтъ намѣчаетъ то или другое снѣжное облаченіе въ соотвѣтствіи съ внѣшними очертаніями и позой статуи, т. е. такъ, какъ на самомъ дѣлѣ снѣжный покровъ можетъ облечь ее; фантазія основана на наблюденіи дѣйствительности и реально правдива. Напримѣръ, въ слѣдующемъ куплетѣ:

La Vénus Anadyomène
Est en pelisse à capuchon,
Flore, que la brise malmène,
Plonge ses mains dans son manchon.

Названа Венера — Anadyomène, такъ какъ она обыкновенно изображается съ распущенными, густыми волосами и съ дельфиномъ около нея; стало быть, именно у этой Венеры, въ отличіе отъ другихъ, на волосахъ и могъ образоваться изъ снѣгу родъ шубки «съ капюшономъ». У Флоры, какъ извѣстно, въ рукахъ урна съ цвѣтами; покрытые снѣгомъ, они и образуютъ нѣчто вродѣ «муфты» и т. п. Г-жа Чюмина оставила за Венерой

(безъ указанія какой именно) «накидку съ капюшономъ», но въ остальномъ фантазируетъ, не сообразуясь съ обликомъ статуй:

Ротондою Діана
 Смущаетъ наши взоры,
 И видѣть какъ-то странно
Боа на шеѣ Флоры.
 И силою примѣра,
 Ей ставшаго закономъ (?), —
 Красуется Венера
 Въ накидкѣ съ капюшономъ.
 Всѣ мраморные боги,
 Должно быть, очень зябки;
 Меркурій быстроногій —
 И тотъ въ косматой шапкѣ. . . .

Меркурій — прибавляемъ отъ себя, но, не оспаривая прибавки, мы скорѣе надѣли бы на него снѣговые валенки, а не шапку, въ виду того, что онъ изображается съ крыльями на ногахъ: это было бы типичнѣе. «Боа» неумѣстно на шеѣ Флоры: Готье видитъ его въ пастушкахъ — «*Les bergères de Coysevox et de Couston, — Trouvant leurs écharpes légères — Ont des boa autour du cou*» и т. д. Все это, быть можетъ, мелочи, но не съ точки зрѣнія поэтической техники, такъ какъ свидѣтельствуемъ о слишкомъ внѣшнемъ, поверхностномъ отношеніи къ дѣлу переводчицы, которая — лишь бы стихъ вышелъ гладокъ и давалъ приблизительный смыслъ — не заботится о вѣрности образа, о реализмѣ подробностей. Въ иныхъ случаяхъ, какъ въ настоящей пьесѣ, это приводятъ къ неясной картинѣ, въ другихъ, какъ было указано, — къ затемнѣнію смысла и идейнаго вывода въ образномъ мышленіи поэта. И это, конечно, существенно.

Сюлли-Прюдомъ, въ отличіе отъ Т. Готье, больше поэтъ мысли, чѣмъ стилистъ. У него есть, конечно, красивые и удачно

выраженные образы, но попадаются и весьма прозаическіе обороты. Выраженія его точны, но порой суховаты. Склонный къ грусти, онъ какъ бы стыдливо оберегаетъ чувства въ глубинѣ души и скорѣе предоставляетъ объ нихъ угадывать, чѣмъ вдается въ лирическія изліянія; онъ не чуждъ задушевности, но отнюдь не сантименталенъ. — Въ первомъ же стихотвореніи, переведенномъ г-жой Чюминой — «Роса» (собственно — «Росинки» — Les Rosées, изъ сборника Stances et Poèmes), переводчица выкинула послѣднюю строфу, весьма характерную для поэзіи Сюлли-Прюдома, а въ началѣ вставила сентиментальный оборотъ — «Я предаюсь мечтамъ, *поднявъ къ лазури очи*» — не свойственный этому поэту. Въ дословномъ переводѣ: «Я замечтался, а блѣдная роса выступаетъ неслышно, какъ жемчужины въ долинахъ, разсѣянная по пушку цвѣтовъ свѣжей рукою ночи».

У г-жи Чюминой:

Я предаюсь мечтамъ, поднявъ къ лазури очи,
 Въ отрадно-тихіе *вечерніе* часы,
 Когда среди луговъ рукою блѣдной *ночи*
 Разбросаны вездѣ жемчужины росы.

Эпитетъ «блѣдный» больше подходитъ къ росѣ, чѣмъ къ ночи (мы не на сѣверѣ), которая къ тому же оказывается одновременно съ вечеромъ; правда, по-французски *le soir* употребляется и въ болѣе широкомъ значеніи — времени до полуночи (см. ниже), но врядъ ли можно ставить оба выраженія рядомъ: т. е. *вечеромъ ночь* разбросала цвѣты.

Въ дальнѣйшемъ — поэтъ утверждаетъ или просто констатируетъ, что капли росы «avant de se former, toutes — Elles étaient déjà dans l'air», и это, конечно, фактъ общеизвѣстный. Г-жа Чюмина задаетъ вмѣсто этого неясный вопросъ:

Не тамъ ли, въ вышинѣ, сейчасъ онѣ сверкали
 Предъ тѣмъ, какъ снизойти серебряной росой?

Но только что передъ этимъ было сказано: *il ne pleut pas, le temps est clair* (въ переводѣ: «прозрачный сводъ небесъ блистаетъ синевою»); если погода стояла совершенно ясная и поэтъ настаиваетъ на томъ, что росинки не могли упасть съ неба, то гдѣ же онѣ «сверкали въ вышинѣ»? Въ слѣдующемъ куплетѣ:

Откуда у меня явились эти слезы?

Лазурь безоблачна и даже вѣтеръ стихъ.

«Лазури» ночью не бываетъ, а вѣтеръ тутъ не причемъ. Въ оригиналѣ: *«toute flamme ce soir est douce au fond des cieux»*. — «Эти слезы были у меня въ душѣ, продолжаетъ поэтъ, раньше чѣмъ я ихъ почувствовалъ на глазахъ», и заканчиваетъ:

On a dans l'âme une tendresse
Où tremblent toutes les douleurs,
Et c'est parfois une caresse,
Qui trouble, et fait germer les pleurs.

Вотъ этотъ общій выводъ изъ предыдущаго — переводчица почему-то и выпустила. И въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи — «*Ici-bas*» (переведено «Желаніе») — есть нѣкоторое измѣненіе смысла оригинала: рѣчь идетъ о стремленіи поэта къ вѣчному, тогда какъ здѣсь, на землѣ, все преходящее: «Здѣсь и сирень отцвѣтаетъ и пѣнье птицъ краткосрочно; я мечтаю о такомъ лѣтѣ, которое длилось бы вѣчно.... Здѣсь губы едва прикасаются, не оставляя никакихъ слѣдовъ своей бархатистости; я мечтаю о поцѣлуяхъ, которыя длились бы вѣчно.... Здѣсь люди обречены постоянно оплакивать любовь или дружбу; я мечтаю о такихъ союзахъ, которые длились бы вѣчно!...»

У г-жи Чюминой:

Здѣсь на землѣ все слишкомъ скоротечно:
И запахъ розъ, и пѣнье соловья;
Такой весны, что остается вѣчно,
Хотѣлъ бы я.

Здѣсь на землѣ *остъ жаждутъ перемѣны,*
 Лобзанья здѣсь уходятъ безъ слѣда;
 Я жажду *тѣхъ*, что вѣчно неизмѣнны
 И — навсегда.

Весь этотъ куплетъ не особенно удаченъ: «жаждутъ перемѣны» — совсѣмъ противоположный смыслъ тому, что «всѣ люди *оплакиваютъ* дружбу иль любовь». Послѣдняя фраза тяжела и неясно выражено, къ кому относится «тѣхъ». «Вѣчно неизмѣнны» и «навсегда» — тавтологія.

Въ послѣдней строфѣ:

Здѣсь на землѣ любовь непостоянна
 А дружба длится краткіе года;
 Я чувства жду, *какому тѣнь обмана*
 Была бъ чужда.

Некрасивъ оборотъ — «какому тѣнь обмана». Въ общемъ, хотя смыслъ приближительно вѣренъ, но выраженья ослаблены, и съ точки зрѣнія формы — эффектное повтореніе «*toujours*» — какъ-бы припѣвомъ къ каждой строфѣ во французскомъ оригиналѣ, и слова «*demeurent*» — въ концѣ третьяго стиха каждаго куплета, мѣрный каденсъ этой пьесы въ соотвѣтствіи съ грустно-задумчивымъ настроеніемъ поэта — все это едва-ли выражено въ русскомъ переводѣ.

Въ стихотвореніе «Ласточка» — послѣднія двѣ строфы не даютъ точнаго смысла: рѣчь идетъ о возможномъ согласованіи личной свободы съ привязанностью къ своему гнѣзду. Подобно ласточкѣ, душа поэта поднимается въ высь и скользитъ по землѣ (*mon âme s'élève et tout-à-coup rase le sol*), но если ей нужны эти скитанія, ежедневно нуждается она и въ гнѣздышкѣ.

Не совсѣмъ то по русскія:

S'il lui faut aussi des voyages, Я ни чьей не завидую долѣ,
Il lui faut son nid chaque jour; Раздѣляя порывы твои,

Elle a tes deux besoins sauvages: Я хочу лишь простора и воли,
 Libre vie, *immuable* amour. И любви, безконечной любви.
 (Лучше-бы — постоянной).

Въ стихотвореніи—*Je me croyais poète* (по-русски озаглавлено «Идеи и форма») — оттънокъ сомнѣнія, выраженный въ формѣ прошедшаго — *croyais*, необходимъ въ связи съ слѣдующими разсужденіями. Едва ли поэтому первый стихъ удачно переданъ по-русски категоричнымъ заявленіемъ:

Себя *считаю* я поэтомъ по призванью.

Далѣе должна слѣдовать—какъ оно и есть во французскомъ оригиналѣ, характеристика основныхъ свойствъ автора, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду представить свое самооправданіе: *mon âme est juste, impetueuse et tendre, qui le sait mieux que moi?*—По-русски заявленіе: «я вѣрю въ истину» — не къ чему въ данномъ случаѣ. «Къ добру и состраданью душа отзывчива моя» — нѣсколько блѣднѣе чѣмъ — «*impetueuse et tendre*» и пр., и опущено нужное въ данное случаѣ—«никто лучше меня этого знать не можетъ». Въ дальнѣйшемъ—переводчица измѣнила сравненіе, которое дѣлаетъ поэтъ, врядъ ли къ выгодѣ проясненія мысли, т. е. собственно въ передѣлкѣ г-жи Чюминой смыслъ совершенно иной, чѣмъ во французскомъ стихотвореніи. Сюлли-Прюдомъ именно настаиваетъ на заявленіи, что онъ способенъ сильно чувствовать, сильнѣе, чѣмъ обыкновенные люди, но не хватаетъ у него умѣнья облечь свои чувства и мысли въ соотвѣтствующую имъ форму. «Развѣ люди поняли мою радость и мои печали, когда я вылилъ свою душу въ звукахъ (*un bruit pour l'oreille*)? Они улавливаютъ лишь одно слово: «любовь», и это слово служитъ одинаковымъ выраженіемъ для передачи ихъ волненій и моего». Очевидно, поэтъ при этомъ выражаетъ неудовольствіе, что, при общности языка, онъ не можетъ оттънить насколько сильнѣе и глубже другихъ его личное чувство. Г-жа Чюмина пишетъ:

Всѣ люди чувствуютъ равно,
 Но въ образы облечь затѣйливья грезы
 Не всякому дано.

Мысль, можетъ быть и симпатичная, но совсѣмъ не та, что у французскаго поэта: всѣ люди *говорятъ* одно, какъ-бы хотеть оиъ сказать, и бѣдность языка не даетъ мнѣ возможности показать большую интензивность моихъ личныхъ чувствъ, дающая мнѣ право на званіе поэта. Далѣе, оговорка: «Мѣдь, безъ отчеканеннаго на ней изображенія, весьма призрачное сокровище (*l'airain... est un bien illusoire*); у меня цѣлый слитокъ ея — но надо бы еще обратить его въ деньги (что-бы мѣдь получила цѣнность), и такимъ образомъ, хотя я и обладаю тѣмъ грубымъ металломъ, на который покупаютъ славу, — я все же не могу заплатить за нее». У г-жи Чюминой вмѣсто «мѣди» поставлено «золото» и, соотвѣтственно, весь смыслъ получается иной:

Металломъ дорожимъ владѣю я въ избыткѣ,
 Который могъ бы дать на славу мнѣ права,
 Но *золото мое* еще покуда въ слиткѣ —
 И долженъ я въ чеканъ отдать его сперва.

Выпущено, кромѣ того, три строфы въ переводѣ.

Посмотримъ теперь, какъ г-жа Чюмина справляется съ красками Леконтъ-де-Лиля, поэта пессимиста по общему міросозерцанію, но яркаго и сильнаго колориста въ своихъ образахъ. Вотъ небольшое стихотвореніе описательнаго характера, картина природы и царя «сѣверныхъ морей» — альбатроса, картина, въ которой лирическое настроеніе поэта передано лишь въ тѣхъ краскахъ, въ томъ особомъ колоритѣ, при которыхъ оживаетъ передъ вами данный образъ.

«Въ безбрежной широтѣ созвѣздія сѣвернаго Козерога —
 вѣтеръ реветъ, рычитъ, свищетъ, стонетъ и завываетъ (*beugle*,

rugit, siffle, râle et miaule), и стремительно несется через океанъ, весь побѣлѣвшій отъ бѣшеной пѣны». Уже это начало упрощено въ переводѣ до крайности:

Во мглѣ холоднаго тумана,
 На всемъ просторѣ океана,
 Отъ полюса до южныхъ странъ
 Бушуетъ дико ураганъ.

Это — стоитъ на грани съ пріемомъ огульныхъ описаній въ духѣ Ершова: «За горами, за долами»... Нужно ли напоминать, что къ данному случаю этотъ стиль представляется совершенно не подходящимъ. Дальше все краски, все образы, вся вышуклость картиннаго стиля Леконтъ-де-Лиля какъ-бы всеѣмъ упрзднены въ сокращенной передачѣ переводчицы:

[Le vent] se rue, éraflant,	Отчаянья и злобы полный,
L'eau blème qu'il pourchasse et	Вздымаетъ онъ горою волны
dissipe en buées;	Съ сѣдою пѣной на хребтахъ.
Il mord, déchire, arrache et	Въ нависшихъ шзко небесахъ
tranche les nuées	Рождаетъ тучу онъ за тучей,
Pas tronçons convulsifs où saigne	И блескомъ молніи летучей
un brusque éclair;	На мигъ бываетъ озаренъ
Il saisit, enveloppe et culbute	Покрытый мракомъ небосклонъ.
dans l'air	
Un tournoiement confus d'aigres	
cris et de plumes	
Qu'il secoue et qu'il traîne aux	
crêtes des écumes	
Et, martelant le front massif des	
cachalots,	
Mêle à ses hurlements leurs	
monstrueux sanglots.	

Разница стиля на столько очевидна, что комментарія были бы излишни. Дѣло не въ томъ лишь, что редакція русскаго текста

почти вдвое короче французскаго оригинала, но главное, что вся образность описанія сведена какъ-бы на нѣтъ. И когда читаешь послѣдніе стихи въ переложеніи г-жи Чюминой:

... Надъ безопаднымъ ураганомъ,
Ниспровергающимъ утесъ, —
Побѣдно рѣетъ альбатросъ.

невольно задаешь себѣ вопросъ: — а что же далѣе? Для чего намъ былъ сообщенъ этотъ фактъ, — о томъ, что альбатросъ рѣетъ надъ ураганомъ, общеизвѣстный изъ естественной исторіи? У Леконтъ-де-Лиля, разумѣется, это иначе выражено и въ такой именно формѣ, что возбуждается особое чувство, понятное при всей его недосказанности: *Seul le roi de l'espace... l'oeil dardé par delà le livide brouillard* —

... tranquille au milieu de l'éprouvancement
Vient, passe et disparaît majestueusement.

И для того, чтобы заставить ощутить это величавое спокойствіе царственной птицы — «*Ubergensch*» — надъ всѣмъ хаосомъ разнuzданной стихіи, необходима была эта яркость, пестрота красокъ, этотъ хаосъ образовъ, съ неудержимой стремительностью какъ-бы вырывающихся изъ подъ кисти художника.

На той же страницѣ (210) у г-жи Чюминой приведенъ переводъ другого небольшого стихотворенія Леконтъ-де-Лиля изъ его *Poèmes tragiques* — «*Le Parfum impérissable*» (Безсмертное благоуханіе). И здѣсь опять-таки въ переводѣ упразднена вся образность языка французскаго поэта и получаютъ до нельзя прозаичные обороты:

Когда красовалася роза Лагора,
Хоть день посреди дорогаго сосуда,
Вы можете вылить всю воду оттуда, —
Но запахъ чудесный исчезнетъ не скоро.

Въ оригиналѣ: «Когда солнца цвѣтокъ, роза Лагора, — наполнила каплей за каплей изъ своей благоухающей души сосудъ, будь онъ изъ глины, изъ кристалла, или изъ золота, — вы можете разлить его на жгучій песокъ. Пусть хоть цѣлыя рѣки или море наводнятъ это тѣсное святилище, гдѣ она была заключена (т. е. душа цвѣтка), — сосудъ, даже разбившись, сохраняетъ свой божественный запахъ, и прахъ его, осчастливленный, остается пропитанъ имъ».

У г-жи Чюминой:

Краса этой розы была скоротечна,
 Какъ пламя угасшей безвременно страсти,
 Но даже въ сосудѣ, разбитомъ на части, —
 Ея ароматъ сохраняется вѣчно.

Это на столько сухо, что — какъ въ особенности вышеуказанное «выливаніе воды» изъ сосуда — едва ли заслуживаетъ названія поэзіи. Въ послѣдней строфѣ слово «донинѣ» служитъ не особенно удачной замѣной выраженія — *Par delà l'heure humaine et le temps infini*, — какъ показателя высшей интенсивности чувства.

Въ стихотвореніи «Небесная лампада» есть нѣсколько удачныхъ стиховъ въ переводѣ («Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ, — Сіянье лъетъ свое небесная лампада»), но есть также пропуски и не вполне удачныя вставки рифмы ради. Такъ, въ первой же строфѣ — общая характеристика «небесной лампады» — т. е. луны, которая, свѣсившись съ неба на темной сивевѣ, озаряетъ, очевидно, всю поверхность земли — *l'immense mer, les monts et les rives*. Общій оборотъ здѣсь необходимо было сохранить. Между тѣмъ у г-жи Чюминой нѣсколько неожиданно появляется «страна, гдѣ протекаетъ Нилъ» — точно это специальное мѣсто, гдѣ «сіянье лъетъ свое небесная лампада». Слѣдующая строфа совсѣмъ выпущена, а далѣе — фраза (послѣ: *Es-tu.... le blanc paradis où s'en vont leurs songes (leurs — т. е. des morts bienheureux)*):

O monde muet, ébrançant sur eux
De beaux rêves faits de meilleurs mensonges—

передана «Гдѣ пробужденія нѣтъ отъ *сладостнаго сна*». Не споримъ, что данное мѣсто у Леконтъ де Лиля очень трудно перевести, но все таки по-русски совсѣмъ не то. Въ предпоследней строчкѣ — столь выразительныя восклицанія:

Toujours, à jamais, éternellement,
Nuit! Silence! Oubli des heures amères! —

переданы: «Забвеніе навсегда, безчувствіе нравныи». Ужасно забъженное это «безчувствіе нравныи», и сглаживаетъ непосредственность индивидуальнаго выраженія чувства.

Съ сокращеніями и въ упрощенной—т. е. по сущности перепиначенной—формѣ передано и стихотвореніе «Тайна бытія» (213, *Le secret de la vie*):

Le secret de la vie est dans les	Разгадка тайны бытія
tombes closes:	Понятной станетъ въ часъ кон-
<i>Ce qui n'est plus n'est tel que</i>	чины;
<i>pour avoir été</i>	Существованія <i>причины</i>
Et le néant final des êtres et des	Тогда умомъ постигну я.
choses	
Est l'unique raison de leur réa-	
lité.	

По-русски даже не совсѣмъ понятно: — почему «умомъ» постигаются «существованія причины» именно въ часъ кончины? Въ оригиналѣ смыслъ иной: «*de néant final est l'unique raison de la réalité des êtres et des choses*», — т. е. если бы не было смерти, то нельзя было бы противопоставлять ей жизни: безъ уничтоженія не было бы понятія о существованіи; стало-быть, дѣло не въ *причинахъ* существованія, а въ немъ самомъ. Вообще, мысль Леконтъ-де-Лиля совершенно не понята переводчицей и въ заключеніи опущенъ существенный выводъ: *Sache mourir afin*

d'avoir été! Въ русскомъ переводѣ: «Живущіе, не бойтесь смерти». Это совсѣмъ, совсѣмъ не то.

Изъ произведеній Леконтъ-де-Лиля болѣе удачно справилась переводчица лишь съ небольшою поэмой — «Судъ графа» (Le jugement de Komor). Мы не будемъ отмѣчать здѣсь небольшія отступленія, ибо, если образность языка и философская концепція поэта составляютъ главные камни преткновенія нашей переводчицы, — она легче справляется съ повѣствовательнымъ стилемъ и сохраняетъ общія очертанія разсказа. Однако не можемъ не указать на врядъ ли удачную замѣну:

Въ углу видѣлся ликъ задумчивый Христа,
Ушедшаго душой въ божественныя грезы.

Въ подлинникѣ не то: Au fond, contre le mur, *tel qu'une ombre pensive*, un grand Christ. Une cloche auprès и т. д. Прислоненное къ стѣнѣ *распятіе* можетъ дѣйствительно показаться — «une ombre pensive», но мы нѣсколько недоумѣваемъ изображенію на крестѣ Христа, «ушедшаго душой въ божественныя грезы». Ужъ въ крайнемъ случаѣ — «думы», — но гдѣ имѣются такія изображенія распятаго Христа? Данная невѣрная подробность обстановки снова указываетъ на внѣшнія свойства приемовъ слагать стихи у г-жи Чюминой: у нея пѣтъ передъ глазами отчетливой картины того, о чемъ она пишетъ.

Франсуа-Коппе — гораздо легче, по стилю и по темамъ, для перевода, и въ общемъ г-жа Чюмина справляется съ этимъ поэтомъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Къ сожалѣнію все таки приходится дѣлать эту оговорку — «болѣе или менѣе». Характерныя подробности, особенности слога въ соотвѣтствіи съ выведеннымъ типомъ, а порою и общій тонъ разсказа — не всегда выдержаны въ переводѣ. Болѣе удачно переданы первая изъ «маленькихъ поэмъ» — «Который изъ двухъ» (однако, выпущено замѣчаніе объ осужденныхъ во время террора — tous immo-

cents!). Характеристика одного изъ вызываемыхъ на смертную казнь скомкана:

L'un des deux prisoniers était un	Въ костюмѣ небогатомъ
vieux bourgeois —	Одинъ изъ нихъ, судя по важ-
Débris de quelque ancien parle-	ности манеръ,
ment de province,	И виду общему, казался депу-
En poudre, et qui gardait, sous	татомъ.
son habit trop mince	
L'air digne et froid qu'avaient	
les députés du tiers.	

Русская передача текста здѣсь лишена отчетливости. «Двѣ гробницы», «Мадьяръ» (но здѣсь, напримѣръ, опущена подробность, что пляшущій графъ обвѣсилъ себя монетами: «de lourds sequins d'or qu'il avait, par caprice, — mal attachés exprès au drap de sa pelisse, afin que, tout le temps qu'il serait à danser, ils tombassent par terre et qu'on put ramasser»). Въ русскомъ переводѣ: «изумруды и алмазы, жемчугъ и сафиръ» — «сыплются дождемъ». Это и невѣрно и невѣроятно. Въ заключеніи — вставка, что мадьяръ «спокойно молвилъ, *словно про себя*», — неумѣстна: совсѣмъ не — «про себя», а именно графу, во всеуслышаніе). Въ поэмѣ «Человѣкъ-афиша», разсказъ стараго рабочаго, ставшаго въ силу необходимости «ходячей афишей», лишень въ переводѣ спеціальнаго колорита простонародной рѣчи. Хотя бы дословная передача выраженій «арго» представлялась невозможной на русскій языкъ (напримѣръ, les gens à tirelire, le beau mirliflor, tirer la carotte, gagner son tabac, un pouf immense и т. д.), все таки рѣчь рабочаго должна была быть выдержана въ соотвѣтствіи со стилемъ разсказчика, а въ русскомъ переводѣ она безцвѣтна. Не удался топь и стиль поэмы о Донъ-Жуанѣ Коппэ (Une vision de Don Juan) въ переложеніи г-жи Чюминой. Отрывочныя фразы, короткій восьмисложный стихъ, слегка насмѣшливое отношеніе къ темѣ — все это не соблюдено переводчицей, которая — обратно тому, какъ она поступала по отно-

шенію къ Леконтъ-де-Лилію,—здѣсь значительно удлинила размѣръ:

Don Juan n'est pas mort. Aucun	Не умеръ Донъ-Жуанъ. Любви
gouffre	искатель вѣчный,
N'absorba le grand Curieux.	Пучиной адскою онъ не былъ
L'antique enfer n'a plus de	поглощень;
souffre.	Простившись съ юностью за-
Don Juan vit. Don Juan s'est	манчиво-безнечной,
fait vieux.	Состарѣлся въ своемъ изгнаньѣ
	опъ.

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ, т. е. съ тѣми же отступленіями, порою непонятными аллюзіями (напримѣръ, въ четвертой строфѣ: «Его—т. е. Донъ-Жуана—утѣхъ тутъ: старинный томъ Мольера, старинныхъ клавесинъ серебряная трель». Здѣсь совершенно непонятно, къ чему эта «серебряная трель», между тѣмъ въ оригиналѣ вполнѣ ясно указано забавное положеніе «воскресшаго» Донъ-Жуана, который — читаетъ «о себѣ» Мольера, или напѣваетъ «свои аріи» изъ оперы Моцарта¹⁾, сокращеніями и произвольными толкованіями смысла подлинника (напримѣръ, врядь ли подходитъ къ характеристикѣ героя—съ точки зрѣнія Коппэ, имѣвшаго въ виду *le grand Curieux* — замѣчаніе, которое г-жа Чюмина влагаетъ въ его уста: «Я былъ художникомъ, поэтомъ наслажденья». Въ подлинникѣ — «Moi, le grand artiste en débauche», — т. е. великаго мастера въ развращеніи) и т. д.

Даже при переводѣ болѣе второстепенныхъ поэтовъ, у г-жи Чюминой не всегда хватаетъ виртуозности для того, чтобы справиться съ техническими трудностями оригинала въ избранной ею пьесѣ. Въ такомъ родѣ стихотвореніе Армана Силь-

1) Et depuis lors, lisant Molière,—Fredonnant les airs de Mozart и т. д.

вестра, изъ его *Chansons des Heures*, озаглавленное по-русски «Желаніе» (стр. 295). Французскій поэтъ внесъ вънутренній припѣвъ, съ колебаніями въ оттѣнкахъ, который объединяетъ всѣ строфы. Г-жа Чюмина упразднила эту «виртуозность» формы, и осталось только довольно банальное содержаніе:

Assis au revers d'un chemin,	Тропинкой мы шли отдаленной
— <i>L'ombre en noyait les avenues,</i>	При блѣдномъ сіяньѣ луны,
	И трепеть любви затаенной
Tous seuls et la main dans la main,	Намъ слышался въ пѣснѣ
	волны.
Je baisais ses épaules nues.	
Blanche la lune se levait,	Казалось; имъ трепетали
— <i>L'ombre en redoublait son mystère,</i>	Во мракѣ деревьевъ листы
	И звѣзды въ сіяющей дали;
Au moindre souffle, tout avait	И тихо головку склоняли
Des frissons d'amour sur la terre и т. д.	Объяты нѣгой цвѣты.

Второй стихъ — о тѣни въ различномъ отношеніи къ тому или другому описываемому моменту, — сопровождаетъ всѣ строфы, какъ-бы вънутренній припѣвъ, колеблющійся именно какъ «тѣнь», въ соотвѣтствіи съ измѣняющейся картиной и настроеніемъ поэта. Такъ, въ первомъ куплетѣ, — тѣнь поглощаетъ аллею; во второмъ — она усиливаетъ таинственность луннаго свѣта; въ третьемъ — тѣнь какъ-бы впитываетъ въ себя благоуханіе волось возлюбленной поэта; въ четвертомъ — она наполняетъ дно пропасти; въ пятомъ — усиливаетъ бѣненіе сердца; въ шестомъ — простирается какъ вуаль на очи возлюбленной; далѣе — тщетно пытается слить звѣзды, придаетъ особую прелесть звуку голоса... Быть можетъ, эта виртуозность нѣсколько искусственная, но все таки — виртуозность, безъ которой стихотвореніе само по себѣ ничѣмъ особеннымъ не выдается. Такимъ оно и является въ русскомъ переводѣ, гдѣ заявленіе: «Вѣдь эта звѣзда золотая—слеза», остается, какъ впрочемъ и въ оригиналѣ, вычурнымъ сравне-

піемъ (почему звѣзда — слеза?) безъ поддержки въ виртуозности формы.

Послѣднее изъ переведенныхъ стихотвореній Арм. Сяльвестра — «Закатъ» переложено ужъ очень длинными стихами:

Вся глубина небесъ пылаетъ, какъ въ огнѣ,
Багрянца дымкою прозрачною одѣта и т. д.

У Арм. Сяльвестра — фраза и стихи гораздо короче, отрывочнѣе, пожалуй, суше:

N'étant plus qu'un brouillard vermeil
L'horizon dans la nuit recule.

Однако въ переводѣ нѣтъ образнаго выраженія — «dans la nuit recule», и замѣна конкретнаго — *je voudrais comme le soleil* — описательнымъ «подобно блеску дня», вмѣсто солнца, можетъ быть, не такъ картинно. «Sentir l'universel émoi, suivte, au loin, ma trace blanchie» — не значить: обратиться самому въ росу (И надъ ночами пасть живительной росой). Впрочемъ, въ общемъ это стихотвореніе, хоть и вольно, но недурно передано.

Изъ Жана Экара переведены два стихотворенія. — Первое, лирико-эпическій монологъ «Отверженный» (*Détresse*), въ общемъ недурно. Опущены лишь двѣ, три подробности, придающія больше рельефа оригиналу.

Такъ, въ заключеніи, отвѣтъ поэта:

Je dis à la mer, au grand ciel, à mon seuil:
Deux bras ont repoussé mes deux bras tout à l'heure,
Et je suis là, seul, pauvre, errant—et sans demeure.

По-русски слабѣе:

И такъ отвѣтилъ я и морю и свѣтиламъ:
— Я цѣль и счастье нашелъ во взорѣ миломъ,
И вотъ, отверженный, бреду я одинокъ,
Лишень пристанища, печалень и убогъ.

Оригинальное выраженіе—«deux bras ont repoussé mes deux bras»—и послѣдовательность эпитетовъ — «seul, pauvre, errant et sans demeure» — лучше, чѣмъ въ русскомъ переводѣ, который все же въ общемъ болѣе удовлетворяетъ, чѣмъ переводъ слѣдующей «сказки» (La petite fée). — Вся ея соль въ діалогѣ капризной феи, захотѣвшей осѣдлать мотылька, который покорно подставилъ ей свою спину, чтобы носить по воздуху. Фея сперва готова была просто сѣсть на него, потомъ — захотѣла большаго:

Non, non, je veux plus, je veux plus encore —

Dit la petite femme.

... Non! j'aurai trop peur, si tu n'es sellé

Comme un cheval de race;

Non... je tomberais du coursier ailé...

Sois de bonne grace!

— «Moi, je ne veux pas!» — Et moi, je le veux! —

L'amoureux se décide и т. д.

Начало у г-жи Чюминой недурно передано, но этотъ діалогъ лишенъ живости въ переводѣ:

— «Постой на мгновенье, — она отвѣчала,

— Опасность пугаетъ меня...

Дозволь, я тебя осѣдлаю сначала,

Какъ всадникъ сѣдлаетъ коня.

— Но я не согласенъ! возвысилъ онъ голосъ.

— А я послушанія жду.

И онъ покорился и т. д.

То, да не то, равно какъ и въ послѣдней строкѣ — «Забыла капризница *опновъ*» — какъ будто она уже раньше знала, что мотыльковъ не сѣдлаютъ, и теперь повторяетъ опытъ...

Мы уже отмѣтили выше, что переводы изъ Альфреда-де-Виньи, изъ Ришпэна¹⁾ и Жана Рамо болѣе удовлетвори-

1) Въ пьесѣ Ришпэна «Пробужденіе» замѣтимъ лишь неловкое выраженіе «надъ уровнемъ земли» и въ «сонатѣ Возрожденія» — неумѣство: калканы для

тельны, но, въ смыслѣ стиха, однородныя замѣчанія съ вышеуказанными, пришлось бы дѣлать почти о всѣхъ переводахъ г-жи Чюмпной, которая вольно обходится съ текстомъ въ томъ случаѣ, когда онъ или не является въ соотвѣтствіи съ ея настроеніемъ, или представляется ей слишкомъ труднымъ для передачи: она выпускаетъ, сокращаетъ или видоизмѣняетъ подлинникъ, жертвуя образами, характерными эпитетами и картинками.

Вотъ, напримѣръ, два отрывка изъ Хозе-Маріа де Эредіа объ Антоніи и Клеопатрѣ. Первый — «на Циднѣ» — значительно сокращенъ въ переводѣ. Приведемъ сперва точный переводъ: «Подъ торжественной лазурьюнеба, подъ пылающимъ солнцемъ, — серебрянная трирема проводитъ бѣлый слѣдъ на темныхъ водахъ рѣки; бороздой проходитъ она, оставляя за собой благоуханія кадильника, звуки флейтъ и шорохъ шелковыхъ тканей. На блестящей кормѣ, гдѣ орелъ распростеръ свои крылья, Клеопатра вышла изъ подъ балдахина, чтобы лучше всмотрѣться вдаль, и, стоя, озаренная отблесками роскошнаго заката, она сама кажется громадной, золотой птицей, которая издали сторожитъ свою жертву».

Въ переводѣ г-жи Чюмпной:

По темнымъ волнамъ золотая трирема
Плыветъ, оставляя серебрянный слѣдъ;
Корму украшаетъ, какъ символъ побѣды,
Орелъ распростертый — величья эмблема.
Все ярче вдали пламенѣетъ закатъ,
Струятся куренья волной благовонной;
Царица, склоняся на бортъ золоченный,
Впередъ устремля сверкающій взглядъ...

«Склоненная царица» — совсѣмъ не то, что «*debout, dans la splendeur du soir*» и во всякомъ случаѣ образъ — «... *semble un*

волковъ; *piège-à-loup* — значитъ просто капканы, а такъ какъ въ данномъ случаѣ они разставлены были для любовниковъ графини ея старымъ мужемъ, то упоминаніе о «волкахъ» не кстати.

grand oiseau d'or qui guette au loin sa proie» — выпущенъ въ переводѣ. Такимъ же образомъ ослаблены краски и въ дальнѣйшемъ: выпускаются характеристики и образы (напримѣръ, во 2-мъ стихотвореніи — у de Hérédia оно III — выпущено объ Антоніи типичное — «Soldat captif berçant le sommeil d'un enfant).

Въ заключеніи, подъ рубрикой «Изъ Венгерскихъ поэтовъ» помѣщено четыре сонета Петрарки! (въ оглавленіи тотъ же недосмотръ: «сонеты Петрарки» отнесены къ произведеніямъ Андрея Сабо). Мы не сравнивали ихъ съ другими имѣющимися у насъ переводами изъ Петрарки, но, самостоятельно взятыя, по сравненіи лишь съ оригинальнымъ текстомъ, данные переводы г-жи Чюминой не особенно удачны:

Такъ, въ первомъ же сонетѣ:

Мадонна, страсть моя угаснуть не успѣла,
Она живетъ во мнѣ, пока мнѣ жить дано,
Но ненависть къ себѣ до крайняго предѣла
Въ измученной душѣ достигла ужъ давно.

Тутъ не ясно выражена основная мысль: «я не усталъ любить васъ и никогда, пока живъ, (не буду тяготиться своей любовью); но я усталъ отъ ненависти (или презрѣнія) къ себѣ и отъ постоянныхъ слезъ».

И если я умру, — пусть будетъ это тѣло
Подъ безыменною плитой погребено:
Ни слова о любви, которой такъ всецѣло
Владѣть душой моею здѣсь было суждено.

Опять такъ не совсѣмъ то. У Петрарки: «я скорѣе предпочту для себя прекрасную гробницу, бѣлую (т. е. чистую, безыменную), чѣмъ, чтобы ваше имя было вырѣзано на мраморѣ съ моимъ укоромъ (вамъ, т. е. что ради васъ я умеръ), — когда моя плоть лишится духа, который еще можетъ жить. И посему,

если сердце, полное любящей преданностью, можетъ удовлетворить васъ, безъ того, чтобы вы причинили его гибель, — умоляю васъ, имѣйте къ нему состраданіе. — Если же ваше презрѣніе (ко мнѣ) ищетъ иного удовлетворенія, оно заблуждается; не случится то, на что я уповаю (т. е. — я не умру), и за это (т. е. за свое сохраненіе) я долженъ быть признателенъ Амору (болѣе ко мнѣ милостивому, чѣмъ вы) и самому себѣ (т. е. своему разуму)». Общій смыслъ тотъ, что, какъ бы ни была къ поэту сурова его дама, онъ не умретъ ради нея, — да и смерть его не послужила бы къ ея прославленію, такъ какъ онъ не хочетъ посмертныхъ упрековъ на своей гробницѣ, — но будетъ жить, управляемый разумомъ и питаемый любовью, хотя бы и безъ сочувствія. У г-жи Чюминой выводъ изъ двухъ послѣднихъ строкъ сонета нѣсколько иной:

Лучи сочувствія блеснутъ ли благотворно
Для сердца, полного любовью непритворной,
Которой отъ васъ награды ждетъ давно?
Но если вами гнѣвъ руководить упорно,
Оковы сколько лѣтъ носимья покорно
Быть можетъ, разорветъ въ отчаянья оно.

«Оно» — т. е. сердце. Стало-быть, поэтъ какъ-бы грозитъ, что онъ разлюбитъ Лауру, если она не смилостивится; но въдъ Петрарка этого не имѣлъ въ виду. Совсѣмъ напротивъ. — Въ 3-емъ сопетѣ, у г-жи Чюминой: «Когда бы свои затаенныя думы — излить я съумѣлъ въ задушевныхъ стихахъ», — эпитетъ «задушевный» врядъ ли въ стилѣ Петрарки, — а слѣдующій стихъ — «У нихъ, что суровы и правомъ угрюмы» — гораздо слабѣе, чѣмъ — «*ch'animo al mondo non fu mai sì crudo*». Последняя строфа въ дословномъ переводѣ: «Увы, вѣра не повредила ни Маріи, ни Петру; только мнѣ она не благопріятствуетъ (а *me sol tanto è nemica*); а все же я знаю, что нѣтъ никого, кромѣ васъ, который могъ бы понять меня». Последняя фраза, харак-

терная въ устахъ «отверженнаго» любовника, выпущена въ переводѣ:

Увы, та же вѣра, чья дивная сила
Петра съ Магдалиной отъ горя хранила,
Меня одного не спасла.

Врядъ ли удобенъ по отношенію къ формѣ сонета произвольный выборъ стиха — то однимъ, то другимъ размѣромъ: «классическій сонетъ» не терпитъ такихъ отступленій, къ которымъ, однако, г-жа Чюмина весьма склонна. Разумѣется, переводить Петрарку стихами крайне трудно, но, при необыкновенной сжатости его фразы и тѣсномъ сплоченіи формы съ содержаніемъ, каждое слово въ счету, и лучше переводить его прозой, чѣмъ переназначивать. Этотъ поэтъ — не въ стилѣ г-жи Чюминой, а такъ какъ она съ трудомъ разстается со своимъ стилемъ, то и получается въ переводѣ не то, чего ожидаешь, и что, казалось бы, вправѣ требовать именно отъ перевода.

Вообще говоря, если справедливо было замѣчено о поэтахъ, не только съ среднимъ, но и съ крупнымъ дарованіемъ, что они должны придерживаться извѣстной области, которая по преимуществу имъ свойственна, чтобы достичь успѣшныхъ результатовъ, то настоящее замѣчаніе примѣнимо и къ художественнымъ переводамъ иностранныхъ произведеній. Нельзя *всѣхъ* переводить, и, въ этомъ смыслѣ, попытка г-жи Чюминой дать въ переводахъ какъ бы антологию поэтовъ разныхъ націй и разныхъ направленій, въ цѣломъ не привела къ вполне удовлетворительнымъ результатамъ: въ букетѣ отдѣльные цвѣты утратили свою оригинальность; они приняли одноформенный характеръ, и внѣшнее разнообразіе темъ оказалось въ ущербъ качественной обработки многихъ изъ произведеній въ отдѣльности. Не смотря, однако, на неровности выполненія, несмотря на предѣльность таланта г-жи Чюминой, у нея есть положительныя качества и ничто «свое». Это «свое» не особенно глубоко и, не отличаясь ни новизной, ни особой оригинальностью, тѣмъ не менѣе составляетъ

вполнѣ почтенное дарованіе; она владѣетъ гладкимъ, ровнымъ стихомъ, — нѣсколько одноформеннымъ, монотоннымъ, но, въ общемъ, правильнымъ, т. е. безъ насилій надъ языкомъ. Ея фраза — въ стилѣ прежнихъ романтиковъ, къ которымъ она близка и по общему настроенію своей поэзіи. Возвышенныя мысли — но нѣсколько шаблоннаго характера, чувствительность — не чуждая нѣкотораго оттѣнка сентиментальности, удачныя порой сравненія — но слабость образной концепціи, бѣглый стихъ — но нѣкоторая вялость фразы и недостаточная отчетливость выраженія, — вотъ, въ общемъ, положительныя и отрицательныя стороны таланта г-жи Чюминой, если принять во вниманіе «свое» и «чужое» въ ея сборникѣ, «чужое», изъ котораго она не разъ пыталась сдѣлать «свое сокровище». Придерживаясь строже границъ своего таланта, она, несомнѣнно, можетъ сдѣлать еще много полезныхъ вкладовъ въ нашу художественную переводную литературу, но и многое изъ даннаго ею въ настоящемъ сборникѣ заслуживаетъ одобренія. Въ виду всего вышесказаннаго, мы полагаемъ, что почетный отзывъ Академіи Наукъ былъ бы справедливымъ поощреніемъ поэтической дѣятельности г-жи Чюминой.

Ө. Батюшковъ.

IV.

„П. Я. Стихотворенія. СПБ. 1898 г.“

Стихотворенія г. П. Я., составляющія книжку въ 180 страницъ, подведены подъ нѣсколько рубрикъ, именно: 1) Жизнь и Поэзія, 2) Думы, 3) Отклики и Любовь, 4) Силуэты, 5) Листки изъ жизни. 6-я рубрика заключаетъ въ себѣ «переводы изъ иностранныхъ поэтовъ».

Не говоря уже о нѣкоторой странности подведенія мыслей и чувствъ поэта подъ опредѣленныя категоріи, систематическаго, какъ бы научнаго ограниченія ихъ извѣстными рамками, — въ настоящей книгѣ эти отдѣлы или — какъ и слѣдовало ожидать — перепутываются между собою, заходя одинъ въ область другого, или своимъ содержаніемъ не соотвѣтствуютъ своему заглавію. Такъ, уже первый отдѣлъ приводитъ въ этомъ отношеніи въ недоумѣніе: «Жизнь и Поэзія». Почему именно этотъ отдѣлъ озаглавленъ такъ, когда тема *осталъ* стихотвореній книги — жизнь, и притомъ, какъ будетъ показано ниже, жизнь въ ея самыхъ реальныхъ проявленіяхъ, и поэтическая идеализація жизни? Какая разница между «Жизнью» и «Листками изъ жизни», какъ озаглавленъ пятый отдѣлъ? Можно бы подумать, что въ первомъ отдѣлѣ авторъ хотѣлъ выразить свое общее воззрѣніе на чело-вѣческую жизнь, въ пятомъ — изобразить отдѣльные случаи изъ собственной или чужой жизни; но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ:

въ пятомъ отдѣлѣ, напримѣръ, встрѣчаются стихотворенія такого общаго характера, какъ «Ночь сошла, лазурно ясная» (стр. 148), «Страдай одинъ» (157) и др.; въ первомъ такія стихотворенія на извѣстные случаи, какъ «Передъ отъѣздомъ» (стр. 7), «Забытый другъ» (стр. 9). Почти всѣ стихотворенія такого рода, что могли бы найти себѣ мѣсто въ любомъ изъ придуманныхъ авторомъ отдѣловъ, а пныя включены въ тотъ отдѣлъ, гдѣ имъ, по своему содержанію, отнюдь уже быть не подобааетъ; таково, напримѣръ, подъ рубрикою «Природа» стихотвореніе «Проснись, проснись, днтя мое» (стр. 110).

Но этотъ недостатокъ—если считать его недостаткомъ, а не просто излишествомъ, безъ котораго можно было бы обойтись — является вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ достоинствъ книги, свидѣтельствуя о преобладаніи въ ней одного общаго настроенія, о гармонической связи между всѣми отдѣльными стихотвореніями. Правда, этимъ уничтожается или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляется то разнообразіе чувствъ и ощущеній, которое составляетъ главное условіе лирической поэзіи въ истинномъ ея значеніи; правда, тутъ поэтъ далеко не является тѣмъ «эхомъ», съ которымъ сравнивалъ поэта Пушкинъ, не удовлетворяетъ даже тому представленію о поэтѣ, которое имѣетъ и самъ авторъ разбираемой книги, когда говоритъ: «все ты умѣешь постичь — передашь твоя лпра — лепеть, и думу, и кличъ . . .»,—но это отсутствіе истиннаго лиризма въ его безконечномъ разнообразіи возмѣщается здѣсь такою опредѣленностью настроенія и даже, въ значительной степени, содержанія, которая сообщаетъ всему собранію стихотвореній стройную цѣльность и представляетъ намъ автора какъ личность, глубоко продумавшую, пережившую и перечувствовавшую то, что выражено имъ въ словѣ. Завѣтъ Гете: «jedes Gedicht muss erlebt sein» исполненъ здѣсь во всей точности, и большинство стихотвореній суть именно тѣ «Gelegenheitsgedichte», о которыхъ говоритъ Гете; а такъ какъ тѣ «случаи», на которые они написаны, отнюдь не банальнаго, а серьезнаго характера, то къ книгѣ нельзя отнестись, по отношенію къ

ея содержанію, иначе, какъ съ полнымъ вниманіемъ; а въ тѣхъ, кто раздѣляетъ точку зрѣнія автора, кому близки къ сердцу пережитыя и изображенныя имъ ощущенія, въ тѣхъ эти стихотворенія вызовутъ искреннее и теплое сочувствіе.

Общій колоритъ книги двоякій: скорбный, пессимистическій — и свѣтлый, съ красками оптимизма. Первый, преобладающій, опредѣляется словами автора уже въ «посвященіи», что его пѣсни «создавались изъ слезъ и изъ крови сердечной». Но эта скорбь — по крайпей мѣрѣ въ большинствѣ стихотвореній, и притомъ самыхъ выдающихся — не скорбь общая, человѣческая, эта поэзія — не поэзія «міровой скорби» въ общепринятомъ ея значеніи; собственное я автора, стоящее здѣсь на первомъ планѣ, не есть то я лирическаго поэта, которое этотъ послѣдній — какъ дѣлаютъ всѣ великіе поэты этой категоріи — расцѣпляетъ въ я всего человѣчества; скорбь нашего автора, при своей строгой субъективности, при обниманіи ею, по своему содержанію, извѣстнаго круга людей, несущихъ такія же страданія, какія выпали на долю поющаго о нихъ здѣсь поэта, есть скорбь, имѣющая совершенно спеціальнѣйшій характеръ, потому что и сами эти страданія — такъ сказать, спеціальныя, которымъ подвержено не все человѣчество, а только опредѣленная часть его, и подвержена не по общимъ міровымъ законамъ, а вслѣдствіе особыхъ, тоже спеціальныхъ обстоятельствъ и причинъ. Это — скорбь и муки человѣка, который, за насильственный протестъ противъ того, что онъ находитъ въ гражданскомъ и государственномъ строѣ несправедливымъ, даже вопіющимъ, несетъ свое наказаніе далеко отъ родины, въ мрачномъ одиночествѣ тюрьмы или ссылки. «Не плачь, сестра моя, — говоритъ онъ въ стихотвореніи «Передъ отъѣздомъ» (стр. 7) — что нѣтъ — Надеждъ для твоего поэта, — Что неба родины и свѣта — Ему не видѣть столько лѣтъ». — И затѣмъ, въ многихъ, лучшихъ своихъ стихотвореніяхъ, переноситъ читателя туда, гдѣ суждено ему провести эти «столько лѣтъ», — и провести не одному, а съ любимой женщиной, которая несетъ такую же кару закона. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ

эти страницы изъ жизни того лица, отъ имени котораго говоритъ авторъ, написаны очень опредѣлительно, такъ сказать фактически; въ другихъ — намеками, но достаточно ясными для того, чтобы читатель видѣлъ въ нихъ тѣсную связь со всею основною темою этой категоріи стихотвореній книги. Лучшимъ — и по содержанію, и по поэтическому достоинству — образцомъ и примѣромъ стихотвореній перваго рода можетъ служить «Въ странѣ сопокъ» (стр. 117 и слѣд.). Мы въ одной изъ забайкальскихъ мѣстностей, какъ указываетъ авторъ, — гдѣ «горы да горы . . . подъ снѣгомъ поляны», гдѣ «бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ кругомъ, да лазурь, да тишина нѣмая», такъ далеко отъ родины тѣхъ, которые брошены сюда, что «вырвись и наша сердечная мука крикомъ иль стономъ, — онъ здѣсь и умретъ». Если они по временамъ мечтами уносятся туда, гдѣ «за этой гранью бѣлой лежитъ и онъ, отчизны свѣтлый міръ», то они же сами останавливаются словами: «Мечтатель, стой. Прочна твоя темница — на родину пути отсюда нѣтъ». 3-я глава этого стихотворенія вводитъ насъ даже въ рудникъ, гдѣ «гранитное сердце горы — Гложутъ, какъ черви, стальные буры, — Молотъ сурово звучитъ, не смолкая, — Лязгаютъ звенья тяжелыхъ цѣпей»; — а въ 5-й главѣ авторъ, т. е. лице, говорящее его устами, сидитъ на «поваленномъ крестѣ», надъ могилою одного поэта, чье «кипучее сердце» почилло «въ этой глуши чужедальней», «чья уста тревожныя» смолкли здѣсь. Эту судьбу раздѣляетъ съ тѣмъ, отъ имени котораго ведется это стихотвореніе, его подруга; онъ и она — «два позабытыхъ всѣми — Въ океанѣ холода плывца»; глядя на непрерывно падающій снѣгъ, она, выражая настроеніе и свое собственное, и своего друга, болѣзненно спрашиваетъ: «Ужъ не засыпать ли онъ хочетъ насъ съ тобою, — Въ странѣ изгнанія похоронивъ живыхъ?» — Есть опредѣлительныя, фактическія указанія и на разлуку съ этой любимой женщиной, на то, что она далеко отъ него, но — все въ той же обстановкѣ: видя во снѣ «мертвую несчастья страну, одѣтую холодомъ снѣговъ пелену», онъ видитъ и ее «въ нихъ (т. е. снѣгахъ) зарытую, былинку за-

бытую»; въ другомъ стихотвореніи (стр. 82) ему опять снится ея «страдальческій образъ», «въ ужасахъ доли скитальческой, въ дальнихъ снѣгахъ угасающей».—Въ примѣрѣ второго рода стихотвореній, т. е. тѣхъ, гдѣ больше намекъ, чѣмъ фактическое указаніе, можно привести «Веселый Лучъ» (стр. 113), гдѣ этотъ лучъ «золотой денницы» проникаетъ въ окно тюрьмы и шепчетъ сидящему въ пей узнику, «что всюду по землѣ промчался богъ весны, что все должно перемѣниться»; — или та часть стихотворенія «Битва жизни» (стр. 31), гдѣ авторъ видитъ своимъ воображеніемъ «въ полѣ широкому уснувшихъ бойцовъ послѣ дѣла великаго браннаго»; или «Изъ глуши» (стр. 27), гдѣ такіе стихи:

«Все отнято на вѣкъ. Убиты до расцвѣта
Любви и счастья сны.... Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, въ глуши угаснемъ мы», и т. д.

Выше замѣчено, что скорбь, выражаемая авторомъ въ этой категоріи его стихотвореній, обнимаетъ собою, по своему содержанію, извѣстный кругъ людей, несущихъ такіа же страданія, какія выпали на долю поющаго здѣсь о нихъ — отъ своего или чужого лица — поэта; самое яркое подтвержденіе этого замѣчанія мы находимъ въ вышеупомянутомъ уже стихотвореніи «Въ странѣ сопокъ», гдѣ авторъ, привѣтствуя рудникъ и думая о тѣхъ, которые томились тутъ въ минувшіе годы и въ этой «могилѣ живой надрываясь, мозолили руки», даетъ этимъ «обѣднымъ призракамъ, скорбнымъ тѣнямъ» клятву — «вылить въ завѣтную пѣсню мою — всѣ ваши слезы, и вздохи, и пени».

Но авторъ не ограничивается этою сферой; онъ переходитъ за ея предѣлы, переходитъ однако съ тѣмъ, чтобы вступить въ область, родственную съ нею: онъ поетъ про тѣ скорби и страданія, которыя у насъ принято называть «гражданскими»; только у него (въ этомъ необходимо отдать ему справедливость) этотъ «гражданскій» характеръ отнюдь не является въ томъ прозаическомъ опошленіи, которое сообщили ему — да и теперь отъ вре-

мени до времени сообщаютъ — русскіе обличители-стихотворцы второго и третьяго сорта; возможно расходиться съ авторомъ въ убѣжденіяхъ, признавать его взгляды несправедливыми въ ихъ широкомъ обобщеніи, но никто не найдетъ въ немъ напускной, искусственной гражданской скорби, никто не станетъ отрицать поэтической искренности его чувствъ. «Гражданское» міровоззрѣніе стоитъ у него на первомъ планѣ, проходитъ красною нитью по всѣмъ его стихотвореніямъ. Уже въ стихотвореніи, напечатанномъ на 1-й страницѣ, онъ скорбитъ о томъ, что «поэтовъ нѣтъ, не стало свѣтлыхъ пѣсень, будившихъ міръ», и что нѣтъ «гражданъ». О себѣ самомъ онъ заявляетъ, что —

«... на жертвенникъ священный
Любви къ родной странѣ, какъ сынъ и гражданинъ,
Я лучшіе дары сложилъ рукой смиренной —
Свободу, молодость и пѣсень чистый жаръ».

Уже изъ этихъ словъ видно, что «гражданское» чувство, которымъ проникнутъ авторъ, возбуждается въ немъ созерцаніемъ именно его родины, Россіи, тѣмъ, что представляется ему въ ней страданіями все того же социальнаго свойства. Такъ оно и есть — онъ своею скорбью обнимаетъ только Россію (хотя все настроеніе его ясно свидѣтельствуетъ, что въ какой бы странѣ, въ какомъ бы народѣ ни встрѣтилъ онъ явленія подобнаго рода, всюду отнесся бы онъ къ нимъ съ такою же скорбью, съ такимъ же негодованіемъ). Въ стихотвореніи «На родномъ рубежѣ» (стр. 126) онъ возвращается на родину послѣ долговременной разлуки съ нею и, отдавая ей себя «всего, со всею кровью, всѣмъ пыломъ думъ и волею», клянется до конца своей жизни: «пѣть съ любовью — твою лишь скорбь и скорбь твоихъ друзей». Если онъ не воспѣваетъ «заката пышный блескъ, луны сребристый рогъ, волны дремотный плескъ» и т. п., то это потому, что его «прозрѣвшій взоръ» увидѣлъ «въ печали край родной». Особенно характерна въ этомъ отношеніи сказка «Пророчество Феи» (стр. 11). Безпечный мальчикъ, играя у опушки лѣса, заснулъ; къ нему

подкралась «волшебница лѣса», унесла его въ свой сказочный замокъ, и когда онъ очнулся, то въ наклонившейся надъ нимъ феѣ узналъ свою давно умершую мать. Она предсказываетъ ему его будущую судьбу, говоритъ, что сперва онъ будетъ весь охваченъ любовью къ женщиѣ, но что потомъ, когда разумъ войдетъ въ свои права, —

«Тогда познаешь ты много бога власть,
Иной тоски огонь неутолимый, —
Святой любви къ странѣ своей родимой
Неумирающую страсть».

Это новое божество, которое явится къ нему «съ улыбкой горькою застывшаго терпѣнья, съ мольбой въ очахъ, въ лохмотьяхъ нищеты», вдохновить его на битву:

«Взглянувъ на ликъ, увлажненный росой
Кровавыхъ слезъ, на изможденный ликъ,
Въ священномъ трепетѣ, какъ левъ, готовый къ бою,
Издашь ты мценя грозный кликъ».

Но борьба окажется непосильною, налетитъ врагъ могущественный, непреклонный, и —

«... уведеть тебя въ цѣпяхъ.
Онъ окружитъ тебя холодными, какъ гады,
Стѣнами погреба, гдѣ ночи безъ зари,
И скажетъ голосомъ, въ которомъ нѣтъ пощады:
— У.. мри!».

Послѣ этого предсказанія фея-мать даетъ ему на выборъ оружіе для борьбы: мечъ и лиру, указывая на превосходство этой послѣдней, потому что и стукъ меча, и звуки военной трубы умолкнуть, а «лиры стонъ пройдетъ изъ рода въ родъ, пока лишь слышны стоны горя». Мальчикъ сдѣлался юношей, юноша возмужалъ, и, согласно предсказанію, увлеченіе женщинами смѣ-

нилось служеніемъ новому божеству, которое стало навѣщать его все чаще и чаще.

«И рѣдкій гость сталъ другомъ неотлучнымъ —
 То образъ родины, страдалицы святой,
 Его очамъ испуганнымъ явился . . .
 Онъ зарыдалъ, увидѣвъ кроткій ликъ,
 Истерзанный нуждою и кручиной,
 Увидѣвъ кровь ея глубокихъ ранъ».

И онъ сдѣлался поэтомъ, и «по всей странѣ пролетѣлъ горькій плачь напѣвовъ стройныхъ», «звуки мести и упрека», обличенія «неправды и порока» и т. п. — Для нашего поэта (уже въ другомъ стихотвореніи) — «горе народное — горе великое»; для него родная страна «въ своихъ лохмотьяхъ и слезахъ» милѣе чужой стороны, которая цвѣтетъ «красотой, довольствомъ, счастьемъ»; онъ, даже сидя въ театрѣ и слушая оперу, вдругъ (что, надо сознаться, производитъ даже нѣсколько комическое впечатлѣніе своей узкою тенденціозностью) хочетъ бѣжать оттуда, потому что «минута веселая, каждая греза и радостный звукъ» представляются ему преступленіемъ при мысли, что —

«Тамъ, за стѣною театра волшебнаго,
 Море холоднаго мрака, враждебнаго
 Нашимъ блестящимъ мечтамъ.
 Корчится тамъ ницета. Тамъ утрачено
 Жизни желанье, тамъ злоба кипить,
 Слово проклятія робко звучитъ . . . »

Такимъ образомъ очевидно, что авторъ идетъ тѣмъ путемъ, который проложенъ въ нашей поэзіи Некрасовымъ; только онъ — не говоря уже о превосходствѣ надъ нимъ автора «Родины» и «На Волгѣ» силою и глубиною поэтическаго одушевленія тамъ, гдѣ Некрасовъ остается чистымъ лирикомъ — только, говоримъ, г. П. Я. не останавливается, какъ Некрасовъ, на частностяхъ картины (исключая вышеуказанныхъ стихотвореній

«спеціального» характера), а рисуетъ только общій фонъ. Преобладающія краски его картины — мрачныя; преобладающіе звуки — скорбныя, иногда полныя отчаянія; но, какъ уже выше замѣчено, къ нимъ присоединенъ и другого рода колоритъ — оптимистическій. Этотъ оптимизмъ выражается въ надеждѣ, часто даже увѣренности автора, что усматриваемые имъ на тѣлѣ своей родины недуги, огорчающія и возмущающія его проявленія зла должны будутъ рано или поздно уступить силѣ добра, свѣта и правды. Для достиженія этой цѣли надо бороться: «жизнь — борьба, а не рабство; коль есть капля силы, — борись». Молодежь онъ зоветъ подыматься «все выше и выше», не бояться «паденій съ ясныхъ лазурныхъ высотъ», потому что «слава побѣды лишь храбрымъ дается, срама не знаетъ погибшій въ борьбѣ». Грустя на первой страницѣ книги объ отсутствіи «свѣтлыхъ пѣсенъ, будившихъ міръ», о «безмѣрности людской скорби» и т. п., авторъ на второй страницѣ увѣренно восклицаетъ, что «тучи безсилія и сна промчатся надъ родиною бѣдною»; — рисуя (стр. 27) погибающихъ «среди холода и тьмы», онъ высказываетъ убѣжденіе, что «на костяхъ погибшихъ поколѣній — любви и счастья прекрасный цвѣтъ взойдетъ», — и въ своихъ свѣтлыхъ упованіяхъ доходитъ до того, что видитъ предъ собою исполненіе «дивнаго сна», когда «свѣтлыхъ райскихъ сѣней — достигнетъ человекъ и станетъ богомъ самъ». Созданный авторомъ себѣ и своимъ единомышленникамъ «идеаль», который онъ покамѣстъ видитъ на своей родинѣ «въ позорѣ», зоветъ ихъ идти «впередъ, безъ отдыха впередъ»; и съ увѣренностью въ его осуществленіи поэтъ обращается къ нему съ восторженными словами:

«Падетъ, падетъ вѣнецъ съ святыни беззаконной,
 Предъ свѣточемъ ума померкнуть ложь и зло,
 И изъ развалинъ ты, какъ фениксъ возрожденный,
 Поднимешь свѣтлое чело».

И много еще въ книгѣ варіацій на ту же тему. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить и тѣ стихотворенія, въ которыхъ авторъ

призываетъ своихъ единомышленниковъ, особенно молодое поколѣніе, хранить высоко нравственныя начала, потому что только при полной чистотѣ душевной возможно достиженіе ихъ цѣлей. «Сокровищъ больше всѣхъ — говоритъ онъ своимъ друзьямъ — храните вашу честь, души алмазь неоцѣненный»; — юношу онъ увѣщаетъ «сберечь горделиво до конца свою вѣрность святышѣ и честь», и т. п.

Есть въ книгѣ нѣсколько стихотвореній, которыя по своему содержанію находятся внѣ той сферы, въ которой вращаются вышеуказанныя и имъ подобныя стихотворенія, хотя по существу родственны съ ними, за нѣсколькими, очень немногочисленными исключеніями; но они, для оцѣнки книги, могутъ быть оставлены въ сторонѣ, потому что сами по себѣ, относительно собственно-поэтическаго достоинства, мало чѣмъ выдаются изъ множества пишущихся на эти темы произведеній, а къ индивидуальности книги, т. е. тому, чѣмъ опредѣляется ея существенный характеръ, не прибавляютъ ровно ничего.

Что касается до этой «индивидуальности», то она достаточно уясняется вышеизложенными замѣчаніями. Обращаясь затѣмъ къ поэзіи г. П. Я. со стороны чисто художественной, главнымъ достоинствомъ ея въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать то, о чемъ уже упоминалось въ отчетѣ, — искренность, которою проникнуто все, что говоритъ авторъ; нѣтъ въ его выраженіяхъ скорби, въ его свѣтлыхъ и даже горделивыхъ упованіяхъ на будущее ничего фальшиваго, напускнаго, умышленно бьющаго на дешевую популярность; онъ не драпируетъ въ мелодраматическую тогу и свои собственные горести и муки, и горести и муки близкихъ ему, и, слушая его, читатель не ощущаетъ желанія возразить ему Лермонтовскимъ: «какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?» Оттого, можетъ быть, отъ этихъ стихотвореній, при отсутствіи въ нихъ новизны и оригинальности, вѣетъ чѣмъ-то свѣжимъ, неподдѣльнымъ, дѣйствительно пострадавшимъ. Указавъ только что на отсутствіе новизны и оригинальности, мы указали вмѣстѣ съ тѣмъ и на одинъ изъ существенныхъ недо-

статковъ книги; то, о чемъ онъ поетъ, пѣлось уже многими и на многіе лады, и нѣкоторыя стихотворенія г. П. Я. явно отзываются подражаніемъ — можетъ быть, и неумышленнымъ — Некрасову, или, по крайней мѣрѣ, несятъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія этого поэта. Для того же, чтобы «перепѣвъ» получилъ право гражданства въ художественномъ отношеніи, нужно, чтобы отсутствіе новизны въ содержаніи и тонѣ возмѣщалось оригинальностью, силою, богатствомъ внѣшней формы, т. е. собственно стиха. Въ этомъ отношеніи работа нашего автора представляетъ немного выдающагося. Есть нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ — особенно въ описаніи природы, напримѣръ въ вышеупомянутомъ стихотвореніи «Въ странѣ сопокъ» (стр. 116); поэтически чередуются мѣстами взрывы возмущеннаго чувства или гордой надежды (напримѣръ 142 стр. описаніе борьбы утеса съ волнами, окончивающейся побѣдой этихъ послѣднихъ) со звуками тихой печали (стихотвореніе «Ночь сошла, лазурно-ясная», стр. 147) или минутнаго внутренняго умиротворенія («Яркія звѣзды горятъ надъ землею», стр. 108); стихъ, по отношенію собственно къ фактурѣ, нерѣдко силенъ и гармониченъ; но нѣтъ такихъ образовъ, которые поражали бы своею оригинальною красотою, не видно того поэтическаго проникновенія въ тайники предметовъ міра видимаго и во внутренній міръ человѣка, благодаря которому и выраженіе его въ словѣ является для читателя своего рода откровеніемъ; нѣтъ, однимъ словомъ, въ этомъ словесномъ воспроизведеніи мыслей и чувствъ поэтическаго творчества въ его истинномъ значеніи, а есть почти всюду работа умнаго, наблюдательнаго и глубоко чувствующаго человѣка, который хорошо владѣетъ стихомъ и беретъ его, какъ орудіе для внѣшняго выраженія того, что происходитъ внутри его души. Другими словами — стихъ есть тутъ не цѣль, а средство. Это отсутствіе поэтическаго творчества, или, по крайней мѣрѣ, малая доля его, конечно, не можетъ быть предъявлена автору, какъ обвиненіе, особенно въ виду указанныхъ выше достоинствъ; но справедливый упрекъ можетъ быть сдѣланъ ему въ встрѣчаю-

щемся мѣстами — и притомъ довольно часто — пренебреженіи вышней формой или неумѣнн справиться съ нею настолько, чтобы мысль, въ ея словесномъ выраженіи, не являлась сбивчивою, темною, непонятною. Что касается до перваго недостатка, то вотъ тому нѣсколько наиболѣе крупныхъ примѣровъ. На стр. 63 идутъ, непосредственно одно за другимъ, шесть слѣдующихъ окончаній стиха: напрягалъ, видалъ, раздѣляла, простиралъ, ускользала, рыдалъ; — на стр. 65 идутъ рядомъ рѣмы: свѣтла, пришла, мгла, могла; — на стр. 75 четыре такихъ стиха: «Въ дни свѣтлыя *счастья*, какъ ландышъ стыдливый, — Отъ взоровъ людскихъ и согрѣтыхъ *участьемъ* — Любви твоей солнце таялось пугливо — И мнѣ лишь свѣтло привѣтомъ и *счастьемъ*». Встрѣчаются перестановки словъ или непозволительныя въ хорошемъ стихѣ, или мѣшающія сразу догадаться, въ чемъ дѣло; напримѣръ: «на шумный пиръ мы жизни выходили» (стр. 161); «мы съ тобой — два позабытыхъ всѣми въ океанѣ холода пловца» (стр. 118); «оросили твои даже очи» (стр. 94); «и не хотѣла бѣ твоими цѣпями я на мгновенье увидѣть себя» (стр. 60); «доли брата смягчая суровое зло» (стр. 138); «я печалюсь о васъ, о друзьяхъ малодушныхъ, на руинахъ святыхъ остающихся жить» (стр. 163), — и т. п. Какъ на примѣры неяснаго выраженія мысли можно указать: «Чья жизнь на зло отчизны, трудъ — Позорный трудъ людскихъ обидъ, . . . тотъ — Въ вѣкахъ себѣ готовить мечь» (стр. 47); «Ты усни, тоска-вражда — И любви угроза: — Ни оттуда, ни туда — Нѣту перевоза» (стр. 77); «Мы на прѣу міросозданія — Были ненужные зрители — Знаемъ и нѣгой лобзанія — Сердце еще не насытили. — Общимъ судомъ не развязаны — Нами вопросы несмѣтные, — Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны — Думы завѣтныя» (стр. 83), — и т. п., причѣмъ есть даже цѣлое стихотвореніе «Гимнъ Любви» (стр. 96), смыслъ котораго весьма теменъ, особенно по отношенію къ его заглавію. — Встрѣчаются также такія прозаичности, какъ «Ты жпы порѣзала, смерти желая» (стр. 63); «Въ твоей улыбкѣ я ужъ вижу — Такой иронія печать» (стр. 72); «Снѣгъ валится съ

небесъ — Поспѣшно сыплется, какъ изъ мѣшка съ дырою» (стр. 120); «Изъ-подъ бровей, округленныхъ рѣшительно» (стр. 131), — и др., — такіе неудачные эпитеты, какъ «сѣдыя молніи», «пугливья мятели», «рой сопокъ», — такія странныя сравненія, какъ часовыхъ около острога съ «духами ада» (стр. 123), хотя тутъ же упоминается о ихъ «уныломъ» шагѣ, — и нѣкоторыя другія неловкости и упущенія, которыя, быть можетъ, мелочи въ общей суммѣ, но которыя тѣмъ не менѣе нарушаютъ совершенство формы, т. е. того, что въ поэтическомъ произведеніи также важно, какъ содержаніе, если даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ не выше его.

Послѣдній отдѣлъ книги составляютъ переводы изъ иностранныхъ поэтовъ (всего девять пьесъ), между которыми съ изумленіемъ встрѣчаешь — Лермонтова; это — его «затерянные стихотворенія», — «изъ Фридриха Боденштедта», какъ объяснено въ заглавіи; стало быть, Боденштедтъ перевелъ на нѣмецкій языкъ Лермонтова, а г. П. Я. снова перевелъ Лермонтова съ нѣмецкаго на русскій языкъ! — Остальные переведенные поэты — неизвѣстный итальянскій (котораго впрочемъ лучше было бы не переводить), Сюлли Прюдомъ, ирландецъ О'Коннеръ и польская писательница, Марія Конопницкая. Не имѣя въ рукахъ подлинниковъ, трудно судить о достоинствѣ перевода.

На основаніи всего вышесказаннаго, рецензентъ признавалъ бы справедливымъ *присудить г. П. Я. почетный отзывъ.*

П. Вейнбергъ.

V.

«У синя моря, путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья» (Спб. 1898 г.), кн. Д. Голицына (Муравлина).

Совершивъ три поѣздки въ Далмацію и Черногорію, князь Д. Голицынъ (Муравлинъ) задался мыслью познакомить русскаго читателя съ этими прекрасными странами дальняго славянскаго юга, вызвать въ немъ желаніе посѣтить ихъ и пробудить сочувствіе къ живущимъ тамъ нашимъ родичамъ. Послѣдствіемъ этого явилась роскошно изданная книга «У синя моря», снабженная множествомъ прекрасныхъ фототипій.

Наша литература далеко не можетъ быть названа богатою отдѣломъ путешествій — въ особенности по славянскимъ землямъ, и въ этомъ смыслѣ книга кн. Голицына представляетъ несомнѣнно весьма значительный вкладъ. Авторъ скромно говоритъ, что его сочиненіе — «путевые наброски съ картинками, не болѣе»; но въ сущности его значеніе гораздо шире.

Предметомъ описанія служатъ послѣднее путешествіе автора въ Черногорію, которое онъ совершилъ въ обществѣ нѣсколькихъ русскихъ спутниковъ.

Начавъ съ опредѣленія роли Австріи на славянскомъ югѣ и значенія для славянства Черногоріи, кн. Голицынъ подробно описываетъ затѣмъ свой путь черезъ Буда-Пешть и Фіуме въ Далмацію и Черногорію, причемъ большую часть книги посвя-

щаетъ собственно описанію княжества. Въ заключеніи онъ опять переходитъ на политическую почву, старается опредѣлить роль Россіи по отношенію къ славянамъ и предается мечтамъ о будущности славянскаго юга «у синя моря».

Книга отличается живымъ и яркимъ изложеніемъ; картины природы и характеристики написаны сочною кистью и даже, мѣстами, производятъ сильное впечатлѣніе. Въ особености это слѣдуетъ сказать относительно описаній посѣщенія авторомъ Острожскаго монастыря и нѣкоторыхъ лицъ черногорскаго духовенства, приближающихся, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, къ чисто-евангельскимъ типамъ. Словомъ, въ литературномъ отношеніи книга кн. Голицына представляетъ собою талантливое и оригинальное произведеніе.

Но видимое недостаточное знакомство автора съ языкомъ и нравами славянскихъ земель послужило причиною поверхностности его наблюденій. Народа, его нравовъ и обычаевъ мы почти не видимъ въ книгѣ кн. Голицына, и потому у читателя остается ощущеніе неудовлетворенности. Общая же характеристика Черногоріи грѣшитъ изобиліемъ розовой краски.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ книга «У синя моря» является пріятнымъ и полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу. Она способна пробуждать хорошія и желательныя, съ русской точки зрѣнія, чувства въ читателѣ, особенно же въ подростающемъ поколѣніи. И если вспомнимъ завѣтъ нашего великаго поэта, выраженный въ словахъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лпрой пробуждалъ,—

то, мнѣ кажется, нельзя не признать кн. Голицына, за его со-
внѣніе «У синя моря», заслуживающимъ поощренія.

Н. Овсяный.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ LXXIII, № 3.

ОТЧЕТЪ

О ПЕРВОМЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ 19-ГО СЕНТЯБРЯ 1901 ГОДА

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

О ПЕРВОМЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ,

читанный въ публичномъ засѣданіи 19-го сентября 1901 года
Ординарнымъ академикомъ А. И. Веселовскимъ.

Въ текущемъ году впервые рѣшенію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ предстоитъ оцѣнка и награжденіе представленныхъ на его судъ трудовъ академическими преміями, учрежденными его бывшимъ со-членомъ, ординарнымъ академикомъ, митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ.

На настоящій конкурсъ представлено было всего *одиннадцатъ* сочиненій. Изъ этого числа шесть сочиненій были сняты съ конкурса: два по просьбѣ самихъ авторовъ и два вслѣдствіе отрицательнаго отзыва о нихъ рецензентовъ; одно не могло быть допущено къ соисканію премій, какъ неудовлетворяющее требованіямъ § 4 Правилъ о присужденіи премій митрополита Макарія, согласно которому къ соисканію премій допускаются лишь сочиненія на русскомъ языкѣ, и одно—отложено до слѣдующаго конкурса въ виду того, что представляетъ лишь начало многотомнаго труда.

Такимъ образомъ обсужденію особо образованной изъ чле-

новъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Комиссіи — подъ предсѣдательствомъ бывшаго Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, покойнаго академика М. И. Сухомлинова и замѣнявшихъ его временно, вслѣдствіе болѣзни, академикомъ А. Н. Веселовскаго и А. Н. Пыпина, — подлежало всего *пять* нижепоименованныхъ сочиненій, которыя были рассмотрѣны, согласно § 13, особо приглашенными рецензентами, сообщившими о нихъ свои мнѣнія въ тщательно составленныхъ ими критическихъ отзывахъ и разборахъ.

I.

Рукописный трудъ М. И. Михельсона подъ заглавіемъ: *«Русская мысль и рѣчь. Опытъ русской фразеологии»* (въ 7 тетрадяхъ) — былъ рецензировавъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, профессоромъ И. В. Помяловскимъ.

Г. Михельсонъ приступилъ къ новому изданію своего труда, выдержавшаго уже два изданія въ 1894 и 1896 г.г., во всеоружіи ученыхъ пособій иностранной литературы. Для него онъ проштудировалъ?!, — замѣчаетъ г. рецензентъ, — массу русскихъ авторовъ, начиная съ древнѣйшихъ, напр.: съ Лѣтописей и Слова о Полку Игоревѣ, до новѣйшихъ, напр. А. Чехова и М. Горькаго. «Что особенно пріятно въ трудѣ г. Михельсона — это то, что авторъ, по мѣрѣ разрастанія своего труда, все болѣе и болѣе совершенствовалъ точность своихъ цитатъ и ссылокъ; у него уже не встрѣчаются, какъ было ранѣе, голословныя указанія на того или другого писателя, но цитаты его всюду сопровождаются точными указаніями на сочиненіе и, по возможности, на страницу».

Рецензентъ признаетъ трудъ г. Михельсона постояннымъ источникомъ для справокъ всякому, желающему ознакомиться съ тѣмъ или другимъ русскимъ образнымъ выраженіемъ.

Предшественниковъ у г. Михельсона въ русской литературѣ было не много и всѣ они, по мнѣнію рецензента, не могутъ быть названы безусловно доброкачественными. «Тѣмъ въ болѣ-

шую заслугу слѣдуетъ вмѣнить почтенному автору его колоссальный трудъ; безъ преувеличенія можно сказать, что изумительная энергія автора, не убожавшагося громады труда и подарившаго русской публикѣ такую справочную книгу, которая, по ея отпечатаніи, послужитъ для всѣхъ, интересующихся образностью русской рѣчи, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ можно будетъ строить дальнѣйшіе выводы».

«Равнымъ образомъ — продолжаетъ проф. Помяловскій — нельзя оставить безъ упоминанія и еще одно важное значеніе для насъ книги г. Михельсона. Объясняя всѣ русскія иносказанія, разбросанныя и трудно потому находимыя въ русскихъ словаряхъ, онъ даетъ возможность иностраннымъ переводчикамъ избѣгать тѣхъ, нерѣдко искажающихъ смыслъ текста, неправильностей, которыми отличаются ихъ переводы по незнакомству ихъ съ истиннымъ значеніемъ русскихъ иносказаній». Эта сторона труда г. Михельсона, впрочемъ, уже отмѣчена была въ иностранныхъ рецензіяхъ послѣ выхода въ свѣтъ 2-го изданія его «Ходячихъ и мѣткихъ словъ». Кромѣ того, указанія на этимологическое происхожденіе многихъ русскихъ и всѣхъ иностранныхъ, получившихъ у насъ право гражданства, словъ — даютъ богатый матеріалъ для будущаго этимологическаго словаря русскаго языка.

«Посему я полагаю бы, — такъ заключаетъ свою рецензію проф. Помяловскій, — что рукопись труда г. Михельсона, какъ работа громадная, свидѣтельствующая о неустанномъ трудолюбіи и работоспособности автора и могущая служить необходимымъ пособіемъ для изученія русскаго языка и для научной его разработки, вполне заслуживаетъ поощренія полною преміей митрополита Макарія».

II.

Трудъ приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго Университета В. Перетца — *«Историко-литературныя*

изслѣдованія и матеріалы. Томъ I: «*Изъ исторіи русской пѣсни*». Часть 1: Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII вв. на великорусскую. — Къ Исторіи «Богогласника» (Спб. 1900 г.) — Часть 2: *Приложенія*. Описанія сборниковъ псалмъ, кантовъ и пѣсенъ. — Вирши изъ старопечатныхъ изданій. — Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. — Указатели (Спб. — 1900 г.)» — былъ рассмотрѣнъ по просьбѣ Комиссіи членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія, профессоромъ П. И. Житецкимъ.

Въ заключеніе своей обширной рецензіи, отмѣтившей положительныя достоинства труда г. Перетца и указавшей на нѣкоторые его недостатки, П. И. Житецкій говоритъ: «Мы окончили разборъ сочиненія г. Перетца и не безъ внутренняго раздвоенія должны выразить о немъ наше окончательное мнѣніе. Не мало въ немъ недостатковъ, преимущественно методологическихъ, но въ цѣломъ оно представляется намъ новымъ по замыслу и значительнымъ по содержанію. Избравъ для своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій русской пѣсни твердую отправную точку въ югозападныхъ виршахъ конца XVI и начала XVII вѣка, авторъ обращается прямо къ старопечатнымъ книгамъ и къ рукописнымъ сборникамъ виршевой поэзіи и спускается отъ нихъ къ народной пѣснѣ, а не наоборотъ, какъ это большею частію дѣлалось прежде. Правда, онъ не захватываетъ вопроса съ внутренней стороны, не указываетъ съ достаточной полнотой и ясностью на точки соприкосновенія между народнымъ міровоззрѣніемъ и виршевымъ, между народной поэтической техникой и виршевой, не выясняетъ переходныхъ ступеней въ малорусскихъ вліяніяхъ и великорусскихъ воспріятіяхъ въ исторической преемственности этихъ явленій, но всѣ эти пробѣлы мы объясняемъ труднымъ положеніемъ автора, который, въ виду несобраннаго еще и вообще мало извѣстнаго матеріала, долженъ былъ самъ готовить почву для своихъ изслѣдованій и взять на себя множество черновыхъ и кропотливыхъ работъ, неизбежно связан-

ныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, разбросанныхъ въ разныхъ бібліотекахъ и архивахъ. Въ результатъ получилась та первоначальная обработка сырого матеріала, которая послужитъ надежнымъ основаніемъ для другихъ болѣе всестороннихъ изслѣдованій. Довольно сказать, что сочиненіе г. Перетца, всецѣло посвященное виршамъ, обнимаетъ этотъ громадный и въ тоже время крайне подвижный и зыбкій матеріалъ на пространствѣ двухъ вѣковъ — отъ конца XVI до конца XVIII вѣка. Другого подобнаго сочиненія пока нѣтъ въ наукѣ, потому намъ кажется, что оно вполне заслуживаетъ половинной преміи имени митрополита Макарія».

III.

Изслѣдованіе приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго Университета В. Сиповскаго «*Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника»* (Спб. — 1899 г.) — было взято на разсмотрѣніе академикомъ И. Н. Ждановымъ.

Авторъ въ своемъ изслѣдованіи далъ біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ до времени путешествія и свѣдѣнія о литературной исторіи «Писемъ русскаго путешественника». Самое путешествіе Карамзина онъ разсмотрѣлъ съ біографической, историко-литературной и историко-культурной стороны. Въ приложеніяхъ къ книгѣ, авторомъ помѣщены статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина».

«Достоинство такихъ научныхъ трудовъ, — замѣчаетъ рецензентъ, — какъ трудъ г. Сиповскаго, — трудовъ, въ которыхъ вниманіе изслѣдователя сосредоточивается на изученіи одного литературнаго произведенія, — опредѣляется тщательностью и законченностью разработки избранной темы, полнотой собранныхъ фактовъ, новизной и основательностью соображеній и выводовъ. Изслѣдованіе г. Сиповскаго вполне удовлетворяетъ

всѣмъ этимъ требованіямъ». «Рядомъ съ тщательнымъ, кропотливымъ подборомъ фактовъ находимъ у г. Сиповскаго новыя сопоставленія фактовъ, счастливыя соображенія и догадки».

«Конечно, не со всѣми догадками и выводами г. Сиповскаго можно согласиться; можно указать въ его трудѣ кое-что лишнее, кое-что недостающее, но эти маленькіе недочеты не понижаютъ высокой цѣнности сочиненія, написаннаго даровитымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ. Не колеблясь признаю сочиненіе г. Сиповскаго заслуживающимъ поощрительной преміи».

IV.

Изслѣдованіе Н. Шлякова «*О поученіи Владимира Мономаха*» (Спб. 1900 г.) — было рассмотрѣно академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Г. рецензентъ находитъ, что «авторъ удовлетворительно разрѣшилъ главные вопросы, связанные съ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ этого памятника», — и что «основное положеніе автора о томъ, что поученіе написано зимою 6613 мартавскаго года, представляется доказаннымъ». «Равнымъ образомъ, — продолжаетъ рецензентъ, — нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Мономахъ самъ продолжалъ свое Поученіе перечнемъ походовъ послѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ (1106 — 1118). Указанія г. Шлякова на связь приводимыхъ авторомъ Поученія текстовъ съ церковными пѣснопѣніями и молитвословіями, а также съ писаніями св. отцовъ, представляются весьма цѣнными и убѣдительными. Кромѣ того г. Шляковъ сумѣлъ дать отвѣты на рядъ попутно встрѣтившихся ему вопросовъ, вопросовъ — касающихся нашей древней исторіи и литературы. Но увлеченіе ими помѣшало ему сосредоточить еще въ большей степени свое вниманіе на главномъ предметѣ изслѣдованія — текстѣ Поученія и на связи его съ Лѣтописью. Слѣдствіемъ этого явился тѣ весьма искусственныя и произвольныя построенія автора, кото-

рыми онъ пытается возстановить первоначальный видъ Поученія. Всѣ его предположенія о числѣ выпавшихъ изъ древняго оригинала листовъ, о числѣ строкъ и буквъ, умѣщавшихся на страницѣ его, врядъ ли удовлетворяютъ другихъ изслѣдователей, знающихъ, съ какою осторожностью должно выставлять даже простыя, несложныя гипотезы, при критикѣ древняго текста. Особенно произвольно объясненіе, предложенное авторомъ, того обстоятельства, что перечень походовъ Мономаха прерывается на 1118 году: онъ ставитъ его въ связь съ тѣмъ, что въ февралѣ 1119 года Мономахъ отпустилъ отъ себя сына своего Андрея на княженіе во Владиміръ Волынскій; разставаясь съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ, Мономахъ для наставленія его вручилъ ему, по предположенію г. Шлякова, экземпляръ Поученія. Между тѣмъ гораздо убѣдительнѣе связать перерывъ Мономаховой лѣтописи на 1118 году — съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ именно году появилась въ Кіевѣ новая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, редакція представляющаяся переработкой Сильвестровой редакціи 1116 года».

Въ виду указанныхъ недостатковъ труда г. Шлякова, въ значительной степени превышающихъ безспорныя его достоинства, г. рецензентъ находилъ возможнымъ увѣнчать представленное имъ сочиненіе лишь поощрительною преміей.

V.

Указатель къ «Опыту Россійской Библіографіи» В. С. Соколова—(къ книгамъ гражд. печати). (Москва, 1900 г.) Библиотекарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. Рогожина — былъ рассмотрѣнъ Д. Д. Языковымъ.

Въ ряду такъ называемыхъ «справочныхъ изданій», необходимыхъ для библиотечарей и собирателей старинныхъ книгъ, для записныхъ библіографовъ и вообще изслѣдователей по исторіи прежней русской литературы, уже около девяноста лѣтъ числится

и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ извѣстный трудъ В. С. Сопикова — «*Опытъ Россійской Библиографіи*».

Несовершенство этого труда уже съ давнихъ поръ и до настоящаго времени побуждали русскихъ библиографовъ, начиная съ извѣстнаго «книголюбца» митрополита Евгенія и кончая современными дѣятелями на томъ же поприщѣ, то исправлять, то дополнять Опытъ Россійской Библиографіи. Даже четверть вѣка тому назадъ была сдѣлана попытка дать и «*Алфавитный указатель* именъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ Опытѣ Россійской Библиографіи В. Сопикова (томы II — V)»¹⁾. Но все это были случайныя или частичныя «исправленія», невольно заставлявшія желать «наиболѣе полного улучшенія» Сопиковскаго труда. Какъ бы въ отвѣтъ на такое желаніе библиографовъ, теперь появилась книга г. Рогожина.

Свой обстоятельный разборъ Указателя г. Рогожина г. рецензентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Мы считаемъ долгомъ признать, что замѣченные нами пробѣлы Рогожинскаго Указателя» восполняются высокими качествами труда, заслуживающими благодарности со стороны библиографовъ и должнаго поощренія со стороны высшаго научнаго учрежденія — Императорской Академіи Наукъ. Поэтому мы ходатайствуемъ предъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о награжденіи книги г. Рогожина одною изъ Макарьевскихъ премій — наградъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ того знаменитаго іерарха Русской Церкви, который въ своихъ историческихъ трудахъ всегда опирался на рукописныя или печатныя памятники литературы и собственныя изслѣдованія постоянно сопровождалъ многими «библиографическими примѣчаніями».

По прочтеніи представленныхъ рецензентами критическихъ разборовъ и по внимательномъ обсужденіи ихъ, Комиссія нашла

1) Составленъ былъ П. Морозовымъ и напечатанъ въ Сборникѣ Отдѣленія русск. языка и словесн. И. Ак. Н., т. XV, № 5, стран. 1 — 47.

безспорными отмѣченныя г.г. рецензентами достоинства всѣхъ пяти упомянутыхъ сочиненій и признала три первыя изъ нихъ заслуживающими поощренія неполными преміями имени митрополита Макарія. Равнымъ образомъ, по мнѣнію Комиссіи, заслуживаютъ поощренія и остальные два сочиненія. Имѣя однако въ виду, что по точному смыслу § 5 Правиль о порядкѣ присужденія премій митрополита Макарія, онѣ состоятъ изъ одной полной въ тысячу пятьсотъ рублей и двухъ неполныхъ премій по тысячѣ рублей каждая, Комиссія, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія и на основаніи §§ 12, 16 и 18 тѣхъ же Правиль, постановила присудить г.г. Михельсону, Перетцу и Сиповскому три *неполныя* премія имени митрополита Макарія *по тысячѣ рублей* каждому, г. Шлякову *поощрительную* премію въ пятьсотъ рублей и г. Рогожину *первый почетный отзывъ*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, высоко цѣня просвѣщенную готовность, съ какою приглашенные имъ ученые приняли на себя трудъ разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на настоящее соисканіе премій митрополита Макарія, считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести глубокую свою благодарность членамъ-корреспондентамъ П. И. Житецкому, И. В. Помяловскому и бібліотекарю Императорскаго Московскаго Университета Д. Д. Языкову.

I.

Отзывъ о книгѣ (въ рукописи) **М. И. Михельсонъ**. Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь. Наше и чужое.

Рецензія чл.-корр., проф. **И. В. Помяловскаго**.

Г. Михельсонъ является уже не первый разъ въ нашей литературѣ съ трудомъ, близкимъ къ тому, заглавіе котораго выписано выше. Въ 1894 году, послѣ многолѣтней работы, появился въ печати его сборникъ подъ заглавіемъ: «Мѣткія и ходячія слова». Въ предисловіи къ этому изданію, которое было посвящено собранію русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній), мы, между прочимъ, читаемъ: «Сборникъ этотъ долженъ служить только первымъ опытомъ и, можетъ быть, окажется полезнымъ, какъ матеріалъ для составленія возможно полнаго словаря часто употребляемыхъ у насъ русскихъ и иностранныхъ ходячихъ словъ и для дальнѣйшаго ознакомленія съ русской фразеологіей». Авторъ такимъ образомъ уже тогда имѣлъ въ виду, познакомивъ читателя (преимущественно) съ цитатами, изреченіями, пословицами, т. е. съ народною мудростію, перейти къ особенностямъ русской рѣчи, служащимъ для образнаго выраженія самой мысли. Видя, что этотъ первый его (и вообще въ нашей литературѣ) трудъ не остался незамѣченнымъ (такъ какъ это изданіе разошлось въ первые 3 мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ), авторъ принялся за пополненіе своего сборника, при

чемъ обратилъ особенное вниманіе на русскія пословицы, съ указаніемъ ихъ источника — мнѳологическаго, юридическаго, историческаго, библейскаго и др., и разъясненіемъ ихъ, а также приведеніемъ соотвѣтствующихъ имъ иностраннѳхъ, откуда онѳ могли быть заимствованы, или съ смысломъ которыхъ онѳ случайно совпадаютъ: пословицы нѳмецкія, англійскія, французскія, итальянскія, латинскія и греческія приводятся авторомъ въ подлинникѳ, а пословицы турецкія, персидскія, арабскія, арамейскія, еврейскія, китайскія, санскритскія — въ переводѳ.

Такимъ образомъ, черезъ два года вышло второе изданіе сборника ходячихъ и мѳткихъ словъ въ пересмотрѳнномъ и значительно пополненномъ видѳ, съ приведеніемъ образныхъ выраженій, свойственныхъ русскому языку (въ видѳ иносказаній), что опять-таки послужило новымъ шагомъ къ дальнѳйшему ознакомленію не только съ русской мыслию, но и съ русской рѳчью. Нынѳ, въ 1900 году, восемь лѳтъ спустя послѳ выхода въ свѳтъ перваго изданія, неутомимый авторъ представилъ наконецъ новый свой трудъ подъ заглавіемъ: «Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѳчь. Наше и чужое». Это—новое, совершенно переработанное сочиненіе, хотя и напоминаетъ и заключаетъ въ себѳ многое, появившееся въ предыдущихъ изданіяхъ, что, однако, необходимо вслѳдствіе тѳсной связи между пословицами и пословичными выраженіями, существенно отличается однако отъ нихъ не только богатствомъ новаго матеріала (собраніе пословиць, поговорокъ, иносказаній) и разработкою его, но и совершенно новыми задачами: цитаты и особенно пословицы, поговорки, имена мнѳологическія и другія (пословичныя) выраженія, въ видѳ иносказаній, приводимыя въ этомъ сборникѳ, служатъ вмѳстѳ съ тѳмъ примѳрами для изученія образности русской рѳчи, и такимъ образомъ получается намѳченное въ первыхъ двухъ изданіяхъ изученіе русской фразеологіи. Для большей полноты въ разсматриваемый сборникъ включены и такія слова, которыя перешли къ намъ цѳликомъ изъ языковъ иностранныхъ, и частію получили право гражданства, частью же

внесены къ намъ, не слившись однако съ русской рѣчью, и ихъ объясненіе необходимо для полнаго пониманія читаемаго. Цѣль такого сборника — съ одной стороны — познакомить читателя съ массою общеупотребительныхъ цитатъ, изреченій, пословицъ русскихъ параллельно съ цитатами выдающихся мыслителей всѣхъ вѣковъ и пословицами всѣхъ народовъ, т. е. познакомить въ возможно сжатой формѣ съ мудростію народовъ, со всѣмъ тѣмъ, что было сказано лучшаго на иностранныхъ языкахъ, а съ другой стороны — указать на пословичныя выраженія и другія отдѣльныя слова (употребляемыя, какъ иногда и пословицы, иностранно), чтобы разобратся въ источникахъ и дѣйствительномъ значеніи ихъ, и такимъ образомъ дать начало составленію руководства къ ознакомленію съ нашей собственной фразеологіей.

Такой сборникъ долженъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и справочной книгой не только для желающаго учиться, но и для знающаго, но иное забывшаго и желающаго возобновить забытое въ памяти своей; этотъ сборникъ необходимъ для всякаго вдумчиваго читателя вообще, для всякаго образованнаго человѣка, для всякаго интересующагося знаніемъ родной литературы и изученіемъ родного языка.

Въ самомъ дѣлѣ, еще въ древнѣйшія времена, кромѣ обычнаго выраженія своихъ мыслей, люди, употребляя всякое слово въ прямомъ его, всѣми понимаемомъ и принятомъ значеніи, нерѣдко выражали ту или другую мысль обиняками, намеками, цитатами или пословицами, по смыслу своему имѣющими косвенное отношеніе къ высказываемой мысли, напоминающими авторитетныя изреченія или историческое событіе, или же вѣрность которыхъ подтверждается обычаями даннаго времени. Отъ пословицъ перешли къ пословичнымъ выраженіямъ, употребляемымъ также не въ прямомъ смыслѣ, а въ смыслѣ переносномъ, фигуральномъ, тропическомъ, т. е. какъ бы по общему соглашенію, и въ формѣ стереотипной и общепринятой. Эти выраженія, однако, несмотря на ихъ общеупотребительность, приводимыя въ видѣ намека или

аллегорія, не всегда ясно понимаемая, невольно заставляют задуматься всякаго, кто захотѣлъ бы узнать, откуда они взялись и получили то или другое значеніе. Это тѣмъ болѣе важно, что всѣ эти выраженія непременно обязаны началомъ своимъ особеннымъ традиціямъ, разнымъ событіямъ, намекамъ на народные обычаи и другимъ житейскимъ условіямъ. Освѣщеніе истиннаго смысла этихъ словъ не только любопытно, но и необходимо для сознательнаго чтенія и даетъ любознательному читателю много цѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ образовательнаго матеріала, какъ по изученію литературы своей и всеобщей, такъ и по языковѣдѣнію.

Высказавшись по поводу цѣли, преслѣдуемой авторомъ Сборника, намъ необходимо коснуться выполненія принятой на себя авторомъ задачи.

Приступая къ обзорѣнію сборника г. Михельсона, озаглавленнаго «Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь (наше и чужое)», необходимо сказать нѣсколько словъ о разнаго рода сборникахъ пословицъ, до сихъ поръ появившихся, о характерѣ и задачахъ ихъ. Мы приведемъ лишь тѣ труды, на которые ссылается самъ авторъ, и преимущественно труды болѣе новые, хотя у г. Михельсона и нѣтъ недостатка въ цитатахъ на книги болѣе раннія, напр. на извѣстный сборникъ древнихъ пареміографовъ фонъ-Лейча и Шнейдевина. Изъ болѣе новыхъ упомянемъ извѣстный трудъ Эразма Роттердамскаго подъ заглавіемъ «Adagiorum chiliades quatuor cum sesquicenturia complectens, ex postrema ipsius autoris recognitione accuratissima, quibus non est quod quicquam imposterum vereare accessurum». Далѣе, оставляя въ сторонѣ многочисленныхъ послѣдователей Эразма, мы приведемъ трудъ Büchmann'a, появившійся въ 1864 году, подъ заглавіемъ «Geflügelte Worte» (Крылатые слова) — собраніе (преимущественно нѣмецкихъ) цитатъ нѣмецкихъ писателей и ходячихъ выраженій, съ указаніемъ (иногда предполагаемаго) первоисточника ихъ. Сюда на этомъ основаніи внесены слова «телеграмма» и «телескопъ», такъ какъ извѣстно, что первое

слово впервые употребилъ Смитъ, а второе — Демициаль (1608 года). Такихъ словъ очень много. Есть у Бюхманна также нѣсколько англійскихъ и французскихъ, около 20 итальянскихъ, съ десятокъ испанскихъ, одно русское (нигилизмъ) и сотъ пять латинскихъ и греческихъ крылатыхъ словъ. Интересна замѣтка къ предисловію, въ которой Бюхманнъ благодарить своихъ сотрудниковъ, въ числѣ 600 корреспондентовъ. Трудъ Бюхманна встрѣченъ былъ публикою весьма сочувственно, и въ короткое время выдержалъ много изданій; ему нашъ авторъ многимъ обязанъ, и не разъ пользуется имъ. Еще ранѣе Бюхманна появилась книга Fournier (1855 годъ) «L'esprit des autres» — цитаты французскихъ и латинскихъ ходячихъ словъ. Эта книга тоже была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и выдержала не одно изданіе. Затѣмъ г. Михельсономъ приводятся ссылки еще на слѣдующіе труды: на книги «Proverbes français» Le-Roux de Lincy (1842 годъ), пословицы Французскія, начиная съ XII вѣка, Körte: «Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten der Deutschen» (1837 г.), A. Otto: «Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten der Römer» (1890 г.), Dukes «Rabbinische Blumenlese (Hebräische und Chaldäische Sprüche Talmud's)» (1844), «Sprichwörter und Sinnreden des deutschen Volkes im alter und neuer Zeit» (1838), Simrock «Sprichwörter-sammlung» (1846 г.), Höfer «Wie das Volk spricht» (1855), Binder «Sprichwörterschatz der deutschen Nation» (1873 г.), Decourdemanche «Mille et un proverbes turcs» (1878) — турецкія пословицы во французскомъ переводѣ, Giusti «Raccolta di proverbi Toscani» (1853 г.), Pernis «Proverbes chinois» (1869 г.), Mera «Türkische Sprichwörter» (1877 г.), Wunder «Deutsches Sprichwörterlexicon» (1867 — 1880 г.), Kurz «Die Sprichwörter Sammlung des Planudes» (1886 г.), «Dictionnaire etymologique, historique et anecdotique des proverbes et des locutions proverbiales» (1850 г.), Albrecht «Redensarten und Sprichwörter in vier Sprachen: deutsch, französisch, englisch, italienisch» (1864 г.), Quitard «Dictionnaire etymologique, historique et anecdotique

des proverbes» (1842 г.), Lewin «Aramäische Sprichwörter und Volkssprüche» (1895 г.), Schaible «Deutsche Stich- und Hieb- worte» (1879 г.) — ругательства, заклинанія, проклятія. James Wood, «Dictionary of Quotations» (1899), Krumbacher «Mittelgriechische Sprichwörter».

Съ легкой руки Бюхманна не замедлили появиться разнымъ ему подражанія, болѣе или менѣе неудовлетворительныя, напр. въ Голландіи — «Gevleugelde Worden» (1871), въ Даніи книга Оскара Орланда (1878), въ Швеціи, и т. д. Затѣмъ г. Михельсону извѣстны труды Wurzbach'a — «Historische Wörter», Friend'a «Lexicon deutschen und fremdsprachlichen Citate», Hertslet «Treppenwitz der Weltgeschichte» разъясненія и поправки къ такъ называемымъ историческимъ анекдотамъ. Hans Nehry «Citatenschatz. Sprichwörter und sentenzen» (съ объясненіями), Zenschner «Internationales Citatenschatz — Sprichwörter und Sentenzen», Egon Berg «Das Buch der Bücher» и многія другія, которыя заключаютъ въ себѣ не только цитаты, но и пословицы, и пословичныя выраженія. Англичане и французы также не остались безъ подражателей: появились у нихъ сочиненія: Bartlett'a («Familiar Quotations», 1889 г.) — книга цитатъ изъ сочиненій выдающихся англійскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, съ точнымъ указаніемъ автора, сочиненія, части и главы; Затѣмъ въ Оксфордѣ явилась книга King'a «Classikal and foreign quotations» — цитаты на нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, съ переводомъ ихъ на англійскій языкъ. На французскомъ языкѣ въ 1892 году вышелъ сборникъ: «Le Musée de la conversation», принадлежащій Roger Alexandre; въ немъ содержатся французскія цитаты и новыя поговорки, извлеченныя изъ французскихъ авторовъ; въ 1895 году вышла на итальянскомъ языкѣ книга Fumagalli подъ заглавіемъ «Chi l'ha detto?», заключающая въ себѣ 1575 цитатъ и фразъ на итальянскомъ, французскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ съ объясненіями, а также книга Tico Luri di Vassano: «Modi di dire pro-

verbiali». Не осталась безъ сочиненій подобнаго рода и литература польская; въ ней появился трудъ: «Księga przysłów, przypowieści i wyrażén przysłowiowych polskich» (1889 г.).

Во всеоружіи этихъ пособій, изученныхъ имъ съ большимъ вниманіемъ, приступилъ г. Михельсонъ къ новому изданію своего труда. Для него онъ проштудировалъ массу русскихъ авторовъ, начиная съ древнѣйшихъ, напр. съ лѣтописей и Слова о Полку Игоревѣ, до новѣйшихъ, напр. А. Чехова и М. Горькаго. Что особенно пріятно въ трудѣ г. Михельсона — это то, что авторъ по мѣрѣ разрастанія своего труда все болѣе и болѣе совершенствовалъ точность своихъ цитатъ и ссылокъ; у него уже не встрѣчаются, какъ было ранѣе, голословныя указанія на того или другого писателя, но цитаты его всюду сопровождаются точными указаніями на сочиненіе и, по возможности, на страницу.

Одинъ перечень того, что прочитано, изучено авторомъ, возбуждаетъ удивленіе: пзумляешься тому, какъ могъ и успѣлъ почтенный составитель не только просмотрѣть, но даже и основательно изучить громадное множество приводимыхъ имъ писателей, въ числѣ которыхъ, для примѣра, приведемъ слѣдующихъ: Аксаковы, Баратынскій, Батюшковъ, Боборыкинъ, Бѣлинскій, Вейнбергъ, кн. Вяземскій, Глинка, Гоголь, гр. Голицыневъ-Кутузовъ, Гончаровъ, Горькій, Градовскій (Г. К.), Гречъ, Грибоѣдовъ, Григоровичъ, Давыдовъ (Денисъ), Даль, Данилевскій, Державинъ, Дмитріевъ, кн. Долгорукій, Достоевскій, Дружининъ, Ершовъ, Жадовская, Жуковскій, Загоскинъ, К. Р., Кантемиръ, Карамзинъ, Каратыгинъ, Кони, Конисскій, Кохановская, Крестовскій, Крыловъ, Лажечниковъ, Ленскій, Лермонтовъ, Лѣсковъ, Макаровъ, Маркевичъ, Марлинскій, Майковъ, Мельниковъ, Мерзляковъ, Мей, Миллеръ (Ө. Б.), Мипаевъ, Надеждинъ, Надсонъ, Нарѣжный, Некрасовъ, Немировичъ-Данченко, Никитинъ, Ободовскій, кн. Одоевскій, Островскій, Павлова (Каролина), Павловъ (Н. Ф.), Писаревъ, Писемскій, Плетневъ, Плещеевъ, Погорѣльскій, Погосскій, Полежаевъ, Полонскій, Потапенко, Пушкинъ (А. С.), Пушкинъ (В. Л.), Розенгеймъ, Салты-

ковъ, Станюковичъ, Суворинъ, Успенскій, Фетъ, Хмельницкій, Хомяковъ, Щербина, Языковъ, и т. д., и т. д.

Но кромѣ вышеприведенныхъ авторовъ, списокъ которыхъ не претендуетъ на абсолютную полноту, въ рукописи г. Михельсона, въ отдѣлахъ, долженствующихъ быть напечатанными мелкимъ шрифтомъ, содержится еще необозримая масса указаній на литературы иностранныя; изъ указаній этихъ отмѣтимъ множество цитатъ изъ Священнаго Писанія, изъ писателей древнихъ, классическихъ, цитатъ, разъясняющихъ русскія фразы и выраженія и, въ свою очередь, ими разъясняемыхъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и выраженія, заимствованныя авторомъ изъ сборниковъ поговорокъ народовъ внѣевропейскихъ, напр. поговорокъ китайскихъ, турецкихъ, еврейскихъ, арамейскихъ и т. д.,

Само собою разумѣется, что при такой широкой задачѣ, какъ та, которую поставилъ себѣ г. Михельсонъ, въ его сборникѣ не все отдѣлано съ должнымъ вниманіемъ и акрибіей, и не удивительно, что въ его книгѣ попадаются мѣста (правда сравнительно немногія), съ которыми читатель долженъ не согласиться: не всегда дается точный переводъ цитруемыхъ авторовъ; съ нѣкоторыми, преимущественно греческими, этимологіями можно спорить; мы позволяемъ себѣ не приводить списка этихъ мѣстъ, въ виду какъ ихъ сравнительной малочисленности, такъ и того, что, при печатаніи рукописи, авторъ легко можетъ устранить спорныя мѣста.

Трудъ Г. Михельсона такимъ образомъ оказывается настоящимъ источникомъ для справокъ всякому, желающему ознакомиться съ тѣмъ или другимъ русскимъ образнымъ выраженіемъ. Этому значительно помогаетъ почтенный авторъ, щедрою рукою приводящій различнаго рода припоминанія, анекдоты, объясняющіе то или иное выраженіе, пріобрѣтшее у насъ впоследствии право гражданства. Мы бы значительно отвлеклись отъ нашей задачи, если бы захотѣли привести хоть часть этихъ экскурсовъ, въ обиліи встрѣчающихся въ трудѣ г. Михельсона, но не мо-

жемъ удержаться отъ того, чтобы не указать на одинъ — два примѣра.

Хотя бы на стр. 387, сообщая о выраженіи «свѣтлыя личности», «темныя личности», авторъ говоритъ: «Рейхлинъ въ 1514 году издалъ свою переписку съ знаменитыми людьми (*Epistolae clarorum virorum*); затѣмъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и другіе друзья Рейхлина издали между 1515 и 1517 годами «*Epistolae obscurorum virorum*». На это паписты, противники Рейхлина, издали въ 1518 году «*Lamentationes obscurorum virorum, non prohibitaе per sedem Apostolicam*». Отсюда слово: «*Dunkelmänner*», «*virī obscurī*» (собственно «неизвѣстные люди», въ противоположность «*clari virī*» — «свѣтлыя личности») — въ XIX вѣкѣ получило значеніе «темной личности», «обскуранта», «врага просвѣщенія».

Или (стр. 397): «Выраженіе «*Bluestocking*» перешло въ другіе языки изъ Англіи — для обозначенія женщинъ, предавшихся исключительно наукамъ и писательству, которыя, носясь съ своей педангическою ученостью, пренебрегаютъ всѣми другими качествами и обязанностями женщины и даже матери. Около 1760 года образовалось общество изъ лицъ обоего пола, собиравшихся для научныхъ возвышенныхъ бесѣдъ. Названіе «Собраніе синихъ чулокъ» придумалъ голландскій адмиралъ Боскавенъ потому, что тамъ участвовали отличавшіяся своимъ умомъ извѣстный ученый Стиллингфлитъ (*Stillingfleet*. † 1771), явившійся однажды въ синихъ чулкахъ. По другимъ источникамъ, между женщинами особенно тамъ отличалась вѣкая Стиллингфлитъ, которую называли «*blue stocking*» потому, что она носила синіе чулки. Въ числѣ учредительницъ этихъ собраній называютъ *Lady Montague* и госпожъ *Vesly* и *Ord*».

Или же, стр. 413, гдѣ рѣчь идетъ о выраженіи «собаку съѣсть»: «О началѣ употребленія собачьяго мяса повѣствуетъ греческій писатель Порфирій († 305 по Р. Хр.) слѣдующее: однажды, во время жертвоприношенія собаки, кусокъ мяса упалъ съ огня на землю. Жрецъ, подымая съ земли кусокъ, обжегъ себѣ пальцы и, по обычному въ такомъ случаѣ невольному дви-

женію, сунуль пальцы въ ротъ, и тутъ же обратилъ вниманіе на пріятный вкусъ сока, попавшаго ему на языкъ. По окончаніи церемоніи онъ съѣлъ половину собаки, а другую отнесъ къ женѣ, и такимъ образомъ они продолжали, послѣ каждаго жертвоприношенія, наслаждаться собачиной. Вскорѣ по городу пронесся слухъ объ этомъ удачномъ открытіи; всякій желалъ попробовать вкусное блюдо, и собачина вошла во всеобщее употребленіе. Сперва употребляли только мясо щенятъ, а потомъ дошли и до крупныхъ собакъ».

Или-же, наконецъ, стр. 320, по поводу выраженія «подкузьмить»: «Въ договорахъ между капиталомъ и трудомъ въ Россіи играетъ большую роль срокъ отъ начала весны до Кузьминокъ (Кузьмы и Демьяна 1-е ноября — время окончательныхъ расчетовъ между работодателемъ и работникомъ). Тутъ то окончательно выясняется честное или нечестное отношеніе къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей; въ послѣднемъ случаѣ употребляется выраженіе подкузьмить».

Можно бы привести не одну сотню интересныхъ примѣровъ объясненій г. Михельсона. Изъ примѣровъ этихъ оказывается, что авторъ принялъ во вниманіе массу разнообразнѣйшихъ данныхъ для выясненія того или другого образнаго выраженія, освѣщающаго извѣстное изреченіе. Г. Михельсонъ черпаетъ эти свои указанія и разъясненія изъ самыхъ различныхъ областей вѣдѣнія; то филологическія, то историческія, то бытовія данныя проходятъ у него въ неисчерпаемой преемственности и созидаютъ изъ его труда вещь въ высшей степени почтенную и интересную.

Многое даже у нашего автора является приводимымъ въ первый разъ, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть несомнѣнную заслугу г. Михельсона. Вообще, сравнивая его трудъ съ тѣмъ, что было въ нашей литературѣ раньше, до него, обязываемся отиѣтити, что изъ предшественниковъ г. Михельсона никто не ставилъ вопроса о русскихъ пословицахъ, поговоркахъ и образныхъ выраженіяхъ такъ широко и не освѣщалъ его такъ всесторонне; больше того, трудъ его является внѣ всякаго сомнѣнія болѣе

разностороннимъ и глубокимъ, чѣмъ все то, что существуетъ ему подобнаго и въ иностранныхъ литературахъ.

До г. Михельсона въ нашей родной литературѣ были извѣстны лишь немногія книги по избранной авторомъ темѣ, книги, коими онъ въ необходимыхъ случаяхъ воспользовался; таковы напр. труды Снегирева, Даля («Русскія пословицы») и нѣкоторые другіе. Въ послѣднее время, появленіе нѣмецкой книги Бюхманна, указанной нами выше, не осталось и въ русской литературѣ безъ подражателей: въ 1883 году вышло сочиненіе Рѣдника подъ заглавіемъ: «Сборникъ замѣчательныхъ изреченій»; это — собственно говоря не что иное, какъ сокращенный переводъ Бюхманна, съ прибавкою нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ русскихъ цитатъ. Вслѣдъ затѣмъ появились фельетоны С. В. Максимова, сперва въ газетѣ «Новости», а затѣмъ, въ видѣ продолженія — въ «Новомъ Времени»: это — интересные рассказы автора «Года на сѣверѣ» по поводу употреблявшихся и нынѣ еще употребляемыхъ пословицъ и ходячихъ словъ, иногда самыхъ обыкновенныхъ, обыденныхъ; всего разъяснено около 120 словъ и выраженій, при чемъ однако же иногда авторъ вноситъ въ свои замѣтки и такія крылатыя (?) слова, какъ «пока́», «потá» и нѣкоторыя другія, имъ подобныя. Затѣмъ отмѣтимъ сборникъ Макарова: «Энциклопедія ума или словарь избранныхъ мыслей авторовъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ». Мысли эти приведены не въ подлинникѣ, а въ переводѣ на русскій языкъ и указываются лишь авторы, но не ихъ сочиненія. Книга Макарова вышла въ свѣтъ въ 1878 году, а въ 1884 году появилась подобная же книга Мартынова: «Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей». Это — собраніе изреченій иностранныхъ писателей (въ русскихъ переводахъ) и русскихъ людей, собраніе не отличающееся достаточной полнотой. Затѣмъ необходимо отмѣтить еще книгу Бражникова «Идеи русскихъ писателей XIX вѣка». Тутъ указаны авторы и сочиненія, но безъ обозначенія страницъ ихъ изданій, что крайне затрудняетъ отысканіе мѣстъ для желающихъ точныхъ указаній.

Наконецъ въ 1897 году, уже послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія книги г. Михельсона, въ Кіевѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: «Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ» Тимошенка. Трудъ этотъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, которая признала его заслуживающимъ поощренія, хотя рецензентъ отмѣтилъ въ книгѣ г. Тимошенка не мало недостатковъ.

Какъ видно, предшественниковъ у Г. Михельсона въ русской литературѣ было немного и всѣ они не могутъ быть названы безусловно доброкачественными; тѣмъ въ большую заслугу слѣдуетъ вмѣнить почтенному автору его колоссальный трудъ; безъ преувеличенія можно сказать, что изумительна энергія автора, не убоившагося громады труда и подарившаго русской публикѣ такую справочную книгу, которая, по ея отпечатаніи, послужитъ для всѣхъ, интересующихся образностью русской рѣчи, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ можно будетъ строить дальнѣйшіе выводы.

Равнымъ образомъ нельзя оставить безъ упоминанія и еще одно важное значеніе для насъ книги г. Михельсона. Объясняя всѣ русскія иносказанія, разбросанныя и трудно потому находимыя въ русскихъ словаряхъ, онъ даетъ возможность иностраннымъ переводчикамъ избѣгать тѣхъ, нерѣдко искажающихъ смыслъ текста, неправильностей, которыми отличаются ихъ переводы по незнакомству ихъ съ истиннымъ значеніемъ русскихъ иносказаній (Эта сторона труда г. Михельсона, впрочемъ, уже отмѣчена была въ иностранныхъ рецензіяхъ послѣ выхода въ свѣтъ 2-го изданія его «Ходячихъ и мѣткихъ словъ»). Кроме того, указанія на этимологическое происхожденіе многихъ русскихъ и всѣхъ иностранныхъ, получившихъ у насъ право гражданства, словъ даетъ богатый матеріалъ для будущаго этимологическаго словаря русскаго языка.

Посему я полагаю бы, что рукопись труда г. Михельсона, какъ работа громадная, свидѣтельствующая о неустанномъ трудолюбіи и работоспособности автора и могущая служить необ-

22 ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ ВЪ 1901 Г.

ходимымъ пособіемъ для изученія русскаго языка и для научной его разработки, вполне заслуживаетъ поощренія полною преміей Митрополита Макарія.

И. Помяловскій.

15 апрѣля 1901 г.

II.

Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I (1 — 425). Часть 2 (1 — 209).
Сочиненіе **В. Перетца**. С. П. Б. 1900.

Сочиненіе г. Перетца имѣеть нѣсколько заглавій — общее, разсчитанное на нѣсколько томовъ «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы», и частное, обнимающее I томъ «Изъ исторіи русской пѣсни». Этотъ I томъ распадается на двѣ части — каждая въ отдѣльной книгѣ. Во второй части помѣщены матеріалы подъ общимъ заглавіемъ «Приложенія» и частнымъ заглавіемъ «Описаніе сборниковъ псалмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малороссійскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. Указатели». Но и первая часть не освобождена отъ матеріаловъ, переполняющихъ по крайней мѣрѣ третью часть страницъ первой книги. Отличіе ея отъ второй части въ томъ, что въ ней есть и изслѣдованія. Главныя темы этихъ изслѣдованій указаны на обложкѣ первой книги: «Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI — XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника». Такимъ образомъ мы имѣемъ уже третье заглавіе разсматриваемаго нами сочиненія. Каждое изъ двухъ послѣднихъ заглавій, ограничивая объемъ предыдущаго, постепенно приближаетъ насъ къ содержанію «историко-литературныхъ изслѣдованій», которое обозначается въ подробномъ

оглавленіи, какъ первой, такъ и второй части. Уже по этимъ заглавіямъ можно судить о сложномъ составѣ самаго сочиненія, который объясняется до нѣкоторой степени избыткомъ и сложностію матеріала, привлеченнаго для изученія русской пѣсни, поэтому сочиненіе г. Перетца производитъ впечатлѣніе зданія, съ котораго не сняты еще лѣса. Нужно сказать, впрочемъ, что и самое зданіе это перестроено изъ прежнихъ работъ автора, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ за 1899 годъ подъ заглавіемъ: «Малорусскія вирши и пѣсни въ XVI — XVIII вѣкахъ» (томъ IV, книжки 3 и 4). Это простое и ясное заглавіе превратилось въ тройное. Въ самомъ сочиненіи многое осталось въ томъ же видѣ, какъ было прежде, но многое расширено новыми вставками, а главное — всѣ части прежней работы переставлены одна на мѣсто другой съ тою цѣлію, чтобы сообщить всему зданію историческій фасадъ. Такъ получилось одно изъ заглавій его: «Изъ исторіи русской пѣсни». Какой пѣсни — искусственной или народной, малорусской или великорусской? Это видно отчасти изъ третьяго заглавія, а еще яснѣе изъ оглавленія къ первой части сочиненія.

Оглавленію предшествуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ устанавливаетъ методъ изслѣдованія народной пѣсни. Выходя изъ того убѣжденія, что «въ массѣ случаевъ простонародное первоначально было продуктомъ творчества болѣе культурныхъ высшихъ слоевъ», онъ пришелъ къ заключенію, что «и для народной пѣсни мы должны искать основъ въ старинной русской искусственной поэзіи: этотъ источникъ *одинъ*, по словамъ автора, можетъ намъ раскрыть тайну развитія одного изъ интереснѣйшихъ явленій. Этимъ источникомъ является старинная виршевая литература, зародившаяся на юго-западѣ Россіи, вѣроятно, уже въ половинѣ XVI вѣка».

Методъ, повидимому, ясный и опредѣленный, но можно ли принять его безъ ограниченій?

Условимся прежде всего въ томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ «первоначально». Намъ кажется, что въ эволюціи поэти-

ческаго творчества можно говорить только о чередованіи моментовъ, изъ которыхъ ни одинъ въ процессѣ совершающихся измѣненій не имѣеть значенія абсолютно-первоначальнаго. Внося это дополнительное замѣчаніе въ слова автора, мы устраняемъ односторонность мнѣнія его о «старинной русской искусственной поэзіи» и утверждаемъ, что не въ ней одной нужно искать «основъ» для народной пѣсни, которая, во всякомъ случаѣ, древнѣе виршевой поэзіи, зародившейся не раньше половины XVI вѣка. Ужъ если говорить объ основахъ народной пѣсни, то нужно имѣть въ виду не одинъ только привходящій позднѣйшій элементъ ея, но и взаимодѣйствіе этого элемента съ предшествующими: въ противномъ случаѣ мы не получимъ настоящей исторической перспективы, обязательной во всякомъ историческомъ изслѣдованіи. Ничѣмъ инымъ, какъ недостаткомъ этой перспективы, мы объясняемъ преувеличенное представленіе автора о значеніи поэтическаго творчества «болѣе культурныхъ высшихъ классовъ». Мы понимаемъ, что эти классы скорѣе и легче воспринимаютъ чужую культуру, но независимо отъ мѣстной культуры ничего оригинальнаго создать они не могутъ — ничего такого, что, захвативъ народныя массы, съ теченіемъ времени сдѣлалось бы простонароднымъ. Намъ припоминается наша христіанская культура въ византійской редакціи при самомъ появленіи ея на Руси. На сторонѣ этой культуры, какъ извѣстно, были верхніе слои общества, преимущественно городского, на сторонѣ язычества — народъ, преимущественно сельскій, который, по свидѣтельству Іакова черноризца, думалъ, что только боярамъ и князьямъ подобаетъ вѣнчаться по церковному обычаю, а простому народу достаточно брать своихъ женъ «съ плясаніемъ, и гудѣніемъ, и плесканіемъ», т. е. по стариннымъ языческимъ обычаямъ. Представители христіанства увлекались «почитаніемъ княжнѣмъ», которое расширяло кругъ ихъ зрѣнія, сообщая имъ готовый запасъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Представители язычества увлекались очарованіемъ родной поэзіи, которою проникнута была

вся обстановка жизни ихъ до мельчайшихъ подробностей. Это были два враждебныя и, повидимому, непримиримыя міровоззрѣнія. «Многіе ся лѣняютъ и злѣ живутъ», говоритъ одинъ ревнитель новой вѣры, «якоже имянь не вѣдати чтомыхъ книгъ, тоже и срамѣются тѣмъ, но аще плясци іли гудци іли инъ хто позоветъ на игрище іли зборище идольское, то вси тамо текутъ радуяся.»¹⁾ Прогрессъ жизни и мысли заключался не въ томъ, чтобы люди новыхъ вѣяній отдѣлились отъ всенародныхъ поэтическихъ настроеній, связанныхъ съ язычествомъ, а въ томъ, чтобы они нашли въ этихъ настроеніяхъ примиряющіе и одушевляющіе тоны. И это въ самомъ дѣлѣ такъ было, — иначе мы не имѣли бы дружиннаго эпоса, который съ теченіемъ времени сдѣлался достояніемъ простонароднымъ. Тотъ же процессъ наблюдать можно и въ эпоху просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и его послѣдователей, когда водворились у насъ литературныя формы поэзіи, выработанныя европейскими народами. Рядомъ съ этимъ вѣшнимъ заноснымъ теченіемъ шли теченія внутреннія и болѣе глубокія. Представителемъ этихъ послѣднихъ теченій былъ народъ съ его старинною культурою. Въ составъ этой культуры входило, какъ извѣстно, и юго-западное просвѣщеніе съ его литературными навыками и вкусами, съ его псалмами и кантами. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ тотъ же обмѣнъ культурныхъ вліяній, какъ и въ древней Руси, а не одни только «продукты творчества болѣе культурныхъ высшихъ классовъ».

Высказываемъ всѣ эти положенія не потому, что они неизвѣстны самому автору, а потому, что они отчасти упущены имъ изъ виду, что видно изъ предисловія къ его «историко-литературнымъ» изслѣдованіямъ, отчасти недостаточно аргументированы, какъ увидимъ ниже въ самихъ изслѣдованіяхъ.

1) Паисіевъ сборникъ XIV в.

Авторъ начинаетъ свой трудъ обзоромъ теоретическихъ воззрѣній на стихотворство, появившихся въ южной Руси въ концѣ XVI в. Въ I главѣ онъ дѣлаетъ изобильныя выписки изъ грамматикъ — львовской 1591 г., Лаврентія Зизанія 1596 г., Мелетія Смотрицкаго 1619 г. и виленской 1621 г., трактующихъ о стихосложеніи, а во II главѣ указываетъ на вѣроятные источники статьи о стихосложеніи въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго. Повидимому, всѣ эти грамматикѣ имѣли въ виду устранить вліяніе польскаго силлабическаго стиха, обнаружившееся въ юго-западныхъ русскихъ стихотворныхъ опытахъ, появившихся десятью годами раньше появленія львовской грамматикѣ, извѣстной подъ названіемъ *Αδελφότης*. Весьма можетъ быть, какъ догадывается авторъ, что эти стремленія вытекали не изъ сознанія недостатковъ силлабическаго стихосложенія, а изъ вѣроисповѣдныхъ побужденій или, лучше сказать, изъ убѣжденія въ превосходствѣ греческой науки предъ латинскою. Какъ бы то ни было, только попытки юго-западныхъ грамматистовъ потерпѣли полнѣйшую неудачу; нельзя сказать, чтобы сами они владѣли, какъ слѣдуетъ, силлабическимъ стихомъ, что видно изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Перетцемъ изъ названныхъ выше грамматикъ, — тѣмъ не менѣе метрическая система не могла привиться на русской почвѣ за отсутствіемъ долготы и краткости гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Гораздо болѣе юго-западнымъ писателямъ пришлась по вкусу силлабическая система, такъ такъ въ ней больше было точекъ соприкосновенія съ тоническимъ народнымъ стихомъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главная причина успѣховъ ея въ старинной южнорусской литературѣ, а не въ томъ, какъ думаетъ авторъ, что большинство писателей, не желая поддаться вліянію простонародной поэзія, предпочло силлабическую «готовую форму». (36).

Въ III главѣ авторъ знакомитъ насъ съ школьною теоріей польскаго стихосложенія по латинно-польскимъ учебникамъ XVII и начала XVIII в. Оказывается, что эта теорія привлекала юго-западныхъ писателей сравнительной широтой своихъ воззрѣній

на поэзію, которая въ польско-латинскихъ учебникахъ трактуется по существу: рѣчь идетъ въ нихъ о поэтическомъ вымыслѣ, о родахъ и видахъ поэтическихъ произведеній, тогда какъ въ юго-западныхъ грамматикахъ излагаются только правила стихосложенія. Авторъ пользовался позднѣйшими учебниками конца XVII и начала XVIII в., и притомъ преподаваемыми въ польскихъ коллегіяхъ — познанской, ярославской — іезуитской, радомской и проч. Изъ этихъ источниковъ, говоритъ онъ, «малорусская молодежь могла получать свѣдѣнія о поэзіи и стихотворствѣ», — отсюда же «брала она готовыя правила для сложенія стиховъ «на польскомъ языкѣ». (58). Но отъ возможности до дѣйствительности разстояніе, какъ извѣстно, большое, а для научной точности были бы желательны указанія на такіе учебники піитики, которые бы относились къ самому началу юго-западнаго стихотворства, т. е. къ концу XVI и къ началу XVII в. Авторъ упоминаетъ о двухъ латинскихъ сочиненіяхъ подобнаго рода — *Metrificale Marci de Oppathowicz* первой половины XV вѣка и *Eschius'a De arte versificandi* 1521 года, но въ этихъ сочиненіяхъ ничего нѣтъ о польскомъ стихосложеніи, которому несомнѣнно подражали юго-западные виршеслагатели. Мало того — и позднѣйшіе учебники, изъ которыхъ авторъ дѣлаетъ значительныя извлеченія, посвящены большею частію теоріи латинскаго стихосложенія. Такъ, въ Радомскомъ учебникѣ 1702 г. читаемъ: *pes est pars versus certo syllaborum numero atque ordine definita*, и затѣмъ идетъ исчисленіе двухсложныхъ, трехсложныхъ и даже четырехсложныхъ стопъ (56). Объ одномъ учебникѣ *Aurifodina Poetica* 1684 г. самъ авторъ замѣчаетъ, что въ немъ «нѣтъ ни слова о польскомъ стихосложеніи» (59); о другомъ — *Bicollis Parnassus* 1670 г. говоритъ, что въ немъ «нѣтъ ни одного слова объ основныхъ правилахъ польскаго стихосложенія» (16.) Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ мы нашли слѣдующее мѣсто, приведенное самимъ авторомъ: *Lyrica poesis nec scanditur pedibus, sed syllabam numero circumscribitur, ut et aliae poeses: genera autem lyrici carminis polonici sunt.* (60). Авторъ сожалѣетъ, что онъ

не имѣлъ случая видѣть кіевскихъ учебниковъ, но считаемъ нужнымъ замѣтить прежде всего, что изъ кіевскихъ учебниковъ по піитикѣ XVII вѣка извѣстно всего восемь, да и то древнѣйшій изъ нихъ (*Liber artis Poëticae*) 1637 года, хранившійся въ кіевософійской бібліотекѣ, утерянъ. Впрочемъ, г. Перетцъ, принимая во вниманіе свѣдѣнія объ этихъ учебникахъ, сообщенныя Н. Петровымъ, находитъ, что въ нихъ, какъ и въ латино-польскихъ, «господствуетъ одно направленіе, однѣ и тѣ же идеи, даже опредѣленія и способъ выраженія порой тождественный». (58). Въ словахъ этихъ есть много правды. Такъ, въ одной кіевской піитикѣ 1685 г. (*Fons Castalis* — рукопись кіевософ. библ. № 446) говорится, что «стихъ польскій не долженъ требовать особыхъ правилъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія преподаны о стихѣ латинскомъ». ¹⁾ Замѣчаніе это вполне совпадаетъ съ содержаніемъ латино-польскихъ учебниковъ, рассмотрѣнныхъ г. Перетцемъ. Только съ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка кіевскіе учебники начинаютъ различать латинскіе стихи отъ польско-русскихъ, отмѣчая въ этихъ послѣднихъ количество слоговъ, а не стопъ. (*Rap-nassus* 1719 — 1722 годовъ, рукопись кіевомихайл. монаст. № 1721). ²⁾ И здѣсь — полное совпаденіе съ наблюденіями г. Перетца, который излагаетъ содержаніе сравнительно позднихъ учебниковъ (*Introductio ad portam Apollineam* 1723 г.), гдѣ являются уже довольно обстоятельныя правила польскаго стихосложенія (60 — 63). Имѣя въ виду всѣ эти данныя, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы современники Мелетія Смотрицкаго «брали готовые правила для сложенія стиховъ на польскомъ (и славяно-русскомъ) языкѣ изъ латино-польскихъ учебниковъ», такъ какъ въ первой половинѣ XVII вѣка вовсе не было учебниковъ, трактующихъ о силлабическомъ стихосложеніи. Гораздо вѣроятнѣе, что русскіе виршеслагатели усваивали польскій силлабическій стихъ путемъ подражанія, — когда же въ южно-рус-

1) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи Н. Петрова въ Трудахъ кіевс. духовной академіи 1866 г., июль, 322.

2) *Ibidem*, 325.

скомъ просвѣщеніи греческое вліяніе смѣнилось латино-польскимъ, то представители его могли найти въ латинскомъ стихосложеніи, о которомъ рѣчь шла въ кievскихъ учебникахъ піитики, многія черты, знакомыя имъ изъ польскихъ стихотвореній. Дѣло въ томъ, что само польское стихосложеніе развилось подъ вліяніемъ латинскаго, которое, какъ извѣстно, уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ вмѣстѣ съ паденіемъ долготы гласныхъ въ латинскомъ языкѣ утратило свою старинную метрическую основу и превратилось въ тоническое. Оно усвоило себѣ только внѣшнія формы образца своего — стихосложенія метрическаго безъ его сущности, поэтому и въ латино-польскихъ учебникахъ мы встрѣчаемъ ученіе о стопахъ, но, собственно говоря, держалось латинское стихосложеніе на равночисленности слоговъ въ каждомъ стихѣ, при чемъ удареніе занимало опредѣленное мѣсто, большею частію въ концѣ стиха, а многосложные стихи раздѣлялись цезурой, которая тоже отмѣчалась удареніемъ. Вотъ эта равночисленность гласныхъ и составляетъ ту главную особенность польскаго стихосложенія, которую преподаватели піитики въ юго-западныхъ школахъ видѣли и въ латинскомъ стихосложеніи. Изучая это стихосложеніе, они получали свѣдѣнія и о другихъ особенностяхъ средневѣкового латинскаго стиха, перешедшихъ въ силлабическій польскій стихъ — о цезурѣ, строфѣ и, что въ особенности важно, о рямѣ, которая составляла необходимую принадлежность такъ называемаго леонинскаго латинскаго стиха. Такимъ образомъ въ теоріи латинскаго стихосложенія они находили научное оправданіе своихъ собственныхъ литературныхъ опытовъ, появившихся задолго до того времени, когда сложилась теорія польскаго стихосложенія.

Обращаясь затѣмъ къ эпохѣ греческихъ вліяній въ юго-западныхъ школахъ, мы не находимъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы убѣдиться, что онѣ знакомы были съ теоріей латинскаго, а тѣмъ болѣе польскаго стихосложенія, такъ какъ въ учебныхъ грамматикахъ того времени настойчиво проводится сложная и сбивчивая теорія стихосложенія, основанная на мнимой долготѣ

и краткости гласныхъ въ славянорусскомъ языкѣ. Для характеристики русскаго стихосложенія въ эту эпоху авторъ даетъ намъ матеріалъ въ IV главѣ своего труда подъ общимъ заглавіемъ: «Практическія примѣненія теоріи стихосложенія въ западно-русской литературѣ XVI—XVIII в.». Какой теорія? Конечно, силлабической. Послѣ того, что было сказано нами о появленіи этой теоріи въ латино-польскихъ учебникахъ, глава эта представляется намъ анахронизмомъ, нарушающимъ историческую послѣдовательность.

Но послѣдуемъ за авторомъ.

Въ началѣ главы онъ припоминаетъ пѣсню о Штефанѣ воеводѣ, «записанную, какъ образецъ малорусской рѣчи, въ грамматикѣ чешскаго языка Яна Благослава, оконченной въ 1557 году». (65). Въ словахъ этихъ есть неточность. Пѣсня эта записана, какъ образецъ «словенскаго» нарѣчія, которое оказалось малорусскимъ. По мнѣнію Потебни, размѣръ ея донинѣ обыченъ въ малорусскихъ пѣсняхъ; нормальное число слоговъ въ стихѣ 12; обычное мѣсто отдыха (цезуры) посрединѣ стиха¹⁾. По поводу этихъ словъ г. Перетцъ замѣчаетъ: «Потебня считаетъ 12-сложный размѣръ пѣсни древнимъ, присущимъ народной пѣснѣ. Можетъ быть, эта ссылка на позднѣйшія малорусскія пѣсни не совсѣмъ убѣдительно, въ особенности въ виду нижеслѣдующихъ соображеній о возможности школьнаго польскаго вліянія». (65). Но во-1) Потебня вовсе не доказываетъ позднѣйшими малорусскими пѣснями древность 12-сложнаго размѣра, а утверждаетъ только, что этотъ размѣръ существовалъ уже въ XVI вѣкѣ; во-2) о какомъ польскомъ вліяніи рѣчь идетъ — о вліяніи на искусственную или народную поэзію, къ которой принадлежатъ и малорусская пѣсня XVI вѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ «нижеслѣдующихъ соображеніяхъ» автора.

Онъ приводитъ, по обыкновенію «полностію», древнѣйшія юго-западныя ствхотворенія, изданныя въ Острогѣ: нѣкоторыя

1) Малорусская народная пѣсни по списку XVI в., 1877 г., стр. 12.

изъ нихъ, напр. «На гербъ князя Острожскаго» 1581 года, составлены Герасимомъ Смотрицкимъ, отцомъ знаменитаго Мелетія Смотрицкаго; другія же, напр. «Хронологія» 1581 года, составлены Андреемъ Рымшей. Въ первыхъ, говоритъ авторъ, «строгий размѣръ отсутствуетъ, строки неравносложны, и лишь рима придаетъ имъ видъ стиховъ», тогда какъ у Андрея Рымши «13-сложный размѣръ строго выдержанъ». «Сравнивая размѣръ Рымши съ тѣми образцами, которые даетъ современная имъ польская теорія и практика стихотворства, замѣчаемъ», говоритъ авторъ, «полное совпаденіе приемовъ; сравнивая съ размѣрами народныхъ малорусскихъ пѣсень XVIII в. и современныхъ, находимъ также немало сходства» (77). Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія указаны двѣ такія пѣсни: «Ой джигуне, джигуне, який ти ледащо» и «Казавъ мені батько, щобъ я оженився». И въ другихъ стихотвореніяхъ Рымши, говоритъ авторъ, «мы видимъ тотъ же размѣръ, только гораздо болѣе выдержанный: съ теченіемъ времени авторъ лучше усвоилъ себѣ технику стиха, бывшаго новинкой въ юго-западной Руси». (72). А такъ какъ этотъ размѣръ оказался и въ народныхъ пѣсняхъ, то выходитъ, что творцы народныхъ пѣсень познакомились съ этой «новинкой» тогда же или немного позже того времени, какъ усвоилъ ее себѣ Рымша. Вотъ первое соображеніе г. Перетца, вытекающее изъ его хронологическихъ сопоставленій. Теперь ясно для насъ, почему онъ подозрительно относится къ 12-сложному размѣру старинной народной пѣсни, засвидѣтельствованному датой изъ XVI вѣка. Повидимому, онъ готовъ приписать и этотъ размѣръ «школьному польскому вліянію». Конечно, ограничиваясь простымъ счетомъ словъ въ стихахъ, легко найти сходство между народными пѣснями и виршами малорусскими, но это сходство вовсе не указываетъ, какъ думаетъ авторъ, «на *генетическую* зависимость между современной малорусской пѣсней и правильными силлабическими виршами XVI—XVII столѣтія». (81). Мы уже имѣли случай замѣтить раньше, что пѣсни древнѣе виршъ, поэтому и размѣръ народныхъ пѣсень нельзя выводить изъ

размѣра силлабическихъ виршъ. Пѣсня можетъ совпадать съ виршей количествомъ слоговъ въ стихѣ, но размѣръ пѣсни основанъ не на количествѣ слоговъ, которыхъ можетъ быть въ стихѣ то больше, то меньше, а на чередованіи синтактическихъ стопъ, отмѣченныхъ логическими или, лучше сказать, риторическими удареніями, при чемъ самое мѣсто ударенія въ стопѣ можетъ быть неодинаково. Синтактическая стопа можетъ совпадать съ цезурой, т. е. стихъ пѣсни можетъ дѣлиться, какъ стихъ вирши, на двѣ половины, но пѣсенная стопа — вовсе не цезура, и есть множество пѣсенъ, въ которыхъ стихи состоятъ болѣе чѣмъ изъ двухъ синтактическихъ стопъ. Наконецъ, размѣръ пѣсни находится въ большей или меньшей зависимости отъ напѣва, тогда какъ вирша не испытываетъ этой зависимости, такъ какъ она предназначалась болѣею частію для произношенія, а не для пѣнія. Всѣ эти установившіяся въ наукѣ данныя мы считаемъ нужнымъ напомнить для того, чтобы поставить вопросъ какъ разъ вопреки тому, что говоритъ г. Перетцъ о генетической зависимости пѣсеннаго размѣра отъ виршеваго: нельзя ли въ юго-западныхъ виршахъ замѣтить обратное вліяніе перваго на послѣдній?

«До половины XVII столѣтія», говоритъ г. Перетцъ, «въ малорусскомъ стихотворствѣ существуетъ рядомъ два вида стиховъ: первый — нѣчто въ родѣ рифмованной прозы съ самыми незатѣйливыми рифмами, преимущественно глагольными; второй — правильный 13, 12-сложный стихъ по образцу, продиктованному польскою поэтикой (78). Чѣмъ болѣе приближаемся къ концу XVII вѣка, тѣмъ рѣже встрѣчаемъ неискусно составленныя неравносложныя вирши въ литературѣ, но эта манера переходитъ въ народъ, и если сравнить, то между формой малорусскихъ думъ и виршъ въ стилѣ Острожской библіи 1581 г. и «Перла» Транквилліона окажется сходство, указывающее на генетическую зависимость». (80 — 81).

По поводу этихъ словъ замѣтимъ прежде всего, что стихотворный матеріалъ второй половины XVII в. почти не затронуть г. Перетцемъ ни въ 1, ни во 2 части его сочиненія. Позднѣйшая

вириша изъ старопечатныхъ изданій, помѣщенная въ этой послѣдней части, относится къ 1619 году, а затѣмъ онъ оперируетъ почти исключительно на виршевыхъ сборникахъ XVIII вѣка, при чемъ приводитъ немало виршъ, «неискусно составленныхъ», а если бы заглянулъ онъ въ монографію Костомарова «Богданъ Хмельницкій» т. III или же въ «Историческія пѣсни малорускаго народа» Антоновича и Драгоманова т. II, то встрѣтилъ бы вирши второй половины XVII вѣка, искусно составленныя и въ то же время неравносложныя. Но дѣло не въ этомъ. Можно ли согласиться съ мыслию, что размѣръ думъ произошелъ изъ виршъ «неискусно составленныхъ» — только потому, что неравносложностію стиховъ онѣ представляютъ сходство съ думами?

За разъясненіемъ этого вопроса обратимся къ народнымъ пѣснямъ. Вотъ, напр., отрывокъ одной изъ нихъ:

Годі, мати, жалувати, годі, мати, годити,
 Присіли мене діти як, калиночку квіти.
 Годі, мати, жалувати, було мене, мати, не віддавати,
 Було мене маленькою дитиною під червоюю калиною поховати.

Въ 1 стихѣ здѣсь 15 слоговъ, во 2 — 14, въ 3 — 19, въ 4 — 25. Просматривая (губ. т. V, 564), сборники народныхъ пѣсенъ, легко убѣдиться, что неравносложность стиховъ составляетъ обычную особенность ихъ. Выдѣляя глагольную риому, преобладающую въ думахъ, можно передѣлать приведенное выше четверостишіе въ отрывокъ изъ думы:

Годі, мати, жалувати, годі, мати, годити,
 Присіли мене діти, якъ калиночку квіти,
 Годі, мати, жалувати,
 Було мене, мати, не віддавати,
 Було мене маленькою дитиною під червною калиною поховати.

Очевидно, размѣръ думъ есть явленіе органическое, вытекающее изъ глубины народнаго пѣснотворчества, а не изъ плохой техники силлабическаго стиха¹⁾. Понятно послѣ этого, откуда

1) Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, стр. 1 — 38.

возникла неравносложность стиховъ въ первыхъ опытахъ юго-западнаго силлабическаго стихотворства: составители этихъ стиховъ не могли справиться съ привычкою къ вольному размѣру народныхъ пѣсенъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые лучше владѣли силлабическимъ стихомъ, постоянно отклонялись отъ правильной постройки его подъ вліяніемъ подвижнаго ударенія, присущаго всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ. Это замѣтно въ особенности на цезурѣ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ слоги посчитаны правильно. Обыкновенно въ силлабическихъ стихахъ цезура занимаетъ опредѣленное мѣсто: такъ, въ 13-сложномъ стихѣ она оканчивается большею частію на седьмомъ слогѣ (7 — 6), при чемъ возможны, конечно, и ныня комбинаціи, но подъ условіемъ единообразнаго повторенія цезуры на одномъ и томъ же слогѣ во всемъ стихотвореніи. Вотъ это однообразіе рѣдко соблюдается въ славяно-русскихъ силлабическихъ виршахъ. Цезура постоянно передвигается въ нихъ то вверхъ, то внизъ стиха, обнаруживая замѣтное тяготѣніе къ той функціи, которая исполняется въ народныхъ пѣсняхъ синтаксической стопой. Для образца приводимъ одну изъ такихъ виршъ, помѣщенныхъ во 2 части сочиненія г. Перетца. Вирша эта перепечатана имъ изъ старинной книги: «Лѣкарство на оспалый оумыселъ человѣчій», Острогъ, 1607 г. Озаглавлена она такъ:

«Прозьба чительникова о часѣ».

Часе дорогій, часе не переплачоній,
 Назбыть скупою вагою мнѣ оузычоній,
 Быстрѣй надъ морскій корабль животъ мой провадишь,
 Нѣгде для спочивеня з нами незавадишь.
 Власне якъ которые в днѣ корабля лежать,
 Здається имъ, же въ немъ стоять, вгды найпрудше бѣжать,
 Въ окомгненю ми провадишь вѣе мой в старости,
 А нѣ ся разбачити могоу въ той малости,
 Пядію бо вѣмъ (а правдиве) змѣренний вѣкъ,
 Давно пророкъ до Бога рекъ, маєтъ человекъ.
 Не смѣю ты откладати на вѣкъ потомный,
 Бомъ тебѣ не певенъ, яко человекъ оупомный,

Даруй ми то прочитати и оучивити,
 Ощо бы мя тамъ южь не могли обвинити,
 Оузычь до поправы живота якого дня,
 Пои не згасла вѣкоу моего походня.
 Если ми не сфольгуеть, певпе мя стратиш
 И южь мя тамъ и тысячею лѣтъ не заплатиш.

Стихи эти 13-сложные, за исключеніемъ шестого и послѣднихъ двухъ. Судя по первымъ тремъ стихамъ, цезура должна была бы оканчиваться на пятомъ слогѣ (5 + 8), но въ нѣкоторыхъ стихахъ, начиная съ четвертаго, выдержать ее было бы невозможно, такъ какъ пятый слогъ приходится то въ срединѣ, то въ началѣ словъ, поэтому цезура перескакиваетъ на шестой, седьмой и даже восьмой слоги. Получаются такимъ образомъ стихи, состоящіе изъ двухъ неравныхъ полустижій, т. е. неравносложные. Правда, и эта подвижная цезура не всегда дѣлитъ стихъ на двѣ такія половинны, которыя соотвѣтствовали бы тому, что называется синтактической стопой, но все-таки эти неравныя половинны въ большей или меньшей степени къ ней приближаются. Наблюдая эти явленія, мы какъ бы присутствуемъ при столкновеніи народнаго ритма съ искусственнымъ. Дальнѣйшій шагъ по этому пути есть устраненіе цезуры и расширеніе синтактической стопы въ цѣлый стихъ — безотносительно къ тому, сколько заключается въ немъ слоговъ. Это и есть своеобразный размѣръ думъ, въ которомъ слились элементы народный и искусственный: дума любить рѣому, какъ и силлабическіе стихи, но эта рѣома совпадаетъ въ ней съ законченностію отдѣльныхъ моментовъ мысли, соотвѣтствующихъ синтактической стопѣ, которая составляетъ въ ней не часть стиха, но цѣлый стихъ.

Давно ли появился этотъ размѣръ?

Заслуга г. Перетца заключается въ томъ, что онъ указалъ на сходство между неравносложностію стиховъ въ виршахъ и думахъ. И мы готовы видѣть въ неравносложныхъ виршахъ безсознательный шагъ къ размѣру думъ, съ тѣмъ существеннымъ ограниченіемъ этой мысли, что шагъ этотъ сдѣланъ былъ по

причинамъ болѣе глубокимъ, чѣмъ то случайное обстоятельство, что первые виршеслагатели не вполне овладѣли силлабическимъ стихомъ. Въ сущности немногіе изъ нихъ могли приковать подвижное русское удареніе къ силлабическимъ схемамъ по причинамъ, выше нами указаннымъ. Даже такой талантливый и опытный писатель, не сходявшій съ литературнаго поприща въ теченіе 22 лѣтъ и, конечно, хорошо знакомый съ правильными силлабическими стихами польскими и славяно-русскими, какъ Кириллъ Транквилионъ-Ставровецкій, повидимому, предпочиталъ неправильные стихи правильнымъ. Выписываемъ примѣры изъ разныхъ его сочиненій.

«На гербъ зацной фамиліи Іоана Ярмолинскаго Константиновича»:

13. Фамилія Ярмолинскихъ такъ есть славна
9. Дѣлностью справъ рыдерскихъ здавна.
14. Трохъ муровъ проломаныхъ, знакомъ сут три оурембы,
16. Левскаго сердца не застращали кривливыи трембы,
6. Крѣви розиляя
8. И огнистыхъ дѣлъ стрѣляя.

(«Зерцало Богословія», Почаевъ, 1618 г. См. Приложенія Перетца, 156).

«Эпиграмма»:

20. Въ гелмѣ презацного дому господарско Еремей славныхъ Мо-

гидловъ

10. Свѣдомъ суть таковыи клейноты:
9. Побожность, мужества и цюты.
14. Два мечѣ в справахъ рыцерскихъ смѣлость показують.
16. Лелѣя с крестомъ вѣру христіанскую знаменують.
17. В тымъ дому щираа побожность обитаеть,
15. А слава несмертельнаа на вѣки процвитаеть.

(«Учительное Евангеліе», Рахмановъ, 1619 г. См. Приложенія Перетца, 157).

«Роскошникомъ тогò свѣта... Пѣснь вдѣчнаа при банкѣтѣ пѣнски»:

8. О смѣрти несподѣвава,
 8. Тось мя, богатаго Пана,
 10. Безъ Ѡновѣди пнѣ зостага,
 15. И все красное и любимое мое забрала,
 13. И павѣки Ѡ Ѡчій мойхъ въ тмѣ сховала.
 15. Гдѣ мой пнѣ замки кошто не мѣрваными
 15. И палацы мой свѣтѣ-нелічне маліованны
 12. А шкатулы злотомъ нафасованы,
 11. Возники подъ злотомъ пубованы?
 14. Гдѣ мой пресвѣлыи златотканыи шаты,
 17. Рѣси, соболе, камзины и дороги шкатулаты?
 15. 'О смѣрти все твоѣ приходѣ Ѡ мене забрапо
 13. И павѣки Ѡ Ѡчій моихъ въ тмѣ сховано.

(«Перло многоцѣнное»).

Мы пользовались вторымъ изданіемъ «Перла многоцѣннаго», вышедшимъ въ 1699 году въ Могилевѣ (Библ. кіевопечер. Лавры, отд. VII, № 68), но первое изданіе вышло въ послѣдній годъ жизни автора въ 1646 г. въ Черниговѣ. По его словамъ, эта книга написана была въ старости и цѣнилась имъ очень высоко: «взала», какъ говоритъ онъ въ предмовѣ до чительника, «совершенство свое звѣща въ поетицкомъ хѣдѣжествѣ» и предназначалась отчасти для школъ: «в'школахъ», читаемъ въ той же предмовѣ, «бѣдѣчій студенты могѣтъ себѣ съ той книги стѣои избирати вѣрши на свою потребу, и творити з'ни ѡраціи розмайтыи часѣ потребы своеѣ, хѣчъ ѣ на комедіахъ дѣхвныѣ». Такимъ образомъ Ставровецкій считалъ, повидимому, неравносложные стихи образцомъ «поетицкаго художества», между тѣмъ стихи его, особенно послѣдніе, ничѣмъ не отличаются отъ народныхъ псалмъ, исполняемыхъ въ Малороссіи лирниками на сборищахъ народныхъ. Въ стихотворной констукціи этихъ псалмъ мы видимъ и глагольную риѣму, и неравносложность стиховъ, и совпаденіе этихъ стиховъ съ синтактической стопой, и речитативный оттѣнокъ въ исполненіи ихъ, словомъ — все тѣ черты, которыя дальше и рѣзче про-

ведены въ думахъ, на что въ свое время мы указывали¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ записей думъ изъ XVI — XVII в., поэтому трудно установить хронологию стихотворнаго размѣра ихъ, но элементы, изъ которыхъ сложился этотъ размѣръ, очевидны. Онъ отражается и въ прозаическихъ сочиненіяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка²⁾ и даже въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ отъ 1698 г. завѣщатель отказываетъ разныя свои имѣнія сыну своему съ тѣмъ, чтобы онъ «матки своей ни въ чомъ, ховай Боже, на раздражалъ, и не квилячи повольность сыновскую противъ неи оказывалъ, то есть оную чтивъ, шановавъ и поважавъ». ³⁾

Начиная съ V главы, авторъ уже не возвращается болѣе къ старопечатнымъ виршамъ начала XVII вѣка, которыя затронулъ онъ только со стороны стихотворнаго размѣра въ предыдущей главѣ. Повидимому, и для изслѣдованія рукописныхъ виршъ первой половины XVII в. онъ избралъ путеводною нитью этотъ размѣръ, понятый имъ чисто внѣшнимъ образомъ, какъ удачное или неудачное подражаніе польскимъ силлабическимъ стихамъ: по крайней мѣрѣ, останавливаясь въ V главѣ на «старыхъ текстахъ виршъ XVII вѣка», извлеченныхъ изъ рукописей, онъ даетъ въ первомъ отдѣлѣ этой главы образцы правильнаго силлабическаго размѣра, во второмъ — неправильнаго. По поводу перваго отдѣла, гдѣ приведены незначительныя вирши на Рождество Христово изъ рукописи кіево-михайловскаго монастыря начала XVII в. (№ 1738), мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ этихъ виршахъ цезура не имѣетъ надлежащей устойчивости, какъ и въ старопечатныхъ. Во второмъ отдѣлѣ этой главы рѣчь идетъ о воскресенскихъ виршахъ, какъ въ первомъ о рождественскихъ. Одна изъ этихъ воскресенскихъ виршъ напечатана по рукописи 1604 г. кіево-михайловскаго монастыря (№ 529). Начинается эта вирша такъ:

1) Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 160—161.

2) См. объ этомъ. *ibid* 36—38.

3) Кіевская старина 1882 г. Январь, 106.

Нынѣ веселый намъ день насталь,
Ижь Христосъ есть отъ мертвыхъ вѣсталь.

Всего въ виршѣ 16 стиховъ. Подобную виршу съ такимъ же количествомъ стиховъ, но съ нѣкоторыми перемѣнами, начиная съ восьмого стиха, авторъ находитъ въ рукописи виленс. публич. библіотеки (№ 233). Сопоставляя эти вирши съ таковыми же польскими, авторъ пользуется изданіемъ Бобовскаго (Polskie piesni Katolickie, Krakow, 1893 г.) и находитъ въ одной изъ нихъ XV вѣка, состоящей изъ девяти стиховъ, сходное начало:

We soły namъ dsień nastal,
Gdy Pan Chrystusъ zwyciężył.

По мнѣнію Бобовскаго, вирша эта «исходитъ отъ какой-то неизвѣстной латинской пѣсни». То же сходное начало и въ Касуона! ахъ XV и XVI в. Но все-таки «въ малорусскихъ стихотвореніяхъ, говоритъ г. Перетцъ, мы не можемъ найти буквального сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ польскихъ текстовъ». (88). Въ виду этого обстоятельства, а также въ виду отсутствія рѣзкихъ полонизмовъ и правильнаго размѣра авторъ считаетъ возможнымъ предположить и для малорусской вирши общій съ польскимъ и болѣе древній источникъ. (89).

Затѣмъ идетъ далѣе по рукописи Импер. публ. библ. (Q. XIV. № 25) текстъ воскресенской вирши XVIII вѣка — польскій, но переписанный русскими буквами. По содержанію она не имѣетъ ничего общаго съ малорусской виршей, но начинается, какъ и эта послѣдняя, словами:

Веселый намъ есть дзѣнь насталь,
Кторого знасъ кажды жондаль.

Послѣ этого приведены по рукописи XVIII в. изъ собранія кн. Вяземскаго (Q. N LXXVII) двѣ вирши. Одна изъ нихъ съ припѣвомъ «радуйтесь» начинается словами:

Светелъ празникъ днесъ насталь,
пбо Христосъ зъ мертвыхъ восталъ.

Другая съ припѣвомъ «аллилуя» начинается словами:

Весели нам днес день насталь,
Кторого Христос з мертвых встал.

Обѣ эти вирши не сходны между собою по содержанію. Всѣ же онѣ сходны между собою только началомъ, да еще въ двухъ виршахъ (изъ рукоп. Импер. публич. библ. и изъ рукоп. кн. Вяземскаго) есть общій припѣвъ «аллилуя».

Вотъ въ немогихъ словахъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ авторъ считаетъ и вирши изъ рукописи кн. Вяземскаго переводомъ съ польскаго, хотя самъ же говоритъ, что оригиналовъ польскихъ виршъ онъ нигдѣ не отыскалъ (92), а въ языкѣ двухъ послѣднихъ виршъ не находятъ никакихъ полонизмовъ. Въ виду этой послѣдней черты для насъ остается непонятнымъ, почему онъ не предположилъ для этихъ виршъ такъ же, какъ и для первой изъ рукописи кіево-михайловс. монастыря, «болѣе древній источникъ?» Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ, вмѣсто всѣхъ этихъ натянутыхъ параллелей и сближеній, можно было бы говорить только объ усвоеніи этой группой виршъ начальныхъ двухъ стиховъ изъ латино-польскаго источника.

Перейдемъ къ VI главѣ «О малорусскихъ виршахъ въ польскихъ рукописныхъ сборникахъ XVII — XVIII в.». Состоитъ она изъ пяти отдѣловъ, въ которыхъ, по словамъ автора, «сведены въ одну общую картину лишь нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что поляки XVII вѣка охотно заносили въ свои записныя книжки произведенія малорусскаго творчества» (93). «Эти заимствованія», говоритъ авторъ въ концѣ главы, «частію происхожденія искусственнаго — вирши школьняковъ; частію народнаго, какъ колядки; частію же обработки народно-религіозныхъ легендъ польскими писателями» (123). Любопытно знать, что побуждало ихъ къ этимъ заимствованіямъ. По мнѣнію автора, разныя причины. Удачнѣе всего, по нашему мнѣнію, разъяснено въ пятомъ отдѣлѣ этой главы появленіе апокрифическихъ народныхъ сказаній въ польскихъ драмахъ, составленныхъ іезуитами, которые имѣли въ виду «обличить и осмѣять православное простонародье, пользуясь повѣрьями и отзвуками апокрифовъ, отра-

жившихся въ народной легендѣ и сказкѣ» (121). Что касается до другихъ причинъ, то въ указаніи ихъ мы находимъ нѣкоторую сбивчивость. Такъ, въ одномъ сборникѣ Имп. пуб. библ. Разнояз. О. XVII. № 11 авторъ нашелъ стихотвореніе историческаго содержанія изъ эпохи Богдана Хмельницкаго. Это любопытный вариантъ къ пѣснѣ о пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанной нами съ объясненіями въ Archiv'ѣ Ягича. Побужденіемъ къ помѣщенію этого стихотворенія въ польскомъ сборникѣ служило, по словамъ автора, «непріязненное чувство, съ которымъ побѣдители торжествовали побѣду». (105). Но во второмъ отдѣлѣ VI главы приведено изъ другого польскаго сборника стихотвореніе изъ той же эпохи Богдана Хмельницкаго, гдѣ говорится о пораженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ. Замѣчательно, что въ обширномъ кругѣ стихотвореній на латинскомъ и польскомъ языкахъ о событіяхъ временъ Богдана Хмельницкаго нѣтъ ни одного о Желтоводской побѣдѣ козаковъ. Какъ же оно очутилось въ польскомъ сборникѣ? Объ этомъ ничего не говоритъ г. Перетцъ, подрывая молчаніемъ своимъ высказанныя имъ выше соображенія о «непріязненномъ чувствѣ поляковъ-побѣдителей».

Въ четвертомъ отдѣлѣ V главы говорится о записяхъ малорусскихъ колядокъ въ польскомъ сборникѣ. Одну изъ этихъ колядокъ авторъ нашелъ въ польской рукописи, датированной 1719 годомъ, Имп. пуб. библ. О. XIV, № 4. Онъ сопоставляетъ ее съ псалмой юго-западнаго происхожденія, помѣщенной Безсоновымъ въ «Каликахъ переходящихъ» (вып. 4, № 309), но уже приобрѣвшей будто бы на великорусской почвѣ нѣкоторыя церковнославянскія формы (115). Псалма эта, по мнѣнію автора, представляетъ разницу сравнительно съ предыдущей виршей въ содержаніи и въ языкѣ, а сходство въ размѣрѣ, нѣкоторыхъ римахъ и полонизмахъ. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что «мы имѣемъ дѣло съ переходомъ и въ польскій и въ великорусскій сборникъ малорусской псалмы на Рождество» (115). Не отрицая возможности такого перехода, мы не видимъ доказательствъ,

что въ первоначальной редакціи эта псалма на Рождество не происходитъ изъ того же польскаго источника. Правда, авторъ въ защиту своей мысли говоритъ: «отыскивая въ сборникахъ пѣсенъ и кантовъ ея возможный польскій оригиналъ, мы ничего подходящаго пока не нашли» (111). Такимъ образомъ въ V главѣ отсутствіе польскаго оригинала не помѣшало автору признать нѣкоторыя вирши переводомъ съ польскаго, а здѣсь совсѣмъ наоборотъ — то же обстоятельство — отсутствіе оригинала, пока еще не отысканнаго, располагаетъ его къ иному выводу.

Но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не видимъ у автора доказательствъ той или иной мысли, то въ другихъ случаяхъ находимъ ненужное изобиліе ихъ. Въ третьемъ отдѣлѣ IV главы онъ помѣщаетъ юмористическую пѣсню о попѣ, который пропилъ не только все свое хозяйство — «коники и волы», но даже «ризы и патрахиль». По поводу этой пѣсни авторъ высказываетъ мысль, что составитель польскаго сборника внесъ въ него малорусскую пѣсню, осмѣивающую православное духовенство, побуждаемый враждебнымъ чувствомъ къ нему, и затѣмъ выдвигаетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о порчѣ нравовъ въ средѣ духовенства не только малорусскаго, но и великорусскаго, и притомъ не только изъ эпохи Петра Могилы, но и изъ эпохи Дмитрія Ростовскаго. Все это намъ кажется излишнимъ балластомъ, не соответствующимъ цѣли. Замѣтимъ, между прочимъ, что этого балласта нѣтъ въ статьяxъ г. Перетца, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи.

VII глава состоитъ изъ восьми отдѣловъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Къ вопросу о польскомъ вліяніи на русскую поэзію XVII — XVIII в.». Слова «къ вопросу» показываютъ, что авторъ не имѣлъ въ виду всего вопроса. Но разъ поставлены въ заглавіи два вѣка, то мы желали бы разобраться въ хронологическихъ моментахъ этого вліянія, т. е. отдѣлить въ немъ то, что относится къ одному вѣку, отъ того, что относится къ другому. Впрочемъ, эта неясность представленія о томъ, что и когда оказывало вліяніе, облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что почти весь польскій матеріалъ, о которомъ говорятъ г. Перетцъ, нашелъ онъ въ

сборникахъ XVIII вѣка, поэтому все содержаніе этой главы мы должны отнести главнымъ образомъ къ XVIII в. Гораздо больше недоумѣній вызываетъ самый объектъ польскаго вліянія, т. е. русская поэзія. Что разумѣть авторъ подъ русскою поэзіей — великорусскую, малорусскую или ту и другую вмѣстѣ? Еще въ началѣ VI главы онъ высказалъ мысль, что «говорить о вліяніи польской поэзіи на малорусскую въ виду массы памятниковъ, обнаруживающихъ наличность этого вліянія, представляется излишнимъ». (93). Можно думать поэтому, что онъ имѣетъ въ виду непосредственное вліяніе польской поэзіи на великорусскую. Въ дѣйствительности, въ VII главѣ онъ указываетъ на цѣлый рядъ великорусскихъ сборниковъ, переполненныхъ польскимъ матеріаломъ. Но въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ этой главы онъ анализируетъ вирши, перешедшія изъ малорусскихъ сборниковъ въ великорусскіе. И противъ этого мы ничего не имѣемъ, но въ этой пестрой славяно-малорусско-польской мозаикѣ мы не находимъ элементовъ великорусской поэзіи, поэтому не можемъ составить яснаго представленія о вліяніи на нее польской виршевой поэзіи. «Сначала», говоритъ авторъ, «мы обратимся къ такимъ псалмамъ, въ которыхъ сказалась рука переводчика, болѣе или менѣе потрудившагося, вложившаго въ свой переводъ долю оригинальности, сравнительно съ образцомъ, а затѣмъ уже укажемъ переводы, представляющіе тѣ же польскіе тексты, лишь переписанные кириллицей». (124 — 125). Гдѣ же тутъ русская поэзія? Конечно, ея нѣтъ въ польскихъ текстахъ, «переписанныхъ кириллицей», которые авторъ почему то называетъ переводами. Остается предположить ее въ тѣхъ виршахъ, въ которыхъ «сказалась рука переводчика», но въ славяно-малорусскихъ стилистическихъ крупницахъ, собранныхъ авторомъ, по нашему мнѣнію, едва ли можно видѣть русскую поэзію въ серьезномъ смыслѣ этого слова.

Въ первомъ отдѣлѣ VII главы авторъ разбираетъ одну «польскую виршу» о *próznosci świata*, которая начинается словами: «*jest zdrada w świecie*». Онъ приводитъ ее по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XVII. № 79 XVII — XVIII в., сопоставляя съ печатнымъ

текстомъ по сборнику, изданному въ Гроднѣ въ 1829 г. Сопоставленіе это приводитъ его къ выводу, что вирша это была переведена съ польскаго не позже начала XVIII в. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ это было такъ, но мы не рискнули бы для оправданія этой возможности дѣлать характеристику самаго труда переводчика, «сравнивая переводъ ея съ предполагаемымъ оригиналомъ строфу за строфой» (147). Мы находимъ это невозможнымъ за отсутствіемъ оригинала. Самъ авторъ сознается, что «польскій текстъ, дошедшій до насъ, могъ быть подвергнутъ за 100 лѣтъ передѣлкамъ» (149), однако же употребляетъ немало труда на сравнительный анализъ этой вирши: почти на 10 страницахъ онъ печатаетъ ее «полностію», на 5 страницахъ приводитъ варианты къ ней по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 25, — и все это для того, чтобы прійти къ сомнительнымъ заключеніямъ. Тѣмъ болѣе это непонятно, что, говоря о рождественскихъ псалмахъ, помѣщенныхъ у Безсонова, авторъ счтаетъ «главнымъ недостаткомъ сопоставленій» его то, что «онъ пользовался для этой цѣли новыми польскими текстами, сравнивая съ ними славянонорусскіе съ начала XVIII вѣка, частію восходящіе къ XVII в.» (175). Но это какъ разъ тотъ самый недостатокъ, который такъ рѣзко бросается въ глаза въ сопоставленіяхъ самаго г. Перетца.

Тотъ же пріемъ онъ употребляетъ и въ анализѣ другой вирши, начинающейся словами: «По что миръ гордится во временнѣ славѣ», по рукописи Имп. пуб. биб. Q, XVII, № 212, относящейся будто-бы къ XVII в. (151). Говоримъ *будто бы*, потому что, судя по выпискамъ изъ этой рукописи, приведеннымъ у самаго автора (303), она относится скорѣе къ XVIII, чѣмъ къ XVII вѣку.

Но если за отсутствіемъ современнаго польскаго оригинала трудно говорить объ особенностяхъ перевода той или иной вирши на славянонорусскую рѣчь, то эта трудность увеличивается, когда вѣтъ подъ руками и позднѣйшаго польскаго текста, да еще въдобавокъ анализируемая вирша осложнена переводомъ на малорусскій литературный языкъ, послѣ чего уже перешла на велико-

русскую почву. Это мы видимъ на анализѣ вирши, начинающейся словами: «Самъ я не знаю, якъ на свѣтѣ жити». Авторъ хочетъ опредѣлить «источники, элементы, изъ которыхъ сложилась она» (160). Для этого онъ приводитъ двѣ пьесы изъ рукописи виленс. пуб. биб. № 233. Тема этихъ пьесъ одна и та же — изображеніе душевной борьбы между страхомъ смерти и потребностію «жити и еще грѣшати». Вторая пьеса заканчивается обращеніемъ къ Богоматери съ мольбой о помощи. Въ рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 мы имѣемъ уже сложный текстъ, образовавшійся изъ сліянія двухъ виленскихъ пьесъ. Допуская это послѣднее предположеніе, авторъ не оградилъ его отъ иного предположенія о томъ, что виленскія пьесы могли образоваться посредствомъ разложенія цѣльнаго текста, такъ какъ виленскій сборникъ, во всякомъ случаѣ, не древнѣе петербургскаго. Но допустимъ, что такое сліяніе состоялось. Слѣдуетъ затѣмъ вопросъ, когда и гдѣ? Авторъ указываетъ на нѣкоторые полонизмы петербургской вирши, которые, по его мнѣнію, «показываютъ, что сліяніе восходитъ къ польскому тексту». (163). Точно ли *показываютъ*, если мы знаемъ, что полонизованною славяно-малорусскою рѣчью могли писать и дѣйствительно писали малороссіяне? Указавъ варианты этого сложнаго текста по списку Академіи наукъ 1729 года и по списку Грушевскаго 1727 года, т. е. по спискамъ болѣе древнимъ, чѣмъ рукопись вил. пуб. биб., гдѣ нѣтъ еще сложнаго текста, авторъ приводитъ наконецъ тотъ же сложный текстъ по другой рукописи XVIII в. Имп. пуб. биб. Q XIV, № 16. Въ этомъ текстѣ онъ отмѣчаетъ «сравнительное изобиліе явныхъ и намѣренно вставленныхъ церковно-славянскихъ, хотя не обошлось и безъ полонизмовъ, подчасъ довольно рѣзкихъ, въ родѣ «упадлого» (166). Прибавимъ отъ себя, что немало въ этомъ текстѣ есть и малорусскихъ. И вотъ на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ авторъ дѣлаетъ выводъ, что путемъ постепенной «руссификаціи»¹⁾ заимствованнаго текста вѣроятно всего и полу-

1) Кавычки принадлежать автору.

чился тотъ текстъ, который читается въ рукоп. Имп. пуб. биб. Q XIV, № 25» (166). Замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ текстѣ нѣтъ еще рѣзкихъ славянизмовъ, которые встрѣчаются въ текстѣ изъ рукоп. Имп. пуб. биб. O. XIV, № 16 и которые авторъ считаетъ самымъ рѣшительнымъ признакомъ «руссификаціи», разумѣя подъ этой послѣдней то, что вирша «перешла уже на великорусскую почву». (159). Но если мы вспомнимъ, что славянизмы — обычное явленіе въ славяно-малорусской рѣчи, и что во всѣхъ петербургскихъ спискахъ этой сложной вирши нѣтъ великорусскихъ особенностей рѣчи, то при чемъ же тутъ «руссификація» въ великорусскомъ смыслѣ этого слова? Поневоля приходится согласиться съ авторомъ, что «при наличности немногихъ вариантовъ трудно установить какую-бы то ни было зависимость между текстами такихъ подвижныхъ сборниковъ, какъ наши». (166). Не менѣе справедливо и другое замѣчаніе его, что «настоящій матеріалъ нуждается въ дополненіяхъ, и только тогда, когда будутъ извѣстны многія другія псалмы, можно установить ея исторію». (169). Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же преждевременно браться за эту исторію?

Другая меньшая половина VII главы, согласно съ планомъ автора, посвящена буквальнымъ заимствованіямъ съ польскаго. Здѣсь почва тверже главнымъ образомъ потому, что авторъ имѣетъ дѣло съ такими псалмами, которыя представляютъ ничто иное, какъ переписку польскихъ псесъ русскими буквами. Такимъ образомъ отсутствіе польскихъ оригиналовъ здѣсь восполняется грубой очевидностію заимствованій, и не было никакой надобности говорить ни о литературныхъ оттѣнкахъ въ переводѣ польскихъ оригиналовъ, ни о постепенной руссификаціи ихъ. Автору предстояла поэтому болѣе простая задача каталогизаціи заимствованныхъ польскихъ псесъ сперва духовнаго содержанія, а потомъ свѣтскаго. Не совсѣмъ только понятно для насъ, какимъ образомъ попали въ первый разрядъ псесъ указанія на псесы изъ сборника Грушевскаго (до 1727 г.), и почему онѣ не внесены въ послѣдній отдѣлъ главы о заимствованіяхъ съ польскаго пѣсенъ свѣтскихъ.

Если причиной этого было то обстоятельство, что сборникъ Грушевскаго малорусскій, а не великорусскій, то ему не мѣсто было въ обзорѣ польскихъ пьесъ, «находящихся въ великорусскихъ сборникахъ XVIII вѣка» (190). Что касается до этихъ пьесъ, то онѣ исчисляются главнымъ образомъ по двумъ рукописямъ Имп. пуб. биб. XVIII в. Q, XIV №№ 141 и 25. Рукописи эти описаны и въ «Приложеніяхъ» къ 1 тому (часть 2), гдѣ встрѣчаемъ начальные стихи тѣхъ же пьесъ. Эта двойная перепечатка начальныхъ стиховъ вмѣсто простой ссылки на «Приложенія» объясняется, повидимому, желаніемъ показать нагляднымъ образомъ, «съ какой силой и въ какомъ количествѣ переходили западно-русскія и польскія поэтическія произведенія въ низшій слой читающаго общества XVIII в.» (188). Намъ показалось только страннымъ, что въ одномъ мѣстѣ авторъ считаетъ «фактъ переноса польскихъ псалмъ и пѣсенъ цѣликомъ достаточно извѣстнымъ, чтобы на немъ долго останавливаться» (179), а въ другомъ мѣстѣ, говоря о польскихъ вліяніяхъ на русскую читающую публику, называетъ эту идею гипотезой (194).

VIII глава представляетъ сводъ данныхъ о «малорусскомъ вліяніи въ Москвѣ въ XVII — XVIII в.» Мы бы сказали: не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ въ эпоху просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и послѣ. Собственно говоря, это вводная глава къ цѣлому ряду слѣдующихъ за нею главъ о малорусскихъ пѣсняхъ на великорусской почвѣ въ XVIII в. Въ ней собраны въ одно цѣлое извѣстные факты о появленіи въ Москвѣ въ XVIII в. новыхъ эстетическихъ вѣяній въ церковномъ пѣніи, о пробужденіи вкуса къ стихотворнымъ произведеніямъ религіознаго содержанія, о «рямотворной» псалтири Симеона Полоцкаго, о «легкой поэзій» при Петрѣ Великомъ, «лишенной всякой религіозной окраски», о малорусскихъ пѣсняхъ и ихъ распространителяхъ въ Великороссіи, объ учителяхъ-малороссіянахъ-бандуристахъ, придворныхъ пѣвчихъ и проч. По поводу этой главы мы ограничимся только указаніемъ на нѣкоторыя хронологическія несоотвѣтствія въ ней. На стр. 204 авторъ говоритъ, что

«Симеону Полоцкому принадлежит заслуга введенія пѣнія духовныхъ виршъ въ пѣсенный обиходъ великорусскихъ грамотеевъ и любителей», а пѣсколько выше, на стр. 202 онъ приводитъ изъ «риѣмотворной» псалтири слова самого Симеона Полоцкаго, изъ которыхъ видно, что онъ засталъ уже въ Москвѣ любовь «къ сладкому и согласному пѣнію польскія псалтири, стѣховно преложенныя». Что касается до малорусскихъ виршъ, то авторъ самъ не сомнѣвается, что еще при патріархѣ Никонѣ, задолго до появленія псалтири Полоцкаго (1680 г.), выписанные изъ Малороссіи пѣвцы привезли съ собою «образцы виршевой западно-русской поэзіи, положенныя на поты» (212). На стр. 207, характеризуя русское общество, затронутое реформой Петра Великаго, авторъ говоритъ о малорусскихъ бандуристахъ, пользовавшихся въ лучшихъ домахъ Петербурга популярностью; «очевидно», прибавляетъ онъ, «старая традиція не исчезла». Но въ Москвѣ, судя по фактамъ, на которые ссылается г. Перетцъ (197), о малорусскихъ бандуристахъ еще ничего не знали. Еще одно замѣчаніе. Такъ какъ авторъ стремится, по-видимому, къ подробному изложенію фактовъ относительно представителей малорусскаго искусства въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, то можно было бы, по нашему мнѣнію, упомянуть о томъ, что извѣстный Алексѣй Разумовскій, послѣ потери голоса, переименованъ былъ изъ придворныхъ пѣвчихъ въ придворные бандуристы. При Елисаветѣ Петровнѣ извѣстенъ и другой придворный бандуристъ — Григорій Михайловичъ Любистокъ, который въ 1743 г. пожалованъ былъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ былъ въ полковники¹⁾. Въ дневникѣ Хапенка есть упоминанія о другихъ придворныхъ бандуристахъ болѣе ранняго времени²⁾.

IX глава носитъ названіе: «Старшіе сборники малорусскихъ пѣсенъ начала XVIII вѣка». По этимъ сборникамъ авторъ дѣлаетъ характеристику репертуара малорусскихъ бандуристовъ

1) Дневникъ Маркевича, т. II, стр. 182, 191.

2) Киевская Старина 1884 г. августъ. Стр. 71, сентябрь, стр. 81.

того времени. Такихъ сборниковъ оказалось всего два—М. Грушевскаго, напечатанный въ Запискахъ науковаго товарищества имени Шевченка, т. XV и XVII, и сборникъ Академіи Наукъ, № 16. 6. 29. Есть указанія въ томъ и другомъ сборникѣ, что вирши и пѣсни записаны въ нихъ были раньше тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Авторъ описываетъ пѣсни свѣтскаго содержанія въ обоихъ сборникахъ. Въ краткихъ словахъ онъ излагаетъ содержаніе этихъ пѣсенъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что «въ нихъ есть нѣчто новое сравнительно съ старымъ великорусскимъ репертуаромъ, именно представленіе о «кавалерахъ», «дамахъ» и проч. (215). Гораздо подробнѣе онъ говоритъ объ Академическомъ сборникѣ. Какъ и въ сборникѣ М. Грушевскаго, онъ не только отмѣчаетъ содержаніе 12 пѣсенъ, но приводитъ выдержки изъ нихъ, помѣщая цѣликомъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ во второй части своего труда. Выдержки эти предназначены для характеристики составителя сборника Дзюбаревича. Основываясь на разныхъ записяхъ и припискахъ къ сборнику, авторъ предполагаетъ, что Дзюбаревичъ былъ козакъ гадяцкаго полка, сидѣвшій подъ арестомъ и въ это время записавшій нѣсколько пѣсенъ, изображающихъ «его тоскливое настроеніе въ заключеніи». (217). Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о разлукѣ съ милой, о жизни на чужбинѣ онъ усматриваетъ автобіографическія черты составителя сборника. — Замѣтимъ только, что въ припискахъ къ сборнику Дзюбаревичъ называетъ себя собственникомъ его и «работомъ Божиимъ», а не козакомъ, — что на 55 листѣ сборника написано только: «Арестантъ полку гадяцкаго» — безъ объясненія, кто этотъ арестантъ, — что псалмы и пѣсни записаны разными почерками, которыхъ г. Перетцъ насчиталъ шесть. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ гипотеза его о личности Дзюбаревича кажется намъ недостаточно обоснованной, тѣмъ болѣе, что и пѣсни о разлукѣ съ милой, о жизни на чужбинѣ состоятъ изъ общихъ мѣстъ — безъ всякихъ слѣдовъ индивидуальныхъ указаній и даже намековъ. Единственная пѣсня, которая могла бы относиться къ личности Дзюбаревича, это псалма о Дербентскомъ походѣ

(1722 г.), если бы г. Перетцъ далъ надлежащую справку о томъ, что псалма эта написана почеркомъ того самого лица, которое въ припискахъ къ сборнику называетъ себя собственникомъ его. Что касается этой псалмы, то она отличается историческимъ реализмомъ, ясно выступающимъ изъ сопоставленія ея съ запиской XVIII в. о томъ же походѣ, изъ которой г. Перетцъ удачно выбралъ соответствующія мѣста. Съ полною основательностію онъ говоритъ, что псалма эта показываетъ намъ, «въ какой средѣ и при какихъ обстоятельствахъ складывались иногда памятники малорусской поэзіи — по горячимъ слѣдамъ событій, какъ они затѣмъ распространялись и находили откликъ въ народной массѣ» (224). Благодаря этому освѣщенію, мы присутствуемъ, такъ сказать, при самомъ зарожденіи исторической народной пѣсни, и если не встрѣчаемъ ее въ народной обработкѣ, то, вѣроятно, потому, что Дербентскій походъ заслоненъ былъ другими быстро надвигавшимися событіями.

Заканчивается IX глава словами: «другія пѣсни сборника Дзюбаревича, изъ сличенія съ данными современной малорусской поэзіи, обнаруживаютъ свою связь съ послѣдней, унаслѣдовавшей обороты и приемы отъ далекой старины, когда то, что теперь считается народнымъ, таковымъ не было». (224). Но во-1) такого «сличенія» въ данномъ случаѣ произведено не было, слѣдовательно, и выводъ можно считать преждевременнымъ. Во-2) едва ли можно считать первыя десятилѣтія XVIII в. «далекой стариной». Въ-3) обращеніе къ Венерѣ и тому подобныя литературныя приемы, какъ тогда не считались, такъ и теперь не считаются народными.

X глава посвящена обзору малорусскихъ пѣсенъ въ великорусскихъ запискахъ начала XVIII в. Имѣя въ виду подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ въ отдѣльной работѣ, г. Перетцъ извлекаетъ изъ рукописнаго матеріала XVIII в. только нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ, усвоенныхъ въ Великороссіи. — Вся глава распадается на семь отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ слѣдитъ «за исторіей одной пе-

кусственной пѣснп — въ *народномъ* употребленіи (227). Называетъ онъ эту пѣсню элегіей малорусскаго происхожденія и приводитъ ее по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141. Начинается она словами: «Во печали во великой всегда пребываю» и изображаетъ огорченіе молодца, жалующагося на двуличныя отношенія къ нему дѣвицы. Въ великорусской обработкѣ этой элегіи по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11 молодець жалуется уже не на дѣвицу, а на разлучниковъ, на чужую сторону. Во второмъ вариантѣ этой пѣсни по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12 тѣ же слова идутъ уже не отъ молодца, а отъ дѣвицы. Въ виду разнаго содержанія этихъ трехъ пьесъ можно ли назвать ихъ вариантами одной пѣсни? Можно ли затѣмъ говорить о «народномъ» употребленіи ихъ, не имѣя ни одной изъ этихъ пѣсенъ въ народной редакціи, записанной изъ устъ народа? По нашему мнѣнію, по поводу этихъ трехъ стихотвореній можно лишь сказать, что изъ малорусскаго стихотворенія великорусскіе авторы заимствовали только шесть стиховъ, напечатанныхъ у автора разрядкой.

Во второмъ отдѣлѣ приводится другая элегія тоже малорусскаго происхожденія по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 съ вариантами по рукописямъ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12 и O. XIV, № 12. Въ вариантахъ есть нѣкоторыя особенности — тоже книжныя. Авторъ, однако же, думаетъ, что «малорусская пѣсня (а не вирша) сначала должна была, пройдя черезъ болѣе образованную великорусскую среду, сбросить свою чуждую виѣшность, утратить или смягчить полонизмы и малоруссизмы, а затѣмъ уже перейти въ среду простонародья» (233). Мы тоже готовы думать, что все это возможно было, но въ данномъ случаѣ за однимъ остановка: авторъ не указалъ, какія новыя черты приобрѣла эта тяжеловѣсная любовная вирша въ средѣ великорусскаго простонародья.

Въ третьемъ отдѣлѣ говорится о пѣсняхъ, имѣющихъ темой приглашеніе къ себѣ дѣвицей молодца переночевать или прямо въ гости. Сперва приводится текстъ этой пѣсни по рукописи Имп.

пуб. биб. Q. XIV, № 141,¹⁾ — затѣмъ исчисляются варианты по изданіямъ народныхъ пѣсенъ Соболевскаго и Чубинскаго. Для сравнительной оцѣнки основного текста, по нашему мнѣнію, особенно важень старшій великорусскій вариантъ, находящійся въ рукописномъ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11. Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ его, вопреки своему обыкновенію, ни «полностію», ни въ отрывкахъ: мы знаемъ только два начальныхъ стиха этого варианта изъ 2 части труда г. Перетца (117). Въ виду этого, мы должны довольствоваться заявленіемъ его, что «первоначальный текстъ пѣсни былъ близокъ къ той схемѣ, которая установлена по старшимъ вариантамъ» (237). Авторъ думаетъ, что «текстъ этотъ явился въ началѣ XVIII в. на великорусской почвѣ и къ срединѣ вѣка успѣлъ уже приобрѣсти новыя черты и великорусскую окраску». (237). Что же именно явилось — текстъ *пѣсни* или текстъ *вирши*, разработавшей одинъ только пикантный эпизодъ пѣсни, съ примѣсью той слащавости, которая чужда народной пѣснѣ, гдѣ выступаетъ энергическая дѣвушка, оскорбленная въ своемъ интимномъ чувствѣ? Мы думаемъ, вопреки мнѣнію автора, что въ великорусскіе сборники попала не пѣсня, а вирша, пеказившая пѣсню, которая, во всякомъ случаѣ, существовала уже до появленія вирши.

Въ четвертомъ отдѣлѣ говорится о малорусскихъ передѣлкахъ малорусскихъ виршъ, объ одномъ рождественскомъ кантѣ Сковороды — произведеніи, которому надлежащее мѣсто было бы въ VII главѣ, такъ какъ оно сочинено было подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго канта, — о передѣлкѣ Котляревскимъ извѣстной пѣсни Сковороды «Голова всяка имѣетъ смыслъ», а также объ извѣстной пародіи Котляревскаго на старинную псалму «О, горе мнѣ, грѣшнику сущу». Всѣхъ этихъ передѣлокъ авторъ не указываетъ въ великорусскихъ сборникахъ, поэтому намъ

1) Первые стихи этой пѣсни авторъ считаетъ общимъ народно-поэтическимъ мѣстомъ и дѣлаетъ ссылку на рукопись Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127. Л. 87, об. Судя по оглавленію пѣсенъ этой рукописи, напечатанному въ Приложеніяхъ, ссылка эта оказывается невѣрной: (Часть II, стр. 111).

остається непонятнымъ, почему онѣ помѣщены въ главѣ, которая носитъ названіе: «Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ записяхъ начала XVIII в.» Это тѣмъ болѣе странно, что самъ онъ отмѣчаетъ годъ рожденія Сковороды (1722), а драматическія прозведенія Котляревскаго, гдѣ помѣщены пародіи его на старинныя псалмы, написаны уже въ XIX в.

Пятый отдѣлъ X главы авторъ начинаеть указаніемъ на заманчивыя перспективы въ изученіи книжнаго пѣснотворчества. «Интересно прослѣдить», говоритъ онъ, «какое вліяніе въ смыслѣ созданія новыхъ образцовъ легкой поэзіи оказала стихотворческая дѣятельность южнорусскихъ выходцевъ въ сѣверной Московскій Россіи. Авторы-великоруссы для созданія пѣсенокъ берутъ за образцы вирши южнорусскихъ стихотворцевъ. Подражая имъ въ формѣ, отчасти и въ содержаніи, заимствуя обороты и мысли, повторяя даже малорусскія рѣмы, великоруссы, можетъ быть и не преднамѣренно, вносятъ въ модныя пѣсенки нѣкоторые народныя образцы» (240). Какъ на характерный образецъ такого явленія, онъ указываетъ по рукописному сборнику второй половины XVIII в. Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127 на одну элегію, очень близкую къ извѣстной элегіи Теофана Прокоповича: «Плачетъ пастушекъ въ долгомъ ненастіи».

Здѣсь мы должны прервать на время изложеніе мыслей автора объ этомъ поэтическомъ подражаніи Теофану Прокоповичу, потому что онъ, какъ это часто дѣлаетъ въ своихъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, «попутно» останавливается на поэтической дѣятельности самого Прокоповича. Не входя въ критическую оцѣнку этой дѣятельности, онъ ограничивается двумя-тремя словами по адресу архіеп. Филарета, сомнѣвавшагося въ поэтическомъ талантѣ Прокоповича, а затѣмъ приводитъ списокъ латинскихъ и русскихъ стихотвореній Прокоповича, руководствуясь изданіемъ «Словъ и рѣчей» его 1760 — 1774 годовъ и «Обзоромъ русской духовной литературы» архіеп. Филарета. Списокъ этотъ онъ дополняетъ указаніемъ на стихотвореніе Теофана Прокоповича по поводу смерти Варлаама Ясинскаго по

рукописи Кіево-Михайлов. монастыря № 569 и польскимъ стихотвореніемъ Прокоповича по рукописи того же монастыря № 526. Последнее стихотвореніе, какъ говоритъ авторъ, «озаглавлено именемъ Прокоповича, хотя и странными буквами А. Р.» (248). По его мнѣнію, польское стихотвореніе Прокоповича представляетъ сходство съ элегіей его: «Плачетъ пастушекъ въ долгомъ ненастїи». По нашему мнѣнію, за исключеніемъ элегическаго тона, сходства между этими стихотвореніями ни въ замыслѣ, ни въ поэтическихъ образахъ нѣтъ.

Послѣ этого экскурса, который занимаетъ у автора восемь страницъ (241 — 248), возвратимся вмѣстѣ съ нимъ къ элегїи неизвѣстнаго автора, подражавшаго Прокоповичу. Дѣйствительно, въ пей ясны слѣды подражанія не только въ настроенїи, но, что особенно важно, въ поэтическихъ образахъ. Замѣтимъ, что авторомъ ея г. Перетцъ считаетъ малороссїянина, но переписана элегія, по его мнѣнію, несомнѣнно великоруссомъ. (249). Затѣмъ во второй части ея онъ подробно анализируетъ поэтическій образъ, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ элегїи:

Ой колибъ возможно мѣтъ пѣрья орловы,
 Колибы достать можно крылья дадѣлевы,
 Полетелъ бы туда, куда мысль справляе,
 Ой гдѣ мое сердце в радости жит чае.

Авторъ слѣдитъ за развѣтїемъ символа: сильное желаніе, порывъ воли-полетъ птицы, ея крылья — въ народныхъ пѣсняхъ. Онъ нагромождаетъ массу отрывковъ изъ народныхъ пѣсенъ не только великорусскихъ, бѣлорусскихъ, но и угрорусскихъ, сербскихъ, болгарскихъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ этому символу. Между прочимъ, онъ приводитъ отрывокъ изъ одной пѣсни Дмитріева, гдѣ встрѣчается тотъ же символъ, справедливо усматривая въ ней обработку народнаго мотива. Нѣкоторыя народныя пѣсни этого рода, по его мнѣнію, «опираются, какъ на источникъ, на пѣсню Дмитріева» (255), другія — независимы отъ нея, есть даже такія, которыя могли служить для нея оригиналомъ. (Ibid). Всѣ эти мнѣнія высказаны безъ достаточныхъ

основаній, потому только, что такъ кажется автору, или, какъ онъ выражается, «на нашъ взглядъ» (254). Къ чему же приводитъ автора этотъ новый экскурсъ отъ стр. 251 до 260? Къ тому выводу, что во второй части своей элегіи «неизвѣстный намъ авторъ послѣдовалъ народной поэзіи и повторилъ одинъ изъ распространенныхъ образовъ ея» (260). Намъ кажется, что для этого очевиднаго вывода потрачено было слишкомъ много усилий. А главное не въ томъ: судя по вводнымъ строкамъ этого отдѣла, значительнаго по объему (отъ 240 до 264 стр.), мы ожидали, что познакомимся съ поэтической дѣятельностію *авторовъ-великоруссовъ*, подражавшихъ въ XVIII в. издѣліямъ малорусской музы, а получили совсѣмъ не то, такъ какъ элегія — подражаніе элегіи Теофана Прокоповича, по сознанию самого автора, была малорусскимъ произведеніемъ.

То же самое мы должны сказать и о другихъ пьесахъ «пиво-рѣзнаго» содержанія, разсматриваемыхъ въ шестомъ и седьмомъ отдѣлахъ X главы. Авторъ справедливо говоритъ, что всѣ онѣ малорусскаго происхожденія, не менѣе справедливо указываетъ въ языкѣ ихъ нѣкоторыя черты великорусскія. Но какъ появились эти черты? Занесены онѣ случайно великоруссамп-перепищикамъ или же вставлены сознательно въ процессы поэтической переработки? И кто занимался этой переработкой — великоруссы-любители или же малоруссы, желавшіе приспособить произведенія родной школы къ новой обстановкѣ, — тѣ малоруссы, которые сложили о своихъ похожденияхъ въ Москвѣ слѣдующіе юмористическіе стихи:

Волною морскою
Був я під Москвою:
Там я рибу ловив
И штани загубив,
Тим бо и прославився¹⁾.

На всѣ эти вопросы можно было бы отвѣчать стилистическимъ

1) Изъ рукописи начала XIX вѣка, намъ принадлежащей.

анализомъ этихъ пьесъ сравнительно съ малорусскимъ текстомъ ихъ, нетронутымъ еще великорусскими вліяніями. Такого анализа мы не находимъ въ изслѣдованіяхъ г. Перетца. Зато не мало въ нихъ ссылокъ на первоисточники виршъ-пародій. Такъ, по поводу воскресенской вирши, гдѣ говорится о побѣдѣ Спасителя надъ сатаной и о изведеніи праведниковъ изъ ада, онъ указываетъ на Никодимово евангеліе и, вмѣсто сопоставленія ея съ малорусской виршей такого же содержанія, приводитъ одно мѣсто изъ слова псевдо-Евсевія, будто бы «послужившее для пародиста» (273), да еще по рукописи XII в. Конечно, авторъ имѣлъ въ виду неизвѣстный ему первоначальный текстъ пародіи, но если бы даже удалось ему возстановить этотъ текстъ, то все-таки это не разъясняло бы вопроса о томъ, какъ появились малорусскія вирши въ великорусскомъ одѣяніи.

Начиная отъ XI главы г. Перетцъ занимается обзоромъ великорусскихъ сборниковъ второй половины XVIII вѣка. XI и XII главы представляютъ сырой матеріалъ для изученія малорусскихъ вліяній на образованіе новыхъ литературныхъ вкусовъ въ низшихъ рядахъ великорусскаго общества, затронутого образованіемъ. Чтобы выяснитъ «хотя бы приблизительно объемъ и содержаніе малорусскихъ элементовъ въ пѣсенномъ репертуарѣ XVIII вѣка» (283), авторъ приводитъ по одному начальному стиху малорусскихъ пьесъ изъ разныхъ рукописныхъ сборниковъ и печатныхъ пѣсенниковъ XVIII и даже XIX в. Впрочемъ, указанія эти имѣютъ не систематическій характеръ и не могутъ вполне удовлетворить того, кто желалъ бы надлежащимъ образомъ ознакомиться съ «объемомъ и содержаніемъ малорусскихъ элементовъ въ пѣсенномъ репертуарѣ XVIII в.». Въ XII главѣ приводятся записи изъ сборниковъ XVIII вѣка, сдѣланныя въ разное время владѣльцами этихъ сборниковъ. Всѣхъ записей 39. Благодаря этому фактическому матеріалу, мы получаемъ точное и вѣрное понятіе о составѣ той грамотной и полуграмотной массы, которая искала въ то время умственной и эстетической пищи. «Кого только мы не находимъ», говоритъ авторъ, «среди перечислен-

ныхъ въ записяхъ любителей старинной поэзіи? Главными любителями являются семинаристы, студенты, лица духовнаго званія; далѣе — купцы, канцеляристы, низшее офицерство и нижніе чины. Въ развитіи вкуса къ литературѣ въ массахъ заслуга этихъ лицъ, хотя и скромная — однако несомнѣнна» (305). Не совсѣмъ ясно только, почему эта глава называется: «Хранители Великорусскихъ *пѣсенъ* въ XVIII вѣкѣ», если въ составъ сборниковъ, какъ показываютъ всѣ предыдущія главы и въ особенности XI, входило огромное количество псалмъ, кантовъ и пѣсенъ малорусскихъ. Собственно говоря, судя по даннымъ, которыя мы находимъ у г. Перетца, сравнительно мало настоящихъ великорусскихъ пѣсенъ входило въ составъ рукописныхъ сборниковъ, имъ описанныхъ, поэтому для устраненія сбивчивости можно было бы дать этой главѣ болѣе точное названіе.

Мы знаемъ уже изъ XI главы, что въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII в. не мало было малорусскихъ пѣсенъ всякаго рода — искусственныхъ и народныхъ, поэтому намъ показалось страннымъ заявленіе автора въ первыхъ строкахъ XIII главы, что «въ сборникахъ второй половины XVIII в. замѣтно присутствіе малорусскихъ пѣсенъ искусственнаго происхожденія». (308). Различіе этой главы отъ XI заключается въ томъ, что въ этой послѣдней онъ говоритъ объ элементахъ пѣсенъ, если разумѣть подъ элементами оглавленіе пѣсенъ по начальному стиху каждой изъ нихъ, а здѣсь онъ останавливается на самихъ пѣсняхъ, поэтому XIII глава нѣсколько иначе называется: «Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII в.». Вообще пужно сказать, что при однообразіи матеріала встрѣчаются нерѣдко повторенія разныхъ главъ сочиненія г. Перетца, а въ самыхъ названіяхъ нѣкоторыхъ главъ недостаетъ надлежащей отчетливости. «Особенно бросаются въ глаза», говоритъ авторъ въ первомъ отдѣлѣ XIII главы, «юморстическія пѣсенки-пародіи. Одна изъ такихъ пѣсенъ такъ и остаются въ сборникахъ пѣсенъ, не переходя въ народное употребленіе, другія становятся достояніемъ великорусской народной массы и,

претерпѣвъ соотвѣтственные измѣненія, теперь кажутся въ современныхъ намъ записяхъ совершенно утратившими слѣды своего происхожденія». (308). Къ первымъ относится весьма распространенная въ Малоруссіи пѣсня о комарѣ. Авторъ приводитъ ее по сборнику М. Грушевскаго первой половины XVIII в. и замѣчаетъ, что она находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ пѣсенъ о животныхъ, насѣкомыхъ и птицахъ. «Въ рукописи», говорятъ онъ, «она даже по ошибкѣ озаглавлена: *Psalma swiatowa o weselacem się ptastwie*» — заглавіе, относящееся къ неменьше въ старину извѣстному польскому стихотворенію на Рождество Христова, вошедшему даже въ старые канціоналы. Такъ могутъ быть намѣчены элементы, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась эта вирша: пародія, народные пѣсни и польская кантычка». (310). Но, судя по заглавію, въ польской кантычкѣ поется о *weselacem się ptastwie*, а не о комарѣ, и ошибка въ рукописи М. Грушевскаго не можетъ служить «элементомъ», подъ вліяніемъ котораго сложилось вирша о комарѣ. А потомъ — вирша ли это или народная пѣсня, занесенная въ сборникѣ М. Грушевскаго и Имп. Пуб. биб. Q. XIV, № 128? По нашему мнѣнію, это пѣсня, и самъ авторъ на стр. 309 называетъ ее пѣсней. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что пѣсня о комарѣ была вторымъ «элементомъ», подъ вліяніемъ котораго сложилась та же пѣсня о комарѣ. Но такъ какъ самъ авторъ считаетъ ее пѣсней-пародіей (стр. 38), то при чемъ же тутъ пародія, какъ третій элементъ, подъ вліяніемъ котораго сложилась не то вирша, не то пѣсня о комарѣ? Конечно, и вирши, и пѣсни могутъ быть пародіей, точно такъ же, какъ вирша можетъ сдѣлаться пѣсней и изъ пѣсни можетъ образоваться вирша, но уже разъ разъяснены эти понятія, то въ вопросѣ о происхожденіи виршъ изъ пѣсенъ, и наоборотъ, нельзя смѣшивать этой терминологіи. Безъ сомнѣнія, это извѣстно самому автору, и намъ кажется, что этой путаницы не было бы, если бы опъ воспользовался своимъ собственнымъ анализомъ пѣсенъ о комарѣ изъ сборниковъ Чубинскаго и Головацкаго сравнительно съ записями прошлаго вѣка. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ онъ находитъ перво-

начальную схему пѣсни о комарѣ въ виду того, что въ ней есть мотивировка смерти комара, отсутствующая въ записяхъ, которыя, по всему вѣроятію, уклонились отъ своего прототипа. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что не пѣсни пошли отъ записей, а наоборотъ, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не съ виршей о комарѣ, а съ народной малорусской пѣсней, искаженной записями.

Другая вирша, которую разбираетъ г. Перетцъ во второмъ отдѣлѣ XIII главы, несомнѣнно есть вирша по своему первоначальному тексту. Намъ она встрѣтилась въ сборникѣ кievскаго церковно-археологич. музея № 489. Сборникъ принадлежалъ псаломщику Герасиму Зморевскому, который отмѣтилъ и годъ его составленія—1784. По нашему мнѣнію, кievскій списокъ ближе стоитъ къ первоначальному тексту, чѣмъ списка, описанные г. Перетцемъ. Выписываемъ изъ кievскаго списка вторую половину вирши:

О Боже мой едпный, печальнымъ утѣха,
 Возри на мя сироту, вызволь сего лиха,
 Ты самъ, Боже, видиши противныхъ навѣти,
 Позволь мене у себе отъ сей злоби скрыти.
 Нехай лихо та не намъ,
 Нехай нашимъ врагамъ:
 Они тое знаютъ,
 Що насъ осуждаютъ.
 Суди, Боже, врагамъ, нехай будутъ знати,
 Що я живу подкровомъ твоей благодати.

Благодаря стихамъ съ укороченнымъ размѣромъ въ семь и шесть слоговъ, восстанавливается связь между предшествующими и двумя заключительными стихами по смежности представленій: *злоби — лихо, осуждан ть — суди*. Связи этой недостаетъ ни въ записяхъ этой вирши по сборникамъ Имп. пуб. биб. Q. XIV № № 128, 98, O. XIV. № II, ни въ печатныхъ текстахъ Чулкова-Новикова. Отмѣтимъ также, что, судя по даннымъ, которыя мы находимъ въ книгѣ г. Перетца, всѣ великорусскія редакціи вирши сходны между собою. Что касается до малорусскихъ устныхъ редакцій, то онѣ представляютъ амплификацію довольно значительную въ

текстахъ изъ сборниковъ Головацкаго (I т. 357 — 358) и Чубинскаго (V т. 448). О текстѣ Головацкаго г. Перетцъ вовсе не упоминаетъ, а по поводу текста Чубинскаго замѣчаетъ, что «онъ утратилъ черты искусственнаго, школьнаго употребленія даже по мнѣнію такого знатока малорусской народности, какъ покойный Потебня». На это считаемъ нужнымъ сказать, что Потебня передалъ Чубинскому свой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, мнѣнія же своего о виршѣ, которая находилась въ его сборникѣ, онъ никогда, сколько намъ извѣстно, не выражалъ. Но главное не въ этомъ, а въ самомъ выводѣ, который дѣлаетъ г. Перетцъ изъ сравненія текста вирши по сборнику Чубинскаго съ предшествующими. По его мнѣнію, она находится «въ зависимости отъ печатныхъ — Новикова и позднѣйшихъ пѣсенниковъ. Сквозь народно-малорусскую окраску здѣсь просвѣчиваютъ слѣды поздней обработки. Малорусское стихотвореніе такимъ образомъ вернулось обратно въ свою родную среду уже исправленнымъ въ великорусскихъ пѣсенникахъ» (319). При всѣхъ усиліяхъ нашихъ ничего подобнаго мы не могли увидѣть. Во-1) текстъ вирши у Новикова и другіе печатные тексты не представляютъ существенной разницы отъ рукописныхъ списковъ ея по сборникамъ Имп. пуб. биб., слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія настаивать на зависимости текста, помѣщеннаго у Чубинскаго, именно отъ печатныхъ текстовъ вирши. Во-2) въ текстѣ, переданномъ Потебней Чубинскому, есть такія прибавки, напр., два заключительные стиха, какихъ нѣтъ ни въ рукописныхъ, ни въ печатныхъ редакціяхъ ея. Единственное сходство малорусской редакціи съ великорусскими заключается въ отступленіяхъ отъ первоначальнаго текста, отражающагося въ указанной нами кievской редакціи, но эти отступленія произошли независимо отъ вліянія сѣверныхъ редакцій на южныя, и наоборотъ. Такимъ образомъ, обратное путешествіе этой вирши съ сѣвера на югъ не доказано.

Въ третьемъ отдѣлѣ XIII главы г. Перетцъ приводитъ изъ Русской музыкальной газеты за 1825 г. искусственную пѣсню о

тещѣ и зятѣ, помѣщенную въ одномъ сборникѣ Елисаветинскаго времени. Относить онъ ее къ числу пѣсенъ юмористическаго содержанія, которая, «помимо языка, въ самомъ построеніи своемъ содержитъ указанія на свое школьное, искусственное происхожденіе, и притомъ на автора малорусса». (319). Построеніе это заключается въ десятисложномъ размѣрѣ пѣсни съ цезурой послѣ пятого стиха и съ двойной римой. По мнѣнію г. Перетца, — это размѣръ «обычный, заимствованный изъ польской литературы». (321). Намъ кажется это послѣднее положеніе рискованнымъ и, во всякомъ случаѣ, не доказаннымъ, поэтому оно подрываетъ силу тѣхъ соображеній автора, которыя основаны на слѣдахъ малорусскихъ особенностей рѣчи въ разбираемой пѣснѣ. Авторъ видитъ въ ней «малорусскую школьную обработку» великорусскаго народнаго матеріала, по при этомъ въ скобкахъ замѣчаетъ: «можетъ быть, кого-нибудь изъ бандуристовъ Елисаветинской эпохи» (326). Мы въ свою очередь должны сказать, что намъ ничего неизвѣстно, какъ бандуристы XVIII вѣка, гостившіе въ Великороссіи, обрабатывали поэтическіе сюжеты, если только они не пользовались готовой школьной обработкой.

XIV глава затрогиваетъ чрезвычайно важный вопросъ «о малорусскихъ пѣсняхъ въ народномъ великорусскомъ репертуарѣ». Повидному, она имѣетъ связь съ предыдущими главами, такъ какъ авторъ въ самомъ началѣ ея замѣчаетъ, что «пѣсни (изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.) не остались лежать мертвымъ капиталомъ, а вошли въ народное употребленіе у великоруссовъ». (327). Затѣмъ онъ сопоставляетъ нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ текстовъ, изъ котораго явствуетъ, что малорусскія пѣсни усвоены великоруссами въ болѣе или менѣе значительной переработкѣ. Но такъ какъ тексты эти взяты изъ сборниковъ Чубинскаго и Соболевскаго, то изъ этого видно уже, что переработка эта не вошла въ рукописные сборники XVIII в. И дѣйствительно, въ концѣ главы авторъ приходитъ къ заключенію, что «въ народное употребленіе вошли пѣсни болѣею частію неизвѣстныя по рукописнымъ и печатнымъ пѣсенникамъ XVIII в.»

(333), а тѣ пѣсни, о которыхъ онъ говоритъ въ этой главѣ, усвоены Великоруссами путемъ устной передачи. Такимъ образомъ XIV глава выступаетъ изъ колен, намѣченной авторомъ, и переноситъ вопросъ изъ сферы литературныхъ вліяній на почву бытовыхъ отношеній. Конечно, тѣ и другія часто соприкасались между собою, но задача изслѣдованія въ томъ и состоитъ, чтобы выдѣлить по возможности тѣ случаи заимствованій, въ которыхъ литературныя вліянія были посредствующимъ условіемъ. Изрѣдка авторъ указываетъ на эти явленія, напр. въ третьемъ отдѣлѣ X главы, затѣмъ въ XI главѣ онъ исчисляетъ малорусскія пѣсни по печатнымъ пѣсенникамъ, даже позднѣйшимъ. Можно было бы подумать, что эти послѣднія пѣсни, потерпѣвъ тѣ или нѣныя измѣненія въ письменныхъ или печатныхъ сборникахъ XVIII вѣка, записаны изъ устъ народа въ Великороссіи съ болѣе или менѣе ясными слѣдами письменной редакціи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что позднѣйшіе пѣсенники были перепечаткой старѣйшихъ, которые въ свою очередь черпали, по словамъ г. Перетца, изъ рукописнаго матеріала. (291). Изъ этихъ данныхъ, а равно изъ записей владѣльцевъ сборниковъ, мы убѣждаемся, что струя малорусская вливалась въ поэтическій оборотъ народной великорусской массы, но какія эта струя, проходившая по письменному руслу, вносила измѣненія въ поэтическую технику великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, отразилась ли она, напр., на постройкѣ стиха этихъ пѣсенъ, какъ отразилась, по мнѣнію автора, польская струя на стихотворной technikѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, — объ этомъ мы ничего не находимъ въ изслѣдованіяхъ г. Перетца. Что касается того матеріала, на который онъ указываетъ въ XIV главѣ, то этотъ матеріалъ, по его собственнымъ словамъ, «не входилъ въ репертуаръ любителей и пѣвчихъ» (333), т. е. стоялъ въ сторонѣ отъ литературной дороги. Къ сожалѣнію, для изученія его почти еще ничего не сдѣлано, хотя вопросъ о немъ давно уже стоитъ въ наукѣ на очереди.

XV глава «Изъ исторіи Богогласника» даетъ матеріалъ для

изученія этой книги, первое изданіе которой относится, по Головацкому, къ 1790 году. Какъ извѣстно, въ нее вошло значительное количество стихотвореній религіознаго содержанія, составленныхъ на славяно-малорусскомъ языкѣ и извѣстныхъ по рукописнымъ сборникамъ XVIII вѣка, и вотъ авторъ въ виду этого поставилъ себѣ три задачи: 1) собрать данныя объ авторахъ, внесшихъ свой вкладъ въ Богогласникъ; 2) изучить отношеніе текстовъ Богогласника къ тѣмъ, которые сохранились въ рукописяхъ XVIII вѣка; 3) намѣтить дальнѣйшій путь религіозныхъ виршъ въ народъ.

Первую задачу разрѣшаетъ онъ вполне удовлетворительно, пользуясь указаніями самого Богогласника, изъ котораго сдѣланы соотвѣтствующія выписки во второмъ отдѣлѣ XV главы.

Вторая задача сложнѣе. «Не желая обременять себя и читателей бесполезной работой свѣрки всѣхъ переработокъ», имѣющихся въ Богогласникѣ, авторъ ограничивается «лишь шестью примѣрами». (349). Въ числѣ этихъ шести псалмъ Богогласника онъ обѣщаетъ разобрать и ту псалму, которая начинается словами: «Доколѣ, уме пернаты». Мы имѣемъ нѣсколько старинныхъ списковъ этой псалмы, поэтому она интересовала насъ болѣе другихъ, но разбора ея мы не нашли въ книгѣ г. Перетца. А между тѣмъ матеріалъ для этой псалмы былъ у него подъ рукой (См. т. II, стр. 30, 92, 100). Что касается до остальныхъ пяти псалмъ, то «наиболѣе простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ по своей наглядности приѣмомъ для обнаруженія, какъ пользовались составители Богогласника неисправными старыми текстами», онъ считаетъ «сравненіе старинныхъ текстовъ, восходящихъ къ XVII в. въ малорусскихъ и великорусскихъ сборникахъ, съ тѣмъ, что даетъ Богогласникъ». (349). Дѣйствительно, ничего не можетъ быть проще этого приѣма, тѣмъ болѣе, что сами составители Богогласника откровенно высказались на счетъ того, какъ они будутъ поступать съ готовымъ матеріаломъ. По собственнымъ словамъ ихъ, они считали нужнымъ «елико можно, исправляти, слоги стихомъ избобрѣтати, многая пова ветхымъ при-

лагати». Г. Перетцу оставалось только убѣдиться въ томъ, исполнили ли они свое обѣщаніе. Оказалось, что старыя псалмы въ редакціи Богогласника подверглись всѣмъ этимъ операціямъ. Какъ опытные стилисты, составители Богогласника, по наблюденію г. Перетца, устранили неловкіе обороты и ошибки (366), заботились о чистотѣ языка (355), вносили въ текстъ псалмъ стройность и послѣдовательность (ib.), то распространяли, то сокращали этотъ текстъ (333), а чтобы «не отторгнуть народа пововведеніями, они оставляли начальныя стихи въ старой редакціи, внося измѣненія лишь въ средину псалмы и ближе къ концу ея». (384). Все это такъ. Но гдѣ же та движущая правственная сила, которая управляла этимъ стилемъ? Объ этомъ въ книгѣ г. Перетца нѣтъ ни слова. Заканчиваетъ онъ свои стилистическія наблюденія надъ Богогласникомъ бѣглыми замѣтками въ такомъ родѣ: «въ Богогласникѣ мы имѣемъ литературную обработку псалмы» (389), или же: «въ Богогласникѣ сочинены вновь двѣ строфы» (390). Конечно, и эти замѣтки не безполезны для справокъ, но онѣ имѣли бы надлежащую цѣнность только тогда, если бы обнимали весь матеріалъ Богогласника, усвоенный изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.

Еще одно замѣчаніе по поводу рождественской псалмы: «Предвѣчный родися подъ лѣты». Авторъ приводитъ ее въ наиболѣе исправной и полной редакціи по рукописи первой половины XVIII в. Впленской пуб. биб. 233 со всѣми вариантами по сборникамъ М. Грушевскаго, Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141, Безсонова и кн. Вяземскаго. Сопоставляя ее съ текстомъ Богогласника, онъ останавливается на томъ обстоятельстве, что составители его отнесли эту псалму къ разряду «простшихъ», служащихъ пѣвцамъ «вмѣсто не богоугодныхъ обычныхъ колядь». (374). Причину такого мнѣнія ихъ объ этой псалмѣ онъ видитъ въ апокрифическихъ элементахъ ея. И дѣйствительно, они устранили въ редакціи Богогласника одинъ апокрифическій эпизодъ псалмы. Намъ кажется, однако же, что едва ли по этой причинѣ они считали эту псалму «простшей». Если бы это было

такъ, то они устранили бы и слѣдующіе сохранные ими стихи псалмы:

Смутятся всѣ І родіане,
Крушатся въ Египтѣ болване.

По нашему мнѣнію, составители Богогласника считали эту псалму «простшею» потому, что слышали ее въ «не богоугодной» формѣ «обычныхъ колядъ». Мы можемъ судить объ этой формѣ на основаніи записи этой псалмы-колядки на украинскомъ полѣсѣ, гдѣ иногда начинается она слѣдующими словами:

А в печі пироги сиділи,
Вони собі горе претерпіли,
Я до печі приступав,
По одному витягав,
Поки були.
У печі пироги не стало,
Я поліз на гору по сало
И там сала не дістав,
Зъ драбиною з гори впав,
Забився.

(Співання з початку XVIII в. М. Грушевс. Записки Наук. товариства имени Шевченка, т. XVII, 95 — 96).

Третья задача совсѣмъ не рѣшена. Въ общемъ оглавленіи къ книгѣ сказано, что въ самомъ концѣ XV главы будетъ рѣчь о «заимствованіяхъ изъ Богогласника въ устахъ Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ». На соответствующихъ страницахъ XV главы (390 — 393), дѣйствительно, затронута эта тема, но, какъ говоритъ самъ авторъ, «мы можемъ назвать лишь ничтожное сравнительно со всей массой (виршъ) количество такихъ заимствованій.» (390). Слѣдуя указаніямъ III тома Трудовъ этнографич. экспедиціи Чубинскаго, авторъ даетъ всего 10 примѣровъ, но и эти примѣры въ большинствѣ случаевъ не подходящіе. Такъ, для псалмы № 55 по III т. Чубинскаго указаны польскіе первоисточники, о Богогласникѣ же вовсе не упоминается. Для извѣстной колядки у Чубинскаго № 59 «Новая рада стала» указана

въ Богогласникѣ № 22 соотвѣтствующая псалма, но нѣтъ никакою возможности доказать, что колядка произошла изъ псалмы въ редакціи Богогласника. О нѣкоторыхъ колядкахъ самъ авторъ замѣчаетъ, что онѣ стоятъ независимо отъ Богогласника: таковы, напр., колядки изъ III т. Чубинскаго № 87, № 95. Вообще же всѣ наблюденія его сводятся къ тому, что не мало есть колядокъ (указаны по Чубинскому номера), которыя «носятъ слишкомъ ясные слѣды искусственнаго происхожденія». (392). Но вѣдь противъ этого никто и никогда не спорилъ. Дѣло заключается не въ «рукописныхъ тетрадкахъ», которыя въ большей или меньшей мѣрѣ давали матеріалъ Богогласнику, начиная съ перваго изданія его, а въ самомъ Богогласникѣ, насколько онъ оказывалъ вліяніе на распространеніе въ народѣ псалмъ исправленныхъ и переработанныхъ. По нашему мнѣнію, матеріалъ для разъясненія этого вопроса можно было бы найти на униатской почвѣ, въ Галиціи.

XVI глава представляетъ нѣсколько данныхъ «къ вопросу о репертуарѣ стиховъ у старообрядцевъ». Въ вводныхъ страницахъ къ этой главѣ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о появленіи новыхъ литературныхъ теченій въ лицѣ Ломоносова, Сумарокова и другихъ второстепенныхъ поэтовъ XVIII вѣка, «давшихъ *новые образцы* религіозной поэзіи». (394). Авторъ не объясняетъ намъ, что было въ этихъ образцахъ *нового*, кромѣ тоническаго стиха, а между тѣмъ это очень важно, потому что, говоря о *новомъ*, онъ поневолѣ увидѣлъ бы, что возникло оно на старой почвѣ виршевой поэзіи и усвоило изъ нея многія черты, какъ внѣшнія стилистическія, такъ и внутреннія — идейныя. Не говоря уже о сатирахъ Кантемира, написанныхъ такимъ же силлабическимъ размѣромъ, какъ и вирши, есть много сходства съ этими послѣдними и въ одахъ Ломоносова, даже Державина. Для историческаго пониманія литературнаго значенія виршъ, по нашему мнѣнію, были бы не излишни указанія на точки соприкосновенія ихъ съ верховымъ теченіемъ литературнымъ: тогда была бы очевидна связь и преемственность литературныхъ явленій, и самое это новое литературное движеніе не было бы тѣмъ, что обыкновенно

венно называется *deus ex machina*, предъ которымъ старинныя вирши опустились изъ среднихъ слоевъ общества въ низшіе, при чемъ, однако же, «и въ этой средѣ замѣчается», какъ говорить г. Перетцъ, «новое вѣяніе: кое-гдѣ въ сборникахъ на ряду съ силлабическими стихотвореніями попадаются уже оды Ломоносова» (395). Какъ бы то ни было, оставляя въ сторонѣ обмѣнъ этихъ новыхъ вѣяній съ старыми, слѣдитъ онъ за этими послѣдними «въ средѣ старообрядцевъ, которые выгодно отличались отъ простой народной массы грамотностью и большими литературными запросами». (396). Пользуясь рукописями Импер. публ. бібліотеки, Импер. Общес. любит. древ. письменности и въ особенности сборниками старообрядческихъ псалмъ Синодальнаго архива, онъ дѣлаетъ длинный списокъ любимыхъ старообрядцами пѣсенъ-виршъ (отъ 397 до 409 страницы) и думаетъ, что этотъ списокъ «можетъ дать нѣкоторыя основанія для сужденія о томъ, чѣмъ пользуются старообрядцы изъ стараго пѣсеннаго матеріала, а что приносятъ своего новаго». (409). Впрочемъ, изъ списка не видно, что «приносятъ они своего новаго». Судить объ этомъ, и то отчасти только, можно изъ заключительныхъ страницъ XVI главы, гдѣ предложенъ болѣе подробный обзоръ нѣкоторыхъ стиховъ, вошедшихъ въ этотъ списокъ, съ выпиской значительныхъ отрывковъ и цѣлыхъ стихотвореній, изображающихъ «внутреннюю и внѣшнюю жизнь обитателей скиповъ». (409 — 418). Смотритъ авторъ на эту заключительную главу своего сочиненія, «лишь какъ на опытъ систематизаціи до сихъ поръ разбросаннаго матеріала». (418). Можно пожалѣть только, что не отмѣчена хронологія рукописей, изъ которыхъ извлеченъ этотъ матеріаль.

Мы прослѣдили изъ главы въ главу ходъ мыслей въ изслѣдованіяхъ г. Перетца, представляющихъ, судя по заглавію всего сочиненія, какъ бы отрывокъ «изъ исторія русской пѣсни». Хронологически этотъ отрывокъ обмежованъ концомъ XVI и

началомъ XIX вѣка. Эти хронологическія рамки даютъ всѣмъ наблюденіямъ и соображеніямъ г. Перетца исторической видѣ, по есть ли въ нихъ настоящая исторія въ смыслѣ изображенія внутренней зависимости однихъ явленій отъ другихъ? По нашему мнѣнію, ея нѣтъ, да и быть не могло ея тамъ, гдѣ авторъ въ анализѣ древнѣйшихъ памятниковъ русской искусственной поэзіи «остановился пока», какъ говоритъ онъ въ предисловіи, «на чисто формальномъ разсмотрѣніи ея». Мы уже видѣли несостоятельность масштаба, который прилагаетъ г. Перетцъ къ формамъ народнаго малорусскаго стиха, подсчитывая въ немъ слоги и выводя его изъ польскаго силлабическаго размѣра. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ этотъ масштабъ былъ вѣренъ, то можно ли пускаться съ нимъ въ безбрежное море малорусскихъ виршъ и въ безконечныя видоизмѣненія ихъ по разнымъ сборникамъ малорусскимъ и великорусскимъ? Стихъ съ его формальной стороны, независимо отъ содержанія его, заключающагося въ поэтическихъ образахъ и настроеніяхъ, навѣянныхъ жизнью, не есть надежный руководитель. Конечно, онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и самъ по себѣ, но приобретаетъ авторитетную силу только въ связи съ умственными запросами общественной жизни, для которыхъ служить выраженіемъ. Такіе запросы въ концѣ XVI в. появились въ югозападной Руси, которая подъ вліяніемъ историческихъ условій того времени должна была создать новыя формы мысли и слова съ болѣе широкими горизонтами и въ то же время своенародныя, болѣе близкія къ пониманію и чувству народа. Такіе же запросы во второй половинѣ XVII в. появились и въ московской Руси, вызывавшей югозападныхъ ученыхъ. И они появились въ ней съ своими знаніями и своимъ искусствомъ, которое состояло не только въ умѣнн слагать вирши, но и владѣть въ нихъ болѣе или менѣе значительное содержаніе. Не въ томъ только заключается заслуга Симеона Полоцкаго, что онъ сочинилъ «римотворную» псалтирь, но и въ томъ, что онъ, какъ домашній учитель царевича Федора Алексѣевича, въ виршахъ своихъ указывалъ своему воспитаннику на образцы просвѣщен-

ныхъ правителей, которые примѣромъ своимъ возбуждаютъ въ подданныхъ своихъ любовь къ мудрости.

Фравтисъ пменемъ иервйи краль Франційскій бяше,
Сей яко писаніе и мудрость любяше...

И бысть въ малѣ времени мудрость разширена,
Образомъ крала во вся земли умпоженна.

Мудрость же нужна, по мнѣнію Симеона Полоцкаго, «для благихъ нравовъ»:

«Благо убо есть царству», заканчиваетъ онъ свою виршу,
«егда благи нравы

Царствуяи воспріемлетъ ради всѣхъ исправы». ¹⁾

Въ чемъ же эти «благы нравы» правящихъ лицъ?

Въ томъ, говоритъ Симеонъ Полоцкій, чтобы

«Время подданныхъ крѣпостно носити,
Не презирати, не за ны имѣти,
Паче любити, яко своя дѣти,
И то въ памяти выну содержати,
Яко земля тѣхъ и его есть мати».

Правители не должны «уповати на одинъ свой умъ», — они должны «выну вопрошати умныхъ совѣта», ибо

«Во мнозѣ совѣтѣ есть спасеніе,
Въ единомъ умѣ посползновеніе».

Они должны «равно судити мала и велика...»

Единъ судъ буди

Всѣмъ, пже въ единой области суть люди» ²⁾...

Мы указываемъ на Симеона Полоцкаго мимоходомъ, какъ на одного изъ представителей высшаго порядка идей въ великорусской средѣ, которая увлекалась не однимъ стихотворнымъ размѣромъ виршъ, но и новыми мотивами мысли и чувства, выступавшими въ виршахъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на эти мотивы, но они у него стоятъ на зад-

1) Историческая хрестоматія Буслаева, 1194.

2) Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 189 — 190.

немъ планѣ и почти не входятъ въ сравнительный анализъ виршъ по разнымъ рукописямъ. Оттого-то анализъ этотъ не проникаетъ дальше вѣшней стороны передвиженія поэтического матеріала изъ страны въ страну, при чемъ иногда причиной передвиженія считаются такіе литературные факты, которые стояли вѣ всякой этнографической и исторической связи съ самимъ передвиженіемъ. Такъ, напр., авторъ заявляетъ, что «переработки (рукописныхъ виршъ) чрезъ печатные Богогласники распространяются въ концѣ XVIII в. въ народѣ (конечно, малорусскомъ, но неизвѣстно, среди униатовъ или православныхъ) и вытѣсняють рукописные сборники псалмъ (неизвѣстно, откуда), которые сохраняются во второй четверти XIX ст. почти исключительно въ старообрядческой средѣ» (423). Трудно понять, какимъ образомъ то, что происходило на униатской почвѣ, проскочивъ чрезъ православную малорусскую массу, оказало свое воздѣйствіе въ старообрядческой великорусской средѣ.

Такимъ образомъ, главная мысль въ сочиненіи г. Перетца о «малорусскомъ вліяніи на великорусскую народную и искусственную поэзію XVIII вѣка», мысль, нужно сказать не новая въ наукѣ, не захвачена въ ея существенныхъ историческихъ моментахъ и обставлена цѣлымъ рядомъ параллелей и сближеній, возбуждающихъ историческія недоразумѣнія, которыхъ не мало собрано на послѣднихъ страницахъ первой книги, озаглавленныхъ словами: «Нѣсколько выводовъ».

Такъ, одинъ изъ этихъ выводовъ тотъ, что «новая русская поэзія, народившаяся въ югозападной Руси, была продуктомъ западнаго, польскаго вліянія, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія» (419). О формѣ, о степени ея самостоятельности или несамостоятельности, мы уже говорили выше. Но что сказать о содержаніи? Конечно, югозападная Русь усвоила многое въ этомъ отношеніи изъ польской литературы, но это многое она переработала по своему, и если бы авторъ развилъ эти мысли съ достаточной полнотой, то не пришлось бы ему чрезъ двѣ страницы высказать мысль, не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что ска-

зано раньше. Вотъ эти мысли: «Что касается до содержанія старшихъ памятниковъ малорусской искусственной поэзіи, (то) мы можемъ замѣтить въ нихъ явную патріотическую тенденцію — возвеличить и возвысить народныхъ южнорусскихъ героевъ, защитниковъ православія и народности, чѣмъ и объясняется сильно замѣтный панегирическій тонъ эпиграммъ и посвященій разнымъ магнатамъ малорусскимъ и литовскимъ. Историческія событія XVI — XVII вв., полныя захватывающаго драматизма, также нашли откликъ въ рядѣ искусственныхъ виршъ, по оборотамъ рѣчи, символикѣ и тенденціямъ близкихъ къ народной поэзіи» (421). Замѣчательно, что этихъ именно виршъ историческаго содержанія, за исключеніемъ двухъ XVII и одной XVIII в., совсѣмъ не касается авторъ, слѣдовательно, онъ дѣлаетъ выводъ о близости ихъ къ народной поэзіи, не подготовивъ надлежащимъ образомъ данныхъ. Точно также нѣтъ никакихъ данныхъ въ книгѣ г. Перетца и для другого вывода, слѣдующаго за предыдущимъ. «Чѣмъ болѣе», говоритъ онъ, «мы подходимъ къ концу XVII вѣка, тѣмъ болѣе вырабатывается внѣшность малорусской искусственной поэзіи и — обратно пропорціонально — падаетъ ея художественное и историческое значеніе: она отдаляется отъ народной жизни, теряетъ чутье къ пониманію значенія историческихъ событій и становится игрушкой въ рукахъ многоученаго класса бурсаковъ — будущихъ учителей пѣтляки и тому подобныхъ официальныхъ стихотворцевъ» (422). Для подтвержденія этого мнѣнія онъ ссылается въ подстрочномъ примѣчаніи на вирши о гетманѣ Мазепѣ, въ которыхъ онъ изображается то какъ благодѣтель и покровитель кіево-могилянскаго коллегіума, то какъ измѣнникъ Петра Великаго (16). По поводу этого замѣтимъ: 1) что гетманъ Мазепа дѣйствительно былъ и тѣмъ и другимъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разные авторы въ разныхъ виршахъ изображаютъ его не одинаково; 2) вирши о Мазепѣ, которыя имѣетъ въ виду авторъ, составлены были не въ концѣ XVII, а въ первыя два десятилѣтія XVIII вѣка; 3) мнѣніе автора не совсѣмъ согласуется съ тѣмъ, что онъ говоритъ ниже объ оживленіи школьной поэзіи именно

въ началѣ XVIII в. Да и самое оживленіе это является совершенно неожиданностію послѣ того, что сейчасъ сказано было объ ея упадкѣ. Почему она оживилась, обогатившись внесеніемъ сатирическаго элемента? Почему школьные поэты пользуются народной символикѣю, приближая свои произведенія къ народной малорусской рѣчи? Такъ какъ въ книгѣ г. Перетца нѣтъ анализа этой «оживленной» поэзіи, то всѣ эти положенія высказаны голословно на основаніи постороннихъ изслѣдованій, на которыя нѣтъ ссылокъ. Къ такимъ же выводамъ, не обоснованнымъ историческими аргументами, мы причисляемъ и мнѣніе его о томъ, что «подъ руками уніатовъ-базилианъ создается особая разновидность церковно-славянскаго языка съ отпечаткомъ слѣдовъ малорусской рѣчи, преимущественно въ фонетикѣ и словарѣ» (422). Сказано это по поводу виршевого матеріала, являющагося въ Богогласникѣ, напечатанномъ въ концѣ XVIII в. Но разные типы литературной малорусской рѣчи выработаны были гораздо раньше появленія Богогласника¹⁾.

Намъ остается еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній о второй части сочиненія г. Перетца, состоящей, какъ мы сказали выше, изъ описанія рукописныхъ сборниковъ, которыми пользовался авторъ въ первой части, а также изъ извлеченій рукописнаго матеріала изъ старопечатныхъ книгъ и рукописей.

«Въ виду того», говорятъ г. Перетцъ въ предисловіи ко второй части, «что памятниковъ свѣтской малорусской поэзіи XVIII в. извѣстно немного, считаю не безполезнымъ дать здѣсь всѣ тѣ пѣсни, которыя носятъ хотя бы слабыя слѣды малорусскаго происхожденія въ языкѣ и размѣрѣ». По этому поводу считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что въ первой части сочиненія г. Перетца пересказано вкратцѣ содержаніе одиннадцати малорус-

1) См. объ этомъ книгу нашу «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.», 1889 г.

скихъ виршъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Имп. Ак. н. (ib. 6. 29), изъ которыхъ одна напечатана тамъ же полностію, а девять напечатано во второй части, значить, недостаетъ одной—той именно, въ которой авторъ обращается къ Венерѣ съ просьбой помочь ему. Это сборникъ Дзюбаревича 1728 — 1730 гг. Въ немъ, между прочимъ, помѣщены древнѣйшіе варианты нѣкоторыхъ любовныхъ виршъ, напечатанныхъ у Головацкаго. Мы замѣтили двѣ такіа вирши: «Мпзерля на сем свѣтѣ, ах миѣ мизерному», см. Голов. т. III, стр. 374, и «Въ смутной хвилѣ, въ смажной долѣ», Голов. т. I, стр. 371. Уже изъ этого видно, какъ важны эти вирши для сопоставленія съ позднѣйшими потомками ихъ и для изученія стилистическихъ особенностей малорусскаго творчества, поэтому мы считаемъ вполне удачною мысль г. Перетца собрать матеріалъ для этого изученія по рукописямъ XVIII вѣка, которыми онъ пользовался. На первый разъ собрано 39 виршъ любовнаго содержанія — девять изъ сборника Дзюбаревича, остальные изъ пяти сборниковъ второй половины XVIII в. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127 есть стихотвореніе о взятіи Очакова (см. описаніе этого сборника во второй части, стр. 109), поэтому составленіе его едва ли можно относить къ половинѣ XVIII вѣка, какъ думаетъ г. Перетць.

Не менѣе важный матеріалъ во второй части сочиненія г. Перетца представляютъ «тексты старшихъ памятниковъ юго-западной виршевой литературы, извлеченные изъ старопечатныхъ изданій конца XVI и начала XVII в. до появленія въ свѣтъ грамматики Мелетія Смотрицкаго». Не совсѣмъ только понятно для насъ, почему предѣльною чертою этихъ памятниковъ поставленъ 1619 годъ, когда напечатана была первымъ изданіемъ грамматика Мелетія Смотрицкаго, не имѣвшая, какъ утверждаетъ самъ г. Перетць, никакого вліянія ни на содержаніе, ни на форму виршевой литературы, а между тѣмъ рѣшительныя мнѣнія автора о малорусскомъ стихотворствѣ въ теченіе всего XVII вѣка, по видимому, должны были бы расположить его къ болѣе обширному подбору соответствующаго матеріала. Но и въ границахъ, отмѣ-

ченвыхъ авторомъ, нѣтъ надлежащей полноты, такъ какъ о нѣкоторыхъ памятникахъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ ни въ первой, ни во второй части своего сочиненія, напр., о «Бесѣдѣ избранной», изданной въ Львовѣ въ 1609 г. (см. Голубева Исторія кievской Академіи, стр. 311), или же о «Плачѣ або Ляментѣ по зестю з свѣта сего Григорія Желяборскаго», изданномъ тоже въ Львовѣ въ 1615 г. (Библ. Румянц. музея), — о другихъ же упоминаетъ въ IV главѣ первой части сочиненія мимоходомъ, не приводя образцовъ изъ нихъ, напр., о «Ляментѣ дому князатъ Острозскихъ», 1603 г., или объ извѣстномъ «Вѣзерункѣ цнотъ Елисея Плетенецкаго», 1618 г. Можно бы пожелать также, чтобы изданіе текстовъ снабжено было историческимъ и историко-литературнымъ комментариемъ, но это, очевидно, не входило въ программу автора, имѣвшаго въ виду главнымъ образомъ формальную сторону югозападнаго стихотворства.

Что касается до описанія рукописныхъ сборниковъ, составляющаго большую половину второй части сочиненія г. Перетца, то здѣсь недостаетъ многого.

Начать съ того, что описываются они и въ первой, и во второй части, поэтому цѣльнаго впечатлѣнія не производятъ. Чтобы составить объ этихъ сборникахъ болѣе или менѣе ясное представленіе, нужно сводить въ одно цѣлое отдѣльныя черты ихъ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ двухъ книгъ. Такъ, напр., въ описаніи сборника синод. архива № 601 нѣтъ указанія, кому принадлежалъ сборникъ, а помѣщено оно въ первой части на стр. 305, откуда узнаемъ мы, что составлялъ онъ собственность крестьянина Осипа Иванова сына Трухина. Въ описаніи сборника Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 128 упомянуто только, что онъ принадлежалъ какому-то новгородскому купцу, а потомъ студенту Богословія Орлову, то же самое отмѣчено и въ первой части на стр. 301, но во второй части, при описаніи сборника, нѣтъ самой характерной записи о томъ, что первоначально принадлежалъ онъ Леонтію Михайлову, который продалъ его ученику новгородской семинаріи Афанасію Гаврилову, «бѣзденежно и бесплатно для

любви», въ чемъ и подписался Михайловъ своею рукою 1768 года». Запись эта помѣщена въ первой части на стр. 299, во второй же части глухо сказано только, что сборникъ этотъ половины XVIII вѣка, т. е. не отмѣчена точная хронологическая дата, имѣющаяся въ сборникѣ. Точно такъ же въ описаніи сборника Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 (Q стоять въ оглавленіи къ описаннымъ сборникамъ и въ первой части, стр. 300, а въ самомъ описаніи—O) сказано, что это три сборника, написанные полууставомъ XVIII в. Судя по заключительной записи, помѣщенной въ описаніи на стр. 72, эти три сборника переплетены въ одну книгу. Въ первой части этой книги, говоритъ г. Перетцъ, «кое-гдѣ малорусскій почеркъ», значить, можно догадываться, что она написана не однимъ почеркомъ. Вторая часть, какъ значится въ описаніи, писана Поморковымъ. О третьей части сказано только, что она писана четкимъ полууставомъ, а въ концѣ приводится запись: «продал копнестъ (копінестъ?) государственной юсть-коллеги (sic) 1772 октября 6» и затѣмъ слѣдуетъ «разсчесть стоимости *всего* сборника». При всемъ изобиліи данныхъ, относящихся къ этому сборнику, принадлежавшему иѣкогда Буслаеву, мы остаемся въ неизвѣстности, весь ли сборникъ переписанъ по заказу Розова, или же только иѣкоторыя части его, а Розовъ переплелъ и продалъ его въ 1772 г. Можно и такъ думать, что заказчикомъ былъ болѣе ранній владѣлецъ сборника, отмѣтившій болѣе раннюю хронологическую дату его. Въ первой части сочиненія г. Перетца читаемъ еще одну запись, относящуюся къ этому сборнику и помѣщенную во второй части: «Свѣ псалмы московскаго купца Ильи Томпилина, 1747 году, Октября 20 дня ехалъ изъ Москвы внизъ» (300). Для уясненія фizioноміи сборника запись эта была бы совсѣмъ не лишняя въ описаніи его. Вообще о владѣльцахъ рукописныхъ сборниковъ нужно справки дѣлать въ XII главѣ первой части сочиненія г. Перетца, гдѣ онъ собралъ данныя для характеристики общественныхъ слоевъ, неравнодушныхъ къ стихотворному искусству, хотя и въ XII главѣ нѣтъ иногда этихъ данныхъ: если онѣ понадобились автору для другой

цѣли, то онѣ помѣщаетъ ихъ неожиданно въ другомъ мѣстѣ. Такъ, въ описаніи сборника Имп. Ак. Н. № (16. 6. 29) нѣтъ записей и приписокъ къ этому сборнику. Нѣтъ ихъ и въ XII главѣ, а онѣ оказываются въ IX главѣ, повидимому, для характеристики личности Дзюбаревича, о которомъ мы говорили выше. Въ виду всего этого нужно не мало употребить усилій для изученія сочиненія г. Перетца, чтобы пользоваться всѣми цѣнными матеріалами, имъ напечатанными.

Переходимъ затѣмъ къ самому составу описаній.

Всѣхъ сборниковъ описано 12, въ томъ числѣ 2 старообрядческихъ.

Основной приѣмъ въ описаніи каждаго изъ нихъ вполне цѣлесообразный: отмѣчается обыкновенно листъ или оборотъ листа, на которомъ начинается стихотвореніе, и приводятся два-три стиха всегда изъ начала, иногда изъ начала и конца, иногда же изъ начала, середины и конца стихотворенія. Для характеристики языка стихотвореній дѣлаются выписки отдѣльныхъ словъ съ фонетическими или морфологическими особенностями то церковнославянскими, то польскими, то малорусскими. Впрочемъ, только въ описаніи трехъ сборниковъ встрѣчаются эти выписки, которыя авторъ называетъ «замѣчаніями о языкѣ псалмъ». Въ описаніи нѣкоторыхъ сборниковъ есть указанія на варианты заключающихся въ нихъ стихотвореній. Нѣтъ надобности говорить о чрезвычайной важности этихъ указаній, если бы они сдѣланы были для всѣхъ сборниковъ, но они имѣются только въ описаніи двухъ сборниковъ — кн. Вяземскаго Q. № LXXXII и Виленск. пуб. биб. № 233 (15), и то въ послѣднемъ ссылки сдѣланы на одинъ Богогласникъ, и притомъ неполныя: не отмѣченъ, напр., вариантъ 30-й пѣсни, въ Богогласникѣ № 134.

Таковы въ общихъ чертахъ описательные приемы г. Перетца. Не смотря на неровность примѣненія ихъ къ описываемому имъ матеріалу, въ результатъ получилось то, къ чему стремился авторъ — дать понятіе «о постоянномъ, такъ сказать, центральномъ содержаніи» рукописныхъ сборниковъ и о самихъ

типахъ этихъ сборниковъ. Такихъ типовъ, по счету автора, оказалось шесть:

- 1) Сборники духовнаго содержанія—прототипы Богогласника.
- 2) Сборники смѣшаннаго содержанія, съ привнесеніемъ свѣтскаго элемента.
- 3) Сборники съ рѣзко отмѣченной разницей между псалмами и кантами.
- 4) Сборники народныхъ пѣсень по преимуществу.
- 5) Сборники свѣтскаго содержанія, съ преобладаніемъ пѣсенокъ искусственнаго, литературнаго происхожденія.
- 6) Сборники, составленные старообрядцами изъ любимыхъ или «душеполезныхъ стиховъ».

Но, кромѣ типическихъ особенностей, старинныя рукописи имѣютъ еще, такъ сказать, индивидуальныя, состоящія не только изъ вѣднѣйшихъ признаковъ рукописныхъ сборниковъ (начертаніе буквъ, почеркъ и правописаніе), но и изъ внутреннихъ (записи и приписки, выборъ матеріала въ связи съ личностями составителей и идеями вѣка). И тѣ, и другія не оставлены безъ вниманія г. Перетцемъ, но, мы видѣли, въ разрозненномъ видѣ и тоже неравнобѣрно. Такъ, если соединить то, что сказано въ IX главѣ первой части о рукописномъ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 29), съ описаніемъ его во второй, то получится довольно полное и наглядное представленіе о немъ. А между тѣмъ въ той же первой части о не менѣе важной рукописи XVII в. говорится такъ, что тотъ, кто не видѣлъ ея, составитъ о ней самое смутное понятіе. Мы разумѣемъ рукопись кіево-михайловс. монастыря подъ № 529 (1623), изъ которой авторъ приводитъ текстъ одной воскресенской вирши. «Попутно», какъ онъ выражается, останавливается онъ на нѣкоторыхъ особенностяхъ въ начертаніи буквъ той части рукописи, которая относится къ XV вѣку. (85). Зачѣмъ это, когда воскресенская вирша помѣщена въ той части рукописи, которая относится къ началу XVII вѣка и отличается совсѣмъ инымъ начертаніемъ буквъ? Зачѣмъ выписана запись

переписчика Авраама Бѣлобородскаго, который написалъ собственно Учительное евангеліе въ 1604 г. въ городѣ Петигорахъ. По нашему мнѣнію, для характеристики этой послѣдней части рукописи можно было бы указать на то, что каждому поученію въ ней предшествуетъ текстъ дневного евангелія, переведеннаго на малорусскій языкъ, довольно близкій къ народному, и что есть въ ней даже переводы чтеній изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, напр. изъ пророка Исаіи, наконецъ на то, что въ самыхъ поученіяхъ ярко отразились нравы культурнаго общества того времени¹). Заканчиваетъ переписчикъ свой трудъ словами: «ра^а пѣсарь послѣ^аней стрѣци», — и такъ какъ написалъ онъ эту строку 9 марта, то въ предчувствіи наступающихъ праздниковъ Воскресенія Христова прибавляетъ: «потомъ' спѣвай» и выписываетъ воскресенскую виршу.

Конечно, не во всякой виршѣ можно найти матеріалъ такого рода, но намъ кажется, что для возстановленія характерныхъ ея особенностей можно было бы въ описаніи ея выписывать изъ нея стихотворенія въ какомъ-нибудь отношеніи важныя и оригинальныя, если не дѣликомъ, то въ значительныхъ отрывкахъ. Таково, напр., стихотвореніе въ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 9), начинающееся словами: «Ой Боже мой милостивый, | Возри на плачь мой ревнивый»: начало то же, что въ извѣстномъ «Плачѣ Малой Россіи», по поводу котораго писали Петровъ и Максимовичъ²). Варіантъ этого стихотворенія есть въ рукописномъ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 : «Ах мой Боже милостивы, | Возри на плачь мой ревнивы». Г. Перетцъ замѣчаетъ.

1) Приводимъ нѣсколько строкъ изъ наставленія священнику, что онъ долженъ говорить и какъ долженъ поступать при обрядѣ вѣнчанія: «пыта'юся ва' если по любви тую кра'ниую паню за себе берешь. По тому* и ва' краснай пан'но пытаю' если же по любви а' не принушеніа' родителей свои^х за сего почтываго панича' идешь. а'гда ю* при'волятъ ѿбѣдвѣ стороны и* по любви, теда далѣй до пна маешь мовити ѿрацѣю в' тыи слова'»...

2) Издано въ Основѣ 1861 г. май, въ кievскихъ епарх. вѣдом. 1865 г. № 18, въ Трудахъ кievской дух. академіи 1872 г., июнь.

что это церковно-славянскій переводъ съ польскаго. Если это то же самое стихотвореніе, что «Плачь Малой Россіи», направленное противъ любителей польскихъ порядковъ, то мы сомнѣваемся, чтобы это былъ *переводъ* съ польскаго. Если же не одно и то же, то любопытно прослѣдить, какъ составители патріотическихъ стихотвореній, проникнутыхъ антипатіей къ Польшѣ, пользовались фразеологіей польскихъ оригиналовъ. Такихъ и подобныхъ стихотвореній, любопытныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, не мало нашлось бы въ рукописныхъ сборникахъ, описанныхъ г. Перетцемъ. Такъ, въ сборникѣ Имп. пуб. биб. О. XIV, № 11 есть значительное количество великорусскихъ народныхъ пѣсенъ и между ними пѣсня о Ермакѣ, сидящемъ въ неволѣ у турецкаго султана. Въ сборникѣ Имп. пуб. биб. О. XIV, № 128 не менѣе любопытны пѣсни не народнаго происхожденія, напр. «Всякому зла мука подъячимъ то быть, | Не малая скука крапивою слыть» или же: «Всѣ люди живутъ, какъ цвѣты цвѣтутъ, — А семинаристъ, какъ осенній листь». Пѣсни эти пользовались, какъ видно, особенной популярностію, потому что варианты ихъ встрѣчаются и въ другомъ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 32): здѣсь же и другая пѣсня, изображающая, судя по начальнымъ стихамъ, школьные порядки того времени: «Житъ въ школѣ не по насъ, | Въ одинъ день сѣкутъ не разъ».

Намъ могутъ возразить по поводу послѣднихъ нашихъ соображеній, что это расширение матеріала могло бы увеличить объемъ приложеній, составляющихъ вторую часть сочиненія г. Перетца. На это мы считаемъ нужнымъ отвѣтить, что она, сравнительно съ первою частью, и безъ того не велика, и можно было бы безъ особыхъ затрудненій сосредоточить въ ней весь описательный матеріалъ, занимающій много страницъ въ первой части и обыкновенно помѣщаемый въ приложеніяхъ, служащихъ, такъ сказать, оправдательными документами для изслѣдованій. Тогда изслѣдованія не загромождены были бы массою сырого матеріала, стоящаго не на своемъ мѣстѣ. Они были бы гораздо короче, но зато яснѣе и отчетливѣе. Въ свою очередь выиграла бы и самья

приложенія количествомъ и качествомъ изданнаго матеріала, составляющаго главную силу въ сочиненія г. Перетца.

Въ концѣ второй части приложены указатель рукописей и указатель именъ. Въ первомъ изъ нихъ дѣлаются ссылки на страницы, на которыхъ упоминаются тѣ или другія рукописи. Всѣхъ рукописей 168, въ томъ числѣ отмѣчены и тѣ изъ нихъ, которыя были извѣстны автору только по описаніямъ. Мы замѣтили неправильныя ссылки на слѣдующія страницы первой части: на страницѣ 169 нѣтъ рукописи Ундольскаго № 160, на стр. 298 нѣтъ рукоп. Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12, на стр. 397 и 398 нѣтъ рукоп. Имп. пуб. биб. O. J. № 364, на стр. 401 нѣтъ рукоп. кiev. дух. Акад. № 73. Въ указателѣ не отмѣчено, что изъ рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11 напечатаны значительныя отрывки во второй части сочиненія г. Перетца. Такъ какъ въ указателѣ хронологія рукописей не показана, то приходится имѣть дѣло только съ библиотечными знаками рукописей, что затрудняетъ пользованіе самимъ указателемъ. Затрудненіе это увеличивается еще и оттого, что не отдѣлены въ указателѣ тѣ рукописи, на которыя авторъ дѣлаетъ простыя ссылки, отъ тѣхъ, которыя вошли въ составъ его сочиненія въ болѣе или менѣе значительныхъ извлеченіяхъ.

Мы окончили разборъ сочиненія г. Перетца и не безъ внутренняго раздвоенія должны выразить о немъ наше окончательное мнѣніе. Не мало въ немъ, какъ мы видѣли, недостатковъ, преимущественно методологическихъ, но въ цѣломъ оно представляется намъ новымъ по замыслу и значительнымъ по содержанию. Избравъ для своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій русской пѣсни твердую отправную точку въ юго-западныхъ виршахъ конца XVI и начала XVII вѣка, авторъ обращается прямо къ старопечатнымъ книгамъ и къ рукописнымъ сборникамъ виршевой поэзіи и спускается отъ нихъ къ народной пѣснѣ, а не наоборотъ, какъ это большею частію дѣлалось прежде. Правда,

онъ не захватываетъ вопроса съ внутренней стороны, не указываетъ съ достаточной полнотой и ясностью на точки соприкосновенія между народнымъ міровоззрѣніемъ и виршевымъ, между народной поэтической техникой и виршевой, не выясняетъ переходныхъ ступеней въ малорусскихъ вліяніяхъ и великорусскихъ воспріятіяхъ въ исторической преемственности этихъ явленій, но всѣ эти пробѣлы мы объясняемъ труднымъ положеніемъ автора, который въ виду не собраннаго еще и вообще мало извѣстнаго матеріала долженъ былъ самъ готовить почву для своихъ изслѣдованій и взять на себя множество черновыхъ и кропотливыхъ работъ, неизбежно связанныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, разбросанныхъ въ разныхъ бібліотекахъ и архивахъ. Въ результатѣ получилась та первоначальная обработка сырого матеріала, которая послужитъ надежнымъ основаніемъ для другихъ болѣе всестороннихъ изслѣдованій. Довольно сказать, что сочиненіе г. Перетца, всецѣло посвященное виршамъ, обнимаетъ этотъ громадный и въ то же время крайне подвижный и зыбкій матеріалъ на пространствѣ двухъ вѣковъ — отъ конца XVI до конца XVIII в. Другого подобнаго сочиненія пока нѣтъ въ наукѣ, поэтому намъ кажется, что оно вполне заслуживаетъ половинной преміи имени митрополита Макарія.

П. Житецкій.

Кіевъ. 1901 г. Апрѣля 10 д.

III.

В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника. СПб. 1899.

Въ «Письмахъ русскаго путешественника», замѣчаетъ г. Сиповскій въ предисловіи къ своему труду, «ясно отражается личность Карамзина; они, кромѣ того, интересны, какъ произведеніе, съ которымъ органически связывается развитіе всей новѣйшей русской литературы — и, наконецъ, историку культуры они даютъ показанія, очень цѣнныя для пониманія русскаго общества конца XVIII вѣка». . . — Изученію Путешествія Карамзина съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія посвящена третья, послѣдняя глава сочиненія г. Сиповскаго. Въ этой главѣ Письма русскаго путешественника разсматриваются: а) съ біографической стороны, б) съ историко-литературной стороны и в) съ историко-культурной стороны. Въ двухъ предшествующихъ главахъ находимъ: а) біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ до времени путешествія и б) свѣдѣнія о литературной исторіи Писемъ русскаго путешественника (происхожденіе «Писемъ»; исторія текста «Писемъ»; слѣды литературныхъ вліяній въ «Письмахъ»; литературный жанръ «Писемъ»). Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина».

Достоинство такихъ научныхъ трудовъ, какъ трудъ г. Сиповскаго, — трудовъ, въ которыхъ вниманіе изслѣдователя сосредото-

точивается на изученіи одного литературнаго произведенія, — опредѣляется тщательностью и законченностью разработки избранной темы, полнотой собранныхъ фактовъ, новизной и основательностью соображеній и выводовъ.

Исслѣдованіе г. Синовскаго вполне удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ.

Для сужденія о степени тщательности работы г. Синовскаго можно указать на тотъ отдѣлъ его сочиненія, гдѣ указываются слѣды литературныхъ вліяній въ «Письмахъ русскаго путешественника». Разсмотрѣвъ внимательно «рядъ произведеній описательнаго характера (путешествія, описанія городовъ), указанія на которыя мы находимъ въ «Письмахъ русскаго путешественника», г. Синовскій замѣчаетъ: «кромѣ этихъ сочиненій, есть цѣлый рядъ справочныхъ изданій и «путешествій», на которыя въ «Письмахъ русскаго путешественника» нѣтъ никакихъ ссылокъ, хотя они были знакомы Карамзину и для «Писемъ» его дали нѣкоторый матеріаль. Нѣсколько такихъ сочиненій найдены нами случайно при *последовательномъ чтеніи* находящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ сочиненій, по содержанію и по времени изданія близкихъ къ «Письмамъ русскаго путешественника» (стр. 314). Внимательность и старательность, которыя обнаруживаются въ этомъ «*последовательномъ чтеніи*» справочныхъ сочиненій и путешествій, открываются также на тѣхъ страницахъ книги г. Синовскаго, которыя заняты сравненіемъ текста двухъ первыхъ изданій «Писемъ русскаго путешественника» (стр. 170 и слѣд.).

Рядомъ съ тщательнымъ, кропотливымъ подборомъ фактовъ находимъ у г. Синовскаго новыя сопоставленія фактовъ, счастливыя соображенія и догадки. Для примѣра укажемъ замѣчанія г. Синовскаго о разницѣ между первыми и послѣдними «Письмами русскаго путешественника». «Нельзя, наконецъ, не сказать, — пишетъ г. Синовскій, — что «Письма русскаго путешественника» оказались настолько чуткими къ субъективнымъ воздѣйствіямъ ихъ автора, что десять лѣтъ промежутка между появленіемъ въ свѣтъ первой половины ихъ и второй замѣтно отразились на

нихъ: «Письма» состарился вмѣстѣ съ ихъ творцомъ. . . Во второй половинѣ «Писемъ» преобладаетъ уже жизнь «разумомъ», сентиментализмъ же еле замѣтенъ. . . Карамзинъ холоднѣе смотритъ на все и пользуется своимъ «произведеніемъ» уже для проведенія въ публику своихъ позднѣйшихъ взглядовъ, чувствъ и интересовъ. . . Такимъ образомъ, хотя «Письма» дѣйствительно могутъ быть названы «зеркаломъ» души Карамзина, но изслѣдователь долженъ очень осмотрительно относиться къ этому зеркалу, чтобы не смѣшать взглядовъ Карамзина, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни» (стр. 448 — 449). Разсматривая «Письма русскаго путешественника» съ историко-культурной стороны, г. Сиповскій приводитъ любопытныя данныя изъ исторіи цензуры въ екатерининское и павловское время; эти данныя извлечены изъ бумагъ архивовъ сенатскаго и Государственнаго Совѣта (стр. 551). Помѣщенная въ приложеніяхъ статья: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» очень интересна по новымъ соображеніямъ о русскомъ масонствѣ.

Конечно, не со всѣми догадками и выводами г. Сиповскаго можно согласиться; можно указать въ его трудѣ кое-что лишнее, кое-что недостающее, но эти маленькіе недочеты не понижаютъ высокой цѣнности сочиненія, написаннаго даровитымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ.

Не колеблясь, признаю сочиненіе г. Сиповскаго заслуживающимъ поощрительной преміи.

Ив. Ждановъ.

16 марта 1901 г.

У.

Указатель къ „Опыту Россійской Библіографіи“ **В. С. Сопикова** (къ книгамъ гражданской печати). Составилъ **В. Н. Рогожинъ**. Москва 1900 г., XII + 284 стр.

Въ ряду такъ называемыхъ «справочныхъ изданій», необходимыхъ для библіотекарей и собирателей старинныхъ книгъ, для записныхъ библіографовъ и вообще изслѣдователей по исторіи прежней русской литературы, уже около девятидесяти лѣтъ числится и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ извѣстный трудъ В. С. Сопикова — *Опытъ Россійской Библіографіи*.

Такое важное значеніе этого труда основывалось на нѣкоторыхъ неоспоримыхъ его достоинствахъ. Послѣ краткихъ «реестровъ» и «росписей» — начальныхъ попытокъ отечественной библіографіи, только случайно находившихъ себѣ пріютъ на листахъ газетъ и журналовъ или на оберткахъ иныхъ книгъ, — вслѣдъ за нѣмецкимъ изданіемъ Бакмейстера *Russische Bibliothek* и *Систематическимъ обзорніемъ литературы въ Россіи* (Шторха и Аделунга), обнявшими печатныя произведенія лишь за небольшіе періоды времени (первое за 1772 — 1787 гг., а второе — съ 1801 по 1806 годъ), — *Опытъ* Сопикова безспорно явился первымъ обширнымъ каталогомъ или первоначальнымъ «книжнымъ сводомъ». Какъ ревностно преданный библіографіи, составитель *Опыта* занесъ на страницы пятитомнаго своего труда свыше тринадцати тысячъ названій для вышедшихъ въ Россіи

книгъ, начиная съ первенцевъ русскихъ типографій XVI столѣтія и кончая современными ему «книжными произведеніями», вышущенными изъ-подъ печатнаго станка въ первые два десятилѣтія XIX вѣка; кромѣ того, онъ позаботился указать на истинныхъ авторовъ при довольно длинной вереницѣ анонимныхъ книгъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлалъ ссылки на журнальныя рецензіи о нихъ или самъ обронилъ любопытныя бібліографическія замѣчанія, — даже увлекаясь мыслию «скучное полезное растворить нѣкоторою пріятностію» помѣстилъ въ своемъ трудѣ «разныя сочиненія какъ прозою, такъ и стихами, взявъ онѣя изъ такихъ книгъ, которыя имѣють неоспоримое достоинство»¹⁾).

Но, несмотря на заботливыя старанія Сопикова, *Опытъ Россійской Библіографіи* не уберегся отъ нѣсколькихъ существенныхъ недостатковъ, мало терпимыхъ особенно въ «справочныхъ изданіяхъ»: такъ, въ него закралась довольно значительныя опечатки (въ именахъ, цифрахъ, форматахъ книгъ), которыя могли смущать (да и дѣйствительно приводили въ недоумѣніе) неопытныхъ изслѣдователей; нѣкоторыя заглавія изданій, списывавшіяся съ «объявленій», а не съ «подлинниковъ», или произвольно сокращавшіяся составителемъ, чтобы только не увеличить размѣры *Опыта*, уже не разъ подавали поводъ къ невѣрнымъ заключеніямъ о той или другой книгѣ; наконецъ, отсутствіе правильно выдержаннаго «алфавитнаго указателя заглавій книгъ и фамилій авторовъ», о чемъ думалъ, но что не успѣлъ за смертію исполнить самъ Сопиковъ, всегда тормазило полный успѣхъ пользованія его *Опытomъ*.

«Несовершенства» уже съ давнихъ поръ и до настоящаго времени побуждали русскихъ бібліографовъ, начиная съ извѣстнаго «книголюбца» митрополита Евгенія и кончая современными дѣятелями на томъ же поприщѣ, то исправлять, то дополнять *Опытъ Россійской Библіографіи*. Даже четверть вѣка тому назадъ была сдѣлана попытка дать и *Алфавитный указатель именъ авторовъ*,

1) *Опытъ Россійской Библіографіи*, часть вторая, предувѣдомленіе, стр. II.

переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ «Опытъ Россійской Библіографіи В. Сопикова» (томы II — V)¹⁾. Но все это были случайныя или частичныя «исправленія», невольно заставлявшія желать «наиболѣе полного улучшенія» Сопиковскаго труда. Какъ бы въ отвѣтъ на такое желаніе библіографовъ, теперь появилась книга В. Н. Рогожина.

«Будучи вполне увѣрены, что при настоящемъ положеніи русской библіографіи *Опытъ* Сопикова надолго сохранить свое значеніе, какъ необходимое справочное пособіе при изученіи литературы XVIII столѣтія, — говоритъ г. Рогожинъ въ предисловіи къ своему труду, — мы предприняли составленіе *Указателя*, который, надѣмся, возможно облегчитъ пользованіе трудомъ Сопикова» (стр. IV — V).

Сообразно съ этою «практическою» цѣлью, г. Рогожинъ, прежде всего, даетъ въ своей книгѣ (стр. 1 — 120) *Указатель сокращенныхъ заглавій* къ изданіямъ, упомянутыхъ въ *Опытѣ* Сопикова, и самъ же предварительно объясняетъ весьма удобный планъ такого *Указателя*. «Сокращенныя заглавія — пишетъ онъ — расположены въ алфавитномъ порядкѣ по первому имени существительному въ именительномъ падежѣ заглавія книги. Заглавія книгъ, начинающіяся съ предлоговъ, междометій и именъ числительныхъ, помѣщены по алфавиту этихъ же частей рѣчи; многочисленныя оды, рѣчи, слова и стихи сгруппированы по алфавиту или лицъ, для которыхъ писались, или же событіямъ, по поводу которыхъ они подносились» (стр. V).

Нельзя не признать за такимъ *Указателемъ* несомнѣнной и важной пользы. Кому часто приходилось обращаться къ *Опытѣ* Россійской Библіографіи, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно въ этомъ обширномъ каталогѣ иной разъ отыскать необходимую

1) Этотъ «Алфавитный Указатель», составленный П. О. Морозовымъ, былъ напечатанъ въ приложеніи къ *Запискамъ Императорской Академіи Наукъ* 1876 г., т. XXVIII, № 5, стр. 1 — 47.

книгу или случайно, перелистовавъ нѣсколько страницъ, найти ее на несоотвѣтственномъ мѣстѣ: Сопиковъ, какъ извѣстно, расположилъ свой *Опытъ* не по строгой азбучной системѣ, да и не успѣлъ, какъ упомянуто выше, приложить «алфавитнаго указателя» ко всему многотомному труду. Теперь же *Указатель* г. Рогожина впервые даетъ прямую и твердую «аріаднину нить» къ скорому и успѣшному пользованію *Опытomъ* Сопикова, что намъ удалось провѣрить черезъ многочисленныя справки.

Но, при такомъ признаніи, намъ приходится сдѣлать и одну существенную оговорку: «Алфавитный указатель» г. Рогожина весьма полезенъ для библиографическихъ разысканій только при условіи, если заглавіе отыскиваемой книги не измѣнено по своему самямъ Сопиковымъ. Для разясненія приводимъ хотя одинъ примѣръ изъ собственной практики. Существуетъ на русскомъ языкѣ книга съ такимъ заголовкомъ: *Собраніе разныхъ забавныхъ и веселыхъ повѣстей, или Исторической Магазинъ для разума и сердца. Перевелъ съ французскаго Никита Унковской*. Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи, 1779 года, двѣ части (по экземпляру нашей собственной библіотеки). Это изданіе совершенно правильно занесено Смирдинымъ въ «краткой росписи книгамъ по азбучному порядку» подъ словомъ «Собраніе» (см. *Роспись* Смирдина, стр. LXXVII и 671, № 9417). Между тѣмъ Сопиковъ, кромѣ сокращенія и даже опущенія имени переводчика, перемѣстилъ произвольно слова въ заглавіи этой книги, и она явилась на страницахъ *Опыта* уже въ слѣдующемъ видѣ: *Магазинъ (Историческій), или собраніе разныхъ забавныхъ и веселыхъ повѣстей; переводъ съ французскаго; 2 части; Москва 1779* (см. *Опытъ* Сопикова ч. III, стр. 371, № 6132; см. также ч. IV, стр. 466). Вслѣдствіе такого размѣщенія у Сопикова, названная нами книга, естественно, и въ «Алфавитномъ указателѣ» г. Рогожина стоитъ не подъ существительнымъ именемъ — «Собраніемъ», какъ бы требовала система составителя *Указателя*, а подъ словомъ «Магазинъ» (стр. 36).

Такихъ примѣровъ, конечно, наберется не много, и, за исклю-

ченіемъ ихъ, повторяемъ, что «Указатель сокращенныхъ заглавій», впервые только теперь составленный для *Опыта Россійской Библіографіи*, долженъ принести большое подспорье библіографамъ и безспорно заставить ихъ на будущее время быть признательными г. Рогожину, рѣшившемуся на кропотливый, механической трудъ, котораго не выполнилъ и самъ Сопиковъ.

Подобною же «практическою» задачею руководился В. Н. Рогожинъ и при послѣдующихъ трехъ частяхъ своей работы. Сверхъ разобраннаго «реестра сокращенныхъ заглавій», онъ далъ для *Опыта Россійской Библіографіи* еще три новые «Указателя»: а) авторовъ, переводчиковъ, издателей и редакторовъ (стр. 121 — 182 и стр. 209); б) собственныхъ именъ, преимущественно историческихъ (стр. 183 — 190), и в) книгъ, печатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и за границей (стр. 191 — 192).

Два послѣдніе «Указателя» можно по справедливости назвать новинками для отечественной библіографіи: ихъ нельзя отыскать не только при такихъ справочныхъ изданіяхъ прежняго времени, какъ *Роспись* Смирдина и *Реестръ* Ольхина, но даже и при новыхъ каталогахъ, напримѣръ — Межова. Поэтому работа надъ двумя названными «Указателями» составляетъ прямую заслугу г. Рогожина и представляетъ очевидный образецъ для другихъ каталогистовъ.

Однако, при неоспоримой пользѣ второго и третьяго «Указателей», собственно для библіографовъ, обращающихся къ *Опыту* съ запросами о той или другой старинной книгѣ и ея авторѣ, наиболѣе важенъ первый Рогожинскій «Указатель» (т. е. писателей, переводчиковъ, издателей и редакторовъ), который совсѣмъ не былъ составленъ Сопиковымъ и до сихъ поръ лишь отчасти восполнялся трудомъ г. Морозова. Этотъ «Указатель», благодаря трудолюбію и знаніямъ г. Рогожина, получилъ не только практическое значеніе, но и историко-литературный интересъ: руководя обращающагося къ *Опыту* указаніями на какого-либо автора или переводчика и помѣщая при ихъ именахъ рядъ номеровъ, подъ которыми у Сопикова значатся произведенія этихъ

лицъ, — онъ въ то же время доставляетъ любопытныя и даже новыя матеріалы для словаря русскихъ писателей, раскрывая псевдонимы и анонимы, относя ко многимъ литературнымъ дѣятелямъ неизвѣстныя раньше сочиненія или переводы.

Не имѣя въ виду перечислять всѣ интересныя и отличающіяся новизною свѣдѣнія Рогожинскаго «Указателя авторовъ, переводчиковъ, издателей, редакторовъ и др. лицъ», для поясненія ограничиваемся двумя болѣе рельефными примѣрами. Первый изъ нихъ касается одного изъ раннихъ друзей баснописца Крылова — Ивана Герасимовича Рахманинова, довольно извѣстнаго въ нашей литературѣ XVIII вѣка своими переводами изъ Вольтера. Съ его именемъ Сониковъ зачислилъ въ *Опытъ Россійской Библиографіи* девять произведеній, что съ точностію повторилъ и г. Морозовъ въ своемъ «Алфавитномъ Указателѣ» (стр. 35). На самомъ же дѣлѣ оказывается, что въ *Опытѣ* названо еще девять анонимныхъ трудовъ Рахманинова, которые теперь впервые, на основаніи безспорныхъ доказательствъ, открываетъ Рогожинскій «Указатель» (стр. 165) и, такимъ образомъ, вдвое увеличиваетъ переводческую дѣятельность стариннаго русскаго литератора.

Другой примѣръ относится къ иностранному писателю, до «Указателя» г. Рогожина несправедливо зачисленному въ рядъ якобы нашихъ отечественныхъ писателей. Такъ, въ *Опытъ Россійской Библиографіи* отмѣчена брошюра — *Отвѣтъ на вопросъ: чьмъ мы одолжены Испаніи, соч. г. Абденина* (ч. IV, стр. 104, № 7966), съ очевидною опечаткою въ фамиліи автора, т. е. Аб (бата) Денина, извѣстнаго италіанскаго историка (1731 — 1813 гг.). Между тѣмъ «Указатель» г. Морозова помѣстилъ это лицо въ формѣ *Абденинъ*, какъ именительной надежъ фамиліи (стр. 1), и только въ настоящее время Рогожинскій «Указатель» (стр. 121 и 138) разъясняетъ эту путаницу, хотя, прибавимъ, и онъ приводитъ невѣрно *Денинъ* вмѣсто: *Денина* (Denina).

Подтверждая такими двумя примѣрами достоинства Рогожинскаго «Указателя», мы, тѣмъ не менѣе, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія его «списка авторовъ», считаемъ необходимымъ сдѣ-

лать нѣсколько поправокъ и дополненій, которыя, надѣемся, послужатъ къ улучшенію *Опыта Россійской Библиографіи*, а именно: Андреевъ, Козьма Ѡ. . . , по отцу *Федоровичъ*, о чемъ см. *Чтенія въ Обществомъ Исторіи и Древностей* (1862 г., кн. 3, отд. I, стр. 10).

Байковъ, Павелъ., по отчеству *Сертьевичъ*, умеръ 26 февраля 1816 года (*Древн. и Нов. Россія* 1878 г., № 4, стр. 349).

Бакунинъ, Модестъ. имѣлъ отчество *Петровичъ* (тамъ же). Безакъ, Христіанъ Христіановичъ, именовался и *Христіанъ Ивановичъ*, какъ указываютъ «Записки С. Н. Глинки» (*Русск. Вѣстникъ* 1866 г., т. 61, кн. 2, стр. 672 — 673).

Богородицкій, Алексѣй не *Дмитріевичъ*, а *Демидовичъ*, какъ вѣрнѣе указываетъ и самъ г. Рогожинъ въ другомъ мѣстѣ, на стр. 270.

Богоявленскій И. . . . Это — *Иванъ* Богоявленскій, о рукописныхъ переводахъ котораго упоминается въ *Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума*, составленномъ А. Востоковымъ (стр. 590).

Бригонцій, Иванъ. по отцу *Осиповичъ*.

Бѣляевъ, Иванъ. носилъ отчество *Ивановичъ* и состоялъ губернскимъ прокуроромъ въ Калугѣ (см. *Современникъ* 1857 г., кн. 3, отд. V, стр. 262).

Бѣляковъ, Михайлъ. . . . по отцу *Инатъевичъ*, о чемъ см. книгу Н. Барсукова: *Жизнь и труды Погодина* (кн. I, стр. 25) и *Русскую Старину* 1888 г., кн. 9, стр. 501 — 503.

Веницѣевъ, Семенъ. . . . *Никифоровичъ*, какъ указываютъ: *Москвитянинъ* 1842 г., кн. 2, стр. 476 — 477 и *Современникъ* 1857 г., кн. 3, отд. V, стр. 261 — 262.

Волковъ, Платонъ. *Григорьевичъ* (о немъ см. *Русск. Архивъ* 1885 г., кн. 5, стр. 29 — 30).

Діонисій, архимандритъ, по фамиліи *Цѣнтаевъ* (см. *Списки іерарховъ* Строева, стр. 911).

Дубровскій, Адріанъ. . . . *Ларионовичъ*, какъ показываютъ «Письма

С. Р. Воронцова» въ *Архивъ князя Воронцова*, кн. XVI, стр. 3, 24, 35 — 36 и слѣд.

Зиновьевъ, Дмитрій. . . . *Николаевичъ*, о чемъ см. *Труды Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи* при Казанскомъ Университетѣ за 1898 — 1899 годъ.

Каменскій, Михаилъ. . . Это — графъ Михаилъ *Федотовичъ* Каменскій, какъ указываетъ *Словарь* митр. Евгенія (т. I, стр. 45).

Кандорскій, Иванъ — Михаилъ. . . Здѣсь въ третьемъ словѣ, конечно, досадная опечатка: надо читать *Михайловичъ*. Это — отчество протоіерея Кандорскаго, о которомъ см. *Сборникъ въ честь митр. Филарета*, М. 1883 г., ч. I, стр. 18.

Каринъ, Н. Это — *Николай Григорьевичъ Каринъ*, питомецъ Московскаго Университета (о немъ см. книгу Шевырева: *Исторія Московскаго Университета*, стр. 48).

Кобылецкій, Даніиль. . . *Акимовичъ*, какъ указано въ *Древн. и Нов. Россіи* 1880 г., № 6, стр. 290 — 299.

Колокольниковъ, Василій. . . *Яковлевичъ*, какъ онъ названъ въ *Сборникъ Импер. Русск. Историческ. Общества*, т. II, стр. 133 — 140.

Константиновъ, придворный актеръ. . . именовался *Алексѣемъ*.

Кочубей Василій. . . *Васильевичъ*, какъ называетъ его Шевыревъ въ *Исторіи Московскаго Университета*, стр. 76.

Локатели. . . . *Іоаннъ Баптистъ*, названный такъ въ *Драматическомъ Словарь* (М. 1787 г., стр. 146).

Масловячъ, Василій. . . . *Григорьевичъ*, какъ показываютъ документальныя свѣдѣнія, напечатанныя въ *Русской Старинѣ* 1892 г., кн. 7, стр. 139 — 142.

Метальниковъ, Иванъ. . . *Яковлевичъ*, какъ о томъ упоминается въ сборникѣ *Литературный Вечеръ*, М. 1844, стр. 259.

Мещерскій, князь. Это — гофмаршалъ генераль-лейтенантъ князь *Прокопій Васильевичъ Мещерскій*, любопытныя свѣдѣнія о которомъ появился въ *Курскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* (1894 г., № 27) и *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* (1895 г., прибавл., № 3, стр. 95 — 97).

Останавливаемъ здѣсь свои библиографическія замѣтки, касающіяся «списка авторовъ», и переходимъ къ послѣдней важной части «Указателя» В. Н. Рогожина, озаглавленной довольно скромно: «примѣчанія, дополненія и поправки», но заключающей обширный и важный комментарий къ *Опыту Россійской Библиографіи* (стр. 210 — 283). Эта часть, также появляющаяся лишь по счастливой инициативѣ г. Рогожина и вносящая много новыхъ данныхъ въ исторію оригинальной и переводной русской литературы, позволяетъ видѣть, какими рѣдкими источниками руководился составитель «Указателя» при своей сложной работѣ. Такъ, кромѣ существующей библиографической литературы, близко знакомой г. Рогожину, въ его рукахъ были мало доступные всѣмъ, но драгоценные источники, какъ напримѣръ: подлинныя рукописныя дѣла Московской Цензуры за время царствованія Павла I, давшія объясненія къ сто двадцати одной анонимной книгѣ, — копія съ письменной довѣренности вдовы переводчика Рахманинова по изданію трудовъ ея покойнаго мужа, библиографическіе матеріалы, собранные Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ и хранящіеся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ¹⁾, рукописныя замѣтки извѣстнаго библіофила С. Д. Полторацкаго на экземплярѣ *Опыта* Сопикова, находящемся въ Румянцевскомъ Музеѣ, и — наконецъ — самые «подлинники» болѣе замѣчательныхъ книгъ, перѣдко съ любопытными автографами.

При помощи такихъ документальныхъ матеріаловъ г. Рогожину удалось разоблачить много литературныхъ псевдонимовъ, указать дѣйствительныхъ авторовъ для длиннаго ряда безыменныхъ книгъ, исправить и пополнить прежнія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ писателяхъ, критически отнестись къ большинству показаній Сопикова и всѣхъ послѣдующихъ библиографовъ, — словомъ, произвести надъ *Опытомъ Россійской Библиографіи* строго-

1) Какъ извѣстно, только небольшая часть этихъ «Матеріаловъ» появилась въ *Книговедѣніи* (1894 г., №№ 3 — 4).

фактическое разслѣдованіе и тѣмъ самымъ дать надежное руководство, которое, несомнѣнно, будетъ настольною книгою у всѣхъ, занимающихся исторіею русской литературы и библиографическими разысканіями за періодъ XVIII и начала XIX столѣтій.

Но русская библиографія, по выраженію одного изслѣдователя, «такое море, котораго не вычерпнуть и самыми усовершенствованными снарядами». Поэтому и намъ приходится отмѣтить слѣдующіе нумера изъ разбираемой части Рогожинскаго *Указателя*, по поводу которыхъ требуются новыя добавочныя объясненія:

- № 1755 — 1756. «Вѣроятно — замѣчаетъ г. Рогожинъ — переводъ перваго изданія этой книги (*О подвигѣ Христіанина*) принадлежитъ ему же» (т. е. Ивану Тодорскому). Судя по нашему экземпляру, это — дѣйствительный фактъ, такъ какъ при книгѣ находится посвященіе Д. И. Балашеву съ подписью: «Орловскаго духовнаго училища бывшій учитель Иванъ Тодорскій».
- № 1792. Нельзя основываться на колеблющемся показаніи Генпади, что *Азбука*, «кажется, составлена митрополитомъ Евгениемъ Болховитиновымъ», а слѣдуетъ обратить вниманіе на замѣчанія г. Шмурло въ *Библиографъ* (1887 г., № 12, стр. 124).
- № 2491. Это — переводъ дѣйствительно И. Татищева, какъ свидѣлствуетъ его собственное письмо (см. *Архивъ кн. Воронцова*, М. 1884 г., кн. XXX, стр. 414).
- № 2573. Книга безспорно принадлежитъ переводчику Ивану Андреевичу Вельяшеву-Вольщеву, какъ убѣждаетъ предисловіе его къ другому переводу — *Исторіи о крестовыхъ походахъ* (см. наше изслѣдованіе *Вольтеръ въ русской литературѣ*, Спб. 1878 г., стр. 31).
- № 3044. Однимъ изъ составителей *Грамоты дворянству* былъ Аписимъ Титовичъ Клязевъ, о чемъ см. *Русскій Архивъ* 1885 г., кн. 8, стр. 461 — 474.
- № 3364. Г. Рогожинъ ссылается на митрополита Евгенія, кото-

- рый говорить, что графу П. С. Потемкину «приписывается лирическая драма *Зельмира и Смьлонъ*». Но уже давно напечатано одно современное письмо, прямо подтверждающее это предположеніе (см. *Русск. Архивъ* 1879 г., кн. 8, стр. 441).
- № 3526. Буквы *К. П. Ц.* давно разгаданы: онѣ обозначаютъ «князя Павла Дмитріевича Циціанова» (см. *Русскую Статину* 1890 г., кн. 4, стр. 141).
- № 3661. «Приписано — говорить г. Рогожинъ — Сопиковымъ Евгению Болховитянову». Однако такое приписываніе имѣеть основанія, указанные въ *Библиографъ* 1888 г., № 5 — 6, стр. 229 — 230.
- №№ 3760 — 3761. Эти двѣ книги «перевель съ латинскаго языка *У. А. М.*» Три инициала обозначаютъ «учителя Александра Мельгунова», о чемъ см. въ книгѣ С. Смирнова: *Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи*, М. 1855, стр. 336.
- № 3800. *Журналъ Отечественной Музыки* издавался не только въ 1806 году, какъ указываетъ Сопиковъ, но и въ 1807 году, о чемъ см. замѣтку Н. Губерти въ *Россійской Библиографіи* (1881 г., № 83, стр. 149 — 151).
- № 3893. О *Журналь Каррикатуръ* сохранилось дѣло 1808 года; отрывокъ изъ этого дѣла напечатанъ въ *Новомъ Времени* (1888 г., № 4331) и прямо указываетъ на издателя — Алексѣя Гавриловича Венеціанова.
- № 3978. Это — переводъ не Ивана Тимковскаго, а *Ивана Евсевича Срезневскаго*, какъ документально показано въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1898 г., кн. 6, стр. 360).
- №№ 4835 — 4842. О многихъ изданіяхъ *Исторіи о разореніи Трои* необходимо имѣть въ виду библиографическую замѣтку А. Савича (см. *Библиографъ* 1887 г., № 1, стр. 7 — 8).
- № 5635. Комедія *Страсть къ стихотворству*, анонимная у Сопикова и не нашедшая разгадки переводчика въ матеріалахъ г. Рогожина, переведена на русскій языкъ «барономъ

Павломъ Фодоровичемъ Мальтицемъ», какъ указываютъ «Письма Пикара къ кн. А. Б. Куракину» (см. *Русскую Старину* 1878 г., кн. 5, стр. 66).

№ 6132. Какъ мы уже сказали выше, книга, анонимно обозначенная у Сопикова, переведена съ французскаго *Никитой Унковскимъ*, что указано на заглавномъ листѣ ея и подѣ «посвященіемъ» О. М. Толстому.

№ 6232. Эта переводная книжка имѣла длинное заглавіе, которое значительно сокращено въ *Опытъ* Сопикова (см. о томъ въ *Современникъ* 1857 г., кн. 7, стр. 73).

№ 6533. Нельзя думать, что эту книгу «перевели П. П. и С. Л.»; на заглавномъ листѣ ея, какъ указано въ *Словарь* Геннади (т. II, стр. 240), стояло: «съ нѣм. перев. *П. П. и К. С. Л-в-т-в-мъ*», что означаетъ: «переведено Придворнымъ Протоіереемъ и Кавалеромъ Сергѣемъ Ливотовымъ».

№№ 6851 — 6852. Подѣ этими двумя нумерами значатся повѣсти съ одинаковымъ названіемъ: «*Нещастная Лиза*»: первая изъ нихъ можетъ принадлежать князю Долгорукову, но вторая несомнѣнно напечатана Василиемъ Семеновичемъ Раевскимъ, какъ указано въ *Молвъ* (1835 г., № 5, стр. 75 — 76).

№ 6931. Подѣ «предисловіемъ» къ этой книгѣ, какъ видно изъ экземпляра нашей бібліотеки, стоятъ еще загадочные инициалы: С. У.

№ 7055 Это — «рѣдчайшая ода», принадлежащая перу М. М. Хераскова; она напечатана не въ 1800 году, какъ показываетъ *Опытъ* Сопикова, а въ 1801 году. Мы перепечатали ее по своему экземпляру въ статьѣ, помещенной въ *Русскомъ Вѣстникъ* (1901 г., кн. 4, стр. 483 — 487).

№ 7093. Буква С., стоящая при заглавіи этой книги, теперь разгадана: она обозначаетъ инициалъ фамиліи автора — *И. Е. Срезневскаго* (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г., кн. 6, стр. 354).

№ 7190. Эта ода, по обычаю значительно измѣненная въ за-

- главіи Сопиковымъ и показанная имъ безъ имени автора, принадлежитъ «учителю Московской Славено-Греко-Латинской Академіи Михайлѣ Завьялову», какъ значится въ концѣ самой оды (по экземпляру нашей собственной бібліотеки).
- № 7419. Опера «*Душинька*» (sic) написана *Аркадіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ* и графомъ *Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ* (см. *Русскую Старину* 1878 г., кн. 11, стр. 546).
- № 7580. Это «*Описаніе городовъ Московской губерніи*» принадлежитъ *проф. Харитону Андреевичу Чеботареву*, какъ указываетъ любопытная замѣтка въ *Московскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* (1871 г., № 14, стр. 136).
- № 7663. Въ нашей бібліотекѣ находится не только «*Описаніе*», но и самыя «карты» (сто четыре штуки), «сочиненныя К(оллежскимъ) А(ссесоромъ) Петромъ Шелеховымъ», съ изображеніемъ губерній Россіи.
- № 7896. «Здѣсь (т. е. въ *Опытѣ о челоовкѣ*, переведенномъ Н. Поновскимъ), — говоритъ г. Рогожинъ, — Амвросію принадлежатъ исправленія во многихъ мѣстахъ при разсужденіяхъ до вѣры принадлежащихъ». Такую общую фразу слѣдуетъ подтвердить ссылкой на детальную «Исторію изданія *Опыта о челоовкѣ*», напечатанную проф. Н. С. Тихонравовымъ (см. *Русскій Архивъ* 1872 г., кн. 7, стр. 1311 — 1322 и *Сочиненія Н. С. Тихонравова*, М. 1898 г., т. III, ч. 1, стр. 82 — 89).
- № 8016. При книгѣ «*Оттѣнки моего сердца*», изданной, по словамъ Сопикова, какъ «сочиненіе г. У. Ва», и анонимно — по *Росписи* Смирдина, невозможно сослаться только на первое изданіе *Исторіи русской словесности* Галахова (т. II, стр. 125), гдѣ говорилось, что названная книга принадлежитъ какому-то *Ушакову*. Во второмъ изданіи своего труда г. Галаховъ исключилъ прежнее показаніе, конечно потому, что появилось свидѣтельство И. А. Второва о безспорной принадлежности «*Оттѣнковъ*» *П. Урусову* (см. *Русскій Вѣстникъ* 1875 г., кн. 5, стр. 121).

- №№ 8835 — 8839. Въ пастоящее время о книгѣ *Правила нѣмтшескія* появилась большая статья А. П. Кадлубовскаго въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1899 г., кн. 7, стр. 189 — 240).
- № 9125. Эта книжка принадлежит *В. В. Желочеу* (въ монашествѣ — *Виталію*), какъ указываетъ «*Каталогъ бібліотеки Московской Духовной Академіи*» (стр. 277).
- № 9171. *Путешествіе иумена Биноса* переведено съ нѣмецкаго Михаиломъ Ивановичемъ Антоновскимъ, какъ онъ самъ упоминаетъ въ своихъ «*Запискахъ*» (см. *Русскій Архивъ* 1885 г., кн. 2, стр. 161).
- № 9209. Эта книга переведена А. Н. Радищевымъ, какъ можно думать на основаніи его «*Писемъ къ А. Р. Воронцову*» (см. *Архивъ князя Воронцова*, кн. V, стр. 289 и 297).
- № 9589. *Разсужденіе о мирѣ и войнѣ* дѣйствительно принадлежитъ Василію Ѳедоровичу Малиновскому, какъ подтверждаетъ его «*Письмо къ А. Р. Воронцову*» (см. *Архивъ князя Воронцова* кн. XXX, стр. 394), хотя на заглавномъ листѣ книжки стоятъ только инициалы: *В. М.*
- № 9619. Это изданіе состоитъ изъ двухъ «разсужденій»: первое — *О религіи патріарховъ, до Закона жившихъ* — В. Кутневича, а второе — *О пользѣ и важности церковной исторіи* — А. Скородумова; послѣднему, кромѣ того, принадлежало «*Разсужденіе о началѣ идолопоклонства*» (см. книгу И. Чистовича: *Исторія С. Петербургской Дух. Академіи*, Спб. 1857 г., стр. 143).
- № 10.014. У Сопикова въ инициалахъ переводчика вкралась ошибка; судя по подлиннику нашей собственной бібліотеки, на заглавномъ листѣ книжки значится: «вновь переведена на Россійскій языкъ *М. Ю.*».
- № 10.025. Заголовокъ этой книги, какъ видно изъ подлинника нашей бібліотеки, не только сокращенъ Сопиковымъ, но даже измѣненъ.
- № 10.278. Только *первое изданіе* «Сказанія» (1787 г.) безъ

- «присовокупленія сокращеннаго описанія» напечатано В. Г. Вороблевскимъ; *второе же изданіе* (1795 г.) «съ присовокупленіемъ» вышло подъ руководствомъ И. О. Туманскаго (см. статью Пекарскаго въ *Современникъ* 1855 г., т. LI, кн. 5, отд. II, стр. 34).
- № 10.824. Объ этомъ *Словъ* и его авторѣ см. наши *Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы* (Сиб. 1885 г., стр. 10).
- № 11.088. Переводъ *Сокращенія универсальной исторіи* (1808) принадлежалъ О. И. Чумакову, о чемъ см. *Труды Общества Любителей Россійской Словесности*, М. 1812 г., ч. IV, стр. 205.
- № 11.535. Кромѣ перепечатки, исполненной К. О. Калайдовичемъ (1818 г.), теперь есть и третье изданіе *Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній* (М. 1878 г.).
- № 11.596. Второе изданіе книги *Судъ Шемяки* (М. 1794 года) и предисловіе къ ней принадлежать А. Осипову (см. *Русскій Архивъ* 1890 г., кн. 4, стр. 569 — 574).
- № 12572. Объ этой брошюрѣ, приписываемой Фонвизину, см. нашу замѣтку въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1892 г., № 11, стр. 805.
- № 12615. Эта книжка, какъ значится на экземплярѣ нашей бібліотеки, «переведена съ французскаго языка на русскій Артиллеріи Сержантомъ Николаемъ Ивановымъ».
- №№ 12969 — 12970. О двухъ изданіяхъ этой книжки и ея авторѣ см. наши *Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы*, стр. 7.

Послѣ такихъ бібліографическихъ замѣчаній, намъ остается упомянуть о трехъ приложеніяхъ къ *Указателю* В. Н. Рогожина: эти приложенія — а) «Списокъ рѣдкихъ книгъ, по *Опыту* Сопикова» (стр. 193 — 204), б) «Списокъ книгъ, проданныхъ Академическимъ Комитетомъ въ 1808 году на вѣсь» (стр. 205 — 208), г) «Списокъ книгъ, напечатанныхъ при Академіи Наукъ и проданныхъ на вѣсь въ 1806 году» (стр. 208). Если два послѣдніе

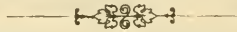
«Списка» являются готовою перепечаткою изъ *Опыта Россійской Библіографіи* (ч. II, стр. 393 — 399) и потому не имѣютъ особенной важности въ глазахъ библіографовъ, то первый «Списокъ», напротивъ, составленъ самимъ г. Рогожинымъ на основаніи отмѣтокъ Сопикова, въ разныхъ мѣстахъ его труда, и можетъ при быстрыхъ справкахъ служить удобнымъ руководствомъ. Жаль только, что при «рѣдкихъ книгахъ» этого «Списка» составитель нигдѣ не упоминаетъ, почему та или другая изъ нихъ считается и теперь «печатнымъ раритетомъ». Напримеръ, «рѣдкость» книги *Кумъ Матовъ* (стр. 198) объясняется двумя любопытными документами, помѣщенными въ *Архивъ кн. Воронцова* (М. 1881 г., кн. XX, стр. 491 — 493), а трудность найти изданіе трагедіи *Юлій Цесарь* (стр. 204), переведенной Карамзинымъ, обусловлена извѣстнымъ распоряженіемъ о ней кн. А. А. Прозоровскаго: «отложить въ число вредныхъ книгъ», т. е. предать уничтоженію (см. *Лѣтописи Русской Литературы*, Тихонравова, М. 1863 г., т. V, отд. II, стр. 10). Подобныя «отмѣтки при рѣдкихъ книгахъ», несомнѣнно, представили бы значительный историко-литературный интересъ, подтверждая классическое изреченіе: «Habent sua fata libelli».

Заключая свой разборъ Рогожинскаго *Указателя*, мы считаемъ долгомъ признать, что замѣченные нами пробѣлы его восполняются высокими качествами труда, заслуживающими благодарности со стороны библіографовъ и должнаго поощренія со стороны высшаго научнаго учрежденія — Императорской Академіи Наукъ. Поэтому мы ходатайствуемъ предъ Отдѣленіемъ Русскаго Языка и Словесности о награжденіи книги г. Рогожина одною изъ Макаріевскихъ премій, — наградъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ того знаменитаго іерарха Русской церкви, который въ своихъ историческихъ трудахъ всегда опирался на рукописные

или печатные памятники литературы и собственные изслѣдованія постоянно сопровождалъ многими «библіографическими примѣчаніями».

Главный библіотекаръ Императорскаго
Московскаго Унiversитета Д. Д. Языковъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ LXXIII, № 4.

С. М. Жульбакинъ.

КЪ ИСТОРИИ И ДІАЛЕКТОЛОГІИ
ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА.

- I. Фонетика сважендзскаго говора.
II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лпн., № 12

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1903 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1901 году три слишкомъ мѣсяца провелъ я въ небольшой деревнѣ Сважендзѣ (Swarzędz-Schwersenz) при городкѣ того же названія, не вдалекѣ отъ г. Познани, — съ цѣлью ознакомиться съ особенностями великопольскаго нарѣчія, малодоступнаго для изученія по печатнымъ матеріаламъ.

Посѣщая близъ лежащія деревни: Грущинъ, Вѣржонку, Вѣрженицу, Кобылье-Поле, я собралъ нѣкоторый матеріаль, характеризующій въ общихъ чертахъ говоръ названныхъ мѣстъ, безъ опредѣленія точныхъ границъ его.

Замѣчу, что населеніе этихъ мѣстъ чисто польское, нѣмецкій элементъ очень слабъ. Такъ, въ Сважендзѣ изъ 361 чел. жителей — 33 нѣмца, въ Грущинѣ изъ 158 ч. — 28 нѣмцевъ, въ Вѣрженицѣ 252 поляка и ни одного нѣмца.

За обработку собраннаго матеріала, первоначально имѣвшаго служить мнѣ лишь для самопоученія, я взялся въ виду почти полнаго отсутствія специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ великопольскимъ говорамъ: извѣстна лишь небольшая статья г. Лецѣвскаго о говорѣ Miejskiej Górki, да двѣ статьи болѣе общаго характера: Кольберга о великопольскихъ говорахъ вообще и Петрова о говорахъ рыпиньскаго и линновскаго уѣздовъ Плоцкой губерніи. Послѣднія двѣ статьи слишкомъ бѣглы и неточны, какъ и великопольскіе тексты Кольберга.

Миѣ казалось, что при такой бѣдности литературы, посвященной великопольскому нарѣчію, не окажутся лишними и мои наблюденія надъ сважендзскимъ говоромъ, хотя и не претендующія на особенную полноту, ни на тонкость фонетическихъ опредѣленій. Въ первомъ отношеніи даю столько, сколько успѣлъ замѣтить за три мѣсяца, во второмъ — столько, сколько позволяло мое ухо и моя фонетическая подготовка.

Долженъ замѣтить, что и сважендзскій говоръ, какъ и вообще польскіе говоры, отличается значительнымъ консерватизмомъ въ области фонетики и представляетъ больше матеріала изслѣдователю въ области морфологіи.

Въ настоящее время я издаю лишь обработку матеріала, относящагося къ фонетикѣ. Морфологія сважендзкаго говора, къ которой будетъ присоединено нѣсколько образцовъ говора, готовится къ печати.

Обрабатывая собранный матеріалъ главнымъ образомъ не съ точки зрѣнія фонетика, но съ точки зрѣнія историка языка, я невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора.

Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ, я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Выработывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соотвѣтствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики.

Сознаюсь, — рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной. Но если сдѣланный обзоръ дѣйствительно, какъ миѣ казалось, заполняетъ нѣкоторый пробѣлъ въ научной литературѣ, то меня, быть можетъ, не упрекнутъ въ отступленіи отъ своей темы.

Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія пныхъ изслѣдователей, — въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи обще-польской долготы.

Вотъ почему, во избѣжаніе несоотвѣтствія названія содержанію работы, я долженъ былъ избрать заглавіе болѣе общее: Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка.

Обѣ части работы тѣсно связаны: въ первой, формулируя вопросы общепольской фонетики, я имѣлъ въ виду результаты изслѣдованія вопроса о польскомъ количествѣ; во второй—я опирался на матеріаль, сообщенный въ первой.

Естественное влеченіе чувства ведетъ меня къ выполненію симпатичной традиціи, установившейся въ научной литературѣ: при окончаніи перваго, болѣе или менѣе обширнаго, труда вспомнить съ чувствомъ сердечной признательности всѣхъ, чьи уроки, участіе, помощь, совѣтъ привели къ началу работы и споспѣшествовали ея окончанію.

Чувство искренней благодарности долженъ выразить моему учителю А. А. Кочубинскому, подъ руководствомъ котораго протекла вся моя научная подготовка.

Глубокая признательность — Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за нравственную и матеріальную поддержку въ теченіи моей научной подготовки, ободряющую въ работѣ и позволяющую всецѣло отдаться наукѣ, также за честь, оказанную мнѣ напечатаніемъ работы на страницахъ «Сборника» Отдѣленія; особенно благодарю за всегда участливое и доброе отношеніе академикомъ В. И. Ламанскаго и А. А. Шахматова.

Благодарю и моихъ друзей: проф. Бернекера въ Прагѣ, проф. Бѣлича въ Бѣлградѣ и Н. В. Ястребова въ Петербургѣ за совѣты, указанія и помощь въ чтеніи корректуръ; Г. А. Ильинскаго, читавшаго корректуры первыхъ листовъ книги, и всѣхъ, чья помощь такъ или иначе сказалась въ работѣ.

С. Кульбакинъ.

Бѣлградъ 1 марта 1903 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
I. Фонетика сважендзскаго говора.	1—89
<i>Обозначеніе звуковъ сважендзскаго говора.</i>	<i>1— 4</i>
<i>Отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ об.-польскимъ .</i>	<i>4—89</i>
1. Общепольское а.	4—10
Рефлексы об.-п. а въ говорахъ 4—6. Рефлексы об.-п. а въ Сважендзѣ 6—9. Начальное а 10.	
2. Общепольское ё.	10—15
Рефлексы ё въ польскомъ 10—14. Рефлексы ё въ сважендзскомъ говорѣ 14—15.	
3. Общепольскія і, у, и.	15—21
Долгія и краткія і, у, и въ об.-польскомъ 15—16. Начальныя і, у, и 16 с. Группы ку, гу 16 с. Группы љі, љі, љі 16—17. Гласныя і, у, и въ сочетаніи съ љ въ польскихъ говорахъ, въ частности въ сважендзскомъ 17—21.	
4. Общепольскіе носовые	21—45
Рефлексы об.-слов. носовыхъ въ польскомъ 21. Исторія вопроса 21—23. Носовые въ полабскомъ 24—26. Носовые въ кашубскомъ 26—27. Оцѣнка взглядовъ 28—31. Количественныя отношенія 32—33. Новыя измѣненія носовыхъ въ польскихъ говорахъ 33—43. Носовые въ сважендзскомъ говорѣ 43—45.	
5. Польскіе рефлексы об.-слов. сочетаній og, ol, eg, el — согл.	45—48
Отношеніе польскихъ рефлексовъ къ кашубскимъ 46—47. Количественныя отношенія 48. Сважендзскіе рефлексы сочетаній 48.	

6. Польскіе рефлексы об.-сл. * \underline{y} г, \underline{y} г, \underline{y} л, \underline{y} л. 49—61
 Ихъ объясненіе 49—51. Формула Фортунатова и сонантическая теорія 51. Польское -аг и кашубское -'аг 52—53. Общезап.-слов. формула 54—56. Количественныя отношенія 56—61. Сважендзскіе рефлексы сочетаній 61.
7. Общепольскіе ъ, ё 61—67
 Начальное о 61—62. Переходъ 'е въ 'о 62—63. Вторичное удлиненіе ё, ъ 63—64. Рефлексы е, ъ въ говорахъ 65. Сважендзскіе рефлексы 66—67.
8. Польскіе рефлексы об.-слов. ъ, ь 67—79
 Эпоха отпаденія и выпаденія ъ, ь 68—69. Условія выпаденія и вокализациі 69—77. Вторичное удлиненіе рефлексовъ ъ, ь 77. Сочетанія ъ, ь + j 77—78. Сважендзскіе рефлексы 78—79.
9. Польскіе рефлексы об.-слов. согласныхъ 79—89
 I. Согласные p, b, v, m, n, r, d, t, z, s 79—80. II. I (велярное) 80—82. III. Согласные k, g, ch 82—82. IV. Согласные въ положеніи предъ j 83. V. Согласные въ положеніи предъ гласными передняго ряда 83—84. VI. Въ положеніи предъ ь 85—87. VII. Об.-слов. ě', ž', š' и ě, dž, ś 87—88. VIII. Согласный j 88. IX. Явленія ассимиляціи 88. X. Частныя явленія сважендзкаго консонантизма 88—89.
- II. Условія возникновенія об.-польскихъ долготъ . . . 90—200
1. Исторія вопроса 90—103
 Паркошъ и Заборовскій 90. Малецкій 90—91. Бодуэнъ де-К., Ксав. Малиновскій 91. Семеновичъ 91—93. Миклошичъ 94—96. Лось 96. Лескинъ о сербскомъ количествѣ 97—98. Количество въ чешскомъ 98. Въ словянскомъ 99. Показанія болгарскаго 100—101. Лужицкій 102. Польскіе носовые (Торенцъ) 102—103.
2. Общепольское происхожденіе долготы. 103—111
 Совпаденіе въ показаніяхъ отдѣльныхъ говоровъ въ общихъ категоріяхъ суженныхъ гласныхъ 104—108 и въ отдѣльнымъ словахъ 108—111.
3. Общесловянскіе долгіе гласные предъ старымъ удареніемъ 111—119
 Носовые 111—112. Долгое а 112. Долгое ё 112—113. Сочетанія og, ol, eg, el + согл. 113. Сочетанія ъ, ь + \underline{y} , \underline{y} + согл. 113—114. Отступленія 114—115. Кашубскій 115—

116. Неясныя акцентуативныя отношенія 116—118. Предударный слогъ въ русскомъ 118—119.

4. Об.-слов. долгиѣ подѣ старымъ удареніемъ 119—139

Носовые 119—121. Восходящая долгота въ иныхъ гласныхъ 122—123. Нисходящая долгота 124—125. Кашубскій 126—127. Отступленія 127—133. Неясныя отношенія 133—134. Словацкій языкъ и моравскіе говоры 134—138. Смѣшанные чешско-польскіе говоры 138—139.

5. Долгота во второмъ предѣ удареніемъ слогѣ . . . 139—140

6. Долгота въ слогѣ послѣ ударенія 140—141

7. Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ 141—143

8. Долгота изъ стяженія 143—148

Категоріи долгихъ гласныхъ изъ стяженія 143. Формы gen.-dat. s. m. прилагательныхъ на -ého, -ému 143—147. Формы типа zvař—zná. 148. Infinitiva типа vác 148.

9. Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ 148—154

Сохраненіе краткости 148—149. Отступленія 149—154.

10. Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ. 154—171

Законъ сербскаго удлиненія 154—156. Удлиненіе въ чешско-словацкомъ 156—159. Законъ польскаго удлиненія 159—160. То же—въ кашубскомъ и моравскихъ говорахъ 161. Пониманіе закона 161—163. Формы gen. pl. 163—165. Инфинитивныя формы 165—168. Infinitiva на -nać 168—170. Причастіе 170. Нарѣчія 170. Форма 3 pl. praes. 171. Луковецкія имена на -ук изъ -ъкъ 171.

11. Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ 172—186

Въ сербскомъ 172. Въ чешскомъ 172—173. Чешскіе долгиѣ въ закрытыхъ слогахъ. Принципъ мѣны качества долготы 173—177. Словацкій 177. Тотъ же принципъ въ сербскомъ, словинскомъ и болгарскомъ 177—178. Краткіе и сократившіеся долгиѣ гласные въ закрытомъ слогѣ въ польскомъ 178—182,—при положеніи ударенія за слогомъ съ ѣ, ѣ 182—183. Формы gen. s. уменьшительныхъ типа dąbka въ связи съ ф. nom. s. 183—186.

12. Вторичныя именныя, мѣстоименныя, глагольныя и иныя образованія 186—205

Вторичныя именныя образованія и гипотеза сокращенія долготы предѣ ударяемымъ долгимъ слогомъ 186—

188. Долгота въ гласномъ суффиксовъ 188—191. Долгій гласный префикса 191—193. Долгота во флексіи 193—195. Мѣстоименныя формы 195—196. Прилагательныя 197—199. Числительныя 199. Нарѣчія 200. Глагольныя формы, кашубскій Verbal-Ablaut 200—205.

13. Къ хронологіи явленій. 206—210

Результаты 206—208. Замѣчанія о хронологіи явленій 208—210.

Дополненія и исправленія. 211—216

Къ страницамъ: 5, 9, 11, 15, 19, 20, 43,

45, 48, 63, 68, 74, 79, 83, 85, 88, 97, 98, 99,

111, 141, 154, 156, 164, 169, 171, 178. . . 211—215

Неточности транскрипціи 215—216

Опечатки 216

Списокъ сокращеній 217—219

Указатель именъ. 221—222

Указатель говоровъ. 223—224

Фонетика Сважендзскаго говора.

Для обозначенія звуковъ сважендзскаго говора употребляю слѣдующіе знаки:

1. Чистые гласные:

Знакъ а обозначаетъ гласный задняго (нелабіализованнаго) ряда нижній (velar-niedrig, back-low).

Знакъ о — гласный задняго лабіализованнаго ряда (velar-gerundet, back-round), средній (mittel, mid).

Знакъ и — гласный задняго лабіализованнаго ряда верхній (velar-gerundet-hoch, back-round-high).

Знакъ у — гласный средняго нелабіализованнаго ряда верхній (palato-velar-hoch, mixed-high).

Знакъ е — гласный средняго нелабіализованнаго ряда средній (palato-velar-mittel, mixed-mid). Та же буква послѣ смягченныхъ согласныхъ обозначаетъ — гласный передняго нелабіализованнаго ряда средній (palatal-mittel, front mid).

Знакъ і — гласный передняго нелабіализованнаго ряда верхній (palatal-hoch, front-high).

Знакъ ѱ — гласный передняго лабіализованнаго ряда верхній (palatal-gerundet-hoch, front-round-high).

Ср. Sievers⁵, 103. Русскую терминологию заимствую у акад. Фортунатова (Сравн. яз.). Болѣе тонкія различія въ положеніи языка такъ-же, какъ разницу между «открытыми» и «закрытыми» или «узкими» и «широкими» въ смыслѣ «gespannt» и «ungespannt» (narrow и wide) оставляю необозначенными,

такъ какъ не всегда могъ бы съ увѣренностью эти различія установить. Кажется, гласные а, о, и, е являются, обычно, «открытыми» (ungespannt). Нѣкоторыя детали — при описаніи отдѣльныхъ фонетическихъ явленій.

2. Носовые гласные:

о — звукъ задняго лабиализованнаго ряда.

е — средняго нелабиализованнаго ряда, послѣ смягченныхъ согласныхъ — звукъ передняго нелабиализованнаго ряда.

Оба носовые гласные отличаются по отношенію къ соответствующимъ чистымъ о, е бѣльшимъ подъемомъ языка т. е. стоятъ ближе къ верхнему гласному соответствующихъ рядовъ: и, і, являются повышено-средними (raised mid или lowered high).

Спорадически — у₁ — средняго нелабиализованнаго ряда верхній.

Все носовые гласные характеризуются слабой степенью носалированія т. е. образуются при небольшомъ отворѣ въ носовую полость.

3. *Дифтонги*: оц, цц, іц, въ которыхъ первую слоговую часть представляютъ гласные о, ц, і, вторую неслоговую — неслоговое и (нисходящіе дифтонги); дифтонги цо, це, цу, наоборотъ, въ первой части содержатъ неслоговое ц, во второй слоговые о, е, у (восходящіе дифтонги).

Что касается дифтонгическихъ сочетаній а₁, е₁, і₁, у₁, о₁, ц₁, то долженъ оговориться, что не въ состояніи былъ строго отличить вообще і отъ j и потому не могу съ увѣренностью говорить о нихъ; пишу вездѣ j.

4. *Согласные*: а) *сопорные*: а) *плавные*: r обозначаетъ альвеолярное r («alveolares gerolltes Zungenspitzen — r»).

l — палатальное l.

ʎ — задненебное l (velares); артикуляція его характеризуется слѣдующими моментами: 1) отсутствіе зубного затвора, какой мы наблюдаемъ, напр., при произношеніи русскаго твердаго л; конецъ языка лежитъ низко, языкъ оттягивается назадъ; 2) су-

женіе образуется задней частью языка противъ мягкаго нѣба;
 3) закругленіе губъ, нѣсколько меньшее, чѣмъ при гласномъ и.

β) *Носовые:*

Губной m.

Зубной n; замѣчу, что по отношенію къ главному объекту моихъ наблюденій, крестьянкѣ Михалинѣ Скрипчакъ, могу установить альвеоларный вариантъ зубного n (alveolares), по крайней мѣрѣ въ положеніи не предъ зубнымъ t, d: конецъ языка подымается къ альвеоламъ верхнихъ зубовъ, не касаясь этихъ послѣднихъ, тогда какъ при t, d онъ находится у верхнихъ зубовъ (ср. Sievers⁵ 61 с.).

Задненѣбное (velares) n.

Палатальное ñ.

Палатализованное ñ̃.

б) *Мнозвенные:*

Губные — глухой p и звонкій b.

р̃, б̃ обозначаютъ палатализованный губной взрывъ.

Зубные: глухой t и звонкій d.

Задненѣбные — глухой k и звонкій g (передніе задненѣбные —
 vordere velare k¹, g¹).

Палатальные средненѣбные k, g̃.

с) *Фрикативные:* глухой задненѣбный ch; звонкій средненѣбный фрикативный j. Губнозубные: звонкій v и глухой f; мульбированный звонкій ṽ.

Съ точностью установить границу между губно-зубными и губно-губными артикуляціями v вообще трудно; но мнѣ казалось, что сважендзское v относится къ области губно-зубныхъ артикуляцій; отъ ц оно рѣзко отличается даже акустически.

Нѣбно-зубные: глухой s и звонкій z, повидимому, слѣдуетъ ближе опредѣлять, какъ альвеоларные.

Такъ же опредѣляетъ s, z литературнаго выговора западной Галиціи проф. Розвадовскій (Mater. i prase. I 1, 111 с.).

Палатальные нѣбнозубные ś, ź.

Нѣбнозубные: глухой š и звонкій ž.

Точнымъ опредѣленіемъ ихъ затрудняюсь; ср. вообще объ этихъ звукахъ у Sievers'a⁵ 131 с. Проф. Розвадовскій опредѣляетъ ихъ, какъ «predogzalno — alveolare»; во всякомъ случаѣ *š, ž* въ сравненіи съ *s, z* — звуки болѣе задніе и образуются ббльшимъ подъемомъ языка, чѣмъ *s, z*.

d) *Нѣбнозубные аффрикаты:*

Глухой *s* и звонкій \widehat{dz} представляютъ слитное сочетаніе мгновенной *t, d* и фрикативной *s, z*.

Глухой *ś* и звонкій \widehat{dz} — слитное сочетаніе мгновенной смягченной *t, d* и фрикативной *ś, ź*.

Глухой *š* — слитное сочетаніе мгновенной *t* и фрикативной *š*; въ сравненіи съ *s* характеризуется тѣмъ же, чѣмъ *š* въ сравненіи съ *s*.

5. *Количество.* Различія между долгими и краткими гласными нѣтъ, какъ и въ большинствѣ другихъ польскихъ говоровъ.

6. *Удареніе* — обычно на предпоследнемъ слогѣ.

ОТНОШЕНІЕ СВАЖЕНДСКИХЪ ЗВУКОВЪ КЪ ОБЩЕПОЛЬСКИМЪ.

1. Общепольское а.

Гласный *a*, первоначально долгій, какъ можно думать въ виду показаній сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, былъ полученъ польскимъ языкомъ изъ общесловянскаго по крайней мѣрѣ отчасти долгимъ, такъ какъ условія сокращенія его въ польскомъ не всегда совпадаютъ съ условіями сокращенія въ другихъ славянскихъ языкахъ, — отчасти же, быть можетъ, и краткимъ (напр. въ открытомъ концѣ слова ср. П ч. изслѣдованія). Долгое *a* затѣмъ сокращалось или сохранялось въ зависимости отъ положенія главнаго ударенія въ словѣ, но независимо отъ закрытости или открытости слога и качества слѣдующаго согласнаго.

Позже краткое об.-п. *a*, оказавшись въ закрытомъ конечномъ слогѣ въ виду отпаденія конечнаго полугласнаго, получало удли-

неніе, если слогъ оканчивался однимъ изъ звонкихъ или сонорныхъ (плавныхъ и носовыхъ) согласныхъ; такое же вторичное удлиненіе произошло во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ.

Наконецъ, къ той же — общепольской эпохѣ относится возникновеніе долгаго а изъ стяженія двухъ гласныхъ.

Данныя памятниковъ и историческія свидѣтельства дѣлаютъ вѣроятной мысль, что долгое а, какъ и другіе долгіе гласные, существовало еще въ XIV вѣкѣ, и что долгота была соединена въ немъ съ измѣненіемъ артикуляціи въ направленіи къ гласному о.

Двойное написаніе аа съ одной стороны, о вм. ā съ другой — уже въ лат. грамотахъ XIII вѣка; ср. выводы г. Лося въ статьѣ «O samogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI» (Prace Fil. 1887, II 1, с. 119—143).

Съ теченіемъ времени долгота исчезла и осталась лишь вторая характерная черта, — тотъ характеръ артикуляціи, который въ современныхъ народныхъ говорахъ польскихъ отличаетъ рефлексъ о.-п. долгаго а, — такъ называемое *á ścieśnione* или *roschylone*, — отъ обыкновеннаго а, какъ рефлекса о.-п. а краткаго. Впрочемъ, въ бжезинскомъ говорѣ *á* является долгимъ см. Rozpr. VIII, 186 с.

«Наклоненное» а (*roschylone*), какъ видно изъ существующихъ діалектологическихъ работъ, является общей чертой народныхъ польскихъ говоровъ на всей территоріи польскаго языка.

Характеръ артикуляціи этого звука не во всѣхъ говорахъ одинаковъ; въ однихъ *á* совпало съ рефлексомъ о.-п. ѓ т. е. является въ видѣ о; въ другихъ говорахъ, повидимому, является звукомъ, отличнымъ отъ о, хотя изслѣдователи не даютъ точнаго опредѣленія этого звука. При этомъ судьба *á* въ положеніи предъ носовыми согласными *m*, *n*, обычно, нѣсколько иная, чѣмъ въ иныхъ сочетаніяхъ: въ нѣкоторыхъ говорахъ, вообще сохраняющихъ особую артикуляцію *á*, отличную отъ артикуляціи гласнаго о, — въ положеніи предъ *m*, *n* вмѣсто *á* является о; въ иныхъ говорахъ, гдѣ обычно *á* совпадаетъ съ о, предъ *m*, *n* оно является въ видѣ «ó» (и).

Въ группѣ говоровъ, условно выдѣленныхъ проф. Флоринскимъ подъ именемъ малопольскихъ, находимъ á, какъ звукъ, отличный отъ о, въ говорѣ збжидовскомъ («á pośredniczy między a i o, więcej się jednak zbliża brzmieniem do ostatniego» Rozpr. IX, 155 с.), бжезинскомъ Rozpr. VIII, 189; опочиньскомъ Rozpr. XI, 152 с. и ясовскомъ Rozpr. VIII, 81 с. Въ послѣднихъ двухъ предъ m, n (въ опочиньскомъ и предъ l, ð) á является въ видѣ о. Въ Славковѣ Zbiór X, 211 и ропчицкомъ повѣтѣ Zbiór XIV, 32 с. на мѣстѣ о.-п. долгаго а вообще является о. Изъ силезскихъ говоровъ: въ опельнскомъ «á nähert sich dem o.... vor nasalcons. wird á zu o oder gar zu ó» (L. Malinowski «Ueber d. oppeln. Mund.» 6 с.); въ яскомъ á = о, предъ m, n = ó Rozpr. XII, 18 с. Изъ малоизученныхъ мазурскихъ говоровъ въ д. Луковцѣ на мѣстѣ á—о; въ повѣтѣ пращницкомъ о, предъ m, n—ó. Spraw. V, 72—126. Въ Закопаняхъ (горальскій) «á ma brzmienie średnie między a i o, często bardzo bliskie o, a niegaz niczym się nie różni od samogłoski o» Rozpr. X, 171 с.

Общія указанія относительно произношенія рефлекса о.-п. долгаго а въ говорахъ герцогства познанскаго даетъ Kolberg (Zbiór I, 1—36 сс.): въ восточныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ á болѣе склонно къ о, — въ Полукахъ и Крайниѣ = о; на югѣ эта склонность меньше, подъ Равичемъ и Кротошиномъ á = ай: kajzać, żaŕden; въ говорѣ Wschowska á = о и ой: mosz и moŕsz, gospodoŕz. Относительно говоровъ прилегающихъ къ познанской области уѣздовъ рыпиньскаго и липновскаго илюцкой губерніи А. Petrow (Zbiór II) свидѣтельствуется: á выговаривается какъ о, иногда какъ u: ron — run.

Въ говорѣ Miejskiej Górkі (Rozpr. IX, 115) á = оⁿ, предъ m, n — u.

Въ сважендзскомъ говорѣ рефлексомъ о.-п. ä является а, рефлексомъ же о.-п. ā: о, u, оц.

О изъ о.-п. ā слышится въ Сважендзѣ, обычно, внутри слова (независимо отъ открытости или закрытости слога) и въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ согласнымъ неносовымъ; предъ носовыми m, n является u; оц слышится, обычно, въ конечномъ открытомъ слогѣ, за исключеніемъ формы личнаго мѣстоименія ja (= ja), нарѣчій tego, zago, dziśo и предлога dlo (въ тѣсномъ сочетаніи со слѣдующимъ словомъ); далѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ закрытомъ конечномъ слогѣ: предъ спирантами ć, ź, ě и сложнымъ ŝć; къ послѣдней категоріи случаевъ относятся, главнымъ образомъ, примѣры ā, получившагося изъ стяженія

гласныхъ: 2 л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ типа *znam*, *čyтам* — *znoćš*, *čytoćš* п формы неопред. наклоненія, какъ *šouć*, *loć*, *gžouć*. Однако при *choćoš* (= *chociaž*), *skotoš* (= *skotarz*), *gospodoš*, *rogoć* п т. н. отъ того же лица слышалъ я: *skotoćš*, *gospodoćš*, *rogoć* п даже внутри слова предъ спирантами *ć*, *ch*: *roćićiš* (= *racierz*), *roćchńe* (= *rachńie*) 3 л. ед. ч. наст. вр. — при *roćiš*, *roćhńe*. Съ другой стороны, формы 2 л. мн. ч. наст. вр. *znoće*, *čytoće*, а при обычныхъ *loć*, *šouć* можно иногда слышать *loć*, *šouć*. Въ виду такихъ фактовъ опредѣлить первоначальныя отношенія трудно, тѣмъ болѣе, что относительно другихъ великопольскихъ говоровъ, за исключеніемъ говора Мѣйской Гурки, обстоятельныхъ свѣдѣній нѣтъ. Указанія Кольберга слишкомъ общи. Поэтому воздерживаюсь отъ гаданій.

Примѣры а изъ о.-п. *ā* въ сважендскомъ говорѣ: *baba*, *čapla*, *čaša*, *jama*, *kaša*, *rana*, *skała*, *slava*, *žaba*; *maslo*, *pasmo*, *sadło*, *stado*; г. s. *brata*, *časa*, *gadu*, *gradu*, *kraju*, *pląču*, *raka*, *raju*, *swata*; н. s. *brat*, *čas*, *plac*, *rak*, *svat*.

Примѣры о, u, oц изъ о.-п. *ā* въ сважендскомъ говорѣ въ большинствѣ случаевъ тѣ же, что и въ другихъ говорахъ польскаго языка, которые до сихъ поръ были описаны; діалектическія отклоненія очень незначительны, какъ относительно рефлексовъ *ā*, такъ и относительно рефлексовъ другихъ долгихъ гласныхъ, и это позволяетъ говорить объ условіяхъ возникновенія долготъ въ общепольскомъ языкѣ.

Рефлексы о.-п. *ā* находимъ въ сважендскомъ говорѣ въ слѣдующихъ случаяхъ:

Въ именныхъ образованіяхъ:

Въ *коренномъ гласномъ* первичныхъ именныхъ образованій, съ проведеніемъ рефлекса *ā* во всѣхъ падежахъ: *plōšć* — г. s. *plōšća*; *chwoła*, *trova*, *rof*—*roća*; въ существительномъ сложномъ, съ префиксомъ: *ršyjoćel* (= *przyjaciel*). Въ *коренномъ гласномъ* въ формѣ им. п. въ виду отпаденія конечнаго полугласнаго: *goj*—г. s. *gaju*; *grot* — г. s. *gradu* (*grando*); *kroj*—г. s. *kraju*; *sot*—

g. s. sadu; ros — g. s. razi; vor — g. s. vara; ruu — g. s. rana; Jun — g. s. Jana (имя собственное); сюда же относятся формы им. п. ж. р. именъ темы — i: twoš — g. s. tvažy, kloš — g. s. klašy; несклоняемая форма прилагательнаго неопредѣленнаго им. п. м. р.: rod — ж. р. — rađa.

Въ корешомъ гласномъ именныхъ образованій съ суффиксомъ: provda (= *pravda), zdrojca (= *zradьca), ročca (= radьca), vorно (= *varьno); storek (лит.-п. starek), storka, storušek; сюда же относится краткая форма прилагательнаго (п. с. п.), получившая значеніе нарѣчія: doyno (= *davьno) и мѣстоименныя образованія въ функціи прилагательныхъ: žodnyj, koždyj.

Въ гласномъ суффиксовъ: а) суфф. — ak: žebroк, robok, polok, ptok, rybok, řajdok, řijok, řelok, řžečok, kurčok, řsok; б) суффиксъ — ar-: likoš, gospodoš, kozloš, skotoš; в) суффиксъ — ač-: rogoč, groč, bogoč; д) суфф. — al-: kovol.

Рефлексъ ā — o остается при этомъ и въ косвенныхъ падежахъ: žebroка, roboka, likoža, rogoča, kovola и т. п.

Суффиксъ — ak — въ той же формѣ является въ именахъ фамильныхъ: Novok, Košćelńok, Šymkońok, и отсюда имена фамильныя женскія: Novočka, Šymkońočka, Košćelńočka и т. п.

Во флексіи: въ формѣ им. п. ед. ч. именъ ж. р. темы — ja: zńijojц, dolojц, řešojц, řežojц, bužojц, volojц, rolojц, kuchńojц, řešńojц, řyjojц, mšojц, sukńojц, sušojц, řišńojц, groblojц, bračojц; сюда же — слова заимствованныя на — ija: familijojц, kolacyjojц, parachńijojц, имена собственныя: Maryjojц, Zofijojц, Francyjojц, Turcyjojц. Отмѣчу, что исключеніемъ является — žemа и что при rolojц можно слышать также rola.

То же въ формѣ g. s. именъ средняго рода: mluceńojц, řešeńojц, vybrańojц, rokoleńojц, umarčojц: čas do umarčojц.

Въ им. п. ед. ч. ж. р. прилагательныхъ полной формы: młojц, głurojц, dobrojц и т. п.

Въ глагольныхъ формахъ:

Формы неопредѣленнаго наклоненія съ о.-п. ā, получившіяся изъ стяженія: gžojцé, řńojцé ře, bojцé ře, lojцé, chńojцé, řžojцé.

Формы неопредѣленнаго склоненія съ о.-п. \bar{a} не изъ стянженія: *rosać* (=пасти), *sođzić*, *polić* (ср. отглагольное существительное *poleńie*), *chvolić*, *skokaç*, *godać*, *kozać*, *zakozać*, *stovać*, *fstovać*, *pšestovać*, *znojść*, *sprošać*, *zgrobać*, *rozmoŋać*, *pšeguńać*, *цобоўć*, *vsodzać*, *rumogać*, *skłodać*, *upodać* (ср. *dać*, *sprać*, *gaćić* съ рефлексомъ \bar{a}); въ 3 л. ед. ч. наст. вр. *roćchńie* (*figa roćchńie*); въ 3 л. мн. ч.: *vynoįdom*.

Въ формахъ *настоящаго времени* глаголовъ III класса (съ основой на — а) за исключеніемъ 3 л. мн. ч.: *znum*, *znoųš*, *znoц*, *znumu*, *znoće*; *godum*, *godoųš*, *godоц*, *godumu*, *godоće*. Сюда же относятся глаголы V класса *dam*, *nam*: *dum*, *doųš* и т. д., *mum*, *moųš* и т. д.

Въ формахъ *причастія м. р. прош. времени* на — l тѣхъ же глаголовъ: *ćytoц*, *broц*, *řisoц*, *kozoц*, *doц*; но формы ж. р.: *ćytała*, *brała*, *řisala* и т. д. Это о взъ \bar{a} сохраняется и въ формахъ прошедшаго сложнаго: *brolem*, *ćytolem*, *řisolem* и т. п.

Въ *гласномъ префикса сложныхъ словъ*: въ особую группу должны быть выдѣлены случаи, когда рефлексъ о.-п. \bar{a} находимъ въ гласномъ префикса сложныхъ словъ, будь это существительное, прилагательное или глаголь:

Префиксъ *na*: *porut* (=narod), *pożendźe* (=nażędzie); *nobożeństvo*, но: *naćyńie*.

Префиксъ *za*: *zokun*, *zoduch*, *zopołki*, *zoćerka*, *zosufka*, *zoboўć*, *zovistny*.

Въ формахъ *личнаго мѣстоименія*: *jo* (=ego); *nos*, *vos* = *nas*, *vas*; *num*, *vum* = *nam*, *vam*.

Въ *числительныхъ*: *dvanośće*, *tšynośće*, *ćtyrnośće* и т. д. до *dźeŋetnośće*, что сохраняется и въ порядковыхъ: *dvanostyj* и т. д.

Въ формахъ *превосходной степени*: *pojlepšyj*, *nobażej*, *poŋencej* и т. п.

Въ нарѣчіяхъ *tero*, *zaro* (также *teros*), *dźiśo*, *choćoś*.

Въ *предлогахъ*: *dlo mńe*, *dlo ŋego*.

Занятованныя слова, въ которыхъ литературному польскому а соотвѣтствуетъ о въ сважендзскомъ говорѣ (также и въ другихъ польскихъ го-

ворахъ), должны быть выдѣлены въ особую группу, такъ какъ иногда, быть можетъ, стоять внѣ связи съ о.-п. а: мы не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить съ точностью, какъ эпоху заимствованія, такъ и діалектъ изъ котораго они заимствованы; таковы сважендзскіе: *gvolt* (Gewalt), *kworta* (Quarte), *plastyr* (Pflaster), *špital* (Spital), *korole* (Koralle), *folšyvy* (falsch), *folda*, *tuńec* (Tanz), *tuńcyć* (tanzen), *bol* (Ball), *pora* (Paar), *voga* (Wage); отъ нѣмецкаго колониста въ познанской области слышалъ я: *bol* (Ball), *p̄ūr* (Paar), *vo* (Wage)....

Начальное а (послѣ паузы) произносится, обычно, безъ придыхательнаго элемента: напр. союзы: *a*, *ale* (=sed), *albo*, также иностранныя слова: *angryst*, *alkeš*. Отъ союза *ale*=*sed* нужно отличать утвердительное: *chale*=да, отношеніе котораго къ первому союзу для меня неясно.

Устанавливая отсутствіе придыханія при начальномъ а (*der gehauchte Einsatz*), я не опредѣляю, произносится ли оно со вступительной гортанной эксплозіей (эксплозіей голосовыхъ связокъ — *der feste Einsatz*) или безъ нея (*der leise Einsatz*).

2. Общепольское ё.

Польскій языкъ получилъ изъ общесловянскаго звука, въ которомъ совпали рефлексы индо-европ. \bar{e} и дифтонговъ oj , aj . Звукъ этотъ условно обозначаю знакомъ ё.

Весьма возможно, что звукъ этотъ представлялъ дифтонгическое сочетаніе $\bar{i}e$, какъ думаютъ ак. Фортунатовъ и ак. Шахматовъ въ виду малор. *mira* изъ **миера*, словацкаго *šiega* и чешскаго *šiga* (изъ чешско-словацкаго **šiega*), лужицкаго *šiega* (пишется *šiega*) и сербохорватскаго *šieno*, — въ вѣкоторыхъ говорахъ *šijeno* Изв. VI 4, 269 с. Иначе ак. Соболевскій: данныхъ, доказывающихъ, что ё было въ об.-слов. дифтонгомъ, нѣтъ; ничто не говоритъ о глубокой древности сербскаго дифтонга, и малорусскіе говоры, развившіе дифтонги изъ новаго \bar{e} , очевидно, могли развить ихъ и изъ совпавшаго съ \bar{e} древняго ё. Ж. М. Н. Пр. 292 т., 427—428 с. Относительно лужицкаго ё замѣчу, что въ настоящее время произношеніе его врядъ ли можетъ быть опредѣлено, какъ дифтонгическое; д.-р. Мука овредѣленно говоритъ что ё—«kein Diphthong, sondern ein einfacher Vocal». Hist. und vergl. Laut—und Formenl. 20 с. По опредѣленію проф. Флоринскаго — «і произносимое съ окраской краткаго е, какъ бы і^о» Лекціи II, 603 с. На мой слухъ, ни въ верхне-лужицкомъ (напр. въ будшинскомъ говорѣ), ни въ н.-лужицкомъ (напр. въ Шпревальдѣ), не слышно дифтонга.

На польской почвѣ звукъ этотъ, какъ можно полагать въ виду его перехода предъ извѣстными согласными (t, d, r, n, l, s, z)

въ 'а, являлся въ видѣ е широкаго съ предшествовавшею мягкостью—'ä (проф. Брандтъ «Кр. фон. и морф. н. яз.» 5 с.; акад. Шахматовъ Изв. VI 4, 275 с.), по крайней мѣрѣ предъ указанными согласными.

Прекрасную параллель представляетъ въ данномъ случаѣ старо-славянское ѣ, вѣроятно, также произносившееся, какъ 'ä ср. д-ръ Oblak Arch. XVII, 161 с., ак. Шахматовъ Изв. VI 4, 275 с.

д-ръ Lorenz прививаетъ для польскаго *jä, какъ рефлексъ об.-сл. *ĕ—въ виду того, что при «диспалатализированіи» его (Entpalatalisierung) все же наблюдается смягченіе предшествующей согласной, тогда какъ при такомъ же процессѣ въ гласномъ въ сочетаніи ѣг этого смягченія нѣтъ: «das erklärt sich daraus, dass das ursl. ĕ, wie das Cechische und Slovakische zeigen, schon in gemeinsam westslavischer Zeit in einen Doppellaut, etwa jä, übergegangen ist, während das ѣ Monophthong blieb.» Arch. XXIV 20 с. Но процессъ измѣненія: wiederъ въ wiederъ д-ръ Лоренцъ обозначаетъ тѣмъ же терминомъ «Entpalatalisierung» ibid. 11 с., мягкость предшествующей согласной видимъ и здѣсь: слѣдуетъ ли отсюда, что и об.-сл. *е являлось въ польск. въ видѣ дифтонга *je?...

По мнѣнію ак. Шахматова, въ об.-п. *'ä совпали два звука: * об.-сл. ĕ и * об.-сл. ä, «возникшее путемъ грамматической аналогіи, вліяніемъ однихъ звуковъ на другіе»; такое *'ä видитъ ак. Шахматовъ въ польскомъ суффиксѣ—'an: gumianu—изъ об.-сл. *gumianuj Изв. VI 4, 282 с.

Но об.-сл. *gumianuj, кажется, не достаточно твердо обосновано. Старо-славянскій и чешскій, какъ и польскій, не даютъ никакихъ указаній на *—an, а русское *румяный* и лужицкое *zuknjaņu* удобно объясняются вліяніемъ -an, являвшагося послѣ смягченныхъ согласныхъ; ак. Шахматовъ отвергаетъ это объясненіе («въ виду того, что большинство славянскихъ языковъ представляютъ обратное вытѣсненіе -an черезъ -en»). Но вліянія аналогіи не всегда принимаютъ одно и то же направленіе въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ: ср. распространеніе -m въ 1 л. ед. ч. наст. вр. изъ V класса глаголовъ на другіе классы въ различныхъ славянскихъ языкахъ и наоборотъ: исчезновеніе этого -m въ нѣкоторыхъ глаголахъ V класса — въ русскомъ языкѣ. Остается сербское и словинское -en; достаточно ли ихъ для обоснованія об.-сл. *—an?

Измѣненіе об.-п. ĕ (*'ä) въ 'а предъ извѣстными согласными относится къ доисторической эпохѣ въ жизни польскаго языка: то же измѣненіе находимъ въ кашубскомъ и полабскомъ, хотя въ послѣднемъ не можемъ съ точностью опредѣлить гласный, обозначаемый въ такихъ случаяхъ то буквой o, то буквой a; а діалектически и въ лужицкомъ языкѣ: въ вымершемъ жоравскомъ (Sorau) и полувымершемъ губинскомъ (Guben) говорахъ ср.

Mucke Hist. und vergl. Laut—und F... 63 с. Повидимому, явленіе это было діалектическимъ въ эпоху единства западно-славянскихъ языковъ.

Въ виду такой глубокой древности указаннаго звукоизмѣненія весьма вѣроятной является мысль Малэцкаго (Gramm. hist. polówn. I, 135—137), что въ внутри словъ въ открытомъ слогѣ еще не выпадалъ въ эпоху, когда это звукоизмѣненіе имѣло мѣсто, т. е. въ эту эпоху еще сохранялось *vĕgvnyj (*vāgvnyj), хотя логически это ненеобходимо: въ могло выпасть, но г' оставаться мягкимъ въ эпоху *'ā > 'a; позже г' отвердѣвало, такъ какъ мягкость его ничѣмъ не поддерживалась, тогда какъ въ случаяхъ вроде *vāgītī мягкость эта сохранялась и г' позже измѣнялось въ ĭ.

Въ современныхъ польскихъ говорахъ находимъ четыре рефлекса общепольскаго ě: въ положеніи предъ зубными d, t, n, плавными r, l и твердыми спирантами s, z является 'a или 'á т. е. «наклоненное» а съ предшествующей мягкостью, которое сохраняется, какъ особый звукъ, въ говорахъ, вообще имѣющихъ особый звукъ á изъ об.-п. ā, или звучитъ, какъ о, оцъ въ говорахъ, гдѣ об.-п. ā является въ видѣ о или оцъ. Во всѣхъ пныхъ положеніяхъ изъ об.-п. ě (*'ā) находимъ 'e или 'é т. е. наклоненное e съ предшествующей мягкостью (или безъ нея послѣ отвердѣвшихъ спирантовъ); въ нѣкоторыхъ говорахъ это é изъ ě, какъ и é другого происхожденія, совпадаетъ съ i (y) ср. ниже, въ главѣ объ e. Къ числу послѣднихъ относится и сважендзскій говоръ.

проф. Флоринскій отмѣчаетъ еще одинъ рефлексъ об.-п. ě: «въ лясовскомъ говорѣ (близъ Сандомира) вм. общепольскаго а (изъ ě) слышится иногда (передъ m, n) нѣмецкое ä (е широкое, близкое къ а): śäno, vāno» Лекціи II, 416 с. Но было бы ошибочно считать это ä самостоятельнымъ рефлексомъ об.-п. ě: въ лясовскомъ говорѣ всякое открытое а предъ m, n измѣняется въ a° Arch. V, 634 с.; авторъ діалектологическаго изслѣдованія о лясовскомъ говорѣ, г. Матусякъ пишетъ: poga^oma, rēka^oma, ta^onten = tamten, v ja^omax, pija^ony, s pa^oncm и т. д. и, естественно, также: ze śca^ony (Arch. 636, 639, 641, 646, 647 с.).

Полную аналогію польскимъ рефлексамъ об.-сл. ě: 'a, 'á, 'e, 'é представляетъ кашубскій языкъ: въ соотвѣтствіи польскимъ 'a, 'á въ кашубскомъ—'a и 'ó (гласный долгій, являющійся и на мѣстѣ

об.-сл. \bar{a}); въ соотвѣтствіи польскимъ 'е и 'é въ кашубскомъ — 'ö (е) и ĩ (гласный долгій).

Въ древнепольскихъ памятникахъ гласному 'á ('о, 'оц) современныхъ говоровъ соотвѣтствуетъ aa: dzaal=paris, biaal=albus: современному 'é соотвѣтствуетъ ee: chleeb, byeeg (см. Семеновичъ «Über die Quant.» 17, 23 сс.), т. е. древнепольскій, повидимому, зналъ въ этихъ случаяхъ 'ā и 'ē; современнымъ 'а, 'е соотвѣтствуетъ одинарное написаніе гласной. Какъ мы увидимъ во второй части изслѣдованія, долгота въ такихъ случаяхъ является или въ виду извѣстнаго положенія первоначальнаго ударенія въ словѣ или же въ закрытомъ слогѣ при такомъ положеніи первоначальнаго ударенія, при которомъ въ открытомъ слогѣ является 'а, 'е т. е. краткость.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ мы могли бы слѣдующимъ образомъ формулировать судьбу об.-слов. ě въ польскомъ языкѣ: об.-сл. ě, — гласный ископно-долгій (какъ можно думать въ виду его происхожденія изъ ē и дифтонговъ) являлся и въ польскомъ долгимъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ положеніяхъ, — въ другихъ быть можетъ — краткимъ. Въ виду дифференціаціи его — 'а — 'е получилось изъ одного рефлекса ě — *'ā — четыре: 'ā, 'ā, 'ē, 'ē. Долгота 'ā и 'ē при извѣстныхъ акцентуативныхъ условіяхъ сохранялась и далѣе, при другихъ сокращалась на почвѣ польско-кашубской. Рефлексъ 'ā имѣлъ далѣе ту же судьбу, что и ā изъ об.-п. и об.-сл. ā. Рефлексъ 'ē, подобно ā, съ долготой связывалъ, вѣроятно, извѣстное измѣненіе качества — въ направленіи къ гласной і, затѣмъ съ потерей долготы уже въ историческую эпоху удержалъ качественное отличіе отъ 'ě и является въ современныхъ говорахъ въ видѣ 'é (é) или і (y).

Обычно эти é и і (y) кратки, такъ какъ польскій языкъ вообще потерялъ различіе между краткими и долгими гласными. Необходимо однако огласить, что, по свидѣтельству г. Zawiliński'аго, въ брезиньскомъ говорѣ (малопольскомъ) é, какъ и á, является долгимъ: наклоненные гласные — «łatwo odróżnić od podobnie brzmiących otwartych przez pewnego rodzaju przycisk wywołujący ich przedłużenie.... Нр. zagadka potrzebuje w pierwszej swój części zá — niemal tyle czasu do wymówienia, ile go starczy na wymówienie drugiej części — gadka». Rozpr. VIII, 186 с.

Краткія 'а и 'е въ открытомъ слогѣ оставались краткими, откуда и въ современныхъ польскихъ говорахъ 'а, 'е (въ кашубскомъ тоже — 'а, 'ö — е).

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ согласными звонкими и въ закрытомъ внутреннемъ слогѣ, 'а и 'е получали вторичное удлиненіе и являлись въ видѣ 'ā 'ē, откуда затѣмъ 'á 'é ('о, 'од, і, у). Удлиненіе это имѣло мѣсто позже, нежели дифференціация 'ā 'ē въ зависимости отъ известнаго положенія ударенія въ словѣ, но также, повидимому, въ эпоху общей жизни кашубскаго и польскаго языковъ.

При хронологическомъ опредѣленіи указанныхъ явленій я оставлялъ въ сторонѣ полабскій языкъ, такъ какъ при современномъ состояніи свѣдѣній о немъ нѣтъ возможности съ увѣренностью сказать, были ли ему известны эти явленія. Матеріалъ, какой находимъ, напр., у Шлейхера въ его грамматикѣ полабскаго языка не приводитъ ни къ какимъ твердымъ выводамъ въ вопросахъ о долготѣ.

Примѣры рефлексовъ об.-п. ě въ Сважендзскомъ говорѣ:

a) 'а: stšala, ścana, m̄ara, v̄ara, śara, lato, m̄asto, śano, ćasto, ćalo, v̄atr—v̄atra, kv̄at—kv̄atu, las—lasu, śv̄at—śv̄atu, blask—blasku, kolano, śm̄ajj, opov̄adac.

b) 'о: ḡvozda, ḡnozdo, d̄zolo, d̄zot — d̄zada, ślot—ślodu, polono, pojost—pojazda, sum̄sot—sum̄sada, Ąobot—ąobadu, bolyj, řosek—řosku, klotka, sołki, żotko (= rzadko).

Въ причастіяхъ прош. вр. на —ł глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на — ě: v̄id̄zou, v̄id̄zolem, śed̄zou, śed̄zolem и т. п.

c) 'е: żera (= rzepa), śemie, ḡneva g. s., chleba g. s., m̄cd̄zi g. s., śnegu g. s., vek — veku, m̄echy, źvc̄zu g. s., chleva g. s., roveka, m̄ešunc, d̄zevucha, d̄zevuška.

Прилагательныя: v̄ernyj, levyj, leńivyj, řešyj, ślepyj, m̄ed̄žanyj.

Инфинитивныя формы: jeść; m̄eć, ćešyc, v̄ed̄zeć, um̄eć; m̄ežyc, d̄želić, śed̄zeć, Ąobecać.

d) і (y): żyka, śvica, bida, cyna, licha, ḡzych — ḡychu, śm̄ich—śm̄ichu, st̄ycha, plis̄nie, ḡnif n. s., chlip n. s., m̄iće n. s., śnik n. s., źviš n. s., chlif n. s., śić—śići, śif—śivu, kv̄iće, likoś, d̄živće.

Прилагательныя: *śvížuj, śmíšnyj, śimnyj.*

Въ инфинитивныхъ формахъ: *stšylać, gžyšyc, gńivać še, śpi-
vać, živać, źmínić, lićyc.*

Въ формахъ настоящаго времени глаголовъ *viem* и *jem*: *vim, viš, vi, vimy, více* (но: 3 pl. *vedzom*); *jim, jiš, ji, jimy, jíce* (но: 3 pl. *jedzom*).

Изъ приведенныхъ примѣровъ два: *supa* и *bida* отклоняются отъ правила о переходѣ рефлекса об.-п. *ѣ въ 'а предъ твердыми зубными. проф. Брандтъ объясняетъ лит.-польское *bieda* (при *biada*) вліяніемъ *biedny*, а лит.-пол. *senat* тѣмъ, что—«звукъ с... отвердѣлъ раньше перехода ѣ въ іа, а условіемъ такого расширенія, кромѣ твердости слѣдующаго согласнаго, повидимому, нужно считать еще и мягкость предшествующаго» Кр. фон. и морф. п. яз. 5 с. или, какъ выражается проф. Флоринскій, «сена имѣетъ е, вѣроятно, потому, что с неспособно къ смягченію» Лекціи II, 416 с. Однако, находимъ переходъ *ѣ въ 'а въ словахъ: *sały, salować, sałkiem*: *sena* могло возникнуть подъ вліяніемъ *senić*.

Новое объясненіе предлагаетъ Dr. Lorentz Arch. XXIV, 26 с.: ѣ изъ и.-евр. *c̄, болѣе открытое, всюду измѣнялось въ 'а, ѣ изъ индо-евр. oi, ai было болѣе закрытымъ звукомъ и подвергалось тому же измѣненію лишь въ закрытомъ слогѣ или въ открытомъ, если было краткимъ, но, *будучи долгимъ, въ открытомъ слогѣ оно* не подвергалось диспалатализаци («entpalatalisierung»): отсюда—*béda, céna, césarz, bés — lésa, kołéta*. Правило это удобно объясняетъ указанные факты, но нѣсколько искусственно: въ иныхъ славянскихъ языкахъ ѣ изъ ѣ и ѣ изъ oi, ai совершенно совпали; только въ польскомъ языкѣ должно было сохраниться различіе; и это различіе сохранилось только при двойномъ условіи: долготѣ и открытости слога; все правило основано на 5 примѣрахъ и въ заключеніе противорѣчить ему польское *gýozda* изъ **gǫzda*, каш. *gwiózda*, гдѣ ѣ будучи долгимъ, въ открытомъ слогѣ и изъ дифтонга, — ср. литовское *žvaigždė*, — все таки подвергается «диспалатализаци». Быть можетъ, и въ словѣ *vánek*, — напр. въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 172 с., — долгота является фонетической, въ такомъ случаѣ имѣемъ второй примѣръ, гдѣ ѣ въ открытомъ долгомъ слогѣ изъ дифтонга переходитъ въ 'а (лит. *vainikas*).

3. Общепольскія і, у, и.

Гласныя і, у, и, исконно долгіе, были получены польскимъ изъ общеславянскаго по крайней мѣрѣ отчасти долгими, отчасти же быть можетъ и краткими (ср. II ч. изслѣдованія); долгими они были внутри словъ въ извѣстныхъ положеніяхъ по отношенію къ главному ударенію слова, а также получались вслѣдствіе вторичнаго удлиненія въ закрытомъ слогѣ.

Въ современномъ польскомъ языкѣ, какъ литературномъ,

такъ и въ народныхъ говорахъ изъ этихъ об.-п. *ī, ū, ū находимъ краткіе і, и, у.

Относительно бржезиньскаго говора, гдѣ а и е являются, по свидѣтельству г. Завилинскаго, долгими, не находимъ никакихъ указаній на долготу при і, и, у.

Въ памятникахъ древнепольскихъ удвоеніе буквы для обозначенія долготы гласнаго, обычное при ā, ē, ō, — очень рѣдкое явленіе по отношенію къ гласнымъ і, и, у (ср. rozumъ въ Вислицкомъ статутѣ). Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что ī, ū, ū отличались отъ ĩ, ŷ, ŷ только количествомъ, тогда какъ ā, ē, ō соединяли съ этимъ количественнымъ отличіемъ отъ ā, ē, ō еще и качественное, слѣд. различіе было ярче. Изъ этого необозначенія долготы при ū, ī, ū, конечно, нельзя заключать, чтобы условія сохраненія и сокращенія ихъ были иныя, нежели при ā, ē, ō.

Съ исчезновеніемъ долготы въ польскомъ вообще, об.-п. ī, ū, ū совершенно совпали съ об.-п. ĩ, ŷ, ŷ, тогда какъ ā, ē, ō сохранили качественное отличіе отъ ā, ē, ō. Кашубскій, сохранившій вообще различіе между краткими и долгими, сохранилъ его и при и, і (изъ *ī и *y).

Гласные і, и въ началѣ слова въ сважендзскомъ говорѣ, какъ и въ говорѣ Miejsk'ой Górki (Rozpr. IX, 137), произносятся безъ придыхательныхъ неслоговыхъ ĩ, ц, которые наблюдаются напр. въ нѣкоторыхъ малопольскихъ говорахъ: зебржидовскомъ Rozpr. IX, 150 с., лясовскомъ Rozpr. VIII, 74 с., бржезиньскомъ Rozpr. VIII, 184, опочиньскомъ Rozpr. XI, 149 с.

Происходитъ ли при этомъ предварительный взрывъ голосовыхъ связокъ («der feste Einsatz») или экспирація начинается при предварительномъ сближеніи ихъ (der leise Einsatz), сказать не могу.

Внутри словъ общепольскимъ является передвиженіе артикуляціи въ слогахъ ку, гу изъ средняго ряда въ передній: въ связи съ переходомъ k, g въ смягченные у измѣнилось въ этихъ сочетаніяхъ въ і.

Обратное передвиженіе артикуляціи изъ передняго ряда въ средній, также общепольское, — въ слогахъ ĩi, сi, ŷi, ži: отвер-

дѣніе согласныхъ ѣ, с, ѣ, ѝ и измѣненіе і въ звукъ средняго ряда, который можно обозначить буквой у, хотя, вполнѣ ли этотъ звукъ совпадаетъ съ у въ иныхъ первоначальныхъ сочетаніяхъ, какъ бу́с и т. п., затрудняюсь сказать.

Оба отмѣченныя передвиженія находимъ также въ русскомъ и лужицкомъ языкахъ.

Одной изъ характернѣйшихъ чертъ сважендзскаго говора является рядъ фонетическихъ измѣненій, относящихся къ гласнымъ і, у, и, внутренне между собою связанныхъ: процессы ассимиляціи и диссимиляціи, основанные на особомъ характерѣ артикуляціи согласнаго ɣ, который я уже описалъ въ началѣ работы. Именно, какъ я отмѣтилъ, ɣ произносится безъ зубного затвора съ образованіемъ задненѣбнаго суженія и округленіемъ губъ; артикуляція его, такимъ образомъ, очень близка къ артикуляціи, какъ гласнаго и, такъ и гласнаго о, что является исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда звуковыхъ измѣненій въ сочетаніяхъ ɣ съ означенными гласными.

Ср. опредѣленіе небнаго l (velares l), данное Storm'омъ, -у Сиверса: «Storm gibt dagegen an, dass die hintere Zunge gehoben und der ganze hintere Mundcanal verengt werde und dass hierdurch der velare Klangcharakter entstehe; diese Articulation erkläre auch die häufigen Uebergänge des l in u, o»... Sievers⁵, 123 с.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ слова ɣ измѣняется въ и. Это измѣненіе наблюдается и въ формахъ именныхъ (въ им. п. ед. ч.): виц; Мицоц, коц (=kiel), коѝц и въ причастныхъ формахъ: fstоц, доц, ѣутоц, — въ формахъ ж. р., въ открытомъ слогѣ ɣ сохраняется: fstała, dała, ѣytała и т. п.

Какъ видимъ, гласный о (изъ ā) въ формахъ fstоц, доц и т. п. не подвергается дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Но если согласному ɣ въ конечномъ закрытомъ слогѣ предшествуетъ гласный у, то происходитъ ассимиляція у слѣдующему и (изъ ɣ): группа уи (изъ уɣ) измѣняется въ группу ии (губное округленіе, необходимое для произношенія ии производится раньше уже при у, и артикуляція языка, быть можетъ, передвигается нѣсколько далѣе назадъ): биц = буɣ; še ииц; то же при отвердѣвшихъ спрантахъ: па-

ищц, цовошц, щц sщц; въ открытомъ слогѣ сохраняется первоначальное сочетаніе уѣ: буѣа, шуѣа, жуѣа, ищѣа.

Въ сочетаніи іц изъ первоначальнаго іѣ — і, ассимилируясь слѣдующему ц, измѣняется въ ѣ, звукъ лабиализованный передняго ряда; въ этомъ случаѣ ассимиляція заключается лишь въ передвиженіи во времени губного округленія т. е. округленіе это образуется уже при произношеніи і въ іц: зговѣц, прошѣц, носѣц; въ открытомъ слогѣ сохраняется первоначальное іѣ: зговѣа, прошіа, носѣа.

Возможно, что и въ формахъ буц, щц мы имѣемъ лишь передвиженіе губного округленія во времени т. е. лабиализованное у; но строго отличить этотъ звукъ въ буц, щц отъ u въ иныхъ положеніяхъ я не могъ и потому пишу u. Объ измѣненіи 'і въ 'u ср. маленькую замѣтку проф. Бодуэна де К. въ 1870 г. въ Beiträге VI, 246.

Описанные или же сходные процессы ассимиляціи отмѣчены ислѣдователями и въ другихъ польскихъ говорахъ: великопольскихъ, малопольскихъ, силезскихъ, мазурскихъ, хотя не всегда можно рѣшить, въ какой степени точно они формулированы. А. Петровъ отмѣчаетъ въ добржинскихъ говорахъ (рышинскій и лишовскій уѣзды плоцкой губерніи) измѣненіе іѣ, уѣ въ іuѣ, uѣ: «piuѣm, biuѣm, buѣm» Zbiór II... Неизвѣстнымъ остается, скрывается ли подъ транскрипціей А. Петрова дѣйствительно 'u или ѣ, возникла ли форма «biuѣm» и т. п. подъ вліяніемъ *bщц или же переходъ і въ «iu» имѣетъ мѣсто и въ открытомъ слогѣ предъ ѣ; у Петрова нѣтъ указаній для рѣшенія этихъ вопросовъ; въ текстахъ его находимъ «zguбіѣm», «narawіѣ» 19 с. н. т. п., т. е. литературныя формы.

Изъ малопольскихъ говоровъ въ бржезинскомъ, по свидѣтельству г. Завилинскаго -іѣ, -уѣ измѣняются въ причастныхъ формахъ прош. вр. на ѣ въ 'uw, uw: patřuw, lubuw Rozpr. VIII, 184 с.; въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 151 с. -іѣ измѣняется въ 'uw: суіuw, но -уѣ въ -uw: «kuіuw» и т. п. Въ этой формулировкѣ такъ же, какъ и относительно добржинскихъ говоровъ неполнѣ ясно, измѣняется ли і предъ w (= ѣ) дѣйствительно въ 'u или же въ ѣ т. е. лабиализованное і; при первомъ,

буквальномъ пониманіи знака 'и было бы непонятно, почему и «уw» не переходитъ въ -uw; для измѣненія «уw» въ «uw» необходимо кромѣ передвиженія губного округленія во времени также передвиженіе артикуляціи языка; для перехода «-iw» въ iw (iŭ?) нужна лишь лабіализація і.

Въ мазурскихъ говорахъ г. Sembrzyski отмѣчаетъ: biuł = bił; ziuł = źuł. Wisła III, 81 с. Изъ силезскихъ говоровъ аналогичное явленіе находимъ въ оппельнскомъ говорѣ, изслѣдованномъ Л. Малиновскимъ («Ueber d. oppeln. M.): pat'iuц, podźeliuц, причѣмъ тутъ этотъ процессъ распространяется и на положеніе группы іу въ открытомъ слогѣ: śiuца = siła и т. п., что объясняется тѣмъ, что въ данномъ говорѣ ı и въ открытомъ слогѣ перешло въ ц. Тоже въ мазурскомъ говорѣ, описанномъ г. Уляновской Zbiór VIII, также и въ закрытыхъ, и въ открытыхъ слогахъ: «robiuł», «postawiuł», «wiuła» (= wiła) «pusciuła».

Также въ переходныхъ чешско-польскихъ говорахъ — лясскихъ: buł, ruł, nośuł, buł, no biła, piła, buła. Rozprawy filologicke věnované Janu Gebauerovi Praha 1898, 53 с.

Если процессъ ассимиляціи у, і слѣдующему ц въ Сважендзѣ является чертой, болѣе или менѣе распространенной въ польскихъ говорахъ, то совершенно оригинальнымъ явленіемъ представляется наблюдаемый въ немъ процессъ обратнаго характера: процессъ диссимиляціи въ группѣ ıи внутри слова.

Близость того и другого элемента въ этомъ сочетаніи дѣлаетъ его неудобнымъ: должно произойти или полное уподобленіе одного другому и затѣмъ сліяніе или же дифференціація двухъ элементовъ.

Первый приѣмъ: ассимиляція и сліяніе, дѣйствительно, наблюдается въ нѣкоторыхъ великопольскихъ говорахъ: Кольбергъ отмѣчаетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ putno, musa, dugo, suma изъ płótno, młósa, długo, słóma Zbiór I, 9 с. Также въ пышницкомъ говорѣ, по свидѣтельству г. Блатта: stuc вм. stłuc chodny вм. chłodny Rozpr. II ser, V т., 381 с.

Въ бржезинскомъ говорѣ: *guri, dugo, suga, suchač*. Rozpr. VIII, 204 с. Въ зебржидовскомъ *dugi, dubač, gury*. Rozpr. IX, 171 с. Говоръ сважендзскій избираетъ второй приемъ: дифференціацію двухъ близкихъ звуковъ, *ɣ* и *u*, путемъ уничтоженія губного округленія при второмъ изъ нихъ, измѣненія его въ направленіи къ звуку средняго ряда нелабиализованному — *y*. Этотъ процессъ захватываетъ, какъ и изъ *ó* (*õ*), такъ и *u* въ соч. *ɣu* изъ **ɣl*. Не могу съ увѣренностью сказать, происходятъ ли при этомъ дифференціація и въ другомъ отношеніи: въ отношеніи степени и мѣста подъема языка; звукъ, который получается изъ *u* во второй части сочетанія *ɣu*, въ акустическомъ воспріятіи колеблется между *u⁷* и *y*, порой слышится ясно и опредѣленно *ɣy*: первый элементъ артикулируется съ губнымъ округленіемъ, при переходѣ ко второму оно уничтожается.

Указанное фонетическое измѣненіе замѣчается въ сочетаніи *ɣu* не во всѣхъ положеніяхъ этого сочетанія: въ Сважендзѣ я слышалъ: *ɣyško=ɣuzko; ɣyf=ɣów; ɣyj=ɣój; ɣyc=ɣódz; ɣyno=ɣuno; sɣyńce—sɣynečko; sɣyma; sɣyń=sɣón; pɣyca, pɣykač; dɣyń; ċɣynki*; также въ род. п. мн. ч. *sɣyf=sɣón; gɣyf=głón*. Но въ словѣ *ɣustyj* сочетаніе *ɣu* мнѣ приходилось обычно слышать неизмѣненнымъ. Также при *dɣu⁷gi* нерѣдко слышно отъ лицъ, постоянно употребляющихъ группу *ɣu* въ иныхъ положеніяхъ, *dɣugi*.

Аналогичное измѣненіе находимъ въ группѣ *ɥu*, сравнительно рѣдкой, возникшей изъ *ɥo* съ приставнымъ *ɥ*, которое является въ Сважендзѣ предъ каждымъ начальнымъ *o*: мѣстоименныя формы *on, ona* являются въ Сважендзѣ въ видѣ *ɥun, ɥuda*—изъ *ɥun, ɥuda*, [такъ какъ предъ *n* всякое *o* въ Сважендзѣ измѣняется въ *u*.] Такимъ же образомъ, род. п. мн. ч. отъ слова *oko* является въ видѣ *ɥuċ* изъ **ɥoċ*, причемъ самое удлиненіе *o* является въ данной формѣ нефонетическимъ.

Аналогичный процессъ диссимиляціи будетъ указанъ ниже, въ соотвѣтствующей главѣ въ группѣ *ɣo*.

Послѣ губно-зубного спиранта *v* соотвѣтствующаго измѣненія гласнаго *u* не находимъ: *vujá, vdovuf* g. pl., *krovuf* g. pl.

Описанное фонетическое явление въ Сважендзѣ наблюдается, главнымъ образомъ, у лицъ молодого поколѣнія, отчасти людей средняго возраста, но не у стариковъ. Однако выступаетъ оно настолько отчетливо, что игнорировать его невозможно. Совершенно отчетливыя сочетанія *ɣu* и *ɕu* слышалъ я въ с. Вѣржонкѣ (Wierzonka) въ 20 километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Сважендза: *sɣyńce, sɣyń, sɣuma, mɣyćić, ɕlynek; ɕun, ɕupa.*

4. Общепольскіе носовые.

Польскій языкъ получилъ изъ об.-славянскаго носовые гласные **o* и **e*, и тѣже *o* и *e*, — оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторые вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако соотвѣтствіе польскихъ *o* и *e* об.-славянскимъ **o* и **e*, какъ извѣстно, не полное: на мѣстѣ об.-сл. **o* находимъ въ польскомъ *o* и *e* такъ же, какъ и на мѣстѣ об.-сл. **e* — '*o*, '*e*. Разъясненію процесса измѣненій, конечнымъ результатомъ котораго является настоящее употребленіе об.-сл. **o* и **e* въ польскомъ, удѣлили свое вниманіе цѣлый рядъ ученыхъ.

Ср. L. Malinowski «Ueber die oppeln. M.» 1873 г., 26—27 сс.; проф. Бодуэнъ де К. Beiträge VIII, 1876, 203 с.; проф. Потебня «Къ исторіи звуковъ» 209—220 и въ Arch. III, 614 и слѣд. изъ той же книги; въ статьѣ «Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus» Arch. III, 371 с.; проф. Калина «Ueber die Schreibung der Nasalvocalen in den altpolnischen Denkmälern» Arch. IV, 29 с.; проф. Нерингъ Arch. V, 138 с.; D-г Leciejewski въ Arch. VI, 520 с. и «Der Lautwerth der Nasalvocale im altpolnischen» Wien 1886 г.; проф. Брюкнеръ въ Arch. VIII, 596 с. X, 261 с.; ак. Ягичъ Arch. V, 138 с.; 170 с. X, 248 с.; проф. Миккола Betonung und Quantität 3—10 с.; D-г Lorentz Arch. XXIV, 4—6, 28—33 сс. Взгляды г. Крыньскаго «Носовые звуки въ славянскихъ языкахъ» 36—92 сс. и г. Kolař'a «O nosovkách polabských a jich poměru k polským a staroslovanským» Čas. Ů. M. 1875 г. въ дальнѣйшемъ изложеніи опускаю въ виду ихъ малоцѣнности.

По мнѣнію проф. Потебни, об.-сл. носовые совпали въ древнепольскомъ въ одномъ носовомъ *a*, которое при удлиненіи дало *o*, въ остальныхъ же случаяхъ сохранилось, какъ *a*, въ оппелнскомъ и было ослаблено въ *e* въ литературномъ языкѣ «Къ ист.

звукѡвъ». Подкрѣпленіе своей мысли проф. Потебня видѣлъ въ русскомъ я, чешскомъ, словацкомъ, верхне-лужицкомъ 'а изъ *е.

Л. Малиновскій исходилъ для польскихъ рефлексѡвъ *о, *е изъ а и е, которымъ отвѣчали въ долгихъ слогахъ ā, ē. Оба долгіе — ā и ē дали о. Въ виду такого совпаденія, а также уничтоженія различія между мягкими и твердыми слогами, оба краткихъ — ā и ē смѣшались, изъ этого смѣшенія въ малопольскомъ — е, въ другихъ говорахъ, какъ мазурскіе, — а. Противъ произвольнаго предположенія смѣшенія а и е и потери различія мягкости и твердости возражалъ проф. Бодуэнъ де-К. Beitr. VIII. Самъ критикъ предполагалъ то же измѣненіе е въ о, но не въ виду долготы е: онъ ставитъ этотъ переходъ въ параллель переходу 'е въ 'о; съ другой стороны имъ предполагается переходъ а въ е, какъ болѣе легкой фізіологической звукъ.

Мнѣніе проф. Потебни было принято проф. Нерингомъ Arch. V, 138 и д-ромъ Лецѣвскимъ, который попытался обосновать этотъ взглядъ детальнымъ анализомъ древнепольскихъ памятниковъ.

Противъ излишняго довѣрія древнепольской графикѣ одновременно возражали проф. Брюкнеръ и ак. Ягичъ; указывая на неразличеніе въ др.-п. памятникахъ с и sz, у и і, с и k, проф. Брюкнеръ считаетъ грубой методологической ошибкой ожидать въ этихъ памятникахъ болѣе точнаго различенія чуждыхъ латыни носовыхъ гласныхъ Arch. X.

Тоже Бодуэнъ де К. «О древне-польскомъ языкѣ до XIV в.» 1870 г., 81 с.

Въ древне-польскомъ были лишь носовые е, 'е, о, 'о, и діалектическое а современнаго польскаго языка (силезское) — явленіе новое Arch. VIII.

Проф. Брюкнеръ принимаетъ также совпаденіе об.-сл. *е и *о въ одномъ носовомъ, но это совпаденіе — въ звукѣ е, точнѣе носовомъ гласномъ между а и е, — онъ переноситъ на эпоху доисторическую (приблизительно 900—1000 гг.). Альтернатію этого «е — звука» — о — е, въ зависимости отъ количества,

предполагають уже древнѣйшіе памятники польскаго языка Arch. X.

Одновременно съ проф. Брюкнеромъ, ограничивая значеніе показаній древнихъ памятниковъ, ак. Ягичъ полагалъ, что, если въ древнепольскомъ не было еще e изъ $*o$, то уже были два различавшіеся количествомъ рефлекса об.-сл. $*o$: o и a : это a приблизительно въ XV вѣкѣ перешло въ e ; точно такъ же кажется ак. Ягичу невѣроятнымъ, что об.-сл. $*e$ являлось въ древнепольскомъ исключительно въ видѣ $'a$; подъ многими графическими ia скрывалось ie , которое является первоначальнымъ рефлексомъ об.-сл. $*e$ въ польскомъ языкѣ; было въ древнепольскомъ рядомъ съ ie и ia , но оно возникло изъ ie при извѣстныхъ условіяхъ, какъ положеніе предъ твердымъ слогомъ или «тоническое концентрированіе, какъ въ $źać$, $jać$ вм. $źeći$, $jeći$ » Arch. X.

Указанія проф. Потебни на $'a$, какъ рефлексъ $*e$ въ другихъ, ближайшихъ къ польскому, языкахъ ак. Ягичъ признаеть лишь по отношенію къ русскому; въ чешскомъ и в.-лужицкомъ ia вторично; первоначальнымъ является вообще положеніе предъ мягкимъ слогомъ ср. $biały$ и $bielić$, $niose$ и $niesiesz$; словацкое ia является въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при предшествующемъ согласномъ развили j ($ĭ$), послѣ губныхъ сохраняется $ä$: $mäso$; ниже-лужицкій говоритъ въ пользу ie изъ $*e$.

Такимъ образомъ, критическія замѣчанія ак. Ягича, направленные противъ схемы развитія польскихъ носовыхъ, предложенной проф. Потебней и принятой проф. Нерингомъ и Лецѣвскимъ, даютъ новое представленіе процесса этого развитія, отличное отъ схемы проф. Брюкнера.

Первая схема можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{array}{l} \text{об.-сл. } *o \\ \text{об.-сл. } *e \end{array} \left. \begin{array}{l} \\ \\ \end{array} \right\} \text{др.-п. } a : \begin{array}{l} \bar{a} ('a) \rightarrow \text{н.-п. } o ('o) \\ \check{a} ('a) \rightarrow \text{н.-п. } e ('e) \end{array}$$

Схема проф. Брюкнера имѣетъ видъ:

$$\begin{array}{l} \text{об.-сл. } *o \\ \text{об.-сл. } *e \end{array} \left. \begin{array}{l} \\ \\ \end{array} \right\} \text{въ X вѣкѣ } \check{a} : \begin{array}{l} \bar{a} ('a) \rightarrow \text{др.-п. } o ('o) \text{ — н.-п. } o, 'o \\ \check{a} ('a) \rightarrow \text{др.-п. } e ('e) \text{ — н.-п. } e, 'e \end{array}$$

Схематизируя замѣчанія ак. Ягича, получаемъ:

об.-сл. *q → др.-п. а, q (изъ ā?) → въ XV в. e (изъ a), q → н.-п. e, q

об.-сл. *e → др.-п. 'e < 'e
'a

Ак. Ягичъ не предполагаетъ полного совпаденія об.-сл q и e, такъ какъ въ извѣстномъ положеніи 'e остается всегда 'e, но частичное совпаденіе имѣетъ въ виду и его схема: такъ какъ древнепольское *q изъ об.-сл. *q естественнѣе всего восходитъ къ болѣе древнему ā, то происходитъ совпаденіе рефлексовъ об.-сл. *q:—a и ā съ рефлексомъ об.-сл. *e въ извѣстныхъ условіяхъ (твердость слѣдующаго слога или «тоническое концентрированіе»), — 'a.

При указанныхъ попыткахъ объяснить развитіе польскихъ носовыхъ, былъ мало затрагиваемъ вопросъ, какъ относятся въ данномъ случаѣ къ польскому ближайшіе къ нему языки, — кашубскій и полабскій. Этотъ пробѣлъ пополнили въ недавнее время проф. Миккола Beton. und Quant. и д-ръ Лоренцъ Arch. XXIV.

О положеніи полабскаго языка въ вопросѣ проф. Миккола высказывается малоопредѣленно.

«Schlischer und Brückner legen beide und mit Recht grosses Gewicht auf die analoge Vertretung der Nasalvocale im Polnischen und Polabischen»... 3 c. im polabischen — «dem urslavischen q in unbetonter Stellung a, in betonter meistens q, selten a entspricht. Ebenso wird das ursl. e durch a und iq vertreten.... Diese Vertretung deckt sich nur zum Theil mit derjenigen in polnischen, vorausgesetzt, dass a dem poln. e, ie, und q, iq dem poln. a, ia entspricht.» 4 c.

Наоборотъ, вполне опредѣленно отрицаетъ д-ръ Лоренцъ всякое соотвѣтствіе между полабскими и польскими носовыми: въ то время, какъ польскіе e и q являются въ зависимости отъ отношеній количественныхъ, въ полабскомъ д-ръ Лоренцъ находитъ ясный законъ: об.-сл. *e предъ твердыми зубными и ĭ является въ видѣ 'q, предъ «гуттуральными», первоначально мягкими согласными и въ концѣ слова—въ видѣ a Arch. XXIV, 4 c.

Долженъ замѣтить, что этотъ законъ д-ра Лоренца можетъ

считаться столь-же доказаннымъ, сколько и обратное утверждение о количественныхъ основаніяхъ въ постановкѣ полабскихъ *o* и *a*.

Во первыхъ, значительная часть примѣровъ, соответствующихъ открытымъ *d*-ромъ Лоренцомъ условіямъ, такъ-же хорошо соответствуетъ и принципу количественныхъ различій: ср. полаб. *désóty, róty, dévóty* и *désât, dévât, pât* съ польскими *dziesiąty, dźwiąty, pięty* и *dziesięć, gźwiećć, pięć*; также полаб. *désatarú, dévâtdésót, dévâtnadist, dēvâtarú, pãtdésót, pãtarú* съ польскими *dziesięcioro, dźwieścioro, dziewiętnascie, dziewięćdziesiąt, pięćdziesiąt, pięcioro*; полабское *zât* и пол. *zięc*; полаб. *pojaćaiña* и пол. *rajeczyna*; полаб. *tiła rãma, stina, jodńa* и т. д. съ польскими *cielę ramię* и т. д. Если польское различіе между *a* и *e* въ указанныхъ примѣрахъ самъ Лоренцъ объясняетъ принципомъ количественнымъ, то отчего тотъ же принципъ неприменимъ къ полабскому? Установленнымъ г. Лоренцомъ правиламъ сохранения и потери долготы въ польскихъ носовыхъ отлично соответствуютъ и полабскія формы асс. s. f.: *zima, nidëla* и т. п., формы l s. рг.: *řica, řija, plosa* и т. п., формы *plósat, plósal* ср. русское: плясать, плясалъ. Нѣкоторыя разногласія между польскимъ и полабскимъ возможны и естественны; такія разногласія, сводящіяся къ діалектическимъ колебаніямъ въ количествѣ и еще глубже къ колебаніямъ акцента, замѣчаются и между кашубскимъ и польскимъ, хотя вообще и тотъ, и другой языкъ подчиняются однимъ правиламъ въ сохраненіи долготы. Мало удивительно поэтому полабское *gróda* при польскомъ *grzęda*: ср. русское *грядá*, шток. *gréda*, но въ чаковскомъ при *grědà* и *gréda*.

Къ убѣжденію въ количественномъ основаніи различія между полабскимъ *o* и *a* на основѣ изученія источниковъ пришелъ и В. К. Поржезинскій Изв. VII 2, 201—202 с.

Во-вторыхъ, *d*-ру Лоренцу приходится давать произвольныя объясненія цѣлому ряду отступленій отъ его закона: въ *blaizata, jognata* -*a* взято изъ единственнаго числа; *svátyu*^o, можетъ быть, не им. ед. ч., но им. мн. ч. или нарѣчіе; *řqsc* — новообразование

по образцу *řosat, řotrěny*^o имѣеть *o* изъ *jřtra*... Если къ этому присоединить общую шаткость и неполноту матеріала, который мы имѣемъ въ грамматикѣ Шлейхера, то законъ д-ра Лоренца окажется очень слабо обоснованнымъ, и, миѣ кажется, слѣдовало бы устранить на время полабскій совершенно изъ круга нашихъ разсужденій, пока мы не получимъ болѣе полныхъ и критически очищенныхъ фактическихъ данныхъ.

Относительно кашубскаго — проф. Миккола отмѣчаетъ явленіе, которое отличаетъ его отъ польскаго: здѣсь польскимъ *e, ie* отвѣчаетъ — *a, ia* и польскимъ *a, ia* — *o, io*, но на мѣстѣ об.-сл. **e* въ извѣстныхъ условіяхъ: именно *przed первоначально мяккимъ слогомъ* въ кашубскомъ находимъ: въ краткихъ слогахъ *ě*, въ долгихъ *i*: польскому *zięc* соотвѣтствуетъ *zės*, польскому *jać* — *jīs*, польскому *źać* — *żīs* и т. п.

Указанное кашубское явленіе признаетъ и Dr. Lorenz, объясняя нѣкоторыя отступленія отъ правила вліяніемъ польскаго языка. Arch. XXIV.

Проф. Миккола переноситъ ту двойственность, въ какой является об.-сл. **e* на кашубской почвѣ, на древнепольскій, видя въ кашубскомъ явленіи подтвержденіе мысли ак. Ягича, что об.-сл. **e* являлось въ древнепольскомъ въ видѣ '*e* и '*a*, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Въ древнѣйшую эпоху жизни польскаго языка, говоритъ проф. Миккола, «рефлексомъ праславянскаго *e* было, вѣроятно *ä*», подобно тому, какъ основнымъ звукомъ польскихъ *ie* : *ia* изъ праславянскаго *ě* нужно предполагать *ea* или *jä*. Такъ же, какъ *jä* дало съ одной стороны '*a*, '*ä* (др.-п. *iá*, каш. '*o*), съ другой стороны '*e*, '*ē* (др.-п. *ié*, каш. '*ē*), такъ изъ *ä* развилось съ одной стороны '*a*, '*ä* (каш. '*o*), съ другой — '*e*, '*ē* (каш. *ě*, *i*).

«Sowie für poln. ie : ia aus ursl. ě als Grundlaut *ea* oder *jä* anzusetzen ist, so ist der Vertreter des ursl. e im ältesten Polnisch wohl *ä* gewesen. Ebenso wie *jä* einerseits '*a*, '*ä* (ap. *iá*, kasch. '*o*), andererseits '*e*, '*ē* (ap. *ié*, kasch. '*ē*) gegeben hat, so hat sich aus *ä* einerseits '*a*, '*ä* (kasch. '*o*) andererseits '*e*, '*ē* (kasch. *ě*, *i*) entwickelt. Ursl. o wird dagegen nur durch *a*, *o* vertreten, weil a überhaupt im Polnischen dem Einflusse der folgenden Silbe nicht unterliegt». Beton. und Quant. 7 c.

Это *ä изъ об.-сл. е (ср. е — звукъ, лежащій между а и е, проф. Брюкнера) проф. Миккола возводитъ затѣмъ въ степень обще-ляхитскаго рефлекса *е: изъ него въ полабскомъ 'а, въ польскомъ 'е, въ кашубскомъ 'а и 'е; общеляхитскимъ рефлексомъ *о — было а, которое въ польскомъ въ долгихъ слогахъ перешло въ о чрезъ посредство ā, а въ краткихъ измѣнялось въ е, удержавшись, какъ а, въ силезскихъ говорахъ.

«In der ältesten Periode der lachischen Spracheinheit waren die Vertreter der urslavischen o und e auseinandergehalten: jenem entsprach a, diesem 'ä, aus welchem letzteren in einem Teil des Sprachgebietes 'a, in einem anderen 'e, in einem dritten (Kasch) 'a und 'e sich entwickelt haben. Für diese Ansicht spricht der schlesische Dialekt, wo ursl. o als a, ursl. e als 'e erscheint (Malinowski Die op-pelnische Mundart 20 ff.). Den Übergang von a zu e, der einem sehr grossen Teil des polnischen Sprachgebietes eigen ist, möchte ich mit der geschlossenen ä — ähnlichen Aussprache des Kurzen a in Zusammenhang bringen». Beton. und Quant. 8 c.

Мы видимъ, что взглядъ проф. Микколы на судьбу об.-сл. *о въ польскомъ совпадаетъ съ представленіемъ проф. Потевни и ак. Ягича:

об.-сл. *о → др.-п. ā, ā, откуда — а, о въ силезскихъ говорахъ; е, о въ остальныхъ, въ виду перехода а въ е.

Затѣмъ то, что говорить проф. Миккола о судьбѣ об.-сл. *е, не даетъ яснаго представленія: съ одной стороны изъ общеляхитскаго ä въ польскомъ является 'е, съ другой стороны, — признаніе мысли ак. Ягича, что въ древне-польскомъ об.-сл. *е являлось, какъ и въ кашубскомъ, въ видѣ 'е и 'а и параллелизованіе судьбы об.-сл. *е и *ё — на польской почвѣ *ä и *ä.

Это параллелизованіе прекрасно подходитъ къ кашубскому, но совершенно не подходитъ къ польскому.

Въ польскомъ *ä (= *ё) долгое въ положеніи предъ мягкимъ первоначально слогомъ даетъ 'é (i): ср. приведенные въ главѣ объ ё примѣры: zmińić, stŕyłać, gŕyŕyć, sić — sići, ińić — ińiđzi. Въ тѣхъ же условіяхъ *ä (изъ *е) не даетъ ожидаемаго *'é или *i, но 'o: tŕość, pŕość, ćoć.

Развитіе кашубскихъ носовыхъ можно представить себѣ безъ совпаденія *е и *о въ одномъ рефлексѣ:

$$\text{об.-сл. } *q \rightarrow *a \begin{cases} \bar{a} \rightarrow q \\ \check{a} \rightarrow a. \end{cases}$$

$$\text{об.-сл. } *e \rightarrow *ä \begin{cases} \bar{ä} \begin{cases} \bar{a} \text{ предь твердымь слогомь } \rightarrow \bar{q} \\ \bar{e} \text{ предь мягкимь слогомь } \rightarrow (\bar{i}) \bar{i} \end{cases} \\ \check{ä} \begin{cases} \check{a} \text{ предь твердымь слогомь } \rightarrow a \\ \check{e} \text{ предь мягкимь слогомь } \rightarrow \check{e}. \end{cases} \end{cases}$$

Наоборотъ, исходя изъ тѣхъ же рефлексовъ об.-сл. *q и *e, которые мы принимаемъ за начальный пунктъ для кашубскаго: *a и ä, мы пеминуемо придемъ къ совпаденію этихъ рефлексовъ въ польскомъ языкѣ, въ одинъ изъ моментовъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Предположимъ вмѣстѣ съ ак. Ягичемъ, что об.-сл. *e являлось въ древнѣйшую эпоху жизни польскаго языка въ видѣ 'e (или 'ä) и затѣмъ въ положеніи предь твердымь слогомъ или при «тоническомъ концентрированіи» измѣнялось въ 'a; въ приведенныхъ формахъ trzqść, przqść, ćqć носовой находился предь мягкимь слогомъ; формы эти восходятъ, конечно, не къ *tręsti, *pręsti, *tęti, но къ *tręsty, *pręsty, *tęty; при этомъ отпаденіе конечнаго ь никакого вліянія не имѣло: какъ мы увидимъ позже, при спеціальному изслѣдованіи происхожденія польской долготы, такое удлинненіе имѣло мѣсто въ польскомъ лишь тогда, когда слогъ замыкалъ звонкій согласный.

Основанія для появленія 'q изъ об.-сл. *e количественныя: долгота обуславливалась, повидимому, положеніемъ носового предь старымъ удареніемъ; относительно trzqść согласныя показанія даетъ русскій и сербскій: р. *трясти*, с. *tręsti*; ćqć ср. съ р. *истати*; *pręsty могло имѣть удареніе на конечномъ ь по аналогіи другихъ глаголовъ этого класса.

Если-бы измѣненіе 'e въ 'q было вызвано положеніемъ предь твердымь слогомъ, то такой переходъ былъ бы очень вѣроятенъ: ср. *véde* — *vode*, *úese* — *úose* и т. п. Но разъ основанія этого измѣненія квантитативныя, непосредственный переходъ 'e въ 'q является неправдоподобнымъ. Всѣ измѣненія гласныхъ, связан-

ныя съ долготой, въ польскомъ и кашубскомъ характеризуются однимъ и тѣмъ же направлениемъ: *вертикальнымъ передвижениемъ артикуляціи*; данный гласный переходитъ *въ болѣе высокій гласный того же ряда*: $\bar{a} > \bar{o}$; $\bar{o} > \bar{u}$, $\bar{e} > \bar{i}$, откуда позже \bar{o} , \bar{u} , \bar{i} ; въ кашубскомъ по тому же правилу \bar{e} даетъ \bar{i} чрезъ посредство $*\bar{i}$; тѣмъ же объясняется то обстоятельство, что гласные $*\bar{i}$, $*\bar{y}$, $*\bar{u}$ остаются гласными i , u , u , такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ наиболѣе высокій подъемъ артикуляціи въ своемъ рядѣ. Горизонтальнаго передвиженія артикуляціи не замѣчаемъ при этомъ нигдѣ: увеличивается степень подъема, но мѣсто его остается тоже самое.

Уже проф. Бодуэнъ де К. вѣрно замѣтилъ: «*das e kann sich nur in ê... und endlich in i verengen, nie aber in... o*» Beitr. VIII 203 с. Но это вѣрное соображеніе повело лишь къ параллелизированію перехода $'e > 'o$ и $'e > 'o$. Отчего же въ такомъ случаѣ niezo не дало $*\text{niezo}$, какъ nieze — fioze ?

Такимъ образомъ, форма trzośc изъ $*\text{tręst}$ понятна только при предположеніи посредствующей ступени: trāst ; $'o$ изъ об.-сл. $*e$ предполагаетъ болѣе раннее $'ā$. А такъ какъ въ измѣненіи $*\bar{e}$ въ $'ā$ долгота не можетъ имѣть значенія, то такое же измѣненіе мы должны предполагать и въ \bar{e} т. е. между современнымъ $'e$ и об.-сл. $*e$ принять посредствующую ступень $'ā$. Эта посредствующая ступень не зависѣла ни отъ качества слѣдующаго слога, ни отъ «тонического концентрированія», какъ показываютъ формы trzośc , przośc , но являлась при всѣхъ условіяхъ. Развѣтвленіе об.-сл. $*e$ на $'e$ при однихъ условіяхъ, $'ā$ при другихъ, предполагаемое ак. Ягичемъ, кажется мнѣ невѣроятнымъ. Съ другой стороны, и современное п. o , соответствующее об.-сл. $*o$, легко возводится къ $*ā$, а на измѣненіе об.-сл. $*o$ въ $ā$ указываетъ кашубскій.

Мы возвращаемся, слѣд., къ мысли проф. Потехи.

Гипотеза проф. Брюкнера маловѣроятна въ виду только что высказанныхъ соображеній объ общемъ направленіи звукоизмѣненій, связанныхъ съ долготой: предполагаемый проф. Брюкнеромъ переходъ $*ā$, — такъ можно, кажется, транскрибировать

«е — звукъ» проф. Брюкнера, лежащей между а и е, — въ ѳ является слабой стороной его гипотезы.

Наоборотъ, вполне возможенъ и вѣроятенъ переходъ об.-сл. *е въ 'а чрезъ посредство *ä; въ этомъ случаѣ достаточно хотя бы указанной проф. Потебней аналогіи русскаго языка, предполагающаго такой же процессъ: *е > *ä > *'а > 'а, — независимо отъ качества слѣдующаго слога.

Первоначальнымъ замѣстителемъ об.-сл. *е въ чешскомъ акад. Ягичъ Arch. XVI, 510—512 считаетъ ¹ä; иначе акад. Шахматовъ: рета — р¹ата — р¹ата въ чешско-словацкую эпоху, затѣмъ въ ту же эпоху 'а (изъ *е) измѣнилось въ ä, откуда въ чешскомъ а предъ твердыми, е предъ мягкими согласными и въ концѣ слова; для верхне-лужицкаго ак. Шахматовъ принимаетъ также переходъ е, «хотя бы и чрезъ посредство ä, въ а, которое какъ и всякое первоначальное а (въ положеніи послѣ смягченной согласной) измѣнялось предъ смягченными согласными въ é (е закрытое), а въ конечномъ открытомъ слогѣ въ о». Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 году, 67; 71 сс. Рассмотрѣніе этихъ спорныхъ вопросовъ о чешскихъ и в.-лужицкихъ рефлексахъ *е оставляю въ сторонѣ, такъ какъ считаю достаточной для польскаго авалогію русскаго измѣненія *е.

Иной вопросъ, къ какой эпохѣ приурочить измѣненіе об.-сл. *е въ польское *'а. Оставляемъ въ полной силѣ возраженія ак. Ягича и проф. Брюкнера противъ довѣрія польской графикѣ. Пусть ап, ам, а, древнепольскихъ памятниковъ скрывало подъ собой и ѳ и е. Грамоты XII—XIII в., какъ видимъ изъ примѣровъ, приведенныхъ проф. Бодуэномъ де-Куртене («О др.-п. языкѣ» 20 с.), употребляя преимущественно ап, ам на мѣстѣ *ѳ и *е знаютъ также и еп, ем, оп, ом; слѣд. совпаденіе *ѳ и *е падаетъ на доисторическую эпоху въ жизни польскаго языка. Возможно, что и графическая традиція имѣла за собой фактическія основанія. Но если и не придавать никакого значенія фактамъ графики, то предположеніе совпаденія *ѳ и *е въ носовомъ *ä (ä, ä, 'ä, 'ä) является, въ виду приведенныхъ выше соображеній, наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ фактовъ.

Что касается измѣненія *а въ е, то проф. Потебня допускалъ уже для XI—XII вѣка измѣненіе первоначальнаго *'а діалектически въ 'е; быть можетъ къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести и измѣненіе *а въ е (*гака > гека), которое ак. Ягичъ

относясь къ XV в. Arch. X: въ примѣрахъ изъ грамотъ XII—XIII в. находимъ и en, em изъ об.-сл. *o. О др.-п. яз. 81 с.

Проф. Миккола ставитъ это измѣненіе въ связь («möchte ich in Zusammenhang bringen» Beton. und Quant. 8 с.) съ закрытымъ характеромъ произношенія ä (какъ ä); связь между этими двумя процессами врядъ ли можно утверждать, такъ какъ измѣненіе a въ e свойственно всей или почти всей территоріи польскаго языка (спорный пунктъ — силезскіе говоры), измѣненіе же ä въ e направлено къ ä — явленіе діалектическое, но послѣднее сохраняетъ значеніе аналогіи для перваго. Не умѣю подыскать такой аналогіи для предполагаемаго проф. Брюкнеромъ перехода *o въ ä (e — звукъ, лежащій между e и a) — въ X в. Притомъ указанія кашубскаго языка заставляютъ насъ исходить изъ *a на мѣстѣ об.-сл. *o, изъ *ä на мѣстѣ об.-сл. *e.

Дальнѣйшій переходъ *'ä въ *'a фонетически естествененъ и поддерживается аналогіей русскаго языка (a < *'a < 'ä < *e).

Въ результатъ всего вышеизложеннаго, наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется слѣдующее гипотетическое пониманіе того процесса, какимъ об.-сл. *o и *e измѣнились въ польскіе o, 'o въ долгихъ слогахъ, e, 'e въ краткихъ:

об.-сл. *o → (полабско-?) каш.-пол. *ā →

→ пол. *ā до XI—XII вв. { *a → др.-п. ō → н.-п. o
 { *ä → др.-п. e → н.-п. e

об.-сл. *ō → каш.-пол. *'ä → пол. *'ā до

XI—XII вв. { 'ā → др.-п. 'ō → н.-п. 'o
 { 'ä → др.-п. 'e → н.-п. 'e

Съ вопросомъ о томъ, считать ли измѣненіе *a въ e общепольскимъ, — въ связи вопросъ о происхожденіи силезскаго a на мѣстѣ e другихъ говоровъ. Проф. Брюкнеръ считаетъ это a новымъ. Arch. VIII, 596 с.; изъ примѣровъ en, em на мѣстѣ об.-сл. *o въ грамотахъ XIII в. проф. Бодуэнъ де-К. «о др.-п. яз.» 80 с. приводитъ 4, относящихся къ силезскому нарѣчію: Menca 1250 г., menchic 1260 г., Сетрса 1286, Nenkeго; послѣднее неясно; но при этомъ «нужно принять въ расчетъ неточное разграниченіе говоровъ и заимствованіе изъ одного говора въ другой», по словамъ самого проф. Бодуэна де-К. ibid. 82 с. Во всякомъ

случаѣ переходъ */а въ 'е имѣеть мѣсто и въ силезскихъ говорахъ. Нѣкоторыя отступленія—результатъ аналогіи: такъ оппельскія боја še, biја 1 s. рг.—подъ вліяніемъ мога, ida и т. п.; асс. s. chvila — подѣ вліяніемъ гака, гoga; наоборотъ, въ гер. s. сохраняется 'е изъ 'е: studie, kurgie; также въ формахъ: me. ce, se изъ me, ce, se. N. s. п. l'va, kšoža, cela. L. Malinowski Oppeln. M. 23 с. объясняетъ вліяніемъ асс. s. f. а — темъ (гака и т. п.); но такая аналогія невѣроятна; можетъ быть, фонетическимъ было а въ силезскихъ kšoža, dževča въ связи съ отвердѣніемъ шипящихъ; по аналогіи этихъ формъ—l'va, cela и т. п. Во всякомъ случаѣ въ иныхъ силезскихъ говорахъ и въ этихъ формахъ существуетъ 'е изъ 'е: dzece Rozpr. IX, 283 с.

Въ зависимости отъ твердости согласнаго находится, вѣроятно, и а въ формѣ рѣса = przed się: с изъ с, которое — изъ d + ś (черезъ посредство ts); не опредѣляю, явилось ли а изъ е подѣ вліяніемъ твердости с, какъ въ гака изъ *гека или наоборотъ: переходъ *а въ е не совершился въ виду твердости с, какъ онъ совершился въ се изъ še.

Что касается заимствованныхъ словъ съ носовымъ гласнымъ, какъ dziek- dziekować нѣм. Dank, wędrować нѣм. wandern, то особаго значенія въ вопросѣ они не имѣютъ; въ словѣ dziek смягченіе d въ dz предполагаетъ очень раннее заимствование, — въ эпоху до совпаденія об.-сл. *о и *е въ одномъ а,— въ формѣ *dĕk- или *dāk-, откуда *d'āk-, d'āk-, d'ĕk-, dĕk-, а въ кашубскомъ dzeek (Ramult); ср. сіеżki изъ *težьkyj; будучи заимствовано въ эпоху совпаденія об.-сл. носовыхъ въ *а, слово дало бы: *dĕk, какъ *гака дало гека. Наоборотъ, слово wędrować, вѣроятно, заимствовано позже съ носовымъ въ формѣ *а, откуда затѣмъ е; изъ стараго *е было бы 'е: ср. więsej и т. п.

Остается вопросъ, въ зависимости отъ какихъ условій развились изъ предполагаемаго одного об.-п. носового современные е и о. Миклошичъ въ извѣстной работѣ «о долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ» Denkschr. XXIX предполагалъ въ об.-сл. *о и *е — о, е краткіе и о, е долгиe и выводилъ изъ об.-сл. *ō — *ē польское а (о), изъ об.-сл. *ō — *ē польское е. Такая точка зрѣнія должна быть признана несостоятельной въ виду того, что мы такимъ образомъ не получаемъ устойчивыхъ основаній для опредѣленія об.-сл. долгихъ и краткихъ о — е: какъ указалъ г. Лоренцъ Arch. XIX 133 с., мы не можемъ въ виду сербскаго гика, словинскаго гōка, чешскаго гука, польскаго гека заключать ни къ об.-сл. gōка, ни къ об.-сл. гōка. И такихъ примѣровъ много: ср. серб. рѣто, и чеш. рouto; с. dūb и ч. dub; с. miž и ч. miž; с. zūb и ч. zub и т. п. Такимъ образомъ, отъ сведенія польскаго различія между о и е къ количественному различію общесловянскихъ носовыхъ приходится отказаться и

искать условій количественнаго различія между польскимъ *o* и *e* въ отдѣльной жизни польскаго языка. Съ точки зрѣнія проф. Лескина, признающаго об.-сл. носовые долгими и ищущаго условія ихъ сокращенія въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ въ положеніи и качествѣ первоначальнаго ударенія, польскіе носовые изслѣдованы были г. Лоренцомъ Arch. XIX, и выводы его съ незначительными поправками, какъ увидимъ во второй части настоящей работы, должны быть признаны вѣрными.

Польскіе *o* и *e* изъ об.-сл. **o* и **o'*, **e* изъ об.-сл. **e* въ современныхъ говорахъ подвергаются вторичнымъ измѣненіямъ, общее направленіе которыхъ характеризуется двумя моментами: 1) подъемомъ артикуляціи и 2) передвиженіемъ во времени отъ отъ отъ въ носовую полость.

Первый моментъ измѣняетъ носовые гласные *o* — *e* (*o'* — *e'*) въ звуки, болѣе высокіе своего ряда: *e* (*e'*) измѣняется въ направленіи къ *y* (*i*), *o* (*o'*) — въ направленіи къ *u* (*u*). Второй моментъ первоначально заключается въ томъ, что отъ отъ въ носовую полость, производимый во время артикуляціи гласныхъ *o* — *e*, удерживается на мгновеніе и по окончаніи ея; во второй стадіи этого передвиженія отъ отъ въ носовую полость производится позднѣе артикуляціи гласныхъ *o* — *e*.

Оба момента въ указанномъ звуковомъ передвиженіи (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ) тѣсно связаны, такъ какъ измѣненіе *o* — *e* въ направленіи къ *u* — *i* затрудняетъ образование носовыхъ гласныхъ.

Въ зависимости отъ положенія носовыхъ гласныхъ въ словѣ, передвиженіе это даетъ различныя результаты, а различныя говоры представляютъ различныя стадіи въ процессѣ передвиженія.

Въ концѣ слова носовой *e* теряетъ носовой резонансъ, причемъ, обычно, не замѣчается даже подъема артикуляціи; это

измѣненіе, характеризующее всѣ нарѣчія и говоры польскаго языка, извѣстно и литературой рѣчи ср. Mater. i prace I, 104 с. Наоборотъ, конечное *o* въ литературной рѣчи сохраняетъ ринезмъ *ibid.*, въ говорахъ же находимъ чистое *o* или *om*, чаще послѣднее.

Такъ, *o* является въ говорахъ прусскихъ мазуровъ Wisla III, 82 с. Spraw. V, 81 с., а изъ малопольскихъ — въ пышницкомъ говорѣ, описанномъ Блаттомъ въ Rozpr. II ser. V т. 379 с.; *om* — въ малопольскихъ говорахъ: опочишьскомъ Rozpr. XI, 162 с., писаржовицкомъ Spraw. IV, 7 с., страдомскомъ (*bedom, dadzom*) Zbiór XVII, 33 с., велуньскомъ и радомскомъ (*kolacujom gotowanom, sukniom*) Zbiór IV, 194—195; изъ великопольскихъ *om* находимъ въ говорѣ Мѣйской Гурки Rozpr. IX, 126 с. Въ нѣкоторыхъ говорахъ изслѣдователи отмѣчаютъ рядомъ то и другое: въ текстахъ, относящихся къ зебржидовскому говору, находимъ: *zmáwajom, śpewajo* 3 pl. pr., *prowadzom* и *prowadze*; за ĳускомъ Rozpr. IX, 184—186 сс.; тоже въ горальскихъ Rozpr. III, 354 с. и въ переходныхъ польско-словацкихъ говорахъ въ Тренчинскомъ комитатѣ (*pusco, utopio* и *robio*m, *utopio*m «Rozpravu filologické věnované Janu Gebauerovi» Praha 1898 г., 145—146 сс.).

Нельзя принимать *-om* изъ конечнаго *o* вообще за фактъ нефонетическій, результатъ аналогіи. Такое объясненіе приложимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. относительно лясовскаго говора Rozpr. VIII, 104—105 сс., гдѣ *-om* является рядомъ съ *-o* въ instr. s. f.: *z tom matkom* при *z tō matkō*, но 3 pl. pr. *ńesō, ćerĳō*, acc. s. f. *d^oobrō, smutnō*. Но какой аналогіей объяснить появленіе *-m* въ иныхъ говорахъ въ формахъ acc. s. f. прилагательныхъ и 3 pl. pr.? Фонетически переходъ отъ *o* къ *om* въ концѣ слова не представляетъ ничего невозможнаго: губное округленіе при окончаніи артикуляціи *o* легко переходитъ въ губной затворъ и легкій губной взрывъ; такое конечное *o* съ легкимъ губнымъ взрывомъ датируется относительно бжезиньскаго говора написаніями: *dobro^m, staro^m, mno^m*, рядомъ съ которыми впрочемъ на-

ходимъ также *poɔ*, *ɔkɔ* и *s flaskom*, *s romosom* Rozpr. VIII, 196—197. Въ Закопанахъ: *kuɔiɔ^m* при *kuɔ́om* Rozpr. X, 176 с.; въ *Sromowcach Wuznich*: *śɔɔwajom* Mat. i prace I 1, 57 с. Въ области великопольскаго нарѣчія — въ рыпиньскомъ уѣздѣ плочкой губ. г. А. Петровъ отмѣчаетъ *om* изъ *ɔ*: *ɔkɔm* Zbiór II, 5 с.

Конечной стадіей этого развитія *ɔ* въ концѣ слова: *ɔ*—*ɔ^m*—*om* — является *-om*. Переходъ отъ *ɔ^m* къ *om*, съ полнымъ образованіемъ губного взрыва, могъ произойти при передачѣ данныхъ сочетаній отъ одного поколѣнія другому. Измѣненіе же *om* въ *om* могло быть связано съ подъемомъ артикуляціи, хотя изслѣдователи пишутъ обычно *om*, только у Крыньскаго относительно закопанскаго говора находимъ *sóm*, *kuɔ́iom* Rozpr. X, 176 с., у Лецѣвскаго относительно Мѣйской Гурки *-um* Rozpr. IX, 126 с., и какъ увидимъ ниже, подъемъ артикуляціи имѣетъ мѣсто и въ сважендскомъ говорѣ.

Внутри словъ этого подъема не находимъ лишь въ литературномъ языкѣ, но въ діалектахъ обычно наблюдается измѣненіе *o*, *e* въ направленіи къ *u*, *i* или полное совпаденіе съ ними.

Въ положеніи носовыхъ *ɔ*, *ɛ* предъ согласными губными *p*, *b*, зубными *t*, *d* и средне-нёбными *k*, *g*, при нѣкоторомъ продленіи носового отвора, возникаютъ соотвѣтствующіе носовые согласные: предъ *p*, *b* губной *m*, предъ *t*, *d* — зубной *n*, предъ *k*, *g* средне-нёбный *ɲ*. Это явленіе наблюдается и въ литературномъ языкѣ Mat. i prace I 1, 104 с. Ср. то же въ кашубскомъ *Bronisch* 16 с. Далѣе, въ связи съ подъемомъ артикуляціи стоятъ постепенный переходъ получившихся такимъ образомъ сочетаній: *ɛmp*, *ompr*, *ɛnt*, *ont*, *ɛɲk*, *oɲk* и т. д. въ сочетанія *umpr*, *impr*, *unt*, *int*, *uɲk*, *iɲk*; отдѣльные говоры (или по крайней мѣрѣ ихъ изслѣдователи) датируютъ различные моменты этого процесса.

Въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ и текстахъ находимъ написанія, которыя врядъ ли передаютъ факты живого народнаго языка: такъ изслѣдователь зебржидовскаго говора, г. Віеѣа пишетъ: *bɔbén*, *dɛbu*, *dɛty*, *gɛba*, *jɛk*, *trɔba*, *bɔbel* Rozpr. IX,

165—167 сс.; г. Sieweryn Udziela въ текстахъ изъ Ропчиць: świętego, wstępuje Zbiór X, 115—117 сс.; проф. Kopiernicki въ пѣсняхъ горалей: ɣabać, cieleťom, gęby Zbiór XII, 122—123 сс.; послѣдній выдаетъ себя написаніемъ ɣombanicka = sickiera и общей непоследовательностью своего правописанія.

Состоянію литературнаго языка болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ показанія г. Dobrzuskiego относительно говора Крженщина, г. Zawilińskiego относительно бржезинскаго говора, г. Wojciecha Janczého относительно говора Sromowiec Wyżnich: въ Крженщинѣ: dɔ^mb, dɛ^mba, ʃɔⁿd, pɛⁿta Rozpr. II ser. XI, 343 с. въ бржезинскомъ smɛⁿtek, trɔ^mba, kɔⁿtek, gɛ^mba, zɛ^mby Rozpr. VIII, 197 с.; въ Сромовцахъ: smɛⁿtek, skɔ^mpstfo, zapʃɔɣgać, но kɛ^mpko Mater. i prace I 1, 57 с.; г. Łoś для опочиньскаго говора датируетъ: ɛ, ɛⁿ, ɛn, ɛn, ɛ́, ɛ́ⁿ, i, iɔ изъ одного ɛ предъ зубными или гортанными и аналогичное разнообразіе звуковъ и сочетаній изъ ɔ Rozpr. XI, 158—162 сс. Насколько всѣ эти варіаціи существуютъ въ дѣйствительности въ одномъ и томъ же говорѣ, въ народномъ произношеніи, затрудняюсь рѣшить. Такое же разнообразіе находимъ въ характеристикахъ силезскихъ говоровъ L. Malinowskiego Rozpr. IX, 265 с.

Конечная стадія въ процессѣ развитія носовыхъ, — исчезновеніе носового отвора въ моментъ артикуляціи гласнаго, отражается въ пышницкомъ говорѣ, описанномъ г. Blatt'омъ, страдомскомъ (г. Witanowski), въ велоньскомъ (г. Grajner); въ Пышницѣ: demba, bende, śwenta, dźećontko Rozpr. II s. V, 378—379 сс.; въ страдомскомъ: majontku, gołombek Zbiór XVII, 55—56 с. и др., въ Wieluniu: uglonda, zkondby Zbiór IV, 194 с. Остается лишь неувѣренность, точно ли сочетанія em, en, om, on (изъ ɛ, ɔ) въ чисто-народномъ, чуждомъ вліянія школы, произношенія не представляютъ въ гласныхъ o, e измѣненія въ направленіи къ u, i: г. Witanowski пишетъ pinknáś 55 с. Тотъ же подъемъ артикуляціи гласныхъ o, e въ данныхъ сочетаніяхъ датируютъ варианты г. Лося: ɛ́, iⁿ, i, in, ó, прямѣры изъ говоровъ прусскихъ мазуровъ г. Sembrzyskiego: rinkie, binde Wisła

III, 82 с.; примѣры, какъ «pikny» г. Ciszewskiego изъ Sławkowa Zbiór X, 211 с.; dróng, łónka г. Grzegorzewicza изъ Прашницы Spraw. V, 81 с.; zèmbu, gèmba, swènty, rumbać, dump, wéłbrunt (=wielbłąd) въ Мѣйской Гуркѣ Rozpr. X, 125—126 сс.

Для хронологіи указанныхъ явленій безынтересно, что въ нѣкоторыхъ памятникахъ XVI в. при общей непослѣдовательности правописанія носовыхъ невольно бросается въ глаза *особенно частое* употребленіе сочетанія en вм. e предъ зубными: poczento, urzendu и т. п.; предъ губными — am, em: gamby, potempyl. см. въ статьѣ L. Malinowskiego «Sliady dyjalektyczne w oznaczeniu samogłosek nosowych... etc.» Rozpr. VII т. По отношенію къ переходу группъ eд, eк въ группы — end, eіk, слѣдуетъ оговорить нѣкоторые частные случаи. Изъ формъ będe, będa фонетически ожидали бы bende, bendō (bendo, bendom), такъ-же какъ изъ będzie — beńdże. Дѣйствительно, въ прашницкомъ говорѣ Grzegorzewicz отмѣчаетъ: beńdże Spraw. V, 81 с.; Witanowski въ страдомскомъ говорѣ — bendzie Zbiór XVII, 55 с.; проф. Kociernicki у горалей bende Zbiór XII, г. Blatt въ Пышницѣ bende Rozpr. II s. V 378 с. Но при этомъ въ многихъ говорахъ находимъ bede—beđzie—bedō или byde (bède)—bydże (bédże)—bydō (bédō): въ Sławkowie bedzie Zbiór X, 211 с, въ прашницкомъ говорѣ при «beńdzie» — bede, bedo 3 pl. 81 с. въ Закопанахъ Rozpr. X, 176 — bedzie, въ писаржовицкомъ говорѣ Spraw. IV, 8 с. bede и byde, въ страдомскомъ при bendziemu — bedzies bedom, bede, bedzie с. 54, 55 и др. Zbiór XVII, въ Wieluniu (Grajnert), bédzie Zbiór IV, 195 с., у горалей, при bende — bede, bedzie, въ зебржидовскомъ говорѣ bede — bedzies Rozpr. IX 166 с., въ говорѣ Miejskej Górki bède, bédzieś и т. д., Rozpr. IX, 146 с. Принимать эти формы за фонетическія трудно: eд во всѣхъ говорахъ дало end, и п въ данномъ сочетаніи не исчезло ни въ какомъ другомъ словѣ. Мнѣ кажется, что bédzie г. Grajnert'a и bède, bédzieś и т. д. въ книгѣ г. Лецѣвскаго обозначаютъ лишь bydzie, byde, bydżeś и т. д.; тексты г. Grajnerta вообще не отличаются обозначеніемъ фонетическихъ тонкостей, а è г. Лецѣвскаго, быть можетъ, основано на извѣстномъ пониманіи факта. Формы byde, bydzies и т. д., вѣроятно, возникли подъ влияніемъ формъ być, był, była, było, byli, а формы bede, beđżeś и т. д. представляютъ контаминацію литературнаго będe и т. д. или фонетическаго bende и т. д. и аналогичныхъ byde, bydżeś и т. д.

На мѣстѣ литературнаго польскаго ріекну находимъ въ говорахъ рѣкпу—рікпу: рѣкпу въ Закопанахъ Rozpr. X, 178 с.; ріекніе у горалей Zbiór XII, 121 с., рѣкпу въ силезскихъ говорахъ Rozpr. IX, въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, 165 с., Кржевинѣ; наоборотъ, въ Страдомѣ: «pinkie, pinknaś» Zbiór XVII, 55 с. Въ формахъ рѣкпу — рікпу, по мнѣнію проф. Розвадовскаго, «сохраненъ чистый гласный» (т. е. первоначальный) Mat. i prace I 1, 57 с. Возможно и такое пониманіе; ср. верхне-луж. рјекпу. Но тѣ же формы могли получиться и изъ рѣркпу, рііркпу путемъ упрощенія группы — ркп. Встрѣчающееся въ цѣломъ рядѣ говоровъ mientki (или męntki) = męki зебржид. Rozpr. IX, 165, опочинскомъ Rozpr. XI, 153—162 и др. могло возникнуть, какъ думалъ Аппель, подъ влияніемъ сближенія съ корнемъ męt въ męść — mętosić. Р. Фил. В. IV (1880) 267 с.

По поводу судьбы носовыхъ вообще въ положеніи предъ нѣбными *k*, *g* должно замѣтить, что многіе изслѣдователи польскихъ говорѣвъ вообще не различаютъ нѣбный *ɲ* и зубной *n* и, употребляя написанія *menka*, *monka* (г. Blatt о пышницкомъ говорѣ Rozpr. II s. V, 379 с.), *rinkie* (Sembrzycki о говорахъ прусскихъ мазурѣвъ Wisła III, 82 с.), *łonka*, *dróng* (г. Grzegorzewicz о прашницкомъ говорѣ Spraw. V, 81 с.) и т. п., не оговариваютъ опредѣленно значенія знака *n*. Между тѣмъ, возможно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ на мѣстѣ *ɲ* явилось *n*, основанное на неточномъ акустическомъ воспріятіи со стороны новаго поколѣнія первоначально нѣбнаго носового взрыва *ɲ* («звуковая мѣна» — *springender Lautwechsel*).

Въ Сважендзѣ я слышалъ отъ крестьянки изъ *Września*: *ḍzinkuje* съ зубнымъ *n*. Нѣбное *ɲ* въ положеніи предъ *k*, *g* изъ *ɛ—o* отмѣчено напр. г. Лосемъ въ опочиньскомъ говорѣ: *dzĩkovać*, *ĩkvać śe*, г. Janczum въ *Sromowsach Wyżnich*: *zapřoŕgać*, *šoŕgać Mater i prace* I 1, 57 с.; тоже *ɲ* можно подозрѣвать и въ говорѣ Мѣйской Гурки: *piśa stęga*, г. *Leciejewski* прибавляетъ: «почти *stynga*», *piśeć munka*, *łunka* и однако замѣчаетъ «*przed gardłowymi o brzmi nieco nosowo*» Rozpr. IX, 126—127 с.; дѣйствительно, акустическое впечатлѣніе, производимое группами *onk* — *eng* очень близко къ таковому при группахъ *ok* — *eg*.

Въ положеніи предъ спирантами *s*, *z*, *ś*, *ź*, *ch* и палатальными *ś*, *ź* подъемъ артикуляціи носовыхъ и передвиженіе носового отвора во времени чисто фонетическимъ путемъ приводитъ къ измѣненію *ɛ—o* въ направленіи къ *ɥ* (*i*) — *ɥ* и утратѣ носового резонанса: группы *es* — *os*, *ez* — *oz* и т. д. измѣняются въ направленіи къ *ys* (*is*) — *us*, *yz* (*iz*) — *uz* и т. д.

Въ литературномъ языкѣ подъемъ артикуляціи отсутствуетъ, и въ связи съ этимъ носовой резонансъ сохраняется *Mat. i prace* I 1, 104 с. Кромѣ того проф. Розвадовскій замѣчаетъ разницу въ судьбѣ носовыхъ предъ глухими спирантами *s*, *ś*, *ś*, *ch* и предъ звучными *ź*, *z*, *ź*: предъ послѣдними онъ слышитъ еще слабое

п, ђ, ѓ послѣ носового *ibid.* Такъ какъ по мѣсту образованія первый рядъ согласныхъ отъ второго не отлпчается, то не видно фонетической основы появленія этихъ п, ђ, ѓ; быть можетъ, они появились въ говорѣ, какъ результатъ неточнаго акустического впечатлѣнія, возникающаго подъ вліяніемъ звучности слѣдующаго согласнаго.

Нѣкоторые изслѣдователи датируютъ такое явленіе и для народныхъ говоровъ, но обычно въ одинаковой мѣрѣ, какъ предъ звучными, такъ и предъ глухими спирантами: такъ Кольбергъ отмѣчаетъ въ великопольскихъ говорахъ *gołunzka*, но и *gunska Zbiór I, 9 c.*; въ пышницкомъ говорѣ (г. Blatt) — *çonza*, но и *genś Rozpr. II s. V, 378—379 c.*, въ *Wieluniu* (г. Grajnert) *uwiõznał* и *szczeńśliwie Zbiór IV, 185 c.* Въ Сважендзѣ (ср. ниже) — лишь въ одномъ словѣ: *weńżeńe*.

Исчезновеніе носового резонанса въ *ę — o* предъ указанными спирантами, глухими и звучными, датируется слѣдующими фактами отдѣльныхъ говоровъ: въ оппельнскомъ — *ńesceśće, sceśliwi* (L. Malinowski 25 c.); *sceśce, zańozać* въ силезскихъ говорахъ *Rozpr. IX, 264—265 ss.*; «*myso*» въ говорѣ *Sromowiec Wyźnich Mat. i prace I, 57*; «*myso*» въ *Sławkowie Zbiór X, 211 c.* ср. «*menso*» въ прашицкомъ говорѣ *Spraw. V, 81 c.* Въ послѣднемъ словѣ потеря ринезма соединена съ подъемомъ артикуляціи т. е. переходомъ *e* въ *i*: ср. въ этомъ отношеніи — *mosjznu* въ опочиньскомъ говорѣ *Rozpr. XI, 160 c.*; «*vós, kósek*» (*ó = ó* носовое) въ силезскихъ говорахъ *Rozpr. IX, 264 c.*, вышеприведенные примѣры Кольберга *gołunzka, gunska*. Лучшую иллюстрацію связи того и другаго процесса: подъема артикуляціи и уничтоженія отвора въ носовую полость представляютъ факты говора *Miej-skiej Górki: mès_no, jèzük, mèsčyzna, wèżeńe, kusek, dusać śe, rówusło, kśuże, wusy, wúzać, muž, guśe* и т. п. *Rozpr. IX, 126—127 ss.* По мнѣнію г. Лецкевскаго *ibid.*, въ этихъ примѣрахъ п ассимилировалось слѣдующимъ согласнымъ и выпало. Но, конечно, предположеніе здѣсь п не имѣетъ никакого основанія; измѣненіе *e, o* въ *y (i)*, и затрудняло образованіе отвора въ

носовую полость, одновременное съ артикуляціей гласныхъ, и онъ исчезъ.

Особо стоитъ слово *somśad, sómśad, sumśad*, которое находимъ въ пѣломъ рядѣ говоровъ: прашницкомъ *Spraw. V, 81 с.*; пышницкомъ *Rozpr. II z. V, 379 с.* и другихъ. Вѣроятно, явилось подъ вліяніемъ какого либо сближенія съ инымъ словомъ.

Въ положеніи носовыхъ гласныхъ предъ зубными аффрикатами *dz, c, dź, ć, ǰ* судьба ихъ—та же, что и въ положеніи предъ мгновенными зубными *d, t*: возникаетъ зубной взрывъ при отворѣ въ носовую полость, а во время артикуляціи гласныхъ этотъ отворъ исчезаетъ. Проф. Розвадовскій характеризуетъ литературное произношеніе группъ *e, o + dz, c, dź, ć, ǰ* написаніями: *reńdźić, reńćina* (съ твердымъ *n*), *terǰuc, porǰek*, т. е. предъ *ǰ*—взрывъ небный носовой.

Является ли *ю* предъ *ǰ* и въ народныхъ говорахъ, трудно рѣшить въ виду имѣющихся у насъ данныхъ: большинство изслѣдователей вообще не различаетъ *n* и *ю*, тамъ же, гдѣ это различеніе находимъ, имѣемъ дѣло съ говорами мазурскими, замѣняющими *ǰ* чрезъ *c*; таковъ говоръ *Sromowiec Wyźnich* (*gorⁿcsy, rajⁿceŋa Mater. i prace I 1, 57 с.*) и говоръ опочинскій (*bręⁿuc Rozpr. XI, 160 с.*). Въ Сважендзѣ—*n*. Предъ *c, dz, ć, dź* находимъ *en, on* (*eń, (oń)* въ силезскихъ говорахъ: *vénysej, kśęndza, do kwitńeńcaⁿ Rozpr. IX, 263 с.*, въ оппельнскомъ рѣчсгого «*Ueber die oppeln. M.*», 20, въ *Sromowcach — skroⁿcać, zapoⁿdzać, ręⁿć, leceⁿcy, lezeⁿcy, ńeⁿdzy Mater. i prace I 1, 57 с.*; въ бржезинскомъ говорѣ *soⁿdźić Rozpr. VIII, 197 с.*, въ *Wieluniu — więnc Zbiór IV, 194 с.* Относительно силезскихъ говоровъ находимъ при этомъ указанія, что параллельно возникновенію переходнаго носового согласнаго идетъ измѣненіе носовыхъ гласныхъ въ направленіи къ *y* (*i*), *u*: въ положеніи предъ указанными зубными аффрикатами находимъ у *L. Malinowskiego* также *ęn, ęń*; тоже въ опочинскомъ говорѣ *Rozpr. XI, 160 с.*: *pręⁿdza, rǰⁿć, dźesǰńć*. Рядомъ съ послѣдними формами въ томъ же говорѣ находимъ у *г. Łos'я* и примѣры, датирующие конечную стадію про-

песса: *raminć, vincy, zinć*; то же въ иныхъ говорахъ: «*kxiyndza*» у г. *Ciszewskiego* въ говорѣ Славкова *Zbiór X*, 211 с., «*pjinć*» въ говорахъ прусскихъ мазуровъ *Wisła III*, 82 с., *zamknunć* и т. п. въ говорѣ *Miejskéj Górki Rozpr. IX*, 126 с. Для меня неясно значеніе такихъ написаній, гдѣ носовой резонансъ гласнаго исчезъ безъ подъема артикуляціи: обозначаютъ ли примѣры, какъ: *do kśendza*, у г. Лося рядомъ съ *raminć* и т. п. факты самостоятельнаго фонетическаго развитія или результатъ школьнаго вліянія на народную рѣчь; тотъ же вопросъ является по отношенію «*piniondze, ksionc, miesionc*» у г. *Ciszewskiego* рядомъ съ «*kxiyndza*» и «*miyso*», по отношенію *řeńendze* у г. *Grzegorzewicza* рядомъ съ *dróng, lónka, zdónzyły Spraw. V*, 81 с., — *pińendzy, sceńściá, umencyli* у г. *Witanowskiego* рядомъ съ *piknie, pinknie, świnty Zbiór XVIII*, 49, 53, 55 сс. — *dżeśeńc, jencmėnisko, ćeknonć, zmáznońc, hulnonc, lezoncych* у г. *Blatta Rozpr. II s. V*, 378—379 сс.

Въ формахъ *infinitiv*'ныхъ на *-pać* рядомъ съ *(-onc)* *-unc* находимъ порой въ одномъ и томъ же говорѣ *-oc*: у г. *Blatta* *carpoc, sknoc*; въ противоположность пышницкому *jencmėnisko* у г. *Dobrzyckiego (Krzęcin)* находимъ *jestmėń Rozpr. II s. XI*, 1898 г., 44 с. Послѣдній примѣръ, весьма вѣроятно, представляетъ упрощеніе звуковой группы *-ncst*; быть можетъ и *-noc* (*-nuc-*) — вторичное явленіе: изъ *ponc* (*pnuc*).

Въ положеніи предъ *ʃ*, *l* носовой резонансъ, по свидѣтельству проф. Розвадовскаго, исчезаетъ въ произношеніи образованныхъ классовъ общества: *zaśoc = zaszʃ*, *zaśeća = zaszęła*, *zaśeli = zaszęli Mat. i prace I 1*, 104—105.

Въ народныхъ говорахъ находимъ съ одной стороны формы, аналогичныя формамъ, приведеннымъ проф. Розвадовскимъ, съ другой стороны формы совершенно иного типа, какъ — *wżon* (*wżun*) — *wżena* — *wżeno* — *wżeni*; ср. то же въ кашубскомъ *Bronisch 16* с.

ср. въ *Стонавкѣ* — *vżon, vżena, vżeno, vżeni Rozpr. XII*, 25 с.; въ силезскихъ говорахъ *rżjėni, vżon* и *vżona Rozpr. IX*, 263; въ прашицкомъ говорѣ: *korpėła, minėła, stanėły* и — *odjon, wżon, zason, wyjeni, ćena (= cięła), dżwignonem Spraw. V*, 81 с.; въ оппельскомъ говорѣ — *vińuc = vińol* «*Ueber d. oppelu. M.*» 25, въ *Сромовцахъ* *vżon, vżena* и *zginoc, zginyca, stanycu Mat. i prace I 1*, 57 с.;

въ Крженцинѣ kŕykneli, minédu Rozpr. XI, II s. 343—344 сс., у горалей zasón, wzión Rozpr. III, 360 с.; въ Пышницѣ vsuneli še, staneli Rozpr. II s. V, 378 с.; въ бржезинскомъ говорѣ vžón, vžena Rozpr. VIII, 197 с.; въ Мѣйской Гуркѣ wżun, klun и stanul, śugnul, drapanul Rozpr. IX, 135 с.

Несомнѣнно, что формы zginóц или zginuц, zginéĽa или zginuĽa и т. п., гдѣ носовой резонансъ утраченъ предъ Ľ, являются фонетическими; зубной взрывъ предъ Ľ, образующимся сужениемъ нѣбнымъ и губнымъ, неестествененъ; съ подъемомъ артикуляціи въ направленіи къ ц, у—o и e теряли носовой резонансъ; наоборотъ, въ формѣ множественнаго числа przuĽeli и т. п. въ положеніи предъ мягкимъ l зубно-носовой взрывъ могъ легко возникнуть: и дѣйствительно, L. Malinowski отмѣчаетъ въ силезскихъ говорахъ рядомъ съ rĽuĽeni и rĽuĽeni. Формы kŕykneli, zaĽeli скорѣе получились путемъ аналогіи формъ kŕykneĽa, zaĽeĽa, чѣмъ путемъ фонетическимъ.

Обратно, и въ формахъ wżun, wżena, wżeno или zaĽun, zaĽena, zaĽeno могло возникнуть лишь подъ влияніемъ формы wżenli, zaĽenli; получившаяся такимъ путемъ форма wżónĽ, zaĽónĽ фонетически измѣнялось въ wżón, zaĽón, какъ umarĽ измѣнялось въ umar, szedĽ въ ŕet и т. п. Возникли ли формы wżena, wżeno изъ wżenĽa, wżenĽo непосредственно или подъ влияніемъ wżón, а также, — явилось ли wżeni подъ тѣмъ же влияніемъ или фонетически изъ wżenli, не рѣшаю; влияніе аналогіи мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. Что касается выше приведенной формы vžon въ силезскихъ говорахъ у L. Malinowskiego и Ф.Ф. vžon, vžena въ Сромовцахъ, то онѣ не имѣютъ значенія въ вопросѣ, въ виду широкаго развитія секундарнаго ринезма, какъ въ силезскихъ говорахъ, характеризованныхъ L. Malinowskim, такъ и въ Сромовцахъ: ср. въ послѣднемъ говорѣ dom изъ dom; strona изъ strona; sen изъ sen Mat. i prace I 1, 58 с.

Обособленное положеніе среди говоровъ польскихъ занимаетъ ясовскій говоръ, описанный г. Магусякомъ въ Rozpr. VIII, Arch. V: здѣсь o и e измѣнялись въ гласные ô и ê, утративъ носовой резонансъ, во всѣхъ положеніяхъ: bôbel; vôĽel, vôs, kôpac še, môka, dôb, gêse, vêkse и т. д.

Для полноты обзора слѣдуетъ упомянуть о касинскомъ говорѣ, описанномъ L. Malinowski вѣ Rozpr. VIII: здѣсь также находимъ нѣкоторыя изъ описанныхъ выше явленій, какъ *péso*, *pékny*; но оригинальную черту говора представляетъ *o* на мѣстѣ *e* другихъ говоровъ: *sośc*, *džeŋośc*, *gjođa*, *mōki*, *sozki* и т. п.,—явленіе несомнѣнно позднее, какъ и признаетъ L. Malinowski 248 с.: этотъ процессъ захватываетъ и старое *e* въ положеніи его предъ носовыми согласными: *płemę* > *płomō*.

Обращаюсь къ сважендскому говору.

Въ концѣ слова *e* потеряло носовой резонансъ, изъ *o* развилось сочетаніе *om*; гласный *o* въ этомъ сочетаніи является болѣею частью въ неударяемомъ слогѣ и потому акустически неясенъ; его можно опредѣлить, какъ *o*, склонное къ *u*; подъ удареніемъ слышится—*um*. Примѣры: *dźivče*, *sołkom źime* acc. s., *pore* acc. s. f. = *pare*; *dobrom płate* acc. s. *wode*, *igle* acc. s. f., *ide*, *moge*, *bode* 1 s. pr.; *vodom*, *kavom*, *vudkom* instr. s. f., *kolacyjom* acc. s. f.; *godajom*, *pišom*, (*žaby*) *rechcom*, *pujdom*, *jedzom*, *śejom*, *muvom*, *zrobom*, *žujom*, *bolom*, *mogom*, (*dzvuom*) и т. п., *he chcum*, *sum* 3 pl. z *num* instr. s. f.

Внутри слова, въ положеніи предъ зубными *d*, *t*—*e* измѣнилось въ сочетаніе—чистый гласный *+i*; гласный этотъ колеблется между *e*, склоннымъ къ *y*, и вполне яснымъ *y*: такъ отъ одного и того же лица слышала я *ve^hnda*, *ve^hndrovać*, *pe^hntel*, *pe^hntlina*, *nade^hnty*, *zake^hnty*, *me^hnta*, *pe^hnta* и *pryntko*, *żyndym* = *rzedem*, *dževčynta*, *zvežynta*, *nadynty*, *zaklnty*, *pacholinta*.

o—*d*, *t* измѣнилось въ *o^hnt* или *unt*: *vo^hntka*, *mo^hntnoç voda*, *po^hntek*, *dževo^hntyj*, *džešo^hntyj*, *žo^hndać*, *mo^hndry* или *žakundej*, *vuntka*, *vuntroba*, *velbrunt*, *kluntva*. Можно слышать также параллели съ *on*, *en*, но онѣ безспорно, стоятъ подъ вліяніемъ литературнаго языка: такъ говорятъ напр. крестьяне съ чужимъ человѣкомъ «ро *pańsku*»; въ этомъ случаѣ можно слышать и *bende*. Главный объектъ моихъ наблюденій, крестьянка Михалина Скржипчакъ на вопросъ, почему она раньше говорила *bende*, въ послѣдній же разъ «*byde*», объяснила, что «*bende*»—

ро rańsku, a bude — «ро chłopsku»; дальнѣйшія мои наблюденія подтвердили справедливость этого объясненія. Такимъ образомъ, народная парадигма вспомогат. глагола будущаго вр. имѣетъ въ Сважендзѣ видъ: bude, bydześ, bydze, bydzemy, bydzeće, bydom; отъ одного старика, близкаго къ кннгѣ, слышалъ я и bede, bedześ и т. д. Предъ губными p, b—o, e даютъ сочетаніе: гласный, въ акустическомъ впечатлѣніи колеблющійся между e¹ (eⁱ) и y (i); oⁿ и u, — губной носовой m: pe^mpek, ze^mby, ge^mby, do^mpr, zo^mpr, zo^mprki или gymba, dymbowy, цотrymbi, sump (= ser), žimba, pšežimbic še, vymborek, trumba, rumbać, kumpać še, skumpuj, jażumbek, jastšump. Предъ средне-нёбнымъ k, g—o, e измѣнились въ сочетанія oⁿю — ию, eⁿю — ую: meⁿьka, reⁿьka, peⁿьknunc, teⁿьгоц n. s. f., weⁿьkьj, ceⁿьgim, moⁿьka, pšycoⁿьgłam или vьnьgel, cinьgim, tyngi, dzvьnk, vьnguš (= wegorz), chorunьgef, ĺьnka; mьnki.

Форма rьknju является при rьnьkju.

Предъ спирантомъ ch ясна тенденція исчезновенія носового резонанса: отъ главнаго объекта моихъ наблюденій я слышалъ vech (e=e¹); pechyš (=pe¹chyš), ruchyš и въ другой разъ вполне отчетливо ruchyš; тоже колебаніе — и у другихъ лицъ.

Предъ s, ś — o, e сохраняютъ носовой резонансъ, но измѣняются въ паправленіи къ ц, y₁ (i): vьski (=v^oski); gьsur; dьsoц, vьsy; vьsuna (гусеница); meьski (=me¹ski); geśi; geśorka; также предъ группой śc: çeść; vźość; moś (=moⁿś т. е. maź); kьośka, vstьośki; носовой резонансъ исчезъ въ трехъ словахъ: mьiso (или me¹so), şeśće рядомъ съ şeśće, me¹šczyzna или mьšczyzna.

Слово sąsiad такъ же, какъ и въ другихъ говорахъ, — въ формѣ sumśot.

Что касается соответствующихъ звучныхъ спрантовъ z, ź, ż, то предъ ź судьба o — e въ Сважендзѣ та же, что и предъ ś: kьeźyc съ e = eⁱ, ceźor; предъ z я слышалъ также o, e: wьozać, jьzyk; предъ ź — e и e¹: рядомъ съ jeźogo, gałeźe, отчетливо — weⁿьzehe.

Предъ аффрикатами *c, ć, dz, dź, ċ* находимъ то же, что и предъ зубными мгновенными *d, t*: *re'ncse, ře'ńć, dźeše'ńć, źe'ńć, ve'nczej, ve'nc, che'ńć, kre'ńćić, řeče'ńć, zajo'nc, mošo'nc* (= *mośadz*), *zařo'ńć, schno'ńć, kso'nc* или *mešunc, buńć* (= *bodź*), *zmažnuńć, zamknuńć, vetknuńć, ryncse, řińć*.

se'ńdza, pe'ńdźiłam, ke'ńdźur, řeńo'ńdze и *ryndźel* (кисточка), *žołyńdže, nynďza*.

je'ńcmeń, pe'ńćok (= *řeczak* — сортъ крупы), *me'ńćyc* или *jin'cmeń, ryncok*.

Предъ *ł, l* находимъ фонетическія формы: *z'gĩnuć, z'gĩnyła, z'gĩnyło, ćo'ńgnuć, ćo'ńgnnyła, ćo'ńgnnyło* и т. п. и нефонетическія: *vźun, vźena, vźeno, vźeni* и т. п.

5. Польскіе рефлексы об.-слов. сочетаній *og, ol, eg, el* + согл.

Изъ общесловянскихъ сочетаній **og, *ol, *eg, *el* въ положеніи предъ согласнымъ въ польскомъ языкѣ получились группы *go, ɣo, ge, le* съ открытымъ или наклоненнымъ гласнымъ (*gó, ɣó, gé, lé*), въ началѣ же слова при *go, ɣo* находимъ и *ga, ɣa* (*gamię, gataj, ɣaknać*).

По мнѣнію проф. Tore Tornbörnsson'a, польскія *go, ɣo* получились непосредственно изъ **go, *ɣo*, которыя уже въ об.-сл. эпоху явились на мѣстѣ первоначальныхъ **og, *ol* «Die gemeinlavische Liquidametathese». Upsala 1902. Нѣкоторымъ затрудненіемъ при обоснованіи этой гипотезы являются малорусскія полногласныя формы, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ второе о не подвергается замѣстительному удлинению и тѣмъ выдаетъ свое позднее происхождение. Проф. Tore Tornbörnsson стремится устранить это затрудненіе двойнымъ предположеніемъ: или удлиненіе *bovь > bõvь* предшествовало об.-слов. перестановкѣ *gorď > grõď*, или перестановка была болѣе раннимъ фактомъ, но о въ *go* не подвергалось удлинению въ виду особаго положенія: въ сочетаніи съ *g* 25 с. Первое предположеніе во всякомъ случаѣ должно быть отвергнуто, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ даныхъ отодвигать малорусское удлиненіе *bovь — bõvь* въ об.-сл. эпоху. (Къ этому вопросу вернусь ниже). Далѣе извѣстныя затрудненія представляютъ также полабскія и кашубскія сочетанія *og ag*. Относительно полабскаго и кашубскаго *og* проф. Tore Tornbörnsson защищаетъ (В. В. XX, 135 с.) позицію проф. Потебни (къ ист. звук. I, 149): полаб-

ское *og* — позднее изъ *go*, которое представляетъ общезападно-славянскую перестановку; «... polab. gord aus *grodъ und dies aus *gord hervorgegangen ist. Das kaš. gard ist aus denselben Gründen ebenso zu erklären». Die gemeinlav. L. — Metathese 20 с. «Dasselbe Verhältniss finden wir in der dem polabischen nahe stehenden kašubischen Sprache, die—*og* oder —*ar*—vorlav. — *og* hat». В. В. 135 с. прим. Подробнѣе проф. Тогге Т. не выясняетъ процесса, какимъ кашубское *ag* получилось изъ об.-сл. **go*. Возможны два представленія: или о въ сочетаніи **go* получило удлиненіе еще въ об.-слов. эпоху и затѣмъ послѣдовала перестановка, или же, наоборотъ, перестановка предшествовала удлиненію. Въ первомъ случаѣ удлиненіе о въ *ā* естественно было бы связано съ измѣненіемъ *g* въ *g* т. е. пришлось бы предположить для кашубскаго ступень, которую прошли, по мнѣнію самого автора, чешскій и южно-славянскіе языки: **go* > *ga* (см. 15 с. книги); но тогда уничтожается мотивъ спеціально полабско-кашубской перестановки: мотивъ этотъ онъ видитъ именно въ *g*: *gradъ* = *grando* не измѣняется въ *gardъ*. Во второмъ случаѣ: **go* > *og* > *ag* удлиненіе переносится въ кашубскую эпоху и тогда является непонятнымъ, почему спеціально кашубское удлиненіе о дало *a*; удлиненіе о въ *a* мы знаемъ лишь въ праславянскую эпоху; въ кашубскомъ же *ō* даетъ *ò* (Ramult, Броннишъ *õ*). Если же г. Тогге Т. предполагаетъ **go* > *gā* (> *ag*), то ему слѣдовало дать фонетическую мотивировку такого процесса, какъ онъ далъ ее для **go* > *gā*. Итакъ, съ одной стороны въ малорусск. *go* о не удлинняется, даже при потерѣ количества слѣдующаго слога, — въ виду сочетанія съ *g*; съ другой стороны въ об.-слов. эпоху *dialektisch* удлиннялось о въ *go* въ виду того же сочетанія съ *g*? Ср. также Arch. X, 48, XXIV, 568; Изв. VII 2, 305.

Сочетаніе *go*, связывая польскій языкъ съ лужицкимъ, отдѣляетъ его съ другой стороны отъ сосѣдней кашубской языковой области, гдѣ формой органической является въ соответствіи польскому *go—ag* (*ôg*). Что форма—*ag*—органическая, доказываетъ и сравнительное обиліе примѣровъ (ср. послѣднее сопоставленіе ихъ у Лоренца въ Arch. XXIV, 35 с.), и то обстоятельство, что чередованіе *ag—ôg* (словинц. кабатк. *âg—âg*) является, повидимому, въ тѣхъ же условіяхъ, что и вообще чередованіе *a—ô*, — въ зависимости отъ стараго положенія ударенія: ср. напр. у словинцовъ и кабатковъ: *sâgka* р. сорôka; *vâgna* р. ворôna и *xâgna*, *vârta* р. воротá, *bâgda* р. бороздá, *bârna* р. боронá. Тоже чередованіе, повидимому, имѣло мѣсто и въ зависимости отъ звучности или незвучности конечнаго согласнаго съ отпавшимъ послѣ него полугласнымъ: *xâgt*, словинц. *kâgt* (хворостъ), *mâgk* (мракъ — морокъ) и *mâgs* (морозъ), *rágk* (порогъ).

Об.-сл. *āg (изъ *og съ діалектическимъ удлинениемъ о), полученное кашубскимъ языкомъ безъ перестановки, при сохраненіи долготы ā давало ôg, при сокращеніи ея ag; позже это ā подвергаясь вторичному удлинению въ концѣ слова предъ звучными согласными давало ô и въ сочетаніи ag. Если форма ag—ôg органическая, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ справедливости мысли проф. Бодуэна де К., что сочетаніе го проникло въ кашубскій языкъ изъ польскаго: не будучи въ состояніи объяснить себѣ возникновеніе ag изъ го или го, не понимаю также, какъ могло ag дать го, какъ sarka могло дать sroka и bārzdа (bōrzdа) — brōzda; кашубское ô представляетъ всегда удлиненіе первоначальнаго о.

Мысль, что го въ кашубскомъ оригинально, не заимствовано—у Микколы Beton. und Quant. 23 с. го и ag являлись, по его мнѣнію,—«in gewissen Stellungen... es hing von der Tonqualität oder Unbetonheit der betreffenden Silbe ab, ob ursl. or durch—ar oder—go vertreten wurde». Но факты, у насъ имѣющіеся, не даютъ никакихъ основаній къ такой гипотезѣ; ей противорѣчить то обстоятельство, что различіе въ положеніи ударенія отражается въ различіи самыхъ сочетаній — го и — ag: broda, р. (бородá) бóроду; krowa, р. корова; wrona, р. (бронá) бóрону; sroka, р. сорóка и brōzda, р. бороздá—бороздú; вышеприведенныя w̄arna, s̄arka и b̄ar̄da, w̄arta. Различіе же качества долготы вообще не оставило никакого слѣда въ кашубскомъ, какъ и въ польскомъ (ср. 2-ую часть изслѣдованія).

То обстоятельство, что на мѣстѣ польскаго го находимъ гò (Ram., Бронншъ ð — звукъ *долгий*) не мѣшаетъ мысли о заимствованіи этого гò изъ польскаго: заимствованіе могло имѣть мѣсто въ старую эпоху, когда и польское ð еще сохраняло свое количественное отличіе отъ о.

Проф. Брюкнеръ Arch. XXI, 65 с. и XXIII, 232 с. стремился доказать, что польскому языку, какъ и кашубскому было извѣстно сочетаніе — ag изъ об.-сл. *og, въ виду мѣстныхъ названій Charstnica (ср. chróst), Skarbmir (ср. Skrobiszew), Karvin (ср. krowa). Но помимо того, что нѣсколько топографическихъ именъ — основа слишкомъ шаткая—ср. возраженія проф. Зубатаго въ Věstnik'ѣ slov. Starož. IV, 33 с.,—проф. Брюкнеръ не объясняетъ намъ ни того, какъ изъ—*ag получилось го и гó, ни условій этой двойственности, если — ag и го являлись рядомъ. А между тѣмъ отношенія количественныя, связанныя съ ударе-

шлемъ, къ двойственности аг — го не могутъ быть приурочены, такъ какъ отражаются въ различіи го — гó. Анализъ примѣровъ польскихъ сочетаній го, ҃о, ге, ле и гó, ҃ó, гé, lé обнаруживаетъ, что первый рядъ сочетаній является *въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ первоначально доліе гласные (а, ё) сокращаются*, второй же рядъ — въ условіяхъ, *при которыхъ первоначальная долота гласныхъ сохраняется* или же въ такихъ, при которыхъ краткіе гласные получаютъ удлиненіе (см. II часть изслѣдованія).

Оставивъ факты вторичнаго удлиненія въ сторонѣ и принявъ во вниманіе остальные условія появленія го, ҃о, ге, ле и гó, ҃ó, гé, lé на мѣстѣ об.-сл. *og, *ol, *eg, el, мы необходимо должны заключить, что *долота указанныхъ об.-сл. сочетаній отражалась въ долотъ гласныхъ о, е польскихъ сочетаній го, ҃о, ге, ле*, т. е. что первоначальными рефлексами разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній въ польскомъ были *gō, *lō, *gē, *lē. Изъ этихъ польскихъ сочетаній при условіяхъ сохраненія долготы получились современные гó, ҃ó, гé, lé или gu, ҃u, gī, lī, при условіяхъ же сокращенія долготы современные го, ҃о, ге, ле, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда гласный этихъ сочетаній подвергся вторичному удлиненію.

Судьба означенныхъ сочетаній въ сважендзскомъ говорѣ въ общемъ та же, что и въ другихъ говорахъ и литературномъ языкѣ. Слѣдъ долготы гласнаго въ этихъ сочетаніяхъ является въ видѣ u, i на мѣстѣ o, e: kruł, struna, bruzda, mliko, struś, bżuk, vrun, vruna, vżut, vruk, pruk, mrus, ҃ogrut, żrybok, vrubel, zdruř, napřut, krutki, prużny, stşyc (стеречь), brunić, vrućić. tşyc (тереть), vřic. Группа *lō является, въ виду отмѣченной въ 3 главѣ диссимиліаціи въ видѣ ҃u или ҃u^v: kḷu^vćić, tḷu^vc, kḷu^vc, mḷu^vćić, pḷu^vkać, pḷutno, ҃u^vc, ҃u^vću^vc (= vḷoczyć), gḷuvnyj, sḷuma, dḷu^vto.

6. Польскіе рефлексы об.-сл. * $\underset{\circ}{\text{r}}$, * $\underset{\circ}{\text{r}}$, * $\underset{\circ}{\text{l}}$, * $\underset{\circ}{\text{l}}$.

Въ настоящей главѣ имѣются въ виду польскія соотвѣтствія разнообразнымъ сочетаніямъ пныхъ словянскихъ языковъ *между согласными*, какъ русскія ор, ол, ер, ел, чешскія $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$, ег, $\underset{\circ}{\text{l}}$, сербскія $\underset{\circ}{\text{r}}$, и и т. д.; сочетанія эти гипотетически возводятся къ об.-сл. формулѣ * $\underset{\circ}{\text{t}}\underset{\circ}{\text{r}}\text{t}$, $\underset{\circ}{\text{t}}\underset{\circ}{\text{l}}\text{t}$, $\underset{\circ}{\text{r}}\underset{\circ}{\text{r}}\text{t}$, $\underset{\circ}{\text{r}}\underset{\circ}{\text{l}}\text{t}$, со слоговыми $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$ и неслоговыми $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$.

Исторія вопроса о данныхъ сочетаніяхъ и обоснованіе формулы $\underset{\circ}{\text{t}}\underset{\circ}{\text{r}}\text{t}$, принадлежащей ак. Фортунатову Arch. XI, 569, — въ книгѣ Б. М. Ляпунова «Исслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-й новгородской лѣтописи» 245—253 сс. и въ статьѣ ак. Шахматова о русскомъ полногласіи въ Изв. VII 1, 280 и сл.; въ послѣдней критика формулы проф. Бодуэна де К.: $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$, т. е. гипотезы слоговыхъ плавныхъ, твердыхъ и палатальныхъ, безъ неслоговыхъ $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$, принятой и проф. Брандтомъ.

Об.-словянскому * $\underset{\circ}{\text{r}}$ между согласными соотвѣтствуютъ въ польскомъ аг и болѣе рѣдкое gu; об.-сл. * $\underset{\circ}{\text{r}}$ — 'ir, позже измѣнившееся въ 'er, и аг; об.-сл. * $\underset{\circ}{\text{l}}$ — eł, oł, łu, uł; об.-сл. * $\underset{\circ}{\text{l}}$ — eł, il, oł. Попытки объяснить это разнообразіе польскихъ рефлексовъ разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній далъ цѣлый рядъ изслѣдователей. Уже въ Arch. V, 549 ак. Ягичъ сдѣлалъ вѣрное соображеніе, что а въ garb нельзя вести изъ $\underset{\circ}{\text{r}}$, которое мы находимъ въ пныхъ случаяхъ, такъ какъ такое $\underset{\circ}{\text{r}}$ дало бы е т. е. изъ г $\underset{\circ}{\text{r}}$ бъ получилось бы *giegb; въ виду этого польское garb ак. Ягичъ возводитъ къ *g'rbъ, т. е. исходитъ въ анализѣ разсматриваемыхъ сочетаній различныхъ словянскихъ языковъ изъ «слабѣйшей ступени вокализаціи сочетанія muta — e — liquida — muta», ступени, «которая могла или опуститься до чисто слогообразующихъ $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$ или же остановиться на минимальномъ гласномъ, который можно обозначить какъ «звуковую окраску» плавныхъ $\underset{\circ}{\text{r}}$, $\underset{\circ}{\text{l}}$ ».

«Die schwächste Vocalisation konnte, wie uns die heutigen slavischen Sprachen: die serbische, slovenische, bulgarische, böhmische und der slovakische Dialekt dieser letzteren darthun, bis zum rein silbenbildenden l — r herabsinken oder aber bei einem minimalen Vocal, welchen man mit dem Ausdruck «Klangfarbe» der Liquiden l — r bezeichnet, Halt machen».

Соображеніе ак. Ягича осталось безъ всякаго вліянія на появившуюся 2 года спустя статью проф. Брюкнера, посвященную разсматриваемымъ сочетаніямъ, въ Arch. VII, 534 с. проф. Брюкнеръ исходитъ изъ формулы *tʏrt, *tʏlt, *tʏrt, *tʏlt, данной І. Шмидтомъ и проф. Лескиномъ въ Arch. III, 702 с. Не отличая т, ь въ этой формулѣ отъ т, ь въ иныхъ положеніяхъ, проф. Брюкнеръ естественно заключаетъ, что изъ *tʏrt въ польскомъ должно было получиться tert, но подъ вліяніемъ слѣдующаго — г — е измѣнилось въ а. Об.-сл. *tʏlt, такимъ же образомъ, даетъ teʏt, а остальные польскіе рефлексы этого сочетанія проф. Брюкнеръ объясняетъ изъ этого teʏt: послѣ зубныхъ е измѣняется въ и, и происходитъ перестановка: напр. dʏbać или sluińce, являющееся въ этой формѣ въ Флор. Псалтыри или гнѣзенскихъ отрывкахъ; послѣ губныхъ uʏ изъ eʏ остается безъ перестановки: ruʏk, а въ словѣ moʏwić (съ XV в. > mówić) и переходитъ въ о. Об.-сл. *tʏrt даетъ tirt, откуда позже tert, разъ данная группа находится предъ согласными «гutturальными», губными или смягченными; въ этомъ случаѣ позднее 'er изъ ir помѣшалось, быть можетъ, проф. Брюкнеру быть послѣдовательнымъ: изъ ыг мы ожидали бы 'er, а не ir; въ самомъ дѣлѣ изъ *tʏlt въ тѣхъ же условіяхъ проф. Брюкнеръ выводитъ teʏt, которое затѣмъ измѣняется въ tilt: wilk, mʏlczec. Предъ твердыми зубными *tʏlt даетъ teʏt (peʏny, weʏna), причемъ послѣ ċ, ż — eʏt измѣняется въ oʏt: żoʏna, żoʏlty, а сочетание *tʏrt является въ видѣ tart и затѣмъ tart: bardo, darn, martwy и т. п. Мягкость сохранена въ żarno, dżarski, rʏardnać. Этотъ взглядъ на отношеніе формъ, какъ bardo, и формъ, какъ żarno, проф. Брюкнеръ повторилъ позже въ Arch. XII, 294 с.

Изъ тѣхъ же формулъ *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt, *tʏlt, что и проф. Брюкнеръ, исходилъ нѣсколько позже, въ 1885 г. въ Prace Fil. I, 1 с. и проф. Нерингъ, въ статьѣ, посвященной тому же вопросу. Условія измѣненія *tʏrt въ tart и tirt, *tʏlt въ tilt и teʏt указаны тѣ же, что и у проф. Брюкнера, причемъ отмѣчено тождество ихъ съ условіями измѣненія *ċ въ 'a (dċdŃ — dŃad).

Только для tilt изъ *tʲlt проф. Нерингъ не предполагаетъ болѣе ранней ступени felt и вообще осторожиѣ въ объясненіи различныхъ польскихъ вариантовъ, восходящихъ къ одной праформѣ. Иное освѣщеніе получили разнообразныя польскія формы, разсмотрѣнныя проф. Брюкнеромъ и проф. Нерингомъ, съ точки зрѣнія формулы ак. Фортунатова: *tʲrʲt, *tʲrʲt, *tʲʲlt, tʲʲlt, предложенной имъ въ 1887 году, или съ точки зрѣнія сонантической теоріи, непризнающей при слоговыхъ r, ʲ неслоговыхъ гласныхъ. И съ той, и съ другой точки зрѣнія, — оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, какая изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія, — становится понятнымъ, отчего мы не находимъ въ польскомъ въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ всюду обычныхъ рефлексовъ ʲ и ʲ, т. е. e и 'e, но разнообразныя группы ar, ir, eʲ, il, ʲu, uʲ, oʲ; устраняется необходимость выводить, какъ то дѣлалъ проф. Брюкнеръ, ar изъ *er, ʲu или uʲ изъ *eʲ, не удивляетъ сочетаніе ir вм. ожидаемаго 'er. Неслоговой характеръ гласнаго передъ плавнымъ обуславливаетъ его подвижность, крайнюю зависимость отъ окружающей звуковой среды при измѣненіи въ полный гласный въ виду потери плавными r ʲ слогового свойства. Такимъ образомъ, изъ сочетанія *tʲrʲ получаемъ въ польскомъ ar и рѣже ru, ur (mruczeć, mrugać, burczeć, kurcz), изъ *tʲʲ — eʲ, oʲ и ʲu, uʲ, изъ *ʲrʲ — ir, изъ *ʲʲ — il. Или, становясь на точку зрѣнія сонантистовъ: изъ *rʲ — ar (ru, ur), изъ *ʲʲ — eʲ, ʲu (ʲo), изъ *rʲ' — ir, изъ *ʲʲ' — il.

Проф. Брандтъ «Крат. фон. и морф. п. яз.» 3—4 с. проф. Брандтъ, ведя польское il изъ *ʲʲ замѣчаетъ, что непонятными являются при этомъ русскія: волкъ, молчать. Но въ данныхъ формахъ имѣемъ специально русское измѣненіе ʲʲ въ ʲʲ послѣ губныхъ согласныхъ ср. ак. Шахматовъ, Изв. VII 1, 292 с.

Формы съ — ar въ соотвѣтствіи съ *rʲ' съ сонантической точки зрѣнія объясняются тѣмъ, что еще оставаясь слоговымъ, rʲ' измѣнялось предъ твердыми зубными въ rʲ твердое.

Съ точки зрѣнія формулы *ʲrʲ процессъ заключался въ измѣненіи предъ твердыми зубными группы *ʲrʲ въ группу ʲrʲ ср. ак. Шахматовъ, Изв. VII 1, 280 с.

ак. Fortunatovъ еще въ общеслов. эпохѣ видятъ начало различія въ судьбѣ группы $\underset{\text{г}}{\text{г}}$ предъ твердыми зубными и остальными согласными: предъ твердыми зубными $\underset{\text{г}}{\text{г}}$ въ сочетаніяхъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}\text{л}$, $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}$ сохранились твердыми, предъ незубными измѣнялся въ $\underset{\text{г}}{\text{г}}^{(e)}\text{л}^{(e)}$ подъ вліяніемъ предшествующаго ь . Изъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}$ — аг , 'аг въ польскомъ, изъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}^{(e)}$ — иг ; такимъ же образомъ, еѣ изъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}$ при ил изъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}^{(e)}$. «Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка» 1888 г., 143—149 сс.

Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи польскаго — аг изъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}$ или $\underset{\text{г}}{\text{г}}$ стоитъ вопросъ, какъ понимать примѣры ziarno , dziarski , riardnać , гдѣ изъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}$ или $\underset{\text{г}}{\text{г}}$ имѣемъ — 'аг , а не — аг . Въ противоположность проф. Брюкнеру, считавшему, какъ мы видѣли, польское — 'аг первоначальнымъ сравнительно съ — аг , проф. Бодуэнъ де К. въ статьѣ, посвященной кашубскому вопросу I, 73 с., видѣлъ органическую форму въ польскомъ — аг , въ противоположность кашубскому — 'аг , и объяснял польское ziarno вліяніемъ ziernisty или $^*\text{zirn}$ *dat. loc. s., nom. acc. dual.*

проф. Миккола Beton. und Quant. 13 и сл. полагалъ, что объясненіе, данное проф. Бодуэномъ де К. для польскаго — 'аг , вѣрно и для того же сочетанія въ кашубскомъ: органическимъ рефлексомъ $^*\underset{\text{г}}{\text{г}}$ предъ твердыми зубными является и въ польскомъ, и въ кашубскомъ — аг .

Отвѣчая на вопросъ проф. Брюкнера Arch. XXI, 67 с., — на какой аналогіи могло быть основано dziarski , sioren (въ словарѣ Mączyńskiego), — проф. Миккола предполагаетъ въ старопольскомъ $^*\text{dzirz}$, хотя и не доказанное, но весьма возможное въ виду кашубскаго: dzirsci , dzirzī ; что касается $\text{sioren} = \text{siären}$ то въ этой формѣ проф. Миккола видитъ контаминацію sarna и $^*\text{sirn}$, ср. sarni , sarnię , sarniec .

Эти объясненія проф. Микколы были признаны проф. Брюкнеромъ теоретически возможными, но мало вѣроятными въ виду того, что фактически мы имѣемъ дѣло обыкновенно не съ контаминаціей двухъ формъ, а съ проведеніемъ одной формы по всему склоненію: ср. siostrze при siostra , «слѣд. или zarno , zarnisty

или *cięgi* вм. *taŋ* по аналогіи *cięnie*, но напрасно мы стали бы искать какого нибудь **ciagn*» Arch. XXII, 571 с.

Въ послѣднее время къ пониманію проф. Бодуэна де К. примкнулъ д-ръ Лоренцъ въ Arch. XXIV, 13; 34 сс.; принимая польское — 'аг вмѣстѣ съ проф. Бодуэномъ и проф. Микколой за «компромиссъ», онъ отказывается вмѣстѣ съ послѣднимъ видѣть такой же компромиссъ и въ кашубскомъ — аг: въ словинскомъ находимъ лишь 'аг (за исключеніемъ *zãgno*, *sãgna*, гдѣ 'аг невозможно въ виду общаго отвердѣнія s, z), и вообще формы съ 'аг тѣмъ рѣже въ кашубскомъ, а формы съ — аг тѣмъ чаще, чѣмъ ближе къ юго-востоку, къ польскому языку.

Вопросъ о полабскихъ соответствіяхъ, также подвергнутыхъ разсмотрѣнію проф. Микколой и др. Лоренцомъ, оставляю въ сторонѣ, за неадежностью матеріала, на которомъ это разсмотрѣніе основано.

Наконецъ, ак. Шахматовъ высказался также за пониманіе польскаго — 'аг, какъ результата аналогіи образованій, вродѣ *ziernisty*. Изв. VII, 280 и сл. Въ вопросѣ о происхожденіи польскихъ формъ съ аг, иг, ех, ил и т. п., ак. Шахматовъ занимаетъ позицію, среднюю между точкой зрѣнія ак. Фортунатова и проф. Бодуэна де К.: онъ признаетъ для общесловянскаго вѣрными формулы **тъrt*, **тъlt*, **тъrt*, **тъlt*, но принимаетъ общезападно-славянское измѣненіе этихъ сочетаній въ **tr̥t*, **tr̥t*, **t̥lt*, **t̥lt* и ведетъ польскія формы непосредственно изъ послѣднихъ.

По его мнѣнію, уже въ эпоху общезападно-славянскую неслоговые *ъ*, *ь* вообще отпадали и выпадали; таковыми они были, напр., въ открытомъ концѣ слова и въ открытомъ слогѣ внутри слова, въ примѣрахъ, какъ: *тъma*, *съna*, *bratъ*, которые измѣнились въ *tma*, *sna*, *brat*. Параллельно и **тъrgъ* измѣнилось въ ту же эпоху въ **tr̥g*.

Признавая вмѣстѣ съ ак. Шахматовымъ формулу **тъrt* болѣе вѣрной, главнымъ образомъ въ виду ст.-слов. *ръ*, *лъ*, *рь*, *ль*, которыя было бы пропозвольнымъ принимать за выраженіе *r̥*, *l̥*, *r̥'*, *l̥'*, также въ виду русскихъ *ор*, *ол*, *ер*, *ел*, которыя удобнѣе

всего объясняются измѣненіемъ $\underset{\circ}{\underset{\circ}{r}}$, $\underset{\circ}{\underset{\circ}{r}}$, $\underset{\circ}{\underset{\circ}{r}}$, $\underset{\circ}{\underset{\circ}{r}}$ въ $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}$ со слоговыми $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}$,—не вижу достаточныхъ основаній для перенесенія сонантической формулы $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}'$, $\underset{\circ}{l}$, $\underset{\circ}{l}'$ въ общезападно-славянскую эпоху.

Отнесеніе къ этой эпохѣ выпаденія $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}$ въ словахъ, какъ *bratъ*, *tъma*, *zъna*, кажется мнѣ и недоказаннымъ, и маловѣроятнымъ (ср. ниже въ 8 гл.). Другихъ же несомнѣнныхъ указаній на измѣненіе $\underset{\circ}{\underset{\circ}{r}}$ въ обще-зап.-славянскомъ въ $\underset{\circ}{r}$ въ отдѣльныхъ зап.-слов. языкахъ не нахожу. Не нахожу ихъ въ чешскомъ $\underset{\circ}{r}$ въ виду стоящаго рядомъ *šer* и *lu*, но еслибы чешскіе рефлексы и восходили именно къ $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}'$, $\underset{\circ}{l}$, $\underset{\circ}{l}'$, а не къ сочетаніямъ слоговыхъ плавныхъ съ неслоговыми полугласными, то это еще не давало бы намъ права заключать къ общезападно-славянскимъ $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}'$, $\underset{\circ}{l}$, $\underset{\circ}{l}'$. Для этого требуются согласныя показанія всѣхъ западно-славянскихъ языковъ. Но какія же указанія на измѣненіе сочетаній $\underset{\circ}{\underset{\circ}{r}}$ и т. п. въ $\underset{\circ}{r}$ и т. п. даетъ лужицкій или польскій?

проф. Флоринскій Лекціи II, 398 с. думаетъ, что еще въ XIV вѣкѣ польскій языкъ зналъ слоговыя плавныя $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{l}$: «объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего различіе въ способахъ обозначенія этихъ звуковъ; то посредствомъ *l*, *r*, то чрезъ *yl*, *ir*, *er*, *ar*, то чрезъ *ly*, *re*». Однако собранные проф. Флоринскимъ примѣры далеко не представляютъ твердой почвы для подобнаго заключенія. Прежде всего нѣкоторые изъ нихъ къ нашему вопросу не относятся: въ примѣрахъ *kirwuesch* при *krwe*, *krwawil*, *lsciwego* при *ylsciwego*, *zliwisch*, мы имѣемъ рефлексы первоначальныхъ сочетаній неслоговыхъ плавныхъ (согласныхъ *r*, *l*) со слоговыми $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{r}$; въ примѣрахъ *czerekwe* и *czirekwі* мѣсто гласнаго не мѣняется. Остаются неясныя для меня: *obpliwicze* при *opylwitim* и *orlwita* въ Флор. Пс., *okrezon*, *Chrwathy*, *Drgwena*, *Radlna*; въ послѣднихъ 4-хъ примѣрахъ, если *r*, *l* представляютъ рефлексы разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній, никакъ нельзя видѣть доказательства отсутствія неслогового гласнаго предъ плавнымъ; въ такой мѣрѣ точнымъ польское правописание XIV в. быть не могло. Насколько вообще можно довѣ-

рять польской графикѣ XIV в., на которой основанъ выводъ проф. Флоринскаго, показываютъ именно первые примѣры: *kirwuesch* при *krwe* и *ylsciwego* при *lsciwego*. Въ этихъ примѣрахъ ужь во всякомъ случаѣ не могло быть слоговыхъ r , l , и потому что восходить они, какъ показываетъ сравненіе съ другими слов. языками, къ об.-слов. *гъ, ъ съ неслоговыми r , l , и потому что со слоговымъ r первое слово дало бы въ современномъ языкѣ *ka r we, а не *krwe*, а второе со слоговымъ l прямо немыслимо: такое слоговое l могло существовать только послѣ согласнаго, но не въ началѣ слова.

Прибавлю, что Б. М. Ляпуновъ въ «Исслѣдованіи о языкѣ синодальнаго списка 1-й Новгородской лѣтописи» 252 с. западно-славянскія сочетанія $\dot{\chi}$ и считаетъ «объяснимыми лишь дѣйствіемъ открытаго лабиализованнаго $\dot{\chi}$ на подвергшіяся перестановкѣ неслоговой ирраціональный гласный»; по его мнѣнію, эти сочетанія «дѣлаютъ несомнѣннымъ предположеніе не только въ пращешскомъ, но и въ прапольскомъ формулѣ * $\dot{t}_{\dot{\chi}}$ lt, $\dot{t}_{\dot{\chi}}$ lt». Но не станемъ отрицать возможности развитія $\dot{\chi}$ и изъ \dot{l} ; мы все же съ другой стороны не находимъ поводовъ давать общесловянской формулѣ * $\dot{t}_{\dot{r}}$ t новый видъ, переходя къ эпохѣ западно-славянской, такъ же какъ не имѣемъ никакихъ оснований возстановлять формулу * $\dot{t}_{\dot{r}}$ t для эпохи спеціально польской.

ак. Фортунатовъ (Лекціи по фонетикѣ старослав. языка, 143—149 сс.) выводилъ западно-славянскія формы съ $\dot{\chi}$ и изъ * $\dot{t}_{\dot{r}}$ l, принимая переходъ сочетанія * \dot{r} l послѣ твердыхъ зубныхъ въ * $\dot{t}_{\dot{r}}$ l уже въ общеслов. эпоху. ак. Шахматовъ, отрицая общесловянское происхожденіе этого явленія, признаетъ $\dot{\chi}$ и результатомъ измѣненія \dot{l} подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ въ общезападно-славянскомъ языкѣ Изв. VII 1, 287—288 сс. Но общесловянское происхожденіе * $\dot{t}_{\dot{r}}$ l изъ * \dot{r} l послѣ твердыхъ зубныхъ датируется соотвѣтствіемъ польскому *tlugi, tlukę* старословянскаго *длѣгъ, тлѣк* — и русскаго *долгій, толку*. На болѣе раннее * \dot{r} l указываетъ литовскій: *ilgas, ap — tlkęs*.

Что касается польскихъ *tart* и кашубскихъ *čart* изъ об.-сл. * $\dot{t}_{\dot{r}}$ lt, то эти формы не могутъ внести что либо въ рѣшеніе вопроса о предпочтительности формулы * $\dot{t}_{\dot{r}}$ lt или * $\dot{t}_{\dot{r}}$ t для эпохи западно-славянской или кашубско-польской.

Словинцское выдержанное *čart*, безъ исключеній въ пользу

tart, дѣйствительно не позволяетъ говорить объ аналогіи, о компромиссѣ въ кашубскомъ языкѣ. Формы эти одинаково могли бы быть выводимы какъ изъ t_{rt} , такъ и изъ t'_{t} . Въ первомъ случаѣ процессъ могъ бы быть представленъ: $t_{\text{rt}} > t_{\text{rt}} > t_{\text{rt}} > tart > \acute{c}art$; во второмъ: $t'_{\text{t}} > t'_{\text{t}} > t_{\text{rt}} > tart > \acute{c}art$.

Польское $\acute{c}art$, вѣроятно, слѣдуетъ понимать, какъ форму неорганическую: за это говорить и старопольское *darski* вм. современнаго *dźarski*, и то соображеніе, что, предполагая первоначальное польское $\acute{a}r$ въ $*\acute{d}arn$, $*\acute{m}artwu$ или даже $\acute{h}g$ въ $*\acute{d}\acute{h}gn$, $*\acute{m}\acute{h}rtwu$ ($\acute{d}\acute{h}n$, $\acute{m}\acute{h}rtwu$) мы не могли бы объяснить, почему мягкость исчезла въ *darn*, *parł*, но сохранилась въ *dźarski*, *řardnać*, *źagno*? Что же до пониманія процесса, лежащаго въ основѣ польско-кашубскаго различія, то возможна мысль д-ра Лоренца, примененная имъ къ такому же отношенію между польскимъ $\acute{a}r$ и полабскимъ $*\acute{a}r$ предъ твердыми зубными: диспалатализация (въ сочетаніи $\acute{h}g$) въ польскомъ предшествовала смягченію предшествующаго согласнаго т. е. $*t_{\text{rt}} > t_{\text{rt}}$ еще прежде смягченія t , подъ влияніемъ слѣдующаго g ; въ кашубскомъ, наоборотъ, диспалатализация слѣдовала за смягченіемъ: $t_{\text{rt}} > t_{\text{rt}} > t_{\text{rt}}$ (Arch. XXIV, 20 с.).

Остается сказать нѣсколько словъ о количественныхъ отношеніяхъ въ разсматриваемыхъ польскихъ сочетаніяхъ.

Рефлексы об.-сл. $*t_{\text{rt}}$ и об.-сл. $*t_{\text{rt}}$ въ положеніи предъ твердыми зубными являются въ народныхъ говорахъ въ двухъ видахъ: $\acute{a}r$ ($\acute{a}r$) и $\acute{a}r$ ($\acute{a}r$) т. е. съ «наклоненнымъ» а — въ большинствѣ говоровъ, слѣд., — $\acute{o}r$ ($\acute{o}r$): напр. въ говорѣ с. Krzęcin г. Dobrzycki Rozpr. II s. XI, 340 с, отмѣчаетъ «наклоненное» \acute{a} въ словахъ: *ćarny* (= *czarny*), *źarno*, *bańc* (= *barszcz*), *gářc* (= *garść*), *gárnek*, *tárníe* при *parańtek*, *kark* съ а открытымъ. Въ говорѣ Мѣйской Гурки г. Лецѣвскій отмѣчаетъ: $\acute{b}o^{\text{r}}\acute{r}\acute{s}\acute{c}$, $\acute{c}o^{\text{r}}\acute{h}ny$, $\acute{m}o^{\text{r}}\acute{t}wu$, $\acute{g}o^{\text{r}}\acute{p}$ (*garb*), $\acute{g}o^{\text{r}}\acute{h}nek$.

Уже сопоставленія съ кашубскимъ достаточно, чтобы уѣдаться, что это \acute{a} или \acute{o} (\acute{o}^{u}) въ данныхъ сочетаніяхъ является рефлексомъ долготы: ср. *źagno* съ каш. *źògno* у Брониша, $\acute{g}o^{\text{r}}\acute{p}$

съ каш. *gôgr*, *sárny*, *šoʹrny* съ каш. *šôgni* у него же 25 с., *gáǳ* съ каш. *gôǳ* у Рамулта.

Какъ увидимъ во второй части изслѣдованія, — *ar* (*or*) является въ условіяхъ, въ которыхъ вообще старая долгота сохранялась, или гласный сократившійся получалъ вторичное удлинёніе въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкимъ согласнымъ, — *ar* же вообще является въ условіяхъ сокращенія старой долготы. Отсюда мы вправѣ заключить, что первоначальная долгота сочетанія *ar* отразилась при измѣненіи — *ar* въ — *ar* въ долготѣ гласнаго *a*. Сокращаясь, *ar* давало *ar*, сохраняя долготу измѣнялось въ *ar*, затѣмъ *ar*, *or*.

Какое отношеніе къ количеству имѣютъ формы *mruczeć*, *mrugać*, *burczeć*, *kurcz*, не можемъ опредѣлить въ виду малочисленности этихъ сочетаній *ru*, *ur*. Рефлексомъ об.-сл. **ar* въ современныхъ народныхъ говорахъ, какъ и въ древнепольскомъ, является сочетаніе *ir*, которое нѣкоторые изслѣдователи обозначаютъ, какъ *'ér* съ «наклоненнымъ» *e*: ср. напр. въ прашницкомъ говорѣ *Spraw. V*, 80 с.: *wéřch*, *rušérb*, *čérpi*, *šérp*, *pérsy*, *čwérc* или въ *Krzęcinie Rozpr. XI*, II s. 343 с.: *šérc*, *pérsy*, *šérsoń*. Повидимому, это *ir* или *'ér* было единственнымъ рефлексомъ об.-сл. **ar*, независимо отъ количественныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ для противоположной мысли не имѣемъ никакихъ данныхъ. Въ кашубскомъ, у Рамулта находимъ — *ir* и *er*: *pirši*, *viřba*, *smirc*, *čvirć*, *virćec* и *serp*, *paserb*, *čejńè*, *serce*, *wjeřch*; какъ видимъ и на мѣстѣ — *ir*, и на мѣстѣ — *er* въ польскомъ находимъ одинаково *ir* или *'ér*. Бронишь для діалекта с. *Heisterpest* датируетъ *'or* и *er*: *smörc*; *pšörš*, *pšörši*, *čejvóni*.

Вѣроятно, долгота сочетанія **ar*, сохраняясь въ извѣстныхъ условіяхъ, являлась въ польскомъ въ видѣ **ir*, съ долгимъ *i*, но слѣдъ этой долготы не сохранился, такъ какъ она не была связана съ подъемомъ артикуляціи. Аналогичное предположеніе можетъ быть высказано относительно польскаго — *il* изъ **al*.

Что касается рефлексовъ зап.-слов. **arlt* (изъ **arlt* и *arlt*), то уже были высказаны догадки относительно количественныхъ

и акцентуаціонныхъ условій появленія западно-славянскаго — ѣи: проф. Брандтъ полагалъ, что — ѣи являлось изъ ѣ въ положеніи предъ удареніемъ Р. Ф. В. 1882 г. № 4, 185—188; тоже — ак. Соболевскій въ Ж. М. Н. Пр. 1895, № 5, 87—89; д-ръ Облакъ думалъ, что tlut являлось только въ долгихъ слогахъ, а tlt въ краткихъ Arch. XVI, 207 с. Противъ того и другого взгляда основательно возражалъ въ уже цитированной въ этой главѣ книгѣ Б. М. Ляпуновъ, указывавшій на ограниченіе формъ — ѣи въ польскомъ и лужицкомъ сочетаніями съ начальными твердыми зубными и чередованіе чешскаго lu съ lou т. е. чередованіе долготы и краткости въ самомъ — ѣи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ польскомъ — dług, чеш. dluh ѣ было подъ удареніемъ: ср. серб. dŭg—dŭga, р. долгъ—дѳлга; также въ чеш. ělun: с. ěŭn—ěŭna, р. чолнъ—чѳлна; слѣд. примѣры эти противорѣчатъ мысли проф. Брандта. Д-ръ Облакъ обосновывалъ свою гипотезу тѣмъ наблюденіемъ, что «чешское tlut почти всегда соотвѣтствуетъ сербской долготѣ: dloubati, серб. dŭbem, dluh с. dŭg, chlum с. hŭm, pluk с. pŭk, sloup. с. stŭp, tlouci с. tŭci, slunce с. sŭnce, ělun с. ěŭn, žlně с. žŭě, žluna с. žŭna, žlutý с. žŭt».

Въ настоящее время, когда уже изслѣдованы количественныя отношенія чешскаго и сербскаго языка, ясно, что въ этихъ сопоставленіяхъ д-ра Облака и въ самой его мысли кроется недоразумѣніе: указанныя изслѣдованія — проф. Лескина относительно сербскаго языка, ак. Ягича и за нимъ F. Čern’аго относительно чешскаго не оставляютъ сомнѣній, что рассматриваемыя плавныя сочетанія должны быть принимаемы вообще за первоначально долгія, и что условія сокращенія или сохраненія ихъ долготы принадлежатъ особному развитію отдѣльныхъ славянскихъ языковъ (ср. II часть изслѣд.).

Такимъ образомъ, понимать — ѣи, какъ рефлексъ об.-славянской долготы, а ѣ, какъ рефлексъ об.-славянской краткости данныхъ сочетаній, мы не можемъ. Остается вторая возможность: — ѣи является въ *спеціально чешскихъ* условіяхъ сохраненія дол-

готы, \int въ специально чешскихъ условіяхъ сокращенія ея. Но въ такомъ случаѣ часть сопоставленій Облака съ сербскимъ терять всякое значеніе, ибо условія сохраненія и сокращенія об.-слов. долготы въ обоихъ языкахъ не совпадаютъ. Именно, сербская долгота въ $d\ddot{u}g$ — $d\ddot{u}ga$, $r\ddot{u}k$ — $r\ddot{u}ka$, $\check{c}\ddot{u}n$ — $\check{c}\ddot{u}na$ указываетъ на нисходящую долготу въ об.-сл., которая сохраняется въ сербскомъ, но сокращается въ чешскомъ.

Слѣдовательно, въ этихъ примѣрахъ какъ разъ должна быть не долгота, какъ ожидаетъ Облакъ, а краткость: отсюда — lu , а не lou . Наоборотъ, въ $dloubati$ —с. $d\ddot{u}bem$, $sloup$ —с. $st\ddot{u}p$ —но $g. s. st\ddot{u}pa$, $tlouci$ —с. $t\ddot{u}ci$ сербская долгота иного типа указываетъ на первоначальное положеніе данныхъ сочетаній предъ удареніемъ: ср. р. долбáть, столпá, толчѣ́. Въ этомъ положеніи и сербскій, и чешскій сохраняли долготу: отсюда — lou въ чешскомъ. Этими разъясненіями подтверждается указаніе Б. М. Ляпунова на чередованіе долготы и краткости въ самомъ — lu въ чешскомъ.

Польское $d\ddot{u}g$ также является въ условіяхъ специально польской краткости, а польскія $s\ddot{u}p$, $t\ddot{u}c$, $d\ddot{u}ba\acute{c}$ въ условіяхъ долготы, какъ увидимъ во II ч. изслѣд.

Въ другихъ польскихъ рефлексахъ зап.-слов. $*\int$: — $e\int$, $o\int$, $\acute{o}\int$, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, трудно съ полной увѣренностью установить зависимость отъ количественныхъ отношеній. И польскому $o\int$, $e\int$, вмѣсто котораго въ великопольскихъ говорахъ находимъ $\acute{o}\int$, и польскому $\acute{o}\int$ соотвѣтствуютъ одни и тѣже сочетанія въ кашубскомъ: у $Ramu\check{t}'a$ $\acute{e}\int$, у $Bronisch'a$ — $\acute{o}\int$, въ словинскомъ $\acute{o}\int$: ср. польское $pe\check{t}ny$, великопол. $po\check{t}ny$, у $Ram.$ $pe\check{t}ny$, у $Bron.$ $po\check{t}ni$; пол. $czo\check{t}no$ —у $Ram.$ $\check{c}\acute{e}\check{t}no$, у $Bron.$ $\check{c}\acute{o}\check{t}no$; п. $\acute{z}\acute{o}\acute{t}\acute{e}$ у $Ram.$ $\acute{z}\acute{e}\acute{t}\acute{e}$; п. $\acute{z}\acute{o}\acute{t}y$, $\acute{z}\acute{o}\acute{t}ek$ у $Ram.$ $\acute{z}\acute{e}\acute{t}y$, $\acute{z}\acute{e}\acute{t}k$, $Bron.$ $\acute{z}\acute{o}\acute{t}\acute{e}$; $we\check{t}na$, великопол. $wo\check{t}na$ ср. со словинскимъ $vo\check{t}n\check{a}$ у $Lorentz'a$ Arch. XXIV, 34 с.

Форма сравн. ст. $\acute{z}\acute{a}\acute{t}k\check{s}\acute{i}$ при $\acute{z}\acute{o}\acute{t}\acute{e}$, вѣроятно,—новообразование по аналогіи $\acute{b}\acute{a}\check{s}\acute{i}$, $star\check{s}\acute{i}$ при $\acute{b}\acute{o}\check{t}i$, $st\acute{o}r\acute{i}$, какъ думаетъ проф. Mikkoла Bet. und Quant. 20 с.

Соч. — $\acute{e}\int$ $Ramu\check{t}'a$, $\acute{o}\int$ $Bronisch'a$ и $\acute{o}\int$ $Lorentz'a$, повиди-

тому, — независимы отъ количественныхъ различій: въ *vèlk*, *voùk* и *voùna* въ виду общихъ условій появленія долготы въ кашубскомъ — подъ старымъ удареніемъ (ср. II ч. изсл.) — *èl*, *òù* должны быть разсматриваемы, какъ рефлексы краткости; на удареніе перваго слога указываютъ согласно русской и сербскій: с. *vùk* — *vùka*, р. волкъ — *vólka*; с. *vúna* р. *vólna* (= шерсть); наоборотъ, въ кашубскомъ *žèłtk* изъ **žłtk*, съ нефонетическимъ выпаденіемъ *ь*, тоже *èl* является на мѣстѣ ожидаемой долготы: въ положеніи предъ ударяемымъ слогомъ, ср. р. желтѣкъ, ч. *žloutek*.

Польское — *ól* на первый же взглядъ вызываетъ мысль о долготѣ своимъ *ó*, въ виду общаго отношенія *ó* и *o*; такому пониманію благопріятствуютъ *zóltek*, *zólcić*, гдѣ удареніе было, вѣроятно, на второмъ слогѣ; *žólty* также ему не противорѣчитъ: ср. сербск. *žut* — *žúta*, *žúto*, р. желтъ — желтá, желтѣ; только чешскій въ данномъ случаѣ указываетъ на удареніе перваго слога своей краткостью: *žlutý* (нисходящее). Наконецъ и діалектическое (напр. сважендзское) *žulna* (*u* и *ó* въ Сважендзѣ совпали) — соответствуетъ съ этой точки зрѣнія сербскому *žúna*, р. желнá, чак *žūna*, но не чешскому *žluna*; единственнымъ неблагопріятнымъ выводомъ фактомъ являлось бы пол. *žólć*, въ которомъ не ожидали бы долготы въ виду серб. *žũć* — *žũci* и рус. желчь — жéлчи, согласно указывающихъ на удареніе корня, при которомъ долгота въ польскомъ сокращалась. Но и здѣсь я склоненъ предполагать связь — *ól* съ долготой: въ 8-ой главѣ мы увидимъ, что польскій языкъ въ формахъ именъ темы — *i* сохранялъ старое удареніе окончанія въ род., дат. и мѣстн. падежахъ, какъ показываютъ *krwi*, *czci*, *brwi*, *ruci*, тогда какъ русскій и сербскій переносили въ эти падежи удареніе корня изъ имен. п. Думаю, что *žólć* восходитъ къ **žłćś*, гдѣ удареніе окончанія явилось подъ влияніемъ косвенныхъ падежей.

Съ другой стороны и польскія *welna*, *reŋnu*, великопольскія *woŋna*, *roŋnu* не противорѣчали бы мысли, что *-eł*, *-oł* являлись въ польскомъ въ сократившемся слогѣ, при *-ól* въ сохранившемся

долгимъ: ср. *welna*, *wołna* съ с. *vũna* р. *вѣлна* (*die Wolle*), *pełny*, *połny* съ с. *pełn*, *pełna*, *pełno*: удареніе въ об.-сл., вѣроятно, было на первомъ слогѣ; п. *czołno* не допускаетъ прямыхъ сопоставленій; *czołn* также представляло бы — *oł* въ сократившемся слогѣ, — подъ удареніемъ: с. *čûn* — *čûna*, р. *чолнъ* — *чѣлна*.

Сважендзскій говоръ въ общемъ сходится въ рефлексахъ разсматриваемыхъ плавныхъ сочетаній съ иными польскими говорами, только на мѣстѣ — *eł* изъ * $\underset{\text{h}}{\text{ь}}$, какъ и другіе великопольскіе говоры, имѣетъ — *oł*: ср. у Кольберга *Zbiór I*, 14 с.: *połny wołna*, въ *Miejsk'ой Górк'ѣ*: *połny*, *wołna Rozpr. IX*, 112. Эта великопольская черта соединяетъ польскую языковую територію съ кашубской: ср. — *ól* въ діалектѣ *Heisternest'a* у *Bronisch'a* 26 с.

Изъ об.-сл. * $\underset{\text{h}}{\text{ь}}$ находимъ въ Сважендзѣ при сохраненіи долготы — *or* (‘*or*): *gorp* — *g. s. gorbu*, *boušč* = *barszcz*, *kormić*, *żornko* = *ziarnko*, *gornek*, *čornuj*, *goušč*, *gouštka* (*garśc*, *garstka*).

При сокращеніи долготы изъ * $\underset{\text{h}}{\text{ь}}$ — *ar*: *sarna*, *kark*, *tvarduj*, *otvartuj*, *żarna* п. pl.; *garło*, *rogardzić*; — *ru* въ словѣ *mrugać*.

Изъ * $\underset{\text{h}}{\text{ь}}$ — обычно *ir*: *vižba*, *višch*, *čížne*, *piršuj*, *širp*; *paširp*, *paširbica*; но: *serce*.

Изъ * $\underset{\text{h}}{\text{ь}}$ — *il*: *vilk*, *mílčec*.

Изъ * $\underset{\text{h}}{\text{ь}}$ — *oł*, *uł*, *łu* (*ły*), *u*: *połnyj*, *wołna*, *čołn*, *čołno*, *dług*; *tłustyj*; *długí*; *żułyj*, *żułtko* (= *żółtek*); *tłukać*; *żuć*, *żułna*, *słup*, *muwić*, *słyńce* изъ *słyńce*.

7. Польскіе рефлексы об.-сл. ѓ, ѣ.

Об.-сл. *ѓ, ѣ являются въ польскомъ въ видѣ *o*, *e*, причемъ предъ начальнымъ *o* въ народныхъ говорахъ, въ отличіе отъ литературнаго языка, является приставной звукъ, повидному *ɔ*, которое изслѣдователи обозначаютъ чрезъ $\text{'}(o)$, '(o) , *ŷ*, обычно безъ точныхъ опредѣленій.

Ср. въ ропчицкомъ говорѣ 'okno , 'oko и т. п. *Zbiór XIV*, 32 с.; въ лясковскомъ — 'ośec и т. п. *Rozpr. VIII*, 79 с.; въ пышницкомъ 'o nim , 'oba Rozpr. V , 370 с.; въ зебржидовскомъ — 'óśec , 'ógeń Rozpr. IX , 154 с.; въ опочинскомъ

“ośes Rozpr. XI 151 с.; въ оппельскомъ — ŷośes, ŷoģeń («ein kurzer labialer ŷ — Laut» oppeln. M. 4 с.); въ прашницкомъ — ŷodrust, ŷośes Spraw. V т. 79 с.

Относительно говора Sromowice Wyżnich находимъ болѣе точное опредѣленіе “o: «to znaczy artykulacyę samogłoski o poprzedza zaokrąglenie i wysunięcie warg. Nie jest to zatem ani o, wymówione z równoczesnem wysunięciem i zaokrągleniem warg, ani też dyftong o» Mat. i prace I 1, 54 с.

То же приставное ц характеризуетъ великопольскіе говоры: ср. у Кольберга Zbiór I, 9 с. ŷoŷy, ŷoda, у Лецѣвскаго—_ooŷy, _ook_o Rozpr. IX, 113 с.; въ частности говоръ сважендзскій: цоко, цо-ńim, цокно и т. п.

Только относительно говора Miejskiej Górki, характеризованнаго г. Лецѣвскимъ, должно замѣтить, что тотъ же приставной звукъ является въ немъ и внутри словъ: d_oostać, g_oosp_ooda и т. п. *ibid.* (ср. тоже въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 154 с.). Въ говорѣ же с. Сважендза съ этимъ приставнымъ ц предъ начальнымъ о связано иное явленіе, которое отчасти было уже охарактеризовано въ гл. 3: параллельно описанной тамъ диссимиляціи сочетаній ци и ѵи въ направленіи къ цу, ѵу, сочетанія цо и ѵо измѣняются въ направленіи къ це, ѵе: въ Сважендзѣ отъ тѣхъ же лицъ, которые говорятъ цун, цуна, słyma, słyńce слышалъ я: цеbot или цо^obot, цеса или цо^osa, цебуć infin.; blo^oto, chłep или chło^or, mydło^o, śledki. Вполнѣ ясное е вм. о въ данныхъ сочетаніяхъ слышалъ я въ с. Wierzonka отъ одной крестьянки: цеŷy, цеса, цеśes, цевса, це-ńim, цеbot, цедnega, chłepу, młedy, błeto ср. у Кольберга Zbiór I, 14 с.: «słewo v. śiewo».

Въ положеніи предъ твердыми зубными и плавными, об.-сл. *ё въ польскомъ языкѣ, какъ извѣстно, перешло въ 'o; возникновеніе этого явленія, повидимому, относится къ эпохѣ доисторической въ жизни польскаго языка, такъ какъ оно датируется уже грамотами XII—XIII вв. Относительная древность его опредѣляется двумя моментами: съ одной стороны, какъ замѣтилъ Małeckі Gramm. hist.-porówn. I, 135 с., оно старше вокализаціи ѵ > é: ср. řes, len; съ другой стороны, въ эпоху этого звукоизмѣненія сочетанія re, le изъ об.-сл. *er, el уже существовали: ср. trzoda, brzoza, wźód. То же явленіе находимъ въ кашубскомъ языкѣ.

По мысли Maleck'аго op. cit. 'e > 'o предшествуетъ и «измѣненію г, ъ въ eg, el», такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы *rogwej, *wogcieć. Но замѣчаніе это неправильно, такъ какъ изъ г', ъ или ѣг, ѣѡ въ древнепольскомъ еще въ XIV в. было ig, а не 'eg; такое измѣненіе 'e въ 'o возможно лишь предъ p, t, d, z, s, г, і, а въ этомъ положеніи изъ г', ѡ или ѣг, ѣѡ получалось — ag.

Въ современныхъ народныхъ говорахъ находимъ два рода отступленій отъ правила: съ одной стороны въ нѣкоторыхъ случаяхъ 'o является на мѣстѣ 'e изъ стараго ь: ср. въ оппельскомъ говорѣ — koźol, ośol при koźel, ośel Oppeln. M. 4 с.; въ говорѣ Krzęcina — koźoц, ośoц; въ говорѣ Miejskiej Górki: k_oośol, ośol, o_ooĭ; съ другой стороны въ условіяхъ, гдѣ ожидаемъ 'o, находимъ 'e: vede, nese, metę, pereg, bere, plete, veze, gnete 1 s. pr. veda, pera 3 pl., metwa n. s. (= mietla), vesna, bedra въ бржезиньскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 181 с. и въ другихъ.

Ср. bere, gnete, nese, mietla и т. п. въ ропчицкомъ повѣтѣ Zbiór XIV, 32 с.; gnete, veze, miete, mietla, vesna, veslo, bedro въ ясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 80 с.; тоже въ луковецкомъ — Spraw. V, 150 с., въ збржидовскомъ Rozpr. IX, въ пышницкомъ Rozpr. V, 371 с. (II s.), въ прашницкомъ Spraw. V, 79 с., въ Станавкѣ Rozpr. XII, 13 с.

Относительно великопольскихъ говоровъ то же явленіе датируетъ Кольбергъ: siestra, mietla, cietka, ciesać, piero, wiesło Zbiór I, 9 с. И то, и другое изъ указанныхъ отступленій извѣстно сважендзскому говору: koźoц, ośoц, koĭoц, ośoц и ośoĭek, однако рядомъ слышалъ я: ośeц; второе явленіе иллюстрируется слѣдующими фактами: metla, bedra, peron, vede 1 s. pr., nese, veze, gnete, plete и т. п., при żona, sostra, pszczoła, puro (= róro), jeżoro, imona n. pl., imón g. pl. и т. д., mút = mótl partic., nus = nósł, vut = vódl.

Нѣтъ сомнѣнія, что и то, и другое явленіе — вторичны; первое, вѣроятно, объясняется вліяніемъ согласнаго l на предшествующее l, какъ высказалъ уже L. Malinowski въ 1873 г. Ueber d. oppeln. M. 4 с.; второе — вліяніемъ аналогіи: vede, vedom 3 pl. подъ вліяніемъ vedześ, vedze, vedzeće; metla подъ вліяніемъ формы loc. s.

Подвергшись въ извѣстныхъ условіяхъ вторичному удлинению, краткія первоначально o, e измѣнялись въ направленіи къ

и и; съ теченіемъ времени долгота была потеряна и остался лишь подъемъ артикуляціи. Объ условіяхъ этого вторичнаго удлиненія будетъ рѣчь во 2-й ч. изслѣд. Что касается его хронологіи, то прежде всего должно установить, что оно представляетъ фактъ особой жизни польскаго языка и не имѣетъ связи съ аналогичнымъ явленіемъ въ иныхъ словянскихъ языкахъ: сербскомъ, малорусскомъ, чешскомъ, какъ призналъ въ послѣднее время и ак. Шахматовъ, прежде думавшій иначе, Изв. VII 1, 295 с. Далѣе, удлиненіе это позже указаннаго выше измѣненія 'е въ 'о и *ě въ 'а, иначе изъ *ledъ, medъ получилось бы *léd, *méd, rēgo, т. е. *léd, *méd, *rēgo, а не lód, mód, róro, изъ *dědъ имѣли бы *dzéd, а не dzád.

Наконецъ, звуковой законъ этотъ еще дѣйствовалъ въ эпоху вокализациі ъ, ь: dészcz, dzéń.

Непонятны слова проф. Брандта: «ó (вѣроятно путемъ подражанія) является и вм. вторичнаго о, представляющаго плодъ расширенія е: trzoda — trzód, какъ poga — póg». Кр. ф. и морф. п. яз. Почему «путемъ подражанія», а не фонетически?

По мнѣнію проф. Потевни Arch. III, 618 с., современное польское ó или и изъ ō получилось чрезъ посредство дифтонга *uo*. Въ обоснованіе такого взгляда можно было бы указать съ одной стороны на современный дифтонгъ *uo* изъ *ō въ ясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 89 с. и Пышницѣ (*uo*), Rozpr. II s. V, 378 с.; съ другой — на древнепольскія написанія *guor*, *buoh*, *synow*, *skutkuow*, *wuola* Семеновичъ «Ueber die Quant.» 35 с.

Но въ виду малочисленности древнепольскихъ примѣровъ *uo*, почти несомнѣнно, что они обязаны своимъ происхожденіемъ древнечешскимъ оригиналамъ, какъ предполагалъ проф. Бодуэнъ де-Куртенэ Beitr. VIII, 214 с. Указанія же двухъ говоровъ мало, тѣмъ болѣе, что общее явленіе польскаго языка при удлиненіи — подъемъ артикуляціи, но не образованіе двугласнаго.

Удлиненіе о, е представляетъ фактъ, общій кашубскому и польскому языкамъ, такъ какъ имѣетъ мѣсто въ нихъ при тождественныхъ условіяхъ; только кашубскій языкъ остановился на

болѣ древней ступени, сохранивъ при подъемѣ артикуляціи гласныхъ о, е и старую долготу ихъ: ср. *õ* и *ẽ* Брониша. Польскіе рефлексы *õ* и *ẽ*, утративъ эту долготу, или совпали съ *u*, *i*, или сохранились, какъ особые звуки, отличные отъ этихъ послѣднихъ. Сохраненіе *ó* наблюдаемъ, напр., въ говорѣ *Sromowiec Wyznich Mat. i prace I 1, 55 с., Stonawki Rozpr. XII, 21 с.*; совпаденіе *ó* съ *u* датируется, напр., для луковецкаго говора *Zbiór VIII, 244 с., зебржидовскаго Rozpr. IX, 136 с.,* въ говорѣ *Miejskiej Górki ó* также совпало съ *u*, но сохранило призвукъ *ɔ* предъ собою, который имѣетъ мѣсто вообще предъ *o*. *Rozpr. IX, 120 с.*

Нѣкоторые говоры обнаруживаютъ стремленіе къ подъему артикуляціи, переходу *o* въ *u* предъ носовыми согласными, независимое, повидимому, отъ старой долготы: ср. въ прашницкомъ говорѣ въ транскрипціи г. *Grzegorzewicz'a*: не только *w dõm, zõpa*, что могло бы еще объясняться вліяніемъ иныхъ подъемныхъ формъ (*dõm, zõp g. pl.*), но и *gõnić, wõpa, grõmada, rõmorek*, хотя съ другой стороны — *om* въ *dat. pl.* не подчиняется этому правилу *Spraw. V, 80 с.*; въ пышницкомъ говорѣ *kuõa g. s., kuõic* и др. *Rozpr. V (II s.), 370 с.*; въ *Krzęcinie*: *rõurõmõ, srõmõc, rõmore, sõõma, kõõa g. s., kõões, kõõsuna*, *Rozpr. XI (II s.), 342 с.*

Относительно *ẽ* сохраненіе особой артикуляціи отмѣчено напр. въ говорахъ: зебржидовскомъ *Rozpr. IX, 160 с.,* лясовскомъ *Rozpr. VIII, 90 с.,* опочиньскомъ, въ послѣднемъ — колебаніе между сохраненіемъ *é* и *i* *Rozpr. XI, 155 с.* Совпаденіе *é* съ *i* (*y*) датируется относительно говоровъ *Sromow'ецкаго Mat. i prace I 1, 56 с.,* луковецкаго *Spraw. V, 154 с.,* бржезиньскаго *Rozpr. VIII, 186 с.,* закопанскаго *Rozpr. X, 172 с.*

Въ великопольскихъ говорахъ *é = i* (*y*), по свидѣтельству Кольберга, около Познани и Шрема *Zbiór I, 4 с.* Въ говорѣ *Miejskiej Górki*, на мѣстѣ *é*, по словамъ г. Лецѣвскаго, являются два звука: одинъ — *è* «звучить, какъ французское *eu* напр. въ *feu*, другой — *é* возникаетъ глубже въ гортани и звучитъ сходно съ польскимъ *u* или *i*» *Rozpr. IX, 121 с.* Изъ примѣровъ того и другого звука, приведенныхъ авторомъ, нельзя выяснитъ, на чемъ основано это различіе. Второй изъ этихъ знаковъ авторъ замѣняетъ иногда знакомъ *i*, *y*: *bõyk, jeliõ, wysõkigo* и т. п.

Въ сважендзскомъ говорѣ рефлексъ \bar{o} является въ видѣ *u*, а рефлексъ \bar{e} въ видѣ *y*, *i*.

Примѣры \bar{o} :

Въ коренномъ гласномъ первичныхъ именныхъ образованій: *stuɔ* = *stóɔ*; *vuɔ*, *nuš*, *dvur*, *mul*, *kuí*, *struj*, *sum*, *kɫun*, *gɫuk*, *dum*, *guś* = *gwózdź*, *ɫut* (= *ɫód*), *buɫ*, *suɫ*, *stuk* = *stóg*; *buk* = *bóg*, *gnuɔ*, *ńut* (= *ńód*), *duɔ* = *dóɔ*, *ɫyj* = *ɫój*, *ɫyf* = *ɫów*, *musk* = *mózg*, *ruk* = *róg*, *rut* = *ród*, *vus* = *wóz*, *buɔ*, *bur*, *grup* = *grób*, *ruɔ*, *veɕur*, *paɫur*, *gruba*, *ružoc*.

Въ сложныхъ именныхъ образованияхъ: *vschut*, *dochut*, *pańut*.

Въ формахъ именныхъ образованій, какъ *buźnica*, *gulnik*, *gurno*, *zbuɔnik*, *kuɫko*, *nuška*, *ruźnyɔ*, *krutki* предъ выпавшимъ \bar{t} , \bar{b} суффикса.

Въ формахъ причастій п. с. м. *ńus* = *ńósɫ*, *muk* = *mógɫ*, *vus* = *vózɫ* и т. п.

Въ gen. pl. *synuf*, *panuf*, *zymbuf*, *dvoruf*, *fśuf*, *sɫyf* изъ *sɫuf*, *meźuf*, *nuk* = *nóg*, *jeźór*, *imón*, *plemón* и т. п.

Во флексіи dat. pl. — om: *synum*, *panum*, *głovum*, *matkum*, *gośćum* и т. д.

Въ формахъ imperativ'a, какъ *ńe gur* = *ńe rób*, *vuchuc* = *wuchódź*.

Въ формахъ infinitiv'a *buś*, *muc*.

Въ префиксѣ сложнаго глагола: *pujś*, *pujźeś*.

Въ мѣстоименной формѣ *ktury*, *kturygo*, *kturumi* и т. д.

Несомнѣннымъ должно признать для сважендзскаго говора независимое отъ условій возникновенія \bar{o} измѣненіе о въ *u* предъ носовыми согласными *m*, *n*: на это указываетъ, какъ переходъ о изъ \bar{a} (\acute{a}) въ *u* предъ данными согласными (*puɔ*, *sum*), такъ и *u* на мѣстѣ о въ примѣрахъ какъ *kuí*, *kuíowí* и т. д., гдѣ врядъ ли можно допускать вліяніе аналогіи имен. п., такъ какъ такой аналогіи не замѣчаемъ предъ иными согласными: *bur* — *bora*, *dvur* — *dvora*, *nuš* — *noža*, *stuɔ* — *stoła* и т. д.; далѣе примѣры

какъ ruńeść, du-ńego, kuńes, źelunyj, pumogać; въ ħupo изъ ħupo=ħono ó могло быть такъ-же происхожденія аналогичнаго ó въ pɤuba, ružoɥ (= pɤóba, róžoɥ).

Наконецъ, замѣчу, что въ окончаніи -go мѣстоименнаго склоненія также слышится звукъ, близкій къ и или съ нимъ тождественный: ńegó, do kogó, tegó, samugó, zługó, gó (энклитич. форма = ńegó) или ńegu, kogu, tegu.... Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это измѣненіе не имѣетъ связи съ количествомъ; быть можетъ, оно обусловлено влияніемъ согласнаго g, причемъ благопріятствующимъ моментомъ является положеніе въ неударяемомъ слогѣ; подъемъ спинки языка при и выше, чѣмъ при о, и слѣд. ближе къ артикуляціи g.

gó вм. go находимъ также въ великопольскихъ текстахъ Кольберга, хотя вообще они и не отличаются точностью.

Примѣры ē: jiś (=jěż), jeliń, kavalir, taliś (=talerz), рядомъ съ źeńa нерѣдко можно слышать źińa; въ gen. dat. loc. s. m. прилагательныхъ полной формы dobrygo, ćornugo, řiknygo и т. п. dobrymu, ćornumu, řiknumu; dobrym, ćornym, řiknym; dat. s. f. dobryj, ćornuj, řiknuj. Изъ склоненія сложнаго ē перенесено въ мѣстоименное и именное склоненіе: samugo, samumu, samuj, naśigo, naśimu, naśi; syndźigo (= sędźégo).

8. Польскіе рефлексы об.-сл. *ъ, *ь.

Об.-сл. *ъ, *ь, бывшіе, повидимому, гласными редуцированными, болѣе краткими сравнительно съ иными краткими гласными, въ польскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, исчезли или же вокализировались: *ъ дало e, *ь —'e.

Избѣгаю, какъ стараго, страдающаго неточностью, термина «полугласный», такъ и вызвавшаго съ разныхъ сторонъ возраженія термина «ирраціональный» гласный; употребляемый ак. Шахматовымъ въ послѣдней статьѣ о русскомъ полногласіи Изв. VII 1, 286 с., терминъ «полукраткій» также не кажется мнѣ удачнымъ: «полукраткій», строго говоря, значить лишь «не вполне краткій» слѣд. больше или меньше краткаго.

По мнѣнію ак. Шахматова, еще въ *обще-зап.-слов.* эпоху *ъ, *ь измѣнялись въ извѣстномъ положеніи (въ открытомъ слогѣ, но не въ ударяемомъ начальномъ) въ неслоговые и затѣмъ въ ту же эпоху выпадали и отпадали: sъpa, tъma, bratъ измѣнились въ sъpa, tъma, bratъ и затѣмъ въ spa, t'ma, brat. Изв. VII 1, 289 с.

Но помимо того, что ак. Шахматовъ не указалъ основаній своего взгляда, взгляды этотъ маловѣроятенъ: относя къ эпохѣ западно-славянскаго единства выпаденіе въ открытомъ слогѣ ъ, ь, мы должны будемъ къ той же эпохѣ отнести и связанную съ этимъ выпаденіемъ и отпаденіемъ вокализацию ъ, ь въ закрытыхъ слогахъ; по крайней мѣрѣ отнести первый процессъ къ эпохѣ западно-славянскаго единства, а второй къ періоду особой жизни зап.-славянскихъ языковъ было бы искусственно. Но если бы вокализациа относилась къ эпохѣ об.-зап.-славянской, то 'е изъ ь подлежало бы спеціально польскому измѣненію въ 'о предъ твердыми зубными т. е. на мѣстѣ *ъlpъ имѣли бы въ польскомъ *lop. Въ дѣйствительности вокализациа *ъ въ польскомъ, какъ уже было сказано въ гл. 7, позже измѣненія 'е въ 'о. Затѣмъ, относя къ эпохѣ зап.-слов. единства выпаденіе ъ, ь въ открытомъ слогѣ, мы ожидали бы одинаковыхъ послѣдствій этого выпаденія для гласнаго предыдущаго слога.

Въ дѣйствительности мы этого не замѣчаемъ. Польскій языкъ, какъ правило, знаетъ удлиненіе гласной предыдущаго слога; для чешскаго такого правила никакъ нельзя установить.

Въ чешскомъ мы замѣчаемъ обратное явленіе: если долгота основного слова обязана своимъ происхожденіемъ восходящему (условно) качеству долготы праславянской: kláda: колóда, kráva— корóва, vřána— ворóна, bába—с. ба̀ба, žába—с. жа̀ба, bříza— р. берéза и т. д. то въ уменьшительныхъ, образованныхъ отъ этихъ словъ съ помощью суффикса -ька, всюду происходитъ сокращеніе: kladka, kravka, vranka, babka, žabka, březka и т. д. Исключеній очень немногихъ. Наоборотъ, польскій въ основныхъ словахъ этой категоріи сократилъ праславянскую долготу: kłoda, kłowa, wrona, baba, żaba, brzoza, въ уменьшительныхъ же удли-

няеть: króvka, kłódkka, brzóvka, въ Сважендзѣ bobka = bábka, ср. кашубскія: króvka, kłódkka, břòzka, bóbka у Ramult'a.

Очевидно, что польско-кашубское удлинненіе въ этихъ словахъ хронологически позднѣе специально польско-кашубскаго сокращенія долготы подъ удареніемъ въ открытыхъ слогахъ и не можетъ быть отнесено къ обще-западно-славянскоу эпохѣ.

Къ подробному анализу условій удлинненія гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ въ польскомъ, сравнительно съ чешскимъ, я вернусь ниже.

Пока же достаточно и этихъ бѣглыхъ замѣчаній, чтобы показать, что было бы болѣе вѣроятнымъ отнесеніе, какъ выпаденія и отпаденія ъ, ь въ открытыхъ слогахъ, такъ и ихъ вокализация въ закрытыхъ, — на эпоху особой жизни зап.-славянскихъ языковъ.

Можетъ возникнуть еще одинъ вопросъ: представляетъ ли отпаденіе ъ, ь въ концѣ и выпаденіе ихъ внутри словъ — факты одной и той же эпохи, или двухъ различныхъ? Кажется, на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь въ формѣ отрицательной: нѣтъ твердыхъ данныхъ для отнесенія ихъ къ различнымъ періодамъ въ жизни польскаго языка. Такихъ данныхъ не находимъ ни въ смягченіи согласныхъ въ положеніи предъ ь въ концѣ и внутри словъ, ни въ нормахъ удлинненія гласной предшествующаго слога, ср. ниже въ соответствующихъ главахъ.

Основнымъ условіемъ вокализации—ъ, ь являлось положеніе ихъ предъ слогомъ съ такимъ же редуцированнымъ гласнымъ ъ, ь (*закрытый слогъ*), условіемъ же выпаденія было положеніе предъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ (*открытый слогъ*).

Аппель еще въ 1880 г. подчеркивалъ значеніе въ этихъ процессахъ ударенія: «важную роль играло удареніе и въ исторіи паденія глухихъ гласныхъ ъ, ь: ударенныя гласныя ъ, ь замѣнены были гласнымъ e, неударенныя же исчезли.... Конечно, кромѣ ударенія, здѣсь дѣйствовали и другіе факторы (ср. Leskien «Die Vocale ъ und ь...»), «но ударенію принадлежитъ безспорно роль первенствующая» Р. Ф. В. 1880, III, 11 с.

Наоборотъ, проф. Polívka, разсматривая польскіе рефлексы об.-сл. *ъ, *ь въ 1897 г. Listy Fil. XXIV 110 с., оставилъ совершенно въ сторонѣ отношенія акцентуативныя и пришелъ къ выводу, что и для польскаго вѣрно правило, установленное проф. Gebauer'омъ для чешскаго: если въ словѣ нѣсколько слоговъ съ гласными ъ, ь, то они исчезаютъ въ нечетныхъ слогахъ, а въ четныхъ вокализуются т. е., давая правилу проф. Гебауэра болѣе научную формулировку, — ъ, ь исчезаютъ въ открытыхъ слогахъ, вокализуются въ закрытыхъ.

Если мы рассмотримъ примѣры, собранные проф. Поливкой по отношенію къ игнорированному имъ мѣсту ударенія въ словѣ, то замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ, *гдѣ намъ доступно опредѣленіе мѣста ударенія*, то и другое условіе: открытость слога и неударяемость его совпадаютъ при выпаденіи ъ, ь въ польскомъ т. е. примѣры проф. Поливки не противорѣчатъ указанію Аппеля.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ на неударяемость слога съ ъ, ь согласно указываютъ, какъ сербскій, такъ и русскій языкъ:

Сербское удареніе ` и ' указываетъ на старое удареніе слѣдующаго слога, " и " — того же слога.

п. рchła изъ рlcha, bšcha: р. блоха, с. бѹха.

grzbiet—grzbietu; въ старо-польскомъ chrzbiel—chrzепta, Pul. ps.; справедливо проф. Polívka принимаетъ форму g. s. grzbietu за результатъ аналогіи. Форма им. п. вполне соотвѣтствуетъ условію неударяемости перваго слога съ ь: р. хребѣтъ, с. хрѣбат; форма gen. s. chrzепta гармонируетъ и съ сербскимъ хрѣпта, и съ р. хребтá.

-klę: р. клянѹ вм. кленѹ, подъ вліяніемъ infinitiv'a; с. кунѣм.

chřest — chřtu: р. крестъ — крестá; с. крѣст — крѣста.

chrzcić изъ křscić: р. креститѣ, с. крѣстити.

łgać: р. лгáть, с. лáгати.

mgła: р. мглá, с. mągla.

pies — psa: р. песь — псá, с. пäs — psã.

pszenica: р. ишеница, с. шѣница.

łza изъ słza, słza: р. слезá, с. сѹза.

źdźbło изъ stьbło: р. стеблó, с. стáбло, чаковское stáblò.

skło изъ stьkło: р. стеклó, с. стáкло.

smierć изъ *szьmьrть: р. смерть, с. смѣрт.

sen — snu: р. сонъ — сна́, с. сáн — сна́.

śma: р. тьма, с. тáма.

dno: с. днò, р. дно.

grzmieć: р. гремѣть, с. грѣмjeti.

chcieć: с. хтjѣти, р. хотѣть.

dzień — dnia: р. день — дня́; с. dâń — dâna, но старая форма gen. s. dnë; форма dâna возникла подь вліяніемъ им. п. ср. Leskien «Untersuchungen» I B, 15 с.

Такимъ же образомъ, можно предполагать, что ъ, ь былъ неударяемъ въ открытомъ слогѣ слѣдующихъ словъ: rczy Flor. ps. (imperativ.), zły — zła — zło: р. золь — злá — злò, с. зào — злá — злò; dwa: р. двá, с. двâ, gnać: с. гнãти, р. гнать; brać: с. brãti, р. брать; szew — szwu: р. шевъ — шва; młyn: с. млйн, малор. млин; mnogi: с. mnògî, р. многій; kvtę: zakwczе Flor. ps. ср. р. цвѣтý вм. цветý, подь вліяніемъ родственныхъ формъ съ ѣ; łeb — łba: р. лобъ — лбá; lnąć: р. лнуть; błšceć: р. блестѣть; mнeć: р. мнý; mгeć: р. мру; рсhаć, рсhнać: р. пхáть, пхнýть; mdleć: р. млѣть; -mkнać: р. -мкнýть, с. зáмкнуди; krwawić, krwawy: р. кровáвый; mścić: р. мстить; рђa: р. пьрjá; mzda: р. мздá; plwacь: р. плевáть, въ сербскомъ иное образование: плъувати; zbóg — zбоgu: р. собóръ, с. збòр — збòра; zdrowу: р. здорóвый, с. здрãв; słacь: с. слãти, р. слать; spracь: с. спãти, р. спать; sto: с. стò, р. сто; tkacь: с. ткãти, р. ткать; zwacь: с. звãти, р. звать; znacь: с. знãти, р. знать; и въ schowanie, skonczanie ударение, несомнѣнно, было на тематическомъ гласномъ а глаголовъ, отъ которыхъ эти существительныя произведены, также въ глаголахъ рwacь; ргacь; — rгwacь; łkacь; въ trzcina — на суффиксальномъ i; въ ptak на суффиксальномъ а. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неударяемость выпавшаго въ польскомъ ъ, ь доказывается лишь русскими параллелями; сербскій представляетъ отклонение: len — lnu: р. лень — лнý, но

с. ląp—ląna; leż—łży: р. ложь—лжі, но с. ląж—ląжи; lew—łwa: р. левъ—лwа, но с. ląв—ląва; геż—gży: р. рожь—ржі, но с. rąж—rąжи. Въ двухъ изъ этихъ примѣровъ: lew—łwa и leп—łnu польскій и русскій языки, быть можетъ, провели удареніе окончанія въ косвенныхъ падежахъ подь влияніемъ иныхъ именъ: spa, psa, ріа, dńа; или же формы съ удареніемъ окончанія существовали при формахъ съ удареніемъ корня діалектически уже въ обще-славянскомъ.

И примѣры ląж—ląжи, rąж—rąжи не говорятъ еще противъ принципа Аппеля: польскій языкъ въ данномъ случаѣ могъ имѣть, какъ и русскій, удареніе окончанія, болѣе первоначальное для формы ген. s. темъ—і ср. нѣсколько ниже.

Съ другой стороны, польское uschnąć, не гармонируя русскому усѡхнуть, сходится съ сербскимъ usąхнути; удареніе было на глагольномъ суффиксѣ—но.

Слово mesh—meshu въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. сважендзскомъ имѣетъ е и въ косвенныхъ падежахъ—meshu; въ русскомъ языкѣ также: мохъ—мху и мѡху.

И вокализациа ѣ, ь въ польскомъ языкѣ въ закрытомъ слогѣ совпадаетъ обычно съ условіемъ ударяемости слога. Сюда относятся формы им. п. какъ leп, lew, seп, ріes, mesh, въ которыхъ перенесеніе ударенія съ конечнаго ѣ на коренной слогъ, повидному, предшествовало вокализациі. Далѣе, подь удареніемъ могла возникнуть форма czesny изъ чьстьнь въ Magdebur ort. — ср. р. чѣстенъ, чѣстной, тогда какъ форма sny соотвѣтствуетъ р. честной. Соотвѣтствуетъ принципу Аппеля и польское wezmiesz ср. сербское ўзмѣм, др.-русское вѡзметъ ср. ак. Шахматовъ Изслѣд. 34 с.; chziesny — с. кр̑сни, р. крѣстный; lekki: с. лѣк-а, -о, р. лѣгокъ, лѣгкій.

Въ случаяхъ, когда два слога съ ѣ или ь предшествуютъ ударенію, конечно, имѣетъ значеніе лишь качество слога т. е. вокализируется ѣ или ь, находящійся въ закрытомъ слогѣ, выпадаетъ — въ открытомъ: такъ изъ *šьрѣтѣтъ ср. р. шептѣтъ, с. шѣптати получается szepたć; изъ *гърѣтѣтъ ср. р. роптѣтъ —

п. *geptać*; изъ **gъmъzátъ* (въ с. лишь *gámziti*)—п. *giemzać*; изъ **szъžъžé*—*seszcze Flor. ps.*; изъ **žъnъsá*, **šъvъsá*, **kozъlъsá* (ср. р. *жнеца́*, *отца́* и т. п.), *ženca*, *szewca*, *kozela* въ древнихъ памятниклахъ ср. п. *chrzepa*; наоборотъ, въ им. пад. удареніе падало на предпоследній слогъ: **šъvъsъ*, **žъnъsъ*, **kozъlъsъ*; отсюда *szwec*, *źniec*, *koźlec*.

Мы видимъ, что въ общемъ положеніе проф. Поливки могло бы быть примпрено съ принципомъ г. Аппеля. Только въ нѣсколькихъ случаяхъ выпаденіе *ъ*, *ь* находимъ въ слогахъ, которые являются ударяемыми какъ въ сербскомъ, такъ и въ русскомъ:

brew — *brwi*: р. бр^овь — бр^ови; с. бр^ѳв — бр^ѳви.

cześć — *czci*: р. ч^есть — ч^ести; с. ч^аст — ч^асти.

krew — *krwi*: р. кр^овь — кр^ови; с. кр^ѳв — кр^ѳви ср. еще —

lesć — *łści* (др.-п.): р. л^есть — л^ести.

plec — *płci*: р. пл^оть — пл^оти.

Не нахожу, однако, возможнымъ признать эти факты доказательствомъ того, что *ъ* и *ь* исчезали въ открытомъ слогѣ и подъ удареніемъ, — въ виду слѣдующихъ соображеній.

Прежде всего, мнѣ кажется логически невозможнымъ исчезновеніе ударяемаго слога безъ предварительнаго перенесенія ударенія на другой слогъ, перенесеніе же ударенія съ корня на окончаніе въ формахъ **brъvi*, **krъvi*, **čъsti*, **lъsti* совершенно невѣроятно.

Обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что всѣ 5 словъ относятся къ *i* — темамъ.

Темы—*i* уже въ индо-европейскомъ праязыкѣ имѣли, повидимому, удареніе окончанія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ падежей, какъ *nom.-acc.-instr. sing.*, *acc. pl. ср. Hirt Indog. acc. 208 с.*

Указанія на это сохранились, между прочимъ, и въ славянскихъ языкахъ: ср. *loc. s.* въ русскомъ: въ брови́, въ крови́, въ чести́, въ печи́, въ ночи́, во плоти́ и въ сербскомъ *peћu*, *noћu*, *časti*, *laji*; *gen.-dat.-loc. s.* ржи́, лжи́, вши́, путя́.

Если въ чешскомъ находимъ: *píd*, *část*, *rouť*, *twář*, то эта

долгота можетъ быть объясняема только положеніемъ коренного гласнаго предъ старымъ удареніемъ: какъ извѣстно, чешскій языкъ, также и сербскій въ такомъ положеніи сохраняетъ старую долготу ср. *Untersuch. Leskien'a 1893, 6 с. и Indog. Forsch. III, 251 с.* Для слова *rouf* положеніе коренного гласнаго предъ старымъ удареніемъ дѣлають несомнѣннымъ с. *pūt* — *púta*, чак. *pút* — *pütà* и р. *путь* — *пути*; въ словахъ *píd*, *část*, *twář* долгота должна быть объяснена такимъ же образомъ, такъ какъ подъ удареніемъ она должна была бы сократиться: сербскій показываетъ, что долгота въ именит. п. подъ удареніемъ была (условно) нисходящая — *péd* — *pědi*, *чѣст* — *чѣсти*, *твâr* — *твâри*, — а нисходящая долгота въ чешскомъ сокращается, — *Indog. Forsch. III, 251 с.* Слѣдовательно, въ чешскихъ *píd*, *část*, *rouf*, *twář* въ форму имен. п. проникъ типъ ударенія род.-дат.-мѣстн. падежей; наоборотъ, въ сербскихъ формахъ род. п. *pědi*, *чѣсти*, *твâри* и русскихъ *пѣди*, *чáсти*, *твâри* удареніе коренного гласнаго явилось подъ вліяніемъ им. и вин. п.

Мнѣ кажется, что такое же объясненіе должно приложить и къ сербскимъ *чáсти*, *кърви*, *брѣви*, русскимъ *чѣсти*, *крѣви*, *брѣви*, *лѣсти* т. е. видѣть въ польскихъ *brwi*, *krwi*, *czci*, *rci*, *lsci* сохраненіе стараго типа ударенія род.-дат.-мѣстн. падежей ед. ч. именъ *i* — темы: ср. въ кашубскомъ *gen.-dat.-loc. krëví, brëví* *Wronisch 31 с.* Съ другой стороны, можно, кажется, указать нѣсколько фактовъ, изъ числа разсмотрѣнныхъ проф. Поливкой, которые свидѣтельствуютъ, что *ъ*, *ь* могли вокализироваться и въ открытомъ слогѣ, разъ они были подъ удареніемъ.

Проф. Поливка приводитъ «*szezegny*» въ *Kazaniach husity polskiego*, каш. *stegna* и въ виду вокализациі *ь* въ открытомъ слогѣ предполагаетъ основную форму **stęgъna*; но въ старословянскихъ источникахъ находимъ лишь *stęгно*, *stęгна* ср. *Микл. Lex. paleoslov.*, и нѣтъ необходимости дѣлать такое, ничѣмъ необоснованное, предположеніе, разъ допустимъ, что *ъ*, *ь* могли вокализироваться подъ удареніемъ и въ открытомъ слогѣ: ср. р. *stǫгна*, с. *stęгна* *nom. pl.* при *nom. s. stęгно*.

пол. *szept* изъ *šьрѣтъ противорѣчить правилу проф. Гебауэра; ожидали бы *špet; конечно, *szept* можно объяснить и влияниемъ род. п.: *szept* изъ *šьрѣта; но интересно, что и сербское шѣпѣтъ, и русское шѣпотъ какъ разъ указываютъ на удареніе перваго слога; при *kozela* с. козѣлацъ мы не находимъ *kozela*, но лишь *kozec* с. кѣзлацъ; при *kozełka* изъ *kozylka* находимъ *koziolok*, контаминацію *kozełka* и *kožłek, но не *kozełk*.

При польскомъ *drzwi* изъ *dvīi находимъ въ діалектахъ *dveře* (*Bystron* «о mowie polskiej... w księstwie Cieszyńskim» *Rozpr.* XII, 15 с.), *dzwierze* *Prace fil.* III, 305 с. проф. Поливка объясняетъ эту форму влияниемъ аналогіи твор. пад. *dźveřmi* изъ *dveřmi.

Миѣ кажется такое влияніе формы *instr.* на имен. п. невѣроятнымъ; скорѣе дѣло объясняется тѣмъ, что форма имен. п. мн. ч., совпадающая въ звуковомъ отношеніи съ формой вин. п. мн. ч., приняла и удареніе послѣдней — на корнѣ; отсюда вокализация ь въ им. п. мн. ч. въ открытомъ слогѣ.

Такимъ же образомъ, аналогіей *gen. pl. desk* объясняетъ проф. Поливка форму *deska* при «szka», которое находимъ въ памятникахъ; опять таки предполагать влияніе одного падежа на всю схему склоненія, на всѣ остальные падежи, въ которыхъ ѣ находилось въ открытомъ слогѣ и слѣд. должно было по правилу выпасть, въ высшей степени трудно. Миѣ кажется, форма *deska* могла бы быть объяснена удовлетворительнѣе: слово *dъská принадлежало къ числу словъ, въ вин. ед., им. и вин. мн. оттягивавшихъ удареніе на коренной слогъ: голова — гѣлову; гѣловы; борода — бѣроду — бѣроды; доска — дѣску — дѣски и въ сербскомъ: *pot. s.* глава, но *ass. s.* главу, *pot.-ass. pl.* главе; брада, но *ass. s.* брѣду, *pot. ass. pl.* брѣде; дѣска, но *ass. s.* дѣску, *pot. ass. pl.* дѣске. Форма *deska*, безспорно, возникла вслѣдствіе того, что им. п. *dъská принялъ типъ ударенія вин. п. *dъskѣ; слѣд. получилось *dъska, откуда подъ удареніемъ, хотя и въ открытомъ слогѣ *deska*; такъ какъ удареніе корня зналъ и им.-вин. п. мн. ч., то проведеніе формы съ вокализацией ѣ по всей схемѣ

склоненія менѣе удивительно, чѣмъ съ точки зрѣнія, предполагающей вліяніе gen. pl. desk.

Ассоціація nom. s. и асс. s. вполне естественна, а фактъ проникновенія типа ударенія вин. п. въ именит. въ польскомъ въ такихъ словахъ доказывается и формами głowa, broda, ściana, strąka, środa: какъ увидимъ ниже, во второй части изсл., при сохраненіи ударенія на окончаніи мы получили бы въ этихъ словахъ долгій т. е. позже наклоненный гласный.

Аналогичное объясненіе должно быть примѣнено и къ діалектическому błecha Rozpr. XII, 15 с., каш. błecha у Ram., хотя здѣсь и не имѣемъ указаній на перенесеніе ударенія на корень въ вин. ед.: р. блоху́, с. бѹху, а лишь въ им., вин. п. мн. ч.: р. им. мн. блѹхи, с. им.-вин. бѹхе. Вѣроятно, въ данномъ діалектѣ переносъ ударенія на корень былъ и въ вин. п. Наоборотъ, не находимъ формы съ вокализацией въ словѣ *slyzá, гдѣ также удареніе корня было лишь въ им.-вин. мн. ч.: р. слѣзы, но слезу́; с. сѹзе, но сѹзу; не находимъ вокализации и въ польскихъ рефлексахъ об.-сл. *tymá, *tymglá, въ которыхъ удареніе окончанія было проведено по всей схемѣ склоненія.

Уже Аппель Р. Ф. В. 1880, IV, 70 с. искалъ причины двойственности рефлексовъ *dŕska: ska и deska въ удареніи, но иначе представлялъ себѣ происхожденіе двухъ типовъ ударенія въ данномъ словѣ: «въ говорѣ, которому принадлежитъ форма ska, передвижка ударенія на предыдущій слогъ началась позже паденія глухихъ гласныхъ». Очевидно, г. Аппель думалъ, что форма deska возникла въ силу специально польскаго передвиженія ударенія; но во-первыхъ трудно думать, чтобы выпаденіе ъ, ѣ совершилось не въ одно и тоже время (приблизительно) во всѣхъ говорахъ; во-вторыхъ, польское передвиженіе ударенія, навѣрное — фактъ не такой глубокой древности, чтобы онъ могъ застать еще ъ, ѣ въ открытомъ слогѣ; поэтому естественнѣе думать, что въ двойственности ska — deska отразились еще общесловянскія акцентуативныя отношенія: *dŕská — *dŕsko.

Болѣе приложимо объясненіе аналогіей къ формамъ «deszcz», «deszczem» въ Puł. ps. при «dszda», «dszdzowie», «dszdye», «we dzdzu» въ томъ же или другихъ памятникахъ; но и здѣсь двойственность могла бы съ равнымъ правомъ быть возводима къ колебаніямъ ударенія: ср. р. дождь — дождя́, чак. dáž — dāžjà, но с. дажд — дажда. Тоже въ словѣ cieść — śca и cieścia: слово

принадлежало первоначально къ і — темамъ; сербскій сохранилъ указаніе на удареніе окончанія въ род. п.: *tâst* — *tâsta*; съ переходомъ въ темы — *jo* было связано передвиженіе ударенія, отразившееся въ русскомъ *тѣстя*, *чаковскомъ tâsta* и польскомъ *cięćcia*.

Значеніе для вопроса приводимаго проф. Поливкой изъ Софійской Библіи примѣра: *se czczo swó miń* неясно; *Małeski* транскрибируетъ *tęćcia*; возможно, что форма эта представляетъ — *instr. s.* имени ж. р. темы — *i*, съ первоначальнымъ удареніемъ на окончаніи подъ вліяніемъ *gen.-dat.-loc. sing.* Въ примѣрѣ «*na czczo*», «*to się czasem na czczo spią*» у Рея, которое проф. Поливка связываетъ съ **tъštъ*, ъ могъ быть неударяемъ ср. р. тощъ — тощѣ; также въ *tszczicza* = *taedium* (Flor. ps.).

Такимъ образомъ, можно считать условіями выпаденія ъ, ь въ польскомъ языкѣ открытость и неударяемость слога; условіемъ вокализациі — закрытость или ударяемость слога.

Въ говорѣ Крженцина г. *Dobrzucki* открылъ «*krótkie i, jakby ślad dawnego ь*» въ словахъ «*říják — říjáka; rača, rače*» Rozpr. XI, 335 с. причемъ въ словѣ *rača* на этомъ і является удареніе; «*rača, rače*» отмѣчаетъ и г. Лось въ опочинскомъ говорѣ Rozpr. XI 149 с. Конечно, странно въ этомъ явленіи видѣть, какъ то дѣлаетъ г. *Dobrzucki*, «архаизмъ». Сохраненіе ь въ одномъ или двухъ словахъ въ открытомъ, первоначально неударяемомъ слогѣ немыслимо. Какъ бы ни объяснялось оно (ср. объясненіе *raice*, маловѣроятное, у г. Аппеля Р. Ф. В. 1880 г., IV, 264 с.), — за архаизмъ его признать нельзя.

Получившееся изъ ъ, ь въ закрытомъ слогѣ или подъ удареніемъ е, 'е въ тѣхъ же условіяхъ, что и старое е, 'е, подвергалось вторичному удлиненію; дальнѣйшая судьба этого *ē, 'ē* та-же, что и *ē, 'ē* изъ об.-сл. *е.

Особо должно оговорить судьбу праславянскихъ ъ, ь въ положеніи предъ *j*; вѣроятно, уже въ об.-сл. языкѣ ъ и ь въ такомъ положеніи подвергались фонетическому измѣненію въ направленіи къ *ы, і*, быть можетъ, сохраняя при этомъ свой редуцированный характеръ. Вѣроятно, эти особые звуки, редуцированные *ы, і* скрываются за колебаніемъ старославянской графики между *ы, і* и ъ, ь въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ: *гоненѣкъ* — *гоненикъ*, *костѣж* — *костнѣж* и т. п. Быть можетъ, эти редуцированные *ы, і* являлись и на мѣстѣ старыхъ об.-сл. *у, і* (изъ *ū, ī*) въ положеніи предъ *j*, въ случаяхъ, какъ *виж* — *виѣж* ср. вообще

по этому вопросу у ак. Шахматова Изслѣд. 33 и сл., В. Н. Щепкина Разсужденіе 235 и сл. и Б. М. Ляпунова «Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи» 121 и сл.

Въ польскомъ языкѣ въ открытомъ неударяемомъ слогѣ такіе *ъ, ь* предъ *ј* исчезли, стянувшись со слѣдующимъ гласнымъ въ одинъ долгій: *śędzią, kością instr. s.*, znamenіe съ наклоненнымъ гласнымъ. Въ закрытомъ слогѣ изъ *ъ, ь* предъ *ј* находимъ *у, і*: *dobru, letni, orli* (въ Сважендзѣ еще *dobruj*). Если въ *тује, крује, біје* мы имѣемъ дѣло съ редуцированнымъ *у, і* изъ первоначальныхъ *у, і* (*ũ, i*), то польскіе *у, і* въ данныхъ формахъ явились въ открытомъ слогѣ *подъ удареніемъ*, при чемъ въ *біје* удареніе явилось на редуцированномъ *і* *подъ* вліяніемъ ф.ф. остальныхъ лицъ: первоначальная схема, вѣроятно, была: *bijó*—*biјеšь, biјеть* и т. д., ср. *могú*—*мóжешь*.

Судьба *ъ, ь* въ сважендзскомъ говорѣ въ общемъ та-же, что и въ другихъ говорахъ польскаго языка; *ъ* вокализуется въ открытомъ слогѣ, — *подъ* вліяніемъ ли аналогіи им. п. или *подъ* удареніемъ, не рѣшаю, — въ словахъ: *mech* — *mechu* и *dušć* — *dušću*; въ послѣднемъ примѣрѣ рефлексъ долгаго *е* — *у* во всякомъ случаѣ проникъ изъ именительнаго падежа.

Старое *ъ, ь* въ закрытомъ слогѣ является въ видѣ *у, і* въ виду вторичнаго удлиненія въ ном. s. именъ м. р.: *syn* — *synu*; *riń* — *rińa*, *dziń* — *dńa*, *lin* — *linu*, *dušć* — *dušću*, *ćogiń* — *ćogńa*.

Наоборотъ, не находимъ удлиненія въ *е* изъ *ъ, ь* въ формѣ ном. s. именъ: *pes* — *psa*, *mech* — *mechu*, *veš* — *fsi*, *čeść* — *ćci*, *kręf* — *krvı*, *marchef* — *marchvı*, *brukef* — *brukvı*; въ именахъ съ суффиксомъ *-ek* изъ *-тък-*: *pońedźałek*, *ftorek*, *kotek*, *dumek*, *kosek*, *panek*, *posek*, *smutek*, *środek*; въ именахъ съ суффиксомъ *-'ес-* изъ *-ьс-*: *vińec*, *chłópec*, *śóstšyńec*.

Особую категорію удлиненія представляетъ флексія *instr. s.*

masc. n. -um, -im изъ -ъштъ, -ъштъ: synum, ranum, doknum, skšy-dłum, řugum, żelazum, bogim, polim, zbożum; pożum, zdaim, kuim и т. п.

Удлиненіе вслѣдствіе выпаденія ъ, ь внутри слова находимъ въ прилагательномъ сітнуј изъ *тъмьнуј: ср. setnuј, rewnuј; въ okinko, řosynka; въ существительномъ zumsta и энклитическихъ сочетаніяхъ: зу́тпом, паду́тпом.

9. Польскіе рефлексы об.-сл. согласныхъ.

Въ области консонантизма, — оставляя пока въ сторонѣ явленія комбинаторныхъ измѣненій, — сважендскій говоръ не представляетъ почти никакихъ отступленій отъ общепольской фонетики. Съ другой стороны, и разсмотрѣніе общепольскаго консонантизма требуетъ значительно менѣе времени и мѣста, чѣмъ вопросы вокализма. Соединяю поэтому разсмотрѣніе об.-пол. и сважендскихъ согласныхъ въ одну главу.

I. Изъ об.-сл. губныхъ *p, *b, *v губно-носового *m, носового *n, плавнаго *r, зубныхъ *d, *t, *z, *s въ положеніи ихъ предъ гласными *a, *o, *u, *ъ, *y, *o — въ польскомъ языкѣ вообще и въ сважендскомъ говорѣ въ частности находимъ согласные p, b, v, m, n, r, d, t, z, s: pęto 'изъ pęto, baba, voda, morze, nad, zar, dar, tuk, sąd, zaб.

Изъ этихъ согласныхъ въ дополнительномъ замѣчаніи нуждается зубно-губной спирантъ v. Въ этомъ звукѣ отразились, какъ об.-сл. *v старое, полученное об.-сл. языкомъ изъ индоевропейскаго, такъ и v изъ приставнаго ц, которое являлось въ об.-сл. языкѣ предъ начальными гласными ъ (ǫ), ū, ū, ā, q̄: въ словахъ, какъ vosu (р. усы), vuknoc, varno, vtorek изъ *vътогъкъ, vuj—ак. Фортунатовъ «Лекція по старослав. яз.». При начальномъ ū приставное ц исчезло: ucho, ul, umieć, uzda, сохранившись только въ словѣ *vǫjъ: съ пол. vuj ср. болг. вуйна при уйка, малор. вуй, вуйна. Это обстоятельство ак. Фортунатовъ ibid. объясняетъ тѣмъ, что въ словѣ *vǫjъ изъ *доцъ дифтонгъ

оц, находясь въ особомъ положеніи. — предъ j, измѣнился въ долгій закрытый гласный, предъ которымъ ц перешло въ v раньше, чѣмъ въ другомъ положеніи; *ũcho получилось изъ *цоцхо безъ посредства *vũcho, съ утратой ц.

Какъ бы то ни было, но на необходимость различать въ польскомъ v два звука различнаго происхожденія даетъ указанія самъ польскій языкъ въ нѣкоторыхъ своихъ говорахъ: въ сважендзскомъ говорѣ литературному vцj также соотвѣтствуетъ форма съ губно-зубнымъ спيرانтомъ v предъ u; но въ говорѣ Stonawki, напр., находимъ ujes Rozpr. XII, 11 с., въ бржезинскомъ говорѣ ъцjek, ъцjanka Rozpr. VIII, 207 с.

II. Польское ĩ велярное восходитъ къ об.-сл. l несмягченному. Было ли это l звукомъ инымъ, чѣмъ ĩ велярное, трудно сказать. По мнѣнію ак. Шахматова, «общезападнославянскій языкъ получилъ изъ общеславянской эпохи два l: l (европейское) несмягченное и смягченное: ср. эти два l въ современныхъ южнославянскихъ языкахъ»; «я не вижу основаній», прибавляетъ онъ, «допускать для общеславянскаго языка существованіе звука ĩ, хотя можетъ быть l общеславянское и отличалось отъ такъ называемаго европейскаго l».

Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г., 56 с. ср. позже, въ 1902 году: «Въ общеславянскихъ сочетаніяхъ ol, el звукъ l звучалъ ĩ т. е. не такъ, какъ обыкновенное европейское l, а болѣе открыто (хотя звукъ общеславянскаго ĩ нельзя, повидимому, отождествлять ни съ русскимъ, ни съ польскимъ ĩ)...». Изв. VII 2, 307 с.

Ссылаясь на южнославянскіе языки, ак. Шахматовъ забываетъ, что и въ нихъ мы находимъ несомнѣнные указанія на велярное ĩ: ср. напр. сербскую вокализацию конечнаго l въ o или измѣненіе плавныхъ сочетаній въ u: жути, сунце и т. п., въ нѣкоторыхъ же говорахъ въ o: hom, pono, soza, boha (Лагоста); эти явленія прекрасно объясняются близостью артикуляціи велярнаго ĩ къ артикуляціи гласныхъ u, o и становятся непонятными, коль скоро мы будемъ исходить изъ зубной артикуляціи l несмягченнаго; ср. аналогичное жѣто, дѣго западноболгарскихъ говоровъ изъ *zъlto, *dъlgo; проф. Лавровъ «Обзоръ» 112 с.

Иначе Облакъ, по мнѣнію котораго о изъ ʃ въ Лагостѣ объясняется тѣмъ, что ʃ измѣнилось въ среднее l: «wenn wir daneben, wie erwähnt, auch o finden, so glaube ich dies gegenüber dem u dadurch zu erklären, dass in diesen Dialecten sich das kurze l länger hielt als in den östlichen und dass, als der Wandel derselben in o aufkam, es nicht mehr hart gesprochen wurde — denn nur aus ʃ wird u — dass es vielmehr bereits zum heutigen mittleren l geworden war». Arch. XVI, 203 с. Но предположеніе Облака лишне: ʃ столь же близко по своему образованію къ о, сколько и къ u. Формы древне-сербскихъ памятниковъ, какъ слоуци ср. Изв. III 4, 1152 с., вѣроятно, представляютъ предшествующую ступень въ развитіи формы *суци*: *sʃuce > *zʃuce > wuce. Впрочемъ не исключена и возможность, что самое написаніе *лоу* было выраженіемъ, по необходимости неточнымъ, слогаобразующаго велярнаго ʃ. Въ случаѣ перваго пониманія, сербскій процессъ — прекрасная параллель діалектическому польскому измѣненію *tusty* въ *tusty*.

Эти указанія южнославянскихъ языковъ не считаю однако рѣшающими вопросъ въ пользу предположенія об.-сл. ʃ велярнаго: ср. твердое зубное l русскаго языка.

Артикуляція польскаго велярнаго ʃ была уже мною охарактеризована относительно сважендзкаго говора во введеніи къ изложенію фонетики. Сходное описаніе даетъ проф. Розвадовскій относительно ʃ въ выговорѣ образованныхъ классовъ общества зап. Галиціи Mat i prace I, 110—111 сс. Вѣроятно, ту же артикуляцію нужно предполагать и въ другихъ польскихъ говорахъ, изслѣдователи которыхъ, обыкновенно, не даютъ точнаго описанія даннаго звука.

ср. въ писаржовицкомъ говорѣ: «ʃ wymawia się wargowo» Spraw. IV, 10 с.; то же опредѣленіе — «wargowe» — находимъ относительно говора Krzęcin'a, Rozpr. XI (II s.), 345 с., относительно зебржидовскаго говора Rozpr. IX, 171 с. и относительно касиньскаго Rozpr. VIII, 247 с. На сохраненіе этимъ звукомъ особой артикуляціи указываетъ опредѣленіе, которое даетъ изслѣдователь бржезиньскаго говора, г. Zawiliński: «og.-pol. ʃ brzmi wargowo. Jest to coś różnego od przygłosu "na początku przed o, a niekiedy przed u się pojawiającego» Rozpr. VIII, 204 с.; ср. въ Слѣвковіе: «ʃ wymawia się dość wyraźnie» Zbiór X, 187 с.; въ Луковцу: «dźwięk ʃ brzmi bardzo wyraźnie, jednak więcej gardłowo» Zbiór VIII, 247 с. Относительно говора Sromowiec Wyżnichъ болѣе ясное опредѣленіе даетъ проф. Rozwadowski: звукъ этотъ «nie jest ani ʃ ani ɥ, tylko niesonantyczna samogłoska z obojętnym układem języka, zależnym od następującej głoski, a silnie zaokrąglonemi i cofniętymi wargami» Mat. i prace, I, 60 с.

Въ иныхъ говорахъ, повидимому, ʃ измѣнилось въ ɥ: въ опельнскомъ говорѣ, по свидѣтельству L. Malinowsk'аго: «ʃ wird labial als kurzes ɥ ausgesprochen» Ueber die oppeln. M. 34 с.; объ этомъ переходѣ свидѣтельствуетъ и измѣненіе въ данномъ говорѣ *siła* въ «*śiца*» (точнѣе *śiца*?); можетъ быть, ɥ

скрывается подъ *l* и въ записяхъ изъ одного мазурскаго говора г. Уляновской Zbiór VIII, 273, 300 сс.: если *wiła*, *ruścuła* и т. п. не обязаны своимъ происхождениемъ аналогіи им. п. ед. ч. м. р. — **ŭiц*, **ruściц* (ср. «*robiuł*, *postawiuł*»), то измѣненіе *i* въ *'u* (*'ü*?) могло быть вызвано лишь переходомъ *l* въ *ц* и въ данномъ положеніи т. е. въ открытомъ слогѣ.

проф. Koriernicki въ своей характеристикѣ горальскаго говора пишетъ вм. *l—ü*: *güowa*, *üadny* и т. п. Rozpr. III, 359 с.; г. Udziela въ текстахъ изъ Ropczyc: — *biáa*—*biała* Zbiór X, 122 с.; г. Wierzchowski относительно повѣтовъ «*Tarnobrzegi* и *Niskiego*» свидѣтельствуетъ: «*spółgłoski l czysto nie wymawiają, zastępując ją brzmieniem podobnym do u*» Zbiór XIV, 157 с. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, подъ звукомъ, «подобнымъ *u*», скрывается все тоже велярное *l*. Въ частности относительно *великопольскихъ* говоровъ Кольбергъ отмѣчаетъ переходъ *l* въ *ü* (= *u*?) въ *Odolanowie*, *Ostrzeszowie*: «*üawa*, *üożka*» Zbiór I, 12 с.; можетъ, на совпадении *l* съ *ц* основано и свидѣтельство г. Петрова о приставномъ *l* въ рыпинскомъ и липновскомъ уѣздахъ Плоцкой губ.: *logon*, *luczyc* = *ogon*, *uczyc* Zbiór, II, 5 с.

Въ предыдущемъ изложеніи уже были разсмотрѣны нѣкоторые изъ фонетическихъ процессовъ, связанныхъ съ физиологическимъ характеромъ звука — *l*. Сюда относятся: 1) измѣненіе конечнаго *l* послѣ гласнаго въ *ц*: *fstoц*, *doц* = *wstał*, *dał*; 2) ассимпляция въ получившихся въ виду этого измѣненія группахъ: — *уц*, — *иц*: *żиц*, *биц* изъ *żyц* (*żył*) *буц* (*buł*); *prośиц*, *zrobiиц* изъ *prośиц* (*prosił*), *zrobiиц* (*zrobił*); 3) диссимиляция въ группахъ *łu*, *lo*: *słyице*, *młedy* изъ *słuiиce*, *młody*; 4) исчезновеніе конечнаго *l* въ положеніи послѣ согласныхъ: *pшыset* = *przyszedł*; *umar* = *umarł*; *ńus* = *ńósł*; *muk* = *mógł*; *ńus* = *ńózł*; *kłot* = *kładł* и т. п. То же явленіе — внутри словъ, въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ согласныхъ, какъ *jarко* = *jabłko*.

Послѣднее явленіе находимъ не только въ народныхъ говорахъ: ср. у горалей Rozpr. III 360 с., въ ласовскомъ Rozpr. VIII 116 с., въ опочиньскомъ Rozpr. XI 170 с., бржезиньскомъ Rozpr. VIII 205 с., зебржидовскомъ Rozpr. IX 171 с. и др., — но и въ языкѣ образованныхъ классовъ общества ср. Mater. i prace I, 110.

III. Об.-слов. пѣбные взрывные *k*, *g* и фриктивный *ch* являюся и въ польскомъ въ видѣ *k*, *g*, *ch* предъ гласными *a*, *o* *u*, *a*, *e* (изъ **o*); сочетанія согласныхъ *k*, *g* съ пемягченными гласными *y* и *e* изъ *ъ* измѣнились въ сочетанія *ki*, *ke* т. е. *k*, *g* стали

смягченными въ данныхъ сочетаніяхъ; то же — въ Сважендзѣ: *sukinko*, *śirógim*, гдѣ *i* изъ *é*, а это послѣднее изъ *ъ*; *drugí*, *matki gen. s.*, *tyrógi*, *letki*, *sołki n. s. m.* Смягченными являются согласные *k*, *g* и предъ смягченными согласными: *jaǰnie*, *kvat*, *ǰvózda*. Наоборотъ фрикативный *ch* сохраняется несмягченнымъ: *muchy g. s.*, *duchu n. pl.*, *marchev — marchyí*.

Въ говорахъ прусскихъ мазуровъ г. *Sembrzyski* отмѣчаетъ измѣненіе *ch* въ смягченный фрикативный не только предъ *y*, но и предъ *a*: «*chiyba*, *kochianu*» *Wisla III*, 82 с.

Звонкій фрикативный *h*, существующій въ польскомъ въ заимствованныхъ словахъ, въ сважендзскомъ говорѣ замѣняется фрикативнымъ — *ch*: *chalas*, *chraба*, *chańба*, *chardy*, *charbata*, ср. тоже въ говорахъ: ясовскомъ *Rozpr. VIII* 111 с., зебржидовскомъ *Rozpr. IX* 170; изъ великопол. — въ Мѣйской Г. *Rozpr. IX*, 129 с.

IV. Въ положеніи предъ *j* об.-сл. согласные являлись смягченными: *l*, *r*, *n* въ такомъ положеніи являлись въ видѣ *l̃*, *ř*, *ń*; (изъ *ř* затѣмъ *ř* и позже *ž*); согласные *p*, *b*, *v*, *m* измѣнялись въ группы *řl*, *bl*, *vl*, *ml*; диалектически же не въ началѣ слова въ *ř*, *b*, *v*, *m*; послѣднее находимъ и въ польскомъ языкѣ.

О нѣсколькихъ отступленіяхъ, какъ *grobla*, *kgropla*, см. проф. Флоринскій «Лекціи» II, 429 с. и проф. Брандтъ «Крат. фон. и м. п. яз.» 12—13 с.

Зубные взрывные *d*, *t* въ сочетаніи съ *j* дали въ польскомъ языкѣ *dz*, *c* — вѣроятно, изъ **dž'* **ć* (на это указываетъ отсутствіе измѣненія *ě* въ 'а предъ *c* изъ **tj*: *śvéca*); зубные фрикативные *s*, *z* + *j* измѣнились въ **š'*, **ž'* и затѣмъ въ *š*, *ž*. Небные *k*, *g*, + *j* дали аффрикаты **č'*, **dž'*, откуда въ польскомъ *č*, *ž*; фрикативный небный *ch* + *j* измѣнился въ фрикативный *š*.

Этимъ общепольскимъ рефлексамъ праславянскихъ сочетаній «*l*, *r*, *n*, *p*, *b*, *v*, *m*, *d*, *t*, *s*, *z*, *k*, *g*, *ch* + *j*» соотвѣтствуютъ тѣ же звуки въ сважендзскомъ говорѣ: *l̃*, *ž* (изъ *ř* — *ř*), *ń*, *ř*, *b*, *v*, *m*, *dž*, *c*, *č*, *š* (изъ *s* + *j* и изъ *ch* + *j*), *ž* (изъ *z* + *j* и изъ *g* + *j*).

V. Въ положеніи предъ гласными передняго ряда: **e*, **ь*, **e*; **i*, **ě* об.-сл. согласные *r*, *l*, *n*, *p*, *b*, *v*, *m*, *s*, *z*, *d*, *t*, повидимому,

не были смягченными: ср. въ старославянскихъ памятникахъ ре, рь при ре, рь = rje, rjъ.

Означенные согласные въ данномъ положеніи въ польскомъ языкѣ палатализировались, перешли въ смягченные *ř*, *ŕ*, *ń*, *ř*, *ř*, *v*, *ń*, *d*, *t*, *s*, *z*. Нѣтъ необходимости возводить это смягченіе непосредственно къ общезападнославянско́й эпохѣ, тѣмъ болѣе, что такое возведеніе пришлось бы ограничить лишь положеніемъ означенныхъ согласныхъ предъ гласными *i, *e: чешскій языкъ своимъ формами *nesete*, *kost*, *tma* (ср. польскія *nieśeće*, *kość*, *ćma*) указываетъ, быть можетъ, на полумягкіе согласные предъ е, ь, затѣмъ отвердѣвшіе.

ср. по вопросу о смягченіи согласныхъ ак. Шахматова «Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г.», 41—51 с.; также статью «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» въ Изв. I 4, с. 695—743.

Смягченное *ř* измѣнилось въ аффрикативный *ř* (приблизительно въ концѣ XII в. ср. проф. Бодуэнъ де К. «О др.—п. яз.» 53 с.), который затѣмъ въ большинствѣ говоровъ упростился въ *ř*, отвердѣвшее, какъ и *ř* иного происхожденія.

Сохраненіе *ř*, какъ особаго звука, напр. въ говорѣ зебржидовскомъ Rozpr. IX 170 с., въ *Sromowcach Wyźnich Mat. i pr. I 1, 60 с.*, въ силезскихъ говорахъ *Ueber Oppeln. M. 34 с.* и др.

Приблизительно въ ту же эпоху, въ которую *ř* измѣнилось въ *ř*, смягченные *d*, *t* перешли въ аффрикаты *dź*, *ć*.

Об.-польскимъ смягченнымъ *ř*, *ŕ*, *ń*, *b*, *ń*, *v*, *ř*, *d*, *t*, *s*, *z* соответствуютъ сважецкіе *ř*, *ŕ*, *ń*, *b*, *ń*, *v*, *ř*, *dź*, *ć*, *s*, *z*. При этомъ смягченные губные *b*, *ř*, *v*, *ń* въ концѣ словъ теряютъ палатализацию: *nie gur* = *nie górb*; *drup* = *drórb*; *ńedvor* = *ńedvab*; *rof* = *raw*; *trof* = *traf'*; то же — въ иныхъ говорахъ, напр. въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, 173 с. или въ великопольскомъ говорѣ Miejsk'oй Górk'i Rozpr. IX, 130 с.

Губные согласные въ отличіе отъ другихъ неспособны къ непосредственному мультированию т. е. извѣстной модификаціи артикуляціи и представляютъ одновременную артикуляцію губного взрыва или тренія (*Reibung*) и мультированного язычнаго согласнаго; ср. Bremer «Deutsche Phonetik» 1893 г., § 64, пр. 2. Такимъ образомъ, губная артикуляція конечныхъ *p*, *b*, *v*, *m*, *f* остается неизмѣнной, исчезаетъ лишь одновременная артикуляція язычнаго *j*.

VI. По отношенію къ смягченію означенныхъ согласныхъ въ положеніи предъ ъ необходимо сдѣлать дополнительное замѣчаніе: смягченіе согласныхъ предъ ъ конечнымъ проведено въ польскомъ языкѣ вполне послѣдовательно: *kość, gość, gwoźdź, ręć, sześć, pić, bić, dzień, koń, twarz, lekarz, pisarz, skotarz, król, sól, kowal, łabędź, pieśń, wieś, gęś* и т. д.

Между тѣмъ внутри словъ при *lva, lnu, klnę, koźlę, wieszę, trzcina, chrzścić, ćma, źdźbło* находимъ: *dnia, łoża* изъ **ślza, psa, psenica, mniej, mniemać, mścić, mgnąć, prawda, orła, kotla, osła, orle, kotle, osle, morski, malarski, pisarski, podkomorstwo, zawistny, kostnica, godny, głodny, konny, żelazny*; при *jutrznia, wnętrzu, wietrzu* имѣемъ: *mierny, wierny, gospodarny*; при *kwaśny, ukośny, głośny* — *ciasny, cielesny, doczesny, jasny* и *miłosny, własny, zazdrosny*.

Уже Маѣеcki, сопоставившій эти примѣры, установилъ въ общемъ правильную точку зрѣнія на нихъ: онъ разсматривалъ примѣры съ твердой согласной предъ выпавшимъ ъ, какъ результатъ комбинаторнаго измѣненія согласныхъ: предъ согласными с и z «rz» отвердѣваетъ въ r; предъ *ł, l* отвердѣваютъ «rz, ć, dź, ś, ź», предъ *n, ń* отвердѣваютъ «rz, ć, dź, ń» т. е. на ихъ мѣстѣ являются *r, t, d, n*. Gramm. hist.—porówn. I 150—151 с.

Необходима лишь оговорка, что отвердѣвали не *rz, ć, dź*, но **ř, *t, *d*, еще до измѣненія этихъ согласныхъ въ *ř, ć, dź*. Формы *miłosny, własny, zazdrosny* получили группу *sn* изъ **stn*; въ формахъ же *jutrznia, wnętrzu, wietrzu* сохраненіе первичнаго «rz» Маѣеcki объясняетъ вліяніемъ предшествующаго ему *t*, хотя самъ замѣчаетъ, что въ словѣ *jędrny* предшествующее мягкому *r* — *d* не имѣетъ такого задерживающаго вліянія.

Въ группѣ *śn* Маѣеcki принимаетъ смягченіе за первоначальное, оставляя безъ объясненія «исключенія»: *ciasny, cielesny, jasny*. Какъ результатъ комбинаторнаго измѣненія, разсматривалъ польское *dña* при *ćma* О. Брокъ въ небольшой замѣткѣ: «Русское тьма — дня, польское *dña* — *ćma*» въ Сборникѣ статей въ честь проф. Корша, 277—281 с.: встрѣча *d* со слѣдующимъ

и и вообще съ однородной по мѣсту образования согласной препятствуетъ палатализованному *d'* взрываться обыкновеннымъ образомъ, какъ въ концѣ слова, а потому исчезаетъ тотъ переходный «звукъ — *shi*», который является необходимымъ элементомъ въ образовании польского *dź*. Въ *widny* и т. п., разстояние между артикуляціей *d'* и слѣдующаго и слишкомъ малое для того, чтобы не произошла ассимиляція: исчезаетъ лишь дорсальный подъемъ, который вноситъ въ артикуляцію *d'* палатальность.

Процессъ иллюстрируется и русскими *видный, судный, сводный, родство* при: *вѣдьма, городѣба, свадьба, судьба, батька, дядька* и т. п. Русскимъ *судный, видный*—параллельны польскіе *godny, głodny*. Совершенно тотъ же процессъ ассимиляціи представляетъ польское *konny*, р. конный изъ **końnyj*; п. *żelazny* и р. желѣзный, п. *łza* изъ *łza*; п. *osła* и *osle* и р. осли; п. *własny* изъ **własny*; п. *jasny*, р. ясный изъ **jaśnyj*; п. *wierny* р. вѣрный изъ **věrnij*; п. *morski* и р. морской. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ *in, lz, źn, śl, stn, śn, ın, ńsk* переходъ отъ перваго согласнаго съ дорсальнымъ подъемомъ къ второму безъ такового является затруднительнымъ.

Что касается формъ *jutrznia, wnątrznny, wietrznny*, то объясненіе Маѣекъ'аго, конечно, не можетъ быть принято: предшествующее *t* не измѣняетъ дѣла, а наоборотъ благопріятствуетъ измѣненію сочетанія *in* въ *gn*, ср. и *jędrny*; *rz* явилось въ данныхъ словахъ на мѣстѣ *r*, вѣроятно, не фонетическимъ путемъ: *jutrznia* подѣ влияніемъ *jutrzenka, jutrzejszy, jutrzeć*; *wnątrznny* подѣ влияніемъ *wnątrz, wnątrze*; *wietrznny* подѣ влияніемъ *wietrzyk, wietrzysty, wietrzyć, wietrzeć*. Точно такъ-же и *główny, kwaśny, ukośny* не первоначальны, какъ думаетъ Маѣекъ, но явились подѣ влияніемъ *głosić, kwasić, kwaśec* (gen. s. *kwaśca*), **ukosić*; ср. р. гласный, квасной.

Измѣненіе группъ *ps, pś, ın, ńś, ńg, ńd* въ группы *ps, pś, mn, mś, mg, ńd* также находятъ себѣ параллель въ русскихъ: *пса, пшеница, мнить, мстять, правда, мгла* и представляетъ также исчезновеніе дорсальной артикуляціи, одновременной губ-

ному взрыву, при переходѣ къ слѣдующему согласному; такое пещезноевіе j было отмѣчено выше и при конечныхъ губныхъ.

VII. Небные k, g, ch въ положеніи предъ гласными передняго ряда уже въ общесловянскую эпоху, какъ можно думать въ виду согласнаго показанія отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, измѣнились въ ċ', ž' (изъ $\widehat{d\check{z}'}$) š', а предъ рефlekсами дифтонговъ, затѣмъ совпавшими съ ě, i иного происхожденія, въ ć, $\widehat{d\check{z}}$, ś. Послѣдніе смягченные согласные находимъ на мѣстѣ небныхъ k, g, ch и въ результатѣ вліянія предшествующихъ гласныхъ передняго ряда, въ примѣрахъ, какъ *poldža, *stydža, *ovsca.

Объ этомъ смягченіи см. статью проф. Бодуэна де К. Indogerm. Forsch. IV (1894 г.) 46—53 с. То же вліяніе предшествующей гласной принимаетъ ак. Шахматовъ, но иначе опредѣляетъ условія этого вліянія Изв. I 4 (1898 г.), 703 с.

Кромѣ того *ć получалось діалектически, вѣроятно, и изъ группы kt въ положеніи предъ гласными передняго ряда: *реś изъ *ректъ. На мѣстѣ ś изъ ch юговосточныхъ словянскихъ языковъ—въ западнoсловянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, является š: loc. s. f. пол. musze, чеш. mouše, лужицкое muše, словицкое mūšä; gen. s. чеш. všeho, в.-луж. všeho, п.-луж. šogo, пол. wszego, словицкое fšievã; внутри слова такое западнoсловянское š на мѣстѣ ś иныхъ словянскихъ языковъ находимъ въ ч. šedý, п. szadawy и чеш. šegu, н.-луж. šegu, п. szary.

Ср. Ж. М. Н. Пр. 311 т., № 5, 44 с. (ак. Соболевскій) и Z. K. XXXVII 2, с. 265.

Смягченные согласные *ċ', *ž', *š', *ć, $\widehat{d\check{z}}$, какъ изъ k, g, ch, kt, такъ и изъ *tj, *dj, *sj, *zj въ польскомъ языкѣ отвердѣли, — вѣроятно, еще въ эпоху доисторическую, когда d, t предъ гласными передняго ряда сохранялись, какъ d, t или какъ d', t'.

На мѣстѣ общепольскихъ твердыхъ š, ž, ć также ģ находимъ мягкіе лишь въ переходныхъ польско-чешскихъ говорахъ: ср. въ говорѣ Stocawki Rozpr. XII, 9 с.

Относительно діалектической замѣны согласныхъ š, ž, ć свистящими s, z, c (т.-н. «мазуваніе») см. книгу г. Dobrzyckiego «O tak zwanem mazurowaniu w języku polskim» Krakow 1900 г.

Въ сважендзскомъ говорѣ общепольскимъ *ć, ś, ź, c, dz* со-
отвѣтствуютъ также твердые *š, ż, ċ, c, dz*.

VIII. Изъ об.-сл. *j* различнаго происхожденія находимъ об-
щепольское и сважендзское *j*. Замѣчу, что въ сважендзскомъ
говорѣ конечное *j* въ п. s. m. прилагательныхъ полныхъ послѣ
у не исчезаетъ, какъ въ другихъ говорахъ, но слышится до-
вольно ясно: *dobryj, mocnyj, godnyj* и т. п. Наоборотъ *tani,*
letni, orli и т. п. безъ *j*.

IX. Подобно другимъ говорамъ польскаго языка, сважендз-
скій говоръ измѣняетъ звучный согласный предъ слѣдующимъ
беззвучнымъ въ беззвучный: *ofca = owca; ióće = idźće; fstaje =*
wstaje; łyško = luzko; fśystko = wszystkie; сказанное имѣетъ зна-
ченіе и по отношенію къ конечнымъ согласнымъ въ тѣсномъ со-
четаніи словъ: *f tyj = w tej; uklot pot te gure = ukládł pod tę*
górę, pot kóśółek; тогда какъ предъ звучнымъ согласнымъ слѣ-
дующаго слова конечный согласный звучный предыдущаго со-
храняется звучнымъ: *teroz do boru; mug głowe vetknunę; tyż*
za ħum. . . и т. п.

Предъ звучнымъ согласнымъ, наоборотъ, беззвучный измѣ-
няется въ звучный: *proźba = prośba, zberac, zbliśka* и т. п.

X. Въ заключеніе отмѣчу нѣкоторыя частныя явленія сва-
жендзскаго консонантизма.

Группа согласныхъ *jdź* измѣняется въ *hdź* въ глагольныхъ
формахъ *vyhdźe, dohdźe, za hdźe, pśyhdźe*. *Hanusz* предпола-
гаетъ вліяніе формъ **vñnić, *vñnię* (въ Сважендзѣ *vñnić*), гдѣ и
относится къ префиксу въ *Przeglądu Akademickiem* 1881 г.
Kraków 163 с.

Группа *zm'* измѣняется въ группу *źn* въ глагольной формѣ
veźne 3 s. pr.; ср. въ лясковскомъ говорѣ: *vezne* 1 s. pr., *veznô*
Rozpr. VIII 115 с. въ бржезньскомъ: *vezne, veźnes, veźne* и т. д.
Rozpr. VIII 207 с. Вѣроятпо, оказали вліяніе формы, какъ *vzeni*
изъ *vzięli, vźun, vźena, vźeno*.

Группы *-dъc, -tъc* измѣняются въ польскомъ языкѣ въ *-jc*;
въ Сважендзѣ находимъ также *zdrojca = *zradъca, ojca =*

*ośca, но гоśca = *rađca; пом. s. ośes, а не oјśes, явившееся въ литературномъ языкѣ подѣ влияніемъ ген. s.

Вмѣсто ожидаемой группы śrz изъ śí находимъ śr: środa, śgubro (въ другихъ говорахъ srybło, съ диссимляціей). Явленіе это отмѣтилъ уже Małecki Gramm. 1863, 48 с. Вѣроятно, ś отвердѣло въ группѣ śí еще до измѣненія ś въ rz: артикуляція ś и слѣдующаго за нимъ ś слишкомъ близки; отсюда — диссимляція; ср. также źrenica, źródło при zdźódźo въ оппельскомъ говорѣ, гдѣ также stříbro, postředni Ueber d. oppeln. M. 34 с. Группа źí, вѣроятно чрезъ посредство źí, также измѣняется въ źr: źre 3 s. pr. (źrom 3 pl. pr.); źrybe n. s.

Группа st измѣняется въ zd въ формахъ вспомогательнаго глагола: jezdem, jezdeś, jezdemu, jezdeće. Это явленіе отмѣчено и въ другихъ великопольскихъ говорахъ Кольбергомъ Zbióg I, 7 с. въ частности въ говорѣ Miejsk'ой Górki г. Лецѣвскимъ Rozpr. IX, 145 с.

Согласный f замѣняется группой chv: parachvijoc, chvólki. Слово hedvał является въ видѣ hédvor.

m вм. n — въ словѣ żołm'ész = żołnierz,

Вмѣсто wielbład вслѣдствіе диссимляціи — vélbrunt (изъ vélbrød).

Вмѣсто porcelana — porcenel въ результатѣ перестановки.

Условія возникновенія общепольскихъ долготъ.

1. Исторія вопроса.

Соотвѣтствіе «наклоненныхъ» гласныхъ польскаго языка двойнымъ написаніямъ древнепольскихъ источниковъ, освѣщаемое свидѣтельствами ороографа XV в. Паркоша и XVI в. Заборовскаго, давно уже установило въ научной литературѣ взглядъ на эти гласные, какъ на слѣды бывшихъ долготъ.

Паркошъ: «*Omnes vocales apud Polonos modo longantur, modo breviantur. Ex quarum longatione vel breviatione diversus consurgit sensus dictionis... Quia regulas prosodiae Polonis illiteratis difficile foret tradere, oportuit, ut in scribendo quantitas vocalium exprimat. Quod alio modo facere facile non est, nisi ut vocalis longa geminetur et brevis simpla ponatur. Ut Adaam, ubi primum a breve, secundum longum et geminatum*»..

Заборовскій: «*Antiqui Poloni longas vocales geminabant, breves simplicibus pingebant figuris*».

Изъ этого убѣжденія исходилъ въ своихъ замѣчаніяхъ, посвященныхъ наклоненнымъ гласнымъ Маѣскі въ 1863 г., принимавшій показанія Паркоша и Заборовскаго, какъ несомнѣнное доказательство существованія долгихъ гласныхъ еще въ историческую пору жизни польскаго языка.

«*W XIV i XV wieku była jeszcze w języku polskim iloczynasowa różnica między samogłoskami; zatarła się z końcem XV i początkiem XVI stulecia*» Gramm. jęz. polsk. 9.

При этомъ Маѣскі вѣрно подмѣтилъ, что всѣ примѣры «наклоненныхъ» гласныхъ распадаются на двѣ категоріи: въ пер-

вой «наклоненность» или «сжатость» является постоянной чертой гласнаго слова т. е. проходить чрезъ всю схему склоненія: напр. въ словахъ *biés* — g. s. *biésa*, *mléko*, *stróż* — g. s. *stróža*; вторая категорія примѣровъ имѣетъ наклоненный гласный лишь въ ном. s.: *wól* — g. s. *wolu* *Gramm. jez. polsk.* 37 с. Это наклоненіе второго рода, — устанавливаетъ *Malecki*, — имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ предъ звонкимъ первоначально согласнымъ, съ отпавшимъ послѣ него «полугласнымъ».

Что касается первой категоріи примѣровъ, подъ это правило не подходящихъ, то она осталась у *Malecki*'аго необъясненной.

Существованіе долгихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ еще въ XV в. принималъ въ виду показаній *Паркоша* и *Заборовскаго* и проф. *Бодуэнъ де К.*, тогда какъ *kś. Ksav. Malinowski* относилъ исчезновеніе количественныхъ различій къ эпохѣ доисторической.

проф. *Бодуэнъ де К.* «О др.-п. яз.» 1870 г., 69 с. *kś. Ksav. Malinowski* *Krytyczno — porównawczą gramatyka języka polskiego* 1869 г., § 30.

Послѣдній взглядъ защищалъ въ 1872 г. и *Семеновичъ* въ специальной монографіи, посвященной вопросу о количествѣ въ польскомъ языкѣ.

«Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im altpolnischen von *Anton Semenovitsch*» *Leipzig* 1872 г.

Принимая «наклоненные» гласные, какъ и *Malecki* и др., за слѣдъ старой долготы и собирая изъ древнепольскихъ текстовъ примѣры двойного написанія гласныхъ, *Семеновичъ* все усилія свои направляетъ на доказательство того, что подъ этими двойными написаніями скрываются не долгіе, но лишь «наклоненные» гласные, отличавшіеся отъ иныхъ качественно, но не количественно.

Но ни общій, произвольно устанавливаемый *Семеновичемъ* принципъ, что языкъ, предоставленный самъ себѣ въ своемъ развитіи, нуждается чуть ли не въ тысячелѣтіяхъ для проведенія звуковыхъ измѣненій (40 с.), ни натянутое толкованіе яснаго

свидѣтельства Паркоша, который де подъ словомъ «vocalis» разумѣлъ нѣчто иное, чѣмъ мы (42 с.), не оправдываютъ тезиса Семеновича.

Если подъ терминомъ «vocalis longa» Паркошъ разумѣлъ не звуки, то слѣд. звуки; но тогда остается непонятнымъ, на чемъ собственно было у него основано представленіе о «долгомъ знакѣ», разъ средство для его выраженія еще только имъ выбирается; опредѣленіе «longa» звукъ могъ получить лишь тогда, когда онъ уже былъ удвоенъ, но у Паркоша мы видимъ иной порядокъ: сперва реальное различіе и затѣмъ уже средство для его выраженія, состоящее въ удвоеніи знака, и средство не единственное, а лишь болѣе легкое, удобное («quod alio modo facere facile non est»). Въ остальномъ ср. трезвую критику проф. Бодуэна де К. въ Beitr. (1876), VIII, 212—226 сс. и замѣчаніе Апеля въ Р. Ф. В. (1880), III, 13 с. Скептическую позицію Семеновича по отношенію къ двойнымъ написаніямъ въ старопольскихъ текстахъ позже занялъ проф. Калужняцкій, объяснявшій эти написанія влияніемъ чешской графики. Sitzungsber. d. Wien. Akad. ph.-hist. Cl. 1881 г. 99 В. 949 с.

Но противъ такого объясненія говоритъ соотвѣтствіе въ большинствѣ случаевъ показавій древнепольскихъ текстовъ фактамъ живого языка.

Что касается происхожденія долготы, слѣдомъ которой является «наклоненность» гласныхъ, то, анализируя свой матеріалъ, Семеновичъ находитъ ему объясненіе въ трехъ принципахъ:

1) стяженіе 2) замѣстительное удлиненіе и 3) подъемъ (Steigerung). Изъ нихъ для насъ сохраняетъ значеніе первый и лишь *отчасти* второй: удлиненіе гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ плавнымъ или звучнымъ согласнымъ съ отпавшимъ за нимъ *ъ*, *ь*, но, конечно, не въ случаяхъ какъ *dlā*, *czwārta*, *piōro*, *krōl*, *cōra*, которые авторъ объясняетъ изъ *dziela*, *czwartą*, *ptiōro*, *karalus*, *dcora* выпаденіемъ гласнаго или согласнаго. (49, 62 сс.) и не въ **bogā*, гдѣ авторъ предполагаетъ *ā* въ виду отпаденія *s* (50 с.).

Уже проф. Бодуэнъ въ 1876 г. замѣтилъ, что «Ersatzdehnung» въ этихъ случаяхъ «ist etwas unerhörtes, ja ganz unmögliches», и что *ā* въ gen. s. m. *bogā* и т. п., фактъ графическій. Beitr. VIII, 223 с. Въ данномъ случаѣ Семеновичъ шель по слѣдамъ *kś. Malinowsk'аго*, также объяснявшаго долготу въ *piōro* выпаденіемъ *t* (греч. *πτέρου*).

Какъ послѣднія объясненія Семеновича, такъ и третій его принципъ, — подъемъ, — обнаруживаютъ неясность, неопредѣ-

ленность въ самой постановкѣ вопроса, — *отсутствіе въ немъ исторической стороны*: объясняя рідо (= рідо) выпаденіемъ t или *bogā отпадениемъ — s, авторъ не задается вопросомъ, къ какой эпохѣ относится выпаденіе t или отпаденіе s и къ какой — удлиненіе.

Если при стяженіи или удлиненіи гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкимъ согласнымъ мы имѣемъ дѣло съ фактами особой жизни польскаго языка, то явленія подъема во всякомъ случаѣ ей предшествуютъ; и если въ результатѣ подъема находимъ долготу, то долгота эта, очевидно, получена польскимъ языкомъ еще изъ об.-сл. эпохи.

Но такимъ образомъ мы неминуемо приходимъ къ вопросу: *въ какихъ случаяхъ, какіе гласные вообще были въ об.-сл. долгими и въ какихъ условіяхъ долгота эта сохранялась въ особой жизни польскаго языка.*

Къ тому же вопросу приводятъ и оставшіеся необъясненными у Семеновича примѣры «наклоненныхъ» гласныхъ, какъ *chvála, tráva, gwíázda, gniázdo* и т. п.

Рѣшеніе поставленнаго вопроса требуетъ, какъ сопоставленія съ другими словянскими языками, такъ и справокъ въ данныхъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.

Такого изслѣдованія вопроса мы, конечно, не находимъ у Семеновича. Правда, онъ сопоставляетъ польскіе «наклоненные гласные» съ данными кашубскаго и чешскаго языковъ, но сопоставленіе это слишкомъ поверхностно и ограничивается малоцѣннымъ по своей неточности выводомъ, что «по отношенію къ á чешскій языкъ почти вполне сходится съ польскимъ; въ меньшей степени по отношенію къ ó и é».

«... das Vorkommen von á mit dem im Polnischen beinahe ganz übereinstimmt; weniger ist diess der Fall bei ó und é»... 64 с.

Такой характеръ изслѣдованія интересующаго насъ вопроса не удивителенъ въ 1872 г.: онъ соотвѣтствуетъ общему состоянію въ то время словянскаго языкознанія.

Впервые въ болѣе широкихъ рамкахъ разсмотрѣнъ былъ во-

прось въ 1879 г. въ работѣ Миклошича: «о долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ».

«Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen». Wien 1879 г. изъ Denkschriften der Kais. Akad. der Wissenschaften.

Здѣсь собранъ сравнительно обильный матеріалъ, относящійся къ вопросу, по объясненіе этого матеріала не удовлетворяетъ. Въ опредѣленіи общеславянской долготы Миклошичъ исходитъ не изъ сопоставленія показаній сравнительной грамматики съ данными отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, но исключительно изъ этихъ послѣднихъ. На такой почвѣ не могли быть различены факты общеслов. эпохи и продукты особой жизни славянскихъ языковъ. Въ то время, какъ чешскій языкъ указываетъ своимъ *bába* или *jáma*, *gána*, *léto* на долготу коренного гласнаго, сербскій и польскій, наоборотъ, приводятъ къ убѣжденію въ его краткости: с. *bába*, *jáma*, *rána*, *lěto* и п. *baba*, *jama*, *gana*, *liato*. Эти противорѣчія даютъ указаніе на то, что въ современномъ состояніи фактовъ нѣчто принадлежитъ индивидуальному развитію каждаго языка, и что свидѣтельства отдѣльныхъ славянскихъ языковъ для опредѣленія общеславянскаго состоянія — критерій недостаточный.

Слѣдовало обратиться къ болѣе раннему историческому моменту: на основѣ сравнительной фонетики индоевропейскихъ языковъ опредѣлить, какіе гласные были получены долгими или краткими об.-славянскимъ языкомъ изъ индоевропейскаго. Этого приема у Миклошича не находимъ. Каждый гласный у него можетъ являться долгимъ или краткимъ. Долгота отчасти объясняется тѣми же принципами, что и у Семеновича: стяженіемъ, замѣстительнымъ удлиненіемъ, подъемомъ, причемъ послѣдній въ сравненіи съ первымъ и вторымъ является «болѣе старымъ удлиненіемъ». Установленное еще Малѣцкимъ для польскаго и принятое Семеновичемъ удлиненіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкими согласными Миклошичъ неудачно переноситъ и на другіе славянскіе языки, по отношенію къ которымъ ему приходится констатировать цѣлый рядъ отступленій, гдѣ удлине-

ніе находимъ предъ пезвучнымъ согласнымъ: ср. чешскія hrách, mák и т. п.

Кромѣ того Миклошичъ отмѣчаетъ и другіе факторы: такъ долгота является: внутри слова предъ звучными согласными z, r, l, ʃ, n, w, j: пол. bájka, czájka, gwíázda, dáwno; далѣе удлинненіе является предъ извѣстными суффиксами, какъ — ѳе, — ѳт, — ѳко, или, наконецъ, какъ слѣдъ ударенія: напр. въ чеш. záhoří, líra, пол. zámorze, zámek.

И этотъ послѣдній принципъ не новъ. Вопросъ о взаимномъ отношеніи ударенія и количества былъ поставленъ уже съ тѣхъ поръ, какъ Puchmayer въ своемъ «Lehrgebäude der russischen Sprache» 1820 г. подмѣтилъ соотвѣтствіе русскихъ полногласныхъ формъ типа корѡва чешскимъ фонемамъ gā, lā съ долгой и русскихъ формъ типа зѡлото чешскимъ фонемамъ ga, la. Какъ извѣстно, Катковъ (Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка 1845 г.) въ этомъ соотвѣтствіи видѣлъ доказательство своей мысли, что русское удареніе явилось на мѣстѣ старой долготы: русское корѡва изъ *krōva, а это изъ *krōva. Каткову возражалъ Миклошичъ, указавшій на сербскую краткость въ соотвѣтствующихъ словахъ (krāva и т. п.), не позволяющую считать чешскую долготу обще-славянской («Vergleichende Lautlehre d. Slav. Spr.» 1852 г.). Совершенно неудачной была догадка П. А. Лавровскаго, что Вукъ превратно понялъ сербское количество (Извѣстія II Отд. Ак. Н. 1859 г., 15 с.). И дѣйствительно, послѣдующія розысканія привели къ обратному взгляду на русское удареніе: послѣ того какъ было указано совпаденіе русскаго ударенія съ чакавскимъ (ср. Mažuranić «O važnosti akzenta hervatskoga za historiju Slavjanah» 1863 г.), въ наукѣ принято отождествлять русское и чакавское удареніе съ праславянскимъ. Truhlař въ 1872 г. Časop. Č. M., какъ позже Миклошичъ, разсматривалъ чешскую долготу, какъ результатъ ударенія. Только L. Malinowski и въ 1873 г. повторялъ взглядъ Каткова («Ueber d. orpell. M.» 9 с.: русское удареніе на мѣстѣ долготы).

Почти во всѣхъ объясненіяхъ Миклошича одинъ и тотъ же недостатокъ: они имѣютъ въ виду лишь часть примѣровъ извѣстнаго типа, оставляя необъясненнымъ рядъ другихъ примѣровъ того же типа. Въ чешскомъ líra удлинненіе возникло подъ вліяніемъ ударенія, но въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, что líra, находятся чешскія šěno, těsto, tělo, zlato, dřevo — безъ удлинненія; въ тѣхъ же условіяхъ, что польское gwíázda (гласный предъ однимъ изъ согласныхъ: r, l, ʃ, n, z, w, j) находятся и польскія: miąga, piąna, wiąga, siano съ краткими гласными.

Уже въ 1880 г., годомъ позже появленія работы Микло-

шича, проф. Брандтъ высказался скептически по поводу нѣкоторыхъ его принциповъ объясненія долготы, какъ вліяніе извѣстныхъ суффиксовъ, удареніе — спеціально чешское, указывая на факты, противорѣчащіе такимъ объясненіямъ; но удлиненіе подь старымъ («исконнымъ») удареніемъ проф. Брандтъ допускаетъ для чешскаго, не объясняя вышеуказанныхъ чешскихъ *sěno, těsto, tělo* и т. п.

«Начертаніе славянской акцентологiи», сс. 210—211.

Безплодность тѣхъ принциповъ объясненія, которые употреблялъ Миклошичъ, доказала и работа его ученика, пражскаго проф. Махала, посвященная *deminutiv* нымъ образованіямъ съ суффиксами — *ъкъ*, — *ъко*, — *ъка*, работа, которая сохраняетъ свое значеніе лишь въ виду тщательнаго собраннаго авторомъ матеріала.

«Ke kvantitě české». Výroční zpráva c. k. státního vyššího Gymnasia v Německém Brodě 1888 г.

Автору приходится констатировать въ своемъ матеріалѣ не-правильность т. е. отсутствіе послѣдовательно проведеннаго принципа; эту бѣду онъ старается поправить цѣлымъ рядомъ средствъ: признаетъ вліяніе, какъ стараго, такъ и новаго ударенія, вліяніе слѣдующаго согласнаго, призываетъ на помощь аналогію, и наконецъ, находитъ зависимость отъ качества самой гласной: о и е особенно неблагопріятствуютъ удлиненію; по чему? — этотъ вопросъ остается темнымъ.

Къ работѣ Миклошича примыкаетъ также статья F. Jokl'a «O přízvuku slovanském, zvláště českém». Listy Fil. XII, 422 с.

Въ 1887 г. спеціальную статью вопросу о польской долготѣ посвятилъ г. Łoś.

«O samogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI» Prace filol. 1887 г. II 1, 119—143 сс.

Но авторъ ограничилъ свою задачу увеличеніемъ матеріала, собраннаго изъ старыхъ памятниковъ Семеновичемъ, и краткимъ разсмотрѣніемъ хронологической стороны вопроса: по его мнѣнію

долгіе гласные существовали еще въ XIV в., процессъ же «наклоненія» начался уже съ XIII вѣка.

Въ новую фазу развитія вступилъ вопросъ о словянскомъ количествѣ со времени появленія замѣчательныхъ «Розысканій о количествѣ и удареніи въ словянскихъ языкахъ» проф. Лескина.

«Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen» I B. C. Leipzig. 1893 г. (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften).

Въ «Розысканіяхъ» проф. Лескина вопросъ впервые получилъ строго научную постановку. На основѣ данныхъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ проф. Лескинъ устанавливаетъ, что гласные *o, *e, *ъ, *ь являлись въ общесловянскомъ первоначально краткими, гласные же *a, *ě, *i, *u, *y, *o, *e и дифтонгическія сочетанія *er, *el, *or, *ol, *ъr, *ьl, *ьl, *ьl — первоначально долгими. Различая затѣмъ положеніе этихъ долгихъ и краткихъ по отношенію къ первоначальному мѣсту главнаго ударенія въ словѣ, опредѣляемому обычно сопоставленіемъ чакавскаго и русскаго ударенія, проф. Лескинъ предполагаетъ въ положеніи долгихъ подъ удареніемъ различіе *въ качествахъ* долготы: восходящей и нисходящей (steigend und fallend). Прямое указаніе на такое различіе въ об.-сл. сочетаніяхъ *or, *ol, *er, *el даютъ русскія полногласныя формы съ двумя типами ударенія: корѡва — зѡлото.

Соотвѣтствіе этихъ двухъ типовъ формъ сербскимъ и чешскимъ, на которое указали уже Пухмайэръ, Катковъ и Миклошичъ, впервые объяснилъ ак. Фортунатовъ гипотезой первоначальнаго различія качества долготы еще въ об.-сл. дифтонгическихъ сочетаніяхъ *or, *ol, *er, *el («Zur vergleichenden Betonungslehre der litu-slavischen Sprachen» Arch. IV, 575 с.). Указанія на два типа долготы въ словянскихъ языкахъ были ак. Фортунатовымъ поставлены, — въ той же статьѣ, — въ связъ съ различіемъ качества долготы въ литовскомъ, а затѣмъ привели его къ мысли о двухъ видахъ индоевропейской долготы, мысли, которая вошла въ общій научный обиходъ со времени появленія замѣтки проф. Bezzenberger'a о связи по происхожденію литовскаго восходящаго и греческаго облеченнаго ударенія въ 1883 г. Beiträge VII, 66 с. ср. Русск. Фил. В. 1895 г. XXXIII, 293 с.

Различіе въ качествахъ долготы об.-сл. дифтонгическихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el, заслуга установленія котораго принадле-

жить ак. Фортунатову, проф. Лескинъ гипотетически переносятъ и на об.-сл. долгіе а, ё, і, и, у, е, ѳ.

Изслѣдуя съ этой точки зрѣнія судьбу старыхъ долготъ въ сербскомъ языкѣ, главнымъ образомъ на первичныхъ номинальныхъ образованіяхъ, проф. Лескинъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: I *старыя долготы предъ первоначальнымъ главнымъ удареніемъ слова сохраняются*; на долгомъ гласномъ въ такомъ положеніи находимъ перенесенное долгое удареніе —': хва́ла = р. хвалá, чак. chvalá; II *подъ первоначальнымъ восходящимъ удареніемъ долгій гласный сокращается*: кра́ва (корóва), ба́ба; III *подъ первонач. нисходящимъ удареніемъ долготы сохраняется*; въ такихъ случаяхъ находимъ долгое неперенесенное удареніе \hat зláто = (р. зóлото), kvás — kvása g. s. IV. *старая краткость сохраняется независимо отъ первоначальнаго мѣста главнаго ударенія въ словъ. Въ положеніи же въ закрытомъ конечномъ слогъ краткій гласный удлинняется, если онъ былъ первоначально ударяемъ.*

Еще раньше, въ 1 выпускѣ своихъ «Розысканій...» въ 1885 г. проф. Лескинъ установилъ для сербскаго удлиненіе краткихъ гласныхъ въ положеніи предъ l, r, m, n, v, j + сонор. Въ послѣдніе годы появились дальнѣйшіе выпуски «Розысканій»: въ XXI т. Archiv'a (1899 г.) разсмотрѣны вторичныя именныя образованія (съ суффиксами) и сложныя именныя образованія; въ XXIV т. Arch. — обслѣдованы глаголы на —iti. Судьба восходящей долготы въ чакавскомъ не выяснена ср. Изв. III 1 с. VI 339 с., Arch. XIX 564, XX 397.

«Розысканія» проф. Лескина заложили прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о количествѣ въ словянскихъ языкахъ. Точка зрѣнія проф. Лескина была приложена къ чешскому языку въ 1894 г. ак. Ягичемъ, выводы котораго подробнѣе обосновалъ F. Černý.

Indogerm. Forschungen III, 251 с; «Studie o české kvantitě» Listy Filolog. XXIV (1897 г.), 343—359 с., 421—431 с.

Оказалось, что *чешскій языкъ сохранилъ безъ измѣненія, какъ краткость, такъ и долготу въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ, подъ удареніемъ же старая долготы сохранилась лишь при восходящемъ типѣ ударенія и сократилась при нисходящемъ.*

Дальнѣйшіе этюды Г. Ćерп'аго были посвящены изслѣдованію въ отношеніи количества именъ съ темой на согласную: *Listy filolog. XXVII, 1900 г., 17—22 сс.* и именъ прилагательныхъ: «*Přízvuk a kvantita u adjektiv jmenných.* *Rozprava filologické, věnované Janu Gebauerovi. Praha 1898, 117—123;* наконецъ, вторичнымъ именнымъ и глагольнымъ образованиямъ: *Výroční zpráva s. k. vyšší reálné školy v Brně 1900.* Появившаяся уже послѣ того, какъ точка зрѣнія проф. Лескина была приложена къ чешскому языку проф. Ягичемъ,—въ 1895 г. статья Flaishans'a «*Česká kvantita*» *Listy Fil. XXII, 66—90 сс.* представляетъ собою анахронизмъ, лишенный всякаго научнаго значенія; основная мысль: — праславянская долгота сохраняется подъ удареніемъ, сокращается предъ удареніемъ,—поддерживается невѣроятными объясненіями, при отсутствіи сколько нибудь внимательнаго отношенія къ фактамъ и крайней неполнотѣ матеріала.

По отношенію къ словинскому языку вопросъ обслѣдоваль акад. Valavec и одновременно проф. Leskien.

Valavec «*Glavne točke o naglasu kniževne slovenštine*» *Rad. jugoslov. Akad. CXXXII, 1897 г.; проф. Leskien въ Arch. XXI, 321—323 сс.*

Подобно сербскому, *словинскій сохранилъ праславянскую дотому въ положеніи предъ старымъ удареніемъ и подъ удареніемъ при нисходящемъ типъ долготы и сократилъ ее при типъ восходящемъ.* При этомъ каждый ударяемый краткій слогъ, если онъ не послѣдній въ словѣ, подвергается вторичному удлиненію, и съ этимъ явленіемъ соединена принципиальная важность словинскихъ количественныхъ отношеній: именно, — въ то время, какъ бѣга измѣняется въ бѣга съ нисходящей долготой и затѣмъ, съ переносомъ ударенія на послѣдній слогъ — bogá, kŏža даетъ не kŏža, но kŏža съ долготой восходящей.

Такимъ образомъ, *словинскій языкъ даетъ намъ прямое указаніе на существованіе различія между восходящимъ и нисходящимъ удареніемъ не только въ долгихъ, но и въ краткихъ гласныхъ;* краткость восходящая въ *kŏža при удлиненіи даетъ восходящую долготу, тогда какъ нисходящая краткость въ *bŏga измѣняется въ долготу нисходящую.

Это свидѣтельство словинскаго языка поддерживается данными сербскаго и русскаго языковъ: въ сербскомъ языкѣ въ сочетаніи именной формы съ предлогомъ на предлогъ находимъ краткое нисходящее удареніе, если гласный перваго слога имени былъ ударяемъ нисходяще: грáд—òд грáда и параллельно бѣг (изъ бѣг)—òд бѣга; тоже явленіе находимъ въ русскомъ языкѣ по-воду, нá-гору, зá-городомъ; что коренной гласный этихъ словъ былъ ударяемъ ни-

сходяще доказываютъ словинскія формы вин. п. *gorô, vodô* изъ *gôre, vôdo* (р. *гору, воду*), относительно третьяго достаточно самого русскаго языка: *гб-родомъ*.

Наоборотъ, если коренной гласный слова былъ ударяемъ восходяще, то въ русскомъ удареніи и въ сочетаніи съ предлогомъ остается на немъ: за *болото́мъ*, на *волю* (словинское *vôla* изъ *vôla* съ восходящей краткостью); въ сербскомъ въ такихъ случаяхъ находимъ на предлогѣ: *у́ блато, од брата*. Сербское удареніе " указываетъ на сохраненіе праславянскаго мѣста ударенія, наоборотъ — ' на специально сербское перенесеніе его на одинъ слогъ ближе къ началу слова или сочетанія; слѣд., с. *на́-гору*, сопоставленное съ р. *на́-гору* доказываетъ, что въ проклитическомъ сочетаніи **па-гору* и т. п. удареніе переносилось на предлогъ уже въ праславянскомъ, тогда какъ с. *од-брата* — результатъ особой жизни сербскаго языка. Вме́стѣ съ тѣмъ видимъ, что праславянскій переносъ ударенія на предлогъ имѣлъ мѣсто лишь при нисходящемъ качествѣ ударенія, *какъ на домо́мъ, такъ и на краткомъ коренномъ гласномъ* именной формы. На русское различіе *на́-гору* и *на-волю* указалъ Valaves въ своемъ изслѣдованіи о словинскомъ количествѣ (1897 г.); тоже у ак. Шахматова «*къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ*» Изв. III 1, 6 с. (1898 г.).

Не лишенный интереса для изслѣдователя вопросовъ словянскаго количества матеріалъ представляютъ и показанія болгарскаго языка, сгруппированныя еще до появленія работы проф. Лескина, въ 1891 году Б. Цоневымъ.

«За удареніето въ български език Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина» VI, 3—82 сс. ср. Hirt «*Der indogerm. Akz.*» 71—75 с.

Еще ак. Фортунатовъ въ 1879 г. указалъ, что русскимъ сочетаніямъ *бро, бло* соотвѣтствуютъ въ болгарскомъ неударяемая *ра, ла*: р. *зѣлото* = б. *златѣ*, тогда какъ въ соотвѣтствіи русскому *орѣ, олѣ* т. е. восходящему типу ударенія въ праславянскомъ въ болгарскомъ является удареніе на сочетаніяхъ *ра-ла*: *болѣто* — б. *блѣто*. Б. Цоневъ располагаетъ свой богатый матеріалъ нѣсколько механически, довольствуясь внѣшнимъ соотвѣтствіемъ болгарскихъ типовъ ударенія сербскимъ ", ^, ` , ´. Но критическій анализъ этого матеріала даетъ интересные результаты и помимо того, что правило ак. Фортунатова оказывается вѣрнымъ не только въ примѣненіи къ рефлексамъ праславянскихъ сочетаній **or, *ol, *er, *el*, но и по отношенію къ другимъ долгимъ гласнымъ. Если въ сербскомъ, по правилу Цонева, — " , то въ болгарскомъ удареніе является на томъ же гласномъ: с. *брѣт* — б. *брѣтът*, с. *хлѣб* — б. *хлѣбтът*; с. *баба* — б. *баба* и т. п.

Такъ какъ сербское " на первоначально долгомъ гласномъ указывается на сократившуюся восходящую долготу, то получаемъ выводъ: *долгий первоначально гласный съ восходящимъ типомъ долготы удерживаетъ на себѣ въ болгарскомъ языкѣ удареніе.* Если въ сербскомъ на первоначально долгомъ гласномъ ^, то въ болгарскомъ удареніе находимъ на слѣдующемъ слогѣ: с. дѣр-б. дарѣт; с. квѣс—б. квѣст; пными словами, *долгий гласный съ нисходящимъ типомъ долготы, (на что указываетъ сербское ^), теряетъ въ болгарскомъ языкѣ удареніе, которое переносится на слѣдующій слогъ.*

Такимъ образомъ, гипотеза проф. Лескина о различіи восходящаго и нисходящаго типа долготы не только въ праслов. сочетаніяхъ og, ol, eg, el, но и въ пныхъ долгихъ гласныхъ оправдывается и показаніями болгарскаго языка.

Какъ только мы отъ первоначально долгихъ гласныхъ обратимся къ первоначально краткимъ, методъ сопоставленія Цонева оказывается недостаточнымъ; въ его правилѣ: «сербскому" соотвѣтствуетъ болгарское удареніе того же слога» оказываются исключенія: въ соотвѣтствіи серб. мѡре, пѡле, ѡко, нѡбе находимъ б. морѣ, полѣ, небѣ, окѡ.

Разгадка этого явленія заключается въ томъ, что сербское " на краткихъ гласныхъ является, какъ на первоначально восходяще — краткихъ, такъ и на мѣстѣ нисходяще краткихъ. Если же мы обратимся къ словинскому языку, который сохранилъ указаніе на первоначальное различіе восходящей и нисходящей краткости, то замѣтимъ тотчасъ, что *болгарскій языкъ сохраняетъ удареніе на первоначально восходящей краткости и переноситъ его на слѣдующій слогъ, если краткость была нисходящаго типа:* ср. съ одной стороны с. вѡља=слов. vólja (р. на—вѡлю)=болг. вѡліа; с. кѡжа=слов. kŏža (р. за—кѡжу)=болг. кѡжа; съ другой стороны с. мѡре=слов. moŕje изъ moŕje (р. на—море)=болг. морѣ; с. пѡле=слов. polje изъ rólje (р. на—поле) болг. полѣ; с. нѡбе=слов. nebŏ изъ nēbo (р. на небо)=болг. небѣ; с. ѡко=слов. okŏ изъ ŏko =болг. окѡ.

Дальвѣйшіе примѣры, обосновывающіе это правило, см. въ 10 гл.

Такимъ образомъ, не только словицкій, но и болгарскій языкъ даетъ прямыя указанія на различіе въ праславянскихъ краткихъ гласныхъ восходящаго и нисходящаго типа краткости.

Относительно верхнелужицкаго языка приходится ограничиться уже привлеченными къ изслѣдованію ак. Фортунатовымъ сочетаніями *or, *ol, *er, *el, такъ какъ въ другихъ первоначально долгихъ гласныхъ количественныя различія не сохранились; примѣры, приведенные ак. Фортунатовымъ, предполагаютъ тѣ же условія сокращенія и сохраненія первоначальной долготы въ верхнелужицкомъ, что и въ чешскомъ см. Arch. IV, 576 с.

О полабскомъ ср. установленное Нirt'омъ правило: въ двухъ-сложныхъ именахъ съ восходящей долготой коренного гласнаго удареніе съ коренного слога переносится на окончаніе «Der indogerm. Akz.» 79—81 с.; ср. также замѣчаніе В. К. Поржезинскаго, занимающагося переизданіемъ источниковъ по полабскому языку: «условія сохраненія старой долготы въ полабскомъ были въ общемъ тѣ же, что и въ польскомъ языкѣ, какъ я надѣюсь показать въ спеціальному изслѣдованіи» изв. VII², 202 с.

Въ 1897 году точка зрѣнія проф. Лескина въ вопросѣ о словянскомъ количествѣ была примѣнена и къ польскому языку ученикомъ его, Lorentz'омъ.

«Die polnischen Nasalvocale» Arch. XIX, 132—167, 339—379 сс.

Ограничивъ свою задачу носовыми гласными, д-р. Лоренцъ нашелъ, что 1. подъ первоначальнымъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ носовой въ польскомъ является краткимъ (ново-пол. e); 2. въ закрытомъ слогѣ ударяемый носовой является долгимъ (новоп. a); 3. предъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ — также долгимъ; 4. наоборотъ, въ закрытомъ слогѣ предъ удареніемъ — краткимъ; 5. если носовой предъ удареніемъ удаленъ отъ него болѣе, чѣмъ на одинъ слогъ, то онъ является краткимъ, по крайней мѣрѣ въ открытомъ слогѣ; для закрытаго слога нѣтъ примѣровъ; 6. въ положеніи послѣ ударенія въ открытомъ предпо-

слѣднемъ слогѣ носовой сохраняется долгимъ, если долгота была восходящая, сокращается при нисходящемъ типѣ долготы; 7. въ томъ же положеніи по отношенію къ ударенію, но въ закрытомъ слогѣ носовой является краткимъ; 8. послѣ ударенія не въ пред- послѣднемъ слогѣ — также краткимъ; 9. въ закрытомъ конечномъ слогѣ носовой является долгимъ; но въ открытомъ конечномъ слогѣ — краткимъ. (Arch. XIX, 377 с.).

Повѣрка этихъ результатовъ на другихъ первоначально долгихъ гласныхъ, а также изслѣдованіе судьбы первоначально краткихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ — предметъ настоящей работы.

Предпосланный историческій очеркъ развитія вопроса долженъ дать основу и руководящія указанія въ предстоящемъ изслѣдованіи.

Нѣкоторыя партіи этого изслѣдованія въ сжатомъ видѣ были уже опубликованы мною въ статьѣ «Былые долги гласные польскаго языка» въ Лѣтописи Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ за 1902 г. Въ видахъ цѣльности разсмотрѣнія вопроса онѣ будутъ здѣсь повторены, но съ дополненіями.

2. Общепольское происхожденіе долготы.

Кладя въ основу своего изслѣдованія вопросовъ о польскомъ количествѣ факты сважендзкаго говора и дополняя ихъ фактами иныхъ говоровъ и старыхъ памятниковъ, я исхожу изъ убѣжденія въ *общепольскомъ происхожденіи условій* развитія польскихъ количественныхъ отношеній.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ обоснованіе этого положенія. Безусловныя доказательства его не могутъ быть приведены въ виду неполноты того діалектическаго и историческаго матеріала, которымъ изслѣдователь располагаетъ: далеко не во всѣхъ діалектологическихъ работахъ находимъ полное собраніе примѣровъ «наклоненныхъ гласныхъ»; примѣры же открытыхъ гласныхъ изъ первоначально долгихъ, относящіяся по крайней мѣрѣ къ первичнымъ номинальнымъ образованіямъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуютъ; только въ

нѣкоторыхъ монографіяхъ находимъ ихъ, но и то въ сравнительно небольшомъ количествѣ.

Такъ, въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 148 с. указаны: baba = сваж. baba; żaba = сваж. żaba; místo = сваж. místo; často = сваж. často; masło = сваж. masło; ср. въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 72 — 73 сс.: baba, capła = сваж. ćapła; żaba, místo, často, masło, ja^oma = сваж. jama; śca^ona = сваж. ścana; r^ana = сваж. rana; śa^ono = сваж. śano. Въ другихъ, немалочисленныхъ случаяхъ, я долженъ исключительно пользоваться примѣрами открытыхъ гласныхъ (изъ первоначально долгихъ) изъ сважендзкаго говора. Записей строго фонетическихъ, вполне надежныхъ слишкомъ немного. Тѣмъ не менѣе и тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, приводитъ къ убѣжденію, что условія развитія количественныхъ отношеній въ польскомъ языкѣ суть общепольскія и еще точнѣе, какъ мы увидимъ ниже, при самомъ изслѣдованіи, — польско-кашубскія.

На общепольское происхожденіе тѣхъ количественныхъ отношеній, которыя находимъ въ отдѣльныхъ польскихъ говорахъ, указываетъ прежде всего (въ общемъ) одинаковое во всѣхъ діалектахъ польскаго языка развитіе (въ связи съ количественными отношеніями) носовыхъ гласныхъ. Далѣе, сравнивая имѣющіяся у насъ показанія о «наклоненныхъ» гласныхъ въ отдѣльныхъ говорахъ, безъ труда замѣтимъ, что въ общемъ категоріи появленія этихъ гласныхъ во всѣхъ этихъ говорахъ, малопольскихъ, великопольскихъ, мазурскихъ и сплезскихъ, — однѣ и тѣ же.

Такъ, *á* является во 2 и 3 л. ед. ч. и 1 — 2 л. мн. ч. глаголовъ типа *czytać* въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'и* Rozpr. IX 116 с., въ *писаржовицкомъ* говорѣ Rozpr. IV 6 с., въ *збржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 с. *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *луковецкомъ* Spraw. V 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 171 с., *закопянскомъ* Rozpr. X 232 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14 с.

Въ infinitiv'ѣ глаголовъ *śác, lác, gźác, stác, bác się, śmác się*, гдѣ *á* — изъ стяженія гласныхъ: въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górк'нь* Rozpr. IX 116 с., въ говорѣ *писаржовицкомъ* Rozpr. IV 6 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 160 с., *луковецкомъ* Spraw. V 151, *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 231 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *опочинскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 87 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 171 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 13 с., у *горалей* Rozpr. X, 351 с.

Въ окончаніи nom. s. f. именъ существительныхъ, какъ *kuchńá, burzá, ruźá* и т. п. — въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górк'нь* Rozpr. IX 116 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI 339 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 160 с., *опочинскомъ* Rozpr. XI 153 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 6 с., *пышницкомъ* Rozpr. II s. V 376 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 232, *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14.

Въ окончаніи gen. s. n. именъ, какъ *rokolenie, granie*, — въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górк'нь* Rozpr. IX 116 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX 160 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 88 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 232 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14 с.

Въ окончаніи n. s. f. прилагательныхъ полныхъ, какъ *dobrá*, — въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górк'нь* Rozpr. IX 116 с., въ говорѣ *писаржовицкомъ*. Spraw. IV 6 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 161 с., *опочинскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 88 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 172 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 194, *закопанскомъ* Rozpr. X 232 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 15 с.

Въ суффиксахъ — *ák, — ář, — ář, — ál* — въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górк'нь* Rozpr. IX 117—118 сс., *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII 190—191 сс., *закопанскомъ* Rozpr. X 230 с.,

зебржидовскомъ Rozpr. IX 156—157 сс., крженцинскомъ Rozpr. II ser. XI 340—341 сс., лясовскомъ Rozpr. VIII 83 с., опочиньскомъ Rozpr. XI 154 с., луковецкомъ Spraw. V 151 с., оппельскомъ Ueber die oppeln. M. 7—8 сс., писаржовицкомъ Spraw. IV 5 с., пышницкомъ Rozpr. II ser. V, 395.

Въ числительныхъ jedenáśće, dvanáśće и т. д. — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX 117 с., *закопянскомъ* говорѣ Rozpr. X 231 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 375 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 159 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *оппельскомъ* Ueber die oppeln. M. 11, у *горалей* Rozpr. III 352 с.

Въ признакѣ превосходной степени — ná —: nálepšy, nágoršy и т. п. — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX 116 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX 159 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 365 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *оппельскомъ* Ueber die oppeln. M. 11 с.

Въ предлогахъ ná —, zá — въ сложении: nácyńe, nápsūt (= naprzód) zábawa и т. п. — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX 118 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI 341 с., *писаржовицкомъ* Spraw. V 5 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 158—9 сс., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 84—85 сс., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 375 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *оппельскомъ* Ueber die oppeln. M. 10 с.

Въ формахъ partic. praet. activi на —ł: máł, védzáł и т. п. — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX 118 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 341 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 159 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 6 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 с., *закопянскомъ* Rozpr. X 231 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *оппельскомъ* Ueber die oppeln. M. 12 с.

é — въ gen. — dat. — loc. s. m. прилагательныхъ полныхъ: dodrégo, —éму, —ém и т. п. — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX 122 с., въ говорѣ *луковецкомъ* Spraw. V 153., *праш-*

ницкомъ Spraw. V 80 с., *оппельскомъ* Ueber die oppeln. M. 18 с.; по отношенію къ окончанію—*éj* въ dat.—*los. s. f.: dobréj* и т. п. къ этимъ говорамъ присоединяются *бржезинскій* Rozpr. VIII 187 с. и *зебржидовскій* Rozpr. IX, 163 с.

á, ó въ закрытомъ слогѣ въ формахъ gen. pl., какъ *jáj, kóz, kós* и т. п.—въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górk'н* Rozpr. IX, 121 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 342 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160, 163 сс., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 с., *бржезинскомъ* Rozpr. VIII, 193 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 с.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ nom. s. m. предъ звучными согласными:—въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górk'н* Rozpr. IX, 120 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 341 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155, 163 сс., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 85 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 152, 154 сс., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 с., *бржезинскомъ* Rozpr. VIII, 187, 192 сс., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 231 с.

Внутри слова въ закрытомъ слогѣ—въ *Сважендзъ*, въ говорѣ *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 342 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 с., *опочиньскомъ* Rozpr. IX, 157 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 86 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 152 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 с., *бржезинскомъ* Rozpr. VIII, 193 с.

Въ мѣстоименныхъ формахъ: *já* (ego) въ *Сважендзъ, крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 342 с., *оппельскомъ* Ueber die oppeln. M. 13 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 171 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 152 с.

sám (ipse)—въ *Сважендзъ, Miejsk'ой Górk'н* Rozpr. IX, 114 с., *прашницкомъ* Spraw. V, 79 с., *оппельскомъ* Ueber die oppeln. M. 12 с.

vám, nám, vás, nás (vobis, nobis, vos, nos)—въ *Сважендзъ, лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 81 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX,

160 с., *прашницкомъ* Spraw. V, 79, *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 193 с.

Указанныя категоріи «наклоненныхъ» гласныхъ находимъ и въ древнепольскомъ: ср. у Семеновича сс. 13, 14, 15, 16, 21.

Но еще важнѣе указанныхъ совпаденій — согласіе различныхъ говоромъ въ отдѣльныхъ случаяхъ «наклоненныхъ» гласныхъ, изъ области первичныхъ яменныхъ образований: ср.—

chwała — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'oi Górk'ń* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 81 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с. khwaale = laudem Семен. 17 с.,

tráva — въ *Сважэндзъ*, *кржецинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI. 340 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с., *оппелнскомъ* Ueber die oppeln. M. 7 с.

plášč — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'oi Górk'ń* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 82 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 158 с.

gvázda — въ *Сважэндзъ*, въ говорѣ *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 191 с., *кржецинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 155 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с.,

béda — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'oi Górk'ń* Rozpr. IX, 124 с., въ *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 156 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 172 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., у *горалей* Rozpr. III, 353 с.

céna — въ *Сважэндзъ*, въ *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 153 с.

rzéka — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'oi Górk'ń* Rozpr. IX, 123 с., *закопанскомъ* говорѣ Rozpr. X, 232 с., *кржецинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 342 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *оппелнскомъ* Ueber die oppeln. M. 19 с., rzeeky g. s. у Семеповича 24 с.

grzech — grzécha въ *Сважэндзъ*, *кржецинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 342 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с.

śvéca въ *Сважэндзъ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII,

187 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с.

śniéch — śniécha въ *Сважендзъ*, *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 156 с.

król — króla въ *Сважендзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 120 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 157 с.; krool у Семеновича 18 с.

dłóto въ *Сважендзъ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII 189 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 157 с.

chróst—chrósta въ *Сважендзъ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 189 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 157 с.

brózda въ *Сважендзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 121 с., *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 157 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с.

mléko въ *Сважендзъ*, *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 153 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 90 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 172 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., *пылицыцкомъ* Rozpr. II ser. V, 377 с.

gársć—gársći въ *Сважендзъ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с.

bárszcz — bárszczu въ *Сважендзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 119 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с.

źárno въ *Сважендзъ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 340 с.

śrębro въ *Сважендзъ*, въ *луковецкомъ* говорѣ (srybło) Spraw. V, 153 с., въ *крженцинскомъ* (śrybцо) Rozpr. II ser. XI, 342 с., въ *оппельнскомъ* (střibro) Ueber die oppeln. M. 34 с., у *горалей* Rozpr. III, 353 с.

źrębe — въ *Сважендзъ* (źrybe), *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с.

Такое же совпаденіе замѣчается между отдѣльными говорами во вторичныхъ именныхъ образованіяхъ, въ формахъ прилагательныхъ, числительныхъ порядковыхъ, глагольныхъ, хотя въ этой области естественнѣе — встрѣтятся съ разногласіями, такъ какъ здѣсь вліянія аналогіи легче могли нарушать первоначальныя отношенія. Я ограничусь приведеніемъ изъ этой области фактовъ сравнительно немногихъ примѣровъ:

váneк — въ *Сважэндзъ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 172 с.

gárnek — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 119 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., въ *Sławkow'нъ Zbiór* X, 187 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с.

bały — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 119 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 154 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 191 с.

čárny — въ *Сважэндзъ*, *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с., *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 119 с., *пылиницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 230 с.

mártvy — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с.

čvarty — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 119 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с.

vléc infin. — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 124 с.

skákać infin. — въ *Сважэндзъ*, *Miejsk'ой Górk'нъ* Rozpr. IX, 116 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с.

pásac — въ *Сважэндзъ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII,

189 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с., *кржецинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с.

pálic — въ *Сважендзъ*, *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 230 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с.

chválic — въ *Сважендзъ*, *Miejsk'ой Górк'н* Rozpr. IX, 119 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 155 с.

gádać — въ *Сважендзъ*, *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 82 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с.

kázać — въ *Сважендзъ*, *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с., *закопанскомъ* (*pokázać*) Rozpr. X, 230 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с.

stáwać — въ *Сважендзъ*, *Miejsk'ой Górк'н* Rozpr. IX, 116 с.

Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ наталкиваемся и на разногласія въ показаніяхъ различныхъ говоровъ; но діалектическія колебанія естественны и не говорятъ противъ выставленнаго въ началѣ настоящей главы положенія. Такія діалектическія отступленія будутъ отмѣчены въ дальнѣйшемъ изложеніи.

3. Об.-слов. долгіе гласные предъ старымъ удареніемъ.

Изслѣдуя судьбу об.-слов. долгихъ е и о въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ на первичныхъ именныхъ образованіяхъ, Logentz нашелъ, что въ данномъ положеніи гласные эти сохранялись долгими, почему въ современномъ языкѣ находимъ въ такихъ случаяхъ о (а):

maða: м.-р. мудо́; с. му́до.

maða: р. мука́, с. му́ка, чак. mū̀kà.

chomaṭ — *chomaṭu*: р. хомуть — хомута́.

kaṭ — *kaṭu*: р. куть — кута́, с. кѹт — кѹта, чак. kūt — kūtà.

kabłaḱ — *kabłaḱu*: р. каблѹкъ — каблукá.

praḱ — *praḱu*: р. прудъ — пруда́, с. прѹд — прѹда.

sąd — sądu: р. судъ — судá, с. сѹд — сѹда, чак. sūd — sūdà.
 rajak — rajaka: р. паўкъ — паукá; сербскій указываетъ, на-
 оборотъ, на удареніе коренного слога: пãѹк — пãѹка.

trąba: р. трубá, с. трѹба.

łaka: р. лукá, с. лѹка, чак. lūkà.

jądro: р. ядрó.

pać — paćia: р. путь — путі, с. пѹт — пѹта, чак. pūt — pūtà
 и рядомъ pūta; послѣдняя форма, очевидно, — вторична, возникла
 подъ влияніемъ имен. п. см. Arch. XIX, 151—152 сс.

sąsiad: р. сосѣдъ, с. сѹсјед — сѹсједа, чак. sūsēd — sūsēda.
 ibid. 360 с.

Противорѣчить правилу лишь: wąż — węża: р. ужъ — ужá,
 чак. vūž — vūžà.

Анализируя первичныя именные образования съ иными пер-
 воначально долгими гласными: *ā, *ě, сочетаніями *og, *ol, *eg,
 *el, *ьг, *ьг, *ьл, *ьл, находимъ, что положеніе Лоренца вѣрно
 и для нихъ:

А. Долгое а:

а) женскаго рода: swaj. chwała: р. хвалá, с. хвála, чак. fālà.
 swaj. trawa: р. травá, с. трáва, чак. trāvà.

Въ противоположность согласному указанію на долготу гласнаго а въ
 данномъ словѣ иныхъ діалектовъ (ср. выше 2 гл.) въ Pruszyń'sкой гминѣ trawa
 при trawisko. Wisła IV, 447 с.

б) ср. р.: несомнѣнные примѣры отсутствуютъ.

с) м. р.: swaj. g. s. płošca — п. s. płośc: р. плащъ — плащá,
 с. плашт — плашта, чак. plášć — plášćá и plášća.

*žak — *žaka: у Семеновича 16 с.: zaaczi = clericci, zaakow
 ср. с. ħak — ħaka. [Сюда же, быть можетъ, относится kiełbasa
 въ Łukowc'Ń Spraw. V, с. 152: ср. р. колбасá].

В. Долгое ě:

а) ж. р.: swaj. bida, др.-п. biada Semenowicz 28 с.: р. бѣдá,
 с. бијѣда.

swaj. žuka: р. рѣкá, с. рпјѣка, чак. gēkà.

сваж. *śvíca*: р. свѣча, с. свпјѣћа, чак. *svěcá*.

сваж. *супа*: р. цѣна, с. цпјена, чак. *sěpà*.

сваж. *ǵvózda*: р. звѣзда, с. звпјезда, чак. *zvēzdà*.

сваж. *lícha*: р. лѣха, с. лпјеха.

mázga зебржид. *Rozpr. IX, 156 с.*, писаржов. *Spraw. IV, с. 4*; др.-п. *maasga* Semenowicz 17 с.: с. мѣзга (черногорское).

б) ср. р.: сваж. *ǵhózdo*: р. гнѣздó, с. гнијѣздо, чак. *gnēzddò*; въ *Krzęcinie zvéře*: р. звѣрjá, с. звпјѣре.

с) муж. р. сваж. *gžychu* — н. s. *gžych*: р. грѣхъ — грѣха, с. грпјех — грпјеха, чак. *grēh* — *grēhà*.

С) Сочетанія *ог, *ол, *ег, *ел.

а) ж. р.: сваж. *bruna*: р. боронá, с. брána.

сваж. *struna*: р. сторонá, с. стрána, чак. *strānà*.

сваж. *bruzda*: р. бороздá, с. брáзда.

б) ср. р. сваж. *mliko*: р. молóкó, с. млијѣкó.

сваж. *dłuto*: р. долотó, с. длпјѣтó.

оппельнское *zdródцо* (über. орр. М. 34 с.): малор. жерелó, с. ждријѣло.

с) м. р. сваж. *g. s. chrusta* — н. s. *chrust*: с. хрáст — хрáста, но р. хвóростъ, малор. хворóстъ — хворостý.

сваж. *g. s. krula* — н. s. *krul*: с. крáль — крáља, р. корóль — короля.

Д) Сочетанія *ъг, *ъг, *ъл, *ъл:

а) ж. р. луковецкое и гарволинское *kárgma* (ср. *Spraw. V 151 с. Wisła IV, 447 с.*): р. корчмá, с. крчма (напр. рагузанское; въ диалектѣ *Ózřinici* въ Черногоріи и *Rěčan* проф. Решетаръ отмѣчаетъ *křčma*, но считаетъ удареніе этихъ диалектовъ въ данномъ случаѣ вторичнымъ: «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» *Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung. I Wien 1900, 92 с.*).

сваж. *žična*: р. желнá, с. жу́ча, чак. *žīnà*.

въ Стонавкѣ *mólva* (*Rozpr. XII, 21*): р. молвá.

b) ср. р.: несомнѣнные примѣры отсутствуютъ.

c) м. р.: сваж. g. s. boušča = barszcza — н. s. boušč: р. борщъ—борщá.

сваж. g. s. gorbu — н. s. gorb: р. горбъ — горбá.

[Въ условіяхъ сохраненія долготы находится об.-п. slup: р. столбъ — столбá, с. стѹп — стѹпа].

Такимъ образомъ, установленное правило подтверждается 40 примѣрами слишкомъ первичныхъ номинальныхъ образованій. Кажущимся отступленіемъ отъ него являются: п., напр. сваж. śćana, stšala, broda, głova, środa и об.-п. ręka, grzęda: сербскій и русскій въ формѣ имен. п. ед. ч. одинаково свидѣтельствуютъ объ удареніи окончанія:—р. стѣнá, с. стијена; р. стрѣлá, с. стријела; р. бородá — с. брáда; р. головá, с. глáва; р. середá, с. срѣјета; р. рукá, с. рѹка; р. грядá, с. грѣда; вмѣсто ожидаемой долготы находимъ краткость не только въ польскомъ, но и въ чешскомъ: stěna, střela, hlava, brada, středa, ruka, gřada. Какъ польское, такъ и чешское сокращеніе обязано своимъ возникновеніемъ вліянію формы винит. падежа, гдѣ удареніе было на корнѣ и при томъ нисходящее (fallend): ср. сербскія — стијену, глáву (и дат. п. глáви), брáду (при брáду), срѣједу, стрáну, грѣду, рѹку и русскія—стѣну, гóлову, бóроду, сѣреду, стóрону; но с. стријелу, р. стрѣлѹ, с. рѹку.

Въ польскомъ сокращеніе произошло въ силу того правила, что всякій долгій гласный подъ удареніемъ сократился, въ чешскомъ же въ виду нисходящаго качества долготы.

Остальныя слова женскаго рода съ удареніемъ на второмъ слогѣ, сохранившія долготу въ имен. п., имѣли удареніе на второмъ слогѣ и въ вин. падежѣ: ср. русскія — травѹ, хвалѹ, бѣдѹ, свѣчѹ, рѣкѹ, цѣнѹ, звѣздѹ, бороздѹ и сербскія — трáву, хвáлу, бијѣду, свијѣћу, ријѣку, цијѣну, звијѣзду, брáну, брáзду, р. цѣну, рѣку не гармонируютъ сербскимъ ф.ф.

Такимъ образомъ, при униформированіи склоненія въ отношеніи ударенія, при проведеніи одного типа по всеѣмъ падежамъ въ словахъ первой категоріи: стѣнá — стѣну — одержаль побѣду

типъ винительнаго падежа съ удареніемъ на корнѣ. Хорошую параллель такому униформированію представляютъ нѣкоторые юго-западные говоры Сербіи: ср. въ говорахъ Őzginici и Rĕčan— брѣда, гла́ва, сри́једа, сти́јена, стри́јела, стра́на, рѹ́ка, грѣда проф. Rešetar «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» 1900, 94 с.

Аналогичное явленіе: вліяніе винительнаго падежа на именительный въ отношеніи акцентуативномъ предполагаетъ для резьянскихъ гѡка, рѣта и т. п. проф. Бодуэнъ де К. «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ» 1875, 73 с. Но для резьянскихъ говоровъ, какъ признаеть и самъ проф. Бодуэнъ де К., такое объясненіе — недостаточно: въ нихъ находимъ и trāva, zvŭzda, ср. р. траву́, звѣзду́ и с. трѣву, зви́зду.

Прибавлю, что и въ им. мн. сербскій проводитъ то же различіе между двумя группами именъ ж. р.: хва́ле, би́јѣде, сви́јѣхе, ри́јѣке, ци́јѣне, зви́јѣзде, ли́јѣхе, бра́не, бра́зде, но: стри́јеле, сти́јене, стра́не, гла́ве, бра́де, сри́јѣде (также тра́ве). Русскій этого различія не знаетъ: бѣды, свѣчи, рѣки и т. д. (но хвалы́) и: го́ловы, бо́роды, стѣ́ны.

Въ частности, по поводу śana съ сокращеніемъ замѣчу, что долгота въ этомъ словѣ діалектически сохранилась: въ сѣверно-опавскомъ (переходный чешско-польскій говоръ) śóna (Rozpravu filologické věnované Janu Gebauerovi 1898 г., 56 с.).

Сважендзское struna въ виду сербскаго стра́ну и русскаго стѡрону могло бы быть объясняемо также тѣмъ, что о находилось въ немъ предъ и и слѣд. измѣнилось въ и независимо отъ количественныхъ отношеній; такое пониманіе поддерживается чешскимъ strana, хотя и въ чешскомъ языкѣ могла существовать, по крайней мѣрѣ діалектически, форма съ долгимъ гласнымъ корня: ср. въ Библии 1462 г. чешскаго музея (IV B 12) na roledni stránu 6 a.

Существующія у насъ свѣдѣнія о кашубскомъ языкѣ позволяютъ думать, что правило о сохраненіи долготы въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ вѣрно и для кашубскаго: такъ польскому o въ maąka, kaąu, saąu, łąka, jaąro, соотвѣтствуетъ кашубское o: moąka, koąa, soąe, łoąka, joąro (Ramułt).

Польскимъ *chváła, tráva, plášča, béda, g'vázda, g'názdo, brózda, dlóto, grzécha, chrósta, króla, zróđło* въ кашубскомъ соотвѣтствуютъ: *chwóła, trôwa, plôšče, bjèda, gwiôzda, g'nôzdo, g'èch, brôzda, dlòto, chròsta, kròla gen. s. (Ramùłt), z'ródło* съ рефлексами долгихъ а, ё, о, е. Въ нѣкоторыхъ изъ соотвѣтствующихъ словъ у Рамулта находимъ краткость, но эти неблагоприятные выводы факты, повидному, основаны на неточности Рамулта; самъ авторъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлялъ долготу неотмѣченной, гдѣ не былъ въ ней вполне увѣренъ; съ другой стороны, въ болѣе точныхъ записяхъ Брониша находимъ во многихъ изъ такихъ случаевъ долготу: такъ у Рамулта: *mlecoe, brona* и *bagna, vlac, mjech, sena, svjesa, řeka*, у Брониша: *brôna, vlêc, śmêch*.

Въ соотвѣтствіи польскимъ *ścana, stręła, głowa, broda, środa* краткость находимъ и въ кашубскомъ: *scana* (у Рамулта и Бронисча), *stręła, broda, głowa, strôda*, также *strona*.

Вѣрность установленнаго правила для кашубскаго могла бы быть проверена и на гласныхъ і, у, и, такъ какъ кашубскій языкъ сохранилъ по отношенію къ этимъ гласнымъ количественныя различія, безслѣдно потерянные польскимъ языкомъ. Но къ сожалѣнію проверка эта является почти невозможной при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о кашубскомъ языкѣ: словарь Рамулта не различаетъ *ī, ū, ũ* и *i, u, u*; матеріалъ же, который находимъ въ работѣ Бронисча ограниченъ немногими примѣрами.

klüč — *klüča*: ср. р. ключъ — ключа, с. кľүч — кľүча.

křiš — *křīža*: с. криж — крижа.

trüt (g. s. *trüda*): р. трудъ — труда, с. трүд — трүда; чак. *trúd* — *trüdà*.

Указанное совпаденіе между польскимъ и кашубскимъ относительно судьбы долгихъ въ положеніи предъ старымъ удареніемъ въ виду общей ихъ близости позволяетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться кашубскими данными, какъ коррективомъ.

Остановлюсь теперь на такихъ примѣрахъ «наклоненныхъ»

гласныхъ въ первичныхъ именныхъ образованіяхъ, въ которыхъ квантитативныя отношенія не могутъ быть съ увѣренностью установлены въ виду показаній родственныхъ языковъ.

Сважендзскому *gaju* gen. s. въ опельнскомъ соотвѣтствуетъ *gáju* съ рефлексомъ долгаго *a* *Orpeln. M. 7 с.*, то же въ говорѣ бескидскихъ горалей *Zbiór XII, с. 124*; кашубскій (*Ramułt*) въ данномъ случаѣ примыкаетъ къ сважендзскимъ показаніямъ: *gaju*. И въ родственныхъ языкахъ — отношенія колеблющіяся: малор. *гáю*, с. *гáя* (изъ **gājà*), въ чак. *gàja* и *gājà* рядомъ; чешская долгота — *háj* можетъ одинаково возводиться, какъ къ ударенію окончанія, такъ и къ восходящему ударенію коренного гласнаго.

Сважендзскому *zájno*, съ рефлексомъ краткости сочетанія **ъг*, въ нѣкоторыхъ иныхъ говорахъ соотвѣтствуетъ *zárno*, съ а «наклоненнымъ» (*Krzęcin Rozpr. XI, с. 340*); въ кашубскомъ также сохранена долгота: у *Bronisch'a zórno Kasch. Dialectst. 50 с.*, въ словинцскомъ *zárno (Lorentz Arch. XXIV, 34 с.)*. Показанія кашубскаго, словинцскаго и говора *Krzęcina* отвѣчаютъ русскому мѣсту ударенія: зерно (при множ. ч. зѣрна), тогда какъ сважендзское *zájno* совпадаетъ со свидѣтельствомъ сербскаго и чакавскаго: с. *zǎno*, чак. *zǎno* указываютъ на восходящее (*steigend*) удареніе коренного слога, также болгарское *zǎrno*.

Сважендзское *zrybe* (ср. въ опочиньскомъ *zrybe Rozpr. XI, с. 156*) соотвѣтствуетъ русскому жеребѣ; сербскій указываетъ на удареніе коренного слога: *ждријебе* — *ждрѣбета* и съ нимъ согласуется словинцское — *zdřiebjicä g. s. (Arch. XXIV, 24 с.)* по *nom. s. zdřěbja*.

Сваж. *jaje*: въ сербскомъ — у Будмани *jàje*, у Вука *jáje* можетъ быть подъ влияніемъ *nom. pl. — jája*.

Сваж. *tšuvo* своимъ рефлексомъ долготы гармонируетъ съ сербскимъ *пријèво*, въ то время какъ чешскій своею краткостью указываетъ на нисходящее удареніе корня: *střevo*, а русскій на восходящее: черево (Словарь Даля, т. 4, 608 с.) впрочемъ при *черево*. Если р. *черево* — подъ влияніемъ ц.-сл. *чрево* (т. е. *чр'кво*),

то первоначальная схема была, вѣроятно, чѣрево — черева́; с. пријѣво и п. tšuvo — подь влияніемъ ф. мн. ч.

Сваж. *šmícha* соответствует чакавскому *smēhá*, наоборотъ русской: смѣха и сербскій: смѣжа указываютъ на удареніе корня; съ чак. сходится рагузанское — *smijèha Rešetar* «Die serbo-kroat. Beton.» 54 с.

Сваж. *slod* — *slodu*: ср. р. слѣдь — слѣда́, но въ с. слѣжда, чак. *sléda*, чеш. *sleda*.

Сваж. *vruk* — *vruqa*: въ чак. *vrag* — *vřāgà* при *vřāga*, ср. р. литературное *vragá*, но с. *vřāg* — *vřāga*, малор. *vórog* — *vóroga*; чеш. *vřaha*.

Писаржовицкое *táruń Spraw. IV*, с. 5: чак. *třn* — *třna* и *třnà*, но с. *třn* — *třna*, р. *тѣрнъ* — *тѣрна*.

древне-п. *maak* (Семенов. 16 с.): с. *māk* — *māka*, чеш. *māk* — *māka*, но р. *макъ* — *мака*.

Сюда же относится кашубское *břeg* — *břega* (въ польскомъ *břegu*) ср. чакавское *brég* — *brēgà* при *brēga*, с. *брѣжа* g. s., р. *бѣрега*.

п. *wator* — *watoru*: р. *уторъ* — *утора*, чак. *utór* — *utóra*, но серб. *ўтор* — *ўтора*.

Наконецъ, въ извѣстномъ числѣ случаевъ для опредѣленія акцентуативныхъ отношеній вовсе нѣтъ данныхъ: *kobita* (опочиньское *Rozpr. XI*, с. 156).

др.-п. *staadla* = *status* Семен. 16 с.

др.-п. *slyaachthā* Семен. 16.

др.-п. *lawycza* Семен. 28 с.

Заключу настоящую главу однимъ, не лишнимъ замѣчаніемъ: какъ мы могли видѣть изъ примѣровъ, всѣ сопоставляемые словянскіе языки — сербскій, чешскій и польскій, сходятся относительно судьбы долготы въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію: долгота въ этомъ положеніи сохраняется; невольно напрашивается на сопоставленіе наблюденіе, къ которому

независимо пришли проф. Потебня и проф. Богородицкій, первый относительно южно-великорусскаго говора, второй относительно литературной рѣчи: предударный слогъ въ русскомъ языкѣ отличается бѣльшей силой и ясностью сравнительно съ другими безударными.

проф. Брандтъ «Лекція по исторической грамматикѣ русскаго языка» 1892 г. 34—36 сс.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе во внутренней связи указанныхъ двухъ явленій.

4. Об.-славянскіе долгіе подъ старымъ удареніемъ.

Об.-славянскіе носовые въ слогѣ, на которомъ было первоначально удареніе, какъ установилъ д-ръ Лоренцъ, являются въ польскомъ въ видѣ *ę* т. е. первоначальная долгота носовыхъ въ данномъ положеніи сократилась, — независимо отъ качества долготы, нисходящей или восходящей:

А. Долгота была восходящая (*steigend*); въ чешскомъ въ такихъ случаяхъ обычно находимъ долготу, въ сербскомъ сокращеніе:

męka: р. мѹка, с. мѹка, чак. *mùka* (въ чешскомъ противъ ожиданія также краткость: *muka*).

przędza: р. прѣжа, с. прѣжа, чак. *prèja*, чеш. *příze*.

mięta: р. мѣта, чак. *mèta*, чеш. *máta*.

stępa, р. стѹпа, с. стѹпа, чеш. *stoupa*.

zięba: с. зѣба.

kolęda: с. кѣледа, р. колѣда.

ostręga: с. ѡструга.

nędza: р. нѹжа, нѹжда при нуждѣ, с. нѹжда, чеш. *nouze*.

Долженъ замѣтить, что въ соотвѣтствіи русскому нуждѣ я слышалъ въ Сважендѣ не *nędza*, но *ńdza*, — по правилу, установленному въ предыдущей главѣ.

peŭto: малор. пѹто, с. пѹто, ч. *pouito*.

węgra g. s.: с. угар — ѹгра.

węgla g. s.: с. ўгаъ — ўгъа, р. уголь — угля, чак. ùgalj — ùglja (но чеш. uhel).

geśli: р. гўсли, с. гўсли, чеш. housle.

zięc — zięcía: р. зѣть — зѣтя, с. зѣт — зѣта.

В. Долгота была нисходящая (fallend); въ чешскомъ въ такихъ случаяхъ обычно находимъ краткость, въ сербскомъ сохраненіе долготы:

mięso: р. мясо, с. мѣсо, чак. méso, ч. maso.

blędu g. s.: р. блўда, чак. blúd — blúda, ч. bludu.

więzu g. s.: р. вѣза, с. вѣза, чак. véza, ч. vazu.

jęku g. s.: с. jѣка.

kęsu g. s.: р. кўса, с. кўса, чак. kúsa, ч. kusu.

rębu g. s.: р. рўба, с. рўба, чак. rúba, ч. rubu.

męža g. s.: р. мўжа, с. мўжа, чак. múža, ч. muže.

trędu g. s. (проказа): с. трўта.

sędu g. s. (сосудь): с. сўда, чак. súda, ч. sudu см. Arch. XIX, 146 и сл.

Правило о сокращеніи долготы подъ удареніемъ, независимо отъ качества его, подтверждается и такими примѣрами, въ которыхъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить этого качества, но мѣсто ударенія устанавливается показаніемъ русскаго языка:

sięga: р. тѣга; przysięga: р. прісѣга; siermięga: р. сермѣга; komięga: р. комѣга; przęsło: р. прѣсло; omięga g. s.: р. омѣга; węchu g. s.: р. нюха; rępi g. s.: р. пўпа; ręka g. s.: р. пўка; sięgu g. s.: р. сѣга; stęku g. s.: р. стўка; ustępi g. s.: р. устўпа; względę g. s.: р. взгляду; węża g. s.: р. ўза; głębi g. s.: р. глўби; pięcęci g. s.: р. печѣти; rтęci g. s.: р. ртўти; pięcści g. s.: р. пѣсти; въ послѣднемъ примѣрѣ сербскій указываетъ на долготу восходящую: пѣсти; въ чакавскомъ — pésti. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ указаніе на качество долготы даетъ чешскій: ч. při-saha своей краткостью свидѣтельствуеетъ о нисходящей долготѣ, тоже въ словахъ ruk, ústup, vzhled, pečet, rtuť, pěst; наоборотъ, можно предполагать восходящее качество долготы въ словахъ

prześló, głębi g. s., sięgu g. s. въ виду сохраненія долготы въ чешскомъ: přáslo, sáh — sáhu, hloub.

Такимъ образомъ, у д-ра Лоренца находимъ 40 примѣровъ слишкомъ, подтверждающихъ положеніе въ его общей формулировкѣ: долгота носового сокращается въ польскомъ подъ старымъ удареніемъ; изъ нихъ 17 относятся къ восходящей долготѣ и 15 къ нисходящей.

Противорѣчащими являются: kłatwa: р. клятва, с. клѣтва; żądza: р. жажда, с. жѣжа, чак. žéja; żądło: р. жало; wąsa g. s.: р. ўса; wielbłąd g. s.: р. верблюда; słaka: р. слўка, с. слўка; strąga: с. стрўга.

Изъ этихъ примѣровъ kłatwa, какъ думаетъ д-ръ Лоренць, стоитъ подъ вліяніемъ kłac Arch. XIX, 157 с., słaka и strąga — не чисто словянскія ibid. (słaka = лит. slankà; strąga изъ румынскаго); żądło (каш. żodło), вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ вліянію множ. ч.: р. жалá п. pl., также wąsa ср. plur. wąsy, каш. wose и р. усѣ. Въ такого вліянія стоятъ: kręgi g. s.: с. крўга, р. крўга, но п. pl. кругі; dębu g. s.: с. дўба, р. дўба, но дубі п. pl.; въ послѣднемъ случаѣ и чакавскій колеблется въ формахъ ед. ч.: dúba и dūbà; ср. также łęku g. s.: р. лўка, с. лўка, чак. lúka и lūkà; см. Arch. XIX, 153 с.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ самомъ польскомъ языкѣ находимъ колебаніе: sięza и ciąza (въ Сважендзѣ ciąza): р. тѣжа, с. тѣжа; plęsy и pląsy: р. пляса g. s., чак. plésa; obłaku и obłęku g. s.: с. облука; rzędu и rządu g. s.: р. рѣда, с. рѣда; sięgu и ciągu g. s.: чак. téga, с. тѣга, но loc. s. téгу, малор. тягóm и бѣлор. тягі.

Первое изъ этихъ словъ — въ кашубскомъ является съ краткостью: sąza; форма gen. s. отъ řod — въ кашубскомъ řade. Колебаніе rządu — rzędu, sięgu — ciągu и т. п. объясняется очень раннимъ смѣшеніемъ склоненія темы—о и темы—u; при первоначальныхъ Ф.Ф. съ удареніемъ корня въ о — темахъ являлись формы съ удареніемъ окончанія u — темъ; отсюда rządu при rzędu; то же въ р. слѣдá, чак. dūbà, vřāgà и т. п.

Обращаясь къ пнымъ первоначально долгимъ гласнымъ: *ā, *ē, сочетаніямъ *og, *ol, *eg, *el и *ъг, *ьг, *ъл, *ьл, убѣждаемся, что выводъ д-ра Лоренца имѣеть общее значеніе: *долгота гласнаго подѣ удареніемъ сокращается, независимо отъ качества его, — нисходящаго или восходящаго.*

I. *Восходящая долгота* (steigend):

A. гласный ā.

а) ж. р. сваж. baba; р. ба́ба, с. ба̀ба, чеш. bába.

сваж. čarla: р. ча́пля, с. ча̀пля.

сваж. čaša: р. ча́ша, с. ча̀ша, чак. čaša, ч. číše.

сваж. jama: р. я́ма, с. ја̀ма, чеш. jáma.

сваж. kaša: р. ка́ша, с. ка̀ша.

сваж. gana: р. га́на, с. га̀на, чеш. gána.

сваж. žaba: р. жа́ба, с. жа̀ба, чеш. žába.

б) ср. р. сваж. maslo: р. ма́сло, с. ма̀сло, чеш. máslo.

сваж. pasmo: р. па́смо, с. па̀смо, чеш. pásmo.

сваж. sadlo: р. са́ло, с. са̀ло, чеш. sádlo.

сваж. stado: р. ста́до, с. ста̀до, чеш. stádo.

с) м. р. сваж. g. s. gradu: р. гра́да, с. гра̀да, чеш. hrádu.

сваж. g. s. pláči: р. пла́ча, с. пла̀ча, чеш. pláče.

сваж. g. s. raju: р. ра́ја, с. ра̀я, чеш. ráje.

B. Гласный ē:

а) ж. р. сваж. mága: р. ма́га, с. ма̀га, чеш. míga.

сваж. rána: р. ра́на, с. ра̀на, чеш. řena, но при этой отсутствующей формѣ есть діалектическое rína.

сваж. žera (= gžera): р. ра́на, с. ра̀на, чеш. říra.

сваж. šaga (молоко): р. са́ра, с. са̀ра, чеш. síra.

сваж. vára: р. ва́ра, с. ва̀ра, чеш. víra.

б) ср. р. сваж. lato: р. ла́то, с. ла̀то, чеш. léto.

сваж. másto: р. ма́сто, с. ма̀сто, чеш. místo.

сваж. séme: р. се́мя, с. сѐмя.

с) муж. р. г. s. сваж. *vátru*: р. вѣтра, с. вѣтра, чеш. *vítr*—*větru*.

г. s. сваж. *chleba*: р. хлѣба, с. хлѣба, чеш. *chléb*—*chleba*, древне-чешское *chléba* (примѣръ этотъ встрѣтился мнѣ въ по-стиллѣ Гусса XV в. чешск. Музея № 11, л. 131а).

С. Сочетанія *ог, *ол, *ег, *ел:

а) ж. р. сваж. *chrosta*: р. корѡста, с. краѡста, чеш. *chrásta*.

сваж. *krova*: р. корѡва, с. краѡва, чеш. *kráva*.

сваж. *bžozá*: р. берѣза, с. брѣза, чеш. *bříza*.

сваж. *kłoda*: р. колѡда, с. клѡда, чеш. *kláda*.

сваж. *pleva*: р. полѡва, с. плѡва, чеш. *pléva*.

б) ср. р. сваж. *błoto*: р. болѡто, с. блѡто, чеш. *bláto*.

с) м. р. сваж. *gřochu* г. s.: р. горѡха. с. грѡха, чеш. *hřách*—*g. s. hrachu*.

сваж. *proga* г. s.: р. порѡга, с. прага, чеш. *práh*—*praha*.

сваж. *mřozu* г. s.: р. морѡза, с. мрѡза, чеш. *mřáz*—*mraza*.

Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ для установленія восходящаго ударенія коренного слога достаточно согласія въ показаніяхъ русскаго и сербскаго языковъ. Что касается чешскаго, то замѣчу, что новѣйшій пзслѣдователь чешскаго количества, А. Černý (*Listy Filol.* XXIV, 343—354, 421—431 сс.) считаетъ долготу въ формѣ имен. п. данныхъ словъ такою же позднею, какъ въ *chléb*, *vítr*, *bůh*, не объясняя, подъ какими вліяніями эта вторичная долгота возникла.

Къ этому вопросу вернусь ниже.

Д. Сочетанія *ъг, *ъг *ъл, *ъл.

а) ж. р. сваж. *voľna*: р. вѡлна (шерсть), с. вѡна.

б) ср. р. сваж. *garľo*: р. гѡрло, с. грѡло.

с) м. р. сваж. *charta* г. s.: малор. хѡрта; с. хрѡта, чак. *hìta* и болгарское хъртътъ указываютъ на восходящую долготу.

II. Нисходящая долгота.

A. гласный ā:

- а) ж. р. примѣры отсутствуютъ.
 б) ср. р. примѣры отсутствуютъ.
 в) муж. р. сваж. *daḡu g. s.:* р. д́ара, с. dāra, чеш. *daḡa*.
 сваж. *kvasu g. s.:* р. кв́асу, с. квāса, чеш. *kvasa*.
 сваж. *sadu g. s.:* р. сáда, с. сáда, чеш. *sada*.
 сваж. *vaga g. s.:* с. вāра, чеш. *vaga*.
 сваж. *znaku g. s.:* р. знáка, с. знāка, чеш. *znaka*.
 сваж. *strachu g. s.:* р. стрáха, с. стрāха, чеш. *stracha*.

B. Гласный ě:

- а) ж. р. примѣры отсутствуютъ.
 б) ср. р. сваж. *šano:* р. сѣ́но, с. сĭjeno, чеш. *šeno*.
 сваж. *často:* р. тѣ́сто, с. тĭjesto, чеш. *těsto*.
 сваж. *čálo:* р. тѣ́ло, с. тĭjelo, чеш. *tělo*.
 в) муж. р. сваж. *begu g. s.;* р. бѣ́га, с. бĭjega, чеш. *běha*.
 сваж. *kvatu g. s.:* р. цвѣ́та, с. цвĭjeta, чеш. *květa*.
 сваж. *lasu g. s.:* р. лѣ́са, с. лĭjesa, чеш. *lesa*.
 сваж. *šnegu g. s.:* р. снѣ́га, с. снĭjega, чеш. *sněhi*.
 Чешская долгота въ пом. s. *snĭh*, повидимому, вторична.
 сваж. *švatu g. s.:* р. свѣ́та, с. свĭjeta, чеш. *světa*.
 сваж. *véku g. s.:* р. вѣ́ка, с. вĭjeka, чеш. *věka*.
 сваж. *měchu g. s.:* р. мѣ́ха, с. мĭjexa, чеш. *měcha*.
 сваж. *zvéžu g. s.:* р. звѣ́ря, с. звĭjera, чеш. *zvěje*.

C. Сочетанія *or, *ol, *er, *el:

а) ж. р. — примѣры отсутствуютъ, какъ и примѣры съ ā, ě въ корнѣ: первоначальныя формы им. п. ж. р. съ нисходящимъ удареніемъ на коренномъ гласномъ уже въ литовско-славянскую эпоху перенесли удареніе на флексію—ā,—ср. литовское *barzdà* п. s. — *baĩzda* асс. s. и об.-сл. **bordà* — *bórdo* (р. борода—бóроду, серб. б́рада—брáду). Сюда относятся, слѣдовательно, лишь

формы вин. п., сохранившія удареніе на корнѣ, въ польскомъ же и чешскомъ п формы им. п., принявшія типъ ударенія винит. падежа: *ściana, stšała, bróda, głova, środa, ręka, grzęda*.

Долгота флексивнаго *ā* въ пом. в. была иного типа, чѣмъ въ коренномъ гласномъ (условно—восходящая): ср. лит. *gerà—geróji*; наоборотъ, если долгота окончанія была того же типа, что и долгота коренного гласнаго, то удареніе оставалось на коренномъ гласномъ: такъ въ вин. п. см. Tore Tornbiörnson «Die gemeinslavische Liquidametathese» 1902 г., 56—57 с.

- b) ср. р. сваж. *złoto*: р. зóлото, с. злáто, чеш. *zlato*.
сваж. *dževo*: р. дéрево, с. дрѣ́јево, чеш. *dřevo*.
с) м. р. сваж. *głodu g. s.*: р. гóлода, с. глáда, чеш. *hlada*.
сваж. *głosu g. s.*: р. гóлоса, с. глáса, чеш. *hlasa*.
сваж. *bžegu g. s.*: р. бéрега, с. брѣ́јега, чеш. *břěha*.
сваж. *kłosa g. s.*: р. кóлоса, с. клáса, чеш. *klasa*.
сваж. *vłosa g. s.*: р. вóлоса, с. влáса, чеш. *vlasa*.
сваж. *bžosta g. s.*: малор. бéреста, чак. *brésta*, чеш. *břesta*.
сваж. *młotu g. s.*: р. мóлота, чеш. *mlata*.
сваж. *mroku g. s.*: р. мóрока, с. мрáка, ч. *mraка*.
сваж. *prochu g. s.*: р. пóроха, с. прáха, чеш. *pracha*.
сваж. *vžosa g. s.*: р. вéреса, с. врѣ́јеса, чеш. *věša*.
сваж. *smrodu g. s.*: с. смрáда, чеш. *smrada*.
сваж. *žlobu g. s.*: р. жóлоба, с. жлѣ́јеба, чеш. *žlaba*.

D. Сочетанія *ьг, *ьг, *ьл, *ьл:

- a) женскаго рода и b) ср. р. примѣры отсутствуютъ,
с) м. р. сваж. *targu g. s.*: р. тóрга, с. трѣ́га, чеш. *trha*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить качество долготы, но лишь ея мѣсто:—на коренномъ слогѣ. Сюда относятся:

сваж. *stroka*: р. сорóка, с. сврáка, чеш. *straka*; удареніе несомнѣнно было на корнѣ и, судя по показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ восходящее; наоборотъ, чешская краткость можетъ быть возведена лишь къ нисходящему типу долготы; показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ соотвѣтствуетъ и болгарское срáка.

сваж. *médzi* g. s.: р. мѣди, с. мјѣди т. е. изъ восходящаго типа долготы, чеш. *mědi* — изъ нисходящаго.

Тѣ же самыя отношенія въ словахъ:

džada (сваж.) g. s.: р. дѣда, с. дјѣда, чеш. *děda*.

gúeva (сваж.) g. s.: р. гнѣва, с. гнѣва, чеш. *hněva*.

brata (сваж.) g. s.: р. брата, с. бра́та, чеш. *brata*.

časa (сваж.) g. s.: р. часа, с. чѣса, чеш. *časa*.

gadu (сваж.) g. s.: р. гада, с. га́да, чеш. *hada*.

kraju (сваж.) g. s.: р. края, с. кра́я, чеш. *kraje*.

raka (сваж.) g. s.: р. рака, с. ра́ка, чеш. *raka*.

svata (сваж.) g. s.: р. свѣта, с. свѣта, чеш. *svata*.

Въ словѣ *chlora* g. s. русскій указываетъ на восходящее удареніе: холѡна, но въ чешскомъ: — *chlara*.

Всѣ эти примѣры являются все-таки подтвержденіемъ установленнаго въ настоящей главѣ правила въ его общей формулировкѣ: долгота сокращается въ польскомъ языкѣ подъ удареніемъ, независимо отъ ея качества. Такимъ образомъ, правило это подтверждается всего 120 примѣрами слишкомъ, включая сюда примѣры, относящіеся къ носовымъ.

Сличеніе этихъ примѣровъ съ соответствующими кашубскими словами, какія находимъ въ существующихъ пока работахъ, не оставляетъ сомнѣнія, что правило вѣрно и для каш.: п. *meka* = каш. *ma̋ka*; п. *te̋ca* = *ta̋ca*; п. *mie̋ta* = к. *mja̋ta*; п. *kolęda* = к. *kœlęda*; п. *pe̋dza* = к. *pa̋dza*; п. = *wegla* = к. *va̋gla*; п. *zięć* = к. *zec*; п. *mie̋so* = к. *mja̋so*; п. *ble̋du* g. s. = к. *bla̋de*; п. *ke̋su* = к. *ka̋sa*; п. *re̋bu* = к. *ra̋bu*; п. *me̋za* = к. *ma̋za*; п. *siemie̋ga* = к. *sermjaga*; п. *węchu* = к. *va̋chu*; п. *pe̋ku* = к. *pa̋ku*; п. *ste̋ku* = к. *sta̋ku*; п. *uste̋pu* = к. *wusta̋pu*; п. *baba* = к. *baba*; п. *jama* = к. *jama*; п. *rana* = к. *rena* изъ **rana*; п. *žaba* = к. *žaba*; п. *masło* = к. *masło*; п. *sadło* = к. *sadło*; п. *brata* g. s. = к. *brata*; п. *časa* g. s. = к. *časa*; п. *gadu* g. s. = к. *gade*; п. *grada* g. s. = к. *grade*; п. *kraju* g. s. = к. *kraju*; п. *plăcu* g. s. = к. *plăca*; п. *raka* g. s. = к. *reka* изъ **raka*; п. *raju* g. s. = к. *raju*; п. *ńara* = к. *mjara*; п. *řana* = к. *přana*; п. *řara* = к. *vjara*, п. *lato* = к. *lato*; п. *ńasto* =

к. *ínasto* у Брониша; п. *krova* = к. *krova* и *karva*; п. *bžozá* = к. *broza*; п. *bloto* = к. *bloto*; п. *grocha* = к. *grocha*; п. *proga* = к. *proga*; п. *mrozu* = к. *mroze*; п. *voľna* = к. *veľna*; п. *garľo* = к. *gardľo*; п. *daru g. s.* = к. *dare*; п. *kvasa g. s.* = к. *kvasa*; п. *sadu g. s.* = к. *sade*; п. *varu g. s.* = к. *vare*; п. *strachu g. s.* = к. *stracha*; п. *śano* = к. *sano*; п. *ćasto* = к. *casto*; п. *ćaľo* = к. *caľo*; п. *kvátu g. s.* = к. *kvjate*; п. *lasu g. s.* = к. *lasa*; п. *svát* = к. *svjata*; п. *věku g. s.* = к. *vjeku*; п. *měchu g. s.* = к. *mjexa*; п. *zľoto* = к. *zloto*; п. *dževo* = к. *dřewœ*; п. *gľodu g. s.* = к. *gľode*; п. *gľosu g. s.* = к. *gľose*; п. *kľosa g. s.* = к. *kľosa*; п. *vľosa g. s.* = к. *vľosa*; п. *mľotu g. s.* = к. *mľota*; п. *mroku g. s.* = к. *mroku*; п. *prochu g. s.* = к. *proxu*; п. *vžosa g. s.* = к. *vřose*; п. *smrodu g. s.* = к. *smrode*; п. *žľobu g. s.* = к. *žľobu*; п. *targu g. s.* = к. *targu*; п. *sroka* = к. *sroka* и *sarka*; п. *mědži g. s.* = к. *mjedzé*; п. *ďžada g. s.* = к. *ďžada*; п. *chľopa g. s.* = к. *xľopa*.

Всѣ примѣры, при которыхъ источникъ не отмѣченъ, взяты у Ramult'a причѣмъ сохранена орѳографія источника (только dz — вмѣсто особаго знака Ramult'a). Въ формахъ *g. s. grade, mroze, sade, glade, smrode* Bronisch счи-
таетъ болѣе правильнымъ писать *gradě, mrozě* и т. д.: ё в м. *и.

Только въ четырехъ примѣрахъ кашубскій языкъ расхо-
дится съ польскимъ: *g. s. gńėvu* (п. *gńėva*); *g. s. bjėgu* (п. *bega*);
xľėba (п. *chleba*) — у Ramult'a; *břėga* у Bronisch'a 50 с. По-
слѣдній примѣръ былъ уже оговоренъ въ III главѣ: ср. чак.
brėgá g. s.; аналогичное объясненіе гипотетически должно быть
примѣнено и къ первымъ тремъ.

Привлекая къ сравненію кашубскія данныя, разсмотрю те-
перь случаи, противорѣчащіе найденному фонетическому закону,
а также случаи съ неясными или неизвѣстными акцентуативными
отношеніями.

Только кажущееся противорѣчіе представляютъ примѣры —
vgná (сваж.): ч. *vǵána*, с. *vǵána*, р. *ворона*; и *sľuma* (*sľuma*
сваж.): ч. *sláma*, с. *sláma*, р. *солóма*: и в м. о возникло здѣсь подъ
вліяніемъ слѣдующихъ *m*, *n* (ср. гл. VII, I ч.), и кашубскій пред-
ставляетъ закономѣрныя формы: *vrona, sľoma* (Ramult).

Дѣйствительными отступленіями являются: сважендское роѣа Rozpr. VIII, 189 с.: ср. р. паша (пастбище), с. паша.

сваж. džozga, въ Krzęcinie džyzga Rozpr. XI, 342 с., опочиньское džázga Rozpr. XI, 155 с., кашубское dźozga Bronisch 50 с.: с. дрѣзга, чеш. dřezha — сербская форма можетъ быть возникла подѣ влияніемъ асс. s. pom. pl., какъ и чешская, а польскій и кашубскій сохранили рефлексъ первоначальной формы *drězga.

сваж. vžut — vžuda g. s., каш. vřod — vřode g. s. (Ramułt): малор. véред — véреда, с. врѣјед — врѣједа, чеш. vřed — vředa. Въ основѣ факта лежитъ, вѣроятно, діалектическая ф. съ удареніемъ флексіи ср. чак. brěgà, grādà, vrāgà, sněgà.

сваж. žuǎc — žuǎci g. s., каш. žêc — žêcé Ramułt: р. жѣльч — жѣльчи, с. жѣч — жѣчи, чеш. žluč; чешскій и сербскій расходятся въ указаніяхъ на качество долготы, но вмѣстѣ съ русскимъ предполагаютъ удареніе на корнѣ.

сваж. gošc (= лптер. garśc) — gošci g. s., каш. gòjc — gòjcé Ramułt (Bronisch. grōsc 25 с.): р. гóреть — гóрети, с. грѣт — грѣти (чеш. hrst).

Въ 1-ой части изслѣдованія, въ главѣ, посвященной полугласнымъ, было уже отмѣчено, что польскій языкъ въ рядѣ именъ темы — і провелъ удареніе окончанія, первоначально характеризовавшее большинство надежныхъ формъ, во всей схемѣ склоненія; то же явленіе, вѣроятно, объясняетъ и послѣдніе два примѣра, а также и сважендское dłuń, но въ послѣднемъ случаѣ показанія родственныхъ словянскихъ языковъ не вполне сходятся: р. долóнь (Словарь Даля I, 476) и сербское длàн — длàна указываютъ на восходящій типъ долготы, чешское же dlaň — dlaňe — на нисходящій; въ кашубскомъ — краткость: dłoń — dłońe.

сваж. stšycha: малор. стрѣха; ч. střecha, с. стрѣха; при разногласіи между сербскимъ и чешскимъ языками относительно качества долготы, мѣсто ударенія и тѣмъ, и другимъ предполагается на коренномъ слогѣ.

сваж. bis — bisa, зебржидовское bés — bésa Rozpr. IX, 161 с.,

каш. *bjès* — *bjèsa* у *Ramułt'a*, *bēs* — *bēsa* у *Bronisch'a* 50 с.: р. бѣсъ — бѣса, с. бѣјес — бѣјеса; ср. выше *vžuda*.

сваж. *jodło*, въ *Krzęcinie jádco Rozpr. II ser. XI, 340 с.* — ср. с. *jělo*, чеш. *jídlo*, — или стоятъ подъ вліяніемъ причастной формы *jodĭ* или же объясняется инымъ образомъ: сопоставленіе русскихъ и сербскихъ фактовъ показываетъ, что уже въ общесловянскомъ нѣкоторыя имена ср. р. съ удареніемъ на коренномъ слогѣ въ единственномъ числѣ переносили его на конечный слогъ во множ. ч.: ср. р. слово — словá, поле — поля, жито — жита и т. п. съ сербскимъ — дријево — дријева, мѣсо — мѣса, брѣдо — брѣда, поле — поља, жито — жита и т. п. Обратное явленіе представляютъ имена съ удареніемъ окончанія въ единственномъ числѣ: село — сѣла, гнѣздó — гнѣзда, лицо — лица и т. п. ср. чакковскія: *sedlò* — *sèdla*, *stegnò* — *stègna*, *staklò* — *stákla* и т. п.

Въ отдѣльныхъ сербскихъ діалектахъ явленіе это захватываетъ не всегда одни и тѣ же слова; такъ вуковскимъ *òka*, *slòva* п. рл. въ діалектѣ Рагузы соотвѣтствуютъ *òka*, *slòva* *Rešetar* «Die serbo-kroat. Beton.» 66 с., послѣднее въ согласіи съ русскимъ; между сербскимъ и русскимъ вообще въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчается разногласіе; вѣроятно, уже въ общесловянскомъ указанное колебаніе ударенія въ ед. и мн. ч. діалектически являлось въ различныхъ примѣрахъ.

Такимъ образомъ, возможно, что форма *jodło* возникла изъ **jèdłó*, которое явилось подъ вліяніемъ формы мн. ч. **jèdłá*, хотя сербскій (діалектъ Вука) въ этомъ случаѣ не поддерживаетъ такого предположенія; ср. однако сваж. *dźoło* и др. п. *dziąło* (а вм. *ā* Семеновичъ 28 с.) и русское — дѣлá пом. рл. при сербскомъ дѣла. Кашубское *dzało* (*Ramułt*) показываетъ, что послѣдній примѣръ въ общей картинѣ кашубско-польскихъ количественныхъ отношеній — фактъ частичнаго, діалектческаго значенія. Польскому *jodło* у *Ramułta* соотвѣтствія нѣтъ. Можно отмѣтить и еще нѣсколько аналогичныхъ отступленій отъ общаго правила, — къ которымъ было бы примѣнимо то-же объясненіе, но прежде всего замѣчу, что значеніе ихъ въ вопросѣ о вѣрности

установленнаго закона ограничивается ихъ безспорно діалектическимъ характеромъ: такъ на мѣстѣ сважендзкаго śano и кашубскаго sano, указывающихъ на кашубско-польское *sěno изъ *sěno, въ говорѣ с. Łukowc'a находимъ śano Spraw. V, 151 с. (то-же у горалей Rozpr. III, 351 с.); въ томъ же говорѣ сважендзскому śalo и кашубскому sało, изъ кашубско-польскаго těło, соотвѣтствуетъ ćalo ibid.: ср. русское тѣла; сважендзскому ĩasto и кашубскому ĩasto, изъ каш.-п. *město — ĩasto ibid. (и въ др.-п. myastho т. е. ĩasto): ср. р. мѣста nom. pl.; на мѣстѣ сважендзкаго lato и кашубскаго lato, слѣд. кашубско-польскаго *lěto, въ древне-польскомъ находимъ lato т. е. lato у Семеновича 59 с., luathom ibid. 17 с. Далѣе, отступленіями отъ правила, имѣющими также діалектическое значеніе являются:

сваж. polono: р. полѣно, ч. poleno, с. пѣлено.

kolano въ говорѣ с. Пышницы Rozpr. II ser. V, с. 374; въ Сважендзѣ kolano и лясоскомъ говорѣ kola^ono Rozpr. VIII, 73 с. въ гармоніи съ р. колѣно и с. кѣлено.

já^ama въ оппельнскомъ говорѣ «Ueb. d. oppeln. M.» 7 с. и др.-п. w jámą у г. Łośa Prace fil. II 1, 132 с. ср. выше-указанныя нормальныя — сваж. jama и кашубское jama.

сваж. bźymie при кашубскомъ břemja, которое соотвѣтствуетъ показаніямъ иныхъ словянскихъ языковъ: ч. břímě, с. brème и болг. брѣме согласно указываютъ на восходящее удареніе корня.

На возможность діалектической формы съ удареніемъ окончанія косвенное указаніе даетъ рагузанская форма: brjème Rešetar «Die serbo-kroat. Vet.» 108 с.; форма съ предлогомъ — nã brijeme предполагала бы и въ этомъ діалектѣ brĭjeme, если бы можно было быть увѣреннымъ, что она первоначальна.

Опочиньское śime Rozpr. XI, с. 156, также въ говорѣ Miejsk'ой Górk'и Rozpr. XI, 124 с., при нормальной сважендзской формѣ śemie (р. сѣмя, с. сѣме, ч. símě), быть можетъ, также восходитъ къ діалектическому *sěmĕ.

сваж. druga ср. dróga въ бржезиньскомъ Rozpr. VIII, 189 с., зебржидовскомъ Rozpr. IX, 164 с., у горалей Rozpr. III, 353 с.,

въ оппелельскомъ Ueb. d. opp. M. 16 с.: ср. р. дорóга, ч. dráha, с. дрáга; у лемковъ дрíга м. б. заимствовано въ эпоху, когда малор. *õ* еще совпадало въ звуковомъ отношеніи съ др.-п. *õ* Ж. М. Н. Пр. 311 т. 55 с.

cás—*cásu* въ говорѣ Łukowc'a Spraw. V, 151 с. и у горалей Rozpr. III, с. 351; ср. въ др.-п. *czàs*, *czaas*, т. е. **čas*, *czásu*, *czassu*, т. е. **času* Семеновичъ 17, 28, 30, 59 сс. — въ противоположность сважендзскому *čas*—*časa* и кашубскому *čas*—*časa*, пзъ польско-кашубскаго **čas* — **časa*.

łasa въ Пышницѣ Rozpr. II ser. V, с. 374 и у горалей Rozpr. III, с. 351 ср. др.-п. *laas* у Семеновича 17 с. *do losza* въ примѣрахъ, собранныхъ г. Łos'емъ Prace fil. II 1, 133 с. ср. сважендзское и каш. *las*.

kvád въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, с. 154, въ Łukowc'ѣ Spraw. V, 151 с., Miejsk'ой Górk'ѣ (*kvo't* Rozpr. IX, 119 с.) ср. др.-п. *kwiát* т. е. **kvád* Семеновичъ 59 с., въ противоположность сважендзскому *kvat*—*kváta* и кашубскому *kvat*—*kváta*. Такъ какъ слово оканчивается на согласный глухой, то рефлексъ долготы въ формѣ им. п. ед. ч. можетъ быть основанъ лишь на отношеніяхъ акцентуативныхъ.

dźada g. s. въ с. Łukowc'ѣ Spraw. V, 151 с., въ противоположность сважендзскому *dźada* и кашубскому *dzada*.

chliba g. s. въ прашницкомъ говорѣ Spraw. V, с. 80 — ср. каш. *chlèba* при сважендзскомъ *chleba*.

bráta g. s. въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 152: ср. сважендзское *brata* и кашубское *brata*.

Послѣдніе 6 примѣровъ — одного и того же характера — допускаютъ различное толкованіе.

Возможно, что всѣ они или нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ діалектическимъ формамъ съ удареніемъ окончанія: **dědá*, **chlěbá*, **květá*, **brātá*, **časá*, **lěsá*, явившимся подъ старымъ вліяніемъ ф.ф. темы — *u*; ср. чак. *brēgá* и *snēgá* при русскомъ бѣрега, снѣга, ср. и формы им. п. мн. ч. двѣты, часы; возможно также, что *kvád* — *kváta* возникло подъ вліяніемъ *kvátek*, *łas* —

lása подь вліяніемъ *lásék, гдѣ ā находилось въ положеніи предь удареніемъ. Наконецъ, čas, — а можетъ быть и другіе примѣры, — могло возникнуть подь вліяніемъ энклитическихъ сочетаній, въ которыхъ слово čas находилось не подь удареніемъ.

Дѣло въ томъ, что и въ Сважендзѣ при čas, času, časem и т. д. говорятъ: f-tún-čos; въ этомъ тѣсномъ сочетаніи словъ удареніе сочетанія падаетъ на первый слогъ и выраженіе čos находится въ слогѣ послѣ ударенія. Возможно, что въ такомъ положеніи старая долгота въ зависимости отъ качества ударенія сохранялась; затѣмъ изъ такихъ сочетаній выраженіе čos было перенесено и на случаи отдѣльнаго употребленія. Возможно и то, что послѣдователь луковецкаго говора изъ такихъ именно сочетаній взялъ свой примѣръ. Если въ формѣ род. п. času — á явилось изъ имен. п., то такой переносъ оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что слово оканчивается на глухой согласный: старый рядъ отношеній ā: ǎ, ē: ě, ǫ — ǫ (или á: a, é: e, ó: o) въ имен. п. род. падежахъ ассоцірованъ съ параллельнымъ разлпчіемъ въ согласномъ тѣхъ же падежей: sát: sada; dzát — dzada, chlép — chleba, bók — boga и т. п. Наоборотъ, въ другомъ рядѣ отношеній: plášč—plášča, gřéčh—gřéchu, śméčh—śméchu, chrást—chrásta и третьемъ las—lasu, čas — času, brat — brata, svat — svata и т. п. параллельно тожеству гласной корня въ имен. п. род. падежахъ стоитъ и тожество согласной. Оттого, быть можетъ, при čas могло возникнуть času g. s.

Явленіе, параллельное сважендзскому, находимъ въ лясковскомъ говорѣ: «der Ausdruck čas, hier cas, hat offenes a in allen Casus: cas, casu, cas^ovi u s. w., aber vtencás, na jaki cás, es hiesse auch gewiss na ūv cás, wenn es gebräuchlich wäre, also mit Pronominibus verbunden hat das Subst. geschlossenes á im acc. sg.» Arch. V, 639 с. ср. d₂tyxcás въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 160 с.

Отмѣчу еще mišoc въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 153 при śiešoc иныхъ говоровъ, — сважендзскаго, опочиньскаго Rozpr. XI, с. 155 и кашубскомъ mjesoc: ср. русское мѣсяцъ, с. мѣсѣцъ.

Нѣкоторые противорѣчащіе закону факты датируются исключительно памятниками, а не говорами; въ такихъ случаяхъ не всегда обезпечено фонетическое ихъ значеніе: ср. у Семеновича

gzeecz = factum 23 с.: р. рѣчь, ч. řeč, с. рїјеч; можетъ быть, др.-польская долгота основана на формѣ съ удареніемъ окончанія, такъ какъ слово относится къ темамъ — і ср. выше о gošć, žulć.

prooch Семен. 18 с.; płażzem ibid. 27 с.: с. плѣч, р. плѣча g. s.; sthrąthą acc. s. = *strāta ibid. 28 с. (ср. р. трѣта, утрѣта), въ послѣднемъ примѣрѣ первое а, быть можетъ, лишь описка въ виду а слѣдующаго слога.

Остается отмѣтить рядъ примѣровъ съ неясными или вовсе неизвѣстными акцентуативными отношеніями.

сваж. tvaży g. s. (n. s. tvoš); но въ др.-п. находимъ przed twarzu Prace Fil. II 1, 132 с.: ср. р. тварь — твѣри; сербскій (у Вука) указываетъ на нисходящее удареніе коренного слога: твѣр, чешская же долгота, — tvář, могла явиться или въ положеніи предъ старымъ удареніемъ, или подъ восходящимъ удареніемъ коренного слога.

др.-п. gaalki у Семеновича 17 с.: ч. hálka.

dráb — drába въ Krzęcinie Rozpr. XI, II ser. с. 341: чеш. dráb — drába.

dáreň въ писаржовицкомъ говорѣ Spraw. IV, с. 5: р. дѣрич — дѣрна (чеш. dři не даетъ никакихъ указаній, такъ какъ различіе между ř и ř̄ въ чешскомъ утрачено).

сваж. роf — роѡа, но каш. рѡv — раvja Ramušt: ч. рѡv.

сваж. plíšně; въ родственныхъ языкахъ слово встрѣчается лишь въ формѣ ж. р.: р. плѣснь — плѣсни, с. плїјесан — плїјесни, чеш. plíseň, причемъ показанія чешскаго и сербскаго разнорѣчья.

g. s. рана — n. s. rin (рон) въ Сважендзѣ и другихъ говорахъ ср. раанет, раанот, рана у Семеновича 17, 59 сс.: малор. пѡнъ — пѡна, ч. рѡп — рѡпа; сербское пѡн у Вука — «slovacismus» и потому не имѣетъ значенія.

сваж. sif — sivu: чеш. sev — sevu.

сваж. čolno; родственные языки знаютъ лишь форму м. р.: р. чолнѡ — чѡлна, ч. člun, с. чѡн — чѡна; этимъ показаніямъ пра-

вильно соотвѣтствуетъ кашубское *šoŕen*—*šoŕna* у *Ramułt'a* при *čéŕno*.

сваж. *struš* — *struža*, каш. *strōš* — *strōža* Bronich. 50 с.: р. стóрожъ — стóрожа, съ нимъ не сходится въ показаніяхъ чешское — *stráž*, въ сербскомъ лишь въ ж. р. — стража, также не гармонирующее русскому стóрѣжа.

сваж. *vřota*, каш. *vřota*: р. воротá и ворóта, с. врата и болг. вратá поддерживаютъ русскую форму воротá, ч. *vřata* предполагаетъ об.-сл. форму съ нисходящимъ удареніемъ на коренномъ слогѣ; въ чак. *vřáta*, б. м. съ восходящимъ удареніемъ ср. Arch. XVII, 195 с.

сваж. *skaŕa*, каш. *skaŕa*: с. скáла, но р. скалá; чеш. *skála* одинаково оправдываетъ, какъ русскую, такъ и сербскую форму.

сваж. *chlevu g. s.*—*chlif n. s.*, но каш. *xlěf*—*xlěva* Bronich 50 с.: р. хлѣвъ — хлѣва, чак. *hlév* — *hlěva*, чеш. *chlév* или изъ формы съ восходящимъ удареніемъ коренного слова, или съ удареніемъ окончанія, въ послѣднемъ случаѣ оно поддерживало бы кашубскую форму.

др.-п. *uřaas* (*suspensum*) Семеновичъ 17 с.: р. вѣсь — вѣса.

сваж. *sarna*, каш. *sarna* Bronisch 25 с.: малор. серна́, болг. сѣрна́, с. сѣрна (и асс. *s. sѣрну*), но р. сѣрна.

сваж. *sić*—*sići* ср. въ *Miejsk'oi Górk'ѣ sić Rozpr. IX, 122 с.*, каш. *sěc* — *sěcé* *Ramułt* (*sěc* — *sěcě* Bronisch 50 с.): р. сѣтъ — сѣти, ч. *sít* можетъ восходить и къ формѣ съ восходящимъ удареніемъ коренного слога, и къ формѣ съ удареніемъ окончанія, послѣднее для польскаго естественно предположить въ виду принадлежности слова къ склоненію — *i* темъ.

Параллельное польскому сокращеніе старой долготы подъ удареніемъ, независимо отъ качества его, — въ словацкомъ. Словацкій, какъ чешскій и польскій, сохраняетъ долготу предъ удареніемъ и сокращаетъ ее подъ нисходящимъ удареніемъ — ср.

чешскіе примѣры у Чернаго Listy Fil. XXIV, 349 и сл., 422 и сл. и соотвѣтствующіе словацкіе: 1) для положенія предъ удареніемъ: lúka, múka, grúha, trúba, túha, kút, rút, prúd, súd, játra, jádro (при jadro, которое, вѣроятно, — изъ праслов. ф. *jádro подъ вліяніемъ ном. pl. ср. р. ядрó—ядра), brázda, brána, vláda, chrám, král, dláto, žláza, mlieko, striebro, krúpa, plúca, kľúč, hlísta, križ, šíp, vír, štít, krídlo, líco, písmo, víno, mýto, bieda, lieska, svieca, hriech, liek, diel, smiech, hniezdo, chvála, tráva, háj, hnát, plášť, slúp; 2) для положенія подъ нисходящимъ удареніемъ: dub, kruh, muž, rub, sud, zub, zvuk, kňaz, ťah, jak, brav, hlad, hlas, hrad, chlad, klas, mrak, mrav, plaz, prach, smrad, svrab, vlas, vrah, zlato, breh, vred, vres, žleb, drevo, strecha, beh, bes, čep, kvet, jed, lep, les, mech, sled, svet, vek, gnev, seno, telo, dar, kvas, sad, strach, znak, var.

I. Loos: Slownik slowenskej, madarskej a nemeckej reči 1871 г. Въ соотвѣтствіи ч. duha — въ словац. dúha: ср. р. дугá, с. дýга. И въ др.-ч. — долгота: въ библии 1462 г. чешскаго музея нашелъ я—dúha 4 с. (bis). Сокращеніе въ новоч. явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ ф. им. мн.: ср. р. дугá—дугý—дýги. Слова, имѣвшія и въ вин. п. ед. ч. удареніе корня, сократили долготу въ им. п., повидимому, раньше; въ такихъ словахъ и въ словацкомъ, и въ чешскомъ, и въ польскомъ находимъ сокращеніе; наоборотъ, болѣе позднее сокращеніе, — подъ вліяніемъ ном. pl. ве всегда раздѣляется всѣми этими языками. Ср. два ряда отношеній: I. рукá—рúку, рúки: ч. ruка, слов. ruка, п. rека; зимá—зíму—зíмы: ч. zima, слов. zima; бородá—бóроду—бóроды: ч. brada, слов. brada, п. broda; головá—гóлову—гóловы: ч. hlava, слов. hlava, п. głova; середá—сéреду—сéреды: ч. středa, слов. sreda, п. środa; сторонá—стóрону—стóроны: ч. strana, слов. strana; стѣнá—стѣну—стѣны: ч. stěna, слов. stena, п. ściana; чакавское рѣтá—рétу—рétí (но р. пятý): ч. rata, слов. pāta, п. pięta; с. грѣда—грѣду—грѣде (но р. грядý): ч. hřada, слов. hrada, п. grzęda; только въ соотвѣтствіи р. душá—дýшу—дýши—въ слов. dúša (ч. duše). II. дугá—дугý—дýги: ч. duha, но слов. dúha, п. dega и dağa; звѣзда—звѣздý—звѣзды: ч. hvězda, но слов. hviezda, п. gwiazda; рѣкá—рѣкý—рѣки: ч. řeka, но слов. rieka, п. řéka; уздá—уздý—úzды (?): ч. uzda, но слов. úzda; цѣна—цѣнý (и цѣну)—цѣны: ч. cena, слов. cena, но п. ściana; рудá—рудý—руды: ч. ruda, слов. ruda. Сюда же относится польское діалектическое (прушинское) trava при tráva иныхъ говоровъ.

Что касается г и ĭ, которые сохранили въ словацкомъ въ извѣстныхъ случаяхъ долготу, то для положенія ихъ предъ старымъ удареніемъ слишкомъ мало несомнѣнныхъ примѣровъ, относящихся къ первичнымъ номинальнымъ образованіямъ:

слов. žlpa—ч. žlupa, вѣроятно, восходитъ къ формѣ съ удареніемъ корня, хотя р. желна́, чак. žǐnà, с. жу́па.

слов. vrba соотвѣтствуетъ русскому вѣрба при малор. верба́, чак. vǐbà и с. вѣрба.

слов. srna ср. съ р. сѣрна при малор. серна́, чак. sǐnà, с. сѣрна.

vrch — согласно съ р. вѣрха при с. вѣрха, чак. vǐh — vǐha, vǐha и vǐhà, vǐhà. Чешскій зналъ б. м. форму съ удареніемъ окончанія: въ библии 1462 г. Чеш. Музея — на swrchnich a wysokých vřsiech 369 л.

chlм, ч. chlum: р. холмъ — холма́, с. хѹм — хѹма.

Долгота сохранена лишь въ stǐp (ч. sloup): р. столпа́, с. стѹп — стѹпа.

Различіе между польскимъ и чешскимъ обнаруживается въ судьбѣ первоначально восходящей долготы подъ удареніемъ: чешскіи ее сохраняетъ, польскій сокращаетъ. Словацкій въ данномъ случаѣ на сторонѣ не чешскаго, но польскаго.

Съ примѣрами сохраненія восходящей долготы въ чешскомъ у Чернаго Listy fl. 422 и сл.: houba, housle, stoupa, úhel, pouto и т. д. ср. словацкіе: — huba, stupa, husle, uhei, puto, baba, jama, gana, žaba, skala, staja, maslo, sadlo, plač, laz, ňadra, lesa, vera, repa, delo, jedlo, leto, vetr, lipa, hlina, šidlo, sito, hriva, jiva, sila, sliva, žila, šija, vidly, riza, klin, kyła, lyko, mydlo, syr, hruda, štuka, chrasta, krava, breza, klada, pleva, blato, hrach, prah, vrana, slama, vlaha, čas, ded, had, kraj, raj, svat, vlha, plch, mrva, prha, prst, hrb, brdo, zrno, vlua, chrt (ср. с. вѹга, пѹх, мѣва, мѣха, пѣга, пѣст, гѣб, бѣдо, зѣно, вѹна, хѣт).

Въ нѣсколькихъ случаяхъ и чешскій представляетъ сокращеніе; такъ какъ сербскій, иногда и русскій, и здѣсь указываетъ на восходящее удареніе, то примѣры эти — въ пользу нашего правила: ч. muka и слов. muka; ч. straka и слов. straka; ч. sukŕe и слов. sukŕa, ч. hnida — слов. hnida; ч. višŕe — слов. višŕa, ч. žito — слов. žito; ч. vydra — слов. vydra; ч. řyba — слов. řyba, впрочемъ при дудлебскомъ řejba, и въ др.-ч., въ постиллѣ Гусса

XV в. 58 л. встрѣтилъ я *gŭby gen. s.* (ср. с. мѣка, сѣка, сѣка, гѣйда, вѣшѣа, жѣто, вѣдра, рѣба).

Слова—*struna, slina* быть можетъ сюда не относятся: ср. р. струна, слюна—струнѣ, слюнѣ — струны, слюны; подѣ влияніемъ пом. рl. нисходящее удареніе корня могъ получить пом. s. — отсюда въ чешскомъ краткость; въ с. струна, слине п. рl.

Такимъ, образомъ, правило о сокращеніи восходящей долготы въ словацкомъ подтверждается 77 примѣрамъ. Къ нимъ можно бы присоединить слов. *misa* — ч. *mísa*, хотя въ с. параллели нѣтъ; слов. *mucha* — ч. *moucha*: ср. р. мѣха, но с. мѣха, слов. *mak* — ч. *mák*: ср. р. мака g. s., но с. мак — мака; с. мѣха и мака, вѣроятно, вторичны.

Отступленіи немного: *máta, sláva, ráj, stádo, pásmo, stráža, rúcho, miera, trieska, núza, prám, úd, štír, vietor, mráz*. Изъ нихъ *núza* должно исключить: ср. р. нуждѣ при нѣжда. Имена ср. р. *pásmo, stádo, roucho* быть можетъ діалектически имѣли въ пом. рl. удареніе окончанія, проникшее затѣмъ въ пом. s.: ср. р. стадѣ.

Нѣкоторые примѣры могли возникнуть подѣ литературнымъ влияніемъ чешскаго языка; въ частности *stráža* быть можетъ соотвѣтствуетъ р. сторожѣ.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ—колебаніе: *draha—dráha, vera—viera, miesto = мѣсто и mesto = городъ; miesto* можетъ быть подѣ влияніемъ пом. рl.: р. мѣстѣ; со слов. *deva* и *dieva* ср. ч. *děva*: колюч. отношенія неясны (с. *djéva*—съ ласкательнымъ значеніемъ).

Въ 6 примѣрахъ не нашелъ словацкихъ параллелей чешскимъ формамъ: *tuše* (с. тѣча), *vřídlo, krpě* (с. крѣпа), *lip, tis, kyta*.

Отмѣченное разногласіе между чешскимъ и словацкимъ и согласіе послѣдняго съ польскимъ въ судьбѣ восходящей долготы подѣ удареніемъ, конечно, не можетъ служить обоснованіемъ самостоятельности «словацкаго языка» по отношенію къ чешскому.

Это подтверждается съ одной стороны тѣмъ, что въ иныхъ пунктахъ развитія количества словацкѣй совпадаетъ съ чешскимъ,

отличаясь отъ всѣхъ остальныхъ словянскихъ языковъ, напр. — въ нормахъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, какъ увидимъ ниже; съ другой стороны тѣмъ, что сокращеніе восходящей долготы подь удареніемъ вовсе не отдѣляетъ какъ бы пограничной чертой словацкій отъ чешскаго, но чрезъ посредство моравскихъ говоровъ подходитъ близко къ самой области чешскаго языка.

Указанія на это даетъ даже скудный матеріалъ Бартоша въ его «*Dialektologie moravská*»: сокращеніе восходящей долготы, повидимому, извѣстно не только моравско-словацкимъ говорамъ, но и центральнымъ-ганацкимъ и даже группѣ моравско-чешскихъ говоровъ (*Nařečí české*). Такъ, въ злинскомъ г. (словацко-моравское н.): *jama, klada, rana, skala, hrach, prah, blato, hlina, lipa, mak, misa, siřa, sito, řyko, hruda, husle, puto, pruh, uhel* I, 9 с.; въ ганацкихъ говорахъ «количество а то же, что въ злинскомъ» II, 10 с., *mřeřa, břeřa, větr* II, 11 с., *lipa, misa, hlina, řila, kyta, mydřo, hruda, husle, pruh, uhel*; въ чехо-моравскихъ говорахъ: *jama, klada, vrana, řaba, blato, prah, mak* «а т. д.» II, 244 с., *hruda, huba* II, 246 с. ср. еще I, 101 с., II, 14, 41, 44, 67, 180, 228, 230 сс.

Сокращеніе восходящей долготы извѣстно и переходнымъ чешско-польскимъ говорамъ Силезіи: ср. горноостравскій говоръ, описанный г. Jan'омъ Loriř'емъ въ *Rozprav'ach* Чешск. Акад. VII 1, 1899 г. Прага.

Различія долгихъ и краткихъ говоръ этотъ не знаетъ; *ā*, какъ въ польскомъ, = *o*, *u* (предъ *m*, *n*). Вокализация сочетаній **or*, **ol*, **er*, **el* — чешская, но законы сохраненія старой долготы,—и въ этихъ сочетаніяхъ, и въ другихъ долготахъ—польскіе, какъ и явленіе вторичнаго удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ. Исслѣдователь говора утверждаетъ, что «*o* изъ *ā* въ горноостравскомъ говорѣ не совпадаетъ съ польскимъ суженымъ *a*, но съ чешскимъ *ā*» 7 с. Однако сообщаемые имъ факты явно противорѣчатъ его утвержденію: соотвѣтственно польскому закону сокращенія восходящей долготы

подъ удареніемъ, въ его говорѣ находимъ — *błato, draha, hrach, kłada, krava, prah, słama, vřana, jama, mak, masło, pasmo, gapa, sadło, skała, vřaha, žaba*; въ чешскомъ въ этихъ примѣрахъ — долгота. Утвержденіе автора, что о изъ *ā* въ горноостравскомъ говорѣ совпадаетъ съ чешскимъ *ā*, основано на недоразумѣніи: что въ извѣстномъ количествѣ случаевъ это совпаденіе имѣетъ мѣсто, понятно, такъ какъ и чешскій, и польскій одинаково сохраняютъ старую долготу *predъ удареніемъ*. Приведенныя отступленія отъ чешскаго авторъ объясняетъ вліяніемъ польскаго языка 9 с. Но спрашивается, какъ же подъ вліяніемъ польскихъ *krova, groch, błoto, słoma, droga, kłoda, róg* — *proga, vřona* могли возникнуть *чешскія*: *krava, hrach, błato, słama, draga, kłada, prah, vřana* горноостравскаго говора.

5. Долгота во второмъ предъ удареніемъ слогѣ.

Первичныя именныя образованія, въ которыхъ бы долгій гласный находился въ требуемомъ положеніи, — крайне рѣдки; анализъ же вторичныхъ образованій не даетъ твердыхъ выводовъ, такъ какъ эти образованія стоятъ обычно подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ основныхъ.

Внѣ такого вліянія у Лоренца (Arch. XIX, 361 с. и сл.): — *cięsiva*, р. тетивá, с. тетíва; *węzina*: с. узíна; *trębacz* — *trębacza*; р. трубачá г. s., с. трубáча (*trąba*); *plęsacz* (*pląsac*); *rębacz* (*ra-bac*); *rędzina*: с. рудíна; *cięgoty*: с. тегòта, р. тяготá; *język*: р. языкá г. s., с. жéзик — жéзика; сербская ф. г. s. вторична: если бы удареніе было на 2 слогѣ, ожидали бы жéзика. Ср. еще *vřeteno* (Сважендзъ): р. веретенó, чак. *vřetenò*; *batóg* — *batoga* (Сваж., опочин. Rozpr. XI, 148 с., *batuog* ясовск. Rozpr. VIII. 72 с.): батóгъ — батогá. То же — въ кашубскомъ: *trąbóć, batog* — *batoga* и *batožéšče* (ср. батожíще) у *Ramułt'a, jazyk* у *Bronisch'a* 24 с.

Въ чешскомъ: *tětiva, trubač* при *trouba, těhota* (при *tíhota*), *jazyk, vřeteno, batoh*; акад. Шахматовъ указываетъ *lakota* при

lákati и глагольные образования: kralovati при král и králití, mudrovati при moudry и moudřiti Изв. VII 2, 314 с.

Для сербскаго сокращеніе долготы въ данномъ положеніи установилъ Лескиль Untersuchungen I, 6 с.

6. Долгота въ слогѣ послѣ ударенія.

Матеріаль въ данномъ случаѣ такъ же скуденъ, какъ и въ предыдущемъ. Лескиль установилъ сохраненіе долготы въ данномъ положеніи въ сербскомъ помощью анализа суффиксальныхъ слоговъ: вѣтāj, нѣшāj, шкѣлār и т. п. Untersuchungen II (1893 г.) 55, 57 сс. Но такой матеріаль — не вполне надеженъ: если долгота ā въ суфф. — ār — и сокращалась въ польскомъ послѣ ударенія (pisāřa = писаря), то она могла быть возстановлена подъ вліяніемъ ā въ аналогичныхъ образованіяхъ, какъ skotāřa: р. скотаря́. Мы вернемся, поэтому, къ этому матеріалу позже; сперва же обратимся къ образованіямъ, болѣе обезпеченнымъ отъ вліянія аналогіи. У Лоренца Arch. XIX, 158 с. Находимъ: gołębia g. s.: р. голубя, чак. gòlūba, с. gòlŭба; jārżęba gen. s.: с. jārĕба; jastrżębia g. s.: р. ястреба, с. jǎстријеба; obręcza gen. s.: р. обруча, с. òбрŭча; okrętu: чак. ókruta; łabędzia gen. s.: р. лѣбедя, с. лăбŭда; mesiāca gen. s.: р. мѣсяца, с. мjĕсĕца; zająca gen. s.: р. зайца; pieniądza gen. s.: с. пĕнĕзи.

tysiāca: р. ты́сяча, с. тĕсуħа; otręby: р. òтрубн; żołędzi: р. жѣлуди, с. жĕлŭда gen. s. (но чак. želŭda); pamięci gen. s.: р. пámяти, с. пāmĕти.

Слово рајакъ — рајака должно быть исключено, такъ какъ могло соотвѣтствовать русскому пау́къ — паукá, а не сербскому пãŭк — пãука.

Итакъ, лишь 4 изъ приведенныхъ словъ имѣютъ а т. е. рефлексъ долготы, остальные 9 своимъ е указываютъ на сокращеніе первоначальной долготы въ слогѣ послѣ ударенія. Однако какъ разъ этимъ четыремъ примѣрамъ съ долготой соотвѣтствуетъ долгота и въ чешскомъ: mĕsiāc: ч. mĕsíc, zając: ч. zajíc;

tysiąc: ч. tisíc; pieniądze: ч. peníz. Изъ остальныхъ — польской краткости соотвѣтствуетъ чешская долгота лишь въ двухъ случаяхъ: п. jarzęba: ч. jeřáb, п. jastrzębia: ч. jestřáb; въ другихъ примѣрахъ и въ чешскомъ краткость: holub, obruč, словацкое okrut, labud', otruby, žalud, pamět.

Такое отношеніе фактовъ привело Лоренца къ предположенію, котораго, какъ онъ признаетъ, нельзя ничѣмъ подтвердить: что сохраненіе или сокращеніе долготы въ польскомъ и чешскомъ въ положеніи послѣ ударенія зависѣло отъ качества долготы; «вѣроятно при восходящемъ качествѣ долгота сохранялась, при нисходящемъ сокращалась» 161 с. Въ пользу этой мысли «f — tyn — čos» ср. 132 с. Польскій, какъ видимъ, въ общемъ сходится съ чешскимъ. Двумъ отступающимъ примѣрамъ: п. jastrzębia при ч. jestřáb и jarzęba при ч. jeřáb Лоренцъ не придаетъ значенія: они возникли по аналогіи gołębia и т. п. при п. s. gołąb.

Въ кашубскомъ въ общемъ находимъ то же, что въ польскомъ: gołąbja g. s., woekrať, woetrabé, pamiąc, jastréba, но: miesoc, tésoc, pjeńodza g. s. Ramułt (zajc; соотвѣтствія польскимъ — jarzęba, łabędzia, żołodzi у Рамулта нѣтъ). Только польскому obęcz противорѣчатъ каш. woebgoć.

Въ словацкомъ — сходно съ чешскимъ: holub, obruč, labuť, otruby, pamäť, žalud', но: mesiac, zajac, peniaz (tisíc—подъ чешскимъ влияніемъ). При этомъ словацкій даетъ поправку къ изложенію вопроса у Лоренца: польскія jarzęba и jastrzębia нельзя объяснять, какъ вторичное явленіе, такъ какъ и въ словацкомъ — краткость: jarab, jastrab; отступающими являются скорѣе ч. jeřáb, jestřáb.

Итакъ, относительно судьбы долготы въ слогѣ послѣ ударенія мы должны пока довольствоваться гипотезой Лоренца, не имѣя средствъ твердо ее обосновать.

7. Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ.

По отношенію къ носовымъ вопросъ разсмотрѣнъ у Лоренца Arch. XIX, 135—144 сс. Носовые въ конечномъ открытомъ

слогѣ сокращаются, независимо отъ ударяемости или неударяемости, также — отъ качества долготы. Гдѣ конечный носовой является въ видѣ *a*, тамъ онъ происходитъ изъ стяженія или первоначально не былъ въ открытомъ концѣ слова.

Дѣйствительно, мы одинаково имѣемъ въ асс. *s. trawę*: р. траву́, с. трáву и г'юуѣ: р. гóлову, с. гла́ву. Что не имѣло значенія и качество долготы, показываетъ сопоставленіе ф. пом. *s. tráva* и ф. асс. *s. trawę*: флексія асс. *s.* и пом. *s. f.* представляли первоначально долготы различнаго типа, откуда и происходитъ литовско-славянское отношеніе **bordà* — **bórdo* ср. гл. IV и Tore T. Liquidametathesis 56—57 сс.

Сопоставленіе лит. *mergà instr. s.* и *sukù 1 s. pr.* заставляетъ ожидать краткости и въ *instr. s.* Однако и въ польск., и въ чешск. — долгота: *ryba, rybou*. Долготу эту Лоренць основательно объясняетъ стяженіемъ: **rybò* изъ **rybojò* или **rybòdò*. Флексія — *a* въ 3 pl. pr. первоначально не была въ открытомъ концѣ слова: она — изъ — *otъ*.

Необъясненнымъ считаетъ Лоренць лишь — *a* въ асс. *s. f.* именъ *volà* и т. п., такъ какъ нельзя обосновать **volija* 141 с.

И иные долгіе гласные являются въ конечномъ открытомъ слогѣ сократившимся т. е. въ говорахъ открытыми: ср. — *a* въ пом. *s. f.* (*ryba* и т. п.), — *a* въ *gen. s. m.* — *n.* (*voza, masła* и т. п.), — *e* изъ *ě* въ *dat.-loc. s. f.* (*rybѣ* и т. п.).

Др.-п. *prawa* = **prawā*, *dwa* = *duo* Семеновичъ 26 с. — факты графическіе.

Повидимому, затрудненіе представляютъ лишь ф.ф. пом. *s.*, какъ *volà*, — на ряду съ асс. *s. volà* и т. п. Объясненіе этихъ формъ дано уже въ 1870 г. проф. Бодуэномъ де К. Beitr. VI, 25—26 сс.: нѣкоторыя изъ именъ данной категоріи имѣютъ 'á ('ā) изъ стяженія -ija; таковы *sedzá* ср. р. судья́ и ст.-сл. сѣднн; *bracá*: р. братья́, ст.-сл. братнн. Когда различіе между стяженными и нестяженными ф.ф. перестало чувствоваться, окончаніе 'á въ сознаніи говорящихъ стало особенностью мягкихъ основъ и было перенесено въ иные имена со старымъ — *a*. Такъ явились *volà, dolà, rolà, pedzá* и т. д. Позже это 'á было перенесено и въ

заимствованныя имена: *lilijá*, *magujá* и т. д. То же объясненіе *mutatis mutandis* могло бы быть примѣнено и къ — а въ вин. п.: *volą* и т. п.

На сравнительно раннее вліяніе аналогіи указываетъ др.-п. памятники: ср. у Семеновича при *braczaa*, *sałzaa* и *burzaa*, *dusza*, *volųą*, *zemuųą* и т. п. Въ современныхъ говорахъ явленіе это распространено не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ ср. *Rozpr. VIII*, 87 с., 193 с.; *XI*, 153 с.; *X*, 232 с., *IX*, 116 с., 160 с., *II* s. V, 376 с., *XI*, 339 с., *Spraw. IV*, 6 с. Колебаніе и въ кашубскомъ: *goló* и *gola* у *Ramułt'a*; у него же *buńó*, *kuchńó* при *grobła*, *mśa*, *śėja*, *viśńa*. Иначе понимаетъ польское *volá* — *volą* ак. Шахматовъ *Изв. VI*, 353 с.

Долгое а т. е. *á* находимъ и въ *gen. s. n.* на *-ije*: *młuceńá*, *rokoleńá* и т. п. ср. *I* ч., 8 с., въ др.-п. у Семеновича 15 с., въ кашубскомъ у Броняша 54 с. Здѣсь происхожденіе долготы изъ стяженія ясно.

Сокращеніе долготы въ конечномъ открытомъ слогѣ наблюдается также въ сербскомъ и чешско-словацкомъ.

8. Долгота изъ стяженія.

Долготу изъ стяженія находимъ: въ *nom. s. f.* именъ, какъ *braćá*; въ *g. s. n.* именъ типа *młuceńá*; въ инфинитивныхъ формахъ типа *śmáć śe*, *báć śe*, *dźáć*; въ Ф.Ф. 2—3 с. и 1—2 *pl. praes.* глаголовъ 3 класса (*znáś*, *zná*, *známu*, *znáće*); въ формахъ прилагательныхъ сложныхъ: *dobrá*, *dobrégo*, *dobrému*, *dobrému*, *dobréj* и т. п. Въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранился и рефлексъ *ē* изъ стяженія въ *nom. s. n.*: напр., въ опольскомъ: *želé*, *řícé*, *śiadańé* и т. п. *Ueber. d. opp. M.* 17 с.

Въ другихъ говорахъ, какъ сважендзскій, форма *n. s. n.* означенныхъ именъ потеряла свою старую флексію, замѣнивъ ее открытымъ *e* такихъ именъ, какъ *morze*, *pole*.

По поводу формъ *gen.-dat.-loc. s. m.-f.-n.* прилагательныхъ на *-ého*, *-éму*, *-ém*, *-éj* должно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ говорахъ гласный этихъ флексій является открытымъ: въ зебржидовскомъ *d_oöbreg_o*, *d_oöbremu*, *d_oöbrem*, но—*d_oöbry* *gen.-dat.-loc. s. f.* *Rozpr. IX*, 163 с.; то же въ бржезинск. *Rozpr. VIII*, 188 с. Особенно удивительна форма *loc.-s.*—*dobrem*: тутъ ожи-

даемъ «наклонности» гласнаго, въ виду положенія его въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ -ш. Очевидно, ф.ф. *dobrego*, -ему повліяли и на остальные: ср. instr. s. *d_obre_m*, то же въ dat. pl. и *d_obre_mi instr. pl.*, гдѣ во всякомъ случаѣ должно быть -у. Конечно, ф.ф. *dobrego*, -ему суть нефонетическія, возникшія подъ вліяніемъ ф.ф. мѣстоименныхъ -іего, ѱему. Въ иныхъ говорахъ — обратное вліяніе: въ Сважендзѣ при *dobrygo*, -уми — и -tygo, samygo, въ Луковцѣ *jigu*, *samygu*, *tygu*, *cygu* (= *czego*), *tumu*, *sumu*, *takigu* *Spraw. V*, 153 с.

Возникаетъ вопросъ, можно ли признать фонетическими, улучшившими свое -é пзъ стяженія -аје, -ује — самыя ф.ф. *dobręgo*, *dobręmu*: ср. эти формы со ст.-слов. ф.ф. *добраго*, *добраго*, *добрѹгоумѹ*, *добрѹмоу* или даже съ глагольными ф.ф. *самыхъ* зап.-слов. языковъ: *znáť*, *zná* и т. д. Какъ объяснить эту противоположность?

проф. Бодуэнъ де К. полагалъ, что въ сочетаніяхъ *dobrajęgo*, *dobręmu* и т. п. въ ст.-сл. мѣстоименіе было энклитикой, словомъ безъ ударенія, удареніе было на флексіи краткой ф. *dobrǎjęgo*, въ польскомъ же обѣ части долго чувствовались отдѣльными словами, и мѣстоименіе произносилось съ удареніемъ: *dobrajęgo*. Отсюда — разница въ результатахъ стяженія въ ст.-слов. и польскомъ «О др.-п. яз.» 58 с. Такъ же произошли ф.ф. «*męgo*, *svęgo* и т. д. (теперь *tego*, *svego*) пзъ *mojęgo*, *svojęgo* и т. д. (въ противоположность малор. *mo_ho*, *two_ho*, *svo_ho*)» *ibid.*

Съ этимъ объясненіемъ интересно сопоставить гипотезу ак. Шахматова, предложенную имъ для объясненія существованія стяженныхъ и нестяженныхъ ф.ф. рядомъ въ чешскомъ.

Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г. 74 с.

ак. Шахматовъ предполагаетъ, что еще въ об.-сл. языкѣ въ зависимости отъ акцентуативныхъ отношеній различались *j* и *ĵ*: *ĵ* — предъ неударяемыми гласными, а *j* предъ ударяемыми. Въ обще-зап.-сл. эпоху выпадало *ĵ*, а не *j*, слѣд. нестяженные ф.ф. возводятся къ ф.ф. съ удареніемъ окончанія, а стяженные — къ ф.ф. съ удареніемъ на корнѣ или на второмъ слогѣ двухслож-

наго окончанія: ч. моја изъ моjà; ч. mého изъ mòjego, mému изъ mòjemu (ср. р. по-моѣму, чак. mòjega, mòjemu) или изъ моjégó, моjémú (р. моего, моему). Съ этой точки зрѣнія неприемлемы ф.ф. проф. Бодуэна де К. — *dóbra-jégo, *dóbru-jému: онѣ дали бы нестяженные ф.ф.; ч. dobrého, п. dobrého должно съ этой точки зрѣнія возводить къ — ф. *dóbra-jégó, причѣмъ — áje, гдѣ обѣ части неударяемы дасть é, тогда какъ *čytáješъ дасть čytášъ въ виду ударяемости перваго элемента.

Непонятными для меня являются лишь ч. státi, rás, bázeň, má, — которыя ак. Шахматовъ возводитъ къ *stòjati (р. стоять при стоять), *bòjazнь (с. бѣязан), *рòjas (р. поясъ), *mòja: въ виду ударяемости перваго элемента ожидали бы изъ *òja — ò, а не ā, какъ — áje дасть ā. Сгяженіе это нельзя вѣдь относить къ столь ранней эпохѣ, для которой можно принять измѣненіе ò въ а.

Далѣе, является вопросъ, въ какой мѣрѣ естественно предполагать для зап.-сл. ф.ф. типа dobrého праформу — dóbpa-jégó или dóbpa-jégo (проф. Бодуэнь де К.).

ак. Соболевскіи указываетъ на фамилныя имена Благово, Дурново и ф.ф. Крижанича: простого, драгого, прегустого, ясного, чистого и думаетъ, что удареніе въ членныхъ ф.ф. многихъ прилагательныхъ и мѣстоименій иѣкогда находилось на конечномъ слогѣ Ж. М. Н. Пр. 311 т. (1897 г. № 5) 56.

Не должно забывать, что не всѣ краткія формы g. s. ш.-п. прилагательныхъ двусложныхъ имѣли одинаковое удареніе въ об.-славянскомъ; однѣ имѣли удареніе перваго слога, другія — втораго: ср. с. брѣза, блага, врана, глуха, густа, драга, млада, пага, пуста, суха, пѣjема, бѣjела и др. Примѣры эти, вовсе не малочисленные, см. у Даничича Rad XIV 91—92 сс.; ср. и русскія: не-с-проста, до-нага, до бѣла, малъ-мала меньше.

Эти формы въ эпоху сложенія формъ полныхъ прилагательныхъ не могли дать предполагаемой проф. Бодуэномъ де К. формулы *blága-jégo или *blagá-jégo: ср. р. ego emú, с. ѣга, ѣему.

Да и въ типѣ *zdóvpa + jégo удареніе во второй части первоначально было на второмъ слогѣ. Пришлось бы, слѣд., прини-

мать передвиженіе ударенія: *zdórva-jegó > zdórva-jégo; пришло бы предполагать, что этотъ типъ *zdoírva-jégo вытѣснялъ другой типъ: *blagá-jegó, что было бы произвольнымъ. Такимъ образомъ, гипотеза проф. Бодуэна де К. маловѣроятна. Мы должны исходить изъ первоначальныхъ типовъ: *zdoírva-jegó и *blagá-jegó, *zdoírvi-jemú и *blagú-jemú. Предполагать переносъ ударенія въ первой части второго типа, — при болѣе тѣсномъ сліянніи элементовъ, — т. е. измѣненіе *blagá-jegó въ *blága-jegó мы не вправѣ: ср. р. сухóго, пустóго, но не сýхого, пýстого.

Въ старословянскомъ оба типа даютъ — аго, второй потому, что удареніе въ сочетаніи — áје надало на а; въ первомъ типѣ а является изъ сочетанія — аје, стоявшаго послѣ ударенія. Тѣхъ же результатовъ ожидали бы и въ зап.-словянскихъ языкахъ: какъ znáješ дало znáš, такъ pustá-jegó должно бы дать pustāgo; какъ dělajеš дало děláš, такъ *zdoírva-jegó (съ побочнымъ удареніемъ конечнаго слога) должно дать *zdrávāgo, *zdróvāgo.

Типъ глаголовъ, какъ dělati (брѣзгати, дѣлати, пригати, слѣшати, стукати — въ сербскомъ) не настолько малочисленъ, чтобы можно было его показаніями пренебречь, сославшись на возможность вліянія глаголовъ типа čítati—čítajеš ср. Даничичъ «Акценті и глагола» Zagreb 1896 г., 78—79 сс. Впрочемъ могли вліять иныя формы тѣхъ же глаголовъ: dělati, dělaj, dělaachъ.

Русскія ф.ф. Благóвó, Дурновó и чак. žutegá, žutemú могли бы привести къ предположенію, что, какъ въ ф. *rúsaјegò, такъ и въ ф. pustáјegò въ общесл. діалектически побочное удареніе (Nebenton) второй части одерживало верхъ надъ главнымъ первой части, и изъ pustajegò, gusajegò получилсь зап.-сл. ф.ф. съ ē. Однако такое измѣненіе акцентуативныхъ отношеній фонетическимъ путемъ кажется мнѣ маловѣроятнымъ; и приведенныя русскія ф.ф., и аналогичныя чакавскія скорѣе возникли позже подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ: егò, сегò, тогò, твоегò, моего, своего (пля въ р. — мовò, твовò, свовò); самое существованіе въ русскомъ рядомъ — сухóва, пустóва и т. п. говоритъ въ пользу такого пониманія фактовъ.

Такимъ образомъ, на чисто фонетической почвѣ противоположность зап.-слов. ф.ф. типа čítáš и dobrégo врядъ ли можетъ

быть объяснена; проф. Лескинъ полагаетъ, что сочетаніе *-aje*— въ формахъ того и другого типа давало \bar{a} , формы же зап.-сл. съ \bar{e} возникли подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ ф.ф. (*jego, jemu*), но сохранили долготу изъ фонетическихъ ф.ф. на *-āgo*.

Взглядъ этотъ высказанъ былъ проф. Лескиномъ на одной изъ лекцій.

Такимъ же путемъ получилось сербское *-ōga, -ōmu*.

ак. Fortunatovъ и сербскія ф.ф. на *-ōga, -ōmu* объясняютъ фонетически: *ijemu > iemti > iomti*, откуда въ ст.-сл. *-oŭomŭ*, въ ср.-болг. пам. *-oemŭ* (также въ древнѣйшихъ русскихъ), въ с. *-ōmu* (изъ *-oomu*). Изъ дат. п. о перешло въ род. п. въ с. *-ōga* и р. *-oŭo*. Наоборотъ, изъ род. п. въ зап.-сл. *-ēgo* (изъ *ajego*) \acute{e} перешло въ дат. п. *-ēmi*. Лекціи по фонетикѣ ст.-сл. яз. Москва 1888 г., 108 с. Объясненіе ф.ф. род. п. вліяніемъ дат. п. и обратно кажется мнѣ искусственнымъ, а придавать значеніе формамъ ср. — болг. и др.-р. памятниковъ небезопасно; есть факты, указывающіе на то, что ф.ф. на *-omu* по аналогіи мѣстоименныхъ могли явиться въ болгарскомъ раньше, чѣмъ ср. — болг. *-oemŭ*, что слѣд. нельзя объяснять первыя изъ послѣднихъ: ср. въ Зографск. *prŭkomŭ*, въ пражскихъ отр. *slŭkomŭ*, въ календарѣ Ассем. Ев. *klagŭkŭromŭ*. Ф.ф. *-oogo, -oemŭ* могли возникнуть подъ перомъ писца, какъ комбинація живого *-ogo* или *-omŭ* и литературныхъ *-lago, -oŭomŭ*. ак. Fortunatovъ предполагаетъ, что въ ф.ф. gen. s.-dat. s. вслѣдствіе энклитического употребленія во второй части формъ являлось удареніе перваго слога. Въ ф.ф. типа **rŭsa — jego* такое явленіе возможно, но въ ф.ф., какъ **pustá — jego*—маловѣроятно; слѣд. ф. *pustēgo* все же непонятна.

Мысль проф. Лескина поддерживается діалектическими польскими *dobrego, dobremu*.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе мѣстоименныхъ ф.ф. въ томъ или другомъ видѣ на образованіе зап.-слов. формъ типа *dobrēgo, dobrēmu* врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Такъ, зап.-сл. *-ēgo, ēmi* могли возникнуть, если не подъ вліяніемъ *svēgo, tvēgo, mēgo, svēmu, mēmu* изъ *svojegò, tvojegò* и т. д., то подъ вліяніемъ *kēgo, čēgo* изъ къ *jegò, čjēgò* и *kēmu, čēmu* изъ къ *jemú, čjemú*: ср. др.-ч. *kého, čého* у Гебауэра Hist. Ml. III 1, 464, 505 с. Сербскія *dobrōga, dobrōmu* могли получить *-ōga, ōmu* подъ вліяніемъ *mōga, tvōga, svōga* изъ *mōjega, tvōjega, svōjega* (ср. чак. *mōjega, mōjemu* при *mojegà, mojemù* и р. по *mōemu* при *моегò, моему*).

Русскія мовò, свовò могли получиться и не изъ стяженія. На возможность вліянія ф.ф. *kého, čého* обратилъ мое вниманіе Г. А. Ильинскій.

Мысли г. Колара (Прага) объ образованіи словянскихъ ф.ф. прилагательныхъ определенныхъ въ Сборникѣ статей въ честь Ф. О. Фортунатова 1902 г. обхожу молчаніемъ.

По поводу глагольныхъ ф.ф. типа *znáš* — *zná* должно отмѣтить гипотезу проф. Бодуэна де К., видящаго въ нихъ остатки спряженія безъ соединительнаго гласнаго *Beitr. VIII, 207—208* сс. Однако съ этой точки зрѣнія долгота гласнаго а въ данныхъ ф.ф. для меня непонятна: въ ф.ф. 3 л. ед. и 2 л. мн. ч. *znā*, *znāse* и т. п. долгота *vnčmъ* инымъ, кромѣ стяженія, объявлена быть не можетъ, такъ какъ старая долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ открытомъ слогѣ внутри словъ подъ удареніемъ сокращается; въ ф.ф. 2 s. — *znāš* долгота также не могла явиться инымъ путемъ, такъ какъ вторичное удлиненіе въ закрытомъ слогѣ являлось первоначально лишь предъ звонкими согласными.

Что касается ф.ф. *vác*, *šác*, *ďžác* и т. п., то онѣ, вопреки русскимъ *вѣять*, *сѣять*, *дѣять*, должны быть возводимы къ ф.ф. съ удареніемъ суффиксальнаго а, хотя бы это удареніе явилось въ нихъ вторично подъ вліяніемъ иныхъ аналогичныхъ образований: ср. р. *bojъtsja*, *smjъtsja* (п. *bác še*, *smác še*) и словенскія: *sejati*, *dejati* при *vjati*.

ср. проф. Брандтъ въ Сборникѣ въ честь ак. Фортунатова 1902 с., 202 с.

9. Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ.

Первоначально краткіе гласные, какъ въ сербскомъ, такъ и въ чешскомъ остаются въ открытомъ слогѣ вообще краткими.

ср. «*Untersuchungen*» Лескина 1893 г. 7, 13 сс. и *Listy fil. XXIV, 343* и сл.

То же положеніе можно установить и для польскаго: ср. о, е въ открытомъ слогѣ въ литературномъ языкѣ, вообще сохранившемъ *ó*, *é*, какъ рефлексы *ō*, *ē*, или примѣры изъ сважендзскаго говора. Въ Сважендзѣ находимъ:

а) имена ж. р. *kosa*, *koza*, *koža*, *noga*, *rosa*, *rosa*, *smoła*, *voda*, *roloц*, *doloц*, *voloц*, *vežoц*, *medza*, *motła*, *sostra* (изъ *nietła*, *šestra*); gen. s. *moli*, *boli*, *solі*, *kości*, *nosy*, *nosy*, *řesy*.

b) ср. п.: koło, może (=morze), oko, pole, prosa, słowo, niebo, bodro, cośo, wosło (съ 'o изъ 'e).

c) м. п. (g. s.): boga, boju, boka, boru, dołu, głogu, gośca, gnoja, groba, jeża, gwoźdźa, kośa, mozgu, inodu, mosta, meca, noża, nosa, posta, pota, roga, roda, roku, stoła, stroja, stoga, snora, soka, woła, voza, voska, wperśa.

Однако, отъ установленнаго правила существуютъ отступленія. Уже въ др.-п. — ranooszaa, mooczy, sóstra, zóni п. pl. wuola, booga, mooczy, zéemye Семеновичъ 19, 24, 31, 35 сс. Лось Prace fil. II, 127 с.

Но нельзя придавать значеніе фонетическое всѣмъ этимъ фактамъ; такъ — booga, можетъ быть, — фактъ графическій (ср. п. s. boog).

Въ діалектахъ и литературномъ языкѣ отступленія ограничены словами: góra, gróza, sóra, próba, rógo, rózga, rózha, skóra, wóla, zémia.

ср. góra или gura въ Сважендзѣ, Miejskój Górk'ъ, Закопяхъ, Зебржидовицахъ, опочиньскомъ: Rozpr. IX 121, X 172, IX 164, XI 157. Въ Стонавкѣ gora = mons XII 21; gora и въ опшельн. Ueber d. opp. M. 16 с. и въ писаржов. Spraw. IV 3 с.: próba (pruba) въ Сважендзѣ, зебржид., опочиньскомъ, Miejsk'ой Górk'ъ ср. Rozpr. IX 164, 121, XI 157, также въ литературной рѣчи; rózha (rużoń) въ Сважендзѣ, Мѣйск. Г. Rozpr. IX 121 с., литературной рѣчи; въ Стонавкѣ, гдѣ ó и u различаются, — ruża Rozpr. XII 21 с.; rógo (rigo) въ Сважендзѣ и въ литературной рѣчи; rózga въ литературномъ языкѣ, въ Стонавкѣ — ruzga; sóra (sura) въ Сважендзѣ, Мѣйск. Г. Rozpr. IX 121 с.; zémia — въ Сважендзѣ; skóra въ зебржид., Мѣйск. Г. IX 164, 121 сс.; wóla — въ Стонавкѣ Rozpr. XII 21 с., Сромовцахъ Mat. i pr. I 1, 55 с.; hrúza — въ Стонавкѣ Rozpr. XII 21 с. (sic: h); прашницкое zóna (= žona) Spraw. V 79 с. не имѣетъ значенія: въ этомъ говорѣ всякое o предъ u измѣняется въ u, то-же въ swaj. luno изъ luno.

Въ кашубскомъ у Ramuł't'a находимъ: góra, rjoro, rózga, rózha, skóra, но: cora, groza, proba; у Bronisch'a: góra, skóra, rózha, pšoro.

То же явленіе, какъ извѣстно, — и въ чешскомъ: hrúza, vůně, smůla, kůže, kůzle, vůle, sůva при sova діалектически, chvůje, lůno, růže, průba (но діалектически — prouba, что, по мнѣнію Гебауэра, указываетъ на неправильность литературнаго правописанія съ ů) Hist. Ml. I 243 с.

Въ др.-ч. и иные примѣры: въ Пассионалѣ XIV в. чешск. музея—wuodu 280 а, Гебауэръ указываетъ даже buoha, buohu, buozie Hist. Ml. I 243 с.; послѣднiе примѣры врядъ ли отражаютъ живое произношенiе; скорѣе, это — фактъ графическiй (ср. ном. s. buoh), ср. еще др.-ч. dvěře, yméno, совр. vzhůru, моравскiя céra, rýro Bartoš II 1, 2, 67 сс. Въ словацкомъ лишь — rǒba, vǒňa, vǒla, (ruža), но: koža, lono, smola, sova.

Примѣры, стоящiе внѣ первичныхъ именныхъ образованiй, имѣютъ меньше значенiя при анализѣ условiй даннаго явленiя; къ такимъ относятся въ польскомъ: któru, śósty (въ оппелън.—ktory 16 с.), въ чешскомъ ср. mohu — můžеш — může, zovu — zůveš — zůve, ženu — žéneš, peru — péřеш Hist. Ml. III 1, 377 — 379 сс.; rustu — rustеш — ruste Bartoš II 44 с., infinitiva — věsti, nésti, péci, růsti и т. п. при nesti, vesti, peci.

Указанныя отступленiя представляютъ явленiе загадочное, доселѣ неразъясненное.

Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнiю, что происхожденiе его — не всегда фонетическое, но по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ аналогическое, хотя и трудно подыскать удачную аналогiю для всѣхъ примѣровъ.

Fischer въ Arch. III 525 с. сопоставлялъ чешское отношенiе между hora и vzhůru съ русскимъ: горá — гóру, признавая это перенесенiе ударенiя на корень въ вин. п. литовско-славянскимъ, послѣ чего долгота въ ф. vzhůru становилась для него ясной.

На дѣлѣ, сопоставленiе съ русскимъ нѣсколько дѣла не уясняетъ, хотя невольно напрашивается каждому: ср. mohu — můžеш и р. могу — можешь. Признавъ ударенiе въ ф. *gǒrǒ об.-славянскимъ и предположивъ, что *старое ударенiе удлиняло краткiй гласный*, мы, пожалуй, объяснимъ долготу въ ч. kůže, vůle, lůno, růže, rǒba и п. rǒba, rǒzga, rǒža, vǒla, но не поймемъ, почему нѣтъ удлиненiя въ остальныхъ словахъ, концы имѣвшихъ ударенiе на коренномъ краткомъ слогѣ, какъ показываетъ русскiй и сербскiй: въ чешскихъ—kolo, moře, oko,

pole, proso, nebe, g. s. boha, boje, boku, boru, doļu, hlohu, brodu, drobu, hodu, hromu, chodu, kovu, krovu, kroje, lovu, mostu, mozhu, nosu, potu, rohu, rodu, roje, roku, rovu, skoku, stohu, stroje, znoje, kosu, zvonu, vosku, hnoje, loje, vozi и въ соответствующихъ п. koło, morze, niebo, oko, pole, proso, słowo, gen. s. boga, boju, boka, boru и т. д.

Словинскія kôža, vôla указываютъ на первоначально восходящую краткость подъ удареніемъ; является предположеніе, что удлинялась лишь *восходяще ударенная краткость* ср. Изв. VII 312 с. Однако не находимъ удлиненія въ ч. (кон) — kона g. s., (kmet) — kmeta, (hou) — hou; с. кѡн — кѡна (р. конь — кона), с. кмѣт — кмѣта, словин. kmèt — kměta, с. гѡн — гѡна, (но слов. gòp — góna съ открытымъ гласнымъ) — датируютъ восходящій характеръ краткости подъ удареніемъ въ данныхъ словахъ ср. ниже 10 гл.

Притомъ не поймемъ при такомъ предположеніи ч. vz—hũgu: асс. s. *góřq былъ ударяемъ нисходяще ср. словин. gorǫ изъ góřq и р. ná-гору; наконецъ, останутся при этомъ необъясненными ч. hrũza, smũla, sũva и п. góra, gróza, róro, zéna: ср. р. смолá, совá, грозá, горá, нерó, землá и с. góra, грóза, смóла, пѣро, сòва, зѣмлá.

Допуская для объясненія этихъ послѣднихъ примѣровъ, что удлинялись ѓ, ѣ въ открытомъ слогѣ подъ перенесеннымъ удареніемъ, не поймемъ чешскихъ okno, voda, hora, koza, kosa, noha, osa, rosa, stopa, zoře, g. s. dvoru, nože, stolu, vola, konè, н. s. mezě, metla, sestra, země, žena, bedro, čelo, pero, veslo, также польскихъ okno, voda, koza, kosa, noga, osa, rosa и т. д.: ср. р. окнѡ, водá и т. д., с. òkno, вѡда и т. д.

Самая спорадичность примѣровъ удлиненія, ихъ характеръ отступленій отъ правила и діалектическія колебанія приводятъ къ мысли о нефонетическомъ ихъ происхожденіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ smũla, sũva, н. góra, hrũza, п. zéna, указать аналогію сравнительно нетрудно. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ именъ съ

удареніемъ окончанія въ пом. s. — въ асс. s. имѣли удареніе корня, также въ пом. pl.: ср. р. горá — гóру — гóры; землія — зéмлю — зéмли; водá — вóду — вóды, ногá — нóгу — нóги и с. гòра — гòру — гòре, кòса — кòсу — кòсе, лòза — лòзу — лòзе, мѣѡа — мѣѡу — мѣѡе, зéмѡа — зéмѡу — зéмѡе, рòса — рòсу — рòсе, смòла — смòлу — смòле, сòха — сòху — сòхе, вòда — вòду — вòде; въ р. однако: косу́, лозу́, росу́, смолу́, соху́; впрочемъ Востоковъ датируетъ: рòсу, смòлу, сòху Русск. гр. 1835 г. 395 с.

Изъ разногласій между русскимъ и сербскимъ видно, что первоначальное строгое различіе между двумя типами: *stopá — *stopó — *stopý и *vodá — *vódo — vódy уже нарушено, явились діалектическія колебанія. Но общій параллелизмъ между именами съ долгимъ и краткимъ кореннымъ гласнымъ сохраненъ: отношенія stopá — stopó — stopý (с. стòпе n. pl.) параллельны отношеніямъ chvalá — chvaló — chvalý; отношенія vodá — vódo — vódy параллельны отношеніямъ stěná — stěno — stěny, *bordá — *bórdo — *bórdu и т. п. Эти параллельныя отношенія ассоціировались въ сознаніи говорящаго.

Позже, когда психодящая долгота въ польскомъ и чешскомъ сократилась, пропорціональныя отношенія нарушились: stěná — stěno: gòrá — gòro. Тогда отношеніе stěná — stěno могло вызвать при gòro — gòrá т. е. stěno: stěná = gòro: x, откуда x = gòrá. Возможно, что такая аналогія явилась и въ иныхъ словахъ, какъ voda: ср. др.-ч. wuoda, но мы не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ. Когда въ им. п. проникъ типъ ударенія вин. п.: вл. stěna явилось stěna и т. п., должно было исчезнуть удлиненіе и въ gòra, smòla, vòda, zěma. Оно и исчезло, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: въ ч. и н. voda, въ ч. hora, země. Определить условія, способствовавшія сохраненію пережитковъ, какъ п. gòra, ч. smòla, н. діалектн. zěma, трудно. Можетъ быть напр. п. gòra поддерживало стоявшее рядомъ gòrka. Чеш. vzhůru

быть можетъ стояло подѣ вліяніемъ аналогичныхъ проклитическихъ сочетаній, въ которыхъ имя существ. имѣло долгій коренной гласный.

Для именъ hrŭza, sŭva (р. грозу—грѣзы, но с. грѣзу, грѣзе; р. сову — совы, но с. сова — сову — сове) можно бы предположить діалектическую ф. асс. s. grŏzŏ или же, если русскія показанія приемлемы, — stěny: stěná = grŏzy, sŏvy: x, откуда x = grŏzá, sŏvá.

Труднѣе дать удовлетворительное объясненіе остальнымъ отступленіямъ; и. rŏgo язъ rŏgo, — быть можетъ, стоять подѣ вліяніемъ отношеній kryló — kryla (ср. чак. krilò — krila), которыя на польской почвѣ являлись въ видѣ krŭlŏ — krŭla; отсюда быть можетъ — rŕĕgŏ при rŕĕga. Польское sóga, можетъ быть, возникло подѣ вліяніемъ болѣе употребительнаго sórka (также моравское séga), и. skŏra — подѣ вліяніемъ skŏrka. По поводу ч. shvŭje должно отмѣтить, что сербскій датируетъ удареніе окончанія: xvŏja изъ xvŏjá съ вторичной долготой o; слѣд. ср. gŏga, smŭla и т. д.; ч. prŭba, rŭže и и. rŏba, rŏza слѣдуетъ выдѣлять, какъ слова замѣтованныя: ср. ч. lŭn = нѣм. Lohn; ср. и. ruža въ Стонавкѣ, гдѣ ó и и различаются, и въ словацкомъ; замѣчательно и ruzga въ Стонавкѣ. Въ словинскомъ находимъ rŏzga, rŏza; предполагать первоначально нисходящую краткость подѣ удареніемъ здѣсь — нельзя: въ формахъ съ нисходящимъ удареніемъ корня удареніе въ пом. s. f. переносилось на окончаніе, слѣд. изъ *rŏza, rŏzga получилось бы rŏžà, rŏzğà и затѣмъ въ словянскомъ rŏža, rŏzga ср. gŏga изъ gorà.

Менѣе имѣютъ значенія такіе прилѣпы, какъ и. ktŏry, šŏsty, šŏdmy; о нихъ см. ниже, въ XII гл.

Чешскія ф.ф. nésti, vésti, rŭsti и т. и. будутъ объяснены въ слѣдующей главѣ.

Неяснымъ остается происхожденіе и. vŏla, ч. vŭle, vŭne, kŭže, kŭzle, lŭno, dvĕře, jmĕno (ср. въ словацкомъ koža, lono), неясны и ч. mŭžeš, zŭveš, žĕneš. Возможно, что восходящая краткость дѣйствительно удлянялась подѣ удареніемъ: ср. слов. kŏža,

vŕja, rŕzga, vŕnja, dvŕgi. Въ такомъ случаѣ первоначальныя *hŕna, *kŕna, *kmŕta исчезли подъ вліяніемъ отношеній *bŕg — *bŕga, nŕž — nŕža. Но сюда не относятся kŕzle, гдѣ удареніе вѣроятно было на окончаніи, jmŕno (ímja — íмени), zŕves, žŕnes, rŕeš (р. зовѣшь, слов. zóvet, -eš, žénet, rŕem). Чеш. mŕžeš врядь ли можно сопоставлять съ слов. mŕgem (mŕrati), tŕnem и т. п.: отношенія могу: мѣжешь параллельны отношеніямъ пога — pŕgŕ, чѣ въ слов. pŕga — pŕgŕ.

10. Краткіе гласныя въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

проф. Лескинъ нашелъ, что первоначально краткіе гласныя въ конечномъ закрытомъ слогѣ получаютъ въ сербскомъ вторичное удлиненіе, если на нихъ искони падало удареніе; этого удлиненія нѣтъ подъ удареніемъ перенесеннымъ: bŕg — bŕga (р. бѣга), но bŕb — bŕba (р. бобá) Untersuchungen 1893; 8 с.

Вѣриѣе формулировалъ законъ сербскаго удлиненія Вальевецъ: вторичному удлиненію подлежитъ старая нисходящая краткость подъ удареніемъ Rad 132 т. 174 с. Съ точки зрѣнія Лескина непонятны приводимыя имъ skŕt — skŕta, shkŕb — shkŕba, tvŕr — tvŕra, tŕn — tŕna, sŕk — sŕka, shkŕk — shkŕka, pŕd — pŕda, kŕn — kŕna, gvŕz — gvŕza, svŕk — svŕka, grŕb — grŕba, hrŕb — hrŕba, kmŕt — kmŕta, trŕn — trŕna.

Удареніе " доказываетъ исконную ударяемость коренного слога, но удлиненія нѣтъ. Эта особая категорія примѣровъ удобно объясняется гипотезой Вальевца: въ нихъ подъ удареніемъ была восходящая краткость. Въ сербскомъ " совпали удареніе нисходяще-краткое и восходяще краткое (восходящей была, вѣроятно краткость и въ случаяхъ, какъ bobŕ — bobá).

Особая—третья группа именъ засвидѣтельствована и чакавскимъ: при 1) bŕg — bŕga и т. п. и 2) pŕr — pŕra, bŕb — bobá и т. п.—3) skŕt — skŕta, kmŕt — kmŕta, bŕk — bŕka, drŕb — drŕba, grŕm — grŕma, pŕt — pŕta, grŕt — grŕta, krŕp — krŕpa, vŕnj — vŕnja (при bŕk — bŕka, drŕb — drŕba, grŕm — grŕma, pŕt — pŕta—

и bók — bòka, drób — dròba, rót — ròta, gróm — gròma ср. с. бѣк — бѣка, дрѣб — дрѣба, грѣм — грѣма у Мажураняча, грѣм — грѣма у Вука, пѣт — пѣта).

Словинскій, какъ извѣстно, сохранилъ различіе между нисходяще-краткимъ и восходяще-краткимъ: roljê, moŕjê, okô, bogâ, nosâ gen. s. при vólja, kôža и т. п., но въ немъ мы не можемъ различить по качеству ударенія второго и третьяго типа: именъ съ удареніемъ первоначально на окончанія и именъ съ восходящимъ удареніемъ на корнѣ; оба типа имѣютъ одинъ видъ: škŕôb — škŕôba и bôb — bóba. Тѣмъ не менѣе различіе это въ словинскомъ сохранилось: — въ качествѣ гласнаго; исконно ударяемый гласный является всегда закрытымъ, — ср. kóza, kósa, kóga, lóza, nóga и т. д. (р. козá, косá, корá и т. д.), g. s. nóža, rópa, snópa, stóla, vóla и т. д. съ примѣрами, какъ: kôža, vóla, šója и т. д., gen. s. škŕôba, skôka, skôta (при skôta), tópa, tóka, vója и т. д. Rad СХХХІІ 123, 134, 167, 177 сс. Въ болгарскомъ — нисходяще-ударенная краткость отличается отъ восходяще-ударенной перенесеніемъ ударенія на слѣдующій слогъ: мостѣт, носѣт, бродѣт, дробѣт, плодѣт, поттá, рогѣт, родѣт, богòве, долѣт, гноитá, лоитá: ср. с. мѣст — мѣста, слов. mŕst — mostá, с. нѣс — нѣса, слов. нѣс — nosâ и т. д. Но типъ кмѣт — кмѣта и бѣб — бѣба являются въ одномъ видѣ: кмѣтѣт, скѣтѣт и бѣбѣт, нѣжѣт.

Уже сопоставленіе болгарскихъ показаній съ чакавскими и сербскими убѣждаетъ въ справедливости мысли Вальявца: чак. и с. устанавливають, что удареніе въ ф. kmeta было на корнѣ, иначе было бы въ чак. не кмѣта, но kmetá, какъ bobà, — въ с. не кмѣта, но кмѣта, какъ bôba; болгарскій и словинскій (kmêta) показываютъ, что это удареніе корня не было нисходящимъ, иначе въ б. было бы кметѣт, въ словинскомъ кмѣт — кмѣта; слѣд. праформа имѣла восходяще-краткій гласный въ корнѣ подъ удареніемъ. Закрытость гласнаго въ словинскомъ даетъ возможность легко отличить такіе случаи отъ случаевъ съ первоначальнымъ удареніемъ окончанія.

Въ русскомъ указанія на типъ словъ съ восходящимъ удареніемъ на краткомъ коренномъ слогѣ — скудныя: конь — ко́на ср. у Даля отъ ко́на, до-ко́ну II 156 с. (ср. до-пору), но скоть — скотá.

Въ примѣрахъ съ ъ въ корнѣ: р. лѣва́, лѣна́, мѣта́ противорѣчатъ с. лѣв — лѣва, лѣн — лѣна, мѣст — мѣста; быть можетъ эти примѣры объясняются въ русскомъ влияніемъ иныхъ ф.ф. съ ѣ, ъ въ корнѣ: сѣнъ: сѣна́, пѣсь: пѣса́, дѣнь: дѣня́, пѣнь — пѣня́ ср. лѣдъ — лѣда́, гдѣ въ корнѣ первоначально было ѣ подъ удареніемъ (с. лѣд — лѣда).

Какъ пзвѣстно, и чешскій языкъ знаетъ въ рядѣ примѣровъ вторичное удлиненіе краткаго гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ: bûh, pûst, dvûr и т. п.

Но законъ этого удлиненія до сихъ поръ не найденъ.

Объ удлиненіи предъ звонкой согласной, какъ думалъ когда-то Миклошичъ, не можетъ быть и рѣчи. Новѣйшій изслѣдователь вопросовъ чешскаго ударенія, Āerný указываетъ на законъ, установленный Лескиномъ для сербскаго: удлинялся краткій гласный, искони ударяемый, и съ точки зрѣнія этого принципа располагаетъ свой матеріалъ; получается 15 примѣровъ, соответствующихъ правилу: bûh, dûl, hnûj, lûj, vûz при: skot, drozd, koš, por, spor, odr, ohej, gob, škrob, bob; противорѣчатъ же ему все остальные примѣры Чернаго, числомъ 35....

Мы, кажется, ближе подойдемъ къ истинѣ и получимъ болѣе гладкіе результаты, предположивъ, наоборотъ, что *краткій гласный въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ чешскомъ получалъ удлиненіе только подъ перенесеннымъ удареніемъ*, но не подъ старымъ.

Дѣйствительно, отсутствіе удлиненія замѣчаемъ, какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ виду показаній сербскаго и русскаго можно предполагать первоначальное удареніе корня: ч. boj, bok, bor, brod, drob, hod, ehod, kov, kov, kraj, lov, mozh, most, nos, pot, plot, roh, rod, roj, rok, rov, skok, stoh, stroj, znoj, vosk, kost, moc, nos, bol, med, pec. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ русскомъ находимъ удареніе корня: бѣя, бѣка, бѣра, бѣрада, дрѣбу

(малор.), гóда, хóда, кóва и т. д.; въ сербскомъ: бѣ́ж — бѣ́жа, бѣ́к — бѣ́ка, бѣ́р — бѣ́ра; брѣ́д — брѣ́да и т. д. Сюда же могутъ быть отнесены также: ч. hrom: р. грóма g. s., у Мажуранича грѣ́м — грѣ́ма, чак. grѣ́m — grѣ́ma, но у Вука — грѣ́м — грѣ́ма; ч. plod: р. пло́да g. s. но м.-р. плѣ́д — плѣ́ду, с. плѣ́д — плѣ́да, чак. plѣ́d — plѣ́da, болг. плодѣ́тъ, слов. plѣ́d — plodŭ; ч. kos: чак. kѣ́s — kѣ́sa, но въ малор. кѣ́с — кѣ́са; ч. zvon: р. звѣ́на, чак. zvѣ́n — zvѣ́na, слов. zvѣ́n; ч. led: с. лѣ́д — лѣ́да, слов. lѣ́d, чак. lѣ́d — lѣ́da, б. ледѣ́тъ, русская ф. льду́ — вторична; ч. jež: р. ежа́, но с. jѣ́ž — jѣ́ža, чак. jѣ́ž — jѣ́ža; ч. verj: р. вѣ́ря, с. вѣ́пар — вѣ́пра.

Далѣе, въ виду с. скѣ́т — скѣ́та, слов. skѣ́ta и чак. skѣ́t — skѣ́ta мы имѣ́мъ право предположить праформу съ восходяще-ударяемымъ ѣ́ и для чешскаго skot; также ч. škrob соотвѣ́тствуетъ с. шкрѣ́б — шкрѣ́ба, слов. škřѣ́ba, ч. kmet — с. кмѣ́т — кмѣ́та, чак. kmѣ́t — kmѣ́ta, слов. kmѣ́ta.

Чешское drozd, повидямому, не соотвѣ́тствуетъ р. дрозда́ и с. (у Мажуранича) дрѣ́зд — дрѣ́зда. Однако въ словинскомъ находимъ drŏzd, что указываетъ на возможность существованія праформы съ удареніемъ корня.

Съ другой стороны, въ чешскомъ находимъ въ слѣ́дующихъ примѣ́рахъ удлиненіе подъ перенесеннымъ удареніемъ:

ч. pŭst: ср. р. постъ́ — постá; въ сербскомъ пѣ́ст — пѣ́ста, соотвѣ́тственно русскому, — у Мажуранича, но у Вука pѣ́st — pѣ́sta, чак. rѣ́st — rѣ́sta, б. пѣ́стѣтъ, слов. pѣ́st — rѣ́sta. Показанія чакавскаго одинаково опровергаются болгарскимъ, русскимъ, словинскимъ. Совпаденіе русскаго и словинскаго съ діалектомъ Мажуранича позволяетъ предположить и для чешскаго праформу съ удареніемъ окончанія.

ч. dvŭr: р. дворá, чак. dvѣ́r — dvѣ́ra, слов. dvѣ́ra, Мажураничъ двѣ́р — двѣ́ра, Вукъ двѣ́р — двѣ́ра.

ч. nŭž: р. ножá, чак. nѣ́ž — nѣ́ža, с. нѣ́ж — нѣ́жа (sic), слов. nѣ́ža.

ч. stŭl: р. столá, чак. stѣ́l — stѣ́la, с. стѣ́ — стѣ́ла, слов. stѣ́la.

ч. vŭl: р. волá, чак. vѣ́l — vѣ́la, с. вѣ́ — вѣ́ла, слов. vѣ́la.

ч. kŭn: р. коня́, чак. kѣ́nj — kѣ́nja, с. кѣ́нь — кѣ́ня, слов. kѣ́na.

Итакъ, высказанному выше предположенію соотвѣтствуетъ въ чешскомъ 49 примѣровъ.

Число отступленій отъ него значительно меньше. Во-первыхъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ не находимъ удлиненія, хотя родственные языки указываютъ, повидимому, на удареніе окончанія въ праформѣ.

Изъ этихъ примѣровъ одинъ не имѣетъ значенія:

ч. *rov* не гармонируетъ с. *ròb*—*ròba* и р. *рабá*, но въ чак.—*ròb*—*ròba* въ слов. *ròba* при *ròba*, слѣд. возможно, что и чешское *rov* восходитъ къ праформѣ съ удареніемъ окончанія.

Остаются: 1) ч. *koš*—ср. с. *kòsh*—*kòsha*, чак. *košà*, слов. *kòša*; 2) ч. *por*: р. *попá*, чак. *ròr*—*porá*, с. *pòp*—*pòpa*, слов. *póra*; 3) ч. *spor*: р. *снопá*, чак. *snòr*—*snorà*, с. *snòp*—*snòpa*, слов. *snóra*; 4) ч. *odr*: р. *одрá*, с. *òдар*—*òдра*; 5) ч. *ohní*: р. *огні*, с. *òгавь*—*òгва*, чак. *ogànj*—*ognjà*; 6) ч. *bob*: р. *бобá*, чак. *bòb*—*bobà*, с. *bòb*—*bòba*, слов. *bóba*.

Къ краткому гласному *ě* относятся еще два примѣра: *šer* и *klen*: с. *чѣп*—*чѣпа*, чак. *šer*—*šerà* и с. *клѣн*—*клѣна*, чак. *klèn*—*klènà*. Но в.-русское *клѣпа* и малор. *клѣна* показываютъ, что чешское *klen* могло восходить и къ праформѣ съ удареніемъ корня.

Въ словѣ *šer*, если и было удлиненіе, то оно легко могло исчезнуть, такъ-какъ одинъ примѣръ не могъ образовать особую категорію, особый типъ отношенія формъ: съ *ě* въ ном. s. и *ě* въ gen. s. Оттого слово легко могло подчиниться вліянію стоявшихъ рядомъ *klèn*—*klèna*, *věř*—*věřa*, *kmět*—*kměta*, *měd*—*měda*, *lěd*—*lěda*, *jěž*—*jěža*.

Съ другой стороны, имѣемъ нѣсколько случаевъ съ удлиненіемъ, гдѣ родственные языки предполагаютъ удареніе корня: 1) ч. *buh*: р. *бóга*, с. *bòg*—*bòga*; 2) ч. *dul*: р. *дóла*, с. *dò*—*dòla*; 3) ч. *hnij*: р. *гния*, с. *gnòj*—*gnòja*; 4) *luj*: р. *лóя*, с. *lòj*—*lòja*; 5) *vúz*: р. *вóза*, с. *vòz*—*vòza*; 6) *sul*: р. *сóли*, с. *sò*—*sòli*. Оставивъ въ сторонѣ оговоренное *šer*, получаемъ 12 примѣровъ, отступающихъ отъ правила при 50 въ пользу его т. е. 24%.

Всѣ примѣры, соотвѣтствующіе правилу въ чешскомъ, соотвѣтствуютъ ему и въ словацкомъ: т. е. boj, bok, bor, brod, drob, hod, hrom, chod, kov, krov, kraj, lov, most, mozok, nos, plod, pot, roh, rod, roj, rok, rov, skok, stoh, stroj, znoj, kos, zvon, vosk, vepr, kost, moc, nos, pec, jež, drozd, kmeť, vepor, rob, škrob, klen, med и съ другой стороны: pôst, nôž, stôl, vól, kôn; только вм. ожидаемаго dvoг находимъ у Loos'a dvor.

Изъ первой категоріи исключеній сохраняютъ свое значеніе лишь spor и por; вмѣсто ч. koš и bob въ словацкомъ — kôš и bôb; слово odr отсутствуетъ, въ словѣ oheň — вставной глухой.

Изъ второй категоріи исключеній т. е. изъ примѣровъ удлиненія, гдѣ его не ожидаемъ, — находимъ въ словацкомъ лишь bôl, въ противоположность чешскому bol, но за то вм. ч. bûh, ðul, hnij, lûj, vûz, sul — закономѣрныя формы: boh, dol, hnoj, loj, voz, sol.

Такимъ образомъ, выставленный законъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ лишь подъ перенесеннымъ удареніемъ оправдывается въ словацкомъ 55 примѣрами при 4 исключеніяхъ. Относительно ч. sul и слов. bul должно помнить, что имена эти -i темъ, гдѣ въ извѣстныхъ надежахъ было удареніе окончанія, которое могло пропикнуть и въ ф. ном. s.; ч. dul — изъ u — темъ, также знавшихъ, какъ правило удареніе окончанія. Быть можетъ и иные примѣры долготы объясняются вліяніемъ -u темъ.

Малорусскій, какъ извѣстно, удлиняетъ краткіи первоначально гласный, независимо отъ мѣста ударенія въ праславянскомъ: нис — нóсу и піп — попá.

Иное — въ польскомъ. Здѣсь законъ удлиненія вполне ясенъ: и первоначально краткіе гласные, и сократившіеся долгіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ получаютъ вторичное удлиненіе *мигъ въ положеніи предъ первоначально-звонкимъ или сонорнымъ согласнымъ*.

Въ Сважендзѣ: grot — gradu, kraj — kraju, dźot — dźadu, gńif — gńeva, chlip — chleba, nić — miedzi, pruk — progę, mrus —

mrozu, pun — pana, sot — sadu, vor — varu, tvoš — tvaży, pof — paŵa, śnik — śnegu, ślot — śladu, źwiš — źveža, bżyk — bžegu, głut — głodu, smrut — smrodu, źłup — źłobu, stuŵ — stoła, vuŵ — woła, nuš — noża, mul — moli, struj — stroja, głuk — głogu, guśc — goźdźa, bul — boli, sul — soli, stuk — stoga, buk — boga, gnuj — gnoja, duŵ — dołu, musk — mozga, ruk — roga, rut — rodu, vus — vozu, buj — boja, bur — boru, grup — groba, drup — droba, jiš — ježa, lut — lodu, mút — módu, dźiń — dńa, dyšć — dyšću, syn — snu, piń — pińa.

Съ другой стороны: brat, čas, plać, rak, svat, vátr, bžost, groch, chłop, kvas, strach, znak, bat, kat, kvát, svát, vek, głos, kłos, vłos, młot, mrok, proch, post, suop, koš, gośc, kośc, noc, moc, sok, bok, most, nos, pot, rok, vosk, pec, vepš, mieć, veś, dech, pės, mech.

Примѣры, приведенные Лоренцомъ съ носовыми въ корнѣ Arch. XIX 162 с., вполне соотвѣтствуютъ правилу: bład — bledu, wiąz — więzu, powąz — powęza, trąd — trędu, wzgład — wzgłędu, dąb — dębu, kłab — kłęba, krąg — kręgu, maż — męža, rżąd — rzędu, ząb — zębu, ciąg — cięgu, kśadz — kśędza, poprąg — popręga, rąb — rębu, siąg — sięgu, wąż — węza, sąd — sędu (сосудъ), łąg — łęgu, głaб — głębi, piądz — piędzi, żoładź — żołędzi, gołaб — gołębia, jarząb — jarzęba, jastrząб — jastrzębia, łabądz — łabędzia 166 с.; но: jęк — jęku, kęs — kęsu, węc — węchu, pęp — pępu, stęк — stęku, pręt — pręta, zięc — zięcia, lęк — lęku, częśc — części, геś — геси, obręcз — obręcza, okręt — okrętu, ramięc — ramięci. При такой массѣ примѣровъ въ пользу правила, отступленіями являются: strąк — stręка, omięг — omięga, гег — гегу. Всѣ три выраженія малоупотребительны; гег стоитъ подъ влияніемъ болѣе употребительныхъ: гегаć, геготаć, гегоś, гегanie; strąк подъ влияніемъ болѣе употребительныхъ strącze, strączka, strączец.

Въ waś, plaś, paк, baк и т. п., въ которыхъ и въ гер. s.—a,—не удлинненіе, но старая долгота.

Въ Сважендзѣ находимъ kref — krvi, marchev — marchvi, но

эти имена относятся къ темѣ -i и были ассоцірованы съ иными именами этой темы, какъ *řes*, *cześć*, *řeć* съ краткостью въ коренномъ гласномъ.

То же правило и въ другихъ польскихъ говорахъ ср. выше стр. 107. То же въ кашубскомъ ср. у Броняша 51 с.

Далѣе аналогичное удлиненіе предъ звонкими согласными извѣстно и моравскимъ говорамъ: именно нарѣчію ляшскому Bartoš I, 100—101 сс., переходнымъ чешско-польскимъ говорамъ Силезіи ср. горноостравскій говоръ Rozprawy чешской академіи VII, № 1 (1899 г.) 8 с.

Иное дѣло, какъ понимать установленный фактъ.

проф. Бодуэнъ де К. полагалъ, что удлиненіе первоначально было и предъ глухими согласными, но позже получило ограниченіе въ силу того, что въ схемѣ *rōt*—*rōta* тожество согласнаго вызвало уподобленіе формы *nom. s.* остальнымъ ф.ф., тогда какъ въ схемѣ *bōk*—*bōga* (*bōk* пзъ *bōg*) не было такого мотива для уподобленія. Удлиненіе же въ примѣрахъ, какъ *bōj*, *kōj*, *vōj*, *mōj*, *bōg* удержалось потому, что оно было ассоціровано съ звонкостью согласнаго. «О др.-п. яз.» 78 с. Все это очень мало-вѣроятно: имена съ отношеніями типа **rōt*—*rōta* были настолько многочисленны, что легко ассоціировались бы въ особый классъ, который не исчезъ бы. Удлиненіе не могло быть ассоціровано съ звонкостью согласнаго, такъ какъ въ *bōg*—*g* измѣнялось въ *k*, оно было ассоціровано съ различіемъ согласнаго въ ф. *gen. s.* и *nom. s.*, слѣд. уподобленіе, происшедшее въ схемѣ **rōt*—*rōta*, должно было произойти и въ схемѣ *bōg*—*bōga*.

Иначе объяснялъ явленіе Потебня: «конечный глухой звукъ долѣе удерживался послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ большаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними явилось удлиненіе основнаго о (п основнаго е, изъ коего é) въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ» Къ ист. зв. 1876 г., 52 с.

Это объясненіе предполагаетъ, что дѣйствіе закона удлиненія прекратилось уже въ эпоху, когда редуцированные *ъ*, *ь* отпали

и послѣ отзвучныхъ. Такое предположеніе возможно, хотя и искусственно: въ данномъ случаѣ звукоизмѣненіе обусловлено не чисто-субъективной склонностью говорящихъ, которая можетъ быстро мѣняться, но общими физиологическими основаніями; если отпаденіе т, ь вызвало въ данной средѣ говорящихъ удлиненіе гласнаго предѣ звучными, то маловѣроятна мысль, что нѣсколько позже въ той же средѣ такое же отпаденіе т, ь удлиненія въ гласномъ предшествующаго слога не вызвало.

Между тѣмъ различіе между звучными и глухими согласными могло имѣть значеніе: въ voz — z измѣнялось въ s, происходила потеря голоса, которая могла вызвать удлиненіе предыдущаго слога; такого измѣненія не было въ rotъ — rot. Затруднительнымъ пунктомъ при такомъ пониманіи процесса являются примѣры, какъ rān, krōj, mōl, sōm (voĭ измѣнялось въ voц). Теоретически измѣненіе конечнаго согласнаго въ безголосный, потеря голоса въ концѣ слова не невозможна и въ этихъ случаяхъ; такое измѣненіе было бы недостаточнымъ для того, чтобы вызвать у говорящаго сознаніе различія въ рац и рана, но оно было бы достаточнымъ основаніемъ для безсозпательнаго фонетическаго процесса замѣстительнаго удлиненія; о редукиціи голоса въ сонорныхъ согласныхъ ср. у Sievers'a⁵ 196 с. Дѣло лишь въ томъ, что засвидѣтельствовать фактическое существованіе такихъ безголосныхъ ц, ц̣, ѓ, ѓ̣ — въ польскихъ говорахъ я не могу: мое ухо не замѣчаетъ никакого различія между п формы рап и ф. рапа напр. въ сважендзскомъ говорѣ. Предоставляю рѣшеніе этого вопроса изслѣдователямъ съ болѣе тонкимъ слухомъ. Возможно однако, что удлиненіе предѣ г, l, n, m въ закрытомъ слогѣ представляетъ особое, независимое отъ удлиненія предѣ звучными согласными, явленіе, быть можетъ болѣе раннее (напр. вызванное измѣненіемъ конечнаго т, ь въ т̣, ь̣, а не отпаденіемъ т̣, ь̣): ср. въ сербскомъ подобное удлиненіе предѣ г, l, n, m, j, v въ закрытыхъ слогахъ при отсутствіи его въ положенія гласнаго предѣ иными согласными въ закрытомъ слогѣ; очевидно имѣла значеніе самая природа этихъ согласныхъ. Но какъ бы

то ни было,—врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различіе между *bōg* — *bōga* и *bōk* — *bōka* — фактъ фонетическаго происхожденія, а не аналогическаго.

Остается рассмотреть нѣкоторые факты, внѣ области первичныхъ именныхъ образованій, повидимому противорѣчащіе принятому нами правилу. Лоренцъ принимая удлинненіе, независимое отъ качества согласнаго, въ обоснованіе этой мысли указываетъ на:

а) формы *gen. pl.*—а темъ ж. р. и *gen. pl. ср. р.*

б) односложныя инфинитивныя ф.ф.

с) инфинитивныя формы на *-pać* = ст.-сл. *нѣти*.

д) формы несклоняемаго причастія наст. вр.

е) нарѣчія. Рассмотримъ всѣ эти категоріи.

а. *Формы gen. pl. именъ ж. р. — а темъ и ср. р.* Въ этихъ формахъ находимъ нерѣдко долгій гласный и въ положеніи предъ глухимъ согласнымъ: не только *dağ* (*dęga*), *gaḅ* (*gęba*), *grząd* (*grzęda*), *ksiąg* (*księga*), *otrąb* (*otręby*), *przysiąg* (*przysięga*), *wstąg* (*wstęga*) *Lorentz Arch. XIX, 340—341, др.-п. raan, nyedzeel, pczool, skoor, opoon, ofiár, spráw, chorób, ozdób, bród, trzód, szkód, osób, wód, dróg, głów, ostróg, nóg, zbrój, ról, stodól, krów, sów, kóz, stád, pól, jeziór, mórz, mów, zbóż, dóbr, biódr* *Miklosich «Ueber d. langen V.» 112 с.;* но и—*miąg* (*mięso*), *strát, łáp, niewiást, koos, enót, robót, maḅ* (*meḅka*), *raḅ* (*reḅka*), *laath, myaasth, ptástw, stóp, kóp, wrót.*

Съ другой стороны самъ Лоренцъ указываетъ *peḅ, teḅz g. pl.* вмѣсто ожидаемыхъ имъ **taćz, *pać;* ср. еще *kłęsk, ponęḅ, pięḅ.* Эти формы онъ объясняетъ вліяніемъ остальныхъ формъ тѣхъ же именъ съ *ę.* Такіе примѣры—и въ словахъ съ звучнымъ согласнымъ темы: *cięg, jędz, nędz, pawęz, węd, potęg, torb, korb, form, sikor, gawęd.*

Мы видимъ, что формы *gen. pl.* не совсѣмъ оправдываютъ положеніе Лоренца; ему приходится прибѣгать къ аналогіи.

Позволительно къ ней обратиться и намъ, но не два раза, а лишь одинъ; съ точки зрѣнія Лоренца приходится аналогіей объ-

яснять и формы пом. s. m., какъ bok, rot и т. п.; мы исходимъ изъ положенія, что эти ф.ф.—фонетическія. Возникновеніе формъ, какъ strát, kár, kós, объясняемъ влияніемъ формъ, какъ gán, obár, spráw и т. п. Такое влияніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что группа именъ съ звонкимъ согласнымъ въ темѣ гораздо многочисленнѣе группы на согласный глухой. Съ другой стороны существованіе рядомъ съ формами *gōb, *dōg, *gān и т. д. формъ *rēt, tōč и т. д. вызвало появленіе ф.ф. *tōg, *nōdz и т. д. или существованіе отношеній rēta : rēt и т. п. вызвало появленіе отношеній tōga — tōg.

Въ польскомъ, такимъ образомъ, первоначальное строгое различіе между двумя типами отношеній: tōga—tōg и tōča—tōč нарушено. Но не нарушено оно въ кашубскомъ. Здѣсь и въ gen. pl., какъ въ пом. sing. удлинненіе—лишь предъ звонкими согласными; предъ — глухими — его нѣтъ: lāt, rōbúēt, māst, sērót, cemnót, rak, strak, sak и т. д. см. у Брониша 51—54 с. Единственное исключеніе представляетъ rok.

Закономѣрными съ точки зрѣнія проф. Бодуэна де К. и Лоренца являются польскія формы gen. pl. н. темъ -nt: cielat, swiniat, zwierzat. Наоборотъ, съ нашей точки зрѣнія эти формы явились подъ влияніемъ mōrz, dōbr, biodr, jeźór, stád, pól т. е. stádo : stád = telęta : telēt. Въ пользу такого пониманія говоритъ и малочисленность именъ этого типа, и то, что въ кашубскомъ—cēlāt, svińāt съ рефлексомъ краткости.

проф. Бодуэнъ де К. предполагаетъ измѣненіе *rōt въ rōt въ виду того, что иные надежныя формы съ краткимъ гласнымъ имѣли въ окончаніи темы тотъ же согласный, что и им. п. Но отчего же и. cielat не измѣнилось въ cielēt? Отчего при másto находимъ въ польскомъ māst, при lato — lāt? и съ другой стороны удлинненіе не сохраняется тамъ, гдѣ этого условія не было: wēt gen. pl. при wēda и т. д., torp gen. pl. при torba.

Миѣ кажется, аналогію мы должны видѣть не тамъ, гдѣ господствуетъ строгая выдержанность, гдѣ послѣдовательно проведенъ извѣстный принципъ — именно въ польскихъ и кашуб-

сихъ формахъ ном. s. m. и кашубскихъ ф.ф. gen. pl., а тамъ, гдѣ находимъ путаницу и противорѣчія—въ польскихъ формахъ gen. pl.

Показанія народныхъ говоровъ въ разсматриваемомъ вопросѣ — скудны, такъ какъ не только въ имена м. р, но и въ склоненіе ж. и ср. р. проникла въ gen. pl. флексія -ov: въ Сважендзѣ говорятъ—głouuf, roluf, zemuf, pauf, kozuf, gymbuf; при rok — rekuuf; только отъ osoba g. pl. -osup; въ именахъ ср. р. slyf (=słów), jezur, pul, zbuš, dżyf (drzew), muš, (morze), lot (lato).

То же, напр., въ опочиньскомъ говорѣ: «xlorón, kozón, osón, żabón i t. d.» Rozpr. XI 157 с. Относительно сохранившихся формъ безъ -ov находимъ у послѣдователей обычно неполныя свѣдѣнія; нерѣдко встрѣчаются примѣры удлиненія предъ глухимъ согласнымъ: въ опочиньскомъ ibid. при vód, nóg — vtót, ós; въ Krzęcinie — при báb, żáb — lát, cás Rozpr. II s. XI, 342 с., въ зебржид. ós, kós Rozpr. IX, 163.

в. *Односложныя инфинитивныя формы съ носовымъ въ корнѣ.* Лоренцъ приводитъ слѣдующія формы: kłác, ріа́с, жа́с (жму), жа́с (жну), ја́с, да́с, міа́с, سیا́с, ржа́с, trжа́с, ла́с, سیا́с. Самъ Лоренцъ не увѣренъ, должно ли приписывать долготу коренного гласнаго этихъ формъ исчезновенію конечнаго ъ; дѣло въ томъ, что и въ чешскомъ, гдѣ никакой потерпѣ нѣтъ, въ этихъ формахъ — долгота: kléti, píti, žíti, ро́čiti, jíti, donti, títi, p̄ísti, t̄íásti, léci. Въ чешскомъ долгота можетъ объясняться или положеніемъ долгаго гласнаго предъ удареніемъ, или восходящимъ удареніемъ на этомъ гласномъ. Удареніе окончанія въ этихъ глаголахъ засвидѣтельствовано для и. سیا́с, trжа́с, ла́с = ч. títi, t̄íásti, léci: ср. р. пстяті́, тряті́ — с. трѣсти, с. лѣти.

Точно такъ-же у Вука находимъ клѣти, пѣти, жѣти (жму); Лескинъ въ виду сложныхъ формъ за́клѣти, за́пѣти, за́жѣти, указывающихъ на *клѣти, пѣти, жѣти, отрицаетъ значеніе Вуковскихъ формъ, предполагая въ этихъ формахъ первоначальное удареніе корня. Но формы за́клѣти, за́пѣти, за́жѣти не имѣютъ такого значенія: и при трѣсти находимъ ѓтрѣсти, однако удареніе окончанія засвидѣтельствовано русскимъ *трясті́, отрясті́*; и при в́рата — п̄а-в́рата, однако никакого *в́рата нѣтъ и не было въ сербскомъ. Очевидно, это очень старое перенесеніе ударенія на корень въ сложныхъ словахъ въ сербскомъ — явленіе вторичное ср. Rešetar «Die serbo-kroat. Beton.» 159 с.

Формы съ нисходящимъ удареніемъ корня, конечно, существовали въ глубокой древности; но -і флексіи -ті представляло, повидимому, восходящую долготу; слѣд. уже въ литовско-славянскую эпоху удареніе было перенесено съ нисходяще долгаго коренного гласнаго на окончаніе, какъ и въ *bogdā; наоборотъ, формы, какъ с. дѹти, ч. douti параллельны именнымъ формамъ типа с. баба — ч. bába.

Такимъ же образомъ, с. pòčeti, òt-eti, сопоставленное съ чешскимъ ročítì, jíti, предполагаетъ праформу *četi, *jeti: заключая отъ с. pòčeti, òteti къ праформѣ *četi, *jeti съ нисходящимъ удареніемъ корня, мы не поймемъ чешской долготы: подъ нисходящимъ удареніемъ долгота въ чешскомъ сокращается; предполагая въ виду чешской долготы восходящее удареніе корня въ ф.ф. *četi, *jeti, не поймемъ сербскихъ ф.ф. pòčeti, òteti: ср. дѹти—надути, трѹти—затрѹти, жѹти—дòжети, jѹсти—дòжести, љѹсти—зàлѹсти. Прибавимъ еще zaprzac: малор. запрячі, с. напрећи се. Такимъ образомъ, большинство приведенныхъ у Лоренца примѣровъ долготы: kłac, piac, žac (жму), roszac, jac, trzasc, siac, lac, zaprzac находятъ свое объясненіе внѣ принципа вторичнаго удлиненія; остаются: žac (жну): ч. žiti, с. жѹти; dac: ч. douti, с. дѹти; miac = р. мять; siac, с. сjѹсти. Такая картина фактовъ самого Лоренца приводитъ къ мысли, что типъ преобладающій былъ обобщенъ и удареніе окончанія было проведено въ польскомъ во всѣ инфинитивныя ф.ф. этого класса (съ носовымъ въ корнѣ). Не рѣшая этого вопроса, онѣ все-таки склоняется къ объясненію долготы отпаденіемъ конечнаго ъ. Для насъ такое объясненіе, наоборотъ, невѣроятно, — въ виду значенія звучности согласнаго въ формахъ пом. s. m., а въ кашубскомъ и въ формахъ gen. pl.

Остановимся еще на глаголахъ того же класса съ инымъ первоначально долгимъ гласнымъ въ корнѣ:

Въ Сважендзѣ: ruć (каш. rosc): р. рості, с. расти; vlic: малор. волочі, ч. vléci, каш. vlęc Bronisch 67 с.; dżuc: с. дряжети, ч. dřiti, каш. dřęc Bron. 69 с.; mřuc: с. мряжети, ч. mřiti, каш. mřęc, но малор. мѣртя; рřuc: с. допріяжети, ч. přiti, каш. přęc, но малор. пѣртя.

ср. въ зебржид. *góśc, mĕśc, pĕśc*, но *drzeć Rozpr. IX 161—163 сс.*; въ Мѣйской Г. *włeć Rozpr. IX 124 с.*; въ опочин. *mĕyć, pĕyć*, но *vlec Rozpr. XI 155 с.* Сербскія *zadrĕjeti, ŭmrijeti* не говорятъ противъ *mrijeti, drijeti* ср. выше и с. *dĕprijeti*, сооставленное съ ч. *pĕiti*, должно быть возведено къ *prijeti*; р. *merĕty, perĕty* — вторичны, какъ *mĕsty, nĕsty, vĕsty* при первоначальныхъ *mĕstĭ, nĕstĭ, vĕstĭ*.

Мы видимъ, что тамъ, гдѣ съ извѣстной вѣроятностью можно предполагать удареніе флексіи, коренной гласный сохраняетъ долготу. Наоборотъ, въ томъ же сважендзскомъ говорѣ: *mlec*: р. *moloty*, ч. *mlĕti*, с. *mĕty*; *jesć*: с. *jĕsti*, ч. *jĭsti*; *lesc*: с. *sljĕsti*, ч. *slĕzti* и *slezti*; *śec*: с. *cjĕh*, ч. *sĕci*; *bec*: с. *bjĕh*; *kłasc*: с. *kłasti*, ч. *klĕsti*; *kraśc*: с. *krasti*, ч. *krĕsti*; и — *paśc*: с. *paŕsti*; рефлексъ краткости и въ кашубскомъ: *mlōc, jōsc, lĕsc, sĕc, bōc, klāsc, krāsc, pāsc* Bronisch 66, 67, 68, 75 сс. ср. выше каш. *vĕc, dĕc, mĕc, pĕc*. Сооставленіе сербскихъ и чешскихъ формъ указываетъ на первоначальное восходящее удареніе корня. Эти 8 примѣровъ ясно говорятъ противъ положенія Лоренца: отчего въ нихъ нѣтъ вторичнаго удлиненія?

Разсмотримъ еще глаголы того же типа съ краткимъ гласнымъ въ корнѣ. Въ Сважендзѣ: *buśc* (изъ *bóśc*): с. *bōsti*, р. *bostĭ*; *muc* изъ *móc*: с. *mōh*, р. *mochĭ*; *żec*: с. *żĕh*, р. *żechĭ*; *śec*: с. *tĕh*, малор. *techĭ*; *veśc*: с. *vĕsti*, р. *vestĭ*; *żec* (изъ *řec*): с. *pĕh*, р. *rechĭ*; *řec*: с. *pĕh*, р. *pechĭ*; *ńeśc*: с. *nĕsti*, р. *nestĭ*; *mĕśc*: с. *mĕsti*, р. *mestĭ*; *gńeśc*: с. *gĭjĕsti*, р. *gnestĭ*; *gźeśc*: с. *grĕpsti*, р. *grĕstĭ*; *veśc*: с. *vĕsti*; р. *vestĭ*. Мы видимъ, что только въ 2 примѣрахъ: *buśc* и *muc* имѣетъ мѣсто удлиненіе, въ остальныхъ 10 оно отсутствуетъ. Эти показанія сважендзкаго говора ясно говорятъ противъ положенія Лоренца. Въ др.-п. находимъ *mōcy*; можетъ быть, подъ влияніемъ рядомъ стоявшаго *gōstĭ* возникло и *bōstĭ*, *mōci* вм. *bōstĭ*, *mōci* ср. и въ опочинск. *bóśc*, «*módz*» Rozpr. XI, 155 с.; въ зебржидовск. *bóśc* Rozpr. IX, 163 с.

Также подъ влияніемъ *mrĕti, prĕti, trĕti, drĕti, vlĕci* могло возникнуть *nĕstĭ, vĕstĭ* и т. п.: ср. въ зебржидовск. при *mĕśc, pĕśc, řĕc* и — *bĕc, ńeśc, lĕśc, gńeśc, plĕśc* Rozpr. IX 163 с. Однако

сважендзскія показанія поддерживаются кашубскимъ: здѣсь не только plēsc, gr̄ōsc, m̄ōsc, n̄ōsc, gr̄ēsc, но и buēsc, miēsc — съ рефлексомъ краткости. Bronisch 66—67 сс. Явление, параллельное зебридовскому — въ чешскомъ: рядомъ съ первоначальными формами — teci, vesti, nesti, peci, vezti — въ древне-чешскомъ и нынѣ въ діалектахъ — tēci, vēsti, pēci, nēsti, vēzti, также др.-ч. būsti. Въ чешскомъ проникновение долготы по аналогіи въ формы съ краткимъ кореннымъ гласнымъ могло совершаться тѣмъ легче, что долгота коренного гласнаго проходить по всему классу глаголовъ съ первоначально долгимъ гласнымъ корня: въ однихъ случаяхъ въ силу положенія его предъ старымъ удареніемъ, въ другихъ въ виду восходящаго ударенія корня (mlēti, jēsti, sēci, slēzti, krāsti, klāsti); сравнительно немногочисленные глаголы съ краткимъ гласнымъ легко подчинялись вліянію массы остальныхъ; и наоборотъ, въ результатѣ смѣшенія двухъ рядовъ появились такія формы, какъ vlēci при vlēci, sestī при sēsti, slezti при slēzti.

с. *Infinitiva* на -nōti. Въ польскомъ infinitiv'ныя формы этого класса оканчиваются на -nāć, независимо отъ того, гдѣ было удареніе въ праслов.: ciągnāć = р. тянуть, więdnāć = р. вянуть. Въ чешскомъ всюду -nouti; въ кашубскомъ -nō. Самъ Лоренць ставитъ гипотезу, что долгота въ польскомъ являлась первоначально лишь въ типѣ глаголовъ więdnāć, въ положеніи послѣ ударенія, при извѣстномъ качествѣ долготы, затѣмъ окончаніе -nōtī обобщилось, перешло и на глаголы типа ciągnāć.

И дѣйствительно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что ō въ -lō представило восходящую долготу: оттого удареніе съ коренного нисходящаго слога было перенесено на суффиксъ: ср. с. грнуги—грнѣм, гдѣ форма 1 з. рг. имѣетъ удареніе корня изъ 2 з. 3 з., при к' свуги. А именно восходящая долгота послѣ ударенія сохранялась ср. f — tyn — čos.

Но онъ отвергаетъ эту гипотезу: «для этого нужно было бы принять, что въ эпоху сокращенія носовыхъ, глаголы съ суффиксомъ -nāć оканчивались на -cī, а это маловѣроятно»... 347 с. (Arch. XIX).

Не вижу причины, почему бы для вышеприведеннаго рѣшенія вопроса требовалось предположеніе, что глаголы этого класса оканчивались на -сі. Лоренцъ ничѣмъ не доказалъ, что **-pōtŷ* въ положеніи послѣ ударенія должно было сократить *ō*. Въ **védnōtŷ* -*o* въ положеніи послѣ ударенія, при восходящемъ качествѣ долготы могло оставаться долгимъ независимо отъ того, было ли окончаніе -*tī* или -*tŷ*; такъ же независимо отъ вида флексіи сокращалось подъ удареніемъ *o* въ *siōgnōć*; затѣмъ подъ вліяніемъ глаголовъ типа *védnōć* получали долготу и глаголы типа *ćognōć*. Что такое уравненіе (*Ausgleichung*) весьма возможно, показываетъ и сербскій: въ штокавскомъ -пѣ какъ въ глаголахъ типа *víknuti* изъ **víknūti*, такъ и въ *pānūti* изъ **pānūti*, но черногорскіе діалекты сохранили старое различіе между двумя типами: *víknūti*, но *pānūti*. Прибавлю, что объясненіе это тѣмъ вѣроятнѣе для польскаго, что изъ сохранившихся въ немъ глаголовъ класса -*nōć* большинство принадлежитъ къ типу *wiednāć* — съ первоначальнымъ удареніемъ на коренномъ слогѣ.

Въ сравнительно полной коллекціи глаголовъ даннаго класса у Soerensen'a «*Polnische Grammatik*» 1899 г. къ типу съ удареніемъ корня относятся: *bryznāć*: р. брызнуть; *buchnāć*: р. бучнуть; *burknāć*: р. буркнуть; *chlusnāć*: р. хлѣснуть; *cisnāć*: р. тиснуть, с. тиснути; *churnāć*: р. хрунуть; *chlōdnāć*: р. холонуть; *dźwignāć*: р. двинуть; *gaznāć*: гаснуть; *gināć*: р. гибнуть, с. гинуть; *huknāć*: р. гукнуть(?); *gruchnāć*: с. грѣхнути; *grzęznāć*: с. грѣзнуть, р. (по)грязнуть; *kisnāć*: р. киснуть, с. киснути; *krzyknāć*: р. крикнуть; *kleknāć*: с. клѣкнута; *marznāć*: р. мэрзнуть, с. мэрзнути се; *milknāć*: р. (у)молкнуть; *moknāć*: р. мокнуть; *brzęknāć*: р. брякнуть; *wiednāć*: р. вѣнута, с. вѣднута; *-targnāć*: р. -торгнуть, с. тргнуть; *ziębnāć*: р. зябнуть; *wuknāć*: р. (при-) вѣкнута, с. вѣкнута; *wisnāć*: р. виснуть; *więznāć*: р. вѣзнуть; *turnāć* ср. р. топнута; *sunāć*: р. сунута; *mieknāć*: р. мякнуть, с. мѣкнута; *niknāć*: р. -никнута, с. никнута; *rasznāć*: р. рашнута; *reknāć*: с. рѣкнута; *pisnāć*: р. пискнута; *plusnāć*: с. плѣснута; *prusnāć*: р. прыснуть; *parsknāć*: с. прснута; *pusznāć*: р. пухнута; *zięknāć*: р. -сякнута; *ślabnāć*: р. слабнута; *stugnāć*: р. стѣнута, с. стинута; *stuknāć*: р. стукнута, с. стукнута и стукнута; *zgarznāć*: р. шарпнута; *ślerpnāć*: р. слѣпнута; *świsznāć*: р. свѣснута; *ścisznāć*: р. (до)-стѣгнута, с. стѣгнута; *skrzyznāć*: р. скрѣпнута (?).

Значительно меньше глаголовъ, въ которыхъ удареніе первоначально падало на суффиксъ: *blysnāć* ср. р. блеснута; *chrapnāć*: р. всхрапнута; *śiagnāć*: р. тянута; *kasznāć*: р. кашлянута; *kiwnāć*: р. кивнута; *lganāć*, старо-п. *lnāć*: р. льнута; *machnāć*: махнута; *mignāć*: зигнута; *mināć*: минута (?); *-mknāć*: р. -мкнута; *mg-*

gnąć: р. моргну́ть; pchnąć: пхну́ть; pierzchnąć: порхну́ть; rznać; schnąć: с. сàх-
нути; -snąć: -снү́ть; szepnąć: шепну́ть; uśmiechnąć się: усмѣхну́ться; tchnąć;
tknąć, tonąć: тону́ть; -wichniąć: (с)вихну́ть; żgnąć; pisać (?): с. піснути; гукна́є:
с. рікнути; sarknąć: с. еркнути; гагна́є: с. грнути.

По поводу инфинитивныхъ формъ слѣдуетъ добавить, что мысли объ удлинении гласнаго предъ конечнымъ т(ь) противорѣчатъ и такія формы, какъ — *czytać, kozać, godać, dawać, sprać* и т. д. въ Сважендзѣ и другихъ говорахъ; ср. и кашубскія: *brac, prac, znac, dac, dęptac, plocac, skakac, pāsac, kāzac, gvizdac, šęptac, skūbnac, drapac* и т. д. Bronisch 69, 74 с.

ср. въ Miejskiej Górki *kozać, skloćdac, woćlac, skoćkac, sproćšac* Rozpr. IX, 115, 119 сс.; въ бржезинскомъ *kazać, gadać* R. VIII, 189 с., въ Krzęcinie: *rábac, jádac, gadać, śpéwac, chadzac, zbézac* и др. R. II s. XI, с. 340; въ зебржид. *skakac, badac, obrázac* R. IX, с.; только въ Łukowcu, вообще отличающемся странностями въ колачествѣ, при *stęylać, plákać, upadać* находимъ—*załowac, synkowac, dac* Spraw. V, 151 с.

d. *Формы несклоняемаго причастія наст. вр.* — на -ає не могутъ имѣть особеннаго значенія въ вопросѣ; въ данномъ случаѣ несомнѣнно играло роль влияніе причастныхъ ф.ф. одного класса на ф.ф. другого: въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгота явилась въ положеніи предъ старымъ удареніемъ: ср. с с. *vrūńi, prūńi*; затѣмъ могло произойти обобщеніе, поддерживаемое ассоціаціей съ флексіей *3 pl. pr.*, гдѣ -*Ń*. Относительно качества долготы въ суффиксѣ -*Ń* въ положеніи послѣ ударенія трудно сказать что либо опредѣленное: если въ с. *nieśŃi* и т. п. долгота *Ń* не вторична, то *Ń* представляло нисходящую долготу. Но что польское -ає не обязано своимъ происхожденіемъ вторичному удлинению, показываетъ чешское -*ouc*, *ic* во всѣхъ классахъ глаголахъ: *nesouc, prośic, tisknouc, umějic* и т. п.

e. *Нарчія*, приводимыя Лоренцомъ 348 с., какъ разъ говорятъ противъ его положенія: *inađ, onađ, no więс*. Лоренць объясняетъ дѣло тѣмъ, что *ę* въ *więс* «вѣроятно находилось въ неударяемомъ положеніи». Но для вторичнаго удлинения въ виду отпаденія *ъ*, *ь* не могло имѣть значенія мѣсто ударенія ср. *gołab — gołebia, łabądź — łabędzia* и т. п., гдѣ носовой также

былъ неударяемъ. Если же коренной гласный находился предъ удареніемъ, то онъ долженъ былъ сохранить долготу.

Отрицая удлиненіе, независимое отъ качества слѣдующаго согласнаго, мы не можемъ признать за результатъ вторичнаго удлиненія и флексію 3 pl. pr.: -ą изъ -ąть: *niesą, pięka, czytają, dma, ciągną, cisną, wiąza, sierpią, bronią* и т. п. Правда, въ данномъ случаѣ объяснить происхожденіе польской полготы трудно: въ ф.ф. типа *ńesǫть -ǫ* подъ удареніемъ должно было сократиться; въ случаяхъ, какъ *chválĕть* долгота могла сохраняться, если бы *ĕ* представляло вообще восходящую долготу; но такому предположенію не благопріятствуютъ сербскія показанія: *ńesŭ, pĕkŭ* указывало бы на нисходящую долготу флексіи, хотя сюда долгота могла быть перенесена изъ ф.ф., какъ *ńítaĵŭ, tǫnŭ*. Не благопріятствуютъ мысли о восходящемъ качествѣ долготы флексіи и р. *ńóсятъ, мóлятъ, тóнутъ* ср. *тонŭ, моліó, тонŭтъ, моліть*. Тѣмъ не менѣе всѣ эти факты ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить защитой мысли о вторичномъ удлиненіи въ п. -ą 3 pl. pr.: ср. въ чешскомъ -ou во всѣхъ классахъ глагола: *nesŏть* съ *o* нисходяще долгимъ должно было дать въ чешскомъ краткость.

1. О происхожденіи флексіи 3 pl. pr. въ зап.-слов. языкахъ ср. статью I. Horáka въ *List. fil.* 1900 г., 219 с. Авторъ справедливо относитъ измѣненіе первоначальнаго -ǫть, -ĕть въ *o, ĕ* къ эпохѣ особой жизни зап.-сл. языковъ и предполагаетъ что долгота являлась лишь въ извѣстныхъ акцентуативныхъ условіяхъ и затѣмъ путемъ аналогіи распространилась на остальные случаи; но страннымъ образомъ авторъ считаетъ долготу первоначальной въ типѣ съ удареніемъ носового, забывая, что въ чешскомъ подъ удареніемъ сохраняется лишь восходящая долгота.

Отмѣчу еще, что въ луковецкомъ говорѣ находимъ ф.ф., какъ *wanyk, woryk, dyscyk* *Spraw. V, 153* с. съ *y* изъ *ъ*. Фактъ этотъ врядъ-ли фонетическаго происхожденія: быть можетъ здѣсь сказалось вліяніе суффикса -ik.

11. Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ.

Судьба краткихъ гласныхъ внутри слова въ закрытомъ слогѣ, т. е. предъ сочетаніемъ согласныхъ съ выпавшимъ между ними т, ь, ь, — не вполне пока выяснена не только по отношенію къ польскому, но и по отношенію къ родственному чешскому языку.

Въ сербскомъ, какъ извѣстно, находимъ удлиненіе краткихъ гласныхъ въ такомъ положеніи лишь предъ согласными l, r, n, m, v, j (Leskien Untersuchungen 1885 г., 7 с.).

Повидимому, потеря слога вызывала извѣстное измѣненіе прежде всего въ самихъ l, r, n, m, v, j: они переходили въ долгіе (или слоговые) l, r, n, m, v, j.

Затѣмъ удлиненіе это передано было предыдущему гласному.

ср. Летопис Матице српске 201 т. (1900 г.), 182 с.

Сходное явленіе, какъ извѣстно, — въ малорусскомъ: зілля, коріння и т. п.

Въ чешскомъ, какъ замѣтилъ Махаль, первоначально краткіи гласный чаще остается безъ удлиненія: lůžko (lože), půlko (pole), slůvko (slovo), děnko (dne), skélko (sklo), jezérko (jezero), seménko (semeno), vřeténo (vřeteneno), olůvko (olovo), cévka (ceva), dcérka (dcera), klíčka (klec), píčka (pec), víska (ves), zídka (zed'), kůstka (kost'), но: plecko, kolko, očko (діалект. vůčko), bleška, cestka, cetka, plenka, špetka, teska, tetka, včelka, ženka, lebka, krevka, veška, žerd'ka, botka, kopka, kozka, nožka, notka, oska, skobka, soška, stopka, vodka, nocka, rolka.

Въ примѣрахъ: hrdélko (hrdlo), okýnko (okno), jadérko (jadro), křídélko (křídlo), stebýlko (steblo) é неорганическое; hrdélko образовалось по образцу skélko, okýnko — по образцу vřeténo, seménko, děnko; jadérko — по образцу jezérko.

Такая картина фактовъ не позволяетъ съ увѣренностью говорить о происхожденіи удлиненія краткихъ гласныхъ въ чешскомъ. Нѣтъ твердыхъ основаній видѣть зависимость удлиненія отъ качества ударенія на краткомъ гласномъ: ср. půlko, slůvko,

kůstka съ kolko, oěko, noska: въ томъ и другомъ случаѣ гласный находился первоначально подъ нисходящимъ удареніемъ (слов. polê, slovô, kôst — kosti, kolò, okò, nòĕ — noĕf); или lůžko съ botka (словинское lóže, bóta). Невозможно установить, что первоначально удлинненіе было ограничено положеніемъ гласнаго предъ r, l, n, v, j, хотя очень значительное количество примѣровъ этой мысли благоприятствуетъ: ср. růlko, slůvko, dénko, skélko, jezérko, seménko, vřeténko, olůvko, cévka, dcérka; однако: kolko, plenka, včelka, ženka, krevka, rolka и съ другой стороны: lůžko, klícka, pícka, víska, zídka, kůstka.

Сопоставленіе со словацкимъ не помогаетъ въ рѣшеніи вопроса: ср. nůžka, vòdka, hòrka, kòpka, bòtka, dcérka, skielko, n — skobka, stopka, tetka, ženka, krevky n. pl., cetka, čelko, slovko, oěko, platenka.

Очевидно первоначальныя отношенія нарушены вліяніями аналогіи. Являлось ли первоначально удлинненіе лишь предъ r, l, n, v, j или всѣ случаи удлинненія явились подъ вліяніемъ отношеній, какъ hlava — hlávka, не рѣшаю. Первому предположенію неблагоприятствуетъ то обстоятельство, что въ нормахъ удлинненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ нельзя усмотрѣть такого вліянія качества этихъ согласныхъ ни въ чешскомъ, ни въ словацкомъ. Вторая мысль встрѣчаетъ затрудненіе въ примѣрахъ, какъ dénko, skélko, такъ какъ отношенія hlava — hlávka не параллельны отношеніямъ dno — dénko; пришлось бы считать dénko и т. п. возникшими по образцу jezérko, seménko и т. п., которыя въ свою очередь — при jezero, semeno подъ вліяніемъ dřévko, střévko, tístko при dřevo, střevo, těsto и т. п.

Что касается этихъ послѣднихъ примѣровъ т. е. отношеній dřevo — dřévko и т. п. — съ первоначально долгимъ гласнымъ, которыя Махаль разсматривалъ заодно съ отношеніями slovo — slůvko и т. п., то ихъ слѣдуетъ, конечно, отдѣлить отъ послѣднихъ: въ нихъ нѣтъ собственно удлинненія. Отношенія эти остались у Махала въ сущности совершенно необъясненными; между

тѣмъ они легче поддаются объясненію, чѣмъ выше разсмотрѣнныя — съ первоначально краткимъ гласнымъ.

Не выясняютъ вопроса и слишкомъ бѣглыя замѣчанія Čern'аго въ статьѣ 1900 года (*Výroční zpráva. s. k. vyšší reálné školy v Brně. 5 с.*).

Недавно ак. Шахматовъ въ своей работѣ о русскомъ полногласіи Изв. VII 2, с. 309—310 высказалъ предположеніе, что въ случаяхъ, когда за долгимъ гласнымъ или сочетаніемъ слѣдовалъ слогъ съ ъ, ь, ставшими неслоговыми, качество об.-сл. ударенія измѣнялось: об.-сл. «vólъ» g. pl. > «vólъ».

Тотъ же принципъ ср. у Streitberg'a Indogerm. Forsch. III (1894 г.) 313 s.: «Findet in einem Wort ein Morenverlust, so wird eine der Verluststelle unmittelbar vorausgehende betonte kurze Silbe gedehnt, dagegen eine unmittelbar vorausgehende lange Silbe mit gestossenem Akzent geschleift».

Мысль ак. Шахматова очень вѣроятна, хотя въ современномъ состояніи фактовъ принципъ не отражается вполне ясно: оно измѣнено вліяніями аналогіи: ср. р. волѡсъ g. pl., но въ ном. s. воѡлъсъ подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей.

Въ сербскомъ и словинскомъ ак. Шахматовъ указываетъ ф.ф. gen. pl., какъ чāsā, праḡā, жаḡā при чās, праḡ, жаḡ; слов. līp, rīb, krāv при līra, rība, krāva и наоборотъ: с. другā, влāsā отъ друг, влās, слов. mōž, vlās отъ mōž, vlās и т. п.

Второй рядъ примѣровъ встрѣчаетъ нѣкоторое затрудненіе: удареніе ' въ сербскомъ обычно-перенесенное; если оно здѣсь (влāsā) обозначаетъ старое восходящее на томъ же слогѣ, то не вполне ясно, отчего оно въ такихъ примѣрахъ не сокращается, какъ вообще въ сербскомъ; также неясно, почему въ словинскомъ — mōž, vlās, а не mōž, vlās ср. brāt, mḡaz, праḡ и т. п. Это затрудненіе ак. Шахматовъ стремится, повидимому, устранить замѣчаніемъ, что качество ударенія въ vólъ не было тождественно съ качествомъ ударенія въ kōvna, что въ первомъ случаѣ оно было музыкально-экспираторнымъ, а во второмъ экспираторнымъ.

Въ чешскомъ принципъ иллюстрируется формами; какъ g. pl. gub, mḡr, krav при mīra, gūba, krāva, а съ другой стороны — čās, tīl (діалект. и др.-чеш.) при čas, tělo.

Еще раньше въ Изв. III, 28 с. ак. Шахматовъ указывалъ на чешскія ф.ф. ном. s. brat, rak, děd, какъ на результатъ подобнаго измѣненія восходящаго въ нисходящее удареніе на дол-

гомъ гласномъ въ виду отпаденія слѣдующаго ъ. Въ дѣйствительности и здѣсь мы не находимъ послѣдовательнаго проведенія принципа: при *brat, rak, dĕd, ěas, had, kraj, svat, huĕv, chlap* мы находимъ *pláě, láz, hrách, mráz, práh, klín, sýr, hrád, ráj, chléb* (при *chleb*), *vítr*. Въ этихъ послѣднихъ ф.ф. долготу пришлось бы объяснять вліяніемъ косвенныхъ падежей, гдѣ первоначальная восходящая долгота должна была сохраняться; однако въ *gen. s.* находимъ: *prahu, mrazi, hrachu, chleba, větra*; приходится стало быть думать, что первоначальныя отношенія *prah — práha* измѣнились въ отношенія *práh — prahu*. Съ другой стороны ф.ф. *gen. s.* *hnĕva, brata, ěasa, hada, dĕda, kraje, raka, chlapa, svata* вмѣсто ожидаемыхъ *hníva, bráta* и т. д. очень удобно объяснялись бы вліяніемъ ф.ф. *n. s.* *hnĕv, brát, ěas* и т. д.

Въ именахъ съ первоначально нисходящимъ удареніемъ на долгомъ коренномъ гласномъ ожидали бы отношеній *chlád: chlada* и т. п.; однако находимъ: *chlad, klas, prach, brav, vlas, vrah, břeh, vřed, vřes, žleb, hlad, hlas, sled, svět, dub, muž* и т. д. всюду съ краткостью...

Остается предполагать, что первоначальные типы сильно смѣшались: отношенія *chlád — chlada* измѣнились въ *chlad — chlada*, отношенія *brat — bráta* въ *brat — brata*; вмѣсто отношеній *prah — práhu*, быть можетъ, въ то время, когда старое *chlád — chladu* еще употреблялось при новомъ *prach — pracha* и старое *brat — bráta* при новомъ *ěas — ěasa*, — явилось *práh — prahu*.

Въ словацкомъ не находимъ такого смѣшенія, такъ какъ отношенія *chláď — chláďa* и *práh — práha*, если законъ измѣненія качества долготы въ слогѣ предъ ъ былъ извѣстенъ словацкому, одинаково давали здѣсь *chláď — chláďa* и *práh — práha*.

Принципъ, который ак. Шахматовымъ примѣненъ къ положенію долгихъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, съ гораздо большей ясностью проведенъ въ чешскомъ во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ — въ демишутивныхъ образованияхъ, разсмотрѣнныхъ когда то Махаломъ, хотя и здѣсь не обошлось безъ нарушенія первоначальныхъ отношеній вліяніями аналогій.

Въ этихъ образованіяхъ находимъ три группы.

I. Въ основномъ словѣ гласный — долготъ въ силу положенія предъ первоначальнымъ удареніемъ: производное сохраняетъ долготу, подь влияніемъ ли основного или фонетически, трудно рѣшить (ср. р. борозда — борѡзка): ч. brázda — brázdka, díra — dírka, svíce — svícka, mouka — moučka; chvalka, travka, pilka, krupka, trubka, služka (ср. sluha при slouha) явились, быть можетъ, подь влияніемъ отношеній типа kráva — kravka.

Сербскія параллели очень рѣдки: въ словѣ trávka — вторичное удлиненіе.

II. Въ основномъ словѣ коренной гласный сократился подь нисходящимъ удареніемъ, въ производномъ долгота, вѣроятно, сохранявшаяся подь восходящимъ удареніемъ: brada — brádka, hlava — hlávka, hřada — hřádka, strana — stránka, řeka — říčka, střecha — stříška; ср. р. (бородá) — бѡроду — борѡдна, (головá) — гѡлову — голѡвка, (сторонá) — стѡрону — сторѡнка. Къ этому типу отношеній въ чешскомъ относятся еще: děva — dívka (долгота въ с. děva — вторична: всѣ ласкательныя получаютъ въ сербскомъ' на первомъ словѣ ср. Гласник Срп. Уч. Др. XII, 482 с.); kniha — knížka (хотя въ серб. кнѣга); husa — houska, zlato — zlátko, dřevo — dřívko, střevo — střívko, těsto — tístko, tělo — tilko, květ — kvítko, žito — žítko, ucho — úško, břicho — bříško. По отношенію къ приведеннымъ именамъ средняго рода должно имѣть въ виду и русское ушкѡ, брюшкѡ, очкѡ при úхо, бриúхо, ѡко.

Въ иныхъ случаяхъ и производныя — съ краткимъ гласнымъ, вѣроятно, подь влияніемъ основныхъ: hvězdka, stěnka, ručka ср. hvězda, stěna, ruka; pivko ср. pivo (с. пѣво).

III. Въ основномъ словѣ коренной гласный сохранился долгимъ подь влияніемъ восходящаго ударенія, въ производномъ сократился въ виду измѣненія его въ нисходящее: kláda — kladka, kráva — kravka, rána — ranka, skála — skalka (скáла въ Черногоріи: Вукъ), sláma — slamka, vrána — vranka, žába — žabka, máma — mamka, bříza — březka, hlína — hlínka, hříva — hřívka, jíva — jívka, lípa — lipka, mísa — miska, níva — nivka, síla — silka, sírka — sirka, slíva — slivka, žíla — žilka, bouda — budka, chvíla —

chvilka, moucha—muška. Въ нѣсколькихъ случаяхъ долгота изъ основного слова проникла нефонетическимъ путемъ въ производныя: vláha — vlážka, míra — mírka, jáma — jámka. Исходя изъ с. kásha, pjěna, špičca, řěba должны признать нормальными Ф.Ф. kaška, řěnka, gubka, šrička, по въ основныхъ — вмѣсто ожидаемой долготы — краткость: kaše, řěna, guba, šrice (ср. діалект. rípa, rejba).

Въ словацкомъ первому типу отношеній соотвѣтствуютъ такія-же: sviesa — sviečka, múka — múčka, píla — pílka, trúba — trúbka, dúha — dúžka. Во второмъ типѣ отношеній, предполагая первоначально нисходящее удареніе въ словахъ brucho, ucho въ виду чешскихъ břicho, ucho (ср. р. zá ухо, zá уши и болг. ухó, но въ с. ѹхо, ѹши и р. на брѹхо), получили бы ожидаемыя въ результатѣ измѣненія нисходящаго въ восходящее удареніе отношенія: ucho — uško, brucho — bruško. Но въ противорѣчій съ принятымъ принципомъ находимъ словацкія: drevo — drevko, sluha — slúžka, hlava — hlávka, strana—stránka. Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ долгота могла проникнуть въ производную форму еще въ ту эпоху, когда им. п. ед. ч. основныхъ словъ сохранялъ долготу коренного гласнаго въ виду ударенія окончанія; позже форма им. п. получила краткость изъ вып. п. т. е. рядъ hlāva — hlāvu — hlāvka замѣнился рядомъ: hlāva — hlāvu — hlāvka.

Въ третьемъ типѣ отношеній въ словацкомъ находимъ въ соотвѣтствіи принципу краткость, какъ въ основномъ, такъ и въ производномъ: при jama, klada, slama, skala и т. д.: jamka, kladka, slamka, skalka, mamka, hlínka, lípka, miska, žilka, muška, kaška, penka, knížka (с. кнѣѣга). Рѣшить, не являются ли нѣкоторыя изъ этихъ примѣровъ вторичными, получившими краткость изъ основныхъ вмѣсто удлиненія предъ извѣстными согласными (r, l, n, v, j), трудно.

Примѣры sírka, chvilka, búdka, strážka къ этой группѣ именъ отнести нельзя, такъ какъ долгота является и въ основныхъ: síra, chvila, búda, stráža.

Въ сербскомъ находимъ: въ противорѣчій съ принципомъ —

грѣшка (грѣх), мѣшка (мѣш), сѣтко (сѣто), срѣчка (срѣка), шѣпка, (шѣба), брѣтко (брѣт), клѣсје (клѣс), прѣше (прѣт), лѣше (лѣст), въ согласіи съ нимъ — златко — златка (злато), гѣска (на *гѣс косвенное указаніе даетъ чешское *hus*), звѣрка (звѣжер—звѣјери). Интересно, что въ чакавскомъ находимъ *lišće*, *rgúce* съ восходящимъ долгимъ удареніемъ *Arch. XVII, 197 c.*, но значеніе этихъ фактовъ трудно съ точностью опредѣлить, такъ-какъ вопросъ о судьбѣ восходящей долготы въ чакавскомъ еще не вполне выясненъ.

Въ словенскомъ, быть можетъ, указаннымъ принципомъ должны быть объясняемы примѣры, какъ: *mīška* (*mīš* — *mīši*), *sītkā* (*sīto*), *srāčka* (*srāka*), *šībka*, *šībje* (*šiba*), *brātja* (*brāt*). Съ другой стороны: *zlatka* (*zlatō*).

Не знаю, не должно ли видѣть тотъ же принципъ и въ болгарскихъ примѣрахъ, какъ *сѣпѣт* (с. *сѣп*—*сѣпа*), *хѣдѣт* (слов. *hōd*), *гѣстѣт* (слов. *gōst*), *сѣкѣт* (слов. *sōk*), *пѣртѣт* (слов. *prōt*, с. *прѣт* — *прѣта*), *сѣрпѣт* (с. *сѣп*—*сѣпа*), *шѣпѣт* (с. *шѣп*—*шѣпа*), *сѣркѣт* (с. *сѣрк*—*сѣрка*), *рѣстѣт* (*хрѣст*—*хрѣста*). Въ виду нисходящаго качества ударенія въ примѣрахъ этихъ ожидали бы переноса ударенія на слѣдующій слогъ т. е. **сѣпѣт*, *хѣдѣт*, *гѣстѣт* и т. д., какъ *брегѣт*, *бегѣт*, *долѣт* и т. д. Последніе примѣры, являющіеся у Цонева, какъ правило (*Сборн. Болг. Мин. VI, 65—66 ss.*) должны быть въ такомъ случаѣ объясняемы, какъ возникшіе подъ влияніемъ род. п. **брегà*, **бегà*, **долà*, а формы *сѣпѣт*, *хѣдѣт*, *гѣстѣт* и т. д. («исключенія») представляли бы результатъ фонетическаго измѣненія качества ударенія вслѣдствіе потери моры въ слѣдующемъ слогѣ. Обратное измѣненіе восходящаго въ нисходящее удареніе въ закрывшемся слогѣ представляли бы болгарскія: *градѣт* (с. *град*), *ленѣт* (с. *лѣн* — *лѣна*), *плачѣт* (с. *плач*), *ядѣт* (с. *яд*), *часѣт* (с. *чѣс*), *мразѣт* (с. *мраз*) — формы же *кмѣтѣт*, *клѣнѣт*, *прѣстѣт*, *свѣтѣт* и т. д. (с. *кмѣт* — *кмѣта*, *клѣн* — *клѣна*, *прѣст* — *прѣста*, *свѣт* — *свѣта*) могли явиться подъ влияніемъ ф. ф. род. п. **кмѣта*, *клѣна*, *прѣста*, *свѣта* (см. примѣры на 48—49 ss. Сборника VI болг. мин.). Такимъ образомъ, получили бы свое объясненіе примѣры, являющіеся исключеніями, какъ у Цонева, такъ и у *Hirt'a* (*Ind. Akz.*).

Въ польскомъ описанная мѣна качества ударенія, если и имѣла мѣсто, то не могла оставить слѣдовъ, такъ-какъ здѣсь всякая долгота сокращалась подъ удареніемъ.

Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ польскомъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ имѣлъ значеніе иной принципъ: качество замыкающаго слогъ согласнаго.

Что касается внутреннихъ закрытыхъ слоговъ, то здѣсь принципъ этотъ не отражается такъ ясно.

Изъ именъ ж. р., приведенныхъ Лоренцомъ Arch. XIX, 350 и сл., важны главнымъ образомъ тѣ, которыя расходятся относительно носового съ соответствующимъ основнымъ.

Формы ген. в. именъ м. р., какъ *podśędka*, *przyswędka*, оставляю въ сторонѣ, такъ какъ онѣ находятся подъ влияніемъ формъ им. п. *podśędek*, *przyswędek*, гдѣ долгота сократилась подъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ.

Эти имена дѣлятся на двѣ группы: въ первой слогъ съ носовымъ замыкается звонкимъ согласнымъ, во второй—глухимъ.

1. *gąbka* (и *gębka*)—*gęba*; *grządka*—*grzęda*; *książka*—*księga*, *prażka*—*pręga*, *stażka*—*stęga*; *wiązka*—(*wiąz-*) *więzu*; *gałązka*—(*gałąź-*) *gałęzi*; *prządka*—*przędza*.

2. *gąska*—*gęś*; *pieczątka*—*pieczęć*; *cząstka*—*część*; *miąsko*—*mięso*; *obrączka*—*obręcz*; *świętka*—*święty*; *pamiętka*—*pamięć*.

Изъ именъ, въ которыхъ коренной гласный совпадаетъ съ гласнымъ основного слова, одну группу образуютъ примѣры съ рефлексомъ долготы, другую—съ рефлексомъ краткости.

3. *łączka*—*łąka*; *mączka*—*mąka*; сюда же я относилъ бы имена: *dziesiątka*, *dziewiątka*, *piątka*, такъ какъ они могли найдтись подъ влияніемъ ф.ф. *dziesiąty*, *dziewiąty*, *piąty*, а не *dziesięć*, *dziewięć*, *pięć*. Сюда же относятся имена, какъ *gorączka*, *spiaczka*, *biegączka*, *drączka*, *ziębiączka*, *stawiaączka* при *gorący*, *spiaący*, *biegący* и т. д.

4. *piętka*—*pięta*; *chętka*—*chęć*; *miętka*—*mięta*; *stęпка*—*stępa*, *dętka*—*dęty*, *pętko*—*pęto*.

Особую группу образуютъ *deminutiva* съ суффиксомъ *-ąt-ko*: *gołębiątko*, *zwierzątko*, *książątko*, *gąsiątko*, *cielątko*, *bydłątko*, *kociątko*, *prosiątko*, *osłątko*, *jelaątko*.

Полагаю, что эти имена стояли подъ влияніемъ формъ ген. pl.: *zwierząt*, *cieląt* и т. д., гдѣ *t* было также твердымъ, а не подъ влияніемъ ф.ф. *zwierzęcica*, *cielęcica* и т. д.

Мы видимъ, что удлиненіе носового не ограничено положеніемъ его предъ звонкимъ согласнымъ въ закрывшемся слогѣ.

То же можно сказать и относительно удлиненія въ данномъ положеніи иныхъ первоначально долгихъ, но сократившихся, или первоначально краткихъ гласныхъ. Примѣры удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ: —

Въ Сважендзѣ: *provda* (= *pravda*), *zdrojca*, *rośca* (*zdradca*, *gadca*), *storka*, *dźifka*, *sklonka*, *hopka*, *gotka*, *bojka*, *skłotka*, *leżółki* (сорть грушъ), *cołki*, *żotki* (*rzadki*), *koždyj*, *żodnyj*, *dovno*, *gucno*, *okinko*, *ćimnyj*, *zbujnik*, *rulnik*, *buźnica*, *nuška* (= *nóżka*).

Въ Miejsk'ой Górk'ѣ: *provda*, *mo^rrka*, *mołki*, *řo^ttki*, *cołki*, *skło^ttka*, *gł^owny*, *roźny*, *ćimny*, *boźnica* Rozpr. IX, 114, 119, 121, 123 сс.

Въ опочиньскомъ: *gořółka*, *ćinko*, *malínki*, *dvójka*, *trójka*, *jaskółka*, *jałóvka*, *króvka*, *mentóvka*, *vódkka*, *kółko*, *nózka*, *ćimny*, *głóvny*, *równy*, *próznny*, *róźny*, *dróznik*, *bóznica*, *trójca*. Rozpr. XI, 154—157 сс.

Въ зебржидовскомъ: *gádka*, *gořáwka*, *bródka*, *dvójka*, *ćórka*, *galasófkka*, *gadófkka*, *jagódkka*, *jaskówkka*, *jawófkka*, *krófkka*, *ńętófkka*, *přęgródkka*, *rogófkka*, *tarnófkka*, *trójka*, *vótkka* (*vodka*), *kówk^o*, *gwóvny*, *równy* Rozpr. IX, 155, 156, 164 сс.

Въ лясковскомъ: *právdka*, *dávno*, *zbávca*, *zakładka*, *várka* Rozpr. VIII, 86 с.

Въ бржезьянскомъ: *právdka*, *dávno*, *správca*, *vybávca*, *zakwádka*, *várka*, *škólvny*, *zdólvny* Rozpr. VIII, 189, 193 сс.

Въ опольскомъ: *prá^vvda*, *vá^rrka* Ueber d. opp. M. 13 с.

Въ луковецкомъ: *kázdy*, *wystáwka*, *kochánka*, *kijánka*, *sadzáwka*, *mámka*, *maćeřánka*, *stodółka*, *obórka*, *jábko*, *sójka*. Spraw. V, 152 с.

Въ Стонавкѣ: *spórvny*, *dólvni* Rozpr. XII, 21 с.

Въ Пышницѣ: *pisástwo*, *lekástwo*, *gospodástwo* (= *pisarstwo*, *gospodarstwo*, *lekarstwo*) Rozpr. II s. V, 380 с.

Примѣры удлиненія предъ глухимъ согласнымъ: *śátka* въ Сважендзѣ, Miejsk. G. Rozpr. IX, 119 с., съ долгой, явившейся быть можетъ подъ влияніемъ долготы въ *śić* — *śići*; *řyska* въ луков. Spraw. V, 153 с. — ср. *řyka*; *láska* въ Сважендзѣ и

другихъ Rozpr. VIII, 86; IX, 155; XI, 154 с.; klátka Rozpr. VIII, 86 с., 193 с.; prácka Rozpr. VIII, 86, 193 с.; dźátki Rozpr. IX, 156 с.; s_aǫbótka, st_aǫkrótka Rozpr. IX, 164 с.; śmísny Rozpr. XI, 156 с., — вѣроятно, подѣ влияніемъ śmích.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ не находимъ удлиненія въ такомъ положеніи: matka, kačka, lepšuj, setnuj — въ Сважендзѣ; то же наблюдается порой и предѣ звонкимъ согласнымъ: poźka (nozka, p_aǫska) Rozpr. IX, 164 с., VIII, 189 с., zonka, kołko, przyja-cołka Spraw. V, 154 с., jabłko Wisła IV, 447 с.; p_aǫźny, zd_aǫluy Rozpr. IX, 164 с.; sojka Rozpr. VIII, 189 с.

Анализъ приведенныхъ примѣровъ самъ по себѣ не можетъ дать твердыхъ выводовъ; съ одной стороны производныя стояли подѣ влияніемъ основныхъ или производныхъ съ иными суффиксами: poźka являлось подѣ влияніемъ noga, żonka (ср. каш. żonka), kołko, sojka — подѣ влияніемъ żona, koło, soja, p_aǫźny (литературное róźny) — ср. каш. p_oezdny — подѣ влияніемъ роźdże, роźdźić (ср. словарь Линде IV, 441 с.), zdolny подѣ влияніемъ zdołać, zdole ibid. VI, 988 с., jabko или jabłko ср. я каш. jabk_o подѣ влияніемъ jabł_oń, jabłuszko, jabłonka и т. д.; слѣд. такимъ же образомъ matka, kačka (каш. matka, kaczka), если бы удлинненіе первоначально имѣло мѣсто и предѣ глухимъ согласнымъ, могли получить краткость изъ mać, kaczó_r, kaczo_{ro}wy, kaczi_{ca}, setnu изъ set g. pl.; gaška, cząstka (каш. g_oska, ć_ostka при gaš, ćaš) могли получить долготу изъ gaši_or, gašię, cząsteczka; такъ же каш. błotk_o, błotny стоятъ подѣ влияніемъ błoto, dł_otk_o подѣ влияніемъ dł_oto и т. д. Пересмотръ всѣхъ примѣровъ былъ бы бесполезенъ.

Съ другой стороны, если удлинненіе первоначально было ограничено положеніемъ предѣ звонкимъ согласнымъ, то тѣсная ассоціація примѣровъ, какъ g_ołbka, и примѣровъ, какъ g_ołska, могла вызвать появленіе долготы и въ словахъ второго типа.

Такъ-какъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ принципъ удлинненія предѣ звонкимъ согласнымъ проведенъ вполне ясно, то наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ казалось бы именно предположеніе,

что первоначально принципъ этотъ имѣлъ значеніе и для внутреннихъ слоговъ.

Въ ф. ф. сравнительной ст. обнаруживается обычно вліяніе ф. положительныхъ: *głębszy* при *głęboki*, *krótszy* при *krótki*; *prędszy* при *prędkı*, приче́мъ обѣ послѣднія формы быть можетъ стоять подь вліяніемъ *prędzej*; въ формахъ — *lepszy*, *większy*, *skępszy* (отъ *skory*) отсутствіе удлиненія нормально въ виду качества согласнаго, замыкающаго слогъ; первоначальная долгота, вѣроятно, сокращалась — подь удареніемъ; то же въ *mędższy* (отъ *mądry*), — вторичное удлиненіе не послѣдовало здѣсь, вѣроятно, въ виду того, что слогъ замыкаетъ группа -*dr*: если *g* получало удлиненіе или слоговой характеръ въ виду потери моры въ слѣдующемъ гласномъ, то измѣненіе это затѣмъ исчезало безслѣдно, такъ какъ *g* было отдѣлено отъ гласнаго согласнымъ *d*; само же *d* не измѣнялось въ виду выпаденія редуцированнаго гласнаго; ср. тоже въ *viati*.

Что касается формы *weższy* при *ważki*, то она быть можетъ возникла подь вліяніемъ образованій, какъ *weże* 1 з. рг., *zweżać*; въ Сважендзѣ — *woży*. Подробнѣе буду говорить о формахъ сравн. ст. въ третьей части работы, посвященной морфологій сважендзкаго говора.

Отдѣльную группу образуютъ примѣры съ рефлексомъ долготы въ закрывшемся слогѣ, въ которыхъ удареніе находилось первоначально на слогѣ за редуцированнымъ гласнымъ ср. п. *várno* — *vorno* въ Сважендзѣ и с. *váпно* (бѣлор. *váпна*), *plótno* — *plútno* въ Сважендзѣ и с. *плáтно*, р. *полотно́*; *béłmo* въ зебржид. Rozpr. IX, 161 с.: р. *бѣльмó*. Сюда же, быть можетъ, относятся польскія формы именъ собирательныхъ, какъ *rapie* при *per*, *strącze* при *stręku* ген. s., *prącie* при *pręt*, *kvíce* (Сважендзѣ — при *kvat* — *kvatu*). По крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ такихъ формъ первоначально имѣли удареніе окончанія, которое затѣмъ или распространялось на ныня однородныя образованія или, наоборотъ, было вытѣсняемо подь тѣми или другими вліяніями типомъ съ удареніемъ окончанія: ср. р. *дубѣе*, *звѣрьѣ* и чакавскія: *perjé*, *zeljé*, *zrnjé*, *zvirjé*, *lišće* (ген. s. *lišća* и т. д.) при *lišće*, *tínje*, *zínje*, *svéce* и *gròzje*, *lišće*, *perje*, *zrnje*.

Сербскія формы: *дубье*, *пруђе*, *звѣйерје*, можетъ быть, стоять подь вліяніемъ *дуб* — *дуба*, *прут* — *прута*, *звѣйере*.

Въ словенскихъ *grózdje*, *zèje* — закрытое качество гласнаго указываетъ на то, что удареніе было на корнѣ.

Въ чешскомъ *proutí* (*prut*), *doubí* (*dub*), *kvítí* (*květ*), долгота

допускаетъ двоякое объясненіе: изъ положенія предъ удареніемъ и изъ восходящаго ударенія корня, получившагося вслѣдствіе потери моры въ слѣдующемъ слогѣ.

Болгарскій указываетъ на удареніе корня: дѣбие, дрѣвие, класле, лѣзие, кѣлие, пѣртие, грѣздіе, лѣстие, трѣние.

Въ указанномъ положеніи: *dǫbъjé — старая долгота могла сохраняться въ польскомъ или въ силу того, что ее отдѣляли отъ слѣдующаго ударенія неполныхъ два слога, или же въ силу того, что сокращеніе долготы въ такомъ положеніи произошло уже послѣ того, какъ ъ, ь, если не выпали, то стали неслоговыми.

Что долгота въ такихъ примѣрахъ должна быть отдѣляема отъ вторичнаго польскаго удлиненія, показываетъ сербское сохраненіе долготы: с. вѣпно, плѣтно; также чешское plátno, várno (ср. словацкое plátno, várno) должно быть объясняемо изъ положенія долготы предъ удареніемъ.

Къ той же группѣ примѣровъ можно отнести формы gen. s. уменьшительныхъ, какъ dąbka, sączka, rączka и т. д., разсмотрѣнныя Лоренцомъ Arch. XIX, 352 с.: ср. р. дубкѣ, сучкѣ, пучкѣ и т. д., с. дѣпка, голѣпка, стручка и т. и. Въ формахъ nom. s. также находимъ долготу: dąbek, sączek, rączek и т. д. Исключенія рѣдки: kłębek — kłębka — подъ вліяніемъ kłęba, kłębu и т. д. ср. каш. kłębк, речек, речек, rzędek, sęczek — подъ вліяніемъ рѣк, рѣр, rzędu g. s., sęк; рядомъ и фонетическія — rączek, rządek, sączek, а речек ср. съ с. пѣпак — пѣпка.

Изъ примѣровъ съ иными гласными ср. въ Сважендзѣ: vonek, pousek, kvotek, losek, gornek — параллели изъ другихъ говоровъ въ гл. 2. Можетъ быть, сюда же относится сважендзское storek. Форма nom. s. и gen. s. настолько тѣсно связаны, что, строго говоря, мы не можемъ рѣшить, фонетическаго-ли происхожденія та и другая форма: если форма nom. s. — фонетическая, то сохраненіе долготы въ ней объясняется положеніемъ предъ удареніемъ, другими словами и для п. dąbek, и для с. дѣбак, и для ч. dousek должно предполагать праформу *dǫbъkъ; если удареніе первоначально находилось на конечномъ ъ, то оно уже въ очень

раннюю эпоху было перенесено на предшествующій слогъ; иначе приходилось бы думать, что долгота въ формѣ ном. s. стоятъ подъ вліяніемъ ф. gen. s. Въ этой послѣдней формѣ долгота можетъ имѣть различныя объясненія: 1) она сохранялась въ виду положенія предъ удареніемъ, отдаленнымъ отъ нея на неполныхъ 2 слога или же въ виду того, что сокращеніе долготы въ положеніи за два слога предъ удареніемъ произошло уже послѣ измѣненія *ъ*, *ь* въ неслоговые или выпаденія ихъ; 2) долгота получила въ виду вторичнаго удлиненія, распространившагося со слоговъ, замыкавшихся звонкимъ согласнымъ, и на слоги съ глухимъ согласнымъ предъ *ъ*; 3) долгота въ формѣ род. п. возникла подъ вліяніемъ формъ им. п.

Лоренцъ Arch. XIX, 354 с. принимаетъ формы ном. s., какъ *daβek*, за фонетическія, предполагая раннее перенесеніе ударенія въ **dǫbъkъ* на предшествующій слогъ, и это пониманіе фактовъ кажется мнѣ въ высшей степени вѣроятнымъ. Въ формѣ gen. s. *daβka* и т. п. Лоренцъ видитъ, наоборотъ, форму вторичную и предполагаетъ первоначальное отношеніе *daβek*—*deβka*, признавая, что подтвердить такое предположеніе ничѣмъ нельзя. Мнѣ же оно кажется маловѣроятнымъ; изъ только что указанныхъ трехъ возможностей въ пониманіи формы *daβka* и т. п. я остановился бы на первой — въ виду польскихъ *várno*, *plótno* при с. *váпно*, *плáтно*. вмѣстѣ съ тѣмъ законъ Лоренца: «въ предпоследнемъ закрытомъ слогѣ носовой въ польскомъ является въ видѣ *ą*, если слогъ этотъ былъ ударяемъ,—въ видѣ *e*, если удареніе было на окончаніи» 355 с. кажется мнѣ необоснованнымъ и неправильно сформулированнымъ. Подъ удареніемъ долгота и въ какомънибудь **gǫbъka* должна была сократиться такъ же, какъ и въ **mǫka* или **dǫbъ*, такъ-какъ, если бы положеніе въ слогѣ предъ *ъ*, *ь* задерживало сокращеніе, то такое задерживающее вліяніе слога съ *ъ*, *ь* — обнаруживалось бы и въ примѣрахъ, какъ — **kǫsъ* (*kęs*), **stǫkъ* (*stęk*), **pǫpъ* (*pęp*), **vǫch* (*węch*), **brátъ* (*brat*), **časъ* (*čas*) и т. д., гдѣ слогъ оканчивался глухимъ согласнымъ.

Сократившаяся въ такомъ положеніи долготы, какъ и въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, возстановлялась въ виду измѣненія звонкаго согласнаго въ глухой; а такое измѣненіе происходило уже послѣ отпаденія и выпаденія ъ. Возстановленіе долготы въ слогахъ предъ звонкимъ согласнымъ распространялось и на параллельные случаи съ глухимъ согласнымъ. Въ случаѣ если удареніе было на окончаніи (*dǫbъká), вѣроятнѣе всего, старая долгота не сокращалась, но, если бы она сократилась, то была бы возстанавливаема вторичнымъ удлиненіемъ, какъ и въ gąbka; слѣд. форма типа dąbka во всякомъ случаѣ фонетическаго происхожденія, а аналогическаго развѣ въ такихъ примѣрахъ, какъ sączka. Лоренцъ же и въ dąbka или rzǫdka видитъ результатъ тѣхъ или другихъ аналогій 354 с. Считая фонетическимъ результатомъ въ примѣрахъ типа gąbka — a, мы не имѣемъ права принимать за таковой же результатъ въ формахъ типа rzǫdka — e, какъ то дѣлаетъ Лоренцъ.

Въ кашубскомъ то же, что въ польскомъ, только пом. s. потерялъ свое e изъ ъ подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей: dǫbk — dǫbka, kǫsk — kǫska, kǫbк — kǫbka, kǫżk — kǫżka и т. п.

Примѣры сербскаго сохраненія долготы въ формахъ типа *dǫbъkъ (гласак, зубак, грашак и т. п.) см. у Лескина Untersuchungen 1885 г., 86 с. Относительно чешскаго (brávek, čásek, ělánek, dárek и т. д.) — въ указанной (въ I гл.) работѣ Махала; ср. и у Чернаго Výroční zpráva.... 1900 г., 4—5 сс.; въ словацкомъ dárok, ělánok, hrádok и т. п. По аналогіи brávek, čásek, dárek возникли въ чешскомъ и pládek, drůbek, knůtek, růžek и т. п.

То же въ польскомъ: ср. въ зебржидовскомъ vózek при говек, dołek Rozpr. IX, 164 с.; въ Сважендзѣ обычно сохраняется краткость: kotek, płotek, ftorek (dumek — съ и въ виду слѣдующаго m), какъ и въ большинствѣ другихъ говоровъ.

Въ иныхъ случаяхъ возможны пныя вліянія: такъ, — долготы въ urádek, przurádek могла явиться въ виду глагольныхъ формъ,

какъ upadać (напр. въ Сважендзѣ, Miejsk'ой Górki'ѣ Rozpr. IX, 116 с.); фонетически получилось бы upadek, przupadek ср. р. упáдокъ, припáдокъ. Въ положеніи предъ удареніемъ явилась долгота и въ сваж. wíńes (р. вѣ́нецъ — вѣ́щца).

12. Вторичныя именныя, мѣстоименныя, глагольныя и иныя образованія.

Въ предыдущемъ изложеніи я обычно оставлялъ въ сторонѣ вторичныя именныя образованія, образованія мѣстоименныя, глагольныя и тому подобный грамматическій матеріалъ, — за исключеніемъ главъ, какъ 11, гдѣ этотъ матеріалъ неизбеженъ, — въ виду его ненадежности: вторичныя именныя образованія стоятъ подъ вліяніемъ основныхъ, однѣ глагольныя формы — подъ вліяніемъ другихъ, въ прилагательныхъ могутъ быть смѣшаны акцентуативныя отношенія опредѣленной и неопредѣленной формы; такимъ образомъ, въ этомъ матеріалѣ приходится уже болѣе считаться съ вліяніями аналогіи, измѣняющей результаты чистофонетическихъ явленій, и ожидать меньшей закономерности.

Къ этому сорту фактовъ относятся примѣры, приведенные Лоренцомъ въ обоснованіе его положенія, что въ третьемъ отъ конца слогѣ носовой является долгимъ, разъ первоначальное удареніе лежало на предпоследнемъ слогѣ Arch. XIX, 360 с.; очевидно, положеніе это въ болѣе общей формулировкѣ значить лишь: носовой является долгимъ въ положеніи предъ старымъ удареніемъ. —

dąbrowa: р. дубрѡва, дубра́ва, с. дубрава.

grządziel — grądziela: с. грѣдель — грѣдельа.

kaździel — kaździela: р. кудѣль — кудѣля, с. кўѣельа.

kaŗpiel — kaŗpiela: р. купѣль — купѣли.

gaŗczyna при gęczyna: с. рўчина.

grądzidło при grędzidło: р. грузі́ло.

gołąbie — gołąbiecia при gołębie — gołębiecia (= каш. gęłabja): р. голубя́ — голубя́ти.

gaście — gaściecia: р. гуся́ — гуся́ти.

strączyzna: с. стру́чина.

dębina (= каш. dąbina): р. дуби́на.

dziesięcina: р. десяти́на, с. десѣтина.

gołębica: р. голуби́ца, с. голубица.

miękina: р. мяки́на.

prężyna: р. пружи́на.

ср. еще rajęczyzna: р. паути́на, но с. лаўчина.

zajęczyzna, но р. зя́чина.

ак. Шахматовъ высказалъ предположеніе (Изв. VII, 316—317 с.), что *уже въ общесловянскомъ доміе гласные сокращались предъ домимъ ударяемымъ гласнымъ суффикса.*

Въ обоснованіе этого положенія ак. Шахматовъ указываетъ на сербское сокращеніе долгихъ гласныхъ предъ суффиксами съ долгимъ гласнымъ, установленное Лескиномъ Arch. XXI, 321 и сл., тогда-какъ предъ суффиксами съ ъ, ь и въ большинствѣ случаевъ съ о, е этого сокращенія не находимъ. Такъ-какъ гласный долгій суффикса находился подъ восходящимъ удареніемъ, слѣд. долженъ былъ въ сербскомъ сократиться, то сокращеніе предшествующаго коренного гласнаго предъ нимъ было бы непонятно, какъ сербское явленіе, замѣчаетъ ак. Шахматовъ.

Сокращеніе коренного гласнаго въ такомъ положеніи могло произойти въ эпоху до сокращенія восходящей долготы въ сербскомъ, но это еще не значить: — непременно въ общесловянскую.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ак. Шахматовъ указываетъ и на чешскія: družina (впрочемъ краткость и въ druž), krupice, měřice при kroupa, míra.

Анализъ приведенныхъ польскихъ примѣровъ самъ по себѣ не даетъ твердыхъ результатовъ: dębina, miękina, prężyna, dziesięcina, gołębica, rajęczyzna, zajęczyzna какъ разъ не могутъ имѣть значенія въ вопросѣ, такъ-какъ стоятъ подъ вліяніемъ — dęba, dębu и т. д. (ср. dębczak, dębczyna, dębianka, dębiasty, dębiany, dębica, dębies, dębniak, dębica), mięki, pręga, dziesięć, gołębia, gołębiu и т. д., rajęczy, zajęczy; также ręczyzna могло возник-

путь подь вліяніемъ *reka, ręczny, ręczyć; gołębie* — *gołębiecia* подь вліяніемъ *gołębia*; чередованіе *grędzidło* и *grądziidło* объясняется параллельнымъ существованіемъ *grzęznąć* при *grząznąć*; при словѣ *karpiel* необходимо помнить глаголь *karpać*; обратныя — *gaściecia, gołąbiecia* могли возникнуть подь вліяніемъ формы *nom. s. gąsie, gołąbie* гдѣ сохраненіе долготы предь ударяемымъ гласнымъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что гласный этотъ — въ конечномъ открытомъ слогѣ очень рано сократился.

Остаются: *grądziel — grądziela, kądziel — kądziela*, но чешскій указываетъ въ этихъ случаяхъ на суффиксъ *-el*, а не *-ěl*: *koudel — koudele, hřidel — hřidele*; далѣе *rączyna (reka)*, которое однако стояло въ соотвѣтствіи съ (нефонетическимъ) *rączka, и sąsiad*.

Но и въ послѣднемъ примѣрѣ, въ виду его единичности, нельзя видѣть доводъ противъ мысли ак. Шахматова. Префиксъ *sa* въ этомъ словѣ могъ стоять подь вліяніемъ иныхъ аналогичныхъ образованій, хотя бы и исчезнувшихъ въ польскомъ.

Иныя образованія съ суффиксами, какъ *cieleęcina, przędziwo, jagnięcina, prosięcina, stepica, częstość* см. Arch. XIX, 359 с. иллюстрируютъ правило, установленное въ 4 главѣ: долгота подь удареніемъ сокращается (ср. р. телятина, с. јагнетина, прасетина, стунница, прѣдиво).

Особо должны быть разсмотрѣны случаи, гдѣ долгимъ является въ силу положенія предь удареніемъ не гласный корня, но гласный суффикса.

Сюда въ польскомъ относятся суффиксы *-ář, -ák, -áč, -ál*.

Производныя съ суффиксомъ *-ag*, какъ показываетъ сербскій и русскій, имѣли два типа ударенія: въ однихъ суффиксальное *-a* находилось первоначально въ положеніи предь удареніемъ, въ другихъ — послѣ ударенія: ср. с. *vrátar, glávár, звѣздár, златár, звонár, крчмар, лѣкар, господár*; ген. s. — *вратара, главара, звѣздара, златара* и т. д. и — *рибар, млинар, пушкар, пекар, писар* при *писар*; ген. s. *рибара, млинара, пушкара* и т. д.

Въ русскомъ: звона́рь—звонаря́, главáрь—главаря́, коса́рь—косаря́, пушка́рь—пушкаря́, но: пи́сарь, лѣ́карь, пе́карь.

Эти двѣ схемы могли затѣмъ слиться въ одну или же вліять одна на другую въ томъ или другомъ словянскомъ языкѣ; въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчается между отдѣльными языками разногласіе: ср. р. лѣ́карь съ с. лѣ́ка̄р — лека́ра и малор. лі́ка̄р, чак. lekár — lekárá, с. пу́шка̄р и р. пушка́рь, с. млі́на̄р, но бѣлор. млина́рь.

Въ чешскомъ языкѣ отражается первоначальная двойственность: hvězdáĭ — hvězdáře, krčmáĭ — krčmáře, hospodáĭ — áře, gubáĭ — áře, mlýnáĭ — áře; въ этихъ примѣрахъ долгота сохранена въ виду положенія ā предъ старымъ удареніемъ (по крайней мѣрѣ въ косвенныхъ падежахъ, откуда она могла быть перенесена и въ ном. s.), хотя въ сербскомъ рѣба̄р; съ другой стороны — zvonáĭ не смотря на русское звона́рь—я́ и с. звонá̄р — звона́ра, lékaĭ — соотвѣтственно русскому лѣ́карь, ruškaĭ ср. с. пу́шка̄р, rekaĭ ср. р. пе́карь и с. пѣ́ка̄р, pisaĭ ср. с. пи́са̄р и р. пи́сарь.

Въ этихъ, второго типа примѣрахъ краткость должна быть объясняема положеніемъ ā послѣ ударенія.

Словацкій проводитъ долготу и во второй типъ: mlýnár, hviezdár, zvonár, krčmár, hospodár, gubár и —pekár, pisár, zvonár, lekár.

Въ польскихъ говорахъ также сохранились указанія на первоначальную двойственность.

Въ Сважендзѣ слышалъ я лишь формы съ рефлексомъ долготы: gospodoś — oża, kozłoś — kozłoża, skotoś — oża, lekoś — lekoża. Но, напримѣръ, въ говорѣ Krzęcina Rozpr. II s. XI, 341 с. находимъ при случаяхъ сохраненія долготы во всей схемѣ склоненія, какъ: „oknáĭ — ářa, stoláĭ — ářa, tcepaĭ — ářa, примѣры краткости въ косвенныхъ падежахъ: pisařa, řekařa, malařa, послѣднее слово заимствованное; первые два ср. съ р. пе́карь, пи́сарь, с. пѣ́ка̄р, пи́са̄р и ч. rekaĭ, pisaĭ. Долгота же въ формѣ им. п. — řekáĭ, pisaĭ — результатъ вторичнаго удлиненія въ закрытомъ слогѣ предъ г.

— Сокращеніе въ косвенныхъ падежахъ, какъ и въ чешскомъ, должно быть объясняемо положеніемъ долготы (вѣроятно, нисходящей) послѣ ударенія.

То же ср. въ ясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 83 с.: *gospodáĭ* — *áĭa*, *řezbáĭ* — *áĭa*, *stoláĭ* — *áĭa*, *krováĭ* — *áĭa*, но: *řísáĭ* — *pisaĭa*, *mynáĭ* — *aĭa*, *kucháĭ* — *aĭa*, *řekáĭ* — *aĭa*, *řgár* — *aĭa*, *lékáĭ* — *aĭa*, *karčmáĭ* — *aĭa*.

Въ зебридовскомъ Rozpr. VIII, 191 с.: *stolár* — *áĭa*, *řovcáĭ* — *áĭa*, *gospodár* — *áĭa*, *řvínáĭ* — *áĭa*, но: *mynáĭ* — *aĭa*, *řekáĭ* — *aĭa*, *řísáĭ* — *aĭa*.

Въ кашубскомъ, повидимому, типъ съ долготой обобщенъ: *lèkòĭ* — *òĭa*, *řisòĭ* — *òĭa*, *młénòĭ* — *òĭa*, *stolòĭ* — *òĭa*, *karčmòĭ* — *òĭa*, *kuchòĭ* — *òĭa*, *kramòĭ* — *òĭa* (заимствованное — ср. въ ясовскомъ говорѣ *kra^amáĭ* — *aĭa*, ч. *kramáĭ*, с. *kramár* — *kramára*).

Суффиксъ — *аѣ*. Сербскій и русскій указываютъ на одинъ лишь типъ: съ первоначальнымъ удареніемъ окончанія: с. *dávāč* — *давāча*, *raspāč* — *распāча* и т. п.; р. *usáč* — *усачā*, *rogáč* — *рогачā*, *koláč* — *коlachā* и т. п.

Въ чешскомъ въ виду правила о сохраненіи долготы предъ старымъ удареніемъ: *boháč*, *koláč*, *ogáč*, *roháč* и т. д. (словац. *boháč*, *koláč*, *ogáč* и т. д.). То же въ польскомъ и кашубскомъ: — ср. сважендзскія *gogoč*, *groč*, *bogoč* и аналогичные примѣры въ другихъ говорахъ *gogoč*, *k^aoĭoč*, *groč* въ Miejsk'ой *Górk'ě*, Rozpr. IX, 117 с., *tkác*, *k^olác*, *grác*, *b^oogác* въ ясовскомъ Rozpr. VIII, 83 с. и др. см. II гл. 105 с.

Въ кашубскомъ — у Рамулта: *bajòč*, *kœĭòč*, *gròč*, *tkòč*.

Суффиксъ *-ак*. Въ сербскомъ два типа: съ удареніемъ флексіи или корня: *řúďnāk*, *řjāk*, *křjāk*, *lřnāk* и т. п. и *řnšāk*, *lěžāk*, *křžāk* и т. п.

Въ русскомъ лишь первый типъ: *простáкь*, *рыбáкь*, *землáкь*, *моря́кь* и т. д.; ген. с. *простака́*, *рыбакá* и т. д. То же въ чешскомъ, словацкомъ, польскомъ, кашубскомъ: гласный *-ā* суффикса предъ удареніемъ сохраняется долгимъ: ч. *junák*, *gubák*, *žebák*,

spěvák, chudák, husák и т. д., словацк. junák, chudák, tesák и т. п.; сважендзскія — žebrok, robok, polok, rybok, łajdok, bijok, celok, dźećok, kurćok, pśok; то же въ иныхъ говорахъ ср. П гл.; каш. bjędók, rėbók, robók, kurćók и т. д.

Суффиксъ -al. Въ сербскомъ два типа: бѡгáль, гѹбáль, кѹсáль и т. п. и 2) дрѡздáль, мрkáль и т. п.

Въ русскомъ суффиксъ очень рѣдокъ и встрѣчается лишь съ удареніемъ суффиксальнаго гласнаго: ср. ковáль—ковалѣя, вралѣ. Въ чешскомъ ср. nosál. Въ польскомъ всюду долгота во всѣхъ падежахъ: сваж. kovol—kovola, лясовск. k^ovál, moskál, drógál, guorál Rozpr. VIII, 83 с.; зебржид. kováł, góráł, drogál, vqsál, moskál, въ gen. s. — áła. Типъ съ краткимъ -a не засвидѣтельствованъ. Въ кашубскомъ: kœvól, vqsól, mœskól,—gen. s. — óła.

Въ древне-польскомъ ср. czubaacz, przebiwaacza, jednaaczem, pyssaacz Семен. 16 с.

Анализъ сложныхъ суффиксовъ, какъ -áček, -ášek — ср. напримѣръ въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 83 с.—v^ojácek, ptásek или въ Łukowcu Spraw. V, 152 с. chłopácek, fruktásek и т. п. — не представляетъ интереса, такъ какъ суффиксы эти стоятъ подъ вліяніемъ простыхъ: v^ojácek подъ вліяніемъ v^oják, ptásek подъ вліяніемъ pták; затѣмъ такой суффиксъ -ášek или -áček могъ быть переносимъ и на слова, не имѣвшія производныхъ съ суффиксомъ -ák.

Правило о сохраненіи долготы предъ старымъ удареніемъ иллюстрируется и такими примѣрами, въ которыхъ «наклоненный» гласный относится къ префиксу: ср. въ Сважендзѣ примѣры, какъ pogut: с. náрод, р. нарѡдъ; zokun: с. зáкон, р. закѡнъ; zochut: с. зáход; въ Krzęcinie: návoz: р. навѡзъ; nápaitek: р. напѣрстокъ; zábawa: р. забáва, с. зáбава; zámek: р. замѡкъ; zádatek: р. задáтокъ Rozpr. II s. XI, 341; въ опольск. zá^lieše: р. залѣсье; ná^lprawa: с. нап^lрава; ná^lpród: р. нап^lредъ, с. нап^lред Ueber d. opp. M. 10 с.; въ Miejsk. Górk'ѣ: zo^lpołka, zo^lćerka, zo^lsługa, zo^lsufka Rozpr. IX, 119 с. Въ др.-польскомъ: zaakon-
nich Семен. 16 с.

То же — въ кашубскомъ: *nòpřòd, nòròd, zògarda, zògòn, zòchòd, zòkòn, zòmk* и т. п.

Въ чешскомъ: *zábava, záduch, záchvat, záplata, nástava, národ, nárok, zákon* и т. п.; въ словацкомъ: *nárok, národ, zástava, zákon* и т. д.

Если вѣрна гипотеза ак. Шахматова, что старая долгота въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ гласнымъ сокращалась уже въ общесловянскомъ, то фонетическими должно признать только тѣ изъ приведенныхъ примѣровъ, въ которыхъ гласный корня кратокъ: *zākon, nārod* и т. п. Изъ этихъ примѣровъ долгота могла быть перенесена и въ такіе случаи, какъ *zābava, zāsluga*. Такъ-какъ всѣ примѣры такого рода тѣсно ассоціировались въ одну группу, то взаимное вліяніе ихъ было неизбежно.

Долгота первоначально долгихъ гласныхъ предлога переносилась и на первоначально краткіе гласные: ч. *dūkaz, dūchod, spūsob*.

ср. ак. Шахматовъ «Объ общихъ явленіяхъ въ греческомъ и славянскомъ удареніяхъ» 2 с. Сборникъ статей въ честь проф. Корша.

Въ иныхъ случаяхъ долгота являлась подъ вліяніемъ аналогіи въ польскомъ въ положеніи, гдѣ она не могла сохраниться: въ Сважендзѣ: *zoduch* ср. с. *zādūx*; въ говорѣ с. *Krzęcina Rozpr. XI, 341 с.* — *zárówédź* ср. р. *záповѣдь* и с. *zāповѣд, nálezy še* *ibid.* ср. с. *налѣжати се* — *налѣжим се*; *záviśé* (напр. опольское Орр. М. 10 с.) соотвѣтствуетъ с. *завист* при р. *зависть, кашубское zòpis* ср. съ с. *запис*, но р. *запись*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изслѣдователи отмѣчаютъ краткость первоначально долгаго гласнаго предлога: *zaspómoga, zakład, zakręćt* *Krzęc. 341 с.* — ср. р. *закладъ, с. заклад*. Эти случаи, должно быть, фонетическія: *zaspómoga* изъ **zaspomóga*; второй и третій примѣры быть можетъ — въ виду закона, принимаемаго ак. Шахматовымъ.

Такъ-какъ вліянія аналогіи въ данной категоріи несомнѣнны, то анализъ каждаго отдѣльнаго случая не имѣетъ интереса.

Замѣчу лишь, что въ такихъ примѣрахъ, какъ *dlo mńe* (Сва-

жендзъ) долгота могла получиться въ виду положенія гласнаго въ закрытомъ слогѣ внутри сочетанія предъ *m*; отсюда долгота могла переноситься и въ иныя положенія, какъ *dlo niego* (Сважендзъ). Въ др.-польскомъ *sr paap* изъ *pā-np* = *in cum, paŃ, zaŃ, dla* Семен. 16, 27 сс.

Во флексіи долгота является въ *instr. s.*: *syném, drzewém, polém*; *dat. pl.* *synóm, drzewóm, głóvám*; въ *gen. pl.* *synów, polów* (флексія *-ów* въ говорахъ переносится въ имена средняго и даже женскаго рода); ср. въ др.-п. *woleem, brateem instr. s., synoow g. pl. synoom dat. pl.* Семен. 18, 20 сс. Въ этихъ случаяхъ долгота явилась вслѣдствіе вторичнаго удлиненія.

Въ *dat. pl. fem.* въ современномъ языкѣ *-ám* (-um Сваж.), въ др.-п. *-aam*: *maszatkaam* Семен. 16 с.; флексія находилась въ извѣстныхъ словахъ въ положенія послѣ ударенія (ср. р. *жа́-бамъ*, с. *жа́бама*) и вѣроятно сохраняла долготу гласнаго (повидному восходящую: *ру́ки*—*рукáмъ*, с. *ру́ке*—*ру́кама*), въ другихъ — подъ удареніемъ сокращалась (р. *хвалáмъ*, с. *хва́лама*). Но въ виду слѣдующаго согласнаго въ закрытомъ слогѣ получало удлинненіе; ср. въ кашубскомъ *-óm* *Bronisch 55 с.*, въ чешскомъ и словацкомъ *-ám*. *Instr. pl.* и *loc. pl. fem.* въ современныхъ говорахъ оканчивается на *-ami, -ach* (напр. въ Сважендзѣ) ср. въ кашубскомъ *-ámí, -ách*, съ рефлексомъ краткости *-a* *Bronisch 55 с.* Въ древне-польскомъ *-āmi, -āch*: *robotaami, dziedzynaami, syostrami, ganaach, godzynaach* Семен. 16 с. Въ чешскомъ и словацкомъ *-ami* при *-ámi, -ách*. Вѣроятно, древне-польскія *-āmi, -āch*, возникли въ положеніи послѣ ударенія и затѣмъ были переносимы на иныя случаи, гдѣ гласный *-a* находился подъ удареніемъ и слѣд. долженъ былъ сократиться. Быть можетъ, вліяли также примѣры, какъ *saŃzaach* Семен. 16 с., гдѣ *ā* получилось изъ стяженія. То же толкованіе должно быть приложено къ словацкому *-āmi* при *-ami* и *-āch*, такъ-какъ восходящая долгота (ср. р. *рукáми* при *ру́ки*) подъ удареніемъ здѣсь, какъ и въ польскомъ, сокращается. Въ современныхъ польскихъ говорахъ типъ *chwałámi, chwałách* очевидно одержалъ верхъ и *-ámi, -ách*

вытѣснило *-āmi*, *-āch*, возникшія въ примѣрахъ типа *žabāmi*, *žabāchъ*.

Въ чешскомъ и въ примѣрахъ типа *chvalāmi*, *chvalāchъ* долгота суффикса должна была сохраниться; *chvālāmi* должно было дать *chvālāmi*, но такъ какъ коренное а было долгимъ въ иныхъ падежахъ, то долгота его поддерживалась и въ данной формѣ; оттого, быть можетъ, сократилось второе ударяемое *-a*; получившееся такимъ образомъ *-ami* могло быть переносимо и на другіе случаи.

Долгое — а является далѣе въ др.-п. въ ном. s. f.: *sprawá*, *raǰá*, *wyná*, *slyachtá* Prace Fil. II 1, 131 с. и въ gen. s. m.-n.: *krolá*, *ocza* = *patris*, *obuczaja*, *myszyócaá*, *dyablá*, *boga*, *paná*, *roka*, *Rzijma*, *Egyptá*, *lupiestwa*, *prawa* Семен. 26 с.; то же въ ном.-асс. pl. n. — *slová*; *poluá* Prace Fil. II 1, 132 с. Въ этихъ случаяхъ др.-п. долгота скорѣе всего — фактъ графическій: приведенные примѣры явились подъ влияніемъ параллельныхъ формъ ном. s., какъ *sandzaa*, *braczaa*, *panoszaa*, *burzaa* Семен. 15 с., и формъ ном. pl., gen. s. n., какъ *polozenya*, *pokolenuaa*, *zbaue-naa* = *salutis ibid.*; въ формахъ gen. s. аналогія сперва могла захватить имена ср. р., какъ *poluá*, *pravá*, *lupiestwa*, затѣмъ распространилась и на формы мужескаго рода.

Долгое — е является въ др.-польскомъ въ флексіи gen. s. fem.: *rolee*, *braczee*, *puszczee* Семен. 20 с.; въ dat. s. f. *komorzee ibid.*; въ loc. s. m.-n.: *dworzee*, *lyeczeye ibid.*; ном.-асс. pl. f.: *przythczee*, *sandzee*, *czyesszee*, *rolee ibid.*, loc. pl.: *lyeczeech*, *grodzeech ibid.* 21 с.

Флексія — е въ gen. s., ном.-асс. pl. именъ темы *-ja* въ древне-польскомъ соотвѣтствуетъ древне-русской флексіи этихъ именъ — ѣ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ лясовскій, она сохранилась до сихъ поръ ср. Rozpr. VIII. 129 с.: *ze studíe*, *z kuzíe*, *v^ole* gen. s., *z fra^oncyje*; въ другихъ, какъ сважендзскій, замѣнилась флексіей *-i*, подъ влияніемъ ф. gen. s. *góry*, *ženy* и т. п.

Долгота этого *-e* въ *braczee*, *sandzee* объясняется стяже-

ніемъ, по аналогія она распространяется и на такія имена, какъ *gola, puszcza*, такъ же, какъ и въ формахъ *nom.-acc. s.*

Флексія — *'ēch* въ *loc. pl.*, вѣроятно, обязана сохраненіемъ долготы въ ѣ положенію послѣ ударенія. Съ теченіемъ времени она была вытѣснена флексіей *-a* темъ: *-ach*.

Единичные примѣры долготы въ *dat. s. komorzee* и *loc. s. dworzee, lyeszee* врядъ ли имѣютъ фонетическое значеніе.

Лось *Prace Fil. II 1, 134* с. приводитъ нѣсколько примѣровъ флексіи *-óch* въ древне-польскомъ въ формахъ *loc. pl.*, — съ *ó = ó*: *luzóch, moszóch*. Эта загадочная флексія врядъ ли не результатъ вліянія *dat. pl.* на *-om*: *meżóm, końóm, polóm*; отношеніе *krovamъ*: *krovachъ, *synъmъ*: **synъchъ* вызвало, быть можетъ, *rapochъ* или *krajochъ, polochъ* при *rapomъ, krajomъ, polomъ*; такъ какъ въ послѣднихъ формахъ — *o* — являлось долгимъ вслѣдствіе вторичнаго удлиненія, то долгота эта могла быть перенесена и на новое *-och*.

Въ области чешскаго языка *-och* также встрѣчается не только въ говорахъ словацкихъ, гдѣ ѣ измѣняется въ *o*, но и въ моравскихъ ср. *Gebauer Hist. Ml. III 1, 61* с.

Въ мѣстоименномъ склоненіи долгота является въ формахъ личныхъ мѣстоименій: *já, vás, nás, vám, nám* (въ Сважендзѣ *jo, vos, nos, vum, num*) ср. эти формы напр. въ ясовскомъ говорѣ *Rozpr. VIII, 136, 137* сс. и др. см. 107 с.

Происхожденіе долготы въ *já*, вѣроятно, объясняется вторичнымъ удлиненіемъ, явившимся въ **jazъ* ср. *Beitr. VIII, 224* с.; такъ можно думать въ виду словацкой краткости: *-ja*; вообще же показанія отдѣльныхъ языковъ не сходятся, и происхожденіе данной формы неясно: с. *jā* не соотвѣтствуетъ чешскому *já*. Быть можетъ, двойственность ударенія формы явилась вслѣдствіе двойственности ея употребленія: энклитическаго и самостоятельнаго; въ чешскомъ долгота въ такомъ случаѣ могла сохраниться при энклитическомъ употребленіи — предъ удареніемъ. Въ кашубскомъ также долгота: *jô*. То-же обстоятельство могло играть роль въ развитіи формъ *nás, vás, nám, vám*: польскому *nás, vás*

ср. др.-п. *pařsz* Семен. 28 с. = *pos*, — соотвѣтствуетъ и словацкая, и чешская долгота: *pás, vás*, но въ сербскомъ — *pás, vás*; если согласныя показанія польскаго, словацкаго и чешскаго возводить къ ф. **pās', vās'*, то сербская форма получилась такъ же, какъ и форма *grījeh* (при ген. s. *grījeha*) — изъ **grěch'*. Но возможно и то, что чешско-словацкія и польскія формы — результатъ сохраненія старой долготы въ виду извѣстнаго отношенія къ ударенію въ энклитическихъ сочетаніяхъ. Въ кашубскомъ рефлексъ краткости: *pās, vās* Bronisch 65 с.

Сербскія формы *nāma, vāma*, если онѣ вѣрно отражаютъ первоначальныя акцентуативныя отношенія, гармонировали бы чешскимъ *nám, vām*, но изъ первоначальнаго восходящаго ударенія коренного гласнаго необъяснимы словацкія *pām, vām* и польскія *pám, vám* (др.-п. *paam, vaam* Семен. 15—16 сс.) ср. каш. *pōm* Bronisch 65 с. Въ этихъ языкахъ долгота могла сохраниться въ виду сохраненія ея въ энклитическихъ сочетаніяхъ, въ польскомъ и кашубскомъ также въ виду вторичнаго удлиненія.

Польское *sám* (сваж. *sum*, параллели изъ другихъ говоромъ см. на 107 с.), др.-п. *sařm* Семен. 28 с., каш. *sōm*, быть можетъ получило долготу вслѣдствіе вторичнаго удлиненія, ибо въ открытомъ слогѣ краткость — *sama, samo*, каш. *sama, samo*; однако сербскій и русскій указываютъ на первоначальное удареніе окончанія: с. *sām* — *sāma, sāmo*, р. *самъ* — *самá* — *самó*.

Чешско-словацкія формы: (*sám*) — *sama, samo* также не соотвѣтствуютъ показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ.

Въ польскихъ формахъ притяжательныхъ мѣстоименій — *mój, tvój, swój* — вторичное удлиненіе.

Въ др.-польскомъ въ соотвѣтствіи современному, напр. сважендзскому, *nař* находимъ **pāř*: *pařsch, pařscha, pařschuch* Семен. 28 с. Не рѣшаю, имѣютъ ли эти факты фонетическое значеніе или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ современная польская и кашубская формы соотвѣтствуютъ краткостью гласнаго русскимъ и сербскимъ показаніямъ: р. *нашъ* — *nāша* — *nāше*, с. *нāш* — *нāша*,

наше; но въ чешскомъ противъ ожиданія — naše при náš, vaše при váš (словацкое náš, váš).

Общепольское któru (ср. опольское ktory Ueber opp. M. 16 с.) сохранило быть можетъ результатъ вторичнаго удлиненія въ формѣ *ktōrъ.

Вторичнымъ же удлиненіемъ должно объяснять долготу въ káždu, сваж. koždyj (ср. др.-п. kaaszdi Семен. 17 с.); происхождение долготы въ žádny (сваж. žodnyj) ср. др.-п. žadnego = nullius Семен. 28 с. не вполне ясно, такъ-какъ неясна этимологія слова. Миклошичъ Etymol. Wört. 409 с. считаетъ польское žádny заимствованіемъ изъ чешскаго žádny, а это послѣднее ставить въ связь съ корнемъ žed-, но такое объясненіе врядъ ли приемлемо. Въ польскомъ — žádny и žadny по значенію строго различаются, а въ чешскомъ žádny скорѣе звуковое совпаденіе двухъ различныхъ словъ, чѣмъ одно слово съ двумя значеніями.

Удачнѣе этимологіи Бругмана Indog. F. V, 375. Вѣроятно, п. žádny — влѣдствіе вторичнаго удлиненія.

Что касается формъ téch, téni, téni у изслѣдователя лясовскаго говора Rozpr. VIII, 137 с., то я сомнѣваюсь въ вѣрности ихъ написанія у автора: формы эти соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ тѣхъ, тѣмъ, тѣми; въ другихъ говорахъ, какъ напр. въ Сважендѣ, находимъ tych, tym, tymi — по аналогіи dobrych, -um, -umi. Вѣроятво, и формы лясовскія слѣдуетъ писать съ у. Такъ же непонятны мѣ лясовскія mojéch, mojém, mojémi вмѣсто mojich, mojím, mojími ibid. 138 с.

Обращаюсь къ формамъ прилагательныхъ.

Первоначальные типы формъ прилагательныхъ, на которые указываетъ сербскій: блѣг — блѣга — блѣго, мѣл — мѣла — мѣло, пѣн — пѣно — пѣно, — въ славянскихъ языкахъ болѣе или менѣе смѣшались. Соотвѣтствующіе типы полныхъ прилагательныхъ также оказали взаимное вліяніе другъ на друга; быть можетъ, этимъ объясняется сербское бѣжелі при бѣјела — бѣјело и обратно — дѣгѣи, мѣкѣи при дѣг — дѣга — дѣго, мѣк, мѣка, мѣко. Но какъ бы ни объяснялось это различіе между формами полными и краткими относительно ударенія, взаимное вліяніе тѣхъ и другихъ формъ нарушало первоначальныя отношенія. Та-

кимъ образомъ, въ показаніяхъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ уже не находимъ строгаго соответствія: ср. р. с-полнѣ, полнѣ, полнѣ при полный (и полно) и с. пѹн — пѹна — пѹно, р. старѣ — старѣ при старѣй и с. стар — старѣ — старѣ, р. толстѣ при толстый и с. тѹст — тѹста — тѹсто, р. мягкѣ при мягко, мягкѣй и с. мѣк — мѣка — мѣко. Мы видимъ, что показаніямъ сербскихъ краткихъ формъ иногда болѣе соответствуетъ русская полная форма, чѣмъ краткая; чешскія *husto adv.*, *hustý, tup — tupa — tupo, sler — slera — slero — slerý* не гармонируютъ сербскимъ *слијена — слијено, тупа — тупо, густа — густо* и русскому густой (густо), слѣпѣ — слѣпой (но слѣпо), тупѣ — тупой.

Въ польскомъ находимъ съ рефлексомъ долготы:

báły (Сваж. *bołyj*) см. 110 с., ср. Семен. *biaal* 17 с.: р. бѣлѣ (по бѣлый), с. бѣло — бѣлѣла — бѣлѣло.

śvížuj Сваж.: р. свѣжѣ, свѣжѣ (по свѣжий), ч. *svěží*.

čornuj Сваж. и др. см. 110 с., каш. *čornu*: р. чернѣ, чернѣ, с. црна, црно, словацкое *čierný*.

stáry въ *Łukowcu Spraw. V*, 152 с., *stara* Семен. 59 с., каш. *stòri*, вопреки с. стар — старѣ — старѣ и р. старѣй при старѣ.

mo^ortvy см. 110 с.: р. мертвѣ, мертвѣ, но мѣртвѣй.

krótki (*krutki* Сваж.): р. короткѣ, но корѣткѣй, с. кратак.

Наоборотъ, съ рефлексомъ краткости: —

сваж. *šmályj*: р. смѣлый, смѣло *adv.*, ч. *směle adv.*, *smělý*.

сваж. *levuj*, каш. *levu*: с. лѣвѣй, р. лѣвѣй, лѣво.

сваж. *řešuj*, с. рѣше, р. рѣше, рѣшѣй.

сваж. *šleruj*, каш. *šlerø, šleru*: р. слѣпо *adv.* но — слѣпѣ, слѣпой, с. слијена — слијено, чеш. *šler, šlerý*.

сваж. *twarduj*: с. твѣрѣ, твѣрѣ, но р. твѣрѣ, твѣрѣй.

сваж. *roľnyj* — с. пѹн — пѹна — пѹно, но р. с-полнѣ, полнѣ при полно, полный.

cały Rozpr. VIII, 72 с., по *cały Spraw. V*, 151 с.: р. цѣлый, но с. цѣлѣ — цѣлѣла, цѣлѣло (цѣлѣй, цѣлѣлѣ, цѣлѣлѣ).

п. *gęsty*, каш. *gaści*: р. густѣ, но густѣй; с. густа — густѣ, ч. *husto adv.* *hustý*.

п. kręty, каш. krąti: р. крутой, но круто, с. крута — круто.
сваж. młody, каш. młodi: р. молодá, молодой, по мóлody, мó-
лодо, с. млада — млада.

п. święty, каш. swiāti: р. святой, но свято, с. свѣта — свѣто.

п. tęgi, каш. tądzi: р. тугой, но туго, с. туга — туго.

п. tępy, каш. taro: р. тупой, но тупо, с. тупа — тупо.

п. częsty, каш. częsti: р. частый, часто, но с. чѣста — чѣсто.

сваж. zdrowuj, каш. zdrowo; р. здорово при здорово, здорó-
вый, с. здрав — здрава — здорово.

п. mięki: р. мягкий, мягко adv., с. мѣк — мѣка — мѣко.

Чтобы покончить съ прилагательными, остается замѣтить, что измѣненіе употребляющагося для образованія превосходной степени -naj- въ náj- т. е. nāj (сваж. poj-) обусловлено переходомъ стараго i въ неслоговое: потеря слогового качества въ i отразилась удлинениемъ предшествующаго слога.

Въ формахъ числительныхъ: jedynъ изъ jedьнь, др.-п. jeden Семен. 29 получило ē (é, y) вслѣдствіе вторичнаго удлиненія. Др.-п. dwa т. е. *dwā Семен. 26 с. въ отдѣльномъ употребленіи врядь ли — фонетическая форма; она, быть можетъ, существовала въ энклитическомъ употребленіи или въ сложномъ *dvānāšće, если удареніе падало на слѣдующій слогъ.

Въ формахъ др.-п. pięćnaście Семен. 28 с., современныхъ jedynošće, dwanošće, tśynošće и т. д. (Сважендзъ ср. параллели въ другихъ говорахъ на 106 с.) — о изъ á — ā получилось или въ виду удлиненія а въ формахъ dwanadesęte и т. д. вслѣдствіе выпаденія слѣдующаго слога или въ виду стяженія: dwanadesęte > *dwanaesęte * > dwanaeste > dwanāšće ср. с. jedānaest, двānaest, трінаest, а въ говорахъ jedānēs, двānēs, тріnēs, напр. въ сараевскомъ, дубровницкомъ Rad 121, 203 с.; 65 т. 156 с. 174 с. Если а въ dwa — въ сложномъ dwanāšće было долгимъ въ виду положенія предъ удареніемъ, то оно или сокращалось въ виду долготы ударяемаго слога, или же краткость являлась изъ ф. dwa въ отдѣльномъ употребленіи.

Въ порядковыхъ: въ др.-п. wtoore Семен. 19 удлиненіе воз-

никло въ ф. *vtorъ*; современное *čvárty* (Сважендзъ — *čvortuj*, *Miejsk. G. čwo^{rt}ty Rozpr. IX, 119* и др. ср. 2 гл.) получило долготу не фонетически, такъ-же, какъ и *piąty, szósty, siódmy, ósmy*: подь вліяніемъ **vъtorъ, šestъ, sedmъ, osmъ* получили удареніе окончанія и *četvrtъ, рѣтъ* (ср. р. второй, шестой, седмой, восьмой при третій, четвертый, пятый); въ такихъ, полученныхъ нефонетическимъ путемъ, условіяхъ могла сохраниться долгота и въ *čvárty, piąty*. Подь обратнымъ вліяніемъ *рѣтъ, четvртъ*, также *vъtоrъ* могла явиться долгота въ *šósty, sódmu, ósmu*; въ силу тѣхъ же вліяній находимъ долготу и въ *dziewiąty, dziesięty*.

Въ формахъ нарѣчій: *terо, zаго* или *terоц, zагоц* долгота объясняется удлинениемъ въ *terāz, zagāz* ср. *Beitr. VIII, 224* с.; то же въ *dzišo* изъ *dzišāj*, др.-п. *dzyszya* Семен. 27 с., др.-п. *thakoosz* Семен. 19 с., въ союзахъ *chočoš* (изъ *chočāž*), др.-п. *yakoosz* Семен. 19 с.

Закончу обзоръ грамматическаго матеріала глагольными образованіями.

Глагольнымъ образованіемъ съ носовымъ въ корнѣ посвятилъ отдѣльную главу своего изслѣдованія Лоренцъ *Arch. XIX, 366—375* сс. Приведенный имъ матеріалъ въ общемъ подтверждаетъ основные законы развитія польской долготы: подь удареніемъ старая долгота сокращается, предь удареніемъ сохраняется.

Остановлюсь на инфинитивныхъ образованіяхъ съ пными гласными въ корнѣ. Односложные *infinitiv'ы*, какъ *vłéc, góśc, młęc* и т. д. были уже рассмотрѣны въ 10 главѣ.

Изслѣдователи отмѣчаютъ инфинитивныя формы третьяго и четвертаго, изрѣдка втораго класса съ рефлексомъ долготы въ коренномъ гласномъ ср. *Rozpr. VIII, 82, 189* сс.; *IX, 155, 124* сс.; *XI, 152—153* сс.; *II s. V, 374* с; *XI, 340* с. *Spraw. V, 151* с. и другія.

Приведу тѣ изъ нихъ, параллели которымъ можно легко указать въ другихъ словянскихъ языкахъ, опредѣляющихъ первоначальное мѣсто ударенія.

dávać Rozpr. XI, 152 с.: р. дава́ть, с. давати.

gádać Сваж.: р. гада́ть.

kázać Сваж.: р. с-каза́ть, по-каза́ть и т. п., с. ка́зати; ср. отглагольное существительное kázańe. Сваж.

látać Rozpr. II s. XI, 340 с.: р. лета́ть (правильнѣе: лѣтать), с. лижѣтати.

mávać Rozpr. IX, 155 с., rozmávać Spraw. V, 151 с.: м.-р. розмовля́ти, б.-р. розмовля́ць.

oğrádzać Rozpr. IX, 155 с.: р. огражда́ть.

náprávać Rozpr. XI, 152 с.: р. направлѣть.

romágać Сваж.: р. помога́ть, с. помáгати.

přeguńać Сваж.: р. прогоня́ть.

skákać Сваж.: р. скака́ть, с. скáкати.

zarábać Rozpr. IX, 155 с.: б.-р. заробля́ць.

bádać Rozpr. IX, 155 с.: с. ба́дати (съ пнымъ значеніемъ).

łamać Wisła IV, 447 с.: р. лама́ть.

upádać Сваж.: р. упада́ть.

zéwać (žíwać) Сваж. р. зѣва́ть, с. зижѣвати.

bylic (sic т. е. bilyć изъ belyć) Mat. i prace I 1, 56 с.: р. бѣ-
лѣть, с. бижѣлѣти.

chwálić Сваж.: р. хвалѣть, с. хвалѣти.

pálić Сваж.: р. палѣть, с. палѣти.

wábić Rozpr. IX, 155 с.: с. ва́бити.

udávić še ibid.: р. удави́ться, с. удавитисе.

sádzić Сваж.: р. садѣть, с. садѣти.

gżużyc (т. е. grzeżyc) Сваж.: р. грѣшѣть, с. грижѣшѣти.

kłócić (kļućić) Сваж.: р. колотѣть.

młócić (mļućić) Сваж.: р. молотѣть, с. млáтити.

wrócić Rozpr. IX, 121 с.: р. воротѣть.

lićyc (изъ lécyć) Сваж.: р. лѣчи́ть.

włócyć (изъ włóczyć) Сваж.: р. волочи́ть.

stşyłać (изъ strzelać) Сваж.: р. стрѣля́ть.

Такимъ образомъ, и инфинитивныя формы, повидимому, под-
тверждаютъ правило о сохраненіи долготы предъ удареніемъ;

ср. и др.-польскіе примѣры, какъ: *nakarmić* (р. накормить), *dawać* (р. давать), *ukazać* (р. указывать), *rozmnążyć* (р. размножать) Семен. 59 с.

Наоборотъ, краткость въ формахъ: *mieć* Сваж., *imieć*, *mieżyc* *ibid.*, *begać*, *chcieć*, *ceżyć*, *wygadować*, *przykazać* Rozpr. II s. XI, 340 с. — въ виду положенія первоначально долгаго гласнаго подь удареніемъ: ср. р. имѣть, умѣть, мѣрить, бѣгать, хотѣть (польская ф. изъ *chytěty*), тѣшить, выпадывать, приказывать.

Отступленія немногочислены: *ráchnoć* Сваж.: р. пахнуть; *gnéwać się* Сваж.: р. гнѣваюсь; *pląkać* Spraw. V, 151 с.; съ другой стороны: *dzielić*: р. дѣлѣть, *śpieżyc*: р. спѣшить Rozpr. IX, 124 с.; *śedzieć* Сваж.: р. сидѣть; *dobiegać* Сваж.: р. общать; ср. въ примѣрахъ Лоренца: *dosięgać* ср. р. досягать, *terić* — р. тупить, *gężyc się* — *wrężyc* ср. р. (по)ручѣться, вручить, *święcić* — р. святить, *dębić* — р. дубѣть, *szczeździć* — р. щадить, *gęszyc* — (с)густить, *miękczyć* — р. мягчить, *okręglić* — р. округлѣть, *jęczeć* — с. *jęcati*, *miękczec* — р. мягчать, *teriec* — р. тупѣть, *zgeścieć* — р. густѣть.

Нѣкоторыя изъ этихъ исключеній легко объясняются вліяніемъ родственныхъ именныхъ образованій: *terić* — подь вліяніемъ *teru*, *gężyc* — подь вліяніемъ *gęka*, *święcić* — *święty*, *gęszyc* — *gęsty*, *miękczec* — *mięki*, *jęczeć* — *jęk*, *dosięgać* — *sięgu* gen. s.

Вообще взаимное вліяніе глаголовъ одного и того же класса нарушало первоначальныя отношенія: подь вліяніемъ *kazać*, *gádać*, *zéwać* и т. д. могло явиться *gnéwać* (*się*), *pląkać*, подь вліяніемъ *mieżyc*, *ceżyć* — явилось быть можетъ *śpieżyc*, *dzielić*.

Не знаю, какъ объяснить др.-п. -*ać*, -*ić* въ такихъ примѣрахъ, какъ *sraacz* = *dormire*, *daacz* = *dare*, *braacz* = *sumere*, *kazaacz* = *jubere*, *poslaacz* = *mittere*, *zalowaacz* = *accusare* Семен. 13 с., *myecz* = *habere* *ibid.* 19 с. На первый взглядъ является мысль, что въ древне-польскомъ еще не сократилась восходяще ударенная долгота (с. дати, брати, спати), но такое предположеніе было бы слишкомъ мало обосновано: въ примѣрахъ долготы въ имен-

ныхъ образованіяхъ этой мысли благопріятствовали бы др.-п. *czásu* Семен. 30 с. (с. чѣс), *plączem* *ibid.* 27 с. (с. плач), мѣстоименіе *nasz* 28 с. (с. наш), но примѣры эти единичны и рядомъ съ ними—*laas*; *prooch*, *zreecz* ср. с. лѣс, рѣч, прах (р. порохъ).

Полагаю, что *ā* въ данныхъ формахъ являлось нефонетически: въ формахъ *daacz*, *sraacz*, *braacz* — подъ вліяніемъ *stāc*, *džāc*, *lāc* и т. п., гдѣ *ā* — изъ стяженія; въ ф.ф. *kazaacz*, *poslaacz* — подъ вліяніемъ глаголовъ типа *dělati*, *plákati* и т. п., гдѣ суффиксальное *a* находилось за удареніемъ *i*, вѣроятно, сохранялось долгимъ, такъ-какъ было восходяще-долгимъ: на это указываютъ сербскія ф.ф. *spāti*, *brāti*, косвенное указаніе даютъ и формы *djělati*, *prīgati*, *brīzgati* и т. п. при *kāzati*—*kāжѣм*, *скākати*—*скāчѣм* и т. п.; различіе между этими двумя типами глаголовъ объясняется тѣмъ, что въ *kazati* коренной гласный представлялъ долготу нисходящую, гласный же суффикса — восходящую; вслѣдствіе этого происходило перенесеніе ударенія, параллельное перенесенію его въ **bordā* при **bórdq* (удареніе корня въ сербской ф. *kāжѣм* и т. п. — подъ вліяніемъ 2 и 3 л.); наоборотъ, въ *prīgati* коренной гласный представлялъ долготу того же типа, что и *-a* суффикса; оттого перенесенія ударенія не было; параллельныя отношенія въ глаголахъ IV класса ср. въ русскомъ: *золото*—*золотѣть*, *порохъ*—*порошѣть*, *городъ*—*городѣть*, *голосъ*—*головѣть* (ср. и *голодь*—*голодѣть*), но—*морозъ*—*морозѣть*, *горохъ*—*(о)горохѣть*.

Въ современныхъ польскихъ говорахъ первоначальная двойственность: *dělati* и **pisāti* сгладилась въ пользу второго типа: въ Сважендзѣ, напр.,—*znac*, *grac*, *čyтаc*, *pisac* и—*dżałac*, *plākac*.

Факты, аналогичные указаннымъ древнепольскимъ и, вѣроятно, одного съ ними происхожденія встрѣчаемъ въ говорахъ: ср. *boléc*, *śedżéc* въ прашницкомъ *Spraw.* V, 80 с. — р. *болѣтъ*, *сидѣтъ*. Формы эти могли явиться подъ вліяніемъ формъ типа *viděti*, гдѣ *ě* послѣ ударенія сохранялось долгимъ. Въ Сважендзѣ и здѣсь одержалъ побѣду типъ—*boléti*: *vidžec*, какъ и *bolec*, *iméc* и т. п.

Съ точки зрѣнія ак. Шахматова, принимающаго сокращеніе долготы въ положеніи предъ *долгимъ* ударяемымъ слогомъ, приведенныя инфинитивныя формы съ рефлексомъ долготы въ корнѣ не могли сохранить эту долготу фонетически: вліяли родственныя образованія, гдѣ коренной долгой гласный находился предъ краткимъ ударяемымъ слогомъ, — въ данномъ случаѣ формы настоящаго времени: skākāti не измѣнилось въ skākāti въ виду вліянія skācō; chvāliiti получило подъ вліяніемъ chvālō; конечно, изъ gādāti должно было получиться gādac, такъ какъ форма наст. времени gādājō также должна была измѣниться въ gādājō; но требовать сохраненія этого различія между gādāti и skākāti мы не въ правѣ, такъ какъ gādāti стояло подъ вліяніемъ перваго типа: skākāti, kāzāti и др. Во всякомъ случаѣ нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ отступленій являются съ этой точки зрѣнія фактами фонетическими: *dobecać* ср. *объщать*—*общаю*, *dosięgać*: *досягаю*, *miękzeć*: *мягчаю*, *terpieć*: *тупѣю*, *zgęścieć*: *густѣю*.

Вообще же польскій языкъ не говоритъ ясно ни за, ни противъ гипотезы ак. Шахматова; формы *praesens*'а и *infinitiv*'а въ немъ въ отношеніи количества не разнятся: *brunic* (*brónic*) — *brunie* 1 s. pr., *kāzac*—*kāže*, *chvālic*—*chvāle* Свж., *ciągnąć* — *ciągnę*, *męczyć*—*męczę*, *serpic*—*serpie* и т. д. Иное — въ кашубскомъ: я не могу здѣсь входить въ подробное изслѣдованіе кашубскаго «Verbal-Ablaut», какъ онъ является въ діалектѣ Hei-sternest'a по Бронншу 56 и сл.: полезно прежде всего собрать больше матеріала изъ другихъ говоровъ, для того, чтобы получить правильное представленіе объ этомъ явленіи; но не могу не замѣтить пока, что въ нѣкоторыхъ кашубскихъ фактахъ мысль ак. Шахматова, повидному, находитъ себѣ прямое подтвержденіе. Обычная схема кашубскаго Ablaut'a такова: *infm.* и *imperat.* представляютъ краткій гласный корня, остальныя формы — долгой.

Противоположность: *chrōnic* — *chrōńō*, *pšisac* — *pšišō*, *vrōcēc* — *vrōcō*, *kašec* — *košō*, *skakac* — *skōcō*, *kāzac* — *kōžō* — прекрасно соотвѣтствуетъ мысли ак. Шахматова.

Въ формѣ *imperativ'a* краткость вмѣсто ожидаемой долготы могла бы быть объяснена вліяніемъ повелительныхъ же формъ множ. числа.

Во всякомъ случаѣ, если кашубскій *Ablaut* обязанъ своимъ возникновениемъ тѣмъ условіямъ, на которыя указываетъ гипотеза ак. Шахматова, то первоначальныя отношенія нарушены вліяніями аналогіи: подъ вліяніемъ *střelíc — střělō* явилось — *střělāc — střělāḍō* вм. *střelajō*, затѣмъ *gādāc — gōdajō* вм. *gādaḍō*; наоборотъ, подъ вліяніемъ такихъ фонетическихъ отношеній, какъ *měslēc — mēslō*, явилось *sēdzēc — sēdzō* вм. *sēdzō*, а отношенія типа *střelíc — střělō* проникли и въ глаголы съ первоначально краткимъ гласнымъ: *žēnīc — žēnō*.

Не буду долго останавливаться на анализѣ другихъ глагольныхъ формъ, какъ причастныя; онѣ отчасти стоятъ подъ вліяніемъ формъ *infinitiv'a* и *praesens'a*; отчасти же допускаютъ тѣ же объясненія, что и послѣднія. Такъ, формы *partic. praet. act.* на — *ŷ* въ глаголахъ типа *čytáti, boléti* должны были имѣть -а, -ѣ краткимъ (сократившимся подъ удареніемъ); въ формѣ муж. р. — а, ѣ, получили вторичное удлинненіе: *čytoḍ — čytaḍa, boloḍ — bolaḍa* въ Сваж. Въ тѣхъ же формахъ отъ глаголовъ типа *plákati, vídēti* гласный -а, -ѣ первоначально, вѣроятно, былъ долгъ во всѣхъ формахъ: *plakāŷ — plakāḍa — plakāḍō*; если теперь находимъ — *plakaḍa, plakaḍō*, то формы эти явились при *plakāŷ* подъ вліяніемъ отношеній *čytāŷ — čytaḍa — čytaḍō*.

Долгота въ *partic. praet. pass.*: др.-п. *daan, daana, znaan, myaan, pisaan* и т. п. Семен. 13—14 сс. могла явиться отчасти въ зависимости отъ тѣхъ же условій, что и въ пныхъ формахъ тѣхъ же глаголовъ, отчасти въ положеніи предъ удареніемъ: ср. *daná, danó*. Затѣмъ проходили въ томъ или другомъ направленіи уравненія (*Ausgleichungen*).

Вообще долгота въ глагольныхъ формахъ нерѣдко должна быть объясняема аналогіей рядомъ стоящихъ глагольныхъ же образованій: др.-п. *maazḍ 3 pl.* Семен. 13 с. безъ сомнѣнія явилось подъ вліяніемъ *maasz, maā* т. е. *māsz, mā*, быть можетъ

только графически. Въ современномъ языкѣ — напр. въ Сважендзѣ *jiš, ji, jimu, jice* ср. лясовск. *jés, jé, jému, jéce* Rozpr. VIII, 158 с. возникли при *jim (jém)* подъ влияніемъ параллельныхъ отношеній: *mám: máš, má* и т. д. То же въ *viš, vi, vimu, vice* при *vim* (лясовское: *vém, véš, vé, véva, véta, vému, véce* *ibid.*).

Болѣе детальный анализъ такихъ фактовъ отлагаю на послѣднюю часть работы, посвященную морфологiи сважендзкаго говора.

13. Къ хронологiи явленій.

Предшествующее изслѣдованіе привело насъ къ слѣдующимъ результатамъ.

1. *Старая долота подѣ первоначальнымъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ сокращается въ польскомъ и кашубскомъ, равно какъ и въ словацкомъ, независимо отъ качества ударенія* (ср. тезисъ 1 Лоренца).

2. *Старая долота въ открытомъ слогѣ предѣ удареніемъ сохраняется въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ чешско-словацкомъ и сербскомъ, если ударяемый слогъ кратокъ.*

3. *По отношенію къ долотѣ, находившейся предѣ долгимъ ударяемымъ слогомъ, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ съ увѣренностью, но въ виду нѣкоторыхъ фактовъ (кашубскій Verbal-Ablaut) можно считать вѣроятнымъ, что краткость въ польскихъ примѣрахъ, какъ — *miękina, grężina, gołębica* могла быть и фонетическаго, а не аналогическаго происхожденія, и что слѣд. можно предполагать для польскаго и кашубскаго сокращеніе старой долоты въ данномъ положеніи. 2-е и 3-е положенія вносятся поправку въ 3 тезисъ Лоренца.*

4. *Старая долота въ слогѣ, не непосредственно предшествующемъ ударенію въ польскомъ и, вѣроятно, въ кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешскомъ, сократилась* (ср. 5 тезисъ Лоренца).

5. *Старая долота въ открытомъ слогѣ послѣ ударенія отчасти сохранялась, отчасти сокращалась, вѣроятно въ зависи-*

мости отъ качества ея: сохранялась долота восходящая послѣ ударенія (f-typ čos при čas = с. чās) ср. 6 тезисъ Лоренца.

Относящійся къ положенію долготы послѣ ударенія 8 тезисъ Лоренца — не обоснованъ, такъ-какъ иллюстрирующіе его два примѣра: rajęszyna и zajęszyna (с. пāучина, р. зāячйна), какъ признаеть самъ Лоренць 363 с., могутъ быть объясняемы вліяніемъ прилагательныкъ rajęszу, zajęszу.

6. *Старая долота въ открытомъ конечномъ слогѣ сокращена въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешско-словацкомъ* (ср. 10 тезисъ Лоренца).

7. *Новая долота получается въ результатъ стяженія гласныхъ.*

8. *Первоначально краткіе гласные вообще остаются въ открытомъ слогѣ краткими.* Отступленія отъ этого правила представляются не вполне ясными по своему происхожденію. Возможно, что удлиненію подвергались краткіе гласные подъ восходящимъ удареніемъ, какъ и въ чешскомъ, въ большинствѣ же случаевъ удлиненіе — аналогическаго происхожденія.

9. Въ конечномъ (новомъ-) закрытомъ слогѣ на мѣстѣ старой долготы находимъ долготу лишь въ томъ случаѣ, если слогъ замыкается звонкимъ или сонорнымъ согласнымъ, въ противномъ случаѣ — краткость. Такъ какъ въ тѣхъ же условіяхъ находимъ долготу на мѣстѣ первоначальной краткости, то естественно говорить не о сохраненіи долготы въ данномъ положеніи, но о вторичномъ удлиненіи сократившейся долготы. Слѣд. — *Старая долота въ (новомъ) закрытомъ конечномъ слогѣ сокращалась, какъ и въ открытомъ, въ польскомъ и кашубскомъ, еще до отпаденія z, v.*

10. *Какъ исконно-краткіе, такъ и исконно-долгіе, но сократившіеся, гласные подвергались вторичному удлиненію въ положеніи предъ сонорнымъ или звонкимъ согласнымъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ польскомъ и кашубскомъ.* 9 тезисъ Лоренца, игнорирующій качество согласнаго, является, такимъ образомъ, неточнымъ.

11. Во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ старая долота, вѣроятно, сохранялась въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешско-словацкомъ, если удареніе слѣдовало за слогомъ съ *z*, *v* (*plātznó*). 4 тезисъ Лоренца, основанный на предполагаемомъ имъ *rzędka, въ противоположность дѣйствительнымъ фактамъ языка (*rządka*, *kaśka* и т. п.), — невѣренъ. Ср. выше XI гл., 184 с.

12. Во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ подъ удареніемъ первоначальная долота въ польскомъ и кашубскомъ, вѣроятно, сокращалась, какъ и въ открытыхъ (еще до выпаденія *z*, *v*).

13. Исконно-краткіе и исконно-долгіе, но сократившіеся гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ подвергались вторичному удлинению въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ конечномъ закрытомъ слогѣ, но аналогія распространила здѣсь удлиненіе и на параллельныя образованія съ глухимъ согласнымъ, замыкавшимъ слогъ (ср. 2 тезисъ Лоренца, не предполагающій однако первоначальной зависимости отъ качества согласнаго).

Такому удлинению должны были подвергаться и долготы, сократившіеся въ положеніи послѣ ударенія. 7 тезисъ Лоренца, основанный на одномъ лишь *rieniędzmi* не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на одномъ примѣрѣ звуковыя законы основывать нельзя.

Указанныя явленія не представляютъ, конечно, фактовъ одной и той же эпохи. ак. Шахматовъ считаетъ сокращеніе исконно-долгихъ гласныхъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, далѣе сокращеніе ихъ во второмъ отъ ударенія слогѣ къ началу слова и въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ — явленіями общеславянской эпохи. Изв. VIII, 313, 314, 317 с., — такъ-какъ то же находимъ и въ сербскомъ, и въ чешскомъ языкѣ.

Предположеніе это вполне возможно, хотя и не необходимо: сходныя явленія могутъ происходить независимо въ отдѣльныхъ языкахъ, а рядъ новыхъ долготъ въ конечномъ открытомъ слогѣ,

на который указывает ак. Шахматовъ, при сокращеніи старой, не ведетъ неизбѣжно къ такому предположенію, такъ какъ и въ жизни сербскаго языка должно предполагать различныя эпохи; въ одну изъ нихъ, болѣе раннюю, могла старая долгота сокращаться, въ другую, болѣе позднюю, возникли новыя долготы.

Къ эпохѣ, несомнѣнно специально польской, вѣрнѣе польско-кашубской, относится сокращеніе старой долготы подъ удареніемъ.

Словацкое и діалектическое чешское (моравское) сокращеніе восходящей долготы, можетъ быть, — явленіе специально чешско-словацкой жизни, болѣе позднее сравнительно съ сокращеніемъ нисходяще-ударяемой долготы.

Къ специальной польско-кашубской эпохѣ можетъ относиться и сокращеніе долготы въ извѣстныхъ условіяхъ послѣ ударенія, хотя бы условія эти и совпадали съ условіями такого же сокращенія въ чешскомъ.

Если принимать удлинненіе псконно-краткихъ гласныхъ подъ восходящимъ удареніемъ, то удлинненіе такое, быть можетъ, представляло діалектическое явленіе въ общей жизни западно-славянскихъ языковъ.

Наконецъ, къ эпохѣ польско-кашубской относится вторичное удлинненіе въ конечныхъ и внутреннихъ закрытыхъ слогахъ предъ сонорными или звонкими согласными, такъ какъ условія эти специально — польско-кашубскія и такъ-какъ выпаденіе и отпаденіе ѣ и ъ вѣроятнѣе всего отнести къ эпохѣ особой жизни славянскихъ языковъ.

Кіевскій Миссалъ общей картиной употребленія ѣ, ъ даетъ право думать, что старо-славянскіе первооригиналы (второй половины IX вѣка) еще не знали ни вокализациі, ни выпаденія и отпаденія ѣ, ъ.

Это положеніе не мѣшаетъ собственно относить предполагаемую ак. Шахматовымъ мѣну качества ударенія предъ слогомъ съ ѣ, ъ хотя бы даже къ общеславянской эпохѣ: — измѣненіе стараго качества ударенія могло произойти уже въ силу

измѣненія рефлексовъ индо-европейскихъ *й, і* въ редуцированныхъ *ъ, ь*.

Остается еще вопросъ: какъ понимать долготу въ формахъ *plāšč, grzēch* и т. п., *bogāč, gubāk* и т. п.

Предполагая фонетическое ея происхожденіе, мы должны думать, что въ эпоху сокращенія старой долготы подъ удареніемъ, удареніе въ этихъ формахъ падало на конечный *ъ, ь*: *kgṓl, grḗcḥ*; перенесеніе ударенія на коренной слогъ произошло позже.

Но въ такомъ случаѣ формы типа *dōbъkъ́* фонетически должны были дать *dōbek* т. е. *dēbek*: первое *ъ* суффикса находилось въ закрытомъ слогѣ и потому доходило вѣроятно до полной краткости, слѣд. носовой долженъ былъ такъ же сократиться, какъ онъ сокращался въ **tegotá*, какъ сокращалось *a* въ *batogá* или сочетаніе *er* въ **vertenó* (*vrzeciono*). Итакъ форму *dābek* приходилось бы объяснять влияніемъ косвенныхъ падежей. Однако мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ очень раннее ослабленіе конечныхъ *ъ, ь* и перенесеніе ударенія на предшествующій слогъ: съ этой точки зрѣнія—формы типа *dābek* представляются фонетическими: *dōbъkъ́* измѣнилось въ *dōbъkъ́* раньше, чѣмъ наступило сокращеніе въ случаяхъ, какъ **vertenó*; *dōbъkъ́* фонетически дало *dābek*; различіе въ количествѣ коренного гласнаго въ формахъ—**bātog* изъ **bātogъ́* и *bātoga* изъ **bātogá* должно было очень рано стереться, раньше чѣмъ возникло различіе типа *sād* — *sāda* въ силу вторичнаго удлиненія.

При этомъ предположеніи формы *gřēch, plāšč, gubāk* и т. п. должны объясняться влияніемъ косвенныхъ падежей: *grēchá, plāščá, gubāká*: при сравнительной малочисленности словъ этого типа было бы понятно исчезновеніе отношеній — *grēchъ́* — *grēcha* еще въ ту эпоху, когда не наступило вторичное удлиненіе, и когда рядомъ стояли отношенія исключительно одного типа: *brātъ́* — *brāta, gādъ́* — *gāda*.

Дополненія и поправки.

Къ 5 с., 4—5 строки. Точнѣе, — къ эпохѣ польско-кашубской. Если бы долгота изъ стяженія получилась въ болѣе раннюю, напр. об.-зап.-славянскую эпоху, то она подѣ удареніемъ сократилась бы въ польскомъ (znāš, ėytāš и т. п.).

Къ 9 с., 28 стр. Въ формахъ *pobažej*, *poŕencej*-е является открытымъ, вѣроятно, въ виду того, что *j* явилось въ ппхъ позже эпохи удлиненія въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

Къ 11 с., 33 стр. Сербскія ф.ф. на -en, быть можетъ, стоятъ подѣ влияніемъ формъ, какъ *zelen*, *zlaħen*. То-же въ словинскомъ.

Къ 11 с., 34 стр. Должно отмѣтить др.-п. ф.ф., какъ *beġu*, *ħera*, *ħeno*, однако при *suano*, *myasto* «О др.-п. яз.» 76 с.; написанія эти ослабляютъ увѣренность въ доисторическомъ происхожденіи измѣненія ė въ 'а, но не совершенно ее уничтожаютъ: такіе факты могли явиться подѣ влияніемъ родственныхъ ф.ф. съ 'e изъ ė предѣ мягкимъ слогомъ.

Къ 15 с., 15 стр. Впрочемъ это замѣтилъ и самъ проф. Брандтъ ср. его рецензію на II ч. «Лекцій» Флоринскаго 1900 г. 50 стр.

Къ 15 с., 16 стр. Съ гипотезой Лоренца ср. мысль проф. Брандта въ статьѣ о польскомъ ģ въ Сборникѣ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова (206—209 сс.): въ 'а измѣнялось лишь краткое ė. Мысль — неудачна: ср. *ģvāzda*, *ģnāzdo*, *vānek*, *kvātek* и т. д.

Глава 3 II части настоящаго изслѣдованія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что долгота въ *nom. s. ġvāzda* — фонетическая

и не можетъ быть объясняема вліяніемъ loc. s., какъ дѣлаетъ проф. Брандтъ: если въ loc. s. старая долгота сохранялась, то она не могла сократиться въ nom. s.; акцентуативныя отношенія были одинаковы въ nom. и loc. s.

Къ 19 с., 14 стр. Zbiór VIII, 249 с.

Къ 20 с., 17 стр. Łużko, Łuno (18 стр.)—конечно съ точки зрѣнія сважендзкаго говора, измѣнившаго ó въ u.

Къ 43 с., 13 и слѣд. Написанія *solkom, dobrom, vodom* и т. д. не точны; лучше: *solko^m, dobro^m* и т. д.

Къ 45 с., 17 стр. Польское начальное го, ю явилось изъ начальныхъ группъ *or, *ol съ нисходящей долготой: ср. п. *rola* и слов. *gál* — *galí*, п. *rost* и с. *râst* — *râsta*, п. *łodzi* gen. s. и с. *lâŕa*, п. *łokieć* и с. *lâkat*.

Въ такихъ случаяхъ находимъ го, ю и въ чешскомъ, лужицкомъ, русскомъ.

Наоборотъ, польское га, ъа въ началѣ слова — изъ *or, *ol съ восходящей долготой: ср. п. *radło* и с. *râło*, ч. *rádlo*; п. *gamię* и с. *râme*, ч. *gámě*, п. *łakomu* и с. *lâkom*; п. *łabadź* и с. *lâbud*. Въ русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ въ этихъ случаяхъ также га, ъа. г. Эндзелинъ (Сборникъ статей въ честь Ф. Θ. Фортунова 535—572 сс.) находитъ невѣроятнымъ объясненіе различія количества начальныхъ сочетаній: га, ъа и го, ю — различіемъ качества ударенія въ праславянскомъ: почему благодаря вліянію восходящаго ударенія сочетание *aġ* дало га лишь въ началѣ слова? — ср. п. *krova* при *gamię*.

Онъ полагаетъ, что въ праслов. были *āg, āl* съ долготой въ а, полученной изъ индоевропейскаго, рядомъ съ *ǣg, ǣl*. Однако невѣроятнымъ представляется сохраненіе *ā* въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ долгимъ уже для литовско-славянскои эпохи; для славянскаго ср. совпаденіе *āj, āc* съ *ǣj, ǣc*.

Въ литовскомъ въ соотвѣтствіи п. *gamię, rataj, łaknać* (с. *lâkom, râme*) находимъ *arms, artójis, álkstu*, какъ и *kárve, szálmas* ср. п. *krova*, с. *kráva*.

Къ 48 с., 16 стр. Вопросъ, являлось ли о въ начальномъ го

первоначально долгимъ, какъ внутри слова, трудно съ увѣренностью рѣшить, въ виду недостаточнаго числа примѣровъ съ го въ положеніи предъ удареніемъ: ср. *gósc* изъ *rosti*, но *rokita* = р. *ракѣта*, с. *ракіта*; *gov* ср. съ чак. *gòb* — *gòba*, слов. *гòба*, по р. *рабá*, с. *рòба*; въ *gola*, *rost*, *łokiec* сочетаніе *go*, *ło* находилось подъ удареніемъ и слѣд., если и было съ *õ*, то должно было его сократить (малор. *рòля* при *рѣлѣ*, р. *рòста* *g. s.*, с. *лáкат*). Въ *łódź*, *gówny*, *gòżny* — вторичное удлиненіе.

Начальныя *ga*, *la* являлись, вѣроятно, съ *ã*; *ga*, *la* получились вслѣдствіе сокращенія *ã* подъ удареніемъ: *gadło* = р. *рáло*, с. *рãло*; *gamię* = с. *рãме*; *gataj* = р. *рáтай*; *łakomy* = с. *лãком*; *łabadź* = *лãбуд*; *łañ* = р. *лавь* — *лãни*.

Къ 48 с., 29 стр. Сважендзское *łũc* сюда не относится: оно изъ **łũtjъ*: ср. с. *тућп*, м.-р. *товчі*.

Къ 63 с., стр. 25 и сл. Точнѣе *regun*, *żupa*, *imuna*, какъ говорятъ лица, чуждые литературному вліянію.

Къ 63 с., 31 стр. Форма *doсец* въ такомъ случаѣ — нефонетическая: быть можетъ подъ вліяніемъ косвенныхъ ф.ф. *doселка*, *doсеłku* и т. д. при пом. *s. doсолек*.

Къ 68 с., 10 стр. Выраженіе «закрытый слогъ» всюду употребляю въ смыслѣ: *новый закрытый* т. е. получившійся вслѣдствіе выпаденія между согласными *ъ*, *ь*.

Къ 74 с., 34 стр. Впрочемъ серб. *stęgnó* — *stęгна* указываетъ на праформу съ *e*, а не *ь* въ корнѣ.

Къ 79 с., 6 стр. Въ примѣрахъ *okinko*, *rosynka* суффиксъ *-inko*, *-ynka* неорганической, перенесенный изъ примѣровъ, какъ *pląténko*, *studźénka* (*studьнъ*).

Къ 79 с., 21 стр. Въмѣсто *zag* слѣдуетъ читать *gaz*, фонетически *gos*; *dar* извѣстно, какъ слово литературное, обычно говорятъ *podarunek*; *sađ*, *zađ* звучать, конечно, — *sunt*, *zumr*.

Къ 83 с., 2 стр. По поводу *ukinko* ср. то, что выше сказано объ *okinko*. 4 стр.: *jaǰne* — неправильно; вѣрнѣе *jaǰne*.

Къ 85 с., 7 стр. Слѣдуетъ читать *wezme* вм. *wiezme*.

Къ 88 с., 12 стр. *łuzko* съ сважендзской точки зрѣнія изъ *łóžko*.

Къ 97 с., 34 стр. Въ данномъ случаѣ имѣются въ виду Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen Bezzenberger'a.

Къ 98 с., 23—24 стр. Вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, пока не собрано больше примѣровъ, гдѣ въ чакавскомъ является восходящее долгое удареніе. Чакавское *král* врядь ли отражаетъ об.-слов. восходящее, какъ думаетъ ак. Шахматовъ Изв. III, 1 и сл. VI, 339 и слѣд., въ виду русскаго король. И русское король, и чак. *král* получились вслѣдствіе перенесенія ударенія съ конечнаго *ь*, перенесенія быть можетъ даже не об.-славянскаго.

Сомнѣваюсь и въ архаичности восходящаго ударенія въ чак. *mlátiš* и р. *molótiš*. Формы *molochú*, *molótiť* показываютъ, что коренной слогъ представлялъ первоначально нисходящую долготу, ср. штокавское *mlátiš*. Не вхожу въ объясненіе этого факта, но параллельное слов. *klátiš* ср. съ такими словинскими фактами какъ *sědem*, *bijem*, *stānem* — шток. *sjědem*, *bijem*, *stānem* или *mórem*, *mělem*, *tónem* при р. *mogú* — *móжешь*, *мелю* — *мелешь*, *тонú* — *тóнешь* ср. что говоритъ объ этомъ Вальявецъ Rad CXXXII, 155 с.

Къ 99 с., 25—26 стр. Точнѣ *boǵa*, *kǵža*.

Къ 111 с., 30 стр. Приводя чакавскія параллели, пользуюсь работой Неманича «Čakavisch-kroatische Studien. Accentlehre», 1884 г., причеъ знакъ ' обозначаетъ долготу безъ опредѣленія ея качества.

Къ 141 с., 25—26 стр. Если п. и слов. ф.ф. указываютъ на нисходящую долготу послѣ ударенія, то ч. *jeřáb*, *jestřáb* получились вслѣдствіе того, что нисходящая долгота измѣнилась въ восходящую въ виду потери моры въ слѣдующемъ слогѣ; въ словацкомъ ф.ф. пом. s. подчинились вліянію остальныхъ.

Къ 154 с., 6 стр. Относительно слов. *mórem*, *tónem* — ср. выше дополнительное замѣчаніе къ 98 стр.; ч. *múžeš* сопоставляетъ въ послѣднее время со слов. *mórem* Pedersen Kuhn's Zeitschrift. 1902 III, 303—304 сс.

Къ 156 с. и слѣд. Къ вопросу о чешскомъ удлиненіи. Можетъ явиться мысль, что въ *boǵъ* — *boǵa* въ пом. s. въ виду

потери моры являлось $\text{b}^{\text{ö}}\text{g}$, и отсюда удлинение — $\text{b}^{\text{ü}}\text{h}$; въ другихъ же примѣрахъ удлинение это исчезло подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Однако не странно ли, что въ словацкомъ оно исчезло во всѣхъ случаяхъ этой категоріи, а въ словахъ типа $\text{k}^{\text{ö}}\text{n}$ изъ $\text{k}^{\text{ö}}\text{n}$ всюду сохранилось.

Къ 164 с., 15 стр. Долгота въ $\text{l}^{\text{ä}}\text{t}$, $\text{m}^{\text{ä}}\text{s}^{\text{t}}$ новая, ничего общаго не имѣющая со старымъ удлинениемъ въ закрытомъ слогѣ, въ результатѣ котораго а пзмѣнялось въ ö .

Къ 169 с., 16 стр. см. Rešetar «Die Betonung...» стр. 159: $\text{g}^{\text{i}}\text{n}^{\text{ü}}\text{t}$, $\text{u}^{\text{m}}\text{ü}^{\text{k}}\text{n}^{\text{ü}}\text{t}$.

Къ 171 с., 4 и слѣд. Быть можетъ, слѣдуетъ считать русскія Ф.Ф., какъ мо́лять при молю́, тѣну́ть при тяну́, указаніемъ на нисходящее качество долготы -о, е, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимать измѣненіе его въ восходящее въ виду потери моры въ слѣдующемъ слогѣ.

Къ 178 с., 13 стр. Сюда же могутъ быть отнесены примѣры, какъ $\text{p}^{\text{r}}\text{ö}^{\text{t}}\text{j}^{\text{e}}$ = с. $\text{p}^{\text{r}}\text{ü}^{\text{h}}\text{e}$ (ирѣт), $\text{l}^{\text{i}}\text{s}^{\text{t}}\text{j}^{\text{e}}$ = с. $\text{l}^{\text{i}}\text{š}^{\text{i}}\text{h}^{\text{e}}$ (лѣст), $\text{t}^{\text{i}}\text{n}^{\text{e}}$ см. Rad CXXXII, 159 с. Сопоставляя эти примѣры съ приведенными на 174 с. $\text{v}^{\text{l}}\text{ä}^{\text{s}}$, $\text{m}^{\text{ö}}\text{ž}$, прихожу къ убѣжденію, что мысль ак. Шахматова о необходимости отличать по качеству старое восходящее отъ восходящаго, получавшагося изъ стараго нисходящаго въ приведенныхъ случаяхъ, вѣрна. Старое восходящее сокращалось въ сербскомъ и словинскомъ, новое по крайней мѣрѣ въ словинскомъ и, вѣроятно, и въ чакавскомъ ($\text{l}^{\text{i}}\text{š}^{\text{i}}\text{e}$, $\text{p}^{\text{r}}\text{ü}^{\text{e}}$ Arch. XVII, 197 с.) сохранялось, какъ долгое восходящее. Въ чешскомъ и старая восходящая, и новая восходящая изъ нисходящаго сохранились.

Подъ вліяніемъ литературнаго правописанія въ фонетическую передачу звуковыхъ комплексовъ вкрался въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточности. Такъ, порой пропущенъ знакъ смягченія при согласномъ въ положенія его предъ i : 9 с., 22 стр. $\text{z}^{\text{ö}}\text{r}^{\text{ö}}\text{k}^{\text{i}}$ вм. $\text{z}^{\text{ö}}\text{r}^{\text{ö}}\text{k}^{\text{i}}$, *ibid.* 23 стр. $\text{z}^{\text{ö}}\text{v}^{\text{i}}\text{s}^{\text{t}}\text{n}^{\text{y}}$ вм. $\text{z}^{\text{ö}}\text{v}^{\text{i}}\text{s}^{\text{t}}\text{n}^{\text{y}}\text{j}$; 20 с., 17 стр.

čłynki вм. čłynki; 23 с., 32 стр. zminić вм. zminić, sić — sići вм. sić — sići; 78 с., 24 стр. dogiń, marchvi, brukvi вм. dogiń, marchvi, brukvi.

Вмѣсто принятаго мною знака v вкралось въ нѣсколькихъ случаяхъ литературное w: 10 с., 4 стр. — kworta вм. kvorta; 44 с., 13 стр. wé'ąkšyj вм. wé'ąkšyj; ibid. 32 с. wózać вм. wózać; ibid. 34 с. wé'żeńe вм. wé'żeńe.

Вм. ž — литературное rz: 79 с., 21 стр. morze вм. może. Наоборотъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ фонетическое правописание проникло въ передачу литературныхъ формъ:

25 с., 7, 8, 10 строки: dziesiąty, dziewiąty, dziewięcioro, dziewiętnascie вм. dziesiąty, dziewiąty, dziewięcioro, dziewiętnascie.

78 с., 24 стр. въ написаніяхъ lin — lnu значокъ смягченія — лишній.

Изъ замѣченныхъ опечатокъ отмѣчу важнѣйшія:

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно:
8	22	zńijou	zńijou
9	21	nażędzie	narzędzie
10	4	alkeš	alkeš
19	33	stłuc chodny	stłuc, chodny
24	10	концетрированіе	концентрированіе
26	15	Lorenz	Lorentz.
48	29	kłu'c	kłu'ć
63	31щее l,щее e,
66	16	vús	ús
84	27	hedvab	hedvař
89	10	žońierz,	žońierz.
134	3, 14	Bronich	Bronisch.
136	13	обнаруживатся	обнаруживается
148	1	Колара	Коларжа
188	9	grądział — grądziała	grądział — grądziała

Списокъ сокращеній.

Arch. = Archiv für slavische Philologie Berlin.

B. B. = Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen изд. Беценбергеромъ.

Beitr. = Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung... herausgegeben von A. Kuhn. Berlin 1858—1874 гг.

Брандтъ «Кр. ф. и м. п. яз.» = Краткая фонетика и морфология польскаго языка 1894 г. Москва.

Bronisch = Kaschubische Dialectstudien von Gotthelf Bronisch 1896. Leipzig.

Gebauer Hist. Ml. = Historická mluvnice jazyka českého. Прага—Вѣна I 1894, II 1—2.

Denkschr. = Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Wien.

Ж. М. Н. Пр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Zbiór = Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków съ 1877 г.

Изв. = Извѣстия Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Изслѣд. = Шахматовъ «Изслѣдованія въ области русскои фонетики» 1893 г.

Лавровъ «Обзоръ» = Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка 1893 г. Москва.

List. fil. = Listy filologicke. Praha.

Małeckı Gramm. = Grammatyka języka polskiego większa Lwów. 1863 г.

Małeckı Gramm. hist.-porówn. = Grammatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. Lwów. 1879, I—II.

Mat. i prace = Materiały i prace komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie I, 1902.

L. Malinowski «Ueber d. opp. M.» = «Beiträge zur slavischen Dialectologie von Lucian Malinowski I Ueber die oppelnische Mundart in Oberschlesien» Leipzig 1873 г.

Myka Hist. und vergl. Laut-und Formenl. = Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache Leipzig 1891 г.

О др.-п. яз. = Бодуэнъ де Куртене «О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія» 1870 г. Лейпцигъ.

Prace fil. = Prace filologiczne.

Rad = Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb.

Ramułt = Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego w Krakowie 1892 г.

Rozpr. = Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie съ 1874 г.

Семеновичъ «Ueber die Quant.» = «Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im altpolnischen» Leipzig 1872 г.

Sievers⁵ = Grundzüge der Phonetik von Eduard Sievers 5 пзд. Leipzig 1901 г.

Spraw. = Sprawozdania Komisji językowej Akademii Umiejętności w Krakowie съ 1880 г.

Флоринскій «Лекціи» = Лекціи по словянскому языкознанию II, 1897 г.

Фортунатовъ Сравн. яз. = «Сравнительное языковѣдѣніе» Лекціи читанія въ 1897—1898 акад. г. Ляогр.

Z. K. = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen herausgegeben von E. Kuhn und J. Schmidt.

Щепкинъ «Разсужденіе» = «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» 1899 г.

Указатель именъ.

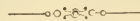
- Аппель 37. 69. 70. 72. 73. 76. 77. 92.
Бартошъ 138. 150. 161.
Бецценбергеръ 97. 213.
Блаттъ 19. 34. 36. 37. 38. 39. 41.
Богородицкій 119.
Бодуэнъ де К. 18. 21. 22. 29. 30. 31.
47. 49. 52. 53. 64. 84. 87. 91. 92.
115. 142. 144. 145. 146. 148. 161.
164.
Брандтъ 11. 15. 49. 51. 58. 83. 96.
119. 148. 211.
Бремеръ 84.
Бронниъ 35. 46. 47. 56. 57. 59. 61.
65. 74. 116. 117. 127. 128. 129.
134. 139. 143. 149. 161. 164. 166.
167. 168. 193. 196. 204.
Брохъ 85.
Брюкперъ 21. 22. 23. 29. 30. 31. 47.
50. 51. 52.
Бругманъ 197.
Будманъ 75.
Быстронъ 75.
Бѣла 35.
Валявецъ 99. 100. 154. 155.
Верховскій 82.
Витаповскій 36. 37.
Востоковъ 152.
Вукъ (Караджичъ) 117. 133. 155. 157.
Ганушъ 88.
Гебауэръ 19. 34. 70. 75. 99. 115.
147. 149. 150. 195.
Гиртъ 73. 100. 102. 178.
Горакъ (Hogák) 171.
Грайнертъ 36. 37. 39.
Гржегоржевичъ 37. 38. 65.
Гуссъ 136.
Даль 117. 128. 156.
Давичичъ 145. 146.
Добржицкій 36. 41. 56. 77. 87.
Заборовскій 90. 91.
Завилинскій 13. 18. 36. 81.
Зубатый (Zubatý) 47.
Ильпинскій 147.
Йокль 96.
Жална 21.
Калужницкій 92.
Катковъ 95. 97.
Коларжъ (Kolář) 21. 148.
Кольбергъ 6. 7. 19. 39. 61. 62. 63.
67. 82. 89.
Кошерницкій 36. 37. 82.
Коршъ 85. 192.
Котляревскій, А. А. 30. 80. 84. 144.
Крижачичъ 145.
Крыньскій 21. 35.
Лавровъ, П. А. 80.
Лавровскій, П. А. 95.
Лескинъ 33. 50. 58. 69. 71. 74. 97.
98. 99. 100. 101. 102. 140. 147.
148. 154. 164. 172. 185. 187.
Лецѣвскій 23. 35. 37. 38. 39. 56.
62. 65. 89.

- Лпиде 181.
 Лоренцъ (Lorentz) 11. 15. 21. 24.
 25. 26. 32. 33. 46. 53. 56. 59. 102.
 111. 112. 117. 119. 121. 122. 139.
 140. 141. 142. 160. 163. 166. 167.
 169. 179. 183. 184. 185. 186. 200.
 202. 206. 207. 208. 211.
 Лоринъ 138.
 Лосъ (Łoś) 5. 36. 38. 40. 77. 96. 130.
 131. 149.
 Лосъ (Loos) 135. 159.
 Ляпуновъ, В. М. 49. 55. 58. 59. 78.
- М**
 Мажураичъ 95. 155. 157.
 Малѣцкій (Małeckі) 12. 63. 77. 85.
 86. 89. 90. 91. 94.
 Малиповскій, Кс. 91.
 Малиповскій, Л. 6. 19. 21. 22. 32.
 36. 37. 39. 40. 42. 43. 64. 81. 95.
 Матусякъ 12. 42. 96.
 Махаль 96. 173. 185.
 Миккола, 21. 24. 26. 27. 31. 47. 52.
 53. 59.
 Миклошичъ 32. 74. 94. 95. 96. 97.
 156. 163. 197.
 Мопчиньскій (Maćczyński) 52.
 Мука 10. 12.
- Н**
 Неманчъ 214.
 Нерингъ 21. 22. 23. 50. 51.
- О**
 Облакъ 11. 58. 59. 81.
- П**
 Паркошъ 90. 91. 92.
 Педерсепъ 214.
 Петровъ, А. 6. 18. 35. 82.
 Полвка 70. 73. 74. 75. 77.
 Поржезинскій, В. К. 25. 102.
 Потепля 21. 22. 23. 27. 29. 30. 45.
 64. 119. 161.
 Пухмайеръ 95. 97.
- Р**
 Рамултъ 46. 47. 57. 59. 69. 76. 115.
 116. 117. 127. 128. 129. 134. 139.
 141. 143. 149. 190.
 Решетаръ 113. 115. 118. 129. 130.
 164. 215.
- Розвадовскій** 3. 4. 37. 38. 40. 41. 81.
- С**
 Сембржицкій 19. 36. 38. 83.
 Семеновичъ 64. 91. 92. 93. 94. 96.
 108. 109. 112. 113. 118. 129. 130.
 131. 132. 133. 142. 143. 149.
 Сиверсъ 1. 3. 17. 162.
 Соболевскій, А. П. 10. 13. 58. 87.
 145.
 Сѳрензенъ (Soerensen) 169.
- Т**
 Торе-Торнберисонъ 45. 125. 142.
 Тругларъ (Truhlar) 95.
- У**
 Удѣла (Udzieła) 36. 82.
 Уляновская 19. 82.
- Ф**
 Фишеръ 150.
 Флайшгансъ (Flajšhans) 99.
 Флоринскій, Т. Д. 6. 10. 12. 15. 54.
 55. 83. 211.
 Фортунатовъ, Ф. Ф. 1. 10. 49. 51. 52.
 53. 55. 79. 97. 98. 100. 102. 147.
 148. 211. 212.
- Ц**
 Цишевскій 37. 41.
 Цоневъ 100. 101. 178.
- Ч**
 Черный (Černý) 98. 99. 123. 135.
 136. 156. 174. 185.
- Ш**
 Шахматовъ, А. А. 10. 11. 30. 49.
 51. 53. 64. 67. 68. 72. 78. 80. 84.
 87. 100. 139. 143. 144. 145. 174.
 175. 187. 188. 192. 204. 208. 209.
 213. 215.
 Шлейхеръ 14. 26.
 Шмидтъ, J. 50.
 Штрейтбергъ (Streitberg) 174.
- Щ**
 Щенкипъ, В. Н. 78.
- Э**
 Эндзелипъ 212.
- Я**
 Ягичъ 21. 22. 23. 24. 27. 28. 30.
 49. 50. 58. 98. 99.
 Яичій (Janczy) 36. 38.

Указатель польскихъ говоровъ.

- Бржезиньскій** 5. 6. 13. 16. 18. 20. 36. 40. 42. 63. 65. 80. 81. 82. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 143. 170. 180.
- Великопольскіе** 6. 18. 19. 39. 62. 65. 67. 83. 89. 104.
- Велюпскій** 34. 36. 37. 39.
- Гарволинскій** 113.
- Горальскій** 6. 34. 82. 130. 131.
- Добржиньскіе** 18.
- Закопанскій** 6. 35. 37. 65. 104. 105. 107. 108. 109. 110. 111.
- Закопанскій** 104. 105. 106. 149.
- Зебржидовскій** 16. 18. 34. 37. 61. 65. 81. 82. 83. 84. 104. 105. 106. 107. 108. 110. 111. 113. 128. 130. 143. 149. 165. 167. 170. 180. 182. 185. 190. 191.
- Касиньскій** 43. 81.
- Крженципскій** 36. 37. 41. 42. 57. 63. 65. 77. 81. 104. 105. 107. 108. 110. 111. 113. 117. 128. 129. 133. 165. 170. 189. 191. 192.
- Кротошинскій** 6.
- Луковецкій** 6. 63. 65. 81. 103. 104. 105. 107. 108. 109. 110. 130. 131. 132. 144. 170. 171. 180. 191. 198.
- Лясовскій** 6. 12. 16. 42. 63. 65. 82. 83. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 132. 180. 190. 191. 194. 197. 205.
- Малопольскіе** 6. 18. 34. 104.
- Мазурскіе** 6. 18. 19. 82. 83. 104.
- Мазуры прусскіе** 38. 41.
- Мѣйска Горка** 6. 7. 16. 34. 35. 37. 38. 41. 42. 50. 65. 83. 84. 89. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 131. 149. 167. 170. 180. 186. 191. 199.
- Опочиньскій** 6. 16. 34. 36. 38. 39. 40. 61. 77. 82. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 117. 118. 128. 130. 131. 132. 139. 149. 165. 167. 180.
- Оппельскій (онольскій)** 6. 19. 21. 39. 40. 41. 62. 63. 81. 89. 104. 105. 106. 107. 108. 113. 117. 130. 131. 143. 149. 180. 191. 192.
- Писаржовицкій** 34. 37. 81. 104. 105. 107. 108. 110. 113. 118.
- Польско-словацкіе** 34.

Полуки 6.	114. 117. 119. 121. 122. 123. 124.
Прашницкій 37. 38. 57. 62. 63. 65.	125. 126. 127. 128. 131. 132. 139.
131. 203.	143. 144. 148. 149. 159. 160. 165.
Прушнякскій 135.	166. 167. 170. 180. 181. 182. 183.
Пышницкій 19. 34. 38. 39. 42. 63.	185. 186. 189. 191. 192. 193. 194.
65. 104. 105. 106. 107. 109. 110.	195. 197. 198. 199. 200. 203. 204.
111. 130. 131. 180.	205. 211. 213.
Равичскій 6.	Силезскіе 6. 18. 22. 27. 31. 39. 40.
Радомскій 34.	42. 84. 104.
Ропчицкій 6. 36. 63. 82.	Славковъ 6. 37. 41. 110.
Сважедзскій 1. 6. 7. 14. 17. 19. 20.	Сромовци 35. 36. 40. 42. 62. 65. 81.
21. 43. 44. 48. 61. 63. 66. 69. 78.	84. 149.
79. 80. 81. 83. 84. 88. 104. 105.	Стопавка 41. 65. 80. 87. 113. 149.
106. 107. 108. 109. 110. 111. 113.	153. 180.
	Страдомскій 34. 36.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ LXXIII, № 5.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИЗУЧЕНІЯ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Выпускъ VIII.

Извлеченія изъ сообщеній [№№ 46 — 50, 52, 54, 56, 57, 59 — 61, 66—68, 76—78], сдѣланныхъ на I и II Программы для собранія особенностей говоровъ сѣверно- и южновеликорусскаго нарѣчій гг. Е. А. Костровой, Н. Ушаковымъ, іером. Никодимомъ, А. Н. Грандилевскимъ, М. Разумовской, В. Покровскимъ, К. Цвѣтковымъ, В. Г. Лавинскимъ, С. Гудимовичъ, Г. В. Ивановымъ, г. Румянцевымъ, Ѳ. Дьяконовой, Ѳ. Костенкомъ, В. А. Сучковымъ и А. И. Черемхинымъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1903 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченія изъ сообщеній на Программы:

	СТРАНИЦЫ.
№ 46. Е. А. Кострова: <i>Вятской губерніи, Котельническаго уѣзда</i>	1— 11
№ 47. Н. Ушаковъ: <i>Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда, Погостинской волости, д. Тимохино</i>	12— 17
№ 48. <i>Вятской губерніи, Слободскаго уѣзда, с. Мухино</i> ..	18— 19
№ 49. Гером. Никодимъ: <i>Архангельской губерніи, Онежскаго уѣзда, с. Прилукъ</i>	20
№ 50. А. Н. Грандильевскій: <i>Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, сс. Емецкое и Курострово</i> ...	20— 90
№ 52. М. Разумовская: <i>Вятской губерніи, Нолинскаго уѣзда, с. Колобово</i>	90—105
№ 54. В. Покровский: <i>Пековской губерніи, Холмскаго уѣзда, с. Торопатцы</i>	105—111
№ 56. К. Цвѣтковъ: <i>Костромской губерніи, Макарьевскаго уѣзда, с. Якуньково</i>	111—137
№ 57. В. Г. Лавинскій: <i>Симбирской губерніи, Буинскаго уѣзда, с. Ембулатово</i>	137—157
№ 59. С. Гудимовичъ: <i>Вятской губерніи, Яранскаго уѣзда, с. Кугушерга</i>	158—169
№ 60. Г. В. Ивановъ: <i>Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, д. Дубровка</i>	169—184
№ 61. <i>Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, с. Халбужь</i>	184—191
№ 66. Румянцевъ: <i>Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, д. Борокъ</i>	191—201

№ 67. <i>Симбирской губернии, Гарсунскаго уѣзда, с. Аргашъ.</i>	201—216
№ 68. <i>Ө. Дьяконова: Вятской губернии, Нолчинскаго уѣзда, с. Соколово.</i>	216—228
№ 76. <i>Ө. Костенко: Курской губернии, Львовскаго уѣзда, с. Ивановское.</i>	228—232
№ 77. <i>В. А. Сучковъ: Тульской губернии, Новосильскаго уѣзда, с. Паньково</i>	232—239
№ 78. <i>А. I. Черемхинъ: Ярославской губернии, Мътикинскаго уѣзда, с. Васильково</i>	240—245

Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ.

VIII.

46. Вятской губерніи, Котельническаго уѣзда.

Авторъ сообщенія — учительница Шараницкаго начальнаго училища, получившая образованіе въ Вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Гласныя. § 1: Омельянъ, Олександръ, Оверьянъ вм. Аверкій (?); батюшко, Иванушко и т. д.; колачъ, стоканъ, онбаръ, олтарь, корманъ, торелка. § 3: заморозивать, заработать, подзадоривать, уваживать, уничтоживать. § 4: въ крестьянскомъ выговорѣ Вятской губ. въ разговорѣ преобладаетъ буква *о* вмѣсто *а*; напр. хорошо; мало, этово. § 6: ошо вм. еще, Ореѳій вм. Ареѳій, топеръ вм. теперь; севонни или соводни, жготься, ляготъ, береготъ, стереготъ, стряготъ. § 7: о ней, со всёю. § 8: Господней, средней, дѣвицей, субботней, долгей, Василей; § 10: цолуётъ, цолуй. § 12: хитряе, скоряе, бѣляе; пощѣлковать (пошшолковать). § 13: беритѣ, кладитѣ, очунъ вм. очень. § 15: мачеха, полевать. § 17: бароня, государоня. § 19: крѣпкой, лехкой, пѣгой, мелкой, частой; понуковать, подтяговать, опаховать; а также говорятъ: понуквать, подтягвать, опахватъ. § 21: нить, нитута. § 22: вечераеть; черняе, грубѣе, добрай, поскорѣй. § 23: крестьяне нашего прихода и другихъ ближнихъ съ нимъ провзносятъ всегда *е* вм. *я*: петь, грезь, взеть; боетсѣ, испугалсѣ, бросилсѣ; боялса, каталса, смѣялса, находилса. § 24: бѣлой, черной, зеленой, бурою, малой; зяней. § 25: хошь,

вздумаёмъ, дергаёмъ, играёмъ. § 27: сечась вм. сейчасъ; вм. что это — штой-то; слово баеть произносится бать въ 3 лиц. § 28: Настасей вм. Анастасій, Никита вм. Аникита; вм. мою — мью, вм. шью говор. шою (?). § 29: ледъ, леда; потолокъ, потолка; лобъ, лоба; камень, камня; кремьнь, кремья; ремень, ремья. § 30: мѹка вм. мучѣнье; приводилось слышать въ окончаніяхъ прибавку звука *ы*, напр. кричатъ въ лѣсу: страшная скѹка; Митрюхааы, Овдѣяы вм. Овдотѣя, самѣаы, домѣаы, придѣтыы сидитыы, ходитыы.

Согласныя. § 31: произносятъ *eo* и *oa*: худово, худова; красново, краснова; слаа вм. слава, худоо вм. худого. § 32: вм. государь, Господь говорятъ: осударь, Осподь. Произносятъ: Бохъ, мохъ вм. Богъ, могъ. Говорятъ: мяккой, леккой; произносятъ и такъ: мяхой, лехкой. § 36: фомякъ, куфарка, тѣфъ; эфтихъ, эфтогъ. § 37: хъ дому, хъ забору, хъ церкви, хъ жолѣзу. § 39: Вм. гляди говор. гликю, глянью, гледи. § 40: слова: цѣна и цѣпъ произносятся такъ: чѣна, чѣпъ; въ словѣ цѣпъ иногда при произношеніи *и* выговаривается какъ *с*: сѣна, сѣпъ. § 42: говорятъ: молодечъ, курича, кольча и т. д. Произносятъ: яичб, купечъ, человальникъ, чапля. § 43: Говорятъ: сончѣ вм. солнце, мѣсячъ, конечъ, чѣлый, чѣнный, гонечъ, чарапать, вм. царанать; говорятъ: тцюдо вм. чудо; нотць вм. ночь. § 44: жыть вм. жить; золѣзо вм. желѣзо; слово ржать не измѣняется въ произношеніи. Усаждай вм. сади. Говорятъ не могутъ вм. не могутъ; Кма, вм. тьма, много. «Ванька меня кма разъ кокнулъ, да черезъ лопоть то не прохватило». (лопотъ — одежда). § 45: Вмѣсто что, говорятъ: чо, штѣ, щѣ, што. Вмѣсто вѣчный, восточный, сочный произносятъ: вѣщной, востѣшной, сѣщной. § 46: шшотка, лшшше; ошо вм. еще; напрашно вм. напрасно. Произносятъ: дѣлаецца, вм. дѣлается. § 47: Вм. обмануть говорятъ оммануть. Вм. когда, тогда: колды, толды. § 48: золоушка вм. золовушка; голоушка вм. головушка; вухо вм. ухо; вокно вм. окно. § 49: Говорятъ: пролубъ; куфонной вм. кухонный: Миколай или Микола. § 50:

въ крестьянскомъ выговорѣ буква *л* произносится и женщинами твердо; мягкое произношеніе *ея* встрѣчается между женщинами интеллигентнаго класса напр., среди духовнаго сословія. § 51: *ланно*, *онна*. § 53: произносятся: *идеты*, *прядеты*, *говориты*; говорятъ и такъ: *идѣть*, *прядѣть*, *сидѣть* (?), *кофты* *вм.* *кофты*, *корофьки* *вм.* *коровки*. Говорятъ: *первой*, *серьпъ*, *верьхъ*, *церковь*, а въ другихъ случаяхъ *р* твердо. Произносятся *вм.* *тсч*: *вслѣчвіе* *вм.* *вслѣдствіе*; *бѣчвіе* *вм.* *бѣдствіе*; *сротсвеникъ* *вм.* *родственникъ*; *пѣвцыи* *вм.* *пѣвчии*; *хозяйва* *вм.* *хозяйева*; *лехчае* *вм.* *легче*. Говорятъ: *барьскѣй*, *царьскѣй*, *деревеньскѣй*, *женьскѣй*; *жемскій* *вм.* *земскій*.

Удареніе: *обухомъ*, на лошади, на коняхъ, *успѣхъ* и *успѣхъ*, *отставка* и *отста́вка*, *поставка* и *поста́вка*, *молоченіе*, *сосна*, *спіна*, *пастухъ*, *родить*, онъ *родится*, *спитѣ*, *ѣдитѣ*, *ѣдитѣ*, *хотитѣ*, *хотитѣ*, *несетѣ*, *несетѣ*, *кладете* и *кладѣте*, *икать*, *вопить*, *роботать*, *положить*, *предположить*, *пону́дить*, *позваль*, *собраль* и *собра́ль*, *погналь* и *погна́ль*, *послаль* и *посла́ль*, *дострѣлилъ*, *прѣсно́й*, *толсто́й*, *кажінной*, *вы курите*, *козы́рнуть* или *козырну́ть*, *опасно* и *опа́сно*, *четырёхъ*. § 54: Говорятъ: *становітся* *вм.* *стано́вится*; *три го́ды*, *на боръ* *вм.* *въ боръ*, *на рѣку* *вм.* *на рѣкѹ*, *на што* *вм.* *на что*, *за што* *вм.* *за что*, *не можно*. Произносятся *вм.* *никому́* *некому*, *нѣльзя* *вм.* *нѣльзя*, *удалой* *вм.* *удало́й*, *завернуть* *вм.* *заверну́ть*. § 55: крестьяне говорятъ *рѣзко*, только послѣднее слово замѣтно растягиваютъ, напр.: *ты куда пошѣлъ?* *Рожь* *ту* *выжалъ* *ли?* § 56: Въ соседнемъ приходѣ, Вишкельскомъ, по наблюденію крестьянъ говорятъ не хорошо: при разговорѣ часто употребляютъ слова: *ще*, *по ще*, *за що* и др. Въ Чистопольскомъ приходѣ замѣтна пѣвучесть въ произношеніи, каждое слово произносится въ растяжку.

Склоненія. § 58: Въ родит. падежѣ и дательн. произносятся: *дни*. Говорятъ: къ «Спасову дни», «Николину, Ильину дни». § 59: Говорятъ: *годы* и *года*, *уговорá*, *приговорá*, *пояса́*, *моста́*, *города́*. Произносятся: *гвозьѣ* *вм.* *гвоздьѣ*, *кольѣ* *вм.* *коляѣ*. Го-

ворять: кресьяна вм. крестьяне; бая вм. бара; § 60: говорятъ глазовъ, солдатовъ. Произносятся вм. *ей* оконч. *овъ, евъ*: ежовъ, ключёвъ, деревневъ. Произносятся: молодчи вм. молодцы. Говорятъ: дочерьми, дѣтьми; все роздалъ дѣтьми; подъ домамъ, за грибамъ, за рѣкамъ. Оконч. *ами* произносятся *ями*: собаками вм. собаками, разбойниками, мужиками, дровами (?). § 61: вм. слова свекровь говорятъ свекрофка. Говорятъ: бароня, судароня, барошна. Говорятъ: къ заутрины, въ обѣхъ избахъ. Въ творительномъ падежѣ говорятъ: тысячью и тысящей. Вѣшша вм. вещь, бсенья вм. осень, бзпа вм. озимь. Въ творит. пад. говорятъ: вм. осенью осеньей; вм. перстомъ перстенемъ. § 63: книгъ, птицъ, избовъ и т. д.; свадьбей, верьбей, птицей и т. д. имѣ, время, темѣ, полѣ, род. мн. ч. поль, полёвъ и полей. § 67: Въ винительн. падежѣ прилагательныхъ женск. рода вм. оконч. *ую* употребляется *ю*; напр. говорятъ: краснюю дѣвку, бѣльную корову; потеряли черную овѣчку; я пошелъ на большую дорогу. § 68: род. п. старыѣ чашки; красивыѣ дѣушки. § 69: грезныѣ ноги, мокрыѣ лапти, силныи лошади, чудныи сказки. § 70: въ прикраснымъ саду; въ болшымъ бору; во дремучимъ лѣсу; говорятъ: въ тымъ и въ тѣмъ. § 71: къ просужими людямъ (просужій значитъ хорошій). § 70: худэхъ, плохэхъ, старэхъ; горькѣфъ, черныфъ, сухѣфъ. § 73: мя, тебя, ты, тобѣ, собѣ, у те, у ся, у собя, намы, вамы. § 75: Вм. въ немъ произносятся: въ ёмъ, въ имъ, имя, имямъ: къ имямъ вм. къ пимъ; во мн. ч. говорятъ сымямъ вм. съ ними (NB). § 77: слово всима замѣняетъ слово всѣмъ; одны, единый вм. одинъ, единица. § 79: Чотыря; шешъ вм. шесть, шешначать вм. шестнадцать, дватчѣтъ, тритчѣтъ вм. двадцать, тридцать. § 80: Произносятся напр. такъ: «Хлѣботъ у меня що-то испекса севодня закалъ». «Я бабу-то втамежъ (вм. тогда) послалъ къ тобѣ». «Маслечо-то извелося». «Сады-то (вм. цвѣтки) изгинули».

Спряженіе. § 81: Вм. видѣль говорятъ видяль. § 83: Вм. есть говорятъ есь. § 84: вѣду вм. вѣдаю; подыни вм. подими,

сыми в. сними. § 87: текóшь или текóтъ; стерегóшь, стригóшь, берегóшь. § 88: Ходють, рубятъ, просятъ, косятъ, хвалютъ (?) § 89: жекчи, мокчи, лекчи. § 92: в. напр. слышалъ, вышелъ говорятъ: слышилъ, вышилъ. § 94: мотрай, робята, оболочку (верхняя одежда) соблюдайте (храните). Собака изгнула в. пропала.

Синтаксисъ. § 96: ягода плоха в. ягоды плохи; грибъ уродился в. грибы уродились. § 99: я поёлъ ягоды; § 103: втапоръ в. тогда; вечёре в. вечеромъ; лѣтось; лоне в. въ прошлый разъ; онамѣдни или онамедни в. тогда; втамежъ, товоно в. то. § 104: товонока в. того; тошно в. точно; садко в. досадно; судачить в. выговаривать; ежли в. если, или ежели. § 109: я пришелъ по тебя; пойду по воду; по тебѣ скучаютъ. § 110: большшúуушій, заря краасная; махочкой в. очень маленькій; скупушшой в. скупушій, оч. скупой; злушшой в. оч. злой; добрѣющей в. оч. добрый. § 111: пришло два мужика. У окна стоятъ три пицихъ. Вышлоизъ дому два мужика. Вижу трое коровъ. § 115: В. она прозносятъ оно только на крайнемъ сѣверѣ Котельническаго уѣзда Вятской губ. § 121: ужó постой, я тобѣ побачу. Мотри ты слушай, штё онъ батъ. Молчи-ко, онъ виш-ли-ко мнѣ бачилъ. Я де приведу утре лошадь. Щобъ ещё онъ бáелъ. Ну да поди; можай безъ тебя исправимъ. Чтё ты чудишь! какъ ни жаль, лико, мнѣ ка бы надолгё кукшина достало. Ужотка спрошу я те, що шшольчила тебѣ вечеръ втапоръ кума? Слово шшольчила означаетъ говорила; втапоръ — тогда; говорятъ чаще шшольцила.

Образцы народной рѣчи.

Сказки. 1. Бабушка да отопочекъ.

Баушка ходила съ отопочкомъ собирать, выпросилась ночевать у мужика, отопочекъ положила къ печѣ въ залавочѣкъ къ курицамъ. Поутру встала, Богу помолилась и курочку просить: гдѣ то курочка у меня? Мужикъ сказалъ: вѣдь у тебя отопо-

чекъ. Они заспорили. Старуха переспорила, взяла курочку и пошла дальше. На другую ночь опять выпросилась къ мужику. Курочку посадили къ гусямъ. Поутру стала (вм. встала) старуха и баеть: гдѣ то у меня гусеть? Мужикъ сказалъ: у те, говоритъ, курица была. Старуха взяла гуся и пошла дальше. Опять выпросилась ночевать къ третьему мужику. Гуся посадила къ барашкамъ. Утре старуха спрашиваетъ: гдѣ-то у меня барашкотъ? Мужикъ и баеть: у те вѣдь былъ гусь. Старуха переспорила, взяла барашка и ушла. Опять выпросилась ночевать къ четвертому мужику, барашка посадила къ быкамъ. Поутру и спрашиваетъ: гдѣ-то у меня быкъ-то? Мужикъ спорилъ, спорилъ и отдалъ ей быка, да ишо она выпросила у мужика хомутъ, дугу, вожжи и запрекчи велѣла; поѣхала на быкѣ, приговаривавши: пруски, пручекъ! по дорожкѣ тычекъ, сани не наши, хомутъ не свой, погоняй не стой. Попалъ ей во стрѣцу заяць и спрашиваетъ: куды, баушка, поѣхала? На море, море чертей корчить. Опять этакъ понужаетъ. Попалъ во стрѣцу волкъ и спрашиваетъ: куды, баушка, поѣхала? На море, чертей корчить, баушка отвѣчала. Возьми меня, волкъ попросился. Садись задомъ на копылъ. Потомъ попалъ во стрѣцу медвѣдь и спрашиваетъ: куды, баушка, опѣхала? На море-море чертей корчить. Возьми меня, медвѣдь сказалъ. Садись задомъ на копылъ. Поѣхали. Ъхали, ѣхали, изломалася оглобля. Баушка посылаетъ въ лѣсъ зайца за оглоблей: пошолъ, принеси оглоблю. Заяць принесъ листочекъ. Что это! какая оглобля будетъ? бачить баушка. Послала волка за оглоблей въ лѣсъ. Волкъ принесъ сучечекъ. Какая это оглобля, говоритъ баушка. Послала медвѣдя, медвѣдь выворотилъ сосну и съ корнемъ принесъ. Куды эку лѣсину! Не увезти будетъ. Пошла сама въ лѣсъ искать оглоблю и велѣла караулить быка. Медвѣдь, волкъ, заяць выпороти у быка брюшину, соломы насовали на то мѣсто. Баушка принесла оглоблю и запрягла быка и стала понужать, быкъ у ей нейдетъ. Она ево попотолкнула, быкъ и упалъ, втапоръ она увидѣла, щѣ у быка-то брюшина выпорота.

(Сказка, записанная со словъ народа).

2. Трофимъ да Иванъ дурачки.

Жили были Трофимъ да Иванъ дураки. Задумалъ Трофимъ жониться. Послалъ онъ Ивана за чашкамъ, и попался ему мужичекъ съ товаромъ. «Отвори», баеть «двери-то!» говоритъ мужикъ. Погоди, баеть, подворочу. Подошѣлъ Иванъ, отворилъ двери, да какъ ударить его по горбу то, а тотъ ему кричитъ: «ахъ, какой ты, шутникъ!» Затворилъ Иванъ двери, бросилъ бичъ въ телѣгу, а самъ опеть пошѣлъ въ походъ. Дошелъ онъ до деревни, попадаетея ему родникъ его; Иванъ и спрашиваетъ: если (вм. есть ли), баеть, у тя чайныя чашки? Есь, баеть, а много ли тебѣ надо? А давай, баеть, десятка два. Сродсвеникъ далъ ему чашокъ, онъ склалъ въ мѣшокъ и пошелъ въ обратный путь. Идетъ Иванъ, чашечки у него побрякиваютъ, а онъ имъ и говоритъ: смотрите, батъ, чашечки, не бречите, а то всѣхъ васъ растопчу. А чашечки не слушаются, бречать, да бречать. Пришѣлъ Иванъ домой, Трофимъ и говоритъ ему: вымай чашки то. Погоди, батъ, дай срокъ вывалю. Вывалилъ Иванъ чашки, да всѣ и растопталъ ихъ. А Трофимъ-то ухмыляется: нячего, баеть, къ добру. Поѣхалъ Трофимъ къ вѣнцу, да какъ выскочить дорогой то. Куда, баеть, ты бѣжишь? кричитъ Иванъ. А вотъ хочу, говоритъ, черепки привезти, отдать ихъ вмѣсто денежокъ попу. Ну полно, полно, дуракъ, поѣдемъ, говоритъ Иванъ. Трофимъ не послушалъ, убѣжалъ, собралъ черепки и опеть давай догонять: стойте, стойте! Да какъ фукнетъ черепкамъ то въ лошадь то, та какъ испужалась, да какъ помчится, и остался Трофимъ съ черепкамъ. Опеть давай кричать: стойте, стойте, пожалуйста посадите! Съѣлъ Трофимъ на лошадь и поѣхалъ. Приѣхалъ онъ ко священнику и говоритъ: ну бачко, приѣхалъ я вѣнчаться. Ладно, говоритъ, бачко, а гдѣ же невѣста?—Невѣста дома осталася, а ты, бачко, безъ еѣ меня обвѣнчай.—Экъ, чаво выдумалъ!—поѣзжай за ей, да и вѣнчайсь тогды. Поѣхалъ Трофимъ обратно. Послалъ опъ Ивана за ложками. По-

шѣль Иванъ лѣсомъ, видитъ онъ лѣснова дѣдушку. Голова у него кудрявая, борода широкая. Чаво тебѣ надоть? закричалъ дѣдъ. Да вотъ бы ложечекъ. Тотъ какъ схватилъ, да и кумыкъ ево въ озеро. Ну, ну не бойся! Добро сдѣлаю, я привелъ ево къ серебряному дому, а тамъ лежатъ всё серебряныя ложки. Ну ко крѣпка ли лошка то? Возьметъ, да какъ фукнетъ по башкѣ то лѣснова то, тотъ только кричить: ой, ой помогите! Взялъ Иванъ лошки и пошолъ обратно, а самъ кричить: охъ лошокъ пудъ нѣсу. Притащилъ Иванъ лошки, да какъ хлеснетъ по воротамъ то, такъ все переломалъ. Поѣхали (sic) Трофимъ къ невѣстѣ. Онъ сѣлъ на пристаночки и кричить: нуко, невѣстушка, выходи ко мнѣ. Сосваталъ Трофимъ невѣсту, послалъ Ивана за чашкамъ. Пришелъ Иванъ въ деревню, просить чашѣкъ; дали ему три чашки. Первая говорить худая, другая небаская, третья изъ новой изъ лѣсинки. Не поленились чашки. Пошелъ онъ въ другую избу. Тутъ ему подали: первую со щелью, 2 на дѣнышкѣ рубчикъ, третья говорить хороша чашечка, а четвертая и больно хороша, Взялъ Иванъ чашки, пришелъ домой, налилъ молока, а оно всё и выбѣжало, худыя значить были чашки. Поѣхалъ Трофимъ винчаться. Отдалъ бачку послѣдніе гроши. Приѣхали съ молодой въ деревню, а она и говорить: гдѣ, баеть, у тя изба то? Ничево! баеть, не сумлевайся, не долго избу сколотить. Взялъ онъ доску, сколотилъ на шпунтъ, подставилъ по краямъ три дѣщечки, щепки свалилъ на крышу — вотъ и вышла изба. Топеря, говорить Трофимъ, заживемъ расприкрасно, а ты топеря вези, молодущъ, свое богачво, есь куды и полѣжить. Поѣхали за сундукомъ; привезли ево, а въ немъ одно тряпѣ. Охъ, охъ какая жо радось-то мнѣ топерь! стонетъ Трофимъ: ничего не получилъ, лошки, чашки прибилъ; чѣмъ расплачиватца то стану; охъ! Тутъ пришли сусѣди за изломанныя чашки везли всё, що было, везли. Чѣмъ жо жить то буду! плачетъ Трофимъ. Сусѣди посмѣиваются: поди собирай съ молодухой то, веселѣе двоємъ. Дѣлать нечево, взялъ Иванъ молодуху и пошѣлъ собирать. Посбирали они, поѣли, головы повѣсили; да и заплакали.

3. Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ никого не было, одинъ козелъ да баранъ. Старикъ да старуха умерли, козелъ да баранъ пошли по дорожкѣ. Шли да шли, до смолова пня дошли. Вечеръ ужъ, надо пня почевать. Баранъ и баетъ козлу: наа (вм. надо) огня добывать. Козелъ боднулъ въ пень, не могъ огня добыти. Баранъ разбѣжался, какъ боднулъ п огонь вылетѣлъ. И сидятъ грѣются. Прибѣжалъ къ пнямъ заяцъ. Козелъ да баранъ, пусти погрѣться. — Грѣтца грѣйсь на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Заяцъ притащилъ сучечекъ, сидитъ грѣтца. Къ пнямъ бѣжитъ лисича. Козелъ да баранъ, пусти погрѣтца. Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Она притащила вичку, бросила и сидитъ грѣтца. Прибѣжалъ къ пнямъ волкъ. Козелъ да баранъ, пусти погрѣтца. — Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Онъ притащилъ колышѣкъ, и сидитъ грѣтца. Прибѣжалъ медвѣдь. Козелъ да баранъ пусти погрѣтца. — Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Медвѣдь притащилъ пень, бросилъ и сидитъ грѣтца. Они уснули. Козелъ да баранъ пробудились и баютъ: два лѣсника ходятъ, волка да медвѣдя ищутъ. Волкъ услышилъ и будитъ медвѣдя: медвѣдь, медвѣдь! Козелъ да баранъ баютъ, що лѣсники насъ ищутъ. Медвѣдь баетъ: ой, какая тутъ правда! Сами опеть уснули. Козелъ да баранъ пробудились, побѣжали вдоль по дорожкѣ. Бѣжели, да бѣжели, да на клѣпистыя сосны добѣжели. Козелъ на вершину сосны влѣзъ, баранотъ за имъ; лѣзъ, лѣзъ, да какъ оборвалса, да рогомъ то на сукъ, болталса, болталса и упалъ. Тутъ прибѣжали медвѣдетъ да волкъ. Козелотъ съ вершины то закричалъ: тово ли надо! тово ли надо!

Пѣсни.

1. Ужъ вы вѣтры, вѣтерочки,
Не сдувайте съ горъ снѣжочки,
Не смутите спячье море:
Сине море колебливо,

Бѣлорыбица пуглива,
 Красна дѣвица тосклива:
 Съ милымъ дружкомъ разлукá,
 Разлучаетъ насъ неволя,
 Неволя не охота,
 Чужедальня сторона.

2. Безъ меня меня жонили,
 Меня дома не было.
 Я на мельницѣ былъ,
 Во Котельницѣ служилъ,
 Изгороду городилъ, что бы
 Мухи не летали, тороканы
 Не скокали.
 Тороканъ перескочилъ,
 Верхну жердь переломилъ.

3. Не во лѣсикѣ лѣсъ трошшитъ (вм. трещитъ),
 Во березникѣ хрусъ хруститъ.
 Не мою ли жену волкъ ташшитъ.
 Жена то взбѣгивала,
 На свинѣ къ обѣднѣ ѣживала,
 Подѣзжала къ полевымъ воротамъ,
 Увидала мужика съ бородой.
 Рыжей красново спросилъ:
 Гдѣ ты бороду красилъ?
 Я на солнышкѣ лёжалъ,
 Кверху бороду держалъ.

4. Тетя, тетя мой!
 Тетя, батюшко родной!
 Сядь на лавочу (такъ) со мной,

Побахоримъ мы съ тобой;
Запрегомъ мы двойку,
Прогуляемъ тройку.

5. Ёдетъ друженька на ворономъ конѣ,
Нѣтъ у друженьки черканскаго сѣдла.
Соберемся мы, кумушки,
Во единый кругъ;
Сложимся мы, кумушки, по копеечкѣ,
Купимъ мы друженькѣ
Черканское сѣдло.
Нѣтъ же у друженьки
Тасмянныя узды.
Соберемся, кумушки,
Во единый кругъ,
Сложимся мы, кумушки, по гривенкѣ,
Купимъ мы друженькѣ
Тасмянную узду.
Нѣтъ ошо у друженьки
Шелковыя плеті.
Соберемся мы, кумушки,
Во единый кругъ.
Ёдетъ же нашъ друженька
Весь совѣмъ.

Загадки.

1. На горѣ, горищѣ стоятъ столбишко, тутъ ноготь и де-
готъ и смерть на носу. (Ружье).

2. Божье по Божью бѣжитъ, кикимора въ остожѣ сидитъ.
(Лошадь, сани и человѣкъ).

(Сообщеніе Е. А. Костровой).

47. Рязанской губ., Касимовскаго уѣзда, Погостинской волости, деревня Тимохино.

Авторъ сообщенія—студентъ С.-Петербургскаго Университета.

Гласныя. § 1: говорятъ кро́су, ф ко́зпу, то́ичитъ; ко́гитца, но старшины́, скам́ји. § 2: ла́вѣт (вм. ловить), са́дѣт (содит отъ гл. са-дѣт), но до́ ста, хо́док, и т. д. у́гѣлѣ, и́кка́ли. Говорятъ: удва́иват, замора́жива́т, и т. д., но па́тосыва́т, заво́ртыва́т и т. д. § 3: въ приведенныхъ случаяхъ вездѣ наблюдается чистое о́. § 4: крестьяне съ бо́ающимъ говоромъ только захо́же изъ сосѣд-ныхъ Влади́рской и Нижегородской губ. § 5: слышенъ глухой а́; нпр. ка́бак, тра́ва. § 6: также а́; нпр. ка́рбѣта, га́доф. § 7: за согласными ж, ш, ц слышенъ также звукъ а́; нпр. жа́ра, ца́ра; жена произносится какъ жа́на, жа́ни́ца (жениться). § 8: слышится опять неясный а́; нпр. съма́вар, па́пали. § 9: говорятъ: дура́ка, мужа́ка, рука́ва; произносятъ: кружа́ва, пу-за́рок; вм. мозо́ли говорятъ «музли́». § 10: въ данномъ случаѣ слышенъ еще болѣе неясный звукъ (ъ), напр. бѣра́да, пѣла́читъ, пѣна́су и т. д. § 11: говорятъ гѣспáда и гѣспáлин, бѣга́ча и бѣга́чу. § 12: пѣпра́вля́т, хѣра́вот, бѣхра́ма, Бѣга́ро́дца, мѣна́ричъ. § 13: Слышится звукъ а́, т. е. неясныйзвукъ, не то а, не то о: во́ласы, Хво́дару (Федору) и т. д. § 14: говорятъ: ха́рошы́кава, ма́льни́камъ. § 15: въ конечныхъ слогахъ слышится болѣе явственное а, почти чистое—особенно при крикѣ, напр. эй, Хво́дар, таи́чи́ уга́л. Въ послѣднихъ слогахъ слышится звукъ а́—го́ра́т, Хво́дар. § 16: слышится неясный а́: сло́пова́, си́ла. § 17: говорятъ: жа́на, жа́лудок, ша́сто́ж—съ чи-стымъ а; неясное е—шьлавлѣф, ску́шьля; послѣ. звука ж вездѣ слышится чистое а: но́жак, за́ мужам, въ остальныхъ случаяхъ неясное е (ь): ма́нашьк, га́рошьк. Говорятъ: ху́жа, та́м-жа, глужа но до́льшѣ—съ почти чистымъ е, ви́шѣ. Говорятъ обыкновенно: ви́шьл уш, уш по́зна́ или уш по́зна. § 18: говорятъ: а́на, а́тсеу, а́гурци́. § 19: слышится а́—а́гои́, а́т Бо́га. § 20: говорятъ:

гáловыі́кѣ, дѣвыі́кѣ, бáрозыі́кѣ. § 21: слышится, особенно въ собственныхъ именахъ—Дáркѣ, Мáшкѣ, Акулі́нкѣ, а также и нáвѣстѣ, судáрышкѣ; но говорятъ вѣмá, почти съ чистымъ а; зѣоéлѣ и т. д. § 22: въ приведенныхъ здѣсь случаяхъ слышно о́ (крóю, мо́ю). § 23: слышно á: крáшіт́, дрáжáт́, а подь удареніемъ о́: крóшит́ и т. д. § 24: говорятъ: тáкѣ, какѣ съ чистымъ о. § 25: **ы** слышится только въ дѣ (да); говорятъ нѣ замá. хут́; хуч́, хуш́. § 26: выпаденіе замѣчается лишь въ первомъ случаѣ: говорятъ: сѣрфáнѣ, пѣрхáвѣ, пѣлáвѣнá, вáрáтá, § 27: замбáр, дáрлá. § 29: говорятъ всегда: зáт́, мáт́, вэ́лѣ, дáдá, сáт́. § 31: слышится **я** (т. е. а—послѣ мягкаго звука): сѣтѣ, плáсáт́, стáнѣ, вáснѣ. § 32: говорятъ постоянно согласный мягкій и а; надь про- изношеніемъ съ и, нпр. нѣсу, стѣна, смѣются. § 33: вездѣ слышится **а** (я), какъ въ рáкá, вáснá, такъ и въ вáслѣ, вáсѣ и т. д. § 34: слышится я (а) безразлично. Говорятъ и нáсѣ и рáкѣ. § 35: въ такихъ случаяхъ слышится почти чистое **и**, нпр.: ф тѣрáмѣ, чѣлáвѣк, сѣрáдá. § 36: говорятъ: жáнѣлсá, цáнá, цáлѣѣ, цáркѣвнá, жáнѣх; въ «женихи» слышится **а** не совѣмъ ясное, а напоминающее **е**. § 37: говорятъ: прѣжнáмѣ, ѣзáрá, вѣсáлá, но не съ совѣмъ явственнымъ **а** (я). § 38: съ звукомъ **я** (а)—говорятъ: пáлáу, вѣсáр, дѣнáк. но, впрочемъ, въ такихъ словахъ, какъ зáйц, пѣс слышится **и**, хотя не совѣмъ явственное. § 39: слышится скорѣе **и**—нпр. въ такихъ словахъ, какъ ѣсѣ, кáмѣн, дѣвѣт́. Во 2-мъ л. слышится почти чистое **а** (я)—бѣдáш, лѣзáш, но въ 3-мъ л. **и**—бѣдѣт́, тѣнѣт́. § 40: говорятъ: нáсѣтá, хѣдѣтá, трѣжá, бѣлá, шѣрá, нѣнчá; вѣсѣтá, по на бáзáрѣ, ф пѣлѣ, дѣсѣтѣ; вáстрѣгѣ, на бѣрáгѣ, на гáрѣхѣ, худѣжá, слáпѣжá; въ 1-мъ случаѣ говорятъ «ф пѣлá», а во 2-мъ съ **и**: былѣ ф пѣлѣ. § 41: говорятъ: мѣлѣнѣжá, ѣлѣнѣкá, гѣлѣнѣкá, дѣбрѣнѣкá — съ неяснымъ звукомъ **е**; говорятъ какъ пáтѣх, жáвѣ, такъ и нáбѣ, нáмнѣгá. § 42: дáрѣжѣнѣкá, Мáшѣнѣкá. § 43: замѣчается постоянно выпаденіе звуковъ, нпр.: мѣлѣн, пѣрѣвáзѣ, вѣрѣтáнѣ, дѣстѣнá; говорятъ: вѣлѣжáт́, но въ игѣмѣншá почти явственное **и**; говорятъ Илѣшá. § 44: **е** и **ѣ** въ произношеніи совершенно одинаковы; между звукомъ **е** въ

«сѣно» и «отец», напримѣръ, для слуха нѣтъ никакой разницы. § 45: говорятъ иногда нѣбо, но чаще небо; говорятъ: хрѣст, јѣст; говорятъ: дѣфка, дѣвѣчка. § 46: говорятъ: дѣшева, галавошка, мѳрзнут и т. д.; говорятъ jejó. § 47: **ѳ** вмѣсто **ѣ**: јѣтъ, јѣфтъ. § 48: обыкновенно **о**: атѳл, атѳуда; **ѣ** только въ атѳѣда и атѳѣда (чаще атѳуда). § 49: говорятъ: јист, јист (ѣсть, ѣсть), но сѣјѣтъ, дѣвѣчка; дѣвѣръ. § 50: нѣва, нѣспалу; с нѣм. § 51: вездѣ и: јаиц, пѣстираѣтъ, но бѣран; атѳѣтал, выпал; обыкновенно — хѳдѣтъ, прѳсѣтъ. § 52: слышно **и** въ крѣк, стрѣч, брѣтыј, но въ грыбѣ, рѣга, вышѣнѣи—ы. § 54: говорятъ: худѣх, мѳжу, разѣјдѳца, сѣјдѳт. § 55: частица «ба» вм. бы употребляется очень часто: зѣсѣлъ ба, сѣлъ ба. Говорятъ прѣвышнѣј; только въ висѣкѳ — и; въ другихъ случаяхъ и бытъ, высѣкај. § 56: говорятъ хрѣпкај; какѳја, но дѳбрају; вѣсмѳја, малѣдѳја. § 57: **сѣ** обыкновенно въ женск. родѣ—умѣлаѣса, ухаѣдѣлаѣса; говорятъ гѣрдѣсѣи, бѣлуѣсѣи; сѣрдѣца, мѳльца. § 58: говорятъ: пѣбѣдамши, сѣбираѣца (собирается), бѣгат, игрѣтъ, знѣтъ, умѣтъ, мѣвѳ, тѣвѳ, свѣвѳ, Нѣкалѣф, Нѣкалѣвна. Говорятъ: пѣгрѣтъ, пѣмѣтъ, § 59: Вездѣ произношеніе обыкновенное—бѣлају, дѣлају. § 60: говорятъ: ѣну, ѣду, рѣи, но ѣрѣанѳј, ѣгарѳх (горохѣ), ѣлѣанѳј (льняной). Говорятъ—пѣанѳ, крѣвѣтъ, грѣчѣха. § 61: кромѣ слова уѣа (вся), вездѣ бываетъ **в**: врѣема, вѣва. Говорятъ: гѣдѳф, двѣрѳф. § 62: говорятъ: вѳтка, вѳлкѣи. § 63: говорятъ: у кѣвѳ, удалѳј, но вѣдѣрѣтъ, вѣдѣръ; вѣдѣном, вѣстроги, ујѣитѣ, ујѣдѳт. Говорятъ: пѣживѣтъ, пѣживѣтъ. § 64: в приставляется въ слѣдующихъ словахъ: вѳсѣн, вѳзѣра, вѳлѣца, пѣвѣчѣтъ. § 66: является **п** и **ф**—вѳсѳф, лугѳф, груп (грубѣ), дѳп. § 67: говорятъ мягко: крѳф, ѣубѳф, прѣстаѳф; говорятъ руѣи. § 68: говорятъ: сѣмѣсѣтъ, дѣрѣвна, земѣлу, дѣсѳфки. § 69: обыкновенно **ф**=хв; Мѣтрахѣван, Хѣвѣдѣр, но Хѣклѣ (Ѳекла), кѣртѳх, хѣнт; **ф** слышалъ только въ словѣ пѣфѣртилѣсѣ (посчастливилось). § 70: въ словахъ: гѣра, дуга, пѣга—**г**, въ нѣспѳтъ, бѣнѣтъ—**н** (**г** близкое къ **х**). § 71: говорятъ: мѣвѳ, слапѳва, хѣрѳшаѣва; хѣрѣвѳт. § 72: произносятъ съ **ж**: пѣчѣлѳх, дрѣх, плѣх. § 73: говорятъ: таѣнѣи,

плѣхији, дѣравѣнских. Говорять надсе(э)тѣмъ и ж(с)ѣтѣму. § 74: говорятъ: пайкѣ, хазѣйка, глѣйка, но цѣрковнаѣ, Олѣга, пѣвѣрху. § 75: говорятъ: хлѣпѣты, тѣхтѣ, но квадѣе; К'пѣжаф, кѣслѣѣ. § 76: говорятъ: лѣежкаѣ, маѣжкаѣ, пѣльхѣала, т. е. съ твердымъ ж. § 77: твердо — пѣдвѣнѣ, бѣтвѣнѣѣ, пѣдмѣткѣ. § 78: говорятъ: дѣа; сѣпаѣнѣ, спѣчѣки (чаще спѣцы), забѣта, зѣнѣун; судѣлѣнѣ, глѣдѣселѣнѣ, пѣсѣмо, вѣзмѣу (но иногда и писѣмо); бѣаѣуѣ, хрѣбрѣуѣ. § 79: т произносится чисто — тѣнѣуѣт, тѣсѣла. § 80: говорятъ: ѣсѣнка, лѣханѣка, пѣсѣсѣнка, Олѣнѣка, дѣушѣнѣка, сѣнѣца. § 81: говорятъ мягко: пѣрѣвѣѣ, вѣрѣх, зѣркѣла, двѣрѣнѣк, кѣрѣмѣт; стѣрѣшѣ, сѣрѣце, но цѣрѣскаѣ. § 83: обыкновенно вмѣсто ч — ц: пѣцѣлы, пѣсѣцѣ, уцѣлѣнѣца, дѣцѣка, цѣтырѣнѣ. Вмѣсто ц — ч: чѣрѣ, чѣсѣнѣ, чѣфра (цыфра). Произносятъ: канѣсѣшна, сѣрдѣсѣшнаѣ. § 84: говорятъ: купѣе, ѣфѣа, кузѣнѣчу, но цыганѣ. § 85: произносятъ: жѣлтѣаѣ, жѣнѣка, шѣлкѣваѣ, т. е. твердо. § 86: говорятъ: зѣрѣжал, жѣлѣсѣза, но сѣнѣсѣтѣ вм. шинѣтъ; говорятъ: шабѣаш. § 87: твердо — зѣсѣшнаѣ, грѣсѣшнаѣк. § 88: говорятъ: шѣчуѣка, пѣмѣшѣчѣк, шѣчѣт. Вообще щ = ш ч; дѣаѣжа, вѣжаѣт; дождѣ произносится какъ дѣш. Говорять жѣдѣт, шѣтѣ (рѣдко, обыкновенно чѣвѣ). § 90: говорятъ: пѣркѣ, но стѣклѣ, шапѣнаѣцѣтѣ. Говорять: бѣаѣушѣка, таѣсѣе, но сѣабѣе, глѣаѣнѣ.

Ударенія: § 91: горѣу, головѣу, водѣу, цѣнѣу, свѣбѣдѣу, сторѣнѣу, скѣворѣдѣу, землѣу, сохѣу, борѣнѣу, душѣу, зимѣу, досѣкѣу, сѣредѣу, двѣрядѣа, орѣхѣнѣ, молѣтѣаѣми, денѣгѣаѣми, брѣала, прѣрѣваѣла, гнѣала, родѣла, прѣнѣяѣлѣ, запѣрѣтѣо, распѣрѣтѣнѣѣ, повѣрѣнѣешѣ, вѣрѣнѣецѣца, разстѣгнѣешѣся, олѣха, валѣкѣомѣ, кѣломѣ уѣбѣю, прѣгѣвѣорѣы, прѣгѣвѣорѣа, далѣеко, издалѣа, на вѣрѣхѣ, на вѣрѣхѣ, трѣнѣнѣя.

Склоненія: § 92: говорятъ: Мѣѣкѣнѣт! Пѣтѣ, Пѣатрѣухѣ, но тѣотѣка, Гѣаѣна! § 94: У бѣаѣгушѣки, к маѣлѣчѣишѣку. Только «прѣаѣтѣнѣу», но «на дѣвѣишѣнѣнѣкѣ; дѣаѣма, лѣугѣа, пѣаѣяса, лѣны, сѣсѣсѣдѣнѣ; брѣаѣтѣѣѣа, брѣаѣтѣѣѣамѣ; сѣнѣнаѣвѣѣѣѣ, тѣрѣакѣанѣнѣ, маѣдѣвѣсѣдѣ, ѣрѣшѣнѣнѣ, сѣалѣдѣат, дѣнѣоѣф, рубѣлѣоѣф, зѣубѣоѣф. § 95 «безѣ трубѣ», «у вѣдовѣ», но с рѣаѣбѣотѣ, у наѣвѣсѣтѣ; к зѣрѣсѣе, па дѣвѣаѣрѣсѣе, в шѣаѣлѣсѣе; цѣрѣркѣф (яѣлѣ цѣрѣркѣф), сѣваѣкрѣнѣ, маѣт, дѣчѣ; пѣдѣаѣтѣа,

въла́ста, но ло́шадь, гра́ды, двѣ́рь. Окончаніе авъ, явъ—кѡмнѣ-
таф, па́сто́ѣѣф, но лы́паде́ј, от дѣвѣ́къ, душмѣ́и, слезмѣ́и; свѣ́тъмѣ́и,
дѣнѣ́мѣ́и. § 96: Дѣтѡ́; у по́лу, в ѡкнѡ́, но ѡпсѣ́ни; драва́, палѡ́тна,
гѡмна́; па́де́ј, но гнѡ́здѣф, дѣло́ф. § 97: ф са́нах, ф глаза́х; въ
л. п. : ем — лы́падо́м, лу́до́м. § 98: говорятъ: га́лоднѣ́и, ба́гати́и и
т. п.; въ им. мн. оконч. ыи, ии — таки́йи, ба́гаты́и. Окончанія
обыкновенныя — ыхъ, ымъ, ихъ, имъ. Окончаніе ой — вадо́ј,
стру́ој, ба́гаты́; есть окончанія ою, аю — до́брају, сѣ́лѣају,
худо́ју § 99: бѣ́жа, про́шчѣ, но ху́жа, ска́рај, вѣ́слај, лучѣ́ај;
са́реја, ху́деја, кра́сеја и т. п. § 100: то́т, то́ј, ѡтта́о, ту́, та́о
са́баку, то́е, то́ех, тѡ́м; бѣ́ј ја́о; у је́ј, на је́ј; јѡн, ја́ны, на́дјѣ́м,
к јѣ́м, ѡна́; кѣ́ех, сѣ́ех, ѡбѣ́ех, ѡбѣ́ем, но хтѡ́; да кѣ́еѣх по́р;
всѣ́ею, ѡдѣ́а́о, сѣ́ма́о; всѡ́ј душо́ј; ма́нѣ, та́бѣ, у сѣ́бѡ, те́ја, у са́ба́,
то́е (куда́ то́е на́со́т); ма́ји, тѣ́ји, ма́во, тѣ́во, ма́му и т. п.;
ма́ој, свѣ́ој. § 101: говорятъ двумѣ́и, тра́мѣ́и, чѣ́тырьмѣ́и, трѡ́хъ,
трѡ́м, но у са́мих, у пя́тих (у пятихъ).

Глаголь: § 102: говорятъ: спра́су́, зѣ́таи́у, сѣ́у, но куплѣ́,
лу́блѣ́; нѣ ма́гѣи зна́т; са́жу. § 103: идѡ́и, приста́ои; бѡ́сеѣи,
даждѡ́сеѣи; је́ш, да́ш, најѣ́сеи, хо́чаш (чаще хо́ш: на хо́ш?).
§ 104: въ 3 л. ед. тѣ́ — ба́ро́т, хо́дѣ́т; въ 3 л. мн. у́т, ју́т —
хо́ду́т, плату́т, дѣ́лају́т, та́ко́т, ра́сто́т; трѡ́ца, ва́зѡца; ба́ро́т
купѣ́т, у́сѡ́т, ва́зѡ́т; јѡс (есть); јѡст, најѡ́сѣа, ѡтда́сѣт, хо́чыш,
хо́ца. § 105: бѡ́м, на́со́м, ви́дѣ́м. § 106: бѣ́ро́та, сва́зо́та (есть).
§ 107: хо́ду́т, по́су́т, дѣ́ржѣ́а, плѡ́ту́т, врю́тъ = врутѣ́;
бѣ́ражѡи, бѣ́рагу́т, ба́жа́т, ба́гу́т. § 108: вы́лѣж, увѣ́т, сѣ́ш
пѣ́маи́, зга́и́, пѣ́рало́м, вда́р, гла́нѣ́а, по́ј ка; пѣ́шѡл! пѣ́шла! пли
па́шѡл, па́шла. § 109: бро́сал, па́стро́жал, шѡ́л, да́шлѡ; при́бо́х,
уто́п, за́выла. 110: та́ро́сѣт, па́ро́сѣт, ума́ро́сѣт (вмѣ́сто «умереть» го-
ворятъ па́харчѣ́а: похарчѣ́а); и́ти́т, при́ти́т, да́јти́т, ѡба́јти́а,
ро́сѣт, спа́сѣти́т, но па́сѣти́. § 111: грѣ́жы́нѣ́и, за́гнады́ (загнаты),
убра́та, ѡка́лѡсѣ́тј, на́сыпа́та; спра́сѡсѣ́ши, пу́сѡсѣ́ши, по спа́та́;
у́сѡхачѣ́и, за́шѡчѣ́и, но на́са́. § 112: ба́ју́са, ла́жу́са, 2 л. ба́исѣ́ и
ла́жисѣ́, 3 л. са́ица́, ла́жѣ́а; ла́жа́ца, ба́ја́ца; ла́жи́ца, ба́ја́ца.

§ 113: только пачѣр'иіт'; говорятъ только куплат'; јѣздѣју, јѣздѣјут'. § 114: Употребляются формы: знаѣш, знаѣт, умѣш, ыхѣ, ымѣ, ихѣ, имѣ. окончаніе омѣ — сырѣм, худом. ыы умѣт, скучѣт, рабѣтѣт, но рабѣтѣјут, дѣлѣјут.

Синтактичeskія особенности. § 117: говорятъ часто: ұгал, картѣф, јаблѣк, ұтка, вмѣсто множ. ч. этихъ словъ, по лѣшѣдѣй, мадѣвѣдѣй. § 118: мѣш — муж. р.; род. пад. мѣшѣ; скѣтѣрт — женек. р.; кѣрт — ж. р., но ф кѣртѣ (въ кори); ѣблѣк, јаблѣк; 8-е лѣтѣ жапат. § 119: краснѣја платѣја, жаркѣја лѣтѣ, малѣја самѣјствѣ, но р. п. ср. р. — самѣјствѣ, также и худѣја вишѣ, кѣслѣје мѣлѣкѣ, но р. п. ср. р. — кѣслѣвѣ мѣлѣкѣ, худѣвѣ вѣдрѣ. § 122: говорятъ: на Патрѣи Пѣвлѣй, на Пѣкрѣвѣ, ѣкѣла Мѣкѣлѣ. § 123: говорятъ: «я хотѣл спросить **у** вас», «мы **об** этомъ ничего не знаѣ (sic)», «играть в гармонѣю, в скрипку», по «курить трубку». Говорятъ: «по грибы», «по бруснѣцу», но за хозѣяномѣ, за хозѣйкѣю; **об** Рождествѣ, **об** Масляной. § 124: говорятъ правильно, за исключеніемъ «при людей». § 126: говорятъ: «сюда пришло **двое мужиков**; трѣе чѣловѣк, двое баб, но два дублѣныхъ тулупа; говорятъ двое хорошихъ малыхъ; слово «мальчикъ» употребляется очень рѣдко. § 128: «у меня три дѣвки да два малыхъ». § 129: «чего» вмѣсто «что» наблюдается постоянно. § 130: говорятъ пѣмѣшѣмшиѣ, спраѣѣѣмшиѣ, ујѣѣхѣмши, по рѣздѣѣѣмшиѣ. § 131: употребляются частицы: ста, ка, тка, и член: напримѣръ: тѣпор-ѣт, тѣларѣ-тѣ, тѣпарѣ-тѣй, бѣба-тѣ бѣбы-тѣй; им. мн. бѣбы-тѣѣ. Кромѣ того мнѣ приходилось слышать слѣдующія слова, не употребляющіяся въ литературномъ языкѣ: кѣзѣѣт = какъ будто, прѣнишпѣт — промолчать, шѣбалѣ бѣтѣ — ничего не дѣлать, ѣбапол — напрасно, закѣкшѣт — облѣдѣть словами, пѣхарѣѣѣ — умереть.

(Сообщеніе Николая Ушакова).

48. *Вятской губерніи, Слободского уѣзда, село Мухино.*

Авторъ сообщенія — учительница Мухинскаго училища, уроженка села Полянки, Слободского уѣзда. Образование получила въ г. Вяткѣ.

Село Мухино находится на лѣвомъ берегу рѣки Косы. Въ немъ шесть домовъ духовныхъ и пятнадцать крестьянскихъ. Точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія населенія села не сохранилось, по случаю пожаровъ. Изъ записокъ, сохранившихся съ 1780 года, видно, что первоначальное населеніе было духовное, но потомъ сынъ священника, не получившій образованія, приписался къ крестьянскому сословію. Мѣстное населеніе занимается земледѣіемъ и сдаетъ хлѣбъ въ г. Слободской; а изъ села Уня, Глазовскаго уѣзда, вывозитъ лѣсъ и деревянныя издѣлія.

Гласныя: § 1: Олександръ, Орхипъ, корондашъ, розлить, росколоть. § 3: удабривать, унлваживаль, просрачиваль, успокаиваль. § 4: сомоваръ, сладкова. § 6: соводня, доржалъ, запретомъ, пеноль. § 7: вѣрба, дѣржилъ, прѣсль, нѣбо. § 8: вольные, быстрые, жена, жолѣзо. § 10: полудѣтъ § 13: очунь. § 15: ресовать, ёелеть. § 16: крию. § 17: бароня, Государоня. § 19: крѣпкій, мелькій. § 21: здись, стрелять. § 22: сясть, видяль. § 23: пешь, пешьдесятъ, взеть, опешь, мечикъ и т. д. § 25: хозява. § 29: мати, дочи, играти; рота, цотолока, доложно.

Согласныя: § 31: колда, колды, толды; восударь, Восподь. § 32. мягкій, мелкій. § 36: фомякъ. § 37: хъ пону, хъ царю, гъ дереву, желѣзу. § 38: глинный. § 39: свальба. § 32: Бохъ, рохъ. § 43: черковь, чарь, чарича, сонча, чвѣты, отечь, скворечь, столечь, купечь, горнича, цась, цорный, цотыре. § 44: урождай. § 45: ште. § 46: шшука, ошшо; вешъ это. § 47 треложить. § 49:

комлата. § 51: ланно, она; трось, шесь, пѣть. § 53: крохѣ, любовь, сень, птолупъ.

Удареніе. холóдь, вѣлежпкѣ, на лошади́, на ко́няхъ, пять сажо́нь, о́тставка, по́ставка, мо́лоченіе, я́иць, молепъствіе, рупѣ, ляхче в.м. легче; дере-веньской, барьской, чащѣ, со́сна, сви́нью, ро́дять, онѣ ро́дятся, спитѣ́, ѣдитѣ́, хотитѣ́, ѣкатъ, во́нять, по́ложитъ, предполо́житъ, понóудитъ, по́зваль, со́браль, по́гналь, туго́й, прѣсно́й, грязно́й, толсто́й, сурово́й, случило́сь, о́пасно, самаго́, трѣ́ года, два́ дни.

Склоненія: § 59: гвоздѣ́, братѣ́. § 61: матчи, дочи, барыни; на лошади́, на пичѣ́. § 64: ворота, бревны, и т. п. § 67: красно́ю дѣвкѣ. § 69: кешѣ́ дни, сильны́е лошади. § 79: въ емѣ́, да, нмя, съвмя. § 77: всѣ́мѣ. § 80: люди́, —тѣ́ пришли; мужикотѣ́ идетъ.

Спряженіе: § 84: колотю́; § 87: стерегошь, скошь, шолкошь и т. п. § 89: ходити, сидѣ́ти, ностни. § 95: в.м. мою́—мью́.

Синтаксисъ: § 97: вечерѣ́ в.м. вечеромѣ́. § 98: косить трова, надѣ́тъ шуба. § 103: веснѣ́сь, лонисѣ́, лони. § 107: о праздникѣ́. § 108: возлѣ́ дорогу. § 111: сюда́ пришло́ петъ барановѣ́. § 121: Онѣ́-де ходилѣ́ въ полѣ́.

(Сообщеніе сельской учительницы).

49. *Архангельской губерніи, Онежскаго уѣзда, село Прилукъ.*

Село Прилуцкое, основано въ концѣ XV в. Большинство жителей ходитъ на заработкѣ я въ С.-Петербургъ и на Маринскую систему по сплаву лѣсовъ. Жители — потомки Новгородцевъ, изгнавшихъ съ тѣхъ мѣстъ Чудь. — Историческое описаніе этого прихода, находятъ въ приложеніи къ Арханг. Епархіал. Вѣдомостямъ за 1896 г., № 8 — 10.

Гласныя: § 1: овм. а — это общая черта мѣстнаго говора, впрочемъ иногда слышится звукъ средній между *a* и *o* (глухое *a*); розумѣть (въ друг. случаяхъ употр. этого глагола слышится вездѣ *a*). § 4: обыкновенно говорятъ *o*, но побывавшіе на заработкахъ на Маринской системѣ и въ Спб. говорятъ и *a*. § 6: Ефимъ, женское Офимья.

Удареніе: § 54: рúчей, язýка, ча́ща, приведёна, привезёна, принесёна.

Синтаксисъ. § 105: Очень часто вмѣсто: *за* употребляется *по*. § 121: да молчи ужотко (ужь молчи); аю лучше знаешь (развѣ—); поди-ко сюда, на-косъ тебѣ; покажисе миѣ ка; что бешто хотѣлъ сказать; что бар-те отгадайкосъ.

(Сообщеніе іеромонаха Никодима. Получено отъ проф. Н. В. Покровскаго).

50. *Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, села Емецкое и Курострово.*

Авторъ сообщенія — настоятель Куростровской церкви.

Описаніе села Емецкаго.

Я родился въ селѣ Емецкомъ Архангельской губерніи Холмогорскаго уѣзда. Емецкое расположено на лѣвомъ берегу рѣки

Емцы, въ пяти верстахъ отъ него впадающей въ рѣку Сѣверную Двину, въ 177 верстахъ отъ города Архангельска, въ 93-хъ отъ города Холмогоръ, въ трехъ верстахъ отъ Рато-наволоцкаго прихода, въ 4 $\frac{1}{2}$ -ю отъ Зачачывскаго и въ пяти отъ Прилуцкаго. Въ составъ его входятъ 25 деревень, отстоящихъ отъ приходской церкви въ разстояніи отъ $\frac{1}{2}$ версты до семи верстъ, при удобныхъ во всякое время года путяхъ сообщенія. Число жителей обоого пола въ Емецкомъ сельскомъ обществѣ простирается до 2300. Приходская церковь находится въ селѣ Емецкомъ, которое, благодаря хорошей почвѣ въ окрестностяхъ, удобной для посѣва и сѣнокосовъ, удобному сбыту мѣстныхъ произведеній по рѣкѣ Емцѣ и Двинѣ, и центральному положенію въ предѣлахъ Холмогорскаго уѣзда, издавна было торговымъ селомъ, превосходившемъ въ этомъ отношеніи даже уѣздный городъ Холмогоры. Въ виду столь выгодныхъ топографическихъ и географическихъ условій мѣстности, занимаемой описываемымъ приходомъ, нельзя удивляться, что она стала заселяться раньше другихъ мѣстностей Двинской области. Къ сожалѣнію, по неимѣнію историческихъ письменныхъ памятниковъ, нельзя съ точностью опредѣлить время первоначальнаго заселенія Емецка. Только въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, населеніе Емецка было настолько значительно, что Емецкіе жители приняли смѣлость—убить сына Новгородскаго посадника Луки, съ шайкою бродягъ производившаго разбой и разоренія по рѣкамъ Двинѣ и Вагѣ. Еще менѣе извѣстно о построеніи здѣсь первой церкви и образованія прихода. Первое достовѣрное сказаніе о селѣ Емецкѣ, какъ приходѣ съ приходскою церковью, относится къ началу XVI вѣка и находится на листѣ 31 писцовой книги, гдѣ говорится, что въ 1513 году въ Емецкѣ была церковь и при ней священникъ Никита Ильичъ. Когда эта церковь была устроена и во имя какого святого или событія, неизвѣстно. Въ томъ же XVI вѣкѣ въ Емецкѣ были: 1) двѣ приходскихъ церкви для крестьянъ Зачачьевской волости и перенесенныя въ 1686 г. въ Зачачье, и 2) два монастыря, неизвѣстно кѣмъ и когда

устроенные: женскій — Иоанно-Предтеченскій и мужской — Покровскій. Изъ нихъ первый находился близъ нынѣшнихъ причтовыхъ домовъ, гдѣ стоятъ двѣ часовенки въ память бывшихъ на томъ мѣстѣ храмовъ, а второй — на мѣстѣ нынѣшняго приходскаго кладбища. О первомъ изъ этихъ монастырей упоминается въ писцовой книгѣ князя Василя Звенигородскаго отъ 1587 г., гдѣ написано: «въ Емецкомъ стану, у большаго села, на рѣкѣ Емцѣ монастырь двѣнчій, а на монастырѣ церковь Иоанна Предтечи деревянная вверху, а другая церковь Георгія Стратотернца деревянная же. А въ церквахъ образа и книги, и свѣчи, и колокола и все церковное строеніе прихожанъ Сійскаго монастыря. На монастырѣ двѣнадцать келлій». Дальнѣйшая судьба этихъ монастырей, а особенно перваго, тѣсно связана съ тяжелыми обстоятельствами смутнаго времени. Часть поляковъ изъ корпуса Лисовскаго, разбитыхъ подъ Москвою, устремилась на сѣверъ. Когда въ Холмогорахъ стало извѣстно, что они опустошаютъ Важскій уѣздъ и намѣреваются то-же сдѣлать съ двинскими жителями, бывшій воевода Холмогорскій Петръ Ивановичъ Пронскій, чтобы отразить ихъ, устроилъ въ 1613 году на мѣстѣ Ивановскаго монастыря деревянную крѣпость (острогъ), обративъ монастырскія зданія на постройку ея и переселивъ монахи въ Покровскій мужской монастырь, а ипоковъ послѣдняго въ Сійскій монастырь. Послѣ сего Иоанно-Предтеченскій монастырь уже не возобновлялся, а мужской Покровскій обращенъ былъ въ женскій и отданъ съ 1616 года въ вѣдѣніе Сійскаго монастыря, которому принадлежалъ и Иоанно-Предтеченскій упраздненный, какъ видно изъ той же записи князя Звенигородскаго. Этотъ монастырь въ 1760 году сгорѣлъ вмѣстѣ со всѣмъ острогомъ и съ приходскою Богоявленскою церковью, упоминаемою въ 1513 г. Послѣ сего монахи переведены были въ Холмогорскій монастырь, а сгорѣвшій Покровскій болѣе уже не возобновлялся. Послѣ пожара крестьяне, — прихожане сгорѣвшей приходской Богоявленской церкви, построили новую Богоявленскую же, а бывшіе монастырскіе крестьяне три церкви: 1) во имя Покрова

Пресвятой Богородицы, 2) во имя Іоанна Предтечи и 3)—великомученицы Параскевы. Такимъ образомъ послѣ пожара 1760 г. въ Емецкомъ селеніи было четыре приходскихъ церкви: крестьяне, бывшіе монастырскими, вошли въ составъ Емецкаго прихода, и прихожане послѣдняго стали дѣлиться на двѣ половины: Богоявленскую и Покровскую, что продолжается отчасти и до настоящаго времени. Изъ бывшихъ четырехъ церквей Богоявленская стала называться съ того времени соборною, а старшіе члены причта протоіереями и ключарями, какъ значится въ нѣкоторыхъ документахъ, напр., 1770-хъ годовъ. Означенныя всѣ церкви сгорѣли въ ночь на 22 сентября 1773 года. Тогда Емецкіе прихожане обѣихъ половинъ устроили одну церковь съ двумя престолами: Богоявленскимъ и Покровскимъ. Не довольствуясь этимъ и помня опустошительные пожары 1760 и 1773 годовъ, они, при существованіи вышеозначенной Богоявленской церкви—рѣшились приступить къ устройству другой, каменной, какъ болѣе безопасной отъ пожара. Эта церковь была заложена въ 1792 году и вчернѣ окончена была постройкою въ 1808 г., когда и освященъ былъ первый и главный престолъ ея, что было совершенно необходимо, такъ какъ въ ночь на 1 октября 1808 года деревянная Богоявленская церковь, устроенная послѣ пожара 1773 года, сгорѣла до основанія. Поэтому къ началу нынѣшняго столѣтія въ приходѣ осталась только одна каменная церковь, существующая, по милости Божіей, до настоящаго времени и поражающая своимъ благоустройствомъ и богатствомъ, особенно по сравненію ея съ прежними, троекратно подвергавшимся пожарамъ вмѣстѣ со всѣмъ ихъ имуществомъ, какъ объ этомъ можно судить по сохранившейся описи прежнихъ церквей отъ 1771 г., въ коей говорится, что, напримѣръ, для четырехъ существовавшихъ тогда церквей было только два экземпляра оловянныхъ священно-богослужебныхъ сосудовъ. Нынѣшняя каменная церковь, начатая постройкою въ 1792 году и оконченная вчернѣ въ 1808 году, двухъ-этажная: въ нижнемъ этажѣ—храмъ Богоявленскій, въ верхнемъ—Покровскій. Зданіе цер-

ковное, крытое желѣзомъ, завершается пятью главами, увѣнчанными пятью же желѣзными вызолоченными прорѣзными крестами массивной величины. При означенной церкви въ 1823—1828 годахъ выстроена каменная четырех-ярусная колокольня въ 28 сажень вышины вмѣстѣ со шпиремъ, въ началѣ стоявшая отдѣльно отъ церковнаго зданія въ разстояніи отъ него на 5 саж., а въ 1823 году соединенная съ нимъ каменною пристройкою, сооруженною на средства покойнаго крестьянина В. И. Перевозникова, вслѣдствіе чего и сама церковь увеличилась и имѣетъ въ настоящемъ своемъ видѣ 18 сажень въ длину. Большой колоколь въ 169 пудовъ вылитъ въ 1825 году на средства того же Вас. Иван. Перевозникова, полнелейный въ 70 пуд., уцѣлѣвшій отъ прежней церкви, въ 1769 году на средства Ивана Брагина. Кромѣ каменной, въ описываемомъ приходѣ имѣется деревянная церковь на приходскомъ кладбищѣ во имя Сочествія Св. Духа на Апостоловъ съ колокольнею, устроенная въ 1888 г. и снабженная необходимою утварью на средства мѣстныхъ торговцевъ крестьянъ Вальневыхъ, вмѣстѣ съ матерью ихъ вдовою Екатериной Вальневою, пожертвовавшихъ на этотъ предметъ до 5000 рублей. Часовенъ въ Емецкомъ приходѣ три: двѣ маленькія въ с. Емецкомъ, служащія памятниками о двухъ церквяхъ бывшаго женскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, и третья во имя св. Георгія въ деревнѣ Шильцевской, въ одной верстѣ отъ приходской церкви, устроенная въ 1777 году вмѣсто прежней, впервые устроенной, какъ гласятъ преданіе, по случаю явленія на мѣстѣ часовни иконы св. великомученика Георгія въ 1583 году, при Сійскомъ игуменѣ Пятимѣ.

Въ Емецкѣ открыты церковно-приходское попечительство, церковно-приходская школа, отлично сформированное общество трезвости, имѣется особый врачъ; въ Емецкомъ же находятся становой приставъ, мировой судья, лѣсничій, временно открывающееся присутствіе по воицкой новинности. Въ Емецкѣ имѣется двухклассное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія, открытое въ 1875 году, вмѣсто существовавашаго съ

1843 года приходского училища. До 1822 года было духовное училище, закрытое по малолетству. До 1870 года было женское училище съ классомъ рукодѣлія при немъ; въ 1871 г. зданіе этого училища перенесено въ Куростровъ для помѣщенія въ немъ учениковъ Ломоносовскаго училища.

Историческихъ достопримѣчательностей село Емецкое имѣетъ много, но о нихъ я знаю только краткія отрывочныя свѣдѣнія, полученныя частью изъ исторіи Молчанова, частью изъ рукописей моего отца, служившаго 37 лѣтъ въ званіи пастора Емецкой церкви. Объ этихъ достопримѣчательностяхъ въ настоящее время ничего не могу написать обстоятельнаго, такъ какъ не имѣю подъ руками письменныхъ источниковъ.

Крестьяне села Емецкаго занимаются главнымъ образомъ торговлею и отхожимъ промысломъ. Земледѣліе и ремесла у нихъ не процвѣтаютъ и не занимаютъ первенствующаго значенія. Предметами торговли служатъ: хлѣбные продукты, красные товары, лѣсъ, рыба, скупаемая у промышленниковъ, деревянная и глинаная посуда, земледѣльческія орудія, галантерейные и бакалейные товары, принимаемые комиссіонерами и т. д. За десять дней до праздника Рожд. Христова на Емецкомъ обширнѣйшемъ базарѣ бываетъ десятидневный ярмарочный торгъ.

По своему характеру жители села Емецкаго очень мало ходятъ на деревенскихъ жителей; мало кто изъ Емчаковъ не жилъ въ Петербургѣ или въ какомъ-нибудь торговомъ городѣ. Отличаясь особенною честностью, трезвостью и усердіемъ къ труду, Емецкіе крестьяне всюду по городамъ Россіи пользуются довѣріемъ и потому занимаютъ лучшія мѣста; многіе состоятъ повѣренными и кассирами въ артеляхъ, въ торговыхъ и даже банкирскихъ домахъ.

Говоръ и обычаи Емецкихъ крестьянъ чисто городскіе, такъ что своею обходительностью, вѣжливостью и умѣніемъ правильно изложить свою рѣчь Емецкій житель всѣхъ окружающихъ своихъ сосѣдей-крестьянъ приводитъ въ удивленіе, а коренныхъ жителей городовъ—къ представленію о Емецкѣ, какъ бы

о мнѣннатурномъ, живомъ городкѣ. Уѣздный городъ Холмогоры, въ сравненіи съ Емецкямъ селомъ, является пустою, безлюдною, какъ бы съ вымершимъ людомъ мѣстностью, гдѣ было когда-то оживленіе, но по разнымъ историческимъ причинамъ безвозвратно кануло въ вѣчность.

ОПИСАНІЕ

села *Курострова*.

Описываемая мною мѣстность — селеніе Куростровъ не безынтересна въ томъ отношеніи, что она есть родина знаменитаго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова. Ломоносовъ родился въ деревнѣ Денисовкѣ Куростровскаго сельскаго общества. Куростровъ представляетъ собою возвышенную плоскость, имѣющую форму опрокинутой вверхъ дномъ высокой тарелки. По окраинамъ такой возвышенности находятся деревни, протянувшіяся въ видѣ правильной окружности, проведенной одинаковымъ повсюду радіусомъ; такъ что, если итти отъ дома къ дому по направленію въ одну сторону, въ ту же сторону лицомъ и придешь на прежнее мѣсто. Нерѣдки случаи, что не знающіе расположенія деревень Курострова дѣлаютъ вокругъ него полный объѣздъ или обходъ и, не найдя желаемаго мѣста остановки, сознаютъ свою ошибку, послѣ того какъ вторично окажутся на обойденномъ мѣстѣ. Все селеніе занимаетъ окружность въ девять верстъ протяжности и между деревнями нѣтъ значительныхъ переходовъ. Внутри площадь возвышенности вся занята пашнями и не имѣетъ никакихъ строеній, исключая одной трехдворовой деревни, находящейся въ самомъ центрѣ площади. Куростровъ кругомъ обнесенъ водою: съ восточной стороны отъ него въ трехъ верстахъ течетъ Сѣверная Двина, съ южной стороны протекаетъ рѣка Курополка подъ самымъ склономъ острова; она образуетъ Двинской рукавъ, впадающій въ рѣку Холмогорку, которая подковообразно обходитъ Куростровъ съ

западной и сѣверной стороны и впадаетъ въ Двину. Въ трехъ верстахъ отъ Курострова на сѣверо-западъ по лѣвому берегу р. Холмогорки лежатъ Холмогоры, растянутою линією: уѣздный городъ, мало чѣмъ отличающійся отъ общирной деревни. Вокругъ Курострова разстилается громадная безлѣсная равнина, занятая лугами и сѣнокосами. Весною эта равнина вездѣ покрывается водою, и вода отовсюду ополаскиваетъ края Куростровскаго возвышенія; такъ-же точно являются островами и сосѣднія съ Куростровомъ селенія, находящіяся весьма недалеко одно отъ другого.

Время возникновенія Куростровскаго прихода неизвѣстно. Достоверно то, что мѣсто, имъ занимаемое, было населено еще въ глубокой древности язычествующею Чудью. Рассказываютъ, будто бы на Курь-островѣ въ елевой густой рощѣ, остатки которой существуютъ и понынѣ, нѣкогда находилось кладбище, на коемъ стоялъ идолъ чудскаго бога Юмаллы. «Это мѣсто, пишетъ Исландскій лѣтописецъ Стурлезонъ, было окружено лѣсомъ и заборомъ. Въ срединѣ на площади стоялъ истуканъ бога Юмаллы съ драгоценнымъ ожерельемъ на шеѣ, а передъ нимъ въ серебряной чашѣ лежали деньги. Норвежцы зашли туда и похитили всё, что могли; но желая еще снять ожерелье съ идола, крѣпко привязанное, отсѣкли ему,—идолу,—голову... Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рогá. Воры спаслись бѣгствомъ. Жители же съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, но, будучи неопытны въ воинскомъ дѣлѣ, ничего не могли сдѣлать отважнымъ грабителямъ». (Истор. Карамз. т. II, 24; примѣч. 62). Въ книгѣ «Заволоцкая чудь», составленной П. С. Ефименко (на основ. истор. Карамз. т. II, примѣч. 62; журн. Мин. вн. Д., 1852 годъ, № 7, стр. 115—117; Финск. Вѣстн. 1845 г. VI, отд. II, стр. 20), мѣсто это описывается такъ: «Въ началѣ XI вѣка на берегахъ Двины былъ торговый городъ Біармія, въ который лѣтомъ съѣзжались купцы изъ Скандинавіи на главную ярмарку и покупали мѣха. Здѣсь же находилось богатое кладбище, по-

тому что жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатствъ, оставленныхъ умершимъ. Это мѣсто окружено было лѣсомъ и заборомъ, въ серединѣ стоялъ пестукашъ бога Юмаллы, или Юмалы, сдѣланный весьма искусно изъ самаго лучшаго дерева; пестукашъ былъ украшенъ золотомъ и драгоценными камнями, ярко озарявшими все окружныя мѣста. На головѣ Юмаллы блистала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкими камнями, ожерелье его цѣнилось въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота. На колѣняхъ его стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами, и такой величины, что четыре человека могли напиться изъ нея дѣсьта. Его одежда цѣною превосходила грузъ трехъ самыхъ богатѣйшихъ кораблей. Норвежцы Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли съ Біарміею королемъ Олафомъ, современникомъ Ярослава, накупивъ мѣховъ во время славной ярмарки, зашли со своими товарищами въ упомянутое кладбище въ глубокую ночь: похитили все, что могли; отсѣкли голову Юмаллы, чтобы снять крѣпко привязанное ожерелье. Во время похищенія вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спаслись бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ вопискомъ дѣлѣ, не могли ничего сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ». Что храмъ Юмаллы и торговый городъ находился въ Холмогорахъ, собственно въ Куростровѣ, ученый Кастренъ подтверждаетъ сохранившимися въ народѣ преданіями о сокровищахъ славнаго города; однако такихъ преданій въ настоящее время нѣтъ среди народа. Нынѣ существующіе здѣсь въ народѣ уже остатки древнихъ преданій касаются главнымъ образомъ того, что въ Куростровскомъ ельникѣ дѣйствительно былъ нѣкогда идолъ чуждаго бога, и что Куростровъ былъ населеннымъ мѣстомъ съ незапамятныхъ временъ. Такъ, о началѣ Курострова говорятъ, что онъ, Куростровъ, и нѣкоторыя съ нимъ смежныя селенія имѣютъ первыми своими основателями членовъ почему-то раздѣлившя-

гося одного чудскаго семейства. На Курь-островѣ жилъ Курь, отецъ семейства, на Мати-горахъ въ шести верстахъ отъ Курострова жила мать; въ Курьѣ за двѣнадцать верстъ отъ Курострова дочь — Курья; на Ухть-островѣ, въ семи верстахъ отъ Курострова — Ухть, сынъ; и въ Чухченемѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Курострова — Чухъ — второй сынъ. Отъ именъ этихъ родоначальниковъ и называются нынѣ: Куростровъ — Куростровомъ, Курейскій приходъ — Курьей, Матигорскіе — Матигорами, Ухтостровскій — Ухтостровомъ, Чухченемскій — Чухченемою или Чухчеремою. Относительно же пребыванія въ древнее время идола въ Куростровскомъ ельникѣ существуетъ въ преданіи почти то же самое, что было упомянуто въ приведенныхъ выше выдержкахъ: говорится въ преданіяхъ, что идолъ былъ вылитъ изъ серебра и прикрѣпленъ къ самому большому дереву, и держалъ въ рукахъ громадную чашу. Чудь, приходя молиться идолу, клала въ чашу серебро и золото. Ни идола, ни денегъ украсть было нельзя: потому что чудь крѣпко берегла своего бога и постоянно около него держала стражу. Чтобы и самые стражи какъ-нибудь не упустили изъ виду воровъ, вблизи идола были проведены подобія пружинъ, такъ что кто чуть дотрогивался идола, пружины тотчасъ же издавали звукъ и приводили въ движеніе разнаго рода колокольчики и погремушки. Благодаря этому часовые немедленно могли поймать похитителей и поджарить ихъ живыми на сковородѣ въ качествѣ жертвоприношенія идолу. Однако новгородцы (въ народномъ преданіи — новгородцы, а не норвежцы), несмотря на такія предосторожности чудь, успѣли ограбить идола и уйти невредимыми. По рассказамъ однихъ, — чудь только поглядѣла на удалявшіеся корабли похитителей, по словамъ же другихъ, — поспѣшно сѣвъ на лодки, погналась за норвежцами (? новгородцами), настигла ихъ и вступила въ бой близъ селенія Курья, почему и мѣсто сраженія, нынѣ занятое деревнею, до послѣдняго времени именуется Побоищемъ. Послѣ похищенія драгоценностей идола, чудь перестала посѣщать куростровскій ельникъ.

Кромѣ этого преданія, есть еще одно, свидѣтельствующее о глубокой древности заселенія Курострова людьми. Въ полуверстѣ отъ ельника, на сѣверной окраинѣ села стоитъ и понынѣ часовня во имя святаго Николая Чудотворца. Эта часовня, находясь нѣсколько за чертою Курострова, возвышается на небольшомъ, правильной квадратной формы, холмикѣ. Есть основанія думать, что этотъ холмикъ устроенъ искусственно, и мѣстное преданіе говоритъ: будто подъ этою насыпью погребены три чудскихъ князя, и чудью сдѣланъ надъ ними упомянутый четырехгранный курганъ. Еще въ недавно протекшее время Куростровскій ельникъ и окружающія его мѣста были предметомъ многихъ суевѣрій: говорили, что въ ельникѣ живетъ духъ Скорбникъ, оберегающій кладъ, оставленный чудью, нѣсколько позднѣе называли этого духа кривымъ Оаддейкомъ, который заставлялъ людей блуждать по рощѣ; мимо ельника, особенно въ темное время, боялись ходить и ѣздить, а раскольники, считая его священнымъ лѣсомъ, до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія хоронили въ немъ умершихъ. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ нѣсколькихъ преданій, Куростровъ признается мѣстомъ, населеннымъ съ незапамятныхъ временъ.

Когда между первобытными населенцами Курострова начала распространяться православная вѣра, съ точностію неизвѣстно. Но, по уставу Великаго Князя Святослава Ольговича 1138-го года, со всѣхъ концовъ Заволочья (Двинской земли) и съ Ивановогоста (впослѣдствіи Ивановскій посадъ въ г. Холмогорахъ) шла дань въ пользу новгородскаго владыки. Слѣдовательно въ 1138 году здѣсь уже распространено было христіанство. По историческимъ актамъ собственно о Куростровѣ, какъ населенномъ мѣстѣ, упоминается въ 1397 году въ судной грамотѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича, данной на имя бояръ Двинскихъ, сотскаго и всѣхъ черныхъ людей Двинской земли. Въ этой грамотѣ на разъѣзды Намѣстника и дворянъ по дѣламъ суднымъ по Двинскимъ погостамъ, какъ-то: до Холмогоръ, Куръ-острова, Чухчелемы, Ухтъ-острова, Курьи, — опредѣлено

взимать двѣ бѣлки. Уже судя по тому, что въ 1138 году жители Курострова платили Новгородскому Владыкѣ церковную дань, и въ 1397 году обложены были извѣстнымъ сборомъ на дѣла судопроизводства, можно заключать о глубокой давности населенія въ окрестностяхъ Холмогорскихъ, часть которыхъ, и часть значительную составляетъ Куростровъ.

Куростровъ состоитъ изъ двадцати шести деревень; бѣльшая половина этихъ деревень такъ близко соединилась между собою, что раздѣлить ихъ границы можно лишь по однимъ указаніямъ старожиловъ. Деревня Денисовка, въ которой родился М. В. Ломоносовъ, такъ тѣсно слилась съ сосѣдними деревнями, что въ 1868 году, съ разрѣшенія Губернскаго начальства, была переименована въ Ломоносовку вмѣстѣ съ соединившимися съ нею поселками. Гдѣ былъ домъ М. В. Ломоносова, точныхъ указаній совсѣмъ нѣтъ. Предполагаютъ, что на мѣстѣ дома, гдѣ родился Ломоносовъ, стоятъ нынѣ сельское училище. Вблизи фасада училища видны остатки заброшеннаго пруда; въ этомъ пруду, говорятъ крестьяне, отецъ Михайла Васильевича держалъ въ садкахъ рыбу для продажи. О Ломоносовѣ мѣстные крестьяне ничего не знаютъ и очень холодно отзываются ко всякому о немъ воспоминанію, такъ что великій русскій дѣятель, всюду высоко чтимый на Русь, забытъ земляками подобно каждому простому смертному. Этого мало: никто не знаетъ, кто была мать Михайла Васильевича, гдѣ крещенъ былъ Михайлъ Васильевичъ, когда онъ родился; даже въ церкви мѣстной не осталось ничего, что бы напоминало о Ломоносовѣ. Метрическія записи, брачныя обыски, исповѣдныя росписи, алтарныя книги ведутся въ Куростровской церкви лишь съ 1751 года и въ нихъ нигдѣ не написано хотя бы нѣсколько словъ и о родствѣ Ломоносова; нѣтъ ни въ одномъ изъ такихъ документовъ и фамилія «Ломоносовъ». Среди нѣкоторыхъ коренныхъ земляковъ Михайла Васильевича существуетъ убѣжденіе, будто Михайлъ Васильевичъ не имѣлъ фамиліи Ломоносовъ, но фамилія ему была Доробеевъ; только убѣгая съ родины, онъ

назвалъ себя Ломоносовымъ. Указываютъ и нынѣ существующій родъ крестьянъ Дорощевыхъ, проживающій въ Куростровѣ и составляющій будто-бы остатокъ, неизвѣстно близкой или далекой, побочной линіи родства Михайла Васильевича. Конечно, такое мнѣніе произвольно; основано лишь на томъ, что отецъ Михайла Васильевича назывался Василій Дорощевъ Ломоносовъ, а прозваніе по отчеству «Дорощевъ» перенесено было на родство Ломоносова въ смыслѣ Дорощевичей. Это и нынѣ повсюду можно наблюдать въ отношеніяхъ крестьянъ между собою. Несомнѣнно вѣрно, что въ Куростровѣ была фамилія крестьянъ Ломоносовыхъ, но она въ мужскомъ поколѣніи пресѣклась въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; поэтому о ней не сохранилось письменныхъ свѣдѣній; церковные же документы въ Куростровѣ пачало имѣютъ лишь съ 1751 года. Какъ бы все это ни было, но кровные земляки Ломоносова почти вовсе о немъ не любопытствуютъ, не вспоминаютъ о немъ и о заслугахъ его, не видятъ славы великаго дѣятеля.

Въ настоящее время въ Куростровѣ имѣется весьма благоустроенная каменная одноэтажная церковь съ тремя престолами: Дмитріевскимъ, Екаторининскимъ и въ честь Казанской Иконы Божіей Матери. Эта церковь построена въ 1727 году на пждивеніе крестьянъ и жертвователей съ различныхъ мѣстностей Холмогорской епархіи, приглашаемыхъ къ благотворительности воззваніями. До 1751 года церковь имѣла одинъ только престолъ, утвержденный въ честь св. Великомученика Дмитрія Мироточиваго. Въ 1751 году къ ней пристроенъ былъ теплый обширный придѣлъ съ престоломъ въ честь Великомученицы Екатерины, а въ 1808 году рядомъ съ Екаторининскимъ придѣломъ возникъ придѣлъ и въ честь Казанской Иконы Божіей Матери. Иконостасы храма отличаются скромною простотою; иконы не отличаются давностію, хотя нѣтъ среди нихъ произведеній современнаго искусства; какихъ-либо древностей и рѣдкостей церковь не имѣетъ. Каменная трехъ-ярусная колокольня Дмитріевского

храма выстроена надъ папертью Екатерининскаго и Казанскаго придѣловъ въ 1763 году; стараніемъ же мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ въ 1841 году отлитъ былъ по особому заказу изъ готоваго матеріала колоколь въ 114 пуд. вѣсу и на означенной колокольнѣ повѣшенъ. Съ разрѣшенія начальства, въ недавнее время производился повсемѣстный сборъ на благоуукрашеніе церкви Куростровскаго прихода; и деньги, полученныя отъ этого сбора, поступили на производство капитальнаго ремонта обветшавшаго храма.

Нынѣшняя, только что описанная мною, церковь Куростровскаго прихода уже не первая въ немъ по численности. Когда была построена въ Куростровѣ самая первая церковь, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній. Впервые о существованіи церкви въ Куростровѣ упоминаетъ Мвропъ Вельяминовъ въ своей писцовой книгѣ. Онъ, описывая въ 1623 году Двинскую землю, сообщалъ между прочимъ: «Въ Куростровской волости — погостъ, а на погостѣ церковь святаго Страстотерпца Великомученика Димитрія, и другая церковь великія Христовы мученицы Екатерины съ трапезою, деревянная вверхъ, и въ церкви образа, и свѣчи и книги, и всякое строеніе приходное, тогожъ погоста деревня бѣлая Ильинская, а въ ней дворъ — попъ Моксей Федоровъ, церковный дячекъ Ивашко Семеновъ, пономарь Сенька Власовъ, просфирница Оксиньяца, четыре кельи нищихъ, питаются отъ церкви Божія». Неизвѣстно, по какому-то случаю въ 1648 году Димитріевская церковь была освящена. Надпись на сохранившемся отъ того времени крестѣ говоритъ: «Освятися олтарь Г-да Бога и Спаса нашего Іса Христа и водруженъ бысть крестъ сей въ церкви святаго Великомученика Димитрія Солунскаго лѣта 7156 г. им. 1648), при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣй Михайловичѣ всея Руссія и при Митрополитѣ Авѳоніѣ Великаго Новаграда». Въ 1718 году эта церковь Димитріевская сгорѣла; въ ней, какъ свидѣтельствуется народная молва, въ 1711 году былъ крещенъ Михайль Василье-

впчъ Ломоносовъ. Въ 1680 г. 19-го сентября сгорѣла Екатерининская церковь, о которой писалъ Вельямповъ. Въ 1681 г. февраля 21-го дня церковный прикащикъ Евдокимко Авопасьевъ и всѣ крестьяне Куростровской волости били челомъ Преосвященному Митрополиту Корнилию: на мѣсто погорѣлой церкви благословить построить въ Куростровской волости во имя Великомученицы Екатерины новую деревянную церковь, и Преосвященный Митрополитъ Корнелій, данною въ 7189 г. (1681 года) 4 марта грамотою, благословилъ на новую церковь лѣсоронить и всякій церковный запасъ готовить, и изъ того новаго лѣсу въ Куростровской волости воздвигнуть церковь на старомъ церковномъ мѣстѣ. Воздвигнутая по данному указу церковь существовала до 1751 года. Послѣ того, какъ въ 1727 году выстроена была каменная Дмитриевская церковь, взамѣнъ бывшей деревянной, сгорѣвшей въ 1718 году, къ этой каменной церкви пристроенъ былъ вышеупомянутый Екатерининскій придѣлъ въ 1751 году, а ветхая деревянная церковь Великомученицы Екатерины подверглась уничтоженію.

Съ 1623 года, когда впервые было показано существованіе въ Куростровѣ церкви и причта, — до настоящихъ дней священствовало только 17 лицъ. Изъ нихъ наиболѣе выдающимися личностями являются: Іоаннъ Ключаревъ, отецъ Преосвященнаго Анастасія Епископа Екатеринбургскаго, прожившій въ Куростровѣ священникомъ 45 лѣтъ и скончавшійся 79 лѣтъ отъ рожденія въ 1823 году; о. Іоаннъ былъ отличнымъ иконописцемъ. Иконы его письма находятся въ церкви и въ рукахъ нѣкоторыхъ прихожанъ; Іоаннъ Васильевъ, много потрудившійся надъ благоукрашеніемъ храма, надъ воспитаніемъ дѣтей въ школѣ, и сынъ его Александръ Васильевъ, тридцать пять лѣтъ трудившійся въ прохожденіи священническихъ обязанностей, и выполнившій ихъ достойнѣйшимъ образомъ.

Кромѣ каменной церкви въ Куростровѣ имѣется еще небольшая деревянная часовня во имя святителя Николая Чудотворца, о которой выше было сказано, что она стоитъ на мо-

гильномъ холмѣ, подъ коимъ погребены три чудскихъ князя. Часовня имѣетъ правильную квадратную форму, какъ и самый холмъ, занимаемый ею: три сажени въ длину и три въ поперечникѣ. Устроена эта часовня была въ 1686 году, на счетъ прихожанъ, въ память утоленія скотскаго падежа. Въ 1866 году, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, крестьяне перестроили часовню, обнесли ее оградкою, выкрасили и привели въ нынѣшній благолѣпный видъ.

Ломоносовское сельское училище въ Куростровѣ, находящееся на мѣстѣ дома М. В. Ломоносова, было открыто вслѣдъ за совершившимся празднованіемъ столѣтней памяти Михаила Васильевича. Празднованіе столѣтія со дня кончины сего знаменитаго русскаго дѣятеля происходило 4 апрѣля 1865 года; въ это время дѣти куростровскихъ крестьянъ обучались при церкви однимъ началамъ грамоты. Отсутствіе правильно организованной школы очень печально отзывалось на землякахъ Михаила Васильевича. Все это губернскимъ начальствомъ было близко принято ко вниманію, и вотъ Архангельскій Губернскій Статистическій Комитетъ, для увѣковѣченія на мѣстѣ родины памяти отца русскаго слова и науки М. В. Ломоносова, открылъ съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 5 день февраля 1865 года, подписку въ имперіи на устройство памятника Ломоносову въ деревнѣ Денисовкѣ и на утвержденіе при Архангельской гимназій Ломоносовской стипендіи для образованія одного изъ крестьянъ Архангельской губерніи. По Высочайше разрѣшенной подпискѣ на предпріятія къ увѣковѣченію памяти по Ломоносовѣ, въ Статистическомъ Комитетѣ 28 декабря 1865 года уже получено было пожертвованій 4833 р. 36½ коп. Въ 1866 году 28 апрѣля пожертвованій съ прежде поступившимъ оказалось 6908 руб. 71½ коп., изъ нихъ 4000 руб. назначались на содержаніе изъ % стипендіата, остальное на устройство памятника Ломоносову въ деревнѣ Денисовкѣ. Лучшимъ памятникомъ на родинѣ Ломоносова губернское начальство признало открытіе благоустроенной школы; сборъ денегъ, теперь

уже на открытіе школы въ деревнѣ Денисовкѣ, по особенному Высочайшему благоволенію продолженъ былъ до 13 сентября мѣсяца 1868 года. Къ этому времени скопилось 8431 р. 20³/₄ копейки, которые всецѣло поступили на обезпеченіе предполагаемой школы. Третьяго октября 1868 года Ломоносовское сельское училище было торжественно открыто въ присутствіи Начальника губерніи князя Гагарина, г. Директора народныхъ училищъ и членовъ Статистическаго Комитета, прибывшихъ изъ гор. Архангельска и жившихъ въ г. Холмогорахъ. Ректоромъ Дух. Семинаріи Архимандритомъ Донатомъ и причтами пятнадцати приходовъ совершенъ былъ торжественный крестный ходъ изъ храма на мѣсто дома М. В. Ломоносова, гдѣ была отслужена панихида по Михаилѣ Васильевичѣ. На торжествѣ открытія школы присутствовали родственники Ломоносова—правнуки Маріи Васильевны Головиной, сестры Ломоносова. Новооткрытая школа временно помѣщалась въ домѣ крестьянки Ирины Егоровны Лопаткиной, здравствующей до нынѣ; эта крестьянка оказывается правнукою Марьи Васильевны, сестры Ломоносова. Въ ея домѣ школа находилась до 1871 года; въ 1871 году было построено на мѣстѣ дома Ломоносова обширное зданіе для Ломоносовскаго училища. Въ 1892 году обветшавшее зданіе подвергли капитальной перестройкѣ, которая окончилась освященіемъ училища 8-го января 1893 года. Въ годъ открытія Ломоносовскаго училища деревня Денисовка получала новое названіе: «Ломоносовка», Куростровская волость и съ нею Куростровское волостное правленіе стали именоваться «Ломоносовскими». Торжественное открытіе училища произвело сильное впечатлѣніе на народъ; и это уже одно заставило ихъ думать, что открываемое училище имѣетъ весьма высокое назначеніе. Съ 1868 года до настоящихъ дней въ Ломоносовскомъ училищѣ обучалось 1663 мальчика и 613 дѣвочекъ; количество грамотныхъ въ Куростровѣ несравнимо превысило число неграмотныхъ. Въ 1870 году 24 іюня въ 4 часа пополудни Ломоносовское училище было удостоено посѣщенія Его Императорскаго

Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, а въ 1885 году 13 іюня въ 6 часовъ вечера—посѣщенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича. Десятаго декабря 1885 года при Ломоносовскомъ училищѣ былъ открытъ ремесленный классъ рѣзбы по кости, существующій и въ настоящее время. Мысль объ открытіи этого класса принадлежитъ посѣтившему Куростровъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владимиру Александровичу. Почему устроенъ въ Куростровѣ классъ рѣзбы по кости, объ этомъ будетъ подробно сообщено далѣе. Въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго 1896 года Архангельскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ учреждена бесплатная народная библіотека и читальня при Ломоносовскомъ училищѣ; завѣдываніе библіотекою ввѣрено мѣстному священнику.

При взглядѣ на нынѣшнее состояніе Курострова, всякій придетъ къ убѣжденію, что родина Михаила Васильевича пользуется цвѣтущимъ благосостояніемъ. Дѣйствительно, не то было нѣсколько прежде: когда нищета господствовала въ Куростровѣ и отсутствіе пастоящей школы поддерживало грубое невѣжество мужиковъ. Пьянство и дармоѣдство разрушали энергію въ трудѣ съ особенною силою; многіе изъ крестьянъ почитали лучшимъ жить, собирая милостыню и пропивая собранное. Теперь нѣтъ въ Куростровѣ подобныхъ личностей: ихъ замѣнили лица, проматывающіе свои собственные заработки и наживы. Школа благотворно вліяетъ и на послѣднихъ, уменьшая число таковыхъ изъ года въ годъ. Въ Куростровѣ нѣтъ выдающихся богачей, нѣтъ и до неисходной крайности нищенствующихъ. Дома поселянъ отличаются прочностью, чистотою, удобствомъ и возможною исправностью. Только одна бывшая Денисовка, нынѣ Ломоносовка, съ незапамятныхъ временъ утопаетъ въ грязи, украшается плачевными развалинами никогда не поправлявшихся домовъ и своимъ видомъ походитъ на выставку разбитыхъ коробовъ, вслѣдствіе особенной безпечности ея обитателей. Это—единственное и всегдашнее исключеніе въ Куростровѣ.

Куростровскіе крестьяне издавна числились государственными людьми и не испытывали на себѣ тяжести крѣпостной зависимости. Издавна пользуются они широкими участками полей и сѣнокосовъ, пользуются пространнѣйшими выгонами для скота и многочисленными болотными и лѣсными расчистками. Не лишена этихъ выгодъ и церковь: въ ея распоряженіи имѣется 21 десятина пахоты и 28 десятинъ сѣнокосу; церковный причтъ пользуется 36-ю десятинами земли, изъ коихъ 28 десятинъ—сѣнокосъ и 8 десятинъ—пахота. Хотя мѣстные крестьяне и усердно трудятся надъ землею, но одна земля недостаточно обезпечиваетъ ихъ: всѣ почти жители Курострова за малымъ исключеніемъ ремесленники и промышленники. Главнымъ промысломъ здѣсь считается скотоводство: исключительною доходною статьею признается выкармливаніе рогатаго скота для продажи на домашнюю держку въ столицу. Холмогорскій рогатый скотъ, хотя и измельчавшій нынѣ, особенно почитается петербургскими скупщиками, какъ скотъ красивый, выхощенный и дойный. Благодаря торговлѣ скотомъ, многіе крестьяне въ Куростровѣ пользуются отличнымъ состояніемъ. Наживнымъ промысломъ почитается также охота на водяныхъ птицъ, которыя весьма обильно плодятся на множествѣ озеръ, окружающихъ Куростровъ. Сбытъ паловленной птицы сосредоточивается въ гор. Холмогорахъ. Приобрѣтаютъ себѣ запасныя деньги куростровскіе крестьяне и черезъ рыболовство, но этимъ промысломъ занимаются немногіе. Что касается ремеселъ, которыми занимаются мѣстные жители, объ этомъ можно сказать много очень отраднаго. Въ деревнѣ Ломоносовкѣ всѣ крестьяне горшечники и этимъ ремесломъ пробавлялись еще до временъ Михаила Васильевича. Анекдотъ о Петрѣ Великомъ и холмогорскихъ горшкахъ произошолъ съ куростровскимъ горшечникомъ. Въ деревнѣ Гудыревской и строительской Ломоносовской волости съ незапамятныхъ временъ пребываютъ извѣстные холмогорскіе рѣзчики по кости. Пока не развилось въ Москвѣ искусство рѣзать по кости, куростровскіе рѣзчики славились повсюду; нѣкоторыя издѣлія

ихъ находятся въ СПб. Эрмитажѣ. Рѣзьба по кости составляетъ занятіе весьма многосложное и матеріалы, требуемыя ею, имѣютъ значительную цѣнность. Поэтому рѣзчикъ по кости, прежде чѣмъ начать работу, долженъ запастись деньгами для пріобрѣтенія кости и значительнымъ терпѣніемъ для тщательнаго выполненія работы. При большомъ числѣ заказовъ и справокъ на костяныя издѣлія, выгода отъ нихъ получится удовлетворительная; но если сбытъ костяныхъ работъ малъ, мастеръ терпитъ чувствительный ущербъ. Вслѣдствіе быстраго успѣха московскихъ рѣзчиковъ, куростровскіе мастера потеряли свою прежнюю славу; костяныя вещи, ими сдѣланныя, перестали привлекать любителей изящнаго; мастерство начало быстро падать. Это замѣтилъ въ свою бытность въ Куростровѣ Великій Князь Владиміръ Александровичъ и, для поддержанія падающаго искусства рѣзьбы, благоволилъ основать ремесленный классъ при Ломоносовскомъ училищѣ. Но и классъ рѣзьбы по кости не возвышаетъ все ниже и ниже оцѣняемаго здѣсь занятія рѣзьбою. Болѣе выгоднымъ куростровскіе ремесленники находятъ выдѣлываніе роговыхъ вещей, которыя сбываютъ за очень дорогую цѣну. Жители деревни Мѣщанинской отличаются болѣею склонностью къ занятіямъ плотничествомъ и портняжничествомъ: то и другое служитъ отличнымъ средствомъ къ наживѣ. Куростровскіе портные извѣстны своимъ умѣньемъ шить прочно и по модѣ, а плотники никогда не отдыхаютъ отъ работъ въ будни. Жители деревень Шипачевской, Сивчевской и Казимировской являются даровитыми сапожниками и шорниками: работа ихъ отличается особенною прочностью, цѣнится за изящество, одобряется по дешевизнѣ. Крестьяне деревни Луховской занимаются кладкою печей, фундаментовъ и производствомъ каменныхъ построекъ. Есть среди поселенцевъ Курострова хорошіе мѣдники, кузнецы, слесаря, столярничествомъ занимаются очень мало, есть и занимающіеся виною и мелочною торговлею. Огородничествомъ, садоводствомъ, куроводствомъ, овцеводствомъ и коневодствомъ никто не занимается въ

Куростровѣ, такъ какъ на произведенія этого рода промышленности въ Холмогорахъ и окрестностяхъ ихъ нѣтъ большого спроса.

Во всемъ куростровскомъ селеніи числится 1119 душъ обоого пола, изъ нихъ 150 человекъ всегда находятся въ отлучкѣ. Всѣ жители Курострова, близко размѣщаясь домами, одинъ возлѣ другого, составляютъ какъ бы одну громадную семью, связанную общими интересами. Каждый знаетъ наперечетъ число дворовъ родного селенія и главныхъ представителей семействъ именуешь безошибочно по имени и отчеству. Всякій знаетъ про другого, какъ онъ живетъ, чѣмъ занимается, сколько имѣетъ земли, какъ къ нему слѣдуетъ относиться. Ничто совершающееся въ обществѣ не ускользаетъ изъ общаго вниманія: быстрѣе вѣтра разносятся по домамъ слухи о различныхъ происшествіяхъ, новостяхъ и событіяхъ. Подобное этому можно услѣдить въ отношеніяхъ обывателей Курострова къ жителямъ другихъ деревень. Взаимное родство, товарищества, торговля и промысловыя сношенія существуютъ среди жителей различныхъ селъ, какъ бы среди жителей одной деревни. Куростровъ, занимая центральное мѣсто между двѣнадцатью близко стоящими къ нему селеніями, вездѣ въ окрестностяхъ Холмогоръ имѣетъ первое значеніе, тѣмъ болѣе, что Ломоносовское волостное правленіе простирается на шесть сельскихъ обществъ и въ немъ со всѣхъ окрестностей Курострова постоянно бѣгаютъ заѣзжіе посѣтители, старающіеся на всякій случай запастись знакомствомъ въ Куростровѣ. Общія народныя гулянія, бывающія по деревнямъ и селамъ, яснѣйшимъ образомъ показываютъ, какъ жители окрестныхъ селъ сближаются между собою. На эти гулянія съѣзжаются гости по возможности отовсюду, со всѣхъ волостей, — знакомые и незнакомые, и всѣ считаютъ какъ бы за обязанность посѣтить чей-нибудь домъ и семейство. Въ храмовые праздники церкви всегда не помѣщаютъ въ себя заѣзжихъ гостей, изъ коихъ многимъ приходится ограничиться лишь присутствіемъ въ церковной оградѣ, потому

что обычай требуетъ все-таки обязательнаго посѣщенія заѣзжими гостями мѣстнаго храма въ престольный или пивной праздникъ. Куростровъ служитъ мѣстомъ очень частыхъ волостныхъ сходовъ, на которые должны являться обязательно крестьяне всѣхъ сельскихъ обществъ, подвѣдомыхъ Ломоносовскому волостному правленію. Изъ Курострова — лѣтомъ по водѣ, зимою по проѣзжимъ дорогамъ, существуетъ безпрерывное прямое сообщеніе со всѣми окружающими его многочисленными селами. Земляные надѣлы куростровскихъ крестьянъ перемѣшаны съ надѣлами крестьянъ другихъ сельскихъ обществъ, одна мѣстная дача безраздѣльно назначается въ пользованіе крестьянамъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, приговору одного волостнаго правленія часто повинуются крестьяне, подвѣдомые другому волостному правленію. Все это съ нѣкоторою необходимостью вызываетъ къ тѣсному общенію между собою крестьянъ не только одного или нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, но и крестьянъ различныхъ волостей.

Но общительность куростровскихъ крестьянъ не такова, чтобы питала къ себѣ полное довѣріе. Куростровлянинъ въ глаза беззавѣтно предастъ, позаглазъ обманываетъ, глумится, мститъ, издѣвается, ругается. На словахъ онъ честенъ и безкорыстенъ, на самомъ же дѣлѣ маскою честности завлекаетъ въ ловушку. Въ глазахъ куростровлянинъ не даетъ пощады и отцу родному, заочно клеветаетъ на другого, находя въ немъ необывалыя вины. Завзятые пьяницы, запянные лѣнтяи, открытые развратники, воришки, кулачнички, плуты, справедливо именуемые прожигами, — требуютъ отъ другихъ сдержности, расторопности, безкорыстія, чистоты и под. И замѣчательно, что какихъ лучшихъ качествъ отъ другихъ болѣе всего требуютъ, въ чемъ наиболѣе другихъ укоряютъ, въ томъ они сами болѣе всего испытываютъ недостатокъ и чаще всего погрязаютъ. Всегда существующіе на сельскихъ сходахъ крикуны, требуя себѣ на каждомъ сходѣ водки за какія-нибудь проспымыя у нихъ уступки или сверхъдолжныя хлопоты, расходы, — первые же не испол-

пляютъ того, ради чего получали на выпивку. Буйная молодежь, предаваясь пьянству и разврату, безнаказанно въ темные вечера учиняетъ драки, безчинія, дебошпрства. Въ храмъ Божій исправнымъ образомъ ходятъ только женщины и школьники. Что же касается мужчинъ, то они и въ самые «набольшіе» праздники въ году позволяютъ себѣ производить черную работу, ходятъ въ церковь лѣниво и постоянно, во время совершенія праздничной литургіи священнослужители, слышатъ-то стукъ топора, то стукъ молотка, осенью бряцаеъ телѣгъ, жердей, косъ, звуки гармоники, производимыя ѣдущими на пожни, стукъ молотящихъ на гумнахъ и т. д. На празднованіе высокаторжественныхъ дней куростровскіе крестьяне смотрятъ, какъ на одно священнослужительское отправление обязанностей: «понъ, говорятъ они, пусть свое служитъ, а намъ до этого дѣла мало». Но если священникъ почему либо не отслужитъ литургію и въ такой день, когда можно обойтись безъ совершенія литургіи, ему и за это дѣлается замѣчаніе въ родѣ такого, что, если священникъ долженъ молиться, отчего же не служилъ онъ литургіи въ такой то день? Между тѣмъ какъ ни въ тотъ, ни въ иной день въ церкви никакихъ не бываетъ молящихся мірянъ. На канунахъ двенадцатыхъ праздниковъ, на канунахъ воскресныхъ дней — въ Куростровѣ ежегодно бываетъ болѣе десятка вечеринокъ, гульбищъ и игрищъ. Сельскіе сходы также производятся на праздничныхъ канунахъ, оканчиваются часто передъ самымъ звономъ къ утренѣ. Такъ какъ сходы безъ выпивки и пьянства никогда не случаются, то послѣ нихъ и въ своей избѣ крестьянщицъ по нѣскольку дней пьянъ беспросыпно; что же можно сказать въ этомъ случаѣ о посѣщеніяхъ крестьянами храма Божія? Разказы о наглыхъ продѣлкахъ однихъ, выслушиваются съ живѣйшимъ интересомъ и сочувствіемъ другими, — предложенія-же о добрыхъ и полезныхъ предиріятіяхъ или проводятся мимо ушей, или же осыпаются ѣдкими насмѣшками. Вліятельныхъ кулаковъ и міроѣдовъ нѣтъ въ Куростровѣ, зато подкупы въ сельскомъ судопроизводствѣ — дѣло въ высшей степени обычное. Послѣ каж-

даго волостного суда, судья, какъ здѣсь говорится, «лыка не завяжутъ», т. е. пьянствуютъ сколько душѣ угодно. Что касается взаимнопомоществованія, то оно возможно среди куростровскихъ мужичковъ лишь въ отношеніи къ братскимъ попойкамъ. Къ житейскимъ нуждамъ другъ друга они относятся очень холодно. Если кто-нибудь досконально узнастъ, что землякъ его просить о какомъ-нибудь одолженіи, уступкѣ или содѣйствіи вынуждаемый къ тому тяжелыми обстоятельствами, тотъ не пропуститъ мимо случая обмануть своего земляка, затянуть его въ долги и потомъ высосать изъ него послѣдніе соки. Нигдѣ по волостнымъ правленіямъ Холмогорскаго уѣзда нѣтъ такого множества тяжёбныхъ и сутяжническихъ дѣлъ, какъ въ Ломоносовскомъ Правленіи: принимаемая къ разбирательству дѣла волостной судъ считаетъ не единицами и десятками, а полными сотнями. Пьянство въ Куростровѣ процвѣтаетъ очень широко, но случаи разврата и распутства въ смыслѣ нарушенія цѣломудрія весьма малочисленны, если сравнить съ другими господствующими пороками. Грубость холмогорскихъ крестьянъ всегда вызываетъ горькія жалобы духовенства, которое наиболѣе другихъ лицъ терпитъ отъ народа всевозможныя непріятности.

Сколько ни описано мною темныхъ сторонъ мѣстнаго Крестьянскаго быта, все это еще—незначительная часть самой дѣйствительности. Такъ какъ худое въ человѣческой жизни почему-то прежде къ себѣ привлекаетъ вниманіе наблюдающихъ за ней, чѣмъ доброе, то и я въ своемъ описаніи позволилъ себѣ прежде указать худшія качества крестьянъ, чтобы легче потомъ и яснѣе исчислить особенности добрыхъ направленій. Кромѣ вышеописанной общительности между собою, куростровскіе крестьяне отличаются отсутствіемъ злопамятности: тяжбы ихъ чаще, даже исключительно, оканчиваются взаимнымъ примиреніемъ, — очень рѣдко кто-нибудь изъ тяжущихся заявляетъ на судѣ нежеланіе простить обиду. Въ отношеніяхъ къ священнику, особенно если онъ ведетъ себя всегда благопристойно сапу, куростровляне почтительны, сговорчивы и послушны; — случаи грубаго обраще-

нія, хотя и часты, но они обыкновенно удовлетворяются ходатайствами родственниковъ грубіяна. Для священника и это — очень сладостное успокоеніе. Въ отношенія къ цѣломудрію крестьяне Ломоносовскаго сельскаго общества имѣютъ большую славу предъ крестьянами другихъ обществъ. Процентъ лѣнтяевъ въ Куростровѣ очень незначителенъ. Въ дѣлахъ увеличенія денежныхъ запасовъ куростровскіе жители не падаютъ духомъ, и если бы не было среди нихъ пьянства, едва ли бы кто изъ нихъ нуждался отъ бѣдности. Дѣлами хозяйственными въ домахъ Курострова главнымъ образомъ управляютъ женщины: онѣ настолько властны надъ родными пепелищами, что и мужчины не выходятъ изъ общепринятаго обычая повиновенія хозяйкѣ. Женщины въ Куростровѣ уважаются наравнѣ съ мужчинами, если ведутъ свое хозяйство въ образцовомъ порядкѣ и пользуются зажиточностью. Предметомъ высшихъ попеченій и заботъ крестьянъ является выростающая молодежь обоего пола. Эти попеченія и заботы для обывателей Курострова особенно велики потому, что Куростровъ составляетъ центръ окружающихъ его селеній, о немъ вездѣ говорятъ какъ о видномъ мѣстѣ, о каждомъ домохозяинѣ въ немъ извѣстно сотнямъ лицъ; значить, и молодежь куростровская находится на лучшемъ счету. Всякій случай неудачнаго сватовства наноситъ семьѣ крестьянина плохую славу, если это сватовство было не подъ пару для сватавшихся. Выбрать такую пару родителямъ молодыхъ людей очень не легко, и они всѣми силами стараются показать своихъ пятомцевъ наилучшими женихами и невѣстами, чтобы не посрамить Курострова. И дѣйствительно, школа, пройденная въ родительскомъ домѣ для подготовки къ самостоятельной жизни, выработываетъ изъ деревенскаго парня или дѣвушки бойкую натуру, способную, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дать отличнѣйшіе плоды трудолюбія. Куростровлянинъ не боится ловкихъ людей, имѣетъ сдѣлки и съ чиновнымъ людомъ, — это развило въ немъ значительную подвижность и тароватость во многихъ предпріятіяхъ, но это же самое развило въ немъ и склонность къ сутяжничеству.

Приводя взглядъ на обычаи куростровскихъ крестьянъ, нельзя не сказать объ этихъ обычаяхъ, что элементъ благопристойности составляетъ преобладающую въ нихъ сторону, а количество недостатковъ — сторону наименѣ выдающуюся. Вѣншность и внутренность домовъ куростровскихъ обывателей отличается чистотою и опрятностью; — перящество можно видѣть лишь въ жилищахъ горшечниковъ да многосемейныхъ домохозяевъ. Зажиточные крестьяне имѣютъ очень благовидные двухъэтажные дома, во второмъ этажѣ которыхъ полы бываютъ всегда отлично выкрашены, печи красиво сложены, окна завѣшены гардинами, между окнами имѣются зеркала, мебель покрыта лакомъ и обтянута матеріей. У крестьянъ средней зажиточности имѣется то же самое, но только въ одноэтажномъ домѣ и въ меньшемъ количествѣ; — окна задергиваются простыми занавѣсами, а зеркала замѣняются лубочными картинами. У хозяевъ съ наименьшимъ достояніемъ внутренность дома состоитъ изъ одной кухни и комнатки, обведенной около стѣнъ скамьями и занятой необходимѣйшими принадлежностями хозяйства. Въ праздники деревни принимаютъ веселый видъ оживленности, крестьяне и крестьянки одѣваются въ лучшія платья. Въ нарядахъ куростровскихъ крестьянъ очень замѣтна погоня за современною модою; — въ угоду этой прихоти жертвуются непроизводительно послѣднія нѣтъ и кровью нажитыя копейки даже такими людьми, которымъ гнаться за модою давно нѣтъ никакой надобности. Въ храмовые праздники принято обычаемъ принимать мѣстнаго священника въ каждый домъ, чтобы онъ на дому прославилъ праздникъ; и прежде чѣмъ священникъ не побываетъ въ домѣ, крестьянинъ не позволяетъ себѣ употребить лишнюю рюмку вина, хотя бы батюшка пришелъ къ нему и на другой день праздника. Всегда однообразная жизнь крестьянина течетъ тихо и спокойно по одному издавна заведенному плану. Временными нарушителями этой невозмутимой тишины являются у мужичка только пивные праздники, крестины, свадьбы и похороны. Объ этомъ главнымъ образомъ мнѣ и желательно кое-что сообщить.

Къ разряду пивныхъ праздниковъ въ Куростровѣ относятся Пасха, Рождество Христово, три храмовыхъ праздника и лѣтній праздникъ въ честь Николая Чудотворца. Въ эти дни каждый домохозяинъ старается заготовить пива и вина столько, чтобы напоить гостей дѣсыта и самому напиться. Въ гости являются званые и незваные сосѣди и обязательно приглашаемые изъ разныхъ селъ и деревень свояки, кумовья, сваты, сватьи, снохи, невѣстки, деверя, шурины, зятя, тещи и тестя, которыхъ не только переименовать, но и исчислить затрудняется крестьянинъ. Всѣ эти набѣзкіе гости являются помолиться въ церковь, скорѣе показать себя и свои наряды, поглазѣть по сторонамъ, да за попомъ или дьячкомъ что-либо примѣтить. Изъ церкви гости расплзаются по домамъ, садятся за непрерывныя чаепитія, кофепитія, завтраки, обѣды, пѣужны, — пьютъ пива, сколько вмѣститъ ихъ желудокъ, говорятъ до усталости и расплагаются ночевать, чтобы, отдохнувъ, на другой день утромъ возвратиться домой. Являясь на пивные праздники, гости обязательно наряжаются въ самолучшіе наряды и хотя бы въ жаркій лѣтній день солнце растопляло воскъ, празднующіе крестьяне непременно одѣваютъ — мужчины — суконные брюки, суконный жилетъ, сюртукъ и перѣдко сверхъ того теплое пальто, одѣваютъ и перчатки, по большей части шерстяныя, и резиновыя галоши, — а женщины и дѣвушки — нѣсколько кофть, множество юбокъ, перчатки и галоши, берутъ зонтики (парусоли), большія шали и неизбѣжныя ручныя платки. При взаимныхъ свиданіяхъ здороваются и привѣтствуютъ другъ друга подавая руку. Въ избѣ за столомъ гости размѣщаются въ строгомъ порядкѣ; садясь за столъ и выходя изъ-застола, обязательно знаменуются широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Праздничный крестьянскій столъ въ Куростровѣ состоитъ изъ множества рыбныхъ пироговъ, жаркого и пирога съ изюмомъ. Вино подаетъ гостямъ хозяинъ, пиво — хозяйка или старшіе послѣ нея въ домѣ. Пищу принимаютъ гости, не обращая вниманія на свои наряды и на вилки и ножи на столѣ, — прямо пальцами;

лическія ложки только украшаютъ убранство стола, но въ дѣло по прямому ихъ назначенію не употребляются. Зажиточные крестьяне въ пивные праздники приглашаютъ на обѣдъ священника: это составляетъ ихъ преимущество; крестьяне средней зажиточности ограничиваются угощеніемъ причта, когда пропоютъ на дому славу празднику. Случалось, что грозовую бурю навлекать на себя небогатый крестьянинъ, если открыто и особо просилъ священника побывать у него въ гостяхъ и священникъ исполнялъ его желаніе. Сосѣди, въ насмѣшку надъ такимъ простакомъ, дѣлаютъ ему притворное чествованіе, какъ будто видному богачу, намекая этимъ, что онъ сѣлъ не въ свои сани. Колкости подобнаго рода оканчивались нерѣдко вызовомъ на защиту обижаемаго слова убѣжденія самого священника. Въ Рождество каждый крестьянинъ даритъ священнику и причетнику за крестохожденіе, помимо денегъ, вязанку калачей, нѣсколько пироговъ со пшеномъ и крупю, пряникъ, — называемый козулею, и иногда булку. Въ Пасху дарятъ нѣсколько раскрашенныхъ яицъ, вязанку калачей, нѣсколько пироговъ, сдобный пряникъ, булку и нерѣдко цѣльный куличъ, — въ остальные праздники только деньги и то такъ, что ежегодно разница между тѣмъ или инымъ сборомъ заключается лишь въ какихъ-нибудь двадцати копеечкахъ; — настолько свято чтятъ крестьяне свои обычаи!

Когда у куростровскаго крестьянина прибавится новый членъ семейства, деревенскія повитухи немедленно топятъ баню и уводятъ туда родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ. Съ особенными обрядами и дѣйствіями родильницу и ребенка моютъ и затѣмъ приглашаютъ священника молитвовать родившую и родившагося. При родахъ крестьянокъ акушерка бываетъ рѣже, чѣмъ повитухи. Повитухи, когда у роженицы бываютъ трудные роды, со всѣмъ усердіемъ растираютъ страждущую женщину, предполагая этимъ ускорить рожденіе; но вмѣсто ожидаемаго чаще получается еще болѣе осложняющаяся трудность родовъ: въ этомъ случаѣ самозванныя бабки составляютъ конспіумъ, опредѣленія котораго для бѣдствующей роженицы являются не легче смерт-

наго приговора. Бабки подъ руки водятъ изнемогающую женщину, заставляють ее пить воду отъ всполаскиванія подошвы сапога правой ноги мужа рождающей; заставляють ее прыгать черезъ сапогъ мужа, трижды перевертываться — т. е. перекувырнуться черезъ стулъ, заставляють прыгать трижды съ третьей приступки, т. е. съ третьей нижней ступени лѣстницы — на полъ, вѣсятъ роженицу поленницею черезъ веревку, привѣшенную къ кольцу на потолокъ или къ поперечнымъ перекладинамъ полатей, — быстро вращають роженицу на такой веревкѣ до полного одурѣнія, парятъ и растирають въ банѣ, поятъ водою съ воскомъ, поятъ деревяннымъ масломъ, водкою и вѣрше, — чѣмъ попало. Принуждають роженицу неистово кричать, а мужа ее кататься на полу, или же уводятъ женщину въ скотскій хлѣвъ и тамъ ожидаютъ разрѣшенія ся, хотя бы на зимнемъ морозѣ, — надѣясь, что такимъ способомъ роженица удалена отъ худого глаза или отъ тяжелаго человѣка, мѣшающаго успѣшнымъ родамъ. Рожденное дитя немедленно завертываютъ въ рубашку родителя, снятую прямо съ тѣла. Въ день крестинъ поворожденнаго изба крестьянина принимаетъ праздничную обстановку. Священника везутъ крестить на хорошей телѣгѣ и наряженной лошади; кумъ и кума заготовляютъ все необходимое для крестинъ. По совершеніи таинства, воду изъ купели выливаютъ въ ясли обязательно кумъ и кума, — за этимъ кумъ платитъ причту за крестины — (рѣдко когда болѣе 40 копеекъ), а кума даритъ священнику ситцевый платокъ. Семейный праздникъ оканчивается угощеніемъ, на которомъ непременно присутствуетъ и причтъ; отказываться отъ такого угощенія — значитъ разорять праѣдовскіе уставы крестьянъ. Подрастающій крестникъ, или подрастающая крестница въ день своего ангела приносятъ крестнымъ пироги, за что крестники получаютъ себѣ отъ крестныхъ подарки. Но вотъ и изъ подростковъ съ теченіемъ времени молодые люди становятся совершеннолѣтними. — Родителямъ новыя заботы!

Приходитъ пора отцамъ и ма́терямъ принять заботы объ

устройствѣ семейнаго благополучія своихъ дѣтей. Молодому парню высматриваютъ и приписываютъ невѣсту. Рѣшивъ общимъ совѣтомъ — дозволить сыну вступить въ бракъ съ прилюбившеюся ему дѣвицею, родители требуютъ отъ сына, чтобы онъ письменно или словесно испросилъ на то отчаго и матерпяго «благословенія», и не прежде, какъ по принятіи сего благословенія, начиналъ бы помышлять о сватовствѣ. Во исполненіе требованій существующихъ обычаевъ, родители засылаютъ къ невѣстѣ сваху. Сваха, за условную плату всячески расхваливаетъ предъ невѣстою и родителями ея жениха, причемъ, для краснаго слова, не стѣсняется испить лишнюю рюмочку и приплестъ небывальщину о богатствахъ жениха. Если дѣло свахи идетъ успешно, сваха осматриваетъ приданое невѣсты и приѣзжаетъ къ жениху съ извѣстіемъ, что родители невѣсты просятъ его пожаловать — поглядѣть житья невѣстинаго. Женихъ въ назначенное время приѣзжаетъ къ своей невѣстѣ съ родителями и въ полномъ смыслѣ слова осматриваетъ житье невѣсты, вникая въ послѣднія житейскія мелочи. Если жениху понравится житье невѣсты, — то приглашаются въ свою очередь родители невѣсты и какая-нибудь сватьяшка посмотрѣть «женихова житья». Этотъ смотръ производится съ особенною строгостью. Обязательно требуется, чтобы женихъ имѣлъ новые брюки, новые сапоги, вышитую рубашку, новый жилетъ, серебряныя карманные часы съ цѣпочкою, новый сюртукъ, новое пальто и хорошую фуражку или шалку, цвѣтной платокъ на шеѣ, перчатки на рукахъ, резиновыя калоши на ногахъ. Требуется, чтобы въ домѣ жениха непременно въ строгой полнотѣ имѣлось все то, что показывала въ своихъ рѣчахъ сваха. Нерѣдко случается, что сваха наговоритъ и лишняго, — въ этомъ случаѣ она отвѣчаетъ за успѣхъ дѣла головою и хлопочетъ сама, чтобы у жениха все имѣлось такъ, какъ она сказала. Бываетъ, — что у жениха не только нѣтъ новой приличной одежды, но и старая въ неисправности, — сваха добываетъ хваленому жениху полную экипировку — «на прокатъ» или заимообразно. Сваха говоритъ невѣстѣ: у жениха

есть столько-то бочекъ хлѣба, полныхъ до краевъ, столько-то и такой-то мѣдной, деревянной, фаянсовой, желѣзной, оловянной и глиняной посуды, столько-то самоваровъ, чайныхъ и столовыхъ принадлежностей, столько-то мебели, одежды, скота, упряжи конной и тому под. На самомъ же дѣлѣ женихъ и во снѣ не видалъ у себя такой зажиточности: сваха все устроитъ, она показанное число бочекъ съ хлѣбомъ наполнитъ выше, чѣмъ до краевъ, повернувъ пустыя бочки вверхъ дномъ и на дно ихъ насыпавъ съ верхомъ всего, что надобно будетъ видѣть родителямъ невѣсты. Сваха болѣе, чѣмъ въ полнотѣ, покажетъ въ домѣ жениха и количество мебели, и количество посуды, количество всякой утвари и скота,—все это занявъ на время у своихъ родныхъ и знакомыхъ. Бойкая, опытная сваха все сдѣлаетъ; поэтому больше имѣетъ смѣлости говорить, больше нахваливаетъ жениха, отличнѣйшимъ образомъ скрываетъ обманъ, обнаружить который своевременно способны лишь тѣ родители невѣсты, которые отлично знаютъ жениха. Здѣсь всякому должно быть понятно, почему крестьяне стараются—какъ можно лучше знать состояніе другъ друга и почему они вывѣдываютъ даже о самыхъ мелочныхъ дѣлишкахъ знакомыхъ и незнакомыхъ сосѣдей. Бываетъ, что женихъ затрудняется выбрать невѣсту, тогда свахѣ двойная нажива: она беретъ деньги и за то, что хвалитъ жениховъ, и за то, что хвалитъ невѣсть. Невѣсть хвалитъ сваха такъ же, какъ и жениховъ и съ подобными же хитростями; — разница лишь въ томъ, что отъ невѣсты требуетъ опредѣленное количество платьевъ ситцевыхъ, шерстяныхъ, обязательно одно кашемировое платье, требуется положенное число бѣлья, новые полусапожки съ резиновыми галошами, жемчужное ожерелье, шубка, пальто, перчатки и разнообразныхъ матерій и величинъ платки. Всякая неудача свахѣ наноситъ тяжкое горе; — она лишается довѣрія, почета и доходовъ и ее никогда не допускаютъ участвовать въ бесѣдахъ о невѣстахъ и женихахъ. Но когда сваха все дѣло уладитъ благополучно, тогда родители жениха и невѣсты взаимно назначаютъ день окончательнаго сговора. Въ

этотъ день родители жениха доставляютъ родителямъ невѣсты точнѣйшія свѣдѣнія о качествахъ и состоятельности жениха, а родители невѣсты—о качествахъ и состоятельности невѣсты. Сопоставивъ то и другое, обѣ ведущія сговоръ стороны опредѣляютъ размѣры приданого невѣсты и, когда приходятъ къ соглашенію, молятся Богу, трижды, ухвативъ другъ друга подъ руки, оборачиваются кругомъ на мѣстѣ, учиняютъ вышивку и за вышивкою избираютъ свата и сватью для жениха, свата и сватью для невѣсты. Послѣ сговора сваты отъ жениха вмѣстѣ со сватьями повѣряютъ и осматриваютъ приданое невѣсты, а сваты и сватьи невѣсты смотрятъ женихово житье. Въ день сговора назначается день «смотрянъ». Смотрины или смотрѣнье состоятъ въ томъ, что у невѣсты собираются дѣвцы и молодые парни; прїѣзжаетъ къ невѣстѣ женихъ съ роднею и молодежью, устрояютъ вечеръ и угощаютъ присутствующихъ виномъ и десертомъ. На смотрянахъ деревенскія бабы и дѣвцы поютъ веселыя свадебныя пѣсенки, а молодежь поочередно вызываетъ дѣвицъ къ танцамъ. Въ Куростровѣ на домашнихъ увеселеніяхъ мало поютъ плясовыхъ пѣсень, болѣе подъ звуки гармоникки танцуютъ кадрили и легкіе виды польки. Смотрины продолжаются глубоко за полночь: зажиточные крестьяне послѣ смотрянъ дѣлаютъ и дѣвичники,—но чаще смотрины замѣняютъ дѣвичникъ; если послѣ смотрянъ бываетъ дѣвичникъ, то на смотрины приходятъ лишь родственники невѣсты и жениха, а если дѣвичника не бываетъ, тогда приглашается и молодежь безъ выбора близкаго или далекаго знакомства. Между днемъ смотрянъ и брака въ домѣ жениха и невѣсты каждый вечеръ проводится веселою компаніею молодежи обоихъ половъ; только на этихъ вечерахъ нѣтъ танцевъ, и дѣвушки занимаются шитьемъ, парни же ограничиваются угощеніемъ дѣвицъ да слушаніемъ или подтягиваніемъ пѣсень. За два или за три дня до брака въ домѣ невѣсты бываетъ «Заплачка». Собираются плачекъ,—деревенскія бабы, знающія свадебныя пѣсни, и поютъ, восхваляя въ нихъ сватовъ и сватьюшекъ, родителей жениха и невѣсты, самого жениха и

невѣсту и каждаго присутствующаго на пиршествѣ. Невѣста стоитъ на виду всѣхъ съ покрытою платкомъ головою и плачетъ, шлепая руками по столу, который на этотъ случай стоитъ противъ мѣста ея сидѣнья на скамьѣ. По сторонамъ невѣсты, въ строгомъ порядкѣ, сидятъ ея родственники. Каждый изъ этихъ родственниковъ долженъ подходить къ плачущей невѣстѣ и поднести ей на подносѣ вязанку калачей и серебряную монету. Невѣста беретъ подарокъ, кидается на шею подошедшаго и плачетъ въ такомъ положеніи нѣсколько времени. Ту же самую монету и вязанку калачей подносить слѣдующій по порядку, невѣста повторяетъ однообразное припадываніе на шею. За родственниками подходятъ къ невѣстѣ всѣ прощенные и непрощенные посѣтителы, а также и всякая деревенская молодежь. Плачен за свои труды получаютъ калачи и монеты. Когда невѣста оплачетъ всѣхъ родственниковъ, тогда беретъ она большой подносъ, весь занятый платками, эти платки даритъ каждому родственнику, — каковыя подарки именуется «здарьемъ». Въ день заплачки здарье получаетъ тишь родня невѣсты, а родня жениха отъ невѣсты же получаетъ здарье позже — это въ большія смотрины. Большими смотринами именуется собраніе въ домѣ невѣсты всей невѣстной и жениховой родни во главѣ съ женихомъ. На большихъ смотринахъ бывають бабы пѣсенницы и, помимо родныхъ жениха и невѣсты, — званые гости; эти смотрины проеходятъ вслѣдъ за днемъ заплачки. Женихъ, собиравшись ѣхать на большое смотрѣнье, со сватами и сватями заѣзжаетъ къ дому священника, приноситъ ему бутылку вина, флягу пива и проситъ благословенія на предстоящее ему изъявленіе согласія имѣть женою избранную невѣсту. Принявъ благословеніе священника, женихъ, не останавливаясь, ѣдетъ къ невѣстѣ. Всѣмъ присутствующимъ на смотринахъ женихъ и его друзья заготовляютъ десертъ и угощеніе; невѣста принятымъ порядкомъ даритъ платки всѣмъ родственникамъ жениха, и послѣ этого у жениха спрашиваютъ, правится ли ему невѣста, по любви ли онъ избираетъ ее супругою, и невѣсту спрашиваютъ, правится ли ей же-

нихъ и по доброй ли волѣ выходятъ замужъ. Вопросы предлагаютъ родители жениха и невѣсты. Получивъ надлежащіе отвѣты, жениха и невѣсту становятъ на разосланный предъ иконою коверъ или же кусокъ ситцу и поочередно благословляютъ жениха отецъ или замѣняющій отца — иконою, мать или замѣняющая мать — хлѣбомъ, а потомъ и невѣсту, которые стоятъ тогда на колѣняхъ. Затѣмъ женихъ цѣлуетъ невѣсту, подъ руку ведетъ ее къ столу; сваты подносятъ имъ и всѣмъ присутствующимъ вино, бабы поютъ величальныя пѣсни. На большихъ смотринахъ избираются посаженные отцы и матери, въ Куростровѣ именуемые сватами, сватьями, тысяцкими или просто посаженными; на этихъ же смотринахъ невѣста отдаетъ свою красоту, т. е. сажаетъ рядомъ съ собою незамужнюю сестру, или любимую незамужнюю подругу, сама угощаетъ ее, ей поручаетъ исполнять нѣкоторыя обязанности невѣсты, напримѣръ — раздачу здарья, подчиваніе виномъ родственниковъ жениха, подчиваніе ихъ десертомъ и въ день брака — наблюденіе за всѣмъ порядкомъ обношенія гостей свадебныхъ. Послѣ большихъ смотринь, наканунѣ брачнаго дня, невѣста со своими подругами ходитъ мыться въ баню и тамъ угощаетъ дѣвицъ пивомъ и виномъ. Въ банѣ иногда невѣста плачетъ, прощаясь со своимъ дѣввымъ житьемъ. Свагьи же въ домѣ невѣсты изготовляютъ перины и часть приданаго запираютъ въ сундуки, чтобы на другой день утромъ все это препроводить къ жениху и привести въ должный порядокъ. У жениха наканунѣ свадьбы бываетъ пирушка, именуемая холостымъ вечеромъ; на этой пирушкѣ участвуютъ только мужчины. Въ день брака къ урочному часу въ церковь приѣзжаетъ женихъ, а потомъ и невѣста; родители брачующихся остаются въ домѣ, куда должны послѣ вѣнца прибыть новобрачные. При совершеніи вѣнчанія, сватъ и сватья стоятъ со свѣчами, и имъ поставлено въ обязанность показывать жениху и невѣстѣ, что надо дѣлать во время брака. Тысяцкіе украшаются голубыми лентами, перевитыми черезъ рукавъ, за тысяцкими размѣщаются «дружки» или шафера; ихъ бываетъ по

нѣскольку со стороны жениха и невѣсты. Шафера имѣютъ перевитыя черезъ рукавъ красныя и розовыя ленты: эти ленты накалываютъ имъ дѣвицы, за что въ благодарность дарятъ дѣвицъ десертомъ; на нѣкоторыхъ свадьбахъ дѣвицы украшаютъ шаферовъ п цвѣтами. Послѣ вѣнца невѣсту въ церкви же деревенскія бабы «крутятъ», т. е. переодѣваютъ невѣстѣ головную повязку, замѣняя ее женскимъ колпачкомъ. Подъ вѣнцомъ невѣста имѣетъ на головѣ непремѣнно парчевую повязку; что же касается платья, то оно избирается соотвѣтственно состоянію родителей невѣсты и отчасти согласно существующей модѣ. Кончивъ крутить невѣсту, бабы получаютъ за трудъ калачи отъ дружекъ; новобрачную накрываютъ платкомъ, сажаютъ на пару лошадей вмѣстѣ съ женихомъ и тысяцкими, дружки и свадебники размѣщаются на разукрашенныхъ лентами коняхъ, — вся процесія со звономъ колокольчиковъ и бубенчиковъ отправляется къ дому, гдѣ назначено быть свадебному пирю, и гдѣ родители новобрачныхъ ждутъ пріѣзда гостей отъ вѣнца. Въ Куростровѣ дѣвицамъ до двадцатипятилѣтняго возраста безусловно воспрещается какъ бы то ни было участвовать за браковѣчаніемъ въ церкви. Церковный причтъ, помимо условленной платы деньгами, въ день брака получаетъ немного пива и вина отъ дружекъ и платокъ, подносимый только священнику, а послѣ вѣнца ситцевое подножіе отъ брачующихся. Дружки, по дорогѣ къ дому новобрачныхъ, кидаютъ встрѣчнымъ «витушки», составляющія родъ самой малой величины калачей.

По входѣ новобрачныхъ въ домъ, родители ихъ подводятъ ихъ на коверъ къ иконѣ, требуютъ положить три земныхъ поклона и, ставъ на колѣни, принять благословеніе такое же, какъ и на большихъ смотринахъ. По совершеніи обряда, новобрачные обходятъ вокругъ разставленныхъ для гостей столовъ, садятся за одинъ изъ нихъ въ указанное мѣсто и приглашаютъ гостей выпить и закусить. Гости садятся, — ихъ обносятъ виномъ, начинается попойка съ криками «горько!» и съ понужденіемъ новобрачныхъ цѣловаться, потомъ цѣловаться и кому съ кѣмъ взду-

мается. Новобрачные во все время стола ничего не пьютъ, не ѣдятъ, а только подчуютъ гостей; такой столъ именуется «княжимъ столомъ», — «княжій столъ». Послѣ этого стола новобрачнымъ позволено закусывать, но отдѣльно, въ сторонѣ отъ гостей. Сытые и пьяные гости шумятъ до глубокой полночи подъ пѣсни бабъ. Пора новобрачнымъ и на покой. Сватья отводитъ ихъ въ спальное помѣщеніе и тамъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, заставляеть новобрачную снимать съ ногъ мужа сапоги. Мужъ вкладываетъ въ сапоги деньги и не даетъ молодой женѣ снимать сапогъ. Долго усливается новобрачная, наконецъ мужъ уступаетъ, и деньги достаются труженицѣ. Раздѣтый мужъ ложится, а новобрачная все еще должна ожидать своей очереди: сватья заставляеть ее падать на колѣни предъ постелью и просить мужа пустить ночевать; долго повторяются одиѣ и тѣ же просьбы, пока новобрачный не втащитъ самъ свою жену на постель. Тогда посторонніе удаляются изъ спальни, а пирующие гости пляшутъ и поютъ до разсвѣта. Въ день брака бываетъ общая попойка; — на счетъ жениха и невѣсты пьютъ водку и пиво званые и незваные. На другой день рано утромъ новобрачныхъ, теперь уже «молодыхъ», молодежь будитъ стукомъ въ дверь и стѣны спальни (sic) чѣмъ попало: сватья первая, чтобъ разбудить спящихъ, кидаетъ въ дверь комнаты глиняный горшокъ, кринку, — словомъ, что-нибудь сдѣланное изъ глины. Молодые встаютъ и, напившись чаю, направляются въ домъ родителей невѣсты со всею компанією; тамъ новобрачныхъ и гостей ожидаютъ горячіе блины съ попойкою; этотъ день, въ который новобрачная въ домъ мужа угощается блинами, именуется «горячими». На горячихъ, мужики и бабы съ утра и до ночи безъ умолку поютъ пѣсни, неженатая молодежь особо пляшетъ и танцуетъ въ домѣ и вѣдъ дома. Въ теченіи дня пирующие неоднократно пѣшкомъ и на лошадахъ прогуливаются по деревнѣ, оглашая воздухъ неистовыми голосами пѣсней. Поютъ на прогулкѣ всѣ, кто гуляетъ. Прогулка пѣшкомъ въ Куростровѣ именуется хожденіемъ «воротами», — т. е. производится такимъ обра-

зомъ: мужики и женки, парни и дѣвицы берутъ другъ друга подъ руки и становятся въ длинную линію, насколько позволитъ число гуляющихъ и ширина дороги. Замужніе и женатые со вдовствующими идутъ впереди, сзади же безбрачные; тѣ и другіе нѣсколько разъ обходятъ деревню. Среди идущихъ воротами мало кто трезвъ: подъ хмелькомъ бываютъ и дѣвицы. Утромъ на горячихъ молодежь, при домѣ новобрачнаго, нагрѣваетъ баню; уносить туда вино, пиво и закуску, заготавливаетъ нѣчто похожее на завтракъ и у воротъ дома новобрачныхъ запрягаетъ лошадь въ борону, повернутую кверху острыми зубьями. Затѣмъ въ домѣ начинается погоня за молодыми, т. е. новобрачными: ихъ ловятъ, чтобы, посадивъ на зубья бороны, увезти въ баню. Если новобрачные сумѣютъ укрыться, тогда на борону попадаетъ кто-нибудь изъ сватовъ или пожилыхъ гостей и въ баню шумною толпою направляется вся пирующая молодежь. На второй день послѣ брака молодые утромъ направляются въ домъ родителей новобрачной; тамъ бываетъ въ меньшихъ размѣрахъ повтореніе горячихъ, молодежи бываетъ немного и меньше пьянства. Третій день послѣ вѣнца назначается для отгашиванія молодыхъ, т. е. они ѣздятъ ко всѣмъ роднымъ, участвовавшимъ на свадебныхъ пирахъ, угощаютъ ихъ свадебнымъ пирогомъ и благодарятъ за принятое ими участіе въ общей радости. Въ первые мѣсяцы брачной жизни молодые освобождаются отъ тяжелыхъ работъ и пользуются повсюду особеннымъ почетомъ; потомъ эта льгота оканчивается, и брачное дѣло куростровскимъ крестьяниномъ завершено.

Слѣдующіе, подобно шагамъ бѣгущаго скорохода, дни человеческой жизни приближаютъ молодого къ старости, старика къ смерти. Мѣстные крестьяне встрѣчаютъ смертный часъ съ рѣдкимъ спокойствіемъ. Умершаго родные тотчасъ же обмываютъ, кладутъ на скамью или же на столъ, одѣваютъ въ бѣлый саванъ и наскоро сшитые башмаки, лицо покойника глухо накрываютъ бѣлою полотняною ветошью. Прежде священника къ покойнику приглашаютъ читальницу, почитая безсвязное бабье бормотаніе

псалтири выше и цѣниѣ священнослужительскихъ молитвъ. Священникъ впервые приходитъ къ умершему не ранѣе, какъ спустя день. Послѣ обычно совершающихся похоронъ учреждаются поминки усоннаго. Поминальный обѣдъ состоитъ изъ двухъ столовъ: за однимъ столомъ сидятъ родственники умершаго, а за другимъ всякій званый и незваный сосѣдъ. Столованіе, — обѣдъ, начинается, сопровождается и заканчивается пѣніемъ заупокойныхъ молитвъ, послѣ каждаго пѣнія бываетъ выпивка. Передъ блинами и киселемъ обязательно поется «со святыми упокой» и «вѣчная память». По выходѣ изъ-за стола гости еще остаются въ домѣ умершаго и расходятся пьяными. На поминкахъ бываютъ только взрослые и пожилые. Пьянство, совершающееся на поминкахъ, не въ меньшихъ размѣрахъ бываетъ, чѣмъ на свадьбахъ; и если угощеніе на поминальныхъ обѣдахъ было скупо, то и объ умершемъ говорятъ худо.

Куростровскіе крестьяне мало суевѣрны; болѣе склонны къ суевѣрію женщины. Замѣчательно то, что въ Куростровѣ крестьянки особенно тщательно скрываютъ отъ другихъ свои суевѣрныя убѣжденія и обычаи; онѣ, если знаютъ, что челоуѣкъ не раздѣляетъ съ ними суевѣрія, — ничего не сообщаютъ ему и не показываютъ касающагося тайныхъ повѣрій, опасаясь сами разубѣдиться въ томъ, чему вѣрують, если ловкій челоуѣкъ умѣло изобличитъ заблужденіе. Въ присутствіи священника суевѣрная крестьянка отрекается отъ суевѣрія, а по удаленіи его дѣлаетъ свое, согласно предубѣжденію. Мужчины въ Куростровѣ смѣются надъ суевѣріемъ женщинъ и безпощадно критикуютъ всякій бабій предрасудокъ. Вслѣдствіе этого женщины скрываютъ свои повѣрія и отъ мужчинъ безграмотныхъ, почему можетъ быть понятно отсутствіе суевѣрія среди мужского крестьянскаго населенія. Суевѣрны и мужчины, но такъ, что услѣдить выдающіеся случаи суевѣрія ихъ трудно. Они руководятся различными предубѣжденіями, однако эти предубѣжденія одинаково повсемѣстно вошли, такъ сказать, въ натуру крестьянъ.

Мнѣ извѣстны сравнительно немногія суевѣрія крестьянъ,

хотя я и тщательно выслѣживалъ ихъ. Въ Куростровѣ представлялась возможность узнать лишь слѣдующее: если о близости родовъ женщины знаютъ многіе, то роды будутъ тяжелы, а если во время самыхъ родинъ узнаетъ дѣвица о родахъ женщины, а роды не разрѣшились, тогда роженица должна испытать двойныя страданія и тугость родовъ. Въ силу такого повѣрія, очень часто рождающую женщину уводятъ или въ баню, или въ хлѣвъ, или на сѣноваль, или же на чердакъ. Въ случаѣ тяжелыхъ родовъ, повитухи ополаскиваютъ подошву сапога правой ноги мужа роженицы водою и этою водою поятъ женщину въ надеждѣ, что ребенокъ легко пойдетъ изъ утробы, какъ легко ходитъ родитель его, болѣе ступая на правую ногу. Если у новорожденного сильно отростають ногти, то ихъ предписывается обкусывать, а отнюдь не стричь до годичнаго возраста ребенка, чтобы къ послѣдному не пристала «грыжа». Къ новорожденному никого изъ постороннихъ лицъ не допускають близко, чтобы дитя какъ нибудь не захворало отъ тяжелаго взгляда и чело-вѣка. О новорожденномъ и о ребенкѣ не позволяютъ говорить излишнія похвалы, чтобы не сглазить послѣдняго, т. е. изъ хорошаго не сдѣлать худымъ. Если рождающійся ребенокъ долго не кричитъ, — значить не будетъ у него и долголѣтней жизни, также точно и при крещеніи, — если дитя мало кричитъ или вовсе не кричитъ, то оно не будетъ долголѣкимъ жильцомъ на землѣ. Когда во дворѣ отелится корова, или принесетъ жеребенка кобыла, дворъ окуриваютъ вересомъ, для очищенія случившейся въ немъ нечисти. Отелявшуюся корову трижды обходятъ съ кадилаицею и жгутъ на ней ладанъ, чтобы очистить молоко животнаго. Для предупрежденія скотскаго падежа куростровскіе крестьяне сажаютъ въ скотскіе дворы осинья гнѣзда, козлячьи и баранья рога, черепы, шкурки и т. под. Безпокойство скота во дворахъ крестьянина свидѣтельствуесть о бытіи домового дѣдушки. Частое карканье ворона на одномъ и томъ же домѣ, случай залета въ жилой домъ дикой птицы — даютъ вѣриѣйшій знакъ чьей-либо скорой смерти въ домѣ. Также

точно, если въ домѣ чьемъ-либо или въ церковной паперти безъ всякой видимой причины раздастся стукъ въ ворота, — несомнѣнно, что въ домѣ и въ церкви будетъ покойникъ. Если при отпѣвѣ покойника изъ кадила выпадетъ на полъ уголекъ, вскорѣ же, значить, будетъ и еще покойникъ. Частое пканіе есть несомнѣнно вѣрный признакъ воспоминаній чьихъ либо на чужой сторонѣ. Внутреннее чувство жженія — есть свидѣтель чьихъ-либо дурныхъ отзывовъ о человѣкѣ. Если кумъ и кума по крещеніи ребенка скоро сядутъ — ребенокъ будетъ мало подвижнымъ работникомъ. Если пироги на именинахъ, крестинахъ и свадьбѣ бываютъ хороши, это лучше всякихъ словъ доказываетъ будущее счастье и благоденствіе тѣхъ лицъ, ради которыхъ изготовлялись пироги. Если перебѣгаетъ черезъ дорогу кошка, необходимо надо плюнуть на землю во избѣжаніе предвѣщаемой кошкою ссоры. Чтобы корова, когда ее доятъ, была спокойна, ее слѣдуетъ передъ доеньемъ трижды обойти кругомъ; такъ же точно, если долго не ловится свободный конь, его слѣдуетъ трижды обойти кругомъ, прежде чѣмъ подойти къ нему. Если сжечь въ печи пометъ извѣстнаго человѣка или животнаго съ мыслию, чтобъ у того человѣка или животнаго непременно сдѣлались испраженія затрудненными и крайне болѣзненными, — желаемое можетъ осуществиться. Нашедшій цвѣтокъ папоротника, четырехлестный *trifolium* — находятъ легкій доступъ къ счастью. Ночные огни, блуждающіе по землѣ, предвѣщаютъ человѣку случай найти неожиданное счастье, или кладъ. Если въ порядкѣ брачныхъ пиршествъ и обрядовъ произошла неожиданная остановка, непредвидѣнное замѣшательство, — все это предвѣщаетъ несчастливую жизнь новобрачныхъ. Пролитое вино на скатерть символизируетъ приближающееся счастье, просыпанная соль — ссору, разладъ, непріятности. Ошибочное падѣваніе сапога правой ноги на лѣвую ногу, или лѣвой на правую — предвѣщаетъ какую-либо неудачу въ дѣлахъ того дня. Паденіе иконы въ домѣ безъ видимой причины предвѣщаетъ великое семейное несчастье. Громкій трескъ дровъ въ затопленной печи и угли, выскакиваю-

щѣ далеко на полѣ, обѣщаютъ наѣздъ неожиданныхъ гостей въ домъ. Умывающаяся лапкой кошка направлеиѣмъ хвоста въ это время показываетъ сторону, откуда несомнѣнно должны быть гости. Ртуть и родильная сорочка, носимыя на грудномъ крестикѣ, избавляютъ человѣка отъ всякаго зла. Скоропостижно умершаго, утопшаго, задавившагося, убитаго молніей, угорѣвшаго, впаившаго въ обморокъ, подвергшагося судорогамъ куростровскій крестьянинъ никогда не позволитъ положить на полъ, а тѣмъ болѣе на землю, потому что земля можетъ принять душу человѣка въ скорѣйшемъ времени, и тогда страждущему не будетъ полезна никакая помощь. Получая заработки, куростровскій мужичекъ иногда осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы взятыя деньги прочнѣе оставались въ его рукахъ. Чтобы кони не теряли бѣгъ въ весеннюю пору, какъ говорится— не *вешняли*, въ Георгіевъ день крестьяне обливаютъ коней рѣчною водою трижды подъ рядъ и рано утромъ, въ разсвѣтъ. Въ вербное воскресенье вербами стегаютъ во дворахъ скотъ для отгнанія отъ него всякой нечисти, и нѣкоторые къ рогатому скоту для той же цѣли привязываютъ воскъ отъ свѣчъ, употребляемыхъ при богослуженіяхъ страстной и пасхальной недѣли. Въ Пасху принесшій изъ церкви домой незагашенную свѣчу приносятъ и счастье въ жизни. Если подъ подушку кровати положить таракана, листы березы, гребень или иное что-либо въ святочные дни,— все, чего человѣкъ не захочетъ видѣть,— онъ увидитъ во снѣ, когда положенныя подъ подушку вещи пролежатъ подъ нею всю ночь. Самое вѣрное предсказаніе будущаго счастья, по убѣжденію куростровскихъ бабъ,— получается чрезъ выслушиваніе въ полночи святочнаго времени — непременно у скважины церковнаго замка, такъ какъ бесѣды духовъ о счастиіи человѣческомъ и о судьбѣ человѣческой совершаются въ мѣстахъ почему-либо священныхъ и притомъ тайно: услышать бесѣду духовъ возможно лишь чрезъ скважины церковнаго зданія, лучше чрезъ дверной замокъ, особенно вѣрно передающій произносимое по секрету. Дверные замки вообще, по убѣжденію крестьянъ, имѣютъ

какую-то будто бы силу въ святочные дни предвозвѣщать что либо таинственное въ жизни человѣческой. При погребенія покойника куростровскіе крестьяне ничуть не дозволяютъ кинуть въ могилу голыми руками, а не лопатою, или инымъ чѣмъ либо, — хотя бы и небольшой комокъ земли; основанія такому запрещенію находятся въ чрезмѣрномъ пристрастіи простаго народа къ церковной и домашней обрядности, въ силу чего даже обыкновенное орудіе землекопа — лопата, дѣлается священной вещью при погребенія умершаго. Та невѣста, которая сильно плачетъ на заплачкахъ, — будетъ жить счастливо; поэтому невѣсты въ Куростровѣ чаще на дѣвичникахъ кричатъ подобно громко плачущимъ, а на самомъ дѣлѣ не имѣютъ и малѣйшаго расположенія плакать. Двое одновременно сказавшіе одно и то же, слово въ слово, безъ предварительнаго къ тому соглашенія между собою, видятъ въ этомъ предвѣстіе долголѣтія въ своей жизни. Когда у куростровскаго крестьянина почешется лѣвый глазъ, — значитъ можетъ приключиться скорая печаль, а если зачесется правый глазъ, — должно ожидать внезапной радости. Если почешется ладонь правой руки, — будутъ тою рукою получены деньги, а если почешешь ладонь лѣвой руки, — ожидай пустой траты денегъ. У кого звенитъ въ ухахъ, тотъ спрашиваетъ у другого: — «отгадай, въ которомъ ухѣ у меня звенитъ?» и если получить вѣрный отвѣтъ, то получить съ нимъ и возможность видѣть исполненіе перваго состоявшагося послѣ звона въ ухахъ намѣренія. Потеря и сильное поврежденіе обручальнаго кольца ведутъ къ разстройству брачной жизни носившаго порченное кольцо или потерявшаго кольцо. Лѣтомъ далѣе вечерняго заката солнца дѣвушки не позволяютъ себѣ пѣть пѣсенъ, почитая это великимъ грѣхомъ. Вечеромъ куростровскій крестьянинъ не зачнетъ рѣзать ломтей хлѣба изъ цѣльнаго каравая, чтобы не лишиться обилія урожая; такъ же точно крестьяне не позволяютъ себѣ положить каравай хлѣба нижнею коркою вверхъ, потому что въ этомъ заключается великій грѣхъ. Въ Куростровѣ никто не починаетъ одежды, одѣтой на себя, безъ того, чтобы не снять послѣдней, — въ против-

помъ случаѣ починающій одеждѣ можетъ повредить силѣ памяти. Въ хлѣбномъ амбарѣ, по мнѣнію жителей Курострова, нельзя грызть хлѣбныя зерна, чтобы отъ этого не увеличилось число мышей и крысъ въ амбарѣ. При выходѣ изъ одного дома въ другой, покидаемое мѣсто слѣдуетъ, въ послѣдній разъ вездѣ и тщательно осматрѣвъ, оставить, не оглядываясь назадъ, дабы не потерять своего счастья и не оставить его другому человѣку. Дѣти и возрастные, безъ цѣли и нужды копающіе въ землѣ яму или ямку, предвѣщаютъ этимъ покойника въ своемъ близкомъ родствѣ. Куростровскіе крестьяне избѣгаютъ пріобрѣтать чистой черной масти коровъ и коровъ всякихъ мастей у владѣльцевъ-брунетовъ, такъ какъ черные люди и черныя коровы не счастливаютъ покупателя скота. Если въ домѣ заведутся черныя тараканы, то крестьянки стараются разводить и хранить ихъ, какъ существа, приносящія тому дому, въ которомъ они завелись, несомнѣнное счастье. Кто видѣлъ во снѣ мышей, тому въ дѣйствительности предстоитъ пріобрѣтеніе какой-нибудь выгоды, то же самое предвѣщаютъ видѣнные во снѣ пожары, несчастія, потери, лишенія и т. п. Кто къ чему особенно стремится, тотъ отъ того, по мнѣнію крестьянина, получить себѣ наибольшее зло или же и смерть. Куростровскіе крестьяне думаютъ, что пожары отъ молніи не слѣдуетъ тушить, такъ какъ они произошли по дѣйствію мпlosti Божіей, препятствовать коей вовсе нельзя. Во время грозы не должно смѣяться, говорить худыхъ словъ, чтобы не навлечь на себя бѣды отъ молніи. Когда топится печь, въ огонь ея нельзя плевать, такъ какъ можно сдѣлаться отъ этого морщинистымъ прежде времени. Дѣвушка и неженатому не должно садиться на порогѣ, такъ какъ не пріѣдутъ отъ этого къ нимъ сваты. Если изъ-подъ вѣнца повобрачныхъ выпадетъ платокъ шафера и повиснетъ, закрывъ лицо брачующагося, то такому предсказывается очень скорая, преждевременная смерть. На Ильинской недѣлѣ не слѣдуетъ купаться, чтобы не утонуть, понавъ въ руки водяному. Пробки отъ раскупоренныхъ бутылокъ съ виномъ не должны валяться на полу, чтобы наступив-

шіе на пихъ не стали горькими пьяницами; также точно неизбѣжно будетъ горькою пьяницею и тотъ, кто опоражниваетъ недопитыя рюмки вина. Вышедшій изъ за стола послѣднимъ на пиру получить какой нибудь подарокъ. Если живой человекъ ляжетъ въ гробъ, хотя бы и для шутки, — умереть тогда же или непремѣнно вскорѣ. Кто прочитаетъ всю Библию отъ начала до конца, тотъ рискуетъ попасть въ число упомянутыхъ. Мухъ, сильно размножающихся въ лѣтнюю пору въ жилыхъ помѣщеніяхъ, грѣшно истреблять, потому что отъ истребленія мухъ можетъ быть неурожай хлѣба. Если ребенокъ сильно беспокоится, плачетъ, не спитъ, необходимо обмыть всѣ скобы дверныя и водою отъ этого мытья выполоскать ребенка; — этимъ-же средствомъ въ Куростровѣ старухи-повитухи стараются успокаивать родильницъ и роженицъ, страдающихъ безсонницею и расстройствомъ организма. Многія женщины въ Куростровѣ не пьютъ чаю и кофе, почитая то и другое великимъ грѣхомъ. Куростровскій крестьянинъ вѣритъ, что если онъ будетъ вытирать руки и лицо въ столовую салфетку, у него непремѣнно будутъ болѣть лицо и руки. Въ теченіе великаго поста въ Куростровѣ ни въ одномъ домѣ не найти открытаго зеркала, потому что глядѣться въ великій постъ въ зеркало очень грѣшно; кто въ великій пятокъ и субботу страстной недѣли вбиваетъ гвозди, рубитъ топоромъ, бьетъ молотомъ, стучитъ молоткомъ, — тотъ распинаетъ Христа, подобно древнимъ Іудеямъ, распявшимъ Господа. Послѣ елеопомазанія въ Куростровѣ крестьяне не ходятъ въ баню и не сообщаются съ женами. Встрѣчу священника на дорогѣ куростровскіе жители почитаютъ доброю примѣтою къ исполненію начатаго предіріятія. Купленную корову не берутъ въ первый разъ за рога или за вязку голыми руками, не берутъ и купленнаго коня, и не глядятъ ихъ голыми руками, чтобы не зачахли и не исхудали въ новомъ помѣщеніи. Многіе крестьяне не полощутъ вечеромъ посуду, чтобы не вынести изъ дому счастье. Если въ скотскомъ хлѣву корова или лошадь безпокойны, крестьянинъ это безпокойство приписываетъ домовому дѣдушкѣ, и не смѣетъ

посмотрѣть скота, чтобы не оскорбить домового и по его злобѣ не потерпѣть въ скотѣ убытка. Когда шумная компанія вдругъ умолкнетъ и прекратитъ бесѣду, въ этотъ моментъ кто-нибудь родился на свѣтъ, ставъ членомъ великой семьи праотца Адама. Женщинѣ не слѣдуетъ ходить безъ пояса, а тѣмъ болѣе дѣвицѣ, чтобы этимъ не предвозвѣститъ самой себѣ незаконное рожденіе. Черезъ порогъ и на ступеняхъ лѣстницъ въ Куростровѣ крестьянинъ ни съ кѣмъ не поздоровается, чтобы не поссориться и съ тѣмъ, отъ кого слышитъ онъ привѣтствіе въ разговорѣ. Пустой дѣтской колыбели не слѣдуетъ качать, чтобы не умеръ, или не заболѣлъ ребенокъ. Куростровскія дѣвушки вѣрятъ, что если онѣ иснекутъ въ печи колобы, закопавъ въ нихъ частицу своихъ волосъ, и пошлютъ эти колобы молодымъ парнямъ, то парни, поѣвъ такого печенія, будутъ неизмѣнно любить дѣвицъ. Весною въ водоразливъ и осенью при замерзаніи, противъ того мѣста, гдѣ болѣе размѣромъ и числомъ стоятъ полынья, если имѣются въ близости деревни и дома, изъ тѣхъ деревень и домовъ въ болѣемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ количествѣ, будутъ въ томъ году выданы замужъ дѣвицы. Если въ святочный вечеръ дѣвушка кинетъ за ворота башмакъ или галошу вверхъ, — направление носка упавшей вещи покажетъ сторону, куда дѣвица выйдетъ замужъ. Когда нѣсколько дѣвицъ вздумаютъ гадать въ святки о томъ, кто изъ нихъ скорѣе выйдетъ замужъ, въ Куростровѣ въ полночь дѣвушки кладутъ кольца на полъ, берутъ сопнаго пѣтуха и заставляютъ его клевать насыпанныя зерна между кольцами: чье первое кольцо задѣнетъ носомъ пѣтуха, того владѣтельница первая изъ всѣхъ присутствующихъ выйдетъ замужъ. Чтобы узнать, какое имя будетъ у суженаго, дѣвушки спрашиваютъ по вечерамъ въ святки имена встрѣчныхъ и прохожихъ на улицѣ мужчинъ, предполагая въ этихъ отвѣтахъ найти истину. Если во время выѣзда изъ церкви повобрачныхъ ударятъ въ колоколь къ вечернему богослуженію, жизнь тѣхъ повобрачныхъ, по повѣртію куростровскихъ крестьянъ, не должна быть долговременна. Если въ святочные дни задумаетъ дѣвица видѣть бу-

душаго своего супруга, она беретъ стаканъ или чашку кофейной гущи, пристально и неподвижно глядитъ въ эту гущу, пока не появится въ послѣдней ясный человѣческій ликъ: — это и есть портретъ суженаго. Куростровскія крестьянки весьма глубоко убѣждены въ существованіи различныхъ оборотней, т. е. духовъ, принимающихъ образъ человѣка, животнаго или вещи; чтобы оборотень, обыкновенно скитающійся только по лѣсамъ, кладбищамъ и безлюднымъ мѣстамъ, не принесъ вреда доброму человѣку, крестьяне всякому встрѣчному на дорогѣ говорятъ: «путьемъ дорогою», работающему: «Божья помощь», приготавливающему хлѣбъ: «спорина въ квашню», скущему нитки говорятъ — «сто пасмъ на мотовило»; — подобныя привѣтствія имѣютъ то значеніе, что оборотень не имѣетъ силы нанести зла тому, кто скажетъ эти слова. Въ бытіе домовыхъ, лѣшнихъ, водяныхъ, банныхъ дѣдушекъ — жители Курострова вѣрятъ всѣ за малымъ исключеніемъ. Въ Куростровѣ нѣтъ колдуновъ и колдуній, признаваемыхъ въ народѣ за людей необыкновенныхъ. Хотя есть знахари и знахарки, но и эти личности находятся въ разрядѣ самыхъ обыкновенныхъ деревенскихъ врачей, умѣющихъ заговаривать болѣзни, растирать немощныхъ и старыхъ въ банѣ, умѣющихъ лѣчить болѣзни и изгонять недостатки домашнихъ животныхъ, словомъ — готовыхъ оказать всякому простую помощь, для болѣшей прибыли тщательно снабжаемую всякими выдумками суевѣрія. Въ недавнее время были въ Куростровѣ и настоящіе колдуны, но они всѣ, почти одновременно, подверглись народному преслѣдованію и оставили свое ремесло, боясь насильственной смерти. Среди такихъ колдуновъ были личности, будто бы умѣвшія — изъ трезваго человѣка дѣлать пьяницу, изъ пьяницы трезваго, изъ большого — здороваго и изъ цвѣтущаго здоровьемъ — разслабленнаго, — умѣвшія сводить и разводить любовныя пары, отыскивать воровъ, знавшія способъ легко обогатить и разорить крестьянина; — такіе колдуны по своей прихоти могли будто-бы извести изъ дворовъ обывателей скота, нанести разладъ семьѣ, испортить благопріятный ходъ чьихъ-либо дѣлъ, — они же могли

производить и общественныя бѣдствія, могли и отвращать ихъ. Теперь есть среди куростровскихъ крестьянъ одни лишь икотники, способные будто бы передавать свою болѣзнь другимъ, да недобрые люди, имѣющіе силу наводить тайными способами вредъ своимъ сосѣдямъ; но вредъ уже малозначительный, далеко не тотъ, что наводили въ былое время колдуны. Съ каждымъ годомъ въ Куростровѣ убываетъ значительное число знающихъ какіе-нибудь тайные способы заговариванія болѣзней, немочей, бѣдствій и т. д.—убываетъ потому, что если кто передаетъ другому какое-нибудь принадлежащее къ области колдовства, знахарства, чернокнижья, — умѣнье и знаніе, тотъ, по общему народному убѣжденію, уже теряетъ силу производить что-либо помощію переданныхъ другому познаній. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вѣдѣніемъ чернокнижныхъ тайнъ обладаютъ старики и старухи, а молодежь, мало имъ вѣрующая, является неспособною и малоспособною къ удержанію темной науки, — область чернокнижныхъ преданій все болѣе и болѣе сокращается; старики вымираютъ, — новыхъ зватоковъ колдовства не прибываетъ; различныя отрывочныя свѣдѣнія деревенскихъ знахарей и знахарокъ постепенно предаются искаженіямъ и забвенію. При расширеніи грамотности, каждый мужичекъ знаетъ уже пользу фельдшеровъ, докторовъ, акушерокъ, оспопрививателей; приходской священникъ напутствуетъ трудно больныхъ еще прежде, чѣмъ побывалъ при страждущемъ какой-нибудь лѣкарь; въ домахъ многихъ крестьянъ, вмѣсто полубезграмотныхъ записей на бумажныхъ «лоскутахъ» — обрывкахъ, появились полезныя для домашняго быта книги и газеты. Только раскольники, которыхъ въ Куростровѣ числится 7 человекъ, всецѣло преданные суевѣрію, остаются хранителями преданій сѣдой старины. Въ остальномъ все находится на дѣйствительномъ пути къ лучшему; — что это именно такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: Куростровъ всюду окруженъ раскольниками, и, несмотря на это, если взять во вниманіе даже все вышеприведенное касательно суевѣрія крестьянъ Ломоносовскаго сельскаго общества, то и въ этомъ случаѣ нельзя не сказать,

что куростровскіе крестьяне далеко не столько суевѣрны, какъ близкіе сосѣди ихъ по мѣсту жительства, у которыхъ чуть не каждый шагъ и движеніе снабжены суевѣрными примѣтами, предосторожностями, символизаціею и т. д.

Вглядываясь въ житейскій опытъ куростровскихъ крестьянъ, наблюдатель не найдетъ въ немъ выдающихся особенностей. Каждый ремесленникъ трудится, не выказывая въ себѣ особенной даровитости; можно замѣтить среди такихъ труженниковъ только выдающихся честностію и исполнительностію, — остальные же находятся въ разрядѣ мастеровъ средней руки. Наибольшимъ почетомъ пользуется въ Куростровѣ земледѣліе. Луга и поля, находящіеся во владѣніи крестьянъ Ломоносовскаго сельскаго общества, имѣютъ, по своимъ качествамъ, высшую цѣнность въ Холмогорскомъ округѣ; нерадивое отношеніе къ земледѣлію является для мѣстнаго крестьянина позоромъ, признакомъ лѣнивой и распутной жизни. Бѣдный, но не лѣнивый, — землепашецъ въ Куростровѣ числится на ряду съ хорошимъ ремесленникомъ, потому что такому пахарю зажиточные крестьяне всегда и съ удовольствіемъ довѣрятъ часть своей земли въ обработку, съ выдѣломъ за работу половины или трети полученнаго урожая. Промышленники изъ среды куростровскаго населенія смотрятъ на промыслы такъ же, какъ и на ремесла, т. е. занимаются промысломъ для восполненія доходовъ, полученныхъ отъ землевладѣнія. При такомъ отношеніи крестьянъ къ ремесламъ и промысламъ, очевидно не отыскать выдающихся знатоковъ ремесленнаго и промысловаго дѣла: сдѣлаютъ вещь хорошо и вполнѣ удовлетворительно, выполнять предпріятіе успѣшно и правильно, — но не сдѣлаютъ чего-либо подобнаго талантливо, чтобы дать другимъ образецъ усовершенствованія. Въ отношеніяхъ къ земледѣлію среди жителей Курострова замѣтно особенное стремленіе къ повѣйшимъ улучшениямъ его, и если бы не дороговизна сельскохозяйственныхъ орудій, то едва-ли бы кто отказался принять участіе въ пріобрѣтеніи вѣялки, ручной мельницы, плуга и бороны новѣйшей кон-

струкціи. Многіе полезныя совѣты изъ книгъ и газетъ по части сельскаго хозяйства куростровскіе крестьяне уже давно приложили къ дѣлу: примѣръ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, сначала бывшій поводомъ къ разговорамъ и удивленіямъ, теперь сталъ руководствомъ для дѣятельныхъ землепашцевъ средней руки, а отчасти и для бѣднѣйшихъ.

Описавъ характеръ и качества крестьянъ Ломоносовскаго сельскаго общества,—начну описывать и особенности ихъ «*говора*».

Куростровскіе крестьяне говорятъ языкомъ, содержащимъ въ себѣ менѣе особенностей, чѣмъ языкъ крестьянъ другихъ окружающихъ ихъ сельскихъ обществъ. Согласно порядку Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ, мѣстное нарѣчіе простонародія можетъ быть описано въ такомъ видѣ.

§ 1) Жители Курострова въ разговорѣ очень часто, даже постоянно, произносятъ букву *о* тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить *а*. Такъ, говорятъ: — Овдонъ, Олександръ, Оѳонасій, Олександра, Оѳонася, батюшко, Иванушко, батько, батенько, чертушко, дѣдушко, дятятко, зернетко (зернышко), котушко, сотейко, котенко, жонченко (уменьш. отъ женка), мужиченко, солдатѣнко, сватушко, мальчишко, матерьишко, сятечишко, лавченко, столбишко, домишко, амбаришко, банишко, дверишко, колпачишко, платчишко, огнишко, книжонко, бумаженко, горшишко, собаченко, столишко, стулишко, шапченко, Ондрейко, Ондреюшко, Пѣтрушко, Ѳедорушко, Олексѣюшко, Васильюшко, Митреюшко, колышко, жердишко, самоваришко, чертенко, ершишко, рыбешко, колесишко, дворишко, лошаденко, конишко, мужиченко, трактиришко, кабаченко, замченко, дѣвченко, Анюшонко, Олюшонко, Олексашко, тороканишко, воробьяшко, крыльчишко, козленко, овчишко, телушенко, быченко, клѣтишко, сторожишко, старушенко, парнишко, бабенко и т. д. Говорятъ — скочекъ, колоша;— вмѣсто давнехонько изрѣдка слышно въ раз-

говорѣ — довнехонько; можно слышать въ разговорѣ весьма часто: розборъ, розсуждать, розсужденіе, розсчитывать, розводить, роспускать, розносить, розвѣвать, розличать, розумѣть, по не услышать слова рѳзумъ вмѣсто рѳзумъ.

§ 2) Слова платить и плотить, то и другое одинаково употребительны, — посадить вмѣсто посадѣть можно услышать очень рѣдко.

§ 3) Замороживать и замораживать, зарабатывать и зарабатывать, упавоживать и упаваживать, уничтоживать и уничтожить, укорочивать и укорачивать, измолочивать и измолачивать, заколочивать и заколачивать, — произносятся одинаково общепотребительно.

§ 4) Орѣхъ и арѣхъ, парходъ и параходъ, паромъ и порѳмъ, залатѳй и золотѳй, корабль и карѳпъ, тварѳгъ и творѳгъ, хороводъ и хараводъ, паровозъ и паравозъ, казармы и хозармы, палитура и политура, самоваръ и самаваръ; въ Куростровѣ непременно говорятъ — доброго, прямого, кривого, многого, малого, одного.

§ 5) Случаи замѣны буквы *o* звукомъ *y* въ говорѣ куростровскихъ жителей очень рѣдки: мнѣ пришлось слышать только слова: укунись вмѣсто окунись, укушко вмѣсто окошко, угурцы вмѣсто огурцы, булѣтъ вмѣсто болѣтъ, булѣсть вмѣсто болѣзнь.

§ 6) Шшока, дошшочка, зашшолка, крошонина (крошенка), топерь и таперь; совонне.

§ 7) Чѣшетца, твоѣйный, подѣнщикъ, подѣвка, подѣржка, надѣжа, одѣжа, отвѣрнѣуть, навѣрнуть, свѣрнуть, свѣрло, малѣвать, шпаклѣвать, клѣвать.

§ 8) Вѣдро, вѣршѳкъ, слѣза, сгрѣбать, гѳрѣ, лѣжѣть, лѣтѣть, крѣхтѣть, ѣдѣшь, понимаѣмъ, поднимѣмъ, полѣмъ, пѣшнѣю, довольнѣ, будѣ, достатѳчнѣ, привольнѣ, разгульнѣ, дозволительнѣ; свѣжае, черняе, быстрое, тепляе, привольняе, легчае, простяе, чистяе, бойчае, умняе, толстяе, длинныае, широчае, ближяе, громчае.

§ 9) Ношоно, вожоно.

§ 10) Тверёзый, цвёло, хлёбать, въёзжать, гнёзда, пёсо́къ, пёрсть, сёдло, желёзка, телёжка, переменный, молённая.

§ 11) Кожанный, ношанный, вожанный, слышанный; деньгъ, двугриванный; задрёгъ, трёсъ, головёшка.

§ 13) Миня, нильзя, сибя, потирять.

§ 14) Ёпхъ, ймя; произносятъ *e* вмѣсто *и* послѣ гласной буквы, напримѣръ, вм. напоивъ, яиць, — напоемши, яецъ, что впрочемъ услѣдить можно только изрѣдка.

§ 16) Давыдъ, прытча, опрычь, псалтырь.

§ 21) Букву *и* вмѣсто *ь* куростровскіе крестьяне употребляютъ мало, за исключеніемъ слова цвѣтокъ, рѣдко произносимаго вмѣсто цвѣтокъ, и словъ цидить, одяло—вмѣсто цѣдить, одѣяло; чаще всего можно слышать въ разговорѣ крестьянъ произношеніе звука *и* вмѣсто *ь* только въ концѣ словъ: говорятъ на конци, въ огороди, на гумни, на снопи.

§ 22) Кротчая и кротчай, тишая и тишай, быстрая и быстраяй, видняя и видняй, мельчая и мельчай, простяя и простяй, густая и густаяй; видяль, смотряль, присмиряль, темняеть, сыряеть.

§ 23) Петь, грезь, дедя, опеть, мечикъ, езыкъ, месной, светой, петакъ, чесы, шелунъ; считалсе, надѣялсе, молилсе, судилсе, бросилсе, удвоилсе, удалсе, купалсе.

§ 24) Бодрой, красной, видной, свирѣпой, находчивой, умной и т. д. Волчей, медвѣжей, человѣчей, осенней. Есть случаи произношенія *йй* какъ ой, напримѣръ, кроткой, короткой, бойкой, липкой, ранной, поздней, вчерашной, давнишной, крайной. Аркадей, Василей, Иоанникей, Антоней, Агапей, Авдей, Авксентей, Анатолей. Полагая, Лукея, Агнея, Евдокея.

§ 25) Гуляшъ, читашъ, пропадатъ, мотать, бывать, дергать, слушать, кушать, мѣшать; вмѣсто хозяева — говорятъ хозява.

§ 26) Почиташъ, уѣзжашъ; вмѣсто гармония—гармонь.

§ 27) Подымать, сымать; вмѣсто поднять говорятъ еще vzdынуть, подынуть; вмѣсто погибнуть — сгнцнуть, вмѣсто четверть говорятъ четь.

§ 28) Спорхнулъ, спыхнулъ, спрѣлъ, спарился; вмѣсто около говорятъ околъ, вмѣсто прямо — прямъ, вмѣсто кругомъ (чего либо) — кругъ, вмѣсто арестантъ говорятъ рестантъ, вмѣсто арестовать — рестовать, вмѣсто аграмантъ — грамантъ.

§ 29) Аржаной и оржаной, овторникъ, омшаникъ, артуть; хвартукъ, хвонарь. Вмѣсто рта, потолка, Леонидъ, Леонтій— говорятъ рота, потолка, Леванидъ, Левонтій, вмѣсто комодъ— камода.

§ 30) Гласные звуки въ концѣ словъ куростровскіе крестьяне почти постоянно растягиваютъ; наиболѣе въ этомъ случаѣ выдаются женщины, наименѣе мужчины.

§ 31) Букву *и* куростровскіе крестьяне по большей части произносятъ твердо безъ придыханія, подобно латинскому *g*, такъ что напримѣръ въ словахъ добраго, худого, слѣпого; чрезвычайно рѣдко употребляется в вмѣсто *г*— и еще рѣже двойное *о*: доброво, худово или доброо, худоо.

§ 32) Изрѣдка: ковда, товда. Вмѣсто: порогу, творогу, пирогу, нерѣдко слышио — пороку, твороку, пироку; вмѣсто картофель, срукъ, шагъ,—говорятъ картофъ, срохъ, шахъ; вм. кахикать — кахыкать.

§ 34) Трахмалить, трахтирь, нарихмахеръ; вмѣсто старикъ изрѣдка говорятъ старихъ.

§ 36) Эфтихъ, энтихъ, эфтогъ и энтотъ, эфти и энти; хвунтъ, хвартукъ, хто, хвонарь.

§ 37) Хъ телегѣ, хъ кузнецу, хъ чаю, хъ царю; гъ березѣ, гъ дереву, гъ горѣ, гъ желѣзу, гъ западнѣ.

§ 42) Послѣ *ц*—звуки *и*, *я*, *е* исключительно употребляютъ дѣвицы и молодыя женщины, а звуки *о*, *а*, *ы* — мужчины и пожилыя женщины.

§ 43) Чиганъ, отечъ, конечъ, мастерича, горчича, кольче, очепъ, чѣпочка; имѣются случаи произношенія *и* вмѣсто *ч*: напримѣръ: цѣртъ, четвертый, цетыре, цервь, поць, пецъ. Нельзя сказать, чтобы въ Куростровѣ говорящій *ц* вмѣсто *ч* и *ч* вмѣсто *ц*, — не произносилъ звуковъ *ц* и *ч*, какъ слѣдовало бы произносить.

§ 44) Послѣ буквъ *ж* и *ш* въ Куростровѣ всѣ почти произносятся буквы *ы*, *а*, *о*, *у*, звуковъ же *п*, *я*, *е*, *ю*—послѣ тѣхъ же *ж* и *ш*—никогда не употребляютъ. Въмѣсто *ж* изрѣдка говорятъ *з*: рогоза, порозный. Въмѣсто *моеть*, *воеть*, *кается*, *мается*, *читаетъ*, *пишетъ*—говорятъ *мое*, *вое*, *каецца*, *маецца*, *читае*, *пише*; вмѣсто *ж* употребляютъ и *жд*; *вм.* урожай, жница, вожакъ, говорятъ урождай, ждница, вождакъ. Бываетъ, что и вмѣсто *жд* скажутъ одно *ж*, напиримѣръ: вмѣсто *угождать*, *предупреждать*, *насаждать*, *всаждать*, *рождать* скажутъ — *угожать*, *предупрежать*, *насажать*, *всажать*, *рожать*.

§ 46) Свѣшша, ишшу; мучисся, лѣчисся, молисся.

§ 47) Кухшинъ и кукшинъ, скусный.

§ 48) Вѣкоуха, криуха, пѣунъ, пѣунья, короушка, голоушка, вмѣсто *кривлять* — говорятъ *кріулять*; бываетъ, что скажутъ *вухо*, *прибавутка*, *вутка*, т. е. прибавятъ къ буквѣ *у*—звукъ *о*.

§ 50) Бротъ, уротъ, хотъ, атъ, загъ, Нефеть, дѣтъ, зупъ, гупъ, бапъ, рапъ, ястрепъ, ворофъ, дворофъ, навось, расъ, тасъ, нисъ, ношъ, похощъ; вмѣсто *рокъ*, *друкъ*, произносятся и *рогъ* и *другъ* и *рохъ* и *друхъ*. Впрочемъ, очень часто слышно и правильное книжное произношеніе перечисленныхъ словъ.

§ 53) Харьчевня, первьый, молепствіе, лечебница, деревня, купца, рупъ, серпъ, зерькало, огородникъ, ротъственникъ, лехче, деревеньской, харьчъ, нѣмецкой, морьской;—часто говорятъ: *двиньской*, *коньской*, *церьковный*, *ковькой*, *ловьчивый* (*мастеръ ловить*), *лѣвыша*, *рѣдкой*, *тернькій*, *хрупькій*, *скропькой*, *мѣдникъ*, *обѣдня*, *черьнила*, *вѣнчикъ*, *юпки*, *дѣфьки*, *трафьки*, *жерьдь*, *комьки*, *скоромьной*, *думьскій*, *ямьской*, *земьской*, *наемьникъ*, *подьяремьникъ*, *ухватный*, *завѣтній*, *свѣтскій*, *огня*, *сомьпительный*, *дрогьни*, *согьні*, *Агьнея*, *Егьграфъ*, *угля*, *одни*, *ножьницы*, *сошьникъ*, *крошьки*, *ношьки*, *рошьки*, *морозный*, *навозьница*, *возьми*, *возьникъ*, *Козьмянъ*, *священникъ*, *стукьни*, *звякьни*, *мяхькій*, *лехькій*, *мокьни*, *Акъсяня*, *Авкъсентей*, *ступья*, *шепотья*, *конопля*, *вопль*, *Сосьнянъ*, *косьти*, *косьтъ*, *Касьпій*, *осьпа*, *картофъ*, *кофъ*, *Фплафъ*, *шарфъ*,

брофь, хърѣнь, Хърѣность, хърѣпельеть, верхь, хърюкать, крехь-тѣть, смѣхь, всихь, чихьнуть, вихьнуть, почька, мочька, бочька, вѣчьный, встрѣчьный, мрачьный, удачьный, прочьный, урочьный, брачьный, крошька, блошьки, врешь, борщь, хвощь; — вмѣсто молнѣя—мольнѣя. Словомъ въ Куростровѣ можно найти въ простонародной рѣчи смягченіе каждой согласной, а не только нѣкоторыхъ; впрочемъ это смягченіе идетъ на ряду и съ правильнымъ словопроизношеніемъ, не вытѣсняетъ послѣдняго до мишима.

§ 54) Ручей и ручай, языкѣа и языкѣа, жемчугъ, отдохъ, валежникъ, обухомъ, отъ ноги и отъ нѣги (sic), на коняхъ, каменья, верба, застава, отставка, поставка и поставка, найзворотъ и найзворотъ, навзничъ, простыня, молоченье, вставанье, средства, ворота, внучата и внучатѣа, ягнята, братья, платье, яиць, молодъ, легокъ, мягокъ, тѣсноѣ, чаща, скворода, денга, сосна, дѣвочка, въ рѣку, свинью, двѣ вѣрсты, деревень, косить, родить, родится, спитѣ, шалитѣ, ходитѣ, носитѣ, возитѣ, говоритѣ, кричитѣ, ѣдитѣ, придитѣ и придете, прядитѣ, кладитѣ, ѣкатѣ, вопитѣ, работѣтъ, положитѣ, предположитѣ, принестѣ и принестъ, осырѣтъ, нѣзвалъ, собралъ, погналъ, привѣдешъ, привѣдена, увѣзена, провѣдешъ, шелковый, прѣсноѣ, грязноѣ, мелкоѣ, ловкоѣ, жаркоѣ, рѣдкоѣ, тонокѣ, робкоѣ, толстоѣ, черствоѣ, суровоѣ, кажинный и кажинный, идуть, идѣтъ и идетъ, куритѣ, козырнуть, ужаснуться, кубырнуться, взявшѣся и взявшѣся, опасно, высоко, можно, темно, самоѣа, одноѣа и одноѣа, нѣ билъ, трѣ года и трѣ гѣа, двѣ дни, на зло, на корень, на колъ, на шесть, на печь, на зѣмь и на зѣмлю, лаптей, когтей и коктѣй, ѣаостоять. Эти же слова произносятся и съ правильнымъ удареніемъ.

§ 55) Въ разговорѣ женщинъ часто слышно особенное растяженіе послѣдняго гласнаго звука: твооѣа, мооѣа, ваашъ, наашъ, дѣлаа, дроваа, въ концѣе (вмѣсто въ концѣ), берии, мелюу, несуюу, везуюу, возишиъ, колеешъ.

§ 57) Моя лапотъ, хорошая студень, хорошая кофъ, вкусная картофъ; вмѣсто одня брюки — одняъ брюкъ, вмѣсто какой ты

недогадливый, Гаврила, Павелъ, Ванька, — говорятъ: како ты недогадливо Гашкó, Пашкó, Ванькó; вмѣсто молодья дѣвицы дряхлые старики говорятъ — молодое дѣвье, дряхлое старичье; вмѣсто длинные гвозди говорятъ — длинное гвоздѣ, вмѣсто солдаты, колья, жерди, мосты, говорятъ въ среднемъ родѣ: солдатѣ, кóльѣ, жердѣ, мостовѣ; вмѣсто бабы, шпилья—бабѣ, шилѣ въ ср. родѣ. Вмѣсто худой полишка, амбаришка, домишка, говорятъ: худое поленко, амбарिशко, домишко; вмѣсто слабая дверенка, избенка, собаченка говорятъ — слабое дверенко, избенко, собаченко.

§ 58) Съ того году, съ заводу, изъ воску, изъ рынку, съ потолка, безъ сну. Слово день въ родит. падежѣ ед. ч. говорятъ дни вмѣсто дня. Тамъ, гдѣ на концѣ словъ въ предложномъ падежѣ стоитъ ѣ, употребляютъ у, а гдѣ имѣется у,— тамъ употребляютъ ѣ — во лѣѣ, въ судѣ, въ углѣ, въ задѣ, на углѣ; на полкú, на гвоську, въ домú, на песку, въ песку, на чердаку; въ молоки, на молоки, на гвоздьки, на чердаки, на пески, въ тѣсти, въ тѣсноти, въ лѣси, назаду и назадѣ, впереду и впередѣ ¹⁾).

§ 59) Говорятъ—Холмогорá, Матигорá, приговорá, выгонá, поставá, остовá, татара, болгара, цыгана, вагана, верхотá (вм. верховцы) и т. д. Говорятъ и *ы* вмѣсто *а*, но очень рѣдко: по́ясы, по́вары. Князьѣ, кóльѣ, гвозьѣ, братья́, стульѣ, дверьѣ, оконьѣ, польѣ, мыльѣ, коробьѣ, печьѣ, шкапьѣ, говорятъ сватóвья, мужичьѣ, бабьѣ, дѣввьѣ, парнечьѣ, коровьѣ, кобыльѣ, сучьѣ, лопáтьѣ, котельѣ, метельѣ, домьѣ, ушатъѣ, кáдочьѣ, сковорóдьѣ, горшечьѣ, колесьѣ, плотовьѣ, бревеньѣ, садовьѣ, кустовьѣ, полóвьѣ, мостóвьѣ и т. д.

§ 60) Глазóвъ, солдáтовъ, сапоговъ, жеребенковъ, кобыленковъ, пріятелёвъ, рублѣвъ, пожевъ, кирпичевъ, углѣвъ; и обратно вмѣсто глупцовъ, концовъ, молодцовъ, мѣсяцевъ, дверей, магазиновъ, — говорятъ глушцей, молодцей, мѣсяцей, дверевъ, магазей; говорятъ—молодци, огурци, конци, ножици, а иногда и огурчи,

¹⁾ На огню, на камню, на углю—вмѣсто на огнѣ, камнѣ, углѣ.

кончи, пожнич и т. д. Рѣдко, и то возрастные мужчины употребляютъ творительный вмѣсто дательнаго, напримѣръ, за грибамъ, ступать ногамъ, гулять съ краснымъ дѣвушкамъ. Можно замѣтить употребленіе во множественномъ числѣ въ творительномъ падежѣ окончаніе *ма* вмѣсто окончанія *ми*; — рукама, ногама, троима, двоима, за людяма, за ногама, за двоима; трома и т. д. Очень рѣдко употребляютъ окончаніе *ими* вмѣсто окончанія *ами*: съ кошкима, съ палкима, съ дѣвкима. Вм. ахъ — яхъ: въ лухъ, въ головахъ, на мѣстяхъ, вмѣстяхъ (на концахъ).

§ 61) Матерь, дочерь, барышня, барыня, сударыня, ржа, церква. Близъ огородѣ, возлѣ деревнѣ. Въ горы, къ березы, къ воды, на горы. На озери, въ лужи, въ мори, въ концахъ и т. д. Вмѣсто сіюю, хотя и очень рѣдко, говорятъ сіломъ; также говорятъ на лошадѣ, въ грязѣ, къ лошадѣ, къ дочерѣ, на печѣ; вмѣсто тысячей, говорятъ иногда тысячю, чаще тышшею.

§ 63) Поварешковъ, чашковъ, ложковъ, книговъ; вм. воробьевъ—воробьей, вм. овецъ — овцей, птицей, свадьбей. Бремѣ и бремѣ, знаме и знамѣ; родительный падежъ отъ этихъ словъ бываетъ — бремя и бремени, знамя и знамени, дательный — бремю и бремени, знаю и знамени, внимительный какъ имен., творительный — бремемъ и бременемъ, знаемъ и знаменемъ, предложный — бреми и бремени, знами и знамени. Именит. множественнаго бремена и бременя, знамена и знамяна, родительный — бременъ и бременъ, знамень и знамень. Также склоняются имя и время.

§ 64) Кресловъ, прясловъ, селовъ, окновъ, дѣловъ.

§ 65) Картофель и кофе въ Куростровѣ находятся въ рядѣ именъ существительныхъ женскаго рода. Именительный падежъ единственнаго числа будетъ картофъ, кофъ и кофей; родительный — картофи, картофели, кофи, кофея; дательный, — картофю, картофелю, кофи, кофею; внимительный — какъ именительный; творительный — картофью, картофелью, кофью, кофеемъ; предложный — картофи, картофели, кофей, кофи. Во множественномъ числѣ: картофели, кофей, кофи; родительный: картофей,

кофей, кофеевъ, дательный: картофелямъ, картофямъ, кофямъ, кофейамъ; винительный какъ именительный; творительный: картофями, картофелями, кофями, кофeyми, предложный: картофеляхъ, кофяхъ, кофeyхъ, картофяхъ. Пальто въ единственномъ числѣ измѣняется въ языкѣ крестьянъ какъ слово сукно, бревно, окно и под.; во множественномъ числѣ пальто и съ нимъ слово грабли измѣняются: именительный падежъ: палта, грабли, грабѣла, родительный — палтѡвъ, палтъ, палтей, граблей, грабѣль, граблѣвъ, дательный: палтамъ, палтьмъ, грабѣламъ, граблямъ; винительный какъ именительный, творительный: палтами, палтьми, граблями, грабѣлами, предложный: палтахъ, палтьхъ, грабляхъ, грабѣлахъ; употребляютъ и пальты, палтъ.

§ 66) Очень часто въ Куростровѣ говорятъ: бѣло, красно, черно, хорошо; вмѣсто милая, хорошая — мила, хороша; вм. бодрые, свѣжіе — бѡдры, свѣжи, чисты, мѡкры.

§ 68) Изрѣдка въ говорѣ куростровскихъ крестьянъ можно замѣтить, что въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода вмѣсто окончанія *ой* употребляется иное, напри- мѣръ: вмѣсто у долгой жерди — у долгиа жерди, отъ молодое и отъ молодые; вмѣсто съ красной дѣвицей — съ красное дѣвицей.

§ 69) Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа прилагательныхъ всѣхъ родовъ въ окончаніи чаще употребляются *е* и *я*; говорятъ злые, добрые, красные, бѣглые, — говорятъ и злыя, добрыя, красныя, бѣглыя.

§ 71) Изрѣдка: съ добрымъ людямъ, подъ осиновымъ дровамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ. Очень часто говорятъ — со старыма горями, съ двумя глазами, подъ однама кровлями, за своима силами, за чужима плечами.

§ 73) Вмѣсто род. меня — мене, мя; вм. тебя — тобя, тя, те; вм. себя — собя, собе, ся, се; вм. мнѣ — менѣ, ми, минѣ; вм. тебѣ — тобѣ, тѣ, вмѣсто себѣ — собѣ.

§ 75) Въ ёмъ, въ пмъ; вм. имъ — ими, има, имя; съ ими, съ имя; вм. её — ю и ей; за её, у ей; за имъ, за ёмъ, за има.

§ 77) Всѣ, всѣхъ, всеми, всѣма, всемъ, всѣмѣ, самыхъ, самы, одны и однѣ, одныхъ и однѣхъ.

§ 78) Въ Куростровѣ говорятъ иногда — егонный, свейный (вм. свой); вмѣсто твой — твоейный; своенный, твойный.

§ 79) Вмѣсто двумя, тремя, четырьмя, восьмью, девятыю, десятию, двадцатию, тридцатию — въ Куростровѣ нѣкоторые скажутъ: двума, трема, четверыма, восьмерыма, семерыма, девятерыма, девятима, десятирыма и десятима, двадцатима, тридцатима.

§ 80) Кототъ, мостотъ, домотъ, парень-то, собаку-то, кошка-та, дѣвка-та, рыба-та, парни-ти, оконници-ти, рукавки-ти; вотъ-те, нуко-те, мужики-те, собаки-те, кошки-те, нукосе, ужоткосо, накосо, здравствуйкосо, проходикосо, какъ тѣ сказать, нукоте, подикоте, глядикоте, глядикосо, глянькосо; копейкитѣ, ужотѣ бука съѣсть; нуко, подико, дайко, двинько, суньсяко, — бабу-ту, Марфу-ту, колокольню-ту, паренѣтъ, конѣтъ. Всѣ показанныя приставки связываются съ каждымъ почти измѣненіемъ слова, напримѣръ, если просклонять съ приставками слово домъ, получится слѣдующее: и. е. домотъ, родительный дому-то, дома-то, дательный дому-то, винительный — что и именительный, творительный домоу-то, предложный домѣ-то. Множественнаго числа именительный падежъ: — домы-то, домы-те, домы-ти, домма-те, дома-ти, родительный — домовъ-то, дательный — домамъ-то, домамъ-те, винительный какъ именительный, творительный — домами-то, домами-ти, домами-те, предложный — о домахъ-то, о домахъ-ту, въ домахъ-те. Сверхъ этого очень употребительна въ языкѣ куростровскихъ крестьянъ приставка *отъ*: говорятъ — чайникотъ, ковшикотъ, мужичекотъ, стульчикотъ, вмѣсто стульчакъ-то, чайникъ-то, ковшикъ-то; пакетотъ вмѣсто пакетъ-то, узелотъ — вмѣсто узель-то; гвоздѣтъ, груздѣтъ — вмѣсто гвоздь-то, груздь-то; огонѣтъ, рототъ, пожаротъ — вмѣсто огонь-то, ротъ-то, пожаръ-то.

§ 81) Вмѣсто окончанія *тъ*, въ неопредѣленномъ наклоненіи очень часто употребляются окончанія *итъ* и *ятъ*: смотреть

и смотреть, стемнять, осѣрять; обманить, вѣнчать; вмѣсто под-
няль часто говорятъ вздычуль, възняль.

§ 82) Вмѣсто скачу, требую—скáкаю, требоваю; наймовать,
додаваю, недоставаетъ, содерживать, хвастывать, поправлять,
почеваю. Торгуивать, выплюивать, выключивать; вмѣсто воевы-
вать—воюивать. Замороживать, устроить, унавоживать, оспо-
ривать; но также утраивать, успокаивать, просрачивать.

§ 85) Ть, почти всегда опускается: идѣ, ведѣ, несѣ, видя,
катя; вмѣсто избѣгають, говорятъ—избѣгаю. Впрочемъ, на ряду
съ отбрасываніемъ окончанія *тз* въ 3-мъ лицѣ единственнаго
числа глагола, куростровскіе жители очень часто сохраняютъ въ
разговорѣ и окончаніе *тз*; произносятъ и пишутъ: слушаютъ,
рубятъ, носятъ, видятъ и т. д.

§ 87) Влекѣшь, влекѣмъ, пекѣшь, пекѣтъ, текѣмъ.

§ 89) Говорятъ нерѣдко печи, течи, жегчи, пекчи, текчи,
стерекчи, влекчій, ведтитъ, веститъ, придтитъ; — вмѣсто запрячь
говорятъ запрекчи.

§ 90) Вмѣсто висѣтъ, повиснуть, говорятъ вѣснуть, повѣс-
нуть, вѣсла, вѣсла.

§ 91) Часто говорятъ: разгонить, постелить, разостелить,
стелить, вмѣсто затереть, затерто, застлано, постлано — гово-
рятъ затрать, затрано, застелено, постелено; вмѣсто запри, ото-
при, подопри—говорятъ заперы, отперы, подперы.

§ 92) Почти постоянно говорятъ: убѣгъ, впрѣгъ, стрѣсь,
утрѣсь, запрѣгъ.

§ 93) Повел. накл.: уѣзжай, поѣзжай, ѣдь, уѣдь, поѣдь,
заѣдь, а иногда и ѣзжай.

§ 94) Куростровскіе жители часто говорятъ: я строился,
рубился, отрубился дровами, отстирался, стирался, возился, но-
сился, любился.

§ 95) Въ спряженіи глагола *смотреть* въ нарѣчій куро-
стровскихъ крестьянъ мною замѣчены такія особенности: на-
стоящее время, дѣйствительный залогъ: 1 лицо — смотрю, смо-
тряю, 2 лицо — смотришь, смотришь, смотришь, 3 лицо — смо-

тригъ, смотри, смотригъ; страдательный залогъ: 1 лицо смотрюсь, смотрюсь, 2 лицо — смотришься, смотришься, 3 лицо — смотрится, смотрится; мн. ч. — н. в. дѣйств. залогъ: — смотримъ, смотри́мъ, 2 лицо — смóтрите, смотрите́, смотрите, смóтрите; 3 л. — смотря́тъ, смотря, смотряю́тъ, смотряю. Страдательный залогъ: смотримся, смотримся; 2 лицо — смотрите́сь, смотрите́сь, смотрите́сь, смотрите́сь, 3 лицо — смотрите́ся, смотрите́ся. Прошедшее несовершенное дѣйств. залога: смотре́лъ, смотре́лъ, смотре́лъ; страдательный залогъ — смотре́лся, смотре́лся, смотре́лся, мн. ч. — смотре́ли, смотре́ли, смотре́ли; страд. залогъ: смотре́лся, смотре́лся, смотре́лся, смотре́лись, смотре́лись. Повелительное: смотри, смотри́й, смотрите, смотрите́, смотрите́сь, смотрите́сь. Вме́сто видишь — говорятъ вишь; вме́сто жру — говорятъ жору́, жрешь — жорёшь.

§ 96) Ед. ч. мн. множ.: мышё, крысё, коровё, хлѣбё, травё, медвѣжьё, коробовё, столовё, половё, жердьё, жеребё, кобылё, погребё, шкапё, дверьё, лапё, оконё, гребелё, гуменьё, домовё, деревеньё, бычё, бутылё, стекольё, бревеньё, тараканё, ножовё, сковородё, каменьё, ставеньё, дровеньё, кадочё, ушатё, печё, стропильё, клоповё, блошьё, книжьё, палочё, галочё, воронё, рѣшетё, лавочё, мостовё, мужичё, бабё, дѣвьё, парнечьё, башмачё, кулачё, телетьё, колесё, колечё, бумажё, тряпё, череньё, коченьё, блюдо, листовё, мѣшечё, ступеньё, заячё, собачё, пѣтушьё, чайчё, гребеньё, весельё, головеньё, стаканё, кирпичё и т. д. Вме́сто словъ: хламъ, ломъ, посуда, говорятъ хламё, ломё, посудё. Часто въ значеніи собирательномъ употребляютъ и такія слова, которыя въ книжной рѣчи обозначаютъ въ единственномъ числѣ одинъ предметъ, а во множественномъ нѣсколько такихъ предметовъ: напримѣръ, вме́сто того, чтобы сказать — уродились хлѣба, дешева стали огурцы, много вымерло зайцевъ, большіе барыши, говорятъ: уродился хлѣбъ, вымеръ заяцъ, большой барышъ, сталъ дешевъ огурецъ; онъ завелъ овчишко — вме́сто овецъ.

§ 97) Положилъ подъ пазухами, держу въ пазухахъ, живу

въ достаткахъ, пользуюсь удовольствиями, вижу во снахъ; вмѣсто словъ: въ изголовьи, утромъ, вечеромъ, въ полдень, вмѣстѣ, въ цѣлый день, говорятъ—въ изголовьяхъ, въ утряхъ, въ вечерахъ, въ полдняхъ, вмѣстяхъ, въ цѣлыхъ дняхъ.

§ 99) Вмѣсто винительнаго падежа именъ существительныхъ мужескаго рода изрѣдка употребляется родительный падежъ: на-примѣръ, — онъ нашолъ гриба. Вмѣсто нажился отъ скота—говорятъ нажился отъ скотины.

§ 100) Вмѣсто именительнаго падежа употребляютъ родительный въ такихъ выраженiяхъ, какъ: есть на свѣтѣ богатыхъ людей, есть у него денегъ, добра всякаго, есть у насъ рѣкъ, озеръ, лѣсу, пвняку, хворосту; есть всякаго народа, всякихъ людей, состоянiй.

§ 101) Вмѣсто творительнаго падежа употребляютъ предлогъ *изъ* съ родительнымъ; на-примѣръ: вмѣсто онъ красивъ собою, прiятень лицомъ, доступенъ въ разговорѣ, простъ при обращенiи, находчивъ по уму, часто говорятъ: онъ красивъ изъ себя, прiятень изъ лица, доступенъ изъ разговора, простъ изъ обращенiя, находчивъ изъ ума.

§ 102) Вмѣсто: благодаримъ васъ, благодарствуемъ, читаемъ книгу, играемъ въ карты, куримъ трубку, папирсы, говорятъ иногда: благодаримъ Вамъ, благодарствуйте, читаемъ въ книгу, играемъ картами, куримъ въ трубку, въ папирсы.

§ 103) Вмѣсто: въ тѣ дни, въ этомъ году, этой весною, въ прошломъ году, этой ночью, этой зимою, этимъ лѣтомъ, этой осенью, вечеромъ, утромъ, третьяго дня, — третьяго году назадъ — говорятъ: тѣхъ день, сѣ году, въ сегодушномъ году, сегодусь, о этой весны, этой весны, веснусь, о веснусь, лонись, лоньскаго году, вночесь, ночесь, о этой ночи, этой ночи, зимусь, о зимьсь, о этой зимы, лѣтось, лѣтусь, о этомъ лѣти, этого лѣта, осенесь, о этой осени, этой осени, вечѣрь, вечерусь, о вѣчери, вѣчера; въ утряхъ, утрѣсь, этого утра, ўтра; позавчера, позавчерась, позалонись; вмѣсто вчера, въ полудни, въ полночь, говорятъ вчерась, въ полднесь, въ полночесь.

§ 104) Предлогъ позá — вмѣсто того, чтобы соединять съ внимательнымъ падежемъ, соединяють съ именит., родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ и предложнымъ: такъ вмѣсто по зарѣку говорятъ: позарѣкѣ, позарѣкою, позарѣки, позарѣка; вмѣсто позаозеро — говорятъ: позаозеромъ, позаозерьѣ, позабзера, позабзеру и т. д. Прибавляютъ предлоги по и за тамъ, гдѣ ихъ и не надобно: напримѣръ, вмѣсто того, чтобы просто сказать — заочно, исподволь, попросту, по сердцу, по домашнему — говорятъ пѳзаочъ, позáисподволь, позáипросту, позáсердцу, позáдомашнему, вмѣсто — по своейскп, во свояси говорятъ позасвойски, позасвояси; вмѣсто за поясомъ, за плечами, за дверьми, за воротомъ, — говорятъ позáпоясь, позáплечи, позáдвери, позáворотъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: онъ стоитъ на дорогѣ, стоитъ въ сѣняхъ, стоитъ въ воротахъ — говорятъ: онъ стоитъ дорогою, сѣнями, воротами; вмѣсто того, чтобы сказать: въ этотъ вечеръ, въ этотъ полдень, въ это утро — говорятъ — вечерами, полднями, утрами, употребляя творительный падежъ множественнаго числа вмѣсто предлога въ съ указательнымъ мѣстоименіемъ.

§ 108) Мимо дворъ, домъ, озеро, дорогу; случалось слышать выраженія и мимо дорогѣ, возлѣ головѣ, стѣнѣ, доскѣ. Вмѣсто хозяинъ дома, наставникъ дѣтей, распорядитель имущества — въ Куростровѣ часто скажутъ: хозяинъ дому, наставникъ дѣтямъ, распорядитель имуществу; вмѣсто царь народа, отецъ міра — говорятъ царь народу, отецъ міру. Вмѣсто въ прошлый разъ, въ прошлое время говорятъ: онѳгдысь, оногдыся, оногдасъ, оногдася, — а намедни, намедни, намеднясь. — Вмѣсто словъ — когда то давно, — говорятъ когдыся еще, когдася, тогдыся, тогдысь, когдася, тогдысь, — зимою — озимѣсь. Предлогъ съ очень часто замѣняютъ предлогомъ о: вмѣсто: въ праздникъ, въ Пасху, въ Рождество, говорятъ о праздникѣ, о Паски, о Рождествіи. Предлогомъ о замѣняютъ часто предлоги около, близъ, возлѣ, недалеко отъ; такъ, о дорогу, о лѣсокъ, о пески — говорятъ вмѣсто близъ дороги, лѣска, песку, возлѣ дорогу, лѣсокъ, песку, около дороги, лѣска, песку, — недалеко отъ дороги, лѣска, песку и по самой

дорогѣ, лѣску; песку. Вмѣсто утромъ, близъ вечера—обѣ утро, обѣ вечеръ. Слово зачастую произносятся какъ взачастую; вмѣсто придти изъ школы говорятъ придти со школы.

§ 110) Изрѣдка въ языкѣ Куростровскихъ крестьянъ употребляются сравнительныя степени и отъ такихъ прилагательныхъ, которыя не могутъ образовать ихъ въ книжномъ языкѣ: напримѣръ отъ прилагательныхъ — заморскій, американскій, машинный, деревенскій, производятъ слова: заморстѣе, самый заморскій, американистѣе, самый американскій, машинистѣе, деревенстѣе, самый машинистый, самый деревенскій. По временамъ, для усиленія рѣчи, крестьяне выражаютъ степени сравненія съ особымъ удареніемъ прилагательнаго: вмѣсто громаднѣйшій, очень красный, синій, сильный, рѣдкій говорятъ — громадный, кррасный, ссиній, ссилный, ррѣдкій. Употребляются и особенныя слова для выраженія сравненій; такъ вмѣсто самый маленькій, говорятъ—малехтинный, малюхтенный, малехонкій, малехонный, малехой, малешенный, малехный; вмѣсто очень скупой, злой говорятъ скупащій, злящій, скупанный, злянный, злющій, злѣющій, скупающій; вмѣсто очень добрый — добрѣющій; вмѣсто очень скорый, бойкій—скорѣющій, бойчающій; вмѣсто очень тонкій—говорятъ—тонехонный, тонѣющій, тонехонкій, тончаный; вмѣсто очень худой — говорятъ — худерянный, худерящій, худенный, худѣющій, худѣнный.

§ 111) Пришли сто человекъ, пришло сотня человекъ, пришла сотня человекъ, пришли сотня человекъ; когда же къ имени числительному прилагается мѣстоименіе весь, или какое нибудь прилагательное, напримѣръ цѣлый, полный,—тогда прилагаемое мѣстоименіе или прилагательное Куростровскими жителями весьма часто произносится въ женскомъ родѣ. Такъ напримѣръ: пришла вся пятьдесятъ мужиковъ — говорятъ вмѣсто пришли всѣ пятьдесятъ мужиковъ; вмѣсто выраженія: вотъ и всѣ три, четыре, пять, десять, тысяча и т. д. человекъ—говорятъ: вотъ и вся три, четыре, пять, десять, тысяча и т. д. человекъ. Вмѣсто три человека — говорятъ иногда трое человекъ, вмѣсто два рѣшета —

говорять — двое рѣшотъ, двое рѣшетевъ, вмѣсто четыре полѣна — скажутъ четыре полѣнъ, четверо полѣнъ, четыре полѣньевъ, четверо полѣньевъ; вмѣсто десять головъ, семеро дѣтей, восемь лѣтъ — говорятъ десятеро головъ, семь дѣтокъ, восемна лѣтъ. Десятокъ именуютъ перѣдко въ женскомъ родѣ съ окончаніемъ *a*: десятка рублей, десятка фунтовъ, вмѣсто десятокъ рублей, десятокъ фунтовъ; такъ же точно и вмѣсто два, три десятка говорятъ — двадцатка, тридцатка, придавая этимъ числительнымъ значеніе, подобное значенію собирательныхъ именъ существительныхъ.

§ 112) Въ Куростровѣ одинаково общеупотребительно въ разговорѣ крестьянъ: два хорошіе мальчика и два хорошихъ мальчика.

§ 113) Вмѣсто два-три раза часто говорятъ два, три разъ; вмѣсто два рубля, три дня, четыре дня — говорятъ два рубли, три дни, четыре дни.

§ 114) Вмѣсто двое воротъ, три двери въ Куростровѣ говорятъ и двой ворота, трой двери, и трое дверей, и трос дверей, вмѣсто семь верстъ — семица, семерка, седмица верстъ.

§ 116) Вмѣсто личнаго оборота изрѣдка употребителенъ въ крестьянскомъ говорѣ и безличный: такъ, вмѣсто — онъ уѣхалъ; они еще не легли; другой годъ, какъ мы разошлись; они ночевали у сосѣдей, тутъ проходили волки, онъ уже вышилъ, отецъ женился, у сына былъ сговоръ, въ четвергъ производили торгъ, они помолились въ церкви, я помѣстилъ сѣстное въ погребъ — говорятъ: у него уѣхано, у нихъ еще не ляженось; другой годъ, какъ у насъ разожденось; у нихъ ночеванось въ сосѣдяхъ; тутъ прохodenось волками, у него уже выпито, у отца жененось, у сына сговоренось, въ четвергъ торгованось, у нихъ помоленось въ церкви, у меня въ погребу складенось.

§ 117) Вмѣсто онъ уѣхалъ, пришелъ, изрѣдка говорятъ онъ уѣхавши, пришедши, уѣхадчи, пришедчи; вмѣсто мостъ сломался, дѣти учились, желѣзо погнулось — говорятъ ипогда — мостъ сло-

мавшись, дѣти учившись, желѣзо погнувшись, а также и мость сломавши, дѣти учивши, желѣзо погнувши.

§ 119) Дѣепричастіе на учи употребляется жителями Курострова иногда и въ такихъ выраженіяхъ, какъ напримѣръ: они услышали меня по ступенямъ *идуши*. Можно между прочимъ слышать, хотя изрѣдка, и такія выраженія, какъ: я выѣхалъ уже закатившись солнцу, я приѣхалъ еще не отошедши обѣднѣ, меня забрали въ солдаты, когда еще не былъ отецъ умерши, а сестрѣ моей исполнившись двѣнадцать лѣтъ. Мужикъ скончался приѣхавшу (sic) становому.

§ 120) Очень часто Куростровскіе крестьяне въ разговорѣ употребляютъ одно отрицаніе вмѣсто двухъ: вмѣсто никто ему не велѣлъ, никто его не толкалъ, ничего ему не сдѣлается — говорятъ почти всегда: никто ему велѣлъ, ништо ему и здѣтса, никто его толкалъ. Вмѣсто никто, никакой — постоянно почти говорятъ некто, некакой, не прочто-за что, не пошто зашто.

§ 121) Постоянно въ бесѣдѣ Куростровскаго крестьянина можно найти и услышать множество такихъ словъ и частицъ, которыя опредѣленнаго значенія не имѣютъ, но служатъ все-таки для усиленія или прикрасы рѣчи. Такими частицами являются: ино, какъ тебѣ, молчи, ко, се, ста, де, молъ, бишь, кесь, касъ, ту, то, те, тка, тко, кп, ка, инда, ажно, альне. — Говорятъ на-примѣръ: *Ино* и врешь ты! *Чтойно* васъ нейметъ? Ты, *какъ тебѣ*, оповѣсти меня! *Молчи*, что я тебѣ скажу, слушай! *Ну да* вотъ тебя *тутотки* спросили!.. *Суньсеко*, братецъ! *ужотко* я тебя! Такъ *де молъ* ты *миѣка* говоришь! Какъ *бишь* тебя величать-то? Вотъ-то горе-*то* *миѣка*! *Наткесь* тебѣ! *Нукосе!* *подикосе!* *подисе* суды то! *Ту-ту* саму *ту* старуху задавили! *Подикосе* да говорикосе! *Пожалуста* посуди: *мужиките* и *бабыте* поняче совѣмъ-*то* избаловался! *Волочатся* они! *Ну, какъ тебѣ*, да все-*то* съ другъ со дружкою-*ту*.

Уменьшительныя отъ именъ собственныхъ въ Куростровѣ употребительны: Авдейко, Абрамко, Андрияшка, Олекса, Олька (отъ Александръ), Сашка, Савька, Олешка, Андриюшка, Анд-

рейко, Микитка, Антонко, Ооонька, Васька, Володька, Владька, Владимірко, Гаврилко, Гашко, Ганька (то же, что Гаврилко), Егорша, Егорко, Гришка, Гришкó, Гринька, Демьяшка, Данилко, Мятько, Дениско, Евлашка (отъ Евлампій), Ефимко (отъ Евфимій), Омельяно, Ермилко, Игнашка, Илейка, Ильюшка, Родька (отъ Иродіонъ), Яха, Яшка, Еремка, Еремійко (отъ Еремій), Ванькó; Оська, Костюшка, Кузька, Макарко, Максимко, Матюшка (отъ Матѳеѳ), Мишка, Мишкó, Микифорко, Миколша, Миколка, Пашкó, Пашка, Петрухо, Петрушка, Платошка, Платоха, Прошка, Пронька (отъ Прокопій), Саватейко (отъ Савватій), Севасьяшко, Севирька, Серега, Серьгуха, Сережка, Селяванко, Сенька, Степша, Спирька, Тереха, Тимоха, Трошка, Фялька (отъ Филиппъ), Ѳедосейко; Окулька, Олюха, Олька (отъ Ольга), Олексаха, Олексуха, Сашка, Настуха, Аняска, Ооонаска, Варуха, Дашка (Дарія), Евдокійка, Дунька, Офимка, Катюха, Катька, Оленка, Прайдка, Уляшка, Уляха, Устпха, Капка, Лукейка, Маха, Машка, Машуха, Маршуха, Матреха, Надежка, Натаха, Павлуха, Полька, Полюха, Танька, Крестюха, Ѳеклуха, Ѳедорка, Ѳедосейка.

Жителей гор. Архангельска въ Куростровѣ именуяють Архангелогородами, жителей Холмогоръ — Колмогóрами, жителей села Залывья — Залывчанами, жителей Матигоръ — Матигóрами; жителей селъ Быстрокурья, Ровдины, Ухтострова, Курья называютъ Быстрокурами, Ровдогорами, Ухтостровами, Курьянами; жителей деревни Залъсья — Залъшанами. Въ Куростровѣ есть деревня по имени Гундыревская, — это имя образовалось отъ слова *солдырь* и представляетъ собою одинъ изъ видовъ словоизмѣненія. Гундыревская деревня дѣйствительно расположена на небольшой круглой возвышенности, похожей на волдырь; въ Куростровѣ — *солдырь* произносятъ — булдырь; поэтому и деревня Гундыревская въ недавнее еще время именовалась Булдыревская.

Пѣсни.

Общепотребительными пѣснями, которыми въ часы работъ, въ часы веселья и досуга крестьяне стараются занять свою свободную мысль, служатъ многія пѣсни, заимствованныя изъ литературныхъ поэтическихъ произведеній, и пѣсни составленныя собственно крестьянами. Такъ,—въ Куростровѣ поютъ «Катеринушку»,—отрывокъ изъ произведенія Некрасова Коробейники, «Сяду я за столъ да подумаю» — стихотвореніе Кольцова, «Разъ въ Крещенскій вечерокъ» — Пушкина, казачью колыбельную пѣсню «Спи младенецъ мой прекрасный», «Что затуманилась зоренька ясная», «Возлѣ рѣчку, возлѣ мостыкъ»; «Запрягу я коня, коня быстро»; Я вечеръ въ лугахъ гуляла; Внизъ по матушкѣ по Волгѣ; Вдоль по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ; По улицѣ мостовой; Стрѣлокъ: Я хочу вамъ рассказать; Ахъ ты береза! Солнце скрылось за горою; Лучинушка, лучинушка березовая! Во лужяхъ! Какъ по морю; Ахъ вы сѣни мои сѣни! Запрягу я тройку борзыхъ. Гляжу я безмолвно на черную шаль! Что ты жадно глядишь на дорогу? Отъѣзжаетъ мой миленькій во дороженьку. — Вдоль по улицѣ метелица мететь. Вечеръ поздно изъ лѣсочка я коровъ домой гнала! Спрятался мѣсяцъ за тучку. Всѣ поименованные пѣсни, встрѣчаются почти повсюду въ общедоступныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ, собственно же Куростровскими крестьянами составлены:—Какъ во нашей во деревнѣ, Милыя подруженьки счастья у васъ много; Ты шкатулка, шкатулка моя; Я посеяла горохъ; Ужъ ты дѣвица красавица, собиралися ребятушки; Верба, верба, вербочка; Черезъ поле у сосѣда собрана была бесѣда; Я сидѣла за цвѣтами; Къ воротамъ пріѣхалъ парень; Пошли дѣвушки въ лѣсъ по ягоды; Зимушка, зима. Затопила въ банѣ нечъ; Мы состроимте палаты; Я куда съ горя дѣваюся; Сегодняшній день скучно; Несчастный родился; Отъ-

Ѣзжаетъ мленькій; Я спала не слышала; Я посюю молода младенька; Когда я малъ былъ, горя не видалъ; Я нигдѣ дружка не вижу; Раздуй, развѣй погодушка; Не за рѣченькой дѣвушка гуляла; Намъ не для чего въ люди торопиться; Спала млада высыпалась; Когда я жилъ, мальчикъ, на волѣ; За рѣченькой за быстрою; Не бѣги, не бѣги; Никто судьбы моей не знаетъ; Кругомъ я такъ осиротѣла; Прощай жизнь, радость моя; Откуда выскочилъ милой; Какъ сказали не грозень, хитерь, мудерь; Ты рѣчка-ли моя рѣченька; Свѣчки фонтанки подтаяли; Во теремѣ гусли лежали; Ужъ вы дѣвушки дѣвушки; Еще долго соколъ не бывалъ, Не долгу мнѣ ночку на столікѣ лежать; Отставала лебедушка; Готовы гусли были; Что во городѣ Архангельскѣ; У князя, князя; Сборы вы сборы — и другія. Кромѣ этихъ сложились пѣсни въ видѣ передѣлокъ, уже давно извѣстныхъ литературѣ народныхъ произведеній. Таковы пѣсни: Выйдуль я на рѣченьку, По Дону гуляетъ; Вдоль по улицѣ мостовой; Цвѣли цвѣтики да поблекли; Заныло сердечко въ разлукѣ-тоскѣ; Зачѣмъ ты, безумная, губяшь? Не бѣги, не бѣги! На горѣ-то калина! Вотъ полное содержаніе нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ пѣсенъ куростровскаго населенія:

1. Хороводная.

Заныло сердечко въ разлукѣ тоскѣ,
 Дарилъ миль колечко мнѣ съ правой руки;
 Кольцо распаялось: — не быть мнѣ за нимъ,
 А и ты, другъ любезный, не придешь ко мнѣ.
 Миль въ очи не взглянешь, руки не пожмешь,
 Закроюсь я шалью и выйду тайкомъ, —
 Мнѣ мѣсяць покажетъ дорожку къ нему,
 И, вѣрю, не скажетъ про то никому.
 Съ милымъ повидаться — два слова сказать: —
 Одно слово тайно, другое въ тиши:
 А и ты, другъ любезный, зайди вечеркомъ,
 Не поздно ни рано, — часу во второмъ.

2. Плясовая.

Ты шкатулка, шкатулка моя,
 Серебряна позолоченая,
 Сверху мѣдью околоченая!
 Я давно у той шкатулки не была,
 Цвѣтнаго платья не нашивала,
 Серебра я не ворóхивала.
 Потеряла трои золоты ключи,
 Что со розовою ленточкою.
 Если кто-бы эти ключики нашель,
 За того бы я въ замужество пошла!..
 Вотъ Иванъ, хотя и малъ, да удалъ,
 Черезъ семеры дощечки проскакаль!
 Черезъ семеры дощечки проскакаль,
 У сибирки праву полу оторвалъ.
 Какъ Иванъ остался бѣзъ полы, полбъ,
 Да еще и Марья бѣзъ хвалы, хвалы.
 Далеко Иванъ за горкою,— горой,
 Да и Марья не угналась за хвалою.

3. Свадебная.

Свѣчечки вощатыя подтаяли,—
 Служки, подружки, сестрицы мои,
 Дѣвушки пригожія со госьюшками,
 Вы гасите огонечки да ложитесь спать.
 Миѣ то молоденькой во всю почку не дремать,
 Все милаго, суженаго Александра съ пиру ждать,
 Съ пиру ждать, дожидаться Васильевича.
 Какъ въ полуночномъ часу
 Стучить кто-то у воротъ,

Стукъ! брякъ! — брякнуло колечко серебряное!
 Дрогнуло сердечушко ретивое мое.
 Ужь какъ брала наша Аинушка
 Подсвѣчникъ со стола,
 Брала наша Алексѣвна воску яраго свѣчу.
 Пошла Аинушка ворота отпирать,
 Пошла Алексѣвна суженаго встрѣчать.
 Отворивши воротечки поклонилась до пизу,
 «Здравствуй, суженый мой милый,
 Гдѣ ты былъ, гдѣ ночеваль?»
 «Я у тещюшка былъ ласковаго,
 Былъ я у тещеньки пріятливой».
 «Что же тебя, суженый тещь мой подарилъ?»
 «Тещюшка мнѣ дарствуетъ стоиломъ съ копей»,
 Тещенька дарить мнѣ свою дочку милую,
 Шурины несутъ дары мнѣ пивомъ и виномъ,
 Милыя сестрицы дарятъ тонкимъ полотномъ».

4. Плясовая.

Къ воротамъ пріѣхалъ баришъ молодой,
 Говорилъ: «напой, красавица водой».
 Онъ, напившись, крѣико ручку ей пожалъ;
 При народѣ называлъ ее сестрою,
 Безъ народа же подруженькой своей.
 «Ужь ты, дѣвица, душа!
 Полюби, радость, меня.
 По любви возьму я замужъ за себя!»
 Два молодчика о дѣвушкѣ тужать:
 «Не крушитесь молодчики о мнѣ,
 Не тужите: — за васъ замужъ не пойду!
 Потому что мнѣ не длі чого идти,
 А за милаго не хочешь да пойдешь».

Пѣсенъ, которыя Куростровскіе крестьяне считаютъ наилучшими, можно насчитать до трехъ десятковъ; остальные же имѣютъ или безсвязный наборъ словъ, или же не законченныя мысли¹⁾.

(Сообщеніе А. Н. Грандилевскаго).

52. *Вятской губерніи, Нолинскаго уѣзда, село Колобово.* Авторъ сообщенія — учительница Колобовскаго земскаго училища, уроженка села Зыкова Нолинскаго уѣзда.

Гласныя: § 1. Олексанъ, Олексанко вм. Александръ; Олексѣй, Ографена, Оксинья, Окулина, Ондрей, Онтонъ вм. Алексѣй, Аграфена, Аксинья, Акулина, Андрей, Антонъ. Батюшко, батенько, Иванушко; лѣдюшка, дѣдя, дѣдюшъ вм. дядя; дѣтетко; бажоное дитетко (ласкательное выраженіе). Стоханъ вм. стаканъ, олтарь вм. алтарь, корманъ вм. карманъ, торелка вм. тарелка, ломпадка вм. лампадка, картина вм. картинна, корета вм. карета, копуста вм. капуста, кортофели вм. картофель, онбаръ. Розговоръ, розбирать, розвозить, розсылать, росчетъ, роспахать, розсѣять. Работа вм. работа; робѣтать, роботникъ вм. работать, работникъ. § 3. Замораживать, зароботывать, подздаривать, уваживать; унистожѣть или уништожѣть вм. уничтожать. (Впрочемъ, слово это встрѣчается очень рѣдко). § 4. Карзинка вм. корзинка, раждаться, полагать, тавариць, манахъ вм. монахъ, монастырь, подомаръ вм. пономарь, хараводъ вм. хороходъ. Слабода вм. слобода, каранъ (корабль), кокушка, тварогъ вм. творогъ. Начевѣть вм. ночевать. Доброва, слѣпова, худова, краснова, бѣлова. Вм. рама говорятъ «ряма». § 5. Вм. окунусь говорятъ укунусь, а чаще обканусь. Въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ «о» нѣсколько походитъ на «у». Такія слова: воля, его, Господь, Христось. Но такъ говорятъ только нѣкоторые. Вообще, такое произношеніе встрѣчается рѣдко. § 6. Говорятъ: ошшо

1) Всего записано г. Грандилевскимъ 32 пѣсни; ограничиваемся четырьмя приведенными.

вм. еще, два вм. едва; Омелянъ, Омеля вм. Емельянъ, Олёна
 вм. Елена; Опросинья, Опрося вм. Евфросинья; Овдотья, Овдо-
 кѣя, Овдотя вм. Евдокія. Робенокъ, робята вм. ребенокъ, ребята;
 топерь или таперь вм. теперь; часто говорятъ: топеря, тапереча.
 Мѣсто держать говорятъ доржать, вм. задержать задоржать, вм.
 сегодня—соводни, вм. шей (отъ слова шить)—шой [NB, ср. § 29].
 Мѣсто «ё» говорятъ иногда «о»; напр. жгѣтся вм. жгѣтся, запря-
 гомъ, текотъ, пекогъ, ляготъ вм. ляжетъ, береготъ, стереготъ,
 ткотъ. Наоборотъ: вм. «о» -- «е»: поденье вм. одонье. § 7. Мѣсто
 «е» употребляется «ё» въ слѣдующихъ словахъ: задѣржка вм.
 задержка, крѣстъ вм. крестъ (чаще всего говорятъ: крѣсъ), о
 ней вм. о пей, со всѣй вм. со всею, твоей вм. твоею, ей вм. ей,
 чѣшетца вм. чешется. Иногда встрѣчается слово: ейный. Покой-
 ничекъ вм. покойничекъ, прибыточень вм. прибыточенъ, нянѣкъ
 вм. нянекъ, денѣгъ вм. денегъ; оружьёмъ вм. оружьемъ, смотри-
 телёмъ вм. зрителемъ, зятёмъ вм. зятемъ, гоголёмъ вм. гого-
 лемъ; родителѣвъ вм. родителей, царѣвичѣвъ вм. царевичей; де-
 рѣвней вм. деревней, дѣвицей вм. дѣвицей, Оксиньей, саблей вм.
 саблей. § 8. Осподней вм. Господней, синей вм. синій; среднёва
 вм. средняго, снѣва вм. сняго, синѣму вм. синему, въ
 третьёмъ вм. въ третьемъ, въ Божьей вм. въ Божьей, съ синей
 вм. съ синей; принимаетъ вм. принимаетъ, уѣдетъ вм. уѣдетъ,
 будѣтъ вм. будетъ, кушаешь вм. кушаешь, проѣдѣшь вм. про-
 ѣдѣшь, знаёмъ вм. знаемъ. Буква «ё» вм. «е» въ концѣ словъ:
 морѣ, полѣ, блюдцѣ, подпольѣ, воскресеньѣ, здоровьѣ, времѣ, имѣ
 вм. имя, доброѣ, бѣлоѣ, черноѣ, сиротскоѣ, заднѣ, скоромноѣ;
 дубовыѣ вм. дубовые, бѣлыѣ; больнѣ вм. больно; бѣляѣ вм. бѣ-
 лѣе, скоряѣ вм. скорѣе, вольняѣ, тепляѣ. Нѣкоторыя мѣстныя
 выраженія: «Щѣ вы хвастатѣ!» «Здорово живитѣ!» (Привѣтствие).
 «Прошайкѣ-тѣ! Къ намъ ту загуливатѣ! Покорно благодаримъ
 за угошнѣнницѣ!» «Всѣ то вы ткитѣ, шьитѣ да прядитѣ!» (т. е.
 шьѣте, прядете). § 9. Шолуха вм. шелуха, жопа вм. жена;
 неужале (такъ), неужли вм. неужели; жонихъ или жанихъ вм.
 женихъ; чашокъ вм. чашекъ, машотъ вм. машеть, напишомъ вм.

напишемъ, нашо, вашо, гожо, дѹжо, пу-жо, что-жо, ужѹ вм. уже; доложѹнѹ вм. долѹженѹ. § 10. Говорятъ: цѣлый вм. цѣлый Въ словахъ «цѣлѹетъ, цѣлѹю» звуки «ц» и «е» произносятся очень мягко, такъ что «е» нѣсколько сбиваетъ на «ё». Нѣкоторые вмѣсто буквы «ц» произносятъ «ч». Вмѣсто «ё» говорятъ «е» въ словѣ «дѣргать». Жанихъ вм. женихъ, залѣзо вм. желѣзо, жалать вм. желать, жанать вм. женать. Говорятъ: запрѣгъ лошадь, головѣшка, кресло вм. бресло, словесно, колѣсный, колесникъ, трѣсъ, лѣшкой, затѣсывать, пощолкивать. Ишѹ вм. еще, ни-дѣля вм. недѣля. Неситѣ, кладитѣ, деритѣсь, говоритѣ вм. несете, кладете, деретесь, говорите. Вмѣсто очень говорятъ очунь. Белець вм. билетъ, полевка вм. поливка, просверня, мундеръ вм. мундиръ. Вм. крикъ говорятъ крикъ. Бароня, государоня вм. барыня, государыня. § 19. Говорятъ: крѣпкой, лехкой, мелкой, пѣгой, русской, земской. Говорятъ: понукивать, подтягивать, опахивать. Крестьяне звукъ «е» произносятъ правильно (§ 20-й). Изъ всѣхъ словъ, помѣщенныхъ въ § 21, въ нашей мѣстности произносятся неправильно только слѣдующія: здѣсь вм. здѣсь, мидь вм. мѣдь, ричь вм. рѣчь, сить вм. сѣть, спсть пли сись вм. сѣсть, псь вм. фсть, митить вм. мѣтить, повисить, виинкъ, мисецъ вм. мѣсяцъ, диверь вм. деверь, встрича вм. встрѣча, сѣмя, сѣни (сѣни), дѣти вм. дѣти, цидѣть вм. цѣдить, сѣмена вм. сѣмена. Вмѣсто слова «послѣ» говорятъ: опѹслѣ, опослѣ, пѣслѣ; напр. пѣслѣ праздника [такъ]. Видяль вм. видѣль. Смѣляе, скоряе, хитряе, бѣляе, веселяе вм. смѣлѣе, скорѣе, хитрѣе, бѣлѣе, веселѣе. Говорятъ: застряль. § 23. Петъ вм. пять, петъ-десять вм. пятьдесятъ, грезъ вм. грязь, взеть вм. взять, опѣтъ вм. опять, мечикъ вм. мячикъ, натегивать вм. натягивать, хозеннъ вм. хозяиннъ, дѣдя, дѣдюшъ вм. дядя, хозѣйка вм. хозяйка, кричетъ вм. кричать, кнезь вм. князь, зеть вм. зять. Взела вм. взяла, петно вм. пятно, езыкъ вм. языкъ, везать вм. вязать; озебѣшь, озебѹ вм. озябнешь, озябну; месной вм. мясной, светой вм. святой; вм. понять — понѣтъ; евился вм. явился, петакъ вм. пятакъ, петіи вм. пяти, десетіи вм. десяти, гледѣтъ вм. глядѣтъ;

чesy вm. часы; тысяча, тысячъ вm. тысяча, тысячъ; предѹ вm. пряду, прѣсняця вm. прялка, управлѣть вm. управлять. Боялса, испугалса, бросилса, ошибса, разсердилса вm. боялся, испугался, бросился, ошибся, разсердился. § 24. Деревяшшой, доброй, старой, красной, мѣдной, залѣзной вm. желѣзный; снѣй вm. снѣій, овечѣй вm. овечій, весѣннѣй вm. весенній, осѣншой вm. осенній, зѣмшой вm. зимній; глубокой, тихой вm. глубокій, тихій. Говорятъ: думаѣшь, дѣлаѣшь, играѣшь, бываѣтъ, мѣшаѣтъ и т. д. Другихъ измѣненій въ подобныхъ словахъ нѣтъ. Вмѣсто хозяева говорятъ хозяюва. Пымать вm. поймать; примать, вымать вm. принимать, вынимать. § 27. Вмѣсто «кто это» говорятъ: кто ето. Вмѣсто «это» говорятъ «ето»; вm. поэтому — поетому. Вm. «слушай» говорятъ: «слышь-ко!» Мью, мьеть вm. мою, моеть. § 29. Овгорникъ вm. вторникъ, огроматный вm. громадный. Мати вm. мать, дочи вm. дочь; дати, ходити, водити, играти вm. дать, ходить, водить, играть. Рота, лѣду, потолка вm. рта, льду, потолка. Вm. сшей (отъ слова шить) говорятъ: сошей или шошей. Должно вm. должно.

Согласныя. § 31. «Г» произносится нашими крестьянами такъ, какъ слѣдуетъ, т. е. замѣчается различіе въ словахъ Богу — Бога и рогу — рога. Говорятъ: доброва, слѣнова, худова. § 32. Вмѣсто когда, тогда, всегда говорятъ: колдѣ, колды, колі, толды, толі, вселдѣ, вседѣ, завселдѣ, завселды. Осударь, Осподь вm. Государь, Господь. Говорятъ: шакъ (вm. шагъ), декоть (деготь), сапокъ (сапогъ). Одни говорятъ: мѣккой, лѣккой, а другіе — мяккой, лѣхкой. § 34. Ванькя вm. Ванька; чейкю, цейкю вm. чайку, только, дѣцкя, маменькя, послушайкѣ, Кѣтъкя, дѣвѣчкя, полицкя вm. полка, на полицкю вm. на полку. Трахмалъ вm. крахмалъ. § 35. Вm. «ангель» говорятъ: ангиль, ангелюшецкя. § 36. Фомікъ вm. хомякъ; кѹфня, куфарка вm. кухня, кухарка. Фатѣра вm. квартира. § 37. Кузнецъ вm. кузнецъ; къ кузнецю, къ царю; гъ дереву, гъ залѣзу вm. желѣзу. Вмѣсто «свадьба» говорятъ: свальба. § 39. Гліко, ліко, лікося вm. гляди. § 40. Въ словѣ «цѣпь» звукъ «ц» произносится не-

много мягче, чѣмъ въ словахъ «цѣна, цѣну». § 42. Говорятъ: цпленокъ, улиця — улици, молодець, царь (многіе говорятъ «чарь»), кольцѣ, кольца, также — кольчѣ, кольча, куриця; кѹрець вм. куриць, конѣць, конці. Вмѣсто того, чтобы говорить: «разскажи съ начала», говорятъ: «разскажи съ конція». Вообще послѣ буквы ц произносятся у насъ и, я, ё. Лицѣ, яйцѣ, полотенцѣ. Многіе говорятъ во всѣхъ этихъ словахъ вмѣсто «ц» — «ч». Часто можно слышать: черковъ вм. церковь, чарь вм. царь, чарича вм. царича, сѣнчѣ вм. солнце, чѣловать вм. цѣловать, огурчи вм. огурцы, купечь вм. купецъ, курича вм. курица, личѣ. Наоборотъ: цась вм. часть, цетыре вм. четыре, поць вм. ночь, пець вм. печь, цѣрнѣй вм. чернѣй, цюжѣй вм. чужѣй, цясто вм. часто, нецевѣ вм. ничего. Все же одинъ и тотъ же человѣкъ не скажетъ «ночь» и «ноць», цѣрнѣй и чернѣй. Если онъ скажетъ «поць», то и другія слова произнесетъ съ буквою «ц». Говорятъ: шыть, шыло, жырь, нашихъ, кожи; шагъ, жарко, шуба, жосткѣй. Рогоза вм. рогожа, залѣзо вм. желѣзо. Молосной вм. мо­лошный. Урождай вм. урожай. Испужался вм. испугался. Буква «ч» произносится крестьянами такъ же мягко, какъ говоримъ ее и мы. § 45. Иногда говорятъ: штѣ, поштѣ вм. что; говорятъ также и щѣ, пощѣ. Вѣшнѣй вм. вѣчнѣй, востошнѣй вм. восточнѣй, сѣшнѣй вм. сочнѣй, сердѣшной вм. сердечнѣй, горемыш­ной вм. горемычнѣй, загранишной платокъ вм. заграничнѣй пла­токъ. § 46. Свешѣнникъ вм. священникъ, шшука вм. шука, ишшу вм. ищуща, слашше вм. слаще; ешшо, ошшо вм. еще, шшока вм. щѣка, шшотка вм. щѣтка, вешшъ вм. вещь, шшѣпка вм. щѣпка, чешшѣ вм. чаша. Говорятъ: вожжа, дрожжы, съѣж­жаться, жжотъ. Годѣишша, берешша, попадешша, собираешша вм. годишшяся, берешшяся, попадешшяся, собираешшяся. Дѣлаетца вм. дѣлается, работаетца вм. работается. Ударилса вм. ударился, постучалса вм. постучался. Слобѣда вм. свобода, скуснѣй вм. вкуснѣй. Колда, колды, толда вм. когда, тогда. Кѹхольнѣй вм. кухоннѣй. § 49. Микѣла вм. Николай, Микифоръ вм. Никифоръ, Нефедъ вм. Меодѣй. Омманъ вм. обманъ. § 51. Склипѣтъ вм.

вскипѣть, стрепенулся вм. встрепенулся, осударыня вм. государыня, осподинъ вм. господинъ, спорхиуль вм. вспорхнуль, округъ вм. вокругъ. Трось вм. трость, шесь вм. шесть, хвось вм. хвостъ, гвось вм. гвоздь, гось вм. гость, мось вм. мость, грусъ вм. грусть; Пѣтъ вм. Петръ. § 52. Говорятъ: ротъ, суть, гропъ, морось, ёшь, хлѣпъ, сгрѣпъ, лѣтъ, назатъ, горотъ, грипъ, вость, рофъ; рокъ, друкъ. Крофъ, любофъ, семъ. Произносятся твердо: лафки, шапки, трафки, юпки, дѣфки (пиш. дѣвки). § 53. Церьковъ вм. церковь, иногда церква, верьхъ вм. верхъ, зѣрькело (такъ) вм. зеркало. Слова: «первой, серпъ» произносятся правильно. Дворьникъ, горьница. Слово «харчевня» въ нашей мѣстности не употребляется. Молепствіе, хлѣбникъ, лѣчебница, деревня; купца. Говорятъ: рупъ. Плотникъ, скотникъ, родникъ, огородникъ. Слово «вслѣдствіе» крестьянами не употребляется; только говорятъ иногда такъ: судебное слѣтство. Бѣцтвіе вм. бѣдствіе, сроцтвенникъ вм. родственникъ, богацтво вм. богатство. Большой вм. большой. Въ словахъ «здѣшній, прежній, грѣшникъ, поденѣжникъ» произносятся «ш» и «ж» мягко. Говорятъ: лѣкче вм. легче, иногда — лѣкпе. Барьскѣй, царьскѣй, деревеньскѣй, женьскѣй, русьскѣй, москоськѣй.

Удареніе. § 54. Пѣстухъ, спѣна, опасно, ручѣй, холодь, язѣика, лошади, коробъ, жемчугъ, тварогъ вм. творогъ, говоръ, осень, осенью, отдыхъ, колоколь, коршунъ, мечикъ вм. мячикъ, ножикъ, валежникъ, вѣры, обухомъ, на лошади вм. на лошади, отъ нѣщи вм. отъ ночи, на коняхъ, коней, дайте творогу, звѣря вм. звѣря, камѣня, камѣньевъ, пять саженъ, прогѣны, потолокъ, вѣрба, возмѣй, ведрамъ, закладка, подруга, подружка, успѣхъ, застава, отставка, поставка, закуска, простына вм. простыня, сѣрчѣ вм. сердце, знакомство, мнѣжество, молочѣніе, гаданье, вѣтаванье, питье, жптье, средства, воротѣ, болѣта, сѣмена, внучата, егнѣята вм. ягнѣята, пшонѣята вм. щенѣята, боѣра, брѣтя, брѣтелко вм. братъ, плѣтя, яйцъ и яйчъ, молодѣй, мѣлодь, лѣгѣкъ, мѣгѣкъ вм. мѣгокъ, тѣспѣй, чѣшшѣ вм. чаща, сковородѣ, слободѣ, колокольна вм. колокольня, деньгѣ, казнѣ, дѣчка вм.

дочка, сѡсна, дѣвѡчка, ѡлѡха, солонїца вм. солонка, рѡдна, судьбїна, дешевїсь вм. дешевїзна, въ рѣкѹ, свїнью, двѣ вѣрсты, деревѣнь, вїлами, онѣ кѡсїтъ, рѡдитѣ, звонїтъ, онѣ рѡдится, спїтѣ, ѣдїтѣ, хотїтѣ, несятѣ, кладїтѣ, бѹдѣтъ, ıктатѣ вм. ıкаты, вѡнїтъ, роботатѣ, кашлетѣ вм. кашлятъ, полѡжить, предполѡжить, понукатѣ, подойтї, принестї, разогнатѣ, говорїтъ, говорїшь, брѡсїтѣся, богатѣтъ, осырѣтъ, пѡзваль, сѡбралѣ, пѡгналѣ, пѡслалѣ, перестрѣлїлѣ, дострѣлїлѣ, приведѣнѣ, привезѣнѣ, прїнесѣнѣ, прїведѣна, прївезѣна, прїнесѣна, проведѣнѣ, тугѡї, сырѡї, шѡлковый, другѡї, прѣсної, грезної вм. грязної, бѹрной, мѣлкой, лѡвкой, жаркѡї, рѣдкой, тѡпкой, рѡбкїй, толстѡї, чѣрсвой вм. черствый; сурѡвой, если говорїтся про челѡвѣка; если же дѣло ıдетѣ о небѣленѡмѣ холстѣ, то говорятѣ: сурѡвой; ıної, кажїнной, ıдѹтъ, ıдѣтъ, курїтѣ, не мѡгутѣ, скажутѣ, стѣгнетѣ, разорвѣшь, отогнѣшь, подойдѣшь, пойдѣшь, махнѣтъ, козырнутѣ, повернѹтъ, ужаснѹтъся, отдохнѹтъ, кувїркнутѣся, пошатнѹтъся, случїлось, брѡмшї, напїмшїсь, взїмшїсь, ѡпасно, высокѡ, глубокѡ, далѣко, можнѡ, тѣмпо, ıногдѣ, ıкогдѣ, завсегдѣ, четѣрехѣ, семїнадцатый, самогѡ, другѡгѡ, другѡмѹ, одногѡ, одномѹ, ıкогѡ, ıчегѡ, Дат. п.: зїмѣ, а предложный: зпїмѣ; дат. п. предлож. надежї: осенѣ вм. ѡсени, матерѣ вм. матерї. Говорятѣ: двѣ днї; въ тѣ поры, въ тѣ-порѣ вм. тогда, въ тотѣ разѣ. Подѣ вечерѣ вм. подѣ вечерѣ. § 55. Пѣвучестѣ гѡвора замѣчастѣя въ ıкоторой степенї только у женщїн; напр.: «кумѣ, есь ле кто у тѣ дома-тѹ? (Кума, есть ли кто у тебѣ дома?) Охѣ, лїхонькѣ! (тяжело). § 56. Мужчїны говорятѣ ıсколько правїльнѣе женщїн; впрочемѣ, особеннагѡ разлїчїя въ ихѣ гѡворѣ ıтъ. § 57. Говорятѣ: ıшена, ıшену, со ıшеномѣ. Говорятѣ: этѣ путь, этѡтѣ яблѡкѣ. Слова «лїса, мышѣ, гусѣ, лебедѣ, собака» произносятся правїльно. Съ того гѡду, ıзѣ рынку, съ потолоку, безѣ снѹ, — вообще всѣ подобныя слова произносятся съ буквою «у». Съ того днї, сегоднї, третѣевѡ днї; къ ıльнѹ днї. Прїговорѣ вм. прїговоры. Словѣ: гвоздѣ, князьѣ и др. у насѣ не сществуетѣ.

Склоненія. § 59. Говорятъ: сватовья́, свѣты, братовья́ в.м. братья. Кресья́на в.м. крестьяне; ба́ра; шшенки́ в.м. щенки; опѣнки. § 60. Солдатовъ в.м. солдатъ, робѣнковъ в.м. ребята́, жеребенковъ в.м. жеребятъ, ламповъ в.м. лампы. Пріятелевъ в.м. пріятелей, рублѣвъ в.м. рублей, ключовъ в.м. ключей, позовъ в.м. ножей, кирпичовъ в.м. кирпичей, людѣвъ в.м. людей. Огурцей в.м. огурцовъ; купчѣй, купчѣвъ в.м. купцовъ; мѣсяцѣй в.м. мѣсяцевъ, окуньѣвъ в.м. окуней, карасѣвъ в.м. карасей, зайцѣй. Молодци в.м. молодцы, часто говорятъ «молодчі́». Огурці́, огурчи в.м. огурцы. Съ рукама́, съ ногама́, съ цвѣтама́, съ лошадама́. За поляма́, за горама́, съ краснымъ дѣвушкама́, царапала когтяма́. Иногда говорятъ «по полями» в.м. по поляма́, «по лугами» в.м. по лугама́. Говорятъ: «пошла по гриба́» в.м. за гриба́ми; «ходила по ягода́» в.м. за ягода́ми; «приходили по меня́» в.м. за мной. § 61. Матерь, дочь или мати, дочи в.м. мать, дочь. Иногда говорятъ: бароні́ (sic) в.м. барыня, сударони в.м. сударыня, барошни в.м. барышня. В.м. церковь—церква. Въ окончаніи твор. пад. ед. ч. женскаго рода всегда употребляется «ой», а не «ою»; напр.: женой, сестрой. В.м. силою говор. силѣма́, напр.: силѣма́ послали. На лошада́, на печѣ́, въ грезѣ́ в.м. на лошади, на печи, въ грязи; в.м. къ дочери, къ матери, къ лошади — къ дочерѣ́, къ матерѣ́, къ лошада́. Въ твор. ед. ч. говорятъ: тысячей. § 63. Слезми в.м. слезами. Време́ в.м. время, имѣ́ в.м. имя, симѣ́ в.м. сѣмя. Род. пад. будетъ имя, время, сима́ в.м. сѣмени. Род. м.п.ж. имянь, времянь, сѣмянь. Род. пад. м.п.ж. ч. отъ поле — поль. У нашихъ крестьянъ мало поль. Тѣловъ в.м. тѣлъ; дѣловъ, мѣстовъ в.м. дѣлъ, мѣсть. § 64. В.м. оконъ говорятъ: окошковъ. § 68. Отъ молодой жены. Отъ родимыё́ матушки в.м. отъ родимой матушки. Нѣтъ ужѣ́ тыѣ́ большіе собаки! (Нѣтъ уже той большой собаки). Злыё́ люди. Ясныё́ дни. Сильныё́ лошади. Топкіё́ болота. Говорятъ: съ милымъ дѣвушкама́, съ добрымъ людама́, съ осиновымъ дровама́, съ большимъ сапогама́. § 73. В.м. «тебѣ́» говорятъ: тибѣ́; в.м. «у тебя́» иногда говорятъ: у тя́. § 74. Нѣкоторые говорятъ въ дат. падежѣ́ вмѣсто «намъ, вамъ»

нами, вами. Напр.: «приходите къ намъ» или «оченно (очень) вами благодаренъ». Обязательно всѣ говорятъ: съ намъ, съ вамъ в.м. съ нами, съ вами. § 75. В.м. въ немъ—въ ёмъ; в.м. имъ (дат. пад.)—имя; в.м. съ ними—съ имя. В.м. за неё, неё—за её, у её, у ей. В.м. съ нимъ—съ имъ; в.м. за нимъ—за имъ. § 76. В.м. «съ тѣмъ» говорятъ: съ тѣмъмъ или съ тѣмъмоноткá (sic). Им. пад. «та», а род.—тыё. § 77. В.м. со всеми—со всемъмъ или со всемоноткá (sic). Одны, одныхъ в.м. одни, однихъ; однимъ в.м. одними. § 78. Ихной в.м. ихъ. § 79. В.м. обохъ, обонмъ—обихъ, обимъ. В.м. четырёхъ говор. четырёхъ; в.м. четырёхъ—четыремъ. § 80. Вотъ щё бабы-тѣ баютъ: хлѣбъ-отъ испекся, каша-та сварилась,— покáле (пока) горячѣ, айдатѣ (идите) ись (ѣсть). Парнецки-тѣ какіе у тя смпрёныё (смирные). Этой умницѣ-ту которой годокъ-отъ? Проуци Матренку-ту: авось умняе будетъ. Всѣ эти мѣстоименія употребляются во всѣхъ падежахъ и числахъ. Говорять: бабу-ту, парня-ту, парню ту.

Спряженіе. § 81. Смотрить в.м. смотрѣть. Кричѣть в.м. кричать, скучѣть в.м. скучать, бѣжѣть в.м. бѣжать, содержѣть в.м. содержать, поправлѣть в.м. поправлять. Вѣнять, вымáть в.м. вынуть; выняль в.м. вынулъ. Обойми в.м. обними. Наймовать в.м. нанимать. § 82. Замораживать, устраивать, устраиваться, унаваживать, удваивать, успокоивать, прострочивать (отъ слова срокъ). В.м. срокъ говорятъ: строкъ. В.м. «даютъ, отдаютъ» говорятъ: дадутъ, отдадутъ. В.м. есть—есь. § 84. Колотю в.м. колочу. (В.м. пущу говор. пушшú). § 87. Стерегошь в.м. стережешъ. Лгошь, лготъ, толкошь. В.м. хочешъ—хошь. Жегчи, берегчи в.м. жечь, беречь. Накладено в.м. наложено. Впрѣгъ, запрѣгъ в.м. впрягъ, запрягъ. Уѣдъ, поѣзжай, заѣдъ, заѣзжай.

Синтаксическія особенности. Жить въ достаткахъ в.м. въ достаткѣ. В.м. имен. надежа употребляется родительп. въ такихъ выраженіяхъ: есть на свѣтѣ богатыхъ людей! Есть всякаго народа!

Синтаксисъ. § 103. Вм. въ тѣ дни — въ тѣ поры, въ тѣ поры. Лонісь—въ прошломъ году. Лонішняя вм. прошлогодня. Говорять: пошелъ по лошади или по коровѣ, по овецѣ, по губы (вм. за грибами), по ягоды. Или такъ: это случилось о Покровѣ, о Рождествѣ и т. д. Мимо гумна, мимо гүмень. Возлѣ дорогу. § 110. Вм. очень злой—злүшшой; вм. очень добрый—добрѣюшій. Важный вм. разговорчивый, простой. § 111. Говорять: пришли два мужика; у нихъ было семеро ребятъ. Два хорошихъ мальчика. Два разъ вм. два раза, три разъ. Два рубли вм. два рубля, три дни вм. три дня. § 114. Двои ворота, трои двери, пятеры ворота; шестеры двери. Вм. някто, никакой говорить: некто, пекакой. Говорять, напр., такъ: молці, я тибѣ (тебѣ) все скажу. Поди-ко сюды. Иди, моль, туды. Дай-ко-тѣ мнѣ это. «Кто, я-то?» — «Да, ты-ту!». Тамонотка вм. тамъ, тү-тотка вм. тутъ, здѣся-ка вм. здѣсь; гдѣ-ка вм. гдѣ, теперечка вм. теперь, нѣту-ка вм. нѣтъ.

Село Колобово Нолинскаго уѣзда, Вятской губерніи возникло 50 лѣтъ тому назадъ. Но и до того времени на мѣстѣ, гдѣ теперь село, находилась деревня, начало существованія которой относится къ очень давнему времени. Мѣстное населеніе болѣею частию занимается земледѣліемъ и ведетъ осѣдлую жизнь, только нѣкоторые отправляются на заработки въ другія губерніи. Уѣздный городъ находится отъ села на разстояніи 45 верстъ, а губернской — 130 верстъ.

Разсужденія одной крестьянки.

«Ужъ вотъ иной человѣкъ какъ-то все пѣть умѣеть: пѣсни, але молитвы на всѣ пропѣвы, а другой ужъ коли не пѣсельникъ, такъ не запоетъ, хоть что хошь дѣлай. Вотъ у моего Семена (сына) голосъ грубой, тону нѣтъ, такъ ницево не умѣеть. Ужъ

чечась видно целовѣка, есле у него тонъ есь; писельникъ и въ церквѣ-ту стоитъ, такъ все подпѣваетъ».

Ее спрашиваютъ: «не твой ли мужъ стоялъ у казны въ воскресенъе и все пѣлъ?» (Онъ былъ старостой). «Ой, не бай, не бай! (Не говори). Мужъ мой не писельникъ; онъ не въ жись не запоеть; тону нѣтъ, такъ какое тутъ пѣтво!»

П ѣ с н и.

Не кокуй въ бору, кокушка!
 Не кокуй въ бору, ребѣя!
 Во сыромъ-ту во бороцкѣ,
 На сухомъ-ту на дубоцкѣ,
 На малиновомъ кустоцкѣ.
 Безъ того солдатамъ тошно,
 Безъ того солдатамъ скучно.
 Зимой частыя погоды,
 Крешшенскіе морозы.
 Во саложкахъ ножки зебнуть,
 Отъ ружейцевъ рупки шшиплетъ.
 Я домой, мама, сулюся (обѣщаюсь)
 Черезъ двадцетъ петь годоцкѣвъ,
 Прилетю я соколоцкѣмъ
 Изъ-за сѣрова бороцкю,
 Со сухова со дубоцкю.
 Ты встрѣцей меня, мамаша,
 Стрѣцей, сестра родная,
 Стрѣцей, жена молодая!
 Вы стрѣцейте, кошмароцки,
 Робетѣшка молодыѣ!

.....

Ходитъ царёвъ сынъ по-за городу,
И́шшетъ кнегину молодую.
«Не моя то ле кнегина молодая
Среди городоцку стояла,
Золотымъ-ту перснемъ звосіяла,
Позолоченымъ просвѣшшала?
Просѣки-ко-тѣ, боярушка, ворота!
Просѣки-ко-тѣ, боярушка, широки!
Вы впусти-ко-тѣ царёва сына въ городъ
Молодую то кнегину посмотретья».
— Ты ступи-ко ей на правую на ножку,
Возьми-ко ее за правую за руцку,
Поведи-ко ее изъ городоцку».

Сѣду я поѣду во Китай-городъ гулять.
Во Китаѣ-городу я покупоцку куплю,
Я такую дорогую канифастовую,
Щѣ на шеенкю вѣнокъ,
На головушку платокъ.
И пріѣду я домой,
Отворей, жена, ворѳта!
Отворей, жена, ворѳта,
Отворей ширѳки!
Ты постой, жена милая,
Примѣрѣю я тебя!
Примѣрѣю, приложу́,
Самъ подалѣ отойду.
Самъ подалѣ отойду,
Бѣлымъ руцкямъ розведу.
Погледите, добры люди,
Ще жена-га мужа любитъ.
Она любитъ его,

Все гледить на его.
 Ко народу плечикомъ,
 Къ нему ходить лицомъ.

Ой, раскалинуша, размалинуша!
 Ты не стой, не стой на горѣ крутой!
 Не спушшай лясся на синѣ морѣ!
 По синю морю корабель плыветь.
 Не коранъ плыветь—три полка солдатъ,
 Три полка солдатъ, редовыхъ робятъ.
 Напишу писмо къ отцу, къ матерѣ,
 Къ отцу, къ матерѣ, къ молодой женѣ.
 Наша мамонька во гробу лежить,
 Передъ ней свѣця воскова горить.

Сосенка да во сыромъ борку,
 Ягодка на веретейкѣ (на полянѣ);
 Я-то млада на чужой сторонѣ;
 Плакать не смѣю, тужить не велятъ,
 Толькѣ велятъ полегонькю вздыхать.
 Седу я впередъ—меня горе беретъ,
 Пойду я въ куть—у меня слезы текутъ.
 Батюшко, побывай въ гостяхъ!
 Свѣтъ родной, повидайсь со мной! ¹⁾

Пѣсни, которыя поются на дѣвичникѣ.

Ще на васъ бы, цвѣты, да не морозы,
 Ще на васъ бы, цвѣты, не студены.
 Ишшо всѣ ле, цвѣты, вы спосохли?
 Ишшо всѣ ле, цвѣты, вы споблекли?

1) См. Великорус. народ. пѣсни, изд. А. Соболевскимъ т. III, № 12:

Охъ, ты, батюшко мой родимой!
 Не кидайсь-косъ, отецъ, на богасьво,
 На высокіе на хоромы.
 Щё высокіе хоромы — огромны,
 А болшіе то сарап — оградъ,
 А широки-тѣ стап (дворъ)—роздолье,
 Мѣдныіе деньги — черепьё,
 Гумажныіе деньги — берёсто.

Щё не шумъ шумитъ да на улицѣ,
 Щё не брякъ брецитъ во шірокой,
 Щё идутъ-то ко мнѣ подруженьки,
 Щё идутъ-то ко мнѣ да голубушки,
 Щё по стѣенькѣ по метеною,
 Щё по мостику (по сѣнямъ) по скребеному,
 Щё по лісенкамъ по частымъ, мелкимъ.
 «Добро жаловать, мои подруженьки!
 Добро жаловать, мои голубушки!
 Ишшо сѣдь-кѣ-тѣ вы на лавоцкю,
 Ишшо спой-кѣ-тѣ писню жалобцу,
 Росклеви-ко-тѣ родимова батюшка,
 Во другихъ-ту-жо родимую матушку,
 Во третьихъ-ту-жо меня кокушицю,
 Ой, меня да горюшицю».
 — Охъ, ты, подруженька наша голубушка!
 Не поспѣла жо ты во дѣвушкахъ,
 Не потоптала жо полу бѣлова,
 Не погуляла жо со своимъ подруженькамъ,
 Со своимъ-ту голубушкамъ».

Пословицы.

Зима не лѣто — пройдетъ не это.
 Богъ напиталь, никто не видалъ.
 Гости на-гости, хозяину радости.
 Три дня не ѣсти, съ печи не слѣзти.
 Невѣста безъ мѣста, женихъ безъ ума.
 Приходи въ пору, когда ворота полы.

Привожу еще нѣкоторыя мѣстные слова и выраженія.

Ада или айда вм. пойдѣмъ.
 Али или але вм. неужели.
 Ботнусь вм. упаду.
 Вѣтчина вм. фамилія.
 До виданьяца вм. до свиданія.
 Лючки. Смотри, у меня ще-бы лючки (хорошенько).
 Наускоркахъ вм. второпяхъ.
 Нагундѣчивать, т. е. наговаривать, совѣтовать.
 Напрѣтилъ или натѣлмилъ, т. е. просилъ не забывать.
 Наперѣжъ вм. сначала.
 Не обвѣзанъ вм. не обязанъ.
 Не измѣкчи вм. не сомнѣй.
 Рѣма вм. рама.
 Складѣни вм. складчина.
 Всѣчина вм. все. «Щѣ п баять! всечина есть на свѣтѣ!»
 Все равнѣтельно вм. все равно.
 Башъ-на-башъ, т. е. перемѣниться чѣмъ-нибудь безъ
 придачи.
 Горе мѣчемъ (терпямъ).
 Когда желаютъ увѣрить, то говорятъ: «право сол-
 нышко» или «право истенно».

На вопросъ: «какъ поживаешь?» отвѣчаютъ: «оцѣмъ,
живу помалѣнькую».

Щё ты чудяшь! (думаешь).

(Сообщеніе М. Разумовской).

54. Псковской губерніи, Холмскаго уѣзда, село-погость
Торопатцы.

Авторъ сообщенія — учитель Торопатцкаго сельскаго училища, уроженецъ погоста Загорья Холмскаго уѣзда. Образование получилъ въ Псковской Духовной Семинаріи.

Наблюденія особенностей говора произведены надъ жителями села-погоста Торопатцы Холмскаго уѣзда, Псковской губерніи, отстоящаго отъ своего уѣзнаго города Холма въ 70 верстахъ, а отъ города Торонца тойже губерніи въ 35 верстахъ. Къ Торонцу, какъ торговому центру, и тянетъ мѣстное населеніе, которое съ жителями сосѣднихъ приходовъ держится довольно близко, и браки между ними не рѣдки. Времени возникновенія погоста Торопатцы съ точностью опредѣлить нельзя. Церковь же построена въ 1735 году.

Гласныя. § 1. Въ нашемъ селѣ нерѣдко говорятъ и даже пшутъ: олтарь, корманъ, гормонія, торелка и трова; ломпадка, картина и сопоги. Остальныхъ случаевъ измѣненія говора не замѣчено, именно: 1. Имена собственные съ «а» выговариваются правильно. 2. Оканчиваются сущ. въ родѣ «батюшка» и др. на а. Слышится иногда также употребленіе словъ: работа и работникъ. § 2. Вездѣ въ нашей мѣстности глаголь плачу спрягается: плачу, плóтишь, плóтнить и т. д., также и глаголь сажу. § 3. Говорится на ó — заробóтывать, подзадоривать и

т. д. Всѣ слова съ сомнительною гласною «а» пропзносятся на «а», напр. таварищъ, манахъ, салдаты. § 4. Харапо, залатой, маставая, карань, бальной, на дварѣ, паля, снапы, акно и т. д. Родительный падежъ всѣхъ именъ прилагательныхъ въ муж. и сред. родѣ пропзносится на *ова*. Также говорятъ: вода, нясу и т. д. § 6. Говорятъ только: ешчо и таперь. § 8. Въ прилагательныхъ на ей говорятъ на ева, напр. спнева, горячева и т. д. § 9. Постоянно послѣ шипящихъ вмѣсто е — говорится о, напр. шолуха, жона, нашо. § 10. Говорятъ только — сусѣдъ. § 11. Употребительны слова жбнушка, далекб, ещѣ. 3-е лицо единств. числ. настоящ. врем. у всѣхъ глаголовъ *непремѣнно* оканчивается на *ѣтъ*, напр. идѣтъ, пѣтъ, берѣтъ и т. д. Также 2-е лицо множ. числа настоящ. вр., напр.: пойдѣти, берѣти, пѣти и т. д. § 12. Иногда говорятъ и жалѣзо, жанихъ, жанать, жалать, чатыри и т. д. Болѣе употребительны слова: запрегъ, головешка, кресло, колесникъ, трясъ, лехкій и т. д. Чаше говорятъ пошолкивать. § 13. Вмѣсто окончанія *егъ* въ глаголахъ чаше слышится *ить*, напр.: будить, бываить, ѣдитъ; вѣтиръ, лебидъ. 2-е лицо настоящего времени мн. числа и повелит. наклоненія во множ. числѣ оканчивается на *и*, напр.: дайти, даѣти, просѣти и т. д. § 14. Произношеніе правильно, исключая развѣ выговора напоимши и др. дѣепричастій. § 15. Слышалъ только слова *бáренъ* и *белѣтъ*. § 16. Обычно въ здѣшней мѣстности говорятъ: скрипка, коврыжка и крыло. § 17. Вмѣсто слова *отдыхъ* вездѣ употребляется *отдбхъ*. Винительный пад. именъ прил. женскаго рода вездѣ вмѣсто *ую* говорится *ою*, напр. красивою картину. § 18. Замѣчено произношеніе «быдто» и «глыбоко». § 19. Чаше говорится: крѣпкій, лехкій, мелкій и т. д. Понукивать и др. слова пропзносятся правильно. § 20. Разницы въ произношеніи словъ съ «ѣ» съ словами съ «е» не замѣтилъ. § 21. Говорятъ вмѣсто *ѣтъ* «пстъ», *симена* (сѣмена), *одяло* (одѣяло). Предложный падежъ въ сущест. жен. рода на *а*, *я* оканчивается на *и*, напр. па руки; и въ муж. родѣ — въ городи, въ поли и т. д. Вмѣсти. Весь во множ. числѣ склоняется: вси, всихъ,

всімъ и т. д. Говорятъ также посли (послѣ). § 22. Сравнительная степ. именъ прилаг. больше произносится на ѣя, напр. добрѣя, бѣлѣя и т. д. Говорятъ застряль. § 23. Слышно болѣе въ произношеніи е, особенно въ числ. «пятьдесятъ». Во всѣхъ упомянутыхъ въ этомъ параграфѣ словахъ слышно е вмѣсто я, какъ напр. взелá, петнó, езѣкѣ, светóй, чesy и т. д. Чаше говорятъ спугáлся, боáлся. § 24. Имена прилагательныя въ произношеніи оканчиваются на ой, вмѣсто ый, напр. доброй, старой и т. д. § 27. Слышалъ слова: пымать вмѣсто поймать и примать вмѣсто принимать. § 28. Говорятъ иногда: Ликсѣй вмѣсто Алексѣй и Лександра вмѣсто Александръ. § 29. Говорятъ: плъстець, пржи, аржаной, авторникъ, омшанникъ, столобъ. § 30. Растяженія гласныхъ при произношеніи не замѣтно. § 31. Особенностей въ произношеніи буквы «г» не замѣчено, между тѣмъ какъ говорятъ доброва, худова и т. д. § 32. Говорятъ только шахъ, шаха, дехоть, мяхкій и лехкій.

Согласныя. § 34. Крахмаль называютъ трахмаломъ. § 35. Вмѣсто имени Евгений употребляется Евлентій; вмѣсто ангель—áндиль. § 36. Замѣчено употребленіе словъ корогодъ, куфарка, хунтъ. § 37. Предъ буквами п, т, х, ч, ц предлогъ къ переходитъ въ хъ, напр. хъ царю; передъ звуками: б, д, г, ж, з, переходитъ въ гъ, напр. гъ дереву. § 41. Произносятъ шкорлупа, опаяхать, хвистъ. § 42. Вмѣсто ципленокъ говорятъ типленокъ. Между а и я послѣ ц разницы въ произношеніи не замѣтно. Вмѣсто цвѣтъ съ производными отъ него говорятъ твѣтъ и т. д. § 43. Въ произношеніи ц и ч такъ смѣшиваются между собою, что трудно отличить, когда кто говоритъ ночь, а когда ночь и т. д. § 44. Произносятъ послѣ шипящихъ ы, я и ю — напр. жыль, чящя и чюдо. Говорятъ вездѣ зелѣзо, рогоза, порозный. Вмѣсто урожай говорятъ вражай. § 45. Послѣ ч больше слышно ы, чѣмъ и, напр. чыжикъ; ш употребляется вмѣсто ч, напр. вѣшний, востошный. Вмѣсто замолчи употребляется нѣшни. § 46. Вуква щ произносится правильно. Вмѣсто окончанія тся

употребляется тпа, напр. дѣлаетца, бросаетца. Вмѣсто учусь говорятъ учуса. § 47. Въ дѣепричастіяхъ вмѣсто в — слышится м, напр. взявшисъ, бросимшисъ и т. д. Говорятъ: слобода, слободный, скрозь, кукшиня, скусный. При склоненіи именъ измѣненія г, к, х въ з, ц и с не замѣчено. § 48. Говорятъ удовá, унѹкъ, навчить, у него (въ него), вухо вмѣсто ухо, по вхамъ вмѣсто по ушамъ. § 49. Говорятъ пролубь, комата, кухольный, Нефедь, Микола. § 50. Замѣчено произношеніе только шкатунки вм. шкатулки. § 51. Говорятъ: вм. ладно — ланно, анна вм. одна, талнуть (толкнуть), скипѣтъ (вскипѣтъ). § 53. Произносятъ: семъ, любовѣ, голупъ и т. д., вообще звуки п и ф въ срединѣ слова произносятся твердо. Что же касается до звуковъ р, т и в въ срединѣ слова, то они произносятся наоборотъ мягко, напримѣръ скотъникъ, деревья и т. д.

Удареніе. § 54. Рѹчей, хóлодь, язѹкъ, лóшадѹ, кóробъ, жемчѹгъ, отдóхъ, колокóль, валéжникъ, ворѹ, обухóмъ, на лóшадѹ, отъ нóчи, на конéхъ, твóрогу, звѣря, камéнья, 5 сажóнъ, вѣрба, ведрámъ, заклáдка, подру́га, успѣхъ, застáва, отстáвка, постáвка, заку́ска, простѣня, знáкомство, молочéвие, гадáние, вставáние, срéдства, ворóты, болóты, боѹра, яѹцъ, лéгокъ, мѹгокъ, тѣсной, чацá, сковордá, слободá, колокольнѹ, дéньга, кознá, дочкá, саснá, ольхá, рóдина, въ рѣку, свинѹю, 2 верстѹ, деревéнь, вилами, онъ кóсить, рóдить, звóнять, онъ рóдится, несéти, кладéти, вóпить, понѹдить, богáтѣтъ, осѹрѣтъ, привéденъ — приведѣнъ и т. д., проведѣнъ, тугóй, шелкóвый, прѣснѹй, не могѹтъ, помáхнеть, козырнуть, повѣрнуть, кубѹрнуться, пошатнѹться, брámши, налѹмшисъ, взѹмшисъ, опáсно, высокó, далекó, глыбóко, мóжно, тѣмно — темнó, инóгда, никогдá, завсегдá, чатырѣхъ, самóго, другóго, одно́го, никогó. Въ склоненіяхъ удареніе вѣрно. Произносятъ не боѹсь, пóдъ вечеръ, нá зло. § 55. Нараспѣвъ въ нашей мѣстности не говорятъ. § 56. Различія между говоромъ старшихъ и младшихъ, мужчинъ и женщинъ нѣтъ.

Склоненіе. § 57. Говорятъ жнитва. § 58. Говорятъ съ того году, съ рынку, съ потолоку; севодни, третьеводни, во лбу, въ углу, на волоску, на потолоку. § 59. Произносятъ: приговорá, погребы, глаза, поясы, гвоздѣ, листьѣ, кольѣ и т. д.; говорятъ крестьяны, щенки. § 60. Употребляется глазовъ, солдатовъ, человѣковъ, жеребенковъ и др., а также пріятелевъ и рублевъ; творительный пад. множ. числа оканчивается на -мъ, напр. съ лошадямъ. Остальныхъ неправильностей нѣтъ; говорятъ во сняхъ. § 61. Употребляются слова мать, дочь и церква; творит. ед. отъ тысяча—тысячью. § 62. Употребляется только пустоша. § 63. Указанныхъ неправильностей не встрѣчается; существительныя на -мя во всѣхъ падежахъ удерживаютъ я. § 64. Произносится вороты, веслы, бревны, стекла и т. д. § 67. Употребляется напр. хорошою дорогу. § 69. Имен. множ. именъ прилагат. всѣхъ родовъ оканчивается на и, напр. прилежныи ученики. § 70. Говорятъ въ худымъ мѣстѣ и т. д. § 71. Употребляется дат. пад. множ. вмѣсто творительнаго, напр. съ хорошимъ людьми и т. д. § 73. Въ нашей мѣстности вмѣсто онъ говорятъ ёнъ, она—енá, они—енѣ. Вмѣсто меня произносятъ мине; тебе, себе; вмѣсто мнѣ—опять минѣ и т. д. § 75. Вмѣсто въ нёмъ употребляютъ въ ёмъ; вмѣсто её—ею; вмѣсто за неё—за её; съ нимъ—съ имъ. § 76. Употребляютъ тымъ, тыи, тыхъ, тымъ и т. д. Вмѣсто та—тая; вин. тую. § 77. Какъ уже и упомянуто въ 21 §, весь склоняется такъ: твор. всямъ, мн. ч. вси, всихъ и т. д.; самъ—им. мн. самы, самыхъ и т. д.; этоть—эфоть и т. д.; одинъ—вин. ед. жен. одную, множ. одны и т. д. § 78. Мой, твой и свой—род. ед. мово и т. д.; употребляются и слова ево, евоный, ейный и ихній. § 79. Говорятъ обон, обѣи и т. д.; употребляется также двымъ, двыми и т. д.

Спряженіе. § 81. Въ неопредѣленномъ склоненіи неправильностей не замѣчено, исключая слова обманить вм. обмануть. Употребляются слова вынять и обойми. § 82. Употребляется слово скакаю. Здѣсь говорятъ больше на а, напр. устраивать,

успасаивать и т. д. § 83. Вмѣсто есть употребляется е, также говорятъ ѣдутъ, не отдадутъ. § 85. Въ 3-мъ лицѣ ед. чис. наст. вр. у насъ говорятъ такъ, напр.: идѣтъ, берѣтъ, пишетъ, играеть, несѣтъ; также и во множ. ч.: беруть, играють, пишутъ и т. д. Иногда, хотя и рѣже, и такъ говорятъ: берѣ, врѣ и т. д. § 86. Также и во 2 л. ед. ч. говорятъ: идѣшь, берѣшь, играѣшь и т. д. § 87. Употребляются глаголы теку — кешъ, кеть и т. д., также и стерегу; вмѣсто хочешь говорится хошь. § 88. Постоянно вмѣсто 2 спряж. употребляется 1-е: просятъ, рубютъ, носятъ и т. д. § 89. Окончаніе ти вмѣсто ть не употребляется; вмѣсто идти говорятъ итить. § 91. Причастія на нный и тый употребляются безразлично; говорятъ и разгонены и разгнаны, наложено и накладено. § 92. Говорятъ убѣгъ, впрягъ и впрегъ, запрягъ и запрегъ. § 93. Вмѣсто поѣзжай говорятъ ѣдь, заѣдь и т. д.

Синтаксисъ. § 97. Говорятъ иногда во сняхъ. § 99. Употребляются выраженія, напр.: я съѣлъ блина и проч. § 100. Подобныя выраженія въ ходу; напр. есть у меня добра. § 101. Говорятъ пригожій изъ себя, не дурень съ лица и т. д. § 107. Предлоги въ и на часто употребляются одинъ вмѣсто другого, напр. говорятъ: это было въ рождество, — на рождество, о рождествѣ. § 109. Однозначаци выраженія: со школы и изъ школы. § 110. Употребляются такія слова: малюхосенькій, большенькій, разудалый, добрѣющій, злющій, скупущій, гаденькій § 111. Говорятъ: пришло двое мужиковъ, собралось четверо учениковъ; пятеро крестьянъ работало, косило семеро косцовъ и т. д. § 113. Вмѣсто 6 лѣтъ говорятъ и 6 годъ; употребляются выраженія 2 рубли, 3 дни и т. д. § 116. Встрѣчаются только такія выраженія, ночевано: выпито, идено. § 117. Употребляются выраженія: онъ пріѣхатчи, онъ пришотчи и т. д. § 118. Говорятъ и такъ: дѣти учившись, отецъ умѣрши, хлѣбъ уродившись и т. д. § 120. Такія выраженія, какъ никто ему велѣлъ, нешто ему дѣется постоянно въ употребленіи. § 121. Наболѣе употребительны частицы: ну да, де, молъ, ка, и др.;

напр. ну да я его повидаю; онъ де хорошъ; онъ баятъ: «моль въ городъ поѣдетъ»; брось-ка мнѣ эту веревку.

(Сообщеніе В. Покровскаго).

56. Костромской губерніи, Макарьевскаго уѣзда, село
Якуньково.

Гласныя. § 1. Въ слѣдующихъ словахъ вмѣсто звука *a* (которое пишется въ книгахъ) въ нашемъ селѣ произносятся *o*: 1) въ началѣ именъ собственныхъ, какъ-то: Оксинья, Окулина, Ондрей, Онтонъ, Олексѣй, (Олешка), Ортемій, Орефій, Олександра или Лександра, Онисья — вмѣсто Аксинья, Акулина, Андрей, Антошъ, Алексѣй и др. 2) Батюшко, Иванушко, дитяtko, Гаврило, Дашло, запѣвало, мальчишко, дѣдушко, воришко, плутишко — вмѣсто батюшка, Иванушка и др., но дядюшка произносится правильно. 3) Сахоръ, стоканъ, онбаръ, олтарь, торелка, тонцовать, ломвадка, пороходъ, собогя, корета, стоновой, вм. становой приставъ, зобота вм. забота. Слова-же: баранъ, капать, карманъ, трава, воспаленіе, окаянный, картина и давнѣхонько — произносятся правильно. 4) Во многихъ случаяхъ звукъ *o* произносится вмѣсто *a* въ приставкѣ *раз*, напр. разговоръ, разбирать, росчетъ, розстроить, рострогать, роспахать, розсѣять, розвозить, робота, роботать, роботникъ, роскричатся, росхаживаться, розставаться, росцвѣль, розсвѣло, роздѣть, рознять, росписка, роспростронять, особенно часта приставка *раз* въ прошедшемъ времени, напр.: роскался, розказалъ, розыгралъ, розросся и мн. др. Разумъ же — произносятся правильно. § 2. Всегда говорятъ плачѹ, плѣтишь, плѣтить, кѣтить. § 3. Замораживать, подзадоривать, уваживать и уничтожать. § 4. Вмѣсто *o* произносится *a* въ слѣдующихъ словахъ: тавариши, манахъ, манастырь, салдатъ, камодъ, магарычи, діаканъ, халера вм. холера,

по вмѣсто пономарь произносятся подомарь; 2) карапъ, тварогъ. Слова же слобода, мостовая, хорошо, золотой и др. произносятся правильно. Всегда говорятъ: доброва, худова, злова, слѣпова, долгова, сухова, хромова... Говорятъ также: сянѣва, зимнѣва, раннѣва... и никогда не говорятъ: добраго или напри-мѣръ, поздняго, а во всѣхъ словахъ — прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ окончаніе твердыхъ основъ *ова*, мягкихъ *ева* и *оа*. § 5. Большею частію крестьяне говорятъ на *о*. Въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: огурцы, окунись и вымою говорятъ и на *у*, но все-таки чаще на *о*; а всегда на *у* говорятъ только въ трехъ словахъ: огородъ и доктора, комаръ, которыя и произносятся кумаръ, угородъ, дохтура. Также и частицу *то* измѣняютъ въ *ту*, когда она приставляется къ винительному падежу един. числа именъ существительныхъ женскаго рода, напримѣръ: ложку-ту, шапку-ту, вѣсть-ту; и въ существительныхъ мужскаго рода въ тѣхъ только, которыя оканчиваются на *а* и *я*, напримѣръ, подь-ко, схои по старосту-ту, старшину-ту, воеводу-ту, судью-ту. Въ дательномъ же падежѣ, напротивъ, она измѣняется въ *ту* въ существительныхъ мужскаго рода, напримѣръ; ну, онъ случāju-ту и радъ; я иду неслѣ угороду-ту (sic); § 6. Вмѣсто звука *е* слышится *о* въ собственныхъ именахъ Елена — произносится Олѣна, Офимья, Овдокея, Офросинья вм. Ефимія, Евдокея и Евфросинія. Говорятъ также: робенокъ, робята, топерь, топеря, топеречка. Слово же еще произносится ешшо и ишшо; едва и Емельянъ произносятся правильно. Слова же: тобѣ, собѣ нельзя встрѣтить; напр. крестьяне никогда не скажутъ: я тобѣ далъ рубль, а скажутъ: — я тебѣ далъ рупь или цѣлковый, также я тѣ дамъ. Вмѣсто слова держать произносятся доржать; вмѣсто сегодня можно услышать соводне, но чаще говорятъ седне. *О* вмѣсто *е* произносится также послѣ шипящихъ *ж* и *ш*, напр. чашокъ, лошокъ, плошокъ, чажоло, положоно и т. д. Напротивъ, вмѣсто *о* произносятся *е* и *ѣ*; такъ, вм. донышко говорятъ дѣнышко, вм. двудонка — двудѣнка; вм. одонье — оденье, метелекъ вм. мотылекъ. Вмѣсто *ѣ* говорится

иногда *o*, напр. жготся, запрягомъ, запряготъ, текомъ, текотъ, могошь, моготъ, лготъ, лгошь. § 7. Слова, въ которыхъ вмѣсто *e* крестьяне нашего села говорятъ *ě*: лѣвъ, о пѣй, со всѣй, ѣй, лѣшпъ, смѣртный (жара-та была смѣрти-а-я), плѣскъ *вм.* плескъ, въ прочихъ же словахъ, какъ, напр.: дерзкій, ветхій, крестъ, отсель, верхъ всегда слышится *e*. § 8. Точно также и не подъ удареніемъ *e* можетъ переходить въ *ě*, во-первыхъ, передъ удареніемъ, напримѣръ у насъ говорятъ: бѣдро, бѣру, вѣду, вѣсна — вѣсны — вѣснѣ — вѣсной, слѣза, сѣло, ѣрша, отвѣрнуть, вылѣтатъ, нѣсла, тѣпло, рѣбро, тѣсакъ, чѣло, горѣватъ, ѣво, ѣму, Стѣпанъ, сѣмой, стѣкло (но больше окольница), вѣдро, вѣрста, дѣсна, сѣстра, вѣсло, мѣтатъ, мчѣла *вм.* пчела, пѣсокъ, веретѣно; но *вм.* держать произносятъ доржатъ; дѣру, но дерн; ѣво, ѣму *вм.* его, ему. Во-вторыхъ, *e* можетъ переходить въ *ě* послѣ ударенія, напр., говорятъ бѣрѣгъ, мастрѣръ, озѣро, помѣръ, погрѣбъ, ѣстрѣбъ, чѣстѣнъ, ѣсѣнъ, прибѣточѣнъ, нѣнѣкъ, покоійничѣкъ, дѣнѣгъ, оружьѣмъ, смотрѣтелѣмъ, зѣтѣмъ, гѣголѣмъ, родѣтелѣвъ, царѣвичѣвъ, дѣрѣвнѣй, дѣвѣицей, Оксѣйнѣй, сѣблѣй, Господнѣй, сѣнѣй, сѣднѣва, сѣнѣва, сѣнѣму, въ третѣемъ, въ Бѣжѣй, принимаѣтъ, уѣдѣтъ, бѣдѣтъ и бѣѣтъ, кѣшаѣшь, проѣдѣшь, зѣаѣмъ, хѣвѣстѣитѣ, пѣдаѣтъ, смѣтаѣтъ и *мн.* др.; но вѣрѣхъ, вѣсѣмъ *пн.* когда не произносятъ, а говорятъ верхъ, восемь. Затѣмъ *ě* *вм.* *e* можетъ встрѣтиться въ концѣ слова; напр. говорится у насъ: морѣ, полѣ, блюдѣ, подпольѣ, здоровѣ, воскресѣнѣ, времѣ *вм.* время, имѣ *вм.* пмя, сѣмѣ *вм.* сѣмя, знамѣ *вм.* знамя, непасѣѣ, доброе, бѣлоѣ, черноѣ, сиротскоѣ, заднеѣ, скоромноѣ, прошшѣитѣ, здравствуйтѣ, ходитѣ, смотрѣитѣ, встрѣчѣйтѣ, бейтѣ; вообще во всѣхъ прилагательныхъ въ средн. родѣ *едн.* числа и во всѣхъ глаголахъ во 2 л. *множ.* числа повелительнаго наклоненія конечное *e* въ народной рѣчи у насъ переходитъ въ *ě*. Остальные слова, упомянутыя здѣсь, какъ-то дубѣвые, бѣлые и др., произносятся не дубѣвые и бѣлыѣ, а дубѣвые, бѣлые; больно, а не больнѣ, сильно, неправильно, бѣлѣй, скорѣ и скорѣй, а не скорѣй и др. § 9. Въ нѣсколькихъ случаяхъ произносится *o* *вм.* *e*

послѣ шипящихъ буквѣ *ж* и *ш*; напр. шолуха, жона, наса-
жоно, положоно, чашокъ, лошокъ в.м. ложекъ, машотъ, напи-
шомъ, пашо, вапо, гожо, дюжо, ну-жо, што-жо, ужо, домишшо
в.м. домище, а слова: женихъ, жемчугъ, желѣзо произносятся
правильно; вмѣсто жечь не жочь, а жегчи, в.м. неужель—неушто.
§ 10. Въ нѣкоторыхъ словахъ вмѣсто *ь* въ нашемъ селѣ слы-
шится *ё*, какъ-то: цвѣло, хлѣбать, гнѣзда, рѣка, пѣсокъ, пѣтухъ,
слѣзай, перелѣзай, сѣдой (но сѣдѣть, сѣдина), смѣху (но смѣхъ),
напр. што у насъ было смѣху; умѣрли товда мы со смѣху; так-
же ѣдкой, напр. сѣно ѣдкое, слѣпой. Въ словѣ цѣловать и произ-
водныхъ отъ него произносится не цѣ, а цо—поцолуй. Словъ же:
бесѣда, сусѣдъ, врѣзывать, свѣтлый, блѣдный, телѣжный, хрѣнъ,
цѣлый, свирѣпый, калѣчить, вѣшка, цопъ, ѣздить, брѣзговать,
трѣснуть, трѣзвый, крѣсла, мелочь, мелкій — нельзя услышать;
говорять бесѣда, сосѣдъ и др. § 11. *Е* в.м. *ё* (о) въ нашей мѣст-
ности ни въ какихъ словахъ не произносится. § 12. Вмѣсто *е* а
и *я* слышны только въ словахъ: запрягъ, головашка, трясъ,
имянинникъ, жарава в.м. жерава (въ книгахъ клюква), Палагея,
голянице, панафида в.м. панихида; слова же: желѣзо, женяхъ,
желать, денегъ, двугривенный, будетъ, подвышьеть, прощайте,
здравствуйте, четыре и др. въ народной рѣчи нашей мѣстности
не измѣняютъ *е* въ *а* и *я*. Оленья в.м. оленя. § 13. Вмѣсто *е* и
не говорятъ, но *и* в.м. *е* въ нѣкоторыхъ словахъ слышится, такъ
напр. ишшо в.м. еще, Пучишь в.м. Пучежъ; затѣмъ въ суффиксѣ
енк всегда слышится *и* — иньк, напр. маминька, ручинька, Ва-
синька, низинькой, круглянькой, милянкой, молодинькой и всѣ
друг. Далѣе, в.м. несѣте говорятъ неситѣ, в.м. кладѣте — кладитѣ,
в.м. стоятѣ — стоитѣ; в.м. дерѣтесѣ — деритѣсѣ; наберитѣ, отопритѣ,
ведитѣ и др. Чигунъ в.м. чугунъ. Вмѣсто дайте и др. дайти не
говорять; также и вмѣсто очень — очунъ не говорятъ. § 14.
Вмѣсто *и* — *йи* въ произношеніи не замѣтно. Вмѣсто мой, твой,
свой — всегда говорятъ моѣ, твоѣ, своѣ. *Е* в.м. *и* послѣ гласной
буквы также нигдѣ не встрѣчается, кромѣ слова раскаиваться,
гдѣ в.м. *ива* произносится *ева*. § 15. Въ нѣкоторыхъ словахъ

встрѣчается *e* вм. *и* послѣ согласной, напр. говорятъ: белеть, курецъ, Галецкій, въ Галечѣ (но Галичъ), деванъ, сенодъ вм. билетъ, куриць, Галичскій, диванъ, синодъ. *Е* употребляется также вм. *и* въ собственныхъ именахъ, напр. Владимиръ, Арсентей, Василей, Митрей, вм. Владиміръ, Арсеній, Василій, Дмитрій. Въ нѣкоторыхъ прилагг. окончаніе *ій* измѣняется въ *ей*, напр. синей, Всевышней, горячей, лежачей, но чаще *ій*—въ *ой*. § 16. Говорятъ: крыло, корысть; но вм. *и* — *ы* не говорятъ. § 17. Вмѣсто *и*—*о* говорятъ въ словахъ нынче, скидываетъ, сыроѣшка, которыя и пропзносятся: нонче, скидовáеть, соровѣшка. Вмѣсто *у*—*о* въ словѣ черемуха, которое произносится черемóха и черемо́ха. Слова: баломутить, паукъ, глубоко, пазуха и палуба произносятся правильно. § 18. *ы* вм. *у* не встрѣчается; также и обратно не говорятъ *у* вм. *ы*. § 19. Говорятъ на *ой*: крѣпкой, лёхой, мелкой, пѣгой, но такъ, что *ой* нѣсколько походитъ и на *ай*. Говорятъ: понукивать, подтягивать, апахивать. § 21. *И* вм. *ь* въ нашемъ селѣ не произносятся; только вм. одѣяло произносятся одіяло; а вм. цѣдить всегда произносятся цыдить. § 22. Вмѣсто видѣлъ иногда говорятъ видялъ; вм. скорѣе говорятъ: скоря и скоряй. Вм. застрѣлъ — говорятъ застрялъ. § 23. Въ нѣсколькихъ словахъ вм. *я* говорятъ *e*, напр.: петьдесять, заецъ, мѣсець, месоѣдъ, петачекъ и питачекъ, соводне и седне вм. сегодня, емшикъ вм. ямшикъ, енваръ вм. январь, паметникъ вм. памятникъ; слова вѣтреньй и вѣтряный также не различаются, а всегда говорятъ вѣтреньй; также кричетъ вм. кричать, стучѣтъ вм. стучать, прожужжѣтъ вм. прожужжать. Говорятъ также: светой, петакъ, пети, десети, ребпна. Вмѣсто боялся, испугался, бросялся, возился, носился и др. говорятъ: боялса, испугалса, бросялса, возилса, носилса, дразнилса. § 24. Въ именахъ прилагательныхъ вм. *ий* всегда говорятъ *ой*, а вм. *ій* въ нѣкоторыхъ *ей* и *ей*, а въ другихъ *ой*, напр.: доброй, желѣзпой, старой, свѣтлой, малой, тѣсной, круглой, толстѣй, трудной; вм. *ій* — синей, Всевышней, горячей, лежачей; слáдкой, úзкой, гóрькой, жідкой, господской, сумошешдой вм. сумасшешшій, материнской,

искренной, здѣшной, внутренней, топкой... Тимоѣй, Елксій, Матвѣй не говорятъ, а говорятъ Матвѣй, Тимоѣей. § 25. *Е* пропускается въ словахъ: бѣгаю: бѣгашь, -ать -амъ; думаю: думашь, думать, думамъ; дѣлаю: дѣлашь, дѣлать, дѣламъ; дергаю: дергашь, дергать, дергамъ; послушаю: послушашь, послушатъ, послушамъ; работаю: работашь, -ать, -амъ и др. Далѣе, такія формы встрѣчаются въ глаголахъ, которые въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на *ивать* и *ивать*, притомъ, если удареніе на 3-мъ отъ конца слогѣ; напр. обыскивать, —обыскивашь, обыскивать, обыскивамъ; объѣзживать — объѣзжывашь, объѣзживать, -ивамъ; скáзывать -ать, -ывамъ; откíдывать —откидывашь, откидывать, откидывамъ. Говорятъ: хозяева, а не хозяева. § 26. Въ глаголахъ же на *тъ* буква *е* не пропускается; всегда говорятъ: умѣешь, имѣеть; также копѣекъ. § 27. вмѣсто двухъ гласныхъ звуковъ можно услышать одинъ звукъ еще въ нѣсколькихъ словахъ; такъ, напр., говорятъ: ицо вм. яйцо, Осипъ вм. Иосифъ, губерня вм. губернія, помъ вм. поѣмъ (подемъ), скоря вм. скорѣе; а также: пымать и вымать, пяталтынный. § 28. Въ слѣдующихъ словахъ крестьяне выпускаютъ гласныя: въ началѣ словъ напр. говорятъ Лизавета, Ларіонъ, Лексанъ, Лександра, Лексѣй, Катерина, рестански (роты) вм. Елизавета, Екатерина, арестанскія (роты). Въ концѣ словъ: напр. Порфиръ вм. Порфирій. Въ срединѣ же словъ гласныя безъ согласныхъ не выпускаются, кромѣ слова красинъ вм. керосинъ. § 29. Напротивъ, въ слѣдующихъ словахъ прибавляется гласная къ началу слова; говорятъ: оржаной, иногда аржаной, овторникъ; арцы вм. рцы (р), опосля, окромя. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ словахъ гласныя вставляются въ срединѣ, напр.: Володимеръ вм. Владиміръ, въ церкви вм. въ церкви; церковей. Рота, роту, ротомъ, въ роту; точно такъ же и потолокъ; но камень — камня. § 30. Протяжныхъ гласныхъ въ произношеніи не замѣтно. Точно такъ же вмѣсто простой гласной *о*—*уо* или *оу* не слышно. Въ концѣ словъ иногда слышится послѣ гласной короткое, невнятное *а*: пр. навсегда -а, когда -а.

Согласныя. § 31. Въ словахъ Георгій, загнуль *и* слышится какъ въ словѣ: богатый. Въ родит. пад. окончаніе *ого* не встрѣчается. § 32. Въмѣсто тогда, когда говорится когда, товда; всегда — произносится правильно; вм. государь, Господь — не говорятъ восударь, Восподь, а напротивъ выпускаютъ *и*: осударь, Осподь. Телѣхъ, рохъ, сапохъ — не говорится; *х* вм. *и* слышно въ словѣ шагъ (напр., сколько дотуда шаговъ) и дехтю, ей Бохъ вм. ей-Богу. Въмѣсто *к* слышно *и* и *х* въ словахъ: земляника, черника, брусника, доктора, актъ, некто, которыя произносятся: землянига, чернига, бруснига (брусена чаще употребл.), духтура, ахтъ, нехто, хто; трахтиръ вм. трактиръ. Говорятъ: лѣхкой, мяхкой. Вм. *х* въ нѣкоторыхъ словахъ слышно *к*; напр. каѣактеръ вм. характеръ; клѣвъ вм. хлѣвъ. Послѣ гортанныхъ *ы* — не слышно. § 33. Вм. *к* — *т* не слышно. § 34. Послѣ буквы *к* мягкихъ гласныхъ не слышно. § 35. Вм. *и* *д* слышится въ сл. Евгений; произносится Евденей. § 36. Вм. *х* слышно *к* въ 4-хъ словахъ; говорятъ: каѣактеръ вм. характеръ, клѣвъ вм. хлѣвъ; экъ вм. эхъ, корониться вм. хорониться. Вм. *х* *ф*, напр. панафида вм. панихида. Вм. *ѳ* *х* напр. архметика вм. арифметика. § 37. Предлогъ *къ* иногда переходитъ въ *хъ* или же въ *гъ*, какое слышится въ словѣ: Георгій, напр. хъ кузнецу, хъ купцу, хъ крышѣ, хъ хлѣбу; гъ дереву, гъ желѣзу, гъ грамотею, гъ глоткѣ, гъ богачу, гъ земледѣльцу; при чемъ замѣчается, что *къ* переходитъ въ *хъ* только передъ *к* и *х*; въ *гъ* же переходитъ передъ *б*, *г*, *д*, *ж* и *з*, въ остальныхъ случаяхъ не переходитъ. § 38. Только вм. *д* встрѣчается *и*, напр. говорятъ: гля чево, гля ково вм. для чего, для кого. § 39. Вм. свадьба говорятъ сварьба. Усадьба — говор. правильно. Затѣмъ, въ весьма многихъ случаяхъ буква *д* въ срединѣ слова выпадаетъ; напр. поій, погляій, схой, буйтъ, буюмъ, посаі, посаішь, посаімъ, хойтъ, гляйтъ, невѣжа, Богорѣца, Рожесво вм. Рождество, дошь вм. дождь, ряйтъ, обряйтъ, посайтъ, посаі, посаіла, пасаймъ (?), посаіли; сійтъ вм. сидѣтъ, сій, сіймъ, сійтѣ, посій тутъ роимой вм. посиди тутъ родимый; ссаптъ, — ссаи, глян, — гляко (напр. гляко, што

ты сдѣлалъ), погон, погонимъ, (погойтѣ, куды торопйтца-го, чай успѣйте); (погон хоть до завтра). § 40. Вм. *т* и *ц* не произносятся. Точно такъ же не произносятся и *дз* вм. *д*, напр. не скажутъ: дзѣфка, а дѣфка (*ф* вм. *в*). § 41. Вмѣсто *з* *ж* и *и* и вмѣсто *с* *х* не произносятся. § 42. Всегда говорятъ послѣ буквы *ц* въ нашемъ селѣ *ы*, *а*, *о*; напр. цыпленокъ, улица, концы, молодець, царь, курица, кольца и др. § 42. Вмѣсто *ц* въ нѣкоторыхъ словахъ слышится *с*; такъ говорятъ напр. сапля вм. цапля, сарапать вм. царапать, свѣты вм. цвѣты, свѣтной вм. цвѣтной, полицейской вм. полицейскій. § 43. Произношенія *ч* вм. *ц* и обратно въ нашей мѣстности нельзя услышать. Его мнѣ пришлось слышать въ дер. Марковицѣ того же Макарьевского уѣзда, Костромской губерніи. § 44. У насъ говорятъ шить, шило, жила, жито, жиръ, но въ то же время правильно произносятся и слова: шагъ, жаръ, шуба, шапка, шалунъ и др. Вм. *ж* — *з* не слышится. III вмѣсто *ж* въ словахъ: Пучишь, лошокъ, рошь, дошь, — такъ говорятъ вм. Пучежь, ложекъ; рошь вм. рожь и дошь вм. дождь произносятся такъ твердо, какъ будто на концѣ *ъ*. *С* произносится вм. *ш* въ словахъ: салашь, молосный вм. шалашъ, молошный; ясница вм. яшница. *Ж* между гласными не выпадаетъ, Точно также *ж* не замѣняется буквами *жд*. § 45. Букву *ч* произносятъ мягко: чинъ, чижь. Что — произносятъ што. Вм. вѣчный, сочный, восточный — говорятъ вѣшной, сошной, востошной, пешникъ вм. печникъ, кузнешное ремѣсло, грешневый, подсвѣшникъ, сердешной и др.; ишши въ смыслѣ не плачь. § 46. Буква *ш* произносится, какъ *ши*, напр. священникъ, шука, ишшу, ишшотъ, ишшотъ, слашше, ешшо и ишшо, шшока, рошша, помѣшшикъ вмѣсто — священникъ, шука, ишчу, ищеть, щеть, слаще, еше, щека, роца, помѣщикъ и др. Также во всѣхъ увеличит. именахъ: домяшшо и т.д. Иногда вм. *ш* говорится просто *ш*, напр. вешъ, тонъ, часовшикъ, барабаншикъ, корабельшикъ и др. вм. вещь, тощъ (тощій), часовщикъ, барабанщикъ, корабельщикъ. Говорятъ: вожжа, вожжи, дрожжи, сѣжжжаться; отъ жечь — жготъ; отъ ждать — ждѣтъ. Вмѣсто годишься — гово-

рять годисса, збпраесса, бересса (напр. не за свое, Лексапъ, ты дѣло бересса). Вм. дѣлается — дѣлаетца; годится — годитца, вм. остаюся — остаюса, учуса, ударилса, бойса, испугалса и др., грысса вм. грызса. § 47. *В* иногда слышно какъ *м*, напр. говорятъ оммануть вм. обмануть, оммочить вм. обмочить, оммѣрять вм. обмѣрять, оммѣнять вм. обмѣнять, оммотить вм. обмотить, омморозить вм. обморозить, омманъ вм. обманъ, оммотать вм. обмотать. Вм. *п—б* встрѣчается въ сл. сапоги, которое произносится сабоги. Вм. *п—м*: мтица вм. птица, мташка вм. пташка, мчела вм. пчела. Вм. *б—г* не говорятъ. Вм. *в—м*: выпимши вм. выпивши (напр. я ужъ былъ выпимши), поѣмши (я пошолъ поѣмши), взявши вм. взявши, напимшись вм. напившись, пногда поромну вм. поровну. Вм. *м—в*: гувно вм. гумно, вного вм. много. Вм. *в—р* произносятъ въ сл. скрось (сквозь), вм. *в—л*: слобода вм. свобода, слободный вм. свободный (напр. покутъ: когда я былъ слободный мальчикъ...). Вм. *в—к* не встрѣчается. Вм. *в—с*: скусь вм. вкусъ, скусный вм. вкусный, Москоской вм. Московской (вм. *сс—с*). Вм. когда, тогда говорятъ товда, ковда, а не толда, колда. *Гъ* водѣ, *жъ* тѣни (вм. въ водѣ, въ тѣни) не говорятъ. Измѣненія гортанныхъ въ свистящія въ склоненія именъ не замѣчается. § 48. Краткое *у* вм. *в* ни въ началѣ, ни въ среднихъ слова не произносится. Точно такъ же и вм. *у—в* не произносятъ. Передъ буквой *у* иногда замѣчается пропускъ согласныхъ *в* и *б*, напр. вѣкоуха, дѣушка, баушка. А обратно *в* къ *у* не приставляется. § 49. Вмѣсто *р—л*: пролупъ вм. прорубь, калактеръ вм. характеръ. Вмѣсто *н* въ нѣсколькихъ словахъ слышится *л*, напр. говорятъ: Ликапъ вм. Никандръ, глпной вм. гиплой, сумлѣние вм. сомлѣние, сумлѣваться. Въ другихъ же словахъ вм. *н* говорятъ *м*, напр. Миколай — Микола, Микита, Кимешма, мравъ, стомовой вм. Николоай, Никита, Кпшешма, правъ, становой (приставъ). Обрато же вм. *м—н* не говорятъ. § 50. Говорятъ: мелче; но колоколья, Львовъ, большой, больной. Вм. *л—н* манишкой, поманеньку, мапшпшкой вм. маленькой весьма малый, помаленьку; маненько вм. маленько. Буква *л*

произносится обыкновенно; также въ звуки *е* и *у* не переходитъ.

§ 51. Говорятъ: ладно, одна, сукно, но оманъ, оманщикъ, омочило, оммѣрялъ, оммѣнялъ, омморозилъ, останной, кажинной, вм. обманъ, обманщикъ, обмочило, обмѣрялъ, остальной, каждый. Во многихъ словахъ согласныя выпадаютъ, напр. шесь, тросъ, мотри вм. смотри. § 52. Буквы *д*, *б*, *в*, *з*, *ж* произносятся какъ *т*, *н*, *ф*, *с*, *ш*; также рокъ, друкъ. § 53. Говорятъ: кровь, любовь, семь, пролупъ, голупъ, рупъ. Окончаніе 3-го л. ед. и множ. чис. твердо: идетъ, идуть. Слѣдующія слова выговариваются твердо: лапки, шапки, трапки, юпки, дѣпки. Также твердо говорятъ: певрой (вм. первой), серъпъ, но верхъ, зеркало, церковь — мягко. Слова: дворникъ, горница, харчевня, молепствіе, хлѣбникъ, лѣчебница, деревня, большею частью произносятся твердо. Говорятъ: купца. Слова же: плотникъ, скотникъ, родникъ, огородникъ иногда встрѣчаются и съ мягкимъ произношеніемъ. Слова: вслѣтствіе, бѣтствіе, ротственникъ произносятся мягко. Говорятъ: молодба. Слова: здѣшной, прежней, подсиѣжникъ, грѣшникъ выговариваются твердо. Говорятъ: барской, царской, деревенской, женской, москоской, но рюской. Въ срединѣ словъ вставляются: *о* — поэвтому, эвототъ, сороковусть вм. сорокоусть; соровѣшка вм. сыроѣшка, *и* — берегчи, бѣгчи; *к* — слабо, поздоровкался; *л* — Успленевъ день; *т* — экзаментъ, страмъ, струбы, Арсентей; *ш* — ширше; *р* — проздравлять. Иногда вставляются цѣлыя слоги: становѣть вм. ставить, подовторять вм. повторять. Въ концѣ слова: брательникъ вм. братъ, воначка, вотачка, праводи, топеръчка. Въ иныхъ словахъ буквы опускаются въ началѣ слова: Митрей вм. Дмитрій, ицо вм. яйцо, Иконоръ вм. Никаноръ, Лизавета вм. Елизавета, перво вм. сперва, Ларіонъ, Сенофонъ вм. Ксенофонтъ, рестански роты, Катерина вм. Екатерина, Енадей вм. Геннадій, Лексанъ, Лександра, Лексѣй вм. Александръ, Александра, Алексѣй; мотри вм. смотри, дѣ вм. гдѣ; енералъ вм. генералъ; въ срединѣ слова: красинъ вм. керосинъ, разѣ вм. развѣ, празникъ, Костяньтинъ, поёмъ вм. подемъ, пои вм. поди, погляи вм. погляди, съ даей вм. дядей,

губерня, седне *вм.* сегодня, скоря *вм.* скорѣе, сѣмой, карапъ *вм.* корабль, рушь *вм.* рубль, невѣжа, Богоронца, дошь *вм.* дождь, Рожесво, примать, сымать, подымать, чюсьвовать, жалиться, кститься *вм.* креститься; перекетилась *вм.* перекрестилась, качесво, возми *вм.* возьми, богасьво, буѣтъ *вм.* будетъ, госья, пнословной *вм.* пносословный; королесьво, кресьяньсво, степенсьво, хаера *вм.* холера, шпалеръ *вм.* шпалеръ, щасье, усье *вм.* устье, ненасье, благочесье, мѣсность, волосной (судь), Ликанъ *вм.* Нпкандръ, посаить *вм.* посадить, работатъ *вм.* работаетъ, дѣлатъ *вм.* дѣлаетъ, сбѣгамъ *вм.* сбѣгаемъ, шесь *вм.* шесть, поздо *вм.* поздно, субота *вм.* суббота, краулить *вм.* караулить, лѣсница *вм.* лѣстница и др. Тетеря *вм.* тетеревъ, гармонь *вм.* гармоника, странецъ *вм.* странникъ, франецъ *вм.* французъ, коли, николи *вм.* когда, никогда, скоря *вм.* скорѣе. Въ пѣкоторыхъ словахъ переставляются буквы: патретъ *вм.* портретъ, квардатъ *вм.* квадратъ, дармаъ *вм.* даромъ; перстянки (отъ пѣрсть) *вм.* перчатки, глиной *вм.* гнилой, певрой *вм.* первой.

Гласныя. *Вмѣсто а—и* въ словахъ: куды, туды. *Вмѣсто а—ь:* кричѣтъ, стучѣтъ, стучѣль, кричѣль, рѣдко домѣ(?). *Вмѣсто или* говорятъ али; *вм.* панихида — панафида. *Вм.* *и—о:* чѣсточка *вм.* частичка. *Вм.* *и—у:* гречуха. Наоборотъ *и* *вм.* *у:* чигунъ, а не чугунъ. *Вм.* *ю—у:* отсуда, суда *вм.* отсюда, сюда. Наоборотъ въ словѣ русскій говорятъ *ю* *вм.* *у:* рюскій. *Вм.* *и—ь:* въ повелительномъ наклоненіи во 2 л. ед. и множ. чис. подь (суды), подьте, принесь, омманъ *вм.* обмани, прогѣнь *вм.* прогони и др. *Вм.* *е—ь:* ольня *вм.* оленя. *Вм.* *я—ь:* яблонь. Наоборотъ *я* *вм.* *ь:* топери *вм.* теперь, здѣся *вм.* здѣсь. *Вм.* *ь—я:* окромѣ *вм.* кромѣ, скоря вышло изъ скорѣе; *е* отбросили, а *вм.* скорѣ стали говорить скоря. *Вм.* *ю—и:* въ дехті, кориха *вм.* корюха (т. е. корь). *Вм.* *ы—о:* ноньче *вм.* нынѣче, скидовѣетъ *вм.* скидываетъ. *Вм.* *ы—е:* метелекъ *вм.* мотылекъ. *Вм.* *о—у:* духтурѣ *вм.* доктора. *Вм.* *з—а:* ужина *вм.* ужинъ.

Согласныя. Вм. *с* въ сл. Аввакумъ говорятъ *б*: Абакумъ. Вм. *н*—*к*: меледко, видко, обидко. Вм. *н*—*д*: подомарь, пенжакъ. Вм. *н*—*ф*: акапистъ. Вм. *р*—*н*: некрутъ, анхерей, ярмонка. Вм. *с*—*и*: цыгарка, чешотца, годитца; вообще въ окончаніи *ся* *с* переходитъ въ *и*. Вм. *т*—*д*: молодьба, эдакъ. Вм. *т*—*и*: поччевать, чажоло, чажолый, рѣдко чрезвыи. Вм. *ф*—*х*: арихметика.

Удареніе. § 54. Изъ номѣченныхъ въ семь параграфѣ словъ въ нашей мѣстности выговариваютъ: ручей, хѳлодь, язѳка, гѳворъ, ѳсень, ѳсеню, ѳдыхъ, кѳлоколь, кѳршунъ, мѳчикъ, нѳжикъ, валѳжникъ, вѳры, обѳхомъ, на лошади, отъ нѳчи, на кѳняхъ, твѳрогѳ, звѳря, кѳменя, кѳменьевъ, пять сѳженъ, прѳѳны, потѳлѳкъ, вѳрба, возмѳ, вѳдрами, закѳладка, подрѳга, подрѳжка, успѳхъ, застѳва, ѳтставка, пѳставка, казнѳ, дѳчка, сѳсна, дѳвѳчка, елѳха, солѳнка, рѳдина, судѳбина, дешевѳзна, въ рекѳ, свѳиню, двѳ версты, деревѳнь, вѳлами, онъ косѳтъ, родѳтъ, звонѳтъ, онъ родѳтся, спѳтъ, ѳдѳтъ, хотѳтъ, несѳтъ, кладѳтъ; итѳ бываетъ въ вопросахъ: што вы спѳтъ? што ѳдѳтъ? Въ повел. накл. спѳтъ; бѳѳтъ, икѳтъ, вопѳтъ, роботѳтъ, кѳшлять, положѳтъ, предположѳтъ, понѳдѳтъ, подѳйтѳ, рѳбкой, толстѳй, чѳрствый, сурѳвой, ииѳй, кажѳннѳй, идѳшь, идѳтъ, идѳтъ, глубѳкъ, вы курѳте, не мѳгутъ, скѳжутъ, стегнѳтъ, разорвѳшь, отогнѳшь, подѳйдѳшь, пойдѳшь, помѳхнѳтъ или помѳхнѳтъ, козырнѳтъ, повернѳтъ, отдохнѳтъ, кувырнѳтъ, лѳшади, кѳробъ, жѳмчугъ, тварѳгъ, закѳска, простѳшѳ, сѳрдѳцо, знакѳмсьво, мнѳжество, молѳченіе, гадѳніе, вставѳніе, пѳтьѳ, жѳтьѳ, сѳдѳсва, ворѳта, болѳта, сѳмена или сѳменѳ, внучѳта, лѳгнѳта, щѳнѳта, боѳра, брѳтъя, платѳй, яѳцъ, молѳдѳй, мѳлодь, лѳгокъ, мѳгокъ, тѳсноѳ, чѳщѳ, сковѳродѳ, слѳбѳдѳ, колѳкѳльнѳ, дѳньга, принѳстѳ, розогнѳтъ, говорѳтъ, говорѳшь, брѳсѳтъся, осырѳтъ, пѳзвалъ, сѳбралъ, погнѳлъ, послѳлъ, дострѳлѳлъ, перѳстрѳлѳлъ, привѳдѳнъ, привѳзѳнъ, принѳсѳнъ, привѳденѳ, приѳсѳенѳ, привѳзенѳ, провѳдѳнъ, тугѳй, сырѳй, шѳлѳковѳй, дрѳгой, прѳсноѳй, грѳзнѳй, бѳрнѳй, мѳлѳкой, лѳвѳкой, жѳркѳй, рѳдѳкой,

топкой, пошатнётся, случилось, бравши, наившись, взившись, опасно, высоко, далеко, глубоко, можно, темно, иногда, завсегда, семнадцатый, самогo, другога, другому, одново, одному, шиково, ипчево. Примѣчанія: вм. языкъ иногда въ разговорѣ произносятъ ясакъ, ясакомъ (напр. тебѣ рюскимъ ясакомъ-то было сказано). На ряду со словомъ сѣменá говорится и сѣмена (напр. на сѣмена-та ишшо миѣ буётъ). Затѣмъ говорятъ: сахарный (пряникъ), сѣмнатцать, раскаеваются, двѣ-тѣ (рублевки), съ тые (вм. съ той), черемоха, скидоваётъ, впервые, либошто вм. что-либо, нѣшто и нѣшто различаются между собою: нѣшто — употребляется вмѣсто да; нѣшто вм. нѣчто, напр. Лѣксанъ нѣшто хотѣлъ сказать. Нѣшто же отвѣтъ на вопросъ, напр.: Али хотѣлъ приѣхать N—то?—нѣшто. Учатся вм. учатся. Опъ учить. Кострома вм. Костромá; надо ѣхать въ Кострому. Чáсточка вм. ча-стичка, не найдешь вм. не найдѣшь, коробья, а не коробья, колобья, вóзметъ вм. возьметъ, вóзъемъ вм. возьмемъ. У насъ говорятъ гóлбець, а не голбѣць. Порозманитъ. Матрешенька, въ церковí, втѣпоръ, по пиво, въ озимí, сýзнава, ремень, кúрецъ вм. куриць, некто. Монастыря, кобáбля, богáтыря — не говорятъ, хотя въ именительномъ и говорятъ манастѣрь, богатѣрь, карáпъ. Говорятъ зимѣ и зимѣ, стѣнѣ и стѣиѣ. Вм. не боюсь — не боюсь не говорятъ, вм. не билъ иногда говорятъ не билъ. Говорятъ: три гóда; пóдъ вечеръ, но на злó.

Склоненіе именъ. § 57. Говорятъ пшено, а не ишена, но жнитво произносятъ въ женскомъ родѣ: жнѣва (а не жнитва), напр. идутъ со жниввы. Опредѣленіе съ опредѣляемымъ согласуютъ правильно: одно селеніе, доброе ружье. Говорится: эта путь: онъ идетъ путѣй-дорóгой. Вм. этотъ яблокъ говорятъ это яблоко. Говорятъ: какой кашель, мировой судья. Слова: лѣса и мышъ употребляются только въ одномъ родѣ. Гусь — мужскаго рода. Лебедь же и собака — женскаго рода. § 58. Всегда говорятъ: съ тово году вм. съ того года; по три года, два года—правильно говорятъ. Затѣмъ говорятъ съ рынку, съ потолку вм. съ рынка,

съ потолка. Отъ слова день въ родительномъ, дательномъ и предложномъ падежахъ употребляется: дни; напр. два дни, къ Ильину дни, этта на дни. Рубль — въ родительномъ: рубли, два рубли. Сегодня — соводни (и е), но чаще седне, третьево дни. Вм. испоконъ-вѣка говорятъ испоконьвѣки. Говорятъ: во лбу, въ саду, въ лѣсу, въ углу; на волоскѣ, на потолкѣ, на камнѣ. § 59. А вм. *ы* въ имен. множ. числа слова: приговорá вм. приговоры, но кусты́. Вм. *а* — *ы*: повары, по́ясы, но погребá, глаза́. Князья, друзья, братья, стулья, колья, но гвозѣ́ вм. гвоздья. Говорятъ: сватья́, стáросты, кресьяна вм. крестьяне; шшеня́та, а не щенки. § 60. Въ родительномъ падежѣ́ множ. чис. въ нѣкоторыхъ словахъ встрѣчается окончаніе *овз*, между тѣмъ какъ они не должны его имѣть, напр. глазовъ вм. глазъ, человековъ вм. человекъ (но въ то же время всегда: сколько человекъ?), салда-товъ вм. солдатъ; или робенковъ, жеребенковъ вм. ребягъ, жеребягъ. Обратнo, зубъ вм. зубовъ не говорятъ. Окончанія *овз* и *евз* въ род. п. множ. ч. употребляются вм. *ей*, напр. пріятелевъ, рублевъ, караблевъ, ключовъ, ножовъ вм. пріятелей, рублей, караблей, ключей, ножей, кирпичовъ вм. кирпичей; кряжовъ вм. кряжей. Обратнo же, *ей* вм. *овз* и *евз* не говорятъ. Затѣмъ, говорятъ: молодцы, а не молодци. Вмѣсто творительнаго надежа всегда употребляется дательный, но вмѣсто дательнаго творительный почти никогда — напр. по полямъ, дать корму кó-нямъ; съ лошадямъ, съ дѣвкамъ, подъ ногамъ, за рыбамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, съ крестамъ, за полямъ, брать рука-мъ, саранать кохтямъ; но дѣтьми, напр. што подѣлашь съ богатымъ-те дѣтьми? Вм. окончанія *ми* въ твор. п. мн. ч. *мы* и *ми* не употребляются. Также вм. *ами*—*ими* и вм. *ахъ*—*яхъ* не употребляются. § 61. Говорятъ свекровь, мать, дочь, рожь, церковь; иногда говорятъ барыни, сударыни, но чаще барыня, сударыня. Смѣшенія надежей родительнаго, дательнаго и мѣстнаго пѣтъ. Въ твор. пад. един. чис. жен. род. всегда употребляется окончаніе *ой*: жоной. Всегда говорятъ съ бабой, а не съ бабѣй, за берѣзой. Вм. сл. сілою употребляется слѣомъ. Гово-

рятъ: на лошади, въ грязи, въ крови, на печи; но *вм.* къ дочери, къ матери, къ лошади говорятъ къ дочерѣ, къ матерѣ, къ лошаде, на площаде. *Вм.* тысяча гов. тыща; твор. ед. тыщѣй. § 62. Всегда говорятъ: ямы, нивы, лопаты, травы, березы, поляны; лошади, яблони, вещи, подати, зелени, пустоши, озими. § 63. Говорятъ: книгъ, мтиць, избъ, палокъ, чашокъ, лошокъ; сваребъ, а не свадьбей; овецъ и мтиць *вм.* птиць. *Вмѣсто* окончанія твор. пад. *мн.* ч. ж. р. *амы* и *ами* окончаній *ми* и *мы* нельзя услышать; всегда говорятъ: рукамъ, а не руками, слѣзамъ, а не слезми. Въ именахъ разносклоняемыхъ окончаніе именительнаго падежа ед. ч. *я* переходитъ въ *ѣ*, такъ говорятъ: времѣ, имѣ, бремѣ, знамѣ, племѣ, пламѣ, сѣмѣ, стремѣ и дитѣ. Склоняются они такъ: *И* времѣ, времена, дѣти; *Р* время, времѣнь, дѣтей; *Д* времю, дѣтямъ; *В* времѣ, дѣтей; *Т* времѣмъ, дѣтямъ и дѣтьми; *П* о времѣ, о дѣтяхъ. § 64. Говорятъ: ворота, болота, брѣвна, вѣсла. Род. *множ.* ч. отъ поле полей, а не поль; *у* нашихъ крестьянъ мало полей. *Овз* въ род. *множ.* ч. *сред.* р.: дѣловъ, мѣстовъ и изрѣдка пивовъ. § 65. Предложный п. ед. ч. отъ деготь: въ дехтѣ. Въ родит. п. ед. ч. ж. р. отъ мѣстоименія тотъ употребляется тыѣ *вм.* той, мыѣ, твыѣ, *вм.* моей, твоей. Въ именахъ существительныхъ, оканчивающихся на *а* и *я*, звательный падежъ оканчивается на *ой* и *ей*, напр. мамой *вм.* мама, тятей *вм.* тятя, Ванькой *вм.* Ванька, Семкой *вм.* Семка, Саськой, Колькой и др., при чемъ на такихъ словахъ замѣчается два ударенія: Сѣмкѣй, мѣмоѣй и др. § 66. Иногда говорятъ: тѣмна ночь, мила дочь *вм.* темная ночь, милая дочь; также добры молодцы *вм.* добрые молодцы. Съ бѣломъ (лицомъ), съ добромъ (отцомъ) не говорятъ. Точно такъ же: молодѣй и др. не говорятъ. § 67. Въ *вин.* пад. прилагат. жен. род. окончаніе *ую* не измѣняется въ *ою*; оно также не измѣняется въ *аю*. § 68. Въ род. пад. прилагателн. жен. род. *вм.* окончанія *ой* употребляется иногда *ыѣ*: отъ молодыѣ жены, съ тыѣ недѣли. Но *эй* *вм.* *ой* не употребляется. § 69. Въ *имен.* пад. *множ.* чис. прилаг. всѣхъ родовъ слышно на концѣ *е*: злые люди, ясные дни, бѣлые коровы, силь-

ные лошади. Въ имен. мн. ч. прил. всѣхъ родовъ окончанія *іе* и *ые* не измѣняются въ *ѣи* и *ѣи*. Также не говорятъ: добраи, сильнаи, а говорятъ добрые, сильные. § 70. Вм. предлож. пад. ед. чис. прилаг. муж. и сред. род. творит. пад. не употребляется. Не употребляется также: худѣмъ, другемъ вм. другомъ, худомъ. § 71. Дател. пад. множ. ч. прил. всѣхъ родовъ — творит. множ. не замѣняется. Обратнo же, вм. твор. пад. множ. ч. всегда употребляется дат. пад., напр. съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ основымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ, со своимъ друзьямъ. Вм. окончанія твор. пад. множ. числа *ми* не употребляется *ма*. Также не говорятъ и золотми, горячми вм. золотыми, горячими. Сырѣмъ, молодѣмъ, сырѣми, молодѣми также не говорятъ. § 72. Говорятъ: молодыхъ, записныхъ, но на ряду съ этимъ встрѣчается и молодыхъ, записныхъ, разнымъ. Но окончанія *эхъ* нигдѣ въ склоненіи не встрѣчается. Формы: горькѣфъ, чужкѣфъ и др. подобныя также не встрѣчаются. § 73. Род. пад. ед. ч. отъ мѣстоименія *я*: меня; также и вин. пад. — меня; дат. пад. — мнѣ. Мѣстоименіе *ты* склоняется такъ: *Р.* тея; *Д.* теѣ — тѣ*); *В.* тея, тя; *Т.* тобой; *П.* о теѣ; на ряду съ этими формами встрѣчаются иногда и правильныя формы. Возвратное мѣстоименіе *себя* склоняется такъ же, какъ и мѣстоименіе *ты*, но безъ сокращенныхъ формъ: *Р.* сея; *Д.* сеѣ; *В.* сея; *П.* о сеѣ. Иногда также встрѣчаются и правильныя формы. § 74. Твор. пад. нами, вамъ въ народной рѣчи никогда не употребляется вм. дат. пад. намъ, вамъ. Обратнo же, вм. творит. пад. (нами, вами) всегда говорятъ дат. пад. (намъ, вамъ). Формъ же: нами, вами, пама, вама и ны никогда нельзя услышать. § 75. Вм. въ нѣмъ говорятъ въ ѣмъ. Вм. дат. пад. мн. числа нмъ никакой другой формы не употребляется. Твор. пад. множ. — съ ними, а не съ нима. Вин. пад. ед. чис. — еѣ, а не ю. Вм. за неѣ, у неѣ говорятъ за еѣ, у еѣ. Вм. съ нймъ, за нймъ говорятъ съ имъ, за имъ. § 76. Формы: тымъ, тыхъ, тымъ, ты, тые, тыи, тѣи, тѣихъ, тѣими — никогда

*) Примѣры такихъ сокращенныхъ формъ: я тѣ дамъ; хто (вм. кто) тя видить.

нельзя услышать;—говорятъ правильно. Говорятъ: то, а не тоё, томъ, а не тоёмъ, тёмъ и тымъ. Им. ед. жен. рода та, а не тая; род. пад. — той, тыё, но не тоё или тый; винит. п. имѣеть одну форму: ту. § 77. Весь во множ. числѣ склоняется такъ: *И.* всѣ; *Р.* всѣхъ; *Д.* всѣмъ; *В.* всѣхъ; *Т.* всѣмъ; *П.* о всѣхъ. Вин. ед.— всю. Говорятъ: сами, самихъ, самимъ, самими, о самихъ. Эти, этихъ, этимъ, этими, о этихъ (а не объ этихъ). Одинъ склоняется такъ: множ. чис. *И.* одинъ, одна, одно; однѣ. *Р.* одново, одныё, одново; однѣхъ. *Д.* одному, одной, одному; однѣмъ. *В.* одново, одну, одно; однѣхъ. *Т.* однимъ, одной, однимъ; однѣми. *П.* одномъ, одной, одномъ; однѣхъ—во всѣхъ родахъ. § 78. Мѣстоименія притяжательныя склоняются слѣдующимъ образомъ: едн. число *И.* муж. р. мой, твой, свой; жен. родъ моя, твоя, своя; среднй родъ мое, твое, свое. *Р.* муж. родъ мово, твово, свово; жен. родъ моеё*), твоеё, своеё; ср. какъ муж. родъ. *Д.* муж. родъ мому, твому, своему; жен. родъ моёй, твоёй, своёй; ср. какъ муж. р. *В.* муж. родъ мово, твово, свово; жен. родъ мою, твою, свою; средн. родъ мое, твое, свое. *Т.* муж. родъ моёмъ, твоёмъ, своёмъ; жен. родъ моёй, твоёй, своёй; ср. какъ муж. родъ. *П.* муж. родъ моёмъ, твоёмъ, своёмъ; жен. родъ моёй, твоёй, своёй; ср. какъ муж. родъ. Притяжательныя мѣстоименія 3-го лица: ево вм. его; её вм. ея; ихной вм. ихъ. § 79. Оба склонается такъ: оба, обѣихъ, обѣимъ, обѣихъ, обѣимъ, обѣихъ— во всѣхъ родахъ одна форма. Говорятъ: двоихъ, двоимъ, двумя (иногда двумя), тремя (иногда трети), трёмъ и трюмъ, трѣхъ, чаще трюхъ, трюмя и тремя, но четырёхъ, четыремъ. § 80. О частцахъ. Частица при существительномъ мужескаго рода въ твердомъ склоненіи — отъ, въ мягкомъ — ётъ; напр. хлѣботъ, столотъ, братотъ, стулотъ, сынотъ, отецотъ, возотъ; звѣрётъ; случаётъ, конётъ, краётъ, лѣнтяётъ, родителётъ, мечётъ. При склоненіи частицы измѣняются такъ: хлѣботъ; род. — хлѣба-та; дат. — хлѣбу-ту; вин.—хлѣботъ; твор.—хлѣбомъ-то; пред.—о

*) Иногда говорятъ мые, твые вм. моей, твоей, напр. мые лошади-то тамъ не видалъ.

хлѣбѣ-то. Множ. число—им. хлѣбы-тѣ; род.—хлѣбовъ-то; дат.—хлѣбамъ-то; вин.—хлѣбы-тѣ; твор.—хлѣбамъ-то; пред.—хлѣбахъ-то. Въ мягкомъ склоненіи: звѣреть; род.—звѣря-та; дат.—звѣрю-ту; вин.—звѣря-та; твор.—звѣремъ-то; пред.—о звѣрѣ-то. Множ. ч.: звѣри-тѣ; род.—звѣрей-то; дат.—звѣрямъ-то; вин.—звѣрей-то; твор.—звѣрямъ-то; предл.—о звѣряхъ-то. При существительныхъ женскаго рода частица та измѣняется такъ: вода; род.—водыто; дат.—водѣто; вин.—водуту; твор.—водойто; предл.—о водѣто. Множественное число: водытѣ; род.—водь-то; дат.—водамъ-то; вин.—водь-то; твор.—водамъ-то; предл.—о водахъ-то. При существительныхъ же средняго рода частица *то* измѣняется такъ: слово-то; род.—слова-та; дат. слову-ту; вин.—слово-то; твор.—словомъ-то; пред.—о словѣ-то. Множ. число: и.—словá-та; род.—словъ-то; дат.—словамъ-то; вин.—слова-та; твор.—словамъ-то; предл.—о словахъ-то. Обороты: та баба и баба та различаются между собою.

Спряжение глаголовъ. § 81. Вм. окончанія *ить* въ неопредѣленномъ наклоненіи *ѣтъ* слышится въ сл. звонѣтъ вм. звонить, напр. али звонѣтъ начали, но вопѣтъ, шевелѣтъся, ходѣлъ, заговорѣлъ не употребляются. Иногда говорятъ: смотреть вм. смотрѣтъ; стемнять вм. стемнѣтъ; осырать вм. осырѣтъ; но загорѣтъся, а не загорятъся; говорятъ также: стемняетъ, осыряетъ. Вм. заплѣсневѣтъ говорятъ заплѣсневать. Вм. окончаній *ать*, *ять* встрѣчается иногда *ьтъ*, напр. стучѣтъ вм. стучать, кричѣтъ вм. кричать, скучѣтъ вм. скучать, прожужжѣтъ вм. прожужжать, но стрѣлять, а не стрилѣтъ, таетъ вм. таятъ (растаяло), вм. начало—начело, но начать. Вм. окончанія *ить* — *ять* не употребляется. Точно такъ же и вм. *нутъ* — *нить* не употребляется. Вм. слова *вынуть* говорятъ *вынѣтъ* и рѣдко *вымáтъ*, но *вынулъ* *вынялъ*. Вм. обнима говорятъ *обойми* и *обыми*. § 82. Говорятъ: скачу, требую. Вм. *нанимать* говорятъ *паймовать*. Вм. окончаній *овывать* и *ѣвывать*—*увывать* и *ювывать* не слышится. Говорятъ: замораживать, устраивать, уваживать, оспаривать, удваивать,

успокаивать, просрачивать. § 83. *Е* вм. *есть* не употребляется. Связка *есть* въ предложеніи опускается. Вм. *есть* говорятъ *есть*; *поѣшь*—*поѣси* но вм. *дашь*—*даси*, *продашь*—*продаси*, *ѣшь*—*ѣси*, *сѣшь*—*сѣси*, никогда не говорятъ. Вм. *даютъ*, *отдаютъ*—*говорятъ дадутъ*, *отдадутъ*, наир. *онѣ дадутъ*; дешевле не *отдадутъ*. § 84. Вм. окончанія *аю*—*у* не встрѣчается. § 85. Въ 3-мъ лицѣ един. числа и въ 3-мъ л. множ. ч. окончаніе *тз* никогда не отбрасывается; вм. *врѣшь* также нельзя сказать *врѣ*. § 86. Окончанія: *шо*, *то*, *мо* и *та*, *ма* никогда не употребляются. Окончаніе 3-го лиц. един. и множ. чис. *тз*—никогда не произносится какъ *тз*. § 87. Говорятъ: *текошь*, *текотъ*, *текомъ*, *текотѣ*, *стерегошь*. Вмѣсто окончаній *ѣшь*, *ѣтъ* употребл. *ошь*, *отъ*: *бѣгошь*, *бѣгомъ*, *стерегошь*, *лгошь*, *лгомъ*, *толкошь*, *могошь*, *моготъ*; вм. *хочешь*—*хошь*. § 88. Вмѣсто окончанія *ятъ* въ 3 л. мн. ч. *настоящ.* вр. *пзъяв.* *нак.*—*ютъ* не употребляется. § 89. Окончаніе неопредѣленнаго *тз* въ *ти* никогда не переходитъ. Вм. *жечь*, *мочь*, *лечь*, *беречь* говорятъ: *жеччи*, *могчи*, *леччи*, *берегчи*, *жеччи*, *пекчи*, *бѣгчи*. Вм. *идти*, *вести*—*итить*, *вестить* не говорятъ. § 90. *Видла*, *видло*, *вѣсла*, *вѣсло*—не говорятъ. § 91. *Виженъ* вм. *виденъ* не говорятъ. Вм. причастныхъ окончаній *тый*, *той* или *тз*—*ный*, *ной* и *нз* не употребляются. Обратнo же вм. *нз*—*тз*: *прогнатъ* вм. *прогнапъ*, *убратъ* вм. *убрапъ*, *заслатъ* вм. *засланъ*. Вм. *разогнаны*, *разогнано* говорятъ: *розгонены*, *розгонено*; вм. *наложено*—*накладено*; по *заперто*. § 92. Вм. *убѣжалъ* говорятъ *убѣгъ*, но *впрягъ*, а не *впрѣгъ*. § 93. Повелит. наклоненіе отъ *ѣхать*, *уѣхать*—*поѣзжай*, *ѣдь*, *уѣдь*, *заѣдь*. Вм. *принеси* говорятъ *принесь*. § 94. Въ будущемъ времени говорятъ: *иму дѣлать*, *имѣмъ дѣлать*; не *иму* (отсюда не *му*) *дѣлать*; не *мемъ* (и не *имѣмъ*) *дѣлать*; *стану дѣлать*, не *стану дѣлать*.

Синтактическія особенности. § 96. Иногда говорятъ: *гвозьѣ* (вм. *гвозди*); *звѣрьѣ* (вм. *звѣри*). Встрѣчается также употребленіе въ значеніи собирательномъ такихъ словъ, которыя

въ един. числѣ должны обозначать одинъ предметъ, а во множ.— нѣсколько предметовъ, напр. огурецъ вм. огурцы (нынче огурецъ ни по чемъ), или напр. грибъ вм. грибы (какъ гриба, гриба было на базарѣ...!); но овчишко вм. овцы не встрѣчается. Также: яблоко вм. яблоки (какъ яблока было на базарѣ...) § 97. Употребленіе множ. числа вм. един. не замѣтно. § 98. При неопредѣленномъ накл. въ словахъ жен. рода вм. винительнаго пад. именительный не употребляется. § 99. Вм. винит. пад. именъ существительныхъ мужеск. рода иногда употребляется родит. пад.; напр. отъ названій растений: онъ нашолъ боровика, груздя, осиновика (а не подосиновикъ), рыжика. § 100. Вм. имен. пад. при гл. есть родительный—не употребляется. § 101. Говорятъ: красивъ собой, а не изъ себя; красивъ на рожу-ту; красивъ съ рожки-то. § 102. Говорятъ: благодаримъ васъ, играть въ карты, разговаривать съ нимъ, метить ему. § 103. Говорятъ вмѣсто въ прошломъ году — *лтось*, вм. вчера — *вчерась*; вм. на будущей годъ — *вось*; въ вечеру. § 105. Вм. предлога *за* всегда почти говорятъ *по*; напр. онъ поѣхалъ по овесъ; пошолъ по кóней, птти по грибы, — по ягоды; по коровъ, по овецъ; вм. за чѣмъ ты пришолъ? — по што ты пришолъ; вм. нар. зачѣмъ употребляется *пошто* и *нашто*, чаще — *нашто*. § 106. Предлогъ *съ* не замѣняется другими предлогами. Тосковать по комъ, а не за кѣмъ. § 107. Предлогъ *на* замѣняется *о* въ слѣдующихъ случаяхъ: о рожесвѣ, о Пасхѣ, о масленицѣ, о святкахъ. Говорятъ: на двоёмъ, на троёмъ вм. на двухъ, на трехъ подводахъ. § 108. Предлоги: мимо и возлѣ требуютъ послѣ себя родит. пад., напр. мимо гувѣнь (а не гумень), возлѣ дороги; затѣмъ вм. этихъ предлоговъ иногда употребляется слово *несль*, напр. я иду несль угороду; или: несль гувѣнь-то тутъ. § 109. Говорятъ: соскушнлись по васъ вм. соскучались о васъ. Вм. предлога *изъ* употребляется иногда *съ*, напр. если спросить: откуда ты? отвѣтятъ: съ Дуткина, съ Бабыя; вм. откуда ты? — изъ Дуткина, изъ Бабыя. Затѣмъ предлогъ *въ* замѣняется предлогомъ *на*, напр. куда ходилъ? — на Дуткино,

на Бабѣ вм. въ Дуткино, въ Бабѣ. Вм. нарядъ говорятъ обрядъ. § 110. Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ степени сравненія выражаются особымъ удареніемъ: до . . . лгѣй; при этомъ до растягиваютъ, а окончаніе *мой* произносятся отрывисто съ удареніемъ, такъ что и выходитъ какъ будто два ударенія: надъ до, потому что его растягиваютъ, и на *гой*, потому что на немъ ударяютъ; чѣй - стѣй, дѣл - гѣ; угомо - - ннѣй (робенокотъ какой угомо - - ннѣй). Или же протяжными согласными: крррасной, сссиней. При этомъ для выраженія степени сравненія употребляются иногда особые слова: большущей вм. очень большой, маняспнкой вм. очень малый, остѣннѣйшей (денечкѣ) вм. самый послѣдній; или напр. для выраженія цѣлости дня: день деньской (только одинъ крикъ день деньской). § 111. Говорятъ: суды пришли два мужика; или — суда пришло двое (безъ существительнаго); играютъ два хорошіе мальчика; бодутся два большущіе быка. § 113. Два, три раза; шестьдесятъ-шесть лѣтъ. Два рубля вм. два рубля; два дни вм. два дня; три дни; пять день. § 114. Говорятъ: трой ворота, двой двери, семь вѣрстѣ. § 115. Вм. она — оно не говорятъ. § 116. Вм. личного оборота — безличныи не употребляется. § 117. Вм. онъ уѣхалъ, онъ пришолъ — онъ уѣхатчи, онъ пришедши — не говорятъ. § 118. Мостъ сломившись, орудія погнувшись, дѣти учившись — нельзя сказать. Всегда говорятъ: мостъ сломался, орудія погнулись... § 119. Дѣе-причастіе на *учи* не употребляется въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ: они услышали меня по ступенямъ идучи. Также нельзя слышать и выраженія: я его видѣлъ вти. § 120. Иногда употребляется вм. двухъ отрицаній — одно, напр. некто ѣму велѣлъ вм. никто ему не велѣлъ; нешто ѣму сдѣлается вм. ничего съ нимъ не сдѣлается; некто нишо дастъ вм. никто еще не дастъ. Затѣмъ, встрѣчаются обороты съ излишнимъ употребленіемъ отрицанія *не*: кто не то, кому не то вм. кто-нибудь, кому-нибудь. Вм. никто, никакой говорятъ некто, некакой. § 121. Частицы въ народной рѣчи нашей мѣстности встрѣчаются слѣдующія: ну да, ко, дескать, де, мо — и молъ, бѣшъ, то, ка и чка

съ какой-нибудь гласной; примѣры: ну да дамъ, какъ тебѣ не такъ; сто-ко, уди-ко, погляи-ко; ну, онъ и не боялся, што дескать онъ миѣ сдѣлаеть. Ты такъ ему и скажи, я мо (моль) теѣ печѣво не дамъ. Тятя-то пріѣхалъ вчера, бѣшь третьева дни; онъ теѣ-ка и наказывалъ. Топерѣчка, воначка, вотачка, ужоточка.

Слова и названія, употребляемыя при играхъ, забавахъ и пляскахъ: посѣдки, качели, городки, корма, мазло, сало, клюшки, кóзны вл. бабки; затѣмъ, дѣвицы играютъ: курюколамъ (т. е. супрядки), короньякамъ (т. е. дозорьки), шолковымъ платкомъ (т. е. посидѣнки), уполовникамъ, козой, полѣенымъ, кривымъ дождемъ, царскимъ (т. е. царскими) воротамъ; столбикамъ, зайцомъ, черепанкамъ, ворономъ; въ послѣдней игрѣ говорятъ:

Воронъ, воронъ!	— Иголки точить;
Богъ на помочь	— На што тебѣ иголки?
Богъ спасеть.	— Мѣшечки шить.
Воронъ, воронъ,	На што тебѣ мѣшечки?
Што дѣлашь?	Камешки класть.
Не слышу.	— Не што тебѣ камешки?
Воронъ, воронъ,	Твоѣхъ дѣтонекъ валять.
Што дѣлашь?	Што моѣ дѣтоньки сдѣлали?
— Ямку рою,	— Лучекъ да мачекъ вытаскали.
— На што тебѣ ямку?	Великъ-ли у тебя огородчякъ?
Камешки класть.	— В-онъ какой.
На што тебѣ камешки?	

Когда же играютъ: добрымъ ангеломъ, говорятъ:

Стукъ, стукъ	Чево тебѣ?
— Кто тутъ?	Краски.
— Ангель.	Какой?
Какой?	Зеленой(или же красной, желтой).

Доброй.

— Есть (и выдаютъ поющему
человѣка).

Когда же играютъ: злымъ ангеломъ, поютъ то же самое, только вм. слова доброй говорятъ злой; вм. есть — пѣтъ.

Слѣдующія двѣ пѣсни поются почти во всѣхъ играхъ:

Первичики, другичики	Пѣврой дань,
Летали голубичики	Другой дань,
По мосту, по росту,	На колодѣ колодань,
По Божіей росѣ	Пятьсотъ судея,
По поповой полосѣ.	Подомарь дудея,
Тамъ чашки, орѣшки,	Огрофена кошка,
Мѣдокъ, сахарокъ,	Голубина ношка,
Подя вонь,	Прѣла, горѣла
Родивонь.	По за море летѣла.
	Стукъ и громъ,
	Стѣкла вонь.

Когда эти пѣсни читаются, всѣ играющіе стоятъ въ кругу, при чемъ, выговаривая каждое слово, читающій показываетъ на каждаго поочередно, на кого приходится послѣднее слово: «Родивонь» или же «вонь», тотъ выходитъ изъ круга. Потомъ то же самое читаютъ опять; и такъ дѣлаютъ, пока не выйдутъ всѣ, кромѣ одного (послѣдняго); послѣ этого уже начинается самая игра. Тотъ, который не вышелъ, ловитъ другихъ, или же ищетъ, гдѣ они схоронились, если играютъ въ «короняки».

Разные приемы при пляскѣ называются колѣнами.

Прозванія, даваемыя крестьянами по физическимъ или нравственнымъ особенностямъ человѣка: хватъ, рѣва, скупердяй, скоморохъ, баюнъ, глотъ, шатунъ, фефѣла, марьяна, клипа, розиня; пашенокъ, пускленокъ, ростяпа. Прозванія, даваемыя другъ другу дѣтьми: шелемейтей, лобанъ (широкій лобъ), хлѣбной (бѣлый), христосивъ (смирный); лёса — кривы колѣса; до-до (пѣмой), тала-ла (тоже пѣмой); Ѳеда медя — съѣлъ медвѣдя; медвѣжье ушко, сорога (вертоватый), шгалица, ворона.

Фразы съ особенностями.

Не чуть дома-ли дядюшка N? вм. дома-ли... Нахомутаеть, нахомутаеть, да потомъ и сплетаетъ. ...Ровно отъ ума отсталъ... Съ ума пятить (т. е. сходить). Не знать ѳишо N... (т. е. не видать или же не слыхать). Глаза збросилъ (т. е. взбросилъ — поднялъ). Страхъ (или страсъ) испугалась. Уморилъ насъ со смеху; умерли мы со смеху; вотъ уморушку-ту видѣли. Погон до завтра. Завтра всё ровно денеть гуляшшой. — «Сколько было и міру, ай батюшки!» — «Што вного?» — «вного». Нехто ёму велѣлъ. Экъ тебя не лѣхкая-то принѣсла. Послѣ-то за три дѳрога не купить. Матушки свѣты! — удивленіе. А теѣ колькой годъ? Чай не снопы возишь? чай не овецъ ишшошь? чай не по ягоды хопла? и т. д. — такія фразы, обыкновенно, употребляютъ крестьянки въ шутку, хотя и видятъ, что та, которой говорятъ дѣйствительно снопы возить или овецъ ищеть. Чей ты? (или откудова ты?) — Съ Дуткина. — Чей ты съ Дуткина-та? — «Послѣ Миколая» и т. п. Обѣ водѣ рѣшныя (т. е. въ этихъ, и въ тѣхъ ведрахъ вода рѣчная). Дѣти, когда схоронять у кого-либо что-нибудь, обыкновенно, говорятъ на распѣвъ: матица, матица, ковда-небудь хватишса, хватишса. Воровка, воровка — прококана головка — также поютъ, когда разругаются между собою. Употребляются слова: сто-ко; дава-ко и да-ко; ну-ко; валя-ко; посрушнѣе. Затѣмъ, вм. соскучились говорятъ соскушилились; вм. тепло — теплетъ; вм. стрекоза — кобылка. Созвѣздіе «Большая Медвѣдица» называется лось. Повелит. накл. 2 л. ед. ч. отъ глагола лечь — лякъ. Вм. тлѣтса — тлитца; вм. ко взяткѣ иногда говорятъ ко взятку.

Пѣсни народныя.

Ахъ ты мташка, фянарейка,
 Востѣшай горѣ мое,
 Моё горѣ всѣмъ извѣсно:

Милъ уѣхаль отъ меня,
 Милъ уѣхаль, не простился,
 Забыль думать обо мнѣ.
 Отворю я клѣтки двери,
 Мташку вышущу гулять;
 Накажу я этой мташкѣ
 Два словечка потайныі:
 Слѣтай къ милому дружку
 Сять (т. вм. д) на яблоньку кудряву,
 И на вѣтку зелену,
 Пропой пѣсню,
 Пропой нову
 О жись (т. е. жизнь) горькую мою.

* * *

Не повѣрилъ отецъ сыну,
 Што на себѣ любовь есь;
 Отвѣрнулса сынъ, заплакаль.
 Шѣль онъ садикомъ зелѣнымъ
 И дорожкой столбовой;
 Вынял саблю, вынял востру,
 Себѣ голову срубиль;
 Ево буйная головка
 Покатилась (ъ вм. ь) по травѣ;
 Ево шшоцки румяніе,
 Ево письма дорогіе
 Прямо къ Сашенькѣ летять.
 Саша письма тѣ читала
 Со слезами горькими;
 Дѣ (т. е. гдѣ) читала,
 Тутъ и пала:
 Съ милымъ коньчилась (ъ вм. ь) любовь.
 Милъ женилсь, перемѣнилсь,
 Не помыслѣ жону взялъ,

Не помыслѣ, не по нравѣ,
 Не по сердцу (пропуск. д) своему.

* * *

Охъ родимой мой отецъ,
 Ты сердешна моя мать,
 Охъ меня-та, молодую
 Вы не ставьте подъ вѣнецъ:
 Поизвяну, какъ цвѣточикъ,
 И поблекну, какъ трава,
 Всѣ чужіе не родные (или незнакомы)
 Нашто жись мою лишили,
 Нашто выдали меня.
 Какъ по чужой-то-ли свѣтлицѣ
 Какъ-то опасно ходить,
 И на кажну половицу
 Какъ-бы прычче неступить.

* * *

У насъ въ горенкѣ хрустальной полъ,
 Камешки-то виноградные,
 У насъ дѣвки ненаглядные,
 Молодцы-то кудреватые.
 Одинъ молодецъ побаше всѣхъ:
 Нарядился въ сѣру козоньку,
 Вотъ пошла коза вдоль улицы гулять,
 Она стукнула копыццамъ о бревно;
 Погляи родима мамонька въ окно,
 Што у насъ тамъ за диковинка,
 Подъ окошкомъ сѣра козонька.

* * *

Прощай, радость жись ты моя,
 Ой, слышу, ѣдешъ отъ меня.
 Ой намъ должно разстаться,
 Мнѣ васъ больше не видать.

Тёмна почепька, не спитца,
 Сама не знаю, почему;
 Сама я дѣвпца ёму сказала;
 За мною мальчикъ не гонпсь (ъ вм. ъ).
 Если погонпшься же ты за мной,
 Потеряешь свой покой;
 Ой, буду я помпнпть ваши взоры,
 Вашъ весёлый разговоръ.
 Мы одинъ денекъ прекрасный
 Шлп съ гулянья вмѣстѣ съ нпмъ,
 На желтой песокъ садплпсь
 Протпвъ свѣжія воды...

(Сообщеніе К. Цвѣткова).

57. Симбирской губерніи, Буинскаго уѣзда, село *Ембулатово*.

Авторъ сообщенія — учитель с. Ембулатова, уроженецъ с. Чплімъ Буинскаго уѣзда, образованіе получилъ въ Симбирской духовной семинаріи.

О возникновеніи села Ембулатова записей нпгдѣ не пмѣется.

Передаютъ въ краткихъ чертахъ старожилы однако то, что здѣсь въ глубокой древности жплп три брата — татарпна — Булатъ, Тумбай и Мукуръ, отъ которыхъ и образовались три селенія: Ембулатово, Тимбаево — деревня и Мокрая Савалѣевка — деревня чувашская. Но какъ и откуда попали сюда русскіе, нкто того сказать не можетъ.

Край здѣсь чисто пнородческій — чувашп и татары, и близокъ онъ къ границѣ Казанской губерніи, а въ прошломъ — Казанскаго царства.

Передаютъ нѣкоторые здѣсь старпкп, что онп перва-де были ясашипкп и назывались ясашиными крестьянами. Въ архпвѣ мѣстнаго волостнаго Тимбаевскаго правленія нѣтъ указаній на то,

чтобы мѣстные крестьяне носили названіе—ясашные крестьяне, а они зваются (1818 г.) государственными.

Въ 1835 году эти государственные крестьяне, какъ равно и многіе другіе нашей Симбирской губерніи, обмѣнены съ количествомъ ихъ ревизскихъ душъ и угодій на крестьянъ удѣльныхъ, поступили въ Удѣльное Вѣдомство и стали называться удѣльными крестьянами.

Въ ревизію 1858 года здѣсь, въ Ембулатовѣ, было 422 души мужескаго пола, вышло же на выкупъ въ 1861 году 420 душъ. Церковь была выстроена въ прошломъ столѣтіи, въ 1790-хъ годахъ (опредѣленнаго тоже по церковнымъ документамъ нѣтъ), а до этого времени селеніе было причислено къ церкви Кѣйревской, выстроенной помѣщикомъ и по ветхости закрытой въ тѣхъ же 1790-хъ годахъ, на что есть письменныя доказательства.

До 1839 года здѣсь не было по всей округѣ ни одной школы. Мальчики учились у дьячковъ и у грамотныхъ солдатъ и солдатокъ (въ д. Тимбаевѣ учила полячка, жена солдата въ 1820-хъ годахъ). Удѣль—первый положилъ начало народнаго образованія. Съ 1-го августа 1839 года въ Ембулатовѣ открыто удѣльное училище для обученія мальчиковъ русскихъ и чувашъ—совмѣстно. Съ того времени и существуетъ училище, въ которомъ я состою учителемъ съ 23 сентября 1877 года.

До 1872 года, съ основанія училища неизвѣстно, сколько человѣкъ получили образованіе, но съ 1872 года до сего времени и съ учащимися сейчасъ получили образованіе 441 мальчикъ и 33 дѣвочки, а всего 474 человѣка. Большинство изъ нихъ приходится на село Ембулатово и деревню Тимбаево. Нужно сказать, что д. Тимбаево съ Ембулатовымъ составляютъ большое родство по многимъ отношеніямъ: обычаи, чловѣръ, говоръ народа, привычки, манеры, самая жизнь,— все это не представляетъ никакой разности. Роднились и роднятся эти два селенія между собой сильно.

Съ основанія училища и до 1872 года, т. е. за 33 года, надо полагать, вышло обученныхъ грамотѣ, сообразно вмѣющимъ

ся даннымъ, около 660 человекъ, а всего съ основанія училища около 1125 человекъ. Въ обоихъ селеніяхъ душъ около 850. Въ общемъ чувашъ обучалось за это время не болѣе 6% въ годъ. Дворовъ въ обоихъ селеніяхъ около 450.

Общеніе мѣстныхъ жителей съ уѣзднымъ городомъ «Буинскимъ» (21 верста). Городъ Буинскъ — полурусскій, полутатарскій. Русскіе здѣсь — мѣщане, выходцы изъ сосѣднихъ селеній и вообще изъ здѣшней Симбирской губерніи. Говоръ Буинскихъ горожанъ особенностей не представляетъ, за исключеніемъ только того, что здѣсь меньшинство въ нѣкоторыхъ словахъ употребляетъ букву *ш* вмѣсто *с*, напр. вмѣсто послушай говорятъ пошлушай; постой — поштой, посватали — пошватали и проч.

Я родился въ Буинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чилимѣ; росъ въ немъ до 22-хъ лѣтъ, а съ 1870 года состою учителемъ въ томъ же уѣздѣ.

— Образованіе получилъ въ Симбирской духовной семинаріи, въ 1870 году уволенъ изъ философіи и съ того времени учительствую.

Гласные. § 1. Говорятъ: Оксинья, Ондрей, Онтонъ, Осипъ, Онясья, Олёна, Офоня, Онясимъ, Олёша, Лексѣй. На *о* не говорятъ, напр.: батюшко..., дитятко произносятся: дититка; батинька. Никогда не говорятъ, напр.: стаканъ, говорятъ: стаканъ, баранъ, но алтарь — произносятся: олтарь, ялтарь; въ илтарѣ; вмѣсто тарелки говорятъ: торелки, вмѣсто танцы говорятъ: тонцы, хотя больше слышно танцуютъ, а не тонцуютъ; корета, конатъ — слова мало употребительныя. Говорятъ: рызговоръ, рызбирать, рызвозить, рызставлять, рыздѣлять, рызносить и проч. Здѣсь, можно сказать, слышится не чистое *ы*, но нѣчто только похожее на этотъ звукъ, такъ что слышится не то *ы*, не то *э*, не то *а* или *о*. Въ словахъ: росчетъ, роспахивать, робота, роботникъ, розыгрывать, розматывать, роспутывать, ростаптывать, розламывать — слышится чистое *о*, тогда какъ въ прошедш. врем. нѣкоторыя изъ этихъ словъ теряютъ *о* и оно переходитъ въ *ы*,

напр.: рызыгралъ, рызмоталъ, рыстопталъ, рызломилъ. § 2. Говорять чисто: ты платишь, онъ платитъ; ты катишь, онъ катитъ.

§ 3. Не говорятъ: замороживать, а замораживать, зарабатывать, унаваживать, уничтожать. Но говорятъ: подзадоривать. § 4. Говорять: раждаться, полагать, таварящъ, манахъ, манашка; мыпастырь, пынамарь. Салдаты; салдаты; сылодовня; сыловая лошадь, сыстояніе, сывокупно. Говорять: слыбода, мыстовая, хырошо, зылотой. Корабль говорятъ: корабель и карабель, подобно сему: рубель, нояберъ, декаберъ. Говорять: кокушка куковала; тыварохъ. Говорять: добрыва здоровья, худова человѣка, слепова нищыва, смѣлыва, сильныва, ретивыва, бодрыва и проч. На *a* не говорятъ, напр.: вада, вясна, а говорятъ: вода, вѣсна.

§ 5. У вмѣсто *o* никакъ и нигдѣ не слышится, кромѣ единственнаго здѣсь слова: Микулай, вмѣсто Миколай или Николай. Въ словахъ «огурцы, окунись» слышится не то *o*, не то *ы*, не то *э*; говорятъ: ыгурцы, ыкунись, а равно: ытыми, ытнеси, ытопри, ыторви и проч. § 6. Вм. Елена говорятся: Олёна, робенокъ, робяты, топерь, топерьча или топерича; доржать, доржи, доржите, задоржали и задержали; севодни и севодня. Вмѣсто *ѣ* не говорятъ *o*; не говорятъ и *o* вмѣсто *e*; деньшко такъ и называютъ: дѣньшко, а «одонье» и слова здѣсь нѣтъ такого. § 7. Слышно: лёвъ, нѣбо, хрѣсть, подѣнчики. Плеть, плѣтка, плестъ, сплѣлъ; сметя, смѣлъ; слетя, слѣтаю и т. д. § 8. Говорять: бѣру, веду, вѣсна, слѣза, сѣло, ѣрша, отвѣрнуть и проч. Но въ словахъ: держать, вершокъ, лежать — *e* не переходить въ *ѣ* нигдѣ, т. е. ни при какихъ измѣненіяхъ окончаній этихъ словъ, кромѣ слова: «лѣжа», отъ слова «лежать»; здѣсь *e* переходитъ въ *ѣ*. Но при всемъ этомъ напр. слова: бѣру, веду, нѣсу, вылѣтаю въ другихъ наклоненіяхъ, наприм. въ повелительномъ — уже теряютъ *ѣ*, т. е. собственно имѣютъ *e*, говорятъ: бери, веди, неси, вылети; «вылѣтай» однако остается — *ѣ*. Равнымъ образомъ не говорятъ: вѣснѣ, дѣри, а говорятъ: веснѣ, дері, селѣ, лежи, ведрѣ (посуда — ведро, но ведренное время — ведро — удерживаетъ *ѣ*, напр.: «въ ведрѣ мы видимъ больше пользы, чѣмъ въ ненастьѣ»). Здѣсь

можно встрѣтить массу разнообразій, напр. «верьхъ, берикъ, мастиръ, озиро, умиръ, погрибъ, ястрибъ, восимъ», такъ что никакого *e* уже и не слышится, тогда какъ въ другихъ словахъ, напротивъ, слышится весьма ясно, напр., смотрителемъ, зятемъ, гоголемъ, родптелей, деревней, дѣвпцей, Окспней и т. п. Здѣсь *e* удерживается, но не переходитъ нигдѣ, никакъ и никогда въ *ѣ*, за исключеніемъ слова — «саблѣй», гдѣ почему то *e* переходитъ въ *ѣ*, но слышно и саблей.— Мбрѣ, полѣ, блюдцѣ, ходитѣ, прѣситѣ — никогда не говорится. § 9. Говорится чисто: жѣмчугъ, жѣчь, женихѣ, насѣжено, полѣжено; измѣняется: шылуха, чашыкъ, машытъ, напишимъ; переходитъ *e* въ *o*: жона, жолтый, жоскый; отсюда: жонатый, и напротивъ: жылтоватый, жысковатый, напр.: жылтоватое пятнышко; жысковатая вода. § 10. Говорятъ правильно: бесѣда, врѣзывать, свѣтлый (свѣтло), хрѣнь, цѣлый, трезвый, креслы, мелочь, мелкій; слышится рѣдко: сусѣдъ; всегда: вѣшка и измѣненно: ведиръ. Говорятъ: вѣдрѣ, цвѣлѣ, хлѣбатъ, гнѣзда, цолуптъ, цолуй, пѣсокъ, пѣтухъ. Въ сосѣдней деревнѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ села Ембулатова, Недремаевкѣ—говорятъ: пяски, на пяскахъ, пясокъ, бижаль, лижаль, Ликсандръ и пр. Но при всемъ томъ этотъ говоръ не вліяетъ на нашъ, а напротивъ становится посмѣшищемъ, вслѣдствіе чего говоръ этотъ почти теряется. Теряется онъ больше всего чрезъ школу и чрезъ свойственныя родства. § 11. Во всѣхъ означенныхъ словахъ говорится *ѣ*, но никакъ не *e*, кромѣ: «нерышко» и вмѣсто еще — говорятъ «ищо». § 12. Жанихъ, жолѣзо, здравствуйтя, четыря — никогда не говорятъ. «Скорѣя» говорятъ, а равно: живѣя, быстрѣя, смѣлѣя, свѣжѣя и проч. — Говорить: запрѣтъ, головапка и головѣшка, кресло, словесно, колѣсный, трясъ, легкій; затесывать, пощолкывать. § 13. Говорятъ: машытъ, будить, ѣдитъ, бываитъ; вѣтиръ, лебидъ и проч. Говорятъ: сирѣда, бпржекъ, но не «берѣжекъ»; сиредина, но «серѣдышъ»; въ середній *и* опять переходитъ въ *e*.—Либедка, рибята, тичѣтъ, спетра, мижа и проч. говорятъ Недремаевцы. — Говорятъ: несѣти, кладѣти, дерѣтисъ, встаѣти, поѣти, иѣти, идѣти и проч. —

Говорятъ: дайги, проспти, несити, смотрити и проч., вообще — на *и*.— Вмѣсто: «очень» — говорятъ: очинь. § 14. Не слышно, чтобъ *и* переходило весьма рѣзко и всюду въ *йи* или въ *ьи*. «Моя» говорятъ повидимому правильно, развѣ нѣсколько мягко, особенно же это слышно отъ дѣтей, которыя произносятъ: моѣй, но далѣе при обученіи мягкость теряется и слышится — «моп», моихъ, моимъ, твой, твоихъ, твоимъ. (Иное дѣло при звукѣ *э*; здѣсь ужъ ясно всегда слышится *йэ*, даже *йе* или *ге*, наприм.: ѣѣто, ѣѣта, вмѣсто это, эта). § 15. Ресовать не говорятъ, но «ресуетъ» слышится; иногда — «смерный», мундеръ, отпиръ, но въ другихъ приведенныхъ словахъ *е* не слышится. § 16. Всѣ эти слова и подобныя имъ произносятся правильно: крикъ, товарищъ, скрипка, грибъ, крыло, корысть; графинъ; Владимиръ. § 17. Не слышно, чтобъ *ы* переходило въ *о*; говорятъ: барыня, рыхлый и проч.— Слова: красную дѣвицу произносятъ: краснюю дѣвицу, т. е. нѣчто подобное *ы*, равно также: млыго, бѣлаго или бѣлыго; но только вообще *о* не слышится. — «Глыбоко», глыбако слышится. — Слова палуба здѣсь не знаютъ. Пазуха скажутъ: пазыха, т. е. среднее между *у* и *ы*, но ближе къ *у*. § 18. Говорятъ: бытто вмѣсто будто, глыбо вмѣсто глубоко, но иначе не говорятъ. § 19. Говорятъ: крѣпкой, пѣгай, русской, царской, Симбирской, Буинской, земской, понукывать, подтягивать, олахивать. § 20. Ни *е*, ни *ь* никакъ не переходятъ въ *и*, напр.: лепѣшка, лѣстовки, вѣра, вереница, сѣра; сѣни, мѣлъ, мельница, цѣлъ, цѣль. — Бываютъ дѣйствительно измѣненія въ нѣкоторыхъ словахъ, напр. говорятъ: сирѣбро вмѣсто серебро; сирѣда вмѣсто середя, также: спредина, хотя въ другомъ случаѣ скажутъ: серѣбряный, въ сѣриду, въ серѣдней. § 21. Никогда такъ не произносится, говорится правильно: хлѣбъ, грѣхъ, согрѣлъ, сгорѣлъ. Не говорится такъ, а говорится: лѣто, дѣло, сгорѣла, сидѣла. Слышится: смена, мнпять, но не скажутъ: у мнпя мало смянъ или: мпнка на мпнка.., а скажутъ: «у мнпя мало сѣмянъ»; «мѣнка на мѣнка, полтинку барышка». — Говорится такъ: въ болоти, въ поли, вмѣсти, а по другому не слышно.

Говорится: послѣ и даже опослѣ, послѣ и опослѣ. § 22. Говорятъ правильно: сѣсть, сѣла, бѣлѣть; осырѣть; видѣль, стрѣль; смѣлѣя, быстрѣя, хитрѣя, скорѣя и проч. Скорѣя слышится вѣриѣе — скорѣй, напр.: «бѣги скорѣй!» Если же переставить слова, то скажутъ: «скорѣя бѣги!» — Говорятъ: застряль, но никакъ не застрѣль, а равно — застрял, напр. «что-то долго тамъ они застряли». § 23. Иногда *e* переходитъ въ *и*, но никакъ не въ *я*, напр.: пятьдесятъ, запирь, запиртый, запирто. Вообще нѣтъ того, чтобы *e* переходило въ *я*. — Вмѣсто бояться, испугался, бросился, вцѣпился, обмолвился, говорятъ: бояцца, испугалса, бросилса, вцѣпилса, обмолвилса и т. п. § 24. Говорятъ у насъ прилагательныя такъ: добрый, желѣзный, старый, синій или синяй, овечій или овечый, весенній или вѣшній, послѣднее въ большемъ употребленіи. — Слышится: добрай, синяй, зимняй, лѣтняй, краснай, опаснай, чудеснай и проч. — «Въ падучей болѣзни» здѣсь скажутъ: «Въ падучій или въ паду-чий болѣзни». «Въ тѣкучій или въ тѣкучай водѣ». — Скажутъ: Тимофей, Матвѣй, Лексѣй. § 25. Говорятъ: думашь, знашь, дѣлашь; пропадать, считать, бывать; вздумамъ, дергамъ, играмъ; послушашь, дѣлашь, знать. — «Батъ» не говорятъ, а говорятъ: «баить», баишь. — Скажутъ не хозяева, а хозяйвы. § 26. Говорятъ: умѣшь, имѣить, разумѣть и разумѣить, копѣкъ и копѣикъ. § 27. Слышится всегда: пымать, пыграть; примать, вынать и вынимать. — Скажутъ: кто ето? но не кто ѣ то? Скажутъ: поѣхаль, но не пѣхаль. «Кто ето поѣхаль? — Земская начальникъ поѣхаль примать садатъ». — «Онъ ресунтъ не хужп ково другова; онъ умѣить рисовать и читать въ церквѣ часы». § 28. Говорятъ: Лексѣй, Лѣксадра (и мужчина и женщина — одно и то же); говорятъ: мянины, мянинникъ. Испугался не говорятъ, а говорятъ: испугалса. Говорятъ: окылъ или окаль или же окыла, напр., «окыль Петрова дни». «Окаль маслинцы». «Окала шабра». Такъ никогда не выражаются, а скажутъ: видѣла, или видила, хотѣть, у миня; мюю, мѣить. § 29. Говорятъ нѣкоторыя слова съ приставной гласной, напр.: овторникъ, оржаной, «ор-

жанепькай хлѣбцяцъ», омшанпкѣ. — Мати не говорятъ, а говорятъ чисто: мать, дочь, дать, играть, водить и проч. — Говорять: серыпъ, верьхъ, четверигъ, четверть, столбъ и проч. — Говорять: лба, рта; уроки и урки двояко. Скажутъ: «Выши лба ушы ни растутъ», или «Онъ мимо рта лошку не пронесётъ». § 30. Протяжно не говорятъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій. Растяжимость звуковъ встрѣчается при выраженіяхъ удивленія, радости, скорби, напр.: «Аааа вонъ што». Эээ! Оооо! или: нуууу что ты присталъ ко мнѣ?» уйдни!».

Согласныя. § 31. Въ обыкновенномъ разговорѣ здѣсь слово — рѳга скажутъ латинскимъ акцентомъ рѳга, какъ равно говорятъ: гусь, гѳродъ, огорѳтъ, рогá, но — добраго или добраго здоровья не скажутъ, а скажутъ: добрыва здоровья; слепова нищива и проч. § 32. Не говорятъ — когда, товда, а говорятъ: когда, тогда и проч., но никакъ не толда или толды, колды или коўды, тоўды. — Господь слышится Господь, но не Восподь, а равно и Высударь не говорятъ, а говорятъ: Гысударь, Гысударыня. — Говорять: телѣкъ, рокъ, сапокъ, по *x* не слышится на концѣ. — Говорять: шакъ, дѣгать или съ латинскимъ акц. дѣгать. — Говорять чисто: брюква, морковь. — Говорять: мяхкай, лехкай. — Послѣ *г*, *к*, *х* нѣтъ *ы* нигдѣ. § 34. Въмѣсто ка, ку, ко не говорятъ кя, кю, кѣ. — Трахмалъ говорятъ. § 35. Андель не говорятъ, а говорятъ ангилъ. § 37. Говорять: къ царю и хъ царю; къ попу и хъ попу; хъ кузнецу же обязательно, равнымъ образомъ: хъ кучи или хъ кучкѣ, хъ куму. Въ частности напрымѣръ къ настуху, къ трубѣ, хъ котлу, къ часамъ, къ церкви, а напр. къ дому говорится латинскимъ акцентомъ *g* — дому, также: *g* — дубу, *g* — дереву, *g* — баби, *g* — желѣзу, *g* — женщины, *g* — зпмѣ, *g* — замку, къ портному. — § 38. Такихъ выраженій здѣсь нѣтъ, а говорятъ правильно: въ гости, почти или пошти напр. «пошти што по пиясь уваясь въ снѣгу». Говорять длинный, дѣвочка. § 39. Говорять: свадьба, усадьба, но вмѣсто глядп говорятъ: гляп, гляка — глякась.

§ 36. Ц в м. т не употребляется и вездѣ одинаково, безъ смягченія. § 37. Говорятъ: къ царю и хъ царю; къ попу и хъ попу; хъ кузнецу же обязательно, равнымъ образомъ: хъ кучи или хъ кучѣ навозу, хъ куму. Въ частности, напримѣръ, «къ пастуху, къ трубѣ, хъ котлу, къ часамъ, къ церкви», а напр. къ дому говорится латинскимъ акцентомъ *g*—дому, также: *g*—дубу, *g*—дереву, *g*—баби, *g*—жельзу, *g*—женщину, *g*—зимѣ, *g*—замку. Фъ попу, въ дереву — не скажутъ. § 38. Такихъ выражений здѣсь нѣтъ, а говорятъ правильно: въ гости, почти пли пошти, напр.: «пошти што по ныясь увясь въ снѣгу». § 39. Говорятъ: свадьба, усадьба, но вмѣсто гляди говорятъ: гляи, гляка — глякась. § 41. Дружья слышно, но жмѣя, шабля, шкорлупа и скура никогда не скажутъ за исключеніемъ нѣмыхъ или шепелеватыхъ. § 42. Говорятъ ясно: цыпленокъ, улицы, концы, царь, кольцá, курица. Послѣ *и* вообще произносятся у насъ *o*, *a*, *y*, *ы*, т. е. очень твердо.—Вмѣсто *и* не слышится никогда *c*, а равно вмѣсто *и* не произносятся *к*. Но *т* слышится вмѣсто *и*, напр. твѣты, твѣтъ, твѣтетъ; *ть*, т. е. мягко. § 43. *Ч* вмѣсто *и* никакъ не произносятся, а равно и обратно тоже.—Вообще звукъ *и* здѣсь безъ всякой подмѣси другихъ звуковъ и созвучій, говорится чисто и твердо во всѣхъ видахъ его звукосліянія. § 44. Говорятъ: шыть, шыло, жыръ, кожи. Вообще послѣ буквъ *ж*, *ш* произносятся *o*, *a*, *y*, *ы*, но не *и*, *e*, *ю*, *я*.—Вмѣсто *ж* — *з* никогда не слышится.—Вмѣсто *ж*—*ш* никогда не произносятся.—Вмѣсто *ш*—*c* никогда не произносятся.—*Ж* никогда не выпадаетъ и не теряется въ словахъ.—Вмѣсто *ж*—*жд* — не произносятся. Здѣсь говорятъ: рогожа, желѣзо, можно, шалашъ, лошашный, може, кажетца, онъ можетъ, урожай. § 45. Буква *и* въ нашемъ селѣ и вообще въ нашей мѣстности произносятся болѣе твердо, чѣмъ мягко, т. е. какъ будто бы она всегда сливается только съ одиными твердыми гласными — *o*, *a*, *y*, *ы* и *ъ*, но никакъ не съ мягкими *и*, *e*, *ю*, *я* и *ь*.—Чистый и чыстый, чинъ и чышъ произносятся одинаково, твердо, т. е. съ звукомъ *и*: чынъ, чыстый, читать.—Говорятъ не что, а што и

никакъ не вначе, напр. што, или штё, или шшо, или чо. — Сочный и говорятъ — сочный, но въ словѣ вѣчный, слышится вѣшный въ рѣдкихъ случаяхъ. — Чихни говорятъ чихни, но слово — чикни, т. е. ударъ тихонько, говорятъ: чкии его, или: «онъ такъ его чкнулъ, что тотъ съ нокъ свалился». § 46. Буква *и* произносится, какъ *иш* и произносится очень твердо, напр. еще выговаривается *ишо*, но никакъ не по другому. Вещь и произносится *вещь*. — Произносится: *вожжа*, *дрожжы*, *стѣжжатца*. Жечь произносятъ: *жжотъ* и *ждѣтъ*; а равно и *ждѣтъ* тоже говорятъ *жжотъ* и *ждетъ*; «*подожжы* меня»; онъ *подожжотъ* тебя или *подождетъ* тебя (огнёмъ). — Вмѣсто *годишься* говорятъ: *годисса* или даже — *годисца*, напр. «ты *никуда* *негодисса* или *негодисца*; ты куда *собирасса* или *собирасца*» и проч. — Вмѣсто *дѣлается* говорятъ: *дѣлаетца*, *остаюсь* вмѣсто *остаюся*; *учусь* вмѣсто *учуся*; *ударился*. § 47. Говорятъ чисто: *берлога*; *сапоги*, *царапать*, *птица*, *пчола*, *обмануть*, *взѣвши* и *взявши*, *напѣвшись* и *напѣвшись*, *много*. — Говорятъ: *скрось*, *слобода*, *слободно*, *тревожить*, *кувшинъ*, *вкусный* и *скусный*. — Говорятъ: въ *водѣ*, въ *воду*, въ *тѣни*, въ *лугахъ*. § 48. Говорятъ чисто: *деревня*, *дровни*, *дешевле*, *дѣвка*, *внукъ* и *мнукъ*, *вдова*, *вдовець*, *владѣлецъ*; у *нѣво*, *научить*. — Говорятъ: *дѣушка* вмѣсто *дѣвушка*; *баушка* вмѣсто *бабушка*, *Саушка*; — говорятъ чисто: *ухо* или *у́ха*, *ухвать*, *ухватился*, *ушоль* или *ухриль* (то же, что *ушелъ*). § 49. Говорятъ: *пролупь*, вмѣсто *прорубь*; или даже *вѣриѣ*: *пролыпъ*. — Говорятъ: *кухольный*, *Микола*, *Нефѣдъ*, какъ исключеніе, а прочія слова говорятъ правильно: *пристань*, *комната*, *священникъ* и проч. § 50. Говорятъ *маненька*, *поманеньку*, *шкатука*, но прочія слова говорятъ вѣрно: *колокольна*, *Львовъ*, *больной*. — *Лошка*, *была* говорятъ правильно и примѣся никакой не *дѣлается* и *измѣненія* тоже. — Говорятъ чисто: *долгб*, *долга*, *ползать*, *долбить*, *ходилъ*, *былъ*, *бралъ*. § 51. Говорятъ чисто: *ладно*, *одна*, *сукно*, *обманъ*. — Выпаденія *иѣтъ*: *замкнулъ*, *толкнулъ*, *застѣгнулъ*, *вскипѣтъ*, *пташка*, *трость*, *шесть*, *Пѣтръ*. *Вскипѣтъ* говорятъ больше безъ *ѣ*, а просто *скипѣтъ*, напр. «я дала *скипѣтъ* три

раза и запустила лашу. Когда лаша скипѣла...». § 52. Говорятъ ясно: ротъ (родъ), сугъ (судъ), гронъ (гробъ), корофъ (коровъ), морось (морозъ), хлѣпъ (хлѣбъ) и проч.—рокъ, друкъ, а не рофъ и другъ. § 53. Говорятъ: крофъ, любофъ, семь, пролунь, голушь; идѣть, идуть.—Говорятъ: лафьки, шапъки, графьки, юньки, дѣфьки; вообще говорятъ мягко, но не твердо.—Скажутъ: серпъ, верьхъ, зерькало, церьковъ или церькифъ.—Скажутъ: дворьникъ, горьница, корьница, корьница и проч. мягко.—Харчевня такъ и скажутъ, но не харчевня. Моленствіе говорятъ, а далѣе: хлѣбникъ, лѣчебница, деревня, купца, рупъ. Въ сосѣдней деревнѣ Тимбаевѣ говорятъ вмѣсто рубль—рубель, корабль — корабель, ноябрь — нояберъ, декабрь — декаберъ.—Говорятъ: скотникъ, родникъ, бѣдствіе или бѣтствіе, вѣрифе ротственикъ, вслѣтствіе и проч.—Говорятся: сдѣшнай, прежний, подсиѣжикъ, грѣшникъ, вообще — твердо.—Говорятся: лехче и лекши, даже лекшы. «Она лекшы меня». «Онъ лехче его».—Говорятся: барскай, женскай, царскай, деревенскай и проч.—Приведенныя мной слова и выраженія здѣшняго говора, повидному, ясно указываютъ на то, какимъ здѣсь говорятъ нарѣчіемъ или вообще языкомъ. Особаго рода измѣненій, не предусмотрѣнныхъ программой, я здѣсь не нахожу, а вижу напротивъ, что программой предусмотрѣно болѣе, чѣмъ я могъ бы сдѣлать подборомъ словъ лично отъ себя. Припоминаются, правда, нѣкоторыя слова съ особенностями, но думаю, что они, какъ и многія другія, едва ли составятъ нужное для науки и для вообще изслѣдованія русской рѣчи. Напр. сумасшедшій говорятъ: сьмошедчай, зорьникъ, (восейка, намеднись, голомя), опоздалъ, позда, наймывать, принанять, пыжжай, сперва, опослѣ, недосукъ, встрѣляло (пришло на умъ) спирначала, сьзнá, снайзно́ва (т. е. сначала), всюпошна, панафѣда, молѣбинка (молебень), хлѣбницу вм. хлѣбца, кстины (крестины), кститъ (крестить), огóриваль (устроилъ, сдѣлалъ), здоровкалась (здоровалась), пѣтьѣ (пѣніе), святѣ (иконы).

Удареніе. § 54. Колокóль, звѣри́ и звѣря́. Óтставка п от-

ста́вка, по́ставка, питьё, питыи, житьё, житыи, средства и сред-
ства́, братья́, де́ньга и деньга́, дешевизна́ и дешевизна, въ рѣку́
и въ рѣку, сви́нью, пка́тъ, йчетъ, по́звалъ и позва́лъ, со́бралъ и
собра́лъ, ка́жинный, йдутъ и идутъ, кувы́рнуться и кувырну́ться,
взявши́сь, глы́боко, не́ билъ, три́ года, два́ дни, по́дъ вечеръ, на́
зло. § 55. На-распѣвъ слова въ обыкновенномъ разговорѣ не
говорятся, но въ исключительныхъ случаяхъ это бываетъ, напр.
«Во.....тъ, Богъ дастъ; проживе.....мъ, какъ небу́тъ». Вообще
многого на этотъ разъ привести не могу, потому что растяжи-
мость и пѣвучесть здѣсь рѣдкое явленіе, болѣе же всего рѣчь
рѣзкая, отрывистая. Приводилъ я въ своемъ мѣстѣ растяжимость
звуковъ при случаяхъ, но это не составляетъ повидимому об-
щаго пѣвучаго разговора. Иногда вслѣдъ за пѣвучестью какой
нибудь фразы сейчасъ же начинается совершенно обычный раз-
говоръ, напр. «А ты на...ка». или «Не у...шта?» Нешта....?
Разговоръ вообще рѣзкій, твердый. § 56. Различія между стар-
шимъ и младшимъ поколѣніемъ въ разговорѣ особеннаго не
видно, кромѣ только того, что рѣчь дѣтей вообще вялая и съ
достаточною растяжимостью звуковъ и всегда какая-то лѣни-
вая, безжизненная. Причиной этого служить, навѣрное, то,
что съ дѣтьми родители и семейные вообще мало занима-
ются, и предоставляютъ ихъ группѣ сверстниковъ, гдѣ и про-
исходитъ ихъ первоначальное развитіе. Напр. въ школу дѣти
поступаютъ всегда съ чрезвычайно скуднымъ запасомъ свѣ-
дѣній. Неотрады напр. тѣ факты, что дѣти небрежно даже
крестятся и очень многія не знаютъ никакихъ молитвъ положи-
тельно. Это то и служить основаніемъ сказать, что дѣти растутъ
здѣсь до школьнаго возраста безъ всякаго вниманія со сто-
роны домашнихъ. Однако различія въ рѣчи дѣтей и старшихъ по
возрасту пѣтъ и дѣтьми вполне усваивается рѣчь своихъ сель-
чанъ неизмѣнимо. Рѣчь женщинъ нисколько не отличается отъ
рѣчи мужчинъ, кромѣ того только, что она нѣсколько помягче,
пѣжнѣе и не столь отрывиста, какъ у взрослыхъ мужчинъ.—
Займствованія изъ иной рѣчи здѣсь положительно неслышно.

Старые солдаты, служившіе въ былое время до 25 лѣтъ и послѣдующіе—до 15 лѣтъ—въ Польшѣ, въ Малороссіи и въ другихъ мѣстахъ Имперіи нашей, хотя и запасались нѣкоторыми фразами и даже акцентами, напр. малороссійскимъ или польскимъ, но сельчанамъ это ничуть не привилось. Напротивъ даже все чужое, иностранное здѣсь служить посмѣшищемъ, да и не только далѣе чужое, но и сосѣднее близкое не прививается нисколько. Скорѣе всего имѣетъ вліяніе на жесткость мѣстной рѣчи сосѣдство татаръ, съ которыми большинство здѣшнихъ людей имѣютъ соотношенія,—ходятъ по нимъ шить и выучиваются хорошо говорить по-татарски.

Склоненіе. § 58. Того году, съ потолка, безъ сну. Третьёго дни, къ Ильину дни. § 59. Кустá, приговорá, пояса́. Баря, крестьяни. § 60. Пріятелевъ, ключовъ, ножовъ, рублёвъ, кирпичовъ. § 61. Свекровь говорятъ: свѣкровь, мать, дочь, барыня, сударыня, барышня, рошъ, церьква и церкивь.— Говорятъ: у сестрѣ; у телѣги, у женѣ, у снохѣ, у сохѣ, у бороиѣ, у косѣ и проч.— А далѣе говорятъ вѣрно: изъ рѣки, отъ жёны, окаль или окыль головы, къ горѣ или хъ горѣ, хъ берёзи, къ водѣ, къ заутрини, къ зимѣ, по оби стороны, на горы, въ ызбы, на пятой верстѣ, на рѣкѣ.— Женою не говорятъ, а говорятъ женой, сестрой, косой, бороной и проч.— Скажутъ: съ бабай, за березай, за собакай, за коровай.— Скажутъ: силомъ заставили, силомъ прогнали, силомъ принудили.— Скажутъ: на лошади́ и на ло́шади, на печки, въ грязѣ́.— Говорятъ: тысяцей, но не тысячей и тысячью, а тисцью. § 62. Податя́ говорятъ; озмя́ говорятъ, но не скажутъ: лошади́, яблоня́, пустоша́; (скажутъ: хороша́ и хороша́, здорова́ и здорова́), полозья́ и полóзья и проч. § 63. Не скажутъ книговъ, а говорятъ: книгъ или кникъ, птвиць, палыкъ, чашикъ, ложикъ, овецъ, но вмѣсто свадьбъ скажутъ — свадьбей; углѣвъ и углей.— Скажутъ: горючьми́ слѣзми́ залился, но говорятъ и—горю́чими слѣза́ми. Не скажутъ: ягодми, коровми.— Скажутъ: «теперь теплое время» и скажутъ: «теперь нѣтъ теп-

лаго время». Родительн. падежъ будетъ и такъ: «спустя не-
много времени или времени» или: «Имини не знатъ, какъ дать
ѣму». Родит. над. мн. ч. сѣмягъ; имёнъ или имёвъ. «Имёвъ вся-
кихъ много». Время-же скажутъ — времёвъ, но ни какъ не по-
другому. § 64. Говорятъ: ворота, болоты, бревны, веслы, ве-
дры, полѣньи, колѣны, гнѣзды. Говорятъ: мало полей, но слышно
и полёвъ, напр. «много полёвъ, да мало толкóвъ». Скажутъ: пи-
вовъ, полевъ, дѣловъ, мѣстовъ, но не слыхаль, что бы сказали:
тѣловъ и селовъ; говорятъ тѣль и сѣль. § 65. Склоняется осо-
бенно трудно именно средній родъ именъ существительныхъ,
прилагательныхъ въ этомъ родѣ и числительныхъ порядковыхъ.
Напр. Ед. ч. им. п. ненастное время; род. ненасныва время или
ненасныва времени; дат. ненасному времю; вин. ненасное время;
твор. ненаснымъ времемъ; предлож. о ненаснымъ и о ненасномъ
времи. Множ. ч. им. п. ненасныя времена; род. ненасныхъ времевъ;
дат. ненаснымъ времѣмъ; вин. ненасныя время; твор. ненасными
временями; предл. о ненасныхъ временахъ.— Ед. число им. Первое
Выскресеньё; род. Первыва Выскресенья; дат. Первому Выскре-
сенью и проч. Мн. им. Первыи Выскресеньи; род. Первыхъ Выс-
кресеньивъ и пр. § 66. Скажутъ: Тёмны ночи, дóбры молотцы;
съ добрымъ отцомъ, съ бѣлымъ лицомъ. § 67. Скажутъ: не
красную дѣвку, а краснюю или ближе — красную дѣвку; синюю
полосу; бѣлаю корову, плясываю шубу. Но «желѣзная ось»
скажутъ: желѣзную ось; мѣдную монету и мѣдную. § 69. Го-
ворятъ: Злыя и злыи люди; Ясныи дни, сильныи люди, топкїи
мѣста — скажутъ: худыя, молодыя и молодыи, сухая, какея,
чужыя, сырыя и проч. — Говорятъ: новыи ворота, сырыи мѣ-
ста, добрыи люди, сильныи лошади. § 70. Скажутъ: въ боль-
шомъ городѣ и въ большимъ городѣ, въ зеленымъ саду, въ
прошлымъ году; скажутъ и въ худэмъ дѣлѣ, и въ другомъ мѣстѣ,
въ другомъ дому, въ третьимъ пиреулки. Напр. «Въ середнимъ
концѣ (улицы) много выстраина новыхъ избывъ», т. е. *ивъ* можно
почестъ и за *авъ* и за *эвъ*, — неясно вообще, но ближе къ *и*.
Примѣры рѣчи: «Въ нашимъ плодовымъ саду понишнимъ лѣ-

томъ яблыковъ было мала, потому шта весь твѣтъ морозымъ побила. Вдобавыкъ тово сильнымъ вѣтра пошибли и то, што было. Завизи была многа, да толку ничово не вышла отъ этыва. На поляхъ дѣла другога рода; тамъ, слава Тѣ Госнади, все уродилась хырошо: рошъ была не прорѣзна, овсы, хоша и спутылись отъ вѣтра, а всё-таки гѣбы вышли». § 72. Разныхъ говорятъ, но разныхъ не говорятъ; говорятъ и разнымъ, но не разнымъ, больше же слышится — разныхъ и разнымъ, напр. «Я видилъ множество разныхъ вещей, разнымъ вещамъ и цѣны разные». — Скажутъ: худыхъ, молодыхъ и молодыхъ, сырыхъ, гнилыхъ; горькихъ, чужихъ. § 73. Скажутъ: у тея, (теѣ и тѣ), у сея, у сеѣ. Но это въ рѣдкихъ случаяхъ, большею же частью слышится: у тебя, у себя и никакъ не по другому. § 76. Скажутъ иногда тоѣ вмѣсто то, напр. то какъ е или тоѣ какъ е. Однако это выраженіе не именительнаго пад., а скорѣе внимательнаго, напр. «Подай мнѣ тоѣ колотку (колодку, на которой илетутъ лапти); подай мнѣ тоѣ узду». § 77. Говорятъ: «Всеѣ недѣлю мы мылотили и всею недѣлю я прила». По другому не скажутъ. — Говорятъ: однѣ, одиѣхъ, одиѣми, въ одномъ, въ однимъ, напр. «Въ однимъ мѣшкѣ и въ одиѣмъ мѣшкѣ и въ одномъ мѣшкѣ». Въ женскомъ родѣ: въ одной избу всеѣ згрузились. § 78. Говорятъ: Моѣ, твоѣ, своѣ; моѣхъ, твоѣхъ, своѣхъ; мово, мому, сву. Прямѣрно: «Моѣ лошади сыгѣя твоѣхъ или моѣ снопы больши твоѣхъ. Я кормлю пока своѣмъ сѣномъ. Наконецъ-то онъ вернулса на сву сторону. Милому мому братцу пижающій поклонъ». Говорятъ: ихнай и ихній, напр. «Ихній домъ и ихняя садъ. ихня присадокъ». Но собственно ихнай слышится не такъ то ясно, а близко къ яй. § 79. Говорятъ: Обыя, обѣхъ, обѣмъ; двоихъ, двоимъ, двуми и двумя, тремя, больше же — трюми, напр. «трюми рублями тутъ ни обойдисяца». Трюхъ говорятъ, но въ большинствѣ случаевъ безотносительно. Миѣ, какъ учителю, много стоитъ трудовъ отучать отъ такихъ выраженій при бѣгломъ счетѣ умственнымъ, напр. пять у меня есть, сколько недостаетъ до восьми? Отв. трюхъ! Говорятъ: четырюхъ, пятюхъ и шестюхъ. Но четы-

рюмъ не говорятъ, а говорятъ четверемъ. § 80. Говорятъ: хлѣ-
 бать, мѣсла-та, каша-та, бѣбы-ти. Примѣры. «Хлѣбать нони
 дешавъ, масла-то ни дорожи хлѣба. Каша-та у насъ нѣнчи все
 больши грячушна да полбина. Бѣбы-ти-бы прѣли, кабы льну-ту
 мпога уродилася нынчи». Здѣсь однако слово—*кабы* говорится
 не чисто—кабы, а только близко или какъ среднее между кабы
 и кыбы. Скажутъ такъ: бабу-ту, парня-та, парню-ту. Напр.
 «Бабу-ту ты присылай, а парня-та оставь дома; парню-ту нада
 учитца, итти въ училищу. Скажутъ и парню-та нада учитца.—
 Обороты разные, напр. «Тоть паринь годитца хыть куда. Та
 баба ни чово не стоить. Паринь-то онъ славный. Баба-та она ни-
 чово; или «паринь-ыть онъ ничово, да...» или «мужикъ-ать онъ
 хорошій» или «челѣкъ-ать онъ славнай». Вообще здѣсь приставка
 эта слышится по разному, когда *ытъ*, когда *ать*, но при всемъ
 томъ ни то ни другое: не чисто ытъ и ать, а только близко. Въ
 связи съ этимъ нужно замѣтить, что если (по § 80) въ словахъ:
 «хлѣбъ-ать, мѣсла-та» есть единств. число, то приставка выго-
 варивается такъ, если же множеств. число, то приставка измѣ-
 няется, напр. «хлѣбѣ-ти, или скажутъ хлѣба-та; маслѣ-ти или
 масла-та. Напр. хлѣбѣ-ти нѣнчи ладны были». «Масла-та нынчи
 у всѣхъ. Хлѣбѣ-ти нынчи были и маслѣ-ти у всякыва есть».
 § 81. Обнями и обойми. § 82. Вопть, наймовать, содерживать.
 Устраивать, уваживать, утраивать и утравать, удваивать и
 удвоивать, просрочивать и просрачивать.

Спряженіе: § 85. Въмѣсто врѣшь не скажутъ врѣ здѣшніе
 крестьяне, но есть здѣсь переселенцы изъ Судогодскаго уѣзда,
 которые говорятъ: врѣ?... и притомъ ѣ растягиваютъ. Мѣстные
 же жители растянутъ ѣ, но все-таки скажутъ потомъ шь. Это
 выраженіе бываетъ при разсказахъ какихъ-нибудь диковинъ
 или небылицъ или же чего-нибудь невѣроятнаго или сомнитель-
 наго, тогда въ видѣ нѣкотораго недовѣрія возражаютъ: врѣ—шь;
 такъ же произносятъ и нѣ—ть. § 91. Скажутъ: розогнапы, ро-
 зогнано,—розгонены, розгонено, накладено, заперто, по никакъ

не по другому. Напр. «Сколько нынче розгонено лошадей — страсть!» или: «Нынче всё лошади у насъ розгонены, ни одной дома нѣтъ». «Эхъ, сколько тутъ наложено добра-та!» — Между прочимъ нужно сказать, что — наложено не скажутъ, а скажутъ — накладыно. § 92. Скажутъ: убѣкъ, вирѣкъ, запрѣкъ, напр. «Куда онъ убѣкъ? Запрѣкъ-ли ты лошадь-ту?» — «Запрѣкъ». § 93. Говорятъ: уѣзжай, поѣзжай, ѣдь, уѣдь, заѣдь. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ употребляются только въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. «Уѣзжай скорѣя!» — «Поѣзжай, смотри, потиши», или «Мотри, поѣзжай у меня тиши», даже точнѣе скажутъ это же такъ: «Мотри, у меня тиши ныжжай». Тиши ѣдь, а то востъ-та упадетъ. — Уѣдь-ка ты у мнѣ далека-та, такъ узнашь... Заѣдь завтра ко мнѣ, я дома буду. — Говорятъ вмѣсто принеси — принѣсай, вмѣсто смотрите — смотрите, напр.: «Принесайте завтра, я посмотрю,» или: «Рябятишки, смотрите у мнѣ, безъ мнѣ ни зоричьти.» § 95. Глаголь «говорить». Третье лицо единств. ч. наст. вр. отъ гл. говорить вмѣсто говоритъ — гыртъ или гыритъ. Та пора — винит. над. ед. ч. въ тѣныру считается за одно слово. Говорятъ: въ томѣсь (между тѣмъ) за одно слово. Равно: ину-паръ или инупыру — за одно слово.

Синтактическія особенности. § 100. Такъ выражаются: «Слава Богу, нынчи довольно всякихъ животовъ у насъ. Есть добрыхъ людей въ свѣти многа. Всякава сброда есть среди народа». § 101. Говорятъ: «Онъ молодежавъ изъ себя. Съ лица-та онъ не дуринъ. Онъ очинь красивъ изъ себя». § 103. Говорятъ всегда — ночесь, но не вночесь. Напр. «Ночесь, слышь, кража была». Ночесь пріѣхали гости, а нынчи уѣхали. § 105. Говорятъ: Онъ пошоль по грибѣ; она пошла по малину; они пошли по грузди. Скажутъ и онъ поѣхаль для овса, если дѣйствительно поѣхаль куда-нибудь покупать овесъ или узнать что-нибудь объ овсѣ. Но когда ужъ положительно выражается, что онъ поѣхаль взять овесъ, то скажутъ — онъ поѣхаль за овсомъ. «Поѣхали они въ деревню Недремаевку для коровы»,

даже скажутъ «нащѣтъ коровь», и наконецъ то и другое вмѣстѣ: «нащѣтъ для коровь». Опять таки и здѣсь такъ выразятся только тогда, когда дѣло еще не слажено, но буде слажено, тогда скажутъ прямо: «поѣхали за коровой». Но по коня, по кобыль, по овецъ — никогда не скажутъ. § 107. Слово рынокъ здѣсь не употребляется, а знаютъ одно — базарь. Скажутъ на базарь, на пасху, на рождество. — Говорятъ всегда такъ: на троємъ уѣхали съ хлѣбомъ въ Буинскъ. § 108. Мима церьквы, мима краулки, но скажутъ и мима лѣсу, мима дому, возли дому, возли горóду (огорóда), возли или подли кошны. § 109. Вмѣсто около говорятъ: подли, возли, окаль, окали. Онъ живетъ окали попа; онъ выстрапся окаль церькви. Слова — напротивъ, противъ говорятъ: напрóтъ, насупротивъ, и наспротівъ; протівъ, спрóтивъ и протъ. «Насупратъ церькви, протъ церькви». § 111. Скажутъ и такъ и сякъ: сюда пріѣхали трое купцовъ покупать свиней. Попались мнѣ двое разнощиковъ. Толь два торговца пріѣхали нынчи на базарь. Третьива дни мы послали письмо сыну. Пятеро несладютъ съ нимъ и патиро не сладютъ съ нѣво. § 112. Два хорошихъ мальчика—скажутъ. Три дюжихъ парвня. § 113. Скажутъ: два, три разъ; два рубли; три дни. Три дни мы молотили и выработали три рубли. Два дни была выюга. § 119. Дѣепричастіе на учи слышится весьма рѣдко: Мы говорили съ ней объ этомъ идучи по грибы. Однако вмѣсто ѣдучи всегда скажутъ «ѣхамши». «Ѣхам-ши въ Симбирскъ, я заѣжалъ къ свату, да ни засталъ ёво дома». — Закатившись не скажутъ, а скажутъ закатимшись, напр. Солнышко было ужъ закатимшись, какъ онъ вернулся изъ Буинскава. Не слыхаль, чтобы сказали — отошедши обѣдиѣ, а скажутъ всегда: коли ща обѣдня ни тошла онъ пріѣхаль. § 120. Говорятъ: нѣ што-бы ему было, т. е. пусть съ нимъ дѣлается то, что дѣлается. Напримѣръ, когда плачетъ вдругъ ребенокъ ни съ того ни съ сего, то скажутъ: ни што-бы тебѣ. Или скажутъ: «И... штыбы тѣ даспади!», т. е. что ты тамъ разѣвался. Но что здѣсь за слово «даспади» — не понимаю. Говорятъ: некто худова пры нѣво не

скажпть, по «некакой» — не говорятъ, а говорятъ «никакой».

§ 121. «Я тебѣ все раскажу только ты молчи. Ну да куда ему съ нимъ тягача? На ка ты, какой онъ. Онъ и говоритъ: приди-ди къ намъ, а мы ушь потомъ къ тебѣ; или приди-ди перва ты къ намъ, а потомъ ушь мы къ тебѣ. Такъ и скажи ёму: онъ мыль (моль) человекъ хорошій, надѣтца на него можна. Какъ бишь это называютъ? или какъ бишь онъ эта дѣлалъ, забыль. На-тика, куда пошли, да рай туды ходють? На-тика какея они бисшабашны! Нати вотъ — вамъ прислали гостиниць или Нати ети цѣпы-та, а намъ дайти другія. А ты гляди-ка што онъ надѣлалъ; или: А ты гляди касъ, што онъ натворилъ дѣловъ-та, издвленье!! Онъ, баять, на всѣ руки мастпръ и грамыти, бапть, знать. — Баять никогда не скажутъ. — Особенности въ согласованіи словъ, въ управленіи надежей и глаголовъ и проч. усмотрѣть не могу безъ особаго на этотъ предметъ конспекта; это — дѣло спеціалстовъ, а мнѣ представляется все обыкновеннымъ и болѣе или менѣе — правильнымъ.

Прибавленіе.

Кувыркнулся, перелѣзъ, чирелѣзъ, напр. «Онъ чирелѣсь чприсъ плетень, пиркувыркнулся и упаль». «Нагонъ ёво, догонъ ёво...» «Нѣтъ, ухрѣлъ такъ ухрѣлъ», т. е. убѣгъ или ушелъ. «Искали и тамъ и сямъ, такъ и не нашли, улпзнулъ», т. е. ушелъ. «Нога за пыгу ѣхали мы, а всетаки объ стѣдну нѣру прѣхали». «Хыть и въ трусэнку мы ѣхали, а всетаки хырошо доѣхали, а свать Лёвонъ кавылілъ кавылілъ, такъ и не догналъ насъ. Навскачъ ѣхали мы за нимъ, и только догонимъ, а онъ пришуститъ опять, и дрѣла отъ насъ, такъ и ускакалъ». — «Бѣжалъ онъ бѣжалъ, да навзничъ и упаль, да дрягѣтца, потомъ, какъ вскочпть, и айда дрѣла стилелѣхивать сыршкѣ, такъ и удраль». Вмѣсто упаль говорятъ еще: — «грѣхъ на землю, да и началъ дрягѣтца...». «Сынокъ! потъ ко мнѣ», вм. поди, подойди.

Слово кушать не употребляется, а говорятъ: ѣсть, ешь! жри, наѣса, нажралса, палопѣса. патрѣскѣса, сдво́лпса. От-

сюда нѣкоторыя прилагательныя и существительныя: жадный, прожора, алышный или алышной, ненасыта; прожорливый — прожора онъ не сусвѣтный, такихъ алышныхъ я и невидывалъ. Мѣлица, все жреть, все мнеть, подавай только. — Къ винопитію: — И надлохтілся же онъ вчарась, не то шта, хыть выжми; ужъ и каплюга, всѣ дворьи обѣгаль, всё попрошайничылъ, не лѣзигъ, а все длохтитъ п такъ насоборывалса, што грязнѣ грязи сталъ, насілу дó дыма донлѣлса; здивлѣнье, братиць ты мой, а сѣвóдни, какъ шальной, рыщигъ, да мала ушь вѣрна пыпадать.

Глаголы: рѣзать, колоть. «Я вчарась закололъ свинью или барана. Говядина, соленина, свижина, харчъ. Порѣшь-ка харчиву-то, вотъ свѣжинки-та покромсѣй манѣнька; свижинá преотличная. Эшь ты, сколько напахала мѣхквывы-та, т. е. сигаго.

Красть — стѣбзигъ, стѣбзигль, слямзигль, украпчилъ (вѣроятно, съ татарскаго отъ слова «карашъ» — воръ), зблóндигль, зблáговистигль, т. е. стащигль, укралъ; стѣснуль — то же что укралъ, стащить, стащигль.

Запиръ. Замкнуль, прѣпиръ, замуравилъ, законопатился, т. е. кругомъ заперся.

Ланса, содóмисца, сымотóшисца, ругáсца, брани́сца. «Што ты скалишь зубы-то, т. е. смѣешься; ишь ты заорáлъ, т. е. закричалъ или засмѣялся одно, п то же. Хóлить, нѣжить, мѣловать, бадунгъ. Ёшти, поешти, закусити; «а вы ёшти, не брезгайтѣ нашимъ хлѣбомъ п солью; мала ёли, не безсу́тьти».

«Ишь, какъ онъ горланитъ; эка пасть-то какая, какъ кадыкъ-то не раздерётъ. И што ора́тъ-та-бы по медвѣжьѣ-то? Цѣлу ночь горланили; орали ни на што годна; все сѣло пирполóшили, а тамъ чай жóпы-ти навзрѣтъ объ нихъ пла́чутъ; на дивлѣнье!..».

Животныя. Овца — бляётъ; свинья — хрючигъ, хрюкать, вижжигъ; кошка — мяучигъ, мяукаетъ; лошадь — ржогъ; корова — мычигъ; теленокъ — мичигъ; поросенокъ — вижжигъ, квячигъ, курица — кудачигъ; нѣтухъ — поеть; цыпленокъ — цыкаетъ; утка — квачигъ; гусь — гагочигъ. Воробей — чиликатъ; соловей — поеть; галка — кричигъ; ворона — каркатъ; пчела — жужжигъ; жукъ —

буньчйтъ. Клушка — клохчитъ; курица — раститца (передъ снесеніемъ яйца), свинья — гиѣздитца (передъ родами). Лошадь — бережетца (передъ родами). Кокүшка — кокуеть.

Прозванія, даваемые другъ другу дѣтьми, имѣють преимущественно связь съ комплекціей дѣтей, т. е. съ ихъ ростомъ, тѣлосложеніемъ, съ характеромъ и разными недостатками, и по-видимому, — очень остроумны, такъ напр. хрулёкъ, хрущъ, карась, бекрѣньчикъ, карликъ, кротъ, блоха, бубеньчикъ; по характерамъ: оса, морозъ, солодяшка, вареные пальцы, овсяная мякина; по прозваніямъ дома, по пменамъ и разнымъ болѣзнямъ: Чпндарá, Уліка, хышь-мышъ, Андрей-воробей, Иванъ-болванъ, Мітька свиная тѣтка; паршіá, кокшá, слепышь; употребляются и съ чувашскаго языка прозванія: бпчѣй, батькá, тухлá. Чтобы указать, насколько иногда характерны прозванья, приведу примѣръ: «Бекрѣньчикъ» — дано прозвание мальчику, низкому ростомъ, довольно толстенькому, походка развалистая, голову держитъ нѣсколько вверхъ и шапченку всегда на бокъ. «Овсяная мякина» присвоено мальчику слабой комплекціи, вялому, слабосильному, но между прочимъ бойкому на языкъ, лепетуну, но больше лепетуну безтолковому, — крикуну. «Чпндарá» и другія прозванія по прозваніямъ родителей, а равно и по именамъ, особенностей не представляютъ. Здѣсь для созвучія вставляются, какъ видно, прибавки, напр.: Андрей-воробей, Хышь-мышъ, Иванъ-болванъ.

Говорятъ: «Какъ упасешъ», напр. хлѣбъ на корню отъ травы, или про дѣтей такъ же выражаются: еи, родима, какъ ихъ упасешъ, упасти нельзя. И зáchаль онъ эта верьтетца и такъ и сякъ. Сустигать, оздоровѣть — не говорятъ.

— Есть между прочимъ характерныя выраженія, напр.: сутіски (вечеръ предъ вздутіемъ огня), пікать (глухая полночь). «Въ сутіски ты я высплюсь, а въ пікать-ту всё пряду-да пряду, ворама-та прятти-та и недаю».

(Сообщеніе В. Г. Лавинскаго).

59. *Вятской губерніи, Яранскаго уѣзда; село Кугушера.*

Авторъ сообщенія — учительница Кугушергскаго начальнаго народнаго училища, уроженка г. Вятки.

Село Кугушера Вятской губерніи Яранскаго уѣзда, въ которомъ я по большей части дѣлала свои наблюденія, весьма старинное село. Существуетъ каменный храмъ болѣе ста двадцати лѣтъ; но сколько времени существовала деревянная церковь, неизвѣстно, потому что строили ее два раза, и оба раза она сгорала, а съ нею сгорѣли и данныя объ основаніи села.

Прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село и частыя кругомъ селенія, мѣстность была покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ, на большомъ разстояніи другъ отъ друга, жили малыми селеніями черемисы, и какъ слышно занимались грабежами. Но теперь лѣсъ вырубленъ, поселились русскіе и занимаются земледѣліемъ, торговлей, и черемисъ не въ примѣръ стало меньше; они совсѣмъ сроднились съ русскими, живутъ въ однихъ съ ними селеніяхъ, пользуются общими угодіями и исполняютъ общія обязанности.

Въ Яранскомъ уѣздѣ сначала былъ уѣздный городъ Царевосанчурскъ, а Яранскъ былъ небольшое селеніе, состоящее изъ черемисъ.

Когда Царевосанчурскъ сгорѣлъ, то уѣзднымъ городомъ сдѣлался Яранскъ.

Село Кугушера находится отъ уѣзднаго города въ семнадцати верстахъ.

Жители прихода и сосѣднихъ мѣстностей имѣютъ торговыя сношенія между собою и городомъ: устраиваются ярмарки мѣстныхъ произведеній; торгуютъ хлѣбомъ, льномъ, шерстью, масломъ. Нѣкоторые изъ жителей отправились на золотые пріиски въ Сибирь, а грамотная молодежь — на фабрики въ Москву или на заводы въ Пермскую губернію.

Родина моя городъ Вятка; получила образованіе въ Вятской Маріинской женской гимназіи, и на должности учительницы состою семнадцать лѣтъ, а въ томъ селѣ, гдѣ дѣлала свои наблюденія — тринадцать лѣтъ.

Гласныя. § 1. Въ нашей мѣстности говорятъ Олександръ, Ондрей, Олексѣй, Онтонъ, Огофонъ, Окулина, Овдотья, вм. Ирпа — Орпа. Ванюшка, дяюшко, батышко, дитятко, Ивацушко. Вмѣсто стаканъ говорятъ: стоканъ, опбаръ, боранъ, конать, корманъ, гормонія, торелка, тонцовать, трава, окоянный, ломпадки, картина, параходъ, собоги; вм. алтарь говорятъ алтарь, — полати. Говорятъ: розговоръ, розводить, росчетъ, роспахать, розеѣять, розвозить, ростуть, ростеніе, работа, работникъ, разумъ. § 2. У насъ говорятъ: ты платишь, онъ платитъ, катишь, катить, пасадитъ, я плачѹ п т. д. § 3. Замораживать, зарабатывать, подзадоривать, унавоживать, унищожить. § 4. Рождаться, полагать, товарищъ, монахъ, монастырь, понамаръ, солдатъ, слобода, мостовая, хорошо, золотой, корабль, кокушка, творогъ и др.; у насъ говорятъ: добрава, худова, злова, здорова, слѣпова, милова, сердешнова вм. сердечнаго, всево, твоево, моево. Говорятъ: вода, нога, весна, несу. § 6. Вмѣсто *e* слышится *o*, и говорятъ у насъ: ошшо, одва, Омельянъ, Олена, робенокъ, робята, тонерь, тебѣ, себѣ, у тебя, доржать, задаржалъ, севодни, жготся, запрягомъ, текоть, пекоть. Чѣшотца вм. чешется, сажобѣй вм. сажень. Произносятъ: дѣньпко, одѣньѣ. § 7. У насъ говорятъ: дерзкій, вѣтошь, держитъ, задѣржу, левъ, небо, крѣсь вм. крестъ, отсель, о ней, со всею, поденщикъ. § 8. У насъ говорятъ: бедрѣ, берѹ, ведѹ, несѹ, весна, вершѣкъ, слеза, село, ерша, отвернуть, вылетать, неслѣ, теплѣ, ребро, тесѣкъ, челѣ, горевать, егѣ, емѹ, Степанъ, лежать. У насъ говорятъ: вѣрхъ, бѣрегъ, мастерь, ѣзеро, ѹмеръ, погребъ, ѣстребъ, вѣсемъ, чѣстенъ, ѣсенъ, прибѣточенъ, нянѣкъ, покѣйничѣкъ, деиѣкъ вм. денегъ, ружьѣмъ, смотритѣмъ, зѣтѣмъ, родитѣлѣвъ, царѣвничѣвъ, дерѣвнѣй, дѣвничѣй, Оксинѣй, цаблѣй вм. саблей, Осѣднѣй, вм. Господнѣй, си-

пѣй, спнѣва, среднева, въ третьѣмъ, въ Божьѣмъ, примаётъ, уѣдѣтъ, будѣтъ, кѹшаешъ в. кушаешь, пройдешь в. пройдешь, проѣдѣшь, знѣёмъ, хвѣстайтѣ в. хвастаете, забываемъ.—Морѣ, полѣ, подпольѣ, воскресенѣ, здоровѣ, времѣ, имѣ, доброѣ, хорошое, черноѣ, спротское, заднѣе, скоромное, дубовыѣ, бѣлыѣ, больнѣ, сильнѣ, прощайтѣ, ходитѣ, смотрите, гледитѣ в. глядите, встрѣчайтѣ, проситѣ, дожидаетѣ, поидемтѣ, здраствуйтѣ.

§ 9. У насъ произносятъ *о* в. *e* послѣ звуковъ *ж* и *ш*: шѣлуха, жона, жогъ, неужоль, неушто, жонатъ, жонихъ, ужо, положоно, сажонъ, чашокъ, насажоно, машотъ, пляшотъ, напишомъ, вашо, нашо, ужо. В. скоропостижно говорятъ: скороспѣшно, одночасно. § 10. У насъ говорятъ: цолуй, поцолуй.

§ 11. Песъ, далѣко, принѣсь, жонка, жонушка, пѣрышко, ребрышко, тѣмной, чѣрной, дешово, четырёхъ, встаёмъ, ведёмъ, несёмъ, пѣете, махнѣте, пойдѣте, бѣшша, наткѣшша, ведетца, попадѣтца. § 12. Слышно только въ словѣ желѣзо букву *a*: жалѣзо; еиць в. яиць, буде в. будетъ. У насъ говорятъ: запрѣгъ, кресло, головѣшка, словесно, колѣспый, трѣсь, понѣва, легкой, затѣсывать, пощолкивать, лошедь. § 14. Говорятъ: мои и мое, твои и твое, моихъ и моихъ, своихъ, твоихъ и твоихъ, напоивши и напоимши, воинъ, яиць и еиць. § 15. У насъ говорятъ: ресовать, белетъ, вихоръ, винокурня, ливень, полевка, баринъ, пиръ, миръ, смпрной, просверня, мундеръ, умирать, утирать, отпирать, запирать, набирать. § 17. У насъ говорятъ: бароня, осудароня, отдыхъ, рухлой, красную дѣвицу, милую подругу, бѣлую руку, баломутить, навукъ, глубоко. § 19. У насъ говорятъ: крѣпкой, левкой в. легкой, мелкой, пѣгой, русской, земской, крупной, вязкой, низкой, понукивать, подтягивать. § 21. У насъ говорятъ: здись, ись в. ѣсть. В. вообще у насъ говорятъ: вообще.

§ 22. Говорятъ сясть, сѣла, загорѣться, бѣлѣть, стемняетъ, осырѣть, видяль, смотряль, смѣляе, скоряе, бѣляе, хитряе, здоровяе, мильяе, черняе, застрѣль. § 23. У насъ говорятъ: петь, петьдесеть, грезъ, кнезь, взеть, зеть, опеть, пряжа, мечикъ, на-тегивайтя, хозенишъ, деда, кричать, взела, петно, езыкъ, везать,

свѣтой, петакъ, петі́, десети, гледѣти, часы, жалѣти, шалунъ. Говорять: боялся, псужалса, бросилса, бранилса. § 24. У насъ говорятъ: доброй, жалѣзной, старой, сильней, овечей и овечѣй, весённой, хорошей, великой, красной, черной. — Тимошей, Елисей, Матвей, Зиновей. § 25. У насъ говорятъ: думаешь, дѣлаешь, знаешь, пропадаетъ, бываетъ, считаётъ, вздумаёмъ, дѣраемъ, играёмъ, играетъ, бываетъ. Вм. хозяева говорятъ хозяева. § 26. У насъ говорятъ: умѣешь, имѣеть, разумѣтъ, конѣкъ, смѣтъ, довлѣтъ. § 27. Говорять: попграть, поймать и помать, примать, вымать вм. пойдёмъ говорятъ подемъ, вм. пойду — поду. (Вм. кто это — говорятъ: хто это). § 28. Вм. именины говорятъ мешина, вм. испугался говорятъ испужался, севошни вм. сегодня. Вм. мою, моеть, у насъ говорятъ мью, мьетъ. § 29. У насъ говорятъ: льгота, спорхнулъ, льстець, ржи, оржаной, овторникъ, вм. вчера — вѣчёръ, вѣчерась, омшаникъ, мѣти, дочь, даты, ходити, гулети, играти, водити, носити, стуети, опосля вм. послѣ. Говорять: лобъ, лоба, ротъ, рота, ледъ, леда и др.

Согласныя. § 31. У насъ говорятъ: доброва, худова, слѣпова, хорошова, сладкова. § 32. Вм. когда, тогда, всегда у насъ говорятъ: колды, толды; говорятъ: Осполь, осударь, телѣхъ, рохъ, сабохъ, шахъ, дѣкотъ, дектѣю. Мяжкой, легкой. § 33. Произносятъ: кпнуть, кисель, Кеевъ, скипѣтъ, камешки. § 34. У насъ говорятъ мѣстами: Ванька и Ванька, чейку и чейку, солнышко, толькѣ, дочка, лисонька, маменька и мамонька, послушай-кѣ, сахарку и сахарку, травка и травка, рѣдька, трахмалъ. § 35. Вм. Евгений у насъ говорятъ Евлений. Вм. Успеніе — Успленьѣ, Веденіе — веденьѣ; Устрѣтенѣ вм. Срѣтеніе. § 36. У насъ говорятъ вм. хороводъ — кароводъ, фомякъ, куфарка, ихъ и пѣфъ, тѣфъ, этифъ, фитанца вм. квитанція, фатера вм. квартира, фастать, лѣфкой, мяфкой. § 37. Слышно въ произношеніи х вм. к.: хъ попу, хъ кузицу, гъ желѣзу или гъ жалѣзу, гъ дереву и др. § 39. Говорять: свальба, усадьба, глѣко вм. глядиго. § 42. Послѣ буквы ц у насъ произносятъ и, я, ё; только

въ словѣ цвѣтокъ слышно букву с: свѣтокъ, свѣты, свѣтной.
 § 43. Вм. Котельничъ говорятъ Котельница. § 44. У насъ говорятъ: шиль и мыль, шило и мыло, жиръ и жырѣ, нашихъ и нашихъ, кожи и кожи, жарко, шуба, жоской вм. жесткій, рогоза, залѣзо, ржать, порожной. — Шалашъ, башня, пашня, роскошной, молосной. Вм. урожай говорятъ урождай. Вм. чинить говорятъ и чинить, чышь и чпшъ, чыстой и чистой, чыхнуть и чихнуть. Што, вѣшной, сочной и сошной, востойной, вм. ни чихни — не чихни. § 46. Свещенникъ, ешшо, ошшо и пшшо, рошша, шшука, щеть, слашше, шшока, ишшу вм. ищу, шшотка вм. щѣтка, вм. не годится говорятъ не годишша, вешъ вм. вещь, вешши вм. вещи, вм. пѣвчѣ говорятъ пѣвши, мушшина, дрожжи, вожжи, съѣжжаютца, собираешша, берешша, попадешша, дѣлаетца, работаетца, остаюся, учуся, ударилса, сварилса и др.; вм. обрадовался говорятъ обрадѣль. § 47. Сабогги, царанать, омануть, взявши, напимшись и напившись, впого; кабидалъ вм. капиталъ, гувно вм. гумно. — Слобода, треложить, кухшипъ, скусной вм. вкусный, вѣкохъ вм. вѣковъ, десяткохъ вм. десятковъ, начальникохъ вм. начальниковъ, скрозъ вм. сквозъ, розлѣ вм. возлѣ, склизко вм. слзко, разѣ вм. развѣ. — Толда, колда. § 48. Вухо, вуши, вусы и др. § 49. Вм. прорубь — пролубъ, перепелка, пристань, комнота, кухольный, Микола, мырять, мймо, Нефедій вм. Меодій, сумлеваться вм. сомнѣваться, некрутъ вм. рекрутъ, Микифоръ вм. Някифоръ. § 50. У насъ говорятъ: колокольня, львовъ, менче, мельче, большой, болшой, маненько, поманеньку и помаленьку, шкатунка. § 51. Ланио и ладно, одна, сукно, оманъ, замкнуть, толкнуть, застегнуть, скпѣтъ, пташка, трось, шесь, Пѣтро вм. Петрѣ. § 52. У насъ произносятъ: ротъ, сутъ, гротъ, коротъ, морось, ёшъ, хлѣпъ, схрепъ, лѣтъ, назать, рокъ, друкъ, горотъ, горпъ, трафъ, пошъ, рошъ, моркофъ, юпка. § 53. Семъ, крофъ, люботъ, пролупъ, голушъ. — Лапки, шапки, трапки, тряпки, юпки, дѣпки, первой, сериъ, верхъ, зерькало, церква, горьница, дворьникъ, харьчевия. Произносятъ: молебство вм. молебствѣ, хлѣбшкъ,

лечебница, деревня, купца, рупь вм. рубль, плотникъ, скотникъ, огородникъ, благословеніе вм. благословеніе. Слово вслѣдствіе, бѣдствіе не слышать, а слово родственникъ произносятся — ровеникъ. Говорить: сдѣшной, прежной, поденѣжникъ, грѣшникъ, лехше, барскѣй, царскѣй и царьской, женскѣй, руськой, москоськой.

Удареніе. § 54. У насъ произносятся: ручѣй, хóлодь, язýкъ, язýка, лоша́дь, корóбъ, творóгъ, говорѣ, óсеню, óтдыхъ, кóлоколь, кóршунъ, мѣчикъ, пóжикъ, валѣжникъ, обұхомъ, на лóшадѣ, отъ нóчи, на кóняхъ, кóней, дайте твóрогú, звѣря, камєня́, камєнѣвъ, пять сажóнь, прогóны, потолóкъ, вѣрба, возмѣй, вѣдрами, заклáдка, подру́га, подру́жка, успѣхъ, застáва, отстáвка, постáвка, закúска, просты́ня, сердцó, знакóмство, молóченіе, гадáніе, вставáніе, срѣдства, воротá, болóга, сѣмена, впучата, щєні́ята, братья́, платя́, яи́ць, молодóй, мóлодь, легóкъ, мѣгокъ, тѣснóй, чащá, колоколѣня, дóчка, сóсна, дѣвочка, о́льха, солóнка, рóдина, судьб́ина, дешев́изна, въ рѣкú, свѣнью, двѣ верстѣ́, деревѣнь, онъ коси́тъ, роди́тъ, звони́тъ, онъ роди́тся, спяте́, ѣдитѣ́, (ходятѣ́), хотитѣ́, несетѣ́, кладитѣ́, будѣтъ, ика́тъ, вои́тъ, работáтъ, кашля́тъ, полóжить, предлóжить, понúдить, подойти́, прине́сть, розогна́тъ, говори́тъ, говори́шь, броси́ться, богатѣ́тъ, осырѣ́тъ, пóзвать, сóбралъ, пóгналъ, пóслалъ, перестрѣ́лилъ, дострѣ́лилъ, приведѣнь, прпвезѣнь, прпнесѣнь, прпведена, прпвезѣна, прпнесѣна, проведѣнь, тугóй, сырóй, шелковóй, другóй, прѣси́ой, грязнóй, бурнóй, мѣлкѣй, лóвкѣй, жаркóй, рѣдкóй, тонкóй, рóбкѣй, толстóй, черствóй, суровóй, бѣлóй, инóй, кажѣнной, и́дутъ, и́детъ, вы куритѣ́, не мóгутъ, ска́жутъ, стѣгнетъ, разорвѣшь, отогнѣшь, подóйдешь, пóйдешь, помáхнетъ, козы́рнуть, ужаснóться, отдóхнутъ, кувѣ́рнуть, пошáтнуть, случ́илось, брáмши, напивш́сь, взявш́сь, óпасно, высóко, далѣ́ко, глубóко.

§ 55. Наши крестьяне говорятъ рѣзко п отчеканивая каждое слово.

Склоненіе. § 57. У насъ говорятъ: проса, пшена, просу,

пшениу, жнитво, жнитва; одно селенье, ружье, нарѣчье, тако повѣтріе, тако горе, снадобье; етотъ путь, ето яблоко, етотъ хламъ, екой кашель, мировой судья, екой дрямъ, т. е. соръ. § 58. Съ тово годѹ, съ потолка, изъ рынку, безъ сну, съ базару, изъ лѣсу, съ порогу, къ Илину и Петрову дни, третѣва дни, сегодня. — Во лѣбѣ, во саду, въ лѣсу, въ углѣ, на чердакѣ, на рынкѣ, на волоску, на потолку, на камнѣ. § 59. У насъ произносятъ: куста, кусья вм. кусты, погреба, глаза, повара, поясы, кнезьё, гвоздѣ, друзья, братьё, стулѣ, кольё, каменьё, листьё, сыповья. — Сватовѣ, староста; вм. крестьяне — крестьяна; бары; шонки вм. щенки, опѣнки. § 60. У насъ говорятъ: глазовъ, ребенковъ, солдатовъ, человѣковъ, жеребенковъ, зубовъ, книжковъ, рукавичковъ, пріятелевъ, рублѣвъ, ключѣвъ, ружьёвъ, ножовъ, кирпичевъ, калачёвъ, отцовъ, купцовъ, огурцовъ, молодцовъ, мѣсяцовъ, молодци и молодцы. — Дать корму лошадямъ, съ дѣтѣмъ, къ людямъ, подъ ногамъ, за рыбамъ, съ краснымъ дѣвшкамъ, съ крестамъ, рукамъ, ногамъ, щи съ кускамъ, оврагамъ, морямъ. § 61. Свекровъ, свекровка, мать, дочь, матеръ, дочерь, бароня, барошня и барошни, судароня, сударошна, рожь, церква. Въ нашей мѣстности всегда слышно въ окончаніи твор. п. ед. ч. женскаго рода ой, а не ою; — жоной, съ березой, съ бабой, дорогой, подковой. Вм. силою — силомъ, силкомъ. Говорятъ: на лошадѣ, въ грезѣ, въ кровѣ, на печѣ, къ дочерѣ, къ матерѣ, къ лошадѣ, тысячѣй. § 63. Говорятъ: кнпговъ, птицовъ, избовъ, палковъ, чашковъ, лошковъ, лонатовъ. — Времё, семё, времяшъ, сѣмянъ, имё, имяпъ. § 64. Говорятъ: болоты, вороты, бревны, стойлы, веслы, полѣвъ, тѣловъ, селовъ, пивовъ, окновъ, дѣловъ, мѣстовъ, звѣздовъ. § 66. Говорятъ: краснó, чёрнó, добрá, мѣла, тѣмна, хорошенька вм. хорошенькая мленька вм. мленькая, добры, тѣмны, свѣтлы. § 67. Вм. красную, большую, добрую говорятъ: красну дѣвку, большу дорогу, добру мать. § 68. Молодой жоны и молодіе жоны. § 69. Въ именахъ прилагат., въ им. пад. мн. ч. всѣхъ родовъ, слышно букву ё. § 70. Въ болшомъ вм. въ болшомъ, въ зеленомъ, въ томъ, на високомъ, въ прош-

ломъ, въ худомъ, въ другомъ, въ пномъ. § 71. Къ добрымъ родителямъ, къ хорошимъ лошадямъ, къ краснымъ дѣвушкамъ, съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ большимъ сабогамъ. Золотыми, горичямъ слѣзамъ, ключамъ. § 73. Меня, миѣ, тиѣ, сиѣ, тоѣ, менѣ. § 75. Въ ёмъ, въ имъ, имя, за её, у её, у тоѣ. Вм. то — тоѣ. § 76. Вм. та — тоя, тамотка вм. тамъ. § 77. Всѣ, всѣхъ, всѣмъ, сами, самыхъ, самымъ. Эти, этихъ, этимъ. Одны, однимъ, однихъ и одныхъ. § 78. Моѣ, твоѣ, своѣ. Ихъ, ихной. Вм. тамъ — тамой. Тремъ, трѣмя, чѣтыре, чѣтырмя. § 80. Говорятъ: хлѣбъ-отъ, масло-то, каша-то, грибовъ-отъ, звѣрѣвъ-тѣ, зубовъ-то, дровъ-то, книгъ-отъ полная сума, работа-тѣ одолѣла, каша-то простыла, баба-та, парень-отъ, грифельвъ-тѣ.

Спряженіе. § 81. У насъ говорятъ: вопить и вопѣть, шевелиться, ходилъ, звонѣть, заговорилъ, смотреть, стемняетъ, осыраетъ, стрѣлетъ, скучеть, смотряй вм. смотри, звонять и звонеть, обмануть, виснуть, вынять вм. вынимать, вымать вм. вынуть, вм. обнима говорятъ обойми. § 82. Говорятъ: скачу и скакаю, требую, наймовать, недостаетъ, судержать, поправлять, фастать вм. хвастать. Крестьяне говорятъ: замораживать, устроить, уваживать, оспаривать, удвоивать, утроивать, успокоивать, обработывать. Вм. есть говорятъ есь и еся, вм. ѣсть говорятъ псъ. § 84. Брошу, колотю, пушшу. § 87. Текошь, текомъ, текоте, стерегошь, вм. лгѣшь говорятъ врѣшь, толкошь, могошь, моготь, хошь. § 88. Говорятъ: хвалять, ходятъ, носятъ, рубятъ, косятъ, просятъ, звонять. § 89. Говорятъ: спать и спати, брать и брати, плясать и плясати, шить и шити, любить и любити, сѣять и сѣяти; жегчи, береччи; идти, вести. § 91. Вм. смолоть — смолонъ; разгонены, разгонено, нагажено, накладено, заперана и запирана, вм. сотру — стеру. § 92. Говорятъ: убѣжалъ, запрѣгъ. § 93. Повелительное наклонение ѣхать — ѣдь, уѣдь, поѣдь, заѣдь; говорятъ: отлошь, смотрите.

Синтактичскія особенности. § 102. Говорять: благодаримъ вамъ и вамъ, чѣтать въ книгу, играть картами, курить въ трубку. § 103. Говорять: тѣхъ дѣнь, въ етомъ году, етой веспой, лонскимъ лѣтомъ, лонясь, почесь, вечеръ. § 105. Говорять: онъ поѣхалъ по овесъ, за конямъ, по коровъ, по овецъ, по воду. § 107. Говорять: снесли на рынокъ, о пасхѣ, о рождествѣ, о троицѣ, на двухъ, на трехъ. § 111. Говорять: суды пришли два мужика, вм. здѣсь говорятъ етта: етта работало двое мужиковъ, етта играютъ двое ребятъ. § 114. Двои вороты, трои двери, семь верстъ. § 115. Говорять: она седни утромъ прибѣжала, лонясь была она одна однихонька. Вм. никто, никакой говорятъ нехто, некакой. § 121. Ну да поди п бей сколь хошь; ужотко я скажу мамонькѣ, натко сахаркю, надо бишь хорошень все розсказать; молчи когда тѣ не спрашиваютъ.

Пѣснѣ.

1.

Свѣтъ Настасьюшка, встрѣтъ гостенька,
 Микифоровна, новенькаго.
 Ай мамонька, лихїи люди до меня,
 Отбиваютъ милѣ дружка отъ меня;
 Милѣ дружка ста Павлушка
 Что сиобидилїи, обидилїи менїа
 Отбили милѣ дружкѣ отъ меня.
 Неужели ето сбудѣтся,
 Чернобровенькѣй отступится
 Отъ души бѣлой лебеушки,
 Отъ Настасьи Микифоровны;
 Удалой отъ добрый молодець
 Ста Павелъ Васильевичъ.

2.

Мимова саду зеленова летѣль голубъ золотая голова,

А у голубушки золотыѣ крыльшки,
 Ишшо какъ сто буде голубя зовутъ,
 Ишшо какъ навеличивають (называютъ пария)?
 Ишшо какъ егу голубушку зовутъ,
 Ишшо какъ навеличивають (называютъ дѣвушку)?
 Что пришелъ девѣрь, пришелъ деверь, позавидоваль спохѣ.
 У меня бы то жона едака была,
 Я умѣлъ бы её, я умѣлъ послать снарядить;
 По лѣтамъ то бы, по лѣтамъ, во колясочкахъ катать.
 По зимамъ то бы, по зимамъ, во рѣшетчатыхъ саняхъ.

3.

Аннушка Кальяночка, Григорьевна Кальяночка.
 Садичекъ Миколаюшко, яблочекъ Григорьевичъ,
 Сглянутея улыбнутея, схватятсе покатытсе,
 Онѣ прямо подъ гору, ко крашеному крыльцу.
 Бѣлые, кудрявые, деревенски бравые.
 Эту пару, парочку посадить на лавочку.
 Эта пара сходится, подъ вѣнецъ становитсе.
 Зелѣно вино пить, тебя Аннушка любить;
 Зелѣно вино пить, тебя Григорьевна любить.
 Сладкой водкой почевать, тебя Миколай ста цоловать;
 Сладкой водкой почевать, тебя Григорьевичъ цоловать.

4.

Ой што подули вѣтры буйныя, подули да вдоль по улицѣ;
 Ой што задуцели къ широку двору;
 Ой ужъ вы растворитсе, воротечкѣ, растворитсе.
 Ужъ вы шатпйтѣсь, вереюшки самоточеныѣ;
 Ой ужъ ты вынься, подворотепькѣ.
 Ой ишшо взѣхали любѣ гостѣ,
 Любѣ гости то свѣтъ къ Аннушкѣ разлушничкѣ,
 Разлучають съ отцомъ съ матерю;
 Ой разлучили молодешеньку, что сгубили зеленешеньку.

5.

Черна ягода смородина, зеленешенька заломана;
 Во пучечки перевязана, по чисту полю разброшена,
 По чисту полю разброшена, колесáми приукатана.
 Ты душа ли красна дѣвица, свѣтъ Александра Алек-
 сѣвна,
 Молодѣхонка запросватана, зеленешенька запуру-
 чена;
 Ой за поруки те за крѣпкія, ой за дороднева добра
 молодца.

Ой что сватунъ отъ, да вѣдь и сватушко;
 Ой да ходилъ часто да подъ окошечко.
 Ой да онъ стуналъ потихохоньку,
 Ой да говорилъ рѣчи да поважнехоньку;
 Ой да онъ хвалилъ то чужу сторонушку;
 Ой да на чужой то дальшой сторонушкѣ
 Ой да три поля ишеной то засѣяны;
 Ой да виноградомъ огорожаны,
 Ой да медово́й то сыто́й поливаны.
 Ой да онъ хвалилъ то добра молодца,
 Ой да онъ не пьетъ то зелена вина;
 Ой да не пропѣеть тебя молодехоньку,
 Не проиграеть зеленехоньку.
 Что отвѣтъ держить Александрюшка, отвѣчаетъ Алек-
 сѣвна.

Ой да сватунъ отъ, сватушко,
 Ой да не ходи часто да подъ окошечко;
 Ой да ты не стукайся потихохоньку,
 Ой да ты не кланяйся да понизехоньку,
 Ой да не говори ты рѣчи поважнехоньку.
 Ой да я сама то знаю вѣдаю:
 Ой да на чужой то на сторонушкѣ
 Ой да три поля то горемъ засѣяны,

Ой да что кручиной то огорожены,
Ой да горячими то слезами поливаны.

(Сообщено г-жой С. Гудимовичъ).

60. Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, деревня *Дубровка*.

Авторъ сообщенія — учитель Дубровскаго земскаго училища, уроженецъ села Балашкова Зубцовскаго уѣзда Тверской губ., сынъ крестьянина, получившій образованіе въ Новоторжской учительской семинаріи.

Деревня эта расположена почти въ одинъ прямой посадъ, на очень низкомъ мѣстѣ, и состоитъ изъ 40 дворовъ, обращенныхъ на югъ.

По словамъ стариковъ, со времени основанія деревни прошло приблизительно около 200 лѣтъ.

Крестьяне считаются монастырскими, — деревня принадлежала монастырю преподобнаго Іосифа Волоцкаго — Московской губ., Волоколамскаго уѣзда.

Первые поселенцы пришли изъ деревень Турова, Звягина, Акулова, расположенныхъ близъ села Латошина (уѣздовъ Старицкаго Тверской губ. и Волоколамскаго Московской губерніи), и находящихся отъ д. Дубровки въ 20—25 верстахъ.

Мѣстность, гдѣ въ настоящее время расположены д. Дубровка и ея окрестности, сплошь была покрыта лѣсомъ.

По преданію — нежилыя зданія стояли прямо тамъ, гдѣ рубились.

Въ настоящее время деревня владѣеть прилегающимъ къ ней лѣсомъ, который, судя по названіямъ, принадлежалъ раньше нѣсколькимъ селеніямъ, изъ которыхъ каждое владѣло своимъ участкомъ. Теперь же нѣкоторыя селенія за дальностью или совсемъ отказались, или произошли какія то болѣе удобныя мѣны.

Такъ въ ихъ лѣсу есть — Балашиха, вѣроятно, принадлежащая селу Балашкову, мѣсто — Акуловка, принадлежащая деревнѣ Акулову, и участокъ — «Звягино», принадлежащій, вѣроятно, деревнѣ Звягину.

Молодой народъ селенія «Дубровка» большею частью, въ особенности лѣтомъ, проживаетъ въ городахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Приходо́мъ д. Дубровка въ село-погостъ — Шолгино, въ 3-хъ верстахъ отъ нея. Лѣтъ около 40 назадъ она и всѣ ближайшія къ ней деревни были приходо́мъ въ село Балашково, верстахъ въ 12-ти отъ нея, отъ котораго вся эта округа отошла послѣ выстройки церкви въ болѣе близкомъ для нихъ разстояніи.

По случаю во 1) прежняго стариннаго знакомства въ бывшемъ большомъ приходѣ и во 2) близкихъ торговыхъ селъ, гдѣ молодежь раньше еще знакомится другъ съ другомъ, народонаселеніе Дубровки заводитъ родство на довольно большое разстояніе въ кругу.

Большинство народонаселенія деревни ходитъ на заработки въ столицы, да и притомъ сама деревня находится на границѣ съ Московской губерніей и, вообще, недалеко отъ Москвы, гдѣ сохраняется болѣе правильный выговоръ русскаго языка; поэтому много и особенно рѣзкихъ неправильностей и отступленій отъ Московскаго нарѣчія въ описываемой мною мѣстности я не нашель.

Гласныя. § 1. Имена существительныя произносятся правильно. Глаголы же многіе произносятся невѣрно, — всегда и всѣ говорятъ: то́щитъ (вм. тащѣтъ), пасѣдють (вм. поса́дятъ), плѣтють (вм. плѣтѣтъ), ко́тятся (вм. ка́пятся). Остальные изъ приведенныхъ — произносятся вѣрно. § 2. Говорятъ: сѣ́дакъ (вм. сѣдо́къ), остальные слова произносятся правильно. Говорятъ: удва́ивать, упавáживать и уновáживать, устрáивать и устро́ивать, замора́живать, пригото́вливать и пригото́влять. § 3. Никакой неправильности на приведенные и имъ подобные примѣры

не замѣчается. § 4. Всѣ слова произносятся мягко; вмѣсто «о» всегда — «а»: савá (вм. совá), салítь (вм. солítь), галавá (вм. головá), бакá (вм. бокá, отъ им. сущ. «бокъ»), старажíль (вм. сторожилъ), старажíха (вм. сторожіха). Между моимъ и говоромъ народа въ данномъ случаѣ никакого различія нѣтъ.

§ 5. Всѣ таковыя слова произносятся чисто съ буквой «а»: травá, кабакъ и т. д., у нѣкоторыхъ только замѣтенъ средній звукъ между «а» и «о». § 6. Всѣ эти и имъ подобныя слова произносятся или совершенно мягко съ чистымъ звукомъ «а» (вм. о), или слышится глухой звукъ только между «а» и «о», но никакъ не «ы». § 7. За согласными шипящими дѣйствительно часто произносятся «ы» (вм. а), — говорятъ: жылítь (вм. жалítь), лашыдѣй вм. лошадѣй; остальные слова произносятся вѣрно. Говорятъ: жерá (вм. жарá) и жана (вм. жена). § 8. Ничего подобнаго не приходится слышать. Произношеніе у всѣхъ вѣрное, только мягкое чрезъ «а». § 9. Такой неправильности въ описываемой мною мѣстности нѣтъ. § 10. Во всѣхъ подобныя слова всегда слышится «а»: барадá (вм. бородá), таргавáть (вм. торговáть), старикí, старшинá и т. д. § 11. Звука «ы» въ подобныхъ словахъ въ нашей мѣстности совсѣмъ не слышно, а произносятся «а» или средній звукъ между «а» и «о». § 12. Замѣна буквъ «а» и «о» буквою «у» часто слышится послѣ согласныхъ зубныхъ и губныхъ; говорятъ тунорómъ (вм. топорómъ), Бугорóдица (вм. Богорóдица), угурцí (вм. огурцí); послѣ же другихъ согласныхъ такой замѣны нѣтъ. § 13. Во всѣхъ здѣсь приведенныхъ и имъ подобныхъ словахъ ясно слышится вмѣсто «о—а» звукъ «ы». Говорятъ всегда: вóлысы (вм. вóлосы), вíгныли (вм. вíгнали), прíдыли (вм. прíдали), зáдыли (вм. зáдали) и т. д. Говорятъ: спóсубъ (вм. спóсобъ), кóрубъ (вм. кóробъ), вóрунъ (вм. вóронъ). § 14. Всѣ поголовно вмѣсто «о—а» произносятъ «ы». Говорятъ: ўмныва, ўтыва, сíльныва, хорóшыва, красныва, жёлтому, чёрному, пýльныва, мýльному и т. д. вм. ўмнаго, ўтого, сíльнаго, хорóшаго, краснаго, жёлтому, чёрному, пýльнаго, мýльному. § 15. Различія въ произношеніи звуковъ «о — а» при из-

мѣненіи тѣхъ же словъ въ данномъ случаѣ не замѣчается. Говорятъ: хóлыдъ — хóлыду, мóлыдъ — мóлыду, Оéдыръ — Оéдыру. У насъ нѣтъ говорятъ: гóласъ — гóласу, вóласъ — вóласу. Всегда слышится «а» (вм. «о»): слѣпóва (вм. слѣпóго), дóбрава, сѣна, мáсла, мáла (вм. дóбраго, сѣно, мáсло, мáло) и т. д.

§ 17. Жапá, жалúдокъ, жалтúха, шастóй, шаршáвый, жалáнный (вм. желáнный) и т. п. Шылавлívъ; скúшыла, скúшыть, лóшыди, вышыль, горóшыкъ, зá мужамъ. Говорятъ: хúже, бóльше; нѣ-которыя слова съ звукомъ «ы» — глúшы, дoлышы, вышы; нѣ-которыя же — съ звукомъ «а»: тамъ-жа, тотъ-жа, дажа, отъ чего-жа. § 20. Многіе произносятся: березынька, перепелычка, ластычка, дѣвычка, Вѣрычка, палычка, стукоталычка, ярычка. Вмѣсто «ы» звукъ «у» не произносятся. § 21. Всѣ говорятъ: берёзуи, невѣстуй, судáрушкуи, пáлкуи, бутылкуи, рубáшкуи и т. п. (вм. берёзой, невѣстой) и т. п. Вымый, вымай (вм. вымой).

§ 23. Вмѣсто «о» произношенія «ы» совершенно не замѣтно, но вмѣсто «о» звукъ «а» говорятъ: на насú, вадá, касá, расá (вм. на носú, водá, косá, росá) и т. п. § 25. Перехода о — а въ зв. «ы» въ предлогахъ не слышно, но вмѣсто «да» говорятъ «ды»: «ды и я тамъ былъ», «ды и ты такъ говорилъ» вм. «да и я тамъ былъ», «да и ты такъ говорилъ». Слово «не замаи» изрѣдка случается слышать отъ старыхъ людей, но другихъ словъ отъ этого корня совсѣмъ нѣтъ. Изъ приведенныхъ здѣсь словъ и выраженій въ нашей мѣстности всѣ очень часто употребляются, кромѣ слова «хочь — хучь», которое совершенно не встрѣчается. § 26. Выпаденія перваго рода встрѣчаются безпрестанно, — всѣми и всегда произносятся такія слова съ вышускомъ; но выпаденій второго рода совсѣмъ нѣтъ. Вообще всѣ слова произносятся очень легко, скоро и мягко. § 27. Слова съ отпадениемъ гласныхъ перваго рода приходится часто слышать, но — второго рода случаи никогда никѣмъ не произносятся. § 29. Переходъ звука «я» въ «е» встрѣчается въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Говорятъ: мѣчикъ (вм. мичикъ), петí (вм. пятí), плесáть (вм. плясáть) и др. Остальные же слова произносятся вѣрно: дýдя, чай, опáть, ганяли и т. д.

§ 30. Говорятъ только: трѣсь, запрѣгъ, попѣва, больше не приходилось слышать. Во всѣхъ приведенныхъ и имъ подобныхъ словахъ у насъ слышится звукъ «я»: святойи, вяснѧ и т. п. (вм. веснѧ и т. д.). Слышится звукъ «я» отчасти напоминающій—«е».

§ 32. У нѣкоторыхъ такое колебаніе звуковъ замѣтно съ звукомъ «я» и «е», а иногда даже и «п»: нясу (вм. несу), бирѣтъ (вм. беретъ) светойи (вм. святойи). Послѣ шипящихъ строгой правильности нѣтъ: женѧ, шестойи, шалунъ, часы, но говорятъ и: жилѣтъ, чаво (вм. жалѣтъ, чего) и т. д.

§ 33. Замѣна звука «е» (ѣ) звукомъ «я» часто слышится: въ лясу, вяснѧ и др. (вм. въ лѣсу, веснѧ), звукомъ же «п» очень рѣдко—гряхи (вм. грѣхи).

§ 35. Почти всѣ и всегда говорятъ съ звукомъ «п»: правое, лисавикъ, чижало, чплавѣкъ, спребрѧ, спредѧ и т. д. (вм. лѣсовикъ, тяжело, человекъ, серебрѧ, середѧ и т. д.). Съ звукомъ-же «я» совсѣмъ не говорятъ. Иногда «е»: принесутъ, ребѣты (вм. ребѣта), чаще же—«п»: пилѣнка, рипиля (вм. пелѣнка, рѣшиля). Съ звукомъ «я» говорятъ очей рѣдко.

§ 36. Жынился, цанѧ, цылѣи, ацынить, цыркѧвнѣи, пошывѣливай, жынихи, въ шыстарѧмъ.

§ 37. Говорятъ всѣ: прѣжнѣму, сѣмпро, чѣтвирос, мѣсяца, вѣмѣла. Дѣвирѧ, ѧсиною, въ тѣрѣми, помѣрѣли, вѣвѣди, тѣсяча.

§ 38. Съ звукомъ «п»: вѣтиръ, дѣникъ, мѣсяць, йстрибѣ, видѣля и т. д.

§ 39. Съ звукомъ «п»: бѣдѣтъ, хочѣтъ, ѧсинь, кѧмѣнѣ, кѧринь, дѣвить, дѣсѣтъ, дѣвирь, дѣринь, лѣбѣдѣ, ѧчѣнѣ и т. д. Разницы нѣтъ,—говорятъ: бѣдишь, бѣдимъ, бѣдѣтъ; лѣзишь, лѣзимъ, лѣзѣтъ, тѧнишь, тѧнимъ, тѧнитъ и т. п.

§ 40. Говорятъ: нисѣти, крѣстьяни, ходѣти (вм. несѣте, крѣстьяне, ходѣте). Говорятъ различно, больше съ звукомъ «п»: дешѣвли, бѧли, шѣри, крѣльѣ, плѧтъѣ; нѣкоторыя слова съ звукомъ «е»: трѧе, старѣе, нѧнѣче; и съ звукомъ «я»: тепѣря. Говорятъ съ звукомъ «п»: вмѣсти, на базѧри, въ полѣ, въ гѧродѣ, на ѧлицѣ, въ дѧми и т. д. Въ острѧги, на горѧхи, въ скѧзкѣ, въ пѣсни, въ рѧщи и т. д. Всегда слышно съ «п»: молодѣи, худѣи, такѣи, слѣвѣи, дѧбрыи и т. п. Разницы въ такомъ и подобныхъ случаяхъ при произношеніи не замѣчается.

§ 41. Слышно только:

мáмпька, мáлпьякая, Óлпьяка, мѣлинька и т. п. Говорятъ такія слова больше на «е»: дѣлѡвъ, селѡ, веслѡ, пѣтѹхъ, небѡсь, а нѣкоторыя на «и»: ни трѡпъ, ни дѹмай, ни придѣтъ, ни говорѣтъ, ни знáеть и т. д. § 42. Произносятся «и»: дорѡжпьяка, Мáшиньяка, свáшпьяка, подружпьяка, хорѡшпьяка и т. п. § 43. Кáмушекъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ замѣтно выпаденіе: пирвизѣ, шркусѣтъ, привяриѹтъ, виртяпѡ (вм. перевезѣ, перекусѣтъ, перевернѹтъ, веретепѡ), остальные же произносятся вполнѣ: Емельѣпъ, диспѣина и т. п. Пропуска звука «и» у насъ не замѣтно. Всегда говорятъ: величáютъ, игѹменьша, Илѹша и т. п. § 46. Всегда слышится «ё»: берѣза, мѣду, вѣснѹ, живѣмъ, придѣмъ и т. п. § 47. Произносится всегда вѣрно «е» или «ё»: если, ёсть и есь, ёлка, ель, ещо (ещё), роёвня, даёмъ, подаёмъ и т. п. § 48. Звукъ «и», кромѣ словъ литературныхъ, въ нашей мѣстности вообще очень рѣдко произносится. Даже здѣсь помѣщенные слова у насъ произносятся вѣрно то со звукомъ «е»: отсѣда, у одпѣхъ, то съ «о»: одпѡй, святѡй, крѡю, мѡю, тѡю, той, то съ «ы»: худѣхъ и т. п.; э въ словахъ: оттѣда, оттѣль. § 49. Не слышно у насъ такой замѣны буквы «ѣ» звукомъ «и». Говорятъ: сѣять, сѣверный, дѣвочка. Перехода «е» въ «и» у насъ нѣтъ. Всегда говорятъ: врѣмя, верхъ и т. п. § 51. Всегда произносится «и», но никакъ не «я»: вышпль, пѡлпль, кусáли и т. д. § 52. Говорятъ всѣ слова всегда вѣрно съ мягкимъ звукомъ «и», кромѣ слова «грьбъ, грѣбъ». § 54. Всегда всѣми произносится звукъ «о»: крѡшпшь, сойдѣтъ и т. п. § 55. Въ подобныхъ словахъ дѣйствительно слышится вм. «ы» звукъ а. Говорятъ: чѡрная, сѣрая, дѡбрая, красная и т. п. (вм. чѡрные, сѣрые, дѡбрые, красный). § 56. Всегда въ подобныхъ случаяхъ звучитъ чистый звукъ «у»; замѣны не бываетъ. Говорятъ: мужикѣ, мужякá, мужякъ, шѹбу, трáвку, зáмужъ и т. п. § 57. У многихъ словъ дѣйствительно остается «ся» вм. «сь»: пришлѡся, скончáлася, развалплася, завалплся и т. п. Вм. «ся» иногда произносятся «сь». Говорятъ: умывáйся, утирáйся, катáйся (вм. умывáйся и т. д.). § 58. Нѣкоторыя слова дѣйствительно произносятся кратко: набѣдаши, забѣдѣла, бѣгашь, бѣ-

гамъ, твавó, мамú и др. Говорятъ: пыгрáть, пымáть, прызносіть.

§ 59. Говорятъ: рабóту, скáзыву, дѣлу, по цѣлúютъ, мóятъ.

§ 60. Кромѣ слова «Арижáтскъ» (вм. Гжáтскъ), въ другихъ ничего подобнаго не замѣчалъ. Дѣйствительно, всѣ приведенныя и имъ подобныя слова говорятъ съ указанной здѣсь вставкой: скаварéцъ (вм. скворéцъ) и др., кромѣ «гричíха» (никакъ не «гарячíха»). У нѣкоторыхъ слышится: тыварóгъ, скыварéцъ, тырака́шъ, тышарóмъ (вм. топорóмъ) и т. п.

§ 61. Говорятъ: гадóфъ, дварóфъ, крофъ и крофъ, славна. § 63. Всегда слышится обыкновенное «у»: унёсь, удав́илъ, удáрилъ, угод́илъ, урош́илъ, ужáлла, усый́иса, укрáла и т. п.

Говорятъ вѣрно: въ острóгъ, ушли́, въ оди́омъ, у всѣхъ и т. д. Часто исчезаетъ «в»: зоúть, баúшка, дѣушка, жиúтъ, галóушка, карóушку, на зо́у и т. п. (вм. голóвушка, корóвушка, по зо́ву и т. п.).

§ 64. Никакого звука не приставляется. Всѣ слова произносятся чисто: Оспы́, Ольга, авесь, утка, улица, осень, очень и т. д.

§ 65. Говорятъ: давно, виукъ, сравниется, деревня и т. п.; говорятъ: введу, въ домъ, въ томъ, въ бокъ. § 66. Всегда слышатся вм. б, в — звуки п, ф. Говорятъ: дварóфъ, карóфъ, жура́фъ (вм. жура́влъ), прибáфъ (вм. прибáвъ).

Дунъ, лонъ, столиъ, кóропъ, жóлушъ и т. д. Тра́фка, ф цѣркиви, ф садú. § 67. Произносятся твердо: семь, гóлушъ, крофъ, брофъ, приготофъ. Рушъ, жура́фъ, корáшъ.

§ 68. Правильнѣе съ «ъ»: дерев́ня, крѣп́иче, дѣф́ьки, щеп́ьки и т. д.

§ 69. Всегда произносятся ф: Митрофанъ, сарафанъ. Афанасій, Федоръ, цыфра, фуитъ, Софья, картофель. Фатера, кухня.

§ 70. Подобно московскому выговору — въ однихъ словахъ звукъ «г» ближе къ «к», въ другихъ къ «х».

§ 71. Какъ въ Москвѣ: товó, моевó, слѣпóва. Произносятъ: моевó, моеó (вм. моегó), тавó, таó (вм. того) маво, мао (вм. моего) и т. п.

Караводъ. § 72. Со звукомъ «к»: долкъ, друкъ, сапокъ, рокъ и др.

Въ друкъ — друга «г» ближе къ «к» § 73. Говорятъ: оди́ой, сырóй, худóй — у оди́ой, у сырóй, у худóй.

Говорятъ: над́отимъ, сáтого, в́ототъ, и скажутъ съ «ъ» — к этому, с этого, в —́ототъ.

Съ мягкимп — дóлгій, крѣп́кій, мѣлкій и др. § 74. Всегда гово-

рять твердо — ка, ку, ко: хозѣйка, чайкѹ, тѳлько. Вездѣ сохра-
няются твердыя окончанія ку, ка (вм. кю, кя). § 75. Говорятъ
хлопоты, но вѣтка; вм. къ кáзни — хъ кáзни; остальные слова
произносятся правильно. § 76. Правильнѣ: лѣхъкіе, лѣхъче, па-
лехъчѣть. § 77. Правильнѣ указанныя слова произносятся съ «ь».
Кромѣ словъ — шешадцать, члчáсь и дражнѣть (вм. шестнад-
цать, сейчáсь и дразнѣть), остальные всѣ произносятся вѣрно.
Письмѳ, вазьмѹ. § 79. Говорятъ: сатъ, готъ, ротъ, нарѳтъ.
§ 80. Смягчается, но не во всѣхъ словахъ. Говорятъ: на осѣнкѣѣ,
лахáнка, сáнъки. пѣсенъка, бáшенъка, сѳпъце, но Óленька,
мáменька, дѹшенъка. Говорятъ мягко: пѣрвѣый, веръхъ, свѣрху,
цѣрковь, серънъ, зѣркало. Двѳрникъ, гѳрница, пѳрча, каръ-
мѣть, каръзна. § 81. Говорятъ «дверъка»; остальные-же всѣ
слова произносятся твердо. § 83. Буква «ч» произносится кре-
стьянами всегда такъ же мягко, какъ мпой. Звуки ц и ч про-
износятся всегда и всѣми умѣстно. Многие дѣйствительно вм.
«ч» произносятъ въ нѣкоторыхъ словахъ ш: конѣшно, привѣшна,
полномѳшний, шпинѣшний, дурашливый, горемѣшная. Нѣкото-
рыя же слова произносятся съ звукомъ «ч»: вѣчный, тѳчно, драч-
ливѣый и т. п. Говорятъ: шпинѣсный, но молочный. Пѳшта, но
почтѣнный. Всегда произносится твердо: отѣцъ, купѣцъ, куз-
нецѹ, овца, концá, пáлицъ и т. д. Говорятъ: цапля, цапа, цѣлый,
но твѣтѣ (вм. цвѣтѣ). § 85. Вездѣ слышно твердое произноше-
нѣ звуковъ ж и ш. Говорятъ пожалуста (вм. пожалуйста), даже
«пожаласта». § 87. Правильнѣ будетъ: здѣшний, ночлѣжнякъ,
грѣшникъ, безбѳжнякъ, пирѳжнякъ и т. п. Говорятъ друзѣя.
§ 88. Вѣрнѣ произносятся, какъ «шьчъ»: шьчѳка, шьчѣтъ, шьчи,
гѹшьче, пашьчѣ (вм. пощѣ), ташьчѣ (вм. тащѣ). Всѣ говорятъ:
дажка, визжáть, выѣжáть. Вм. «дождъ» слышится: дошъ. Вм.
что — «што». Произносится «млáтшѣый» и «млáчѣый». Ушѳты и
ушѳчи. § 90. Въ нѣкоторыхъ словахъ отпадаютъ согласныя:
снесъ, абрѳсъ; большинство-же произносятся вѣрно. Всегда
слышится: лáппо, вѣнно, оннáко, бѣппѣый, аннá, ѳмморокъ; нá
полни, аттѹдова, аттѳдова, но «сукиѳ» произносится всегда вѣрно.

За исключеніемъ «баушка» (вм. бабушка) всѣ указанныя слова произносятся правильно. § 93. Дѣйствительно говорятъ: цдравъ, стражѣнье, пскуплять и т. п.

Удареніе. § 91. Всѣ подобныя слова произносятся вѣрно: гóру, гóлову, цѣну, стóропу, скóвороду, зéмлю, зíму, дóску, сéреду, рúку, сóху, бóропу, дúшу и т. п. Говорятъ «два рядá»; остальные выраженія произносятся правильно. Говорятъ — болотá, по болотáмъ, воротá и ворóта, но всегда — колёса, мѣстá. Произносятся только: вели́ка и великá, остальные же слова всѣ — вѣрно: слѣпа, жива, стара и т. д. Всегда говорятъ: мáлепьякъ, плóхеньякъ, но всегда — корóтокъ. Ширóко, высóко, далéко, по говорятъ также и шпрóкó, высóкó, далекó. Бралá и брáла, померлá, умерлá, прорвалá и прорвáла, пробылá, гналá и гпáла, родилá, было и былó, случíлось, годíлось и т. п. Говорятъ: брáли, крáли, прóжили и прожíли, пóбыли и побýли, нé жили и не жíли, прóпили и пропíли. Побѣглá, пéредали и передáли, ўмеръ и умéръ, прíнялъ и принíлъ, пóмерло, помéрло и померлó, зáперъ и запéръ, остáлась, зáперлпсь, запéрлпсь и заперлíсь. Не слóманъ, нанíсано, принесёнъ. Зáперто и запёрто, распрётýй. Доíла и дóила. Повернѣшь и повёрнешь, разстегнѣшь и разстэгнется. Остальныя — произносятся вѣрно. Скажутъ: до этого сýда и до этого судá, бльха, подъ бакóмъ и нóдъ бакóмъ, валкí и вóлки, валкóмъ и вóлкомъ, кóломъ убью и калóмъ убью, отъ роду́ жизни и отъ роду жизни. Прíговоры, приговоры, а больше — приговорá. Спервá и спёрва, послѣ, послá и опослá. Всѣ же прочія слова произносятся всегда только съ вѣрнымъ удареніемъ. На казнú, нá верхъ и на вёрхъ, три днá и трí дня.

Склоненіе. § 94. У батюшки, къ мальчишку. У вдовѣ, съ избѣ — слыхалъ. § 95. Вмѣсто ы часто употребляется «я». Говорятъ: у нивѣсти, для скотíни, для корóви, у Василíси, у Марíни и т. п., но всегда — съ рабóты. Говорятъ за «мáтерью, дóчерью» (вм. за мáтерью, дóчерью). Говорятъ: грядá, податí,

деревнїи, волостїи, въ остальныхъ же словахъ такой замѣны не слыхаль. Всегда всё говорятъ—старостá. § 96. Говорятъ «дитя́», но склоняется неправильно: дитя́, дитїи, дитѣ́, дитю́, дитѣй, о дитѣ́. Всегда говорятъ: дровá, но полóтны, гúмны, óкны, сѣлы, кóльцы, болóты и т. п. Полéй, дѣлóвъ, гнѣздъ, сель и др. § 97. Это есть одна изъ главныхъ неправильностей нашей мѣстности. Всѣ и всегда употребляютъ дат. мн. ч. вм. твор.: рукáмъ, ногáмъ, граблѣмъ, лошаdѣмъ, глазáмъ, ушáмъ, цѣпáмъ, топорáмъ, за нáмъ, за вáмъ, за домáмъ, укусилъ зубáмъ и т. п., вм. рукáми, укусилъ зубáми и т. п. Въ нѣкоторыхъ словахъ употребляется и вм. ы: сѣти, виновáти, а больше—«ы»: прáвы, пьяны, богáты, голóдны и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ произношеніе у насъ всегда правильное. § 98. Дѣйствительно, всегда вм. ую, юю пропзносится ою, аю: дóбраю, рябóю, сѣльнаю, хорóшаю, длѣннаю вм. дóбрую, сѣльную, хорóшую и т. п. Вм. омъ иногда употребляется ымъ. Говорятъ: на худбѣмъ, на дурнбѣмъ, на больнбѣмъ, въ такѣмъ, на сѣрымъ и т. п. (вм. на худóмъ и т. д.). § 99. Нѣкоторыя неправильности приходится слышать, напримѣръ: тяжельше, прощѣе, жарчѣй, шипчѣй и т. п. § 100. Въ подобныхъ случаяхъ всегда почти приходится слышать неправильныя произношенія; на тѣй (вм. на тóй), объ таё (вм. объ ту), тѣе (вм. тѣ́), тоё (вм. ту), тѣи, тѣи (вм. тѣ́), съ тыхъ (вм. съ тѣхъ), на тѣмъ (вм. на тóмъ) и т. п. Скажутъ: бей её, у ёй, на ёй, на нѣй; онъ и ёпъ, онїи, а нѣкоторые и яны, янá и онá. До кѣпхъ (вм. до кóпхъ), съ кѣхъ (вм. съ кóпхъ), обѣи (вм. óбѣ́). Всеё и всю, одноё и одну́, самоё, но всегда—всеи. Говорятъ: мавó, твавó (вм. моего́, твоего́), маму́, сваму́ (вм. моему́, своему́). § 101. Въ подобныхъ случаяхъ больше слышится произношеніе вѣрное, но говорятъ и тремїи, двумїи, четырмїи. Другихъ неправильностей не слыхаль. Окончаніе «ёхъ» употребляется часто: двадцатѣхъ, пятѣхъ, у сямѣхъ и т. п. Говорятъ: по пятїи копѣекъ и по пáтъ копѣекъ.

Глаголь. § 103. Всегда употребляется въ подобныхъ случаяхъ ё: идѣшь, запнѣшь и т. д. Говорятъ всё — запригѣшь вм.

запряжѣшь, испикѣшь в. испечѣшь. Вм. бѣшься — бѣстя, убѣстя, дождѣстя, ашибѣстя и т. п. Всегда употребляется «тъ»: пгрѣеть, берѣтъ, ходитъ, вѣдуть, плетуть и т. п. § 104. Окопчаніе «еть» совѣмъ въ такихъ случаяхъ не употребляется. Вм. «ѣтя» больше слышится ѣдца — трѣца, достаѣца, возьмѣца, придѣца и т. п. Употребляются окончанія атъ, ятъ, которыя часто при произношеніи замѣняются окончаніями утъ, ютъ. Говорятъ: ходють, сѣшуть, нѣсють, прѣсють, дѣржутца, плѣтють, ѣздють, хвалють, любють и т. п. Извѣстна только одна форма утъ, ютъ — ходють, сѣшуть. Краткая форма у насъ совѣмъ не употребляется. § 107. Вм. бережѣшь говорятъ — биригѣшь; § 108. Часто приходится слышать: вѣложь, увѣдь, сгонь, не роптѣй, подѣ-ко сюдѣ (вм. подѣ-ка сюдѣ), дѣ-кось, придѣ-ка (вм. придѣ), взглянь (вм. вѣглянь), глянь (вм. погляди). Другія же здѣсь помѣщенныя неправильности у насъ не употребляются. § 110. Кромѣ словъ: итѣть, притѣть, дойтѣть, ростъ (вм. идтѣ, придтѣ, дойтѣ, ростѣ) другія формы неправильно у насъ не употребляются. Изъ приведенныхъ здѣсь формъ неправильно употребляются только: дѣденъ, дѣдено, ѣбрата и убратѣ, околѣльйй. § 111. Говорятъ: набратѣ (вм. набрано), подобрѣтъй (вм. подобранный), подгорѣльйй (вм. подгорѣвшій) и т. п. Уѣхатчи, зайшѣтчи говорятъ, но носѣтчи — нѣтъ. Негодѣщій, нестѣющій, околѣвѣющій, умпрѣющій, просѣщій, проживѣющій, бродѣщій и т. п. Сохраняется ся во многихъ словахъ: боѣся, скажѣся, побожѣся, ложѣся, напьѣся, обернѣся, засмѣся и т. п. Са и си совѣмъ у насъ не употребляются. Многіе и очень часто произносятъ «покуплѣтъ» (вм. покупѣтъ). Нѣкоторые говорятъ рабѣтуть, кѣшуть, трѣбуть.

Синтактическія особенності. § 119. Средній родъ часто замѣняется, въ особенності въ мѣстоименіи мужескимъ родомъ «онъ»: онъ отворепъ — в. оно отворено. Онъ разбился самъ (стекло) в. оно разбилось само. § 121. Всегда употребляется дат. мнж. в. твор. Всѣ положительно говорятъ:

страдаю ногамъ (вм. страдаю ногами) и т. п. § 122. Говорятъ: на Петры́ и Па́влы, около Мико́ль, Веденьё вм. Введёніе, Кузьмы-демы́на вм. Козьмы́ и Дамі́ана, на Успеніе́ вм. на Успеніе и т. п. Скажутъ: я хотѣлъ спросить васъ и спросить у васъ; я ихъ не касался, и до нихъ не касался, и къ нимъ не касался; мы объ этомъ не знаемъ и мы про это не знаемъ. Соскучился по васъ; отвѣчать отцу. Всегда всё говорятъ: играть въ скрипку, въ гармонию и въ гармоню; курить въ трубку; тосковать о комъ-нибудь. § 123. Читать въ книжку. Завидуемъ птицамъ, стрѣлять изъ ружья, жениться на комъ-нибудь и т. д. Говорятъ различно: пришло два мужика, припли два мужика и пришло двое мужиковъ; приѣхали два человѣка и приѣхало два человѣка; подрались два мальчика и подрались двое мальчиковъ и т. п. Два дуплёные тулупа и два дуплёныхъ тулупа, двое новыхъ грабель; два хорошіе мальчика и два хорошихъ мальчика, двое хорошихъ мужиковъ, два хорошіе мужика и два хорошихъ мужика. Оба не работники, и они обои не работники. Вмѣсто «какъ» «чимъ» не употребляется. Вмѣсто что — чего часто говорятъ. Чего́ ты дѣлаешь, вмѣсто «что ты дѣлаешь»? § 130. Въ говорѣ нашей мѣстности чаще употребляются неправильныя окончанія, — омши, ёмши: одѣмши, разорвавши, поѣмши, похлебавши, поимши и т. п. — Употребляется очень рѣдко одна только частица «тка»: ужо-тка, приди-тка, поди-тка, прииси-тка и т. п.

Хороводьяня пѣсня. ¹⁾

1.

Большой туманъ при далине
 Широкай листь на молине
 Есьть пошире на дубочки.
 Тамъ воркуютъ голубочки и гарюють
 Манилъ моладецъ дѣвочку

1) Записаны ученицами II и III отдѣленій.

Ни сваю чужую
 Пойдемъ радость поцалую
 Нашто чужую палавати
 Таски сердцу придавати
 Сталь молодець дѣвку цаловати
 Стала дѣвица рыдати.

2.

Вдоль по морю морю синему.
 По синему по вольнскому.
 Плыветъ стадо гусей сѣрапхъ.
 По сиредочкѣ любѣдушка бѣлая.
 Она плыветъ, да не тряхнется.
 Не тряхнется ни ворохнится.
 Вѣдрукъ уточка встрепенулася.
 Подъ ней море всколыхнулася.
 Свежа вода возмутилася.
 Гдѣ ни взялся младъ ясепъ соколъ.
 Ушибъ зашибъ лебедушку бѣлую.
 Онъ кровь пустилъ по синему по морю.
 А перышкѣ по чисто по полю.
 А мелкій пухъ по кусточкамъ разнесло.
 Пла руду бѣла рыбица.
 Брала перья красна дѣвица.
 Она дружку во подушечку.
 Сердечному возголовице.
 Тутъ шелъ прошелъ разудалый молодець.
 На Богъ помочь красна дѣвица душа.
 Она ему ни сложила ни здоровилась.
 Грозилъ парень красной дѣвицѣ душе.
 Скоро дѣвка догадалася.
 За молодцамъ поганялася.
 Прасти мильй виновата перъ тобой.
 Ну Богъ простить красна дѣвица душа.

Этой пѣсенки конецъ.

Цѣлуй дѣвку молодецъ.

3.

Травушка муравушка зелененькїй лужекъ,
 Знать-то мнѣ по травушкѣ не хаживати,
 Травушку муравушку не таптывати,
 На свою-ли расхорошую не глядивати,
 Знать моя хорошая во горенкѣ сидятъ,
 Скрось она окошечка на молодца глядитъ,
 Душечка ты молодчикъ,
 Мальчишка молодой,
 Что радость не ходишь,
 На улицу гулять,
 Чего-же ты не становишься,
 Со мною младой, со мною молодой,
 У меня-ли молодой,
 Грозенъ батюшка родной,
 Онъ грозенъ, грозенъ, да не мпlostивъ,
 Не пускаетъ молоду,
 Гулять вечеромъ одну.

4.

Я на стульчикѣ сижу
 И топоръ въ рукахъ держу
 Поскорѣя гуляй веселѣя,
 Я топоръ въ рукахъ держу
 Самъ я колышки тешу
 Изгороду горожу,
 Поскорѣя гуляй веселѣя
 Я згороду горожу,
 Хрѣнь капусту сожу
 Поскорѣя гуляй веселѣя,
 Хрѣнь капусту сожу
 У кого капусты пѣтъ

Приходи къ намъ въ огородъ во дѣвичій хороводъ
Во дѣвичьемъ хораводѣ
Добрый молодецъ гулялъ
Сибѣ дѣвку выбиралъ
Выбралъ дѣвку, выбралъ красну
Противъ себя становилъ
За себя замужъ манплъ
Пойдемъ дѣвка,
Пойдемъ красна
Пойдемъ замужъ за меня
Удолого молодца
У меня ли молодца
Есть кроватка тесова
Одѣяла шелкова
Вставай барышня моя
На дворѣ бѣла заря
На улицѣ бѣлый свѣтъ
Погляжу за Ваней въ слѣдъ
Куда Ванюшка пошелъ,
Куда скоро побѣжалъ
Пошелъ Ваня долиной
Ко Дуняше вдовпной.

5.

Ужъ ты садъ ли мой садъ,
Садъ зелененькій развеселенькій
Ты зачѣмъ рано цвѣтешь разсыпашся
Сколь далече милой мой собпраешся
Ни во путь, ли во походъ, во дороженьку
Ты со всеми со людьми распрощаешся,
А со мною молодой все ругаешся
Не ругайся не бропися
Скажи милая прощай
Тутъ летела пава

Черезъ синіе моря
 Уронила пава изъс крыла перышко
 Миѣ не жалко крыла, жалко перышко
 Миѣ не жалко мать отца
 Жалко молодца
 Служилъ годъ и служилъ два
 Служилъ три года
 На четвертый годъ онъ письмо приелаль
 А на пятый годъ онъ домой пришелъ
 И свою прежнюю нашель.

(Сообщилъ Г. В. Ивановъ).

61. *Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, село Халбужъ.*

Авторъ сообщенія — воспитанникъ Костромской Духовной Семинаріи, уроженецъ с. Халбужъ.

Село, гдѣ я проживаю, называется Халбужъ (Костромской губ., Кологривскаго уѣзда). Оно находится въ 100 верстахъ отъ уѣзнаго города — Макарьева. Нельзя сказать, чтобы народонаселеніе нашего прихода было рѣдко, но и не многолюдно. Выговоръ нашихъ крестьянъ болѣе или менѣе правильный. То же показали миѣ наблюденія и относительно выговора сосѣднихъ прихожанъ: рѣзкаго различія я не замѣтилъ.

Многіе изъ нашихъ крестьянъ съ осени обыкновенно отправляются «на чужую сторону», какъ они говорятъ, на заработокъ. Зимнимъ мѣстопробываніемъ ихъ служатъ обыкновенно Вятская, Казанская и даже Пермская губерніи. Что всего замѣчательнѣе, — они возвращаются съ тѣми же особенностями въ выговорѣ, съ какими уходятъ.

Отношенія нашихъ прихожанъ къ сосѣдямъ самыя обыкновенныя: ссоръ общихъ не бываетъ, потому что нѣтъ ничего по-

чти общаго, дружбы — тоже. Дьяками нашихъ крестьянъ назвать нельзя, хотя грамота коснулась пока очень немногихъ.

Самъ я сынъ умершаго 17 лѣтъ назадъ причетника; проживалъ и до сихъ поръ проживаю въ этомъ селѣ. Образование получаю въ настоящее время въ Костромской Духовной Семинаріи — въ V классѣ.

Гласныя. § 1. Характерною особенностью нашего мѣстнаго нарѣчія служитъ то, что въ словахъ, гдѣ встрѣчается буква *o*, жители ударяютъ болѣе сильно. То произношеніе, которое называется «московскимъ» съ преобладаніемъ буквы *a* вмѣсто *o*, здѣсь встрѣчается какъ рѣдкое исключеніе. Окулина, Описимъ, Оксинья, Ондрей, Онтонъ, Олексѣй, Описья; батюшко, Иванушко, дѣдушко, дитятко, дядушка; омбаръ (анбаръ), олтарь, тонцовать, ло^нпадка, торелка — тарелка; разговоръ, разбить, разбирать, розсѣять, рознимать, розсказывать, розсчитать, розвозить, розпахать, ростянуть, ростопырить (вм. разставить); работа, работать, работникъ, рѣдко — работа, работникъ, работать. Разумъ, но не розумъ. § 2. Ты плѣтишь; кѣтишь и катишь. § 3. Замороживать и замораживать, зарабатывать и зарабатывать, подзадоривать и подзадоривать, уваживать и уваживать. § 4. Такихъ словъ, въ произношеніи которыхъ крестьяне бы употребляли *a* вм. *o*, не много: напр., раждаться вм. рождаться, товарищъ вм. товарищъ, манахъ и монахъ; подомарь (попомарь), салдаты, карабль, тварогъ. Доброва, худова, хорошова, новова, большова, храмова и др. § 5. Приходилось слышать нѣчто среднее между *u* и *o* и то въ произношеніи нѣкоторыхъ, немногихъ крестьянъ, напр.: угурцы, пуйду вм. пойду, вузьму вм. возьму, схужу вм. схожу и др. Точно такъ же и въ такихъ словахъ, какъ воля, смотреть и др., въ произношеніи нѣкоторыхъ крестьянъ звукъ *o* похожъ на *u*; но это исключеніе; у большинства онъ выходитъ чисто. § 6. Омельнякъ, Олена; робенокъ, робята; топерь и топерича; держать, задержать; седни и севодни; жготся, жжотся, запрягомъ, текотъ; дѣнышко, метелѣкъ (мотылекъ), бездѣнный. § 7. Ёй, о ней, о нёмъ, о твоёмъ

и пр.; сплетив, подѣнщикъ, подѣнщина. § 8. Нянекъ; покойничекъ, денѣгъ, зятѣмъ (зятѣмъ), родителейъ, дѣвицей, чаще дѣвицей, Оксипней, Господней, въ третьемъ, въ Божьей; приимають, уѣдетъ, проѣдѣшь, знаѣмъ, хвастантѣ; морѣ, полѣ, не-насьѣ (ненастье), воскресеньѣ, несчастьѣ, времѣ, имѣ, свротское, доброѣ, хорошой. § 9. О вмѣсто *e* послѣ буквъ *ж* и *ш* употребляютъ сравнительно рѣдко. Говорятъ, напр., шолуха, по: жена, жемчугъ, женихъ, чашокъ (чашекъ), машотъ, напишомъ, нашо, ваше; ну же, что жо. § 11. Перышко вм. пѣрышко, дергать вм. дѣргать; въ остальныхъ же помѣченныхъ здѣсь словахъ употребляютъ *ѣ*. § 12. Скорѣя, похитрѣя; запрягъ и (рѣже) запрѣгъ, головѣшка, кресло, словесно, колесный, трясъ, лѣхкой; затѣсывать; пошолкивать. § 13. Вм. дверь нерѣдко говорятъ двирь, вм. петля—питля, вм. мельница—мильница, вм. кузнецъ—кузипць и кузничъ; кониць и коничъ. Вм. себя и меня говорятъ сибя и мня; пишо (еще), пидила (недѣля). Несятѣ, кладитѣ, дерптѣсь, везитѣ. § 14. Моѣ, твоѣ, своѣ, буква *ь* удерживается и въ другихъ падежахъ. § 17. Бароня, судароня. § 18. Глыбоко, глыбь. § 19. Крѣпкій, мелкій, пѣгій и пр.; понукивать, подтягивать, опахивать. § 20. Разница въ произношеніи буквъ *ь* и *e* въ такихъ словахъ, какъ мѣль и мѣль и пр., замѣтна въ говорѣ нашихъ крестьянъ, хотя и не такъ сильно, какъ она проглядывается не у крестьянина. Во многихъ словахъ у крестьянъ появляется пѣчто среднее между *e* и *и*—въ первомъ случаѣ (мѣль) болѣе твердо, во второмъ (мель)—болѣе мягко. Причина, должно быть, та, что наши крестьяне нерѣдко замѣняютъ букву *e* буквою *и*: миль вм. мель, питля вм. петля, двирь вм. дверь; а эта привычка отражается и на другихъ словахъ. § 21. Хлѣбъ и хлибъ (хлибець), хливъ, клитва, сдялаю, пообидать, полино, ихать (вм. ѣхать), рика (вм. рѣка), ричька; здись, мидь, линь, ричь, сясть, псть (ѣсть). Митить, намитить, повнеспить, винникъ, мисяць, встрича, смя, спни, вирить, сміють, цидить, смена, стрелять, мннать, одіяло. § 22. Застрять, — рѣже застрѣль. § 23. Вмѣсто *я* рѣдко употребляютъ *e*: петьдесять; петно,

языкъ, везать, месной, светой, петакъ, петі, десеті, гледѣть; часы и (рѣже) часы; желѣть, шелунъ и (рѣже) жалѣть, шалунъ. § 24. Доброй, хорошѣй, сиѣй, весеннѣй; въ именахъ собственныхъ окончаніе *ей* рѣдко замѣняется окончаніемъ *ій*: Алексій, Матвій, Тимоѣй; бываетъ и наоборотъ: *ій* замѣняется *ей*: Василей. § 25. Думаѣшь, знаѣшь. § 28. Наши крестьяне говорятъ медленно и раздѣльно, и такихъ случаевъ, гдѣ бы ступевывались гласныя, встрѣчать не приходилось. § 29. Оржаной и (рѣже) аржаной; потолка вм. потолока, и то рѣдко.

Согласныя. § 31. Въ словѣ Богъ *г* выговаривается значительно мягче, чѣмъ въ сл. рогъ. Слова, напр., богатый и рога-тый при чтеніи имѣютъ *г* мягкое, какъ въ словѣ Богъ; добрава, ху-дова. § 32. Телѣкъ, рокъ, сапокъ; мяхкій, лѣхкій. § 36. Кучарка. § 37. Хъ попу, хъ тому, хъ кому, хъ царю; гъ дереву, гъ же-лѣзу, гъ деревнѣ. § 39. Сварьба (рѣже—свадьба), усарьба (рѣже—усадьба). § 42. Ципленокъ и чипленокъ, цяпля и чяпля, улици и уличя, коньци и коньчи, молодець и молодечь, цярь и чярь и т. д.; вообще послѣ буквы *ц*, замѣняемой иногда черезъ *ч*, всегда слѣдуетъ мягкая гласная. § 43. Чѣпь, чѣлыій (цѣлыій), черковъ (церковъ), чапкій (цапкій), хлѣбча (хлѣбца) и обратно: целовѣкъ (человѣкъ), цѣрныій (черныій), печь (печь), рпцъка (рѣчька); бываетъ, хотя рѣдко, что одинъ и тотъ же человѣкъ говоритъ и ночь и ноць; у многихъ же трудно различить, *ц* или *ч* они произносятъ въ такихъ словахъ, какъ целовѣкъ, царь и пр. § 44. Послѣ буквъ *ж* и *ш* гласныя произносятся твердо: жалко, жалаю, шуба и пр. § 45. *Ч* произносятся, какъ и обычно, мягко; вм. што: щѣ, штѣ и (рѣже) што. § 46. Свяшшеникъ, слашше, чишше, ишшу и др.; дрожжы, вожжы, съѣжжаться; жжоть, ждѣтъ; годисся, сбираеся; дѣлаетца; учуся, остаюся, ударился. § 47. Вногo (много), скрозъ; слобода (свобода), ослобонить; скус-ный (вкусный); трахтъ (трактъ). § 48. Звукъ *о* въ среднѣй слова рѣдко замѣняется *у*; говорятъ, напр., дешѣуле (дешевле); дѣ-ушка, вѣоуха, пѣунья (пѣвунья), баушка. § 50. Ходпѣ, браѣ,

Васіўко, доўго, моўчалъ и др. § 51. Омманъ, омануть; скипѣть, трось, шесь, Пѣтъ, шесь (шестъ). § 52. Ротъ, сутъ, гропъ, крофъ, морось, хлѣпъ, сгрѣпъ, лѣтъ, назатъ и др.; рокъ, друкъ. § 53. Крсфъ, любовь, семь, прорупъ, голупъ, рупъ (рубль); зв. *т* въ окончаніи 3-го лица твердый; перьвой, серьпъ, зерькало, церьковъ; дворьникъ, горьница—мягко; харьчевия; зв. *п, б, в* произносятся мягко; плотьянкъ, огородьянкъ, скотьянкъ; вслетьствіе, бегьствіе и т. д.; въ словахъ здѣшній, прежній и под. *ш* и *ж* большею частью произносятся твердо; лехче; барьской, царьской, деревеньской, женьской, русьской, московьской и др.

Удареніе. § 54. Жемчугъ, на лошади, на коняхъ, коней, молоченіе, яницъ, легокъ, чащя, деньга, сосна, косить, спитѣ, ѣдитѣ, хотитѣ, неситѣ, кладитѣ, бѣдетъ, икатъ, икаты, валѣжникъ, валѣжничъ, обѣхомъ, на лошади, отъ ноци, на коняхъ, коней, творогу, вѣрба, вѣдрами, закладка, подруга, подружка, успѣхъ, застава, отставка, поставка, закуса, простыня, молоченіе, срѣдства, ворота, болота, братья рѣже братья, яницъ, молодой, молодъ, легокъ, мяжокъ, тѣсный, чащя, деньга рѣже денга, казна, дочка, сосна, сосна (рѣже), бѣха, судьбина, въ рѣку, свинью, двѣ версты, деревень, онъ косить, рѣже онъ коситъ, родитъ, звонятъ, онъ родится, спитѣ, ѣдитѣ, ѣдите (рѣже), хотитѣ, хотитѣ (рѣже), неситѣ, кладитѣ, бѣдетъ, вопитъ, роботать, кашлять, положить, положить (рѣже), предположить, понудить, подойти, принести, розогнать, говорить, говоришь, богатѣть, осырѣть, позвалъ, рѣже позвалъ, собралъ рѣже собралъ, погналъ рѣже погналъ, послалъ, рѣже послалъ, перестрѣлилъ, дострѣлилъ, привезѣшь, привезѣшь, принесѣшь — приведеня, принесеня, привезеня, проведенъ; тугой, сырой, шолковый, другой, прѣсной, грязный, бурный, мелкій, ловкій, жаркій, рѣдкій, тонкій, робкій, толстой, толстый (рѣже), черствый, суровый, иной, кажинный; идугъ, идѣтъ, вы куритѣ, не могутъ, скажутъ, стегнетъ, разорвѣшь, отогнешь, подойдѣшь, пойдѣшь, помахнѣтъ; козырнѣтъ, повернутъ, ужаснутъ, отдохнутъ, кувырнутъ, пошат-

нѣтъся; случилось, бравши, напѣвшись, взѣвшись, опасно, опасно (чаще), высоко, высокó (чаще), далѣко, далекó (рѣже), глубóко, глубокó (рѣже), можно, тѣмно, темпó (рѣже), иногда, никогда, всегда; четырёхъ, семнадцатый, самогó, другóго, другóму, рѣже — другóй, одногó, одному́, никогó, ничегó; на гóловѣ, къ зѣмѣ, въ стóронѣ (такъ!) нѣ билъ, трѣ года, двѣ дни; подъ вечеръ, па поле (пошелъ), па небѣ и пр. § 55. Нашъ мѣстный выговоръ пѣвучестью не отличается; въ этомъ отношеніи онъ сходенъ съ выговоромъ мѣстной интеллигенціи. Крестьяне говорятъ четко — ни слишкомъ медленно, ни слишкомъ скоро. § 56. Различія между выговоромъ младшихъ и старшихъ не замѣчается. Правда, мальчики, обучавшіеся въ мѣстной школѣ, въ первое время по выходѣ изъ школы говорятъ болѣе правильно, но, кажется, не надолго.

Склоненіе. § 57. Пшена (хотя рѣдко), просу сѣять, жнитва; трека вм. трико (матерія) (род. треки, дат. трекѣ и т. д.); этотъ яблокъ. § 58. Изъ дому, изъ городу, того году, того мѣсяцу, съ потолка, безо сну и пр.; третьяго дни, къ Ильицу дни. § 59. Князьё, гвоздьё, братьё; стульё, кольё, сыповьё, сватовьё, дурачьё (дураки); стáроста (им. мн.); крестьяна, нерѣдко и крестьяне; больше: щенята, опята, хотя говорятъ также и щенки, опенки. § 60. Солдатовъ, человѣковъ; нерѣдко — ребенковъ, жеребенковъ; пріятелевъ, рублево́въ, ключовъ, ножовъ; молодци и рѣже — молодцы. § 63. Времё, имё; род. время, имя, а также и времени, имени (Сколько время? къ какому време? и пр.). § 64. Говорятъ, но рѣдко: дѣловъ, мѣстовъ. § 66. Крáсно, чѣрно, дóбра, мѣла и др. вм. красное, черное, добрая, милая и др. можно встрѣтить здѣсь въ народныхъ пѣсняхъ; въ выговорѣ же не встрѣчается. § 69. Въ им. множ. для прилагат. всѣхъ родовъ больше слышится окончаніе я: злыя люди, ясныя дни, сильныя лошади. § 71. Съ хорошимъ людѣмъ, съ милымъ дѣвушкамъ, съ веселымъ ребятамъ и пр. § 73. Мѣня: тѣбя, тѣбѣ и т. д. § 75. Говорятъ часто: въ ёмъ, къ имъ, съ имѣ (съ

пими); за её, у её. § 77. *Всю* и *всеё*; встрѣчается, хотя рѣдко: самѣхъ, самѣмъ; однѣ, однѣхъ, однѣми говорятъ, хотя и рѣдко. § 78. *Моё*, *твоё*, *своё*; *моѣхъ*, *твоѣхъ*, *своѣхъ*; *ихній*. § 79. *Обѣхъ*, *обѣмъ*. § 80. Часто прибавляютъ здѣсь къ словамъ: *отъ*, *то*, *та*, *тѣ* и даже *ти*; «сынотъ ушелъ», «Ванька-то ужъ здѣсь», «коровы-тѣ ушли», «гуси-ти на рѣкѣ» и др. Говорятъ и *бабу-ту* и *бабу-то*, *парня-та* и *парня-то*.

Спряженіе. § 81. Смотрить, велить (вм. *велѣтъ*), стемнять, по: стемнѣеть, осырѣеть. Вм. *вынуть* часто: *вымать*, вм. *вынулъ*—*вынялъ*; *обойми*. § 82. Скакаю; наймовать, подаваю (вм. *подаю*), *недоставаеть* (вм. *недостаеть*), *ночеваю* (вм. *ночую*); больше, кажется, съ буквою *о*: *замороживать*, *устроить* и т. д. § 87. Хотя и говорятъ *текошь*, *текотъ*, *стерегошь* и т. д., но рѣдко; *хошь* (*хочешь*). § 91. Вмѣсто окончаній *тѣй*, *той* здѣсь нерѣдко употребляютъ окончанія *нѣй*, *ноѣ*; вмѣсто *тѣ* тоже употребляютъ *нѣ*; бываетъ и обратно; *разогнаны*, *разогнаты*, *накладено* и (*рѣже*) *наложено*. § 92. *Убѣжалъ* и (*рѣже*) *убѣгъ*; *впрѣгъ*, *запрѣгъ*. § 93. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь говорятъ: *ѣдъ*, *заѣдъ*.

Синтактическія особенности. § 96. *Лисѣё*, *медвѣдѣё*, *гвоздѣё*. Говорятъ: «нынче *колосъ* *полонъ*», «*сосна* *хорошая*», вм. «*соснякъ* *хорошъ*» и др. § 97. *Выраж.*: *подъ* *пазухи*, въ *достаткахъ* и др. — *встрѣчаются*. § 99. Употребленіе *род.* *вм.* *винит.* иногда встрѣчается. § 100. Употребленіе *род.* *вм.* *винит.* при *гл.* *есть* встрѣчается и даже часто. § 101. *Вм.* *тв.* *встрѣчается* *род.* съ *предл.* *изъ*. § 103. *Лонисъ*, *вночесь* и *ночесь*, *вечеръ* (вм. *вечеромъ*). § 105. «*Онъ* *пошелъ* *по* *коней*», *по* *овець*, *по* *коровъ*; *вм.* *зачастую* *говорятъ*, правда рѣдко, въ *частую*. § 107. «*Въ* *рышокъ*» *вм.* «*на* *рышокъ*» и т. д. *говорятъ*, хотя рѣдко. § 108. *Мимо* *дороги*, *возлѣ* *дороги*. § 110. *Сравни.* *ст.* *выражается* *болѣе* *растяженіемъ* *гласныхъ*: *крааа-снѣй*; *говорятъ*: *махонькѣй*, *малютиснѣй*, *злющѣй*, *добрѣющѣй* и т. п. § 111. *Говорятъ*

и «пришло» и «пришли». «Здѣсь было трое», «ихъ пошло пять человѣкъ», «напало три собаки» и др. § 112. Больше здѣсь говорятъ «два хорошихъ мальчика». § 113. Два разъ и раза; два рубли; три дни. § 114. Двой ворота, трой дверей и двери. § 117. Иногда говорятъ: онъ уѣхавши, она пришедши и др. § 118. Выраженія «мостъ сломившись» и т. д. встрѣчаются. § 120. Говорятъ: «нешт́о ему дѣлается», некуда дѣнется и др. § 121. Здѣсь чаще всего употребляютъ частицу бать; перѣдко—моль; встрѣчаются также: ка, се, ста, бай. «Мнѣ, ста, вашего добра не надоть»; «я, бать, взялъ его, да на утыку съ лѣстницы то»; «не ходи, бай: мотри ночь застанеть» и др.

(Фамилія наблюдателя не указана).

66. *Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, Семеновской волости, деревня Борокъ.*

Свои наблюденія я дѣлалъ надъ выговоромъ жителей деревни Борка Костромской губ., Кинешемскаго у., Семеновской волости. Деревня Борокъ расположена на границѣ Кинеш. у. съ Галичскимъ уѣздомъ. Границею служитъ рѣка Корба, на одномъ берегу которой стоитъ деревня Борокъ, на другомъ же — Сосновецъ (Галичск. уѣзда). Отъ губернскаго города — Костромы Борокъ отстоитъ въ 100 в., отъ Кинешмы же — 54 в.; такое же разстояніе считается и до Галича. Названіе приходского села — Никола на Корбѣ въ 3 верстахъ отъ Борка. Оно состоитъ всего изъ пяти домовъ (духовенства). Вблизи Борка есть нѣсколько деревень—одна на разстояніи 2 в., другая—2-4 верстахъ. Самыя ближайшія деревни — это деревни Галичскаго уѣзда. Крестьяне деревни Борка часто ссорятся съ жителями этихъ деревень изъ-за скота (попадаетъ въ хлѣбъ другъ къ другу). Но однако ссоры эти не мѣшаютъ имъ родниться—брать

своимъ сыновьямъ женъ другъ у друга. Наши же крестьяне, имѣя въ виду матеріальныя выгоды, предпочитаютъ брать невѣсты изъ Галичской стороны; за Галичскихъ невѣстъ берутъ выводу гораздо меньше, нежели за Кинешемскихъ (къ югу). Выговоръ деревень Галичскаго уѣзда почти не отличается отъ крестьянъ нашей деревни, за исключеніемъ одной деревни — Новинокъ, въ 7 в., гдѣ говорятъ почему то «съ высокѣмъ п по Масковски», выражаясь языкомъ нашихъ крестьянъ. Крестьяне нашей деревни почти всѣ занимаются земледѣліемъ.

На промыслы—на чужую сторону—ходятъ очень немногіе: во всей деревнѣ (70 дворовъ) наберется человѣкъ 15 молодежи, живущихъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ; въ другіе города не ходятъ. Занимаются малярною работою.

О происхожденіи деревни, а равно и о томъ, откуда вышли первые поселенцы, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Предполагаютъ, что первыми поселенцами были крестьяне деревень, раззоренныхъ «Панихой» — Полякамъ. Деревни эти — Дятлово, Ястребцово, Овцино находились вблизи деревни Борка, на что указываютъ мѣстности, называемыя именемъ этихъ деревень, на самомъ дѣлѣ существовавшихъ когда то. Про одну изъ этихъ деревень (Дятлово) ходитъ въ народѣ до сихъ поръ такая легенда: предъ нашествіемъ «Панихи» — Поляковъ крестьяне деревни Дятлово, боясь потерять свои болѣе или менѣе цѣнные предметы (иконы, ложки и т. п.), собрали ихъ въ одинъ котель и опустили на дно пруда, который находился среди деревни. Когда Паниха ушла, они рѣшились достать котель, но, къ своему сожалѣнію, не могли, такъ какъ все опущенное въ прудъ сдѣлалось «кладомъ». Были смѣльчаки, которые пытались вырыть его, но не могли, — какъ только дорывались до клада, онъ опять уходилъ въ землю. Прудъ, гдѣ находится по вѣрованію крестьянъ кладъ, въ дѣйствительности существуетъ, но только не въ большихъ размѣрахъ, и притомъ заросъ весь багуномъ и осокой, но все же онъ не высыхаетъ никогда.

Гласныя. § 1. Оксинья, Окулпина, Ондрей, Ондрій, Он-

тонъ, Алексѣй -ій, Огафонъ, Олена, Огафья, Александръ, Оксентей, Огапъ, Ондриянъ, Онаній, Онтипа, Ортемій, Офонасей, онбаръ; батюшко и багюшка, батенька и батенько, Иванушка, дядушка, дитятко; стоканъ, онбаръ, ковать, олтарь, торелка, топцовать, тонцы (танцы), корета; разговоръ, розбирать, рочеть, роспахать, розсѣять, розвозить; но можно услышать произношеніе и на *a*: разговоръ, разбирать и т. д. Больше: работа, роботать, роботникъ; рѣдко: работать, работникъ, работа; тарелка, чаще торелка; разумъ. § 2. Я плачѹ, ты платишь, платить, катить. § 3. Замороживать и замораживать и т. д. § 4. Рождаться, полагать, таварицѹ и таваришшѹ, манахъ, манастырь; пономарь, салдаты, карапъ (корабль); слобода, мостовая, хорошо и т. д.; карабль (чаще карапъ), кокушка, тварогъ; доброва, худова, слѣпова. § 5. Приходилось слышать: угурцы, укунусь; остальные слова произносятся правильно. § 6. Омелянъ, Олена, серцо; робенокъ и ребенокъ, робята и ребята; таперъ; доржать и держать; севодни и соводни; жгется и жготся, текотъ и текѣтъ; дѣнышко; одень, оденокъ (вм. одонье); батькѣ (батько), маленькѣ (вм. маленько), толькѣ (только). § 7. Лѣвъ, нѣбо (небо), отсѣль, о нѣй, со всѣй, твоей, ей (ею), сплетни, подѣщиякъ. § 8. Чѣло (чело), горѣвать, ёго, ёму; ястробъ (ястребъ!), ясѣнь, нянѣкъ, покойнячѣкъ, денѣгъ, смотрителѣмъ, зятѣмъ, гоголѣмъ; родителѣвъ, царевичѣвъ, деревнѣй, дѣвицой, Оксинѣй, саблѣй, сянѣй, синѣму, въ третѣмъ, въ Божѣй, въ синѣй, принимаетъ, уѣдѣтъ, будѣтъ, кушаѣшь, проѣдѣшь, знаѣмъ; хвѣстайте; морѣ, полѣ, подпольѣ, воскресенѣ, здоровѣ, времѣ, имѣ, доброе, черноѣ, сиротскоѣ, заднеѣ, скоромноѣ, больнѣ, прощайтѣ, ходитѣ, смотрите, встрячайтѣ; (боишса, просяте, дожидалса, дожидалася); остальные слова правильно. § 9. Шолуха, чашокъ, машотъ, напишомъ; нашо, вашо, гожѣ, дюжѣ, пу-жо, чтѣ-жо, ужѣ (въ смыслѣ времени), ужъ (онъ ужъ здѣсь). § 10. Цолуетъ. § 11. Перышко (пѣрышко), дергать (дѣргать). § 12. Запрягъ и запрѣгъ, головешка, кресло, словясно, колесный, колѣсникъ, трясъ, понева, лѣхкой; затѣсывать, пощолквать. § 13. Этотъ и

эвтотъ; гризилось (грезилось); спбя, мнтя, тбтя, ишшо; неситѣ, кладптѣ, деритѣсь. § 14. Мои, твои, а больше: моѣ, твоѣ, моѣхъ, своѣмъ, твоѣмъ; яецъ (яицъ). § 15. Ресовать, ресунокъ, мундеръ (мундиръ). § 16. Грыбъ; крыло, корысть. § 17. Бароня, госу- дароня. § 18. Сутки, хрупкій и т. д. § 19. Крѣпкой, лёшкой, мелкой, пѣгой, русской, зѣмской; понукивать, подтягивать, опа- хивать. § 21. Здисъ, звирь, линь (лѣнь), ричь, сить, сять, пьсь (ѣсть), стинь и тинь (тѣнь), свичка, свителъ, ричка (рѣчка); мп- тить, повясить, виникъ, мпсаяцъ и мисецъ, диверь, встрича, сима, синп, вирить, сміють (смѣють), цидить, симена (сѣмена), минять, одяло, надяться, синцы (сѣнцы), лѣсница (лѣстница), билить, вмьстѣ (вмѣстѣ), медвидь. § 22. Стенняеть (вм. стениѣеть); в- дялѣ (видѣлѣ). § 23. Петьдесять, опеть (опять), Вечеславъ; петно (пятно), везать, месной, петакъ, пети, десети, гледѣть, чесы, желѣть; боялса, испугалса, ругалса, боятца, дерутца, сео- рятца. § 24. Доброй, старой, желѣзной, синѣй, овечей, весен- нѣй; Василей, Митрей, Офанасей, Арсентей, Ортемей, Евденей (Евгеній); Тимофій, Олексій. § 27. Вм. принимать — примать, вм. выпимать — вымать; употребительнѣе послѣднее произноше- ніе. § 28. Менины (именины), мениншккъ; у мня (у меня). § 29. Оржаной, овторникъ, омшанникъ.

Согласныя. § 31. Г въ словахъ Богъ, Бога, Господь, бо- гатый произносятся одинаково, и это произношеніе г разнится отъ произношенія въ словахъ рога, городъ, нога; доброво, слѣ- пово, худово. § 32. Колда, ковда (рѣдко колды); толда, товда, всегда; шахъ; мяхкій, лехкій. § 34. Ванька, чайкю, толькѣ, ма- монька, послушайкѣ, сверью, рѣдка, Душька, Оедька, Васья; трахмаль. § 35. Евденей. § 36. Караводъ, куфарка, клѣвъ; фто и хто. § 39. Сварьба, усарьба; глѣко, глядиго. § 40. Звукъ ц въ сл. цѣнь и цѣна произносится одинаково. § 41. Звукъ ш вм. с слышалъ только у трехъ женщинъ. § 42. Цыпленокъ, улыцы, концы, молодець, царь, кольца, курица, цыдтъ, цыль (цѣль) и вообще послѣ ш произносятся ы, а, о; цоловальникъ. § 43. Звукъ

ч вм. *и* изрѣдка можно услышать у старухъ; равно только старики и старухи произносятъ: пасъ, цорный, цотыре, поць, пецъ, цело, дурачокъ, дуручка, целовѣкъ. § 44. Шыть, шыло, жырь, пашыхъ, кожи, шагъ, жарко, шуба, жесткой и вообще послѣ *ж* и *ш* произносятъ *ы*, *а*, *о*, *у*; рогоза; молосный. § 45. Чистый и т. д.; што, нашто; ниши, а больше — нешнїи и нишкини. § 46. Свяшшеникъ, шшука, ишшу, шшотъ, слашше, шшока, ишшо (ещё); вешъ; вожжы, дрожжы, съѣжжатса, жжотъ; годисса, сбѣраесса, попадесса, подвернесса; дѣлаетца, остаюса, учуса, ударилса. § 47. Сабоги (салоги); мтица (птица), мчела (пчела), мташка (пташка), внога (много), напимшисъ, нѣкоторые говорятъ и напившисъ; скрозъ, слобода, купшинъ (кувшинъ); скусный, гувно (гумно); колда, толда. § 48. Дѣушка, баушка. § 49. Пролупъ (прорубь); кухольный (кухонный); Микола, нимо (мимо). § 50. Маненько(е) и помапеньку(ю) можно услышать отъ немногихъ; говорятъ больше: маленькѣ, помаленькую; шкатунка. § 51. Омманъ (обманъ), амбаръ, онбаръ; скипѣть (вскипѣть), трось (трость), шесь (шесть), Пѣт (Петръ), Олексанъ (Александръ), серцо (сердце); Руфанъ (Руфъ), Петрованъ (Петръ), дѣ (гдѣ), сячасъ (сейчасъ), чела (пчела), причасъѣ (причастіе). § 52. Ротъ, суть, гронъ, корофъ, моросъ, ёшъ, хлѣпъ, сгрѣпъ, лѣтъ, пазать; рокъ, друкъ. § 53. Крофъ, любофъ, семь, пролупъ, голупъ, церкѣфъ; въ оконч. 3-го л. звукъ *т* произносятъ твердо; лафьки, шапъки и шапки, трафьки, юпъки, дефьки и дефки (очень трудно уловить — твердо или мягко); первой, серпъ, зеръбяло, церкѣфъ; дворъникъ, горъница и горница, харчевня; моленъствіе, хлѣбъникъ, лѣчебъница, харчевъня, деревъня, купца, рупъ (рубль); плотъникъ, скотъникъ, родъникъ, огородъникъ; вслѣтъствіе, обѣтствіе, ротственикъ и роственикъ; въ словахъ здѣшній, прежній и т. д. *ш* и *ж* произносятся твердо; легче; барской, деревенской.

Удареніе. § 54: ручѣй, языка, лошадѣ, коробъ, жемчугъ и жѣмчугъ, творогъ (тварогъ), осенью, отдыхъ, колоколъ, коршунъ, мячикъ, ножикъ, валѣжникъ, вѣры, обухомъ, на лошади, отъ

пѣчи, на коніяхъ, копѣй, тварогу, звѣря, камѣнья, камѣньевъ, пять сѣженъ, прогѣшы, потолокъ, вѣрба, вѣдрами, закладка, подруга, подружка, успѣхъ, застава, отставка, поставка, закуса, простыня, знакомство, множество, молоченіе, гаданіе, вставаніе, питьѣ, житьѣ, средства, ворота, сѣмена, внучата, ягнѣта, ценѣта, бояра, братья, платя, япщъ, молодѣй, мѣлодь, легѣкъ, мягокъ, тѣсной, чащѣ, сковородѣ, слободѣ (въ слѣбоду), колокольня, дѣньга и денгѣ (собирательное), сѣсна, дѣвочка, ѡльха (елѣха), родина, судьбѣна, въ рѣку, свинью, двѣ версты, деревѣнь, онъ косѣтъ, родѣтъ, звонѣтъ, онъ родѣтся, спитѣ, ѣдятѣ, ходитѣ, неситѣ, кладитѣ, будѣтъ, икатѣ, вопѣтъ, работатѣ, кашлятѣ, положѣтъ, предположѣтъ, понудѣтъ, подоттѣ, принестѣ, говоришь, богатѣтъ, отсырѣтъ, позвалѣ и позвалѣ, собралѣ и собралѣ, погнаѣлъ и погнаѣлъ, послалѣ, перестрѣлѣлъ, дострѣлѣлъ, приведѣнъ, привезѣнъ, принесѣнъ, приведенѣ, принесенѣ, привезенѣ, проведенѣ, тугѣй, сырѣй, шѣлковый, другѣй, прѣсной, грязной, бурной, мелкой, лѣвкой, толстой, иной, кажѣнной, идутѣ, идѣтъ, не идутѣ, вы куритѣ, козырнуть и козырнѣтъ, повернѣтъ, ужаснѣтъся, отдохнѣтъ, кубырнѣтъся, пошатнѣтъся, случѣлось, бравши, напѣвшѣсь, взѣвшѣсь, ѡпасно и ѡпасно, высоко и высоко, далѣко и далѣко, глубоко и глубоко, мѣжно, темно, четырѣхъ, семѣнадцатый, самогѣ, другѣго, другѣму, одного, одному, никогѣ, ничегѣ; не билѣ и не билѣ; подѣ вечерѣ.

Склоненіе. § 57. Жѣнва (жѣнѣтво); такая повѣтрѣя; этотѣ яблокъ. § 58. Съ того году, изъ рынку, съ потолоку; съ того дни, сег(в)одни, третѣева дни, къ Ильѣну дни, къ Сергѣву дни; на потолоку. § 59. Пояся (пояса); гвоздѣ, друж(з)евѣя (друзѣя), стульѣ, кольѣ, дурачѣ, бабѣ; сватовѣя и сватѣ; крестьянѣя, бая. § 60. Глазовѣ, солдатѣвъ, челѣвѣковѣ, робѣнковѣ, жеребенковѣ, непрѣятелевѣ; рублевѣ, ключѣвъ, ножѣвъ, кирпичѣвъ; молодцы; съ лошадымъ, съ дѣтѣмъ, подѣ ногамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, съ крестамъ, съ иконамъ, за полямъ, морѣмъ, братѣ рукамъ, царапатѣ когтямъ и т. д. § 61. Матѣ и матерѣ, дочѣ и дочѣрѣ, ба-

роня, барошня и барышня, судароня, сударыня и сударыни; чаще: женой; женою же — рѣдко; насилу, силой; къ дочерѣ, къ матерѣ; тысячей. § 63. Избовъ; время, времечко, род. п.: время, имя; имѣнь, времѣнь, сѣмянъ. § 64. Полю и полей; пивовъ, полѣвъ, дѣловъ, мѣстовъ, тѣловъ. § 69. Въ им. мн. прилаг. всѣхъ родовъ слышится *я*. § 70. У постоянныхъ жителей не употребляется, отъ лицъ же, приходящихъ изъ города, можно услышать: въ зеленомъ саду, на высокымъ деревѣ, въ большымъ городѣ и т. д. § 71. Съ милымъ дѣвушкамъ, съ осиновымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ, съ чернымъ дровамъ, съ пиленнымъ дровамъ, съ сжатымъ снопамъ; горючми слезами. § 73. У мя (у мя нѣтъ денегъ), ты (у ты есть деньги); вм. тебѣ нѣкоторые употребляютъ: теѣ. § 74. Къ намъ, къ вамъ — говорятъ лишь пожившіе въ городѣ; съ намъ, къ вамъ. § 75. Въ емъ; за еѣ, у еѣ, у ней. § 76. Вм. той говорятъ тыѣ. § 77. Однѣ, однѣхъ, однѣмъ. § 78. Моѣ, твоѣ, своѣ, моѣхъ, твоѣхъ, своѣхъ; ихній. § 79. Обѣхъ, обѣмъ. § 80. Хлѣботъ, масло-то, каша-та, бабы-тѣ и бабы-то, робята-то и -та, дурачѣ-то. (Ванька-та пошелъ гулять. А дѣвка-та заливается (плачетъ)! Ну, полно тибѣ ревить-то). Бабу-ту и бабу-то; парня-та и парня-то, пѣрню-ту и пѣрню-то; мѣст. *то, та, тѣ* употребляются при всѣхъ падежахъ.

Спряженіе. § 81. Смотрить (вм. смотрѣтъ), стемнять (стемнѣтъ), стемняетъ; вынять и вымать, вынялъ, обѣими и обними. § 82. Наймовать и нанимать, подаю и подаваю; содерживаль, поправлявалъ, хвастываль, ночевываль; замораживать и заморозивать и т. д., но больше слышится съ *а*. § 83. Есь (есть). § 87. Текѣшь, текѣтъ, текѣмъ, текѣте, стерегѣшь, берегѣшь, бѣгѣтъ, лгѣшь и т. д., но можно услышать ошь вм. ѣшь, отъ вм. ѣтъ (говорятъ жившіе или побывавшіе въ городѣ); можешь, хочешь, но чаще — хошь. § 89. Жегчи, берегчи, стерегчи, пекчи. § 91. Прогнать и прогнанъ; разогнаны и разгонены; наложено и накладено; заперто. § 92. Убѣгъ и убѣжалъ, вирягъ, запрягъ

и вирѣгъ, запрѣгъ. § 93. Уѣзжай, поѣзжай и ѣдь, уѣдь, поѣдь, заѣдь; смотрите.

Синтактическія особенности. § 96. Гвозьё, дурачьё, бабьё (бабы), дѣвьё (дѣвки). § 97. Жить въ недостаткахъ. § 99. Я нашолъ боровика, я съѣлъ гриба; я видѣлъ на базарѣ много огурца. § 100. При гл. есть вм. им. п. употребл. род. § 101. Онъ красивъ изъ себя; онъ хорошъ съ лица; онъ не совсѣмъ, тово, съ разума-то! § 103. Въ нѣчи (ночью), вечерё (вечеромъ). § 105. Онъ пошелъ по лошадь (за лошадью), идти по коровъ, по овецъ, по ягоды, по грибы, по овесъ, по сѣно, по кормъ. Почти всегда вм. предл. за употр. по (при глаголѣ идти). § 106. Тосковать объ комъ. § 107. Снесли въ рынокъ; это случилось о рождествѣ и въ рождество; на двухъ, на трехъ подводахъ. § 108. Мимо (нимо) гүмень, возлѣ дороги. § 109. Мы соскучились по вамъ. § 110. Сравн. ст.: громм-адный, боольшой, крррасный и др.; злющій, добръющій. § 111. Пришло два мужика и пришли два мужика, а чаще всего можно услышать — пришло двое мужиковъ, пришло три молодца и пришло трое молодцовъ, идутъ по три въ ряду и по трое въ ряду. § 112. Два хорошихъ мальчика и два хорошіе мальчика. § 113. Два, три раза и — два, три разъ; два рубли и два рубля; три дня и три дни. § 114. Двой ворота, трои и три двери. § 120. Никто ему велѣлъ; нешто ему дѣлается; некто, некакой. § 121. Только молчи, нишкни, возьму съ собой! Ванюшка! я тебѣ купилъ гармонью. Ну да неужли? То-то, дурачокъ! Нако бери! Ты скажи ему: тятя молъ приглашаетъ тебя на чашку чаю.

Образцы народной рѣчи: Намъ хочется по хорошу, а онъ всё лихомъ. Едрёна мать. Вроть (?) ты ногамъ (ругань). Вереть коло меня (около меня). Вереть — часть плетня (угорода). Табунъ — стадо. Глячо вм. для чего и въ значеніи почему? Дакъ вм. такъ. Ални ноги не ходять. Я наловилъ рыбы невѣдамо што! Покажько (покажи-ка), вного ли? Нонча годотъ какой ча-

жолой! Гля тибя я все сдѣлаю! Подемъ ўтре рыбу шшупать. Не стѣйтъ! А што? Да пустое мѣсто наловимъ. Нѣтъ ли у тебя газетовъ (газетъ)? Рѣтешная трава идетъ во шши. Ничего, скусныя! Скидывай зобеньку-то, да бери палку, и будемъ бросать имъ въ вѣкшу. Вишь какъ преть — ровно ломъ. Тяни, тяни лямку-ту. Помаленьку пей — калено, мотри обожгесса! Эдакъ нельзя, сусѣди осудятъ. Бѣги што есь разу! Уди, а то морду росшибу. Отстань, а то такъ звиздану, што не опомнишься. Нонча леноть порядошной, симѣ ядреное, только вотъ больно въ исподѣ много подленицы. Дайча мужики подняли такую саматовщину, што думали штò загорѣлось. Полно хаверзы то строить! Нешто не стыдно тебѣ? Толькѣ другихъ въ сумлѣнье приводишь. Я получилъ тилиграмму съ росцѣльнымъ. Попоть получаетъ пензиенъ. Экой песь! выморщилъ (выманилъ) такп! Ахъ, ты не милая шкура! Животпна ты едакая! Невѣдамо колда ушоль. Осымало-одрало тя горой! Вишь какъ манежится (кокетничаетъ). Больно, матка, тибя скоро приварило (уснула)! Отколя ты матушка? Изъ Копылихи што ля? Нѣтушка, милая, не оттоля! Я изъ Пердунихи (деревня), дѣ наша Машутка та живетъ. Кто мпня горемышную пожаліетъ? Хошь ты пожалій! Больно ты, пѣре (и пѣря), вного набралъ ягоды! Въ эту пору, бывало, мы все ходили по ягоды! Смотри, хринъ (шею) сломяшь! Возму дубецъ да такъ отшмарю; тогда вотъ п спознаешь какъ не почитать родителей! Не нужно было тибѣ давать обязательство-то! Што подѣлаешь! Обвязаль! Топерь вотъ и приходится тянуть лямку то. Полно рыло то сдергивать. Нештò вѣтъ сказали! Экъ тибя окурило! Какъ онъ наступился (нахмурился). Я, братъ, сумлѣваюсь! Не сдобровать ему! Ишь какъ прохлаждается, брюхо то росцустилъ; ровно какой важный баринъ! Оту пору мы были съ нимъ на огнищѣ. Я такъ проголодался, альни животъ подвело. Подако мнѣ обору то, я тя выстегаяю! Мельникъ дѣлаеть спруду. Дорогая ли поцѣпка та у часовъ? Трешница. Недорога, я вотъ за енту заплатилъ петшиницу. Куды ты оболокаешься (одѣваешься)? Да вотъ хочу схо-

дить къ N, покамъ (токамъ, покамѣсть) не стемняло. Подемъ вмѣстѣ. Опричь (оприча) его мнѣ некуда и итти. Надо патогъ взять. Што? Небось похлебка та показала? За уши не отташпишь. Полно похабничать то! Похабникъ! Ты, братъ, какой лодыр! Вотъ такъ нонча овсина — дѣжой! Севодни староста посадилъ Тереху за педоимки въ холодную, и было же руганины въ сажаньи — невѣдамо што! Севодни, робята, надо ѣхать розбирать магазю (и гамазю). Ишь какъ кулемѣсить! Въ порѣ мушшина! У насъ въ домѣ всякая всячина! Какъ любить такого во-рога (врага)? Что не попадись все — стяшить (украдетъ). Онони у Петрована уперъ мѣшокъ картофею, а какой картофей то! Что ты умыляешься (смѣешься). Экъ, вѣдъ запропастился — всѣхъ долѣ ходить. Ты больно глумень. Онъ ѣхалъ изъ-за обидни и его такъ калякнуло! Буде хошь обѣдать, такъ поди! Али чешшенья, потчеванья ждешь? По дорогѣ то ужъ росставлены лѣхи (и вѣхи). Ты нарубилъ ли лѣвинъ (нѣкоторые говорятъ бетвинъ и вѣтвинъ). Какое тибѣ большущее прясло досталось городить; не знамо што потребується подколинъ перетыкъ. Ну, а все-таки славной вышелъ угородъ. Полно стоять то; садись въ подошко — подь образа. Ерсенья! Слушко! Не дури шапкой, полош(жь) ie на мѣсто. Чай она тибѣ не мозолить глаза. Нѣтъ вѣтъ не отстаетъ — присничило! Мы перво-на-перво этта отработаемся, а то какъ туды забьешься, дакъ отголя часомъ то не выберешься. Ужли ты обезьянъ то не видывала? Я ихъ дѣха не боюсь. Почѣмъ ты нанялъ жней? по два рубли за недѣлю. Што реву положили по некрутамъ. Онъ жнетъ въ задахъ (поля). Что, не по мыслѣ молодуха та? Сыми рубаху то, — упрѣлъ! Онѣ гораздыя (и горазды) тонцовать. Утре выдемъ сѣять то не самое рано, а такъ около того, какъ забрежжится (заря). Погода-та маленько потресмякла; не такая ужъ стужа, да и сиверить то меньше. Ты здисъ поголчи съ нимъ, покамъ я хожу за тятей. Хошь я тебѣ шенну мѣшико (мѣщечко)? Дай къ чайку забѣлки (забѣлы). Я такъ тибя кнотомъ то подъярыжу (подхлесну), что у миня оставишь эти извадки. Модіетъ, модіетъ (поетъ), альни тошно! Ты

ему со всѣмъ радомъ идешь, а онъ гоношитъ (старается) тебя въ шею выгнать. Онъ тебя выпечатасть въ газетѣ. Тибѣ это костя́къ (кстати). Пушшай базанитъ (реветъ). Это рѣпа та двешняя (старая). Рука хользитъ (скользитъ). Давиышній жулякъ. Молоко утрошное. Мы это сварганимъ (сдѣлаемъ) вечерѣ (вечеромъ или завтра). Будеть — покрасовался! Полно тибѣ сомущать то! (смущать). Вымай варево изъ чела. Всю живву пролядиеть (прохвораетъ). Не сучи ножкамъ то! Полно кныжитья — съ пупка сорвешь. Эхъ, ты, чубышко (чудакъ)! У Бога все недалеко — севодня живъ, а завтра умеръ. Вишь бритое то оково (затылокъ) уставилъ! По іѣ сча́скамъ (счастью), онъ омогося (выздоровѣлъ). Богъ помочь! Ты какъ небудь съязди въ Галечъ то! Псы проклятыя; васъ не надо пушшаты. Поди обратай лошадь; къ обрати привяжи бубенцы; покрѣпче подсѣдель! Мы севодни справляемъ помолотуху. Это что за грамота (бумага)? Розстели торпище-то (яторплѣ). Подемъ стричать батькя! Онъ потерялъ криули (кривули у саней). Дѣвки ходять вѣсой-перевѣсой. На тышшу полковыхъ!

(Сообщилъ г. Румянцевъ).

67. Симбирской губерніи, Карсунскаго уѣзда село Аргашъ.

Аргашъ слово татарское, значить гора. Мѣстность Аргаша служила укрывательствомъ во время набѣговъ татарскихъ шаекъ; при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ они были прогнаны русскими и здѣсь была поставлена стража изъ тридцати стрѣлковъ, а самая мѣстность окопана валомъ въ видѣ треугольника (слѣды котораго остались и до сего времени) и носила названіе городъ. Стрѣлки по преданію считаются предками населенія Аргаша.

Гласныя. § 4. Раждатца, палагать, таваряцъ, мапахъ, манастырь, панамарь, званить, салдаты; слабѣда (свобода), сла-

бадá, óтчина (называютъ село или деревню), маставá (мостовая), харашó, залатóй; салéный, тварóкъ, варóна, варабéй, гарá, сá-рóка, малóть, малатóкъ, малакó, карýто, раднá, варжíя, сасéдь; Худóва, слéпóва, дóбрава, смéлава; тéпльва, жéльтыва, горячива, красыва; вадá, нагá, карá, вяснá, вятлá, стянá, вядрó, нясóкъ, хляспú, нясú. § 5. Сумлéние, супáкъ (сапогъ), суглáсие, пумáй, укупíсь. § 7. Крéсть, подéньщикъ; хлéбово. § 11. Вм. ё—ю: черезъ нею. § 12. Жанá, чатýри, жалтóкъ, бóдя, вяснá, бядрó, вядрó, рябрó, слязá, сялó, сядло, двугрívинный, пайдéмти, стрóйти, пращáйти, жалáть, жанáть, шалухá, рабáята, крястóмъ, пястóмъ. § 13. Мáшыть, пáшыть, бóдитъ, ф́дитъ, в́тирь, лéбидь, кáмннь, пáришь, либéдка, либядá, силéдка, пíшыть, нильзя, сябя, тпбя, миня, пагирять, сиратá, в́дпла, бярéза, зимлá, дирéсья, нид́ля; тикéть, чирн́ть, пистр́ть, вирт́ть, папирéкъ, Кéевъ, стиклáйка, бирí, спчéть, повплáть, пцо, бисчáстный, спазнáйти, тривошти. «Иль ты биряжкомъ—ни видалъ либидей». «Фчара была сиряда»; «ряка тичеть, рабята, шпóка, нильзя пиритти, пше-бы ня пиритти, ништо пирплывешъ». Пов. накл.: нас́йти, нис́йти, клад́ти, дир́тись, пиш́ти, бир́ти, пикити, жур́ти или бран́ти, люб́ти, сад́ти, вар́ти, дáйти, прас́ти, налейти, курити, учити, ни гаварити очинно. § 16. Стрылять, стрыжинный. § 19. Кр́нкай и кр́пкíй, лéгкай, мёлкай, п́гай, осíнавай, дубóвай. § 20. Ъ въ пропзношенíи больше слышится, ч́мъ е: с́ра, м́ра, т́ла, ёла и т. д. § 21. Цид́ть, мин́ть, впчáть, бпсэнакъ, билить, встричáть, смп́лся, свитл́ть, ршэтка, дв-вчóнычка, адяло; свж́я, свитл́я; *ы* вм. *ь*: стрылять; тиб́, спб́; дв́; пóсли, вóзли. § 22. Смил́я, бил́я, свж́я, сил-н́я, дабр́я, скар́я. § 23. Глекась (гляди); пять въ род. надеж́: пítи, шéсть—шнст́, семь—сим́; бо́тси, испугáлся, брóсься. § 24. Дóбрый, жел́зный, стар́ый, с́ний; вм. *ий* и *йй* не говорится *ой* и *ей*, но вм. *ий*—*ай*, и то въ п́сняхъ: хорошей, добрай, первой; вм. *йй*—*ай*: синяй, зимняй; Матвей, Елисей. § 25. Думашъ, д́лашь, знáшь, башъ, мотъ (моеть), дутъ, ротъ, латъ, пропадáть, считáть, батъ, бывáть, игрáть,

знáтъ; дергáтъ, обѣдáтъ, ламáтъ, послушáшь, сдѣлáшь, пугáшь, марáшь. § 26. Хозíва; умѣшь — умѣтъ, говѣшь — говѣтъ, снѣшь — снѣтъ, довлѣтъ, разумѣтъ; капѣкъ. § 27. Пыгрáтъ, пымáтъ, пыскáтъ, прймáтъ; кто-та; поѣхалъ. § 28. Ликсѣй, Ляксáндръ, Куліна, Лисафѣта, Мíтрій, гурці; околъ; кѣчирьга, кранташь, трантасъ. § 29. Аржаной, авторникъ; мать, дочь, дaтъ, ходитъ, играть; четвѣрикъ; рóта, лóба, лѣда, уркі. § 30. У насъ говорятъ: чааво баать-та тѣ, паади саама, гóожа рааа (вм. ребята), паанка ты, тнѣ нуужна.

Согласныя. § 31. Г произносится за *x*, напр. «Бохъ знáтъ, нн ляхко и яму», «етать мяхче етыва», а въ другихъ словахъ произносится правильно, напр.: богатый, Бога, Богу, рога, пмен. п. рóкъ, «мяякай ппрокъ», животворящива, исходящива, мертвыва, безсмертныва, слѣпóва, любóва, худóва, смѣлыва. § 21. Талды, калды, отселева, аткулива; «талды запопъ (фартукъ) порвала, калды Микшишка былъ; онъ отсюлива; онъ на сехъ рукава заскалъ (засучилъ)»; супáкъ, супагí, телѣкъ, телѣги, шакъ, дѣгáтъ; суразный (акуратный); вм. брюква—грухова; морковъ, мяхкая калачъ, лехкай какъ ппиро; кычирьга. § 36. Каравотъ, куфарка, коранили, покоронили. § 44. Жыръ, чыжъ, шынь, щы, ужаясь, часъ, бирчатки (такъ!), начяло, бпщясный, служытъ; счястья, уѣзжялъ, нн сыщалси (вм. не приготовилъ), журавль, жуокъ. § 45. Чясъ, чай, чюшка, почюю (почую); «пшто стапшь, айда дамой»; «а ты нишни» (т. е. молчи). § 46. Щѣтъ, щасливый, щюка, щытать, щястья, бпщястный (несчастный); дрожжи, вожжи, сѣѣжжатца, онъ ждетъ тѣя; ты гадпеси яму въ дѣтышы, попадеси въ лапы, бпрѣсси нн за сваѣ дѣла, убѣсси въ росъ, давя ушибси въ разрѣсъ, збиресси нн пай куды, што зазнаѣсси — зазнайка, больна галушнесси (вм. смѣбься); дѣлатца вм. дѣлается. § 47. Бирчатки (перчатки); взявши, напимшись, бросимши; скросъ зпмли провалятца (божба), трпвожытъ, кучшынь, скуснай обоць-та, сумѣстная зпмля-та съ нимъ (вмѣстная); «калды батя паѣхалъ, онъ талды заказалъ,

што-бы ни магли кахнузить нѣ и парочить»; § 49. Пролупь, ку-
 фольный, свищельникъ; Микола, мырять, нима (мимо), Микита,
 немебель и небель, Нифетка. § 50. Шкатумка, маненька, силечь
 (сиречь). § 52. Суть, карофъ, марось, ёшь, хлѣпъ, лѣтъ, назатъ,
 сатъ, пролупь, «у васъ ротъ-то съ вякѣ или сыстари видетца
 добрымъ», гропъ, загрѣпъ. § 53. Любофъ, брoфъ, крофъ, черфъ,
 ф-тау (вм. въ ту), лафки, трафка, фатера (квартира), церкофъ,
 фчара, дѣфки; пролупь, голупь, рупь, дупъ; трафки, дѣфки,
 лафки; серьпъ, верхъ, зерькало, церьква, дворьникъ, горьница,
 харчевня; моленствіе, хлѣбникъ, деревня, купца, рупь; плот-
 никъ, скотникъ, огородникъ, родникъ; вслѣтствія, бетствія, рот-
 ственникъ: въ сл. здѣшній, прежній и под. *и* и *ж* тверды;
 лехче и лекши; барскай дирявушки, диревня руска, женска,
 московска.

Удареніе. § 54. Удареніе у насъ обычное: гóворъ, óсень
 (такъ!), óтдыхъ, кóлоколь и колокóль, мѣчикъ, нóжыкъ, обóухомъ,
 на лóшади, отъ нóчи, на конѣхъ, твoрогú, звѣря, брóсится, по-
 гнáль, онъ родѣтся, спѣте.

Склоненіе. § 57. Окошка, проса, дерива, сала, брюха,
 яблыка, сердца; ружьё добраё, тако павѣтріе, така горя ¹⁾; онъ
 идѣтъ путёмъ, эта облака, эта яблыка, какой кáшиль. § 58. Съ
 году, съ роду, для саду, не нашли клáду, съ базáру, съ по-
 толкú, мимо лѣсу, вóзу, бизъ вѣсу, безъ снú, безъ тóлку, безъ
 сирóсу; третьёвдни былъ празникъ, я сяводни былъ въ зау-
 триши, дню етому ни рать. § 59. Сыновья, сватья, староста;
 мы разя крѣстьяни ваши, а ани бари; щанкѣ, апѣнки. § 60.
 Садатовъ, челoвѣковъ, жеребенковъ, ягненковъ, тилѣнковъ; у
 няго много прѣятелевъ, свяска ключевъ, кирпичевъ, супагóвъ,
 лошадевъ, рублѣвъ; разбойниками, свахами. § 61. Церква; у
 сестры, изъ рѣки, отъ жѣны, около головы, къ горѣ, къ

1) Въ другомъ мѣстѣ (въ приложенной тетради, л. 4) читаемъ: «така павѣтріе, така горя».

березѣ, къ водѣ, къ заутришѣ, къ зимѣ, по обѣ стороны, на горѣ, въ избѣ, на пятой верстѣ, на рѣкѣ; жѣноѣ; съ бабай, съ бирѣзай; силѣмъ взяли карѣву. § 62. Ямы, нѣвы, лапаты, травы, берѣзы, поляны; подати и податя, яблоня, вѣщы. § 63. избѣ, книгѣ, птицѣ, палокѣ, чашекѣ, ложекѣ; свадьбѣй, воробѣѣвъ, овѣцѣ, птицѣ; слязмѣ и слязой запялся (т. е. плачетъ), коровами, руками; сѣмя, род. пад. сѣминя, множ. ч. сямьянъ; у насъ много время, врѣминъ, я купилъ много сѣминъ (разные сорта, а когда одинъ сортъ, то говорятъ и сѣмя и сѣминъ). § 64. Вороты бальшы, болоты пересохли вусейка (вм. давно); болота у насъ выражаетъ им. падежъ единственнаго числа; бревна, ворота; стекла, окна, зерны; окновѣ, дѣловѣ, мѣстовѣ, полѣвѣ и полѣй.—Впн. пад. ед. ч. въ поля, онъ обрабатывалъ поля, на поля. § 66. Красна солнышка взашло, чѣрна облака покрыла хорошинька, темна ночь, мила дочь, мильнякъ дочынька, добры люди, мила и дорогá, темны ночи, тѣсклы агня, свѣтлы звѣзды, бѣднаму жинитца ночь каротка, горька доля, судьба зла, съ добрымъ (хорошимъ) чилѣкомъ, съ милосливымъ (добрымъ) ч. § 67. Дѣбру, харошу дѣвку, красну дѣвку, бальшу дарѣгу, вяселу женщину; красную дѣвкаю, добраю женщиной; род. ед.: маладѣй жаны, злой сабаки, онъ женился на другой жинѣ; въ пѣсняхъ слышится: молодой-я жаны. § 69. Злы люди, ясны дни, бѣлы бирѣзы, жирны овцы, сильны люди, тонки ноги, долги ночи, быстры волны; сухи, худы, какы, чужбы, другы и вообще въ им. множ. прилагат. оканчиваются на *ы* и *и* § 70. Въ зилѣнымъ садикы, въ бальшимъ горади, въ зилѣнымъ саду, въ прошлымъ гаду, на высѣкимъ дѣривѣ, въ дяривиннымъ струбѣ (срубѣ), въ тѣмъ кливѣ (хлѣвѣ), въ галубымъ платыи, въ худымъ дѣлѣ, въ другимъ мѣстѣ. § 71. Къ добрымъ радитилямъ, къ харошымъ дѣвушкамъ и т. д.; съ милыми дѣвушками, добрыми людьми и людми, съ большими снагамы, съ асѣнывыми дравами; съ старыми гарями; съ залатѣми ключами, гарючимы слязѣми. Въ пѣсняхъ слышно -ыхъ, напр. ва зилѣныхъ, ваа кустѣчкахъ, а въ разговорѣ не слышно. § 73. Миня, тибя, спбѣ,

тія, сій; ми́, ті́, сі́, си́бѣ, ти́бѣ. § 75. Вм. еѣ — иѣ, у нѣ.
 § 76. Тѣ́мъ, чѣ́мъ, множ. тѣ́хъ, тѣ́ми, им. мн. тѣ́, им. ед. то;
 предл. п. томъ, тѣ́мъ, им. ед. та. § 77. Всѣ́, всѣ́хъ, всѣ́мъ,
 всѣ́ми, о всѣ́хъ; самп, сампхъ, сампмъ, сампмиа, о сампхъ; ѣ́ти,
 ѣ́тихъ, ѣ́та, ѣ́ту; одні́, одні́хъ, въ одні́мъ, въ одні́мъ. § 78. Мой,
 род. п. маво́; тваво́; дат. маму, твамү́, свамү́. § 79. Обѣ́ихъ,
 обѣ́имъ, обѣ́хъ, обѣ́мъ, обѣ́ми, дво́имъ, дво́ихъ, дво́ими, двумү́;
 вм. тремі́ — тримі́ и трюма, вм. трѣ́мъ — трі́омъ, вм. трѣ́хъ —
 трі́охъ, чпты́рү́хъ, пптюхъ, шпстюхъ, сппюхъ, васьмю́хъ, дпвп-
 тюхъ авецъ волкп задавлп (т. е. заѣ́ли). § 80. Хлѣ́бать, ма́-
 сла-та, кáша-та, ба́бы-та и ба́бы-ти; гостп-та какп у насъ были,
 всѣ́ дажпнькп-та паѣ́ли; дпковпнка-та кака, какъ онъ хлѣ́бать-та;
 бабу-то напрасно абпзорпвають (кпфузѣ́ять), парню-то, дѣ́вку-та;
 дат. п.: бабѣ́-та, дѣ́вки-та; твор. бабай - та; о бабп - та, о
 дѣ́вки-та; парня-та въ салдаты атдали. Та употреблѣ́ется во всѣ́хъ
 падежахъ: ппрпшекъ, дѣ́вынька, парпшка-та.

Спряженіе. § 81. Вынуть, вынулъ. § 82. Скачу съ повч-
 тай (съ почтой), подаю сѣ́но на́ возъ, недостае́тъ у меня слетпва
 (т. е. здоровья), мужыкъ може́тъ савержать семью, не любпть
 хвастать, волкп стали выть. Поторговать, подковывать, выпле-
 вывать, поклевывать. Замора́живать, устрѣ́ивать, оспаривать,
 удвѣ́ивать, утроивать, успока́ивать, прпсрочивать. § 83. Да́шь,
 прода́шь, ѣ́шь, съѣ́шь, поѣ́шь, ѣ́дѣ́тъ; дѣ́вку въ плохой домъ
 не отдаду́тъ, даду́тъ пѣ́ть цалковыхъ, а за трѣ́шну не отдаду́тъ.
 § 84. Дѣ́лаю, стрѣ́ю, читаю, сбѣ́гаю, вѣ́даю, вѣ́даютъ, § 85.
 Идетъ домой, мальчпкъ пграть, бпрѣ́тъ рукавпцы; тпрять,
 гуля́тъ; любі́, бпгп, хаді́, насъ любпть, бпгѣ́тъ, по́сптъ; бп-
 жа́тъ, любѣ́тъ, но́сѣ́тъ, сндѣ́тъ, бпрѣ́тъ, врѣ́шь. § 86. Идѣ́шь,
 идѣ́тъ, идѣ́мъ, идутъ, адѣ́мъ, идутъ-та, слү́жуютъ-та, скáчуютъ-та.
 § 87. Тпкѣ́тъ, тпкѣ́ти, тпкѣ́мъ, тпкѣ́шь, стпргпгешъ. § 88. Хва́-
 лютъ, ходютъ п къ намъ до́бры лү́дп, но́сютъ до́бры лү́дп,
 апи рү́бютъ драва́. § 89. Опъ лү́бптъ спáтъ, бра́тъ, пп́тъ,
 шп́тъ, вм. сѣ́ять — сѣ́тъ, чү́ять — чү́тъ; чү́тъ вм. чуе́тъ; пдті́,

нести. § 90. Видѣль, видѣла, видѣло, висѣло, висѣла, висѣли; сжатьи, смолотъ; окончанія тый, той п ный, той не замѣняются одно другимъ. § 92. Убѣкъ, впрѣкъ, запрѣкъ, мальчикъ пробѣкъ ужъ голомя (давпо); онъ въ сутискахъ (сумеркахъ) впрѣкъ сяруху (сѣрую лошадь); ты варови (скорѣй) пыжжай; ни мѣшкой ѣдъ (вм. не веди время); уѣдъ скаре отъсюли (отсюда); заѣдъ къ намъ въ шабры (сосѣди). § 93. Уѣжжай, паѣдъ; глянь-ка, дѣнька (вм. куда дѣвать); принеси не говорятъ иначе, а вм. неси—панясай дамой; вм. смотрите—матрити п матри, вм. пойдемте—адѣмъ, адѣмти; Васька, панясай атпу-та хлѣба; матри, онъ те дастъ раза; адѣмъ кумъ дамой; да адемете саабца; да павримнимъ; ни бизудти (не судите, не обезсудьте). § 94. Я рубиль драва, стирала бѣльѣ, сдѣлаю, что надо—нужно.

Синтактическія особенности. § 96. Лясыцы, медвѣди, гвозди; звирѣ ныни ни привилка (?), аткуль взялось — звѣрья нынѣ много и откуда столько нашлось; шкурѣ п дывать некуда; лыко ни по чемъ (вм. лыки дешевы); гурца навезли—ни праглидишь—глазами не окинешъ (огурцовъ множество); смольѣ дѣрога (смола дорога); овчишка у нево есть (овцы у него есть). § 97. Подъ пазуху, подъ пазухой, въ достаткѣ, во сиѣ, ўтромъ, вѣчеромъ. § 98. Перебирать всю связь, косить траву, топить баню, надѣтъ шубу, срубить березу п т. д. § 99. Онъ пашель боровѣкъ, съѣлъ грибъ, срубиль дѣбъ, убраль сѣръ п т. д. § 100. У насъ есть дѣньги, у насъ есть озѣра, большыя п малы всяки, много есть всякаго народа. § 101. Красѣвъ собою п изъ себя, прѣятень лицомъ п изъ лица. § 102. Благодаримъ васъ, благодаримъ вамп, играть въ карты, курить трубку, разговариваль съ нимъ, метить ему. § 103. Онъ былъ въ тѣ дни, въ этомъ году, этой весной зарѣзали теленка, въ прошломъ году мы сгорѣли; вм. этой ночью—ночесь, этотъ вечеръ—впчѣръ, въ это утро—утрасъ, вм. ночью—ночесь, лѣтасъ; «тупыръ ница яво ришили вм. въ то еще время съ нимъ окончили. Ночесь было зарива; онъ пришелъ впчѣръ; утрасъ былъ у меня; по

зямѣ былъ у няво въ даму; въ пачи былъ умярла савсѣмъ.
 § 104. Въ каbedню (вм. къ обѣднѣ). § 105. Вм. предл. за употреб. по и для: напр.: пошелъ по грибѣ, по ягоды, по воду, по орѣху, по хлѣбу; прѣхалъ или поѣхалъ для овса, для хлѣба, для дровъ. § 107. На двоemъ, на троemъ, четъверомъ, питяромъ, шистяромъ, смяромъ. § 108. Мимо лѣсу, возлѣ гумна или гумеиъ. § 109. Соскучились по васъ. § 110. Ба(а)льшой, гó(о)рькій, слá(ад)кій, ло(о)вкій, сп(и)ній, весе(о)ольій; маханькай, манинькай, малѣшъ, скряжный вм. очень скупой, азіатъ вм. очень злой, скорзешельный вм. скупой очень; глупашикъ вм. глупенькій, разскупущій, добрѣющай, скупѣющай; грѣховодный (грѣшный), изумлевый (умный), умнѣющій. § 111. Сюда пришли два мужика, сюда прѣхали два человекъ, къ намъ прѣбѣжали три лошади, пять жеребятъ, двадцать овецъ. § 112. Два хорошихъ мальчика, четыре добрыхъ молодца. § 113. Я былъ два разъ въ степѣ (степѣ); отцу моему шестьдесятъ лѣтъ, а мамѣ сорокъ годовъ; истратили два рубли въ три дни; трожжи вм. три раза. § 114. Мы сдѣлали двое ворóты, трои двѣри, да сяла семь версть. § 115. Сóвисть мучить нѣ, такъ ана ныня утрамъ приближала. § 117. Батя паѣхатчи наказалъ мнѣ свить виревку. § 118. Мостъ сломался; орудія погнулись. § 119. Ёдучи изъ лѣсу колесо сломалось; ни минуци возметъ; вядучи лошадь или идучи съ базару, зашелъ къ намъ; мплучи рожъ, взапрѣлъ таскамши въ ковшикъ; минуци время пришелъ, время на гумно итти. § 120. Вм. ничто—ничего, нѣшто, напр. ништо чаво онъ баитца, ништо я яму вилѣлъ; каму и не то, а все дастанится, было да и не у васъ, ежели бы ни я. § 121. Когда батъ, не убатца (много говорить), а ино и ричей не добиресси; пиристанъ, тѣѣ бають; абижъ когда досаждалъ (вм. хоть бы когда его не уважалъ и этимъ досадилъ); да бишь я позабылъ (вм. вспомнилъ, что забылъ ему сказать); ино не бываетъ, уже-ткинъ (въ другой разъ) приду; малчѣ, ужѣ пабамъ (поговоримъ), я, малъ, калякалъ съ ней; подька ко мнѣ, онъ де (или дискать) на бусу ногу ходить (вм. безъ чулокъ); я абувкай пришелъ, а онъ разувкай; онъ ста сѣѣ

на умѣ (вм. онъ себѣ на умѣ); онъ ща батъ въ лясу (онъ еще въ лѣсу); у него тораактеръ свиршый (характеръ певноносимый); баба изумлева (т. е. хитра); свищельникъ чилэкъ високоумный (вм. умный, много знаетъ); втупарча мнѣ спякла вцо; про наша живата п батъ нечива (вм. про нашу скотину я говорить нечего); старикъ вашъ пнать? (здоровъ ли?); зипунъ ня херь на немъ, чѣмъ ни зипунъ (вм. кафтана не хай, не конфузъ); онъ меня обизорилъ при народи (т. е. обезчестилъ); самъ больна гожъ (т. е. самъ то хорошъ); прокуронъ сурезный собою (т. е. прокуроръ серьезный, изъ себя представляетъ господина); слѣдственникъ былъ талды въ сумленіи (т. е. слѣдователь); губина бишь поспѣла (вм. ягода земляника); каты-та подхудились (вм. башмаки ветхи); польга-та не вилка (вм. польза не большая); сухата-та яму ни привилка (вм. забота ему очень великая); на панаслекъ (ночлегъ) пріѣхаль; фатера яму ни ривается или ни трапится; вишь кирасиромъ пахнетъ (вм. должно быть керосинномъ отзывается); машельники запонъ пзмарали (вм. мошенники фартукъ испачкали); онъ ща бы викавалъ у насъ (вм. долго бы прожилъ съ нами); онъ бта панель къ фершалу или къ лекарю варажитца (т. е. будто пошелъ къ фельдшеру лѣчиться); онъ давалъ яму снадабья, да што-то не въ польгу (вм. давалъ лѣкарства, да не въ пользу); онъ съ сваймъ то снадобьямъ ухайдакалъ адну (т. е. лѣкарствомъ уморилъ одну); у насъ навчтваръ больна ципяткой, все любить звать яво ваша благародія (т. е. смотритель станція грубый и самолюбивый); дабромъ необходимо все велкородитца (т. е. ласково не обойдется и представляетъ надъ нимъ своего рода начальника); онъ началъ мнѣ глумитца (т. е. мнѣ представилось, будто онъ подемѣхается); пѣ снабдили всякимъ дабромъ (т. е. всѣмъ надѣлили); глекась чаво батъ (т. е. смотри, что говорятъ); Оетька рендуютъ на мнѣ (т. е. сердится); прогнѣвылси на насъ (т. е. обидился); пуцай брацкай онъ облидивонилъ мнѣ на улыци при добрыхъ людяхъ, а я яму все тки ни пизволю на сябя покоръ такой нисти (т. е. обидѣлъ нехорошими словами и укорять себя

недозволю); нечива пусты рѣчи бать (т. е. напрасно слова те-
рять); мужыкъ-та таерь въ сумленіи (т. е. мужыкъ теперь въ
сомнѣніи); сызмала дошелъ до вилпка (вм. съ молодости до-
шелъ достигъ до большого); онъ чилѣкъ изумлевый, ужъ умѣтъ
побать, съ нямъ я ни сбашъ (вм. онъ человекъ умный, умѣетъ го-
ворить-я его ни въ чемъ не стговорить); мамка спякла ицо
(т. е. испекла яйцо); шаручилъ вездѣ, а не сыскалъ (т. е. ша-
рилъ); про Ваньку я ни бай, ни дастъ Бохъ слетье (вм. здо-
ровья); въ гамазини всякай хрупты многа, есть я небиль
(вм. въ лавочкѣ есть разныя фрукты я щепной товаръ, т. е.
лотки, ковши, корыта я лопаты); мима я пройгѣ нильзѣ прѣста
дѹшу я чѣтъ сватъ (вм. не хорошъ запахъ); кали званѣтъ бу-
дутъ (вм. звонить), я замѣй яво умѣтца; айдѣшь умѣмси (вм. не
трогай его умоется, поидемъ я мы умоемся); онъ помолить хо-
четъ (вм. ѣсть хочетъ), онъ на сябя рачить (вм. на себя пріо-
брѣтаетъ); ты брацкай кармисъ, статитца нечива (вм. кушай,
не будь спесивъ); можна! я итакъ кармлюсь (вм. я закусываю);
мы довольны на угашеніи, я бизсудти, чаво я накылякали
(вм. не судите, что не наговорили); ну лишъ укланялись гостюшки
(вм. не стоитъ благодарности гости); пызвольти, я въ угоду
бражки искушать (вм. позвольте васъ попросить, не желаете ли
браги); ты обманулиси въ живатѣ-та (вм. обманулся въ ско-
тинѣ); у яво съ измала балавство-та водитца, про яво я фту-
порча бали (вм. онъ съ малыхъ лѣтъ занимается шалостями я
въ то время про него говорили); онъ яи ѣтчи яи пѣтчи слязѣй
занялси (вм. онъ яи ѣвши яи пивши все плачетъ); онъ пѣтъ
(вм. поѣтъ); ты кумъ чудной (вм. удивительный); я дома мякалъ,
насилъ дамякнулси (вм. гадалъ, наконецъ догадался); онъ у Митря
кстиялъ (вм. крестилъ); онъ яи мала дивавалси (вм. не мало дивился).

Пѣсни ¹⁾.

1.

Чѣрнаѣ вѣранъ удалѣй ли удалѣй, штѣ ты вѣести наѣа мной

1) Эти пѣсни записаны учениками—подростками.

штó ты вѣсти на́да мнóй, а́ль ты пи́щи ни да́бьѣсти, да́бьѣсти
 чѣрна́й во́ранъ вося́твóй, бѣ́ла гру́дь ма́я тамі́лась, тамі́лась
 изъ исто́чныхъ ба́льныхъ ра́нцъ. Пирви́жү я ба́льнѣй ра́ны я ра́ны
 пада́рѣна́ймъ платко́мъ пада́рѣна́ймъ платко́мъ. Ата́шлю́ я въ ту
 старо́нку старо́нку къ а́тцу къ ма́три радно́й. Взѣ́ль жа́ну я
 умну́ скро́мну я скро́мну въ чѣ́стымъ по́ли па́дь кусто́мъ въ
 чѣ́стымъ по́ли па́дь кусто́мъ. Са́бля бы́ла бы́ла сва́хай я сва́хай
 уга́шала сла́вна на́сь уга́шала сла́вна на́сь. Чѣ́рна́й во́ранъ уда-
 ло́й ли́ удало́й зала́тыя крѣ́лашки.

2.

Же́варо́нчикъ мо́й приле́сный адга́дай горе, а маё маё горя
 все́мъ все́мъ извѣ́сна мо́й милѣ́накъ уе́жя́ть ми́ль уе́халь непра-
 сти́лся ми́ль сла́вѣчка ни́сказа́ль какъ ва е́тимъ во сла́вѣчки
 ма́льчу́жнѣйка ма́лодóй разъ ма́лодѣ́нѣйка ма́льчи́шка ни́жана́тай
 халосто́й взду́малъ ма́льчикъ жи́нѣться взѣ́ть кото́ру лю́блю я
 аце́ць сы́ну ни́паве́рилъ, что на свѣ́тѣ лю́бовь е́сть; взѣ́ль онъ
 но́жикъ. Взѣ́ль онъ во́стрый ва зе́лѣный са́дь па́шелъ ва зѣ́ле-
 нымъ садо́чки ми́ль зарѣ́залъ самъ се́бя, яво́ бу́йна́я га́ловка
 нака́тилась па тра́вѣ, яво́ о́чи га́лубѣ́я на ма́ли́нава́мъ кусту́ яво́
 пи́сьмы дара́гѣя́ пря́ма к Са́шиньки́ ли́тятъ Са́ша пи́сьмы при-
 ни́мала и чита́ла ва сля́захъ, гдѣ́ чита́ла ту́тъ упа́ла се́дѣсь ко́нчпи-
 лась всѣ́ лю́бовь.

3.

Спа́ли съ ру́къ бирча́тушки ма́й, почю́ела моё се́рца вѣ́къ
 ни́щя́снаму мнѣ́ бы́ть, ни́щя́спому а мнѣ́ до́бру мо́лацу вѣ́къ въ
 сала́тинкахъ слу́жи́ть ма́лодóй ма́ей ха́зѣ́йке по́впкъ пла́кать
 таска́ватъ ни́пла́чь радна́ ма́й ма́мынька напла́чишти, да ты на-
 рыда́ести, кагда́ вы́ганю́ть ми́ня, вы́ганя́ли ми́ня до́бра мо́лоца
 за те́ да́льны горо́да за те́ да́льны ми́ня гарадо́чки загра́ни́чныя
 ме́ста загра́ницаю́ мы бра́цы ста́ли о́жыда́ли сѣ́бе сме́рть пра-
 стрѣ́лила маю́ бе́лу гру́динку.

4.

Алнцкѣй твѣтѣчнкъ зачѣмъ рана павѣль любилъ парнцъ любить прнстаѣль какъ заѣту задѣвшуку жѣть втюрьмѣ папалъ фтюрьмѣ былъ жасѣжнцъ; я грѣзнымъ палачѣмъ дѣверн рства-рѣлись палачъ к нему зашѣль птѣшка кннарѣйка спалѣту убп-валъ краснаю дпфчѣнку настрѣчу палавалъ; красная дпфчѣнка скажѣ любншь-ль тѣ менѣ еслн ты нн любншь? убью я самъ себѣ убью застрѣлюся клянавѣю стрелѣй фсе моѣ раднѣя нн-плѣчтн оба мнѣ.

5.

Кругѣмъ, кругѣмъ я спратѣла, прн мнѣ мѣлова друшкѣ нѣтъ, все щѣсья с мѣлымъ улнтелѣ п нн варѣтнтся назѣдъ, ва снѣ какъ Ангелъ заявлѣся сказѣль: Аннушка прашѣй нн влюблѣйсн нн в кавѣ, в твѣйхъ летѣхъ любѣть авѣсна п ты павѣнншь какъ трава, кагда же рѣза растъветѣеть, то всѣкъ старѣетѣся сарватѣ, кагда же рѣза пасыхѣетѣть, то всѣкъ старѣетѣся стаптѣть.

6.

Когдѣшь я мальчнкъ былъ свабѣднцъ нн знѣлъ я гѣря нн нуждѣ роднѣя всѣшь мнѣ любѣлн п сбалавалн какъ дптѣ на балавствѣ мнѣ сгубѣла п я сблѣсѣ с прѣвндна путѣ в одну нн-щѣсную влюбѣлся п чнрзннѣшь я настрадаѣль, ана клялѣсь п ба-жнлѣсь сваѣй нзмѣнчнвай душѣй, а я мальчншка еѣ павѣрнлѣ сваѣй распутнѣй галовѣй с маскѣвскнмъ зѣмкамъ я сназнѣлся въ катѣрамъ трн гѣда снделѣ, снжу внчѣрнню парѣю ланпѣда тус-кла горнт за жнлѣзнаю рншѣткѣй у чнсаваѣва штѣкъ блнстѣть п тѣтъ в умѣ его мрачѣлѣсь п прн дыкѣнаю стѣйлъ п всѣхъ свя-тѣйхъ я умалѣлъ мнѣ малѣтѣва авравдѣла п я п замкѣ убѣжалъ бѣгу бѣгу бѣльшой дарѣгаѣй п павратѣлъ я въ тѣмнѣй лѣсь.

7.

Ннсказѣтѣлн вамъ пѣдружкн прнпнщѣсья прѣсваѣ Вы спаз-

найтйка падружки какой прáвай милóй мой чужá дáльна старанá палынь гóрькая травá, что ты сáнька туть гулишь небопшея ничегó оть чегóже мне байтса когда мйлай здесь лежитъ Вдругъ вылазитъ изъ магйлы въ бѣламъ савнѣ не мерьтьвѣць на нѣмъ пáмятникъ и двянóста пудóвъ въ нймъ лпзаканпцъ (вм. леденець), снѣкъ растáнитъ туть пайвнтса лужóкъ кáкъ на этому лужечку с мйлымъ гуливáть пайдѣмъ.

8.

Мамашпнька бранптса чяво дочышь дочька грусна, сама я пратó знаю въ кавó я влюблнá люблю друшкá смиртѣльно люблю его душóй, а онъ какой кавáрной смйетса нада мнóй не злпса злой мучйтпль нп смѣйса на дамной тибй Гаспóдь накáжитъ нпщяснаю судьбóй судьбóй судьбóйной кавáрнаю женóй. Нп в полѣ вѣтпрь свйщитъ военай громъ гримйтъ никто такъ нп сражáлси какъ мйлай навайнѣ; онъ пўлявъ нп байлси всегдашь былъ вперидп. Одна пуля зладѣйка стрыльну́ла въ бѣлу груть. Пишу ппсьмó ппчáльна; что млпнкай убйтъ застрѣлинай лпжп. Сергúкъ его фурашка накúстики впсйтъ. Срублю я етáтъ кустикъ построю манастѣрь сашью́ я черна плáтья въ манáшки жптъ пойдú. Сею́ слюбимую подрушку я въ клюшники возму.

9.

Працай жбйсть радасть май слышу бдишь о тпнпй намъ далжно с табóй растáтыца тибй бóли нп вйдáть. Тѣмна нóчпнька нпспйца самъ я зпáю отчавó мнѣ дпчѣнычка сказа́ла за мпой мáльчикъ нп ганйсь, есть пагóниса за мнóй потпряпшь свой спакóй. В аднó врѣмичка прпкрасна мы стуля́нья съ млпымъ шлп нажóлтымъ пяске садйлись съ прáти свѣжаю вады даждыдáлись тучп грóзнай со радймóй староны.

Еще образцы народной рѣчи.

Въ колдовствѣ: знама оип малптвы читають съ угаворами п

зачтываютъ, проговорить 40 разъ бизъ ашпбчна, а то толку нибудить; тутъ сказать нады да прилажить нады.

Заговоръ колдуна отъ болѣсти:

Загаради мнѣ мѣдной крышкой отъ змѣли да небу, стапть снѣя моря, надъ снѣямъ морѣямъ стапть бѣла биреза, въ этомъ морѣ лежитъ гарючъ кампнѣ, нѣкто етать кампнѣ нѣ подымитъ залаты ключи повыннѣмаилъ(?): нѣ дѣвка проставалоса нѣ баба распояска, нѣ мужикъ зюбать, нѣ калдунъ.

Отъ звѣря н кладѣ животныхъ.

Отъ звѣря хадючева, отъ птицы лятучей, умываюсь утринѣй расой, утираюсь нѣтлѣнной ризай, чѣстаю нѣпляною, выду нѣзъ двѣрей въ двѣри, нѣзъ варотъ въ вороты, во чѣстоея поля во чѣстомъ полѣ стапть Апостольская соборная церковъ; въ етай церковѣ стапть пристоль, за етимъ пристоломъ сѣдятъ рѣчнѣ Прѣсвята Богородица шѣетъ Ивану рубашечку краснѣпшкѣй нѣтачкѣй, залатой иголычкѣй, красна нѣточка порвѣсь, ты лютыѣй звѣрь уймѣсь.

Если холостѣятъ животныхъ, то къ этому же зоговору прикладывають такъ:

Ты кровь руда уймѣсь! ѣдитъ мужикъ старѣй, подъ нѣмъ лошадъ карѣя, а ты кровь руда стапть.

Заговоръ отъ лѣхаманки.

Ну, бай! ва горади Алатыри стапть древа смалиста; на етимъ дрѣвѣ стапть трѣ свѣтитѣля: первый св. Кузьма Дѣмьяна, другой свѣтитѣль Михалъ Архангѣль, третѣй св. Спманъ Прѣпадобный. Сабѣралсѣ Спманъ ва пѣтъ ва дарѣгу, во чѣста поля; во чѣстомъ полѣ встрѣтилѣсь дѣвы. Ну, батъ: что за дѣвы? Мы, бають: дѣвы жѣда Арьдова (вм. Иродова); онъ батъ: кулды пдѣти? Они батъ: мы идемъ въ Русь тяла (вм. тѣла) знабитъ, кости лампѣ. Тутъ нады шѣсть расъ молать: 12 крѣвѣхъ, 12 сляпѣхъ, 12 касѣхъ, 12 кособокихъ, 12 сухобокихъ, 12 крѣ-

воногихъ, 12 касалапыхъ. Эта какъ сбать: на нихъ Симанъ батюшка прагнѣвалси вырублѣ сто пратовъ, ударилъ по сту разовъ; ани яму взмалплись: ни бей пасъ Симанъ. Кто ету малпту будитъ шесть разъ въ день тварить, къ таму ни будитъ лпхаманка въ домъ хадпть.

Приворотъ бабъ же мужиковъ къ себѣ.

Ва гóрыди стáнтъ цѣркавъ саборная, въ ва етамъ горади стаптъ пристоль за етимъ присто(ло)мъ сидитъ на даскѣ мать Причпстая Присвятая Богородица, дай ей (или ему) изъ подъ даски таски (имя тому лпцу кого, приворачпваетъ), рабу или рабѣ балѣло-бы сердца яво обѣ (имя), онъ ѣлт-бы ни заядалъ, пилъ бы ни заппвалъ, гдѣ бы хадпль, ни гулялъ, съ ума разума ни спущалъ—проговорить 40 расъ.

Обратни.

Ани пприкидываются чризъ двянадцать нажей въ ппдавнини, хрѣсть съ сибя скидають. Былъ споръ обѣ четъверти вина съ одной старухой; ана бальши дяла знатъ. Ни пущай на яравыя лошаты! они бають старухи: пымамъ лошаты и ни выпустимъ. Ну падити пымайти и ни выпустити, ани пашли и вядутъ пѣ и давилѣ да старыхъ кладьбищъ чплѣчьихъ атколь ни взялась абадрана лошаты и ани устрашилиси в бросили пойманну лошаты. Пришли къ етой бабѣ, ана надъ ними раземяхнулася и баты: пымали мою лошаты они бають: ладна обдрапа кабыла! эта апа стара обратилась—витъ выдумала во што абратитца та. Эта жа старуха малако у каровъ отымать. Пайдетъ на радпкамъ набпретъ разнай вады и етай вадой и спыскаватъ и карова апятъ будитъ даить, ана атхаживать на зарямъ.

Ище скажу шли троя рабятъ а ана на гумпѣ ленъ брала, онъ ей и баты: ты, тетка, ленокъ-та ни свой бпрешъ! ана яму и пирѣчитъ: што ты ни ракъ ни рыба, чаво ты пусты рѣчи башъ; пабпжала за нимъ и онъ съ прысла (вм. городьбы) уналъ и сдѣлалси бизъ памяти приходитъ дамой; дома жилъ сутки, патомъ

всѣ уходятъ въ поля, а онъ остаетца дома ни знать ни рыла ни носу все распухла, яво паридили съ пакетамъ въ сяло Касауръ, на няво ни гожа глидѣтъ, шель сяломъ, яму встрѣтилась старушка съ пиринькомъ (вм. мальчикомъ) и ричить яму: пиринекъ что эта у тія? И обвела яму лщо безъяменнымъ пальцымъ и бать: Гасподь тія панесъ, а то-бы въ третій день помиръ и онъ пришлоъ въ третій день въ школу здаровый висельй, а выздравилъ ша въ Касауря, какъ абьяла пальцымъ. Это было въ 1866-мъ гаду. Я не узнала брательника сваво Фтупарчи.

68. *Вятской губерніи, Нолнскаго уѣзда, село Соколово.*

Родина моя — село Пищальное Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи. Я кончила курсъ въ Вятской Маріинской женской гимназіи. Наблюденія надъ народнымъ говоромъ я производила въ селѣ Соколовѣ Нолнскаго уѣзда, Вятской губерніи. Это небольшое село, въ немъ 21 крестьянская изба и четыре дома, принадлежащіе духовенству. Село это основано лѣтъ тридцать тому назадъ изъ деревни, посившей то же названіе. Въ Соколовскомъ приходѣ девять селеній, включая село. Деревни эти находятся отъ села на разстояніи отъ одной до пяти верстъ. Жители исключительно великорусскаго племени и всѣ православные. Занимаются они главнымъ образомъ земледѣіемъ, отчасти отхожимъ промыслами и весьма мало кустарнымъ. Вслѣдствіе истощенія почвы нѣкоторые уходятъ работать на пристани по рѣкѣ Вяткѣ, на Ижевской заводъ Саранульскаго уѣзда, Вятской губерніи, и на желѣзную дорогу, но исполняютъ только простыя работы: переносятъ тяжести, копаютъ землю, кладутъ печи, занимаются столярнымъ, кузнечнымъ и сапожнымъ мастерствомъ и т. п. Въ общемъ жители добродушны и почти всѣ — домовитые, т. е. заботливые хозяева. Они охотно роднятся и дружески относятся къ крестьянамъ другихъ приходовъ.

Гласныя. § 1: Оксянья, Окулина, Ондрей, Онтонъ, Олексѣй; батюшко, Иванушко, дядюшка, дитятко; стоханъ (стаканъ), омбаръ, олтарь, торелка, сабоги (сапоги); розговоръ, розбпрать, росчетъ, роспахать, розсѣять, розвозить, робота, роботать, роботникъ. § 2: я плачѹ, ты платишь, онъ платитъ, ты катишь бочку, онъ катитъ, ты посадишь, онъ посадитъ, она варитъ кашу. § 3: заморозивать, зароботывать, подзадоривать, унавоживать, уничтожать. § 4: рождаться, полагать, таварищъ, манахъ, монастырь, панамаръ, салдатъ; слобода, мостовая, хорошо, золотой, карань, кокушка, тварогъ; добрава, худова, слѣпова. § 6: ошшо, Омельянтъ, Олена; робенокъ, робята, тонерь; тобѣ, собѣ, у тебя не говорятъ; доржать, задоржать, соводни; жготся, запрягомъ, текоть, пекоть; дѣньшко, двудѣнка, оденье. § 7: нѣбо, крѣсь (крестъ), о нѣй, со всѣго, твоѣго, ей, чѣшоцца (чешется), крѣска (крестная), дѣпъ (дней); сплѣтки (сплетни), подѣншикъ. § 8: ѹмѣръ, честѣнь, ясѣнь, прибыточѣнь, нянѣкъ, покойпичѣкъ, денѣгъ, оружьѣмъ, смотритѣмъ, зятѣмъ, гоголѣмъ; родителѣвъ; деревнѣй, дѣвницой, Оксянѣй, саблѣй, Господнѣй, спнѣй, середнѣва (средняго), спнѣва, спнѣму, въ третьѣмъ, въ Божѣй, съ спнѣй, принимаетъ, уѣдѣтъ, будѣтъ, кушаѣшь, проѣдѣшь, знаѣмъ; хвастаите; морѣ, полѣ, блюдо, оспицѣ, поднольѣ, воскресеньѣ, здоровѣ, времѣ, имѣ, доброѣ, бѣлоѣ, черноѣ, спротскоѣ, заднѣѣ, скоромноѣ; дубовыѣ, бѣлыѣ; больнѣ, сильнѣ; бѣляѣ, скоряѣ, вольнѣѣ, темяѣ; прощайтѣ, ходитѣ, смотритѣ, встрѣчайтѣ. § 9: шолуха, жона, жонплел, жонихъ, насажоно, положоно, чашокъ, машотъ, напашомъ, нашо, вашо, гожо, дюжо, ну-жо, что-жо; ужд. § 10: цолуѣтъ, чѣлусть. § 12: залѣзо (желѣзо); запрѣгъ, головѣшка, крясло, словесно, колѣсный, колѣсникъ, трѣсь, понява, лехкой; затѣсывать, пощѣлкивать. § 13: этотъ (этотъ); несятѣ, кладитѣ, деритѣсь. § 16: крыло, корысть. § 17: бароня, государони. § 19: крѣпкой, лехкой, мелкой, пѣгой, русской, рускѣй, земьскѣй; понукивать, подтягивать, онахивать. § 20: Произношеніе крестьянами *e* во всѣхъ словахъ обычное. § 21: *и* вм. *ь* слышится въ словахъ: псѣ (ѣсть), симѣ (сѣмя), здпсь, здпся-ка (здѣсь), повнситъ, вппикъ, мпсаяцъ, двверъ, сппп.

§ 22: сѣсть; стемнаеть; видяль; смѣляе, скоряе, хитряе, бѣляе.
 § 23: петь, петьдесятъ, грезь, взеть, опеть, мечпкъ, хозешнь,
 деда, кричеть, зеть; взела, петно, езыкъ, везать, месной, светой,
 петакъ, петп, десети, гледѣть, часы. § 24: доброй, залѣзной (же-
 лѣзный), старой; снѣй, овечѣй, весенней. § 25: думашь, дѣлашь,
 знашь; знать — знаешь, бать — баешь; но чаще употребляются
 нестяженныя формы; вм. хозяйева скажутъ хозяйа. § 26: при-
 мать, вымать. § 28: Александра (Александръ), менины; мью, мьеть.
 § 29: оржаной, овторникъ, омшаникъ; мати, дочи, дати, ходити,
 играти, водити; несешь ложку мимо роту; не видпшь потолоку
 (вм. потолка). § 30: гласныхъ не протягиваютъ п двойныхъ глас-
 ныхъ вм. простыхъ не пропзносятъ.

Согласныя. § 31: зв. *и* пропзносятъ правильно; добрава,
 слѣпова, худова. § 32: колда (когда); осударь, Осподь, Óсподи
 (Господь, Господи); мяккой, лёккой. § 34: Ванькя, чайкю, дочкя,
 маменькя, послушайкѣ, травкя, сахаркю; трахмаль. § 35: Веле-
 ней (Евгеній), андель. § 36: короводь, фомякъ, куфарка. § 37: хъ
 попу, хъ кузнецу, хъ царю; гъ дереву, гъ желѣзу. § 39: свальба
 (свадьба); глѣко (гляди-ка). § 42: ципленокъ, улпци, коньци,
 кольця, куриця; послѣ *и* чаще пропзносятъ *и*, *я*, *ѣ*; вм. цвѣтокъ
 говорятъ «свѣтокъ», но оч. рѣдко. § 43: можно услышать: «пойду
 въ черкву» (церковь); чѣловать, еячо (яйцо), улпца (улица), швечи
 вм. швецы (портные); *я* обратно: цаць, цѣрный, цѣтыре, ночь,
 пець. § 44: шить, шило, нашихъ, кожи, шагъ, жарко, шуба,
 жѣской; рогоза, залѣзо; урождай. § 45: щѣ, што (вм. что).
 § 46: свешшеникъ, шшука, шшшу, шшотъ, слашше, ошшо,
 шшока; буква *ш* пропносится какъ *шиш*; вожжа, дрожжи, съѣж-
 жатца, жготъ, жгали вм. жжетъ, жгли; ждетъ; годпсса п го-
 дпшша, збвраѣсса п збираѣшша, берѣсса п берѣшша; дѣлаетца,
 ударпса. § 47: сабоги (сапоги), оммануть, омманъ (обмануть,
 обманъ), внога (много); скусной; колда, толда; во лузяхъ.
 § 48: дѣушка (дѣвушка). § 49: пролубь; Микола. § 51: омманъ
 (обманъ); скипѣть, трось, шесь, Пѣт (Петръ). § 53: крофъ, лю-

бофъ, семъ, пролупъ и пролупь, голупъ; лапки, шапки, грапки, юпки, дѣпки; первой, черпъ (серпъ), верхъ, зеркало, черква (церковь); дворникъ, горница, харчевня; моленствіе, хлѣбникъ, лѣчебница, харчевня, деревня, купца, рупъ; плотъникъ, скотъ-пикъ, родъникъ, огородъникъ; зв. *m* прозносятся твердо, какъ *и*; въ словахъ: здѣшній, прежній и др. *и* и *ж* прозносятся мягко; лекче; барьскѣй, царьскѣй, деревеньскѣй, женьскѣй, руськѣй, москоськѣй.

Удареніе. § 54: ручей, холодъ, езѣкъ, езѣка, тварогъ, валѣжникъ, вѣры, обѣхомъ, отъ нѣчи, на коняхъ, коней, дайте тво-рогѣ, пять сажень, прогѣны, вѣрба, вѣдрами, закладка, подруга, подружка, успѣхъ, застава, ѳставка, постава, закуса, про-стыня, сѣрчѣ, молоченіе, сѣдства, воротѣ, болѣта, сѣмена, мну-чѣта, боѣра, яѣцъ, молодѣй, мѣлодъ, лѣгокъ, мѣгокъ, тѣсной, чѣща, дѣньга, сѣсна, рѣдѣна, судѣбѣна, дешовѣсь, въ рѣкѣ, свѣнью, двѣ версты, деревень, вѣлами, онъ коситъ, рѣдѣтъ, звоѣтъ, онъ рѣ-дѣтся, спитѣ, ѣдитѣ, хѣчѣте, несѣте, несѣтѣ, кладѣтѣ, бѣдѣтъ, пѣкѣтъ, вошѣтъ, роботѣтъ, кѣшлѣтъ, полѣжитѣ, предѣложѣтъ, по-нѣдѣтъ, подѣйтѣ, принѣстѣ, богѣтѣтъ, осѣрѣтъ, пѣзвалъ, сѣбралъ, пѣгналъ, пѣслалъ, перѣстрѣлилъ, дострѣлилъ, привѣдѣтъ, при-вѣзѣтъ, принѣсѣтъ, привѣдѣна, привѣзѣна, принѣсѣна, провѣдѣтъ, тугѣй, сѣрѣй, шѣлковѣй, другѣй, прѣсѣй, грѣзѣнѣй, пѣѣй, кѣжѣн-нѣй, идѣтъ, пѣдѣтъ, вы курѣтѣ, стѣгнѣтъ, розорвѣшь, отогнѣшь, подѣйдѣшь, пойдѣшь, помахнѣтъ, козырѣтъ, ужаснѣтъ, кувѣр-нѣтъ; пошатнѣтъ, случѣлось, бѣравшѣ, напѣвшѣсь, взѣвшѣсь, ѣпасно, высѣко, далѣко, глубѣко, мѣжно, тѣмно, нѣ билъ, три года, двѣ дни; пѣдъ вечеръ. § 55: пѣвѣчѣсти не замѣчается, словъ не отчѣканивають. § 56: младшѣе поколѣнѣе прозносятся слова правѣльнѣе старшаго. Мужскѣе прозношеніе правѣльнѣе жен-скаго. Крестьяне надѣ говорѣмъ старѣковъ не смѣются, по не-правѣльности прозношенѣя замѣчаютъ, говорѣ сосѣдѣй не под-ражаютъ.

Склоненіе. § 57: женскѣй родъ вм. мужскаго не употреб-

лятеся, кромѣ слова: лебедь; этотъ яблокъ (вм. это яблоко); двухъ родовъ отъ словъ, извѣстныхъ въ одномъ родѣ, не употребляютъ; гусь, лебедь — слова муж. рода; собака — слово женск. рода. § 58: съ тово году (съ того года), съ потолоку (съ потолка), безо сну (безъ сна); съ тово дни, севодни, третѣводни, съ Илина дни; въ садѣ, въ лѣсѣ, въ углѣ. § 59: иногда слышно: приговорá, погребы; кнезьѣ, братѣ, стúльѣ, кольѣ; сватовѣ; хресьяна, бара; шшонята, опѣнки. § 60: салдатовъ, человекъовъ, робѣнковъ, жеребѣнковъ; пріятелѣвъ, рублѣвъ, ключовъ, ножовъ, кирпичѣвъ; отчѣй, огурцей, купчѣй; въ имен. мн. ч. говорятъ: молотцы; по полями (вм. полямъ), лошадыми (вм. лошадямъ), къ людymi; съ лошадымъ, съ дѣтямъ, подъ ногамъ, за рыбамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, съ крестамъ, за полямъ и морямъ, брать рукамъ, сарапала кохтямъ; въ пѣснѣ поютъ: во лузяхъ. § 61: свекрôвка, свекрúха, мать, дочь, мати, дочи, бароня, барошня, сударопя; цѣрка, чѣрка; чаще слышно: -ой, женой; слóмъ прогнали; на лошедѣ, на пецѣ, въ грезѣ, къ дочерѣ, къ мáтерѣ, къ лошедѣ; тысячу. § 63: времѣ, имѣ; род. пад.: время, ямя; род. множ.: ямянъ, времяпъ, сѣмянъ. § 64: ворота, болоты, брѣвны, вѣслы; скажутъ: мало полей (а не поле); дѣловъ, мѣстовъ. § 66: «добры молодцы», «тѣмны ночи» скажутъ, но весьма рѣдко. § 69: въ им. п. мн. ч. прилаг. всѣхъ родовъ въ концѣ слышно ё — ясныѣ дни. § 71: съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ осиновымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ. § 74: говорятъ иногда: къ нами, къ вами, съ намъ, съ вамъ. § 75: вм. въ нёмъ говорятъ: въ ёмъ, вм. имъ говорятъ: имі; вм. за неё, у неё говорятъ: за её, у её; вм. съ нимъ — съ имъ. § 78: вм. ихъ употребляется слово: ихній. § 80: хлѣботъ на столѣ; береги масло-то; каша-та высохла въ пецѣ-ту; бабы-тѣ ушли въ лѣсъ за гúбамъ; бабу-ту, парня-то, парню-ту. Обратъ: «та баба» означаетъ указаніе на извѣстную бабу, а въ «баба-та» — «та» прибавлено для пѣвучести окончанія «а».

Спряженіе. § 81: скучѣтъ; вымать, выняль; обойми.

§ 82: наймовать (нанимать); заморозивать, устроить, устроить-ватца, уважывать, оспаривать, удваивать, утравать, успокоивать, прострачивать. § 83: в. «есть» говорятъ: есь. § 84: колотю. § 87: текощь, текотъ, текомъ, текоте, стерегошь; лгошь, толкошь, можощь; в. «хочешь» говорятъ: хошь. § 89: спати, брати, шпти, любити, сѣтеи, мыти, ходити и др.; в. «жечь» говорятъ: жгать; в. «беречь» — берекчи. § 91: розгонены, розгонено, наклáдено. § 92: в. впрягъ, запрягъ говорятъ: впрѣкъ, запрѣкъ. § 93: ѣдь, уѣдь, заѣдь.

Синтактическія особенности. § 96: братьѣ (братья), стульѣ (стулья), кольѣ (колья). § 100: при гл. есть в. именит. п. употр. род. § 101: в. твор. п. изрѣдка употр. родит. съ предлог. изъ. § 103: лонисъ (в. въ прошломъ году), восѣтъ (в. въ прошлый разъ). § 105: онъ поѣхалъ по овесъ, онъ пошелъ по коня, пойти по кобыламъ, по коровъ, по овечѣкъ; в. «зачастую» говорятъ: часто. § 107: скажутъ: «миѣ о Паскѣ семнатцетъ лѣтъ минѣтъ», «это случилось о Рожествѣ». § 108: предлоги «мимо» и «возлѣ» требуютъ родит. падежа: бѣжитъ мимо гумна, возлѣ дороги. § 111: сюда пришли два мужика; продали двухъ овѣцѣкъ; привели трохъ уценяковъ. § 112: два хорошіе мálьцика. § 113: три разъ, шестьдесятъ годовъ, шень годовъ (в. шесть лѣтъ); два рублі, трі дни. § 114: двой ворота, трои двери. § 116: пзрѣдка говорятъ: «у нево ушъ было вѣнито» (в. онъ уже выпилъ). § 120: случаи употребленія одного отрицанія в. двухъ замѣчались; замѣчаются обороты и съ излишнимъ употребл. отрицанія *не*: «не то давай, унесу муку-ту»; некто, некакой. § 121: «онъ, батъ, йшшотъ платъ-отъ» (в.: онъ, говорить, ищетъ платокъ). «Дá-ко я сѣду тѣтотка» (в.: дай, я тутъ сяду). «Ну, буди, подѣмъ!» (в.: ну, пойдѣмъ). «Ты, молъ, деньги-то не забыла-бы». «Миѣ-ка больнѣ недосѣкъ» (в.: миѣ некогда).

Образцы народной рѣчи.

Свадебный обрядъ.

Гости, сопровождающіе жениха къ невѣстѣ и ихъ обопхъ къ вѣнцу, составляютъ свадебный поѣздъ и называются «поѣзжанами». Почетный поѣзжанинъ со стороны жениха называется «дружко». Другой поѣзжанинъ называется «тысецкѣй». Отъ невѣсты не отходить «сваха». Вторая сваха называется «погоніха».

Крестьяне до сихъ поръ вѣрятъ въ порчу, думаютъ, что «еретникамъ» и «еретницамъ», т. е. злымъ людямъ, знающимъ наговоры, легко «испортятъ» молодыхъ. Охрана ихъ составляетъ обязанность «дружки». Съ этой цѣлью онъ произноситъ молитвы-наговоры.

Рѣчь дружки за столомъ у жениха передъ тѣмъ, какъ ѣхать за невѣстой къ вѣнцу:

Осподи Иусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. (Трижды).

Молитва: Отче нашъ...

Осподи Иусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Вся небесная сила благословитѣ меня. Тварь Господня, вѣлія воссияетъ, громъ возгрѣнѣтъ, земля здрожитъ, морѣ сколыбнетца, рыба у бѣрегу не устоитъ, птица на деревѣ не усидитъ, еретникъ съ еретницей съ дьявольской силой на мѣстѣ не устоитъ. Какъ Господь сотворилъ нѣбо и землю, сотворилъ и укрѣпилъ, такъ и еретника и еретницу дьявольскую силу укроти и укрѣпи. И запри князя молодова, и княгиню молодую, и тысяцка большова и середнева меньшова, запри ихъ тридевети ключамъ, отнесу ключи въ окіянъ морѣ, оддамъ кетрѣ рыбѣ за шпоку, на которомъ земля стоитъ. Когда-жо морскіе пѣтоки оншущатца и тогда надо мной похитъ, помудрѣй. Моёй молитвѣ аминь. Всѣ-ле сыты, всѣ-ле довольны, ѣгле хто недоволѣнъ, дакъ щей ульѣмъ и кусковъ накрѣшимъ. Ёсь-ле у нашѣва князя отецъ и мѣти? Какъ вы умѣли своё дитя спитъ, скормитъ, на умъ-разумъ наставитъ, благословитѣ ево подъ златѣ вѣнцы поставитъ.

Рѣчь дружки на улицѣ передъ тѣмъ, какъ садиться въ экипажи, чтобы ѣхать съ женихомъ за невѣстой къ вѣнцу.

Осподи Иусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Всѣ-ле въ скопѹ, всѣ-ле въ соборѣ, всё-ле мы взѣлѣ, взѣлѣ-ле шубу, взѣлѣ-ле мыло и свѣхонья зѣворотка не забыла-ле заплѣтки? Огленісь-кѣ ты назать: иѣтъ-ле у насъ саней объ одно́мъ полозѹ, иѣтъ-ле поѣжжашъ объ одно́мъ глазу? Благословитѣ меня, друженьку, впередъ ѣхати, у меня, у друженьки, конь соловѣй и хвостъ золотой, грива серѣбрена, мой конь бѣжитъ, подъ имъ земля дрожить, изъ ушей дымъ столбомъ валѣтъ, изъ нозрѣй пскра сыплѣтъ, изъ роту пламѣ пѣшотъ, во всю шѣроку свѣту даѣтъ.

Благословитѣ меня впередъ ѣхать. Богъ намъ на по́мошь.

По приѣздѣ къ невѣстѣ дружка съ поѣзжаніемъ входятъ въ избѹ, остальные поѣзжана съ женихомъ остаются нѣкоторое время въ экипажахъ.

Войдя въ избѹ и помолившись, дружка говоритъ:

Осподи Иусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Ъду я не князь, не боѣрникъ ото скѣсника, законника, отъ князя молодова дружка. Свѣтушко, свѣтѹшка, какъ вы съ молодымъ сватомъ свѣталися, а́ли вы крестамъ образовѣлись, а́ли вы на сѣй день стрѣкъ здѣлали, севѣднѣ-ле у васъ свалебка?

Возвратившись къ экипажамъ, дружка говоритъ:

Осподи Иусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Ъхали мы по горамъ, по доламъ, съ высокихъ горъ увидѣли свѣтушкинъ дворъ. У ево ворота шпѣорчеты, подворѣтница стекѣльчата, заѣжжѣемъ въ оградѹ, у ево полѣ тесовы, столбы дубѣвы, ко́льча винтѣвы, колѣды липовы. Нашихъ лоша́донѣкъ на полѣ тесѣвы, ко столбамъ дубѣвымъ, къ колѣдамъ липовымъ, нашимъ лоша́донькамъ три пѣци хлѣба и сусѣкъ овса, хлѣба пѣцѣнова, овсѣ толцѣнова, сѣпа кошонова. Ко дверѣмъ прѣтворника, нашимъ лоша́донькамъ караульшиковъ, къ пѣцѣ заслѣнника, ко столу стѣльника.

Дружка входитъ вмѣстѣ съ прочими въ избѹ и говоритъ:

Осподи Иусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Свѣтушко,

свѣтъюшка, ва́шо-то рожа́но, на́шо-то посуле́но, прикажи́тѣ ей умы́тца и нареді́цца, я въ зе́рькальцо посмотре́цца, Богу помо́лица и стать за сто́лики дубо́вы, столешонки клено́вы, скатѣ́роцки клѣтцѣты, ло́щечки рѣ́пцѣты, ествы́ сахарны, за пѣты́ медінны.

Взявши рюмку вина, два «калѣцѣка» и шубу, дружка идетъ «на середь» (т. е. къ печи) за пѣвѣстой, одѣтой къ вѣнцу, чтобы вести ее за столъ къ жениху. Дружка говорить:

«Дѣвущки и невѣски рогупитесь, дайте́ дружка́ путь доро́гу, кабы кому на но́жку не ступі́ть, кабы ково́ за боцѣ́къ не хваті́ть, у меня, у друженьки, гла́зоньки загля́тцѣвы, а рѣ́ченьки захва́тцѣвы, но́женьки засту́пцѣвы».

Дойдя до невѣсты, дружка говорить:

Осподи Иисусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Стань-ко ты, Марья Васильевна, на ко́нцы ножки, на собо́лины лапки, иде́ть чаша съ пѣтьемъ, а езы́къ съ целобитьемъ, ножки съ погхо́домъ, рѣ́цки съ подно́сомъ, езы́къ съ приговоро́мъ, хто отъ на́шова дру́жки пѣеть, тотъ тры́цеть три года ли́шнихъ про-живе́тъ.

«Дѣвѣшницкіе пѣсни».

Бѣлая наша бѣлѣнка, алая наша румя́нѣнка,
 Милая наша подру́женька, милая наша голубу́шка!
 Ско́лькѣ мы тебѣ́ наказывали,
 Сколь мы тебѣ́ наговаривали,
 Щѣ́ не выходи на новы́ сѣни,
 Не слѣ́шай ты звѣ́нчатыхъ гу́слей,
 Эти-жо гусли омманчывы́е,
 Омманчывы́е, да переманчывы́е,
 Переманя́ть на чужу́ сторону,
 Не къ родимому ко батю́шку,
 Не къ родной-то ко мату́шкѣ.
 Какъ будешь называть чужова батю́шка?

При людяхъ-то людяхъ да свёкорь бѣтюшко,
 Безъ людей-то людей да свёкорь лихой былъ,
 Какъ будешь называть чужую матушку?
 При людяхъ-то людяхъ свекрѡвка-матушка,
 Безъ людей-то людей — свекрѡвка лихая.

Изъ-за лѣсу лѣсу тѣмнова,
 Изъ-за садку зелѣнова
 Выбѣгаетъ тутъ ворѡной конь,
 За конѣмъ бѣжить Гаврилѣшко,
 За воронѣмъ бѣжить Иванѡвиць.
 У воротъ стоитъ Аннушка,
 У новѣхъ стоитъ Григорѣвна.
 Онъ крыщѣтъ зыщѣтъ зыснѣмъ голосѡмъ:
 «Судоржѣ-ко ты, Аннушка, воронѣ коня!»
 — «Ушь я рада-бы коня здоржѣтъ,
 Ужь я рада-бы воронѣ здоржѣтъ,
 Не травой ноги спутало,
 Не росой очи смѡчило,
 Горюшко ноги спутало,
 Горючимъ слезѣмъ лицо смѡчило.

Сестрица у брата въ головкахъ сидѣла, въ головкѣ искала.
 Сестра брату говорила: «охъ, ты, братъ-ле, ты, мой братецъ, брателко родимой! Погости, братецъ, подѡле, провожѣ тебя подѡле, провожѣ я тебя въ полѣ, провожѣ тебя въ другѡе, провожѣ тебя я въ третѣе. Въ первомъ-ту полѣ станѣмъ пиво пѣти, въ другомъ-ту полѣ станѣмъ пѣсни иѣти, въ третьемъ-ту полѣ станѣмъ роставѣцца, слезѣмъ обливѣцца». Братъ сестрѣ речѣтъ: «ты, сестра моя, сестрица, каковѡ тебѣ житьѣ-то?» — «Брателко родимой, житьѣ мнѣ не бѡльнѣ, житьѣ некорѣсно: свёкорь бѡльнѣ журливѡй, свекрѡвка чѣмливѣ, деверья бѡльнѣ змужливѣ, золовки бѡльнѣ

смѣшлѣвъ». Братъ сестрѣ речеётъ: «ты, сестра моя, сестрица, сестрица родима, поживи, сестра, подболе, потерни поболе: свѣкоръ-отъ тебя по дѣлу, свекровка-та тебя учить, деверья-ти жѣнь-ту вѣзмутъ — ты сама вѣдь отсмѣшша, золовки-то взамужь вѣйдуть — все жптьё тебѣ роскажутъ, тапоръ тебѣ воспомянуть.

Свѣтъ не паушка по сѣнямъ ходить,
 Не навинъ сѣзо пѣрышко рѣпнть,
 Свѣтъ Парасковьюшка по сѣнямъ ходить,
 Ко кроватушкѣ прихождаетъ,
 Шпшой бранъ положокъ открываётъ,
 Рѣднова батюшка пробуждаётъ.
 Стань-ко, батюшко, пробудися,
 Стань, родименькѣй, домекнися,
 На меня на младу нагледися.
 Мнѣ не годъ у тебя годовати,
 Мнѣ не лѣтечкѣ лѣтовати,
 Мнѣ въ чисто-то полѣ не бивати,
 Шолковы-то травы не топтати.
 Не нидѣлюшку мнѣ гостити,
 Една пѣченькя начевати,
 Една тѣмная коротати,
 Со подруженькамъ посидѣти,
 Со голубушкамъ погостити,
 Съ роднымъ батюшкомъ думу думать,
 Съ родной матушкой слово мѣлвить.

Ты ребѣна-ле ребѣнушка,
 Ты кудрявая, зачѣмъ ты рано пошатилася?
 Не сама я пошатилася,
 Пошатили меня вѣтры бѣйныѣ,
 Сполудѣшныѣ, сполуношныѣ.

Ты, любезная наша подруженька,
 Ты, любезная наша голубушка,
 Ты зачѣмъ рано поохотила,
 Ты зачѣмъ поизволила?
 Не сама я поохотила,
 Не сама я поизволила во чужіе-те люди-жо.
 Поохотилъ рѣдной батюшко,
 Поизволила родная матушка.

Шуточная пѣсня.

Спрошу бабушки старушки, гдѣ овесь сушить.
 Ай люлі, ай люлі гдѣ овесь сушить.
 На студеной печѣ, на одномъ кирпичѣ.
 Спрошу бабушки старушки, гдѣ овесь толкчи.
 Въ осинової ступѣ, березовымъ пестомъ.
 Спрошу бабушки старушки, въ чѣмъ кисель мочить.
 Мочить-не мочить въ большой квашнѣ.
 Спрошу бабушки старушки, во щѣ кисель чидить.
 Старымъ-ту старушкамъ въ рѣдкое решето,
 Молодымъ молодушкамъ во частенькѣ,
 Краснымъ-то дѣвчамъ во сѣтечкѣ,
 Прошшольгамъ мужикамъ во рѣдкую бѣрону.
 Спрошу бабушки старушки, въ чѣмъ кисель варить.
 Варить-не варить въ большомъ котлѣ.
 Спрошу бабушки старушки, во щѣ разливать.
 Старымъ-ту старушкамъ во чашечку,
 Молодымъ молодушкамъ во блюдечкѣ,
 Краснымъ-то дѣвчамъ на торелочкѣ.
 Спрошу бабушки старушки, съ чѣмъ кисель хлебать.
 Старымъ-ту старушкамъ съ сѣсличѣмъ,
 Молодымъ молодушкамъ съ прѣснымъ молокомъ,
 Краснымъ дѣвчамъ со сметаночкѣй,
 Прошшольгамъ мужикамъ съ сѣвороткой.

Спрошу бабушки старушки, куды гостей спать клась.
 Старыхъ-ту старушокъ на пѣцкю спать,
 Молодыхъ молодушокъ на тесовую кровать,
 Прошшольговъ мужиковъ ко свиньямъ въ гнѣздо.
 Спрошу бабушки старушки, чѣмъ гостей будить.
 Старыхъ-то старушокъ вѣрежкой,
 Красныхъ дѣвичъ шолковой плѣткой,
 Прошшольговъ мужиковъ дубиной вязовой.
 Спрошу бабушки старушки, чѣмъ гостей умывать.
 Старыхъ-то старушокъ изъ колѣдника,
 Молодыхъ молодушокъ изъ рѣццюшки,
 Красныхъ дѣвичъ изъ студѣнова ключа,
 Прошшольговъ мужиковъ изъ лоханочки.
 Спрошу бабушки старушки, чѣмъ утирать.
 Старыхъ-то старушокъ рукотерничкѣмъ,
 Молодыхъ молодушокъ рѣдичкѣмъ,
 Красныхъ дѣвичъ наспѣшничкѣмъ,
 Прошшольговъ мужиковъ горшбвничкѣмъ.

(Сообщила О. Дьяконова).

76. Курской губерніи, Льговскаго уѣзда, село Ивановское.

Дать полную характеристику говора того села, въ которомъ я живу въ настоящее время, я не могу, потому что поселился въ немъ недавно и, въ силу нѣкоторыхъ условій, мало имѣю сношеній съ крестьянами.

Родина моя—станція Казанская, Донской области; воспитаніе получалъ въ г. Бѣлгородѣ, въ учительской семинаріи. Въ настоящее время живу въ селѣ Ивановскомъ Льговскаго уѣзда, Курской губерніи.

Жители этого села—бывшіе крѣпостные майоратнаго имѣ-

нія князей Барятинскихъ. Когда-то село принадлежало малоросійскому гетману Мазепѣ; въ селѣ хранится его домъ, названо оно его пменемъ.

Отъ своего уѣзднаго города оно находится въ 25 верстахъ п мало пмѣтеть съ нимъ сношеній, но отъ другого города (Рыльска) оно находится въ 17 верстахъ, куда п тяготѣтеть населеніе. Жители села не представляютъ однородной «сѣрой» массы: часть изъ нихъ писцы, конторскіе служащіе п т. п., часть ремесленники: слесаря, шпукатуры, п только часть земледѣльцевъ. Очень многіе изъ нихъ отправляются на сторону на заработки.

Гласныя. § 1. Въ кóзну, старшіны, вáришь, скóмьп, тóшпшь (тащптъ), пасóдють, плóтють, кóтится, брóнится, говóришь, говóрпть (говорптъ). § 2. Лáвишь, лáвить (лóвить), сѣдáкъ, ходáкъ, вугáлья (угли). Удвáпвать, унавáжпвать, потѣсывать, завёртывать. § 4. Звукп *о*, *а* неударяемыя произносятся ближе къ *а*. § 7. Жырá п жара, лашыдей п лашадей, жалѣтъ, жына п жана; кажется, что у коренныхъ жителей пменно *а*, а не *ы* слышптся. § 8. Самуваръ. § 9. Музулі, кружувá. § 10. Въ словахъ полѣчпть, заглушпть, понесу п т. д. слышптся зв. ближе къ *а*. § 17. Жана, шбѣтый, жалудокъ; скушыла, лошыди, хужа, больша. § 18. Ипáть (опять). § 22. Мбю, рю, крью. § 23. Крышпть (крошпть), дражать. § 24. Какэй, такэй, аднэй, съ тэю, съ аднэю, чужэй, пп зымай. § 25. Хучь (хоть), дыкъ (такъ). § 26. Калкалá, пархавой, курпатка. § 27. На вакнѣ, Хванасей. § 29. Здучп (стучп), здучѣтъ (стучать), ппеть (опять), мечпкъ. § 30. Запрѣгъ. § 31. Нясу, пляту, мясной, святой. § 32. Вм въ лѣсу говорятъ: въ лѣся; вялпкъ, гряшптъ; чаго (чего). § 36. Еравой (яровой), цанá, ацанптъ, царковный. § 40. Троя, дешевля, боля, по шпрши; ппнча (пншп); на базáря, вмѣстя, но у пóлю (въ полѣ). § 41. Ма, матушь, мампшка (мать); сялó, нябóсь, нямнóго. § 43. Ппрведп, ппрукпснть, ппрварпнуть, впрятно, но десятина. § 44. Пѣтай (этотъ), пѣтакой. § 46. У ей, па ей. § 47. Етай (этотъ), ета (это). § 50. Ппначе, ппва, ппдолы, ппстпшный, съ ппмъ. § 51. Кеевъ;

вм. пѣтъ говорятъ—пимá. § 52. Стрычь, стрыгу, грыбъ, грыбы, вышня. § 55. Ты бѣ пашель ба. § 58. Пабѣдамши, забидѣла; грать — играть; послѣ бѣдъ — послѣ обѣда; мому, твому. § 60. Ильнá, пльдá, иржі; пшано, пшаница, карвать, скварецъ, грѣчиха. § 61. Усá, устáтъ, урѣмя, удавá; годовъ, дворовъ: ближе къ *о*; славна: ближе къ *о*. § 62. У хату, увесъ; но: «валкіу». § 63. У казб, вдáрилъ, навчить, увастрóги, увадпомъ, увашли, увавсѣхъ. § 64. Вóльга, вóзеро, Вóсппъ, вѣтка, вѣтрамъ, вулица. § 65. Дамно; унукъ и самоуправно. § 66. Въ сл.: дваровъ, каровъ и т. д. слышенъ зв. ближе къ *о*. § 67. Оставъ, поставъ, у церкви (въ церкви). § 68. Трудно опредѣлитель: въ словѣ щепки (шшепъки) — ъ, а въ крѣпче (крѣпъче) — ь, также въ словахъ: дѣвѣки и серебрянай. § 69. Митрохванъ, Хведоръ, Хванасей. § 70. Всякое *и* произносятъ такъ, какъ въ словахъ: Бóга, тогда, благо, т. е.: г^х. § 71. Казо, таго, добрага, сляпога, маго и маяго, тваго и тваяго, карагодъ. § 72. Друхъ, долхъ. § 74. Хозáйка, чайкіу, капѣйку, бочка. § 75. Клопотать, клопотѣ, тахта, хоронить, къ водѣ. § 76. Лехша (легче), лѣхкай. § 77. Дъверп, дъвинуть, сѣмирно, зля лошади (для лошади). шпичка, но: сушить; шбóтый и шаштóй, шашнатцать; сычасъ и чпчасъ, дражнѣтъ, по забота, взяли; письмо, вазму, садился, баюсь. § 79. Сатъ, готъ, ротъ, наротъ; расъ, вость, обросъ. § 80. На осáнки, лаханка, санки. § 81. Вєрхъ, вєрєху, свєрху, по первый, серпъ, церква, дворяникъ, горьница, кóрьмить, карзина. § 82. Мѣлча (мелѣе), дóлжа, большой, больнои, пакля. § 83. Чапочка (цѣпочка), чапля (цапля), чпплятца (цѣплятєся); церква, царь; конешно, пошта (почта), тошно (точно), ищанишний, паштенный. § 88. Шшотка, шшука, помѣшшикъ, лошшина, вешши, ишно (еще); борщъ; дажжа (дожді), дошъ (дождь), вишшпть, вишшать (визжать), жгѣтъ (жжетъ), што (что). § 89. Свиння, почьчу; протчій, притчпна. § 90. Спю (сплю), пособю, кажишь, кажу.

Удареніе. § 91. Гору́, голову́, воду́, цѣну́, слободу́, сто-

ронѹ, сварадѹ (сковороду), рукѹ, землѹ, сохѹ, боронѹ, душѹ. зимѹ; два рѣда и два ряда; орѣхѣ; съ деньгѣми, дѣтѣми; болота, мѣста, ворота; рѣбѣй, прѣмѣй, сѣмѣй; шпрѣко; брѣла, умѣрла, прорѣла, глѣла, годѣлось, былѣ, былѣи, плѣли, налили, взяли; передѣли, умѣрѣ, принѣлѣ, запѣрѣ, осталѣсь; не слѣманѣ, напи- сано; запѣрто, распѣртыи; дѣржишься, насѹшишь, забѣтѣшь; клюѣтъ, найдѣмѣ, придѣшь, вѣрнеца; никѣго, ниѣго; тѹча, вербѣа, пѣшня; спиѣна, подѣ бакѣмѣ, валкѣи, валкѣвъ, валкѣмѣ, колѣмѣ; пѣминки, зарабѣтки, кѣпятокѣ.

Склоненіе. § 92. Микитѣ! Тетѣ! Петѣ, Васѣ, Иванѣ и Ванѣ, Стѣпѣ! § 94. У бѣтѹшки, кѣ мѣтѣшки; на конѹ, на коню, при братѹ, на затылѹ, при отѹ; зубѣвъ, рублѣвъ, гра- чѣвъ, днѣвъ. § 95. Съ рабѣта, у шѣбѣля, съ тѣи сторѣнѣ, у вдовѣ, изѣ қазѣнѣ; церкѣва, церкѣвы. § 96. Дѣтѣ; у полю, у вакѣну. § 98. Сѹхѣи, сѣрѣи, у чѹжѣи, у аднѣи. § 99. Длинѣша, дешѣ- вя, чижелѣши, ближѣ, тонѣше; скорѣбѣча (скорѣе), хѹжа, жѣрѣча, долѣжѣе, шѣбѣчѣе. § 100. Той—тѣтъ, съ тѣи сторѣны, вѣ тѣе хатѹ, тѣе и тѹю собаѹ; иѣе—еѣ, у еѣ; ѣнѣ и вѣнѣ— онѣ, онѣи—они, иѣхѣ—иѣхѣ, иѣмѣ, кѣ иѣмѣ, унѣа—она; усѣе сѣбѣлѣ; однѣе—однѹ; самѣе—самѣе, самѹ; у менѣ, тебѣе, себѣе; табѣ, сабѣ; маягѣо, магѣо; тѣоягѣо, тѣогѣо; маямѹ, мамѹ; сваямѹ, свамѹ. § 101. Дѣбѣи, трѣи; двѣхѣ, по пять копѣекѣ.

Глаголь. § 102. Спрѣсѹ, прѣкатѹ, затѣно, сѣоди, сѣю, свѣрядѹ, кѹпѹ, лѹбѹ. § 103. Идѣшь, плѣтѣшь, запѣшь, запрѣ- гѣшь, свѣкѣшь, прѣстаѣшь (всѹду *e*, а не *ѣ*); хѣтѣшь, хѣтѣть. § 104. Хѣдѣтъ, лѹбѣютѣ и т. д.; бѣеть, поѣдетѣ и т. д.; трѣца, даѣтаѣца. § 105. Бѣемѣ, несѣемѣ (*e*, а не *ѣ* всѹду). § 106. Бѣ- рѣтѣ, нясѣтѣ, вѣзѣтѣ. § 107. Хѣдѹтъ, сѹшѹтъ, поѣютѣ, дер- жуѣца, но гѣвѣрѣтъ; вѣм. «бѣгѹтъ, побѣгѹтъ»: «бѣгѣтъ, побѣгѣтъ». § 108. Вѣложѣ, увѣдѣ, помѣжи. § 109. Прѣбѣхѣ. § 110. Вѣ- терѣтъ, идѣтъ, молѣтая, мѣлоная. § 111. Даѣдено, убѣрата, помѣ- лѣвши и помѣлемѣши, сѣхѣорѣневѣши, заѣапѣвѣвши, зашѣдѣчи. § 113.

Жмать, сожмать; жвать—жевать, жву—жую, жвешь, жви—жуи; обманить—обмануть: ѣздю, ѣздншь, ѣздить. § 115. Торгувать.

Синтактичскія особенности. § 117. Воронье, собачье, дубье. § 123. Играть въ скрипку, въ гармонию. Стрѣлять съ ружья. § 127. Они обои не работники.

(Сообщилъ Ѳ. Костенко).

77. *Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда, село Паньково.*

Наблюденія надъ говоромъ народа производилсь въ селѣ Паньковѣ Паньковской волости, Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Ближайшая къ селу станція желѣзной дороги — Хомутово юго-вост. ж. д., въ 20-ти верстахъ; уѣздный городъ Новосиль въ 35-ти верст. и другой ближній городъ Ефремовъ въ 45-ти верстахъ.

Происхожденіе названія села «Паньково» объясняютъ такъ: когда то въ старину въ этой мѣстности были сплошные громадныя дубовыя лѣса съ большими оврагами, въ этихъ лѣсахъ жили разбойники съ своимъ атаманомъ Панькой, который грабилъ и убивалъ прохожихъ и проѣзжихъ; вотъ отъ этого то Паньки мѣстность, а потомъ и село стали называться «Паньково».

Преданіе сохранило и мѣсто пребыванія шайки Паньки: это оврагъ въ небольшомъ теперь березовомъ лѣсу, называемомъ Котовскимъ, который принадлежитъ мѣстному землевладѣльцу Шатлову. Въ этомъ оврагѣ есть стоящій трехугольной формы камень, острый конецъ котораго обращенъ вверхъ; вышиной онъ аршина четыре; прежде же камень этотъ, говорятъ, былъ выше большихъ деревьевъ; на камнѣ была надпись, объясняю-

щая, что подъ нимъ находится громаднѣйшій кладъ. Нѣкоторые крестьяне хотѣли достать кладъ, но сколько ни рыли, ничего не нашли; въ народѣ и до сихъ поръ существуетъ предположеніе и даже увѣренность въ существованіи клада, который будто бы оставленъ Панькой съ какими то заклятіями и который можетъ достаться только какому то особенному человѣку.

Въ уѣздѣ крестьяне с. Панькова слывать за людей отчаянныхъ, разбойниковъ. Говорятъ, что въ крѣпостное время въ Паньково много крестьянъ переселялось помѣщикамъ изъ другихъ мѣстностей, а многіе и сами бѣжали сюда отъ помѣщиковъ, у которыхъ жилось плохо.

Всѣ село состоитъ изъ крестьянъ принадлежавшихъ когда то помѣщикамъ: Шатиловымъ, Селезевымъ, Рахмановымъ и Мясоѣдовымъ. Крестьяне этихъ помѣщиковъ очень замѣтно различаются другъ отъ друга; такъ напр. крестьяне Шатиловыхъ это люди работающіе и кроткіе, а крестьяне Рахмановыхъ славятся своимъ буйствомъ.

Между крестьянами села и крестьянами другихъ окрестныхъ селъ и деревень существуютъ хорошія отношенія, они знакомятся между собой и рождаются, а въ храмовые праздники обязательно бывають другъ у друга въ гостяхъ.

Хлѣбъ свой крестьяне сбываютъ на станціи Хомутово и въ городѣ Ефремовѣ, тамъ же они покупають и разные продукты и вещи, нужныя для дома.

Въ послѣдніе годы больше и больше стало случаевъ ухода крестьянъ на сторону на заработки; уходятъ въ Москву, Тулу, а больше на югъ на каменноугольныя шахты.

Гласныя. § 1. Онъ тощитъ, вѣрнѣе, пасѣдуютъ, плѣтютъ, кѣтятся, брѣнѣтся, павѣлуютъ, патѣщутъ, кѣтютъ, вѣлуются, вѣрѣются. § 2. Лавѣютъ, да ста, сѣдѣкъ, ходѣкъ; удвѣивать, унавѣживать, устрѣивать, заморѣживать, приготѣвливать. § 4. Въ сл.: совѣ, травѣ и т. д. слышѣтся глухой звукъ ближе къ *a*. § 5. Въ словахъ водѣ, травѣ, кабѣкъ и т. п. слышѣтся неопредѣленный

звукъ подходящій къ *a* и *и*. § 7. Жыра́, жылѣть, лошыдей, шы-
 лить, цыря, а также и: жера́, желѣть, церя́; шытáть, шетáть,
 шыптáть, шептáть, жыляеть (вм. жáлпть); жера́, жанá. § 9.
 Хрустулі́, кружувá, мужукі́, пузурѣкъ, музулі́. § 11. Гаспо-
 динѣ, малатцу, галавной. § 12. Бухморá, Бугородица, мугарычъ.
 § 13. Этыму, Оедыру, вóлысы, вы́гвылц, прóдыли, вѣдыли, рыз-
 дывáть. § 14. Этыго, умныго, сѣльному, хорошому, каменному,
 мѣдному, красивому, бѣльному, красному, маленькому, черне-
 нькому, бѣдному, богáтому, деревянному, глушому, но: тѣплин-
 кава, мáленькава, хорóшенькава, умменькава. § 15. Оедарѣ,
 Оедыру, хóладъ, хóлыду, голасъ, гóлыса, воласъ, волыса, ѣхаль,
 ѣхыли, горадъ, горыду, говарѣ, говыру. § 16. Слѣпова, хоро-
 шева, глухова, умныва, сѣна, мáсла, слóва, бáтюшка, кри-
 вова, упрямыва, сыльныва, прямова, бѣлова, рябóва, крá-
 спова, глупыва. § 17. Жана́, жалудокъ, жалтұха, шастóй, шар-
 шáвый, жані́лся; говорятъ и жына́, шыршáвый; шыловливъ,
 скушыла, скушыть, лошыди, вѣшалъ, нóжакъ, горóшакъ, за
 мұжамъ, хұжа, вѣша, тамъ жа, глѣбжа, дóлыша, отъ чаво жа,
 дажа. § 18. Висилѣкъ, Висписа. § 19. Яшшо (еще), Яванъ
 (Иванъ), Явалгаль (Евангеліе). § 20. Березунька, голóвунька,
 дѣвучка, ластучка, пáлучка, лозпучка. § 24. Съ тэю, съ однёю.
 § 25. Ды будя табѣ баловаться; значить ёнъ и побѣгъ у садъ;
 дыкъ узамѣнъ яво ты кликни другова. § 26. Благодаримъ, пла-
 тецца. § 29. Мѣчпкъ, гледі́; стаели, ёйца. § 30. Трѣсь, запрѣгъ,
 пѣтца; непраглѣдный, хрѣкъ, папѣва, трѣско. § 31. Нясу, сляза,
 гняздо, ряна, мясной, на стянѣ, вясна, пляту, сяжу́, вяду, у няво,
 вядро, тямно, сяледка, серябро. § 32. Одно и то же лицо не
 скажетъ: свитой и святой, ляжи и лжи; чаво и чиво, отдѣль-
 нья же лица говорятъ: жана; жина, желѣть, жылѣть, бяру, бпру,
 сяжу, сежу; вообще въ этихъ случаяхъ часто слышатея колеба-
 нія въ произношеніи. § 33. Въ словахъ какъ рѣка, весна пятакъ
 слышатея и *я* и *е* и *и*: ряка, сляза, лясa, вясна, тясна, вясла,
 тямпа. § 34. Въ словахъ сестра, рѣка, несѣшь, вела говорятъ
я, *е* и *и*. § 35. Дясяти, двятпадцать, мясаѣдъ, тяжалó, лясa-

вѣкъ, яровой, въ тяряму, чалавѣкъ, сярябро, сярядá, чажалó, вьяслá, дярявúшка, пярядóмъ, дявигі, сямі. § 36. Жанілся, цанá, цалѣй, ацаніть, царькóвный, пошавéлпвай; жанпхл, въ шастяромъ. § 37. Прэжияму, вєсяло, озяро, сэмяро, чэтвяро, вѣмяла, подáвняму, сіняму, вѣнясла, осяню, зямóю, помярлц, вѣвядл, вѣпляси. § 38. Вѣгяръ, палаць, устроаяъ, крыльязъ, дэнягъ, ястрябъ, погрябъ. § 39. Бúдять, лóчатъ, кáмянь, корянь, дурянь, осянь; въ 3 лицѣ говорятъ: ёнъ будя, хоча, читал, пляша, думая, ппша, ругая, плáча, ковырія, мажа, рубя, пля, дѣлая, дѣя, скáча, стрóя, лѣпя, мóя, прыгая, кóся, вѣря, маша (машеть). § 40. Трóя, дешевля, бóля, шіря, старѣя, нóньча, тапэря, бúдя, тóня, тапэрича, умирая: вмѣсти, въ поли, на базари, на горохи, въ острóгн, на бэригн, въ скáзки, на платини, на печкн; такія, сляпя, худыя; я иду въ поли и я былъ въ поли. § 41. Мамянька, мялянькай, Олянька, голянькаяй, сѣдянькай, плохпнькай, умнянькай, а также, нябось, нятронъ, ня думай, ня дурн, ня дѣлай, ня замай. § 42. Дорожунька, Машупька, свашунька, подружучька, Дашунька. § 43. Пярвязи, пиркусить, пярвярцúть, десятна, счасъ (сейчасъ), пермолоть, перломать, перковеркать, першвырнуть, персказать. § 44. Это, етотъ, евто, етакой, еко; ево п яво. § 45. Нѣбо, хрѣсть, хрѣстикъ. § 48. Отгэль, отгэда, отцэль, отцэда, съ тэю, отъ тэй, однэю. § 50. Съ имъ, съ ей. § 51. Коврѣга, смерно, смерный; бáрянъ, выняль, отвѣтяль, прославяль; пѣтутя; онъ ходя, онъ пиша, моча, читая, рисуя, ругая, пляша, онъ нося, прося. § 52. Грыбы, скрыпка, рыга, стрычь, вышня, вышанья. § 55. Ушоль ба, убѣгъ ба; чорнап, милап, добрап, сѣрап, умнап, глупап, деревянап, желѣзнап, чернобровап, бѣлолицап, бѣлап; умуваться, буваеть, убуваеть. § 56. Кукуя (какую?), маладуя, добруя, хорошуя, сѣруя, кривуя, упрямуя. § 57. Забылася, уморилася, закатилася, убилася, утопилася, ушиблася, забалавалася, закрылася, замазалася, наѣлася, нагулялася, находилася, накаталася, убралася, нарядилася, умаялася, укрылася; нарядился, молится, убрался, уморился, упілся, ушибся, забрался, зашы-

халси, а также и: молютца, говоритца, пишатца. § 58. Побѣ-
дамши, забидѣли, зарáли, прибщать, собираются, тваво, маво,
твамѹ, мамѹ, узохался (вм. заохалъ). § 60. Идѣ (гдѣ), Амченсѣъ
(Мценскѣъ); пышано, пышанияца, тыварогъ, гырѣчиха, кырапыва,
кряпыва, грѣчиха, кыравать. § 61. Уся, устаеть, удава, уска-
кываетъ, успорхнулъ. узнесъ, усѣ, усѣ, узлетѣлъ; годофъ, дво-
рофъ, полофъ, кровъ (вм. кровь), домофъ, дерѣфъ, дубофъ;
славца, Мпхаловна, Николавна. § 63. Въ каво, вдалыхъ, вда-
рилъ, павучить, вушибъ, вубилъ, вкралъ, вволокъ (вм. уволокъ),
вупрыталъ, вукрасилъ, вубралъ, вукаратилъ; увашель, увадномъ,
увастроги, увавсѣхъ, увайди, уваспой (?), увабѣгъ, увывзбѣ, ува-
городп (вм. въ огородѣ); баушка и дѣушка. § 64. Вокорокъ,
восень, вочень, вутка, Вольга, вулица, вуши, вучить, вохаетъ,
вухá. § 66. Дварофъ, дрофъ, гатофъ, карофъ, вазофъ, нофъ,
палофъ; гропъ, лопъ, струпъ, дупъ; у церкви, у домѹ, у полѣ,
у хатѣ, у избѣ, у водѣ, у вагородѣ, (вм. огородѣ). § 67. Семъ,
голубъ, кровъ, любовь, оставъ, набавъ, приготова, прибавъ,
убавъ, край, любой. § 68. Землю, дешевъле, деревъня,
крѣпъче, шепъки. § 69. Митроханъ, сараханъ, Ахвасасій,
цяхвыра, Хвекла, Хведоръ, Хвиллпъ, Хвома, Хведосій, Хвенька;
хунтъ, хватера, куфия. § 71. Добраво, таво, спльнава, глупава,
умнава, маяво, нашава, сявѣдня, сляпова, кучерявава; карагодъ.
§ 72. Друхъ, сапохъ, долхъ, ночлехъ, четверхъ, рохъ, захохъ,
мохъ; и произносятся близко къ х. § 73. Мелкай, крѣпкай, хруп-
кай, русскай, долгай, длиннай. § 74. Чапкю, хозяйка, толька,
чайкѣмъ, валькѣмъ, пенъка, капейкю, пастройка, глянька, бочка,
палочкю, дочкю, бачка, пянъкѣю, барынька, млочка, голубеночка,
прачка, качка (вм. тачка). § 76. Лѣхъкѣ, лехъче. § 77. Дъверп,
дъвшнуть, атьвѣдаты; дражнить; письмо, вазъму; садилси, судилси
сушилси, глумилси, дралси; рѣдко говорятъ баюсъ, нахожусъ,
остерегусъ, балюсъ. § 80. Пѣсенъка, Оленька, башенька, ма-
менька, душенька, Васянька, Пашпнька, рѣченька, пáинъка,
сонце. § 81. Первъый, верхъ, сверьху, перъковъ, зѣрькля, дворъ-
никъ, горьница, порьча, карьмить, карьзина. § 83. Говорять: чер-

ковъ, чарь, чапочка, чапля, чарица, чель. Канешна, привышна, палномошнай, тошна, што, пшапишнай, дурашливай, драшливий, пошта, поштениай, малошнай, пешная дверка, поштовая сумка. § 85. Дяржи, сияшплъ, гряшплъ. (съ и!) § 87. Здѣшнѣй, почлежъ никъ, грѣшнѣникъ, дружъя, ружѣ. § 88. Шшука, шшотка, помѣшшникъ, лошшына, шшы, вешшы, пшшо, пишшать, смушшать, шшепка, шшель, шшѣвяль, шшытѣть; дажжа, выѣжжать, вижжать; дожъ; ждѣтъ, што; млатшнѣй, ушедши. § 90. Паркѣ (порткѣ); аттудова, аттѣдова, аттѣль, аткель, атцѣль, отцѣлева.

Удареніе. § 91. Гару́, галаву́, ваду́, цану́, слабоду́, старану́, свавраду́, руку́, землю́, сахару́, борону́, душу́, зиму́, даску́, серяду́, нагу́, полу́; серебро, серебромъ; по слухамъ, молотѣмъ, долотѣмъ; съ деньгами, дѣтѣмъ, въ рошѣхъ, въ сѣнѣхъ; колѣса, болѣта, мѣста, ворѣта; рѣбыѣй, прѣмыѣй, сямѣй, ѣныѣй; тѣлстѣй, жѣлтай, тѣмнай, гѣлай, дѣкѣй; ширѣка, слѣпѣа, живѣа, млѣда, стѣра, велѣка, дѣрога, дѣшева, дѣшѣва, млѣва; малѣнякъ, плѣхенякъ, корѣтокъ и кѣротокъ; глѣпенякъ; ширѣко, высѣко, далѣко, глѣбѣко; брѣла, пѣмерла, ѣмерла, прорѣвала, пробѣла, гнѣла, родилѣа, былѣо, слѣчплѣсъ, радѣа; побѣгла, передѣли, умѣръ, принѣлъ, помѣрло, запѣръ, осталѣсь, запѣрлѣсь, носѣли, забралѣсь; принѣсѣнъ; запѣртай, распѣртай; заботѣшья; нѣйдемъ, прѣдѣшь, повѣриѣшь; никѣво, никѣму́, у табѣ; тѣча, пашнѣа, сѣда, подѣ бакѣмъ, подѣ полѣмъ, подѣ мостѣмъ, подѣ носѣмъ, кѣломъ и колѣмъ. отъ рѣду; пѣминки, зарѣботки; прѣговѣры; послѣа, опѣслѣа, издалѣа; трѣднѣ, двѣднѣ, трѣтъявѣднѣ и трѣтѣводнѣ, до Петровѣднѣа.

Склоненіе. § 92. Млѣкѣтъ, Пѣтъ, Пятрухъ, Васюхъ, Варюхъ, Матрѣхъ, Васъ, Ванъ, Катъ, Дунь, Машъ, Мѣтъ, Терехъ. § 94. У батюшкѣ, кѣ мальчишкѣ, кѣ дочкѣ; на конѣцѣ, на костылѣ. на конѣцѣ, на костылю́, на коню, на дѣячкѣ, на бѣтѣюшкѣ, на большѣакѣ, при отцѣ, при вечерѣ, въ вѣчерю, на дѣвѣишнѣкѣ, на заѣтылѣкѣ, на стѣликѣ, на рагѣ, въ бѣкѣ, на мохѣ; домѣа, лугѣа, вѣлѣсы, пѣясы; сѣсѣднѣ, зѣтѣа; аршнѣновъ, солдѣатовъ, днѣвъ, рѣблѣвъ, гѣстѣвъ, зубѣвъ. § 95. Изъ служѣбѣ, съ работѣ, съ той сторѣнѣ, у

вдовѣ, съ молотьбѣ, съ косьбѣ, пзъ водѣ, съ крышѣ; цѣрква, свякрѣ; мѣтерь, дѣчерь, вин. п.: мѣтерю, дѣчерю; комнатавъ, пѣсявъ. § 96. Дитѣ, дитю, дитею; у полю, у вакну, у варѣшанью, у вишанью, у морю; дрова, окны, бревны, сѣлы, сѣдлы, полотны, гумпы, кольцы, болоты, яйцы, ведры; дяловъ, гнездовъ, сяловъ, вясловъ, вядровъ, ѳкновъ, кѳльцовъ, яйцовъ. § 98. Вин. ед.: добраю, спльпаю, худюю, умнаю, маладою, широкоаю, хорошаю, нестраю; на худымъ концѣ, на дурнымъ покосѣ, въ такимъ случаѣ, на жалтымъ пяску, на правпльнымъ пути, въ хорошимъ мѣстѣ. § 99. Длѣнше, богѣтѣй, дешѣвле, тяжѣльше, прѳщше, тѳнше, скорѣй, хитрѣй, дѳбрай, веселѣй, хужа, жарьче, жарьчѣй, лушша (лучше), должѣй, шпичѣй, пригожѣй, дешѣвше, толше, поскорѣйча, скорѣйча, поближа. § 100. Тотъ, тыво, тыму, тѣмъ, въ томъ; та, тыѣ, тыю, тѣй, съ тѣю, отъ тѣй, на тѣй; тыц, тыяхъ, тыммъ, тѣмя; ѳнъ (онъ), яво, яму, о ѳмъ; яна и она, яѣ, ей, ѳю, о ей, съ ею; съ кѳпхъ поръ, съ кѳйхъ поръ; обѣи понѣвы въ шшалахъ; усѣѣ, адныѣ, самыѣ, усю, усѣй душой; у мене, у тебе, у табе, у таѣ есть табакъ? сабѣ, табѣ; маво, тваво, маму, твамү, сваво, свамү. § 101. Двүми, тремі, четыремі, по пяти копеекъ; двадцать десять, тридцать десять, шестьдесятъ десять считаютъ только нѣкоторые; семъ, сямыхъ, сямымъ.

Глаголь. § 102. Ня можимъ знать. § 103. Хотѣшь (хочешь). § 104. Нясутъ, вязутъ, плятутъ, любятъ, хочутъ, водютъ, плютъ; въ 3 л. ед.: ходя,нося, прося, возя, плача, махая, ругая, рубя, молотя, кося, работаю; берѣтъ, нясѣтъ, убѣѣтъ, пропадѣтъ и пропала — пропанетъ; хатѣтца, хѳтца. § 106. Берѣтя, закладѣтя, связѣтя, идѣтя, вазьмѣтя, снясѣтя, смажитя, сваритя; васпойтя, пойтя, пейтя, крпчитя. § 107. Ходютъ, носятъ, просятъ, любятъ, варютъ, готовятъ, ѣздютъ, косятъ, полютъ, порютъ, а также и ходя, суша, прыгая, ѣздя, готовя, кося, поря; можутъ, стрижутъ, поляжутъ. § 108. Выложъ, глянъ, глянкя, глядъ, сгѳнѣкя, ударькя, подъ суды, не роптай, перяломай, купляй. § 109. Бросяль, ѣздяль, построляль, споряль; приѳгъ и приѳгъ.

§ 111. Мблоная, дадено, убратá, околѣтый; спросёмши, помолемши, убрамши, схоронемши, поработамши, подумамши; уѣхавъ, зайдя, нося; пѣстоющій, зрящій, пѣгодящій, каляпщій (каляный: твердый), завалящій. § 112. Боюся, ложуся, крадуся, ругаюся, молюся, кажуся, божуся, моюся; боншься, ошпбесен, свалишься, скатишься, сламашься. § 113. Давашь (даёшь), продавають, куплять, купляютъ, не давагъ; ѣздю, ѣздпшь, ѣздютъ. § 116. Длн яво (вм. для его).

Синтактичeskія особенности. § 117. Лошадье, дубье, деревье, ведмедье. § 118. Мышь, мышá, мыщú, мышómъ, мышѣ; «лежитъ въ корѣ»; облакъ(?), яблókъ. § 119. Красная платья, хорошая ведро, разбитая окно, грязная стекло; отъ красной платьи, отъ мочёной яблока, изъ худой ведра, изъ гнилой бревна (так!); скверная вино, парная молоко; она (окно) отворена, стекло разбита, ведро выставлена, бревно положена. § 120. На тройкѣ лошадахъ, на парѣ волахъ. § 122. На Пятровы день, на Покрова, около Миколѣ зимней и лѣтней, на Иванѣ Постныва, на Ильина день. § 123. Играть у скрипку и у гармонию; я пойду до яво (вм. къ нему); ёнъ поѣхалъ до города. § 124. При людей, при господь, при лошадей, при избы, при деревовъ; по одномъ, по всёмъ, по томъ, по другомъ, по сядомъ дѣду, по кривомъ глазу, по худомъ вядру. § 126. Пришло двое мужиковъ, пашутъ трой рабочихъ, косятъ десятеро человекъ; запрягли двѣ лошади; зарѣзали три курпцы; два дубленыхъ тулупа, два хорошихъ мальчика, двое хорошихъ мужуковъ, три умныхъ ученика, двѣ рѣзвыхъ лошади. § 127. Обои не работпкп. § 128. Слово «малый» обозначаетъ и мальчика и взрослого мужчину, говорятъ: у меня есть два малова (т. е. мальчикя); и «ты малый ня спи» (взрослый). § 129. Чаво дѣлаишь, чаво подѣлаишь. § 130. Помѣшамши, вѣспросямши, раздѣмши, спасёмши, одѣмши, поѣмши, попьмши, похоронимши, помымши, поругамши. § 131. Ужо-тка, пú-тка-ся, поди-ка, ступай-ка, говорп-ка, дѣлай-ка.

(Сообщеніе В. А. Сучкова).

78. Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, село Васильково.

Авторъ наблюденія—учитель земскаго Васильковскаго училища, уроженецъ г. Мышкина.

Село Васильково Ярославской губ., Мышкинскаго уѣзда, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Корожишны 1). Оно дѣлится на два общества Кисловское и Сысоевское съ отдѣльными для каждаго общества старостами. Распаденіе одного села на два общества произошло вслѣдствіе того, что въ господское (до 1861 г.) время предкамъ этихъ крестьянъ владѣли двое господъ—Кисловской и Сысоевъ.

Село Васильково Васильковской же волости, которая дѣлится на 4 самостоятельныхъ прихода съ селами Васильково, Жданово, Зеленцово и Введенское на Ляму.

С. Васильково важно въ историческомъ отношеніи. Церковь этого села, какъ значится по церковнымъ документамъ, построена въ 1781 году и стоитъ на самомъ почти обрывѣ лѣваго берега, а на разстояніи полуверсты, почти напротивъ, на правомъ берегу, тоже крутомъ, находится небольшая поляна съ поросшимъ хвойнымъ лѣсомъ. Это мѣсто носитъ названіе «Иваны--Великіе».

По отзывамъ нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, можно смѣло утверждать, что с. Васильково и Иваны Великіе были древне великокняжескими помѣстьями, владѣльцы коихъ были князья Василько и Иванъ III или IV Грозный. Переходя затѣмъ къ позднѣйшему времени и основываясь на преданіи, можно смѣло

1) Правильное названіе—Корѣжишна, но не Корежична, какъ повсемѣстно ее называютъ. Начало ея въ Тверской губ.—устье въ Ярославской Въ былыя времена въ этой рѣкѣ былъ найденъ громадный олений рогъ, что доказываетъ, что въ прежнее время тутъ водились олени, а по финскимъ нарѣчіямъ корожъ означ. олень,—ишна—рѣка. Стало быть правильное названіе Корожишна, что значитъ оленья рѣка.

предполагать, что на «Иванахъ» существовала церковь въ честь Іоанна Крестителя, что доказываетъ и самое его названіе «Великіе». И дѣйствительно, всякій пришедшій и взглянувшій на крутой Ивановскій берегъ можетъ сразу замѣтить массу человѣческихъ костей и сохранившихся череповъ, каждагодно обсыпающихся вмѣстѣ съ землею, что и доказываетъ, что тутъ нѣкогда существовало кладбище.

Въ рѣкѣ и въ самой горѣ находили въ недавнее время серебряныя продолговатой формы монеты немного болѣе гривенника, несомнѣнно время Іоанна III или IV; изъ такихъ монетъ сохранилось и до сихъ поръ нѣсколько штукъ у мѣстнаго священника о. Сергія Исполатова.

Въ настоящее время крестьяне с. Василькова исключительно хлѣбопашцы, есть лишь нѣкоторые плотники, столяры, всѣ они постоянно живутъ дома и въ отхожіе промыслы уходятъ рѣдко.

Въ селѣ существуетъ, основанное въ 1877 г. земское училище учащихъ бываетъ среднимъ числомъ каждагодно 80—85 чел. (существуютъ еще школы въ дер. Данильцевѣ Ждановскаго прихода и въ селѣ Зеленцовѣ).

Мѣстное населеніе тянетъ въ столицу, въ особенности это замѣтно въ подросткахъ, какъ скоро они окончатъ курсъ мѣстной школы. Уѣздный городъ (мѣсто моей родины)—Мышкинъ, на р. Волгѣ. Этотъ городъ удаленъ отъ насъ на 50 верстъ, желѣзная же дорога идетъ въ 24 верстахъ.

Гласныя. § 2. Удвѣивать, унавѣживать, устрѣивать, заморѣживать; потясывать, передѣргивать, завѣртывать. § 11. Въ словахъ борода, голова и т. д. слышится *о*. § 13. Въ словахъ этому, Оѣдору и т. д. *вм. о* слышится *ы*. § 16. Въ конечномъ неудар. слогѣ слышится болѣе всего звукъ *а*: дѣброва, слѣпѣва, батюшка и т. п. § 17. Шылавлівъ и шелавлівъ; вышолъ, замужомъ. § 20. Произношеніе: берѣзынька, голѣвынька и пр. часто замѣчается въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ. § 25. *Вм. да—ды*

говорятъ, но очень рѣдко; «збѣичить» — употребляется чаще, напр., «онъ, збѣичить, и говорить»; вм. «хоть» всегда говорятъ «хошь», напр. «хошь ѣшь, а не хошь, какъ хошь». § 28. «Какъ хотитѣ», куда идѣтѣ?.. и пр.; иногда при этомъ удареніе ставятъ на концѣ. § 30. Запрѣгъ. § 31. Вмѣсто святой, глядѣтъ употребляютъ иногда — светой, глядѣтъ. § 36. Женѣлся, оцѣнилъ, церковный (и иногда — церкѣвный); женихъ, шестярѣмъ. § 37. Прежнему, чѣтвиру; ѳспнью, помѣрли, тысяча. § 38. Вѣтляръ, вѣдляръ. § 39. Бѣдять, хѣчить, хѣчуть. § 40. Нѣвче, тѣперь (такъ!) и иногда типѣрь; вмѣсти; молодѣи, такѣи; «я пойду въ полѣ» (т. е. непрѣмно ѳ), я былъ въ поле. § 41. Мамѣнка, папѣнка, дѣдѣнка, иногда, впрочемъ, конечное *a* замѣняется звукомъ *я*, напр. дѣдѣнка; пѣтѣхъ. § 44. Нѣкоторые вм. этотъ, это и пр. говорятъ етотъ, ето. § 48. «Ты поди оттѣль, а я отсѣль»; откѣдова ты, братъ идешь? § 49. Употребляютъ вм. ѣсть — исть, пли ись, напр. «мама, дай мнѣ ись», или «что-то поить (поисъ) охота». § 52. Крыкъ, грибы. § 57. *Ся* вм. *съ* замѣчается довольно часто: я боюся; лошадь купалася. Сохраненіе *o* и *e* въ срединѣ словъ: «поди, принеси съ потолоку»; «надо съѣздить за мохомъ». § 58. Стяженія: знашь, бѣгать, онъ побывать, употребляютъ очень часто. § 63. Часто слышится: баушка, дѣушка, голоушка. § 65. Слово мнукъ общеупотребительно. § 66. Гропъ, дупъ, лопъ; трафка, ф поле, ф церковѣ. § 68. Зем(ъ)лл, дерев(ъ)ня, дѣф(ъ)ка. § 69. Охремъ вм. Офремъ, или Ефремъ; фатера (и квартѣра), куфня. § 71. Севѣни, дѣброва; тово, моево, своево; каравѣдъ. § 72. Зв. *г* въ концѣ слышится скорѣе какъ *к*, чѣмъ *х*; сл. *друга* скажутъ скорѣе съ *г* близкимъ къ *к*. § 73. Мелкой, крѣпкой, русской. § 74. Выговоръ: чайкѣю, тѣлькѣ, глѣнкѣ, скѣлькѣ, цѣркѣвъ, Ольга и пр. повсюду распространенъ въ нашей мѣстности. § 75. Довольно часто говорятъ даже взрослые: «Мы ловили на рѣгѣ рыбу». § 76. Полех(ъ)чѣло. § 77. под(ъ)метки, смѣр(ъ)но: вм. с(ъ)нѣму произносятся болѣе — сѣму; вм. *для* употребляется иногда глѣ; вм. сейчасъ — чѣчасъ; письмо, возьму; иногда вм. садѣлся — сѣдѣлся, сайлся, сайлся, равно какъ — боюся, боюси. § 79. *Ц* вм. *ч*

слышится у всѣхъ почти крестьянъ Твер. г. Кашин. у. Васьянскаго прихода, напр. «цovo ты байшь»? «налей ко, родимой, цайку»; цугунка. § 80. Лоханька(я), маминька(я), тятинька(я). § 81. Первый, верхъ, дворникъ и т. д., т. е. твердо. § 82. Мельче, дольше; толькѣ, сто́лькѣ, ско́лькѣ. § 83. Буква *ч* произносится мягко; *и* вм. *ч* въ конешно, нарошно, наволошно. § 84. Твѣтъ, твѣтокъ. § 85. Вм. пошоль иногда — пшоль, пожалуста, иногда — пожалста. § 88. Щти, или иногда — щы; вообще послѣ *и* — *и*: помѣщыкъ, ямщыкъ, ящыкъ; вижжаты, выѣжжаты; доштъ (дождь); вм. что—што (рѣдко—чиво?); млѣтшый (младшій), ушбччи (ушедши). § 90. Шешнацѣть или шешнацѣть употребляется довольно часто; лѣнно, ошѣако, вѣнно, ошѣа, бѣморокъ, бѣянный, сѣнно—очень часто употребляются. Слово Анна недавно стали говорить—Адна; баушка, дѣушка, глян, пои (поди); ндравъ, пондравилось.

Удареніе. § 91. Злѣто, сѣребро, сѣребромъ, но чаще се-ребрѣ, съ деньгами; семѣи и сѣмѣи; родилѣ, померлѣ; побѣгла, умѣръ и померъ, запѣрго; дѣбла (но лишь въ пѣсняхъ), сѣмнадцѣтый; приговоры; послѣ и опослѣ, говорятъ — двѣ ши (дни), третѣвоши; домъ, множ. ч. им. домѣ, родит. дѣмовъ, дат. домамъ, твор. дѣмами, предл. въ дѣмахъ; лошадѣ, родит. п. лошади, дат. п. лошадѣ, родит. множ. ч. лошадей, дат. лошадымъ, предл. о лошадыхъ и пр.

Склоненіе. § 94. У батюшка. Лѣни, сусѣди, зятѣвѣи; днѣвъ и дѣнъ, рублѣвъ. § 95. «Подѣ (пои—иногда), даѣ лошадѣ корму»; «я была въ церковѣи». § 96. Дитѣ и дѣтя, родит. дѣтѣи, дат. дѣтѣ, вин. дѣтѣю, твор. дѣтѣи—дѣтѣмъ, предл. о дѣтѣ; но вм. дѣтя—чаще: ребенокъ или робенокъ; полѣтны. § 97. «Мы пойдемъ за гри(ы)бамъ, за ягодамъ», наоборотъ: «Приходите къ нами въ гости». § 98. Вм. пѣяные—пѣяни, а также—мы сыти, мы богати, они голѣнни (голодные); вм. желѣзнымъ — желѣзнымемъ, тѣплымемъ; на дуриымъ мѣстѣ, въ свѣтлымъ мѣстѣ, въ тѣмнымъ (но не тѣмнымъ) мѣстѣ. § 99. Тяжелыше (иногда ти-

жельше), жарчѣе, богатѣе. § 100. «Загони тое (но не тоё) корову» или—«принеси тое коромысло»; «спроси её, — гдѣ у ей тѣлка-то»; «ёнъ говоритъ: сичасъ приду»; формы: всеё, одноё и т. д. встрѣчаются, по весьма рѣдко; часто: у сея, у тея, те и тее (вм. тебѣ). § 101. Трюхъ — трюмъ, четырюхъ — четырюмъ иногда употребляютъ; числит. пять, полтора, полтораستا—почти вовсе не измѣняются, напр., «я мѣрюю по полтора ведра», или—«размѣнай-ка четвертакъ по пять коп.».

Глаголь. § 102. Иногда—могимъ вм. можемъ, бѣесся, хошь. § 104. Вм. ётся выгов. ецца; вм. есть—еся; хоща, напр. «хоща поись» (т. е. поѣсть). § 108. Выложъ (вм. выложи), увидь, глянь, подь-ка, да-косъ и дай-ка. § 109. Прибѣгъ, убѣгъ. § 111. Вм. даны—дѣдены, вм. убрана—убрата; вм.—ивши, ившисъ—имши, имшисъ; напр., «онъ ушѣлъ не спросимши»; уѣхамши—уѣхаччи, ушоччи; «онъ недавно ушоччи», «онъ уѣхамши». § 112. «Ты думаешь, я те (тебя) боюса»? Или—«а вотъ ты меня боисся»; притгитъ (вм. придти). § 114. Знашь (ь), играть.

Синтаксическія особенности. § 118. Яблокъ (вм. яблоко), «этотъ — мой яблокъ». § 121. «Я все маюсь глазамъ». § 123. «Я до нихъ не касался»; «мы по вамъ (и по васъ) соскучились»; «я закурилъ въ трубку»; «онъ стрѣлялъ въ ружья»; «я пойду по воду»; «ты по што пришолъ»? § 124. Предлогъ при управляетъ дат. п., а предл. по предлож. пад. напр., «наше останется при намъ, а ваше — при вамъ»; «скотина гуляетъ по всёмъ лѣсу». § 126. «Сюда пришло», «къ намъ въ деревню пріѣхало пять сватовъ»; «мы нынче сшили два дубленыхъ тулупа, скатали по пять паръ валенокъ»; «двое мужиковъ поѣхали въ лѣсъ». § 127. Двой ворота, трое дверей. § 128. Слово «малый» означаетъ мальчика, но иногда и взрослого. § 130. Дѣсприч. окапч. на ѣмши, напр., «ты подь (поди) гулять одѣмши», и иногда—ямши, напр., «ужо, погулявши, я прочту эту книжку»; различіи между:

«онъ севодни уѣхалъ» или — «онъ севодни уѣхалчи» — почти нѣтъ никакой. § 131. Поди-тка, принеся-ка, я-то, на-тко; я-де приду опослѣ; «ты-моль скажи ему»; «али ты-де-ста богатъ, такъ и бахвалился».

Образцы народной рѣчи.

По улицѣ мостовой
 Шла дѣвица за водой,
 Шла дѣвица—красавица
 Очень умная собой (?)
 Очень умна, благородна,
 Ниско кланилася,
 Ниско кланилася, веѣмъ поправилася
 Чижыкъ—чижыкъ—чижычѣкъ,
 Машенькой воробушокъ,
 А дѣвицы мани насъ,
 Мы за умъ возмѣся
 И на улицѣ своей
 Празничка дожжѣмся
 Стой, дѣвица, потъ сюда,
 Милая пожалуйте,
 Я васъ очень люблю
 Васъ за ручку веду.

Слатка яготко—землянка
 Потъ закрытію росла,
 Молодая-та княѣна
 Съ княземъ фѣ терѣмѣ жыла.
 Какъ у князя былъ Ваюшка,
 Ванька клюшникъ молодой,
 Ванька-клюшникъ—злой разлущникъ,
 Розлучилъ князя съ женой.

Княсь дозналса, догадалса,
Посайлъ жону потъ ключъ.
«Ужъ вы слуги, мое слуги
Слуги вѣрные мое» и т. д.

(Сообщеніе А. І. Черемхина).

СПИСОКЪ ИЗДАНИЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(вышедшихъ до 1 февраля 1903 года).

- I. **Извѣстія** по Отд. рус. яз. и словесности (*перваго ряда*, въ 4 д. л. 1854—1861 г.). Томы 3—10, по 3 р. за томъ.
- II. **Извѣстія** Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (*второго ряда*, въ 8 д. л.): тома I-го, изд. 1896 г.: книжки: 1-ая (стр. II+234), кн. 3-ья (стр. 439—646) — *по одному рублю*; кн. 4-ая — (стр. 647—1008, загл. листъ къ I тому и общее оглавленіе) цѣна 1 руб. 50 коп., [кн. *2-ой *нѣтъ въ продажѣ*]; — **тоже** тома II-го, изд. 1897 г.: книжекъ 1-ой (стр. 1—279) цѣна *одинъ рубль*, кн. 2-ой (стр. 281—575) — цѣна 1 руб. 50 коп., кн. 3-ей (стр. 577—844) цѣна *одинъ рубль*, кн. 4-ой (стр. 845—1164, загл. листъ ко II т. и общее оглавленіе) цѣна 1 руб. 50 коп.; — **тоже** тома III-го, изд. 1898 г. книжки: 1-ая — (стр. 1—314 и прилож. 1—48), кн. 2-я (стр. 315—632 и прилож. с. 49—129), кн. 3-я (стр. 633—969 и прилож. стр. 1—67 и 1—42) и кн. 4-я (стр. 969—1396) — *по 1 руб. 50 коп.*; — **тоже** тома IV-го, изд. 1899 г. книжекъ 1-й и 4-й, а также 2-ой и 3-ей тома V-го, изд. 1900 г. и всѣхъ книжекъ томовъ VI (1901) и VII (1902) — цѣна *по 1 руб. 50 коп.* каждой. [*1 кн. V т. *распродана*].
- III. **Ученыя Записки** II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (1856—1863 г.), кн. 2, 5, 6 и 7 — по 2 р. за книгу.
- IV. **Сборникъ** Отдѣленія русскаго языка и словесности (съ 1867 г.). 80*).
- Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Томъ I (I—XL и 3 указателя) И. И. Срезневскаго. — Характеристика Державина какъ поэта, Я. К. Грота. — Сношенія П. Н. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи П. П. Пекарскаго. — Мифы о Словарѣ славянскихъ нарѣчій, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. К. Грота. — О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, его же — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ II. Жизнь и литературная переника П. Н. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — Литовскія народныя пѣсни, И. Юшкевича. — Коренное значеніе родства у Славянъ, П. А. Лавровскаго. — Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. П. Пекарскаго. — Труды югославянской академіи наукъ и художествъ, И. И. Срезневскаго. — Литературныя труды П. Н. Кеннена, А. А. Куника. — Къ тому

*) Томовъ IV, V вып. 1, VI, IX, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LV, LIX—*нѣтъ болѣе въ продажѣ*.

- этому приложены портреты: моск. митроп. Филарета и П. И. Рычкова. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ V, вып. I*. Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія, И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Саввантѣова, съ письмами къ Городчанянову и Анастасевичу. — Черениска Евгенія съ Державинымъ, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — О словаряхъ Евгенія, А. О. Бычкова, съ перепискою между Преосв. и Ермолаевымъ и съ друг. приложевіями. — *Нѣтъ въ продажѣ.*
- То же, вып. II. Черениска А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описание славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки», записка И. И. Срезневскаго. — Записка о той же, А. О. Бычкова. — Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, П. П. Пекарскаго. — Толковый словарь В. П. Даля, записка Я. К. Грота. — О зоологическихъ названіяхъ въ словарь Даля, записка Л. И. Шренка. — О ботаническихъ названіяхъ въ словарь Даля, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — Дополненія и замѣтки къ словарю Даля, Я. К. Грота. — Дополненіе къ областному словарю, П. Я. Данилевскаго. — Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской дѣлщины, Я. К. Эрбена. — Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки», статья К. П. Невоструева. — О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в., архим. Амфилохія. — Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи В. Макушева. — Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Порова, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ, С. И. Пономарева. — Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. — Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — П. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- *Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и издавы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — *(Не имется).*
- Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота. — Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго. — Когда основаны Уфа и Самара, П. П. Пекарскаго. — Новѣсть о судѣ Шемяки, М. И. Сухомлинова. — Библиографическія находки во Львовѣ, Я. О. Головацкаго. — Дополненія къ словарю Даля, П. В. Шейна. — Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. К. Грота. — Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774), М. И. Лонгинова. — Дополненіе къ очерку славяно-русской бібліографіи В. М. Удольскаго, сост. Я. Ф. Головацкимъ. — Дополненія и замѣтки Г. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля. Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.
- Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малонзвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ ХVI—ХV. И. И. Срезневскаго. — Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ, П. И. Посовича. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвигъ Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Перев. съ нѣм. съ примѣч. и прилож. В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 50 к.

- Томъ XV.** Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXVI—LXXX и Указатели ко II т. II. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, II. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XVI.** Исторія Россійской Академіи. Вып. III. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVII.** Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, И. Я. Порфирьева. — Иерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукъ, живописи и переводахъ (Матеріалы для бібліографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народномъ поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова. — Ц. 2 р.
- Томъ XVIII.** Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилейѣ Упсальскаго университета, Я. К. Грота. — Подлинники писемъ Роголя къ Макинвичу и напечатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библиографическія и историческія замѣтки. Орбхоевскій договоръ. Пронхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова. — На память о Бодяскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, II. И. Срезневскаго. — Отчетъ комисіи о присужденіи премии графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности иботорыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды пресвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 2 р.
- Томъ XIX.** Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова. — Чешскія Глоссы въ Mater verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительные замѣчанія II. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 р.
- Томъ XX.** Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шахавши, по рукописямъ XV вѣка, академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного анолога Варлаама и Іоасафа, А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXI—XC, II. И. Срезневскаго. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій, М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго, С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха; I, академикъ А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Шкитенка. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXI.** Записки объ ученыхъ трудахъ II. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго составленные ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-нищенскій словарь Минской губернии мѣстечка Сежевова. — Старобрядческій синодикъ, А. П. Пыпина. — Разысканія въ области русск. духовнаго стиха; II, акад. А. П. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ, И. А. Чистовича. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Ст. П., Я. К. Грота. — Фриульскіе Славяне, II. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Блорусскому словарю, II. И. Пособича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г., составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Пѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова, II. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXII.** Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова. Выпускъ V. — Южно-русскія былинныя: I—II, ак. А. Н. Веселовскаго. — Croissans-eresens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, ак. А. Н. Веселовскаго. — О Ксанфилѣ, греческая Трапезунтская былина Византийской эпохи, Г. С. Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XCI, II. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ II. И. Срез-

невскаго, составленный А. О. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

- Томы XXXIII — XXVII.** Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. Сказки и забавныя листы. — Кн. II. Листы историческіе, календари и буквари. — Кн. III. Притчи и листы духовныя. — Кн. IV. Примѣчанія и дополненія. — Кн. V. Заключение и алфавитный указатель именъ и предметовъ. — Цѣна за все 5 томовъ вмѣстѣ 10 руб., порознь эти тома не продаются.
- Томъ XXVIII.** Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана, Сочиненіе Клавио. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленнымъ подъ редакцію И. И. Срезневскаго. — Разысканія въ области р. духовнаго стиха. III—V. А. Н. Веселовскаго. — Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.
- Томъ XXIX.** Эрнкъ Лакеманъ. Я. К. Грота. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ. А. Н. Веселовскаго. — Новыя свѣдѣнія о Котошинѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота. — Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Изданъ подъ редакцію А. О. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.
- Томъ XXX.** Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й. Собралъ Владимиръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ XXXI.** Славянскія рукописи въ заграничныхъ бібліотекахъ. Г. Воскресенскаго. — Письма Погодина къ Максимовичу. С. И. Пономарева. — Исторія Россійской Академіи. Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина, составленн. Я. К. Гротомъ. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ, составленный А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXII.** Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ. — Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковскаго. — Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота. Составленъ С. И. Пономаревымъ. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI. А. Н. Веселовскаго. — Письма В. С. Соניкова къ К. О. Калайдовичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. — А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», I—VIII. М. И. Сухомлинова. — Забѣтки по литературѣ и народной словесности. А. Н. Веселовскаго. — Матеріалы для бібліографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столбцу его литературной дѣятельности (1783—1883). Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXIII.** Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей. И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — Николай Ивановичъ Губдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столбцу годовщины дня его рожденія (1784—1884). Сообщилъ П. Тихановъ. — Екатерина II въ перешекъ съ Гриммомъ. Статья третья. Я. К. Грота. — Лекція о русской литературѣ, читанная въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ. Цѣна 2 р. 50 к.
- Томъ XXXIV.** Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Г. Дестуниса. — Описаніе славяно-русскихъ книгъ, печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 г. — Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ XXXV.** Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.
- Томъ XXXVI.** «Русское правоисаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императ. Акад. Наукъ акад. Я. К. Гротомъ. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г. Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — Южно-русскія былинныя (III—XI). Академика А. Н. Веселовскаго. — Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г., съ приложеніемъ рецензій профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

- Томъ XXXVII.** Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.
- Томъ XXXVIII.** Вопросъ о Кириллѣ и Меодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — Страстнуююй Жидѣ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — «Книги закоуныи», содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византийскіе законы земледѣльскіе, уголовныя, брачныя и судебныя. А. Павлова. — Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. Гр. Д. А. Толстого. — Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ. Графа Д. А. Толстого. — Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ. Гр. Д. А. Толстого. — Къ изданію Илиады въ переводѣ Гиббича, С. И. Пономарева. — Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г., сост. акад. А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXIX.** Источники для исторіи славянской филологіи, томъ I: Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и 2 снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.
- Томъ XL.** Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о кн. «Русское Правописаніе». Записка Я. К. Грота. — Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія, А. П. Веселовскаго. — Древній поученія на воскресные дни Великаго поста. Е. В. Пѣтухова. — Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія. Г. А. Воскресенскаго. — Изъ ученой дѣятельности Спирид. Юрьев. Дестуинеа. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха. Г. С. Дестуинса. Цѣна 2 руб.
- Томъ XLI.** Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранныя и приведенныя въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году, составленный А. Ф. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.
- Томъ XLII.** Къ Библиографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужникаго. — Народная поэзія. Ф. И. Буслаева. — Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ. Е. Пѣтухова. — Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей Я. К. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.
- Томъ XLIII.** Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. П. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — Характеристика Батюшкова какъ поэта, рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — Исторія Россійской Академіи. Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — Указатель ко всемъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи. — Цѣна 2 руб.
- Томъ XLIV.** Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — Пушкинъ въ родной поэзіи. С. И. Пономарева. — Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ. А. Н. Веселовскаго. — Приложенія. — Симбирская мольва. А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.
- Томъ XLV.** Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I: Географія. Исторія. — Цѣна 3 руб.
- Томъ XLVI.** Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для исторіи русской литературы. Нико-

- лай Филипповичъ Павловъ (1805—1864). С. П. Пономарева. — Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. И. В. Ягича. — Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.
- *Томовъ XLVII, XLVIII, XLIX и L: — Сочиненія А. А. Котляревскаго. Томъ I. Томъ II. Томъ III. — Томъ IV: Очеркъ біографіи профессора А. А. Котляревскаго, составленный чл.-корр. И. Ак. Наукъ А. Н. Пыпинымъ (съ портретомъ А. А. Котляревскаго). «Библиологическій опытъ» и другія статьи; списокъ трудовъ А. А. К.—го. — *Не имѣется болѣе въ продажѣ.*
- Томъ LI. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1889 годъ, составленный Л. Н. Майковымъ. — Слово о пѣкомъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ Русской паломнической литературы XVII вѣка, сообщеніе Хрисанва Лопарева. — Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Северо-Западнаго края, собранные и приведенныя въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть II. — Матеріалы и изслѣдованія по старинной русскаго литературѣ. I. О святыхъ и друг. достопамятностяхъ Царграда. Л. Н. Майкова. — Цѣна 2 руб.
- Томъ LII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1890 г. — Библиографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика А. О. Бычкова 1838—1890. — Указатель къ періодическимъ изданіямъ Россійской Академіи и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. — Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. И. Я. Порфирьева. — Къ вопросу о древне-русскихъ скоророхъ. А. П. Кирпичникова. — Шестое присужденіе пушкинскихъ премій. — Наши писательницы. С. П. Пономарева. Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Л. Н. Майкова. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- Томъ LIII. Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Я. К. Грота. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 г., составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — О роднѣхъ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ. Историко-литературное изслѣдованіе арх. Леониды. — Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Матеріалы и изслѣдованія по старинной русскаго литературѣ. Л. Н. Майкова. II—III. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XV—XXIV. Акад. А. Н. Веселовскаго. Выпускъ шестой. — Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. Акад. А. Н. Веселовскаго. — Библиографическіе матеріалы для біографіи Александра Аванасьевича Потебни 1835—1891, собранъ Э. А. Вольтеръ. Цѣна 2 руб.
- Томъ LIV. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 г., составленн. акад. Л. Н. Майковымъ. — Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 г. (8-е присужденіе Пушк. прем.). — Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа, первоучителя славянъ св. Кирилла, акад. И. В. Ягича. — Древняя Русская Пчела по пергам. списку. В. Семенова. — Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, сообщена др. Ф. Вальдманомъ, приготовлена къ печати Я. Гротомъ. — Цѣна 3 р.
- *Томъ LV. Сочиненія Петра Хельчицкаго. Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончилъ по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности ордин. акад. И. В. Ягичъ — *Итъ въ продажѣ.*
- Томъ LVI. Боккаччо, его среда и сверстники. Томъ I. Акад. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 3 руб.
- Томъ LVII. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Северо-Западнаго края, собранные и приведенныя въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ II. Цѣна 3 руб.
- Томъ LVIII. Письма И. М. Карамзина къ брату его Василію Михайловичу Карамзину I—IV (1795—1796 гг.). — Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1893 г.: I. Девятое присужденіе Пушкинскихъ

- премій. П. Поминка о Г. Р. Державинѣ. Чтеніе акад. К. Н. Бестужева-Рюмина. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1893 годъ, составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — Боккаччо, его ереда и сверстники, акад. А. Н. Веселовскаго. Т. II. — Апокрифическія сказанія, акад. Н. С. Тихонравова. II. 2 р. 50 к.
- *Томъ LIX. «Онежскія былины, записанныя А. Ф. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года». Изд. 2-е. Томъ I (1894 г.): (съ портр. А. Ф. Г-га). *Нынѣ болѣе въ продажѣ.*
- Томъ LX. Онежскія былины. Томъ II (съ 2 портр.: Рябинина и Щеголенка и нотами). 1896 г. Цѣна 2 рубля.
- Томъ LXI. Онежскія былины. Томъ III. Выпускъ 1-ый. 1900 г. Цѣна 2 руб. [*Выпускъ 2-ой: Словарь и Указатели — печатается.*]
- Томъ LXII. Источники для исторіи славянскій филологіи. Томъ II. Повныя письма Добровскаго, Копитара, и другихъ южныхъ и западныхъ славистовъ (Шафарика, Ранча, Терлаича, Ганки, Кеппена и друг.). 1897. Цѣна 2 руб. 50 к.
- Томъ LXIII. Краткій отчетъ о занятіяхъ заграничній доц. И. Спб. унив. П. А. Сырку въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг. — Отчетъ о X-омъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія И. Акад. Наукъ за 1894 г. — П. А. Ровинскій: Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Томъ II, часть 1-ая: *Этнографія*. Цѣна 3 руб.
- Томъ LXIV. Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ П. А. Лаврова. — Отчетъ проф. И. П. Филевича. — Пѣсколько словъ о Нестеровѣ Житіи св. Феодосія. А. А. Шахматова. — Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены. А. Н. Веселовскаго. — Рукописные проложныя отрывки въ собраніи Шафарика. П. А. Сырку. — Сеитгорская миннецетья до-макарьевскаго состава. М. Н. Сперанскаго. — Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Кавинету. Л. П. Майкова. — Сказанія о Вавиловѣ, скинии и св. Градѣ. Пѣсколько матеріаловъ и обобщеній. А. Н. Веселовскаго. — Къ біографіи Ломоносова. М. И. Сухомлинова. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорскій Академіи Наукъ за 1895 годъ, составл. акад. А. Ф. Бычковымъ. — Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1895 году. — Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовскій премій въ 1895 г. — Разысканія въ области Гого-славянскихъ отношеній: I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ: Готы на Вислѣ. Съ двумя картами. Ф. Брауна. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- Томъ LXV. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорскій Академіи Наукъ за 1896 г., составленный акад. А. Ф. Бычковымъ. — Обзорніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги. (Съ 1 фотографическимъ снимкомъ). П. И. Срезневскаго. — Замѣтка о Сборникѣ Кирии Данилова. П. Н. Шеффера. — Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку Лѣтописи. Н. П. Некрасова. — А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья. М. П. Сухомлинова. — Замѣчанія о составѣ Толковой Псалти. I—II. В. М. Пѣстрина. — В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (Юрьевѣ). Е. В. Пѣтухова. — Западнорусскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Импер. Публичной Библиотекѣ, Ф. I. № 391. Е. Ф. Карскаго. — Замѣтки о Литовскомъ языкѣ и словарѣ. I—VIII. Ед. Антонія Барановскаго. Цѣна 3 руб.
- Томъ LXVI. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1897 г., составленн. ак. А. Ф. Бычковымъ. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовскій премій въ 1897 г. — XII-ое присужденіе премій имени А. С. Пушкина въ 1897 г. — В. А. Францевъ: А. С. Пушкинъ въ Чешской литературѣ (съ дополненіемъ). — Ф. Вержбовскій: Къ біографіи Адама Мицкевича въ 1821—1829 гг. — Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 г. — П. Симонов: Старинныя сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. I—II. — А. А. Шахматовъ: Къ вопросу о происхожденіи Хронографа. 1900. Цѣна 3 руб.
- Томъ LXVII. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. языка и слов. за 1898 г. — Записка объ ученыхъ трудахъ Ф. Ф. Фортунатова. — Записка акад. А. П. Пышина о бумагахъ, относящихся къ дѣлу о Павликовѣ

- и принадлежащих г. Тургеневу въ Парижъ. — Записка Э. А. Вольтера объ изданіи посылка Даукши. — Записка П. А. Сырку о Карансешскомъ Октохъ XIII вѣка. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1898 годъ, состав. акад. А. Ф. Бычковымъ. Некрологъ чл. кор. А. С. Павлова. Рѣчь, чит. гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ о Подонскомъ. — Плавъ новаго академическаго словаря съ точки зрѣнія иноязычнаго, Записка И. Х. Пахмана. — Пѣсколькo словъ по поводу записки И. Х. Пахмана, акад. А. А. Шахматова. — Письмо Ф. Ф. Фортунатова. О залогахъ. — П. Шмидтъ: Тройкая долгота въ латышскомъ языкѣ. — П. А. Лавровъ: Апокрифическіе тексты. — Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года), съ предисл. и примѣч. акад. Л. Н. Майкова. — И. Д. Лось: Люблинскіе отрывки. — Присужденіе Ломоносовскихъ премій въ 1899 году. Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, сост. акад. А. А. Шахматовымъ. — Приложенія: I. Рецензія чл. корр. М. С. Дринова на соч. П. А. Сырку: «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ», Тома I выпуски 1—2. Сиб. 1899—1900. II. Разборъ проф. Е. Ф. Карскаго труда Н. М. Тупикова: «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ (Рукопись)». — А. А. Шахматовъ: Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ. — Ф. Е. Коршъ: О русскомъ народномъ стихосложеніи. Выпускъ первый — Былины. — В. Н. Щепкинъ: Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, съ приложеніемъ двухъ фототипическихъ снимковъ съ рукописи 1901. — Цѣна 3 руб.
- Томъ LXVIII.** Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1899 годъ, акад. А. А. Шахматова. — Библиографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій орд. акад. Имп. Ак. Наукъ А. Ф. Бычкова (1838—1899). — В. И. Чернышевъ: Программа для собранія особенностей великорусскихъ говоровъ. — В. Ф. Соловьевъ: Особенности говора донскихъ казаковъ. — В. И. Чернышевъ: Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ пѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда. — В. Г. Богоразъ: Областныя словари Кольмскаго русскаго нарѣчья. — А. И. Сахаровъ: Языкъ крестьянъ Пальинской волости, Болховскаго уѣзда, Орловской губерніи. — В. И. Чернышевъ: Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска, 1901. — Цѣна 2 руб. 50 коп.
- Томъ LXIX.** Извлеченія изъ протоковъ Отдѣл. рус. яз. и слов. за 1899 г. Приложенія: Записка объ ученыхъ трудахъ И. П. Жданова, составл. акад. М. И. Сухомлиновымъ. — Записка акад. А. Н. Пыпина о плавлъ изданія Сочиненій Импер. Екатерины II. — Записка объ ученыхъ трудахъ В. И. Таманскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ Ф. Е. Корша, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ экстраорд. акад. А. А. Шахматова, сост. М. И. Сухомлиновымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ акад. Н. П. Кондакова, составл. акад. Л. Н. Майковымъ. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1900 годъ, составл. акад. А. Н. Пыпинымъ. — Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого въ 1900 году, чит. акад. А. Н. Веселовскимъ. — П. Ровинскій: Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. — Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. *Томъ II, Часть 2.* — Г. З. Кунцевичъ: Исторія о Казанскомъ царствѣ (ея списки). — С. М. Кульбакинъ: Отчетъ Отдѣленію рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ о занятіяхъ въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга съ 25-го сентября по 23-ье декабря 1898 г. 1901. Цѣна 2 рубля 50 коп.
- Томъ LXX.** Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія рус. яз. и слов. за 1900 г. Приложенія: Записка объ ученыхъ трудахъ орд. проф. И. Сиб. Унив. чл. корр. А. П. Соболевскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — В. М. Истринъ. Греческіе списки апокрифическаго мученія Данила и трехъ отроковъ. — И. В. Ягичъ. А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библиографическихъ и литературно-критическихъ статей. — В. А. Францевъ. Остатки языка славянъ полабскихъ, собраныя и объясненныя Ф. Л. Челаковскимъ. — К. К. Арсеньевъ. Россій-

ская Академія и Разрядъ изящной словесности. — И. Т. Смирновъ. Кашипскій словарь. — В. И. Срезневскій. Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни. (Съ двумя портретами). — В. Чернышевъ. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда; въ приложеніи: Письмо академика Ф. Е. Коршля. Объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXI. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1901 годъ, составл. акад. А. И. Соболевскимъ. — Н. В. Ястребовъ. *O původu jednoty bratrské a řádu v ní* Я. Благослава. (Введение и текстъ — съ указат.). — П. А. Сырку. Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Нового Софійскаго по единствен. рукописи XVI в. — Е. Р. Романовъ. Катрушипскій лемезень. Условный языкъ Дрибинскихъ шаповаловъ. — Н. П. Кондаковъ. М. П. Погодинъ, какъ археологъ. — В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о говорахъ Юржевскаго, Суздальскаго и Владимирскаго уѣздовъ. — А. А. Потѣхинъ. Воспоминанія о М. П. Погодинѣ. — М. А. Карауловъ. Матеріалы для этнографіи Терской области. Говоръ гребенскихъ казаковъ. 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

У. Отдѣльные изданія Отдѣленія:

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. *1-го тома: выпусковъ 1-го, 2-го и 3-го больше нѣтъ съ продолженіемъ. — II-го тома: вып. 1 (съ начала изданія 4-й) Е — Желѣзный.* 1897. Цѣна 1 рубль; — *вып. 2-ой (съ начала изданія 5-й) Желѣзный — За.* 1898 г. Цѣна 75 коп.; — *вып. 3-й (съ нач. изд. 6) За—Заграть.* 1899 г. Цѣна 60 коп.; — *вып. 4-й (съ начала изд. 7) Заграть—Закрплять.* 1900. Цѣна 75 коп.; — *вып. 5 (съ начала изданія 8) Закрплять—Заносить.* 1901. Цѣна 75 коп.; — *вып. 6 (съ начала изданія 9) Заносить—Засада.* 1902. Цѣна 75 к.

Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. *Томъ I (А—К)* 1893. Ц. 3 руб.; *Вып. 1-го отдѣльно болѣе не имѣется; Томъ I, вып. 2-й (Г — начало И.)* 1892. Ц. 1 руб. *Вып. 3-й (И—К).* Ц. 1 руб. *Т. II, в. 2 (Оба — Пак).* Ц. 1 руб. — *Т. II, вып. 3 (Пак—Правитель).* Ц. 1 руб. *Т. II, вып. 4 (пра—пач).* 1902. Цѣна 1 рубль. — [Дальнѣйшіе выпуски печатаются].

Дополненіе къ Опытъ областного великорусскаго языка. (Издано подъ редакціей ак. А. Х. Востокова.) 1858. 328 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб. **Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи.** Собралъ на мѣстѣ и составилъ Г. И. Куликовскій. 1893. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. 1870. Цѣна 3 р.

Литовскій Словарь А. Юшкевича съ толкованіемъ словъ на русск. и польскомъ языкахъ. *Вып. I. А—Dz.* 1897 г. Цѣна 2 р. 50 к. — *Вып. II печатается.*

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императ. Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. 1875. 1 руб. 50 к.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ приложеніями и приложениями. Трудъ ак. И. В. Ягича. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Памятники старославянскаго языка. *Томъ I, вып. 1-й:* С. М. Кульбакинъ: Хиландарскіе листки XI вѣка (съ 4 фототипич. снимками). 1900. Ц. 50 коп. Слѣдующіе вып. печатаются.

Памятники древнерусскаго языка. *Томъ I: Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г.* Трудъ ак. И. В. Ягича, съ 6-ю фототип. таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.

- Исслѣдованія по русскому языку. Томъ I. 1895: М. Козловскій. Исслѣдованіе о языкѣ Остромъ Ев.—А. Шахматовъ. Исслѣдов. о яз. Новгородск. грамотъ XIII—XIV в.—Ак. И. В. Ягичъ. Разсужденія южнослав. и русской старины о церковно-слав. языкѣ. (Стран. X+1070). Ц. 5 руб.
- Томъ II, *вып. 1-й*: О. Брощъ «Угрюрусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). 1900. Цѣна 75 коп.—*вып. 2-й*: Б. М. Ляпуновъ «Исслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской Лѣтописи. Вып. 1: Очеркъ изъ исторіи праціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ». 1900 г. Цѣна 1 руб. — *Слѣдующіе выпуски тома II-го печатаются.*
- Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Н. И. Срезневскаго. Второе изданіе. 1882. 2 рубля.
- Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Составлена акад. А. Х. Востоковымъ. 1863. (134 стр.). Цѣна 50 коп.
- Филологическія наблюденія А. Х. Востокова, изд. акад. Н. Срезневскимъ. 1865. Цѣна 3 руб.
- Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка (И. Давыдова), 3 изд. 1854. LXI+512 стр. Цѣна 50 коп.
- Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. 1870. Цѣна 3 р. — Т. II. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.
- Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. — Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р. — Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р. — Т. IV. (1739—41 гг.) 1887. Съ 2 портр. Ц. 3 р. — Т. V. 1889. (1742—43 гг.) съ 3 портр. Ц. 3 р. — Т. VI. 1890. (1725—43 гг.). Ц. 3 р. — Т. VII. 1895. (1744—45 гг.). Ц. 2 р. 50 к. — Т. VIII. 1895. (1746—47 гг.) Ц. 2 р. 50 к. Т. IX. 1897. (1748— (январь—май) 1749 гг. Ц. 2 руб. — Т. X. 1749 (июнь) — (декабрь) 1750 г. — 1900. Ц. 2 руб. —
- Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, исслѣдованія и перенеска. А. Лагуса (перев. Э. Паландеръ). 1890. 1 руб. 50 коп.
- Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I—II*). Вып. III. цѣна 1 р. 75 к. Вып. IV. цѣна 2 руб. Вып. V. цѣна 2 руб. Вып. VI. цѣна 1 р. 95 коп. Вып. VII. цѣна 2 р. 50 к. — Вып. VIII (съ Указат.). Цѣна 3 р. 50 к.
- Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота (I-е изданіе съ рисунками). Томы II—IX, 1865—83 гг.: [Томъ I. Спб. 1864 *нѣтъ болѣе въ продажѣ*].—Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р. — Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб. — Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб. — Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп. — Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп. — Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб. — Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 3 руб. — Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ во всему изданію. 1883: 3 руб.
- Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ: Томъ I (съ портретомъ Державина). 1868: 4 руб. — Томъ II. 1869: 4 руб. — Томъ III. 1870: 4 руб. — Томъ IV. 1874: 4 руб. — Томъ V. 1876: 4 руб. — Томъ VI. 1876: 4 руб. — Томъ VII. 1878: 4 руб.
- Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 3 руб. II тома 3 руб.
- Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Т. I. (съ портретомъ). 1891. Ц. 3 руб. 50 коп. Т. II (съ портрет.). 1893. Ц. 3 р. 50 к. Т. III. 1895. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV: филологич. сочиненія, похв. слова и рѣчи. 1898. Ц. 3 р. 50 к. Т. V. 1902. Ц. 3 р. 50 к.
- Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пылина. Томы I—IV: и VII—X: 1901 г. Цѣна I-го тома 2 руб., II-го т. 2 руб. 50 коп., III-го т.

*) Отдѣльно уже не публуются; во заключаются въ тт. XI и XIV Сборника Отдѣленія.

2 р., IV-го т. 1 руб. 50 коп., VII-го т. 2 р., VIII-го т. 2 р., IX-го т. 2 р., X-го т. 1 р. 50 к. (Т. V, VI, XI, XII и слѣд. — *печатаются*).

Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. и съ примѣчаниями акад. Л. Н. Майкова. *Томъ I:* Лирич. стихотворенія (1812—17 гг.). *Изданіе 2-е.* 1900 г. Цѣна 3 руб. [*Томъ II — печатается*].

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. 1902. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Русская историческая бібліографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. *Томъ I.* 1882. 2 р. 50 к. — *Томъ II.* 1882. 2 р. 50 к. — *Томъ III.* 1883. 2 р. 50 к. — *Томъ IV.* 1884. 2 р. 50 к. — *Т. V.* 1885. 2 р. 50 к. — *Томъ VI.* 1886. 3 р. — *Томъ VII.* 1888. 2 р. 50 к. — *Томъ VIII.* 1890. 2 р. 50 к.

Подробный словарь Русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Составилъ Д. А. Ровинскій. 1895. *Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Н. (въ одномъ только томѣ).* Съ рисунками лишь въ «Историч. обзорѣ гравированія». Ц. 4 руб.

Кондаковъ, Н. П. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ (съ 49 фототипіями и 103 рис. въ текстѣ), 1902. Цѣна 7 руб.

Рѣчь, посвященная памяти Н. В. Гоголя 21 февраля 1902 года. 1902. Цѣна 50 коп.

Перетцъ, В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. 1903. Цѣна 3 руб. 50 коп.

VI. Сверхъ того имѣется еще ограниченное количество отдѣльных оттисковъ слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

Жизнь и литературная переписка Н. П. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). 1867. Цѣна 1 руб.

Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.
Н. П. Гибдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.

Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. 1885 г. Ц. 50 коп.

Пятидесятилѣтіе Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1841—1891. Рѣчь Предѣдательствующаго въ Отдѣленіи и Вице-президента Академіи Я. К. Грота. 1891. Ц. 30 коп.

Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ (всѣ экземпляры съ пропускомъ страницъ для отмѣтокъ):

I—II: Программы для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ 1900 г. (II + 145 стран.). Цѣна 30 коп. — III. Программа для собиранія особенностей говоровъ *бѣлорусскаго нарѣчія*, составлен. по поруч. Отдѣленія русск. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ проф. И. Варш. унив. Е. Ѳ. Карскимъ. 1897 г. (59 стран.). Цѣна 25 коп.

Означенныя изданія Отдѣленія русск. яз. и словесн. продаются въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ, а также у слѣдующихъ ей комиссіонеровъ: В. И. Глазунова, К. Д. Риккера и М. Эггерса и Коми. въ Санктпетер-

бургѣ, **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Н. Ким-меля** въ Ригѣ; у **Фосса (Г. Гесселя)** въ Лейпцигѣ.

Лица, покупающія книги въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ [въ зданіи Академіи, по Таможенному переулку] на наличныя деньги, пользуются [независимо отъ количества покупаемыхъ книгъ и ихъ цѣны] уступкою 25% съ цѣнъ, назначенныхъ въ семь спискѣ; иногородные же адресуютъ свои требованія туда же и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги почтою безъ платежа вѣсовыхъ.

BINDING SECT. SEP 27 1967

PG
2013
A65
t.73

Akademiia nauk SSSR. Otde-
lenie russkogo iazyka i slo-
vesnosti
Sbornik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
